STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS

А. В. Майоров

РУСЬ, ВИЗАНТИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

УДК 93/99
ББК 63.3(2)43
М 14

Рецензенты:
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор
И.П. Медведев
(Санкт-Петербургский институт истории РАН);
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор
М.Б. Пиотровский
(Государственный Эрмитаж)

Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. — СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. — 800 с., ил. (STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS. Вып. 1).

ISBN 978-5-86007-650-1
ISSN 220-5489 = Studiorum slavicorum orbis

В монографии рассматривается широкий круг вопросов, связанных с историей внешнеполитических и культурных связей Руси, Византии и Западной Европы конца XII — первой половины XIII вв. Анализируются контакты русских князей с германским королем Филиппом Швабским и императором Фридрихом II, византийским императором Алексеем III и правителями Никеи, римскими папами Иннокентием III и Иннокентием IV, австрийским герцогом Фридрихом Воинственным, венгерскими королями и польскими князьями. Значительное внимание уделяется родственным связям галицко-волынских князей, в частности, браку Романа Мстиславича с дочерью византийского императора Исаака II Евфросинией-Анной, влиянием которой объясняется необычный именослов Романовичей, появление высокочтимых христианских реликвий, использование царского титула и других атрибутов власти василевса, специфическая строительная и учредительная деятельность.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

По вопросу разрешения и приобретения неисключительного права обращаться в редакцию издательства по e-mail: redaktor@dbulanin.ru

ISBN 978-5-86007-650-1
ISSN 220-5489 = Studiorum slavicorum orbis

© Майоров А.В., 2011
© Бакланова А. П., 2011 – обложка
© «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011

Оглавление

Введение 11

Часть первая. **«КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЕКТ» РОМАНА МСТИСЛАВИЧА: происхождение и верификация**

Глава первая. Проект «доброго порядка» Романа Мстиславича в сообщении «Истории Российской» В. Н. Татищева 19

Основные положения концепции «доброго порядка» (с. 19). — Характер идей Романа и возможный источник сведений о его проекте (с. 20). — Новейшая дискуссия о достоверности Романова проекта (с. 23).

Глава вторая. Политические и дипломатические отношения древнерусских князей: проект Романа в свете летописных известий XII–начала XIII вв 27

Бюрократические процедуры XVIII в. или древнерусская дипломатическая практика? (с. 27). — Реформаторские планы в отношении наследования киевского стола конца XII в. (с. 29). — Предложение Романа и концепция «коллективного сюзеренитета» Рюриковичей над Русью (с. 30). — «Великие» и «старейшие»князья, участники борьбы за Киев, защитники «Русской земли» и члены коллегии выборщиков киевского великого князя (с. 33). — Письменные послания князей в традициях древнерусского посольского обычая (с. 36).

Глава третья. Политико-географические взгляды В. Н. Татищева и мнимые реалии древнерусской эпохи 38

Формы государственной власти и политического объединения древнерусских земель в реформаторских планах Романа (с. 38). — Историческая карта Руси XII–XIII вв.: волости-земли или семейные владения князей (с. 41). — Влияние архаических представлений о княжеской власти (с. 47). — Границы«Русской земли» в проекте Романа и в представлениях Татищева (с. 48).

Глава четвертая. Текстологический анализ известий В. Н. Татищева о проекте Романа Мстиславича 51

Отличия текстов первой и второй редакций (с. 51). — Известие о повторном вокняжении в Киеве Игоря Ярославича, его происхождение и соотношение с основным сообщением о проекте Романа (с. 55). — Сокращение числа юридических казусов и изменение общих принципов наследования княжеской власти во второй редакции (с. 57).

Глава пятая. Об атрибуции княжеского стола Всеволода Большое Гнездо: данные летописей и их использование в «Истории Российской» 60

Колебания Татищева в определении места пребывания великого князя Всеволода Юрьевича (с. 60). — Влияние Никоновского свода и южнорусского летописания на атрибуцию великокняжеского стола (с. 64). — Источники сведений второй редакции о пребывании Всеволода в Суздале (с. 67).

Глава шестая. Память о Романе в Новгороде в устной традиции, произведениях литературы и искусства 73

Новгородское происхождение известий о проекте «доброго порядка» (с. 73). — О связях Романа Мстиславича с Новгородом (с. 75). — Знаменский культ в Новгороде и Сказание о битве новгородцев с суздальцами (с. 77). — Образ

Романа Мстиславича в новгородской иконописи (с. 80). — Почитание святителя Иоанна Новгородского и историческая память о событиях 1170 г. (с. 82).

Глава седьмая. Еропкин или Хрущев: кто предоставил сведения о проекте Романа? . . 85

Источник сведений о проекте Романа первой и второй редакций (с. 85). — Время возникновения текста проекта и другие «улики» против Татищева (с. 87). — Утрата и новое обретение Татищевым летописных материалов, предоставленных Хрущевым (с. 89).

Глава восьмая. О работе В. Н. Татищева над текстом проекта Романа Мстиславича (к изучению Академической рукописи второй части «Истории Российской») 92

Предположение о позднем происхождении сообщения о проекте Романа и результаты кодикологического анализа Академической рукописи (с. 92). — Данные количественного измерения объемов текста заново переписанных листов, содержащих сообщение о проекте 1203 г. (с. 95). — Ресурсы дополнительной вместимости переписанных листов в соотношении с размером вставки о Романе и предполагаемый текст сообщения, ей предшествовавшего (с. 98).

***Часть вторая.* КОНТАКТЫ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА С МОНАРХАМИ ЕВРОПЫ И РИМОМ**

Глава девятая. Проект «доброго порядка» в сзете внешнеполитических связей Романа Мстиславича 111

Идея избрания великого князя Романова проекта и институт выборов короля в Германии (с. 111). — Проект Вельфов 1198 г. и предложения Романа о порядке избрания верховного правителя (с. 113). — Известия о возможном участии Романа в политической борьбе в Германии: пожертвование монастырю Св. Петра (с. 118). — Личные и политические мотивы княжеских пожертвований (с. 122).

Глава десятая. Германия во внешней политике Романа Мстиславича 126

Сообщения Хроники Альбрика (с. 126). — Начало контактов со Штауфенами и их союзниками (с. 130). — Отношения с ландграфом Тюрингии Германом (с. 132). — Хроника Альбрика о внешнеполитических связях Штауфенов (с. 135). — Приемы верификации известия Альбрика о саксонском походе Романа (с. 137). — Древнерусские, польские и немецкие источники о дате битвы под Завихостом: причины расхождений (с. 139).

Глава одиннадцатая. Последний поход Романа: противоречия источников 141

Борьба за власть в Священной империи (с. 141). — Отношения с польскими князьями (с. 142). — Роль ордена цистерцианцев (с. 146). — Малопольские цистерцианцы и их миссионерская деятельность (с. 149). — О возможных личных контактах Романа с цистерцианцами (с. 152). — Ошибочность версии Длугоша относительно причин похода 1205 г. (с. 157). — Проект «доброго порядка» и сведения Татищева о внешней политике Романа Мстиславича (с. 159).

Глава двенадцатая. Рассказ о посольстве римского папы к Роману Мстиславичу: происхождение и атрибуция 163

Рассказ о папском посольстве в оценках исследователей (с. 163). — Ошибки в его атрибуции (с. 166). — Сравнение текстов первой и второй редакций (с. 168). — Особенности лексики и стилистики (с. 170). — Термин *проторь* в восприятии новейших критиков Татищева (с. 171). — Несостоятельность предположения об имитации Татищевым летописных известий с помощью «необычных» слов (с. 175). — Совпадение грамматических форм термина *проторь* в «Истории Российской»и новгородских письменных памятниках (с. 177).

Глава тринадцатая. Посольство папы к галицко-волынскому князю в контексте восточной политики Иннокентия III 180

Критерии верификации известия о папском посольстве (с. 180). — Политика римской курии в отношении Галичины в первые десятилетия XIII в. (с. 182). — Приоритеты восточной политики Иннокентия III (с. 185). — О причинах разрыва с Римом Романа Мстиславича и его вражде к «латинству» (с. 187).

Часть третья. **ВИЗАНТИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ**

Глава четырнадцатая. Ангел в Галиче: мог ли византийский император Алексей III посещать Романа Мстиславича? 193

Известия Яна Длугоша и Густынской летописи в трудах историков (с. 193). — Сообщение Бартоломео дель Фиадони (Птолемея из Лукки) (с. 196). — Галицко-Волынская Русь или малоазийская Галатия: первые случаи упоминания о Галиции в западноевропейских источниках (с. 198). — Об имени и личности императора Аскария (с. 202). — Херсонес Фракийский или Херсонес Таврический? (с. 207).

Глава пятнадцатая. Византия, Болгария и Галицко-Волынская Русь в политических взаимоотношениях второй половины XII–начала XIII вв. 210

Император Алексей III в изгнании (с. 210). — Его пребывание в Болгарии и переговоры с царем Калояном (с. 213). — Роль Галича в поддержке претендентов на византийский и болгарский престолы и союз Романа Мстиславича с Алексеем III (с. 215). — Источник сведений Густынской летописи о бегстве Алексея Ангела в Галич (с. 218).

Глава шестнадцатая. Главный военный союзник Византийской империи в начале XIII в. 221

Обострение политической обстановки на Балканах: восстание болгар и набеги половцев (с. 221). — Известия Никиты Хониата о военной помощи империи со стороны Романа Мстиславича (с. 225). — Датировка рассказа Никиты Хониата о походе галицкого князя на половцев (с. 226). — Русские источники о времени половецкого похода Романа (с. 232).

Глава семнадцатая. Византийские источники о роли галицко-волынского князя в борьбе с врагами империи 236

Сообщение Феодора Скутариота (с. 236). — Поэтическое свидетельство Ефрема Энийского (с. 238). — Γαλίτζης ἡγεμών — военный союзник и родственник императора (с. 241). — «Ветвь тавроскифов» из «Вордоны»: о роли русского населения низовьев Днестра и Дуная в византийской политике галицких князей (с. 246).

Глава восемнадцатая. Летописные данные о втором походе русских князей на половцев 250

Хронология второго похода на половцев в русских летописях и трудах современных исследователей (с. 250). — Состав летописных известий о походе на половцев (с. 253). — Леониды 18 октября 1202 г. и явление четырех солнц (с. 257). — Первоначальная композиция летописной статьи о походе на половцев и ее последующая перегруппировка (с. 261).

Глава девятнадцатая. Взаимоотношения Руси, Византии и Болгарии и происхождение известий о проекте «доброго порядка» 264

Южнорусские известия 1203 г. в Новгородской Первой летописи (с. 264). — Известия Длугоша и новгородский след Романова проекта (с. 267). — Роль летописца Симона в освещении событий 1203 г. во владимирском летописании (с. 271). — Реликвии Димитрия Солунского и контакты Всеволода Большое Гнездо с предводителями болгарского восстания (с. 275). — Нападения половцев на Византию и походы в Степь Всеволода и Романа(с. 279). — Военно-политический союз и родство галицких князей с византийскими императорами в XII в. (с. 282).

Часть четвертая. **«ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ РОМАНОВАЯ»: дочь византийского императора — жена галицко-волынского князя**

Глава двадцатая. К спорам о втором браке Романа Мстиславича 287

Византийское происхождение новой жены Романа (с. 287). — Династические браки как средство внешней политики империи (с. 289). — Предположение о женитьбе Романа на представительнице рода Каматиров (с. 292). — Могла ли быть «великая княгиня Романова» дочерью Исаака II от брака с Маргаритой Венгерской? (с. 295).

Глава двадцать первая. Старшая дочь императора Исаака II и ее монашеский постриг 298

Сведения Никиты Хониата о старшей дочери Исаака II (с. 298). — Иоанницкий дом — резиденция византийской царевны-монахини (с. 300). — Монашеский постриг в политической практике Византии (с. 302). — Сведения о происхождении первой жены императора Исаака (с. 304).

Глава двадцать вторая. Дочь византийского императора в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня 306

Башня в Столпье: итоги новейших исследований (с. 306). — Сведения синодика Шпейерского собора о греческих родственниках германской королевы Марии и ее сестре Евфросинии (с. 310). — Известие Галицко-Волынской летописи об обстоятельствах убийства «римского царя» Филиппа (с. 315).

Глава двадцать третья. Евфросиния, Мария или Анна? О светском и монашеском именах второй жены Романа Мстиславича 318

Имя Евфросиния у дочерей и внучек Романа Мстиславича (с. 318). — Отражение культа св. Евфросинии в традиции имянаречения древнерусских князей (с. 322). — Культ св. Евфросинии Александрийской и византийская монахиня-императрица Евфросиния (с. 326). — Светское и монашеское имена галицко-волынской княгини «Романовой» (с. 330).

Глава двадцать четвертая. Печать Евфросинии из Новгорода: нерешенные вопросы атрибуции 336

Печать Евфросинии и ее атрибуция В. Л. Яниным (с. 336). — Могла ли быть Евфросиния Полоцкая основательницей Спасо-Преображенского монастыря? (с. 340). — Исторические и эпиграфические данные в атрибуции печати Евфросинии (с. 346).

Глава двадцать пятая. Княгиня-монахиня Евфросиния и культ Преображения в Галицко-Волынской Руси 352

Эволюция эстетики и иконографии Преображения (с. 352). — Изображение апостолов как датирующий признак (с. 355). — Евфросиния Галицкая и культ Преображения в памятниках Холмской земли (с. 360). — Спасо-Преображенские монастыри XIII в. в Галичине и на Волыни (с. 362). — Древние иконы Преображения Христова из Галицкой земли (с. 368). — Контакты Евфросинии Галицкой с Новгородом (с. 370).

Глава двадцать шестая. Евфросиния Галицкая и Анна Далассина: образы правительницы-монахини в сфрагистике, произведениях литературы и искусства 373

Сцена Преображения на византийских печатях (с. 373). — Тема Преображения в византийском искусстве времен Анны Далассины (с. 376). — Образы правительницы-монахини в Галицко-Волынской летописи и «Алексиаде»Анны Комнины (с. 379). — Церковь Иоакима и Анны во Владимире-Волынском и монашеское имя «великой княгини Романовой» (с. 381). — Галицкая икона «Собор Иоакима и Анны»: происхождение и атрибуция (с. 383). — Почитание Анны Далассины у Комнинов и Ангелов (с. 389).

Глава двадцать седьмая. Галич, Чернигов, Суздаль и Белоозеро: династические связи галицко-волынских князей и их отражение в памятниках материальной культуры .392

Иконографические особенности Успения и Богородицы Одигитрии из Галича и Владимиро-Суздальской Руси (с. 392). — Белоозерская печать с изображениями Успения и св. Анны: возможные датировка и принадлежность (с. 395). — Потомки Евфросинии-Анны Галицкой в Суздале, Ростове и Белоозере (с. 398). — О возможной принадлежности группы древнерусских печатей Янин, Гайдуков. № 343–2, 343а, б (с. 404).

***Часть пятая.* ВИЗАНТИЯ И ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК В ПОЛИТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ, РЕЛИКВИЯХ И ИМЕНОСЛОВЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ**

Глава двадцать восьмая. Крест императора Мануила 411

Крест-реликварий собора Парижской Богоматери (с. 411). — Пребывание реликвии в королевской казне Речи Посполитой (с. 414). — Вопрос об идентификации Κομνηνός Μανουήλστεφηφόρος (с. 417). — О возможных путях передачи императорской реликвии в Галич (с. 421). — Реликвии Животворящего Креста в средневековой Руси (с. 424). — Кресты-реликварии Волынской земли (с. 429).

Глава двадцать девятая. Евангелие Евфросинии Галицкой 432

Иллюстрированное Евангелие Апракос Государственной Третьяковской галереи: вопросы атрибуции и датировки (с. 432). — Данные стилистического анализа миниатюр о византийском и немецком художественном влиянии (с. 434). — Влияние стиля мастеров книжной миниатюры Южной Германии конца XII–начала XIII вв. в свете родственных связей Евфросинии Галицкой (с. 437). — Месяцеслов Евангелия Евфросинии Галицкой (с. 439).

Глава тридцатая. Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей 443

Почитание Даниила Столпника в семье великих князей Московских (с. 443). — Данилов монастырь в Угровске: свидетельства письменных источников и новые археологические данные (с. 446). — Холмские башни-столпы XIII в. и их предназначение (с. 450). — Следы почитания Даниила Столпника и покровительства столпничеству потомками Даниила Романовича (с. 454). — Родственные связи галицко-волынских и московских князей и их общий патрональный святой в памятниках сфрагистики (с. 459). — К уточнению даты рождения Даниила Галицкого (с. 463).

Глава тридцать первая. «Византийский именослов» галицко-волынских князей 469

Увлечение столпничеством византийского императора Исаака II (с. 469). — Агиографическая традиция о свв. Даниле Столпнике и Льве Великом Царе (с. 471). — Эволюция византийского столпничества и усиление интереса к св. Даниилу Столпнику на рубеже XII–XIII вв. (с. 473). — Роль «великой княгини Романовой» в распространении культов греческих стилитов и атрибутов столпничества на Руси (с. 476).

Глава тридцать вторая. «Первенець бо бе оу него Ираклеи...»: о происхождении и символике имени князя Ираклия Даниловича 478

Подвиг императора Ираклия и отношение к нему на христианском Востоке (с. 478). — Эпоха Крестовых походов и почитание императора Ираклия на латинском Западе (с. 481). — Праздник Воздвижения Креста и отношение к Ираклию в Византии (с. 486). — Византийское влияние на латинском Востоке и иерусалимский патриарх Ираклий (с. 489). — О возможных путях появления имени Ираклий в именослове галицко-волынских князей (с. 492).

Глава тридцать третья. «...А Мьстиславу дасть волость О(т)скалана». Мог ли русский князь быть наместником императора Мануила в Святой Земле? 496

Свидетельство Ипатьевской летописи в оценке исследователей (с. 496). — Внешняя политика Иерусалимского королевства в 50–60-е гг. XII в.: союз с Византией и планы по разделу Египта (с. 498). — Следы византийского присутствия в Аскалоне и на палестинском побережье Южной Кесарии во второй половине XII в. (с. 502). — Русско-палестинские связи в памятниках истории и культуры (с. 507).

Часть шестая. **АТРИБУТЫ И СИМВОЛЫ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ В XIII в.**

Глава тридцать четвертая. Холмский монумент и территориальные символы Галичины и Волыни 513

Как выглядел каменный «столп» у въезда в город Холм (с. 513). — Орел в литературных памятниках и территориальной символике Галицко-Волынской Руси (с. 518). — Свидетельства хроники Ульриха фон Рихенталя (с. 519). — Данные немецких и польских источников XVI–XVIII вв. (с. 522). — Печать Луцкого повета 1589 г. (с. 525).

Глава тридцать пятая. Византийский орел на гербе Галицко-Волынской Руси . . . 528

Образ орла в памятниках древнерусского искусства (с. 528). — Двуглавый орел как символ власти в Византии и герб Палеологов (с. 531). — Цвета и силуэт орла в изображениях и описаниях гербов Червонной Руси и Перемышльской земли (с. 535). — Наиболее ранние изображения орла на территории Галицко-Волынской Руси (с. 537).

Глава тридцать шестая. О заимствовании византийских символов власти правителями Балкан и Руси 540

Двуглавый орел в инсигниях византийских сановников высших рангов (с. 540). — Практика пожалования придворных титулов на рубеже XII–XIII вв. (с. 541). — Высшие придворные титулы правителей балканских стран и их отражение в памятниках искусства (с. 542). — Браки с византийскими принцессами и придворные титулы русских князей (с. 545).

Глава тридцать седьмая. Царские атрибуты галицко-волынских князей 549

Атрибуты царского достоинства наследников Романа Мстиславича (с. 549). — «Греческий оловир» в парадном костюме Даниила Романовича (с. 552). — Атрибуты и символы царской власти галицко-волынских князей: византийские заимствования и параллели (с. 557). — Роман Мстиславич и Александр Македонский (с. 561). — «Апофеоз» Романа Мстиславича (с. 566).

Глава тридцать восьмая. Царский титул Романа Мстиславича и его потомков 571

Титулы *царь* и *самодержец* в Древней Руси и их эволюция в XIII в. (с. 571) — Царский титул и его производные в памятниках письменности Галицко-Волынской Руси (с. 574). — Царский титул Романа и его потомков: эволюция смысла (с. 578). — О возможных источниках заимствования и значении царского титула Романа (с. 582).

Глава тридцать девятая. Черты византийского правителя в образе и политической деятельности Романа Мстиславича 587

Представления о власти византийского императора и практика расширения властных полномочий галицко-волынского князя (с. 587). — Претензии на инвеституру епископов (с. 591). — Приемы политической борьбы Романа Мстиславича (с. 595). — Влияние византийской практики и правовых норм в семейной жизни князя: расторжение брака с Предславой Рюриковной (с. 597). — «Крамолы» «безбожных» галицких бояр и византийская доктрина божественного происхождения царской власти (с. 600). — Царские добродетели Даниила Романовича (с. 603).

Глава сороковая. Христианские реликвии и царская идентичность: сакрализация власти князя 608

Политическое значение христианских реликвий в Византии (с. 608). — Разграбление реликвий Константинополя и идея *translatio imperii* в начале XIII в. (с. 612). — Случаи приобретения реликвий Честного Креста в домонгольской Руси (с. 615). — Честной Крест и другие христианские реликвии в Галицко-Волынской Руси в XII–XIII вв. (с. 619). — Чудотворные иконы (с. 621) — Перенесение мощей и культ св. Онуфрия Великого (с. 625).

Часть седьмая. **МЕЖДУ РИМОМ И НИКЕЕЙ: русские князья и экуменические процессы середины XIII в.**

Глава сорок первая. Русь, Византия и Западная Европа в «Повести о взятии Царьграда фрягами» 635

Добрыня Ядрейкович как наиболее вероятный автор повести (с. 635). — «Ибеллинская» точка зрения на события 1204 г. (с. 637). — Добрыня-Антоний и Роман Мстиславич (с. 638). — Зальцбургский архиепископ Конрад фон Крозиг (с. 640).

Глава сорок вторая. Византийское наследие во внешней политике русских князей середины XIII в 644

Сведения русских и западноевропейских источников о попытке Романа Даниловича овладеть престолом австрийских герцогов (с. 644). — Главные претенденты на австрийский престол и их родство с Бабенбергами (с. 647). —Евфросиния Галицкая и австрийская герцогиня Феодора (с. 650).

Глава сорок третья. Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный 654

Австрийский узел внешней политики галицко-волынских князей (с. 654). — Послы короля Руси и венский купец Генрих Бревно (с. 656). — Даниил Романович, герцог Фридрих Воинственный и император Фридрих II (с. 660). — Прессбургский демарш Даниила Галицкого (с. 663). — Роль Даниила в судьбе последнего Бабенберга (с. 666). — Граф Генрих фон Хассбах и галицко-волынские князья (с. 671).

Глава сорок четвертая. Борьба за «австрийское наследство» и коронация Даниила Галицкого 674

Поход русско-польских войск в Моравию и его неудача (с. 674). — Антирусская позиция Иннокентия IV в споре за «австрийское наследство» (с. 677). — Высокая честь или вынужденная уступка: нежелание Даниила принимать корону от папы (с. 681). — Политические условия сближения Романовичей с Римом (с. 685). — Зальцбургский архиепископ Филипп фон Шпангайм на переговорах в Прессбурге (с. 689).

Глава сорок пятая. Коронация Даниила Галицкого: Никея и Рим во внешней политике галицко-волынских князей 694

«...И оубеди его мати его»: о роли Евфросинии Галицкой в коронации Даниила (с. 694). — Экуменические процессы середины XIII в. и борьба никейских правителей за возвращение Константинополя (с. 696). — Мария Венгерская и Евфросиния Галицкая в налаживании контактов между Никеей и Римом (с. 701). — Никейский и германский императоры во внешней политике Даниила Галицкого (с. 703).

Заключение 709

Приложение. Известие Николо да Кальви о коронации Даниила Галицкого 725

Список сокращений 731

Перечень иллюстраций 734

Указатель имен 745

Summary 787

Zusammenfassung 793

Введение

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена взаимоотношениям Руси с Византией, а также странами Западной Европы и Римом в конце XII–середине XIII вв. Ключевыми событиями этой эпохи стали падение Константинополя, Второго Рима, захваченного крестоносцами в апреле 1204 г., и последовавшая затем упорная борьба греков за возвращение своей столицы. Небывалая прежде катастрофа Византийской империи вызвала значительные изменения в расстановке основных политических сил на международной арене, привела к разрыву традиционных внешнеполитических и культурных связей.

Отмеченные процессы, носившие для своего времени глобальный характер, разумеется, не могли обойти стороной Древнюю Русь. Их влияние затронуло многие сферы не только внешней, но и внутренней политики, отношений между князьями, положения и роли церкви.

Большое внимание в книге уделяется Галицко-Волынской Руси. На протяжении многих столетий этот регион постоянно испытывал значительное влияние со стороны своих европейских соседей и Византии, а правители Галичины и Волыни стремились играть активную роль в международных делах.

Главными героями нашей книги стали галицко-волынские князья Роман Мстиславич и его сын Даниил, а также «великая княгиня Романовая» Евфросиния-Анна. Выбор этот вполне закономерен, поскольку именно правители Галичины и Волыни в рассматриваемое время становятся основными фигурами русско-византийских отношений, а также участниками важнейших исторических событий, связанных с Четвертым Крестовым походом, борьбой за власть в Священной империи, противостоянием императора с римским папой и экуменическими процессами середины XIII в.

Мы старались сосредоточить внимание прежде всего на тех фактах внутренней и внешней политики галицко-волынских князей, которые вызывали и вызывают наибольшие сомнения и споры у исследователей и от изучения которых напрямую зависит общая оценка результатов политической деятельности этих правителей.

Речь идет, в частности, о предложенном Романом Мстиславичем проекте «доброго порядка», имевшем целью изменить всю существующую на Руси систему взаимоотношений между князьями и очень напоминавшем практику избрания короля и императора, применявшуюся в Священной Римской империи. Сведения об этом проекте содержатся только в «Истории Российской» В. Н. Татищева и не имеют никаких параллелей в древнерусских источниках.

В исторических исследованиях в целом дается высокая оценка политической деятельности Романа и его незаурядной личности (хотя этот князь традиционно остается как бы в тени своего более знаменитого сына — князя и короля Даниила Галицкого). Отмечаются, в частности, энергия и сила характера Романа, его многогранная и результативная деятельность, широкие и активные контакты с русскими князьями и половецкими ханами, польским и венгерским государями, германским и византийским императорами.[1] По словам Н. Ф. Котляра, «исполненная неожиданных изменений судьба Романа, ставившая его в положение то изгнанника, то победителя и завоевателя» придавала князю «черты одного из тех исторических персонажей, которые логически оказываются в фокусе внимания поэтической памяти народа, выражавшейся в форме былин, песен, легенд и преданий».[2]

Действительно, Роман Мстиславич — один из излюбленных персонажей устного народного творчества. Память о нем на протяжении многих веков сохранялась не только на Юге, но и на Севере Руси, а также в Польше и Литве, ее можно сравнить разве что с памятью о Владимире Красно Солнышко или Владимире Мономахе. Это обстоятельство питало еще больший интерес исследователей к личности Романа, заставляя выделять его среди множества прочих князей Древней Руси.[3]

Однако в последнее время наметилась новая тенденция в исторической оценке князя Романа, идущая вразрез со сложившимися представлениями. Тон задают высказывания А. П. Толочко, сделанные по поводу некоторых «татищевских известий», относящихся к истории внутренней и внешней политики галицко-волынского князя. В первую очередь это касается помещенного в «Истории Российской» под 1203 г. сообщения о предложенном Романом проекте «доброго порядка», одним из положений которого была идея избрания киевского великого князя голосами шести старейших князей Руси.

> Вероятно, не будь татищевской «Истории», — замечает А. П. Толочко, — Роман Мстиславич фигурировал бы в современной историографии как любопытный персонаж, многолетний возмутитель спокойствия в Южной Руси, внесший свою лепту в общее падение авторитета Киева и киевского князя <...> Татищев же привел

---

[1] Наиболее полный общий обзор отечественной и зарубежной литературы XVIII–XX вв., посвященной Роману Мстиславичу см.: *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII–початку XIII століття. Київ, 2001. С. 16–38. В книге также даются обзоры мнений исследователей по многим частным вопросам, относящимся ко внутри- и внешнеполитической деятельности Романа.

[2] *Котляр Н. Ф.* Даниил, князь Галицкий: документальное повествование. СПб.; Киев, 2008. С. 48.

[3] *Жданов И. Н.* Песни о князе Романе // *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос: исслед. и мат-лы. СПб., 1895; *Грушевський М. С.* Історія української літератури. Т. III. Київ, 1993. С. 198–200, 228; Т. IV, кн. 1. Київ, 1994. С. 61, 122–126; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 152–153.

несколько текстов, из которых следовало, что Роман был государственным деятелем, мудрым реформатором, незаурядным дипломатом.[4]

Если исключить из научного оборота упомянутые татищевские тексты, то, как утверждает новейший исследователь, Роман едва ли смог бы заслужить ту высокую репутацию, которой он пользуется в историографии. Этот князь — «по преимуществу скандалист и склочник», «князь второго плана», «проживший жизнь бездарно и окончивший ее по недоразумению, погибнув в случайном столкновении».[5]

Подобные оценки представляются нам слишком поспешными. Хочется спросить сурового новейшего критика: а как же быть с той действительно высокой репутацией, которой пользовался Роман уже у своих современников — русских и польских летописцев XIII в., — репутацией, которая никак не могла зависеть от текстов Татищева или мнений новейших историков? Нельзя забывать, что древнерусские летописцы видели в Романе Мстиславиче великого князя, самодержца и даже царя.[6] «Великим князем» называет его новгородский паломник и писатель начала XIII в. Добрыня Ядрейкович, ставший впоследствии архиепископом Антонием.[7] Вовсе не питавший к Роману добрых чувств польский хронист Винцентий Кадлубек, также бывший его современником, признавал, что галицко-волынский князь «в короткое время вознесся так высоко, что стал полновластно управлять почти всеми русскими землями и князьями».[8]

Тем не менее обличительный пафос высказываний А. П. Толочко по поводу «татищевских известий» о Романе Мстиславиче, по-видимому, произвел сильное впечатление на некоторых современных исследователей, пересмотревших свои прежние взгляды в отношении этих известий.

К примеру, можно указать на эволюцию взглядов Н. Ф. Котляра. В недавнем прошлом историк убежденно доказывал вероятность сообщения «Истории Российской» о проекте «доброго порядка», полагая, что источником его была начальная часть Галицко-Волынской летописи за первые пять лет XIII в., содержавшая жизнеописание Романа Мстиславича, не сохранившееся до нашего времени.[9] В дальнейшем Котляр отказался от своих слов, посетовав, что испытывал в свое время сильное влияние идей Б. А. Рыбакова и потому не мог быть объективным в отношении оценки татищевского известия о проекте Романа.

«Вслед за Б. А. Рыбаковым и другими учеными автор этих строк признал документ (проект «доброго порядка». — *А. М.)* заслуживающим доверия, — пишет

[4] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 327–328.

[5] Там же. С. 324.

[6] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 715, 808.

[7] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. Стб. 88–89.

[8] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 112.

[9] *Котляр М. Ф.* 1) Данило Галицький. Київ, 1979. С. 20; 2) Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 119–121.

Н. Ф. Котляр. — Однако недавно А. П. Толочко подверг его источниковедческому анализу и сопоставил с политическими идеями 20-х–30-х годов XVIII в., которые вызревали среди передовых кругов дворянства Российской империи. Историк признал его произведением, вероятнее всего, самого Татищева, политическим памфлетом, направленным на пропаганду ограничения самодержавия в России. Его аргументы представляются вероятными».[10]

На этом перемены во взглядах Н. Ф. Котляра не закончились. Через некоторое время историк стал склоняться к своим прежним выводам, полагая, что все-таки «не исключена возможность заимствования» Татищевым Романова проекта из «утраченной начальной части Галицко-Волынской летописи за первые пять лет XIII в.».[11] В последней своей работе, содержащей биографический очерк о Романе, Котляр вообще не упоминает о проекте 1203 г.[12]

Не менее значительным колебаниям подвержены взгляды Котляра и по поводу известия Татищева о посольстве к Роману римского папы, помещенного в «Истории Российской» под 1204 г. В одной из недавних своих работ историк характеризует его как «интересный рассказ», который, «возможно, происходит из какого-то древнего, современного галицко-волынскому князю источника».[13] В новом издании той же работы Котляр преподносит рассказ о папском посольстве в Галич лишь как «забавную историю», происходящую из «легендарного источника». «Некоторые историки считали этот рассказ Татищева заслуживающим доверия, — продолжает Котляр. — Однако, как мне кажется, эта история — не что иное, как реминисценция позднейших переговоров между сыном Романа Даниилом и папским престолом».[14]

Очевидно, в своей переоценке известия о переговорах Романа с папой, как и в случае с сообщением о проекте «доброго порядка», Н. Ф. Котляр поддался влиянию умозаключений А. П. Толочко, доказывающего, что это известие будто бы было придумано самим Татищевым и не имеет к Роману Мстиславичу никакого отношения.[15] Впрочем, взгляды Толочко по данному вопросу не отличаются последовательностью: еще недавно он воспринимал известие о папском посольстве в Галич как отображающее достоверный исторический факт.[16]

Столь же неоднозначно обстоит дело с изучением вопроса о причинах и обстоятельствах последнего похода Романа Мстиславича, закончившегося его гибелью летом 1205 г. у польского города Завихоста. Древнерусские, польские и западноевропейские источники содержат весьма противоречивые сведения

[10] *Котляр М. Ф.* Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998 (Україна крізь віки. Т. 5). С. 158.

[11] *Котляр М. Ф.* Данило Галицький. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 52.

[12] *Котляр Н. Ф.* Даниил, князь Галицкий.

[13] *Котляр М. Ф.* Данило Галицький. Біографічний нарис. С. 52.

[14] *Котляр Н. Ф.* Даниил, князь Галицкий. С. 46.

[15] *Толочко А. П.* 1) Принимал ли Роман Мстиславович посольство папы Иннокентия III в 1204 г.? // Ruthenica. Т. II. Київ, 2003; 2) «История Российская» Василия Татищева... С. 469–477.

[16] *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. Київ, 1998 (Україна крізь віки. Т. 4). С. 258.

на этот счет, что обусловило наличие множества разноречивых и порой взаимоисключающих предположений у исследователей.

Часть современных историков на основании сообщения Хроники Альбрика из монастыря Трех Источников (Шамгань, Франция) склоняется к мысли о том, что поход Романа в действительности был направлен в Саксонию и что галицко-волынский князь тем самым намеревался принять участие в борьбе за верховную власть в Священной империи между Вельфами и Штауфенами. Другие исследователи сомневаются в достоверности подобных сведений и отдают предпочтение сообщениям древнерусских и польских источников, в особенности «Истории» Яна Длугоша, объясняя события 1205 г. исключительно в контексте польско-русских отношений.[17]

Особого упоминания заслуживают известия Длугоша и Густынской летописи о бегстве в Галицкую землю к Роману Мстиславичу византийского императора Алексея III из осажденного крестоносцами Константинополя. Эти известия еще не получили всестороннего научного изучения. Аргументы Н. Ф. Котляра и И. Грали, доказывающих, что подобного факта в действительности не могло быть,[18] на наш взгляд, требуют пересмотра.

Также требует более тщательного изучения вопрос о русско-византийском военно-политическом союзе конца XII–начала XIII вв., скрепленном династическим браком между галицко-волынским князем и одной из родственниц василевса. Идентификация «византийской» супруги Романа Мстиславича, оставившей заметный след в истории Руси, представляет, на наш взгляд, важную исследовательскую задачу, решению которой посвящен один из разделов настоящей работы.

«Византийское» наследие Романа Мстиславича и «великой княгини Романовой» находит яркое выражение в политике, титулатуре, атрибутах власти и священных реликвиях галицко-волынских князей, в их совершенно не типичном для Рюриковичей именослове, а также в обширной строительной и учредительной деятельности.

Родственные связи Евфросинии Галицкой предопределили возникновение нового направления внешней политики русских князей — австрийского. Родством с Бабенбергами по женской линии объясняются участие Романовичей в борьбе за «австрийское наследство» и, в частности, попытка Романа Даниловича овладеть австрийским престолом в 1252–1253 гг.

Высокое происхождение и родственные связи «великой княгини Романовой» обеспечили широкое международное признание ее сыновьям и внукам и обусловили их участие в важнейших делах мировой политики середины XIII в. Многие факты такого рода до настоящего времени остаются практически

---

[17] Обзор мнений по этому вопросу см.: *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. С. 171 и сл.; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 488–489.

[18] *Котляр М. Ф.* 1) До питання про втечу візантійського імператора в Галич у 1204 р. // УІЖ. 1966. № 3; 2) Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 89–97; *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu (Jan Długosz i kronikarz Hustyński) // KH. 1986. R. XCIII. № 3.

не изученными, как, например, отношения Даниила Галицкого с германским императором Фридрихом II и правителями Никейской империи, а также роль галицко-волынского князя в судьбе австрийского герцога Фридриха II Воинственного.

Без учета «византийского» фактора внешней политики Даниила Галицкого невозможно правильно определить значение его коронации в 1253 г., а также церковной унии с Римом, на которую согласился князь. Эти события явились частью более широких экуменических процессов, инициированных папой Иннокентием IV и никейским императором Иоанном III Ватацем. Сближение с Римом галицко-волынского князя в значительной мере было обусловлено задачами внешней политики Никеи по возвращению Константинополя и возрождению Византийской империи и прекратилось в связи с отказом никейского двора от курса на компромисс с Западом.

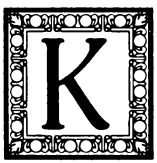
Таким образом, мы видим, что история взаимоотношений Руси, Византии и Западной Европы в конце XII–середине XIII вв. нуждается в дальнейшем изучении. Требуют определенного пересмотра вопросы, традиционно обсуждаемые в литературе, и, вместе с тем, должен быть поставлен ряд новых вопросов, не ставших еще предметом изучения историков.

«КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЕКТ» РОМАНА МСТИСЛАВИЧА: происхождение и верификация

Глава первая

ПРОЕКТ «ДОБРОГО ПОРЯДКА» РОМАНА МСТИСЛАВИЧА В СООБЩЕНИИ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА

Основные положения концепции «доброго порядка». — Характер идей Романа и возможный источник сведений о его проекте. — Новейшая дискуссия о достоверности Романова проекта



числу наиболее ярких «татищевских известий», без преувеличения, принадлежит так называемый конституционный проект галицко-волынского князя Романа Мстиславича, помещенный в «Истории Российской» под 1203 г.

Коротко суть Романова проекта, призванного установить в Русской земле новый «добрый порядок», состоит в следующем.

В очередной раз захватив Киев, Роман Мстиславич обратился к владимиро-суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу и другим русским князьям с предложением установить новый порядок наследования киевского стола, который должен был предотвратить угрозу дальнейших княжеских междоусобиц и вражеских нападений извне. Ссылаясь на опыт соседних государств, Роман предлагал избирать киевского великого князя коллегией из шести местных князей, куда входили бы владимирский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский князья. Согласие между этими старшими князьями Руси в отношении киевского стола и должно было обеспечить внутренний мир и единство перед внешними врагами.

Избранный общим решением киевский великий князь вместе с местными князьями должен был стать судьей, разрешавшим внутренние конфликты. В его обязанности входило также предоставлять военную помощь местным князьям, подвергшимся нападению внешнего врага. Укреплению единства Руси должна была способствовать и другая мера, предложенная Романом. Местным князьям впредь могли наследовать только их старшие сыновья, младшие же сыновья должны были находиться в подчинении у своих старших братьев.

Этот проект остался нереализованным. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо и другие князья, к которым обращался Роман, в силу разных причин не поддержали

его, отказавшись даже от обсуждения подобной инициативы как неприемлемой в принципе.

* * *

В целом приведенное известие В. Н. Татищева встречает вполне благосклонное отношение исследователей, воспринимавших его с доверием. Это известие вполне укладывается в общую канву событий политической истории южнорусских земель начала XIII в., связанных с соперничеством киевского князя Рюрика Ростиславича и его зятя, галицко-волынского князя Романа Мстиславича, и, кроме того, отражает более верную хронологию этих событий, восходящую к хронологии Воскресенской и Никоновской летописей.

Еще одной важной предпосылкой, определявшей доверие к татищевскому известию о князе Романе, стал не вызывающий сомнений факт тесных контактов этого князя с правителями соседних европейских государств, отразившийся не только в русских, но и в иностранных источниках. Роман предлагает избирать великого князя коллегией местных князей, указав на подобную практику «других добропорядочных государств». Как отмечал еще С. М. Соловьев, «находясь в непрестанных сношениях с пограничными иностранными государствами <...> Роман, необходимо подчиняясь влиянию того порядка вещей, который господствовал в ближайших западных странах, мог, по-видимому, явиться проводником этих понятий на Южной Руси...».[1]

Вполне закономерным представляется историкам и отказ князей поддержать проект Романа не только из опасения усиления этого амбициозного князя, но также и потому, что в своем большинстве русские князья не были готовы к тем радикальным политическим переменам, которые предлагал Роман, — в частности, к введению принципа майората. «В начале XIII в., — отмечал по этому поводу В. О. Ключевский, — наследственность княжений в нисходящей линии не была ни общим фактом, ни общепризнанным правилом», сама же идея майората, по мысли историка, «была, очевидно, навеяна Роману феодальной Европой».[2]

Звучали и более осторожные, иногда даже скептические высказывания по поводу рассматриваемого татищевского известия. К числу «сомнительных страниц в сочинении Татищева» наряду с большей частью «описаний лиц и характеров князей» отнес сообщение о предложениях Романа Н. А. Попов.[3] В позднем происхождении этого известия был уверен М. С. Грушевский: проект Романа, по его словам, «принадлежит, конечно XVIII, а не XIII в.».[4] По мнению Я. Беняка, «гипотеза Татищева

---

[1] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 2 // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. I. М., 1988. С. 562, 706, примеч. 370.

[2] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1 // *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 340–341.

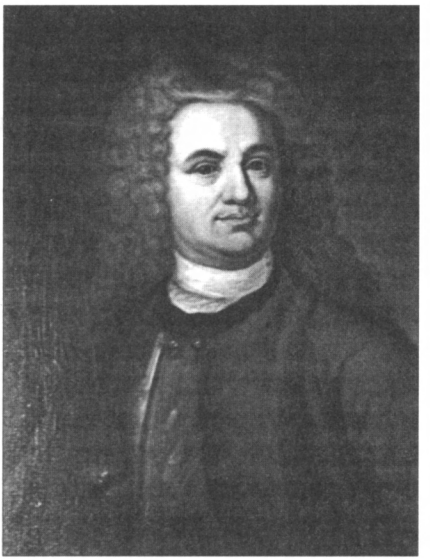
[3] *Попов Н. А.* В. Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 464.

[4] *Грушевський М. С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 267, примеч. 4. Впрочем, это свое утверждение историк ничем не аргументирует.

относительно проекта Романа в части того, что касается выборов и замещения киевского стола, не заслуживает доверия».[5]

Однако эти замечания не влияли на общий настрой историков. Опираясь на приведенные Татищевым известия, П. П. Толочко делает вывод о наличии у Романа «широкой политической программы», предлагаемой остальным князьям. В основе же содержащегося в «летописи В. Н. Татищева» известия о Романовом проекте, по мнению иссследователя, лежит, «несомненно (в другой работе — возможно. — *А. М.*), древнерусский источник».[6]

Признание известий Татищева о проекте Романе достоверными требовало более детальной разработки вопроса об их источнике. Вопрос этот поднимался Б. А. Рыбаковым, решавшим его не без некоторых колебаний. В одной из работ историк указывал на фольклорный характер предполагаемого источника: «…рассказ о программе “доброго порядка” входил в состав фольклора о Романе Храбром».[7] Затем, однако, пришел к заключению, что известие о проекте 1203 г. восходит к «одной из недошедших до нас летописей, использованной В. Н. Татищевым».[8]



Ил. 1. Василий Никитич Татищев. Портрет работы неизвестного художника XVIII в. Музей М. В. Ломоносова Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

По мнению В. А. Петрова, татищевское известие о проекте Романа опирается на «летописные памятники, содержащие достоверные исторические реалии».[9] К вопросу о возможном источнике известия о проекте еще раз вернулся Б. А. Рыбаков в работе о политических идеях русских летописцев: «Время и место его первоначального написания следует, по всей вероятности, связывать с княжением в Новгороде Константина Всеволодовича в 1205–1207 гг., когда при дворе этого князя, удостоившегося прозвища “Мудрый”, писал книжник, хорошо знакомый с киевскими событиями 1203 г.».[10]

[5] *Bieniak J.* Roman // SSS. T. IV. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. S. 535.

[6] *Толочко П. П.* 1) Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев, 1980. С. 182–183; 2) Древний Киев. Киев, 1983. С. 274; 3) Древняя Русь: очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 155; 4) Київська Русь. Київ, 1996. С. 133–134.

[7] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 153.

[8] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 495–496.

[9] *Петров В. А.* История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. М.; Л., 1956. С. 183.

[10] *Рыбаков Б. А.* Политические идеи русских летописцев XII в. (Тезисы) // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1974. С. 20.

В ином направлении пошел Н. Ф. Котляр, предположивший, что искомым источником Татищева «была недошедшая до нашего времени начальная часть Галицко-Волынской летописи за первые пять лет XIII в.», в которой «должно было содержаться жизнеописание Романа Мстиславича в качестве галицко-волынского князя».[11]

«Остроумным предположением» называет гипотезу Н. Ф. Котляра А. П. Толочко. Это предположение «отыскивало *единственно* возможное место для Романового проекта в домонгольском летописании».[12]

Подобные доводы удовлетворили большинство новейших исследователей, использующих сведения Татищева об инициативе Романа как вполне надежный исторический факт.[13] «Факты из жизни Южной Руси и из биографии Романа начала XIII в., — отмечает А. Б. Головко, — дают дополнительные аргументы в пользу реальности создания Романом нового политического устройства Руси. Система „доброго порядка" не противоречила конкретной деятельности галицкого князя и полностью согласовывалась, в частности, с его действиями после второго похода против половцев, когда он осуществил на юге Руси „мироположение в волостех, кто како терпел за Рускую землю"».[14]

Находят подтверждение и тесные контакты Романа Мстиславича со властями Священной Римской империи, некоторые элементы политического строя которой могли явиться образцом для реформаторских идей галицко-волынского князя. В частности, Роман Мстиславич был союзником швабского короля Филиппа Штауфена и, по-видимому, тюрингского ландграфа Германа, посещал его столицу Эрфурт, пожертвовав 30 марок (около 7 кг серебра) в пользу располагавшегося там бенедиктинского монастыря Св. Петра.[15] По сведениям французского

---

[11] *Котляр Н. Ф.* 1) Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 119–121; 2) Данило Галицький. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 50–52.

[12] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 292, примеч. 9.

[13] *Кралюк П. М.* 1) Идея политического объединения Руси: «Слово о полку Игореве» и проект государственного устройства Романа Волынского // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. Киев, 1990; 2) Західні орієнтири Романа Мстиславовича // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-ліття з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001. С. 35; *Головко О. Б.* 1) На чолі об'єднаного князівства: загадкові та маловідомі сторінки біографії князя Романа Мстиславовича // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Львів, 1993. С. 94; 2) Князь Роман Мстиславич та його доба. Київ, 2001. С. 166–171; 3) Князь Роман Мстиславович // ВИ. 2002. № 12. С. 67; *Кучінко М. М.* Нариси стародавньої і середньовічної історії Волині (від палеоліту до середини XIV ст.). Луцьк, 1994. С. 174; *Терещенко Ю. І.* Україна і європейський світ: нарис історії від утворення Старокиївської держави до кінця XVI ст. Київ, 1996. С. 163; *Войтович Л.* Роман Мстиславович і утворення Галицько-Волинського князівства // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. С. 24–25.

[14] *Головко О. Б.* Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 239.

[15] См.: *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX–середина XIII вв.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Славяно-германские исследования. Т. I–II. М., 2000. С. 25; *Шацька Г.* Галицько-Волинська держава і німці // Галицько-Волинська держава... С. 116.

хрониста Альбрика из Труафонтен, Роман принимал непосредственное участие в борьбе за верховную власть в империи Штауфенов и Вельфов, что в конечном счете стоило русскому князю жизни.[16] Тем самым, делает вывод Л. В. Войтович, «программа Романа Мстиславича была достаточно реалистичной, отвечала требованиям времени и настроениям части элиты, в частности связанной со Священной Римской империей, где такая программа именно в это время приближалась к своей реализации».[17]

* * *

Изучив форму и содержание татищевского известия о проекте Романа с помощью дипломатического анализа, О. А. Купчинский пришел к выводу, что грамота галицко-волынского князя «принадлежит к ряду уставных грамот». Этот документ был заимствован Татищевым из «какого-то древнерусского сборника», имевшего, очевидно, новгородское происхождение.[18] Исследователь отмечает, что «мотивы отдельных статей из текста проекта напоминают источники XI–XII вв.», в частности завещание Ярослава Мудрого с содержащимся в нем предупреждением об опасности междоусобиц, установлением принципа майората, с требованием оберегать и не нарушать вновь установленный политический порядок. Определенные аналогии грамоты Романа прослеживаются «с документальными памятниками XII в. <...> в отношении формулировок клаузул, например обращения».[19]

И тем не менее, давая общую оценку проекту Романа, О. А. Купчинский отказывается признавать его подлинность: «...исследуемый документ не вызывает однозначно позитивной оценки в отношении своей аутентичности. На это указывают обстоятельства его появления, а также анализ внутренних признаков документа». К таковым исследователь относит отсутствие важных структурных элементов документа, в котором «не достает почти всех клаузул вступительного протокола, датирующей формулировки и др.», а также «ряд модификаций и переделок текста, замену отдельных слов даже в ранних протографах».[20]

Большую работу по изучению текста Романова проекта, его происхождения и достоверности содержащихся в нем известий провел в последнее время А. П. Толочко.[21] Взгляды этого исследователя отличаются, пожалуй, максимальной степенью скепсиса. Это касается большинства оригинальных известий Татищева

[16] MGH. SS. T. XXIII. Hannover, 1874. S. 885.

[17] *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 478.

[18] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII–першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 415–416.

[19] Там же. С. 420.

[20] Там же. С. 421–423.

[21] *Толочко О. П.* 1) Конституційний проект Романа Мстиславича 1203 р.: спроба джерелознавчого дослідження // УІЖ. 1995. № 6; 2) Конституционный проект Романа Мстиславича: опыт источниковедческого исследования // ДГ. 1995 г. М., 1997; 3) «История Российская» Василия Татищева... С. 288–328.

ИСТОРІЯ
РОССІЙСКАЯ
СЪ
САМЫХЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
НЕУСЫПНЫМИ ТРУДАМИ
ЧЕРЕЗЪ ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ
СОБРАННАЯ
И
ОПИСАННАЯ
ВАСИЛЬЕМЪ НИКИТИЧЕМЪ ТАТИЩЕВЫМЪ.
КНИГА ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. - 2.
Напечатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1768. года.

Ил. 2. Первое издание «Истории Российской» В. Н. Татищева. Титульный лист

и его предполагаемых источников. Подход новейшего исследователя трудно даже назвать критическим, его скорее можно было бы оценить как нигилистический, ведущий к полному неприятию всего содержащегося в «Истории Российской» фактического материала, не имеющего прямых параллелей в аутентичных древнерусских источниках.

В истории Романова проекта А. П. Толочко подвергает сомнению прежде всего обстоятельства выдвижения, а также предлагаемый Романом способ обсуждения и принятия программы «доброго порядка» как несоответствующие реалиям древнерусской эпохи.

Странно, — пишет Толочко, — что историки не замечали, насколько анахронична вся, так сказать, технология обсуждения проекта, предложенная Романом. Галицкий князь в «Истории» Татищева поступает как бюрократ XVIII столетия. Так должен был действовать председательствующий в какой-нибудь коллегии: сначала узкий круг сотрудников разрабатывает проект, затем проект циркулярно рассылается заинтересованным лицам для ознакомления и присылки письменных поправок и предложений, затем созывается формальное заседание, которое — после должного обсуждения всех поступивших замечаний — должно принять окончательный и обязательный для всех текст документа. Иначе говоря, способ обсуждения предложений Романа ориентирован на административную культуру, совершенно отличающуюся от средневековой и предполагающую не только весьма развитую традицию работы с письменными документами (проект, поправки, сведение их в окончательный текст), но и столь же развитую бюрократическую иерархию, умеющую передавать такого рода документы с одного уровня компетенции на другой. Выходит, что Роман, — делает вывод историк, — подразумевает европейскую модель полицейского государства XVIII века, естественную для Татищева, полжизни проведшего за составлением проектов и меморандумов, но совершенно немыслимую для XII века.[22]

Выводы А. П. Толочко в отношении исторического творчества Татищева в целом вызвали весьма неоднозначный отклик у исследователей.[23] Это касается

[22] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 293.

[23] См., например: *Майоров А. В.* [Рец. на кн.:] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... // RA. 2006. СПб., 2006; *Журавель А. В.* Новый Герострат, или У истоков «модерной истории» (Рец. на кн.: *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева...) // Сб. РИО. Т. 10 (158). М., 2006; «История Российская» В. Н. Татищева в новейших исследованиях (стенограмма заседания

и оценок достоверности проекта 1203 г. «Чистой выдумкой» вслед за Толочко считает его П. С. Стефанович.[24] В то же время сделаны и совершенно противоположные выводы: «В. Н. Татищев не мог быть автором Романовского проекта, который, видимо, по праву можно отнести к памятникам русской средневековой политической мысли», — считает В. П. Богданов.[25]

Уже первая публикация работы А. П. Толочко, посвященной проекту Романа Мстиславича, вызвала критические возражения исследователей, отметивших крайнюю односторонность подхода к проблеме, заранее предопределяющую полученные автором результаты. Как отмечает Б. И. Яценко, Толочко «склонен дать оценку документа еще до его изучения, с чем нельзя согласиться <...> исследование было подменено изучением бытования документа в XVIII в., его использования в „Истории Российской" В. Н. Татищева».[26] «Основные усилия А. П. Толочко направлены на то, чтобы доказать неправдивость свидетельств В. Н. Татищева относительно происхождения документа, лукавость российского историка в негативной оценке проекта, поскольку идеи Романа были будто бы идентичны взглядам самого В. Н. Татищева, который и написал этот текст».[27]

Последний тезис является одним из краеугольных камней в системе доказательств подложности Романова проекта, предлагаемой А. П. Толочко. «Нетрудно заметить, — пишет он, — именно аналогию между идеями Романа и идеями конфидентов Волынского: выборность монарха, ограничение его компетенции шляхетским советом, проблема наследования престола <...> все это сходится».[28] Это «излюбленные идеи самого Татищева», который «компонует проект Романа из собственных идей».[29]

Однако именно этот тезис более всего уязвим для критики. По справедливому замечанию Б. И. Яценко, говорить об аналогии политических взглядов Татищева и главных идей «доброго порядка» князя Романа нет оснований. «Татищев считал выборность монарха не нормой, а несчастливым стечением обстоятельств и стоял за сильную самодержавную власть».[30] Кроме того, как верно замечает Л. В. Войтович, совершенно неясно, «для чего было Татищеву или Хрущеву, чьи семьи сотни лет служили московской династии, выставлять дальновидным политиком и героем какого-то галицко-волынского князя и демонстрировать ограниченность

[научно-теоретического семинара Центра истории и методологии исторической науки] 12 марта 2006 г.) // Вест. СПбГУ. Сер. 2. Вып. 1. 2007; *Азбелев С. Н.* [Рец. на кн.:] *А. Толочко.* «История Российская» Василия Татищева... // Там же. Вып. 3. 2007; *Стефанович П. С.* «История Российская» В. Н. Татищева: споры продолжаются // ОИ. 2007. № 3 и др.

[24] *Стефанович П. С.* «История Российская» В. Н. Татищева... С. 92.

[25] *Богданов В. П.* Романовский проект 1203 г.: памятник древнерусской политической мысли или выдумка В. Н. Татищева // Сб. РИО. Т. 3 (151). М., 2000. С. 222.

[26] *Яценко Б. І.* Розвиток державного устрою України-Русі наприкінці XII ст. (Проект Романа Мстиславовича і «Слово о полку Игоревім») // УІЖ. 1997. № 3; С. 120.

[27] Там же.

[28] *Толочко О. П.* Конституційний проект Романа Мстиславича... С. 29.

[29] Там же. С. 30.

[30] *Яценко Б. І.* Розвиток державного устрою... С. 121.

и эгоизм владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо, от которого происходила московская династия».[31]

Чрезмерно преувеличенной представляется негативная оценка, данная А. П. Толочко проекту галицко-волынского князя в части, касающейся соответствия выдвинутых в нем предложений реалиям древнерусской политической жизни и характеру междукняжеских отношений. Проект Романа, считает историк, «слишком очевидно противоречит всему, что мы в действительности знаем о междукняжеских отношениях в XIII в.».[32]

С не меньшими основаниями можно утверждать, что программа Романа Мстиславича была достаточно реалистичной и отвечала требованиям своего времени,[33] система «доброго порядка» «реально учитывала тогдашний расклад политических сил»,[34] «предложения Романа Мстиславича были подготовлены самим общественно-политическим развитием Украины-Руси в XII в.».[35]

Таким образом, доводы против достоверности Романова проекта во многом остаются спорными. Возобновляющаяся время от времени дискуссия по поводу оригинальных известий Татищева и в том числе о проекте «доброго порядка» князя Романа, по меткому замечанию одного из ее участников, более демонстрирует эрудицию последних, нежели вносит что-либо новое в сам предмет.[36] Не составляют исключения и аргументы А. П. Толочко, которому в целом «не удалось доказать авторство В. Н. Татищева в отношении послания Романа».[37]

Приведенные здесь мнения новейших исследователей показывают, сколь велика разница в оценке достоверности татищевского известия о Романовом проекте и насколько далеко в своих выводах заходят некоторые современные критики Татищева. Вопрос о достоверности известия о «конституционном проекте» галицкого князя, таким образом, остается открытым, и его решение требует дальнейшей исследовательской работы.

---

[31] *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі... С. 479.

[32] *Толочко О. П.* Конституційний проект Романа Мстиславича... С. 24.

[33] *Кралюк П. М.* Идея политического объединения Руси... С. 117–122.

[34] *Головко О. Б.* Корона Данила Галицького... С. 239.

[35] *Яценко Б. І.* Розвиток державного устрою... С. 121.

[36] *Войтович Л.* Роман Мстиславович і утворення Галицько-Волинського князівства. С. 25.

[37] *Яценко Б. І.* Розвиток державного устрою... С. 122.

Глава вторая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ: ПРОЕКТ РОМАНА В СВЕТЕ ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЙ XII–НАЧАЛА XIII вв.

Бюрократические процедуры XVIII в. или древнерусская дипломатическая практика? — Реформаторские планы в отношении наследования киевского стола конца XII в. — Предложение Романа и концепция «коллективного сюзеренитета» Рюриковичей над Русью. — «Великие» и «старейшие» князья, участники борьбы за Киев, защитники «Русской земли» и члены коллегии выборщиков киевского великого князя. — Письменные послания князей в традициях древнерусского посольского обычая

Анализируя содержание «конституционного проекта» Романа Мстиславича, А. П. Толочко находит в нем отражение бюрократических процедур XVIII в., ориентированных на развитую чиновную иерархию и административную культуру полицейского государства, что дает ему основание заподозрить Татищева в подделке исторического документа.

Справедливы ли подобные подозрения? На наш взгляд, проводимая Толочко аналогия между действиями галицкого князя и председательствующего в коллегии петровского времени лишена исторического основания. Ведь, в отличие от коллежского чиновника, древнерусский князь обращается не к своим подчиненным — советникам или асессорам, а к другим князьям — суверенным правителям, равным ему в политическом и юридическом отношении.

В данном случае вообще нет признаков какого-либо участия чиновной бюрократии в разработке и согласовании проекта, будто бы передающей его с одного уровня компетенции на другой. Предлагаемый Романом проект рассматривается и отвергается непосредственно князьями. Перед нами факт не бюрократических, а дипломатических отношений. И если рассматривать обстоятельства выдвижения проекта Романа в данном контексте, то этот случай едва ли будет чем-нибудь отличаться от обычной для своего времени практики.

Подозрения А. П. Толочко вызывает представленный в татищевском известии факт предварительного согласования инициативы Романа с Всеволодом Юрьевичем

и другими князьями, от которых зависело будущее решение. Но именно так и принято было поступать среди русских князей, когда кто-то из них искал поддержки других в задуманном им масштабном политическом предприятии, имевшем общерусское значение, — будь то улаживание внутриполитических противоречий или осуществление похода против общего внешнего врага. Приведем лишь несколько наиболее очевидных и известных примеров.

Узнав о совершенном по вине киевского князя Святополка Изяславича преступлении, подрывающем новый порядок политических отношений на Руси, установленный решением Любечского съезда князей, Владимир Мономах договаривается с Давыдом и Олегом Святославичами идти на Киев против Святополка. Инициатором здесь выступает Мономах, предварительно представивший свой план Святославичам, обсудившим его между собой и согласившимся с ним. Только после этого Мономах и Святославичи собираются вместе под Киевом и доводят согласованное решение до сведения Святополка и других князей. Окончательное решение принимается в процессе дальнейших переговоров.[1]

Ту же процедуру предварительного согласования в узком кругу важного для всей Руси политического решения наблюдаем в действиях Святополка и Мономаха при организации общерусского похода против половцев в 1103 г. Святополк и Мономах сперва обсуждают этот проект между собой и со своими дружинами, собравшись на Долобском озере. Затем согласованное решение доводится до сведения остальных князей, большинство которых принимают его, а некоторые, как Олег Святославич, отклоняют.[2] Таким же образом осуществляется подготовка похода 1111 г.[3]

В 1168 г. отец Романа Мстислав Изяславич, став киевским князем, выдвигает свой общерусский проект борьбы с половцами. Технология его обсуждения и принятия та же, что и в рассмотренных выше случаях, а также в случае «конституционного проекта» Романа: новую инициативу киевский князь сначала обсуждает со своими братьями и мужами, а затем доводит до остальных князей, получив поддержку большинства из них. Летописец сохранил текст обращения Мстислава к русским князьям:

> Братье! Пожалте си о Рускои земли и о своеи отцине и дедине, оже несуть (половцы. — *А. М.*) хрестьяны на всяко лето оу веже свои, а с нами роту взимаюче всегда переступаюче. А оуже оу нас и Гречьскии путь изъотимають, и Солоныи, и Залозныи. А лепо ны было, братье, възряче на Божию помочь и на молитву святое Богородици, поискати отець своихъ и дедъ своихъ пути и своеи чести.[4]

Ознакомившись с этим посланием, князья большинства земель Южной Руси собираются в Киеве, чтобы принять участие в совместном походе.[5]

---

[1] ПВЛ. СПб., 1996. С. 111–113.
[2] Там же. С. 117–118.
[3] Там же. С. 122.
[4] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 538.
[5] Там же. Стб. 538–539.

* * *

В отличие от своих предшественников, Роман предлагает политическую программу, выходящую за рамки решения традиционных вопросов защиты Русской земли от внешних врагов, более напоминающую положения Любечского съезда князей или завещания Ярослава Мудрого, устанавливающие новый порядок княжеских отношений, рассчитанный на определенную историческую перспективу. Но именно в конце XII в. осложнившаяся политическая обстановка на Руси требовала новых решений, способных привести к установлению более прочного политического порядка, стабилизировать внутриполитическое положение, обострившееся ввиду непрекращающегося соперничества князей из-за Киева.

В литературе мало обращалось внимания на то, что всего за несколько лет до Романова проекта, в 90-х гг. XII в., несколькими русскими князьями были инициированы другие реформаторские проекты, также направленные на изменение системы политической власти и прежде всего порядка наследования киевского стола. В сравнении с проектом Романа эти предложения, хотя и менее проработанные в деталях, были не менее радикальными по своему политическому содержанию.

Так, в 1195 г. Рюрик Ростиславич и Всеволод Юрьевич попытались установить новый порядок наследования власти в Киеве, исключавший из числа претендентов черниговских Ольговичей. В летописи читаем:

> Тое же осени сослався Рюрикъ со Всеволодомъ, сватомъ своимъ, и с братомъ своимъ Давыдомъ, послаша моужи своя ко Ярославоу и ко всимъ Олговичемъ, рекше емоу: «Целоуи к намъ крестъ со всею своею братьею како вы не искати отчины нашея, Кыева и Смоленьска, под нами, и под нашими детми, и подо всимъ нашимъ Володимеримь племенемь, како насъ розделилилъ дедъ нашь Ярославъ — по Дънепръ. А Кыевъ вы не надобе».[6]

Комментируя требования Рюрика и Всеволода к Ольговичам, исследователи отмечают, что эти требования были попыткой потомков Мономаха установления на Руси нового политического порядка, не имевшего никаких прецедентов в прошлом. Между тем, такие попытки имели место и ранее, но в 1195 г. действия Мономаховичей приобрели наиболее откровенный и масштабный характер.[7]

При этом ссылка на раздел земель по Днепру, якобы произведенный Ярославом Мудрым, по мнению М. С. Грушевского, довод надуманный и несправедливый: «...такого завещания Ярослава относительно Киева не могло быть <...> и требование отречения, после того как на киевском столе сидело последовательно трое

---

[6] Там же. Стб. 688.

[7] См.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 111–112.

князей из дома Святослава, являлось просто вызовом».[8] «В записи 1195 г., — пишет Н. Ф. Котляр, — явно видна попытка изменить историческую память: выдать Ольговичей за потомков умершего бездетным Мстислава. Перед нами — сознательное и целенаправленное искажение родовой памяти, манипулирование ею в политических целях: в межклановой борьбе за Киев и власть в Русской земле».[9]

Ольговичи были возмущены таким предложением и в своих дальнейших переговорах со Всеволодом Юрьевичем заявили: «...мы есмы не Оугре, ни Ляхове, но единого деда есмы вноуци». Самое большее, на что готовы были пойти Ольговичи, — дать согласие «не искать» Киева при жизни Всеволода и Рюрика, а потом — «кому Бог даст».[10] В итоге инициированный Мономаховичами проект так и не был реализован.

Стоит отметить еще одну важную для нас подробность. В обращении Ольговичей к Всеволоду Юрьевичу видна как будто встречная инициатива, также направленная на политическое изменение сложившейся системы княжеской власти и установление особого статуса киевского стола. Ольговичи говорят Всеволоду: «Ажь ны еси вменилъ Кыевъ, тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то в томъ стоимъ».[11]

Тем самым черниговские князья выражают свою готовность признать право владимиро-суздальского князя быть верховным распорядителем киевского стола. В словах Ольговичей, замечает Н. Ф. Котляр, «отражение системы коллективного сюзеренитета Ярославичей над Русью и рецепция права Всеволода надзирать над Киевом».[12] Если система «коллективного сюзеренитета» — явление, сложившееся задолго до описываемого события, то признание за владимиро-суздальским князем особых полномочий в отношении киевского стола могло иметь место (исключая краткий период правления Андрея Боголюбского после 1169 г.) лишь в правление Всеволода Большое Гнездо, достигшего вершины могущества примерно в последнее десятилетие XII в.

* * *

Упомянутая Н. Ф. Котляром система «коллективного сюзеренитета» Ярославичей над Русью — также весьма показательный пример для нашего исследования. Концепция «коллективного сюзеренитета», объясняющая особенности государственной организации Руси в период политической раздробленности XII–XIII вв., в общих чертах была сформулирована В. Т. Пашуто. Основная идея этой концепции состоит в следующем: «все князья, отвечающие за судьбы уцелевшей под властью

---

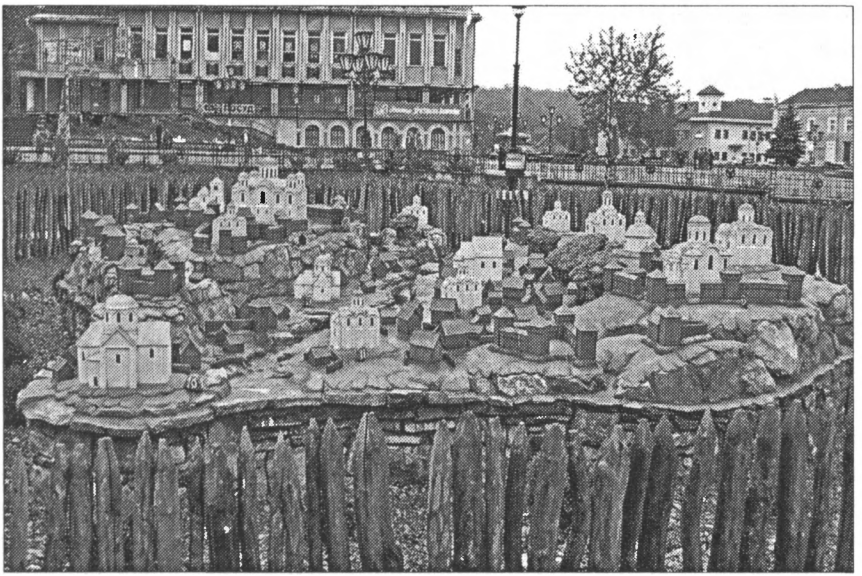
[8] *Грушевський М. С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 258.

[9] *Котляр Н. Ф.* «Отчина» Ярославичей (родовая память в летописи) // ДГ. 2001. М., 2003. С. 119; см. также: *Котляр Н. Ф.* Ярослав и его время в общественном сознании второй половины XI–XIII в. // Ярослав Мудрый и его эпоха / Под ред. И. Н. Данилевского, Е. А. Мельниковой. М., 2008. С. 211.

[10] ПСРЛ. Т. II. Стб. 689.

[11] Там же.

[12] *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 258.



Ил. 3. Древний Галич. Архитектурный макет. 1990-е гг. Площадь перед церковью Рождества Богородицы. Авторы проекта И. Р. Могитич, В. В. Аулих, Ю. В. Лукомский и др. (г. Галич, Ивано-Франковская область, Украина)

Киева „Русской земли", требовали себе в ней „причастия", т. е. доли земель и доходов, а свои права и обязанности определяли на общерусских снемах».[13] Выводы В. Т. Пашуто получили широкое признание исследователей.[14] Важный вклад в становление концепции «коллективного сюзеренитета» внес и Н. Ф. Котляр, обосновавший существование следов подобной политической практики в общественном сознании второй половины XII в., отразившемся в «Слове о полку Игореве».[15]

Подобно «конституционному проекту» Романа Мстиславича, система «коллективного сюзеренитета» явилась ответом князей на изменение политического положения Руси, вызванное обострением борьбы за Киев конкурирующих княжеских группировок и ростом внешней угрозы со стороны половцев. Важно также отметить,

[13] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 74; см. также: *Пашуто В. Т.* Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 11.

[14] См.: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 154–162; *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X–начала XIII вв. // ИЗ. 1972. № 89. С. 364–365; *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев, 1980; *Горский А. А.* 1) Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 7, 20–22; 2) Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 146; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI–начала XIII вв. СПб., 2003. С. 586.

[15] *Котляр М. Ф.* 1) Давня Русь та її доба у «Слові с полку Ігоревім» // УІЖ. 1985. № 11. С. 60–67; 2) Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 365–368. Возражения см.: *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 54–66.

что при введении в действие этой системы используется тот же механизм согласования, который проявляется и в поступках Романа. Сначала киевский князь обсуждает будущее решение в узком кругу, договариваясь со своим возможным соправителем в Русской земле, получает от него согласие признать за собой «старейшинство» и принимать участие в защите земли от внешних врагов. Затем это предварительное решение выносится на утверждение других князей, созываемых на съезд.[16]

Проект Романа унаследовал от практики «коллективного сюзеренитета» еще одну черту. В середине — второй половине XII в. борьбу за Киев вели объединенные коалиции, создаваемые князьями нескольких земель. По наблюдениям В. Т. Пашуто, «наиболее влиятельными стали две коалиции: Суздаль — Галич и Волынь — Смоленск».[17] Основой для возникновения таких коалиций являлось не что иное, как взаимное признание всеми их членами одного из князей в качестве политического лидера всей коалиции, иначе говоря — избрание из своей среды «старейшего» князя, занимавшего киевский великокняжеский стол или, по меньшей мере, имевшего обязательное «причастие» в «Русской земле».

Важно отметить, что в конце XII в. обнаружилась тенденция к расширению состава княжеских коалиций, осуществлявших совместное управление «Русской землей». Такое расширение осуществлялось посредством вовлечения в уже сложившиеся княжеские группировки черниговских Ольговичей, ранее державшихся особняком. Об этом узнаем из приведенного выше летописного известия, передающего ответ Ольговичей Всеволоду Юрьевичу (1195): «Ажь ны еси вменилъ Кыевъ, тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ...».[18] По верному наблюдению Н. Ф. Котляра, «упоминание Киевской летописи о том, что Всеволод поручил блюсти Киев также и Ольговичам, отражает систему коллективного сюзеренитета сильнейших князей над Русью, открытую В. Т. Пашуто».[19] В то же время, поручение Всеволода определенно свидетельствует о стремлении расширить состав участников правящей коалиции, осуществлявшей «коллективный сюзеренитет».

Вместе с тем, в конце XII–начале XIII вв. в политической жизни Руси наблюдается тенденция к увеличению числа «великих» или «старейших» князей. Помимо киевского князя, среди них можно видеть также владимиро-суздальского, галицко-волынского и черниговского, то есть тех князей, кого упоминает Роман в своем проекте как «старших», которых «должны слушать» «младшие князья». В летописях примерно в одно и то же время «великими князьями» именуются Всеволод Большое Гнездо, Рюрик Ростиславич и Роман Мстиславич.[20] Показательно, что в случае со Всеволодом и Романом великокняжеский титул распространяется и на их жен.[21] Перед битвой на Калке на совет князей в Киев сходятся киевский князь Мстислав Романович, черниговский князь Мстислав Святославич и галиц-

[16] *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. С. 356–357.

[17] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя... С. 74–75.

[18] ПСРЛ. Т. II. Стб. 689.

[19] *Котляр Н. Ф.* «Отчина» Ярославичей... С. 115.

[20] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 396–397; Т. II. Стб. 710–711.

[21] Там же. Т. I. Стб. 424; Т. II. Стб. 735.

кий князь Мстислав Мстиславич Удалой, — «то бо бяху стареишины Роускои земли», — говорит о них летопись.[22]

Летописные известия подтверждаются данными иностранных источников. Папский посол к монголам, францисканец Иоанн де Плано Карпини, посетивший русские земли вскоре после нашествия Батыя, среди различных известных ему князей Руси некоторых выделяет особо, называя «великими». Это — владимиро-суздальский князь Ярослав Всеволодович, представленный «великим князем в некоей части Руссии, которая называется Суздаль», и черниговский князь Михаил Всеволодович, названный «одним из великих князей русских».[23] К ним следует добавить также галицко-волынского князя Даниила Романовича, именуемого «русским королем».[24]

Процесс распространения среди русских князей почетного наименования «великий» был особенно характерен для южнорусских земель. По верному наблюдению А. И. Филюшкина, «в конце XII–начале XIII в. в Южной и Юго-Западной Руси почетное определение *великий князь* имело довольно широкое хождение, и можно предположить, что шел процесс его превращения в титул».[25]

* * *

Примечательно, что среди главных участников борьбы за Киев в XII в., как и в числе «великих» и «старейших» князей Руси, упоминающихся в летописях в конце XII–начале XIII вв., можно видеть правителей тех же земель, которые составляют коллегию выборщиков киевского великого князя в проекте Романа. Как отмечает В. Т. Пашуто, в борьбе за киевский стол наиболее заметную роль играли владимиро-суздальские, галицкие, волынские, смоленские и черниговские князья.[26] К этим князьям, имевшим «часть» в «Русской земле» и потому обязанным ее защищать, в первую очередь обращается автор «Слова о полку Игореве» с призывом выступить против половцев — к владимиро-суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу, киевскому князю Рюрику Ростиславичу, смоленскому князю Давыду Ростиславичу, галицкому князю Ярославу Владимировичу, волынскому князю Роману Мстиславичу.[27] В проекте же Романа право выбирать киевского князя получают владимиро-суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский князья.[28]

---

[22] Там же. Т. II. Стб. 741.

[23] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов; *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / Введение, пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1911. С. 29, 34, 77.

[24] Там же. С. 81.

[25] *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 33.

[26] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя... С. 74–75.

[27] См.: *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. С. 366–367. См. также: *Рыбаков Б. А.* Перепутанные страницы. О первоначальной конструкции «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 59–61; *Моця О. П.* 1) Захисники — володарі «Руської землі» // Слов'янські обрії. Вип. 1. Київ, 2006. С. 160–161; 2) Південна «Руська земля». Київ, 2007. С. 50–51.

[28] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. IV. М., 1995. С. 328–329; Т. III. М., 1995. С. 169–170.

Таблица 1

«Великие» и «старейшие» князья — участники борьбы за Киев и защитники Русской земли (по данным второй половины XII–начала XIII вв.)

«Великие» и «старейшие» князья Руси (*по летописным известиям конца XII–начала XIII вв. и сведениям Плано Карпини*)	Князья — участники борьбы за Киев во второй половине XII в. (*по В. Т. Пашуто*)	Князья — защитники Русской земли, упомянутые в «Слове о полку Игореве» (*по Н. Ф. Котляру*)	Князья — участники коллегии выборщиков киевского великого князя (*по проекту Романа Мстиславича*)
владимиро-суздальский киевский галицко-волынский черниговский	владимиро-суздальские галицкие волынские смоленские черниговские	владимиро-суздальский киевский смоленский галицкий волынский	владимиро-суздальский черниговский галицкий смоленский полоцкий рязанский

Как видим, предлагаемое в проекте Романа Мстиславича разделение князей на «старейших» и «молодших» с предоставлением первым права принимать политические решения, касавшиеся интересов всей Руси, и обязанностью последних подчиняться этим решениям отражало вполне объективные тенденции внутриполитического развития, обозначившиеся на рубеже XII–XIII вв. Эта же тенденция видна в действиях князей, собравшихся на съезд в 1223 г., принявший решение идти на битву с монголо-татарами, закончившуюся поражением на р. Калке. В своем рассказе летописец особо говорит о князьях-«старшинах Русской земли» и о политически зависимых от них «младых князьях»:

> Тогда беахоуть Мстиславъ Романовичь в Киеве, а Мстиславъ в Козельске и в Чернигове, а Мсьтиславъ Мстиславичь в Галиче, — а то беахоу старшины в Роускои земли. Юрья же князя великого Соуждальского не бы в томъ свете. Се же пакы млади князи: Данилъ Романовичь, Михаилъ Всеволодичь, Всеволодъ Мьстиславичь Кыескыи, инии мнози князи.[29]

Полностью укладывается в рамки сложившейся к началу XIII в. традиции и предлагаемый Романом порядок решения важнейших политических вопросов на общерусских съездах князей, реальными участниками которых могли быть лишь наиболее могущественные князья. «Есть князья-сюзерены — члены высшего совета. Есть и „млади князи“», пребывавшие в вассальной зависимости от первых, — формулирует этот подтверждаемый многочисленными летописными известиями порядок В. Т. Пашуто.[30]

Более того, практически совпадает персональный состав «великих» и «старейших» князей, князей — участников борьбы за Киев, претендовавших на власть в Русской земле и обязанных защищать ее от внешних врагов (восстанавливаемый

[29] ПСРЛ. Т. II. Стб. 740–741.

[30] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя... С. 76.

по данным аутентичных источников), с составом предлагаемой Романом коллегии «старейших» князей, выборщиков киевского великого князя (передаваемым В. Н. Татищевым).

Приведенные списки, хотя и совпадают по большинству позиций, все же не образуют между собой полного тождества. Главное различие состоит в появлении в списке коллегии выборщиков киевского князя полоцкого и рязанского князей, ранее не игравших заметной роли в политических судьбах Южной Руси.

Казалось бы, это различие должно было стать дополнительным аргументом против проекта Романа как не отражающего объективного состояния политических отношений и расстановки сил на рубеже XII–XIII вв. Но воспользоваться этим поводом не удается даже самым решительным критикам В. Н. Татищева, поскольку вносимые проектом Романа политические нововведения при ближайшем их рассмотрении обнаруживают признаки исторической достоверности.

Ил. 4. Мемориальная доска с барельефом Романа Мстиславича. Открыта в 2005 г. при входе в Успенский собор. Скульптор И. Дацюк (Владимир-Волынский, Украина)

Так, анализируя предлагаемый Романом состав коллегии выборщиков, А. П. Толочко, хотя и отвергает данное татищевское известие в целом, тем не менее вынужден признать: «Надо отдать должное Татищеву: ему удалось довольно точно идентифицировать те земли — суздальскую, черниговскую, галицкую, смоленскую, полоцкую и рязанскую, — на которые „раздробит" Русь и будущая академическая наука». Иначе говоря, приведенное Татищевым известие по своему содержанию совпадает с выводами ученых о территориально-политическом делении Руси. «Сегодня такое деление, — продолжает исследователь, — канонизировано бесчисленными историческими картами „Русь в период раздробленности", где разными цветами изображены „суздальская", „галицкая", „черниговская" и т. д. земли».[31]

Если следовать логике Толочко, то получается, что академическая наука занималась дроблением Руси, основываясь главным образом на неправдивых известиях Татищева, и составляемые ею исторические карты на деле являются не чем иным, как картами к «Истории Российской». Если же все-таки признать, что главным источником нашей исторической науки были и остаются аутентичные памятники Древней Руси и прежде всего древнерусские летописи, то получится, что в данном отношении современная наука полностью подтверждает историческую достоверность уникального известия о Романовом проекте, использованного Татищевым.

[31] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 294.

На наш взгляд, включение Романом в состав «старейших» князей, получающих право избрания киевского великого князя, смоленского и рязанского князей отражает упомянутую выше тенденцию к дальнейшему расширению межкняжеских коалиций, осуществляющих коллективное управление и защиту «Русской земли». Такая тенденция, явственно обозначившаяся, как мы видели, в конце XII в., объективно была подготовлена и укладывается в общее направление эволюции политического строя Руси в предшествующий период.

Показательно, что в предложениях Романа находит место тот самый, отмечаемый новейшими исследователями порядок наделения киевским князем своего соправителя «частью» в «Русской земле», который был одним из характерных признаков системы «коллективного сюзеренитета»:

> Когда тако князь великий на киевский престол избран будет, должен старшего сына своего оставить на уделе своем, а молодших наделить от онаго ж или в Руской земли от Горыня и за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало.[32]

Правда, в предложениях Романа этот порядок претерпевает существенное ограничение: соправителем киевского князя теперь мог стать только кто-то из его младших сыновей. Но сам институт «причастия», безусловно, является наследием политической практики предшествующего периода, что еще раз доказывает связь Романова проекта с реалиями древнерусской эпохи.

* * *

Отвергая проект Романа как подделку, созданную самим Татищевым, А. П. Толочко обнаруживает среди его, так сказать, «родовых пятен» и такое: рожденный в середине XVIII в., этот проект будто бы «ориентирован на административную культуру, совершенно отличающуюся от средневековой». Новейший исследователь открывает в проекте Романа «весьма развитую традицию работы с письменными документами (проект, поправки, сведение их в окончательный текст)».[33]

Сразу скажем, что в приведенной характеристике содержатся явные искажения реального содержания татищевского известия, которые, по замыслу Толочко, вероятно, и должны были создать ощущение «административной культуры», открытой им в действиях древнерусского князя. Никакой специальной процедуры внесения поправок, а тем более сведение их воедино и поэтапную выработку окончательного текста проект Романа, разумеется, не предусматривал. Все это, как и рассуждения о «развитой бюрократической иерархии», стоящей будто бы за разработкой и выдвижением проекта и умеющей «передавать такого рода документы с одного уровня компетенции на другой», — лишь предположения, основанные на слишком вольных и субъективных интерпретациях.

---

[32] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 169.

[33] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 293.

Если же обратиться к объективным историческим данным, то в дипломатической практике Древней Руси, особенно в период XII–XIII вв., мы действительно можем констатировать «развитую традицию работы с письменными документами», которая, разумеется, не имеет ничего общего ни с «административной культурой», ни тем более с «бюрократической иерархией» нового времени.

Изучая историю дипломатических отношений и прежде всего факты посольских обменов и переговоров между князьями Древней Руси, большинство современных историков и филологов приходят к вполне однозначному выводу: князья обменивались письменными посланиями, звучащими на страницах летописей как прямая речь. Документы княжеской дипломатической переписки были доступны придворным летописцам, пользовавшимся княжескими архивами, дословно или в пересказе включавшим содержание дипломатических посланий, как и некоторых других княжеских грамот, в текст летописи.[34]

Нет никаких оснований сомневаться в том, что проект «доброго порядка» был разработан и представлен Романом в виде письменного документа и в таком именно виде был рассмотрен и отклонен другими князьями. Иначе и быть не могло, ведь проект был оформлен как послание, адресованное сразу нескольким князьям, правителям удаленных друг от друга земель. По верному предположению О. А. Купчинского, «канцелярия князя Романа Мстиславича должна была рассылать (не менее шести экземпляров) обращения князьям в разные концы Руси, а именно во Владимир, Чернигов, Галич, Смоленск, Полоцк, Рязань».[35]

---

[34] См.: *Рыбаков Б. А.* 1) Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 316–336; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 146; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 40–41, 156–157, 163–164, 169–170, 171–177, 180–181, 184, 242, 253, 260; *Юрасовский А. В.* Грамоты XI–середины XIV в. в составе русских летописей // ИСССР. 1982. № 4; *Франчук В. Ю.* 1) Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986. С. 109–154; 2) Пряма мова в Галицько-Волинському літописі // А се єго срєбро: Зб. праць на пошану чл.-кор. НАН України М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002; *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. С. 6–7, 291–297; *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII–першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 207–228.

[35] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства... С. 421.

Глава третья

ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Н. ТАТИЩЕВА И МНИМЫЕ РЕАЛИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭПОХИ

Формы государственной власти и политического объединения древнерусских земель в реформаторских планах Романа. — Историческая карта Руси XII–XIII вв.: волости-земли или семейные владения князей. — Влияние архаических представлений о княжеской власти. — Границы «Русской земли» в проекте Романа и в представлениях Татищева

По мнению А. П. Толочко, описывая предложения галицкого князя Романа по переустройству политической системы Древней Руси, В. Н. Татищев оперирует политико-географическими представлениями, не соответствующими реалиям древнерусской эпохи.

> Еще один явный анахронизм, — пишет исследователь, — то, как Роман представляет себе устройство Руси и кого, следовательно, избирает на роль курфюрстов. Для Романа Русь предстает не родовым достоянием княжеской семьи, но некоей суммой (в XIX веке написали бы — федерацией) нескольких земель. Причем земли эти — уже довольно прочно установившийся институт, так что именно они высылают своих представителей в коллегию выборщиков. «Местный» князь получает право на участие в избрании киевского князя не потому, скажем, что ему позволяет его статус во внутриклановой иерархии Рюриковичей, но, так сказать, ex officio, потому, что он занимает стол именно в этой земле <...> Роман воспроизводит то понимание структуры Руси, которое могло сложиться (и действительно сложилось впоследствии) в уме ученого наблюдателя, мыслящего к тому же институциональными категориями территориальных государств нового времени.[1]

Предъявляя Татищеву новые обвинения, А. П. Толочко совершенно не утруждает себя какими-либо доказательствами. Создается впечатление, будто речь здесь идет о чем-то само собой разумеющемся, об общепризнанных истинах, для которых доказательств вообще не требуется. И только такой невежда, каким являлся

[1] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 293–294.

Татищев, мог допустить столь явное искажение исторической действительности, поскольку был лишь наивным дилетантом и грубым фальсификатором.

Новейший исследователь полностью игнорирует давно сделанный вывод о том, что древнерусская государственность, сложившаяся в XI–XIII вв., носила общинный характер и политическая система Древней Руси представляла собой систему соподчиненных городских общин.

Этот вывод был сформулирован еще классиками русской историко-правовой науки, создавшими концепцию «земского государства». Государственное устройство в Древней Руси, писал М. Ф. Владимирский-Буданов, «состоит не в княжеских отношениях, а в земских (*старших городов к пригородам*), и само понятие государства приурочивается не к княжениям, а к землям...».[2]

Древнерусские государства, уточнял М. А. Дьяконов, «носят названия „земель", „княжений", „волостей", „уездов", „отчин"». При этом «термины „княжение" и „волость" также обозначают древние государства в смысле территориальном, как и термин „земля"».[3] «Каждая земля или волость имеет политический центр: это главный, или старший город <...> Политическое значение главного города всего отчетливее выразилось в том, что по имени этого города прозывается и вся земля, например Киевская земля, Смоленская, Ростовская и пр.».[4]

Подобные выводы базировались на выработанном историками права фундаментальном положении о смешанной форме государственной власти в древнерусский период. Как писал В. И. Сергеевич, в образовании верховной власти в Древней Руси «участвуют два элемента, а именно, монархический, в лице князя, и народный, демократический элемент, в лице веча».[5]

Построения В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова, М. А. Дьяконова в разное время были приняты многими отечественными и зарубежными историками.[6] Свое дальнейшее подтверждение и развитие они находят в трудах современных исследователей, создавших теорию общинной государственности и городов-государств как универсальной формы организации раннего государства, встречающейся также и в истории Древней Руси.[7]

---

[2] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 273–274.

[3] *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 2005. С. 66.

[4] Там же. С. 67. См. также: *Майоров А. В.* Общественный и государственный строй Древней Руси в трудах М. А. Дьяконова // Там же.

[5] *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 141–142.

[6] *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993; *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. Тверь; М., 1996; *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. М., 1991. См. также: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990; *Свердлов М. Б.* Общественно-политический строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996; *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

[7] *Фроянов И. Я.* Начала русской истории. Избранное. М., 2001; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988; *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993; *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003; *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь.

Не все современные историки в равной мере разделяют эту теорию. Но даже те из них, кто оценивает политический строй Древней Руси как раннефеодальную монархию, вынуждены делать ряд существенных оговорок, касающихся в первую очередь политической роли земель и городов, усилившейся в XII–XIII вв. Так, по мнению Б. Д. Грекова, с падением значения Киева связан подъем «политического значения крупных городов». «В этих городах вырастает значение вечевых собраний, с которыми приходится считаться и пригородам, и князьям».[8]

В литературе неоднократно отмечалось, что судьба княжеского стола в Древней Руси решалась не только по воле князей, но обязательно с участием городов.[9] Приезжая в ту или иную волость, князь должен был заключать «ряд» с вечем, принимая на себя обязательства, ограничивающие его политическую самостоятельность.[10] Князь не являлся полновластным монархом: «юридически признанное ограничение своего волеизъявления» он находил «в традиционных правах боярства и дружины, в привилегиях самоуправляющихся городов, в необходимости соблюдать междукняжеские договоры, в развитом иммунитете магнатов, в своих обязательствах сюзерена по отношению к вассалам и т. д.».[11]

Характеризуя политико-правовую систему Древней Руси, Л. В. Черепнин отмечал, что правда княжеского рода и правда городов и волостей остаются разными правдами.[12] Опираясь на свои политические прерогативы, Киев оставлял за собой право выбора князя; это право во второй половине XII в. реализуют также ростовцы и суздальцы.[13]

Не столь однозначно решается вопрос и о федеративном характере политического объединения древнерусских земель. Не только историки XIX в., но и современные авторы говорят о Древней Руси как федеративном политическом образовании, состоявшем из полутора десятков «автономных» земель и княжеств.[14] Составлявшие эту федерацию земли и княжества в XII–XIII вв. — действительно «уже довольно прочно установившийся институт». Вот почему «местные»

Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; *Петров А. В.* Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003.

[8] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 359, 366–368.

[9] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 193.

[10] *Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 34–51.

[11] *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 474.

[12] *Черепнин Л. В.* 1) Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. С. 247 сл.; 2) К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X–начала XIII вв. // ИЗ. № 89. 1972. С. 362–363.

[13] *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 209, 223, 226.

[14] *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX–середины XIII в. // ВИ. 1962. № 4. С. 49–50; *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII–начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1974. С. 29–30; *Толочко П. П.* 1) Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. Киев, 1980. С. 9; 2) Київська Русь. Київ, 1996. С. 7; *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 405.

князья получают право на участие в общерусских политических мероприятиях не только в силу своего статуса во внутриклановой иерархии Рюриковичей, но и, как выразился А. П. Толочко, «ex officio», то есть потому, что они занимают столы в определенных землях. Давно установлено, что данные категории тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, — иначе говоря, положение князя во внутриклановой иерархии Рюриковичей, как правило, соответствовало политическому значению занимаемого им стола в той или иной земле.[15]

Представительская функция «местного» князя, получающего право участия в избрании киевского князя потому, что «он («местный» князь. — *А. М.*) занимает стол именно в этой земле», действительно вполне отчетливо видна в проекте Романа. Но в этом нет ничего удивительного. Князю как носителю государственной власти вообще свойственно исполнение представительских функций, особенно в сфере дипломатических отношений и переговоров.[16]

Роль князя как представителя своей земли перед лицом других князей не может быть отвергнута только потому, что в этом качестве древнерусский князь чем-то напомнил новейшему исследователю «безликого чиновника», попадающего «по должности» в некий «коллективный орган», формирующийся в «бюрократическом государстве» нового времени.[17] Все это — слишком вольные интерпретации известия, переданного Татищевым.

Факты того, как старшие князья сообща принимают политические решения общерусского значения, затрагивающие не только узкоклановые интересы самих Рюриковичей, но непосредственно касающиеся политического и правового положения подвластных им земель, устанавливаются отнюдь не по свидетельствам «Истории Российской». Они известны прежде всего по сообщениям аутентичных источников начиная со второй половины XI в. Часть таких фактов уже рассмотрена нами выше. Добавим к этому свидетельство «Русской Правды» о порядке принятия старшими сыновьями Ярослава Мудрого правовых нововведений, известных как «Правда Ярославичей»: «Правда уставлена Роуськои земли, егда ся съвокупил Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула».[18] Как бы ни оценивать социальный состав законодателей, ясно, что старшие князья Руси — киевский, черниговский и переяславский, собравшись вместе со своими приближенными, принимают решение об изменении общерусского законодательства.

* * *

Еще больше вопросов вызывают дальнейшие рассуждения А. П. Толочко по поводу историко-географических представлений Татищева, будто бы унаследованных современной наукой:

---

[15] *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси.

[16] Факты такого рода неоднократно описаны в литературе. Из последних работ см.: *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003.

[17] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 294.

[18] ПР. Т. I. М.; Л., 1940. С. 71.

Ил. 5. Русские земли в XII–XIII вв. Карта-схема (по А. Н. Насонову)

Надо отдать должное Татищеву: ему удалось довольно точно идентифицировать те земли — суздальскую, черниговскую, галицкую, смоленскую, полоцкую и рязанскую — на которые «раздробит» Русь и будущая академическая наука. Сегодня такое деление канонизировано бесчисленными историческими картами <...> Человек XII–XIII веков подошел бы к проблеме с противоположной стороны. Он, быть может, и оставил бы очертания земель (если б ему объяснили концепцию инструментальной карты), но ярлыки на них заменил бы на «Ольговичи», «Юрьевичи», «Ростиславичи» и т. д. Князья (видимо, и все остальные) мыслили Русь не в виде территориальных массивов, но в виде групп семейств княжеского рода. Земля приобретала очертания не сама по себе, но потому, что становилась обладанием («отчиной») определенного семейства.[19]

Как видим, новейший автор опровергает не только Татищева, но и всю последующую академическую науку, включая и современную историческую географию. И вновь в доказательство своей правоты Толочко не приводит ни одного факта, почерпнутого из какого-нибудь источника, более достоверного, чем «История Российская». Но если опровергать Татищева современному исследователю можно было бы, опираясь на новые исторические факты, добытые академической наукой (пусть даже и без ссылок на них), то чем могут быть опровергнуты данные самой исторической науки, если они полностью совпадают с представлениями Татищева?

Мы будем следовать более традиционным нормам научного исследования и для проверки известий Татищева по истории Древней Руси обратимся к аутентичным древнерусским источникам, в первую очередь летописным, считая этот путь единственно возможным при сегодняшнем состоянии исторической науки.

Прежде всего, в источниках нет никаких свидетельств о том, чтобы города или земли Древней Руси в XII–XIII вв. кем бы то ни было обозначались или хотя бы мыслились в том виде, как это преподносит Толочко — «Ольговичи», «Юрьевичи», «Ростиславичи» и т. д. Более того, столь фантастическая номенклатура прямо

[19] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 294.

противоречит многочисленным данным, известным по летописям и другим источникам. Эти данные, проанализированные недавно А. А. Горским, показывают, что термин «земля» в территориальном значении в рассматриваемое время обязательно употреблялся с притяжательным прилагательным, образованным от названия главного города, и обозначал суверенные государства, крупные самостоятельные княжества: Киев — Киевская земля, Новгород — Новгородская земля, Чернигов — Черниговская земля, Галич — Галицкая земля, Смоленск — Смоленская земля, Ростов — Ростовская земля и т. д.[20]

Далее. Древнерусские земли XII–XIII вв. даже в тех случаях, когда они упоминаются в специальном значении княжеских владений — «волостей», именуются по названию своего старшего города: «Киевская волость», «Черниговская волость», «Смоленская волость» и т. п.[21]

Существовал, разумеется, и другой способ, когда определение волостей происходило по правившим в них князьям, и этот способ в рассматриваемое время чаще встречается в источниках. А. А. Горский насчитывает подобных случаев 138, или 83,1 % от общего числа выявленных им упоминаний термина «волость».[22] Это и неудивительно, ведь при употреблении названного термина подразумевалась управляемая территория, подвластная определенному политическому центру со сложившимися институтами власти, олицетворяемыми прежде всего местным князем.

Земля становилась волостью, когда на данной территории завершалось формирование государственной организации и складывались основные институты государственной власти, одним из которых являлся князь. В данном отношении князь олицетворял волость, и поэтому в источниках волости тесно связываются с правящими в ней в данный момент князьями.

Но сама по себе княжеская власть не могла быть исключительной причиной возникновения и условием существования волостей, а князья не являлись единственными их создателями и «владетелями». Наряду с княжеской властью, ключевую роль в этом играли также города и городские общины. Их политическое значение, по верному наблюдению Л. В. Даниловой, обусловлено «властью над прилегающей округой (а если это община главного города, то и над пригородами), причастностью к управлению сельскими общинами, к организации общего военного ополчения, праву на получение доли от даней, полюдья и других поборов, а также наличием коллективного общинного землевладения и т. д.».[23]

Типологический анализ известных современной науке древнерусских поселений выявляет наличие среди них определенной «иерархической системы», вершину которой составляли «крупные стольные города — центры самостоятельных

---

[20] *Горский А. А.* 1) Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 130–140; 2) Земли и волости // *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008.

[21] См., например: ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 309, 350, 367.

[22] *Горский А. А.* Русь. От славянского Расселения до Московского царства. С. 141.

[23] *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 98–99.

земель-княжений». Связь городов с прилегающей округой характеризуется «отношениями административно-хозяйственного подчинения»: в городах «с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта».[24]

Князь и городская община составляли части единого социально-политического организма. Именно поэтому в источниках древнерусские волости в равной мере могли определяться как через имена князей, так и через названия городов, являвшихся политическими центрами земель. Оба способа наименования в источниках свободно сосуществуют и взаимно заменяют друг друга потому, что являются выражением единой сути понятия волость.

Вот почему, даже когда речь шла о междукняжеских отношениях и военных конфликтах князей, в сознании древнерусского человека волость ассоциировалась именно с землей (называемой по имени своего политического центра — старшего города), а не с княжеской отчиной — «обладанием определенного семейства». В повести о Липецкой битве находим слова владимиро-суздальского боярина:

> Оже бы кто вшед ратью в силную Суждалскую землю, оже бы вышол цел. Хотя бы и вся Рускаа земля и Галичскаа, и Киевскаа, и Смоленскаа, и Черниговскаа, и Новгородскаа, и Рязанскаа, ни тако противу сеи силы успеют.[25]

Описывая военные действия и походы князей, древнерусские летописцы употребляют обозначения, образованные от названий земель и городов, в равной мере применяя их и к князьям, и к их отчинам, и к их войскам. В Новгородской Первой летописи под 6677 (1169/70) г. читаем: «В то же лето, на зиму, придоша под Новъгород суждальци с Андреевицемь, Роман и Мьстислав с смолняны и с торопьцяны, муромьци и рязаньци с двома князьма, полоцьскыи князь с полоцяны, и вся земля просто Русьская».[26] «Том же лете ходиша вся Русска земля на Галиць и много попустиша область их», — говорит летописец о войне 1146 г. между киевским князем Изяславом Мстиславичем и галицким князем Володимирко Володаревичем.[27] В битву на Калку идут «вси князи Рустии и вси князи Чернеговьскыи».[28]

Не только простые люди, но и сами князья в XII–XIII вв. «мыслили Русь» именно «в виде территориальных массивов», именуя свои отчины их исконными территориальными названиями, соответствующими названиям старшего города и связываемой с ним земли. В 1140 г. сын Мономаха Андрей Владимирович говорит: «В Переяславли хочю, на своеи отчине, смерть прияти...».[29] Княживший в Новгороде Мстислав Удалой объявляет: «Хощю поискати Галиця»,[30] а не, скажем,

---

[24] *Куза А. В.* 1) Укрепленные поселения // Древняя Русь: город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М., 1985. С. 39 (Археология СССР); 2) Древнерусские города // Там же. С. 52.

[25] ПСРЛ. Т. I. Стб. 495.

[26] Там же. Т. III. М., 2000. С. 33.

[27] Там же. С. 27.

[28] Там же. Т. I. Стб. 506.

[29] Там же. Т. II. М., 1998. Стб. 305.

[30] Там же. Т. III. С. 57.

отчины Ростиславичей или Романовичей. Владимиро-суздальские князья после совета с дружиной приступают к дележу волостей:

> «Мне же, брате Ярославе, — говорит Юрий Всеволодович, — Володимерскаа земля и Ростовскаа, а тобе Новград, а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев даеви черниговъскым князем, а Галич нам же».[31]

К тому же князья отнюдь не считали волости неотъемлемой родовой собственностью отдельных семейств. Это касалось как волостей, где княжили они сами, так и земель, в которых правили другие князья. Юрий Долгорукий, к примеру, готов был обменять старейшие города своей волости Ростов и Суздаль на Переяславль (по ряду 1134 г. с Ярополком Владимировичем).[32] Став киевским князем, Всеволод Ольгович «нача замышляти на Володимириче и на Мстиславиче, надеяся силе своеи, и хоте сам всю землю держати: искаше под Ростиславом Смолиньска, а под Изяславом Володимеря».[33] Примеры того, как князья с легкостью нарушали отчинные права друг друга, противопоставляя их праву добывать волости силой оружия, в большом количестве собраны и описаны в литературе.[34]

История большинства земель Древней Руси XII–XIII вв. показывает, что правившие в них князья могли сменять друг друга сколь угодно часто, не редкостью был и переход власти к представителям враждебных друг другу княжеских кланов. Более или менее стабильной оставалась лишь территориально-политическая структура древнерусских волостей, основанная на взаимоотношениях старших городов с пригородами.[35]

Этот факт, по-видимому, признает и сам Толочко. Историк вполне справедливо считает, что если бы какой-нибудь князь в конце XII–начале XIII вв. взялся составлять коллегию выборщиков киевского великого князя, то едва ли воспользовался бы при этом принципом выдвижения старших представителей от кланов Ольговичей и Мономаховичей, зная, что окажется в чрезвычайно затруднительном положении:

> Этот же воображаемый князь, однако, знал бы, что «на все времена» установить такую коллегию с фиксированным членством невозможно: картина постоянно меняется — одни семейства возвышаются, другие сходят со сцены, сегодня доминируют, скажем, четыре клана, завтра могут возникнуть еще несколько.[36]

Установить какое-либо новое правило «на все времена» — задача, действительно, невыполнимая. Но сказанное совершенно не исключает возможности учреждения

---

[31] ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 118.

[32] См.: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. С. 209.

[33] ПСРЛ. Т. I. Стб. 307.

[34] См.: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. II. СПб., 1908. С. 150–370; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. С. 112–123; *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси.

[35] См.: *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси.

[36] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 295.

коллегии выборщиков «с фиксированным членством», если такое членство фиксируется за князьями — правителями крупнейших русских земель, вне прямой зависимости от их клановой принадлежности.

Чтобы принять подобное объяснение, нужно, разумеется, отказаться от крайне одностороннего подхода в понимании политического строя древнерусских земель и взаимоотношений основных институтов государственной власти, среди которых фактически остается место только для князя. Такой именно подход и демонстрирует, как мы видели, А. П. Толочко: «Земля приобретала очертания не сама по себе, но потому, что становилась обладанием («отчиной») определенного семейства».[37] Но ведь и князь приобретал политическое значение, становился князем в полном смысле слова, только если он являлся правителем земли. В противном случае он обращался в князя-изгоя и сходил с политической и исторической арены, если ему не удавалось тем или иным образом вернуть свой правительственный статус.

Политическое значение Мономаховичей и Ольговичей определялось не только тем, какое положение они занимали в родовой или клановой иерархии, но прежде всего тем, что они являлись правителями в крупнейших городах и землях Руси — Ростово-Суздальской, Черниговской, Смоленской или Волынской. Чем богаче и сильнее была земля, тем выше был политический статус ее правителя и его значение в отношениях с другими князьями. Генеалогическое старшинство или другие родовые отличия сами по себе решающего значения не имели: политическое первенство могло переходить к различным представителям рода Рюриковичей (также и внутри отдельных его кланов) вне зависимости от их генеалогических счетов. По верному наблюдению М. А. Дьяконова, «и младший князь мог быть назван старшим, если ему удавалось занять лучший стол. В этом смысле в памятниках встречаются выражения: „искать старейшинства“, „положить на комъ, дать кому старейшинство“. Не подлежит сомнению, что под старшинством здесь надо понимать лучший стол».[38]

Подобные выводы давно уже стали достоянием исторической науки. Но именно данное обстоятельство, как это ни странно, явилось для новейшего критика еще одним поводом к опровержению проекта Романа:

> Вероятно, именно эта близость проведенного Романом анализа состояния Руси к позднейшим научным представлениям парадоксальным образом воспринималось как доказательство аутентичности текста (хотя должна была служить скорее аргументом против).[39]

Но что же парадоксального в том, что предложения Романа могли быть подвергнуты проверке на их соответствие имеющимся научным данным, относящимся к аналогичному предмету? Действительно парадоксальным можно

---

[37] Там же. С. 294.

[38] См.: *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. С. 118.

[39] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 295.

считать способ аргументации, предлагаемый Толочко, ведь в соответствии с ним близость идей Романа к последующим научным теориям (о которых ни Роман, ни Татищев знать не могли) должна свидетельствовать против достоверности Романова проекта только потому, что эти теории не совпадают с собственными представлениями Толочко.

* * *

Едва ли может считаться аргументом в пользу того, что в XII–XIII вв. Русь воспринималась «не в виде территориальных массивов, но в виде групп семейств княжеского рода», и что «земля приобретала очертания не сама по себе, но потому, что становилась обладанием («отчиной») определенного семейства», известная современной науке древняя мифологема, осмысливающая государство как телесную плоть царя.

В различных культурных традициях получила распространение своего рода антропоморфная концепция государства, в которой царь — голова, управляемый им народ (земля) — тело, а собираемые с народа государственные подати — еда, корм монарха.[40] К изучению этой проблемы в свое время обращался и А. П. Толочко. Исследователем установлено существование комплекса аналогичных представлений о государстве и на Руси: его приметы можно найти в «Слове о полку Игореве» и некоторых других литературных памятниках, в отразившихся в летописях древних эпических преданиях.[41]

Но, принимая даже самые смелые предположения и аналогии, едва ли можно допустить, что в XII–XIII вв. антропоморфная концепция государства и, в частности, представление о том, что земля — продолжение княжеского тела, являлись основополагающей нормой политической жизни Руси, определявшей государственно-правовой статус русских земель-волостей. В рассматриваемое время подобные представления могли существовать лишь на уровне поэтической метафоры как отголосок далекой архаики и связанного с ней мифологического сознания. Образ князя — головы земли древнерусские книжники могли использовать скорее как выразительный художественный прием, усиливающий остроту эмоционального восприятия.

Совершенно безосновательно утверждение о том, что «земля приобретала очертания не сама по себе, но потому, что становилась обладанием («отчиной») определенного семейства». Очертание земли — это прежде всего ее границы, внешние рубежи, обозначаемые в источниках терминами «сумежье», «межа», «рубеж».[42] Наличие внешних границ — один из основных признаков земли-во-

---

[40] См.: *Романов В. Н.* Древнеиндийские представления о царе и царстве // ВДИ. 1978. № 4.

[41] *Толочко О. П.* 1) «Тіло без голови»: до тлумачення тексту «Слова о полку Ігоревім» // Слово і час. [Київ,] 1990. № 12; 2) Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 15 сл. См. также: *Толочко О. П.* Русь: держава і образ держави. Київ, 1994.

[42] См.: *Алексеев Л. В.* О распространении топонимов «межа» и «рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. К 60-летию акад. Б. А. Рыбакова / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1968.

лости, как и любого государства вообще.[43] Наличие или отсутствие границ не может зависеть от того, представители какого княжеского семейства в данный момент правят в земле или считают ее своей отчиной. Это зависит только от степени завершенности процессов государствообразования, иначе говоря, от того, является ли данная земля суверенным государством.

Люди Древней Руси четко знали и защищали границы своих земель вне зависимости от отчинных прав и иных интересов князей. Главный побудительный мотив для них — отвратить «зло» от земли, не допустить ее разорения врагами. В 1176 г. смоленский князь Давыд Ростиславич со своими союзниками начал поход на Полоцк:

> И слышаша Полочане и здумаша, рекуще: «Не можем мы стати противу Новгородцем и Смолняном, аще попустим их в землю свою, аще мир створим с ними, а много ны зла створять, попустят ны землю, идучи до нас, поидем к ним на сумежье». И собрашася вси и идоша к ним, и сретоша я на межах с поклоном и с честью, и даша ему дары многы, и уладишася, и разидошася в страны своя кождо их.[44]

Как видим, полочане отстояли свою волость, встретив врага «на межах» — внешних границах земли; при этом они обходятся вообще без какого-либо участия со стороны князя.

Такую же картину можно видеть и на юге Руси.[45] Понимание необходимости защищать южнорусские рубежи для простых людей ни в коей мере не зависело от того, какой именно князь в момент нашествия степняков сидел в Киеве или Переяславле, считая их своей отчиной. То была общегосударственная задача, в равной мере стоявшая и перед князем, и перед простыми людьми.

* * *

Следует обратить внимание на содержащееся в проекте определение пределов «Русской земли», в которых надлежало получить свою «часть» соправителю киевского князя: «...в Руской земли от Горыня и за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало». Эта с виду малоприметная деталь, на наш взгляд, является важным доказательством подлинности представленного Татищевым документа: великий князь должен был предоставить своему сыну удел «в Руской земли от Горыня и за Днепр».

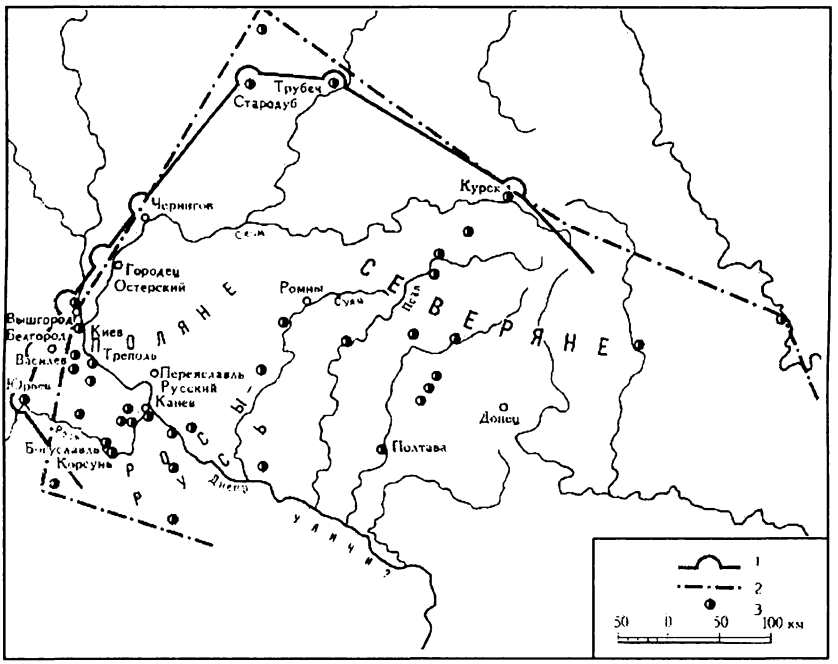
Указанные Романом границы совпадают с данными современной науки относительно размеров территории «Русской земли» в XII–XIII вв. На западе она

---

[43] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 17, примеч.; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 217; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 237.

[44] ПСРЛ. Т. I. Стб. 403–404.

[45] См.: *Майоров А. В.* Древняя Руси и кочевники в X–XIII вв.: Печенеги, торки, половцы // Мир истории: Россия и Восток. СПб., 2002. С. 38–80.



Русская земля (в узком смысле слова)

1 — по историческим данным XII в.; 2 — по археологическим материалам VI—VII вв.; 3 — важнейшие места находок вещей VI—VII вв.

Ил. 6. Русская земля (в узком значении). Карта-схема (по Б. А. Рыбакову)

как раз достигала верхнего течения Горыни и Западного Буга.[46] Что же касается восточных границ, то четкого представления о них в рассматриваемый период уже не существовало. Исторически «Русская земля» включала значительную часть Днепровского Левобережья с Черниговом и Переяславлем. Но после того как эти города стали независимыми от Киева политическими центрами, их включение в состав «Русской земли» утратило политический смысл и могло быть лишь своего рода данью исторической памяти.

Как справедливо отмечал Б. А. Рыбаков, географическое понятие «Русская земля» не сводимо к его реальному политическому содержанию, сложившемуся в XII в.: «...возводить географическое понятие XII в. "Русская земля" к какому-либо политическому единству этого времени никак нельзя. Это единство для эпохи Юрия Долгорукого и Святослава Всеволодовича — лишь далекая историческая традиция».[47] Н. Ф. Котляр уточняет, что, по летописным данным, указанные перемены происходят начиная примерно с 40-х гг. XII в., когда территория Днепровского Левобережья — Черниговская и Переяславская

[46] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 64; *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI–первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993. М., 1995. С. 96.

[47] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь... С. 65.

земли — исключаются из состава южной Русской земли; понятие «Русская земля» в узком значении подразумевает с этого времени только территорию Киевщины.[48]

Поэтому, четко определяя границу «Русской земли» на западе, Роман ограничивается лишь расплывчатым обозначением ее направления на востоке: «...за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало».

Примечательно, что сам Татищев как историк, исследовавший территориальный состав и границы древней «Русской земли» в узком значении этого понятия, называемой им также «Малой Русью», устанавливал совсем иные координаты, нежели те, что звучат в предложениях Романа. Если ее западная граница у Татищева также проходила по реке Горынь, то на востоке «Русская земля» простиралась «по вершину Донца и Оки».[49] Об установленных современной наукой различиях в содержании понятия «Русская земля», характерных для XII в., Татищев, разумеется, не знал.[50] Если допустить, что он сам был автором Романова проекта, то придется признать, что при его составлении историк неизбежно должен был воспользоваться собственными представлениями о границах «Русской земли», которые, как видим, не совпадают с представлениями Романа.

---

[48] *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. С. 400–405; см. также: *Котляр М. Ф.* «Руська земля» в літописах IX–XIII ст. // УІЖ. 1976. № 11.

[49] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. I. М., 1994. С. 354.

[50] Как показывает историографический анализ В. А. Кучкина, такие представления постепенно сформировались только в XIX–XX вв. (*Кучкин В. А.* «Русская земля»...).

Глава четвертая

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗВЕСТИЙ В. Н. ТАТИЩЕВА О ПРОЕКТЕ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА

Отличия текстов первой и второй редакций. — Известие о повторном вокняжении в Киеве Игоря Ярославича, его происхождение и соотношение с основным сообщением о проекте Романа. — Сокращение числа юридических казусов и изменение общих принципов наследования княжеской власти во второй редакции

При оценке достоверности татищевского сообщения о Романовом проекте, не находящего параллелей в известных ныне древнерусских источниках, как и во многих подобных случаях, ключевая роль принадлежит сравнительно-текстологическому изучению основных редакций самой «Истории Российской», в результате которого можно установить важные для дальнейших выводов особенности работы и отношения Татищева к используемому известию, его содержанию и форме.

Приведем текст «татищевского известия» о Романе в первой и второй редакциях:

Первая редакция

Седя же Роман во Киеве, нача гадати со князи и дружиною, о устрое Руские земли. И уложивше, посла ко Всеволоду в Володимерь и всем местным князем обестити, иж Рюрика крестнаго деля преступления свергл со Киева, реки има тако: «Се, братие, весте, оже Киев есть старейший стол в Рустей земли и достоит на нем княжити старейшему и смысленнейшему во всей братии, абы могл управити добре и землю Рускую всюду обороняти и содержати поряд во братии, да не преобидит един другаго и не наскакует на чужу волость. А се ныне видим, иж се не тако деет, наскакуют молодшие и неумнии, не могуще не толе землю уряжати и во братии ряд полагати, они сами себе обороняти. Ото ж востает рать межи братии, ведут поганых и губят землю Рускую и пачее котору во братии воздвижут. Сего деля Рюрик явися

Вторая редакция

Как скоро Рюрик с женою и дочерью были пострижены, а сыновья под стражу взяты, въехал Роман в Киев с великою честию и славою. И будучи тут, советовал с князи и бояры о разпорядках в Руской земли, чтоб пресечь междоусобиа. И согласяся, послал ко Всеволоду, великому князю, в Суздаль и ко всем местным князем объявить, что он Рюрика для его клятвопреступления свергнул с престола. И представлял им следуюсчее: «Вы, братия, известны о том, что Киев есть старейший престол во всей Руской земли и надлежит на оном быть старейшему и мудрейшему во всех князьях руских, чтоб мог благоразумно управлять и землю Рускую отвсюду оборонять, а в братии, князьях руских, доброй порядок содержать, дабы один другаго не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять. Ныне же видим все тому противное. Похисчают престол молодшие и не смысленные, которые не могут не токмо других распоряжать и братию во враждах разводить, но сами себя оборонить не в состоянии; часто встает война в братии, приводят поганых половцов и разоряют землю Рускую,

Первая редакция

неправ, и свергох его, абы покой устроити в земли Руской, доколе всии братия, погадав о устрое, како бы ти уложить, и пытаю вы, како пригодаете. Яз же вам так молвлю, ач хосчете, да егда князя в Киеве бог поимет, сошедся во Киев местные князи, владимирский, и черниговский, и галицкий, и смоленский, и полоцкий, и рязанский, и погадав, изберут старейшаго и годнейшаго мужа себе и утвердят крестным целованием, яко в иных умных землях творится, младшия князи не треба, а послушают сих старейших. И егда князь великий в Рускую землю на киевский стол изберется, имат старейшаго си сына оставити на своей отчине, а молодшим поделить або тамо, або в Рустей земли волости от Горыня и за Днепр, елико городов испокон потягло ко Киеву. А егда кто от братии воздвижет котору и наскочит на чужу волость, он да посудит с местными князи и омирит. А егда на кого придут ратнии половци, или угре, или ляхи, или ин народ, и сам той князь оборонитися не может, ино князь великий, снесшися со братиею, местными князи, и послют помощь от всея Руския земли, елико требе. А иж бы местные князи не малились, не годно волости сыном делити, но отдавати стол по себе единому старейшему со всею волостию. Меньшим же ач дати на прокорм по городу, або по селу. И сии имут ходити под рукою старейшаго си брата. Нет ли кому сына, ото ж дати брату родному. Нет ли брата роднаго, ино дати старейшему его рода, абы руская сила не малилась. Весте бо добре, егда немноги князи в Рустей земли были и старейшаго послушали, тогда вси окрестнии боях-ся и чтяху и не смеяху ратовати, яко ныне зрим. И ач вам любо, снидитися ко Киеву и, погадав, положим ряд». Князи же, видевше се, ови ач не хотяху, но не смеяху Роману сердца вредити, прирекоша ехати ко Киеву и не ехаша. А Всеволод, боясь сам старейшинство иному дати, ни сам хотя в просто Руси жити, отрече Романови, глаголя: «Се, брате и сыну, испокон тако не бысть. И яз не могу преступати, но хосчу тако быти, яко бысть при отцех и дедах наших». Роман же, слышав се, оскорбися вельми, иде к Галичу.[1]

Вторая редакция

чим наипаче и в других вражду всевают. Того ради и Рюрик явился винен, и я лишил его престола, дабы покой и тишину Руской земле приобрести, доколе все князи руские, разсудя о порядке руского правления, согласно положат и утвердят. О чем прошу от каждаго совета, кто как наилучше вздумает. Мое же мнение ежели принять хотите, когда в Киеве великий князь умрет, то немедленно местные князи, суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и резанский, согласяся, изберут старейшаго и достойнейшаго себе великим князем и утвердят крестным целованием, как то в других добропорядочных государствах чинится. Младших же князей к тому избранию не потребно, но они должны слушать, что оные определят. Когда тако князь великий на киевский престол избран будет, должен старшего сына своего оставить на уделе своем, а молодших наделить от онаго ж или в Руской земли от Горыня и за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало. Ежели кто из князей начнет войну и нападение учинит на область другаго, то великий князь да судит с местными князи и смирит. Ежели на кого придут войною половцы, венгры, поляки или другой народ и сам тот князь оборониться не может, тогда князю великому, согласяся с местными князи, послать помочь от всего государства, сколько потребно. А чтобы местные князи не оскудевали в силах, не надлежит им областей своих детям делить, но отдавать престол по себе одному сыну старшему со владением. Меньшим же хотя давать для прокормления по городу или волости, но оным быть под властию старшего их брата. А буде у кого сына не останется, тогда отдать брату старейшему по нем или кто есть старейший по линии в роде его, чтобы Руская земля в силе не умалялась. Вы бо ведаете довольно, когда немного князей в Руси было и старейшаго единаго слушали, тогда все окрестныя их боялись и почитали, не смея нападать на пределы Руские, как то ныне видим. И если вам нравно съехаться на совет к Киеву или где пристойно, чтоб о сем внятнее разсудить и устав твердый учинить, то прошу в том согласиться и всем обвестить».

Князи, видя сие Романово представление, некоторые хотя не хотели такого устава принять, но, бояся Романа прогневать, обесчались к Киеву съехаться, но не поехали, извиняясь разными невозможностями. А Всеволод, великий князь, бояся старейшинство другому дать ни сам хотя в Киеве быть, отказал Роману, сказав, что «того издревле не было и я не хочу преступать обычая древняго, но быть так, как было при отцах и дедах наших». Роман, получа сей ответ, оскорбился вельми и, оставя в Киеве паки Игоря Ярославича, сам возвратился в Галич.[2]

---

[1] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. IV. М., 1995. С. 328–329.

[2] Там же. Т. III. М., 1995. С. 169–170.

Как видим, во второй редакции «Истории Российской» Татищев внес в первоначальный текст известия ряд исправлений и дополнений. Большинство из них не затрагивают существа передаваемых известий, преследуя иную цель — дать необходимые пояснения к древнерусскому тексту. Так, в послании появились отдельные слова и выражения, призванные улучшить смысловую связь между его частями: «чтоб пресечь междоусобиа», «к тому избранию», «что они определят», «или где пристойно, чтоб о сем внятнее разсудить и устав твердый учинить», «то прошу о том согласиться и всем ответить», «хотя не хотели такого устава принять», «извиняясь разными невозможностями» и др.

Вторая группа редакционных изменений осовременивает отдельные древние понятия, несколько видоизменяя и переосмысливая их.

Таблица 2

Переосмысление В. Н. Татищевым древних терминов и выражений при переводе на современный язык проекта 1203 г.

Первая редакция	*Вторая редакция*
о устрое Руские земли	о разпорядках в Руской земли
о устрое	о порядке руского правления
свергл со Киева	свергнул с престола
свергох его	лишил его престола
во всеи братии	во всех князьях руских
всии братия	все князи руские
наскакуют молодшии	похисчают престол молодшии
и пытаю вы	о чем прошу от каждаго совета
бог поимет	умрет
землю уряжати	других распоряжать
ряд полагати	во враждах разводить
погадав	согласяся
ходити под рукою	быть под властию
положим ряд	устав твердый учинить

Характер произведенных редакционных правок при переводе Романова проекта на «настоящее наречие» может свидетельствовать о наличии у переводчика древнего текста-основы, содержание которого не во всех случаях было полностью понятным историку XVIII в. Как отмечает Б. И. Яценко, «в переводе В. Н. Татищева текст-основа утрачивает свой неповторимый колорит и стиль, особенно когда переводчик прибегает к описательности, лишь угадывая смысл. А это означает, что он имел дело с аутентичным текстом».[3]

В пользу подобного заключения может свидетельствовать и еще одно интересное наблюдение Б. И. Яценко. При переводе на современный язык послания Романа Татищев старается избегать упоминаний о Руси и Русской земле, несущих важную

[3] *Яценко Б. І.* Розвиток державного устрою України-Русі наприкінці XII ст. (Проект Романа Мстиславовича і «Слово о полку Игоревім») // УІЖ. 1997. № 3. С. 125.

смысловую нагрузку в тексте первой редакции. Взамен историк использует отсутствовавшие в первоначальном известии выражения, которые, по его мнению, приближают современного читателя к пониманию сути описываемых явлений.

Таблица 3

Переосмысление В. Н. Татищевым терминов «Русь» и «Русская земля» при переводе на современный язык проекта 1203 г.

Первая редакция	*Вторая редакция*
от всея Руския земли	от всего государства
в просто Руси	в Киеве
егда князь великий в Рускую землю на киевский стол изберется	когда тако князь великий на киевский престол избран будет

Такие поправки явились необходимым следствием формирования нового, имперского сознания петровской эпохи. Исключение упоминаний о Руси «соответствует имперским претенциозным требованиям, по которым Русью (Россией) в соответствии с указом Петра I 1713 г. стала называться бывшая Московия».[4] Разумеется, что в тексте сообщения о проекте Романа первой редакции, максимально приближенном к летописному оригиналу, подобных корректировок древнерусской политической традиции быть не могло.

Но в тексте второй редакции сообщения о проекте 1203 г. можно видеть ряд более существенных изменений содержания первоначального известия, выходящих далеко за рамки обычного перевода и редакторской правки, связанных с адаптацией древнего текста к восприятию читателя нового времени.[5] Наиболее значительными представляются следующие:

1. В первой редакции Роман посылает посольство к Всеволоду Большое Гнездо во Владимир и сам Всеволод назван князем Владимирским, во второй же редакции посольство отправляется в Суздаль и Всеволод именуется суздальским князем;
2. В основной части сообщения о проекте, где излагаются собственно предложения Романа, во второй редакции существенно скорректирован один из наиболее важных пунктов — об общих правилах наследования княжеского стола. Если в первой редакции при отсутствии сына княжеский стол предлагается передать «брату родному», то во второй редакции — «брату старейшему по нем»; в случае же отсутствия такового у князя первая редакция указывает на «старейшего его рода», а вторая — на того, «кто есть старейший по линии в роде его»;
3. Наконец, в завершении рассказа во второй редакции появляется дополнительное известие, что, уходя из Киева, Роман оставляет там Игоря (Ингваря) Ярославича.

---

[4] Там же. С. 126.

[5] См.: *Богданов В. П.* Романовский проект 1203 г.: памятник древнерусской политической мысли или выдумка В. Н. Татищева // Сб. РИО. Т. 3 (151). М., 2000. С. 220–221.

* * *

Начнем с последнего. Само по себе известие о том, что, уходя из Киева, Роман оставляет там своего «подручника», луцкого князя Игоря (Ингваря) Ярославича, не содержит ничего невозможного и у многих историков вызывает доверие. «Довольно вероятным» назвал его М. С. Грушевский,[6] ведь точно так же Роман поступил после первого захвата Киева в 1202 г.

Об этом первом посажении в Киеве Игоря Ярославича сообщается в нескольких русских летописях.[7] Лаврентьевская и Радзивиловская летописи уточняют важную деталь: князя «посади великии князь Всеволод и Романъ».[8] Весьма вероятно, что произошедшее через год новое вокняжение в Киеве Игоря также могло быть санкционировано не только Романом, но и могущественным Всеволодом Большое Гнездо. В силу этого «татищевское известие» вслед за Грушевским принимают и некоторые новейшие историки, считая, что и после второго свержения Романом Рюрика в Киеве вновь был посажен Игорь Ярославич.[9]

Впрочем, не все исследователи склонны доверять Татищеву, предпочитая его известию сообщения других источников или собственные гипотетические выкладки. Иногда высказывается предположение, что Татищев попросту мог перепутать даты или внести сообщение о вокняжении Игоря Ярославича в Киеве второй раз по ошибке.[10] В результате можно наблюдать весьма значительный разброс мнений по интересующему нас вопросу. Одни историки считают, что в 1203–1205 гг. в Киеве княжил Рюрик Ростиславич,[11] другие думают, что власть в столице Руси принадлежала непосредственно Роману Мстиславичу.[12] Согласно Н. Ф. Котляру, с 1204 г. киевский стол занимал Ростислав Рюрикович, а фактическим правителем всей Южной Руси являлся Роман Мстиславич.[13]

Но вернемся к известию Татищева о повторном вокняжении в Киев Игоря Ярославича. Каким могло быть его происхождение? Летописи не дают точных сведений о наличии особого киевского князя в 1203–1205 гг., то есть вплоть до смерти Романа Мстиславича. Изучение вопроса чрезвычайно затруднено ввиду значительных фактических и хронологических нестыковок основных версий киевских событий начала XIII в., представленных в дошедших до нас летописях.

---

[6] См.: *Грушевський М. С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. Київ, 1991. С. 267.

[7] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 418; Т. VII. М., 2001. С. 107; Т. X. М., 2000. С. 34; Т. XV. М., 2000. Стб. 291; Т. XXXVIII. Л., 1989. С. 154.

[8] Там же. Т. I. Стб. 418; Т. XXXVIII. С. 154.

[9] *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 274; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 65; *Войтович Л. В.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX–початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. С. 225.

[10] *Богданов В. П.* Романовский проект 1203 г. С. 221.

[11] *Горский А. А.* Русские земли XIII–XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. С. 14.

[12] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 495; *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 264.

[13] *Котляр М. Ф.* 1) Данило Галицький. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 52–53; 2) Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 266–267.

Как считает Н. Ф. Котляр, «татищевское известие» о вокняжении в Киеве Игоря Ярославича в 1203 г. нельзя принимать как твердый факт, почерпнутый из надежного источника. В данном случае мы имеем дело с «мнением» Татищева, «которое носит скорее логический характер».[14]

Данную точку зрения развивает А. П. Толочко. Рассматриваемое известие — «это собственная догадка Татищева, сделанная им по аналогии с первым захватом Киева Романом в 1202 г. (у Татищева — под 1201-м), о чем сигнализирует слово "паки"».[15]

Все это, однако, не более чем предположения исследователей, которые могут иметь значение лишь в плане самой общей оценки «татищевского известия». Доказать с помощью предположений, что Татищев сам выдумал факт повторного вокняжения в Киеве Игоря Ярославича, невозможно. Этот факт приобретает или утрачивает черты достоверности только в контексте общего отношения к известиям Татищева о политической деятельности Романа Мстиславича и прежде всего об обстоятельствах выдвижения им «конституционного проекта» в 1203 г.

Но даже если допустить, что факт повторного вокняжения Игоря Ярославича был получен Татищевым не из древнего источника, а выведен логически, путем сопоставления и анализа различных данных и, таким образом, является предположением или «мнением» историка, подобное допущение нельзя принимать как доказательство подложности известия о Романовском проекте.

Татищев не был лишь переписчиком летописей, и задача его труда не ограничивалась только составлением компиляции из нескольких источников. Татищев был историком, для которого летописные известия являлись исходным материалом, подлежащим дальнейшей критической переработке. По-своему переосмысливая и интерпретируя известия источников, он исходил из собственных представлений и понимания исторической действительности. Именно задачи такого рода (наряду с учетом новых фактических данных) решал автор «Истории Российской» в работе над ее второй редакцией.

Бессмысленно упрекать Татищева за то, что он «не проводил различия» между текстом Романова проекта и собственными текстами.[16] Это — «характерная манера» на только Татищева, но и всей русской историографии первой половины — середины XVIII в., унаследованная еще от эпохи средневековья. По верному замечанию А. Л. Шапиро, в период становления русской исторической науки авторские догадки и добавления не отделялись четко от известий источника, и творчество «последнего русского летописца» в этом отношении не составляло никакого исключения.[17]

---

[14] *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 119.

[15] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 302.

[16] Там же.

[17] *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года. СПб., 1994. С. 188.

* * *

Работая над второй редакцией основной части сообщения о проекте Романа, В. Н. Татищев корректирует положение об общих правилах наследования княжеского стола, то есть вносит изменения в один из наиболее важных пунктов предложений галицко-волынского князя.

Таблица 4

Разночтения первой и второй редакций в правилах наследования по проекту Романа 1203 г.

Юридический казус	*Первая редакция*	*Вторая редакция*
после смерти князя княжеский стол передается:	старшему сыну	старшему сыну
при отсутствии у князя сыновей княжеский стол передается:	родному брату	старшему брату или старшему по линии в роде
при отсутствии у князя сыновей и родных братьев княжеский стол передается:	старшему в роде	

Изменения, как видим, выходят далеко за рамки перевода с «древнего наречия» на «настоящее», стилистического усовершенствования или уточнения смысла неясных выражений. Едва ли прав был В. П. Богданов, полагая, что в данном случае автор «Истории Российской» «дает лишь толкование, причем правильное, одного из пунктов Романовского проекта».[18] Татищев затрагивает содержательную сторону известия, пересматривает и дополняет предложения Романа по существу.

А. П. Толочко видит здесь след фальсификации источника. Чтобы избежать разоблачений, Татищев стремился улучшить качество изготовленной им подделки. В первой редакции мысль об упорядочении правил наследования княжеского стола была выражена слишком невнятно. С целью исправить собственные недоработки «от редакции к редакции Татищев снимает возможные двусмысленности и недоразумения при трактовке, возможно, непонятных предложений Романа»[19] или «устраняет возможные двусмысленности документа, уточняет формулировки и сужает рамки толкования».[20]

Получается, что, несмотря на общую оценку Романова проекта как подделки, вышедшей из-под пера самого Татищева, А. П. Толочко все же считает, что в работе над ним историк проявляет себя лишь как научный редактор, устранявший двусмысленности, уточнявший формулировки и по-своему толковавший смысл полученного им документа. «Татищев обращался с текстом Романового проекта <...> в характерной для него редакторской манере», — заключает новейший исследователь.[21]

---

[18] *Богданов В. П.* Романовский проект 1203 г. С. 220.

[19] *Толочко А. П.* Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г.: опыт источниковедческого исследования // ДГ. 1995 г. М., 1997. С. 248.

[20] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 302.

[21] Там же.

Как уже отмечалось, нам представляется, что в данном случае нужно говорить о более серьезных изменениях в тексте второй редакции проекта, чем обычная редакторская правка. Татищев не редактирует, а существенно меняет первоначальный смысл Романовых предложений. В новой редакции полностью исключен третий казус наследования княжеского стола, когда в числе наследников не окажется ни сыновей, ни родных братьев умершего князя. Вместо этого в новой редакции существенное развитие получает второй казус: при отсутствии сыновей князю наследуют старший брат или старший по линии в роде (в первой редакции в числе наследников значится только родной брат).

Помимо изменений, касающихся оформления содержания документа (два казуса наследования во второй редакции вместо трех — в первой) Татищев корректирует положения, определяющие принципы наследования княжеской власти. Если в первой редакции родовой принцип наследования столов еще сочетается с семейным (преимущество получает старший сын, а после него родной брат и старший в роде), то во второй редакции полностью утверждается семейный принцип (наследниками поочередно считаются старший сын, старший брат или старший по линии в роде), то есть в числе наследников остаются только ближайшие родственники правителя и его прямые потомки.

Об этом свидетельствует терминология, использованная Татищевым при составлении второй редакции Романова проекта, где степень «родного брата» заменена на «старшего брата», а вместо понятия «старейшего рода» фигурирует новое определение «старейшего по линии в роде». В русском языке XVIII в. выражение линия могло означать «последовательный ряд лиц, соединенных кровной связью; ряд от предков к потомкам».[22] Причем термины линия и род, употреблявшиеся в контексте брачно-семейных или кровно-родственных отношений, имели четкое различие: линия понималась как часть рода или родового клана (дома); последний состоял из нескольких линий или семейных групп, которые могли быть в согласии друг с другом или же враждовать.

К примеру, во времена Татищева в газете «Санкт-Петербургские ведомости» можно было прочитать следующее сообщение:

> Между Дофеном и Гишпанскою Принцессою, Мариею Терезиею, брачное сочетание заключается, которое к содержанию <...> согласия между обеими главнейшими линиями Бурбонскаго дому служить имеет.[23]

В другом памятнике XVIII в. речь идет об общегражданском порядке наследования прав. Принцип наследования *по линии* поставлен здесь во главу угла с определением правого механизма его действия:

[22] СлРЯз XVIII в. Вып. 11. СПб., 2000. С. 181.

[23] Там же.

Когда наследование по праву старшинства не будет назначено особливым утверждающим оное правилом, то в первом случае должно принимать в уважение линию, потом колено, в третьих пол, а на последок возраст.[24]

Тем самым, когда Татищев во второй редакции, составленной современным ему языком, говорит о наследовании власти князя по линии в роде, то несомненно имеет в виду круг ближайших кровных родственников, ограничивающийся пределами одной княжеской семьи.

При этом историк не был полностью свободен в трактовке предложений Романа и не позволял себе приписывать этому князю собственные идеи, домысливать положения проекта. Если иногда Татищев все же мог дать волю своему редакторскому вмешательству в текст документа, то в итоге должен был пресекать подобные вольности. Об этом свидетельствует тщательность, с которой историк работал над текстом второй редакции Романова проекта. В Воронцовском списке после слов «отдать брату старейшему по нем» значилось «или его сыну», впоследствии зачеркнутое.[25]

Нам остается рассмотреть еще одно изменение, внесенное Татищевым в текст второй редакции проекта Романа, где Всеволод Большое Гнездо назван суздальским князем, тогда как в первой редакции он представлен князем владимирским. Это изменение в тексте проекта связано с более общей проблемой атрибуции княжеского стола Всеволода, в разное время решавшейся Татищевым по-разному, и требует специального рассмотрения.

[24] Там же.

[25] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 287, вар. 456.

Глава пятая

ОБ АТРИБУЦИИ КНЯЖЕСКОГО СТОЛА ВСЕВОЛОДА БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО: ДАННЫЕ ЛЕТОПИСЕЙ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»

Колебания Татищева в определении места пребывания великого князя Всеволода Юрьевича. — Влияние Никоновского свода и южнорусского летописания на атрибуцию великокняжеского стола. — Источники сведений второй редакции о пребывании Всеволода в Суздале

Сопоставляя тексты первой и второй редакций «конституционного проекта» Романа, исследователи неоднократно отмечали несоответствие в них атрибуции княжеского стола Всеволода Юрьевича: если в первой редакции он именуется владимирским князем и принимает послов Романа во Владимире, то во второй редакции — суздальским, княжившим в Суздале.

В. П. Богданов объясняет это несоответствие тем, что при составлении текста Романовского проекта во второй редакции В. Н. Татищев мог перенести на Всеволода Большое Гнездо титул его отца Юрия Долгорукого, именовавшегося суздальским князем. При этом исследователь признает, что данный вопрос вызывает у него некоторые затруднения.[1]

Б. И. Яценко видит в замене титула Всеволода грубую ошибку Татищева, допущенную им из-за слишком вольного обращения с текстом источника:

> Татищев стремился, очевидно, устранить возможное недоразумение в виду совпадения названий двух столиц — Владимира-Волынского и Владимира-Суздальского. И допустил серьезную ошибку — заменил в перечне князя владимирского на князя суздальского.[2]

Всеволод не принадлежал к «местным князьям», рассуждает Б. И. Яценко, в их перечне назван был владимиро-волынский князь и фактически очерчена

---

[1] *Богданов В. П.* Романовский проект 1203 г.: памятник древнерусской политической мысли или выдумка В. Н. Татищева // Сб. РИО. Т. 3 (151). М., 2000. С. 220.

[2] *Яценко Б. І.* Розвиток державного устрою України-Руси наприкінці XII ст. (Проект Романа Мстиславича і «Слово о полку Ігоревім»). УІЖ. 1997. № 3. С. 126.

территория «просто Руси». «Суздаль не принадлежал к местным княжествам и находился за границами Руси».[3] Поэтому, признавая родовое старейшинство суздальского князя, Роман Мстиславич «все же не считает возможным, чтобы тот участвовал в выборах великого киевского князя», исключая тем самым «какое-либо участие суздальского князя в русских делах».[4]

Подобное предположение, на наш взгляд, не имеет ничего общего с политической реальностью конца XII–начала XIII вв. Если встать на точку зрения Б. И. Яценко, то придется признать, что ко времени написания проекта Всеволод Большое Гнездо сидел во Владимире-Волынском, поскольку именно к нему во Владимир посылал Роман своих послов. Если же все-таки считать Всеволода владимиро-суздальским князем, получится, что Роман из Киева посылал посольство к самому себе во Владимир (Волынский).[5]

«Расхождение в перечне "местныхъ" князей, среди которых одни названия исчезают, другие появляются», стало также предметом внимания О. А. Купчинского. Исследователь указывает, что в списке, отражающем первую редакцию, значатся владимирский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский князья, а в списке второй редакции — суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский.[6]

> Является ли это лишь редакционной непоследовательностью? — задается вопросом историк, предлагая в итоге вполне определенный ответ: — Приведенные данные отклоняют предположение отдельных исследователей об аутентичности документа (проекта Романа. — *А. М.*) в том варианте, в каком он сохранился и дошел до наших дней.[7]

Разумеется, в данном случае речь не может идти о какой-либо «редакционной непоследовательности» Татищева, допустившего расхождения в списках князей-«курфюрстов» по недосмотру. На это указывает прежде всего характер расхождений. О. А. Купчинский слишком преувеличивает степень несоответствия списков местных князей, среди которых будто бы «одни названия исчезают, а другие появляются». На самом деле следует говорить лишь о замене во второй редакции Романова проекта «владимирского» князя на «суздальского».

Но и подобная замена не может быть воспринята как доказательство фальсификации Татищевым «конституционного проекта» князя Романа. Достаточно внимательнее присмотреться к текстам основных редакций второй части «Истории Российской», чтобы убедиться в широком распространении подобных правок и в том, что замена во второй редакции Владимира на Суздаль как места

---

[3] Там же. С. 127

[4] Там же. С. 130.

[5] См.: *Толочко О. П.* Дещо про коректність полеміки, професіоналізм і обов'язок історика // УІЖ. 1997. № 3. С. 137.

[6] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII–першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 423.

[7] Там же.

пребывания князя Всеволода Юрьевича отнюдь не представляет собой исключительного случая, встречающегося только в тексте послания Романа и тем самым компрометирующего его. Аналогичные поправки неоднократно встречаются у Татищева в известиях, достоверность которых не вызывает сомнения, так как они непосредственно заимствованы из известных ныне аутентичных источников.

Так, к примеру, под 1197 г. в первой редакции «Истории Российской» новгородцы шлют послов к Всеволоду «в Володимир»;[8] а во второй редакции — «в Суздаль».[9] Под 1206 г. во второй редакции выгнанный Всеволодом Чермным из Переяславля Ярослав Всеволодович вернулся к своему отцу «в Суздаль»,[10] тогда как в первой редакции значится: «Ярослав прииде ко отцу своему в Володимерь».[11]

Нередко Татищев в тексте второй редакции специально прибавлял упоминание о Суздале как резиденции Всеволода. Под 1190 г. в первой редакции значится, что, изгнав венгров из Галича, Владимир Ярославич «посла ко уеви своему великому князю Всеволоду Юрьевичю»;[12] во второй редакции добавлено: «немедленно послал с ведомостью к вую своему Всеволоду в Суздаль».[13] Под 1193 г. во второй редакции упоминание о Суздале добавлено в сообщение о том, что по просьбе Всеволода Юрьевича смоленский князь Давыд Ростиславич отправил к нему («в Суздаль») Ростислава Рюриковича.[14] Под 1202 г. в рассказе о посольстве Романа Мстиславича и Рюрика Ростиславича к Всеволоду Юрьевичу во второй редакции дополнительно сообщается, что взятую с Рюрика крестоцеловальную грамоту Роман велел отослать к Всеволоду «в Суздаль».[15] Рассказывая под 1210 г. о поездке киевского митрополита Матфея ко Всеволоду Юрьевичу, во второй редакции Татищев добавил, что митрополит «просился для церковных нужд в Суздаль и Новгород».[16]

Иногда эта же тенденция находила несколько иное выражение. В тексте второй редакции подвергалось изъятию упоминание Владимира в сообщениях, относящихся к делам Всеволода. Под 1198 г. в первой редакции читаем о «великой радости» по случаю рождения у Всеволода сына Ивана «в Володимере»;[17] во второй редакции упоминание о радости во Владимире отсутствует.[18]

Как видим, замену Владимира на Суздаль в качестве места пребывания великого князя Всеволода нельзя связывать лишь с текстом Романова проекта.

---

[8] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. IV. М., 1995. С. 325.
[9] Там же. Т. III. М., 1995. С. 165.
[10] Там же. С. 176.
[11] Там же. Т. IV. С. 333.
[12] Там же. С. 312.
[13] Там же. Т. III. С. 150.
[14] Там же. С. 154; ср.: Т. IV. С. 316.
[15] Там же. Т. III. С. 168; ср.: Т. IV. С. 328.
[16] Там же. Т. III. С. 183; ср.: Т. IV. С. 340.
[17] Там же. Т. IV. С. 325.
[18] Там же. Т. III. С. 165.

Отметивший это важное обстоятельство А. П. Толочко дает ему следующее объяснение:

> Вероятно, с некоторого времени у Татищева возникла стойкая уверенность, что Всеволод Юрьевич сидел в Суздале, и историк последовательно заменяет «Владимир» первой редакции на «Суздаль» (либо добавляет «Суздаль») там, где в первой редакции стол Всеволода не указан)».[19]

Сразу скажем, что данное объяснение не отражает действительного отношения Татищева к вопросу о резиденции Всеволода Большое Гнездо и поэтому не может быть нами принято. Никакой «последовательной замены» Владимира на Суздаль в новой редакции своего произведения историк не проводил, и, следовательно, нет оснований думать, что у него будто бы возникла на сей счет некая «стойкая уверенность». Судя по имеющимся у нас текстам второй части «Истории Российской», Татищев вообще был весьма далек от того, чтобы решать вопрос о месте пребывания князя Всеволода.

Так, наряду с упоминанием Суздаля во второй редакции «Истории Российской» в качестве резиденции Всеволода Юрьевича мы неоднократно встречаем однозначные указания на Владимир. Под 1178 г. читаем, что после похода на Новгородскую землю Всеволод «возвратился во Владимер».[20] Под 1184 г. находим, что, совершив поход на мордву, Всеволод опять-таки пришел «во Владимир».[21] Под 1186 г. сообщается о решении пронского князя Всеволода Глебовича «ехать самому ко Всеволоду во Владимир».[22] Под 1188 г. рассказывается, как по просьбе рязанских князей быть посредником на переговорах со Всеволодом взялся черниговский епископ Порфирий, который, «пришед во Владимир, прилежно Всеволода о мире с резанскими князи просил».[23]

Далее. Под 1192 г. Татищев помещает сообщение о совершении обряда посажения на коня сына Всеволода Юрия. Рассказ завершается словами: «и была во Владимире радость великая», из чего следует, что Всеволод и его сын пребывают во Владимире.[24] Под 1195 г. рассказывается о свадьбе старшего сына Всеволода Константина, на которой среди множества гостей присутствовал и великий князь. В завершении звучит характерная фраза, не оставляющая сомнения в отношении места совершившегося события: «И была во Владимире о том радость великая».[25] Под 1196 г. читаем, что, уладив свои дела с черниговскими князьями, «Всеволод пришел во Владимер <...> с великою радостию всех людей».[26] Под 1199 г. встречаем известие о том, как по просьбе рязанских князей Всеволод совершил поход на по-

---

[19] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 302.

[20] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 120.

[21] Там же. С. 130.

[22] Там же. С. 140.

[23] Там же. С. 144.

[24] Там же. С. 153.

[25] Там же. С. 160.

[26] Там же. С. 163.

Ил. 7. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Миниатюра из Царского титулярника («Большая государева книга, или Корень российских государей». 1672 г.)

ловцев. Последние успели укрыться в степи, и, не сумев их найти, великий князь «возвратился и пришел во Владимер июниа в 5 день».[27]

Из сообщений о конфликте Всеволода с черниговскими и рязанскими князьями, помещенных под 1208 г., также явственно следует, что князь пребывал в это время во Владимире. Готовясь к войне с Ольговичами, Всеволод собрал свои войска и вызвал сына Константина из Новгорода, а сам «пошел из Владимеря» навстречу.[28] Победив рязанских князей и некоторых из них захватив в плен, Всеволод, «собрав войска, оставя Резанскую область в мире, возвратился во Владимир».[29] Вскоре после этого рязанцы и «остальных своих князей послали ко Всеволоду во Владимер».[30]

В то же время, в целом ряде случаев в качестве резиденции великого князя Всеволода Суздаль выступает не только во второй, но и в первой редакции «Истории Российской», — в известиях, повторяющих друг друга. Под 1184 г. читаем о том, что бежавшего из Галича Владимира Ярославича смоленский князь Давыд Ростиславич отослал «в Суздаль ко Всеволоду, уеви своему»;[31] в новой редакции этот текст оставлен почти без изменений: Давыд «проводил его (Владимира. — *А. М.*) в Суздаль к вую его Всеволоду Юриевичу».[32] Под 1188 г. в обеих редакциях звучит сообщение о возможном браке сына Рюрика Ростиславича и дочери Всеволода Юрьевича; для ведения брачных переговоров к Всеволоду в Суздаль был направлен посол Рюрика.[33] Под 1196 г. сообщается о еще одном посольстве Рюрика Ростиславича к Всеволоду Юрьевичу в Суздаль.[34]

* * *

Итак, приведенные нами факты ясно показывают, что у В. Н. Татищева не было четкого представления о том, где именно пребывал великий князь Всеволод Юрьевич, точнее говоря, в каком из городов Владимиро-Суздальской

[27] Там же. С. 166.
[28] Там же. С. 177.
[29] Там же. С. 181.
[30] Там же.
[31] Там же. Т. IV. С. 301.
[32] Там же. Т. III. С. 133.
[33] Там же. Т. IV. С. 309; Т. III. С. 144.
[34] Там же. Т. IV. С. 322; Т. III. С. 161.

земли — Владимире или Суздале — находилась его постоянная резиденция. Тем не менее историк не старается обходить этот вопрос стороной, а, наоборот, во множестве случаев сопровождает свои сообщения о Всеволоде прямыми указаниями на место расположения его стола, не смущаясь, по-видимому, тем обстоятельством, что эти указания часто не совпадают друг с другом.

Если Татищев не имел собственного однозначного мнения о том, в каком городе княжил Всеволод, то чем же тогда руководствовался историк, определяя место пребывания великого князя для конкретного случая? Ответ на этот вопрос, как нам кажется, вполне очевиден. Не имея собственного общего представления по данному вопросу, Татищев неизбежно должен был следовать непосредственно за источником, воспроизводя содержащиеся в нем указания. Замена в дальнейшей работе над текстом «Истории Российской» одного города на другой (Владимира на Суздаль) могла произойти при условии, что автор с какого-то момента отдавал предпочтение другому источнику, содержащему альтернативную информацию.

То же самое, по-видимому, следует сказать и о появлении во второй редакции новых указаний о нахождении княжеского стола Всеволода в Суздале. И поскольку названные замены и дополнения не затронули всего текста «Истории», а были произведены лишь в отдельных случаях, можно говорить, что Татищев располагал необходимыми для подобной правки основаниями лишь в отношении отдельных эпизодов своего повествования.

Очевидно, что поначалу, работая над первой редакцией «Истории Российской», в сообщениях о Всеволоде Большое Гнездо В. Н. Татищев отдавал предпочтение известиям Никоновской летописи — одного из своих главных источников. Под названием «Летописец Воскресенского монастыря, подписанный Никоном патриархом» она была отмечена автором среди использованных им летописей еще в предварительной редакции 1739 г.,[35] а затем дважды указана в соответствующих разделах первой и второй редакций «Истории Российской».[36]

Характерной особенностью известий Никоновской летописи о Всеволоде Юрьевиче является тот факт, что князь регулярно именуется в этом источнике — в соответствии со своей принадлежностью именно владимирскому столу — *владимирским князем* или *великим князем Владимирским*; Всеволод постоянно сидит и правит во Владимире, принимает здесь послов, отсюда совершает военные походы и проч.

Например, после победы над рязанским князем Глебом «князь Всеволод Юрьевич Владимерский» возвратился «въ Володимерь съ радостию велиею».[37] «Князь велики Всеволодъ Юрьевичь Владимерский сотвори миръ и любовь съ Новгородци».[38] «Князь велики же Всеволодъ Юрьевичь Владимерский поима гости Новогородцкиа».[39] «Князь велики же Всеволодъ Юрьевичь Владимерский

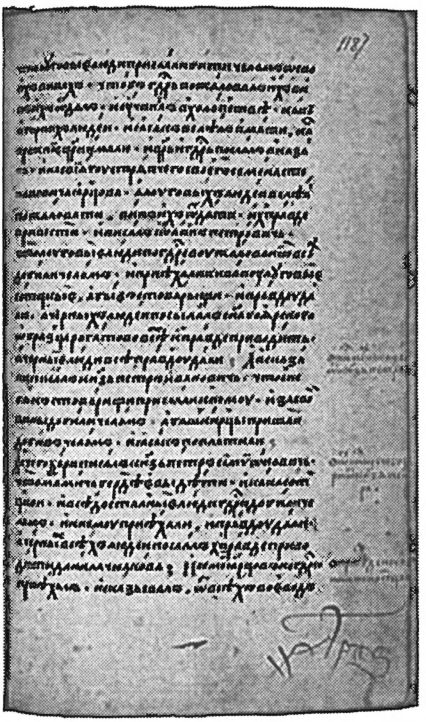
[35] См.: Там же. Т. VII. М., 1996. С. 57–59.

[36] См.: Там же. Т. IV. С. 47–49; Т. II. М., 1995. С. 123–125.

[37] ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 5.

[38] Там же. С. 6.

[39] Там же. С. 7.



Ил. 8. Страница Академического XV списка Никоновской летописи. Середина XVII в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

иде ко граду Рязани».[40] Новоторжцы «начя воевати по Волзе грады, и власти и села князя Всеволода Юрьевичя Владимерскаго»[41] и т. п.

Создается впечатление, что, в отличие от других русских летописей (включая и те, которыми мог пользоваться Татищев), составитель Никоновского свода как бы нарочито подчеркивает принадлежность Всеволоду владимирского стола, что можно видеть в большинстве известий свода, в которых этот князь был хотя бы коротко упомянут.[42]

Достоверно известно, что в руках Татищева действительно находился один из списков Никоновской летописи, — так называемый Академический XV список, поступивший в Библиотеку Академии наук от Феофана Прокоповича в 1736 г.[43] О том, что Татищев широко пользовался именно этим списком, свидетельствуют многочисленные пометки, оставленные его рукой, в том числе заголовки, практикуемые в тексте «Истории Российской». Кроме того, рукопись была разделена на два тома в соответствии с разбивкой второй и третьей частей «Истории».[44]

Историк придавал большое значение этому, сравнительно поздно полученному источнику в работе не только над второй, но и над третьей частью «Истории Российской», в основу которой был положен именно Академический XV список Никоновской летописи,[45] хотя в дальнейшем его предпочтения изменились.

Однако в ходе своей работы над текстом второй редакции второй части «Истории Российской» Татищев стал отклоняться от прежней атрибуции Всеволода как владимирского князя, возникшей под влиянием известий Никоновской летописи. Произошло это на фоне общего увеличения количества и пересмотра известий, включенных в состав новой, расширенной редакции «Истории». Как отмечают

[40] Там же. С. 8.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 9–10, 12, 14–19, 21–27, 29–37, 48–51, 53–63 и др.; см. также: ПСРЛ. Т. XIV, 2-я пол. М., 2000. Указатель лиц. С. 35.

[43] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961. С. 254.

[44] *Клосс Б. М., Корецкий В. И.* В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // ЛХ. 1980 г. М., 1981. С. 10; *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева… С. 61–62.

[45] *Валк С. Н.* О рукописях третьей части «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. V. М., 1996. С. 9–10.

исследователи, в основе данной работы лежало стремление автора найти новые факты не только во вновь открытых источниках, но и в известных уже летописях путем их более тщательного изучения.[46] В результате историк оказался под влиянием источников, в ряде случаев по-иному трактующих принадлежность княжеского стола Всеволоду Юрьевичу.

Такими источниками, к которым заново обращался Татищев, могли быть прежде всего находившиеся в его руках манускрипты, соотносящиеся с известными ныне списками Ипатьевской летописи. Как известно, историк не был знаком с Ипатьевской летописью в том виде, в каком она доступна современной науке. В его распоряжении были в значительной мере близкие к ней (или к одному из ее существующих ныне списков), отражающие традиции южнорусского летописания Раскольничий и Голицынский манускрипты, происхождение, состав и последующая судьба которых до сих пор вызывают серьезные разногласия у исследователей.[47]

В противоположность Никоновскому своду, Ипатьевская летопись последовательно атрибутирует Всеволода как *суздальского князя*; Всеволод княжит и принимает послов других князей в Суздале. Так, под 1180 г. читаем: «Всеволодъ же Соуждальскии поусти Глеба Святославича из оковъ».[48] Под 1187 г. значится: «родися сынъ оу великаго (князя) Всеволода в Соуждали».[49] Под 1190 г. сообщается, что галицкий князь Владимир Ярославич «посла ко Всеволодоу ко оуеви своемоу в Соуждаль».[50] Под 1194 г. киевский князь Святослав Всеволодович, собираясь идти на рязанских князей, «послашася ко Всеволодоу в Соуждаль, просячися оу него на Рязань».[51] Под 1195 г. к Рюрику Ростиславичу прислал своих послов Всеволод Юрьевич, «князь Соуждальскы».[52] Под 1196 г. сообщается об ответном посольстве Рюрика: «Рюрикъ, сдоума с моужи своими, посла посолъ ко сватоу своемоу Всеволодоу, Соуждальскомоу князю...».[53]

* * *

Если обратиться к фактам замены или уточнения Татищевым места княжения Всеволода во второй редакции, то можно заметить, что в ряде случаев они

---

[46] *Клосс Б. М., Корецкий В. И.* В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей. С. 11.

[47] См.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. I. С. 256–258; *Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. I. М., 1994. С. 48–49; *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 185, 198, 226, 270; *Кучкин В. А.* К спорам о В. Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971; *Клосс Б. М., Корецкий В. И.* В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей; *Яценко Б. И.* 1) Черниговская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 г. // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1987; 2) Про українські джерела «Истории Российской» В. М. Татищева // УІЖ. 1996. № 1; *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... Гл. 3.

[48] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 624.

[49] Там же. Стб. 659.

[50] Там же. Стб. 667.

[51] Там же. Стб. 679.

[52] Там же. Стб. 683.

[53] Там же. Стб. 694.

действительно обнаруживают определенную связь с соответствующими известиями Ипатьевской летописи.

Появление во второй редакции в сообщении о посольстве к Всеволоду галицкого князя Владимира Ярославича (под 1190 г.) добавления, что посольство было направлено «в Суздаль», несомненно, отображает стремление автора к более полной передаче соответствующего известия древнего южнорусского летописца, отразившегося также в сообщении Ипатьевской летописи:

История Российская, 1190 г.	*Ипатьевская лет., 1190 г.*
И немедленно послал с ведомостью к вую своему Всеволоду в Суздаль, прося его, чтоб не допустил паки его изгнать, обещався быть всегда в воли его.[54]	И посла ко Всеволодоу ко оуеви своемоу в Соуждаль. И моляся емоу: «Отче, господине! Оудержи Галичь подо мною. А язъ Божии и твои есмь со всимъ Галичемь, а во твоеи воле есмь всегда».[55]

Подобное известие в целом, как и появившееся во второй редакции дополнение о Суздале, Татищев мог почерпнуть только из источника, близкого к Ипатьевской летописи, поскольку в других имевшихся у него списках (Радзивиловской, Новгородской Первой, Воскресенской или Никоновской летописей) оно отсутствует. Из сопоставления текстов явствует, что историк непосредственно следует за своим источником, в точности передав все смысловые элементы его сообщения.

То же самое следует сказать и в отношении помещенного под 1193 г. сообщения о том, как по просьбе Всеволода Юрьевича смоленский князь Давыд Ростиславич отправил к нему Ростислава Рюриковича, к которому во второй редакции прибавлено упоминание о Суздале.

История Российская, 1193 г.	*Ипатьевская лет., 1193 г.*
Ростислав же выпросился у отца ко стрыю своему Давиду в Смоленск (*далее в Воронцовском списке значится зачеркнутое*: и к тестю в Суздаль[56]) и с домом. Давид вельми обрадовался приезду Ростиславлю, принял его с честию и веселия многия для него учинил. Всеволод Юриевич, уведав, что зять его и з дочерью в Смоленске, послал его звать к себе. Ростислав испроси у стрыя позволения, и Давид, одаря его, отпустил в Суздаль к тестю его и с домом, чему князь великий Всеволод вельми обрадовался и держал у себя зятя с дочерью до лета с великою любовию и, одаряя, отпустил, проводя их три дни со множеством вельмож своих.[57]	А Ростиславъ испросися оу отца ко строеви своемоу ко Смоленьскоу съ саигаты ко Давидови. И приеха Ростиславъ ко строеви своемоу, победивъ Половци, славою великою. Слышавъ же Всеволодъ, тесть его, и позва и к собе. Ростиславъ же еха ко цтю своемоу в Соуждаль со саигаты. Тесть же его, державъ оу себе зимоу всю и одаривъ даръми многими, и со честью великою зятя своего и дчерь свою и отпоусти во свояси.[58]

Сообщение о поездке Ростислава к Всеволоду и включенное во вторую редакцию упоминание Суздаля как места пребывания последнего могли быть заимствованы Татищевым из того же, близкого к Ипатьевской летописи источника. Структурно это сообщение полностью повторяет соответствующее известие Ипатьевской летописи.

---

[54] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 150.

[55] ПСРЛ. Т. II. Стб. 667.

[56] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 286, вар. 345.

[57] Там же. С. 154.

[58] ПСРЛ. Т. II. Стб. 678–679.

Как и в случае с известием о Владимире Ярославиче, подобных сведений нет ни в одной другой летописи, доступной автору «Истории Российской». В обоих случаях датировка «татищевских известий» совпадает с хронологией Ипатьевской летописи.

Есть и еще одна, весьма примечательная деталь, касающаяся использования Татищевым летописной терминологии. Выражение *саигать* (*сайгать*) встречается только в нескольких известиях Ипатьевской летописи.[59] Историк середины XVIII в. не смог определить его значения, о чем прямо уведомил своих читателей в специальном примечании: «Согоиты, видно, что слово иноязычное, но какого и что значит, неизвестно».[60] В первой редакции этот неясный термин Татищев оставил без перевода,[61] а во второй редакции неудачно перевел как «дом» или «княгиня с детьми».[62]

Позднейшими исследованиями в области сравнительного языкознания было установлено, что древнерусское *сайгать* может быть сопоставлено с чагатанским, азербайджанским и казахским *soγat* 'подарок, доля добычи'.[63] В древнерусском языке это заимствованное из тюркских языков слово также могло означать военную добычу, трофеи[64] или применяться в более узком смысле — 'дар, подарок из военной добычи'.[65]

Тот факт, что Татищев использовал этот редкий древнерусский термин, безусловно, подтверждает наличие в его руках аутентичного источника, близкого к Ипатьевской летописи, и, кроме того, свидетельствует о стремлении историка к возможно более полной передаче оригинальных летописных терминов, даже если их значение было ему самому не известно. В то же время, нельзя не заметить, что четко переданное во всех списках Ипатьевской летописи выражение «саигаты» Татищев воспроизводит в искаженном виде, допуская при этом различные варианты написания: «согаиты», «сагоиты» или «согоиты». Остается предположить, что текст, которым воспользовался историк в качестве источника известия о саигатах, по каким-то причинам содержал испорченное или неясное написание подлинного древнерусского термина.

Влияние южнорусского источника, близкого к Ипатьевской летописи сказалось также в работе Татищева над известиями о посольствах новгородцев к Всеволоду Юрьевичу в 1196–1197 гг. Вторая редакция «Истории Российской» содержит более подробную версию событий, включая упоминания Суздаля как места пребывания Всеволода.

Под 1196 г. Татищев сообщает, что новгородцы «вознегодовали паки на князя своего Ярослава Владимировича и посылали ко Всеволоду в Суздаль, прося его, чтоб Ярослава взял, а дал им сына своего или кого другаго».[66] Это посольство во

---

[59] Там же. Стб. 569, 857 и др.

[60] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 254, примеч. 556.

[61] Там же. Т. IV. С. 316.

[62] Там же. Т. III. С. 154.

[63] *Мелиоранский П. М.* Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени // ИОРЯС. Т. X, кн. 4. 1905. С. 127; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. СПб., 1996. С. 545; *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 134–135.

[64] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. М., 2003. Стб. 244.

[65] СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 23. М., 1996. С. 21.

[66] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 162.

главе с посадником Мирошкой по прибытии ко Всеволоду было силой задержано князем, а просьба новгородцев оставлена без удовлетворения. Такая же участь постигла и других послов. Тогда новгородцы изгнали Ярослава и пригласили на княжение сына черниговского князя Ярослава Всеволодовича Ярополка.[67]

Через год (1197) Всеволод потребовал удалить Ярополка из Новгорода. Новгородцы подчинились, после чего отправили к великому князю новых послов. На этот раз место пребывания Всеволода в первой и второй редакциях «Истории Российской» определено по-разному:

Первая редакция:	*Вторая редакция:*
А в Володимир ко Всеволоду послаша предния мужи, посадника Иванка, бояр и сотники.[68]	...послали в Суздаль к великому князю Всеволоду посадника Иванка, бояр знатнейших и сотников с годовою данью по уставу Ярославлю и со многоценными дарами.[69]

Всеволод простил новгородцев и вновь направил к ним Ярослава Владимировича.

Рассмотренный нами эпизод хорошо известен по сообщениям нескольких источников.[70] Наиболее полная версия представлена в Новгородской Первой летописи.[71] Кроме того, о противостоянии новгородцев и великого князя Всеволода сообщается в Никоновской и Воскресенской летописях.[72] Всеми названными источниками мог пользоваться Татищев, от редакции к редакции дополняя и уточняя свою версию событий 1196–1197 гг. Однако ни в одном из этих источников нет никакого упоминания о Суздале как месте пребывания Всеволода.

Зато подобное упоминание содержит Ипатьевская летопись, под 1196 г. представляющая свою версию отношений новгородцев со Всеволодом, изложенную в более сжатом виде:

> Тое же зимы выгнаша Новгородци Ярослава Володимерича из Новагорода, много славшеся ко Всеволодоу к Соуждальскомоу и молившеся емоу, да бы имъ далъ своего сына любо иного кого. Всеволодъ же ихъ воли не створи. Они же, ехавше ко Ярославоу ко Всеволодичю Черниговьскомоу, испросиша оу него сына меншаго Новоугородоу на столъ.[73]

О том, что в работе над данным эпизодом Татищев действительно мог пользоваться одним из своих южнорусских источников — близкой к Ипатьевской Раскольничей летописью — и во второй редакции воспользоваться содержащейся в ней атрибуцией княжеского стола Всеволода, свидетельствует примечание 562, следующее непосредственно за сообщением о примирении Всеволода с новгородцами: «Сим годом

[67] Это известие отсутствует в первой тедакции «Истории Российской» и впервые представлено в Воронцовском списке, отражающем начальный этап работы над текстом второй редакции (Там же. С. 284, вар. 1–1).

[68] Там же. Т. IV. С. 325.

[69] Там же. Т. III. С. 165.

[70] См.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 159–160.

[71] ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 42–43, 234–237.

[72] Там же. Т. X. С. 23, 30–31; Т. VII. М., 2000. С. 102.

[73] Там же. Т. II. Стб. 702.

кончился манускрипт Раскольничей, н. 2, которого конец утрачен».[74]

В следующем, 1198 г. прекращаются известия другого южнорусского источника, используемого Татищевым, — Голицынской летописи. Можно было бы ожидать, что теперь атрибуция княжеского стола Всеволода Юрьевича будет связана с Владимиром и колебания Татищева в этом вопросе прекратятся.

Этого, однако, не происходит. Под 1206 г. изгнанный из Переяславля Всеволодом Чермным сын Всеволода Большое Гнездо Ярослав в первой редакции «прииде ко отцу своему в Володимерь», а во второй редакции — «в Суздаль».

Как и в других рассмотренных случаях, упоминание Суздаля и замену Владимира на Суздаль в известии об изгнании Ярослава нельзя оценивать как результат произвольного обращения Татищева со своими источниками. Излагая обстоятельства этого изгнания, и в первой и во второй редакции историк четко следовал за своим главным источником — Никоновской летописью, где на этот раз Всеволод Юрьевич представлен суздальским князем.

Ил. 9. Страница Ипатьевского списка Ипатьевской летописи. Первая четверть XV в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Первая редакция	*Вторая редакция*	*Никоновская летопись*
Потом посла Всеволод к Ярославу Всеволодичу в Переяславль, рекий: «Почто искал еси Галича под моею братиею? Иди ко отцу твоему в Суздаль. И аще не хощеши ити добром, аз на тя иду ратию».[75]	Всеволод же немедленно послал в Переяславль к Ярославу Всеволодичу сказать, «понеже он хотел Галич овладеть, а братьев моих Игоревичев онаго лишить, того ради шел бы из Переяславля Киевской области к отцу в Суздаль; а ежели добровольно не учинит, то он, пришед с войски, его выгонит».[76]	Таже потомъ князь велики Всеволодъ Чрьмный Святославичь посла въ Переславль къ Ярославу сыну Всеволожу, внуку Юрья Долгорукаго, глаголя сице: «Иди изъ Переславля ко отцу своему въ Суздаль, а Галича подъ моею братьею не ищи, аще ли хощеши искати, то и себя погубиши; или паки еще медлиши не изходя изъ Переславля, и се азъ иду на тя ратию…».[77]

Колебания Татищева в атрибуции княжеского стола Всеволода начались там, где его источник также проявляет колебания и неуверенность, уклоняясь от четкого определения места пребывания великого князя, к которому отправился его сын:

[74] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 256, примеч. 562; ср.: Т. IV. С. 457, примеч. 422.
[75] Там же. Т. IV. С. 333.
[76] Там же. Т. III. С. 176.
[77] ПСРЛ. Т. X. С. 51.

Первая редакция	*Вторая редакция*	*Никоновская летопись*
Ярослав прииде ко отцу своему в Володимерь…[78]	И Ярослав пришел в Суздаль к великому оскорблению отца его…[79]	И тако Ярославъ Всеволодичь изыде изъ Переаславля, и прииде въ землю Ростовскую и Суздалскую и Володимерскую ко отцу своему Всеволоду Юрьевичю…[80]

Как видим, летописец предлагает весьма расплывчатую формулировку, лишенную к тому же ясного логического смысла. Если следовать летописному определению, получится, что Ярослав прибыл к своему отцу сразу в три адреса: в Ростовскую, Суздальскую и Владимирскую землю, — в конструкции летописца соединились названия трех исторических образований. Ясно, что Татищев не мог механически воспроизвести такие сведения, не рискуя быть непонятым своими читателями.

Возвращаясь к текстологическому анализу проекта Романа Мстиславича, мы должны признать, что произведенные Татищевым во второй редакции замены Владимира на Суздаль и, соответственно, владимирского князя на суздальского не могут быть истолкованы как спонтанное проявление его собственной фантазии или следствие пересмотра сложившихся ранее общих представлений.

Рассмотренные нами случаи упоминания Суздаля, а также замены Владимира на Суздаль в качестве резиденции великого князя Всеволода в тексте второй редакции «Истории Российской» показывают, что в основе их лежало стремление автора к более полной передаче содержания известий аутентичных источников. Иными словами, во второй редакции Татищев более полно воспроизводил тексты летописных известий в части атрибуции княжеского стола Всеволода или старался восполнить недостаток таких сведений данными из других надежных источников. При этом историк избегал редакторской правки известий о месте пребывания Всеволода, «подгонки» их к какому-то определенному городу, не смущаясь содержащихся в источниках разночтений.

[78] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. IV. С. 333.
[79] Там же. Т. III. С. 176.
[80] ПСРЛ. Т. X. С. 51.

Глава шестая

ПАМЯТЬ О РОМАНЕ В НОВГОРОДЕ В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ, ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Новгородское происхождение известий о проекте «доброго порядка». — О связях Романа Мстиславича с Новгородом. — Знаменский культ в Новгороде и Сказание о битве новгородцев с суздальцами. — Образ Романа Мстиславича в новгородской иконописи. — Почитание святителя Иоанна Новгородского и историческая память о событиях 1170 г.

в первой и во второй редакциях Татищев уверенно говорит о новгородском происхождении известий о проекте Романа:

выписано в Новегроде из древняго летописца;[1]

выписано в Новегроде из древняго летописца и писано было древним наречием...[2]

Между тем, некоторые новейшие исследователи испытывают недоверие к словам Татищева и пытаются поставить под сомнение новгородское происхождение источника сведений о проекте Романа, указывая, в частности, на характерную для южнорусских летописей атрибуцию Всеволода Большое Гнездо как суздальского князя (о чем у нас речь шла в предыдущей главе). «По нашему мнению, — пишет Б. И. Яценко, — проект князя Романа не мог попасть в новгородскую летопись»; помимо прочего, «северные летописи очень скупо освещают события в Украине-Руси, а с 80-х гг. (XII в. — *А. М.*) почти совсем забывают о ней».[3]

Взамен предлагается искать следы происхождения проекта в летописании Южной Руси. По предположению Н. Ф. Котляра, источником сведений о нем «была не дошедшая до нашего времени начальная часть Галицко-Волынской летописи за первые пять лет XIII в.», в которой «должно было содержаться жизнеописание

---

[1] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. IV. М., 1995. С. 457, примеч. 429.

[2] Там же. Т. III. М., 1995. С. 257, примеч. 569.

[3] *Яценко Б. І.* Розвиток державного устрою України-Руси наприкінці XII ст. (Проект Романа Мстиславича і «Слово о полку Ігоревім») // УІЖ. 1997. № 3. С. 123.

Романа Мстиславича в качестве галицко-волынского князя».[4] Такого же мнения придерживается и Л. В. Войтович, считающий, что Татищев почерпнул сведения о проекте «доброго порядка», а также описание внешности и манер Романа из его собственного летописания, от которого сохранилась только похвала князю в начальной части Галицко-Волынской летописи.[5] Б. И. Яценко допускает возможность заимствования Татищевым проекта Романа из некой украинской летописи, составленной на Волыни в XVI в.[6] Согласно О. А. Купчинскому, наиболее вероятно связывать появление летописного протографа проекта «доброго порядка» с более поздним временем — периодом XVI–XVII вв.[7]

На наш взгляд, отказывать Татищеву в доверии в данном случае нет оснований. Автор «Истории Российской» был знаком не только с южнорусскими летописями, но и, несомненно, с новгородским летописанием. Одним из главных его источников являлся Летописец попа Иоанна, идентифицируемый современными исследователями с Академическим списком Новгородской Первой летописи.[8]

На примере этого источника можно видеть, что для новгородского летописания, также как и для южнорусского, свойственно было именовать Всеволода Юрьевича суздальским князем. Под 1180 г. новгородский летописец сообщает, что

> ...томь же лете, на зиму, иде князь Святославъ Всеволодиць, Олговъ вънукъ, из Руси на Суждаль ратью на Всеволода...[9]

Как отмечает по этому поводу В. А. Кучкин: «Хотя столицей Всеволода Большое Гнездо был Владимир-на-Клязьме, новгородец все его владения называл по-старому Суздалем...».[10]

Справедливости ради нужно заметить, что, в отличие от южнорусских летописей и Никоновского свода, Новгородская Первая летопись в основном не атрибутирует Всеволода по месту правления, а иногда демонстрирует явные колебания в этом отношении, указывая, что князь пребывал во Владимире.[11] Тем не менее совершенно очевидно, что атрибуция Всеволода Юрьевича как суздальского князя

---

[4] *Котляр Н. Ф.* 1) Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 119–121; 2) Данило Галицький. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 50–52.

[5] *Войтович Л.* Роман Мстиславич і утворення Галицько-Волинського князівства // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького / Відп. ред. Я. Ісаєвич. Львів, 2001 (Історичні та культурологічні студії. Т. 3). С. 13.

[6] *Яценко Б. І.* Розвиток державного устрою України-Руси... С. 123–124.

[7] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII–першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 424.

[8] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 41.

[9] ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 36, 226.

[10] *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI–первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993. М., 1995. С. 89.

[11] Под 1187 г.: «послаша (новгородцы. — А. М.) ко Всеволоду в Володимирь...» (ПСРЛ. Т. III. С. 39, 229); под 1208 г.: «Прииде Лазарь, Всеволожь мужь, из Володимиря...» (Там же. С. 50, 247).

была также свойственна новгородскому летописцу, к которой он мог прибегать подобно летописцам Южной Руси.

* * *

Немало сомнений высказано в литературе относительно возможности включения в новгородскую летопись целого документа, составленного от имени южнорусского князя и не имеющего к Новгороду прямого отношения. Ведь, как справедливо отмечается скептиками, северные летописи действительно очень скупо освещают события в Южной Руси, а с конца XII в. почти полностью игнорируют их.

Следует, однако, учитывать, что послание Романа Мстиславича с предложениями «доброго порядка» невозможно представить лишь как локальный факт из истории Южной Руси. Из содержания документа ясно, что письмо было адресовано правителям всех крупнейших земель Руси, включая владимиро-суздальского князя, а также всех «местных князей» — черниговского, смоленского, полоцкого, рязанского, и, кроме того, документ содержал политические инициативы общерусского значения.

Послание, таким образом, должно было быть составлено в нескольких экземплярах и разослано во все концы Русской земли, не только на Юге, но и на Севере. Можно согласиться с предположением О. А. Купчинского, что изучаемый документ должен был быть издан «в нескольких авторизованных копиях, которые теоретически могли бы иметь одинаковую структуру, подбор лексики, отличаясь лишь содержанием клаузулы инскрипции, которой ныне в тексте вообще нет».[12]

Отсутствие упоминаний о проекте Романа в летописании Киевской, Владимиро-Суздальский и других древнерусских земель имеет вполне правдоподобное объяснение. Причиной замалчивания документа скорее всего стало негативное восприятие представленных в нем инициатив при дворах русских князей — адресатов Романа. Как справедливо заметил в свое время Б. А. Рыбаков, популярная в народе личность галицко-волынского князя вообще редко находила отображение в летописях враждебных ему княжеств.[13]

И если начальная часть Галицко-Волынской летописи, повествующая о деяниях Романа в качестве галицко-волынского князя, не дошла до нашего времени, то, пожалуй, едва ли не единственным местом на Руси, где могла сохраниться память о предложенном им проекте «доброго порядка», был Новгород.

Романа Мстиславича многое связывало с этим городом. В 1168–1170 гг. он сам был новгородским князем.[14] Если не считать его попыток установить свою власть в Киеве, Новгород оставался единственным городом, в котором Роман был князем за пределами Волыни и Галичины.

---

[12] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства... С. 416.

[13] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 152.

[14] См.: *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII–початку XIII століття. Київ, 2001. С. 64–69.

Княжение Романа было памятным для новгородцев. 25 февраля 1170 г. этот князь прославился громкой победой над войсками Андрея Боголюбского, пытавшегося после захвата Киева установить свою власть и над Новгородом. Под стенами города враг был наголову разбит, понеся огромные потери убитыми и пленными. Этих пленных новгородцы потом продавали за деньги («по две ногате»).[15]

Надолго запомнился новгородцам и финал княжения у них Романа. Не прибегая более к военной силе, Андрей Боголюбский решил сломить сопротивление Новгорода, подвергнув его продовольственной блокаде. Новгородский летописец отмечает: «Бысть дороговъ Новегороде: купляхут кадь ржи по 4 гривне, а хлебъ по две ногате, а мед пуд по 10 кунъ».[16] При таких обстоятельствах князь Роман вынужден был покинуть город.[17]

Однако связи новгородцев с Романом Мстиславичем не прекратились и после его переезда на Волынь. Судя по сообщению Галицко-Волынской летописи, в XIII в. во Владимире (Волынском) среди нескольких колоний иностранцев — немцев, генуэзцев, евреев — существовало особое поселение (улица или квартал) новгородцев. Мы имеем в виду сообщение под 1288 г. об оплакивании владимирцами умершего князя Владимира Васильковича:

> И тако плакавшеся над нимь все множество Володимерчевъ — моужи, и жены, и дети; Немци, и Соурожьце, и Новгородци, и Жидове...[18]

По верному предположению И. П. Крипякевича, колония новгородцев во Владимире могла возникнуть вследствие новгородского княжения Романа.[19] Действительно, его сторонники из числа новгородцев должны были покинуть свой город и последовать за князем в его новую столицу. По-видимому, это была достаточно значительная группа людей, поддерживавшая тесную связь с родиной, так что почти целое столетие после смерти Романа новгородцы во Владимире сохраняли свою идентичность.

Заметим, что уже в начале XIII в. в Новгороде почитали Романа Мстиславича как великого князя. Посетивший Константинополь в мае 1200 г. новгородский боярин Добрыня Ядрейкович, ставший впоследствии архиепископом Антонием,[20]

---

[15] ПСРЛ. Т. III. С. 32–33; 220–221.

[16] Там же. С. 33, 221.

[17] См.: *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 65–66.

[18] ПСРЛ. Т. II. Стб. 920. Пояснения см.: *Котляр Н. Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 358–359.

[19] *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. С. 30.

[20] О новгородском архиепископе Антонии, бывшем также перемышльским епископом, и о связанных с ним реликвиях см.: *Царевская Т. Ю.* О Царьградских реликвиях Антония Новгородского // Реликвии в истории и культуре восточнохристианского мира. М., 2000; *Гордиенко Э. А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в новгородской письменной традиции // ДР. 2003. № 4 (14); *Пуцко В. Г.* Хутынские произведения-реликвии первой четверти XIII в. // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005.

встретил там пятерых послов «от великого князя Романа».[21] Подобное отношение к Роману можно найти только в прославлявшей его Галицко-Волынской летописи, где он именуется великим князем, самодержцем и даже царем.[22]

* * *

Память о Романе Мстиславиче в связи с одержанной новгородцами под его предводительством громкой победой над суздальцами на протяжении веков жила в Новгороде. Пожалуй, ни один из правивших в городе князей не удостоился здесь такого почитания.

Необыкновенное отношение новгородцев к князю Роману объясняется особым значением, какое получило в городе почитание иконы «Знамение Богоматери» и знаменский культ вообще, начало формирования которого относится, по-видимому, к первой половине XIV в. Важным проявлением этого культа стало строительство в Новгороде на Ильине улице каменной Знаменской церкви, о чем под 1355 г. сообщается в Новгородской Первой летописи.[23]

Знаменская церковь была воздвигнута для хранения иконы «Знамение Богоматери», признанной главной новгородской святыней. В период упадка, наступившего после присоединения Новгорода к Москве, пришли в запустение и постепенно разрушились многие его храмы. Однако церковь Знамения богатела с каждым десятилетием, и во второй половине XVII в., особенно тяжелого для Новгорода, на ее месте был построен величественный Знаменский собор, являющийся сегодня одним из наиболее значительных архитектурных памятников города.[24]

Знаменский культ в Новгороде связан с событием, которое в период усиления борьбы с Москвой в XIV–XV вв. стало восприниматься как важнейшее в истории города. Речь идет об упомянутой выше победе новгородцев над суздальцами в феврале 1170 г., ключевую роль в которой сыграл Роман Мстиславич, княживший тогда в Новгороде. По словам летописца, новгородцы

> сташа твьрдо о князи Романе о Мьстиславлици, о Изяславли вънуце <...> и бишася вьсь день и к вечеру победи я (суздальские войска. — *А. М.*) князь Роман с новгородьци силою крестьною и Святою Богородицею...[25]

---

[21] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. Стб. 88–89.

[22] ПСРЛ. Т. II. Стб. 715, 808.

[23] Там же. Т. III. С. 364. О строительстве и последующей истории храма см.: *Булкин В. А.* Знаменская церковь XIV в. в Новгороде // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. К 100-летию В. Н. Лазарева / Отв. ред. Л. И. Лифшиц. СПб., 2002.

[24] *Янин В. Л.* «Знаменская легенда» в Древней Руси // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 353 и сл.

[25] ПСРЛ. Т. III. С. 33, 221.

Ил. 10. Знаменский собор. 1682–1688 гг. Современный вид. Построен на месте церкви Знамения Божией Матери XIV в. (Великий Новгород, Россия)

Широкое распространение в Новгороде и за его пределами получила легенда, приписывающая эту победу чуду, явленному богородичной иконой «Знамение».[26] Согласно легенде, новгородский архиепископ Иоанн (Илья), повинуясь голосу свыше, вынес эту икону навстречу неприятелю и установил на городской стене. Во время вражеского обстрела икона повернулась лицом к городу и прослезилась. После этого тьма накрыла нападавших, и они в исступлении стали избивать друг друга, что и обеспечило победу новгородцев. В память о чуде архиепископ учредил специальный праздник, отмечавшийся с тех пор в Новгороде ежегодно.[27]

В середине XIV в. в Новгороде было сложено особое Сказание о битве новгородцев с суздальцами, ставшее одним из самых популярных памятников литературы Древней Руси, сохранившимся во множестве списков, разделяемых исследователями на несколько редакций и вариантов. Более полная редакция Сказания составлена знаменитым сербским ритором Пахомием Логофетом во время его первого приезда из Афона в Новгород в 30-е гг. XV в. Одновременно с этим Пахомий написал церковную «Службу Знамению» и «Слово похвальное Знамению». Следующей редакцией Сказания был текст, включенный в состав Жития Иоанна Новгородского, составленный в 1470-е гг.[28]

[26] См.: *Конявская Е. Л.* Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса: Сб. ст. памяти акад. Л. В. Милова / Отв. ред. А. А. Горский. М., 2009.

[27] См.: Сказание о битве новгородцев с суздальцами / Подг. текста, пер. и комм. Л. А. Дмитриева // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999.

[28] См.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 126–128; *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетия.

Формирование Сказания продолжалось в XVI–XVII вв. Важным центром знаменского культа в Новгороде стал вновь построенный Знаменский собор. В конце 1660-х гг. здесь была составлена Церковная редакция Сказания, включавшая ряд новых дополнений, в том числе о строительстве и росписи Знаменской церкви, а также рассказы о восьми чудесах от иконы Знамения, самое позднее из которых датируется 1666 г. Знаменский культ поддерживался и в других городах Новгородской земли. В 1687 г. в Косином монастыре, в Старой Руссе, был составлен большой сборник житий новгородских святых (РНБ. РО. F. I. 729), представляющий собой оригинальные переработки новгородских текстов. По мнению Л. А. Дмитриева, автор Косинской редакции Сказания свой текст составляет на основе редакции Степенной книги, редакции Грамотина, Церковной редакции и «Слова похвального Знамению». По ходу развития сюжета он пользуется то одним, то другим источником, вкрапливая в рассказ свои собственные незначительные вставки.[29]

По мере развития основного сюжета Сказания более яркими и выразительными становились образы его главных героев, в том числе князя Романа Мстиславича, бесстрашного воина, несмотря на свой юный возраст проявившего незаурядное мужество и героизм. Летописное повествование о битве новгородцев с суздальцами с течением времени также претерпевало развитие, иногда испытывая на себе обратное влияние Сказания. Образ предводителя новгородцев — князя Романа — в позднейших памятниках не утратил своей выразительности. Характерно, что имя князя-победителя с течением времени было перенесено на его противника: уже на раннем этапе литературной истории летописной повести о битве новгородцев с суздальцами предводитель суздальцев стал именоваться не Мстиславом, а Романом Андреевичем.[30]

Кроме того, с именем Романа Мстиславича связывается, по-видимому, установление в Новгороде церковного праздника в честь иконы «Знамение» 27 ноября,[31] а не 25 февраля, когда состоялась битва новгородцев с суздальцами в 1170 г. 27 ноября отмечается церковная память прп. Романа Антиохийского (V в.)[32] — святого, тезоименитого князю Роману.[33] Однако прп. Роман был малоизвестен на Руси — в древнерусских месяцесловах XI–XIV вв. его имя вообще не встречается. В то же время, 27 ноября отмечалась память более известного и почитаемого святого Якова

Киев, 1878. С. 129–130; *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 120–123, 151–154; *Лихачев Д. С.* Литература Новгорода XIV–XV вв. // История русской литературы. Т. II, ч. 1. М.; Л., 1945. С. 263–264; *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI–XV вв. М.; Л., 1947. С. 239–240, 296; *Frolow A.* Le Znamenie de Novgorod: évolution de la légende // RÉS. Paris, 1948. T. 24. P. 67–81; T. 25. P. 45–72.

[29] См.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 95–148, 281–284.

[30] ПСРЛ. Т. IV, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917. С. 162–166; Т. V, вып. 2. М., 2000. С. 19–21; Т. XV. М., 2000. Стб. 244–247; Т. XXI, 1-я пол. СПб., 1908. С. 235–239; Т. XXXI. М., 1968. С. 63–64.

[31] *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 212.

[32] *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. II. М., 1997. С. 367.

[33] На это обстоятельство справедливо обратила внимание Е. Л. Конявская, см.: *Конявская Е. Л.* Об этапах формирования легенды... С. 75.

Перского.[34] Видимо, поэтому в позднем тексте летописей новгородско-софийского круга, когда причина установления праздника Знаменской иконы 27 ноября могла быть уже забытой, этот день связали с более известным святым, чья память также отмечалась 27 ноября.[35]

* * *

Образ Романа Мстиславича запечатлен на новгородских иконах. Эта традиция возникла, по-видимому, еще в первой половине XV в. и связана с развитием легенды о чуде от иконы «Знамение Богоматери» и прославлением победы новгородцев над суздальцами.[36]

В правление архиепископа Евфимия II (1429–1458), когда с новой силой обострились новгородско-московские противоречия, в новгородской иконописи появился новый сюжет — «Битва новгородцев с суздальцами», отождествлявшимися тогда с москвичами. Этот сюжет стал частью композиции новой большой многоярусной иконы «Чудо от иконы Знамение Богоматери», впервые написанной, вероятно, специально для Знаменской церкви и затем неоднократно повторенной для других храмов.[37]

Одна из древнейших сохранившихся икон такого типа датируется серединой–второй половиной XV в. и происходит из церкви Димитрия в Кожевниках (после упразднения храма в 1840 г. была перемещена в часовню Варлаама Хутынского, а затем в церковь Николы Кочанова, ныне хранится в Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике). Композиция иконы разделена на три равных регистра. В самом центре ее (в среднем регистре посередине) изображена сцена переговоров послов, по три всадника с каждой стороны. Первый в тройке новгородцев — безбородый юноша, князь Роман Мстиславич, за ним — посадник Якун и боярин Даньслав Лазутинич. В нижнем ярусе иконы, изображающем сцены выступления новгородцев из города и решающей схватки с суздальцами, фигуре Романа соответствует изображение святого Георгия, возглавляющего вместе с святыми князьями Борисом, Глебом и Александром Невским войско новгородцев.[38]

Еще одна икона с таким же сюжетом, датируемая в новейших исследованиях первой половиной–серединой XV в., ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее.[39] Обе эти иконы, а также созданную на рубеже XV–XVI вв.

---

[34] *Лосева О. В.* Русские месяцесловы... С. 212.

[35] *Конявская Е. Л.* Об этапах формирования легенды... С. 75.

[36] См.: *Порфиридов Н. Г.* Два сюжета древнерусской живописи в их отношении к литературной основе // ТОДРЛ. Т. XXII. М.; Л., 1966.

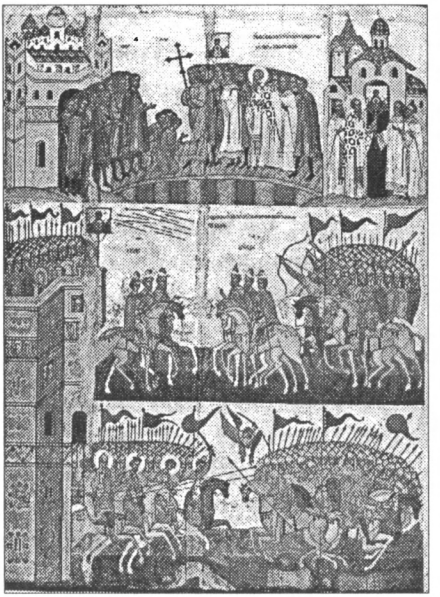
[37] См.: *Лазарев В. Н.* 1) Искусство Новгорода. М.; Л., 1947. С. 112, 120; 2) Новгородская иконопись. М., 1969. С. 35–36, табл. 51–53, 60–63; *Смирнова Э. С.* «Смотря на образ древних живописцев...». Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси. М., 2007. С. 134–144.

[38] Описание иконы и изображенных на ней исторических сцен см.: *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982 (Центры художественной культуры средневековой Руси). С. 150–154, 229–230.

[39] Описание см.: Там же. С. 217–220.

икону из Гостинополья с тем же сюжетом, хранящуюся ныне в Государственном Русском музее,[40] исследователи единодушно относят к шедеврам изобразительного искусства Древней Руси, оказавшим заметное влияние на последующее развития иконописи.[41]

Сюжет «Битва новгородцев с суздальцами» с изображением Романа Мстиславича впереди войска новгородцев воспроизводился на новгородских иконах на протяжении нескольких столетий. К этому сюжету новгородские иконописцы обращались и тогда, когда исторические параллели с победами над суздальцами уже утратили политическую актуальность. Известно несколько реплик иконы «Знамение от иконы Богоматери», датируемых XVI–XVII и даже XVIII вв.[42]



Ил. 11. Икона «Знамение от иконы Богородицы». Новгород. Середина–вторая половина XV в. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (Великий Новгород, Россия)

С течением времени знаменский культ и сюжет битвы новгородцев с суздальцами распространился за пределами Новгорода. Первой половиной XVIII в. датируется икона «Богоматерь Знамение. Битва новгородцев с суздальцами», происходящая из Ново-Голутвинского монастыря в Коломне (ныне хранится в музее-заповеднике «Коломенское»). Изображения князя Романа иконописец поместил в клеймах «Битва под стенами города» и «Новгородцы берут суздальцев в плен», придав ему портретные черты Петра I.[43]

---

[40] Описание см.: Живопись Древнего Новгорода и его земель XII–XVII столетий / Авт.-сост. *В. К. Лаурина, Т. Д. Петрова, Э. С. Смирнова.* Л., 1974. № 95, ил. 49.

[41] *Лазарев В. Н.* Новгородская иконопись. С. 35–36; *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. С. 150 и сл.; Иконы Твери, Новгорода, Пскова XV–XVI вв. / Сост Л. М. Евсеева, В. М. Сорокатый. М., 2000 (Каталог собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Сер. Иконы. Вып. 1). С. 90–91. Икона «Знамение от иконы Богоматери» впервые отразила применение распространенной в иконографии темы небесного воинства к факту русской истории, став образцом для икон более позднего времени, в том числе знаменитой иконы «Церковь воинствующая» (см.: *Rowland D.* Biblical Military Imagery in the Political Culture of the Early Modern Russia: The Blessed Host of the Heavenly Tsar // Medieval Russian Cilture / Ed. by M. S. Flier, D. Rowland. Vol. II. Berkley; Los Angeles; London, 1994. P. 192–193).

[42] *Алпатов М. В.* Варианты иконы «Битва новгородцев с суздальцами» // Памятники культуры: новые открытия. 1975 г. М., 1976; *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. С. 218, 561. См. также: Иконные образцы XVII–начала XIX века: Битва новгородцев с суздальцами и чудо иконы Богоматери «Знамение» 1170 г. / Авт.-сост. З. П. Морозова. М., 1999.

[43] *Полякова О. А.* Шедевры русской иконописи XVI–XIX вв. М., 1999. № 45.

По оценкам искусствоведов, икона «Чудо от иконы Знамения Богоматери» Новгородского музея — лучшее из подобных произведений новгородской живописи. Она могла быть написана только в архиерейской мастерской Софийского собора и принадлежит кисти очень крупного мастера. Ее относят к числу программных произведений новгородского искусства, создание которых было заведомо рассчитано на большое эмоциональное воздействие на патриотические чувства новгородцев в период решающего противостояния с Москвой.[44] Образ Романа Мстиславича в этой программе играл важную роль.

Сюжет иконы интересен еще в одном отношении. В свое время А. И. Анисимов обратил внимание на то, что икона «Знамение от иконы Богоматери» из Новгородского музея передает события 1170 г. иначе, нежели Сказание о битве новгородцев с суздальцами. В частности, по наблюдению ученого, «в Сказании нет ни слова о предварительных переговорах новгородцев с суздальцами, которые воспроизвел художник в среднем поясе своей иконы».[45] Это и другие отличия сюжетов иконы и Сказания отмечаются также в работах новейших исследователей.[46]

Значит, в период, когда создавалась икона, наряду со Сказанием о битве новгородцев с суздальцами существовали и другие источники, повествующие о событиях второй половины XII в. (устные или письменные), достаточно авторитетные для того, чтобы послужить основой создания иконы, призванной вдохновлять новгородцев на новые подвиги в борьбе за свою независимость.

* * *

Память о Романе Мстиславиче поддерживалась в Новгороде также в связи с особым почитанием первого новгородского архиепископа Иоанна (Ильи). Иоанн был новгородским владыкой в годы княжения здесь Романа и вместе с ним руководил обороной города от суздальцев в 1170 г. Особое почитание Иоанна в Новгороде имело место задолго до его канонизации в 1547 г., образ владыки был овеян многочисленными легендами и преданиями. Первоначальная редакция Жития Иоанна Новгородского, как полагают исследователи, возникла еще до написания Сказания о битве новгородцев с суздальцами и датируется концом XIII–началом XIV в.[47]

Дальнейшему усилению культа Иоанна в Новгороде способствовало обретение его мощей в 1439 г. Гробница Иоанна вновь стала местом поклонения новгородцев. Тогда же, в конце 1430-х гг., Пахомием Логофетом был составлен рассказ о чуде новгородской иконы «Знамение Богоматери» — житийная редакция Сказания о битве

---

[44] *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. С. 154.

[45] *Анисимов А. И.* О древнерусском искусстве. М., 1983. С. 57–58.

[46] *Хорошев А. С.* Знаменская икона: древнейшая святыня Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 184.

[47] *Дмитриев Л. А.* Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 232–237.

новгородцев с суздальцами, ставшая со временем первой частью Основной редакции Жития Иоанна Новгородского, составленной в 70-х гг. XV в.[48]

Литературная история Жития продолжалась и в последующие столетия. В XVI–XVII и даже в XVIII вв. создается ряд более поздних его редакций, являющихся переработками Основной редакции памятника. Это — Сокращенная, Проложная, Косинская редакции, а также редакция Миней Четьих Димитрия Ростовского.[49]

К XVI в. относится новгородская икона архиепископа Иоанна в деяниях и чудесах. Девять из двадцати девяти клейм этой иконы посвящены битве новгородцев с суздальцами. Содержание этих клейм восходит к житийной редакции Сказания о битве новгородцев с суздальцами.[50]

Особого упоминания заслуживает один из пяти известных ныне списков Сказания о битве новгородцев с суздальцами редакции Грамотина — рукопись XVII в. из собрания Российской национальной библиотеки (РНБ. РО. F. I. 730). В этой рукописи перед текстом Сказания на отдельных листах помещены одиннадцать миниатюр, иллюстрирующих битву новгородцев с суздальцами, с подробными подписями. По существу, это самостоятельная повесть в картинках. В миниатюрах передано содержание всего Сказания, подписи к ним не являются цитатами из какого-либо известного варианта текста памятника, а представляют собой самостоятельный текст.[51]

Думный дьяк Иван Тарасьевич Грамотин много лет прослужил в Посольском приказе, а также в приказе Новгородской чети и по роду службы неоднократно бывал в Новгороде.[52] Незадолго до своей смерти, во второй половине 1630-х гг., он создал одну из наиболее оригинальных редакций Сказания. Редакция Грамотина отличается не только изысканным стилем изложения, но и обилием разнообразных подробностей, отсутствующих в других вариантах памятника и характеризующих, в том числе, роль предводителей новгородцев — прежде всего архиепископа Иоанна, а также князя Романа.[53]

Произведение Грамотина показывает, что даже в XVII в. в Новгороде сохранялась память о событиях и героях далекого 1170 г., нашедшая отражение в устной традиции, а возможно, и в не сохранившихся до нашего времени письменных памятниках, которые могли быть источником для вновь создаваемых литературных произведений.

---

[48] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 161–164; *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. С. 109–114; *Лихачев Д. С.* Литература Новгорода XIV–XV вв. С. 261–262.

[49] *Дмитриев Л. А.* 1) Житийные повести русского Севера... С. 148–185, 284–288; 2) Цикл сказаний об Иоанне Новгородском // История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Л., 1980. С. 169–170.

[50] См.: *Гусев П. Л.* Новгородская икона св. Иоанна (Илии) архиепископа в деяниях и чудесах. СПб., 1903.

[51] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера...С. 143 и сл.

[52] *Пуцилло М. П.* Думный дьяк Иван Тарасьевич Грамотин (1606–1638) // ДНР. № 6. СПб., 1878.; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 129–131; *Лисейцев Д. В.* 1) Судья Посольского приказа И. Т. Грамотин // Дипломатический вестник. [М.], 1999. Окт.; 2) Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 83–107.

[53] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера... С. 98–99, 111, 141–143, 284.

Таким образом, на протяжении нескольких столетий, вплоть до XVII и даже XVIII вв., в Новгороде сохранялись память и особое отношение к князю Роману Мстиславичу как к герою значимой для горожан битвы с суздальцами, ставшей в период противостояния с Москвой историческим символом славы и величия Новгорода. Образ Романа запечатлен в многочисленных произведениях новгородской литературы и искусства, создававшихся на протяжении XIII–XVIII вв. и приобретших общерусское значение.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что именно Новгород был едва ли не единственным местом на Руси, где действительно могли сохраниться древние (в том числе и письменные) свидетельства о Романе, относящиеся ко времени его княжения в Галиче, но связанные с событиями, значимыми для всей Руси, такими как проект «доброго порядка» или переговоры с послами папы и отказ от унии с Римом.

Уместно будет вспомнить слова Б. А. Рыбакова, высказывавшегося в пользу новгородского происхождения Романова проекта: «Время и место его первоначального написания следует, по всей вероятности, связывать с княжением в Новгороде Константина Всеволодовича в 1205–1207 гг., когда при дворе этого князя, удостоившегося прозвища "Мудрый", писал книжник, хорошо знакомый с киевскими событиями 1203 г.».[54]

Работая над своей «Историей Российской». В. Н. Татищев проявлял большой интерес к источникам новгородского происхождения. Он не только использовал выписки из новгородских летописей, предоставленные его добровольными помощниками, но и, как известно, специально обращался за помощью к новгородскому архиепископу Амвросию (Юшкевичу). В «Предъизвесчении» Татищев сообщает, что замечания архиепископа Амвросия, ознакомившегося с первоначальным вариантом «Истории Российской», касались, в частности, «разсуждений» «о новогородском чуде от образа Богородицы знамениа».[55]

---

[54] *Рыбаков Б. А.* Политические идеи русских летописцев XII в. (Тезисы) // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1974. С. 20.

[55] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. I. М., 1994. С. 85.

Глава седьмая

ЕРОПКИН ИЛИ ХРУЩЕВ: КТО ПРЕДОСТАВИЛ СВЕДЕНИЯ О ПРОЕКТЕ РОМАНА?

Источник сведений о проекте Романа первой и второй редакций. — Время возникновения текста проекта и другие «улики» против Татищева. — Утрата и новое обретение Татищевым летописных материалов, предоставленных Хрущевым

Чем же могла быть вызвана замена Владимира на Суздаль и владимирского князя на суздальского, а также другие изменения в тексте второй редакции известия о проекте «доброго порядка» Романа Мстиславича?

В атрибуции княжеского стола Всеволода Большое Гнездо Татищев, как мы видели, старался строго придерживаться показаний источников: в каждом своем сообщении он воспроизводит ту атрибуцию, которую находил непосредственно в источнике. Пересмотр или появление новых сведений о месте пребывания Всеволода были вызваны использованием новых данных, почерпнутых, как правило, из уже известных источников путем более тщательного их изучения.

На наш взгляд, такой же причиной обусловлена замена Владимира на Суздаль и во второй редакции сообщения о проекте Романа. Эта замена стоит в прямой связи с изменением источника сведений о проекте в целом, произведенным автором в ходе работы над ним. Если в первой редакции В. Н. Татищев указывал на П. М. Еропкина, представившего выписку из «древняго летописца», то во второй редакции своим информатором историк называет А. Ф. Хрущева:

Первая редакция	*Вторая редакция*
Сие Романово предложение ни в одном манускрыпте, которые я в руках имел, не находится, а сообсчил мне Еропкин выписанное и сказал, выписано в Новегороде из древняго летописца.[1]	Сие Романово предложение ни в одном манускрипте, которые я в руках моих имел, не находится, а сообщил мне Хрущев выписанное и сказал, что выписано в Новеграде из древняго летописца и писано было древним наречием, которое мы с ним преложили как здесь.[2]

Как видим, помимо изменения имени своего информатора, Татищев сообщает новые данные, характеризующие состояние и последующее использование

---

[56] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. IV. М., 1995. С. 457, примеч. 429.

[57] Там же. Т. III. М., 1995. С. 257, примеч. 569.

Ил. 12. Петр Михайлович Еропкин (ок. 1698–1740). Графический портрет работы Г. И. Грачева. 1889 г. (Русские деятели в портретах, изданных редакцией журнала «Русская старина», третье собрание)

источника, содержавшего сведения о проекте. В примечании к тексту второй редакции историк говорит, что первоначальное известие «писано было древним наречием», которое в дальнейшем «мы с ним (Хрущевым. — *А. М.*) преложили как здесь». По сути дела, слова Татищева означают, что ко времени работы над второй редакции в его распоряжении оказались некие новые документы, отражавшие текст проекта, а именно — писанная «древним наречием» выдержка из новгородского летописца и выполненный совместно с Хрущевым ее перевод, включенный во вторую редакцию.

Легко заметить, что при составлении первой редакции Татищев использовал иной по своему характеру источник. Приписывая его Еропкину, историк сомневался насчет достоверности содержащегося в нем известия («мне оное неколико сумнительно было») и решился воспользоваться им, «видя слог онаго древний, которого он (Еропкин. — *А. М.*) сам сочинить не мог».[58]

В работе над второй редакцией Татищев видел уже не только «древний слог» выписки из новгородского летописца, но и отметил также, что сама эта выписка составлена «древним наречием».

Насколько можно судить, выражения *слог* и *наречие* в русском языке XVIII в. имели различный смысл. Встречающееся уже в письменных памятниках Древней Руси слово *слогъ* (*сълогъ*), начиная с XVII в. употребляется в значении, аналогичном татищевскому, — «способ, манера словесного изложения, слог, стиль».[59] Слово *наречие* в языке XVIII в. употреблялось прежде всего в значении «язык как средство общения», а также «слово, выражение».[60]

Как видим, разница между употребляемыми Татищевым выражениями соответствует разнице современных понятий «стиль», «манера изложения», с одной стороны, и «язык», «словарный состав» — с другой. Иными словами, когда Татищев характеризовал источник, положенный им в основу первой редакции сообщения о проекте Романа, то имел лишь общее представление о стилевых особенностях полученной им выписки, напоминающих манеру древнего летописца. К моменту составления второй редакции историк говорил о том, что ему пришлось иметь дело с документом, составленным на древнем языке и нуждавшемся в специальном переводе.

Кроме того, в момент составления второй редакции в руках Татищева был уже не один, а два исходных документа. Один содержал текст предложений Романа,

[58] Там же. Т. IV. С. 457, примеч. 429; см. также: Там же. Т. III. С. 257, примеч. 569.

[59] СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 25. М., 2000. С. 108.

[60] СлРЯз XVIII в. Вып. 14. СПб., 2004. С. 14–15.

написанный «древним наречием», а другой — его перевод, соответствующий языку второй редакции. Оба эти документа появились у Татищева еще в период подготовительной работы над «Историей Российской», во всяком случае, до ареста и казни Хрущева, о чем свидетельствует указание на совместную с ним работу по переводу с «древнего наречия».

* * *

Между тем, в этом недвусмысленном указании на происхождение сведений о проекте 1203 г. современный исследователь усматривает «важнейшую улику против Татищева».[61]

По мнению А. П. Толочко, текст проекта Романа автор «Истории Российской» должен был получить от Еропкина или Хрущева в 1739 г., в период оживленных контактов между ними в ходе обсуждения первоначального варианта «Истории». Однако в тексте примечаний ко второй части упомянутого варианта, переведенных по просьбе Татищева на немецкий язык Ф. И. Эмме для представления в Академию наук, нет примечания о проекте. Оригинал этого текста был отправлен переводчику, вероятно, в конце 1739 г.[62] Следовательно, делает вывод А. П. Толочко, в варианте предварительной редакции «Истории Российской» 1739–1740 гг. «Романова проекта еще не было».[63]

На наш взгляд, все сказанное — не более чем предположение, вероятность которого весьма невелика. Татищев постоянно пополнял текст первой редакции новыми известиями и после отправки его немецкому переводчику, то есть в период с 1741 по 1745 г. В это время в первоначальный текст были внесены многочисленные дополнения, о чем свидетельствует необходимость переписывания значительной части листов Академической рукописи второй части «Истории Российской» на этапе окончательной доработки текста.[64]

И несмотря на постоянное увеличение общего числа примечаний, происходившее от этапа к этапу работы над рукописью,[65] далеко не все вставки и дополнения, осуществленные Татищевым в ходе доработки и исправления первоначального текста «Истории», сопровождались новыми примечаниями. Этот факт с очевидностью демонстрирует также сопоставление текстов первой

[61] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 304.

[62] *Валк С. Н.* О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. VII. М., 1996. С. 32.

[63] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 305.

[64] Как отмечает С. Н. Валк, перед отправкой в Академию наук в 1746 г. значительная часть листов рукописи первой редакции второй части «Истории Российской» была заново переписана ввиду сделанных Татищевым многочисленных дополнений и исправлений. Из 530 страниц (по нумерации переписчика) переписыванию подверглись 218 (с. 1–156, 185–212, 229–232, 405–410, 425–430, 457–460, 473–476, 501–510). См.: *Валк С. Н.* О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. IV. С. 21, 23.

[65] Если первоначально в рукописи первой редакции второй части «Истории Российской» было сделано всего 434 примечания, то к моменту окончания работы над ней количество примечаний достигло 500. См.: *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. IV. С. 492.

редакции со второй, изобилующей многочисленными новыми дополнениями, лишь часть которых сопровождается пояснительными примечаниями.[66]

Чтобы далеко не ходить за примерами, укажем на новый текст, имеющий характер вставки, появившийся во второй редакции под тем же 1203 г., где помещается известие о проекте Романа. Мы имеем в виду сообщение о еще одном посольстве галицкого князя ко Всеволоду Большое Гнездо, также не находящее прямых параллелей в известных ныне источниках, оставленное Татищевым без каких-либо примечаний и пояснений насчет его происхождения.[67]

Отсутствие упоминания о проекте Романа в примечаниях ко второй части редакции 1739 г. не может, таким образом, считаться доказательством отсутствия сообщения о проекте в основном тексте «Истории», составленном к исходу 1739–началу 1740 гг.

Заметим также, что сведения о проекте «доброго порядка» Романа Мстиславича могли появиться у Татищева не только в 1739 г. Если признать, что его информатором был Хрущев, то сделанная им выписка из новгородского летописца могла попасть к историку и в более раннее время, ведь знакомство и начало контактов Татищева с Хрущевым произошло в апреле 1734 г.[68] Правильнее было бы датировать появление сведений о проекте Романа в виде выписки из новгородского летописца с последующим ознакомлением с ней Татищева более широким временным интервалом — серединой–второй половиной 30-х гг. XVIII в.

В своих разоблачениях фальсификаторских действий Татищева А. П. Толочко идет еще дальше. Важным звеном в построениях исследователя, призванных доказать подложность сообщения о проекте Романа, является утверждение о том, что никакого исходного оригинального текста в виде выписки из древнего летописца, представленной Еропкиным или Хрущевым, вообще не существовало. По мнению Толочко, таким текстом нельзя считать текст сообщения о проекте первой редакции. Он «действительно мог быть первым текстом, *записанным* Татищевым. Но он явно был "переводом" того проекта, который Татищев составлял в голове и, конечно же, на современном ему самому языке».[69]

---

[66] Положенная в основу академического издания второй редакции второй части «Истории Российской» рукопись (РГАДА. Ф. 181. № 33/41) состоит из двух томов и насчитывает в общей сложности 711 листов. Будучи одного формата с Академической рукописью, положенной в основу издания первой редакции второй части «Истории Российской» (БАН. НИОР. 17.17.11), рукопись РГАДА более чем вдвое превосходит ее по объему (Академическая рукопись состоит из 341 листа), без учета того факта, что рукопись РГАДА написана скорописью второй половины XVIII в. При столь существенном общем увеличении объема текста второй редакции отмечается лишь незначительный рост количества примечаний, увеличившегося менее чем на треть (с 500 в Академическом списке до 650 в списке РГАДА). См.: *Валк С. Н.* О рукописях второй редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. II. М., 1995. С. 9, 10.

[67] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 169.

[68] *Андреев А. И. Труды В. Н.* Татищева по истории России // *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. I. М., 1994. С. 16.

[69] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 302–303.

В итоге А. П. Толочко приходит к однозначному выводу о причине изменений в основном тексте «конституционного проекта» и примечаний к нему, внесенных Татищевым в период работы над второй редакцией «Истории Российской»:

> Таким образом, изменения текста проекта, а также изменение примечания не могли быть продиктованы новыми внезапно полученными данными, и, следовательно, связаны исключительно с авторской активностью самого Татищева.[70]

«Авторской активностью» Татищева новейший критик в смягченной форме именует, надо думать, прямую фальсификацию историком всего летописного известия о проекте «доброго порядка», приписанного им зачем-то галицко-волынскому князю. На наш взгляд, аргументы, представленные в исследовании А. П. Толочко, не дают оснований для столь смелых разоблачений.

* * *

Замену во второй редакции «Истории Российской» имени Еропкина на Хрущева в примечании к Романову проекту попытался объяснить В. П. Богданов. Полемизируя с А. П. Толочко, Богданов отмечает, что Татищев использовал предоставленные ему в 1739 г. материалы лишь в 1746 г., и за это время он мог просто забыть, кто именно их предоставил. «Если при работе над первой редакцией и Воронцовским списком историк был уверен, что выписки ему были предоставлены Еропкиным, то при написании Миллеровского списка он в этом начал сомневаться и назвал Хрущева».[71]

На наш взгляд, подобное объяснение мало что разъясняет, поскольку оно по сути лишь констатирует и без того очевидный факт: в определенный момент работы над текстом сообщения о проекте Романа у Татищева возникли сомнения в его происхождении и в связи с этим необходимость замены имени информатора. Но что могло явиться причиной таких сомнений и замены?

Замена имени информатора (Еропкина на Хрущева) в примечании и появление новых смысловых деталей в основном тексте Романова проекта во второй редакции «Истории Российской» имеет, на наш взгляд, вполне надежное объяснение, данное к тому же самим Татищевым.[72]

По собственному признанию историка, ускользнувшему от внимания новейших критиков, в процессе работы над второй редакцией «Истории» в его распоряжении оказались некоторые утраченные прежде и заново обретенные

---

[70] Там же. С. 304.

[71] *Богданов В. П.* Романовский проект 1203 г.: памятник древнерусской политической мысли или выдумка В. Н. Татищева // Сб. РИО. М., 2006. Т. 3 (151). С. 221.

[72] См.: *Майоров А. В.* Кто предоставил В. Н. Татищеву сведения о проекте Романа Мстиславича? // ДР. 2007. № 3 (29).

материалы, полученные в свое время от А. Ф. Хрущева. Это были выписки из принадлежавшей ему Смоленской летописи, а также не связанные с ней выписки из других источников, также сделанные Хрущевым.

Основанием для данного заключения служит признание Татищева, сделанное им, правда, вне прямой связи с проектом Романа, но непосредственно по поводу еще одного уникального известия, почерпнутого из «манускрипта Хрущева». Говоря под 1237 г. о борьбе Литвы с немцами, Татищев дает интересное для нас пояснение:

> В манускрипте Хрущева сия битва с великой хитростью Литвы пространно описана, но у меня в то время выписка утратилась, а внесено из Хрущева согласуя с другими.[73]

Эта запись читается уже в Воронцовском списке примечаний второй редакции.[74] Данный список, впервые введенный в научный оборот С. Л. Пештичем, «имеет большое значение для определения достоверности известий, встречаемых только у Татищева, и особенно для проверок ссылок на источники».[75]

Для целей нашей работы важно заметить, что в Воронцовском списке последний раз фигурировало имя Еропкина в примечании к сообщению о борьбе за Берестье в 1182 г.[76] и в примечании к Романову проекту 1203 г., причем в последнем случае рукой Татищева имя «Еропкин» уже переправлено на «Хрущев».[77]

Замена Еропкина на Хрущева в примечании к Романову проекту находится в непосредственной связи с записью об обретении утраченных прежде выписок Хрущева (в примечании к известию о событиях 1237 г.), поскольку обе правки — одна в виде исправления, другая в виде приписки — внесены собственной рукой Татищева в одном и том же списке.

В том же Воронцовском списке примечаний рукой Татищева сделана приписка о совместном с Хрущевым переводе Романова проекта с «древнего наречия» на современный язык: «...и писано было древним наречием, которое мы с ним (Хрущевым. — *А. М.*) преложили как здесь».[78]

Следовательно, одновременно с другими выписками из «манускрипта Хрущева» в процессе работы над второй редакцией «Истории Российской» Татищевым среди бывших у него бумаг покойного Хрущева были обнаружены, во-первых, какой-то новый вариант выписки из «древнего летописца» с текстом проекта Романа и, во-вторых, перевод этого текста на современный язык, очевидно, записанный рукой Хрущева. Все это и заставило историка внести

---

[73] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 270, примеч. 644.

[74] Там же. С. 307, вар. 9–9.

[75] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961. С. 268.

[76] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 300–301, вар. 9–9.

[77] Там же. С. 304, вар. 65.

[78] Там же. С. 303, вар. 42–42.

правку в текст примечания (изменить прежде всего имя своего информатора), а также несколько скорректировать основной текст сообщения о проекте.

Вновь найденная выписка Хрущева, выполненная «древним наречием», представляла собой, очевидно, более исправный документ, чем ее первоначальный вариант (ошибочно приписанный Еропкину), использованный при составлении первой редакции «Истории», в котором угадывался лишь «древний слог», напоминающий летописный. Еропкин и Хрущев, судя по всему, обладали разной квалификацией в изучении древнерусских летописей. Вновь найденный более исправный вариант выписки о проекте Романа Татищев не случайно отнес на счет Хрущева как человека «снискательного о гистории русской» и «весьма прилежно (над ней. — *А. М.*) трудившегося».[79]

[79] Там же. Т. IV. С. 49.

Глава восьмая

О РАБОТЕ В. Н. ТАТИЩЕВА НАД ТЕКСТОМ ПРОЕКТА РОМАНА МСТИСЛАВИЧА (К ИЗУЧЕНИЮАКАДЕМИЧЕСКОЙ РУКОПИСИ ВТОРОЙ ЧАСТИ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»)[1]

Предположение о позднем происхождении сообщения о проекте Романа и результаты кодикологического анализа Академической рукописи. — Данные количественного измерения объемов текста заново переписанных листов, содержащих сообщение о проекте 1203 г. — Ресурсы дополнительной вместимости переписанных листов в соотношении с размером вставки о Романе и предполагаемый текст сообщения, ей предшествовавшего

«Решающим свидетельством» о подложности проекта Романа Мстиславича А. П. Толочко считает некоторые кодикологические особенности основной сохранившейся рукописи первой редакции второй части «Истории Российской» — отосланной Татищевым в Академию наук в мае 1746 г. беловой копии, выполненной тремя разными переписчиками, с правкой самого Татищева, ныне хранящейся в Библиотеке Российской академии наук (Академический список, F°, 341 л.).

По мнению Толочко, проект Романа и сопровождающее его примечание являются поздней вставкой, возникшей только на завершающем этапе составления рукописи первой редакции второй части (перед самой отправкой ее в Академию наук), в то время как основная работа над составлением рукописи велась Татищевым на протяжении нескольких предыдущих лет (1741–1746).[2]

Однако этот отчасти справедливый вывод не дает никаких оснований утверждать (как это делает Толочко), что «текст проекта 1203 года возник на том этапе формирования Академического списка, который отражает его окончательную

---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* О работе В. Н. Татищева над текстом проекта Романа Мстиславича (в свете изучения Академической рукописи второй части «Истории Российской») // Вест. СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4. 2007.

[2] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 306–308.

отделку перед отправкой в Академию наук».[3] На наш взгляд, исследователь вольно или невольно совершает недопустимую подмену понятий: «возникновение» проекта и «включение» его в текст «Истории» — не одно и то же. Эти события могли произойти в разное время и при различных обстоятельствах. А предполагаемое Толочко позднее включение известия о проекте Романа в состав «Истории Российской» (произошедшее после казни Еропкина и Хрущева) совершенно не доказывает его столь же позднее происхождение. Более того, и само это предположение, на наш взгляд, является не бесспорным и требует проверки.

Обратимся к данным кодикологического описания Академического списка второй части «Истории Российской», выполненного в свое время С. Н. Валком. В рукописи, пишет ученый, «резко различаются два перемежающихся слоя листов, каждый с иной нумерацией ссылок на примечания».[4] Ранний слой листов содержит первоначальную нумерацию ссылок на примечания, соответствующую их исходному количеству (434). В дальнейшем первоначальные номера на этих листах были переправлены на новые в соответствии с окончательным числом примечаний (500), возросшим в результате последующей работы Татищева над текстом «Истории». В новом слое листов содержится только окончательная нумерация примечаний, и в отличие от листов предыдущего слоя правки номеров примечаний отсутствуют.

> Несомненно, — делает вывод С. Н. Валк, — эти листы (нового слоя. — *А. М.*) не потребовали никакой правки номеров примечаний потому, что они были вновь переписаны в то время, когда уже были составлены новые примечания и была установлена их новая нумерация.

Из этого, в свою очередь, следует, что текст страниц с новой нумерацией ссылок на примечания, не претерпевшей впоследствии исправлений, «является не первоначальным текстом 1741 г., а текстом, подвергшимся существенной правке Татищевым в последующие годы и поэтому потребовавшим новой его переписки».[5]

Весь текст сообщения о проекте Романа содержится на более новых (поздних) листах рукописи, на с. 458–459 оригинальной нумерации.[6]

По классификации С. Н. Валка, данный текст приходится на относительно небольшую шестую группу страниц (из выявленных восьми) с одной окончательной нумерацией примечаний, состоящую всего из четырех страниц (с. 457–460 по нумерации переписчика), две из которых частично заняты текстом Романова проекта.[7]

---

[3] Там же. С. 308.

[4] *Валк С. Н.* О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. IV. М., 1995. С. 21.

[5] Там же. С. 21, 23.

[6] БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 271 об.–272.

[7] *Валк С. Н.* О рукописях первой редакции второй части... С. 23.

А. П. Толочко отвергает эту классификацию, считая ее «неисправной».[8] Взамен новейший исследователь предлагает свой путь изучения рукописи, не требующий обращения к ней самой. Так, по словам Толочко, место текста с изложением проекта Романа, занимаемое им в Академическом списке, «можно определить, не обращаясь к рукописи».[9] И чтобы доказать такую возможность, наш автор отсылает своих читателей к несуществующей «таблице соотношения страниц Академической рукописи», опубликованной будто бы в седьмом томе «Истории Российской» издания Академии наук СССР.[10]

Тем не менее в итоге А. П. Толочко приходит к выводу, повторяющему данное С. Н. Валком определение окончания серии новых листов, вмещающих сообщение о проекте Романа: «лист, на котором заканчивается изложение Романового проекта, завершает шестую серию новых листов» в Академическом списке второй части «Истории Российской».[11] Начало этой серии остается у Толочко не определенным.

Действительно, на с. 460 в рукописи заканчивается новая (окончательная) нумерация ссылок на примечания. Здесь, после слов «прелстяся обещаннымъ златомъ и сребромъ», значится последняя не подвергшаяся исправлению ссылка на примеч. 432.[12] На следующей странице (с. 461) в рукописи возобновляется старая нумерация ссылок, подвергшаяся исправлению в соответствии с окончательным числом примечаний. Ссылка, указывающая на новый номер примечания (433) вынесена на левое поле страницы. Ей соответствует старый номер (382), значащийся в основном тексте после слов: «взяша маия 9 дня».[13]

Начало серии новых листов Академического списка, на которых помещен текст с изложением Романова проекта, совпадает с началом с. 457. Ссылка на примеч. 427, значащаяся здесь после слов «явися затмение в луне»,[14] соответствует окончательной нумерации примечаний и не подвергалась исправлению, как и все последующие ссылки, значащиеся на страницах данной группы, до ссылки на примеч. 432 включительно. В конце предыдущей страницы (с. 456) видна старая нумерация: ссылка на примеч. 378, значащаяся после слов «приведоша на Луки», переправлена в соответствии с окончательной нумерацией с вынесением на поля нового номера 426.[15]

---

[8] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 307, примеч. 35.

[9] Там же.

[10] Там же. На указанной Толочко странице (454) в седьмом томе академического издания «Истории Российской» помещена «Таблица соотношения номеров статей II, III и IV редакций Судебника 1550 г.» (*Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. Т. VII. Л., 1968. С. 454).

[11] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 307.

[12] БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 272 об. В академическом издании «Истории Российской» эта ссылка несколько перемещена по тексту и значится после слов «пришед в Суду» (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. IV. М.; Л., 1964. С. 330).

[13] БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 273.

[14] Там же. Л. 271.

[15] Там же. Л. 270 об.

Таким образом, мы видим, что серия новых листов Академического списка второй части «Истории Российской», где содержится текст сообщения о проекте «доброго порядка» князя Романа, состоит всего из двух листов, исписанных с обеих сторон. Это л. 271–272 об., что соответствует с. 457–460 по нумерации переписчика.

* * *

Дальнейшие наблюдения над состоянием рукописи обнаруживают новые важные для нас особенности. Оборот л. 271 и далее (до л. 272 об.) и особенно л. 272 написаны более мелким почерком и другими чернилами по сравнению с первоначальным текстом старых листов, возобновляющимся на л. 273. Исходя из этого обстоятельства, А. П. Толочко заключает:

> Несомненно, писать убористо здесь пришлось, чтобы вставить довольно объемистый текст проекта Романа. В первоначальном состоянии Академической рукописи ни текста проекта, ни сопровождавшего его примечания не было.[16]

Сообщение о проекте Романа в первой редакции «Истории Российской» представляет собой действительно «довольно объемистый» текст. Он состоит из 487 слов в орфографии академического издания 1964 г. (репринт 1995 г.) и около 430 слов в орфографии переписчика рукописи.[17]

Возникает вполне закономерный вопрос, какое количество листов должно было понадобиться переписчику, чтобы полностью уместить текст такого объема?

При этом нужно иметь в виду еще одно важное обстоятельство. Вслед за С. Л. Пештичем, первым указавшим на характерные следы переработки Академической рукописи, происходившей уже в процессе ее изготовления без нарушения сложившейся последовательности в нумерации страниц, С. Н. Валк отмечает:

> Действительно, считаясь с уже существующей первоначальной нумерацией листов рукописи, писцам пришлось в ряде случаев стараться уместить позднейший (переработанный) текст на том же количестве листов, которое занимал и текст изымаемых старых листов.[18]

К сказанному следует добавить, что в рассматриваемом нами случае вместить новый большой текст (с изложением проекта Романа) переписчику нужно было

---

[16] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 307–308.

[17] Разница возникает ввиду слитного написания переписчиком Академической рукописи предлогов с некоторыми существительными и других особенностей правописания середины XVIII в.

[18] *Валк С. Н.* О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева. С. 23. Именно такую картину можно наблюдать и в рассматриваемом нами случае. Не сумев полностью уместить текст на заранее рассчитанных строках л. 272 об., переписчик вынужден был последнее слово последней строки вынести на новую (дополнительную) строку и, чтобы не допустить образования красной строки, поставить это слово в конце дополнительной строки.

так, чтобы не только не увеличить общее количество содержащихся в рукописи листов, но и сохранить существовавшую ранее постраничную компоновку текста.

Этот факт устанавливается сличением вновь переписанных л. 271–272 об. рукописи между собой, а также с окружающими их старыми листами.

Академическая рукопись второй части «Истории Российской» выполнена на листах серой бумаги большого формата (F°), исписанных с обеих сторон и в большинстве имеющих постраничную нумерацию переписчика. На обычной странице такого листа (когда содержащийся там текст не подвергался дополнениям или изъятиям и в силу этого не переписывался) в среднем помещается около 40 строк, хотя в некоторых случаях их число могло несколько изменяться, сокращаясь до 38-39 или достигая в сторону увеличения 41-42.[19] При обычном письме каждая полная строка на такой странице включала в среднем по 7–9 слов. Таким образом, на одной обычной странице рукописи можно было уместить в среднем около 300–320 слов.[20]

Обратившись к заново переписанным листам рукописи, содержащим текст сообщения о проекте 1203 г. (л. 271–272 об.), мы легко заметим, что первая страница первого листа (с. 457 по нумерации переписчика) по характеру письма практически не отличается от обычной страницы рукописи, не подвергавшейся переписыванию. С. 457 содержит 42 строки текста, на каждой полной строке в среднем помещается по 8-9 слов, и на странице в целом помещается около 370 слов.

Примерно то же самое можно сказать и о второй странице второго переписанного листа (с. 460). Помещенный здесь текст написан несколько более убористо, но также лишь незначительно превышает обычную норму заполняемости не переписывавшейся страницы. На с. 460 помещено 43 полных строки текста (с выносом одного слова на 44-ю строку), при среднем количестве слов в строке равном 9. В целом на с. 460, как и на с. 457, помещается около 370 слов.

Основной объем превышения обычной нормы заполнения одной страницы текста приходится на с. 458 и особенно на с. 459. Это как раз те страницы, на которых и помещается текст сообщения о проекте Романа, причем на наиболее густо исписанную с. 459 приходится его основная часть (около трех четвертей). С. 458 содержит 46 строк текста, в среднем по 9 слов в строке, итого — около 420 слов на странице. С. 459 включает 51 строку, в среднем по 9-10 слов в каждой полной строке и всего около 480 слов на странице.

---

[19] Для проведения подсчетов нами выбраны листы старого слоя, расположенные между пятой и седьмой сериями новых (переписанных) листов (с. 431–456, 461–472), непосредственно примыкающие к новым листам шестой серии (с. 457–460). Более половины (ок. 53 %) страниц указанных листов содержат по 40 строк (с. 431, 438, 439, 443, 445, 446–454, 461, 463, 465, 467, 469, 470). Около 15 % составляют листы, вмещающие по 38-39 строк на странице (по 38 строк — с. 440, 456, 471; по 39 строк — с. 444, 455, 468) и около 18 % — по 41-42 строке (по 41 строке — с. 432–435, 437, 462; 42 строки — с. 436). Около 13 % страниц в силу различных причин (например, окончания главы) заполнены частично или слишком размашистым почерком с увеличенными интервалами между словами и строками и содержат от 9 до 36 строк.

[20] Эти и последующие постраничные измерения объема текста Академической рукописи произведены в соответствии с орфографией переписчика.

Таблица 5

Объем текста переписанных листов Академической рукописи, содержащих текст сообщения о проекте Романа Мстиславича

номер листа	номер страницы	число строк на странице	среднее число слов в полной строке	примерное число слов на странице
271	457	42	8-9	370
271 об.	458	46	9	420
272	459	51	9-10	480
272 об.	460	43	9	370

Как видим, с. 458–459, вмещающие текст о Романе, по характеру письма (убористый почерк, увеличенное количество строк и сокращенное расстояние между ними) резко выделяются даже на фоне других заново переписанных страниц. Указанные страницы значительно превосходят обычные (соответствующие норме) страницы Академической рукописи по объему помещенного на них текста: с. 458 — в среднем на 35 %, а с. 459 — на 55 %.

Таким образом, вставной текст известия о проекте 1203 г. был помещен писцом на новых листах Академической рукописи непропорционально, переписчик совершенно не следил за тем, чтобы обеспечить относительно равномерное распределение текста по всем переписанным страницам. Значит, свою работу он выполнял постранично и задачей его, надо думать, было уместить текст новых вставок на тех же страницах, на которых они и производились. Чем большими были вставки, тем больше нового текста появлялось на переписанных страницах, и, наоборот, когда вставок не было или они были незначительными, количество текста на новых страницах изменялось мало.[21]

О том, что текст новых вставок действительно вносился неравномерно по пространству переписанных листов, можно судить по состоянию записи сообщения о проекте Романа. Она отличается еще более убористым написанием при наименьшем размере букв, интервалов между словами и строками (особенно это заметно на с. 459, вмещающей основной объем вставки).[22] Нельзя не видеть, что текст о проекте 1203 г. переписчик старался вписать на заранее отведенных для него сравнительно небольших участках указанных страниц, несоразмерных с объемом вставки.

Помимо большой вставки с текстом сообщения о проекте Романа на с. 457–460 (л. 271–272 об.) Академической рукописи в процессе переписывания, очевидно, были сделаны и другие вставки нового текста. Об этом можно судить по соотношению содержащихся в документе ссылок на примечания по старой (первоначальной) и новой (окончательной) нумерации. На старых листах, непосредственно примыкающих к заново переписанным, можно видеть сохранившуюся двойную нумерацию примечаний: примеч. 426 по окончательному

[21] Например, среди заново переписанных листов седьмой серии (с. 473–476) по объему помещенного на них текста особенно выделяются с. 473 и 475, содержащие по 53 строки каждая.

[22] На с. 459 текст сообщения о Романе занимает 30 полных строк, на каждой из которых помещается по 10-11 слов, притом что на оставшейся 21 строке в среднем помещается по 9 слов.

счету соответствует примеч. 378 по первоначальному (л. 270 об.), а примеч. 433 соответствует примеч. 382 (л. 273).

Следовательно, на л. 271–272 об. (с. 457–460) первоначально значилось только три ссылки на примеч. 379–381. В ходе переписывания указанных листов количество ссылок на примечания увеличилось вдвое и достигло шести (№ 427–432).

Таблица 6

Распределение ссылок на примечания на заново переписанных листах Академической рукописи

номер листа	номер страницы	номера примечаний по окончательной нумерации
271	457	427
271 об.	458	428
272	459	429, 430
272 об.	460	431, 432

Разумеется, не каждое появление нового примечания обязательно сопровождалось у Татищева новыми вставками в основной текст «Истории». Некоторые новые примечания были вызваны к жизни получением новых пособий, позволяющих сделать некоторые уточнения и выводы, или размышлениями автора по поводу уже описанных им событий. По словам С. Н. Валка, «один и тот же текст (основной текст «Истории». — *А. М.*) подвергается у Татищева все более тщательному разъяснению во всех новых примечаниях».[23]

И тем не менее случаи внесения дополнений в основной текст, сопровождавшиеся появлением новых примечаний, имели место. Если говорить о состоянии Академической рукописи второй части, отмеченные случаи встречаются здесь, как правило, на заново переписанных листах, когда происходило увеличение объема первоначально содержавшегося на них текста.[24] Нельзя исключать, что на л. 271–272 об. в процессе переписывания было сделано несколько вставок различного объема и содержания, что и привело в итоге к увеличению общего объема нового текста не только на тех страницах, где читается сообщение о Романе, но практически на каждой заново переписанной странице.

* * *

Текст с изложением Романова проекта своим объемом значительно превосходит размеры текста, умещающегося в пределах одной обычной (не переписывавшейся) страницы Академической рукописи. Если на одной такой странице при обычном

[23] *Валк С. Н.* О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева. С. 23, примеч. 46.

[24] К примеру, на с. 425–430 (пятая серия переписанных листов) увеличение объема текста при переписывании также сопровождалось появлением нескольких новых ссылок на примечания: шести ссылкам по новой нумерации (№ 395–400) соответствуют только две ссылки по старой (№ 352–353).

письме в среднем умещается не более 300–320 слов, то объем сообщения о проекте в первой редакции превышает 430 слов (в орфографии переписчика), превосходя тем самым вместимость обычной страницы почти в полтора раза.

Переписчик л. 271–272 об. решал действительно непростую в техническом отношении задачу, стараясь уместить новый большой текст в пределах отведенных ему двух страниц (с. 458–459), если учесть, что размер вставки достигал без малого трех четвертей от общего объема двух обычных страниц рукописи.

Насколько возможно было решить такую задачу?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно оценить реальное состояние переписанных страниц рукописи, сопоставив имеющиеся у нас данные количественных измерений объема текста, помещенного на этих и других страницах, а также текста сообщения о проекте.

Написанные весьма убористым почерком с. 458–459 вмещают около 420 и 480 слов соответственно. Следовательно, их совокупный объем превышает объем двух обычных страниц рукописи на 260–300 слов. Для того чтобы поместить на с. 458–459 весь текст вставки о Романе, общий объем текста на указанных страницах пришлось бы увеличить еще на 130–170 слов, то есть в среднем на 15 %.

Даже если предположить, что для вставки нового текста переписчиком был использован весь ресурс заново переписанных листов (л. 271–272 об.), включая с. 457 и 460, мы все равно не сможем достичь в итоге объема текста сообщения о проекте Романа. Положительная разница объемов текста с. 457 и 460 с обычной страницей составляет 50–70 слов по каждой странице. Взяв среднее значение, мы получим, что использование ресурса этих страниц в совокупности могло бы дать возможность уместить еще около 120 слов сообщения о проекте.

Но и эта прибавка не решает дела. Даже при самом оптимистическом прогнозе текст проекта в существующем ныне виде невозможно целиком уместить в пределах заново переписанных страниц Академической рукописи. В случае использования переписчиком ресурса с. 460 недостающая разница составит в среднем около 90 слов (около 20 % от объема сообщения о проекте). И даже с учетом использования ресурса с. 457 эта разница все равно сохранится, составив около 30 слов (около 7 % от объема сообщения о проекте).

Таблица 7

Соотношение размеров текста на с. 457–460 и текста сообщения о проекте Романа (СПР) с учетом ресурса дополнительной вместимости переписанных страниц (ДВПС) Академической рукописи

номера и количество учетных страниц	общее количество слов на учетных страницах	среднее количество слов по норме обычной страницы	разница между фактическим и нормативным количеством слов на странице (ресурс ДВПС)	разница размеров СПР и ДВПС (количество слов)	среднее значение разницы размеров СПР и ДВПС (количество слов)
458 (одна)	420	300–320	100–120	+310 – +330	+320

номера и количество учетных страниц	общее количество слов на учетных страницах	среднее количество слов по норме обычной страницы	разница между фактическим и нормативным количеством слов на странице (ресурс ДВПС)	разница размеров СПР и ДВПС (количество слов)	среднее значение разницы размеров СПР и ДВПС (количество слов)
458–459 (две)	900	600–640	260–300	+130 – +170	+150
458–460 (три)	1270	900–960	310–370	+60 – +120	+90
457–460 (четыре)	1640	1200–1280	360–440	–10 – +70	+30

Как видим, уместить целиком текст сообщения о проекте Романа первой редакции в пределах отведенных для этого страниц технически невозможно, даже с учетом всех предпринятых переписчиком ухищрений. При различных рассмотренных нами возможностях распределения этого текста в пределах вновь переписанных листов (л. 271–272 об.) остается в среднем от 30 до 150 слов сообщения (от 7 до 37 % его объема), которым невозможно найти места в рукописи

У нас нет оснований предполагать, что ради помещения вставки о проекте Романа могли быть сделаны какие-то изъятия в старом тексте на с. 458–459 и тем более на с. 457 и 460. Наоборот, появление в результате переписывания на указанных страницах нескольких новых ссылок на примечания скорее предполагает возможность внесения в текст некоторых добавлений и, следовательно, увеличения его объема.

Если так, то единственным, на наш взгляд, способом рационального объяснения включения в рукопись полного текста сообщения о проекте может быть предположение, что на том же месте в рукописи ему предшествовал другой текст аналогичного содержания, но меньший по объему, который и подвергся замене при переписывании соответствующих страниц.

Таким образом, при производстве вставки нового текста о Романе все-таки не обошлось без изъятия какой-то части старого текста. И таким изъятым текстом мог быть только текст краткого известия о проекте, предшествовавший его более развернутому изложению, включенному Татищевым на завершающем этапе работы с рукописью первой редакции второй части «Истории Российской».

Первоначальный текст сообщения о проекте был, очевидно, значительно меньшего объема и скорее всего содержал только общее упоминание об инициативе галицкого князя и реакции на нее других князей. И именно такой по объему и содержанию текст имеется в «Истории» Татищева. В 45-й главе первой части историк пишет:

> Роман, князь галицкий <...> видя такой великий в правлении государства безпорядок <...> учинил о наследстве престола и порядке правления предложение, которое ко всем князем разослал и звал их на сейм. Оное предложение хотя и было не лучшее и с обстоятельствы не довольно согласное, ибо подобно было германскому, но князи

ово из гордости, презирая его младость, ово бояся его храбрости и силы, чтоб к сему противно воли их не принудил, никто не поехал, ни послов для разсуждения не посылали.[25]

Вне зависимости от того, в какое время и с какой целью приведенный отрывок был использован Татищевым в первой части его произведения, есть все основания предположить, что подобный текст мог значиться первоначально и на л. 271–272 об. Академической рукописи второй части (до переписывания указанных листов на завершающем этапе подготовки рукописи).

Татищев, как мы знаем, долго колебался насчет подлинности сообщения о проекте Романа, говоря и в первой и во второй редакциях: «мне оное неколико сумнительно было». И только будучи уверенным в том, что его информатор подобное известие «сам сочинить не мог»,[26] историк решился включить его в свою «Историю», сопроводив необходимыми пояснениями в примечании.

Но еще до этого Татищев, несомненно, знал о проекте по имевшейся у него выписке из новгородского летописца. И прежде чем использовать его текст целиком, историк, проявив осторожность, мог ограничиться только небольшим упоминанием о предложениях Романа, отвергнутых другими князьями.

Такую возможность допускает, по-видимому, и А. П. Толочко, признавая, что Татищев длительное время располагал выпиской с изложением Романова проекта, которую «отважился» вставить в свою «Историю» лишь в 1746 г.[27] На наш взгляд, правильнее было бы утверждать, что Татищев в 1746 г. «отважился» вставить бывшую у него выписку целиком, то есть в том виде, в каком она существует в настоящее время, снабдив ее к тому же специальным примечанием.

Наши расчеты показывают, что полной версии сообщения о проекте 1203 г. в Академической рукописи второй части «Истории Российской» предшествовала ее краткая версия, объем которой мог достигать одной трети от объема существующего ныне текста сообщения о проекте.

Таким образом, текст сообщения о проекте в целом лишь отчасти может считаться позднейшей вставкой, распространяющей предшествовавшее краткое известие аналогичного содержания. При таких обстоятельствах говорить о подложности проекта, сочиненного будто бы самим Татищевым в 1746 г. (спустя несколько лет после казни его информатора), нет оснований.

Нельзя также утверждать, что у Татищева вообще не было никакого исходного оригинального текста в виде выписки из древнего летописца, что проект Романа существовал только в воображении историка и был изложен на страницах «Истории Российской» стилизованным под «древнее наречие» языком.[28]

---

[25] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. I. М., 1994. С. 366.

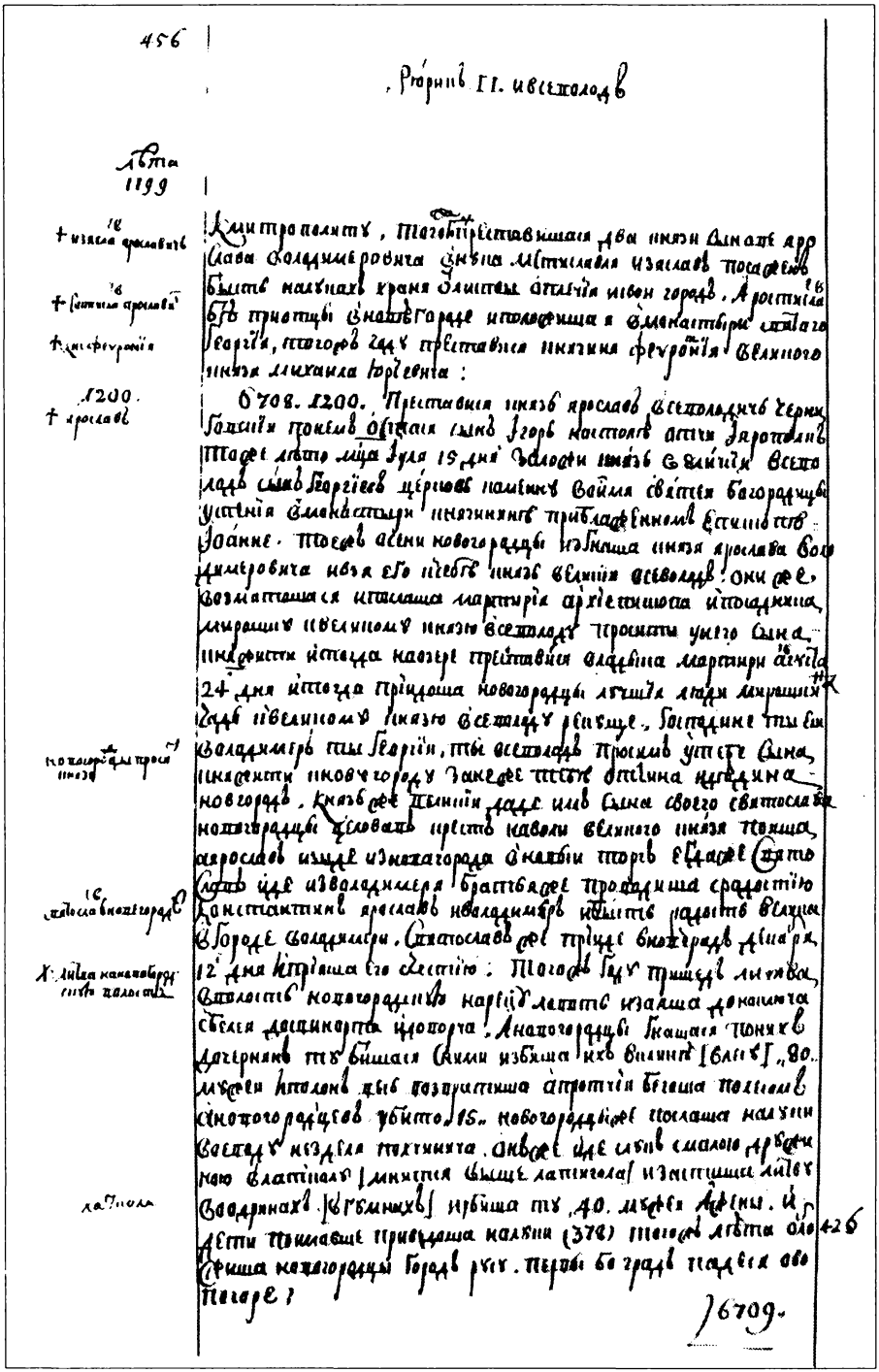
[26] Там же. Т. IV. С. 457, примеч. 429; Т. III. М., 1995. С. 257, примеч. 569.

[27] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 308.

[28] Там же. С. 302–303.

Ближе к истине, несомненно, другая точка зрения, также представленная в современной историографии. Как справедливо полагает О. А. Купчинский, тексту сообщения о проекте Романа, в наиболее раннем виде дошедшему до нас в составе Академической рукописи второй части «Истории Российской», во времена Татищева предшествовали два документа. Это — выполненная в 30-х гг. XVIII в. Хрущевым выписка из новгородского летописца, послужившая Татищеву непосредственным источником сведений о проекте. Основным же источником таких сведений в первой половине XVIII в. был впоследствии утраченный список неизвестной ныне новгородской летописи, вероятно, позднего происхождения (XVI–XVII вв.), воспроизводивший подлинный текст «конституционного проекта» галицкого князя, относящийся к началу XIII в.[29]

[29] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII–першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 424.



456

Рюрикъ II. Всеволодъ

Лѣта 1199

† изяслава ярославич

† святослава ярослав

† константиновича

Климъ пополитъ, Тогобъ преставившаго два князи Смоленскъ Ярославъ Славу Володимеровича сына Мстиславля Изяслава посадивъ быстъ наслѣдникъ краю Смолиньскаго отчичъ ихъ городъ. Архиепископъ его приятель Смоленскаго городе исполнения и Смоленскіи епископъ Георгій, потомъ 7711 преставися инокиня Ефросинія Великого князя Михаила Горбатого:

1200. † ярослав

6708. 1200. Преставися князь Ярославъ Всеволодичъ Черниговскій, Галичскій, Переяславскій отчичъ сынъ Игорь наслѣдникъ отчичъ Ярославль. Тогоже лѣта мца Іюля 15 дня Володеи князь Смоленскій Всеволодъ сынъ Георгіевъ церковь каменную Вайма святыя Богородицы устроенія Смоленскаго епископа иноческимъ приладивъ Есифомъ Іоанне. Тогожъ осени новогородцы избѣгша князя Ярослава Володимировича изъ его вѣчемъ князь великій Всеволодъ. Они же, возмятошася, исгласиша архіепископа изъ монастыря, мирскимъ великомъ князь Всеволодъ просити ихъ сына. Архіепископъ исполнивъ 16 преставися владыка мартиръ 24 дня Іюня. Тогожъ пріидоша новогородцы лучшіи люди мирскіи къ великому князю Всеволоду рекуще, Господине ты сынъ Володимеръ ты Георгіи, ты Всеволодъ пріимъ уметъ сына, иже хотятъ Псковгородцы Новгороду. Такоже тотъ отчина нигдѣ не новгородъ. Князь же великій даде имъ сына своего Святослава новгородцы цѣловавъ крестъ на вѣрѣ великого князя Ярослава изыде изъ Новагорода Смолиньскъ торъ Ельцѣ Святославъ Ярославичъ Новгородцы

Псковгородцы просятъ князя

Святославъ новгородъ

Х. Липва канавбергскіе полотъ

Тогожъ лѣта изъ Володимеря братъ его Константинъ Ярославъ Володимеръ идутъ радостно въ Новгородъ Володимиръ. Святославъ же пріиде Новгородъ Дмитра 12 дня и сѣдѣша на столѣ. Тогожъ лѣта пришедъ литва Смолиньскъ Новгородцы на рѣцѣ Лѣстѣ изъимша деканита Свѣтля дѣтинарта цѣсаря. Новгородцы бѣжаша понизъ Двиною къ Полотьску Ими избиша ихъ вящіи [Вящіи] 80. мужеи Полотьскихъ дань возпрятиша отростіи бѣжаша полтьскіи новгородцевъ убито 15. Новгородцы послаша на ни всегда изъдля тѣхъ инъ. Онъже ихъ смѣлостью Архіепископа Спиридона [Спиридона] изъимъ Смоленскъ литвы

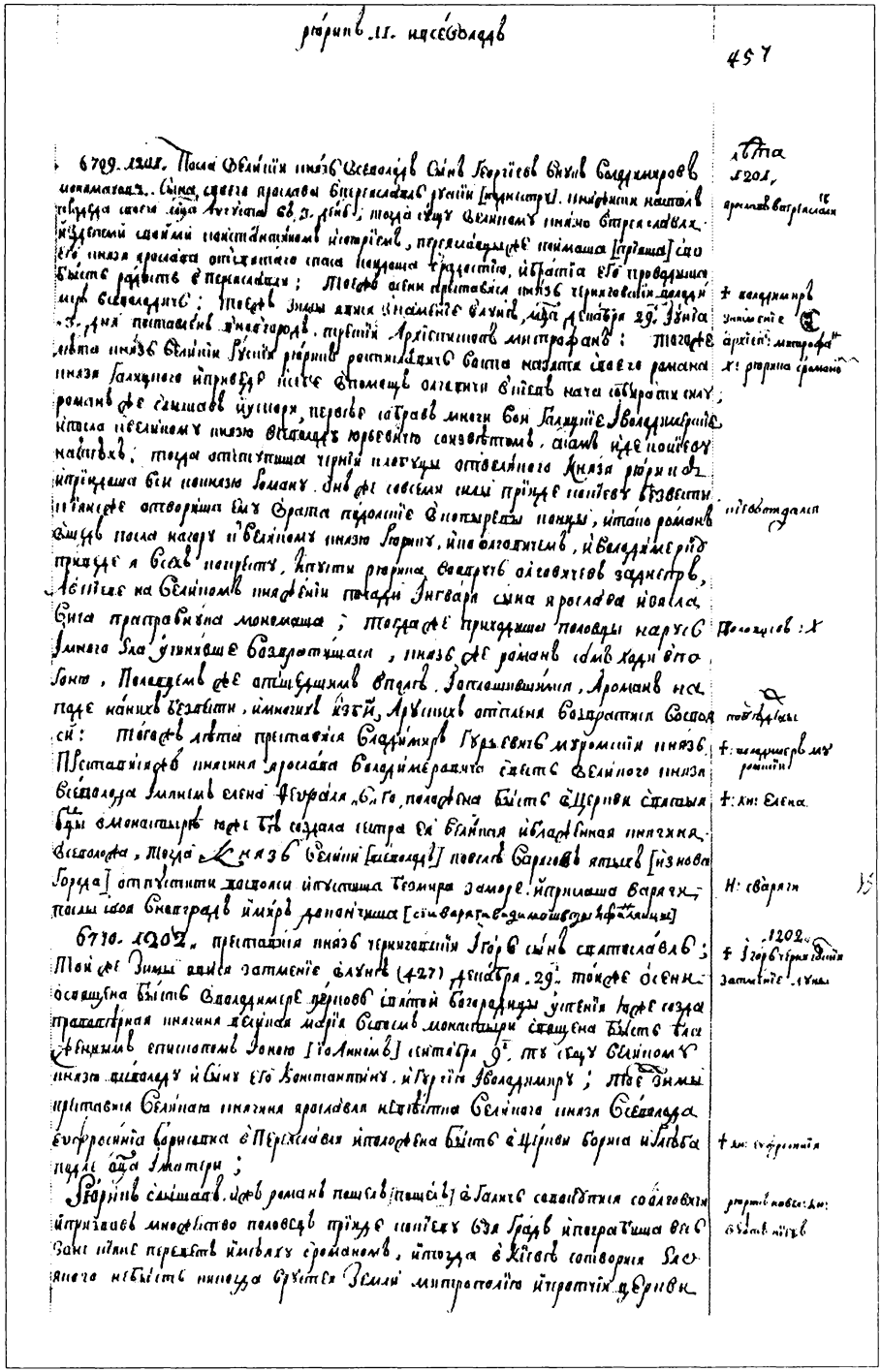
Латыгола

Свидрилахъ [Кремлихъ] ирбища тѣ 40. мужеи Ардены. И дѣти тѣхъ привяша полны (378) Тогожъ лѣта 426

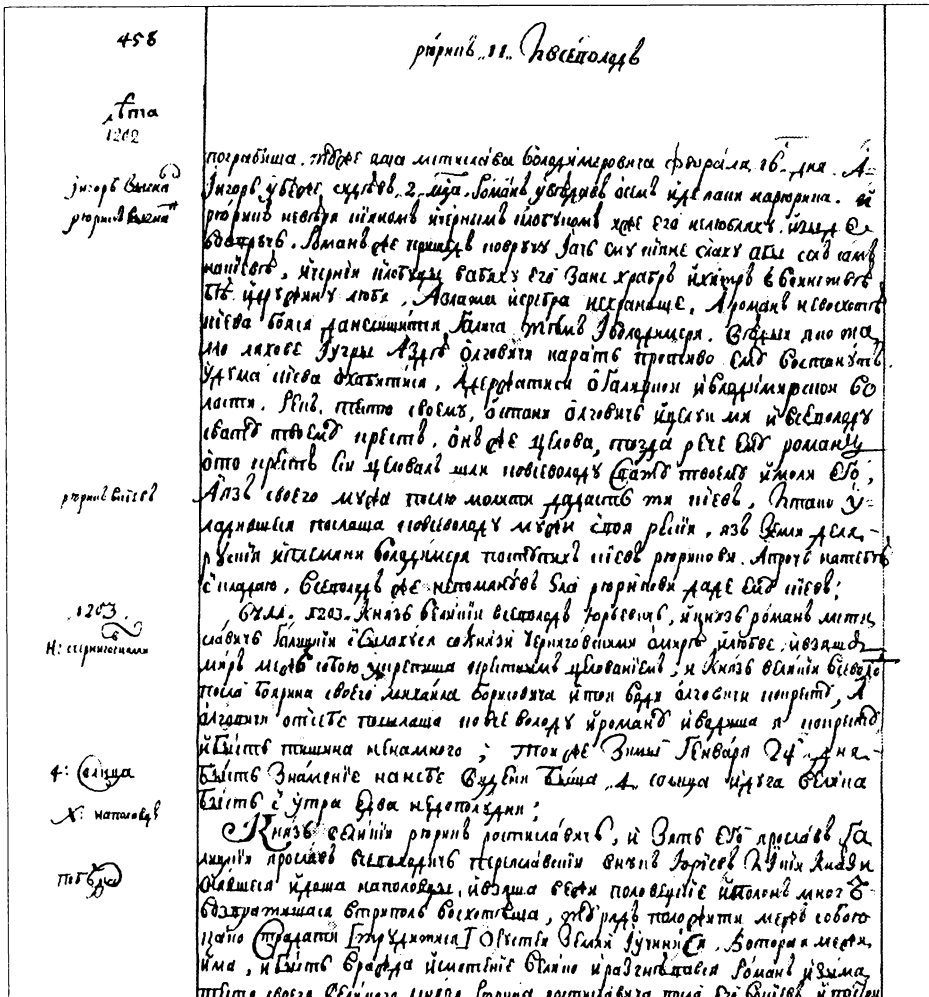
Сѣрша новгородцы городъ рус. Перше бо градъ подѣся обо Погоре?

6709.

Ил. 13. Академический список второй части «Истории Российской». С. 456 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 270 об.)



Ил. 14. Академический список второй части «Истории Российской». С. 457 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 271)



458

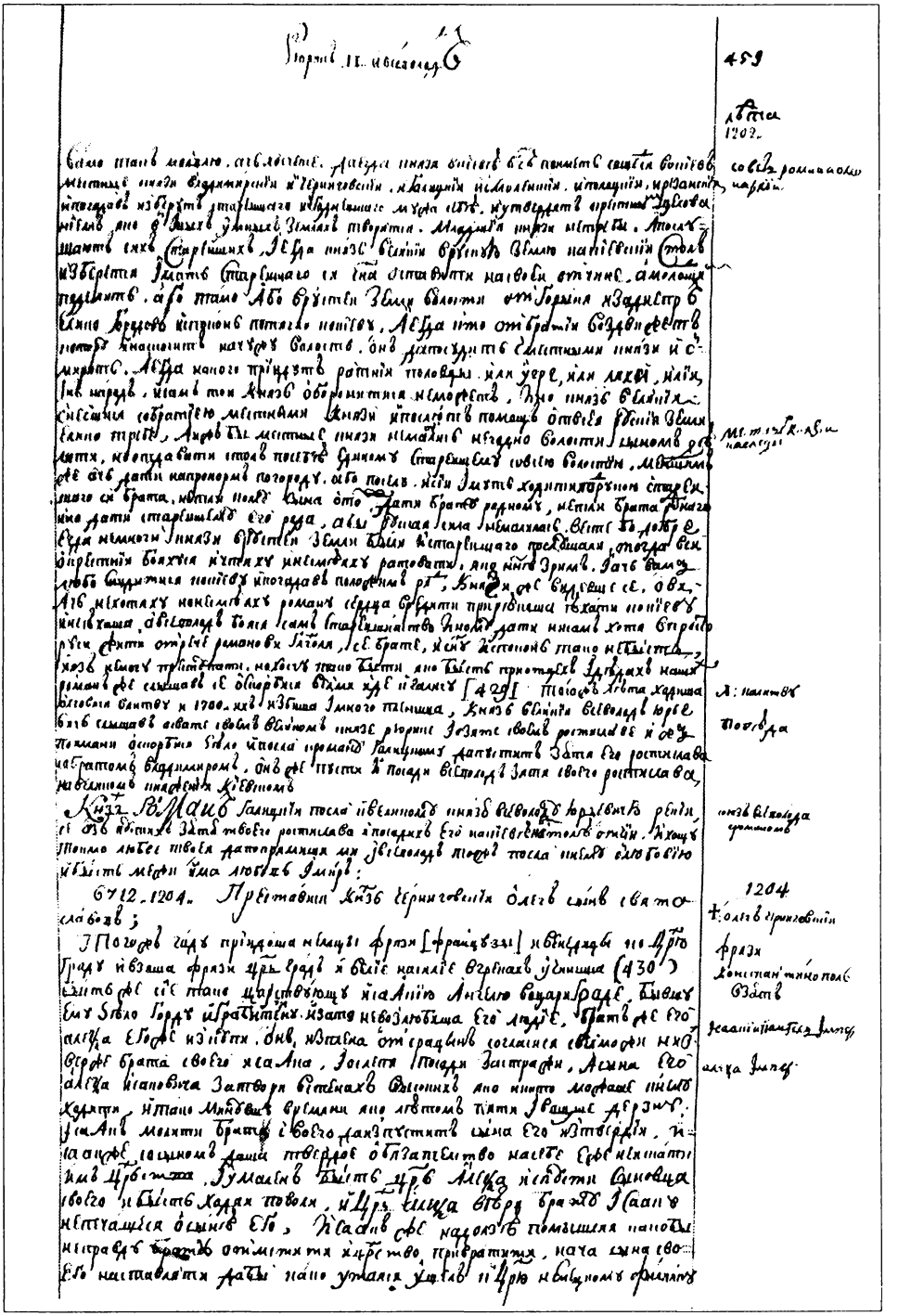
рѣрикъ .11. Всеволодъ

Лѣта 1202

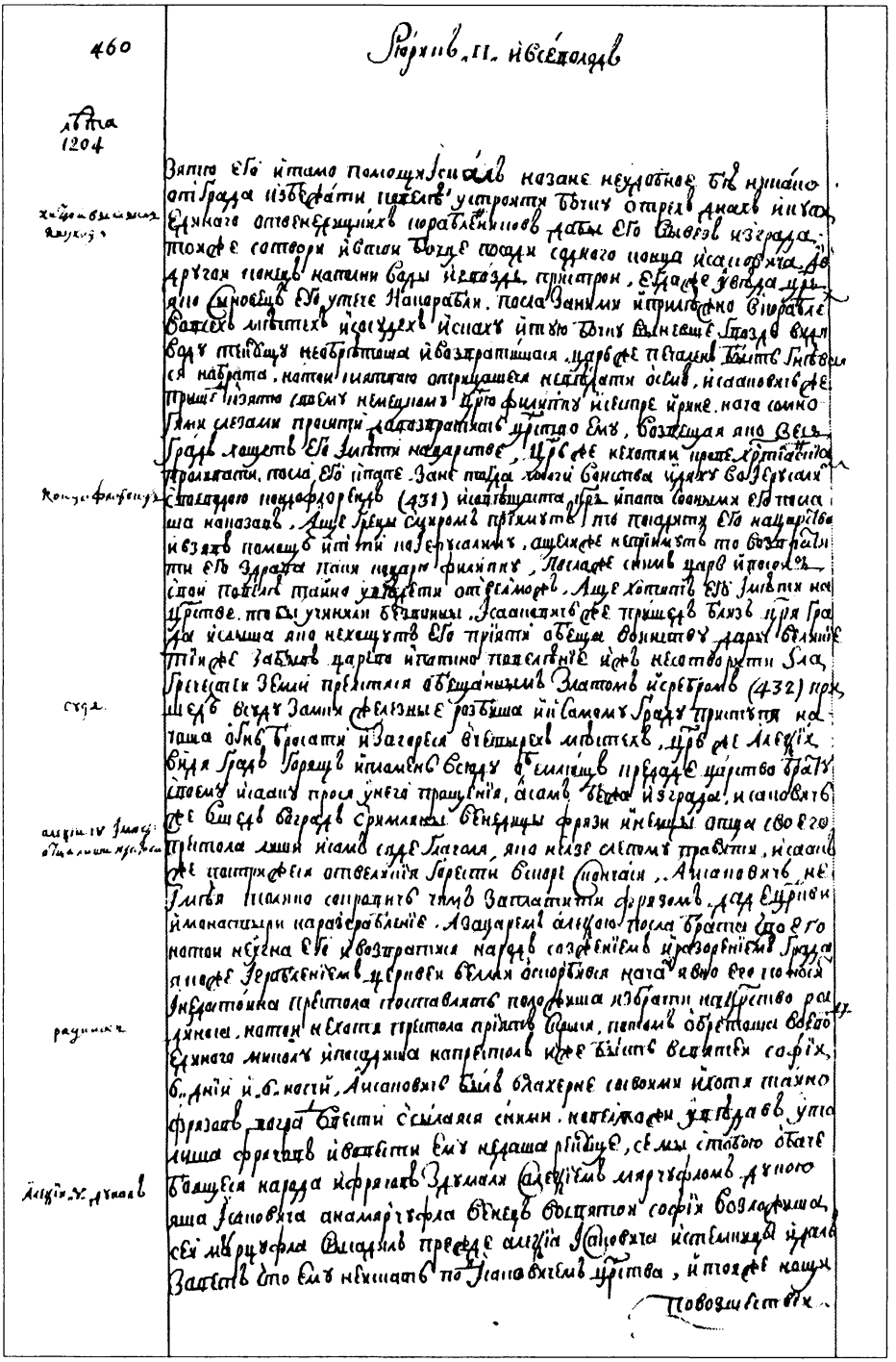
погребоша. тѣлеса дѣда митрополиѣ Володимеровича Георгиа гб. дня. А Игорь убоенъ сущѣвъ. 2. мца. Романъ увѣдавъ сiе идѣ паки Мариѣна. и рѣрикъ невѣря цѣлованiю игуменомъ плотскимъ хоте его исловлять. идеть в Вѣлзѣ. Романъ же пришедъ повѣрѣ Ѣзѣ сиу пѣше сiяхъ аѣи сеи самъ написѣ. игумени плотскы вабѣхъ его Ѣзѣ храбровъ ихъ в Вѣлзѣ тѣ цѣлованiу лѣтъ. Ѣзлама игерiа исѣранiще. Романъ и своеволiе кiева боля данесшiя Кiяча отѣвъ Володимеря. Вѣдѣмъ дно тамо лѣховѣ Угры Ѣздѣ Олговiя караѣ противо сiе Вѣстанѣтъ Ѣдѣша кiева оканѣтiя, Дерговатiся Галицiи Володимирцемъ Вѣ лаетiи. Рѣш. тѣѣто своемъ, Ѣстани Олговiѣ Ѣдѣти ми и Всеволодѣ сватѣ тѣсѣ прiѣтъ. Ѣнъ же цѣлова, тогда рѣче Ѣѣ роману Ѣто прiѣтъ Ѣи цѣловалъ млк повѣволодѣ Сажѣ тѣсѣ Ѣѣ, Ѣлзѣ своего мужа тако можати дадѣтѣ тя пѣсѣ, Ѣстани Ѣ ладившiя послаша повѣволодѣ мѣри стоя рѣiя, язѣ Вѣми дсл рѣсiя Ѣтасмiя Володимеря полѣтѣхъ пѣсѣ рѣрикова. Ѣпротѣ пасѣѣ с'ѣладе, Всеволодъ же непомалѣ Зла рѣрикова даде Ѣѣ пѣсѣ:

1203. Сѣл. 6711. 1203. Князь Вѣлiiй Всеволодъ Георгiевичь, Ѣнукъ Романъ митр славѣ Галицiй Ѣ Силачем сажнѣ Черниговцемъ смiре Ѣѣтове, Ѣвязашѣ мiръ мѣжѣ собою хрiстiяны прiѣтiемъ цѣлованiемъ, и Князь Вѣлiiй Всеволодъ посла Горина своего Михаiка Борисовича Ѣтоп Вѣдѣ Олговичи попрiѣтъ, А Ѣлгѣтiя отiсѣ тѣшлаша повѣ володѣ Ѣроманѣ Ѣвадiша и попрiѣтъ Ѣ Вѣтѣ тишина нѣмалого; тогдѣ же Зимы Генваря 24. дня Вѣлѣтъ Знамѣнiе нарѣсѣ Вудѣи Вѣша .4. солнца цѣта Вѣлiка Вѣлѣтъ с'утра Вдва нерѣтолщи:

Князь Вѣлiiй рѣрикъ роспилавѣтъ, и Зятѣ Ѣѣ Ярославъ Галицкiй Ярославъ Всеволодичь перiславѣтiй внукъ Георгiевъ Луцiй Кiяжи Ѣлѣшася Ѣдѣша наполовцы, Ѣвзяша всѣхъ половецкiе Ѣтолнѣ много Ѣ Ѣдстрѣлiшася встрiтолъ Ѣѣхотѣша, Ѣ Ѣрядъ толкотiи мерѣ собого цѣло Ѣрадати Гзу Ѣдохiя Ѣ Ѣтiи Вѣлiя Гуглiя Ся. Ѣторая мерѣи, Ѣма, и Вѣлѣтъ Ѣрадра Ѣшетiнiе Вѣлiiе и раѣгнѣвавѣся Романъ Ѣзѣма тѣлiя своего Вѣлiiего Гiкiя рѣрика роспилавѣча пола Ѣѣ Вѣлiѣ и пѣсѣри же (428) Ѣапо Ѣвѣсѣ Ѣлавѣтiй рѣрикова Ѣдгуг Ѣѣ прiѣ отѣся отiсѣ Ѣ пострiѣ. Ѣзнавѣ же Ѣѣ рѣрикова Ѣдолодимира Ѣдѣ соѣдого в Галицѣ сѣдѣ Романѣ дапiѣ нача Ѣрати сѣкнязѣ Ѣрѣдѣнiю Ѣустрое рѣiе Вѣлi Ѣлюбiвше. пола повѣволодѣ Ѣдолодимiрѣ Ѣ Вѣлѣ мiлiѣмъ пѣзѣмъ Ѣбѣтiи Ѣрикрова прiѣтiю Ѣля прiѣтiѣлiя Ѣ Ѣерѣ Ѣ Кiѣва. рiя Ѣма тако. Ѣ Братiе Вѣте Ѣде пѣсѣ Ѣѣ Ѣтарiшiи Ѣтол Ѣрѣтiи Вѣли. Ѣ дiѣтонiѣ нашем Хiадiнiи Ѣтарiшiих и Ѣзѣсѣевiвшiих Ѣдѣсѣи братiи. Ѣѣ могѣ упра Вiѣ дѣтре, Ѣзѣлю рѣбѣи вѣдѣ Ѣборiѣ Ѣсѣдрiѣ порядѣ Ѣдтрiи. Ѣ Ѣ трѣбiрiѣ Ѣлiнѣ дрiѣго Ѣiнiсiѣвѣ нача рѣ Ѣолоѣ. Ѣѣ нiнѣ вѣдѣ Ѣдѣ Ѣ нѣтако Ѣдѣѣ напiѣ Ѣ молодшiѣ Ѣiумiи нѣлюбiщѣ нiполѣ Ѣ Ѣлюго Ѣрадати. Ѣбобратiя рядѣ полагати Ѣи сами Ѣѣ Ѣборонати. О тюрѣ Вѣтаѣ рѣ Ѣѣ Ѣѣ и братiя Вѣдѣ Ѣ тогалѣхъ Ѣ Ѣдѣ Ѣ Ѣлюго рѣтiю, Ѣпаѣѣ попорѣ Ѣобратiи Ѣодѣ Ѣѣ Ѣ Ѣѣ его дѣла рѣ Ѣ явiя нѣ праѣ Ѣ Ѣѣ Ѣ Ѣѣ Ѣ Ѣ



Ил. 16. Академический список второй части «Истории Российской». С. 459 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 272)



460

Рюрик II. Всеволодъ

лѣта 1204

Взятіе его и тамо полощи Исаакъ назаке неудобное бѣ нимало отъ града извѣстити плѣсти устроити бѣгущихъ отрѣзъ дабы никто единаго отвнедущихъ поравленіемъ дабы его выгнѣ изграда. тожде сотвори и вагри бѣгше пощи единаго цѣнца Исаіорита. Дрѣгаи пѣнѣць наименъ Вады нѣпазѣ. тристрон. Еѣдаже увѣда царя Сыновѣщь Еѣ умѣе Напарабли. посла данимъ и приглашно вѣрабле Болѣхъ мѣшихъ и сущихъ и спасѣ и тую Богъ и нѣше. Глазъ вѣлъ водъ пѣвщихъ необрѣтшася и возвратившася. царѣ же пѣлаемъ Бѣлгъ Гиѣвся набрата. наѣеи имѣтаго отпущаше нелѣпати осѣлъ. и спасовитъ же тщѣ поятъ своимъ немцамъ Іуо фиѣпу и ѣпре ирике. нага сомно Глѣхъ слезами прошти дабы отпустилъ цѣтво ему, возвщая яко Всѣ Градъ хощетъ Еѣ имѣти наѣарите, Цѣсаже нехотѣ прѣе хѣтѣ

Констанфабрицъ

Іраклѣти. посла Еѣ и тамо. Зане тада хоѣгъ Бонстна цѣхъ Болгаръ стѣпаго пощифорвѣ (431) и напѣщаше. Іуо и папа Бонныхъ Еѣ посла ша наказавъ. Аще Грѣмъ сиромъ пѣхмѣтъ. то пощадѣ Еѣ нацарѣва и взавъ помощь и ти и пѣ Іерусалимѣ. ащежде нѣпимѣтъ то возпѣлы ти Еѣ Здрата паки цѣсарь фиѣпъ. Послаже сынъ царь и посла спои потѣлъ тайно уѣѣрѣти отъ Ѣморъ. Аще хѣтѣтъ Еѣ имѣти на цѣтве. то Іучники бѣдѣнны. Исаанетъ же пришедъ близъ Іра Іра и сыша яко нехощѣтъ Еѣ пріяти обѣщя обилство дары бѣлми тѣже забывъ царѣ и тамо пѣселѣніе и въ нѣсто вѣхти Бла

сеф.

Гретіаи Земли пріѣтіяся обѣщанымъ Златомъ и сребромъ (432) прѣ шедъ всѣхъ Замѣ Ѣлѣзные разбиша и въ самомъ Градѣ пріѣтѣ на чаша бѣдъ брѣсати и загорѣся въ пѣхъ мѣстѣхъ, цѣ же алексѣ

алексѣ IV умѣ общалъ пѣдѣ

вида Градъ горящъ и тамо Ѣемлѣнъ вездѣ и Ѣемлѣнъ прѣдѣ цѣтво брату своему и сыну проя унегѣ тащѣнѣя, асамъ въ Ѣдѣ и изграда и спасовитъ же бѣгше въ Градъ Срѣмлянъ. Венедицы фрязи и нѣмцы ащи своего пріѣтола имѣ и самъ сѣдѣ Глагола, яко нѣзѣ сѣстомъ правѣти, и сами же цѣтфѣя отвелѣнія Гарѣти вѣмѣ. Спасовитъ же Ѣмѣя тамно сопрадитъ тамъ Заглатити фрязомъ. Да Ецѣпи и манастыри караѣрабльѣе. Азаарей алѣкѣю посла брату сво его

радники

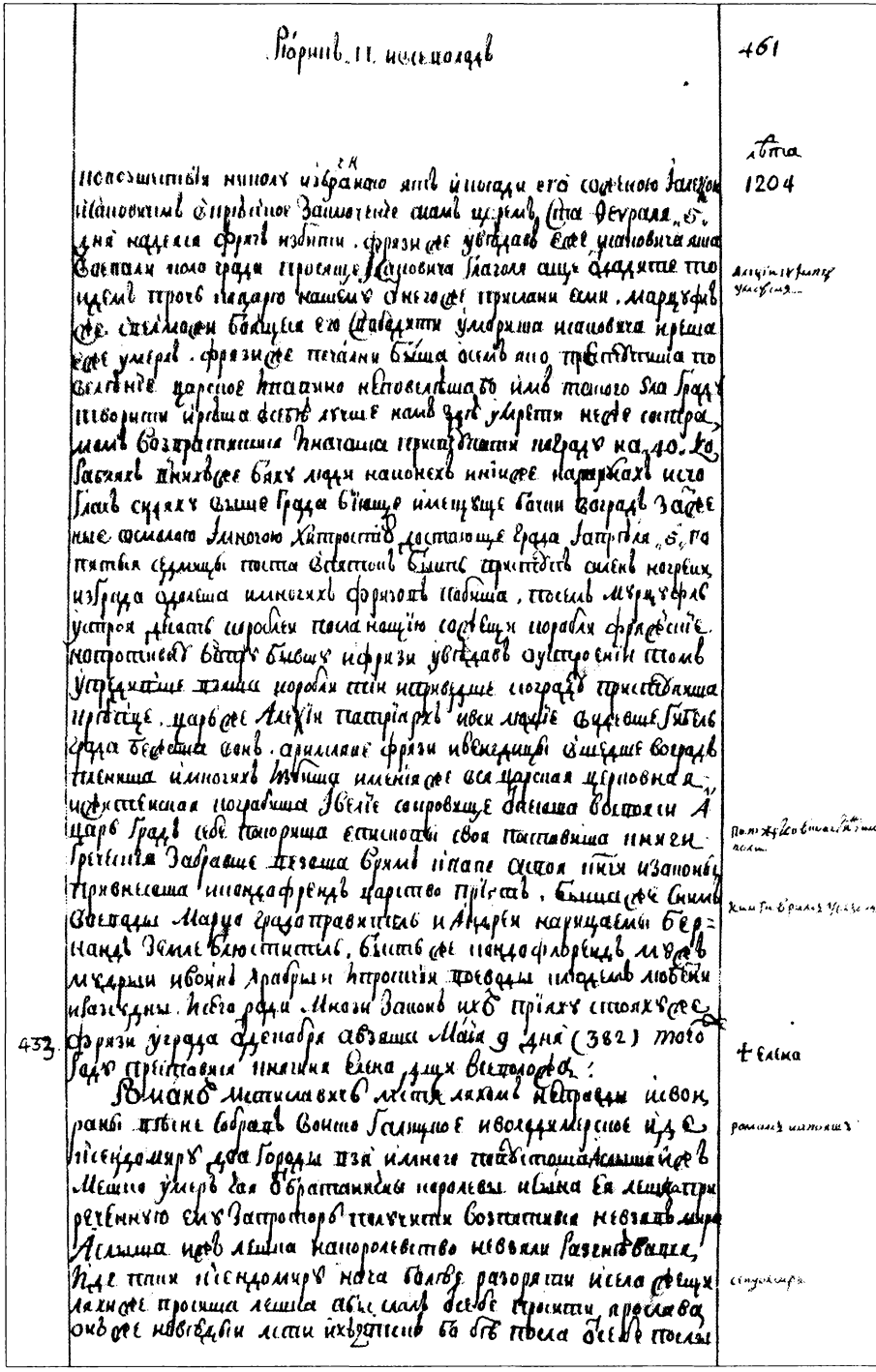
нагои нѣзна Еѣ и возпѣтися нагодѣ сазерѣнѣемъ и розорѣнѣемъ Града и вездѣ Зграбленіемъ цѣрѣви бѣлми осторбися нага явую ее гостоя Инфатоника пріѣтола гостиавлятъ полошша избати нацѣтво ра дѣнаго, нагои нѣзата пріѣтола пріѣтъ Сыша, пѣтомъ обѣташе всѣго Единаго милостѣ и пасадиша напріѣтолъ и же Бѣлгъ вѣлѣтѣи софіѣ, Бѣдѣнѣи и Бѣгостѣи. Аиспановитъ Бѣлъ Бдахерне сѣвохми и тамно фрязавъ нага Бѣсти сѣ сылаяся сними. нѣпѣтѣсти уѣѣравъ упо лиша фрѣтавъ и вѣлѣтити Ему нѣдаша рѣдѣце, сѣмы стадого обате

алексѣй Х дѣлавъ

Бѣщуся нагода и фрязѣ Здѣлися алексѣемъ мѣрѣфломъ дѣного яша Іспановита анамарѣфла Бѣкевъ Бодѣтѣи софіѣ возлафшаа сѣи мѣрцѣфла Бѣлдѣлъ прѣдѣ алексѣй Іспановита и стѣлницѣ и дѣлъ Заѣтавъ сто Ему нѣмцатъ по Іспановѣмъ цѣтва, и тогдѣ нащи

Поводы[illegible]

Ил. 17. Академический список второй части «Истории Российской». С. 460 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 272 об.)



Ипатьевский список Ипатьевской летописи. Конец XIV – начало XV в. Л. 461

Ѧрославъ .11. лѣтомъ

461

лѣта 1204

Полесьскыѣ нѣкыихъ избранно ятъ и погади его сѣдѣнию Ѳаѣдо
Иѡановичь с привѣтное Заѡтѣдѣ сами цѣремъ (на Ѳевраля .б.
дня надѣяся фрѧгъ избити . фрязи же увѣдавъ еже цѣсарьица
Ѳаѣпали пого града проѣщѣ Ѳаѣдовича благоля ащѣ ѡладѣтие тво
идемъ проѣ нашего сѣнѣгодѣ приѣмани есми . маръфь
же сѣтѣмаѣи бѣдѣщи ея Ѳаѣдѣти умѣрѣша иѡановича прѣша
еще умерѣ . фрязи же печални бѣша всѣмъ яко прѣѣдѣтиша то
вѣлѣнѣе цѣсарьство нѣчанно неповѣдѣша бо имъ того ѕа градъ
пѣворити прѣша всѣѣ лѣчше нами ѕде умрѣти нежели сѣпра
мѣ возвратитися пѣчаша перкѣтѣти парадо на .40. ко
рабляхъ пѣчѣдѣе бѣхъ людии каионехъ нѣцѣе патрѣкахъ исто
Ѳлъ сѣдяхъ ѣше града бѣще имѣщѣе бѣчи вогрѣдъ ѕадѣе
ные осѣмлаѣ Ѣногою Хѣтростѣвъ достающе града Ѳатрѣя .б. го
пятыя сѣдмицы тогда Ѣстѣпомъ бѣшѣ прѣѣдѣть сѣмѣ погрѣх
изъ града одѣша ѣногихъ фрязовъ пабиша , тогдѣ маръфь
устроя дѣаѣ пороѣи пола нащѣю сотѣщѣ поравли фрѧдѣнѣе
напротивѣ бѣхъ бѣвше ифрази увѣдавъ оустроѣни тѣмъ
устрѣпѣше пѣша поравли тѣи напрѣдше гѣграда прѣѣѣдѣша
прѣѣще . царьде Алѣѣи патрѣархъ иви людѣе ѣдѣвше бѣѣѣ
града бѣѣѣша сѣнь . ѕаѣилиша фрязи ивѣѣдѣци ѣшѣдше вогрѣдъ
пѣнѣша ѣногихъ пѣша имѣнѣя же ва царьская церковна ,
цѣркѣѣная погрѣбаша Ѳвѣлѣе сѣпровѣще даѣша вопѣѣти А
царь градъ сѣѣ паворища ѣсѣноваѣ сѣоя паставѣша пѣѣги
Грѣчѣѣя Забравше пѣѣеша врѣмъ папе сѣѣоя пѣѣи изъ пово
Привѣѣеша пѣпѣдафрѣндъ царьство прѣѣѣ , бѣѣѣе же сѣѣмъ
Вогдаѣы Марие градо правѣтѣлѣ и Андрѣи нарицаѣмы Бер
нандъ Земле влюѣѣтѣѣтелѣ , бѣѣѣ же пѣдафлорѣдь мѣжь
мѣдрыи ивоѣнѣ храбрыи нѣроѣѣѣи повѣды подѣмъ любѣи
ивазѣдны . нѣѣа ради . Ѣказа Заѣонъ ихъ прѣяхъ ѣѣояхѫ же
433 фрязи ѫгрѣда ѳдѣнабря авъѣша Маѣя д дня (382) того
ѕада прѣѣѣавѣя пѣѣѣѣя Ѳлѣка ѫдхъ вѣѣѣолова .

Романъ Мѣѣѣѣѣавѣѣ мѣѣѣа ляхомъ нѣѣрѣѣѣ ивоѣ
раѣы пѣѣѣе собравъ воѣѣо Галѣцкое иволѫдѣмѣрѣѣое ѣдѣ
пѣѣѣдомѣрѣ два города пѣя ѣногѣ пѣѣѣѣѣаѣа ѣѣѣѣѣѣѣѣ
Мѣѣѣо ѫмѣрѣ ѣа Ѳбратанѣѣѣ нѣролѣвы ѣѣына Ѳа лѣшатѣѣ
рѣченнаго ѣѣѣ Заторопѣѣ пѣлѣчѣѣѣѣ возѣѣѣѣѣѣ нѣвѣѣѣ мѣѣ
Ѣѣѣѣѣа цѣѣ лѣшѣа каноролѣвѣѣво нѣвѣѣи Ѳазѣѣѣвающѣ
Ѣде пѣѣѣ пѣѣѣдомѣрѣ нача бѣлѣѣ разорѣѣи ѣѣѣа ѣѣѣѣ
лѣхѣѣѣ прѣѣѣа лѣшѣа аѣѣ ѣѣѣѣ всѣѣѣ пѣѣѣѣи прѣѣѣѣа
онѣѣѣ нѣвѣдѣи лѣѣи ихъ ѫпѣѣѣѣѣ бѣ бѣ пѣѣа всѣѣѣ пѣѣѣѣ

Ил. 18. Академический список второй части «Истории Российской». С. 461 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 273)

КОНТАКТЫ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА С МОНАРХАМИ ЕВРОПЫ И РИМОМ

Глава девятая

ПРОЕКТ «ДОБРОГО ПОРЯДКА» В СВЕТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА

Идея избрания великого князя Романова проекта и институт выборов короля в Германии. — Проект Вельфов 1198 г. и предложения Романа о порядке избрания верховного правителя. — Известия о возможном участии Романа в политической борьбе в Германии: пожертвование монастырю Св. Петра. — Личные и политические мотивы княжеских пожертвований

Среди изложенных В. Н. Татищевым правил «доброго порядка», представленных от имени Романа Мстиславича, два полностью отвергаются новейшими скептиками как недостоверные по существу. Прежде всего речь идет о предложении выборов нового киевского князя, к которым допускаются только шесть «старших» князей Руси, чье решение становится обязательным для всех. Во-вторых, внедрение принципа примогенитуры (или майората) в сложившуюся на Руси систему наследования княжеской власти, согласно с которым преимущественное право наследования получает старший сын князя.

> ...Выборность киевского князя шестью курфюрстами, — отмечает А. П. Толочко, — слишком напоминает систему Священной Римской империи (и уже одним этим подозрительна, что было ясно и самому Татищеву), а примогенитуры Русь не узнает еще в течении долгих столетий.[1]

По мнению О. А. Купчинского, «идея проведения выборов», как она представлена в проекте Романа, не только сомнительна сама по себе, но и бросает тень на «общий смысл документа»: «Не является убедительным общий смысл документа <...> Прежде всего это касается организации конфедерации княжеств и идеи проведения выборов».[2] С таких же позиций дает оценку проекта 1203 г. и Я. Беняк:

---

[1] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 295.

[2] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII–першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 423.

Ил. 19. Семь курфюрстов Священной Римской империи избирают нового императора. Миниатюра из иллюстрированной рукописи «Кодекса курфюрста Балдуина Трирского». XIV в. Главный земельный архив г. Кобленца (земля Рейнланд-Пфальц, Германия)

...гипотеза Татищева относительно проекта Романа в части того, что касается выборов и замещения киевского стола, не заслуживает доверия.[3]

Между тем, в литературе высказывались и другие суждения. Идея выборности великого князя и принцип майората, хотя и являлись новостью для Руси, во времена Романа были распространены в некоторых сопредельных европейских государствах, и именно галицко-волынский князь как никто другой мог выступать проводником этих идей на Руси, благодаря своим тесным контактам с европейскими соседями. Как отмечал еще С. М. Соловьев,

> находясь в непрестанных сношениях с пограничными иностранными государствами <...> Роман, необходимо подчиняясь влиянию того порядка вещей, который господствовал в ближайших западных странах, мог, по-видимому, явиться проводником этих понятий на Южной Руси...[4]

Таким же образом в проект Романа могла проникнуть и не свойственная политической жизни домонгольской Руси идея майората как принципа наследования княжеской власти. По предположению В. О. Ключевского, она «была, очевидно, навеяна Роману феодальной Европой».[5]

То, о чем историки прошлого могли строить в основном лишь общие предположения, более или менее вероятные, находит полное подтверждение в результатах новейших исследований. Это касается в первую очередь тесных политических контактов галицко-волынского князя Романа Мстиславича с властями Священной империи.[6]

Начнем с того, что наличие упомянутых контактов можно предполагать, уже исходя из содержания инициатив Романа, если, конечно, заранее не видеть в них результат позднейшего вымысла. Ведь не могло быть случайностью, что институт выборности верховного правителя и некоторые другие элементы

[3] *Bieniak J.* Roman // SSS. T. IV. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. S. 535.

[4] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 2 // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. I. М., 1988. С. 562.

[5] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1 // *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 340–341.

[6] Подробнее см.: *Майоров А. В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича // ДР. 2008. № 4 (34).

политического строя империи нашли прямое отражение в реформаторских планах русского князя, став образцом для его политических идей.

С X в. в немецких землях установилась практика избрания королей на съездах знати. В период политической децентрализации, наступившей в XII в., институт выборности верховной власти полностью сформировался, значение его усилилось. Первоначально круг лиц, имевших право избирать короля, был весьма широким, что должно было обеспечить легитимность выборов и предотвратить возможность оспаривать их результаты. С XIII в., напротив, наметилась тенденция к сокращению числа выборщиков, пока со временем оно не достигло семи (четыре светских и три церковных властителя).[7] Их права и привилегии окончательно были оформлены Золотой буллой императора Карла IV в 1356 г.[8]

Именно эту, широко известную в Европе политическую систему, без сомнения, имел в виду Татищев, сравнивая с ней предложения Романа. Историк даже предположил, что первоначально в проекте значилось не шесть, а семь князей-выборщиков, но по случайности упоминание о седьмом было упущено:

> ...сия форма правления подобна Немецкой империи, которую никто за лучшую почесть не может <...> число шести избирателей не безопасно, ибо, по три разделяся, ко окончанию привести не возмогут, разве седьмой в списывании проронен.[9]

Но «проронить в списывании» седьмого курфюрста можно было только при условии, если бы весь Романов проект относился к более позднему времени и авторство его принадлежало другому лицу.

Дело в том, что во времена Романа Мстиславича в самой Священной империи еще не существовало постоянной избирательной коллегии из семи курфюрстов, число выборщиков могло меняться в зависимости от изменений политической конъюнктуры.

* * *

Впервые о количестве и персональном составе лиц, имевших преимущественные права при избрании короля и императора, можно судить по данным созданной в 20-х гг. XIII в. немецкой редакции «Саксонского зерцала». Согласно этому документу, архиепископы трех рейнских городов (Майнца, Трира и Кёльна),

---

[7] См.: *Mitteis H.* Die deutsche Königswahl und ihre Rechtsgrundlagen bis zum Goldenen Bulle. Brünn; Müchen; Wien, 1944; *Lintzel M.* Die Entstehung des Kurfürstenkollegs // *Lintzel M.* Ausgewählte Schriften. Bd. II. Berlin, 1961. S. 431–485; *Becker W.* Der Kurfürstenrat. Münster, 1973. S. 23–60; *Smidt U.* Königswahl und Thronfolge im 12. Jahrhundert. Köln u a., 1987; *Wolf A.* Von den Königswählern zum Kurfürstenkolleg. Bilddenkmale als unerkannte Dokumente der Verfassungsgeschichte // Wahlen und Wählen im Mittelalter. Sigmaringen, 1990. S. 15–78; *Reuling U.* Zu den Entwicklungen der Wahlformen bei den hochmittelalterlichen Königserhebungen im Reich // Ibid. S. 227–270.

[8] Quellen zur Verfassungsgeschichte des römisch-deutschen Reiches im Spätmittelalter (1250–1500) / Hrsg. von L. Weinrich. Nr. 94. Darmstadt, 1983.

[9] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. III. М., 1995. С. 257, примеч. 569.

а также рейнский пфальцграф, герцог саксонский и маркграф бранденбургский получили исключительное право первыми называть имя кандидата на королевских выборах, доводя свое решение до сведения остальных князей, также участвующих в процедуре избрания:

> При выборах императора первый голос принадлежит епископу Майнца, второй — Трира, третий — Кельна. Среди светских первый при выборах пфальцграф рейнский — имперский стольник, второй — герцог саксонский — маршал, третий — маркграф бранденбургский — имперский камерарий <...> Затем выбирают все имперские князья, духовные и светские...[10]

Что же касается возникновения постоянной коллегии выборщиков с исключительным правом голоса, то это могло произойти не ранее 1257 г. и связано с появлением в «Саксонском зерцале» нормы, по которой единственными избирателями короля могли быть только курфюрсты.[11]

Как видим, преимуществом при избрании германского короля и императора первоначально обладали именно шесть (а не семь) лиц. Чешский король, впоследствии ставший седьмым курфюрстом, первоначально исключался из числа привилегированных выборщиков, о чем свидетельствует специальная норма, принятая в ранней редакции «Саксонского зерцала»: «Имперский шенк, король богемский, не имеет права избрания, потому что он не немец».[12]

Именно эта, начальная стадия формирования коллегии выборщиков императора Священной империи, по-видимому, и нашла отражение в проекте Романа Мстиславича, также предлагающего назначить шесть избирателей при выборах великого князя, как принято, по его словам, в «других добропорядочных государствах». Отсутствие в проекте Романа упоминания о седьмом выборщике, вызвавшее предположение Татищева о неисправности текста проекта, должно, на наш взгляд, свидетельствовать в пользу достоверности данного известия.

Кроме того, важно отметить, что именно во времена Романа в Священной империи происходят события, приведшие к окончательному утверждению принципа выборности верховной власти и началу формирования коллегии выборщиков.

Это связано с крушением планов императора Генриха VI по установлению наследственной монархии ввиду его преждевременной смерти в 1197 г. и последовавшим в 1198 г. избранием сразу двух королей, которыми стали представители

---

[10] Sachsenspiegel Landrecht / Hrsg. von K. A. Eckhardt. Göttingen, 1955. III. 57. § 2. Русский перевод см.: Саксонское зерцало: памятник, комментарии, исследования / Отв. ред. В. М. Корецкий. М., 1985. С. 103.

[11] Обзор источников и мнений исследователей по данному вопросу см.: *Krieger K.-F.* König, Reich und Reichsreform im Spätmittelalter. 2., durchges. Auflage. München; Oldenburg, 2005 (Enzyklopädie deutscher Geschichte. Bd. 14). S. 8–11, 64–71.

[12] Саксонское зерцало. С. 103.

противоборствующих династий Вельфов и Штауфенов (Гогенштауфенов).

Сторонники Штауфенов, голосовавшие за герцога Филиппа Швабского, численно значительно превосходили своих оппонентов, отдавших голоса за графа Оттона Брауншвейгского. Последние, чтобы обосновать свои претензии на верховную власть в империи, в специальном обращении к римскому папе сформулировали требование, по которому подлинные выборы германского короля и императора должны исходить «от земли франков». Ввиду этого преимущество при голосовании перед прочими избирателями должны иметь те светские и церковные князья, кто имел право избирать короля «испокон века», то есть раньше других князей. В упомянутой декларации сторонников Оттона специально не указывалось, кого именно из немецких князей они имели в виду. Однако анализ расстановки политических сил в Германии и свидетельства более поздних источников позволяют заключить, что к числу привилегированных выборщиков изначально были отнесены церковные и светские правители Рейнской области — епископы Кельна, Майнца и Трира, а также рейнский пфальцграф.[13]

Ил. 20. Германия и Италия в XII–III вв. Карта-схема

Иннокентий III — один из наиболее выдающихся понтификов эпохи средневековья, решительный сторонник установления полной супрематии (верховенства) римской курии над всем феодальным миром Запада и Востока[14] — принял самое активное участие в конфликте немецких князей. После некоторых колебаний и политического торга с представителями обеих партий папа присоединился к предложению Вельфов и фактически санкционировал его в своем секретном

[13] См.: *Stehkämpfer H.* Der Kölner Erzbischof Adolf von Altena und die deutsche Königswahl (1195–1205) // Beiträge zur Geschichte des mittelalterlichen deutschen Königtums / Hrsg. von T. Schieder. München, 1973 (Historische Zeitschrift. NF. BHt. 2); *Boshof E.* 1) Erstkurrecht und Erzämtertheorie im Sachsenspiegel // Ibid.; 2) Innozenz III. und der deutsche Thronstreit // Innozenz III. Weichensteller der Geschichte Europas / Hg. von T. Frenz. Stuttgart, 2000; *Giese W.* Der Reichstag vom 8. September 1256 und die Entstehung des Alleinstimmrechts der Kurfürsten // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Bd. 40. Köln; Wien, 1984; *Krieb S.* Vermitteln und Versöhnen. Konfliktregelung im deutschen Thronstreit 1198–1208 // Norm und Struktur. Bd. 13. Köln; Weimar; Wien, 2000.

[14] См.: *Luchaire A.* Innocent III. Paris, 1904–1008. Vol. I–VI; *Haller J.* Innozenz III. (Meister der Politik). 2 Aufl. Bd. 1. Stuttgart, 1923; *Tillmann H.* Papst Innozenz III. Bonn, 1954; *Schneider R.* Innozenz der Dritte. Köln; Olten, 1960; *Bolton B.* Innocent III. Studies on Papal Authority and Pastoral Care. Aldershot, 1995 (Collected studies series. T. 490); *Sayers J.* Innocenzo III. 1198–1216. Rom, 1997.

посланию, адресованном Филиппу Швабскому и Оттону Саксонскому, а также находившемуся под опекой папы малолетнему сыну покойного Генриха VI Фридриху (будущему императору Фридриху II), избранному германским королем еще при жизни своего отца.

Это послание, получившее название «Размышление над возведением в императоры одного из трех избранных» (Deliberatio super facto imperii de tribus electis), оглашенное папой перед кардиналами на Рождество 1200 г., выражало намерение нового понтифика «заботливо и внимательно рассмотреть замещение престола римского императора», то есть фактически взять под контроль Рима решение вопроса о замещении императорского стола в Священной империи, включая также процедуру избрания германского короля.[15]

Папа исключил из числа претендентов малолетнего Фридриха, так как в момент избрания в силу младенческого возраста он еще не был крещен и поэтому принесенная ему присяга как королю признавалась недействительной. Кандидатура Филиппа была отклонена ввиду его принадлежности к роду Штауфенов — «гонителей церкви». Кроме того, в момент избрания королем Филипп сам находился под отлучением от церкви и потому не мог быть избран. С точки зрения папы, численное превосходство сторонников Филиппа на выборах не могло иметь решающего значения, поскольку при утверждении результатов выборов короля «достоинство» избранного должно приниматься во внимание не меньше, чем численность отдавших за него голоса: в конечном счете, решать дело должно не количественное большинство избирателей, а «полезность их предложения». Тем самым папа фактически присоединился к мнению партии Вельфов о том, что не все князья при выборах короля равны между собой, признав, что есть несколько имперских князей-принципалов, которые имеют «исконные преимущественные права» на выборах (Prinzipalwähler).[16]

Отдавая в итоге предпочтение кандидатуре Оттона и стремясь в дальнейшем избежать случаев избрания одновременно нескольких королей, Иннокентий III предложил впредь при возникновении спорных ситуаций приравнивать голоса особой категории «первых» или «старших» князей (princeps) к голосам всех остальных избирателей и признавать их единогласное решение равным решению остальных участников выборов. Титул *princeps*, первоначально применявшийся к весьма широкому кругу немецких князей, с конца XII в. приобретает более специальное содержание и применяется к ограниченной категории магнатов, со временем образующих новую привилегированную группу высшей знати — «священных имперских князей», обладавших исключительным правом избрания верховного правителя.[17]

---

[15] См.: *Laufs M.* Politik und Recht bei Innozenz III. Köln; Wien, 1980. S. 150 ff.

[16] См.: *Krammer M. F.* Quellen zur Geschichte der deutschen Königswahl und des Kurfürstenkollegs. Hildesheim; New York, 1972. S. 46–51.

[17] *Koller H.* Die Bedeutung des Titels «princeps» in der Reichskanzlei unter den Saliern und Staufern // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschungs. Bd. 68. Innsbruck, 1960. S. 63 ff.;

Протест партии Штауфенов против вмешательства папы в выборы короля привел к изданию в марте 1202 г. специальной буллы, адресованной герцогу Бертольду Церингенскому, в которой Иннокентий III уточнил свои аргументы. В частности, выборы Филиппа признавались недействительными потому, что они были проведены с нарушением правил, по которым должны производиться выборы короля: по мнению папы, среди немецких князей есть те, мнение которых нельзя обойти при избрании короля.[18] Эти избиратели не были названы поименно, но таковыми, безусловно, подразумевались сторонники Оттона, и прежде всего — архиепископ Кельна, что было ясно выражено папой позднее, в послании к Филиппу Швабскому от 20 ноября 1202 г.[19]

Большинство исследователей считает, что уже со времени издания Deliberatio преимущественным правом выбора короля начали пользоваться три рейнских архиепископа и пфальцграф Рейнской области. Участие в выборах «младших князей» стало лишь формальным.[20]

Борьба за трон в 1198 г. тем самым знаменует собой важнейшую веху в истории складывания института избрания короля в Германии. До указанного события, как полагал Г. Миттайс, практика престолонаследия определялась в основном нормами кровного права (Geblütsrecht), сохранявшими некоторое значение и в дальнейшем, однако после 1198 г. окончательно утверждается принцип свободных выборов. Тем самым старое, выросшее из германских правовых обычаев правило общенародного избрания предводителя перешло в область канонических правовых представлений с ограничением круга избирателей представителями княжеской знати, а позднее коллегией курфюрстов.[21]

Таким образом, предложения галицко-волынского князя об учреждении на Руси «доброго порядка» со ссылкой на «другие добропорядочные государства» должны были появиться именно в период успешной реализации политической программы Вельфов, поддержанной Римом, начавшийся на рубеже XII–XIII вв. А упомянутыми Романом «добропорядочными государствами» (или «умными землями», как сказано в первой редакции «Истории Российской»), чей опыт следовало применить на Руси, могли быть только немецкие земли, входящие в состав Священной империи.

Более того, проект Романа, по нашему мнению, должен был явиться непосредственной реакцией русского князя на некоторые положения проекта Вельфов, направленные на решение по сути дела тех же политических задач, какие стояли тогда и перед русскими князьями.

Прежде всего не может быть случайностью тот факт, что предложение Романа об избрании великого князя на съезде местных князей по ряду существенных

Heinemeyer K. König und Reichsfürsten in der späten Salier- und frühen Stauferzeit // Vom Reichsfürstenstande. Köln; Ulm, 1987. S. 5 f.

[18] См.: Quellen zur deutschen Verfassungs-, Wirtschafts- und Sozialgeschichte bis 1250 / Hrsg. von L. Weinrich. Nr. 85. Darmstadt, 1977. S. 340–349.

[19] См.: *Krammer M. F.* Quellen zur Geschichte der deutschen Königswahl... S. 57.

[20] *Mitteis H.* Die deutsche Königswahl... S. 134 ff.; *Stehkämpfer H.* Der Kölner Erzbischof Adolf von Altena und die deutsche Königswahl (1195–1205). S. 66 ff.

[21] *Mitteis H.* Die deutsche Königswahl... S. 45, 229 ff.

Ил. 21. Оттон IV и папа Иннокентий III подают друг другу руки. Миниатюра из Эльзасской иллюстрированной рукописи. Мастерская Дибольда Лаубера. XV в. Государственная библиотека в Берлине — Прусское культурное наследие (Берлин, Германия)

обстоятельств совпадает с тем порядком выборов немецкого короля, который установился в начале XIII в. с одобрения папы Иннокентия III.

Оба эти нововведения — и в Германии, и на Руси — были вызваны к жизни одинаковыми политическими причинами: в первую очередь — обострением борьбы за верховную власть и политическое преобладание между враждующими княжескими группировками. Как и Вельфы в Германии, Роман Мстиславич обращается за поддержкой в реализации своих замыслов к наиболее влиятельной политической силе, впрямую не участвующей в конфликте. На Руси в конце XII–начале XIII вв. такой силой стал владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич, не претендовавший на великокняжеский стол в Киеве.

Как и в случае с проектом Вельфов, ратовавших за интересы «земли франков», основным мотивом предлагаемых изменений в проекте Романа звучит необходимость защиты и торжества интересов «Русской земли». Ради этого русских князей, прежде равноправных с точки зрения возможностей так или иначе влиять на судьбу великокняжеского стола в Киеве, предлагалось разделить на неравные в политическом и правовом отношении категории — «старейших» и «младших». В первую попадали князья, получившие право определять будущего великого князя в узком кругу, в который прочие князья не допускались.

Подобно тому, как это сложилось в Священной империи после 1198 г., определенная в узком кругу привилегированных князей кандидатура будущего великого князя представлялась остальным князьям. Последние тем самым полностью не отстранялись от процедуры избрания, но их роль при этом сводилась к минимуму и ограничивалась лишь формальным участием. Они «должны слушать, что оные (привилегированные старшие князья. — *А. М.*) определят», — говорится в проекте Романа.

* * *

После внезапной смерти императора Генриха VI (28 сентября 1197 г.) среди немецких князей возникли два претендента на королевскую и императорскую корону, и началась ожесточенная борьба между сыном императора Фридриха I Барбароссы, швабским герцогом Филиппом (династия Штауфенов) и сыном саксонского

герцога Генриха Льва, брауншвейгским графом Оттоном (династия Вельфов). Эта борьба расколола немецкую знать на два лагеря и привела к тому, что в 1198 г. сторонники Штауфенов и Вельфов провели параллельные выборы, избрав сразу двух королей — Филиппа и Оттона. Римский папа Иннокентий III встал на сторону Вельфов, и при его поддержке в марте 1201 г. король Оттон был провозглашен новым императором под именем Оттона IV.[22]

Папское подтверждение прав Оттона поколебало положение его противников. Вскоре новый император приобрел поддержку большинства немецких князей и в конце 1202 г. достиг апогея своего могущества. Под контролем его главного соперника короля Филиппа оставался только город Эрфурт с округой. Но положение Вельфов оказалось слишком непрочным, и уже в следующем году на сторону Штауфенов перешли ландграф Тюрингии, архиепископ Кельна, герцог Брабанта, король Чехии и др. Иннокентий III наконец также изменил свою позицию и стал склоняться к пользу Штауфенов. Противостояние длилось вплоть до гибели короля Филиппа в 1208 г.[23]

По-видимому, галицко-волынский князь Роман Мстиславич не только был хорошо осведомлен о происходивших в Священной империи событиях, но и являлся непосредственным участником противостояния Штауфенов с Вельфами, приняв сторону первых.

О прямых контактах Романа с королем Филиппом Швабским и его союзниками свидетельствует посещение галицким князем Эрфурта.

В синодике монастыря Св. Петра, расположенного в этом городе, есть упоминание о «короле Руси» Романе, сделавшем щедрый дар обители и приобщенном за это к лицам, которых ежегодно поминали во время заупокойной службы в день их кончины:

Тринадцатые кал[енды] июля. Роман, король Руси, он дал нам тридцать марок.[24]

[22] Наиболее подробный обзор событий см.: *Winkelmann E.* Philipp von Schwaben und Otto IV von Braunschweig. Bd. I–II. Leipzig, 1873–1878. Из новейших работ см. специальные исследования Ф. Кемпфа и Э. Босхофа: *Kempf F.* Innocenz III. und der deutsche Thronstreit // Archivum Historiae Pontificiae. Bd. 23. 1985. S. 72–91; *Boshof E.* Innozenz III. und der deutsche Thronstreit. S. 51–67.

[23] Этому вопросу посвящена значительная научная литература. Из работ последнего времени см.: *Töpfer B.* Philipp von Schwaben und Otto IV. // Deutsche Könige und Kaiser des Mittelalters / Hrsg. von E. Engel und E. Holtz. Köln; Wien, 1989. S. 197–209; *Höflinger K.* König Philipp von Schwaben (1198–1208) und Kaiser Otto IV. (1198–1218) // Mittelalterliche Herrscher in Lebensbilder. Von den Konradinern zu den Staufern / Hrsg. von K. R. Schnith. Graz; Wien; Köln, 1990. S. 308–321; *Eickels K., van.* Otto IV. (1198–1218) und Philipp (1198–1208) // Die deutschen Herrscher des Mittelalters. Historische Portraits von Heinrich I. bis Maximilian I. (919–1519) / Hrsg. von B. Schneidmüller und S. Weinfurter. München, 2003. S. 273–292; *Krieb S.* Vermitteln und Versöhnen. Konfliktregelung im deutschen Thronstreit 1198–1208. См. также: *Gropper K.* Die Doppelwahlen von 1198 und 1257 im Spiegel der Historiographie. Neuried, 2002 (Politik im Mittelalter. Bd. 11).

[24] «XIII Kal. iulii. Romanus rex Ruthenorum, hie dedit nobis XXX marcas» (Necrologium sancti Petri Erfordensis // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesammtausgabe der Quellenschriften Deutscher Geschichten des Mittelalters. Hannover; Berlin, 1935. S. 517).

Эта запись может относиться лишь к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу, потому что «тринадцатые календы июля», под которыми она помещена в синодике, соответствуют 19 июня,[25] и именно в этот день в 1205 г. русский князь погиб в битве с польскими князьями Лешком и Конрадом под Завихостом.[26] В соответствии с церковной традицией, день гибели Романа должен был отмечаться как день его памяти.[27]

Необычное известие о Романе немецкого источника давно привлекает к себе внимание исследователей.[28] Было выдвинуто немало версий по поводу возможных причин, побудивших русского князя к щедрому пожертвованию далекому католическому монастырю: тридцать марок равняются приблизительно семи килограммам серебра. Поступок Романа объясняли торговыми связями Юго-Западной Руси с Восточной Германией,[29] а также личными симпатиями галицко-волынского князя к католической церкви.[30] Строились предположения о наличии личных связей Романа с обителью в Эрфурте.[31] По мнению А. Б. Головко, можно допустить, что в детстве Роман в течение некоторого времени находился на воспитании у эрфуртских монахов-бенедиктинцев.[32]

Нам представляется, что приведенное известие требует более детального рассмотрения.

Прежде всего следует отметить, что подобные дары иностранным монастырям, которые принадлежали к Западной церкви, не были каким-то исключительным явлением в практике древнерусских князей. Случались и более ценные пожертвования. Например, по данным Жития св. Мариана, основателя монастыря Св. Иакова в Регенсбурге, один из монахов этой обители по имени Маврикий, посетив русские земли, получил от «короля Руси» и «вельмож самого богатого города Киева» большое количество драгоценного меха, который стоил сто марок, — этих денег хватило для завершения строительства монастыря.[33]

---

[25] Как известно, по римскому календарю, который использовали европейские средневековые хронисты, календами считался первый день каждого месяца, счет дней от которого велся в обратном порядке: таким образом, 13-е календы июля соответствуют 19 июня.

[26] Rocznik Traski / Ed. A. Bielowski // MPH. T. II. Lwów, 1872. P. 836; Kalendarz krakowski / Ed. A. Bielowski // Ibid. P. 923; Rocznik malopolski / Ed. A. Bielowski // Ibid. T. III. Lwów, 1878. P. 162.

[27] См.: *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 263–264.

[28] Первым на него обратил внимание Н. М. Карамзин (*Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. Т. II–III. М., 1991. С. 560, примеч. 113).

[29] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. II, вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 30.

[30] *Чубатий М.* Західна Україна і Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії // ЗНТШ. Т. 123–124. Львів, 1917. С. 9.

[31] *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX–середина XIII вв.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. Т. II, кн. 1. М., 2002. С. 269, примеч. 27.

[32] *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII–початку XIII століття. Київ, 2001. С. 187.

[33] Vita S. Mariani Scoti / Ed. J. Gamansius // Acta sanctorum quotquot toto urbe coluntur. T. II. Paris, 1864. Februarii. P. 369.

Источник не приводит имени русского «короля»-жертвователя, но, по некоторым данным, им мог быть киевский князь Владимир Мономах.[34]

Тесные контакты с монастырем Св. Пантелеимона в Кельне имела жена Мономаха Гида. Имя «королевы Гиды» обозначено в синодике этого монастыря.[35] Из другого источника — Слова о св. Пантелеимоне Руперта из Дойца — узнаем, что Гида «удостоилась стать сестрой» упомянутой обители «по щедротам своим».[36] Следовательно, приобщению русской княгини к кругу лиц, которых поминали в монастыре, предшествовали щедрые пожертвования в его пользу, часть из которых была благодарностью святому за чудесное исцеление сына Гиды Мстислава.[37]

Княжеские пожертвования иностранным монастырям случались и в истории Галицко-Волынской Руси. В папских буллах от 1216 и 1218 гг. среди доходов венгерского монастыря Св. Димитрия на Саве (Савасендеметер) в Сремской Митровице есть упоминания о предоставлении ему какими-то «русскими королями из Галиции» (Rusorum Regibus apud Galizam), ежегодного дохода в виде 13 кантар воска (что должно было составлять около 700 кг).[38]

Имена этих князей в источниках искажены вследствие перевода первоначального текста с греческого на латинский язык и значатся как Василько (Basilic), Иван (Johann) и Владимир (Bladomero или Blaudemero). Вопрос об их идентификации остается дискуссионным. Иногда здесь видят не трех, а двух князей, которых отождествляют с сыновьями последнего галицкого князя из династии Ростиславичей Владимира Ярославича — Васильком и Иваном-Владимиром.[39] Но более убедительной представляется мысль, что известие относится к более раннему времени и в нем идет речь о теребовльском князе

---

[34] *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени. С. 274, примеч. 46. Ср.: *Шайтан М. Э.* Германия и Киев в XI в. // Летопись занятий постоянной Историко-археографической комиссии Академии наук. Т. I (34). Л., 1927. С. 19–23.

[35] Rheinische Urbare: Sammlung von Urbaren und anderen Quellen zur rheinischen Wirtschaftsgeschichte. Bd. I: Die Urbare von S. Pantaleon in Köln / Hrsg. von B. Hilliger. Bonn, 1902. S. 18.

[36] Liber Bibliothecae S. Pantaleonis // Acta sanctorum quotquot toto urbe coluntur. T. VI. Paris, 1868. Iulii. P. 422. Оригинальный текст по другому списку и русский перевод см.: *Назаренко А. В.* Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // ОИ. 1993. № 2. С. 65–66.

[37] См.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 585–616; *Кучкин В. А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999.

[38] VMH. T. I. Romae, 1859. P. 9–11.

[39] *Szaraniewicz I.* Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichische Geschichte. Lemberg, 1872. S. 117–118; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. Київ, 1992. С. 454, примеч. 2; *Baumgarten N., de.* Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes du Xe au XIIIe siécle. Roma, 1927. Tabl. III. P. 16–17; Tabl. XI; *Isenburg W. K., von.* Stammtafeln zur Geschichte der europäischen Staaten. Bd. II. Marburg, 1956. Tafl. 93; *Włodarski B.* Polska i Ruś. 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 20, przyp. 22; *Schwennicke D.* Europäische Stammtafeln. Bd. II. Marburg, 1984. Tafl. 129, 136; *Grala H.* Rurykowicze na Bałkanach w XII i XIII wieku // Balkanica Posnaniensia. Acta et Studia. T. IV. Poznań, 1989. S. 138; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 50–51; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 351, 474.

Васильке Ростиславиче, его сыне Иване Васильевиче и племяннике Владимирке Володаревиче.[40]

В пользу такого решения свидетельствует титулование князей в папских буллах как «королей». Трудно представить, чтобы такой титул папская канцелярия применяла к сыновьям Владимира Ярославича, находившимся в изгнании в Венгрии и никогда не бывшим правящими князьями. Тем более это было невозможно, если упомянутые сыновья происходили от внебрачной жены князя (как это считают некоторые исследователи),[41] поскольку в таком случае они были бастардами, то есть вообще не имели законных прав на княжескую власть. Современник Владимира Ярославича, краковский хронист Винцентий Кадлубек специально сообщает, что этот князь умер, «не оставив ни одного законного наследника».[42] О незаконном статусе сыновей Владимира, рожденных от какой-то попадьи, было известно и киевскому летописцу.[43] Маловероятно, чтобы об этом не знали в Риме и могли допустить подобную ошибку.

Как справедливо замечает А. В. Назаренко, пожертвование монастырю Св. Димитрия могло быть осуществлено галицкими князьями в первой половине 20-х гг. XII в., тем самым исследователь уточняет предыдущую более широкую датировку, предложенную Д. Дёрффи.[44]

* * *

Кроме личных и семейных мотивов к подобным поступкам русских князей побуждали, безусловно, также и политические причины. Об этом может свидетельствовать последний из рассмотренных нами случаев. Православный монастырь Св. Димитрия был расположен на пограничной территории с многочисленным русским населением, в «Русской марке», как ее иногда именуют источники.[45] Следовательно, поддержка этого средоточия православия и русского влияния в Венгрии сама по себе имела политическое значение в отношениях с ней. Но, по-видимому, у упомянутого события были и другие основания.

Оно приходится на драматичный период во внешней политике Галицкой земли, когда ее князья оказались в очень сложном положении. По свидетельству целого ряда источников — как русских, так и иностранных, — в 1122 г. перемышльский

[40] *Papp G.* I monachi dell'ordine di S. Basilio in Ungheria nel secolo XIII // Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Ser. II. Vol. 1 (7). Roma, 1949. Fasc. 1. P. 41–45; *Györffy Gy.* Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávaszentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jahrhundert // Studia Slavica. T. V. Budapest, 1959. Fasc. 1/2. S. 32; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 167, 334, примеч. 5; *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени... С. 269–270, примеч. 27.

[41] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. С. 454; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 50–51; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі... С. 351.

[42] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 110.

[43] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 659–660.

[44] *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени... С. 269, примеч. 27.

[45] См.: *Назаренко А. В.* О «Русской марке» в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978.

князь Володарь Ростиславич, брат Василька и отец Володимирка, был похищен воеводой Петром Властом по поручению польского князя Болеслава III Кривоустого. Чтобы освободить князя из плена, его родственники вынуждены были заплатить большой выкуп.[46] Кроме того, условием освобождения Володаря, вероятно, было также изменение внешней политики галицких князей, которые должны были отказаться от союза с Владимиром Мономахом и действовать против него на стороне Ярослава Святополковича, которого поддерживали поляки и венгры в борьбе за Волынь.[47] Дар венгерскому монастырю скорее всего мог быть сделан именно во время пребывания Володаря в польском плену, и потому нельзя исключать его связи с обстоятельствами освобождения князя.[48]

На наш взгляд, на пожертвование Романа эрфуртскому монастырю Св. Петра также нельзя смотреть лишь как на проявление каких-то личных или семейных связей галицко-волынского князя с этой обителью (хотя полностью исключать этого не стоит). Бенедиктинский монастырь Святых апостолов Петра и Павла (таково его полное название) играл слишком значительную роль в политической жизни не только Тюрингии, но и всей Германии. Основанный в середине XI в., он очень быстро превратился в один из самых богатых и привилегированных монастырей и во время контактов с ним Романа находился в зените своего расцвета и могущества.[49]

Монастырь Св. Петра пользовался особым покровительством со стороны Штауфенов, в частности императора Фридриха I Барбароссы, сделавшего его одной из имперских резиденций, а также постоянной поддержкой влиятельных майнцских архиепископов, под властью которых длительное время находился город Эрфурт.[50] Этот монастырь играл выдающуюся роль во время борьбы Барбароссы с его главным соперником в Германии, герцогом баварским

---

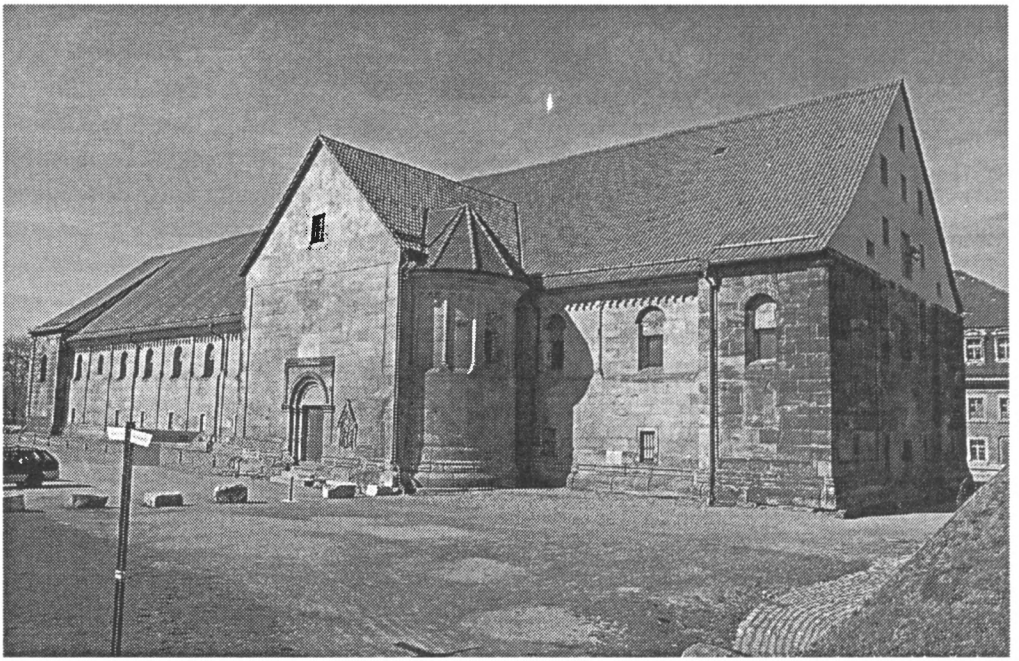
[46] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 292; Т. II. Стб. 286; Ortliebi Zwifaltesis Chronicon / Ed. O. Abel // MGH. SS. T. X. Hannoverae, 1852. P. 91; Herbordi dialogus de Vita Ottonis episcopi Bambergensis // Ibid. T. XII. Hannoverae, 1856. P. 726; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 88–89, 101–102, 117–118, примеч. 12. См. также: *Стефанович П. С.* Володарь Перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // ДР. 2006. № 3 (25), 4 (26).

[47] *Włodarski B.* Ruś w planach polityzcnych Bolesława Krzywoustego // Zescyty naukowe Uniwersitetu M. Kopernika w Toruniu. Nauki humanistyczno-spoleczne. Toruń, 1966. Zecz. 20. S. 51; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 151–152, 331, примеч. 5; *Koscielak L.* Związki dynastyczne pomorskie-ruskie w XII wieku // Zapiski historyczne. R. 1983. T. XLVIII. Z. 1. S. 196–198; *Головко А. Б.* 1) Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X–первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 67–68; 2) Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 145–146; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі... С. 330.

[48] *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени... С. 269, примеч. 27.

[49] О политическом и культурном значении монастыря и церкви Св. Петра в Эрфурте см.: *Haenchen M.* Die entwicklungsgeschichtliche Stellung der Klosterkirche auf dem Petersberg bei Erfurt in der Baukunst des europäischen Hochmittelalters. Dresden, 2003; Stiftung Thüringer Schlösser und Gärten: 700 Jahre Erfurter Peterskloster: Geschichte und Kunst auf den Erfurter Petersberg 1103–1803. Regensburg, 2004.

[50] Подробнее см.: *Wolf S.* Erfurt im 13. Jahrhundert. Städtische Gesellschaft zwischen Mainzer Erzbischof, Adel und Reich. Köln u. a., 2005 (Städteforschung. A. 67).



Ил. 22. Церковь Св. Петра в Эрфурте (бывшая церковь монастыря Свв. апостолов Петра и Павла). Южный ландгауз и южный портал. Современный вид (Тюрингия, Германия)

и саксонским Генрихом Львом. В ноябре 1181 г. побежденный Генрих униженно просил прощения у Фридриха в монастырской церкви Св. Петра, после чего был приговорен императором к ссылке на три года в Англию.[51]

При таких условиях почтительный поступок Романа в отношении монастыря Св. Петра, который скорее всего должен был состояться во время личного посещения русским князем Эрфурта, приобретал политическое значение, даже если был вызван какими-то другими причинами. Ведь борьба Штауфенов с их главными соперниками Вельфами в Германии продолжалась и в конце XII–начале XIII вв. разгорелась с новой силой. Тогда, как уже отмечалось, в ней принимали участие представители следующего поколения Штауфенов и Вельфов во главе с сыном Барбароссы королем Филиппом Швабским и сыном Генриха Льва императором Оттоном IV.

[51] Этим событиям посвящена значительная литература, из новейших работ см.: *Wolf G.* Friedrich Barbarossa. Darmstadt, 1975. S. 192; *Hiller H.* Friedrich Barbarossa und seine Zeit. München, 1977. S. 344–346, 401; *Wies E. W.* Kaiser Friedrich Barbarossa: Mythos und Wirklichkeit: Biographie. Esslingen, 1990. S. 279, 342–343; *Opll F.* Friedrich Barbarossa. Darmstadt, 1990. S. 133. Общую характеристику отношений Штауфенов с Вельфами времен Фридриха Барбароссы см.: *Appelt H.* Friedrich Barbarossa (1152–1190) // Kaisergestalten des Mittelalters / Hrsg. H. Beumann. München, 1985. S. 177–198; *Töpfer B.* Friedrich I. Barbarossa // Deutsche Könige und Kaiser des Mittelalters / Hrsg. E. Engel, E. Holtz. Köln; Wien, 1989. S. 159–187; *Ehlers J.* Friedrich I. // Die deutschen Herrscher des Mittelalters, Historische Porträts von Heinrich I. bis Maximilian I. / Hrsg. B. Schneidmüller, S. Weinfurter. München, 2003. S. 232–257.

Следует обратить внимание на еще одно важное для понимания значения Романова пожертвования обстоятельство. В средневековой западной, преимущественно немецкой церкви существовал обычай формального членства правящих лиц в соборных капитулах и монастырях (так называемый Königskanonikat), который предусматривал отношения покровительства, а иногда даже участие в управлении капитулом или монастырем путем назначения викариев. Возникали подобные отношения в результате щедрого пожертвования или систематических взносов в интересах соответствующего церковного учреждения. Этот обычай в первую очередь имел отношение к соборам и монастырям, которые непосредственно были связаны с деятельностью германских королей или императоров и примерно с середины XII в. уже приобрел весьма широкое распространение.[52]

По-видимому, случай с Романом Мстиславичем также попадал под действие этого обычая,[53] особенно если его вклад в пользу монастыря Св. Петра состоялся во время, когда Роман уже был правящим князем. Учитывая это, не случайной выглядит активная деятельность ордена бенедиктинцев, к которому принадлежал монастырь в Эрфурте, в Южной Руси, развернутая им в первой половине XIII в.[54]

Но как бы то ни было, личные связи с монастырем Св. Петра представляли собой определенные основания для втягивания галицко-волынского князя в политическое соперничество, которое развернулось в Германии в начале XIII в. Майнцские архиепископы, под управлением которых находился монастырь в Эрфурте, в борьбе за имперский трон были последовательными сторонниками Штауфенов. Это относится и к периоду борьбы Филиппа с Оттоном, о чем имеются прямые указания источников.[55]

Таким образом, мы склоняемся к выводу, что Романов дар монастырю Св. Петра и его возможное посещение Эрфурта следует оценивать прежде всего в контексте политических взаимоотношений галицко-волынского князя с властителями Священной империи. Кроме уже приведенных фактов об этом свидетельствует известие из еще одного источника — французской хроники середины XIII ст., составленной монахом Альбриком из аббатства Трех Источников (Aubri de Trois-Fontaines или Alberic de Trois-Fontaines, лат. Albericus Trium Fontanum) вблизи местечка Шалон-сюр-Марн (Châlons-sur-Marne) в Шампани, где идет речь о непосредственном участии Романа Мстиславича в борьбе Штауфенов с Вельфами.

---

[52] Обзор этого вопроса см.: *Borgolte M.* Die mittelalterliche Kirche München, 2004. (Enzyklopädie deutsche Geschicht. Bd. 17). S. 82–83.

[53] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 598.

[54] См.: *Altaner B.* Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts: Forschungen zur Geschichte der kirchlichen Unionen und der Mochammedaner- und Heidenmission des Mittelalters. Habelschwerdt, 1924. S. 208–225.

[55] Arnoldi abbatis Lubecensis Chronica Slavorum / Ed. J. M. Lappenberg // MGH. SS. T. XXI. Hannoverae, 1868. P. 215–216.

Глава десятая

ГЕРМАНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА

Сообщения Хроники Альбрика. — Начало контактов со Штауфенами и их союзниками. — Отношения с ландграфом Тюрингии Германом. — Хроника Альбрика о внешнеполитических связях Штауфенов. — Приемы верификации известия Альбрика о саксонском походе Романа. — Древнерусские, польские и немецкие источники о дате битвы под Завихостом: причины расхождений

Хроника Альбрика — весьма важный средневековый источник, который уже давно введен в научный оборот (в русской исторической науке он известен со времен Г. З. Байера и В. Н. Татищева[1]) и широко используется исследователями, особенно при изучении истории международных отношений времен Крестовых походов. В Хронике излагаются события всемирной истории от сотворения мира и до 1240-х гг.

Хронист стремится воссоздать историю всего западнохристианского мира от Пруссии, Балтии и Венгии на востоке до королевств Пиренейского полуострова на западе, но главное внимание уделяет истории Лотарингии, Германии и Священной империи, а также Римской церкви. Автор (иногда им считается неизвестный монах из аббатства Нэфмутье (Nuefmoutier) в местечке Ги (Huy) вблизи Льежа, высказывается также предположение, что Альбрик в действительности был послушником именно этого аббатства) начал составлять свою хронику в начале 1230-х гг. (по другим данным, произведение было написано в более сжатые сроки — ок. 1251–1252 гг.), но закончить не смог. После смерти Альбрика, наступившей после 1252 г., Хроника попала в Ги, где была переработана и дополнена.[2]

В своей работе Альбрик использовал широкий круг источников, в том числе малоизвестных, таких как Хронография Ги де Базоша и Liber revelationum Одрада де Сан; опирался на источники имперского происхождения — сочинения епископа Оттона Фрейзингского, Антаподосис и Книгу об Оттоне Лиутпранда

---

[1] *Татищев В. Н.* История Российская. Ч. 1 // *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. I. М., 1994. С. 201.

[2] *Tyl-Labory G.* Aubri de Trois-Fontaines // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. Paris, 1964. P. 110–111; Dictionnaire du Moyen Age / Sous la direction de C. Tauvard, A. de Libera, M. Zink. Paris, 2002. P. 109.

Ил. 23. Руины главного храма монастыря Трех Источников на р. Марне близ г. Шалон-сюр-Марн (ныне г. Шалон-ан-Шампань). Современный вид (департамент Марна, Шампань-Арденны, Франция)

Кремонского. Также Альбрик пользовался многочисленными хартиями, актами о пожалованиях привилегий, буллами и письмами. Он интересовался генеалогией и даже обращался к кантиленам (историческим песням), подвергая их критическому анализу. В своей хронике Альбрик приводит большое количество отрывков из разных источников, что позволило ему показывать многообразие точек зрения на одно событие.[3]

Хроника содержит много уникальных сведений и является одним из важных источников по истории Четвертого Крестового похода, в частности завоевания Константинополя в 1203–1204 гг., так называемых детских крестовых походов 1212 г. и др. Информацию о Восточной Европе автор получал от разных лиц, в том числе от папского легата Якова из Пренеста, который в 40-х гг. XIII в. посещал Венгрию и был хорошо осведомлен о делах европейской политики. Благодаря ему в Хронику попали сведения о переселении венгров в Паннонию, об их отношениях с половцами и т. п.[4]

[3] *Schmidt-Chazan M.* «Aubri de Trois-Fontaines, un historien entre la France et l'Empire» // Annales de l'Est. T. 36. Nancy, 1984.; *Chazan M.* L'Empire et l'histoire universelle de Sigebert de Gembloux a Jean de Saint-Victor (XII–XIV s.). Paris; Geneve, 1999 (Champion-Slatkine «Etudes medievales»).

[4] *Scheffer-Boichorst P.* Chronica Albrici monachi Trium fontium… // MGH. SS. T. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 631–643; *Molinier A.* Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie (1494). T. III. New York, 1964. P. 90–91; *Andrea A. J.* Contemporary sources for the fourth crusade. Brill; Leiden; Boston; Koeln, 2000. P. 265–276.

Важным является еще одно обстоятельство. В хронике содержатся многочисленные сведения о Польше XIII в., иногда совершенно оригинальные, что свидетельствует о возможности использования ее автором современных польских письменных источников, а также устных сообщений. Эти сведения вызывают повышенный интерес исследователей, обращающихся к ним по поводу разных вопросов истории средневековья.[5] Вывод о непосредственном знакомстве Альбрика с польскими источниками подтверждается сопоставлением сообщений о походе Романа 1205 г. его хроники и ранних польских рочников, в целом очень близких по содержанию и духу за исключением одной детали: конечной целью похода, по версии французского хрониста, была Саксония, тогда как польские источники об этом молчат.[6]

Итак, по свидетельству Хроники Альбрика, поход Романа в Польшу в 1205 г., закончившийся его гибелью в битве под Завихостом, в действительности был направлен в Саксонию:

> Король Руси по имени Роман, который, выйдя из своих земель, намеревался через Польшу достичь Саксонии, чтобы как мнимый христианин разрушить церкви, был разбит и убит по Божьему промыслу на реке Висле двумя братьями польскими князьями Лешком и Конрадом, а все его [войско] было или рассеяно, или уничтожено.[7]

Историки уже давно обратили внимание на связь сообщения Хроники Альбрика с данными синодика монастыря Св. Петра как известий, которые относятся к внешнеполитической деятельности Романа Мстиславича в последние годы его правления.[8] Исходя из этого, В. Абрахам и М. Чубатый оценили события под Завихостом как эпизод борьбы за власть в Священной империи: галицко-волынский князь выступал в ней союзником короля Филиппа и следовал в Саксонию, чтобы нанести удар в тыл

---

[5] См., например: *Zientara B.* Henryk Brodaty i jego czasy. Warszawa, 1975. S. 271; *Geremek B.* Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza. Wrocław, 1978 S. 178; *Banaszkiewicz J.* Kronika Dzierzwy: XIV-wieczne kompendium historii ojczystej. Wrocław, 1979. S. 164; *Topolski J.* Świadomość historyczna Polaków: problemy i metody badawcze. Łódź, 1981. S. 132; *Labuda G.* Zaginiona kronika z pierwszej polowy XIII wieku w Rocznikach Królestwa Polskiego Jana Dlugosza. Próba rekonstrukcyi. Poznań, 1983. S. 71, 82; *Strzelczyk J.* Szkice średniowieczne. Poznań, 1987. S. 63, 109; *Satata Z.* Poczet polskich królowych, księznych i metres. Szczecin, 1990. S. 71; *Wyrozumski J., Bukowski W.* Cracovia—Polonia—Europa: studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Jerzemu Wyrozumskiemu w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej. Kraków, 1995. S. 474–475.

[6] *Головко О.* Русь і руські князівства на сторінках польських наративних джерел // Terra cossacorum: Студії з давньої і нової історії України: Наук. зб. на пошану професора Валерія Степанкова. Київ, 2007. С. 375–376.

[7] «Rex Russie, Romanus nomine, a finibus suis egressus et per Poloniam transire volens Saxoniam, et ecclesias destruere volens sicut falsus christianus, a duobus fratribus Poloniae ducibus Listec et Conrardo super Wisselam fluvium Dei iudicio percutitur et occiditur, et omnes quos secum aggregaverat aut disperguntur aut interficiuntur» (Albrici monachi Triumfontium Chronikon. — 1241. / Ed. P. Scheffer-Boichorst // MGH. SS. T. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 885).

[8] Как представляется, первым из историков, кто сопоставил оба известия как относящиеся именно к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу, был Р. Репель (*Roepell R.* Geschichte Polens. Hamberg, 1840. S. 608. Anm. 5).

его противнику, императору Оттону IV, но был остановлен на полдороге и погиб от рук союзников последнего — малопольского князя Лешка и его брата Конрада.[9]

Эта точка зрения получила поддержку у многих исследователей,[10] но не стала еще окончательно признанной. В частности, сообщению французского источника совсем не уделяется внимание в обширной немецкой историографии борьбы Штауфенов с Вельфами и связанных с этим вопросов внешнеполитического положения Священной империи в начале XIII в. В западноевропейской историографии Древней Руси сообщение Альбрика также игнорируется: события под Завихостом большинство исследователей трактуют лишь как русско-польский конфликт.[11] Некоторые историки сознательно отклоняют возможность саксонского похода Романа,[12] отдавая предпочтение сообщениям польских источников (в том числе позднейших) при изучении событий 1205 г.[13] Потому приведем в пользу версии, представленной в Хронике Альбрика, некоторые дополнительные аргументы.

---

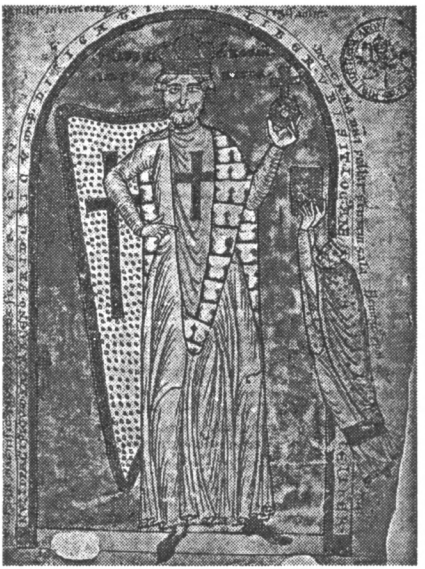
[9] *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. Lwów, 1904. S. 99–100; *Чубатий М.* Західна Україна і Рим... С. 9–10.

[10] *Томашівський С.* Історія України: старинні і середні віки. Мюнхен, 1948. С. 81; *Пашуто В. Т.* 1) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 193; 2) Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 165, 221; *Rhode G.* Die Ostgrenze Polens. Bd. 1. Köln; Graz, 1955. S. 102; *Грицак П.* Галицько-Волинська держава. Нью-Йорк, 1958. С. 56; *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959. С. 136; *Widera B.* 400 Jahre politische Beziehungen zwischen der Rus und Deutschland in der Yeit vor dem Mongoleneinfall // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der Kulturrellen Beziehungen. Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag. Berlin, 1966. S. 30–31; *Щавелева Н. И.* Древнерусские известия Великопольской хроники // ЛХ. 1976 г. М., 1976. С. 61–62; *Свідерський Ю. Ю.* Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X–XIII ст. Київ, 1983. С. 78; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 65–66; *Сахаров А. Н.* Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV–XVII в. М., 1999. С. 58; *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени... С. 268–269; *Котляр М. Ф.* 1) Данило Галицький. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 53–54; 2) Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 127–128; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 478–479.

[11] *Stökl G.* 1) Russische Geschichte: von den Anfängen bis zum Gegenwart. Stuttgart, 1965. S. 108; 2) Das Fürstentum Galizien-Wolynien // Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 1. Stuttgart, 1980. S. 504–505; *Forssman J.* Die Beziehungen altrussischer Furstentugeschlechter zu Westeuropa. Ein Beitrag zur Geschichte Ost- und Nordeuropas im Mittelalter. Bern, 1970. S. 56; *Lammich M.* Fürstentenbiographien des 13. Jahrhunderts in den russischen Chroniken. Köln, 1973. S. 10; *Pickhan G.* 1) Kiewer Rus' und Galizien-Wolynien // Geschichte der Ukraine. Göttingen, 1993. S. 34; 2) Roman (R. Mstislavič) // LMA. Bd. VII. Stuttgart, 1999. S. 981; *Lübke C.* 1) Außenpolitik im östlichen Mitteleuropa: Expansion und Gegemonie am Beispiel Polens und des Landes Halič-Volyn (bis 1387) // Das Reich und Polen / Hrsg. von. Thomas Wünsch. Großfildern, 2003; 2) «Germania Slavica» und «Polonia Ruthenica»: Religiöse Divergenz in ethno-kulturellen Grenz- und Kontaktzonen des mittelalterlichen Osteuropa (8.–16. Jahrhundert) // Grenzräume und Grenzüberschreitungen im Vergleich. Der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa / Hrsg. von K. Herbers und N. Jaspert. Berlin, 2007. S. 185.

[12] Ср.: *Jasienica P.* Trzej kronikarze. Warszawa, 1964. S. 391–392; *Włodarski B.* Polska i Ruś. 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 23, 28; *Labuda G.* Dwa zamachy stanu w Polsce (1177–1179, 1202–1206) // Sprawozdania Poznanskiego Towarzystwa Przyjacol Nauk. T. 82. 1971. S. 103–104; *Przybył M.* Władysław Łaskonogi, książe wielkopolski 1202–1231. Poznań, 1998. S. 64–65.

[13] *Головко А. Б.* 1) Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X–первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 87–88; 2) Давньоруcько-польські відносини на початку XIII ст. (про обставини загибелі галицько-волинського князя Романа Мстиславича) // Міжнародні зв'язки України. Наукові пошуки і знахідки. Вип. 1. Київ, 1991; 3) Князь Роман Мстиславич та його доба. С. 173–177; 4) Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державно-політичному



Ил. 24. Фридрих Барбаросса в одежде крестоносца получает из рук настоятеля кафедрального собора в Шлэфтларне копию Истории Первого Крестового похода, написанной Робертом Реймсским. Миниатюра из рукописи Библиотеки Ватикана. 1188 г.

* * *

Союзнические отношения со Штауфенами издавна были в традиции галицких и волынских князей. По свидетельству Деяний Фридриха Барбароссы, в 1165 г., во время его переговоров с венграми в Вене, чешский король Владислав II отрекомендовал императору не известного по имени русского князя, пренебрежительно именуемого «русским князьком» (regulis Ruthenorum):

> ...чешский король отрекомендовал кого-то из русских князьков, которого и привел к подчиненности ему (Фридриху. — *А. М.*).[14]

Трудно сказать, кого именно имеет в виду немецкий источник. Скорее всего новым вассалом германского императора мог стать либо галицкий князь Ярослав Осмомысл, либо кто-то из волынских князей.[15]

В 1189 г. при дворе Барбароссы получил пристанище и поддержку сын Ярослава Осмомысла Владимир, который только что бежал из венгерского плена. Признав над собой главенство императора, Владимир с его помощью вернулся в Галич.[16] Сам Роман Мстиславич был связан со Штауфенами семейными узами. На одной из представительниц этого рода в свое время был женат дед Романа Изяслав Мстиславич.[17]

Есть веские основания предполагать, что Роман также приходился свояком королю Филиппу Швабскому: по одной из наиболее аргументированных версиях, они были женаты на родных сестрах — дочерях византийского императора Исаака II Ангела Анне (Марии?) и Ирине[18] (хотя вопрос о происхождении второй

розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 241–245.

[14] «Ubi rex Boemorum quendam de regulis Ruthenorum suae praesentiae obtulit eiusque illum ditioni subdidit». (Gesta Friderici I. imperatoris auctoribus Ottone et Ragewino praeposito Frisingesibus. Appendix Ed. R. Wilmas // MGH. SS. T. XX. Hannoverae, 1868. P. 492).

[15] *Чубатий М.* Західна Україна і Рим... С. 7; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 185; *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени... С. 271–272.

[16] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 666.

[17] *Назаренко А. В.* Первые контакты Штауфенов с Русью (К истории русско-немецких отношений в 30-е годы XII века) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 177.

[18] *Войтович Л. В.* 1) Князівські династії Східної Європи (кінець IX–початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. С. 67, 71–72, 224, 376, 380–381, 402; 2) Роман Мстиславич

жены Романа остается спорным, некоторые исследователи даже отрицают ее византийское происхождение[19]).

А. В. Назаренко считает, что Роман Мстиславич был втянут в немецкие дела — борьбу Штауфенов с Вельфами — в 1204–1205 гг.[20] Нам кажется, что это могло произойти и раньше, особенно ввиду того, что бракосочетание Романа с Анной, свояченицей Филиппа, должно было состояться не позже 1200 г., потому что в 1201 г. у них уже родился сын Даниил.

Во всяком случае, в течение 1203 г. политические контакты Романа с королем Филиппом и его окружением уже должны были приобрести полную силу.

К этому времени галицко-волынский князь уже стал одним из самых могущественных властителей Руси: он смог установить контроль над Киевом и в 1203 г. добился окончательной победы над своим главным соперником Рюриком Ростиславичем, урегулировал отношения с половцами, возобновил дипломатические связки с Византией и Венгрией.[21]

С другой стороны, в 1203 г. приверженцы Штауфенов вели активную работу по расширению собственной коалиции. Тогда же к ним присоединился и ландграф Тюрингии Герман — один из самых богатых и влиятельных немецких князей, который некоторое время под давлением папы колебался со своим выбором.[22]

У ландграфа Тюрингии были и собственные мотивы искать союза с могущественным русским князем. По данным Славянской хроники Арнольда Любекского, в 1203 г. чешский король Пржемысл II Оттокар, пребывая тогда в лагере Вельфов, вместе с венгерским королем Имре I напал на земли Тюрингии, пытаясь, очевидно, принудить ее правителя покинуть лагерь Штауфенов.[23] По данным другого источника — Деяний епископов Гальберштадтских, в нападении чешского короля на Тюрингию в 1203 г. принимали участие также отряды каких-то «варваров» (barbarae):

> Потом король Оттон, ставший могущественнее вследствие благосклонности апостольской, призвав к себе на услужение народы богемов и варваров, опустошил всюду землю.[24]

і утворення Галицько-Волинського князівства // Галичина і Волинь в добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001 (Історичні та культурологічні студії. Вип. 3). С. 22–23; 3) Король Данило Романович. Загадки і проблеми // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Львів, 2003. С. 24–25; 4) Княжа доба на Русі… С. 484.

[19] Обзор мнений исследователей см.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 34–40; *Войтович Л.* Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського) // Княжа доба: історія і культура. Вип. 1. Львів, 2007.

[20] *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени… С. 269.

[21] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 165, 182, 201, 213.

[22] Об этом выдающемся немецком правителе, известном покровителе поэзии и искусств, а также о его роли в противостоянии Штауфенов с Вельфами см.: *Neumeister P.* Hermann I., Landgraf von Thüringen (1190–1217) // Deutsche Fürsten des Mittelalters / Hrsg. E. Holtz, W. Huschner. Leipzig, 1995. S. 276–291.

[23] Arnoldi abbatis Lubecensis Chronica Slavorum. P. 215–216.

[24] «Preterea rex Otto propter favorem apostolicum fortior factus, Boemis et barbaris nationibus sibi in adiutorium advocatis, terram undique est depopulatus» (Gesta episcoporum Halberstadensium. 781–1209. / Ed. L. Weiland // MGH. SS. T. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 116).

Обозначение «barbarae» едва ли могло относиться к войску венгерского короля. Скорее хронист имел в виду отряды наемных половцев,[25] хотя нельзя полностью исключать и возможности участия в этом походе наемного войска из Руси.[26]

Противники Штауфенов постоянно пытались расширить собственные ряды, привлекая на свою сторону правителей иностранных государств, а также иностранных наемников. Кроме чешского и венгерского королей, Вельфов поддерживали английские короли Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный;[27] им удалось вовлечь в свой лагерь также короля Дании Кнута VI.[28]

При подобных обстоятельствах сторонники Штауфенов, разумеется, не могли сидеть сложа руки и также должны были искать союзников за пределами немецких земель. Их главным союзником в Западной Европе оставался французский король Филипп II Август, который долгое время воевал с Иоанном Безземельным.[29] Галицко-волынский князь Роман Мстиславич, имевший семейные связки с Филиппом Штауфеном, очевидно, также должен был рассматриваться последним как потенциальный союзник.

К тому же венгерский король Имре I вплоть до собственной смерти оставался не только противником Штауфенов и ландграфа Тюрингии, но также был врагом Романа, поскольку в войне между Имре и Андреем, сыновьями короля Белы III, начавшейся после его смерти в 1196 г., русский князь принял сторону Андрея, — из-за этого Роман и Имре вели постоянную вражду.[30] Только после смерти Имре (30 ноября 1204 г.) Роман Мстиславич подписал с новым королем Андреем II соглашение о взаимной помощи и патронате над детьми обоих правителей в случае преждевременной смерти кого-то из них.[31]

* * *

Как военный союзник, Роман был нужен также ландграфу Тюрингии Герману, особенно в то время, когда его земля подверглась вражескому нападению, как только что было отмечено. Но упомянутым обстоятельством не исчерпывается

---

[25] *Novotný V.* Ceske dejiny. Dil. I. Čt. III.: Čechy kralovske za Premysla I. a Vaclava I. (1197–1253). Praha, 1928. S. 254; *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.): В 3 т. Т. 1. Прага, 1955. С. 82–83.

[26] *Чубатий М.* Західна Україна і Рим... С. 10.

[27] Подробнее см.: *Ahlers J.* Die Welfen und die englischen Könige 1165–1235. Hildesheim, 1987 (Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens. Bd. 102).

[28] *Glaeske G.* Die Erzbischöfe von Hamburg-Bremen als Reichfürsten (937–1258). Hildesheim, 1962. S. 203–204.

[29] *Holzapfel T.* Papst Innocenz III., Philipp August, König von Frankreich und die englisch-welfische Verbindung 1198–1216. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1991 (Europäische Hochschulschriften. R. III. Bd. 460); *Schaller H. M.* Der deutsche Thronstreit und Europa 1198–1218. Philipp von Schwaben, Otto IV., Friedrich II. // Krönungen, Könige in Aachen — Geschichte und Mythos / Hrsg. von M. Kramp. Mainz, 2000. S. 398–406. См. также: *Колесницкий Н. Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977. С. 156–159.

[30] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 348, примеч. 8.

[31] *Włodarski B.* Polska i Ruś. S. 25.

весь спектр возможных отношений правителя Тюрингии с галицко-волынским князем.

Ландграф Тюрингии имел также некоторые личные основания для союза с Романом. Брат и предшественник Германа Людовик Тихий был женат на родственнице галицко-волынского князя Софии Владимировне, первым мужем которой был датский король Вальдемар I.[32] По данным Славянской хроники Арнольда Любекского, этот брак, заключенный в начале 1186 г., оказался недолговечным. Едва только начались осложнения в отношениях императора Фридриха I Барбароссы, дяди Людовика, с датским королем Кнутом VI, сыном Софии, ландграф Тюрингии расторг свой брак с бывшей датской королевой (конец 1187 г.), и она вскоре должна была вернуться в Данию.[33]

Ил. 25. Серебряная монета ландграфа Тюрингии Германа I. Начало XIII в. Музей естественной истории (Эрфурт, Германия)

Требует внимания еще один важный фактор внешнеполитической деятельности ландграфа Германа, который мог влиять на его заинтересованность в установлении союзнических отношений с галицко-волынским князем. Как один из основателей Немецкого (Тевтонского) ордена, Герман много усилий прикладывал к его укреплению. В частности, он помог основать неподалеку от тюрингского города Галле на Заале первый в Германии орденский административный округ — комтурство Св. Кунигунды. Вскоре оно превратилось в главный оплот последующего распространения влияния ордена в Священной империи. В начале XIII в. под воздействием неудач в Палестине Немецкий орден вообще перенацелил свою деятельность на Юго-Восточную Европу, и главным объектом его миссионерских усилий на некоторое время стали половцы.[34]

[32] София Владимирова, вероятно, была дочерью Владимира Всеволодовича (сына новгородского князя Всеволода Мстиславича) и Риксы (дочери краковского князя Болеслава III Кривоустого). См.: *Баумгартен Н. А.* 1) София Владимировна, королева Датская и затем ландграфиня Тюрингенская // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Т. VI, ч. 1. М., 1910. С. 24–30; 2) София Русская, королева Датская, а затем ландграфиня Тюрингенская // Seminarium Kondakovianum. T. IV. Prague, 1931. С. 95–104; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 147, 421. Генеалогич. табл. 2, примеч. 17; *Forssman J.* Die Beziehungen altrussischer Furstentugeschlechter... S. 113; Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. I. S. 428 (Genealog. Tabl. von M. Hellmann); *Koscielak L.* Związki dynastyczne pomorskie-ruskie w XII wieku. S. 198; *Щавелева Н. И.* Польки — жены русских князей (XI–середина XIII вв.) // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 56; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі... С. 465. Таким образом, София Владимировна приходилась Роману Мстиславичу троюродной сестрой. Однако такая генеалогия принимается не всеми современными исследователями. Ср.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI–середина XIII в.): тексты, перевод, комментарий. М., 2000. С. 180–181, примеч. 17–19; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 582, 590.

[33] Arnoldi abbatis Lubecensis Chronica Slavorum. P. 158, 162.

[34] *Tumler M.* Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400. Wien, 1954. S. 33 f.; *Militzer K.* Die Entstehung der Deutschordensballeien im Deutschen Reich. Marburg, 1981. S. 31–34 u. a.; *Zimmerling D.* Der Deutsche Ritterorden. Düsseldorf; Wien; New York, 1988. S. 46.

Видную роль в этих новых устремлениях ордена играло именно окружение ландграфа Германа, в котором начинает выделяться один из его министериалов Герман фон Зальца, ставший вскоре четвертым магистром Немецкого ордена, с которым связывается его настоящий расцвет.[35] Энергичная деятельность Германа фон Зальц привела к тому, что венгерский король Андрей II предоставил ордену земли на восточной границе Венгрии в Бурце (Трансильвания) с тем условием, чтобы рыцари защищали королевство от половецких набегов.[36]

В связи со сказанным не выглядит безосновательным предположение А. Н. Масана, что Герман фон Зальц по поручению своего сеньора, ландграфа Тюрингии мог вести какие-то переговоры также и с Романом Мстиславичем (известным в Европе благодаря своим победам над половцами) об установлении союзнических отношений и возможности скоординированной политики относительно Степи.[37]

Князья Южной Руси вообще достаточно благосклонно относились к деятельности католических орденов, предоставляя им возможность устраивать свои приходы и монастыри в русских городах. Об этом свидетельствует деятельность в Киеве в первой половине XIII в. доминиканского монастыря Пресв. Богоматери, основанного Св. Гиацинтом (Яциком) или еще прежде него.[38] Позднее этот монастырь перешел к бенедиктинцам.[39] Ян Длугош под 1238 г. приводит сведения об основании доминиканского монастыря в Галиче:

> В городе Галиче основывается монастырь братьев-проповедников, и там поселяются братья из Польской провинции [ордена].[40]

Таким образом, начало активных политических контактов Романа Мстиславича со Штауфенами и ландграфом Тюрингии, а также предполагаемое посещение галицко-волынским князем Эрфурта скорее всего следует датировать временем не позже 1203 г.

---

[35] См.: *Lorck A.* Hermann von Salza: sein Itinerar. Kiel, 1880 (Reprint: Bad Langensalza, 2005); *Koch A.* Hermann von Salza, Meister des Deutschen Ordens: ein biographischer Versuch. Leipzig, 1885 (Reprint: Bad Langensalza, 2003); *Kluger H.* Hochmeister Hermann von Salza und Kaiser Friedrich II.: ein Beitrag zur Frühgeschichte des Deutschen Ordens. Marburg, 1987.

[36] *Машке Э.* Немецкий орден. СПб., 2003. С. 118; *Бокман Х.* Немецкий орден: Двенадцать глав его истории. М., 2004. С. 58. *Zimmermann H.* Der Deutsche Ritterorden in Siebenbürgen // Die geistlichen Ritterorden Europas / Hg. J. Fleckenstein, M. Hellmann. Sigmaringen, 1980 (Vorträge und Forschungen. Bd. 26).

[37] *Масан О.* Недосліджені питання відносин між Україною та Орденською Прусією в XIII–XV ст. // Науковий вісник Чернівецького університету: Зб. наук. праць. Історія. Вип. 96–97. Чернівці, 2000. С. 45.

[38] *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. S. 69; *Шайтан М. Э.* Германия и Киев в XI в. С. 24–25.

[39] *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 129, 155–156; *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени... С. 274–276.

[40] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 364.

По-видимому, еще некоторое время после этого Роман колебался с принятием окончательного решения о военном участии в борьбе Штауфенов с Вельфами. Сразу вести активные действия в Европе ему, наверное, мешали напряженные отношения с Венгрией, а также неопределенность расстановки политических сил в самой Германии ввиду участия значительного количества немецких рыцарей и сеньоров в Четвертом Крестовом походе и ненадежности союзников Филиппа из числа влиятельных европейских правителей. После завоевания Константинополя и возвращения домой немецких «пилигримов», среди которых большинство составляли именно сторонники Штауфенов, перевес в силах решительно склонился к последним.[41] Убедившись в этом и заключив союз с новым венгерским королем, Роман принял решение с оружием в руках встать на сторону своего немецкого родственника. Это и стало, на наш взгляд, главной причиной похода через Польшу в Саксонию летом 1205 г., стоившего русскому князю жизни.

* * *

По мнению А. Б. Головко, склонного отвергать сообщение Хроники Альбрика как не заслуживающее доверия, «большой интерес историков к свидетельству французского хрониста о Романе Мстиславиче вызван во многом экзотичностью для Руси источника подобного происхождения».[42] На наш взгляд, такое предположение основывается на недооценке значения хроники как источника, освещающего события, связанные именно с обстоятельствами Четвертого Крестового похода и его времени.

Наряду с выходцами из немецких земель, главными участниками этого общеевропейского события были также французские и итальянские «пилигримы». Именно Франция стала страной, где призыв папы Иннокентия III к новому крестовому походу нашел наибольшее число сторонников среди рыцарей и духовенства.[43] Более того, эпицентром событий, связанных с мобилизацией сил и подготовкой к походу, была Шампань, откуда происходило подавляющее большинство французских рыцарей, принявших в нем участие, которых возглавляли сначала граф шампанский Тибо, а после его смерти — шампанский маршал Жоффруа де Виллардуэн.[44]

Напомним, что монастырь Трех Источников, где в 30-е гг. XIII в. начал писать свою хронику монах Альбрик, был расположен именно в Шампани. Сюда вернулись многочисленные участники крестового похода, в том числе и его

[41] См.: *Thumser M.* Die Staufer im Mittelmeerraum // Deutschland und Italien zur Stauferzeit. Göppingen, 2002 (Schriften zur staufischen Geschichte und Kunst. Bd. 22). S. 71–92.

[42] *Головко О. Б.* 1) Князь Роман Мстиславич та його доба. С. 177; 2) Русь і руські князівства на сторінках польських наративних джерел. С. 374.

[43] См.: *Angold M.* The fourth crusade: event and context. Harlow; New York, 2003; *Phillips J.* The Fourth Crusade and the sack of Constantinople. London; New York, 2004.

[44] См.: *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя / Пер. ст. и комм. М. А. Заборова. М., 1993. С. 5–7, 12–14 и др.

руководители, которые, по мнению исследователей, стали главными информаторами Альбрика, обеспечив его уникальными сведениями о некоторых событиях времен похода, которые нельзя найти в других источниках.[45]

Вот почему Альбрик обнаруживает «прекрасную осведомленность» именно в рассказах о времени Четвертого Крестового похода, неоднократно отмечаемую исследователями хроники.[46] Это касается не только деталей самого похода (например, французский хронист приводит наиболее полное и точное описание маршрута передвижения войск крестоносцев к Задару и далее к Константинополю), но и внешнеполитических обстоятельств, которые влияли на его осуществление. Так, Альбрик сообщает о дворцовом перевороте 1195 г. в Константинополе, в результате которого был свергнут и заключен в тюрьму император Исаак II, а также о побеге его сына Алексея к немецкому королю Филиппу. Под 1202 г. в хронике читаем:

> С помощью какого-то надзирателя Алексей избежал из смертных, бежал к Филиппу, герцогу Швабскому и королю Германии, и спрятался у него, так как женой этого самого Филиппа была сестра Алексея. Поэтому, когда франкские паломники осадили Задар под предводительством венецианцев <...> воспользовавшись советом упомянутого короля Филиппа, Алексей послал к ним обращение <...> И многими мольбами и обещаниями изобразил дело свое каким образом: если они вернут ему трон императора, то он соберет достаточно провианта, кораблей и всего необходимого для освобождения Святой Земли.[47]

Важным для нашего исследования представляется следующий факт: Альбрик хорошо осознавал, что одним из центров подготовки и руководства Четвертым Крестовым походом был двор Штауфенов, который во время описываемых событий вообще превратился в ведущий центр европейской политики и дипломатии. Король Филипп решительно вмешался во внутренние дела Византии, предоставив поддержку своим низложенным родственникам.[48] В значительной степени благодаря усилиям Штауфенов Четвертый Крестовый поход изменил свое направление и цели и вместо Египта был направлен в Константинополь.[49]

Филиппу удалось также добиться того, что новым главнокомандующим войсками крестоносцев стал еще один его родственник и единомышленник — итальянский маркиз Бонифаций Монферратский, сменивший внезапно умершего в мае

---

[45] *Andrea A. J.* Contemporary sources for the fourth crusade. P. 265–276.

[46] *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. 1180–1204. Cambridge, 1968. P. 287; *Grandsen A.* Historical Writing in England. London, 1974. P. 329.

[47] Albrici monachi Triumfontium Chronikon. P. 881.

[48] *Norwich J. J.* Byzanz. Der Aufstieg des oströmischen Reiches. Bd. III. Gamburg; Düsseldorf; München, 1993. S. 186–222.

[49] См.: *Васильев А. А.* История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 86, 101–102, 104–105 и др.; *Заборов М. А.* Крестоносцы на Востоке. М., 1980. Гл. 5, 6.

1201 г. графа Тибо Шампанского.[50] В тайные планы Филиппа был посвящен его главный союзник в Западной Европе французский король Филипп II Август, которому Штауфен в свою очередь оказывал поддержку в борьбе с английским королем Иоанном Безземельным за возвращение из-под власти Англии французских земель. Под давлением Филиппа Августа французские бароны должны были согласиться с кандидатурой Бонифация.[51]

Следовательно, ко двору Штауфенов в начале XIII в. сходились многие тайные нити европейской политики и король Филипп оказывал влияние на определение и изменение ее важнейших направлений. Эти нити тянулись как на запад, так и на восток и юг Европы, поскольку основной целью немецкого короля стала Византия, а главными союзниками в ее осуществлении — Франция, а также Венеция.

Ил. 26. Византийский император Алексей IV Ангел. Миниатюра из Моденского списка «Хроники» Иоанна Зонары. XV в. Biblioteca Estense Universitaria (Модена, Италия)

* * *

При оценке достоверности сообщения Хроники Альбрика о саксонском направлении похода Романа Мстиславича нельзя не учитывать причастности галицко-волынского князя к перипетиям политической борьбы в Германии вследствие его контактов со Штауфенами и родственных отношений с королем Филиппом. Между тем, именно такой ограниченный подход к определению целей политики Романа в Европе настойчиво демонстрирует А. Б. Головко. Он отвергает возможность внешнеполитической деятельности галицко-волынского князя в европейском масштабе: «...конкретная ситуация в Центрально-Восточной Европе начала XIII в., — по словам историка, — позволяет думать, что такие представления о деятельности князя далеки от реальных».[52] При этом сам Головко уклоняется от какого бы то ни было анализа упомянутой им «конкретной ситуации», поэтому говорить об основательности его аргументов не представляется возможным.[53]

---

[50] *Runciman S.* Geschichte der Kreuzzüge. München, 1978. S. 866–898; *Csendes P.* Philipp von Schwaben. Ein Staufer im Kampf um die Macht. 2003. S. 28, 121, 134.

[51] См.: *Waas A.* Geschichte der Kreuzzuge. Bd. II. Freiburg, 1956. S. 33 ff.; *Заборов М. А.* Крестоносцы на Востоке. Гл. 5.6.

[52] *Головко О. Б.* Останній похід князя Романа Мстиславича у джерелах та історичній думці // УІЖ. 2009. № 5. С. 35.

[53] В части, касающейся анализа известий Хроники Альбрика, в упомянутой работе А. Б. Головко вступает в полемику с автором этих строк. Наши взгляды по поводу целей похода Романа Мстиславича 1205 г. и связанной с ним международной обстановки были изложены в нескольких опубликованных ранее работах: *Майоров А. В.* 1) Из истории внешней политики Галицко-Волынской

Кроме того, в своих взглядах на внешнюю политику Романа А. Б. Головко проявляет какую-то странную непоследовательность как раз в оценке ее масштабов и значения. В одной и той же работе он сперва уверяет, будто анализ «конкретной ситуации» в Центрально-Восточной Европе исключает возможность думать о «грандиозных масштабах европейской политики Романа Мстиславича», а затем утверждает совершенно обратное: деятельность Романа «на протяжении многих лет влияла не только на развитие русских земель, но и других стран и народов Восточной и Центральной Европы», проявлением чего «стало большое внимание к деятельности князя Романа не только со стороны древнерусских, но и западноевропейских, а также византийских авторов».[54]

Только в связи с особым интересом к политике Филиппа Швабского, союзника французского короля Филиппа II Августа, а также вниманием к противостоянию Штауфенов и Вельфов, в котором активную роль играла Римская церковь, французский монах из аббатства Трех Источников мог включить в свою хронику упоминание о походе в Саксонию Романа Мстиславича. Заурядный конфликт на русско-польской границе едва ли мог привлечь к себе внимание далекого летописца с берегов Марны. Нельзя забывать, что Роман Мстиславич — единственный русский князь (после Ярослава Мудрого и его дочери Анны, выданной замуж во Францию за короля Генриха I), упоминающийся во французских хрониках. В средневековой Франции к далекой Руси не проявляли почти никакого интереса и имели о ней крайне скудные, а подчас и просто сказочные представления.[55] Гибель какого-то русского князя в локальном конфликте не могла попасть на страницы французских анналов.

Альбрик интересовался также и польскими делами, так как в Польше сильны были позиции ордена цистерцианцев, к которому он сам принадлежал. Вполне возможно, что французский хронист был знаком с какими-то польскими источниками и даже использовал их сведения для своей хроники. Он мог найти там сообщение о гибели галицко-волынского князя у Завихоста летом 1205 г. Однако зачем нужно было выдумывать поход Романа в Саксонию, если такового не было в действительности? Сам Альбрик был слишком далек от описываемого события как во времени, так и в пространстве, и его (в отличие от польских хронистов) трудно заподозрить в пристрастном отношении к Роману, в стремлении исказить или приукрасить историю этого князя.

Но если даже принять точку зрения тех новейших скептиков, кто отвергает сведения «экзотического» французского источника как вымышленные, то чем тогда объяснить, что Альбрик указал именно Саксонию как конечную цель похода Романа?

Руси времен Романа Мстиславича // ДР. 2008. № 4 (34); 2) Поход Романа Мстиславича 1205 года: в Саксонию или в Польшу? // ВИ. 2008. № 11; 3) Зовнішня політика Галицько-Волинської Русі часів Четвертого хрестового походу: стосунки з Німеччиною, Візантією та Польщею // Ruthenica. Т. 7. Київ, 2008.

[54] *Головко О. Б.* Останній похід князя Романа Мстиславича... С. 35, 41.

[55] *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 353.

Уже само это указание — истинное оно или вымышленное — демонстрирует, что французский хронист знал о союзе Романа и Филиппа, направленном против Вельфов, по чьим владениям в Саксонии русский князь собирался нанести удар.

Едва ли Альбрик мог ошибиться в своем сообщении, спутав Романа Мстиславича с каким-либо другим лицом. Определение «Rex Russie» не оставляет сомнений в том, что французский автор имел в виду именно русского князя, которого к тому же он выделял среди прочих князей как «короля Руси». И таковым мог быть только Роман Мстиславич, поскольку другого такого князя на Руси в начале XIII в. попросту не существовало.

Безосновательно предположение А. Б. Головко о том, что упоминание о Саксонии как цели похода Романа в сочинении Альбрика «могло появиться под влиянием <...> активных внешнеполитических акций в Центральной Европе середины XIII в. сына князя Романа — Даниила».[56] Совместный поход Даниила Романовича и краковского князя Болеслава Стыдливого в Силезию, который, очевидно, имеет здесь в виду историк, должен был состояться летом 1253 г.[57] Но к этому времени самого Альбрика уже не было в живых, а созданная им хроника обрывается на событиях начала 1240-х гг.[58]

* * *

Тесная связь Романа с Филиппом Швабским подтверждается не только упоминанием русского князя в синодике монастыря Св. Петра в Эрфурте — главной цитадели Штауфенов в Германии, но и содержащейся в нем точной датой смерти Романа: 13 календы июля, что соответствует 19 июня.[59] Знать точную дату смерти русского князя в далеком эрфуртском монастыре могли только при условии, что его связи со Штауфенами имели не разовый и случайный характер, а развивались постоянно вплоть до самой смерти Романа, и что о подробностях его трагической гибели было хорошо известно при дворе короля Филиппа.

Для сравнения укажем, что в Германии не знали дня смерти куда более значительных европейских властителей, чем Роман Мстиславич, состоявших к тому же в более близком родстве с королевской семьей. Например, не известной осталась дата смерти византийского императора Исаака II, отца германской королевы Ирины (Марии), жены Филиппа Швабского: в синодике Шпейерского собора — усыпальницы германских королей, где покоится прах Филиппа и Ирины, — поминовение Исаака приурочено ко дню смерти его первой супруги, матери германской королевы.[60]

---

[56] *Головко О. Б.* Останній похід князя Романа Мстиславича... С. 35.

[57] *Грушевський М. С.* 1) Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Т. XLI. Львів, 1901. С. 36; 2) Історія Україні-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 75; *Włodarski B.* Polska i Ruś. 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 142–143.

[58] *Tyl-Labory G.* Aubri de Trois-Fontaines. P. 110–111; Dictionnaire du Moyen Age. P. 109.

[59] Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde... S. 517.

[60] Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius // Fontes rerum Germanicarum. T. IV. Stuttgart, 1868. P. 323. Подробнее см. главы 21 и 22 настоящей работы.

Заметим также, что точная дата смерти Романа не была известна древнерусским летописцам.[61] Большинство древних польских анналов и хроник, наперебой сообщающих о славной победе своих князей Лешка и Конрада над Романом, также не знают точной даты гибели русского князя, ограничиваясь только указанием года (1205).[62] Лишь в немногих польских источниках (в Рочнике Траски, Малопольском рочнике и Краковском календаре) содержится указание, что битва под Завихостом и соответственно гибель Романа произошли в день памяти Свв. мучеников Гервасия и Протасия.[63]

Приурочивая битву к дню памяти названных святых, польские средневековые авторы, похоже, не знали ее точной календарной даты: Ян Длугош, к примеру, датировал битву 19 июня,[64] а Мацей Стрыйковский — 14 октября.[65] Дело в том, что память раннехристианских святых Гервасия и Протасия (живших в I–II вв.) отмечается дважды: 14 октября — в день их мученической кончины, а также 19 июня — в день обретения их мощей. Последней дате отдается предпочтение в католической церкви, так как день обретения мощей святых великомучеников в 386 г. епископом Амвросием Медиоланским знаменует собой окончательное торжество ортодоксального христианства над арианством в Медиолане (Милане). Православная же церковь датой памяти свв. Гервасия и Протасия принимает 14 октября (по юлианскому календарю).[66]

Как видим, древнерусские и польские средневековые источники либо совсем не знают точной даты битвы под Завихостом и гибели Романа Мстиславича, либо путаются в ее определении. В то же время в далекой Германии эту дату знали в точности (и она совпадает с днем памяти свв. Гервасия и Протасия, принятым в Западной церкви). Объяснить такое странное, на первый взгляд, обстоятельство можно лишь тем, что в Германии с особым вниманием следили за выступлением Романа летом 1205 г. И если на Руси и в Польше этот злосчастный поход воспринимался как неожиданная и даже нелепая случайность, то в окружении Штауфенов на него смотрели иначе: выступления своего русского союзника здесь ждали и потому хорошо знали о его трагическом результате.

---

[61] Ипатьевская летопись вообще не содержит известий о гибели Романа, а в Лаврентьевской летописи указан только год этого события. См.: ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 425.

[62] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: текст, перевод, комментарий. М., 1990. С. 148–149, 156; MPH. T. II. Lwów, 1872. P. 800–801; T. III. Lwów, 1878. P. 46; MPH. Series nova. T. VIII. Warszawa, 1970. P. 79.

[63] MPH. T. II. P. 836, 923; T. III. P. 162.

[64] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 347.

[65] *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystskiéj Rusi. T. I. Warszawa, 1846. S. 213–214.

[66] См.: *Скурат К. Е., Грацианский М. В.* Амвросий Медиоланский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2000.

Глава одиннадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД РОМАНА: ПРОТИВОРЕЧИЯ ИСТОЧНИКОВ[1]

Борьба за власть в Священной империи. — Отношения с польскими князьями. — Роль ордена цистерцианцев. — Малопольские цистерцианцы и их миссионерская деятельность. — О возможных личных контактах Романа с цистерцианцами. — Ошибочность версии Длугоша относительно причин похода 1205 г. — Проект «доброго порядка» и сведения Татищева о внешней политике Романа Мстиславича

Попытаемся теперь определить главные черты политических событий, происходивших во время рассматриваемых событий в немецких землях и связанных с новым витком борьбы за верховную власть в Священной империи между Штауфенами и Вельфами, развернувшейся на рубеже XII–XIII вв.

Переломным в борьбе за верховную власть в Германии стал 1204 г. Одержав победу на Востоке, король Филипп (влияние которого значительно укрепилось после захвата крестоносцами Константинополя) перешел к решительным действиям в отношении своих противников на Западе, применяя как дипломатические, так и военные средства. В течение года он заставил ландграфа Тюрингии Германа, неоднократно менявшего свои политические ориентиры, и короля Чехии Пржемысла стать на свою сторону и даже совершить нападение на земли Вельфов.

В конце 1204 г. Филипп одержал решительную дипломатическую победу, сумев привлечь на свою сторону кельнского архиепископа Адольфа фон Альтена, некогда сыгравшего решающую роль в коронации Оттона и бывшего непримиримым врагом Штауфенов. Уверенный в своих силах, Филипп демонстративно сложил с себя королевский сан и объявил новые выборы, которые состоялись 6 января 1205 г. в городе Ахене. Филипп вновь был избран королем и сразу же коронован кельнским архиепископом в Ахенской церкви Пресв. Богоматери — месте «законной коронации» германских королей — с соблюдением всех требований древнего ритуала.[2]

---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* Поход Романа Мстиславича 1205 года: в Саксонию или в Польшу? // ВИ. 2008. № 11.

[2] В первый раз Филипп был коронован с некоторыми отступлениями от принятого порядка, что предоставило удобный повод его противникам оспаривать коронацию, апеллируя к римскому папе. См.: *Stehkämpfer H.* 1) Der Kölner Erzbischof Adolf von Altena und die deutsche Königswahl (1195–1205) // Beiträge zur Geschichte des mittelalterlichen deutschen Königtums (Historische Zeitschrift.

Ил. 27. Филипп Швабский. Миниатюра из средневековой немецкой рукописи. Ок. 1200 г. Библиотека аббатства Санкт-Галлен (кантон Санкт-Галлен, Швейцария)

Поход Романа Мстиславича на Саксонию — главную вотчину Вельфов — летом 1205 г. полностью вписывается в контекст событий решающего этапа борьбы с ними Штауфенов, ведь именно в это время Филипп готовился нанести удар по еще одному оплоту Вельфов, пожалуй, важнейшему в то время, — городу Кельну, жители которого, в отличие от своего архиепископа, твердо поддерживали Оттона, потому что имели тесные торговые связи с Англией и находились под влиянием короля Иоанна Безземельного, решительного сторонника Вельфов.

Вскоре после гибели Романа, в сентябре 1205 г., Филипп начал осаду Кельна, чьи жители оказали решительное сопротивление. Город захватить не удалось, но во время столкновений Оттон был тяжело ранен, после чего остатки его сторонников и даже его собственный брат, рейнский пфальцграф Генрих, примкнули к Филиппу. 27 июля 1206 г. в битве при Вассенберге (западнее Кельна) войска Филиппа одержали полную победу над войсками Оттона.[3]

* * *

Объясняя причины гибели Романа во время похода 1205 г., В. Т. Пашуто предполагал, что галицко-волынский князь неосторожно вмешался в польско-немецкие политические отношения. По мнению исследователя, малопольский князь Лешко Белый был тогда союзником Вельфов, и в битве под Завихостом он отстаивал интересы последних, не давая Роману добраться до Саксонии.[4] Такое же мнение высказывал в свое время и В. Абрахам, также считавший Лешка Белого союзником Вельфов.[5] Подобные предположения встречаются и в современной

Beiheft. NF. Nr. 2). München, 1973; 2) Über das Motiv der Thronstreit-Entscheidungen des Kölner Erzbischofs Adolf von Altena 1189–1205. Freiheit der fürstlichen Königswahl oder Aneignung des Mainzer Erzkurrechts? // Rheinische Vierteljahresblätter. 2003. Bd. 67; *Krieb S.* Vermitteln und Versöhnen. Konfliktregelung im deutschen Thronstreit 1198–1208 // Norm und Struktur. Bd. 13. Köln; Weimar; Wien, 2000.

[3] Кроме уже указанной литературы, см. также новейшие исследования биографии Филиппа Швабского и политических отношений его времени: *Schütte B.* König Philipp von Schwaben. Itinerar — Urkundenvergabe — Hof. Hannover, 2002 (Monumenta Germaniae Historica Schriften. Bd. 51); *Csendes P.* Philipp von Schwaben. Ein Staufer im Kampf um die Macht. Darmstadt, 2003 (Gestalten des Mittelalters und der Renaissance).

[4] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 165.

[5] *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. Lwów, 1904. S. 99.

литературе.[6] Но историки никак не объясняют, на чем основывается их версия. Более того, проанализировав широкий круг источников, Б. Влодарский уже давно полностью ее опроверг, доказав, что нет никаких, даже косвенных, намеков на существование союзных договоренностей между Лешком и Оттоном IV.[7]

Отсутствие каких-либо следов контактов Лешка с Оттоном стало для Б. Влодарского важным аргументом в пользу того, чтобы вообще отвергнуть известие Хроники Альбрика о походе Романа в Саксонию как недостоверное, ведь если бы галицко-волынский князь действительно преследовал такую цель, об этом должны были знать польские хронисты и русские летописцы. Особенно, считал исследователь, это касается тогдашних польских рочников и учредительного документа алтаря Свв. Гервасия и Протасия, созданного Лешком по случаю победы над Романом, произошедшей в день памяти упомянутых святых (19 июня). Опекуном именно этого алтаря в конце XV в. был известный польский историк Ян Длугош, который не пропустил бы такой важной детали в своем обстоятельном рассказе о походе Романа, как не прошли бы мимо такого значительного для внешней политики Руси факта и русские летописцы.[8]

Нам кажется, что подобные рассуждения легко могут быть опровергнуты: польские правители, как и их хронисты, могли вообще не знать об истинных намерениях Романа и цели его похода. Ведь план галицко-волынского князя относительно военного взаимодействия с королем Филиппом должен был держаться в секрете, чтобы задуманный удар по Саксонии застал неприятеля врасплох.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что составители польских хроник не знали об истинных планах Романа и удивлялись по поводу неожиданной агрессии и вероломстве русского князя.[9] Ведь и древнерусские летописцы не знали о его далеко идущих устремлениях, изобразив дело как обычный военный поход в Польшу, во время которого были захвачены два польских города.[10] Собственного летописания Романа, как известно, не сохранилось, а в далеком Суздале, разумеется, могли и не знать о тайных намерениях галицко-волынского князя.

---

[6] *Щавелева Н. И.* Древнерусские известия Великопольской хроники // ЛХ. 1976 г. М., 1976. С. 62; *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX–середина XIII вв.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. Т. II, кн. 1. М., 2002. С. 269. При этом А. В. Назаренко ссылается на известную работу Б. Влодарского (*Włodarski B.* Polska i Ruś. 1194–1340. Warszawa, 1966), но на указанных им страницах (S. 21–22) вообще не говорится о событиях 1205 г. Вопросы, связанные с походом Романа на Польшу, Б. Влодарский рассматривает в другом месте своего исследования (начиная с S. 25) и приходит к совершенно противоположным выводам.

[7] *Włodarski B.* 1) Polityka Ruska Leszka Białego. Lwów, 1925. S. 19–23; 2) Polska i Ruś. S. 26.

[8] *Włodarski B.* Polska i Ruś. S. 26.

[9] Под влиянием средневековых хроник эта мысль стала популярной и у польских исследователей, рассуждавших о том, как могло случиться, что Роман начал воевать с близкими родственниками, с которыми всегда поддерживал добрые отношения (*Grodecki R., Zachorowski S., Dąbrowski J.* Dzieje Polski średniowiecznej. T. 1. Kraków, 1926. S. 213; *Włodarski B.* Polityka ruska Leszka Bialego. S. 19).

[10] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 425.

Заметим, что в Галицко-Волынской летописи имеется весьма пространное сообщение о смерти короля Филиппа Швабского и связанных с ней обстоятельствах, отсутствующее в других русских летописях:

> Оубьен бысть царь великыи Филипъ Римьскыи советомъ брата королевое, молящеся сестре, да бы ему нашла помощника. Она же, никако могоущи помощи братоу своемоу си, и да дщерь свою за Лонокрабовича за Лоудовика, бе бо моужь силенъ и помощникъ братоу ее. Юже ныне святоу наречают именемь Алъжьбитъ, преднек бо имя еи Кинека. Много бо послоужи Богови по моужи своемь, и святоу наречають. Но мы на преднее возвратимся, якоже преже почали быхомъ.[11]

В этом тексте отображена история заключительного этапа борьбы за власть в Германии между Филиппом Швабским и Оттоном Вельфом, закончившегося гибелью Филиппа от руки пфальцграфа Оттона Виттельсбахского 21 июня 1208 г.[12]

Братом королевы, давшим совет убить Филиппа, очевидно, следует считать брата венгерской королевы Гертруды, герцога Экберта Андехского, епископа Бамбергского (ок. 1175–1237). Убийство Филиппа произошло на епископском дворе в Бамберге, что поставило Экберта под подозрение в причастности к нему и даже в соучастии в заговоре против Штауфенов, несмотря на то что сам Экберт, как и вся его семья, принадлежал к числу сторонников Филиппа и в свое время отклонил требования папы Иннокентия III перейти на сторону Вельфов, за что был временно смещен с поста епископа. Опасаясь преследований, Экберт бежал в Венгрию, где нашел приют при дворе своего шурина, короля Андрея II. Лишь после длительных переговоров и кардинальных изменений политической обстановки в Германии Экберт смог добиться своей реабилитации: в 1211 г. он был восстановлен в должности епископа, а в 1212 г. полностью оправдан, но и после этого в силу различных препятствий не мог вернуться в свою епархию.[13]

Пребывая в столь затруднительном положении, Экберт остро нуждался в союзниках среди немецких князей. Ему на помощь пришла сестра, венгерская королева Гертруда, которая в 1211 г. выдала свою дочь Кунигунду (Кинеку; 1207–1231) замуж за тюрингского ландграфа Людовика IV (1200–1227) в расчете на то, что он, как говорит русская летопись, станет помощником Экберту. После

---

[11] Там же. Т. II. Стб. 723.

[12] Об этом убийстве и его возможных мотивах см.: *Hucker B. U.* Der Königsmord von 1208 — Privatrache oder Staatsstreich? // Die Andechs-Meranier in Franken. Europäisches Fürstentum im Mittelalter. Mainz, 1998; *Bihrer A.* König Philipp von Schwabeh — Bamberg, 21. Juni 1208 // Politische Morde. Vom Altertum bis zur Gegenwart / Hrsg. M. Sommer. Darmstadt, 2005.

[13] См.: *Zimmermann G.* Ekbert von Andechs, Bischof von Bamberg (1203–1237) // Dieses große Fest aus Stein. Lesebuch zum 750. Weihejubiläum / Hrg. von H.-G. Röhrig. Bamberg 1987; *Beulertz S.* Ekbert von Andechs. Bischof von Bamberg (1203–1237) // Fränkische Lebensbilder. Würzburg, 1998. Bd. 17 (Veröffentlichungen der Gesellschaft für Fränkische Geschichte. Reihe VII A); *Flachenecker H.* Ekbert von Andechs (um 1175–1237) // Die Bischöfe des Heiligen römischen Reiches 1198–1448. Ein biographisches Lexikon / Hrg. von E. Gatz. Berlin, 2001.

гибели Людовика, во время Пятого Крестового похода, Кунигунда приняла монашество под именем Елизаветы (Ельжбет) и прославилась своими христианскими подвигами, будучи канонизированной вскоре после смерти (в 1234 г.).[14]

Детальное сообщение Галицко-Волынской летописи об этих далеких от Галича событиях стоит в ее тексте особняком, вне всякой связи с предыдущим и последующим изложением. По мнению М. С. Грушевского, его появление в летописи могло быть связано с пребыванием Даниила Романовича в 1211 г. при дворе венгерского короля Андрея II, в то самое время, когда его дочь Кунигунда, еще недавно считавшаяся невестой Даниила, отправлялась в Тюрингию.[15]

Возможно, это и так. Однако ни сам Даниил, ни его мать или младший брат Василько в этом сообщении не упоминаются. Внимание летописца полностью сосредоточено на убийстве короля Филиппа и его последствиях. Король Филипп, как и ландграф Тюрингии Людовик упомянуты в известии Галицко-Волынской летописи без каких-либо пояснений, как будто о них уже шла речь ранее. Людовик Тюрингский при этом назван «Лонокрабовичем», то есть сыном ландграфа, что также предполагает наличие в летописи упоминания об его отце. Сам термин *Лонокрабович* является уникальным, не известным в других древнерусских памятниках.[16] Употребление его в летописи требовало бы каких-нибудь пояснений или упоминания в предыдущем изложении.

Все сказанное наводит на мысль, что сообщение об убийстве Филиппа Швабского и упоминание о ландграфе Людовике Тюрингском должны были корреспондироваться с каким-то рассказом Галицко-Волынской летописи о событиях в Германии, связанных с борьбой за власть между Штауфенами и Вельфами. Такой рассказ мог быть помещен лишь в утраченной ныне начальной части памятника, которая содержала жизнеописание Романа Мстиславича, и мог быть связан с известиями о его внешнеполитической деятельности — о контактах с Филиппом Швабским и ландграфом Тюрингии Германом.

Возвращаясь к анализу причин похода галицко-волынского князя на Польшу в 1205 г., мы не можем исключать, что в конфликте Романа с Лешком и Конрадом был и еще один мотив, непосредственно вытекавший из ситуации в русско-польских отношениях первых лет XIII в. Примерно через год после гибели Романа, во время встречи с его вдовой, Лешко Белый выдвинул предположение, что к войне с галицко-волынским князем привели провокационные действия какого-то

---

[14] Жизнеописанию св. Елизаветы Тюрингской посвящена значительная литература. См., например: *Manselli R.* Fürstliche Heiligkeit und Alltagsleben bei Elisabeth von Thüringen: Das Zeugnis der Dienerinnen // Elisabeth, der Deutsche Orden und Ihre Kirche / Hrsg. von U. Arnold und H. Liebing. Marburg, 1983; *Schmidt P. G.* Die zeitgenössische Überlieferung zum Leben und zur Heiligsprechung der heiligen Elisabeth // Sankt Elisabeth: Fürstin — Dienerin — Heilige. Sigmaringen, 1981; *Zippert Ch., Jost G.* Hingabe und Heiterkeit. Vom Leben und Wirken der heiligen Elisabeth. Kassel, 2006; *Barow-Vissilevitch D.* Elisabeth von Thüringen — Heilige, Minnekönigin, Rebellin. Ostfildern, 2007.

[15] *Грушевський М.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Т. XLI. Львів, 1901. С. 11.

[16] Это слово даже не зафиксировано в современных словарях древнерусского языка (см.: СлДРЯз XI–XIV вв.; СлРЯз XI–XVII вв.).

Ил. 28. Александр Лессер (1814–1884). Графический портрет князя Лешка Белого. Середина XIX в.

Владислава.[17] Большинство исследователей считает, что им был великопольский князь Владислав Ласконогий, сын князя Мешка III, который пытался распространить свою власть на Краков и Малую Польшу.[18]

Но этот мотив никак не исключает возможности других, более весомых, на наш взгляд, причин похода 1205 г., о которых мало кто знал как в Польше, так и в самой Руси. Зато вполне вероятно, что о тайных отношениях и планах Романа и Филиппа Швабского могли знать французские союзники последнего, поддерживавшие линию Штауфенов во время Четвертого Крестового похода и в борьбе за верховную власть в Германии, главным из которых был французский король Филипп II Август. Кроме того, подавляющее большинство французских рыцарей и сеньоров, которые были свидетелями и участниками событий начала XIII в., как мы видели, происходило из Шампани. Вместе с ними сведения о неудачном походе Романа Мстиславича, предпринятом в поддержку Филиппа Швабского, могли достичь стен далекого шампанского аббатства.

* * *

Следует также отметить, что составитель хроники аббатства Трех Источников монах Альбрик принадлежал к одному из ведущих монастырей ордена цистерцианцив. Монастырь был создан в начале XII в. и стал седьмым по времени основания аббатством ордена. В течение XII–первой половины XIII вв. монастырь, как и орден в целом, проводил активную миссионерскую деятельность и стал основателем десяти новых аббатств, в том числе на территории Венгрии и Хорватии. При этом, кроме властей Франции, монастырь пользовался благосклонностью правителей Священной империи из династии Штауфенов, особенно

[17] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 719.

[18] *Droba L.* Stosunki Leszka Bialego z Rusią i Węgrami. Krakow, 1881. S. 16; *Włodarski B.* Polityka ruska Leszka Bialego. S. 27; Historia dyplomacji polskiej. T. 1. Warszawa, 1982. S. 144–145; *Wyrozumski J., Gierowski J. A.* Historia Polski. T. I. Warszawa, 1988. S. 127; *Słupecki L. P.* Bitwa pod Zawichostem, 19 czerwca 1205 // Szkice zawichojskie / Pod red. T. Dunin-Wąsowicz i S. Tabaczyńskiego. Zawichost, 1999. S. 93; *Головко О. Б.* 1) Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII–початку XIII століття. Київ, 2001. С. 182; 2) Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 242. Впрочем, не исключено, что этим Владиславом мог быть и знаменитый галицкий боярин Володислав Кормильчич, враждебно относившийся к Роману (*Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. С. 86).

короля Филиппа Швабского и императора Фридриха II.[19]

Во время своего расцвета, пришедшегося на вторую половину XII–первую половину XIII вв., орден цистерцианцев по богатству и влиятельности занимал едва ли не первое место среди всех католических орденов. Настойчивая цистерцианская проповедь пуританской морали производила большое впечатление на современников, оказав значительное влияние на развитие системы образования и воспитания, а также на искусство и право. Орден развернул масштабное строительство, распространяя свое влияние через сеть собственных монастырей, и успешно занимался хозяйственной деятельностью. В начале XIII в. ему принадлежало уже около двух тысяч монастырей во Франции, Германии, Англии, Скандинавии, Испании, Италии, Венгрии и Греции.[20]

Ил. 29. Герб ордена цистерцианцев в средние века. Реконструкция Петра Яворского

Члены ордена были постоянными участниками церковных соборов и конгрегаций по всей Европе, что способствовало обмену между ними новостями и информацией о важнейших событиях не только церковной, но и политической жизни. Особенно это касается времен Четвертого Крестового похода, в организации и осуществлении которого орден играл весьма заметную роль.[21]

Прочные позиции орден имел в Германии: влияние идеологии цистерцианцев в конце XII–начале XIII вв. испытал даже имперский придворный церемониал.[22] Для нашего исследования имеет значение следующий факт. Одними из главных

---

[19] *Dimier A.* Trois-Fontaines abbaye cistercienne // Mémoires de la Société d'Agriculture, Commerce, Sciences et Arts de la Marne. T. 80. Châlons-sur-Marne, 1965; *Billot S.* Trois-Fontaines, fille aînée de Clairvaux: étude et édition du chartrier (1118–1231). Paris, 1997 (Thèse de l'Ecole nationale des Chartes); *Vilain G.* Trois-Fontaines, première fille de Clairvaux // Dossiers d'Archéologie. Nr. 234. 1998. Juin–juillet.

[20] *Lekai L.* Geschichte und Wirken der Weißen Mönche: der Orden der Cistercienser. Köln, 1958; *Pötschke D.* Geschichte und Recht der Zisterzienser. Berlin, 1997. См. также: *Sommerfeldt J. R.* Studies in medieval Cistercian history. Kalamazoo, Mich, 1976; Truth as gift: studies in medieval Cistercian history in honor of J. R. Sommerfeldt. Kalamazoo, Mich, 2004.

[21] *Brown E. A. R.* The Cistercians in the Latin Empire of Constantinople and Greece, 1204–1276 // Traditio. Institute of Research and Study in Medieval Canon Law. Vol. 14. New York, 1958; *Andrea A. J.* Cistercian Accounts of the Fourth Crusade Were They Anti-Venetian? // Analecta Cisterciensia. Vol. 43. Roma, 1987; *Richard J.* The Establishment of the Latin Church in the Empire of Constantinople (1204–1227) // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean After 1204 / Ed. B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. London, 1989. P. 52, 55, 60.

[22] *Staab F.* Reichszeremoniell und Zisterzienseraskese. Begegnungen auf dem Trifels unter Heinrich VI. und Philipp von Schwaben // Burg und Kirche zur Stauferzeit. Akten der 1. Landauer Staufertagung 1997 / Hrsg. von V. Herzner und J. Krüger. Regensburg, 2001. S. 31–46.

центров влияния ордена в немецких землях были Саксония и Брауншвейг.[23] Во время борьбы за власть Филиппа Штауфена с Оттоном IV эти земли составляли важнейший оплот Вельфов, и именно в Саксонию был направлен поход Романа Мстиславича.

Итак, саксонские цистерцианцы (как и орденская братия вообще) в силу своей вовлеченности в дела международной политики могли знать о враждебных намерениях в отношении Саксонии русского князя. Во всяком случае, не является случайным крайне негативное отношение к нему Хроники Альбрика — цистерцианца с берегов Марны, изображающего Романа как врага церкви (чего нет, кстати сказать, в польских источниках).

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые подвергают сомнению сообщение Хроники Альбрика о походе Романа Мстиславича на том основании, что оно «несет достаточно тенденциозную нагрузку». «Древнерусский князь, — замечает А. Б. Головко, — изображается в ней как "мнимый христианин", которому хронистом приписывается стремление совершить тягчайшее преступление — разрушение христианских храмов».[24]

Такой довод не учитывает политической направленности хроники, автором которой был цистерцианский монах, оценивавший события 1205 г. прежде всего с точки зрения Римской церкви, которая (в лице папы Иннокентия III) поддерживала тогда Вельфов. Таким образом, негативное отношение французского хрониста к личности Романа Мстиславича, действовавшего на стороне Штауфенов, свидетельствует скорее в пользу достоверности сообщения о его походе в Саксонию, ибо соответствует расстановке политических сил и взглядам участников событий того времени.

Что же касается обвинения Альбриком русского князя в намерении разрушить христианские церкви, то оно также не дает никаких оснований для сомнений в достоверности сообщения о походе в Саксонию.[25] Подобные обвинения из уст средневековых церковных писателей — не более как обычный чисто литературный прием, стилистический оборот, который, строго говоря, нельзя рассматривать как свидетельство о реальных исторических событиях. К таким средствам церковные авторы прибегали, изображая враждебные действия своих политических соперников.

В качестве примера приведем еще один из эпизодов борьбы Штауфенов с Вельфами, относящийся к 30-м гг. XII в. Во время противостояния со швабским

---

[23] О немецких опорных пунктах ордена и их общественно-политическом и культурном влиянии см.: *Winter F.* Die Zisterzienser des nordöstlichen Deutschlands. Aalen, 1966; *Knefelkamp U.* Zisterzienser. Berlin, 2001; *Eberl I.* Die Zisterzienser. Geschichte eines europäischen Ordens. Stuttgart, 2002; *Hauschild S.* Das Paradies auf Erden. Die Gärten der Zisterzienser, Ostfildern, 2007.

[24] *Головко О.* Русь і руські князівства на сторінках польських наративних джерел // Terra cossacorum: Студії з давньої і нової історії України: Наук. зб. на пошану професора Валерія Степанкова. Київ, 2007. С. 374.

[25] Подобные намерения Романа подтверждаются данными других источников и отвечают его враждебному отношению к католической церкви, проявившемуся после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г., см. об этом в главе 13 настоящей работы.

герцогом Фридрихом II (отцом будущего императора Фридриха I Барбароссы) немецкий король и впоследствии император Лотарь III (союзник Вельфов) с помощью чешских войск совершил нападение и разграбил город Аугсбург, признававший власть Фридриха II. В письме к бамбергскому епископу Оттону, датированном сентябрем 1132 г., аугсбургский епископ Герман, рисует действия короля и его союзников как антихристианский поступок, направленный исключительно против церкви:

> ...привел (король Лотарь. — *А. М.*) на церковь Христову врагов Христовых, людей бесчеловечных, язычников, а именно богемцев и половцев, именуемых в просторечии фальвами (Valwen), которые, как всем хорошо известно, есть и всегда были гонителями Христа и церкви.[26]

В действительности же речь шла лишь об обычной политической борьбе. Более нейтральный источник — Вышеградское продолжение Хроники Козьмы Пражского — представляет дело совсем в ином свете. Ничего не говоря ни о половцах, ни о каких-либо других язычниках, эта хроника сообщает о действиях чешского отряда, предоставленного князем Собеславом I королю Лотарю для сопровождения его в коронационном походе в Рим.[27] Таким образом, цель похода никоим образом не была связана с антицерковными мероприятиями; наоборот, своими действиями Лотарь и его союзники пытались тогда добиться благосклонности римского папы.

* * *

Во второй половине XII–начале XIII в. орден цистерцианцев проводил активную наступательную политику, направленную на Восток Европы. Пользуясь покровительством правителей Венгрии и Польши, чьи земли стали главной базой для дальнейшего продвижения на восток, цистерцианцы направили свою миссионерскую деятельность непосредственно в пределы Галицко-Волынской Руси.[28]

Крупнейшим центром влияния ордена в Польше был Краков, в окрестностях которого первый цистерцианский монастырь появился еще в 1140-х гг.[29] В Венгрии ордену покровительствовала королева Гертруда, жена Андрея II и мать

---

[26] CDERB / Ed. G. Friedrich. T. I. Pragae, 1904. P. 127.

[27] Canonici Wissegradensis continuatio Cosmae / Ed. R. Köpke // MGH. SS. T. IX. Hannoveriae, 1851. P. 138.

[28] *Dunin-Wasowicz T.* Projets missionnaires cisterciens dans la Rus' du sud-ouest aux XIIe–XIIIe siècle // HUS. Vol. XII–XIII. Cambridge, 1988–1989.

[29] О значении ордена цистерцианцев в истории средневековой Польши и соседних с ней стран см.: Historia i kultura cystersów w dawnej Polsce a ich europejskie związki / Red. J. Strzelczyk. Poznań, 1987; Cystersi w kulturze średniowiecznej Europy / Red. J. Strzelczyk. Poznań, 1992; Cystersi w społeczeństwie Europy Środkowej / Red. A. M. Wyrwa, J. Dobosz. Poznań, 2000; Cystersi na Pomorzu Wschodnim: wśród ciszy modlitwy i przestrzeni sztuki / Red. B. Świtała, D. A. Dekański, A. Słyszewska. Ząbki, 2005.

будущего «короля Галиции» Коломана. Последний, как и его жена Саломея (дочь малопольского князя Лешка Белого), также всячески способствовал цистерцианцам: при поддержке Коломана в 1223 г. на самой границе с Галичиной был основан новый цистерцианский монастырь вблизи города Спиша.[30]

В свое время Т. Мантейфель обратил внимание, что все цистерцианские монастыри в Малой Польше были основаны вдоль главных дорог, ведущих на восток и соединявших Малую Польшу с русскими землями.[31] Это, в частности, касается древнейшего и наиболее влиятельного польского цистерцианского монастыря в Енджееве под Краковом, основанном на древнем торговом пути, соединявшем столицу Малой Польши с Галицкой землей. Название *Енджеев*, по-видимому, происходит от названия древней монастырской церкви Св. апостола Андрея Первозванного, считавшегося христианским покровителем Руси. Такое название само по себе может свидетельствовать о наличии у основателей монастыря определенных экспансионистских планов в отношении Руси.[32]

То же самое следует сказать и о малопольских цистерцианских монастырях, созданных во второй половине XII в., — в Копшивнице, в Вонхоцке и в Сулееве. Монастырь в Копшивнице находился на средневековом пути, идущем вдоль Вислы и соединяющем Краков через Сандомир с Владимиром-Волынским и Киевом. Что касается монастыря в Вонхоцке, то он находился на пути, соединявшем Центральную Польшу с Юго-Западной Русью, шедшем вдоль долины Каменны через Опатов к бродам у Завихоста и Сандомира. Именно этим путем воспользовался для своего последнего похода Роман Мстиславич. Этим же путем впоследствии пользовались татары для своих набегов на Центральную Европу.[33]

Все созданные в XII в. цистерцианские монастыри Малой Польши имели общее происхождение. Все они были основаны приглашенными в Польшу французскими монахами, выходцами из одного монастыря. Таким монастырем, материнским для малопольских цистерцианцев, стало аббатство Моримон, располагавшееся на северо-востоке Франции.

Монастырь в Енджееве, возникший на месте торгового поселения Брежница близ Кракова, был основан в 1140 г. монахом Иоанном (Яном) из рода Грифитов, которому принадлежало селение Брежница. В 1149 г. в обитель прибыли монахи из Моримонского аббатства, после этого монастырь в Енджееве стали относить к моримонской ветви цистерцианцев, и он получил название Малый Моримон (Morimundus Minor). С 1218 г. (после оставления краковской епископской кафедры) и до своей смерти в 1223 г. в монастыре пребывал Винцентий Кадлубек и, возможно, именно здесь завершал свою Хронику.[34]

---

[30] *Slivka M.* Cisterciti na Slovensku // Archeologia Historica. Roč. 16. Brno, 1991. S. 101–102; *Procházková N.* Koloman Haličský na Spiši pred rokom 1241 // Terra Scepusiensis. Stav bádania o dejinách Spiša / Ved. red. R. Gładkiewicz, M. Homza. Levoča; Wrocław, 2003. S. 245.

[31] *Manteuffel T.* Papiestwo i cystersi ze szczególnym uwzględnieniem ich roli w Polsce na przełomie XII i XIII w. Warszawa, 1955. S. 73.

[32] Ibid. S. 71–74.

[33] *Dunin-Wasowicz T.* Projets missionnaires cisterciens dans la Rus' du sud-ouest... P. 537–538.

[34] *Wędzki A.* Jędrzejów // SSS. T. II, cz. 2.Wrocław etc., 1965.

Ил. 30. Руины библиотеки аббатства Моримон. Современный вид (департамент Верхняя Марна, Шампань-Арденны, Франция)

Выходцами из Моримона в 1170-е гг. были основаны еще три цистерцианских монастыря на малопольских землях — в Копрживнице, в Вонхоцке и в Сулееве. Аббатства в Копрживнице и в Вонхоцке были основаны по инициативе краковского епископа Гедеона (Гедко), последнее — в 1179 г., когда по его приглашению из Моримона прибыли монахи вместе с настоятелем.[35] Инициатором создания монастыря в Сулееве стал сандомирский (с 1173 г.) и краковский (1177–1194) князь Казимир II Справедливый, поддержанный великопольским князем Мешко III Старым, в 1173–1177 гг. занимавшим также краковский стол. В 1176 г. Казимир обратился к Генеральному капитулу ордена цистерцианцев с просьбой прислать монахов для нового монастыря. В 1177 г. по решению капитула в Сулеев прибыли монахи из Моримонского аббатства.[36]

Аббатство Моримон в XII–XIII вв. играло ведущую роль в истории ордена цистерцианцев. Свое название оно получило от лат. mori mundo — «умереть для мира», иллюстрируя идеал ухода от мирской жизни цистерцианских монахов. Моримон — одно из пяти аббатств, которое наряду с Сито, Лаферте, Понтиньи и Клерво составляло основу ордена: настоятели названных монастырей являлись членами Генерального капитула, управлявшего делами всего ордена. Моримонское аббатство располагалось в местечке Френуа-ан-Бассиньи

[35] *Wędzki A.* Wąchock // SSS. T. VI, cz. 2. Wrocław etc., 1980. См. также: Z dziejów opactwa cystersów w Wąchocku / Kieleckie Towarzystwo Naukowe, materiały sesji naukowej z 1991 r. Kielce, 1993.

[36] *Wędzki A.* Sulejów // SSS. T. V, cz. 2. Wrocław etc., 1975.

(Fresnoy-en-Bassigny), ныне входящем в департамент Верхняя Марна региона Шампань-Арденны во Франции.[37]

Нет ничего удивительного в том, что о вторжении в Малую Польшу летом 1205 г. войск галицко-волынского князя Романа Мстиславича и о его гибели в битве у Завихоста стало известно во французском цистерцианском монастыре Трех Источников. Этот монастырь, располагавшийся близ городка Шалон-сюр-Марн (Châlons-sur-Marne) на берегу той же р. Марны (правого притока Сены), был ближайшем соседом Моримонского аббатства. Шалон-сюр-Марн ныне носит название Шалон-ан-Шампань (Châlons-en-Champagne) и является административным центром департамента Марна региона Шампань-Арденны. Департаменты Марна (Marne) и Верхняя Марна (Haute-Marne) — два соседних административных округа, расположенных на северо-востоке современной Франции (их порядковые номера соответственно 51 и 52).

Можно быть уверенным в том, что сведения о последнем походе и гибели «короля Руси» Романа попали в Хронику Альбрика от моримонских цистерцианцев из Малой Польши. В непосредственной близости от места гибели русского князя, на дороге, ведущей к броду у Завихоста, располагался цистерцианский монастырь в Вонхоцке, населенный французскими монахами, прибывшими из Моримона. При таких обстоятельствах отвергать сообщение Хроники Альбрика как «экзотическую» выдумку можно только по недоразумению.

Остается последний вопрос: почему цистерцианским монахам о походе Романа 1205 г. было известно больше, чем польским хронистам и русским летописцам? Ведь последние ничего не знали о тайном намерении галицко-волынского князя идти через Польшу в Саксонию, которая, таким образом, являлась главной целью похода.

Нам представляется, что объяснение причин особой осведомленности цистерцианцев о тайных внешнеполитических планах Романа нужно искать на Руси и прежде всего в Галиче.

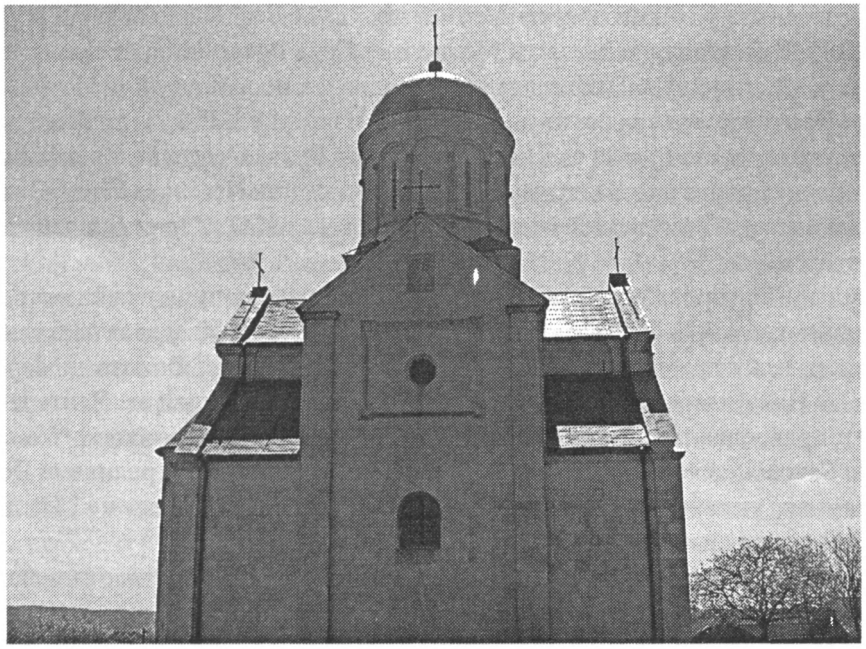
* * *

Древнейшим сохранившимся до нашего времени храмом Галича является церковь Св. Пантелеимона. Время возведения храма, впоследствии неоднократно перестраивавшегося, менявшего посвящение и переходившего в ведение различных церковных конфессий, обычно определяют в границах конца XII–начала XIII вв.[38]

---

[37] Подробнее об истории Моримонского аббатства и его дочерних монастырях см.: *Dubois L.* Histoire de l'abbaye de Morimond : diocèse de Langres, 4e fille de citeaux qui comptait dans sa filiation environ 700 monastères des Deux Sexes avec les principaux ordres militaires d'Espagne et de Portugal, ouvrage où l'on compare les merveilles de l'association cénobitique aux utopies socialistes de nos jours. Dijon; Paris, 1852. См. также: *Urbańczyk P.* Early christianity in central and east Europe. Warszawa, 1997. S. 391–401.

[38] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982 (САИ. Вып. Е1–47). С. 109–110; *Иоаннисян О. М.* Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство. Художественная культура X–первой половины XIII в. / Отв. ред. А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М., 1988. С. 50–52.



Ил. 31. Церковь Св. Пантелеимона древнего Галича. Конец XII–начало XIII вв. Современный вид (с. Шевченково, Галицкий район, Ивано-Франковская область, Украина)

Такому решению, как кажется, не противоречит содержание нескольких древних граффити, обнаруженных на стенах храма, прочтение которых вызвало немалые трудности у исследователей.[39]

В последнее время все чаще высказываются предположения, что инициатором строительства церкви был князь Роман Мстиславич; некоторые авторы полагают, что он даже был здесь похоронен.[40] На возможную связь с Романом указывает древнее посвящение церкви св. Пантелеимону, особо почитавшемуся в роду Мстиславичей.

Этот родовой культ возник еще в конце XI в., во время княжения Мстислава Владимировича (старшего сына Владимира Мономаха) в Новгороде. По преданию,

---

[39] *Рождественская Т. В.* 1) Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. С. 124–134; 2) Надписи-граффити XII–XIII вв. в памятниках зодчества Волыни и Галичины // Проблемы изучения древнерусского зодчества. По мат-лам архитектурно-археологических чтений, посвящ. памяти П. А. Раппопорта. СПб., 1996. С. 91; *Вуйцик В.* Графіті XII–XV ст. церкви св. Пантелеймона в Галичі // ЗНТШ. Т. CCXXXI. Львів, 1996. С. 191–192. См. также: *Иоаннисян О. М., Рождественская Т. В.* Надпись с именами Мстислава и Игната на стене церкви Св. Пантелеймона в Галиче в контексте политических событий конца XII в. // Архитектура и археология Древней Руси; Мат-лы науч. конф. к 100-летию со дня рождения М. К. Каргера. СПб., 2009 (Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLVI).

[40] *Томенчук Б.* Археологія некрополів Галича і Галицької землі. Одержавлення і християнізація. Івано-Франківськ, 2006. С. 44–46; *Головко О. Б.* Останній похід Романа Мстиславича у джерелах та історичній думці // УІЖ. 2009. № 4. С. 40.

тяжело раненному диким зверем Мстиславу явился св. Пантелеимон и обещал исцеление. В благодарность мать Мстислава Гида совершила щедрые пожертвования монастырю Св. Пантелеимона в Кельне, а исцелившийся Мстислав под именем Пантелеимона крестил своего сына Изяслава.[41] Изяслав также способствовал укреплению культа св. Пантелеимона на Руси, в честь которого построил в Новгороде церковь и монастырь.[42] Верный сторонник Изяслава Клим Смолятич был посвящен в сан киевского митрополита 27 июля 1147 г., то есть в день памяти св. Пантелеимона.[43]

Помимо Новгорода, культ св. Пантелеимона также получил распространение на Волыни, где в XII–XIII вв. княжили прямые потомки Изяслава Мстиславича. Например, известна церковь Св. Пантелеимона в Луцке.[44] Вплоть до середины XVII в. во Владимире-Волынском сохранялась частица мощей св. Пантелеимона. В 1639 г. православная шляхта требовала от владимирского униатского епископа Иосифа Баковецкого возвращения двух главных христианских реликвий Волыни, захваченных униатами, — древнего креста-реликвария с частицей Истинного Креста Господня и частицы главы св. Пантелеимона.[45]

Важнейшей особенностью церкви Св. Пантелеимона в Галиче, отличающей ее от всех древнерусских храмов домонгольского времени, является использование элементов раннеготической архитектуры Западной и Центральной Европы. Речь идет о применении в строительстве галицкой церкви сложных несущих опор, впервые появляющихся в европейском зодчестве на рубеже XII–XIII вв., когда романская архитектура постепенно сменяется готикой. Готические черты проявляются прежде всего в постройках, связанных с деятельностью ордена цистерцианцев. Указанные факты приводят современных исследователей к однозначному выводу:

> Истоки конструктивной системы церкви Пантелеймона, — пишет О. М. Иоаннисян, — следует искать в знакомстве ее зодчего с архитектурой цистерцианского ордена. Та уверенность, с которой цистерцианская конструкция была применена в классическом для древнерусского зодчества четырехстолпном храме (тип которого, несомненно, был обусловлен заказчиком), заставляет считать, что знакомство это не было пассивным и что зодчий Пантелеймоновской церкви сам вышел из круга мастеров, связанных с цистерцианским строительством.[46]

Исследователь оставляет без ответа вопрос о том, откуда именно мог прийти в Галич цистерцианский зодчий, поскольку ответить на него, опираясь только на

---

[41] См.: *Назаренко А. В.* Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // ОИ. 1993. № 2; *Кучкин В. А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999.

[42] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. С. 72.

[43] Подробнее см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 585–616.

[44] *Терський С.* Лучеськ X–XV ст. Львів, 2006. С. 99.

[45] АЮЗР. Ч. II, т. 1. Киев, 1861. С. 155.

[46] *Иоаннисян О. М.* Основные этапы развития галицкого зодчества. С. 52.

архитектурный материал, невозможно: «...монастырское строительство средневековой Европы менее всего обладало чертами каких-либо национальных школ, так как монашеские ордена были органами межнациональными, а их строительные артели, выполняя заказы ордена, могли переходить из одной страны в другую».[47]

Имеющиеся в нашем распоряжении исторические данные, как представляется, дают возможность ответить на поставленный вопрос более определенно.

По свидетельству Хроники магистра Винцентия Кадлубека, будущий галицко-волынский князь Роман Мстиславич провел детские годы и получил воспитание при дворе своего дяди, малопольского князя Казимира Справедливого. Рассказывая о войне между Мешко Старым и его племянниками, сыновьями Казимира, начавшейся вскоре после смерти последнего в 1194 г., Винцентий отмечает, что Роман принял сторону Казимировичей, так как слишком многим был обязан их отцу, у которого он воспитывался «почти с колыбели»:

> На помощь к малолетним (Казимировичам. — *А. М.*) со значительным числом русских приходит [исполненный] милостивого сострадания князь владимирский Роман. Ибо Роман помнил, сколько благодеяний сделал ему Казимир, у которого он почти с колыбели воспитывался, да и на княжество, которым он [Роман] правил, его посадил Казимир.[48]

Винцентий указывает на важный факт в биографии Романа Мстиславича, не нашедший отражения в русских летописях. Родившийся, вероятнее всего, в первой половине 1150-х гг.,[49] Роман еще ребенком был вывезен собственной матерью Агнешкой, дочерью польского князя Болеслава Кривоустого, на воспитание ко двору своего брата, малопольского князя Казимира Справедливого.[50]

В источниках не сохранилось сведений о времени прибытия и продолжительности пребывания Романа при дворе Казимира. Если исходить из того, что в 1168 г. юный Роман Мстиславич получил княжеский стол в Новгороде,[51] его пребывание в Польше можно отнести к началу 1160-х гг.

У нас нет данных о том, какой стол занимал в это время воспитатель Романа Казимир. Известно только, что в 1166–1173 гг. он княжил в небольшом малопольском городе Вислица на р. Ниде.[52] Возможно, к воспитанию племянника

---

[47] Там же.

[48] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: тексты, перевод, комментарий: М., 1990. С. 109.

[49] По мнению А. Б. Головко, Роман родился в 1152–начале 1153 г. (*Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII–початку XIII століття. Київ, 2001. С. 47–48). Д. Домбровский относит рождение Романа к концу 1155–1156 г. (*Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 259).

[50] *Щавелева Н. И.* Польки — жены русских князей (XI–середина XIII в.) // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 57.

[51] ПСРЛ. Т. II. Стб. 543.

[52] *Jasiński K.* Rodowód Piastów małopolskich i kujawskich. Poznań; Wrocław, 2001.

были причастны и другие его польские дядья — Болеслав Кудрявый и Мешко Старый. Важно подчеркнуть, что все они в равной степени были решительными сторонниками распространения влияния ордена цистерцианцев, в том числе и предлагаемой им системы образования и воспитания, понимаемой как инструмент миссионерской деятельности; названные князья, каждый со своей стороны, немало способствовали укоренению ордена на польских землях.[53]

Ревностным приверженцем цистерцианцев был также краковский епископ Гедеон (1166–1184). Он происходил из рыцарского рода Грифитов, основавших на своих землях первый в Польше цистерцианский монастырь в Енджееве. При активном содействии епископа в Малой Польше были основаны несколько новых монастырей цистерцианцев. Гедеон был к тому же верным сторонником Казимира Справедливого и помог ему в 1177 г. отнять краковский стол у Мешка Старого.[54]

Возможно, именно Гедеону было поручено руководить образованием и воспитанием юного племянника Казимира. Духовным наставником Романа в Польше мог быть и предшественник Гедеона на краковской кафедре Матфей (Мацей; 1143–1166) также являвшийся решительным сторонником цистерцианцев и даже состоявший в переписке с главой ордена Бернаром Клервоским, которого приглашал посетить Польшу.[55]

Как уже отмечалось, важнейшей целью польских цистерцианцев было дальнейшее миссионерское продвижение на восток, в том числе на земли Галицко-Волынской Руси. Именно в этой связи в середине — второй половине XII в. в Польше создавались новые цистерцианские монастыри.

Такой завет польским цистерцианцам дал сам Бернар Клервоский, которому орден обязан своим общеевропейским расцветом и в память о котором он получил второе название — орден бернардинцев. Будучи одним из высших духовных авторитетов Запада, чьи ученики занимали папский престол, в период подготовки Второго Крестового похода Бернар всерьез заинтересовался Польшей как базой для миссионерской деятельности в направлении сохранившей православие Руси. Сохранилось письмо к Бернару краковского епископа Матфея, писанное в ответ на обращение в Краков клервоского аббата. На вопрос последнего о возможности миссионерской деятельности на Руси, направляемой из польских земель, епископ Матфей приглашает будущего святого посетить Польшу, чтобы самому возвестить Слово Господа полякам, чехам и всем славянским странам, а также предпринять меры по возвращению в католическую веру «раскольников» из Руси.[56]

---

[53] *Kłoczowski J.* Die Zisterzienser in Klein-Polen und das Problem ihrer Tätigkeit als Missionäre und Seelsorger // Die Zisterzienser. Ordensleben zwischen Ideal und Wirklichkeit / Hrsg. von K. Elm. Köln, 1982.

[54] *Wójcik L. M.* Ród Gryfitów do końca XIII wieku. Pochodzenie — genealogia — rozsiedlenie // Historia. T. CVII. Wrocław, 1993. S. 31.

[55] *Kozłowska-Budkowa Z.* Mateusz, biskup krakowski // Polski Slownik Biograficzny. T. XX. Kraków, 1975.

[56] См.: *Plezia M.* List biskupa Mateusza do św. Bernarda // Prace z dziejów Polski feudalnoj ofiarowane R. Grodeckiemu. Warszawa, 1960; *Kürbis B.* Cystersi w kulturze polskiego średniowiecza. Trzy świadectwa z XII wieku // Historia i kultura Cystersów w dawnej Polsce...

Миссионерская деятельность польских цистерцианцев, направленная на русские земли, неуклонно продолжалась всю вторую половину XII–первую половину XIII вв., воплотившись на рубеже 1220–1230-х гг. в создание в малопольском городе Опатове Русского миссионерского епископства.[57]

Разумеется, что при подобных обстоятельствах появление при дворе малопольского князя юного русского князя, привезенного своей матерью для обучения и воспитания, было воспринято как благоприятный случай для воплощения миссионерских замыслов в отношении Руси. Сам Казимир, как и его братья, дядья Романа, будучи сторонниками цистерцианской идеи, несомненно, должны были способствовать воспитанию племянника в цистерцианском духе.

Можно предполагать, что уже с юных лет в окружении Романа Мстиславича постоянно находились какие-то представители ордена, пытавшиеся оказывать влияние на политику князя. Этими агентами влияния скорее всего были лица, связанные с малопольскими цистерцианцами, имеющие отношения к монастырям в Енджееве и Вонхоцке. Есть сведения о том, что именно эти два монастыри получили какие-то особые привилегии на Руси, в частности право проводить визитацию (ревизию имущества) некоего монастыря, «основанного князем Руси».[58] По мнению И. З. Мыцько, этим князем, вероятнее всего, был Роман Мстиславич.[59]

* * *

Вместе с тем, не выдерживает критики версия польского похода Романа 1205 г., приведенная Яном Длугошем, которая все еще имеет сторонников среди исследователей. Согласно Длугошу, галицко-волынский князь выдвинул свои претензии на Люблин и Люблинскую землю в ответ на неуплату польскими князьями Лешком и Конрадом денежной компенсации за военную помощь, которая была предоставлена им ранее. С большим войском Роман осадил Люблин, но, узнав, что Лешко и Конрад также собрали большое войско, снял осаду и пошел им навстречу, грабя и разоряя попутные города и села. Попытка польских князей через своих послов уладить дело мирно не имела успеха. Роман перешел Вислу в районе Сандомира и принял бой с поляками близ города Завихоста, в котором потерпел поражение и погиб.[60]

Рассказ Длугоша лег в основу многих исторических произведений XVI–XVIII вв. (Хроник М. Стрыйковского, М. Кромера и М. Бельского, Густынской

---

[57] *Dunin-Wasowicz T.* Projets missionnaires cisterciens dans la Rus' du sud-ouest...

[58] *Wyrwa A. M.* Stan i potrzeby badań archeologiczno-architekturnych klasztorów cysterskich w Polsce // Archeologia Historica Polona. T. 10. Toruń, 2000. S. 44.

[59] *Мицько І.* Новознайдені історичні джерела про церкви Галичини XII–XIII ст. // Давні обителі України: Тематичний зб. Вип. 13. Львів, [б. р.]. С. 30.

[60] См.: Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego. S. 239–244. Русский перевод см.: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 345–349.

Ил. 32. Валерий Эляш-Радзиковский (1841–1905). Графический портрет Яна Длугоша. 1889 г.

летописи и др.).[61] Эта же версия господствовала в научной литературе XIX–начала XX вв. [62]

Известие о том, что целью Романа в 1205 г. был захват польских территорий и в частности города Люблина принимается также некоторыми новейшими исследователями как основа для последующей реконструкции исторических событий того времени. В поддержку этого приводятся соображения, возникающие путем сравнения различных фактов внешней политики не столько самого Романа Мстиславича, сколько его сына Даниила и внука Льва в отношении Люблинской и Сандомирской земель.[63]

Однако версия Длугоша относительно причин Романова похода на Польшу ошибочна. Ранние польские и русские источники ничего не говорят о его материальных требованиях к польским князьям и об осаде русскими войсками Люблина.[64] Подобные сведения появляются лишь в источниках XV–XVI вв. — в хрониках Длугоша и его последователей. Все они утверждают, что в 1205 г. галицко-волынский князь потребовал от польских князей компенсации за оказанную им помощь в битве под Суходолом, которая, по логике изложения, должна была состояться раньше описываемых событий. В действительности же такая битва произошла 25 марта 1243 г., и в ней участвовал не Роман, а его сыновья, помогавшие малопольскому князю Болеславу Стыдливому против мазовецкого князя

---

[61] *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystskiéj Rusi. T. I. Warszawa, 1846. S. 211–214; Kronika Polska Marcina Kromera, biskupa Warminskiego. T. I. Sanok, 1857. S. 371–374; Kronika Marcina Bielskiego. T. I. Sanok, 1856. S. 232–235; ПСРЛ. Т. XL. СПб., 2003. С. 110.

[62] *Клеванов А.* История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XV века. М., 1849. С. 100; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 3 // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. II. М., 1988. С. 562; *Иванов П. А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. С. 158; *Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa A.* Ze studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII i XIII wieku // Ateneum Wieleńskie. T. XII. 1937. S. 20; *Пичета В.* Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. Москва 1940. С. 11; *Гуржій І.* Об'єднувач галицько-волинських земель // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVII ст.). Вип. 2. Київ, 2002. С. 410.

[63] *Пшик В.* 1) Про похід Романа Мстиславича на Польщу 1205 р. // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Львів, 1993. С. 97–98; 2) Трагедія під Завихостом 1205 року // Республіканець. 1993. № 3. С. 22–28; *Головко О. Б.* 1) Князь Роман Мстиславич та його доба. С. 181; 2) Русь і руські князівства на сторінках польських наративних джерел. С. 376.

[64] Rocznik kapitulny krakowski / Wyd. A. Bielowski // MPH. T. II. Lwów, 1872. P. 800–801; Kronika Boguchwala i Godyslawa Paska / Wyd. A. Bielowski // Ibid. P. 553; Kronika Wielkopolska / Wstep i komentarze opracowala B. Kürbisowna. Warszawa, 1965. S. 201. См. также: ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 425.

Конрада.[65] В ходе кампании следующего, 1244 г. русские войска действительно осаждали Люблин, о чем есть отдельное сообщение в хронике Длугоша.[66]

Исследованиями Г. Лябуды установлено, что польский хронист XV в. перепутал и механически соединил в один рассказ два совершенно разных эпизода, разделенные значительным промежутком времени, — поход Романа 1205 г. и поход его сына Даниила 1244 г.[67] Таким образом, ни битва под Суходолом, ни осада Люблина не могут иметь отношение к внешней политике Романа Мстиславича.[68] Поэтому более обоснованной следует признать позицию тех исследователей, которые отказываются от версии Длугоша, отдавая предпочтение сообщениям других источников.[69]

В то же время, при описании обстоятельств похода Романа в Польшу и битвы у Завихоста Длугош, как показывают исследования Г. Лябуды, опирался на утраченную ныне доминиканскую хронику XIII в., написанную, вероятно, Винцентием из Кельчи, и в этой части свидетельства Длугоша могут считаться исторически достоверными.[70]

* * *

Начало активных контактов Романа с властями Священной империи не случайно совпадает с появлением составленного этим князем проекта «доброго порядка» (датированного в «Истории Российской» В. Н. Татищева 1203 г.), вобравшего в себя основные идеи проекта Вельфов. Проект Вельфов привлекал русского князя своим политическим содержанием вне зависимости от его личных симпатий к Штауфенам. Тем более что в 1203 г. галицко-волынский князь, по-видимому, еще не принял окончательного решения о военном союзе с Филиппом.

Откуда у В. Н. Татищева могли появиться сведения о проекте Романа, столь точно передающие расклад политических сил и иные исторические реалии, имеющие отношение не только к Руси, но и к Священной империи?

Историк не мог не заметить близкого сходства предложений галицко-волынского князя с некоторыми политическими институтами империи, прежде всего

---

[65] Rocznik Traski. P. 838.

[66] Rocznik kapitulny krakowski. P. 804; Rocznik Traski. P. 838; Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego. Warszawa, 1973. Ks. 7–8. S. 57.

[67] *Labuda G.* Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w Rocznikach Królestwa Polskiego Jana Dlugosza. Próba rekonstrukcyi. Poznań, 1983. S. 34–35, 145, 148–149.

[68] *Myśliński K.* Problemy terytorialne w stosunkach między Polską i księstwem halicko-włodzimierskim w XIII wieku // Nihil superfluum esse. Prace z dziejów średniowiecza ofiarowane Pr. J. Krzyżaniakowej. Poznań, 2000. S. 231.

[69] *Włodarski B.* Polska i Rus. S. 25–30; *Labuda G.* Dwa zamachy stanu w Polsce (1177–1179, 1202–1206) // Sprawozdania Poznanskiego Towarzystwa Przyjacol Nauk. T. 82. 1971. S. 103–104; *Przybył M.* Władysław Łaskonogi, książe wielkopolski 1202–1231. Poznań, 1998. S. 64–65.

[70] *Labuda G.* Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku... S. 31–36. См. также: *Słupecki L. P.* Bitwa pod Zawichostem, 19 czerwca 1205. S. 95–98; *Ptak J.* Co Jan Długosz mógł wiedzieć o bitwie rozegranej w 1205 roku pod Zawichostem? // Ecclesia — cultura — potestas. Studia z dziejów kultury i społeczeństwa / Pod red. P. Krasa, A. Januszek, A. Nalewajek, W. Poląka. Kraków, 2006.

с институтом выборов короля путем голосования членов коллегии курфюрстов. В то же время, историк отметил, что число немецких курфюрстов не соответствует количеству старших князей, избирающих, согласно предложениям Романа, великого князя киевского. Однако, как мы видели, такое несоответствие говорит скорее в пользу достоверности Романова проекта, возникшего в период, когда коллегии курфюрстов с постоянным числом членов в империи еще не существовало и сама идея выборов короля в узком кругу старших князей только набирала политическую силу.

В. Н. Татищев, разумеется, не мог обладать необходимыми знаниями по данному вопросу, доступными современной науке. Отсюда сомнения историка насчет достоверности проекта Романа, касающиеся главным образом его содержания. Татищев, судя по всему, ничего не знал и о личных контактах галицко-волынского князя с властителями Священной империи и мог только догадываться о них, исходя из содержания проекта. Во всяком случае, в «Истории Российской» нет упоминаний о связях Романа с королем Филиппом Штауфеном или ландграфом Тюрингии Германом.

Насколько можно судить, данные западноевропейских источников о подобных связях галицко-волынского князя вообще достаточно поздно оказались в поле зрения историков. Так, на упоминание о «Романе, короле Руси» в синодике монастыря Св. Петра в Эрфурте первым обратил внимание Н. М. Карамзин, указавший на него в «Прибавлениях» к первому изданию «Истории государства Российского».[71] А сведения Хроники Альбрика о походе в Саксонию «короля Руси по имени Роман» как имеющие отношение к внешней политике галицко-волынского князя Романа Мстиславича впервые стали предметом изучения историков только в начале XX в.[72] (хотя сама хроника, как уже отмечалась, была известна значительно раньше: отдельными ее известиями, обработанными Г. З. Байером, пользовался и сам В. Н. Татищев[73]).

В своем объяснении причин похода 1205 г. и обстоятельств гибели Романа в битве с польскими князьями В. Н. Татищев придерживается в основном версии польского хрониста второй половины XVI в. Мацея Стрыйковского, дополнив ее сведениями русских летописей.

Вслед за Стрыйковским Татищев также говорит о неудовлетворенных материальных претензиях Романа к польским князьям, ставших причиной конфликта. Поход галицко-волынского князя также начинается с осады Люблина, сопровождается грабежами и разорением польских земель. Известия о приближении войск Лешка и Конрада заставляют Романа идти им навстречу к Сандомиру и переправляться через Вислу. Послы польских князей предложили уладить дело миром, на время переговоров было объявлено десятидневное перемирие.[74]

---

[71] *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1991. Т. II–III. С. 560, прим. 113.

[72] *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. S. 99–100; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. III. Київ, 1993. С. 507, примеч. 2.

[73] См.: *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. I. М., 1994. Т. I. С. 201.

[74] Там же. Т. III. М., 1995. С. 173, 174.

Ил. 33. Памятник погибшим в битве у Завихоста 19 июня 1205 г. Установлен 19 июня 2005 г. по инициативе и на средства гмины Завихоста. Скульптор Г. Домбровский (г. Завихост, Сандомирский повет, Свентокшиское воеводство, Польша)

Только в описании обстоятельств гибели Романа Татищев отступает от версии польских хроник, отдавая предпочтение сведениям русских летописей о том, что галицко-волынский князь погиб в результате внезапного нападения поляков, когда он с небольшой дружиной отправился на охоту.[75]

Зависимость рассказа В. Н. Татищева от хроники М. Стрыйковского проявилась в определении точной даты гибели Романа, отсутствующей в древнерусских источниках. Вслед за Стрыйковским Татищев указывает на 14 октября — день памяти святых Гервасия и Протасия.[76] 14 октября — действительно, день мученической кончины этих святых. Однако в большинстве календарей Западной церкви память о них отмечается не в день смерти, а в день обретения мощей, то есть 19 июня. Именно эта дата фигурирует в сообщении о гибели Романа в ранних польских рочниках и в хронике Я. Длугоша; в этот день справляли память о галицко-волынском князе и в монастыре Св. Петра в Эрфурте.[77]

Кроме того, вслед за Стрыйковским и Длугошем Татищев повторяет явно ошибочную версию причин похода Романа в Польшу. Полностью придерживаясь лишь этой версии, он был весьма далек от фактов, известных современной

[75] Там же. С. 174. Ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 425; Т. IX. М., 2000. С. 50; М., 2000. Т. XV. С. 302–303; Т. XXV. М., 2004. С. 104.

[76] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. III. С. 174.

[77] Rocznik Traski. P. 836; Kalendarz krakowski. P. 923; Rocznik malopolski. P. 162. *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 347. См. также: *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 263–264.

науке, почерпнутых в том числе из западноевропейских источников, не известных в первой половине XVIII в. Мы имеем в виду прежде всего сведения о непосредственных контактах Романа Мстиславича с властями Священной империи, которые могли бы навести Татищева на мысль о заимствовании русским князем идеи выборов великого князя из современной ему политической практики, складывающейся в германских землях.

Ни польские хроники, ни русские летописи, которыми пользовался В. Н. Татищев для воссоздания истории внешнеполитических отношений Романа, не содержат никакой информации о его контактах со Штауфенами, их союзниками или противниками. Едва ли Татищев мог также располагать специальными сведениями о происходивших в Священной империи во времена княжения Романа политических переменах, касающихся института выборов короля в ограниченном круге старших князей (будущих курфюрстов), число которых поначалу действительно равнялось шести (как и в проекте «доброго порядка» Романа Мстиславича).

Подобные сведения историк мог почерпнуть только из текста самого проекта, где прямо указывается на заимствование предлагаемых нововведений из практики других «добропорядочных» государств («как то в других добропорядочных государствах чинится»). Такая отсылка неизбежно ведет к сравнению предлагаемых русским князем мероприятий с особенностями политического строя Священной империи ввиду их исключительного своеобразия.

Но у Татищева не было и не могло быть сведений о столь широких горизонтах внешней политики Романа, его знания об отношениях галицко-волынского князя со странами Западной Европы ограничивались преимущественно эпизодами русско-польских отношений. Отсюда сомнения Татищева насчет достоверности проекта и нерешительность по поводу его включения в «Историю», произошедшего (в полном виде) только на последней стадии подготовки рукописи первой редакции.

Глава двенадцатая

РАССКАЗ О ПОСОЛЬСТВЕ РИМСКОГО ПАПЫ К РОМАНУ МСТИСЛАВИЧУ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И АТРИБУЦИЯ[1]

Рассказ о папском посольстве в оценках исследователей. — Ошибки в его атрибуции. — Сравнение текстов первой и второй редакций. — Особенности лексики и стилистики. — Термин *проторь* в восприятии новейших критиков Татищева. — Несостоятельность предположения об имитации Татищевым летописных известий с помощью «необычных» слов. — Совпадение грамматических форм термина *проторь* в «Истории Российской» и новгородских письменных памятниках

В «Истории Российской» В. Н. Татищева сохранилось еще одно уникальное известие, имеющее отношение к внешнеполитической деятельности Романа Мстиславича. Речь идет о помещенном под 1204 г. рассказе о прибытии к галицко-волынскому князю послов римского папы с предложением принять католичество и в награду за это получить королевский титул, которое было с негодованием отвергнуто Романом.

Это известие неизменно привлекает внимание исследователей. Впервые оно было опубликовано еще до публикации текста самой «Истории Российской» в виде редакционного дополнения к тексту так называемой Кенигсбергской летописи. В XVIII–XIX вв. таким названием пользовались при обозначении Радзивиловской летописи, до 1758 г. хранившейся в Кенигсберге, а затем в качестве военного трофея привезенной в Санкт-Петербург. В 1713 г. по приказу Петра I с нее была снята копия, которая и легла в основу первого печатного издания летописи, осуществленного И. С. Барковым и И. И. Таубертом в 1767 г. Это издание отличается множеством редакционных вмешательств в текст источника в виде его поновлений, сокращений и произвольных дополнений.[2] Одним из таких дополнений и стал рассказ

---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* Рассказ В. Н. Татищева о посольстве римского папы к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу: Происхождение и атрибуция // ВИД. Т. XXXI. СПб., 2010.

[2] *Шахматов А. А.* Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи // Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. Т. II. СПб., 1902. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи (ОЛДП. Т. 118). С. 12–14; *Лурье Я. С.* Предисловие // ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1989. С. 3.

Ил. 34. Б. А. Чориков (1802–1866). Ответ князя Романа на предложение папы Иннокентия III. Гравюра из серии «Живописный Карамзин, или Русская история в картинах». 1836 г.

о посольстве римского папы к князю Роману, извлеченный из «Истории Российской» В. Н. Татищева.[3]

Рассказ о папском посольстве к Роману и прениях с послами русского князя в целом не вызывает серьезных возражений у исследователей, оценивающих его достоверность. Это касается, в частности, и тех историков, кто был скептически настроен в отношении оригинальных известий Татищева. Н. М. Карамзин, к примеру, целиком и без каких-либо оговорок использовал интересующие нас татищевские сведения, изложив их в двух специальных разделах: «Посольство Папы к Роману» и «Ответ Романов».[4] Такой же подход к рассматриваемому известию можно видеть и во множестве других исторических исследований XIX–начала XX в.[5] М. С. Грушевский в свое время имел все основания сказать, что рассказ о посольстве папы к Роману повторяется в исторической литературе иногда даже en toutes lettres.[6]

Сам М. С. Грушевский оценивал этот сюжет более осторожно. Вопрос о Романовых отношениях с папой, по его мнению, «остается неясным».[7] Хотя рассказ об этом несет «выразительные следы Романовой легенды» и «позднейшей эмуляции с латинством», историк тем не менее признавал «правдоподобность самого факта посольства», указывая

[3] Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Ч. I. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. СПб., 1767. С. 299–300.

[4] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 415–416.

[5] *Зубрицкий Д. И.* История древнего Галичско-Русскаго княжества: В 3 ч. Ч. III. Львов, 1855. С. 30–31; *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига: В 2 т. Т. I. М., 1999. С. 353; *Петрушевич А. С.* Историческое известие о церкви св. Пантелеймона близ города Галича... Львов, 1881. С. 47; *Батюшков П. Н.* Холмская Русь. Исторические судьбы русскаго Забужья. СПб., 1887. С. 12; *Филевич И. П.* Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890. С. 122; *Жданов И. Н.* Песни о князе Романе // *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895. С. 430; *Иловайский Д. И.* История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 253.

[6] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 12, примеч. 1.

[7] Там же. С. 11.

при этом на необходимость «отделить от него его литературную обработку», полагая, что «начало ее восходит еще ко временам Даниила, как укор за его унию».[8]

К известию о посольстве папы к князю Роману постоянно обращаются историки церкви как в общих трудах, так и в специальных исследованиях, посвященных взаимоотношениям православия с католичеством и истории церковной унии на Западной Украине. В этих работах, написанных с самых разных методологических и идеологических позиций, преобладает доверительное отношение к факту посольства как соответствующему реалиям времени.[9]

Доверительное отношение к известию о посольстве преобладает и в работах новейших исследователей.[10] Несколько раз текст сообщения публиковался как аутентичное историческое свидетельство, восходящее к летописному источнику.[11] По мнению Н. Ф. Котляра, приведенный в «Истории Российской» Татищева «интересный рассказ» об отношениях Романа с папским престолом, «возможно, происходит из какого-то древнего, современного галицко-волынскому князю источника».[12]

Едва ли не единственным среди современных историков, кто отказывается признавать факт посольства папы к князю Роману, является А. П. Толочко. Заново проанализировав татищевский рассказ о нем, новейший автор склоняется к мысли, что этот рассказ, подобно сообщению о «конституционном

---

[8] Там же. С. 12, примеч. 1. Схожие суждения высказывал Б. Влодарский (*Włodarski B.* Polska i Rus. 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 24).

[9] *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. II. М., 1995. С. 416; *Pelesz J.* Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Bd. 1. Wien, 1878. S. 304–305; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. I, 1-я пол. М., 1997. С. 598, примеч. 1; *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. Lwów, 1904. S. 98; *Чубатий М.* 1) Західна Україна і Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії // ЗНТШ. Т. 123–124. Львів, 1917. С. 9–10; 2) Історія християнства на Руси-Україні (до р. 1353): В 5 т. Т. 1. Рим; Нью-Йорк, 1965. С. 245–246; *Winter E.* Byzanz und Rom in Kampf um die Ukraine. 955–1939. Leipzig, 1942. S. 32; *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. С. 136; *Свідерський Ю. Ю.* Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X–XIII ст. Київ, 1983. С. 78.

[10] *Толочко П. П.* 1) Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 156; 2) Київська Русь. Київ, 1996. С. 134; *Котляр М. Ф.* 1) Данило Галицький. Київ, 1979. С. 23; 2) Данило Галицький. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 52; *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII–початку XIII століття. Київ, 2001. С. 187–192; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 480; *Паславський І.* Коронація Данила Галицького в контексті політичних і церковних відносин XIII століття. Львів, 2003. С. 26–27; *Волощук М.* Вплив державотворчої діяльності князя Романа Мстиславича на еволюцію міжнародно-правового статусу Галицької та Волинської земель (кінець XII–початок XIII ст.) // Україна соборна: Зб. наук. ст. Вип. 2, ч. III. Київ, 2005. С. 24.

[11] Історія України в документах і матеріалах / Відп. ред. С. М. Білоусов. Т. 1: Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. Київ, 1939. С. 143; Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватікану та унії (X–початок XVII ст.): Зб. документів і мат-лів / Упор. Є. А. Гринів (та ін). № 7. Київ, 1988. С. 16.

[12] *Котляр М. Ф.* Данило Галицький. Біографічний нарис. С. 52.

проекте» 1203 г., был будто бы придуман самим Татищевым.[13] Впрочем, взгляды Толочко по данному вопросу не отличаются последовательностью: еще недавно он воспринимал известие о посольстве как достоверный исторический факт.[14]

* * *

Доверию исследователей, вероятно, способствовало то обстоятельство, что известие о переговорах князя Романа с послами папы впервые было опубликовано вместе с текстом Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи и внешне весьма походило на летописное сообщение. Кроме того, текст самой «Истории Российской» В. Н. Татищева, содержащий указанное известие, впервые был опубликован несколькими годами позже публикации Кенигсбергской летописи.[15] Причем оба названных известия текстуально отличались друг от друга, поскольку в первом случае рассказ о посольстве был заимствован из рукописи первой редакции «Истории Российской», составленной «древним наречием», а во втором случае — из рукописи второй редакции, содержавшей перевод на современный язык.

Именно в качестве известия, восходящего к тексту древнерусской летописи, рассказ о посольстве вплоть до настоящего времени воспринимают некоторые историки. К примеру, в одной из последних биографий князя Романа источником сведений о его взаимоотношениях с папой Иннокентием III названа некая «поздняя Кенигсбергская летопись, фрагмент которой приводит В. Н. Татищев».[16] Иногда в качестве источника Татищева указывается Воскресенская летопись.[17]

Все это — явные недоразумения. Никаких известий о посольстве папы к Роману Воскресенская летопись не содержит. Не существует и «поздней Кенигсбергской летописи». Кенигсбергская, или Радзивиловская, летопись, наоборот, относится к числу наиболее ранних из сохранившихся русских летописей,[18] и в ней также нет никаких упоминаний о контактах Романа с Римом.

На подобные ошибки в атрибуции источника, допускаемые некоторыми новейшими авторами, справедливо указывает А. П. Толочко.[19] Нельзя, однако,

---

[13] *Толочко А. П.* 1) Принимал ли Роман Мстиславович посольство папы Иннокентия III в 1204 г.? // Ruthenica. Т. II. Київ, 2003.; 2) «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 469–477.

[14] *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. Київ, 1998 (Україна крізь віки. Т. 4). С. 258.

[15] История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тритцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Кн. III. М., 1774. С. 344–345.

[16] *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. С. 188.

[17] Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватікану та унії. С. 16–17; *Паславський І.* Коронація Данила Галицького... С. 24; *Волощук М.* Вплив державотворчої діяльності князя Романа Мстиславича... С. 24.

[18] См.: *Лурье Я. С.* Летопись Радзивиловская // СККДР. Вып. I. Л., 1987. С. 248–251; *Клосс Б. М., Чернецов А. В.* Радзивилловская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 28–33.

[19] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 469–470.

признать справедливыми его упреки, высказанные по этому случаю в адрес сразу всех своих предшественников, будто бы проглядевших известие о посольстве в «Истории Российской» и при изучении его ссылавшихся не на Татищева, а на некий летописный текст, в действительности не существующий: несмотря на издание в 1774 г. третьей книги татищевской «Истории», замечает Толочко, «история папского посольства к Роману почему-то так и не была в ней отыскана» и «даже Карамзин, крайне недоверчиво относившийся к Татищеву, принимал известие за чистую монету».[20] Достается от Толочко и Грушевскому, обвиненному в незнании «истинного источника известия», а затем и в нежелании «доискиваться истины».[21]

Подобные утверждения не соответствуют действительности. О том, что текст сообщения о папском посольстве к Роману является вставкой, будучи заимствованным из «Истории Российской» В. Н. Татищева, прямо указывали издатели Кенигсбергской летописи в 1767 г.[22] Разумеется, что отыскать соответствующий текст в печатном издании «Истории Российской» для исследователей не составляло никакого труда: на него (по Миллеровскому изданию 1774 г.) ссылался, к примеру, митрополит Макарий в своей «Истории Русской Церкви».[23]

Н. М. Карамзин отнюдь не воспринимал рассказ о неудаче римских проповедников с Романом как сообщение Кенигсбергской летописи (саму эту летопись историк в данной связи даже не упоминает). «За чистую монету» Карамзин принял факт папского посольства ввиду его соответствия историческим реалиям эпохи понтификата Иннокентия III.[24] В таком же ключе оценивали достоверность этого известия М. С. Грушевский[25] и большинство современных историков.[26]

Е. Е. Голубинский ставил под сомнение известие о папском посольстве в Галич, так как в «Истории» Я. Длугоша он нашел упоминание о двух польских епископах, отправленных в 1205 г. послами к Роману; «может быть, отсюда и возникло известие о посольстве к нему папы», — предполагал историк.[27] Такое предположение, однако, нельзя признать убедительным. Как резонно заметил Б. Я. Рамм, если и согласиться, что послы были не из Рима, а из Польши, — это отнюдь не исключает возможности передачи ими папского предложения Роману.[28]

---

[20] Там же. С. 476.

[21] Там же. С. 471, 473, примеч. 178.

[22] Библиотека российская историческая... Ч. I. С. 299–301.

[23] *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. II. С. 416, 522, примеч. 381.

[24] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. С. 559, примеч. 112.

[25] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. С. 12.

[26] См., например: *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. С. 187–192; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі... С. 480; *Нагірний В. М.* З історії взаємин Галицько-Волинського князівства із римською курією на початку XIII ст. // Вісник Прикарпатського університету. Історія. Вип. 7. [Івано-Франківськ,] 2003.

[27] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. I, 1-я пол. С. 598, примеч. 1.

[28] *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. С. 136, примеч. 160.

Ил. 35. Н. В. Неврев (1830–1904). Роман Галицкий принимает послов папы Иннокентия III. 1875 г. Холст, масло. 136 × 178,5 см. Национальный художественный музей Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

* * *

Рассказ о папском посольстве к князю Роману представляет собой особое литературное произведение, повесть, как ее характеризовал М. С. Грушевский, относя к числу «позднейших литературных обработок темы о могущественном и грозном князе Романе».[29]

Собственно сюжет о переговорах с послами папы вписан в этом произведении в более традиционный для древнерусских летописей и польских хроник контекст русско-польских отношений, в частности отношений Романа с сандомирским, а затем и краковским князем Лешком Белым. Папские послы прибывают к Роману одновременно с послами Лешка, и переговоры между ними идут параллельно.

Этот рассказ читается в обеих редакциях «Истории Российской» В. Н. Татищева. Сопоставление текстов паказывает, что разница между ними носит сугубо редакционный характер:

Первая редакция	*Вторая редакция*
Роман Мстиславич, мстя ляхом неправды и свои раны, весне собрав войско галицкое и володимерское, иде к Сендомиру, два городы взя и много попустоша.	Роман Мстиславич, учиня в Руси по своей воли себе безопасность, намерялся поляком обиду и раны свои отмстить. Весною, собрав войска, владимирское, галицкое и других князей, пошел к Сендомиру и взял польских два города,

[29] *Грушевський М. С.* Історія української літератури: В 6 т., 9 кн. Т. III. Київ, 1993. С. 199.

Первая редакция	*Вторая редакция*
А слыша, иж Мешко умер, чая от братаничны королевы и сына ея Лешка приреченную ему за проторь получити, возпятився, не взяв мира. А слыша, иж Лешка на королевство не взяли, разгневався, иде паки к Сендомиру, нача более разоряти и села жещи. Ляхи же просиша Лешка, абы слал от себе просити Ярослава. Он же, не ведый льсти их, детск бо бе, посла от себе послы Романа просити. Таже и папа, слыша, иж Роман угре и ляхи победи и всю Русь под себе приведе, слал к нему свой посол намовляти в латинскую веру свою, обещевая ему городы и королем в Руси учинити. Роман же препирашеся от письма, а они не срамляся нелажаху ему лагодными словесы. Единою же молвящу послу тому к Романови, како папа мочный и может его богата, сильна и честна мечем Петровым устроити. Он же, изъяв меч свой, рече послу: «Такий ли то меч Петров у папы? Иж имат такий, то может городы давати, а яз доколе имам и при бедре не хочу куповати ино кровию, яко же отцы и деды наши размножили землю Рускую». Послом же Лешковым рек: «Идите и рцыте, яз не хощу землю ваю вредити, толе заплатите ми проторь, иж прирекоша. А не можете ли толико сребра воскоре собрати, дайте ми Люблин с землею, даже выплатите». И, отпустя послы тии, к Галичу иде.[30]	много земли опустошил. Но слыша, что Мешко умер, надеяся от братаничны королевы и сына ее Лешка обесчанное ему за убытки получить, (послал к ним о том говорить. А сам, не учиня обстоятельнаго мира, поворотился.) Но вскоре услыша, что поляки Лешка на королевство не приняли, разгневався, паки пошел к Сендомиру и стал более разорять и села жечь. Поляки, видя его свирепость и не могли инаго способа найти, просили Лешка, чтоб послал к Роману послов от себя. Он же, яко дитя будучи, не разумея коварства их и обмана, послал от себя послов к Роману просить. Папа римский, слыша, что Роман всю Русь под свою власть покорил, венгров победил и поляком, великое разорение учиня, страшен учинился, послал к нему посла своего склонять, чтоб принял закон папежский, учиня ему многии обесчании королем руским его учинить и обесчанные от поляк городы ему отдать. Роман имел с ними о том разговор, обличая папежские неправости от письма святаго и гистории. Но те без стыда того только требовали ласкательными представлении. Единою посол имел с Романом разговор, выславляя власть и силу папежскую и что он может Романа богата, сильна и честна мечем Петровым учинить. Роман, меч свой выняв, показал послу и спросил: «Такой ли меч Петров у папы? Если имеет такой, то может городы брать и другим давать, но противо закона Божия, понеже Петру такий меч иметь и воевать запретил Господь. А я имею мой, от бога данный, и доколе есть при бедре моей, не имею нужды иначей покупать, токмо кровию, как отцы наши и деды распространили и умножили землю Рускую». Послам же Лешковым ответствовал: «Объявите Лешку, что я не хочу более вреда наносить, токмо заплатите мне обесчанные убытки. И ежели сребра и злата столько не имеют, то б отдали мне Люблин с принадлежасчим к нему, доколе выплатят обесчанное». И отпустя послы, сам возвратился в Галич с немалым богатством.[31]

Переводя рассказ о посольстве с «древняго наречия» на современный язык, Татищев во второй редакции внес в первоначальный текст лишь несколько кратких пояснений, уточнений и дополнений, не меняющих содержания известия. Так, во второй редакции Роман идет воевать с поляками, «учиня в Руси по своей воли себе безопасность», и наряду с галицким и владимирским ведет с собой войска «других князей»; поляки начали переговоры с Романом, поскольку, «видя его свирепость», они «не могли инаго способа найти». Папа был наслышан, что Роман «поляком, великое разорение учиня, страшен учинился», и через своего посла предлагал галицкому князю «от поляк городы» (в первой редакции речь идет о городах вообще).

[30] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. IV. М., 1995. С. 331.

[31] Там же. Т. III. М., 1995. С. 173.

Во второй редакции Роман обличает «папежские неправости от письма святаго и гистории» (в первой редакции сказано кратко: «препирашеся от письма»), а также язвительно указывает папским послам, что «брать и другим давать» города мечом Петра «противо закона Божия, понеже Петру такий меч иметь и воевать запретил Господь». Наконец, в тексте второй редакции добавлено, что после переговоров Роман вернулся в Галич «с немалым богатством».

Есть и еще одно изменение, внесенное Татищевым в первоначальный текст в процессе его дальнейшей обработки. Во второй редакции исправлена явная ошибка, допущенная при переписывании Академической рукописи, где вместо князя Романа, к которому направляет своих послов Лешко, значится некий Ярослав: «Ляхи же просиша Лешка, абы слал от себе просити Ярослава». Это ошибочное чтение воспроизведено в первом печатном издании сообщения о папском посольстве (в виде дополнения к Кенигсбергской летописи)[32] и в его последующих переизданиях, в том числе в переводе на современный язык.[33] Данное обстоятельство затрудняло понимание содержания известия.

Ни в первой, ни во второй редакциях «Истории Российской» В. Н. Татищев не дает к сообщению о посольстве папы к Роману никаких комментариев в виде примечаний. Это, по-видимому, значит, что историк не находил в данном сообщении ничего такого, что требовало бы специальных пояснений, ни с точки зрения содержания, ни с точки зрения происхождения известия. Следовательно, источник, на который в данном случае опирался Татищев, не вызывал у него сомнений (как это было, например, в случае с «конституционным проектом» Романа), и его использование не требовало специального обоснования.

* * *

Для атрибуции известия о посольстве папы к галицко-волынскому князю имеют значение филологические наблюдения, сделанные исследователями по поводу лексики и стилистики рассказа о нем, переданного В. Н. Татищевым.

Как отмечает М. С. Грушевский, язык этого рассказа «имеет характер позднейший, украинско-белорусский XVI–XVII вв.». Доказательством служат характерные выражения, используемые в нем: «како папа мочный (в издании 1767 г. — *могний*)»; «Такий ли то меч Петров у папы?»; «Иж имат такий <...> не хочу куповати ино кровию».[34]

Что же касается сюжетной основы рассказа о папском предложении унии и решительном отказе от нее Романа, то, по мнению Грушевского, она сложилась еще в древности:

> Образ могущественного Романа мог быть использован для посрамления латинских умыслов против православнй веры еще во времена Даниловой унии с Римом. Образ

[32] Библиотека российская историческая... Ч. I. С. 300.

[33] *Грушевський М. С.* Історія української літератури. Т. III. С. 199.

[34] Там же. С. 200.

его отца, который кроме собственного меча не искал других средств расширения своих земель, должен был послужить укором Даниилу и его сторонникам, хотевшим унией украинской церкви купить помощь католических держав для обороны от Орды.[35]

В итоге Грушевский относит рассказ о переговорах Романа с папскими послами к группе «повестей неопределенного времени», обзор которых он помещает в разделе «Галицко-Волынская эпоха» своей многотомной «Истории украинской литературы». Несмотря на столь осторожную общую атрибуцию подобных произведений, историк все же устанавливает более конкретные хронологические границы их возможного появления: «В имеющихся ныне записях они могут происходить от XIV, XV и может даже первой половины XVI в.»; при этом «свою нынешнюю форму» указанные повести могли приобрести «не обязательно на Украине», но и за ее пределами.[36]

* * *

В тексте первой редакции «Истории Российской» в рассказе о посольстве обращает на себя внимания аутентичный древнерусский термин — *проторь*, дважды здесь употребляющийся: Роман хочет «приреченную ему за проторь получити» и требует от польских князей: «толе заплатите ми проторь». В обоих случаях Татищев переводит *проторь* как *убытки*.

Этот термин, известный в формах мужского (*проторъ*) и женского (*протора, проторь*) родов, встречается в основном в юридических и актовых источниках начиная с XII в., где он употребляется в значении, весьма близком к татищевскому переводу — *расход, издержки*, а также в более специальном значении — *налог, подать, побор*.[37]

Казалось бы, наличие в тексте рассматриваемого известия аутентичной терминологии должно свидетельствовать в пользу его достоверности. Однако именно этот термин, использованный Татищевым, стал для некоторых новейших критиков едва ли не главным «доказательством» подложности всего рассказа о папском посольстве.

По мнению А. П. Толочко, как и «некоторые другие редкие слова», слово *проторь*, «наверное, запомнилось Татищеву, и он использовал его для придания впечатления древности собственным текстам».[38] Недостаточное знание Татищевым норм древнерусского языка привело к тому, что в сочиненном им тексте слово *проторь* будто бы фигурирует в не свойственной ему грамматической форме:

---

[35] Там же.

[36] Там же. С. 196.

[37] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. II. М., 2003. Стб. 1597–1598; СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995. С. 265–267.

[38] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 472, примеч. 174.

именительный падеж женского рода «проторь» — *hapax* для этого времени, только из Татищева и известный (на самом деле «проторъ» мужского рода), — утверждает А. П. Толочко.[39]

Исследователь тут же себя опровергает, указывая на случаи употребления рассматриваемого термина в грамматических формах не только мужского, но и женского рода. «Форма женского рода известна только из Псковской I летописи (ПСРЛ 5, 1: 47, 78), — пишет Толочко. — Здесь, впрочем, слово употреблено в косвенных падежах («а всеи протори полтораста рублевъ»; «и псковичам быша много протореи»), из которых восстанавливается им. ед. ж. "проторь". Актовые источники знают преимущественно форму муж. («проторъ»), реже — женского («протора»), но в обоих случаях без палатализации».[40]

А. П. Толочко в данном случае ошибается. Именительный падеж женского рода *проторь* с палатализованным *-рь* на конце нельзя признать *hapax legomena*, известным только из Татищева, поскольку такая форма все-таки встречается в древнерусских текстах и встречается весьма часто.

Например, в Жалованной грамоте великого князя Василия Васильевича Троицкому монастырю от 2 июня 1425 г. сказано:

> ...моя великого князя не надобе им никоторая моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни города делати, ни иныи никоторые пошлины, ни розмет, ни помет, никоторая проторь.[41]

В Жалованной тарханно-несудимой грамоте Лжедмитрия I Успенскому собору Московского Кремля от 31 августа 1605 г. говорится:

> ...а учинитца у них людеи или у кр(е)стьянъ проторь какова или гибель въ их стаянье — и мы на тех людехъ ту гибель велимъ взяти вдвое без суда.[42]

Подобные примеры можно продолжить. В Приходо-расходных книгах Антониева Сийского монастыря XVI в. находим следующую запись, относящуюся к 1580 г.:

> Ездил Леванид старец <...> к Москве, издержал денег на подводы и себе на ежу, и под грамоты деньги давал, и на иную проторь семь рублев.[43]

По документам Лодомской и Куростровской волостей Двинской земли середины XVI в. известно об особом денежном сборе, взимавшемся с местных жителей

[39] Там же. С. 485.

[40] Там же. С. 485–486, примеч. 210.

[41] АСЭИ. Т. I. М., 1952. № 44. С. 49.

[42] Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XV–начало XVII вв. / Отв. ред. В. Д. Назаров. М., 1998. № 10. С. 31.

[43] Приходо-расходные книги Антониева Сийского монастыря // СПбИИ. НИА. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 99 об.

на покрытие расходов по строительству и ремонту наместничьих и тиунских дворов, именовавшимся «дворная проторь». Например, в 1548 г. лодмяне платят «в проторь дворную, и в приход к наместником и в ыныи протори».[44] Выражение *проторь* в форме единственного числа именительного падежа женского рода фиксируется не только в письменных памятниках, оно существовало и в устной речи. В XIX в. была записана старинная пословица: «Нашу проторь ни проесть, ни проспать».[45]

Столь же неубедительны попытки Толочко доказать подложность других известий «Истории Российской», в тексте которых употребляется термин «проторь». Прежде всего это относится к известию, содержащему дополнительные подробности похода Владимира Мономаха и Олега Святославича «к ляхом в помощь на чехи», будто бы сочиненому самим Татищевым.[46]

О русско-польском походе в Чехию хорошо известно по сообщениям древнерусских источников — «Повести временных лет» и Поучения Владимира Мономаха.[47] По мнению исследователей, поход мог состояться, вероятнее всего, осенью–зимой 1075–1076 гг.[48] Сведения Татищева значительно превышают сообщения древнерусских источников, дополняя их новыми подробностями.[49] Однако этот факт не вызывал у исследователей особых сомнений: дополнительные татищевские известия согласуются с показаниями западноевропейских источников о походе против саксов в Тюрингию, предпринятом в сентябре 1075 г. германским королем Генрихом IV совместно с чешским князем Вратиславом II, который внезапно был прерван, завершившись спешным отступлением в Чехию. Причиной тому, очевидно, стало тревожное известие об угрозе чешским тылам со стороны русско-польского войска.[50]

Толочко полагает, что Татищев «сконструировал свое повествование», добавив к известию Радзивиловской летописи, служившей ему основным списком в части «Повести временных лет», сведения, почерпнутые из сочинений европейских историков XVI в. (М. Бельского, А. Гваньини и В. Гагека) о конфликте польского князя Болеслава с чешским князем Вратиславом, завершившемся примирением сторон и возмещением чешским князем убытков польскому князю.[51]

---

[44] Акты Лодомской церкви Архангельской епархии // Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. III. СПб., 1908. Прил. (РИБ. Т. XXV). № XXXIV. См. также: *Носов Н. Е.* К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле XVI в. // Из истории феодальной России. Статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л., 1978. С. 67.

[45] *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 611.

[46] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 477–487.

[47] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 199, 247; Т. II. М., 1998. Стб. 190.

[48] См.: *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60–70-х годов XI века // СС. 1971. № 2. С. 33; *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X–первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 54.

[49] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. IV. С. 157; Т. II. С. 91.

[50] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 531–533.

[51] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 480–481.

По мысли Толочко, Татищев сам раскрывает источники своего вымысла, ссылаясь в примечании на сведения названных историков, произведения которых он использовал как дополнительные пособия. Причем в примечаниях Татищев критикует Бельского, Гваньини и Гагека за невнимание к русским летописям и незнание об участии в походе русских князей: «А о русских никоторой не упоминает, но обстоятельства их сказания довольно являют, что Несторово сказание вероятное».[52]

Выходит, что Татищев был настолько изощренным фальсификатором, что не только не прятал следы своей деятельности, но, наоборот, выставлял их напоказ. Проделать такой замысловатый трюк с источниками, как нам представляется, едва ли был способен историк первой половины XVIII в., подобное скорее могло прийти в голову его новейшему ниспровергателю и более соответствует стилю мышления и духу постмодерна.

Рассуждая по поводу аналогичного случая — рассказа о пленении поляками в 1122 г. перемышльского князя Володаря Ростиславича, содержащего детали, отсутствующие в польских хрониках (в котором, кстати сказать, также употребляется термин «проторь»), — П. С. Стефанович справедливо отмечает: «Татищев не скрывает своего знакомства с польскими хрониками и даже цитирует Стрыйковского в примечании параллельно своему повествованию в основной части. Если считать, что Татищев выдумал свое известие, сознательно "мистифицируя" читателя, то надо признать, что либо он был поразительно наивен, либо не менее поразительно хитер, так как, имитируя честную ссылку, на самом деле изощренным способом скрывал выдумку. Такая изощренность вообще кажется странной, но еще более странной она представляется ввиду других случаев, когда историк нисколько не стеснялся помещать текст, взятый, например, из того же Стрыйковского, в свое погодное повествование, не ссылаясь на источник и вообще не удосуживаясь никакими примечаниями».[53]

Еще раз термин *проторь* употребляется в первой редакции «Истории Российской» в речи Изяслава Мстиславича к русским епископам по поводу избрания нового митрополита, помещенной под 1147 г. Князь говорит о напрасных денежных выплатах, посылаемых русской церковью в Константинополь: «якоже и протори тще даемо».[54]

А. П. Толочко оценивает этот случай как очередной эпизод фальсификации источников: «Речь Изяслава явно сочинена Татищевым».[55] При этом исследователь ссылается на работу Е. М. Добрушкина, где будто бы доказывается факт фальсификации. На самом деле Добрушкин берет под сомнение лишь расширенный вариант речи Изяслава, представленный во второй редакции «Истории Российской», и устанавливает, что, «высказав первоначально свои мысли (по

[52] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. IV. С. 425, примеч. 210.

[53] *Стефанович П. С.* Володарь Перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // ДР. 2006. № 4 (26). С. 82.

[54] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. IV. С. 207.

[55] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 472, примеч. 174.

поводу содержания речи. — *А. М.*) только в примечании, Татищев при создании II редакции перенес их непосредственно в текст повествования без указания, кому принадлежат эти мысли».[56]

В таком же стиле оценивает Толочко татищевские сведения об обстоятельствах захвата Галича Мстиславом Мстиславичем в 1219 г. Здесь в тексте первой редакции «Истории Российской» еще раз встречается термин *проторь*: «...за проторь обещася платити 15 000 гривен угорских сребра».[57] Татищевский рассказ о событиях в Галиче, согласно Толочко, в целом «представляет собой пастиш из мотивов, встречающихся в сходном контексте в различных известиях Ипатьевской летописи».[58]

«Пастиш» в исполнении Татищева — предположение более чем смелое, но вполне типичное для манеры Толочко, с легкостью переносящего свойственные ему самому приемы мышления на своего героя. Выходит, что Татищев, живший на рубеже средневековья, безотчетно владел техникой «двойного кодирования» текста и «иронической пародии», то есть тем, что включает в себя понятие «пастиш», введенное современными теоретиками постмодерна.[59] На наш взгляд, применение к творчеству Татищева подобных категорий не корректно не только с исторической точки зрения, но и не соответствует жанру его сочинения, так как они предназначены прежде всего для анализа произведений искусства, в частности театрального.[60]

Говоря об элементах пародии в творчестве Татищева, может быть, Толочко полагает, что автор «Истории Российской» стремился не просвещать читателей знанием русской истории, а лишь развлекал публику забавными рассказами на мотивы из русских летописей. Не случайно при этом Толочко сравнивает приемы Татищева с творчеством поэта А. К. Толстого, писавшего свои стихотворения (в том числе сатирические) на сюжеты из русской истории.[61] Как нам кажется, задача подобного рода (может быть, и актуальная для авторов XIX–XX вв.) совершенно немыслима для Татищева, целью которого было выявить и собрать во многом еще никому не известные факты, представив их с максимальной полнотой и достоверностью.

* * *

Вернемся, однако, к рассмотренным случаям употребления термина *проторь* в известиях «Истории Российской». Большинство из этих известий находит прямые или косвенные параллели в других источниках — как русских, так

[56] *Добрушкин Е. М.* К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева // ИЗ. Т. 97. М., 1976. С. 225.

[57] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. IV. С. 360.

[58] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 472–473, примеч. 174.

[59] См.: *Jencks Ch.* What is postmodernism? London, 1986.

[60] См.: *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. Раздел «Постмодернистская ирония: "Пастиш"».

[61] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 476–477.

и иностранных. Подозрения, как мы видели, ложатся на них главным образом ввиду использования Татищевым будто бы нетипичного для Древней Руси термина, употребляемого к тому же в неправильной форме.

А. П. Толочко делает по этому поводу далеко идущий вывод о том, что в своей фальсификаторской деятельности вообще особое внимание Татищев уделял лексическим изысканиям, специально примечая древние и редкие слова для последующего использования в сочиненных им историях, стилизованных под летописные известия:

> Татищев, встретив редкое слово, истолковывал его по-своему и впоследствии в этом незасвидетельствованном древними текстами значении употреблял, сочиняя имитации летописных сообщений. Такого рода слова, по мнению историка, своей необычностью должны были указывать на архаику и тем самым удостоверять древность текста. Легко убедиться, что это был один из излюбленных аутентизационных приемов Татищева.[62]

Лингвистические открытия А. П. Толочко увлекли некоторых современных исследователей творчества Татищева. Так, для П. С. Стефановича выражение *проторь* в татищевских текстах стало некой «черной меткой», сигнализирующей о подделке. По словам Стефановича, Толочко «убедительно показал», что *проторь* «было своего рода "находкой" Татищева, который, раз где-то встретив его, затем неоднократно употреблял его совершенно произвольно и прежде всего в известиях, происхождением явно обязанных перу и воображению самого историка».[63]

Подобные утверждения не имеют ничего общего с действительностью. Выводы новейших авторов насчет «аутентизационных приемов» Татищева с использованием «редкого» и «необычного» термина *проторь* основаны на явном недоразумении.

Начнем с того, что выражение *проторь* (будь то в грамматической форме женского или мужского рода) никак нельзя признать редким и необычным; нет также никаких оснований считать, что это выражение стало какой-то «находкой» для Татищева. Наоборот, можно уверенно говорить, что данный термин относится к числу чрезвычайно часто употребляемых в древнерусском языке, зафиксированных во многих десятках памятников.[64] Он встречается не только в текстах актовых или юридических источников, но также и в летописях.[65]

---

[62] Там же. С. 493.

[63] *Стефанович П. С.* Володарь Перемышльский в плену у поляков... С. 83.

[64] См., например: ДДГ. М.; Л., 1950. С. 90, 93, 96, 99, 111, 113, 116, 128, 362, 365, 367, 369, 417, 419 и др.; АСЭИ. Т. I. М.; Л., 1952.С. 53, 137, 140, 152, 153, 156, 159, 166–167, 171, 176, 199, 201, 206, 207, 211, 215, 217, 220, 223, 231, 233, 234, 243, 249, 253, 282, 290–293, 301, 306, 308, 341, 371, 381, 391–394, 405, 407, 410, 445–446, 466, 470, 530, 550, 576–577 и др.; Т. III. М., 1964. С. 53, 59, 63, 77, 98, 114, 126 и др.; АФЗХ. Ч. III. М., 1961. С. 9, 11, 17, 18, 21, 25, 26, 34, 45, 48, 49, 55, 62, 63, 79, 87, 103, 112, 115, 129, 130–135, 137, 149, 171 и др.; АРГ. М., 1975. С. 83, 84, 98, 99, 103, 133, 142, 143, 146, 147, 189, 205, 249.

[65] См., например: ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 491; Т. V, вып. 1. М., 2000. С. 47, 78; Т. VI, вып. 1. М., 2000. Стб. 138; Т. X. М., 2000. С. 228; Т. XI. М., 2000. С. 8, 70; Т. XV, вып. 1. М., 2000. Стб. 84.

Более того, этот термин был в ходу и в XVIII–XIX вв. В обеих грамматических формах (мужского и женского рода) он отмечен в словаре русского языка В. И. Даля, причем в том же значении, что и у Татищева.[66] Выражение *заплатить проторы / протори* можно найти в произведениях классиков русской литературы.[67] Оно использовалось также в официальных документах Российской империи.[68] В форме множественного числа женского рода (*протори*) этот термин фиксируют и современные словари русского языка.[69]

Нечего и говорить, что слово «проторь» едва ли бы стало для Татищева «находкой», с помощью которой можно было одурачить читателя.[70] И в Древней Руси, и во времена Татищева, и даже в XIX в. это слово не было ни редким или каким-то необычным, ни архаичным.[71] Подобное могло прийти в голову разве что новейшим авторам, не слишком сведущим в истории языка.[72]

* * *

Автор «Истории Российской» так же широко пользовался выражением *проторь*, как им пользовались в Древней Руси. В первой редакции второй части мы находим около десяти подобных случаев, большинство из которых относятся к известиям конца XII–первой четверти XIII в.[73]

Единственно, в чем, вероятно, прав А. П. Толочко, — у Татищева *проторь* употребляется исключительно в формах женского рода (что более свойственно для языка XVIII–XIX в. и сохраняется в современном русском языке), тогда как

---

[66] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. III. М., 2001. С. 420.

[67] К примеру, в «Миргороде» Н. В. Гоголя находим строки: «...проторы, убытки велеть ему заплатить и по сему моему прошению решение учинить» (*Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. Т. II. М., 1994. С. 380); у Ф. М. Достоевского встречаем: «...поскакал в город, настрочил там просьбу и подал, прося суд присудить ему формальным образом землю, с вознаграждениями проторей и убытков» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. Л., 1972. С. 165); у М. Е. Салтыкова-Щедрина читаем: «Явились подьячие, стрикулисты, кляузники, которые, отменив заезжания, стали язвить посредством проторей и убытков» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. Т. IV. М., 1951. С. 227).

[68] Например, в ст. 19 Сан-Стефанского договора 1878 г. говорится о возмещаемых турецкой стороной «десяти миллионах рублей проторей и убытков русским подданным и учреждениям в Турции» (Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1952. С. 169).

[69] Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. Т. III. М., 1999.

[70] Слово «проторь» (как правило, в формах женского рода) весьма часто встречается в документах первой половины XVIII в., например в письмах и бумагах Петра I (см.: ПБПВ. Т. II. СПб., 1889. С. 196, 197, 343, 347; Т. XII, вып. 1. М., 1975. С. 33, 338, 393; Т. XIII, вып. 1. М., 1992. С. 78, 79), а также в частных юридических актах (см.: Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Т. IV. Архив А. П. Языкова. Симбирск, 1904. № 228, 232, 235, 250, 251).

[71] Как устаревшее, это слово определяется только в новейших словарях (Словарь русского языка. Т. III).

[72] О других подобных случаях «лингвистических» наскоков на Татищева см.: *Азбелев С. Н.* [Рец. на кн.:] *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия // Вест. СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. 2007. С. 257–258.

[73] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. IV. С. 157, 183, 207, 310, 319, 331, 360, 365.

в древнерусских памятниках преобладали формы мужского рода. Эта особенность, на наш взгляд, заслуживает внимания.

Составляя текст первой редакции «Истории Российской», Татищев, как известно, пользовался «древним наречием», то есть языком, специально стилизованным им самим под язык древнерусских памятников, прежде всего летописей. Насколько можно судить, единственной из известных ныне летописей, бывших в распоряжении Татищева, где встречается термин *проторъ*, является Никоновская летопись. Однако здесь этот термин употребляется только в формах мужского рода в известиях, относящихся к более позднему периоду (начиная с середины XIV в.).[74]

Вместе с тем, термины *проторь*, *протора* в грамматических формах женского рода, как уже отмечалось, встречаются в Псковских летописях и других памятниках, происходящих из древней Новгородской земли (двинские грамоты, книги Антониева Сийского монастыря и др.). К уже приведенным выше примерам можно добавить случаи употребления термина *протора* в значении *расход, издержки* в Псковской судной грамоте,[75] а также термина *проторь* в значении *платеж, налог* в Приходо-расходных книгах Тихвинского монастыря первой половины XVII в.,[76] в выписи из «обидных дел» об условиях торговли и убытках, понесенных псковскими торговыми людьми в шведских владениях, составленной в 1699 г. в Псковской приказной палате,[77] и др.

Весьма показательным примером в данной связи можно считать текст ст. 38 Пространной редакции Русской Правды о розыске челядина. Эта статья содержит норму об уплате протора лицом, признаваемым «конечным татем»:

> ...а кде будеть конечнии тать, то опять воротять челядина, а свои поиметь и протор тому же платити...[78]

В большинстве списков памятника термин *проторъ* фигурирует в формах мужского рода.[79] Исключение составляют списки, имеющие новгородское происхождение, где указанный термин употребляется в формах женского рода — *проторь* (в списках Новгородско-Софийского вида)[80] и *проторя* (в Комиссионном списке Новгородской Первой летописи).[81]

---

[74] ПСРЛ. Т. X. С. 228; Т. XI. С. 8, 70.

[75] Псковская судная грамота / Изд. Археографической комисссии. СПб., 1914. С. 21.

[76] Приходо-расходная книга Успенского Тихвинского монастыря 1623–1631 гг. // СПбИИ. НИА. Ф. 132. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 125.

[77] Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. документов / Сост. М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. М.; Л., 1960. С. 547.

[78] ПР. Т. I. М.; Л., 1940. С. 418–419.

[79] В списках Троицкого, Синодального, Рогожского, Мясниковского, Розенкамповского, Ферапонтовского видов Синодально-Троицкой группы (ПР. Т. I. С. 108, 126, 171, 190, 219, 250), Пушкинского вида Пушкинской группы (Там же. С. 285), Троицкого, Оболенско-Карамзинского и Музейского видов Карамзинской группы (Там же. С. 332, 350, 375).

[80] Там же. С. 153.

[81] Там же. С. 304. См. также: ПСРЛ. Т. III. С. 491.

Все сказанное наводит на мысль, что свои известия, относящиеся к Роману Мстиславичу и, в частности, сообщение о требовании им денег с польских князей и посольстве римского папы, Татищев мог составить на основании источника, происходившего из круга новгородских летописей. Такое же происхождение, как мы видели, имело известие о «конституционном» проекте Романа, помещенное в «Истории Российской» под предыдущим 1203 г.

Примечательно, что почти все татищевские известия конца XII–первой четверти XIII вв., где употребляется выражение *проторь*, непосредственно относятся либо к самому Новгороду, либо к правившим в нем князьям, оставившим по себе добрую память. Два известия (под 1195 и 1204 гг.) имеют отношение к Роману Мстиславичу и связаны с темой возмещения ему военных издержек польскими князьями.[82] Одно известие (под 1219 г.) касается новгородского Мстислава Удалого, решившего побороться за Галич с венграми.[83] Наконец, еще в одном известии (под 1225 г.) сообщается о том, как сами новгородцы зовут Ярослава Всеволодовича к себе на княжение, «обещав ему прежнюю проторь заплатити».[84]

[82] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. IV. С. 319, 331.
[83] Там же. С. 360.
[84] Там же. С. 365.

Глава тринадцатая

ПОСОЛЬСТВО ПАПЫ К ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОМУ КНЯЗЮ В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ИННОКЕНТИЯ III

Критерии верификации известия о папском посольстве. — Политика римской курии в отношении Галичины в первые десятилетия XIII в. — Приоритеты восточной политики Иннокентия III. — О причинах разрыва с Римом Романа Мстиславича и его вражде к «латинству»

Главным аргументом в пользу достоверности рассказа о посольстве римского папы к галицко-волынскому князю с предложением королевской короны в обмен на унию с Римом для исследователей было и остается соответствие описанного Татищевым события задачам и размаху внешнеполитической и миссионерской деятельности Римской церкви в период понтификата Иннокентия III, а также агрессивным устремлениям Рима в отношении Руси и православного мира вообще, активизировавшимся после взятия Константинополя крестоносцами и образования на территории Византии Латинской империи. По словам Б. Н. Флори, после падения Константинополя «римская курия должна была рано или поздно обратить внимание на Русь, как на одну из частей церковного наследства Византии».[1]

Важное значение при этом имели, безусловно, политическое мировоззрение и личные качества самого Иннокентия III. Еще Н. М. Карамзин отмечал:

> Иннокентий III, уподобляя власть духовную солнцу, а мирскую луне, ставил себя ниже одного Бога и гораздо выше Царей. Он любил жаловать в Короли: Армянский, Болгарский, Чешский были ему обязаны сим достоинством.[2]

Кроме того, Карамзин указывал на имевшие место еще до княжения Романа со стороны «ревностных проповедников Латинской Веры» попытки «отвратить наших предков от Восточной Церкви». Историк впервые опубликовал датируемое серединой XII в. письмо краковского епископа Матвея к Бернару Клервоскому,

---

[1] *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004. С. 121.

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 559, примеч. 112.

одному из виднейших представителей ордена цистерцианцев, с призывом направить свою миссионерскую деятельность на Русь.[3]

Точно так же оценивал достоверность рассказа о посольстве М. С. Грушевский, нисколько не сомневавшийся в том, что этот рассказ не имеет никаких параллелей с текстом Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи.[4] Вероятность факта посольства историк устанавливает исключительно ввиду его соответствия реалиям времени:

> Нужно признать, что правление современного Роману папы Иннокентия III, вообще очень деятельного и на раздавание королевских титулов щедрого, вполне соответствует этому известию о посольстве, к тому же недавнее завоевание латинниками Византии, открывавшее римской курии горизонты дальнейшего завоевания восточных схизматиков, и громкая слава Романа — все это обстоятельства, которые очень подходят для такого посольства к нему; но дальше правдоподобия идти не можем, не имея никаких документальных свидетельств об этом.[5]

Отсутствие документальных свидетельств о папском посольстве к Роману насторожило и Е. Е. Голубинского:

> ...это посольство пока для нас очень сомнительно: если бы оно было, то была бы написана папою грамота князю, которая должна бы была сохраниться, притом же по связи посольства с делами польскими о нем должны были бы говорить польские историки, которые, однако, совершенно молчат о нем.[6]

Однако отсутствие подтверждений факта переговоров послов Иннокентия III с галицко-волынским князем в виде специальной папской грамоты и тем более отсутствие упоминаний об этом событии в польских хрониках само по себе не может быть основанием для опровержения факта подобных переговоров. Далеко не все средневековые документы римской курии сохранились в ватиканских архивах. Об этом свидетельствуют сделанные в последние несколько десятилетий находки папских булл, не известных историкам XIX–начала XX в., имеющих отношение к странам Центральной и Восточной Европы — Польше, Венгрии, а также Руси.[7] Одна из них — датированное 1233 г. послание папы Григория IX доминиканцам, отправляющимся с миссией на Русь (или, по другой версии, к сарацинам), — была сравнительно недавно найдена в Львовском государственном историческом архиве.[8]

---

[3] Там же. С. 415, 559, примеч. 112. Текст письма см.: PL. T. CLXXXII. Paris, 1862. P. 230.

[4] Это обстоятельство М. С. Грушевский специально оговаривает в примечании: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 11, примеч. 5.

[5] Там же. С. 12.

[6] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. I, 1-я пол. М., 1995. С. 598, примеч. 1.

[7] См.: *Roscher H.* Papst Innocenz III. und die Kreuzzüge. Göttingen, 1969; Bullarium Poloniae: litteras apostolicas aliaque monumenta Poloniae Vaticana continens / Ed. et cur. I. Sulkowska-Kuras et S. Kuras. T. I–VII. Romae; Lublin, 1982–2006.

[8] Каталог пергаментних документів Центрального державного історичного архіву УРСР у Львові. 1233–1799 / Упор. О. А. Купчинський, Е. Й. Ружицький. Київ, 1972. С. 25.

Сохранились и известны историкам далеко не все папские буллы, имеющие отношение к важнейшим событиям восточной политики Рима первых десятилетий XIII в. Например, не найдено ни одного папского документа, подтверждающего факт коронации в 1217 (или в начале 1218) г. великого жупана Стефана Неманича, первым из сербских правителей принявшего королевский титул: об этом известно только по свидетельствам Фомы Сплитского, а также венецианского хрониста XIV в. Андреа Дандоло.[9]

Не сохранилось и папских грамот, подтверждающих факт коронации в Галиче венгерского королевича Коломана, устанавливаемый исключительно по косвенным данным и позднейшим свидетельствам, — ввиду этого остаются не ясными многие обстоятельства самой коронации, не известна и ее точная дата (подробнее см. в следующем разделе настоящей главы). Добавим к этому, что и о коронации Даниила Галицкого в 1253 г. известно только из сообщения Галицко-Волынской летописи.[10]

Таким образом, как и во времена Н. М. Карамзина, основным критерием достоверности известия о неудавшейся попытке обращения в католичество Романа Мстиславича по-прежнему остается его соответствие историческим реалиям своего времени и прежде всего характеру и масштабам внешнеполитической и миссионерской деятельности Иннокентия III.

* * *

Не подлежит сомнению настойчивое стремление Иннокентия III распространить власть Римской церкви на земли православных государств Европы и, в том числе, Руси. Этому способствовало признание власти папы значительной частью греческих иерархов: после смерти константинопольского патриарха Иоанна летом 1206 г. греческое духовенство по собственному почину обратилось к папе за разрешением избрать нового патриарха.[11]

В этой обстановке 7 октября 1207 г. последовало специальное обращение папы Иннокентия III к духовенству и народу Руси, переданное через не названного в этом письме по имени кардинала-пресвитера (в папской булле значатся только его инициал «G» и титул «tituli S. Vitalis»), которого исследователи отождествляют с кардиналом Сан Витали Григорием, отправленным папским легатом в Венгрию.[12] Ссылаясь на то, что «почти вся Греческая империя и Греческая церковь» подчинились папскому престолу и «смиренно принимают его предписания» и что «часть не может отделяться от целого», папа предлагал принять

---

[9] *Thomas, archidiaconus.* Historia Salonitana / Ed. F. Rački // MSHSM. SS. III. Vol. XXVI. Zagreb, 1894. P. 91; *Andreas Dandolus.* Chronica per extensum descripta aa. 46–1280 d. C. / Ed. L. A. Muratori // RIS. T. XII, vol. 1. Bologna, 1938. P. 287.

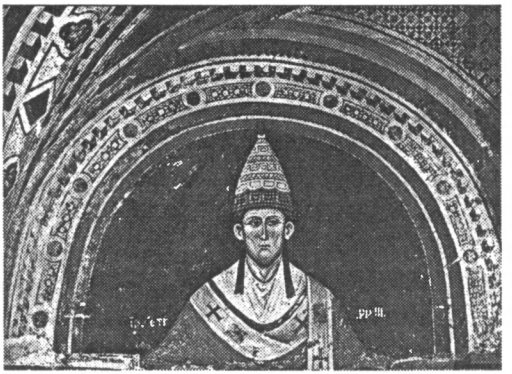
[10] ПСРЛ. Т. II. Стб. 827.

[11] *Gill I.* Byzantium and the papacy. 1198–1400. New Jersey, 1979. P. 32–34.

[12] *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. I. Lwów, 1904. S. 101; *Zimmermann H.* Die päpstliche Legation in der ersten Hälfte des 13. Jh. Paderborn, 1913. S. 204, 208.

его легата, которому даны все необходимые полномочия, чтобы «привести дочь к матери» и «часть тела к его главе».[13]

Чем закончилась миссия кардинала Григория, не известно. Но папа не оставил попыток утвердить власть Римской церкви на Руси. Предметом его особого интереса была Галичина, которую Рим явно выделял среди прочих русских земель. Во время понтификата Иннокентия III было предпринято несколько попыток установить власть католической церкви именно в Галиче.



Ил. 36. Папа Иннокентий III. Фрагмент фрески из Нижней церкви монастыря Сакро Спесо. XIII в. (Субиако, провинция Рима, Италия)

Не найдя поддержки среди русских князей, папа сделал ставку на венгерских правителей, имевших собственные виды на Галич. Не случайно начиная с 1206 г. Галич и Владимир были включены в официальный титул венгерского короля («Rex Galiciae et Lodomeriae», «Galitiae Lodomeriaeqae Rex» и т. п.),[14] а еще в 1205 г. (вскоре после гибели Романа Мстиславича) в Галич был направлен большой венгерский гарнизон под командованием палатина Мога.[15]

Условием получения королевского титула (предоставление которого было одной из прерогатив Рима) являлось, разумеется, признание протектората Римской церкви. В качестве новоиспеченного «короля Галиции» венгерский король Андрей (Эндре) II при первом же удобном случае приступил к обращению в католичество своих новых подданных в Галиче, исполняя тем самым обязательства перед папой. Осенью 1210 г. венгерские войска силой захватили Галич, и король Андрей стал править в нем через своего наместника — трансильванского воеводу Бенедикта Бора. О попытке насильственного подчинения галичан Римской церкви можно судить по свидетельству русского летописца о грубых притеснениях, чинимых православным попам и их женам по приказу Бенедикта, названного в летописи «антихрестом».[16]

У исследователей не вызывает сомнений свидетельство древнерусского источника. Окцидентализация населения Галичины вообще была одной из главных целей политики Андрея II.[17] Можно согласиться с предположением о том, что венгерские

---

[13] HRM. T. I. Petropoli, 1841. Nr. 3.

[14] CDH. T. III, vol. 1. Budae, 1829. P. 31–32, 57. См.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 242.

[15] CDH. T. III, vol. 1. P. 32; ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 717.

[16] ПСРЛ. Т. II. Стб. 721–722.

[17] *Дашкевич Н.* Первая уния юго-западной Руси с католичеством. Киев, 1884. С. 2; *Мурковский К.* Даниил Романович Галицкий в сношениях с Римом. Киев, 1898. С. 2–3; *Пашуто В. Т.* О политике папской курии на Руси (XIII век) // ВИ. 1949. № 5. С. 59; *Winter E.* Russland und das Papsttum. Bd. 1. Berlin, 1960. S. 83–84; *Чубатий М.* Історія християнства на Руси-Україні (до р. 1353): В 5 т. Т. 1. Рим; Нью-Йорк, 1965. С. 578–580; Історія християнської Церкви на Україні / Відп. ред. О. С. Онищенко.

войска сопровождали католические миссионеры.[18] В последнее время обнаружены многочисленные археологические подтверждения активной миссионерской деятельности Римской церкви на территории древнего Галича, относящиеся к началу XIII в.[19]

В 1214 г., после нового захвата венграми власти в Галиче, галицкая епархия была полностью подчинена Римской церкви. Галицко-Волынская летопись (Летописец Даниила Галицкого) обходит этот факт молчанием. О случившемся узнаем из сообщений других источников. В Московском летописном своде конца XV в. читаем:

> Король Угорьскыи посади сына своего в Галичи, а епископа и попы изгна из церкви, а свое попы приведе Латиньскые на службу.[20]

Это известие повторяется и в ряде других летописей.[21] Как устанавливает А. Н. Насонов, оно восходит к летописному своду, составленному при дворе великого князя владимирского Юрия Всеволодовича.[22] Исходя из этого, можно заключить, что агрессивные действия римской курии в отношении Галича вызвали широкий резонанс на Руси.

Сохранились также два послания венгерского короля Андрея II, адресованные папе Иннокентию III. В первом письме, отправленном, вероятно, осенью 1214 г., король извещает о том, что «вельможи (principes) и народ Галиции» просят сделать своим новым королем его сына Коломана (Кальмана), желая быть «в единстве со Святой Римской церковью», и просит со своей стороны, чтобы папа предоставил архиепископу эстергомскому Иоанну необходимые полномочия для коронования Коломана.[23] Этот документ давно известен исследователям и не раз публиковался еще в XVII–XIX вв.[24] Однако никаких документальных свидетельств о реакции папы на просьбу короля до сих пор не найдено.

О том, что просьба Андрея II была удовлетворена, явствует лишь из его нового письма к Иннокентию III, сравнительно поздно попавшего в поле зрения исследователей.[25] В этом письме Андрей II сообщил, что против его сына, нового

Київ, 1991. С. 22; *Prochásková N.* Postavenie haličkého kráľa a slavónskeho kniežaťa Kolomana z rodu Arpádovcov v uhorskej vnútornej a zahraničnej politike prvej polovici 13. storočia // Medea — Studia MEDiaevalia Et Antiqua / Red. rada M. Demko. T. 2. 1998. S. 64–75; *Волощук М. М.* Венгерское присутствие в Галиции в 1214–1219 годах // ВИ. 2005. № 12. С. 100–102.

[18] *Чубатий М.* Західна Україна і Рим у XIII ст. … С. 14; *Свідерський Ю. Ю.* Боротьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії… С. 81.

[19] См.: *Томенчук Б. П.* 1) Прицерковні кладовища княжого Галича // Галич і Галицька земля. Київ; Галич, 1998. С. 131; 2) Давній Галич в історії Церкви (XII — поч. XVII ст.) // Вісник Прикарпатського університету. Історія. Вип. 3. 2000. С. 7–8.

[20] ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 110.

[21] Там же. Т. VII. М., 2000. С. 119; Т. XXIV. М., 2000. С. 87; Т. XXXIV. М., 1978. С. 82.

[22] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI–начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 212–213.

[23] Szent Istvántől Mochácsig. Források a középkori Magyarországról / Szer. L. Blazovics. Szeged, 1994. O. 89–90.

[24] *Raynaldo O.* Annales ecclesiastici ab anno 1198 ubi desinit cardinalis Baronius / Ed. J. D. Mansi. T. XIII. Lucae, 1747. P. 236; CDH. T. III, vol. 1. P. 163; VMH. T. I. Romae, 1859. Nr. 1. P. 1.

[25] CDA. T. VI. Pest, 1867. P. 227. См.: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. С. 33, примеч. 3.

галицкого короля Коломана, начался мятеж и просил папу побудить малопольского князя Лешка Белого выступить с войсками для его подавления, обещая, что после умиротворения галичан он сам поможет доставить русских епископов (вероятно, галицкого и перемышльского) на собор Римской церкви, а присланного за ними папского легата отослал обратно ни с чем.[26] Речь в письме шла, несомненно, о IV Латеранском соборе, открытие которого было назначено на 1 ноября 1215 г. Даже без участия русских епископов собор, по некоторым данным, принял решение о переходе населения Галичины под протекторат Римской церкви.[27]

По-видимому, коронация Коломана в Галиче состоялась на рубеже 1214–1215 гг.[28] Ранее о ней было известно только по сообщениям польских историков XV–XVI вв., подчеркивавших, что обряд был совершен польскими священниками во главе с краковским епископом Винцентием Кадлубком.[29] Однако из второго письма венгерского короля к папе следует, что предназначенная для Коломана корона прибыла только с папским легатом, уполномоченным доставить русских епископов на Латеранский собор. Андрей II остался недоволен этим венцом и просил папу прислать другой, сделанный из золота.[30]

* * *

Общий анализ политики Иннокентия III в Восточной и Юго-Восточной Европе в конце XII–начале XIII вв. также подтверждает возможность контактов папы с галицко-волынским князем Романом Мстиславичем. Одним из важных приоритетов этой политики было распространение церковной юрисдикции Рима путем своего рода сделки с правителями некатолических государств, стремившихся к укреплению своего международного авторитета: в обмен на признание власти Римской церкви папа предоставлял таким правителям королевский титул, признаваемый во всем христианском мире.

Политическое ослабление Византии в конце XII в. способствовало сближению с Римом некоторых правителей балканских государств и, в частности, Сербии. Сохранилось несколько документов, относящихся к 1199–1204 гг., свидетельствующих о контактах папы Иннокентия III с правителем Зеты Вуканом Неманичем, а также с его младшим братом, великим жупаном Сербии Стефаном, выразившим готовность в обмен на королевский титул признать церковную власть Рима.[31]

---

[26] MPV. T. III. Cracoviae, 1914. Nr. 3. Подробнее см.: *Włodarski B.* Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925. S. 295–299.

[27] *Чубатий М.* Західна Україна і Рим у XIII ст. ... С. 22–24.

[28] Датировка коронации вызывает разногласия у исследователей, см.: *Kállay U.* Mirok koronázták meg Kálmánt Halics felkent királyát, a pápától küldött koronával // Századok. Budapest, 1903. Évf. 37; *Prochásková N.* Postavenie haličkého kráľa a slavónskeho kniežaťa Kolomana...

[29] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI): текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 353; Kronika Polska Marcina Kromera, biskupa Warminskiego: W 3 t. T. 1. Sánok, 1857. S. 376–377.

[30] MPV. T. III. Nr. 3.

[31] VMSM. Romae, 1863. Nr. 9, 11, 57. Подробнее см.: *Станојевић Ст.* Борба за самосталност католичке цркве у Неманьиској држави. Београд, 1912. С. 78 и сл.

Ил. 37. Сербский царь Стефан Неманич Первовенчанный. Фреска из Собора Вознесения Христова Милешевского монастыря. Первая половина XIII в. (Милешева, округ Златибор, Сербия)

В дело вмешался ревностный сторонник Римской церкви венгерский король Имре I, пытавшийся с помощью папы установить свой протекторат над славянскими государствами Юго-Восточной Европы, включая Сербию и Болгарию. Имре вступил в сговор с братом Стефана Вуканом, уже носившим королевский титул прежних правителей Зеты и стремившимся стать единоличным правителем всей Сербии. В 1202 г. с помощью венгров Вукан совершил переворот в Рашке, принудил Стєфана бежать. На деле это означало установление верховной власти над Сербией Венгерского королевства: Имре I добавил к своему титулу титул короля Сербии («rex Rasciae»), который затем носили все венгерские короли вплоть до 1918 г.[32]

Провенгерский режим Вукана и меры по распространению католичества вскоре вызвали широкий протест в сербском обществе. Этим воспользовались сторонники свергнутого Стефана из числа сербской православной знати и духовенства. С помощью болгарского правителя Ивана Калояна в 1204 г. Стефану Неманичу удалось вернуть власть над Сербией, после чего контакты с Римом правителей Рашки на некоторое время прекратились.[33]

В январе 1200 г. по инициативе курии начались контакты папы Иннокентия III с болгарским царем Иваном Калояном. Ведя переговоры с Римом, Калоян преследовал исключительно политические цели, добиваясь для себя императорского титула, а для главы болгарской церкви — тырновского архиепископа Василия — титула патриарха.[34]

После взятия крестоносцами Константинополя переговоры активизировались, и между сторонами был достигнут компромисс: Калоян согласился на титул короля, а Василий — примаса. В ноябре 1204 г. в болгарской столице состоялся обряд коронации Калояна, проведенный папским легатом кардиналом Санта Кроче

[32] *Јиречек К.* Историја Срба. Кн. I. Београд, 1952. С. 164 и сл.

[33] См.: *Сречковић П. С.* Историја српскога народа. Кн. I. Београд, 1884. С. 408–411; *Ружичић Н.* Историја српске цркве. Т. II. Загреб, 1895. С. 45–51; *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв.: динамика социальной и политической системы сербского феодализма. М., 1975. С. 189, 194 и др.; *Благојевић М., Попов Ч.* (и др.). Историја српске државности. Кн. I. Нови Сад, 2000. С. 123–126;

[34] Ход переговоров отражен в обширной переписке Иннокентия III с Калояном, в которой также принимал участие архиепископ Василий. См.: Латински извори за българската история. Т. III. София, 1965. С. 309–335 и др.

Львом. Болгарская церковь признала верховную юрисдикцию Рима, получившего право утверждения епископов.[35]

Миссионерская деятельность Римской церкви в начале XIII в. все далее продвигалась на восток. Об этом свидетельствуют, в частности, попытки распространения христианства среди кочевников южнорусских степей и создания половецкого епископства.[36] Особой страницей в истории восточной политики Римской церкви является христианизация народов Прибалтики: в начале XIII в. здесь были созданы Рижское епископство и орден меченосцев, деятельность которого вызвала вооруженный отпор местного населения и в скором времени привела к открытому противостоянию с Русью.[37]

Папские эмиссары достигли даже далекой от Рима Армении. В январе 1198 г. был коронован правитель Киликии Левон II, признавший унию с Римом. Это событие произошло всего за несколько дней до избрания Иннокентия III, который затем настойчиво добивался неукоснительного исполнения условий унии и подчинения армянской церкви созданному Римом антиохийскому патриархату.[38]

Разумеется, что в подобных условиях в Риме не могли оставить без внимания земли Юго-Западной Руси и их правителя, ставшего одним из сильнейших русских князей. В этой связи посольство папы Иннокентия III к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу представляется не только вероятным, но и вполне закономерным звеном восточной политики Рима начала XIII в.

* * *

В отличие от многих своих современников, Роман Мстиславич не пошел на сделку с Римом, решительно отвергнув предложение папы. В литературе высказывалась мысль о том, что «недоразумения между Романом и папой не могли иметь церковной подоплеки»; отказ галицко-волынского князя от сделки с Римом был продиктован его союзническими обязательствами перед Штауфенами и, в частности, Филиппом Швабским, состоявшим с Романом в родственных отношениях.[39] Удовлетворить свои королевские амбиции честолюбивый галицко-волынский князь расчитывал с помощью императора Священной империи, каковым он, по-видимому, признавал Филиппа, помогая ему в борьбе за власть с Вельфами.[40]

---

[35] *Златарский В. Н.* История на българската държава през средните векове. Т. III. София, 1972. С. 150–211; История на България: В 14 т. Т. III / Ред. В. И. Велков, В. Паскалев. София, 1979. С. 135 и сл.; *Овчаров Н.* Победите на цар Калоян (1197–1207 гг.). Историческият избор на България между православие и католицизъм. София, 2000.

[36] *Пашуто В. Т.* Половецкое епископство // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der Kulturrellen Beziehungen. Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag. Berlin, 1966.

[37] Новейший анализ источников и литературы по данному вопросу см.: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в.–1270 г.: тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

[38] См.: *Сукиасян А. Г.* История Киликийского Армянского государства и права (XI–XIV вв.). Ереван, 1969. С. 49–50.

[39] *Паславський І.* Коронація Данила Галицького в контексті політичних і церковних відносин XIII століття. Львів, 2003. С. 26–27.

[40] *Грицак П.* Галицько-Волинська держава. Нью Йорк, 1958. С. 56.

На наш взгляд, источники все же сохранили некоторые сведения, позволяющие сделать вывод о том, что разрыв Романа с Римом имел характер церковного конфликта. Косвенным подтверждением известия об отказе галицко-волынского князя от союза с папой, вместе с тем проясняющим мотивы такого решения князя, можно считать сведения о его враждебном отношении к католической церкви, «латинским» храмам и священникам, отразившиеся в источниках, сообщающих подробности последнего похода Романа.

В «Польской истории» Яна Длугоша находим упоминание о том, что, отправляясь летом 1205 г. в свой печально известный поход на Польшу, Роман

> грозится не только разорить Польское королевство, но и истребить божественную отрасль латинян.[41]

Похоже, намерения русского князя не расходились с его делами. Далее у Длугоша читаем:

> Захватив неких клириков, он (Роман. — *А. М.*) приказал осыпать их стрелами, чтобы выпытать у них правду о том, где скрывается Лестко с войском.[42]

Свидетельство Длугоша можно было бы признать позднейшим вымыслом или преувеличением, свойственным автору XV в.[43] Однако подобную информацию можно найти еще в одном источнике, относящемся к середине XIII в. и с «Историей» Длугоша никак не связанном. Речь идет об уже рассмотренном нами сообщении хроники цистерцианского монаха Альбрика из монастыря Трех Источников. В этой хронике значится, что «король Руси по имени Роман»

> намеревался через Польшу достичь Саксонии, чтобы как мнимый христианин разрушить церкви.[44]

Не эти ли враждебные замыслы галицко-волынского князя в отношении Римской церкви (если они, конечно, имели место в действительности) вызвали осуждение владимирского епископа, к которому за благословением обратился Роман перед походом в Польшу? Как сообщает Длугош, епископ вопреки ожиданиям отказал князю в благословении, чем вызвал его ярость и угрозу расправы после возвращения с войны. «Величие веры, которое было бы достойно удивления даже и в католическом епископе», — замечает по этому поводу польский хронист.[45]

Не может быть случайным совпадением и тот факт, что образ Романа как «протектора православной церкви» долгое время сохранялся в украинской православной традиции, на что указывал в свое время М. С. Грушевский. Спустя века от имени

---

[41] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша... С. 347.

[42] Там же.

[43] Ранние польские источники подобных сведений не содержат — см.: МРН. Т. II. Lwo

[44] Albrici monachi Triumfontium Chronikon. — 1241. / Ed. P. Scheffer-Boichorst // MGH. SS. T. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 885.

[45] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша... С. 346.

Романа составлялись охранные грамоты для различных православных учреждений, как, например, грамота князя Романа для Киевского Печерского монастыря.[46]

Все эти свидетельства, включая рассказ о посольстве в Галич римского папы и решительном отказе Романа от унии с Римом, на наш взгляд, должны быть поставлены в один ряд. Происходя из самых разных источников, они, тем не менее, сходятся в одном важном для нас пункте: галицко-волынский князь проявил себя и надолго остался в исторической памяти как сторонник византийского православия и враг католической церкви, готовый обратить против нее свое оружие.

Такой решительный настрой Романа против «латинства» требует объяснения. В детстве будущий галицко-волынский князь должен был испытывать влияние своего католического окружения и прежде всего матери, дочери краковского князя Болеслава Кривоустого.[47] В Хронике Винцентия Кадлубека и Великопольской хронике отмечается, что Роман воспитывался («почти с колыбели») при дворе Казимира Справедливого.[48] По мнению А. Б. Головко, Роман провел в Польше большую часть своего детства и отрочества — всего около 12 лет.[49]

Подобные обстоятельства, разумеется, должны были наложить отпечаток на формирование религиозного и политического мировоззрения князя. О его благосклонном отношении к католической церкви можно судить по щедрому пожертвованию в пользу монастыря Св. Петра в Эрфурте, о чем речь шла у нас выше.[50] Связь Романа и его братьев с Польшей и «латинством» недвусмысленно подчеркивается в «Слове о полку Игореве».[51] Упоминаемые в «Слове» «железныи папорзи под шеломы латиньскыми» — характерная деталь, которая может свидетельствовать о заимствовании воинами Романа боевого снаряжения, распространенного в Польше и других странах Европы.[52] Анализ фактов внешней политики Романа наводит современных исследователей на мысль о преобладании в ней западных ориентиров.[53]

Однако нельзя сбрасывать со счетов и фактор византийского влияния, которое, несомненно, испытывал Роман в своей политической деятельности. На

---

[46] *Грушевський М. С.* Історія української літератури: В 6 т., 9 кн. Т. III. Київ, 1993. С. 200.

[47] *Щавелева Н. И.* Польки — жены русских князей (XI–середина XIII в.) // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 56.

[48] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 109; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева; под ред. В. Л. Янина. М., 1987. С. 131. Автор Великопольской хроники ошибочно называет Казимира Справедливого дедом Романа, в действительности приходившегося ему дядей.

[49] *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII–початку XIII століття. Київ, 2001. С. 55.

[50] См. главу 8 настоящей работы.

[51] См.: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 96; *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 140–141.

[52] *Войтович Л. В.* К дискуссии о подлинности «Слова о полку Игореве» и его авторах // RA. 2010 г. СПб., 2010. С. 212–213. См. также: *Лотман Ю. М.* О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. XIV. М.; Л., 1958. С. 39–40.

[53] См.: *Кралюк П.* Західні орієнтири Романа Мстиславича // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького / Відп. ред. Я. Ісаєвич. Львів, 2001 (Історичні та культурологічні студії. Т. 3).

Ил. 38. Эжен Делакруа (1798–1863). Взятие Константинополя крестоносцами 12 апреля 1204 г. 1838 г. Холст, масло. 411 × 497 см. Картина заказана королем Луи-Филиппом для Исторической галереи в Версале. Музей Лувра (Париж, Франция)

протяжении многих лет он был верным союзником империи в борьбе с половцами; не вызывает сомнений факт византийского происхождения второй жены Романа Анны (являвшейся родственницей, а возможно, даже дочерью императора Исаака II); есть также основания полагать, что после завоевания Константинополя крестоносцами свергнутый византийский император Алексей III бежал в Галич, где был с почетом принят Романом Мстиславичем.[54]

Нам представляется, что перемены в отношении Романа к Римской церкви, происшедшие в последние годы его жизни, были непосредственно связаны с событиями времен Четвертого Крестового похода, завершившегося захватом и разграблением Константинополя. Последнее, разумеется, не могло остаться незамеченным на Руси.[55] В этой связи сохраняет свое значение сделанный еще в XIX в. вывод о том, что отказ Романа от предложений папы и его враждебный настрой к Римской церкви были связаны со «всеобщим раздражением против латинян», которое испытывали тогда «все православные греки и русские за злодейское опустошение Константинополя».[56]

[54] См. об этом в главе 9 настоящей работы.

[55] О реакции русского общества на взятие Константинополя крестоносцами можно судить по эмоциональному и детальному рассказу об этом событии, помещенном в Новгородской Первой летописи. См.: ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 46–49.

[56] *Макарий* (*Булгаков*), *митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. II. М., 1995. С. 416.

ВИЗАНТИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ

Глава четырнадцатая

АНГЕЛ В ГАЛИЧЕ: МОГ ЛИ ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР АЛЕКСЕЙ III ПОСЕЩАТЬ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА?[1]

Известия Яна Длугоша и Густынской летописи в трудах историков. — Сообщение Бартоломео дель Фиадони (Птолемея из Лукки). — Галицко-Волынская Русь или малоазийская Галатия: первые случаи упоминания о Галиции в западноевропейских источниках. — Об имени и личности императора Аскария. — Херсонес Фракийский или Херсонес Таврический?

Галицко-волынский князь не стоял в стороне от большой европейской политики времен Четвертого Крестового похода. Русский князь поддерживал постоянные отношения с Византией. Об этом можно судить по нескольким свидетельствам как русских, так и иностранных источников.

Согласно сообщению польского хрониста XV в. Яна Длугоша, после завоевания Константинополя крестоносцами свергнутый византийский император Алексей III Ангел (которого Длугош именует «Аскарием») бежал в Галич, где был с почетом принят Романом Мстиславичем:

> Аскарий же, константинопольский император, после взятия города (крестоносцами. — *А. М.*) перебрался к Понтийскому морю, в Терсону, а оттуда впоследствии прибыл в Галацию, или Галицкую землю, которая является частью Руси, до сих пор состоящей под Польским королевством, и, будучи милостиво и благосклонно принят и размещен князем Руси Романом, некоторое время пребывал там.[2]

Из сочинения Длугоша эти сведения были заимствованы позднейшими польскими хронистами Мартином Кромером и Мартином Бельским.[3]

---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* Известия Длугоша и Густынской летописи о посещении византийским императором Алексеем III Галича в 1204 году // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики: Сб. науч. ст. в честь 85-летия проф. В. А. Якубского / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2009.

[2] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, пер., коммент. М., 2004. С. 343.

[3] Kronika Polska Marcina Kromera, biskupa Warminskiego. T. I. Sanok, 1857. S. 360; Kronika Marcina Bielskiego. T. I. Sanok, 1856. S. 228.

О бегстве Алексея III в Галич к Роману Мстиславичу свидетельствует также Густынская летопись — украинская компиляция XVII в., названная по списку Густынского монастыря на Полтавщине. Под 1204 г. в рассказе о завоевании Константинополя крестоносцами читаем:

> Они же (крестоносцы. — *А. М.*) прийдоша ко Цариграду морем и обретоша Алексея Анъгела, царя Греческаго, неготова, Их же Алексей убояся, к сему же, яко не имея во Грецехъ никого же себе приязного, сего ради оставив царство Исаакию, ослепленному брату своему, а самъ со своими бояры и со множеством богатства и сокровищъ побеже въ Рускую землю ко Роману Мстиславичу въ Галичъ.[4]

Историки неоднозначно относятся к известиям о бегстве свергнутого византийского императора в Галич и в большинстве своем предпочитают обходить их стороной. В. Н. Татищев не решился привести сообщение, найденное им в Хронике Бельского (с Густынской летописью историк не был знаком), в основном тексте «Истории Российской», ограничившись только краткой ссылкой на него в примечаниях:

> О Алексии же императоре Бельский сказует, что, пришед к Роману, просил помощи, но с чем и куда отъехал, не объявлено, и в иностранных сего не нахожу.[5]

Лишь некоторые историки воспринимают известия Длугоша и Густынской летописи с доверием, не подвергая, впрочем, их источниковедческому анализу.[6] М. С. Грушевский, также не вдаваясь в источниковедческие разыскания, высказал сомнения по поводу возможности посещения Галича Алексеем Ангелом. «Вероятно, на одном только непонимании компилятора основано известие Густынской летописи, что когда Царьград был взят (1204), цесарь Алексей Ангел бежал "въ Русскую землю, ко Роману Мстиславичу въ Галичъ"».[7] По поводу происхождения данного известия историк заметил только, что он не смог установить, каким образом оно возникло.[8]

---

[4] ПСРЛ. Т. XL. СПб., 2003. С. 108.

[5] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. III. М., 1995. С. 257, примеч. 573.

[6] *Зубрицкий Д. И.* История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. III. Львов, 1855. С. 20; *Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкаго по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 96; *Андриашев А. М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 152; *Мавродин В. В.* Очерк истории Древней Руси до монгольского завоевания // История культуры Древней Руси. Т. I. М.; Л., 1948. С. 35; *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 445; *Forssmann J.* Die Beziehungen altrussischer Fürstentugeschlechter zu Westeuropa. Ein Beitrag zur Geschichte Ost- und Nordeuropas im Mittelalter. Bern, 1970. S. 126; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 515; *Толочко П. П.* Київська Русь. Київ, 1996. С. 59; *Грабовецький В.* Галич — столиця Ростиславовичів і Романовичів у міжнародних взаєминах XII–XIII ст. // Галич і Галицька земля: Зб. наук. праць / Відп. ред. П. П. Толочко. Київ; Галич, 1998. С. 43; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 480.

[7] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 12, примеч. 2.

[8] Там же.

Возможность пребывания Алексея III в Галиче отвергает Н. Ф. Котляр. Проследив по византийским и западноевропейским источникам деятельность экс-императора от побега из осажденного Константинополя в июле 1203 г. и до самой смерти в 1211 г., исследователь устанавливает, что после ряда неудачных попыток вернуть себе византийский трон Алексей попал в плен к Бонифацию Монферратскому и в 1205 г. был вывезен в его владения в Италии.[9]

Более основательное исследование биографии Алексея III в период после его бегства из Константинополя предпринял Г. Принцинг. В числе прочих версий, объясняющих временное исчезновение императора со страниц исторических хроник после пребывания в Адрианополе (август 1203 г.) и до появления в Мосинополе (апрель 1204 г.) исследователь рассматривает и «Галицийскую версию». Принцинг не согласился с доводами Котляра, считая вероятной поездку экс-императора в Галицию, земли которой простирались вплоть до устья Дуная и Черного моря, а ее князь Роман был военным союзником Алексея в борьбе с половцами.[10]

Специальное исследование, посвященное анализу известий Длугоша и Густынской летописи о поездке бывшего византийского императора к Роману Мстиславичу в Галич провел И. Граля. Историк приходит к выводу, что в действительности под именем «Аскарий» у Длугоша скрывался вовсе не Алексей III, а будущий никейский император Феодор I Ласкарь, который бежал из Константинополя не в Херсонес Таврический и в Галич, а в Херсонес Фракийский и в область Галатию в Малой Азии.[11]

Н. Ф. Котляр счел гипотезу И. Грали «искусственной и недостаточно обоснованной источниковедчески», однако никаких доказательств в пользу подобного вывода не привел.[12] Аргументы Грали до сих пор остаются без должной критической проверки.

Дискуссия о возможном посещении Алексеем Ангелом Галича пока не находит отклика в работах медиевистов. В весьма обширной новейшей литературе, посвященной истории взаимоотношений Византии с Западом в период Четвертого Крестового похода, можно найти более или менее подробные сведения о судьбе бывшего императора после бегства из Константинополя. Однако сведения Длугоша и Густынской летописи о его пребывании в Галиции в этих работах игнорируются и вопрос о достоверности таких известий не поднимается.[13]

---

[9] *Котляр М. Ф.* 1) До питання про втечу візантійського імператора в Галич у 1204 р. // УІЖ. 1966. № 3; 2) Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 89–97.

[10] *Prinzing G.* Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204–1219 im Zusammenhang mit der Entstehung und Entwicklung der byzantinischen Teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopels infolge des 4. Kreuzzuges. München, 1972. S. 7, 19, Anm. 32.

[11] *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu (Jan Długosz i kronikarz Hustyński) // KH. 1986. R. XCIII. № 3.

[12] *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. С. 96.

[13] См., например: *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. 1180–1204. Cambridge, 1968. P. 241, 244; *Godfrey J.* 1204: The Unholy Crusade. Oxford, 1980. P. 109; *Runciman S.* Dzieje wypraw krzyżowych. T. 3. Warszawa, 1988. S. 121; *Madden T. F., Queller D. E.* The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople. Philadelphia, 1997. P. 129–130, 144; *Bartlett W. B.* An Ungodly War: The Sack of Constantinople and the Fourth

* * *

Между тем, сведения Длугоша и Густынской летописи о посещении Алексеем Ангелом Галича находят подтверждение в одном западноевропейском источнике, мало известном историкам-русистам.

Еще А. Семкович, автор специального монографического исследования об источниках «Польской истории» Яна Длугоша, установил, что известие о бегстве свергнутого императора Византии в Галич встречает прямую параллель в сочинении итальянского церковного писателя и историка XIII–начала XIV вв. Бартоломео дель Фиадони, прозванного за свою большую ученость Птолемеем из Лукки.[14]

Его произведения были широко известны и популярны в Европе не только в средние века, но и в эпоху Возрождения; к ним обращались, в частности, Данте Алигьери и другие европейские писатели и ученые.[15] Церковная история Птолемея из Лукки принадлежит к числу выдающихся памятников историографии средневековой Италии и введена в научный оборот еще в первой половине XVIII в., будучи опубликована в составе корпуса «итальянских историков» Л. А. Муратори, издание которого оказало значительное влияние на формирование национальной археографии в Европе Нового времени.[16]

В одном из списков «Новой церковной истории», составленной названным автором в 1294–1313 гг.,[17] после описания первого штурма Константинополя крестоносцами говорится о последующей судьбе Византийской империи и бегстве свергнутого императора в Херсонес, а оттуда впоследствии в Галицию, являющуюся частью Руси:

> В захваченном же городе (Константинополе. — *А. М.*) [скорее] с общего согласия франков, нежели даже венецианцев, граф Фландрии [Балдуин] стал императором, о чем повествуют Мартин и Винцент, что произошло с согласия названного понтифика (папы Иннокентия III. — *А. М.*). Указанной империей (Византийской империей. — *А. М.*) владели латиняне непрерывно до времени Александра (папы Александра IV. — *А. М.*), то есть в течение 57 лет, как там говорится. Во время же ее падения правил Аскарий, как пишет Кузентин, который немедля сам направился через Черное море в Херсонес и оттуда отправился в Галатию, которая ныне есть часть Руси.[18]

Crusade. Stroud, 2000; *Angold M.* The fourth crusade: event and context. 4 ed. Harlow; New York, 2003. P. 93; *Phillips J.* The Fourth Crusade And The Sack Of Constantinople. 9 Ed. London, 2004. P. 341, 356.

[14] *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór Dziejów Polskich Jana Dlugosza (do roku 1384). Kraków, 1887. S. 203. Еще ранее на факты использования Длугошем сочинений Птолемея из Лукки в VII книге «Польской истории» обратил внимание Й. Гиргензон: *Girgensohn J.* Kritische Untersuchung über das VII. Buch der Historia Polonica des Dlugosch. Göttingen, 1872. S. 65.

[15] См.: *Данте Алигьери.* Малые произведения / Изд. подг. И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968. С. 612.

[16] См.: *Королев Г. И.* Медиевистическая археография за рубежом. Труды XVI–XVIII веков. М., 2001. С. 118–119.

[17] См.: *Wattenbach W.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des dreizehnten Jahrhunderts / Ed. O. Lorenz, A. Goldmann. Graz, 1966. S. 266.

[18] «Capta igitur Civitate de communi concordia Francorum, quam etiam Venetorum, Comes Flandriae ibidem est factus Imperator, ut Martinus et Vincentius dicunt, quod intelligo cum assensu dicti Pontificis. Dictum autem Imperium tenuerunt latini usque ad tempora Alexandrini, quod fuit spatium

Не вызывает сомнений непосредственная связь сообщения Длугоша с известием Фиадони. Оба они помещены под одним годом (1200), содержат одинаковые географические названия, определяющие маршрут бегства свергнутого императора (Херсонес, Галиция), которого называют одним и тем же именем (Аскарий). Длугош добавил от себя только ремарку о радушном приеме, оказанном беглецу русским князем Романом.

Бартоломео дель Фиадони (ок. 1227 — ок. 1327) жил почти на два столетия раньше краковского каноника и мог непосредственно общаться с живыми участниками описываемых событий. Кроме того, католическим авторам, принадлежавшим к верхушке Римской церкви (Фиадони, любимый ученик и последователь Фомы Аквинского, был епископом Торчелло и библиотекарем папы Иоанна XXII) свойственна значительная осведомленность в вопросах внешней политики курии и повышенное внимание к подробностям Четвертого Крестового похода, в частности к обстоятельствам завоевания Константинополя.[19]

Важно также отметить, что Фиадони много лет являлся епископом Торчелло. Остров Торчелло с расположенным на нем одноименным городом находится в непосредственной близости от Венеции, в северной части Венецианской лагуны. Город имел самые тесные торговые связи с Византией и в период расцвета был значительно больше и богаче своего знаменитого соседа. В XII в., когда гавань Торчелло начала мелеть, его жители стали перебираться в Венецию и вместе с венецианцами участвовали в Четвертом Крестовом походе.[20] Разумеется, будучи епископом в Торчелло, Фиадони мог обладать дополнительной информацией о подробностях завоевания Константинополя, полученной от своих прихожан.

Как явствует из приведенного выше отрывка, сообщение о бегстве византийского императора в Херсонес и Галицию было заимствовано Фиадони из более раннего источника — сочинения некоего Кузентина («как пишет Кузентин...»).

Согласно исследованию Б. Шмайдлера, имя Кузентин (Cusentinus) у Фиадони обозначает некоего хрониста из города Козенцы в Калабрии и может относиться сразу к нескольким жившим там лицам. Название упомянутого итальянского города (Cosenza), крупного церковного и культурного центра, в средневековых источниках чаще передавалось в форме *Cusenza*. Под хроникой Кузентина, на которую неоднократно ссылается Фиадони, следует понимать продолжение Анналов архиепископа Ромоальда из Салерно († 1181), составленное при архиепископской кафедре в Козенце и охватывающее период с 1177 по 1264 гг. Окончательную форму этому произведению придал Томазо из Леонтино, архиепископ

57 annorum, ut ibi dicitur. Tempore autem suae captionis imperabat Ascarus, ut Cusentinus scribit, qui se statim transtulit versus Ponticum mare Chersonam, et inde se postea contulit Galatiam, quae hodie est pars Russiae» (Ptolomaei Lucensis Historia ecclesiastica nova / Ed. L. A. Muratori // RIS. T. XI. Milano, 1727. Col. 1119).

[19] Биографические сведения о Бартоломео дель Фиадони (Птолемее из Лукки) и краткую характеристику его исторического мировоззрения см.: *Rossmann H.* Bartholomeus (Ptolemeus) von Lucca // Lexikon des Mittelalters. Bd. I. München; Zürich, 1978. Sp. 1495–1496; *Davis Ch. T.* Ptolemy of Lucca // Medieval Italy. An encyclopedia / Ed. K. Kleinhenz. Vol. 2. New York; London, 2004. P. 938–939.

[20] См.: Medieval Italy. An encyclopedia. Vol. 2. P. 1085–1087.

Ил. 39. Ансамбль средневековых храмов. Современный вид (Торчелло, Венеция, Италия)

Козенцы в 1267–1272 гг., который, так же как и Фиадони, принадлежал к ордену доминиканцев.[21]

* * *

Параллель с авторитетным западноевропейским источником, казалось бы, должна была укрепить доверие историков к сообщению Длугоша. Однако против восприятия сведений Длугоша — Фиадони как достоверных выступил И. Граля. По его мнению, автор «Новой церковной истории» попросту перепутал древнерусский Галич и Галицию с другой исторической областью с созвучным названием — Галатией, расположенной в Малой Азии, а под императором Аскарием в действительности скрывается будущий никейский император Феодор I Ласкарь. Исходя из этого, Граля делает вывод, что в сообщении Фиадони — Длугоша речь идет не о пребывании Алексея Ангела в Херсонесе Таврическом и Галиче, а о пребывании Феодора Ласкаря в Херсонесе Фракийском и в малоазийской Галатии, — именно с этими территориями тесно связана деятельность Феодора после его бегства из Константинополя.[22]

И. Граля указывает на факт широкого распространения в западноевропейской средневековой письменности географического термина *Галатия* (*Galatia*, *Galacia*), обозначавшего область проживания галатов, к которым обращался в своих письмах апостол Павел. Более того, по мнению историка, в Западной Европе

[21] *Schmeidler B.* Der sogenannte Cusentinus bei Tolomeus von Lucca // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Bd. XXXII, Hft. 1. Hannover, 1906–1907. S. 252–261.

[22] *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu.

в XIII–XIV вв. могли смешивать понятия *Галатия* и *Галиция*. В качестве примера Граля ссылается на сочинение францисканского монаха Бартоломея Английского «О свойствах вещей» — популярную средневековую энциклопедию, написанную в первой половине XIII в., которой теоретически мог пользоваться Фиадони.[23]

Бартоломей Английский, опиравшийся на «Этимологии» Исидора Севильского — крупнейшего христианского энциклопедиста раннего средневековья, действительно частично смешивает малоазийскую Галатию с европейской Галлацией, именуемой им также Рутенией. Однако при этом Галлацию или Рутению он все же считал областью, расположенной в Европе, а не в Малой Азии:

> Галлация — область в Европе, занятая древними галльскими племенами, от которых она и берет свое название <...> А край этот (Галлация. — *А. М.*) обширнейший и плодороднейший, включающий большую часть Европы, которая ныне многими Рутенией называется.[24]

В отличие от малоазийской Галатии, Галлация / Рутения полностью помещается в Европе, «гранича с римскими пределами на востоке, с Готией на севере, с Паннонией на западе, а с Грецией на юге».[25] Бартоломей Английский относит ее к территории провинции Мезия, которая лишь граничит с Малой Азией:

> Рутия, или Рутена, она же провинция Мезии, расположена по границе Малой Азии <...> И она в некоторой части своей называется Галацией, а жители ее некогда галатами назывались. Говорят, что им направил послание апостол Павел.[26]

В европейских латиноязычных источниках первой половины XIII в., когда отмечаются первые случаи упоминания о прикарпатской Галиции и городе Галиче, для обозначения их используются формы *Galacia*, *Gallacia* (Бартоломей Английский), *Galicia* (Винцентий Кадлубек, Гервазий Тильберийский)[27] или *Galiziae, Galiciae*, *Galitiae* (папские буллы, венгерские королевские грамоты),[28] тогда как преобладающей формой обозначения малоазийской Галатией остается *Galatia*.

И. Граля приводит еще несколько замеченных им случаев неверной локализации Галатии, рутенов и русинов в сочинениях некоторых европейских средневековых авторов.[29] Однако достаточно ли этих данных (требующих, на наш взгляд,

---

[23] Ibid. S. 649.

[24] *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 83.

[25] Там же. С. 85.

[26] Там же.

[27] *Kętrzyński S.* Ze studiów nad Gerwazym z Tilbury (Mistrz Wincenty i Gerwazy. Provinciale Gerwasianum) // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. T. 21. Kraków, 1903. S. 172; *Матузова В. И.* Английские средневековые источники. С. 68, примеч. 8.

[28] VMH. T. I / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. P. 9–11; CDH. T. III, vol. 1 / Ed. G. Fejer. Budae, 1829. P. 31–32, 57.

[29] *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu... S. 650–651.

более тщательного изучения) для доказательства того, что автор «Новой церковной истории» Бартоломео дель Фиадони спутал малоазийскую Галатию с прикарпатской Галицией в сообщении о бегстве византийского императора от крестоносцев?

Сразу скажем, что смешение Галатии в Малой Азии с Галицией, являвшейся частью Руси, нельзя признать каким-то общим правилом европейской средневековой географии. Скорее наоборот, подобные случаи правильно будет считать ошибкой, допускаемой отдельными авторами по недоразумению.

Западноевропейские картографы XI–XIII вв. располагают Галатию исключительно в пределах Малой Азии, ее территория граничит с Вифинией, Исаврией, Каппадокией, иногда простираясь вплоть до западного побережья полуострова, но при этом не пересекает границ Европы. Такое расположение Галатии можно видеть на Оксфордской карте XI в., картах с Дунаем и знаменитыми городами из «Югуртинской войны» Саллюстия XI–XIII в. вв., карте из Арнштайнской Библии 1172 г., карте из Поэмы об Александре XIII в., английской карте XIII в. из собрания Бодлианской библиотеки (Оксфорд), Верчелльской карте XIII в., происходящей из Южной Франции.[30]

Такую же локализацию Галатии можно видеть на итальянских портоланах XIV–XV вв.[31] Именно итальянские мореходы и картографы, как известно, внесли наиболее существенный вклад в развитие средневековой европейской географии и картографии, став родоначальниками нового вида картографической продукции — морских навигационных карт (портоланов), получивших самое широкое распространение в Европе.[32] В пределах Малой Азии помещена Галатия на знаменитой карте Ангелино Дульцерта (более известного как Ангелино де Далорто) 1325–1330 гг.,[33] карте Марко и Франческо Пизигани 1367 г., на анонимных картах и атласах XVI в. из собрания Библиотеки Ватикана и др.[34]

Средневековая Галатия локализуется примерно в тех же границах, что и одноименная римская провинция. Свое название она получила от греческого варианта обозначения восточных кельтов, расселившихся в центральной части Малой Азии в первой половине III в. до н. э.[35] На протяжении веков Галатия и ее столица

---

[30] *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 35, 48, 50, 53, 57, 136.

[31] О портоланах см.: *Багров Л.* История картографии. М., 2004. С. 60–69; The History of Cartography. Vol. I. Cartography in prehistoric, ancient and medieval Europe and the Mediterranean / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Chicago; London, 1987. P. 371–456.

[32] По новейшим данным, от первого периода развития портоланов (до 1500 г.) до нас дошло более 180 карт и атласов (*Kupcik I.* Münchner Portolankarten: Kunstmann I–XIII und zehn weitere Portolankarten: überarbeitete und ergänzte Neuausgabe des Originalwerkes von Friedrich Kunstmann aus dem Jahr 1859 mit 13 erneuerten Farbtafeln sowie zehn weitere Seekarten von Anfang des 16. Jahrhunderts, einschliesslich der seit 1945 verschollenen Seekarten aus Münchner Sammlungen. München, 1998. S. 9–10).

[33] См.: *Oldham R. D.* The Portolan Maps of the Rhône Delta: A Contribution to the History of the Sea Charts of the Middle Ages // The Geographical Journal (Royal Geographical Society). Vol. 65 (5). London, 1925.

[34] *Димитров В.* България в средновековната морска картография (XIII–XVI вв.). София, 1984. Табл. 7, 10, 43, 54, 61, 66.

[35] О римской провинции Галатия см.: *Ранович А.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М., 1949. С. 104 и сл.

Анкира (современная Анкара) находилась в центре важных исторических событий и была хорошо известна в средиземноморских страная Европы.[36] По данным как западноевропейских, так и византийских источников, во времена Четвертого Крестового похода Галатия, уже завоеванная турками-сельджуками, соотносится с бывшими малоазийскими фемами Византии Вукелларией, Арменией, Харсианом и Каппадокией.[37]

Заметим, что на итальянских картах первой половины XIV в. появляется и прикарпатская Галиция со столицей в городе Львове, являвшаяся, по представлениям их составителей, частью Руси. Галиция и Львов обозначены, к примеру, на упомянутом портолане Ангелино де Далорто, и этот случай, по-видимому, является первым известным ныне фактом фиксации названных объектов в западноевропейской картографии. Название Галиции на карте Далорто (Rutenia sive Gallacia) по своему написанию отличается от принятых в латиноязычной Европе обозначений малозийской Галатии.[38]

Правда, в известии Фиадони название «Галация» передается иначе — в соответствии с традиционным написанием названия малоазийской Галатии — «Galatia» (Galatiam, quae hodie est pars Russiae). Почти такую же форму (Galatha) мы встречаем и в документах папы Иоанна XXII, а именно в двух его письмах к киевскому епископу-электу Генриху, датируемых 1320 и 1321 гг.:

> ecclesia Kiowiensis in confinibus Ruthenorum et Tartarorum, qui antiquitus Galathae vocabantur.[39]

Однако трудно допустить, чтобы высокопоставленные иерархи римской церкви, какими были Томазо из Леонтино и Бартоломео дель Фиадони, писавшие ее историю соответственно на рубеже 60–70-х годов XIII в. и в самом начале XIV в., могли спутать область, находившуюся в Малой Азии, с древнерусской Галицией только вследствие некоторого созвучия этих названий. Ведь к тому времени уже были получены сведения о Галицко-Волынской Руси, доставленные специальным посланником папы Иннокентия IV францисканцем Джованни дель Плано Карпини, в ноябре 1247 г. благополучно вернувшимся из поездки в Монголию и на Русь. В написанной сразу после возвращения «Истории монголов» наряду с правителями Чернигова и Суздаля Плано Карпини называет также галицкого и волынского князей Даниила и Василька Романовичей, причем Даниила, единственного среди русских князей, папский посланник именует «русским королем».[40]

---

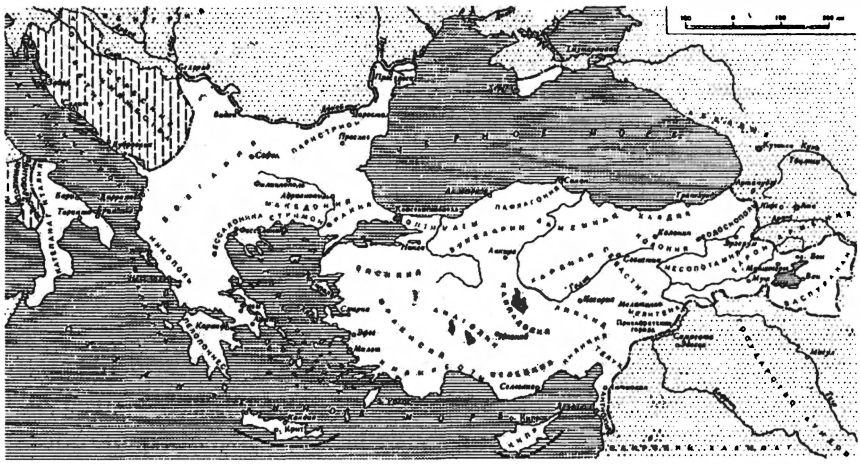
[36] См.: *Wickham Ch.* Framing the early Middle Ages Europe and the Mediterranean 400–800. 4 ed. Oxford; New York, 2005. P. 406–411, 418, 426, 435, 439–440, 461–462, 529, 567–568, 599

[37] *Belke K.* Galatien und Lykaonien. Wien, 1984 (Tabula imperii Byzantini. Bd. 4). S. 39–40.

[38] Цветную репродукцию портолана Ангелино де Далорто см.: Історія Львова: У 3 т. / Гол. редкол. Я. Ісаєвич. Т. I. Львів, 2006. Вклейка между с. 56–57.

[39] *Welykyj A.* Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953). T. I. 1075–1700. Roma, 1953. Nr. 37, P. 56; Nr. 38, P. 57.

[40] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов; *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и прим. А. И. Малеина. СПб., 1911. С. 66–67, 81.



Ил. 40. Малоазийские фемы Византии. XI–XII вв. Карта-схема

В ноябре 1253 г. Даниил Галицкий был коронован королевской короной, доставленной посланником папы Иннокентия IV.[41] Несколькими десятилетиями ранее (ок. 1214) другой правитель Галича, венгерский принц Коломан, получил королевскую корону от папы Иннокентия III.[42] Едва ли об этих фактах могли не знать иерархи Римской церкви, современники Плано Карпини и Даниила Галицкого, епископы Кузенцы и Торчелло, один из которых к тому же был папским библиотекарем.

В самом деле, не могли же в Италии или во французской резиденции пап в Авиньоне (где, очевидно, трудился Фиадони в качестве папского библиотекаря) думать, что королевские короны, предназначавшиеся правителям Галиции Коломану и Даниилу, были посланы и доставлены папскими легатами не на Русь, а куда-то в Малую Азию. Вот почему, используя форму «Galatia», идентичную названию римско-византийской малоазийской провинции, во избежание недоразумений Фиадони, а вслед за ним и Длугош в известии о бегстве византийского императора из Константинополя специально уточняют, что беглец отправился в Галацию, являющуюся частью Руси.

* * *

Не выдерживает критики и предположение И. Грали о том, что под именем Аскария в известии Фиадони — Длугоша мог скрываться Феодор Ласкарь, будущий властитель Никеи. Этот знатный вельможа, хотя и породнившийся с Алексеем III, женившись на его дочери Анне,[43] никогда не правил в Константинополе. Во времена осады и захвата византийской столицы крестоносцами он не мог

[41] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 827.

[42] MPV. T. III. Cracoviae, 1914. Nr. 3. Подробнее см.: *Włodarski B.* Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925. S. 295–299.

[43] Об этом браке сообщает Никита Хониат (*Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 225).

восприниматься в качестве императора. «Неким греком», захватившим землю «по другую сторону Рукава» (то есть Босфора и Дарданелл), считал его, к примеру, Жоффруа де Виллардуэн.[44]

Изучение сведений, относящихся к биографии Феодора, показывает, что он не мог совершить побега из Константинополя во время его осады крестоносцами. В отличие от Алексея III, Феодор Ласкарь, как и его брат Константин, принимал самое деятельное участие в обороне города. В период между 7 и 17 июля 1203 г. во время одной из вылазок ромеев Феодор был пленен латинянами. Несколько месяцев после этого он провел в заключении. Об этих подробностях его биографии говорит Никита Хониат.[45] Время и обстоятельства освобождения Феодора не вполне ясны.[46]

Не будучи правителем ни в столице, ни в какой-либо другой части империи, Феодор Ласкарь во время осады Константинополя крестоносцами, разумеется, не мог восприниматься европейскими хронистами в качестве императора. В лучшем случае на него могли смотреть тогда как на возможного претендента на власть в одной из частей византийских владений, подконтрольных крестоносцам. По сведениям Альбрика из монастыря Трех Источников, после захвата Константинополя и образования Латинской империи Феодор Ласкарь все еще находился в столице и пытался вести переговоры с Балдуином Фландрским, предлагая избрать себя императором ромеев и обещая взамен заваевать территорию Малой Азии, присоединив ее к Латинской империи.[47]

Суверенным правителем Ласкарь стал лишь тогда, когда после нескольких неудач смог утвердиться в Никее. Принятие же им императорского титула произошло еще позднее. По мнению большинства современных исследователей, он был провозглашен никейским императором только весной или летом 1206 г.[48] После нескольких лет упорной борьбы Феодору Ласкарю удалось подчинить всех своих главных соперников, заключить мир с Латинской империей и в марте 1207 г. короноваться в качестве императора Никеи [49]

---

[44] *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя / Пер., ст. и комм. М. А. Заборова. М., 1993. С. 80. Французский маршал именует Феодора Ласкаря Тольдо л'Аскар.

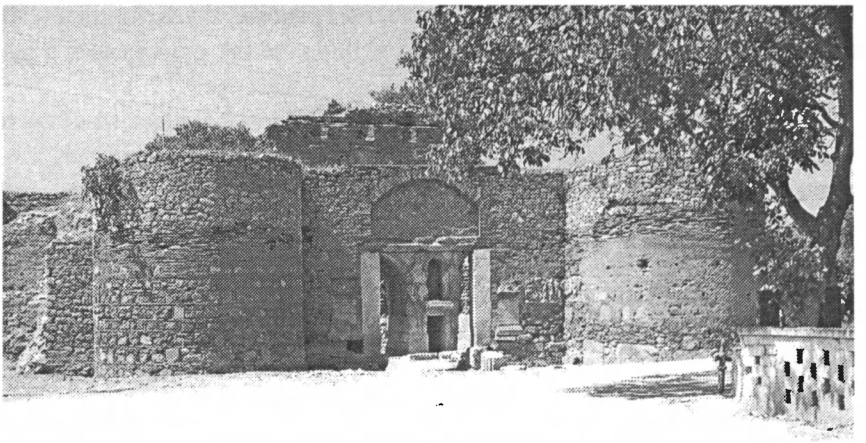
[45] *Nicetae Choniatae.* Orationes et epistulae / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1972. P. 126.

[46] О различных версиях деятельности и статусе Феодора Ласкаря в 1203–1205 гг. см.: *Sinogowitz B.* Über das byzantinische Kaisertum nach dem Vierten Kreuzzug (1204–1205) // BZ. Bd. 45. München, 1952. S. 345–352; *Oikonomides N.* La décomposition de l'empire byzantin a la veille de 1204 et les origines de l'empire de Nicée: a propos de la «Partitio Romaniae» // XVe Congrès International d'études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976 P. 23–25; *Lampsidis O.* Wunderbare Rettung des Theodores Laskaris durch den Erzengel Michael // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. Bd. 26. Wien, 1977. S. 125–127.

[47] Albrici monachi Triumfontium Chronikon. — 1241. / Ed. P. Scheffer-Boichorst // MGH. SS. T. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 885–886.

[48] *Angold M.* A Byzantine government in exile: government and society under the Laskarids of Nicaea. 1204–1261. London, 1975. P. 13, 37; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Νίκαια καί Ήπειρος τον 13ο αιώνα. Θεσσαλονίκη, 1990. Σ. 55.

[49] *Жаворонков П. И.* Империя в изгнании. Вместо предисловия // *Георгий Акрополит.* История / Пер., вступ. ст., комм. и прил. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 7.



Ил. 41. Стены и башни средневековой Никеи. Современный вид (г. Изник, ил Бурса, Турция)

Разумеется, что Фиадони, как и его предшественник Кузентин, сообщая о бегстве византийского императора из Константинополя во время первой его осады, имели в виду действующего в тот момент василевса, а не кого-то другого, кто станет императором лишь через несколько лет и будет править в другой части империи. Иначе придется признать, что Фиадони и Кузентин думали, будто Феодор Ласкарь правил империей еще до завоевания Константинополя крестоносцами.

Похоже, к такому заключению склоняется И. Граля, однако предложенные им доказательства следует признать несостоятельными. Возможно, историк и прав в том, что в Италии во второй половине XIII–начале XIV вв. никейский император Феодор I Ласкарь был более известен, чем его предшественник — византийский император Алексей III.[50] Но совершенно безосновательным является вывод, сделанный Гралей из этого предположения (также требующего, на наш взгляд, дополнительных доказательств), — будто Фиадони ошибочно полагал, что правителем Константинополя во время первой его осады крестоносцами был Феодор Ласкарь.[51]

Такой перестановки или отождествления двух совершенно разных правителей нет ни в одной европейской хронике, сообщающей о событиях Четвертого Крестового похода. В известных ныне источниках XIII в., как византийских, так и западноевропейских, во время первой осады Константинополя в качестве императора Византии указывается Алексей III, он же и бежал из города июльской ночью 1203 г. Все прочие правители, принявшие титул императора, появляются на территории Византии позднее.[52]

[50] *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu... S. 651.

[51] Ibid.

[52] Именно так представляют дело Никита Хониат и Георгий Акрополит, а также Жоффруа де Виллардуэн, Робер де Клари, Гунтер Пэрисский, Devastatio Constantinopolitana, Арнольд Любекский, Деяния епископов Гальберштадских, Суассонский Аноним, Альбрик из монастыря Трех Источников, Ральф из Коггсхолла и др. В качестве действующего императора Византии в период подготовки Четвертого Крестового похода и первой осады Константинополя Алексей III значится

Такую же картину в целом представляют и итальянские источники XIII–XIV вв., проводя четкое различие между императором Алексеем III и другими правителями, принявшими титул императора (Генуэзские и Пизанские анналы, Хроника Салимбене де Адам и др.). К примеру, современник Кузентина и Фиадони францисканец Салимбене де Адам (Салимбене Пармский) в своей Хронике, написанной между 1283 и 1288 гг., под 1203 г. отмечает бегство Алексея III из Константинополя и коронацию Алексея IV, а под 1204 г. сообщает об избрании греками нового императора по имени «Аскари», вскоре бежавшего из столицы.[53]

Имя Аскарий (Ascarus), используемое Кузентином и Фиадони (а вслед за ними и Длугошем) для обозначения византийского императора, бежавшего из Константинополя, в западноевропейских средневековых источниках (прежде всего французских и итальянских) выступает как один из вариантов написания родового имени Ласкарей.[54]

У Феодора Ласкаря, как известно, был брат Константин, также занимавший высокое положение при дворе Алексея III.[55] В ночь на 13 апреля 1204 г., после бегства из Константинополя Алексея V Мурчуфла, Константин был провозглашен новым императором, однако, убедившись в ненадежности своего положения, через несколько часов бежал из города.[56]

Константин Ласкарь, таким образом, имеет гораздо больше формальных оснований считаться «императором Аскарием», бежавшим от крестоносцев из Константинополя (в сообщении Фиадони — Длугоша), чем его брат Феодор. Однако обстоятельства биографии обоих братьев таковы, что исключают возможность их пребывания в Галицко-Волынской Руси.[57]

Хотя форма «Аскарий», используемая Фиадони — Длугошем, прежде всего указывает на представителя рода Ласкарей, это еще не означает, что данное имя не могло быть применено к представителю другой династии.

в посланиях папы Иннокентия III, в реляциях графа Гюго де Сен-Поля и др. См.: *Noble P. S.* Eyewitnesses of the Fourth Crusade — the War against Alexius III // RMS. Vol. 25. Reading, 1999; *Andrea A. J.* Contemporary sources for the fourth crusade. Leiden; Boston; Köln, 2000; *Whitbi M.* Byzantines and crusaders in non-Greek sources, 1025–1204. Oxford; New York, 2007.

[53] *Салимбене де Адам.* Хроника / Пер. с лат., статья и коммент. О. Ф. Кудрявцева, И. С. Култышевой, С. С. Прокопович (и др.). М., 2004. С. 32–33. О времени и обстоятельствах создания хроники см.: *Кудрявцев О. Ф.* «Хроника» францисканца Салимбене де Адам: историописатель и время // Там же. С. 829–830.

[54] *Prinzing G.* Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens... S. 18, Anm. 20; *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu... S. 643–644.

[55] О Константине Ласкаре и его политической деятельности в 1203–1205 гг. см.: *Жаворонков И. И.* У истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкаря) // ВВ. Т. 38. М., 1977. С. 30–35; *Savvidēs A. G. C.* 1) Constantine XI Lascaris. Uncrowned and Ephemeral «Basileus of the Rhomaioi» after the Fall of Constantinople to the Fourth Crusade. 1204–1205 // Βυζαντιακά. Τ. 7. Θεσσαλονίκη, 1987. Σ. 141–174; 2) Συμπληρωματικά στοιχεία γία τόν εφήμερο Βυζαντινό αυτοκράτορα Κωνσταντίνο ΙΑ Λάσκαρι (1204–1205) // Βυζαντιακά. Τ. 19. Θεσσαλονίκη, 1999. Σ. 195–210.

[56] *Sinogowitz B.* Über das byzantinische Kaisertum nach dem Vierten Kreuzzug... S. 352–353.

[57] *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu... S. 647–649.

В этой связи заслуживает внимания наблюдение Н. Ф. Котляра, отметившего, что в некоторых иностранных источниках, в особенности арабских, начиная с XIII в. все византийские императоры именуются независимо от их настоящих имен «Ласкарями»; это собирательное название распространялось не только на правителей из рода Ласкарей, но и на Палеологов.[58]

Добавим к этому, что и русские летописцы родовым именем Ласкарей иногда обозначали правителей из других династий, в том числе представителей рода Ангелов. К примеру, в Русском хронографе редакции 1512 г. правителем Фессалии, Иллирии и Солуни именуется Феодор Ласкарь,[59] в действительности же названные земли находились под властью Феодора Дуки Ангела, императора Фессалоникийского.[60]

Нельзя исключать, что родовое прозвище знаменитой династии впоследствии могло быть перенесено иностранными авторами не только на ее преемников, но и на ближайших предшественников, в частности на Алексея III, тестя Феодора Ласкаря. Это тем более вероятно, что сам Алексей чуждался своего патронима «Ангел» и, став императором, стремился заменить его на другое, принадлежавшее, по его мнению, более славной династии. На эту склонность василевса прямо указывает Никита Хониат:

> Оставив прозвание Ангела, царь Алексей начал именовать себя Комнином, — потому ли, что его собственное прозвище казалось ему не довольно славно, как осадок комниновской знаменитости, или потому, что хотел таким образом вместе со своим братом (Исааком II. — *А. М.*) схоронить и его фамилию.[61]

В официальных документах и на дошедших до нас монетах Алексей III также именуется Комнином.[62] Среди правителей Византии вообще существовал обычай менять свое родовое имя, исходя из соображений престижа.[63]

По сведениям Альбрика из монастыря Трех Источников, Алексей III пользовался также именем Андроник, принятым в честь одного из своих предшественников из династии Комнинов — императора Андроника I. Описывая правление и изгнание Алексея, Альбрик наряду с именем Киралексий (Kyralexius), часто использует его второе имя — Андроник.[64]

Возвращаясь к вопросу о возможной путанице в имени византийского императора, бежавшего из Константинополя, мы все же должны признать, что если

---

[58] *Котляр М. Ф.* 1) До питання про втечу візантійського імператора в Галич у 1204 р. С. 116; 2) Дипломатия Южной Руси. С.95.

[59] ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005. С. 392.

[60] См. о нем: *Βάρζος К.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 548–637.

[61] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 147.

[62] *Treu K.* Byzantinische Keiser in den Schreibernnotizen griechischer Handschriften // BZ. Bd. 65, Hft. 1. 1972. S. 19; *Sear D. R.* Byzantine Coins and their Values. London, 1974. P. 356–368.

[63] *Чеснокова Н. П.* Византийская династическая идея эпохи Комнинов и Ангелов (конец XI–начало XIII вв.) // ДГ. 2002 г. М., 2004. С. 196.

[64] Albrici monachi Triumfontium Chronikon. P. 879–887.

в папском окружении через несколько десятилетий после окончания Четвертого Крестового похода и могли забыть или перепутать его имя, то все равно при сообщении о бегстве василевса из осажденной столицы должен был подразумевался тот правитель, кто был византийским императором во время первой осады города.

Таковым правителем мог быть только Алексей III. Фиадони, а следом и Длугош не называют его личного имени, а указывают только родовое. На наш взгляд, более вероятным представляется применение к Алексею III позднейшими хронистами родового имени Ласкарей (действительно хорошо известного в Западной Европе в виду их многолетней борьбы с Латинской империей), чем поиски возможностей отождествления Алексея с кем-то из современных ему представителей этой династии — Феодором или Константином.

* * *

Что же касается предположения И. Грали, по которой Аскарий сначала бежал будто бы в Херсонес Фракийский, а затем в Галатию, то такой версии явно противоречит указание Фиадони о том, что путь беглеца из Константинополя лежал через Черное море.

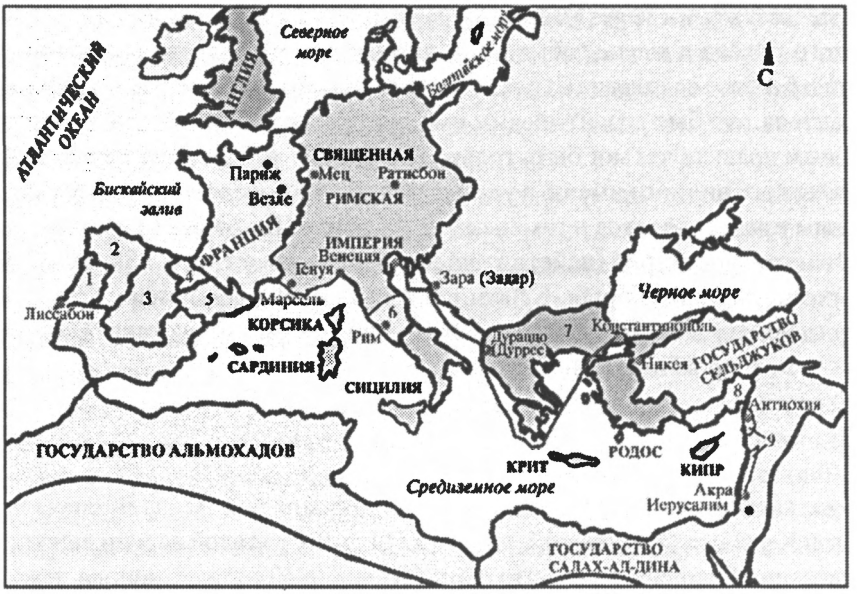
Херсонес Фракийский или Галлиполи (Gelibolu, Çanakkale, Καλλίπολις) — названия, которые носят город и полуостров, омываемый с запада Эгейским морем, а с востока Дарданеллами, расположенный к югу от Константинополя, то есть в противоположном направлении от Черного моря.[65] Разумеется, что попасть из Константинополя в Херсонес Фракийский через Черное море невозможно. Более того, если допустить, что византийский император бежал из столицы в Херсонес Фракийский, то придется признать, что он искал спасения, устремившись навстречу войскам своих врагов.

Все западноевропейские авторы XIII в., чьи сочинения являются ныне главным источником по истории Четвертого Крестового похода (Жоффруа де Виллардуэн, Робер де Клари, Альбрик из монастыря Трех Источников и др.), описывая путь крестоносцев к Константинополю, в один голос утверждают, что войска наступали с юга — со стороны Эгейского моря и Дарданелл. В конце мая 1203 г. крестоносный флот покинул остров Корфу, где рыцари провели около трех недель по пути из Задара. Обогнув Пелопоннес, от острова Андрос корабли крестоносцев подошли к Дарданеллам и в начале июня взяли расположенный в самом начале пролива город Абидос, ставший базой для дальнейшего продвижения к столице империи. Подтянув резервы и пополнив запасы продовольствия, флот пошел дальше по проливам и в конце июня достиг монастыря Св. Стефана, расположенного в пяти милях к югу от крепости Семь Башен. Отсюда корабли крестоносцев вошли в гавань Константинополя и встали на якорь.[66]

---

[65] См.: *Soustal P.* Thrakien (Thrakē, Rodopē und Haimimontos). Wien, 1991 (Tabula imperii Byzantini. Bd. 6).

[66] См.: *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя. С. 32–33, 250–251; *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя / Пер., ст. и комм. М. А. Заборова. М., 1986. С. 31; Albrici monachi Triumfontium Chronikon. P. 883.



Ил. 42. Четвертый Крестовый поход. 1202–1204 гг. Карта-схема

Весьма сомнительным кажется предположение И. Грали о том, что Фиадони или Кузентин могли спутать Херсонес Таврический с Херсонесом Фракийским, а Черное море с Эгейским морем или Дарданеллами, лишь на том основании, что по договору о разделе византийских земель между крестоносцами 1204 г. территория Херсонеса Фракийского отошла к венецианцам. И поскольку об этом важном приобретении было хорошо известно в Италии, название «Херсонес» во времена Кузентина будто бы ассоциировалось в первую очередь с Херсонесом Фракийским.[67]

Но ведь не менее известными в Италии и во всей Европе стали многочисленные итальянские колонии, основанные в Причерноморье и Приазовье в XIII–XIV вв. Венецией, Генуей и Пизой. Центром этих колоний являлся Крым, освоение которого итальянскими купцами началось еще в XII в. и приобрело массовый характер сразу же после завоевания Константинополя и создания Латинской империи.[68] Под властью венецианцев, а затем генуэзцев древние торговые центры Крыма — прежде всего Феодосия (Кафа), Боспор (Керчь) и Солдайя (Судак) — превратились в крупнейшие центры международной торговли средневековья.[69]

[67] *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu... S. 652.

[68] *Schaube A.* Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge. München; Berlin, 1906. S. 238–239.

[69] См.: *Секиринский С.* Очерки истории Сурожа в IX–XV веках. Симферополь, 1955; *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. Гл. 12; *Якобсон А. Л.*

Успехи в торговле привели к появлению новых географических знаний, а вместе с ними новых, более точных описаний и карт Северного Причерноморья и Крыма. Уже в XIII в. в Италии существовали подробные лоции Черного моря с указанием основных судоходных рек, мысов, протоков и лагун вдоль его западного и северного берегов.[70] В первые десятилетия XIV в. на итальянских портоланах появляются реалистические изображения береговых линий Черного и Азовского морей со всеми их бухтами, мысами и полуостровами (портоланы Джиованни да Кариквано начала XIV в., Петро Весконте 1311 г., Паулино Минориты 1320 г., Марино Санудо 1321 г., уже упоминавшийся портолан Ангелино де Далорто и др.).[71]

Утверждать, что итальянский хронист начала XIV в. перепутал Херсонес Фракийский с Крымом и Галицию с Галатией, а под именем императора Аскария имел в виду Феодора Ласкаря, можно было бы, указав факты, подтверждающие пребывание последнего в Галлиполи и в Галатии после освобождения из латинского плена. Но таких фактов нет.

И хотя деятельность Феодара Ласкаря в 1204–1205 гг. действительно разворачивалась в Малой Азии, она никак не связана с территорией Галатии. Не принятый жителями Никеи, которые уже признали императором его брата Константина, Феодор ушел в район Прусы. Оплотом его борьбы с латинянами и соперниками из среды греческой аристократии были Южная Вифиния и Мисия, а также район Смирны. Эти территории и стали колыбелью будущей Никейской империи.[72] Расположенные далее на восток земли Галатии ко времени описываемых событий входили в состав Иконийского султаната.[73]

Крым в средние века. М, 1973; *Еманов А. Г., Попов А. И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века / Отв. ред. В. Н. Королев. Ростов-н/Д, 1988.

[70] *Todorova E.* 1) More about Vicina and the West Black Sea Coast // EB. Sofia, 1978. T. XIV. № 2; 2) Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья // ИССР. 1989. № 1.

[71] *Калинина Т. М., Подосинов А. В.* Азовское море в античной, средневековой европейской и в арабской картографии // Ad fontem / У источника: Сб. ст. в честь С. М. Каштанова / Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2005. С. 112, примеч. 27; *Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г., Калинина Т. М., Подосинов А. В.* «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 68. См. также: *Фоменко И. К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2007.

[72] *Жаворонков П. И.* У истоков образования Никейской империи. С. 32.

[73] См.: *Savvidēs A. G. K.* Byzantium in the Near East: its relations with the Seljuk sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols. 1192–1237. Thessalonikē, 1981.

Глава пятнадцатая

ВИЗАНТИЯ, БОЛГАРИЯ И ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ РУСЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII–НАЧАЛА XIII вв.

Император Алексей III в изгнании. — Его пребывание в Болгарии и переговоры с царем Калояном. — Роль Галича в поддержке прентендентов на византийский и болгарский престолы и союз Романа Мстиславича с Алексеем III. — Источник сведений Густынской летописи о бегстве Алексея Ангела в Галич

Как уже отмечалось, не соответствует действительности предположение И. Грали о том, что Аскарий в сообщении Фиадони бежал из Константинополя на юг, в Херсонес Фракийский. Это прямо противоречит указанию источника о том, что беглец «направился через Черное море». Между тем, такое направление побега подтверждается сообщениями современников событий, указывающих, что из осажденной столицы император бежал именно на север и его путь действительно лежал через Черное море.

В ночь на 18 июля, после неудачных попыток оказать отпор врагу, император Алексей III покинул свою столицу. О его бегстве сообщают все современники событий, участники и очевидцы осады Константинополя. Наиболее полные сведения представляет византийский историк и царедворец Никита Хониат, указывающий важные подробности интересующего нас события, в том числе и место, где укрылся беглец:

> Сообщив о своем решении некоторым из своих наперсниц и родственников, взяв также с собою дочь Ирину, десять центенариев золота и разные царские украшения, сделанные из драгоценных камней и яркого жемчуга, царь около первой смены ночной стражи с всею возможною поспешностью полетел в Девельт, где уже наперед приготовил себе убежище.[1]

Девельтом византийцы называли нынешний Бургас — портовый город, расположенный на берегу Черного моря вблизи болгарской границы.[2]

---

[1] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 283.

[2] O city of Byzantium: annals of Niketas Choniatēs / Ed. H. J. Magoulias. Detrout, 1984. P. 404.

Пребывание Алексея III в Девельте, судя по сообщению Никиты Хониата, продлилось недолго. Вскоре «прежний царь» перебрался в Адрианополь «в надежде снова возвратить себе царский престол».[3] Однако новый император Алексей IV вместе с войсками Бонифация Монферратского, нанятыми за деньги, немедленно выступил в поход против своего свергнутого дяди, заставив его покинуть Адрианополь и «бежать еще гораздо быстрее и гораздо далее, чем прежде».[4] Очевидно, историк имеет в виду, что Алексей Ангел бежал тогда за пределы империи. Это следует из дальнейшего сообщения о том, что Алексей IV, преследуя беглеца, «обошел города Фракии, устроил их управление, или, лучше сказать, обобрал их начисто»; нигде не найдя своего дяди, он вернулся в Константинополь.[5]

Ил. 43. Византийский император Алексей III. Прорись с билонной монеты начала XIII в., на аверсе которой Алексей изображен рядом со св. Константином

Далее в своем повествовании Хониат переключается на другие события и на значительное время теряет из виду свергнутого императора. Алексей III вновь попадает в поле зрения историка лишь спустя год, когда он осенью 1204 г. появился в Лариссе и соединился с войсками правителя Коринфа Льва Сгура.[6]

Продолжатель Никиты Хониата Георгий Акрополит до некоторой степени позволяет восполнить недостаток сведений о странствиях Алексея Ангела. Правда, его свидетельства о маршруте бегства Алексея из Константинополя отличаются от данных Хониата:

> Император же Алексей Ангел <…> тайно убежав из Константинополя, прибыл к Филиппополю, но, не принятый жителями, отправился в Мосинополь и там решил остановиться.[7]

В своем изложении событий Акрополит также допускает значительный хронологический пропуск: пребывание Алексея в Мосинополе следует отнести к весне–лету 1204 г.

Это явствует из другого сообщения Акрополита, а также из рассказа Виллардуэна о том, что во время пребывания Алексея Ангела в Мосинополе к нему прибыл бежавший из Константинополя очередной император Алексей V Мурчуфл, убивший своего предшественника Алексея IV и на некоторое время захвативший

---

[3] *Никита Хониат.* История… Т. II. С. 296.

[4] Там же. С. 297.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 369.

[7] *Георгий Акрополит.* История / Пер., вступ. ст., комм. и прил. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 50.

трон.[8] По приказу Алексея Ангела Мурчуфл был ослеплен во время посещения бани в Мосинополе.[9]

Если учитывать, что из Константинополя Мурчуфл бежал 12 апреля 1204 г., направляясь к своему тестю в Мосинополь (незадолго перед тем Мурчуфл женился на дочери Алексея III Евдокии),[10] то и появление в Мосинополе самого Алексея III следует, вероятно, датировать апрелем 1204 г.[11] Уже в середине июня латинский император Балдуин (Бодуэн) I подошел с войсками к Мосинополю и вынудил Алексея бежать в Фессалоники.[12]

В начале августа 1204 г. Фессалоники перешли под власть императора Балдуина I и затем были переданы им Бонифацию Монферратскому.[13] Алексей Ангел вновь пустился в бега и, по словам Хониата, «приютился в Темпейских ущельях Фессалии». Поздней осенью 1204 г. в фессалийском городе Лариссе Алексей присоединился к войскам Льва Сгура, захватившего власть в Средней Греции и на Пелопоннесе, выдав за него свою дочь Евдокию.[14]

После этого Алексей Ангел на некоторое время переместился в Коринф, в столицу своего нового зятя. Однако ранней весной 1205 г., когда Коринф осадили войска Бонифация Монферратского, Алексей, пытавшийся бежать из города, был взят в плен и выслан в фессалийский город Алмир (на берегу залива Воло).[15] При этом Бонифаций отнял у Алексея его царские инсигнии и отослал их в Константинополь к императору Балдуину.[16]

Вскоре экс-император был перевезен в Фессалоники, оттуда под конвоем на галере отправлен в Геную, а затем заключен в замок Монферрат, где провел несколько лет. Только в 1208 или 1209 г. его двоюродный брат Михаил I Ангел, правитель Эпира, сумел выкупить Алексея из плена за большие деньги.[17]

Георгий Акрополит сообщает подробности последних лет жизни императора.[18] Недолго пробыв у Михаила I, Алексей III примерно в 1210 г. прибыл к иконийскому султану Гийасу ад-Дину Кай-Хосрову I и вместе с ним 17 июня 1211 г. принял участие в сражении у Антиохии с никейским императором Феодором I Ласкарем.

---

[8] Об этом византийском правителе см.: *Hendrickx B., Matzukis C.* Alexios V Doukas Mourtzouphlos: His Life, Reign, and Death (?–1204) // Ελληνικά. Т. 31. Θεσσαλονίκη, 1979.

[9] *Георгий Акрополит.* История. С. 50; *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя / Пер., ст. и комм. М. А. Заборова. М., 1993. С. 69–70.

[10] Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazhdan. Vol. I. New York; Oxford, 1991. P. 66.

[11] *Prinzing G.* Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204–1219 im Zusammenhang mit der Entstehung und Entwicklung der byzantinischen Teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopels infolge des 4. Kreuzzuges. München, 1972. S. 5.

[12] *Георгий Акрополит.* История. С. 50; *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя. С. 70.

[13] *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя. С. 72, 76–77.

[14] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 369.

[15] *Κορδώσης Μ. Ε.* Ο έκπτωτος Βυζαντινός αυτοκράτορας Αλέξιος Γ στη Μακεδονία και Θεσσαλία // Διεθνές Συμπόσιο «Βυζαντινή Μακεδονία». 324–1430. Θεσσαλονίκη, 1995. Σ. 168–169.

[16] *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя. С. 79.

[17] *Loenertz R.-J.* Aux origins du despotat d'Epire et de la principauté d'Achaïe // Byzantion. T. 43. Paris, 1973. P. 370–376.

[18] *Георгий Акрополит.* История. С. 52–54.

Битва закончилась гибелью Кай-Хосрова и пленением Алексея.[19] Согласно Феодору Скутариоту (автору дополнений к «Истории» Георгия Акрополита), в Никее, по требованию членов синклита и войска, Алексей был ослеплен.[20] После этого он был заключен в монастырь, где и умер.[21]

* * *

В бурной биографии Алексея Ангела в период, когда он был лишен императорского трона, есть только один, сравнительно небольшой временной промежуток, который оказался не освещенным в хрониках византийских историков XIII в. Это время с августа 1203 г., когда экс-император покинул Адрианополь, по апрель 1204 г., когда он появился в Мосинополе. Отсутствие в византийских источниках сведений об Алексее III, относящихся к осени–зиме и ранней весне 1203–1204 гг., по-видимому, объясняется тем, что все это время он находился вне пределов империи.

Лакуна, возникшая в сообщениях византийских историков, может быть заполнена благодаря свидетельству еще одного современника описываемых событий — автора анонимной хроники, известной под названием «Балдуин Константинопольский» и посвященной жизнеописанию первого латинского императора. По сведениям этого источника, вскоре после побега из Константинополя Алексей Ангел оказался в пределах Болгарского царства, направляясь к царю Ивану Калояну. По крайней мере такими сведениями располагали крестоносцы, специально разыскивавшие беглеца:

> И так войдя в Константинополь и разыскивая Алексея, [крестоносцы его] не нашли, так как вместе с пятью тысячами людей [он] бежит к Иоанну, королю Валахии.[22]

Приведенное свидетельство заслуживает доверия, так как происходит из источника, возникшего, по имеющимся данным, не позднее 1219 г.[23] Следовательно, известие о бегстве Алексея в Болгарию относится к наиболее близким по времени возникновения к описываемому событию и составлено к тому же одним из его очевидцев.

Сведения анонимной латинской хроники подтверждаются сообщениями итальянских источников XIII в. О бегстве византийского императора из Константинополя

---

[19] См.: *Жаворонков П. И.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211–1216 гг. // ВВ. Т. 37. М., 1976. С. 48–50.

[20] Theodori Scutariotae Additamenta // Georgii Acropolitae Opera / Ed. P. Wirth. Vol. I. Stuttgart, 1978. P. 278.

[21] Более подробные сведения о биографии Алексея III в период после бегства из Константинополя см.: *Ferjančić B.* Rapports entre Grecs et Latinsapres 1204 // ЗРВИ. Кн. 10. Београд, 1967. С. 174–176; *Prinzing G.* Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens... S. 1–15.

[22] «Et sic intrantes Constantinopolim et Alexium quaerentes minime inveniunt; nam cum quinque millibus hominum fugam capit versus Johanem, regem Valahiae» (Balduinus Constantinopolitanus // FRA. Vol. XII. Wien, 1856. P. 297).

[23] *Klimke J.* Die Quellen zur Geschichte des 4. Kreuzzuges. Breslau, 1875. S. 58; *Mirdita Z.* Vlasi u historiografiji. Zagreb, 2004. S. 42

в «Валахию» сообщается в Генуэзских анналах (в части, составленной продолжателем Каффаро и доведенной до 1293 г.).[24]

Пребывание Алексея III в Болгарии и переговоры с царем Иваном Калояном подтверждаются также двумя документами Охридского архиепископства, датируемыми 1218–1219 гг. В одном из актов Охридского синода, а также в письме архиепископа Димитрия Хоматиана к митрополиту Керкиры Василию Педиадиту говорится об имевших место в недавнем прошлом переговорах византийского императора и константинопольского патриарха с царем и патриархом Болгарии.[25]

В частности, в указанных документах, почти дословно повторяющих друг друга, читаем о том, что в некоторое время назад «власть императора на Западе» была «вся перемещена в Болгарию». Это произошло тогда, «когда сам император, беглец из Константинополя, находился в затруднении». В это же время константинопольский патриарх «состоял в переговорах с царем Болгарии, а также с болгарским патриархом»; «тогда эти переговоры были естественны, потому что они (болгары. — *А. М.*) имели [своих] епископов в тех областях, которые находились под их властью, так как они оставили надежду на восстановление власти Византии». Для датировки описываемых событий важно указание на то, что они происходили во «время натиска латинян и исчезновения монархии».[26]

Очевидно, в приведенных известиях речь идет о константинопольском патриархе Иоанне X Каматеросе. Он должен был присоединиться к переговорам с болгарским царем и патриархом позднее, так как находился в осажденном Константинополе вплоть до его второго захвата крестоносцами и покинул город вместе с прочими беженцами только в апреле 1204 г.[27]

Как считал В. Н. Златарский, Алексей III начал вести переговоры с болгарским царем Иваном Калояном о военной помощи против крестоносцев сразу по прибытии в Девельт, но, несмотря на все старания, эти переговоры ни к чему не привели: Калоян не проявил особого интереса к беглому императору и его предложениям.[28] К такому же выводу в целом склоняется и Г. Принцинг, отмечая при этом, что усилия Алексея все же не прошли совершенно бесследно.[29]

Болгарский царь Иван Калоян, получивший в 1204 г. от папы Иннокентия III титул «короля Болгар и Валахов», играл важнейшую роль в борьбе с крестоносцами. Вскоре в битве при Адрианополе 14 апреля 1205 г. он нанес сокрушительное

---

[24] Annales Januenses [Caffari] / Ed. G. Pertz // MGH. SS. T. XVIII. Hannoverae, 1863. P. 123.

[25] См.: *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия (от основането и до завладяването на Балканския полуостров от турките). София, 1924. Т. 1. С. 100, 130, 207; *Златарски В. Н.* История на българската държава през средните векове. Т. 3. София, 1994. С. 171.

[26] *Ников П.* Принос към историческото изворознание на България и към историята на българската църква // Списание на Българската академия на науките. Кн. XX. София, 1921. С. 47–49, 54–55.

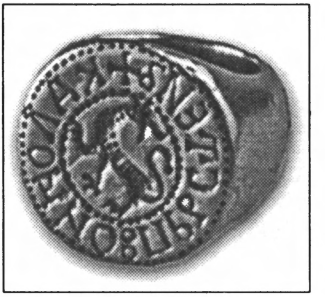
[27] *Niggl Th.* Joannes X. Kamateros (1198–1206) // Lexikon für Theologie und Kirche. 2 Aufl. / Hrsg. von I. Hofer und K. Rahner. Bd. V. Freiburg, 1959. Sp. 1048. См. также: *Wirth P.* Zu Frage eines politischen Engagement Patriarchs Johannes X. Kamateros nach dem vierten Kreuzzuge // BF. Bd. IV. Amsterdam, 1972. S. 248–254.

[28] *Златарски В. Н.* История на българската държава през средните векове. Т. 3. С. 170–171.

[29] *Prinzing G.* Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens... S. 6.

поражение армии Латинской империи и взял в плен ее императора Балдуина I.[30] Возможность тесных контактов с болгарским царем Алексея III подтверждается и тем фактом, что в 1204 г. значительная группа византийских аристократов из окружения свергнутого императора обратилась к Калояну за военной поддержкой: именно благодаря союзу с фракийской знатью последний решился в 1205 г. начать войну с латинянами.[31]

Приведенные сообщения дают основания считать, что прежний император Византии Алексей III в период после августа 1203 и до апреля 1204 г. (то есть более полугода) находился в пределах Болгарии с целью поиска военных союзников против крестоносцев. Следовательно, он имел достаточно времени и возможностей для прямых отношений с соседним Галицко-Волынским княжеством и даже для личного посещения Галича.



Ил. 44. Золотой перстень с печатью болгарского царя Калояна. Начало XIII в. Найден при раскопках могилы Калояна (?) в церкви Свв. Сорока Мучеников в Тырнове. Национальный исторический музей (София, Болгария)

* * *

Нельзя согласиться с И. Гралей, доказывающим, что, ведя переговоры с Иваном Калояном, Алексей III не мог себе позволить поездку к Роману Мстиславичу в Галич, поскольку болгарскому царю едва ли понравились бы переговоры василевса с галицко-волынским князем, военным союзником Византии на почве совместной борьбы с половцами, — союз Византии с Русью мог иметь антиболгарскую направленность.[32]

Подобные доводы нам представляются надуманными. Нельзя не учитывать новую политическую расстановку сил на Балканах, в корне изменившуюся после захвата Константинополя крестоносцами, когда Алексей III уже не мог представлять прежней угрозы для Болгарии и такая угроза начала исходить от нового противника — латинян.[33]

---

[30] См.: *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998. С. 235–237; *Паскалев В.* История на България. Т. 3. София, 1979. С. 139–144; *Петров П.* Възстановяване на Българската държава. 1185–1197. София, 1985. С. 326; *Мутафчиев П., Гюзелев В.* История на българсия народ: 681–1323. София, 1986. С. 274; *Ангелов П.* Българската средновековна дипломация. София, 1988. С. 103, 123, 125; *Ангелов Д., Чолпанов Б.* Българска военна история от втората четвърт на X до втората половина на XV в. София, 1989. С. 89–90; *Ангелов Д.* Византия: политическа история. Стара Загора, 1994 (Българската народност през вековете). С. 249–254 и др.

[31] *Prinzing G.* Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens... S. 8 f.

[32] *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu (Jan Długosz i kronikarz Hustyński) // KH. 1986. R. XCIII. № 3. S. 646.

[33] О роли латинян в развитии византино-болгарских отношений в 1204–1206 гг. см. специальные исследования А. Крантонелли и А. Данчевой-Васильевой: *Κραντονέλλη Α.* Ἡ κατά τών λατίνων ἑλληνο-βουλγαρική σύμπραξις ἐν Φράκη. 1204–1206. Αθήναι, 1964; *Данчева-Василиева А.* България и Латинската империя (1204–1261). София, 1985. С. 43–44 и др.

Ил. 45. Билонная монета византийского императора Андроника I Комнина. 1180-е гг. Британский музей (Лондон, Великобритания)

Главной целью свергнутого византийского императора был поиск военных союзников и продолжения борьбы с латинянами. Алексей III не только не собирался признавать свое поражение, но, напротив, был одержим стремлением «снова возвратить себе царский престол».[34] Все последующие годы вплоть до самой смерти он, как мы видели, настойчиво искал помощи, обращаясь к правителям разных государств, возникших как на территории Византийской империи, так и за ее пределами.

Трудно допустить, что при таких обстоятельствах, находясь у границ Галицко-Волынской Руси, Алексей мог бы отказаться от возможности обратиться за помощью к своему давнему союзнику Роману Мстиславичу и что сообщение о его поездке в Галич Кузентина и Фиадони, авторов, отделяемых от описываемых событий всего несколькими десятилетиями, могло быть лишь выдумкой или каким-то недоразумением.

Обращения за помощью к галицкому и другим русским князьям со стороны претендентов на византийский престол были весьма распространенным явлением в истории русско-византийских отношений. Вспомним хотя бы случай с предшественником Алексея III Андроником I Комнином. Спасаясь от преследований своего двоюродного брата императора Мануила I, в конце 1164 г. Андроник, по сведениям Никиты Хониата и Иоанна Киннама, бежал в Галицию.[35] Его пребывание в Галиче подтверждается и русскими летописями, сообщающими также, что галицкий князь Ярослав Осмомысл принял византийского царевича с честью и дал ему несколько городов «на утешение».[36] Через некоторое время император Мануил направил в Галич двух митрополитов, и они уговорили Андроника вернуться в Константинополь.[37]

В 1185 г. Андроник Комнин, бывший тогда уже византийским императором, оказавшись под угрозой потери трона, вновь предпринял попытку бежать на Русь, по-видимому, опять к Ярославу Осмомыслу в Галич. Он успел погрузиться на триеру и подойти к Черному морю. Но из-за наступившего штиля его триера не смогла набрать скорость и была настигнута сторонниками нового императора, Исаака II Ангела. Андроник был схвачен, возвращен в столицу и вскоре жестоко убит.[38]

Тем же маршрутом к Черному морю спустя 18 лет бежал из Константинополя император Алексей III, который, разумеется, не мог не знать о связях своего предшественника с Галичем и о той поддержке, которую он там находил, — отец

[34] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 296.

[35] Nicetae Choniatae historia / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1835. P. 168–171, 172–173 (Lib. IV. Cap. 2; Lib. V. Cap. 3); Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestare / Rec. A. Meineke. Bonnae, 1836. P. 235–236 (Lib. V. Cap. 12).

[36] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 524; Т. IX. М., 2000. С. 232.

[37] См.: *Юревич О.* Андроник I Комнин. СПб., 2004. Гл. IV: «Пребывание Андроника в Галицкой Руси». См. также: *Ţiuliumeanu M.* Andronic I Comnenul. Iasi, 2000.

[38] *Юревич О.* Андроник I Комнин. С. 158–160.

Алексея III Андроник Дука Ангел входил в число ближайших доверенных лиц императора Андроника I.[39]

Сам Алексей III поддерживал постоянные контакты с галицко-волынским князем Романом Мстиславичем. Новгородский боярин Добрыня Ядрейкович, ставший впоследствии архиепископом Антонием, во время одного из своих посещений столицы Византии видел там послов «от великого князя Романа», которых возглавлял боярин Твердята Остромирич.[40] Исследователи относят первое посещение Добрыней Константинополя к маю 1200 г.; очевидно, в это же время он и должен был встретить там послов галицко-волынского князя.[41]

Никита Хониат говорит о Романе Мстиславиче как о ниспосланном Богом спасителе империи. Описывая нападение валахов и половцев, едва не закончившееся захватом византийской столицы, историк отмечает:

> Именно Роман, князь галицкий, быстро приготовившись, собрал храбрую и многочисленную дружину, напал на коман и, безостановочно прошедши их землю, разграбил и опустошил ее. Повторив несколько раз такое нападение во славу и величие святой христианской веры <...> он остановил набеги коман и прекратил те ужасные бедствия, которые терпели от них римляне, подавши таким образом единоверному народу неожиданную помощь, непредвиденное заступление и, так сказать, самим Богом ниспосланную защиту.[42]

Очевидно, Роман Мстиславич имел какие-то долгосрочные союзнические обязательства по отношению к Византии, поскольку предоставляемая им военная помощь носила систематический характер. В интересах империи галицко-волынский князь неоднократно совершал военные походы против половцев, добившись значительных успехов в борьбе с ними.[43] Кроме того, Роман выступал на стороне Византии и в ее конфликтах с Болгарией.[44]

Союз Романа с Алексеем III был скреплен браком галицко-волынского князя с родственницей византийского императора, которой, как уже отмечалось, есть веские основания считать дочь Исаака II Анну.[45] Не исключено, впрочем, что

---

[39] *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 726–727; Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. I. P. 64–65, 97–98.

[40] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. Стб. 88–89.

[41] См.: *Белоброва О. А.* «Книга Паломник» Антония Новгородского: (К изучению текста) // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974; *Seemann K. D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 213–221, 413, 449–450.

[42] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 246.

[43] *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. 1180–1204. Cambridge, 1968. P. 132; *Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge; New York, 2005. P. 48–49. См. также: *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 88–89.

[44] *Grala H.* Rola Rusi w wojnach bizantyńsko-bułgarskich przełomu XII i XIII w. // BP. T. II. Poznań, 1985. S. 128–131.

[45] *Войтович Л.* Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського) // Княжа доба: історія і культура. Вип. 1. Львів, 2007.

Ил. 46. П. Андрусев. Послы византийского императора Алексея Ангела просят Романа Мстиславича о помощи против половцев. Иллюстрация к книге А. Лотоцкого «Княжа слава. Історичні оповідання» (Краків; Львів, 1942)

новой женой Романа стала, как считает И. Граля, представительница знатного византийского рода Каматерос, родственного династии Ангелов, по имени Мария, состоявшая в родстве также с константинопольским патриархом Иоанном X.[46]

Галицко-Волынская Русь становилась убежищем не только для византийских императоров и членов их семей, но также и для правителей Болгарии. По сведениям Георгия Акрополита, знаменитый впоследствии болгарский царь Иван II Асень, как и его младший брат Александр, свои детские и юношеские годы провели на Руси, вероятнее всего в Галичине, спасаясь от преследований царя Борила. Братья прожили здесь около десяти лет, с 1207 по 1217 гг. С помощью «русских беглецов», в которых исследователи видят галицких «выгонцев», обитавших в низовьях Днестра, Иван сумел захватить болгарский престол.[47]

* * *

Как устанавливает И. Граля, сообщение о бегстве Алексея Ангела из Константинополя в Галицию было заимствовано составителем Густынской летописи из хроник Мартина Кромера и Мартина Бельского, воспроизводивших в свою очередь известие Яна Длугоша.[48] Однако по своему объему сообщение Густынской летописи превышает известия польских хронистов. Кроме того, автор Густынской летописи называет византийского императора его настоящим именем — «Алексей Ангел, царь Греческий»; «со своими бояры и со множеством богатства и сокровищъ» василевс из Константинополя бежит непосредственно в «Рускую землю ко Роману Мстиславичу въ Галичъ»; о бегстве императора в Херсонес летописец не упоминает.[49]

---

[46] *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza // SO. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4. S. 126.

[47] *Георгий Акрополит.* История. С. 62. См. также: *Кулаковский Ю. А.* Где находилась Вичинская епархия? // ВВ. Т. IV. СПб., 1897. С. 333; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 169; *Князький И. О.* Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель (конец IX–середина XIII вв.). Коломна, 1997. С. 209–210; *Бибиков М. В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004. С. 263.

[48] *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu… S. 655.

[49] ПСРЛ. Т. XL. СПб., 2003. С. 108.

Несоответствие сведений польских хроник и русской летописи ставит перед исследователем новый вопрос: какими дополнительными источниками мог пользоваться составитель Густынской летописи в рассказе о бегстве Алексея в Галич?

Густынская летопись принадлежит к числу крупнейших памятников украинского летописания XVII в. Наиболее полная ее часть включает известия по древнерусской истории за X–начало XIII вв. В этой части Густынская летопись близка к Ипатьевской (по Хлебниковскому списку), но более кратка. Составитель Густынской летописи использовал также северо-восточную летопись, возможно, типа Воскресенской, и, кроме того, оставил ссылки на «иные русские летописцы», «наши летописцы», «польских летописцев», «угорских летописцев», Патерик Киево-Печерского монастыря, русский Пролог и др.[50]

К числу источников, использованных составителем Густынской летописи, Ю. А. Мыцык относит также Палинодию Захария Копыстенского.[51] Именно Палинодия Копыстенского, знавшего не только русские и польские, но также и византийские источники, по мысли И. Грали, стала для составителя Густынской летописи дополнительным источником сведений о бегстве Алексея III в Галицию.[52] Среди славянских источников Палинодии, использованных при описании захвата Константинополя крестоносцами, ее автор указывает на какую-то Хронику сербскую, в которой И. Граля видит один из широко распространенных на Руси в XVI–XVII вв. хронографов, восходящих в Русскому хроногшрафу редакции 1512 г.[53]

Однако полного совпадения между приведенными источниками в известии о падении Константинополя и бегстве Алексея Ангела в Галицию нет.[54] И. Граля указывает еще один источник, с текстом которого обнаруживаются параллели в сообщениях об осаде и заваевании Константинополя крестоносцами Густынской летописи. Это — широко известный памятник русской письменности XIII в., именуемый в литературе Повестью о завоевании Царьграда фрягами.[55] Повесть сохранилась в значительном количестве списков, дошедших в составе нескольких летописей.[56] Древнейшими редакциями памятника, со-

---

[50] *Кучкин В. А., Муравьева Л. Л.* Предисловие // ПСРЛ. Т. XL. С. 3. См. также: Latopis Hustyński / Opracowanie, prekład i komentarze H. Suszko. Wrocław, 2003.

[51] *Мыцык Ю. А.* Украинские летописи XVII века. Днепропетровск, 1978. С. 12. О Палинодии Захария Копыстенского см.: *Завитневич В. Е.* Палинодия Захарии Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI–XVII вв. Варшава, 1883.

[52] *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu... S. 658.

[53] Ibid.

[54] Ср.: ПСРЛ. Т. XXII. С. 392; Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. СПб., 1878. (РИБ. Т. IV). Стб. 1016.

[55] *Grala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu... S. 659.

[56] См.: *Мещерский Н. А.* 1) Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // ТОДРЛ. Т. X. М.; Л., 1954; 2) Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии // ВВ. Т. IX. М., 1956; *Gordon J.* The Novgorod account of the fourth crusade // Byzantion. T. 58. 1973; *Freydank D.* Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204 (Chronista Novogorodiensis) // Byzantinoslavica. T. 29. 1968; *Клейненберг И. Э.* «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // ЛХ. 1973 г. М., 1974.

гласно О. В. Творогову, являются версии Новгородской Первой и Софийской Первой летописей.[57]

Таким образом, составитель Густынской летописи, как и его предшественники, при описании падения Константинополя и бегства экс-императора Алексея на Русь располагал весьма широким кругом разнообразных источников. Многие из них удается идентифицировать с ныне известными памятниками. Однако в части, касающейся сведений о бегстве Алексея III в Галицию, рассказ Густынской летописи не находит полного соответствия ни с одним из них.

Поэтому по-прежнему актуальным остается предположение о том, что в распоряжении автора Густынской летописи могла быть ныне утраченная русская летопись, непосредственно содержащая сведения о бегстве византийского императора в Галицию. По мнению Н. Ф. Котляра, в целом не признающего достоверность таких сведений, «подобная книжная легенда могла родиться даже в подлинном источнике начала XIII в.».[58]

[57] *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 148–151; 158–159.

[58] *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. С. 96.

Глава шестнадцатая

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОЮЗНИК ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XIII в.

Обострение политической обстановки на Балканах: восстание болгар и набеги половцев. — Известия Никиты Хониата о военной помощи империи со стороны Романа Мстиславича. — Датировка рассказа Никиты Хониата о походе галицкого князя на половцев. — Русские источники о времени половецкого похода Романа

В конце XII–начале XIII в. Византийская империя переживала один из самых сложных периодов в своей тысячелетней истории. Особенно тяжелым оказалось ее внешнеполитическое положение. На Западе державе ромеев угрожал император Генрих VI, требуя уступки территорий от Диррахия до Фессалоник, на часть византийских территорий претендовали венецианцы, от империи отложился Кипр, с каждым годом усиливалось противостояние с римским папой Иннокентием III.[1] На Востоке Византия вела тяжелую войну с Иконийским султанатом, начатую ввиду необдуманных внешнеполитических действий Алексея III.[2]

Чрезвычайная ситуация сложилась вокруг границ империи на Балканах. В 1180 г. власть Византии перестала признавать Сербия. Вскоре ее правитель Стефан Неманя (1168–1196) перешел к более агрессивным действиям, заняв Южную Далмацию.[3] Его поддержал венгерский король Бела III (1173–1196), захвативший у империи в 1181 г. Хорватию, Северную Далмацию и область Срема. В 1183 г. в союзе с сербами венгры захватили и подвергли разгрому Белград, Браничево, Ниш и Средец.[4]

Ситуацией на Балканах воспользовались сицилийские норманны, которые во главе с королем Вильгельмом II Добрым (1166–1189) в 1185 г. захватили Диррахий и Фессалоники и начали поход на Константинополь, у стен которого уже стоял

---

[1] См.: *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. 1180–1204. 7 Ed. Cambridge, 1968.

[2] См.: *Savvidēs A. G. K.* Byzantium in the Near East: its relations with the Seljuk sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols. 1192–1237. Thessalonikē, 1981.

[3] См.: *Blagojević M., Petković S.* Srbija u doba Nemanjića: od kneževine do carstva. 1168–1371. Beograd, 1989. S. 35 и сл.

[4] *Makk F.* The Arpads and the Comneni. Political relations between Hungary and Bizantium in the 12th century. Budapest, 1989. P. 107, 115–117.

их флот. Только беспечность захватчиков позволила тогда империи выстоять. Опьяненные легкими успехами, норманны занялись грабежом захваченных областей и, относясь пренебрежительно к византийскому войску, утратили бдительность. Войска императора Исаака воспользовались благоприятной возможностью и нанесли норманнам тяжелое поражение, вынудив их очистить Фессалоники и Диррахий.[5]

В 1186 г. началось освободительное восстание в Болгарии под предводительством братьев Асеней, сопровождавшееся чередой кровопролитных болгаро-византийских войн.[6] За время своего правления Исаак II совершил четыре похода на Болгарию, лично возглавляя византийскую армию. Четвертый поход, предпринятый летом 1190 г. завершился для византийцев катастрофой: армия императора попала в западню, устроенную болгарами в тесном проходе в Тревненских горах, и почти вся была уничтожена.[7]

Еще одна смертельная угроза для Византийской империи возникла в 1189 г., когда император Фридрих I Барбаросса, как участник Третьего Крестового похода, двинулся со своими войсками через Балканский полуостров по направлению к Константинополю. Правители Сербии и Болгарии попытались использовать момент, чтобы при помощи германского государя добиться полной независимости. Во время пребывания в Нише Фридрих принимал сербских послов и самого великого жупана Стефана Неманю и там же вел переговоры с болгарами. Сербы и болгары предлагали крестоносцам союз против византийского императора, но под тем условием, чтобы Фридрих позволил Сербии присоединить Далмацию и сохранить отвоеванные у Византии земли, а Асеням обеспечил бы власть над Болгарией и признал за Петром царский титул. По каким-то причинам Фридрих не дал на это своего согласия.[8]

Новый византийский император Алексей III, стремясь к мирному решению балканских противоречий, начал с болгарами переговоры. Но последние выдвинули неприемлемые для империи условия. Тогда византийские власти прибегли к тактике заговоров и убийств: вследствие греческих происков два старших Асеня, самопровозглашенные цари-соправители Болгарии Иван и Петр, погибли от руки убийц.[9]

Став их преемником, младший из братьев Асеней Иван Калоян (1197–1207) в 1199 г. возобновил войну с Византией, воспользовавшись новым ослаблением императорской власти ввиду начавшихся внутренних мятежей. В 1201 г. Калоян

---

[5] *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. P. 68, 223.

[6] См.: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 448–464; *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеневци. София, 1978. С. 21–50; История на България. Т. 3. С. 125–128; *Петров П.* Възстановяване на българската държава. 1185–1197. София, 1985. С. 218–232.

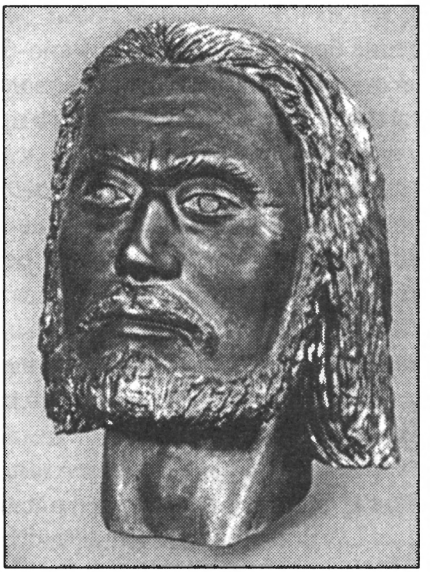
[7] Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 429–430; *Георгий Акрополит.* История / Пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 55–56.

[8] *Hafner St.* Serbisches Mittelalter: Altserbische Herrscherbiographien. Bd. I. Graz; Wien; Köln, 1962. S. 157 f.; *Eickhoff E.* Friedrich Barbarossa im Orient: Kreuzzug und Tod Friedrichs I. Tübingen, 1977. S. 41, 61, 64 f.

[9] См.: *Божилов И.* Фамилията на Асеневци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985. С. 27–40.

взял Констанцу, а затем Варну. Болгары активно участвовали в набегах на Фракию и Македонию, подвергая византийские провинции нещадному разорению.[10]

В самой Македонии тем временем антивизантийское восстание поднял болгарский боярин Добромир Хриз, бывший прежде византийским наместником в области Струмица. В середине 1190-х гг. он отказался признавать власть империи и создал небольшое самостоятельное княжество с центром в городе Просек (южная часть современной Вардарской Македонии). Его поддержал византийский военачальник Мануил Камица, изменивший Алексею III. Вскоре к ним примкнул еще один изменник — византийский наместник Родопской области Иоанн Спиридонаки, объявивший себя независимым правителем. Всем им стал оказывать поддержку Калоян. Добромир Хриз начал наступательные действия и захватил города Битол и Прилеп, его отряды проникли в Фессалию и в Пелопоннес.[11]



Ил. 47. Предполагаемый облик болгарского царя Калояна. Реконструкция по останкам из погребения, открытого в 1972 г. в церкви Свв. Сорока Мучеников. Региональный исторический музей (г. Велико Тырново, Болгария)

В борьбе с империей Калоян проявлял необыкновенную жестокость, добиваясь полного истребления всех греков, живущих на болгарских землях. По свидетельству Никиты Хониата, после взятия Варны Калоян

> всех, кого взял в плен, живыми бросил в ров и, засыпав в уровень землею, заживо похоронил в нем, как в одной общей могиле.[12]

Положение ухудшалось вследствие установившегося в конце XII в. антивизантийского военного союза болгар с половцами. По соглашению 1186 г., заключенному с правителями болгар, половцы получили возможность не только для беспрепятственных набегов на византийские владения, но и для массового переселения на новые земли в низовьях Дуная, в результате чего возникла новая подконтрольная им область в Восточной Европе, известная как Придунайская

---

[10] *Державин Н. С.* История Болгарии: Болгария времен Первого и Второго царств (679–1393). М.; Л., 1948. С. 130 и сл.; *Цанкова-Петкова Г.* Българско-гръцки и българско-латински отношения при Калояне и Бориле // Известия на Института за история. Т. 21. София, 1970. С. 149 и сл.

[11] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. М., 1997. С. 269–272, 295; История на България: В 14 т. / Под ред. Д. Косева. Т. 3. Втора Българска държава. София, 1982. С. 131–133; *Овчаров Н. Д.* История и археология на Вардарска Македония през XIV в. София, 1996. С. 80 и сл.

[12] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 263.

Кумания.[13] В последнее время болгарские историки стали связывать происхождение братьев Асеней с кумано-болгарским этническим элементом, обитавшим на севере Болгарии, в противоположность принятой в румынской историографии гипотезе валашско-румынского происхождения основателей Второго Болгарского царства.[14]

Новые болгаро-византийские войны, в которых активное участие принимали половцы, развернулись в начале 1190-х гг. Перейдя Дунай ранней весной 1190 г., половцы вынудили Исаака II оставить территорию Северной Болгарии и отступить за Балканы.[15] Все попытки византийцев перейти в контрнаступление оказались тогда безрезультатными.[16] Через некоторое время в битве на Мораве в окрестностях Филиппополя византийцам как будто сопутствовал некоторый успех: победа над «влахами» (болгарами) и «скифами» (половцами), по-видимому, была достигнута в зимнюю кампанию 1190/91 гг.[17]

Однако успех оказался слишком непрочным. Как отмечает Хониат, атаки болгар и половцев на византийские владения продолжались и стали беспрерывными.[18] Все попытки империи остановить агрессию заканчивались неудачами: ок. 1195 г. — поражение Алексея Гида и Василия Ватаца близ Аркадиополя;[19] ок. 1196 г. — поражение и пленение севастократора Исаака Комнина при Серрах.[20]

В правление Алексея III нападения половцев и болгар на земли империи приобрели катастрофические масштабы, враги начали угрожать самой ее столице. Никита Хониат сообщает, что «каждый год несколько раз» греки подвергались нашествию варваров, пленению и продаже в рабство; земли Фракии и Македонии обратились в пустыню, простиравшуюся вплоть до Гема (Балканских гор); задуманный императором поход против болгар постоянно откладывался, они же вместе с половцами опустошали «самые лучшие области» и возвращались обратно, «не встретив нигде сопротивления»; враги едва не подступали к земляным воротам Константинополя.[21]

---

[13] См.: *Рассовский Д. А.* Роль половцев в войнах Асеней с Византийской и Латинской империями 1186–1207 гг. // Списание на Българската Академия на науките. Т. 59. София, 1939. С. 203 сл.; *Павлов Пл.* За ролята на куманите в българската военна история (1186–1241 г.) // Военно-исторический сб. № 6. София, 1990. С. 14–17; *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 250–257; *Князький И. О.* Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003. Гл. IV; *Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans. 1185–1365. Cambridge; New York, 2005. P. 42–47.

[14] См.: *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеневци. С. 21–50; *Петров П.* Възстановяване на българската държава.

[15] Nicetae Choniatae Historia. P. 428.

[16] Ibid. P. 429; Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1972. P. 3.

[17] *Diethen J. L., van.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. Berlin, 1971. S. 62 f.

[18] Nicetae Choniatae Historia. P. 437.

[19] Ibid. P. 446.

[20] Ibid. P. 468.

[21] Ibid. P. 473, 487, 499–501, 522–523.

* * *

В этой обстановке помощь Романа Мстиславича, который, быстро приготовившись и собрав «храбрую и многочисленную дружину», напал на половцев, разграбив и опустошив их землю, воспринималась византийцами как чудо, «самим Богом ниспосланная защита». Никита Хониат посвящает этому событию следующие сообщение, полное восторженных слов в адрес русского князя и «христианнейшего народа русского»:

> В следующий год валахи вместе с команами опять произвели нашествие на римские владения и, опустошив самые лучшие области, возвратились обратно, не встретив нигде сопротивления. Может быть, они подступили бы даже к земляным воротам Константинополя и устремились против самой столицы, если бы христианнейший народ русский и стоящие во главе его князья, частию по собственному побуждению, частию уступая мольбам своего архипастыря, не показали в высшей степени замечательной и искренней готовности помочь римлянам, приняв участие в них, как народе христианском, каждый год несколько раз подвергающемся нашествию варваров, пленению и продаже в рабство народам нехристианским. Именно Роман, князь галицкий, быстро приготовившись, собрал храбрую и многочисленную дружину, напал на коман и, безостановочно прошедши их землю, разграбил и опустошил ее. Повторив несколько раз такое нападение во славу и величие святой христианской веры, которой самая малейшая частица, каково, например, зерно горчичное, способна переставлять горы и передвигать утесы, он остановил набеги коман и прекратил те ужасные бедствия, которые терпели от них римляне, подавши таким образом единоверному народу неожиданную помощь, непредвиденное заступление и, так сказать, самим Богом ниспосланную защиту. Сверх того загорелись тогда распри между самими этими тавроскифами; именно, этот же самый Роман и правитель Киева Рюрик обагрили мечи в крови своих единоплеменников. Из них Роман, как более крепкий силою и более славный искусством, одержал победу, причем также истребил множество коман, которые помогали в борьбе Рюрику, составляя сильнейшую и могущественнейшую часть его войска.[22]

Как видим, помощь Византии Роман оказывал неоднократно, несколько раз повторив свои походы на половцев. Военные действия против степняков, по сведениям Никиты Хониата, русский князь начал по прямой просьбе империи, переданной через архипастыря православной церкви (ἀρχιποιμήν) — константинопольского патриарха или киевского митрополита.[23] Кроме того, Роман выступал на стороне Византии и в ее противостоянии с Болгарией, что также благоприятно влияло на стабилизацию внешнеполитического положения империи на Балканах.[24]

---

[22] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 245–246. Оригинальный текст см.: Nicetae Choniatae Historia P. 522–523.

[23] *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. P. 132; *Vásáry I.* Cumans and Tatars... P. 48–49.

[24] *Grala H.* Rola Rusi w wojnach bizantyńsko-bułgarskich przełomu XII i XIII w. // BP. T. II. Poznań, 1985. S. 128–131.

Ил. 48. Остатки средневековых стен Константинополя. Современный вид (Стамбул, Турция)

Историки справедливо отмечают, что галицко-волынский князь остался едва ли не единственным союзником Византийской империи вообще в период, когда она подвергалась наиболее тяжким испытаниям и когда объединение лояльных к ней стран, именуемое в литературе «византийским содружеством наций», фактически перестало существовать.[25]

Беспрецедентный характер русско-византийских отношений времен Романа Мстиславича отмечает Г. Г. Литаврин. По словам историка, «походы Руси на печенегов и половцев были выгодны империи, но нет сведений о том, чтобы она сама взывала об этом к русам. Единственный (упомянутый под 1200 г.) пример помощи русов Византии по прямой ее просьбе — удар по половцам, нанесенный по просьбе Алексея III Ангела Романом Мстиславичем Галичским».[26]

* * *

Еще в 1965 г. Н. Ф. Котляр высказал предположение о том, что свой первый поход на половцев Роман Мстиславич должен был совершить в 1197/98 г.[27] Исто-

[25] *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 248.

[26] *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX–начало XII в.). СПб., 2000. С. 356–357.

[27] *Котляр М. Ф.* Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? // УІЖ. 1965. № 1. С. 119–120. См. также: *Котляр Н. Ф.* 1) Из исторического комментария к «Слову о полку Игореве» (Кто был Мстислав) // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 46; 2) Галицко-Волынская Русь и Византия в XII–XIII вв. (связи реальные и вымышленные) // Южная Русь и Византия: Сб. науч. трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1991. С. 25.

рик при этом опирается на приведенный выше рассказ Никиты Хониата об атаке Романа на степняков, совершенной по прямой просьбе византийцев. И поскольку Хониат в своем повествовании обходится без указания хронологии описываемых им событий, единственным датирующим признаком в рассказе о походе в Степь галицко-волынского князя является его начальная фраза: «В следующий год...».

Рассказу о Романе в «Истории» Хониата непосредственно предшествует сообщение о посещении византийского императора Алексея III иконийским султаном Кай-Хосровом I (1192–1196, 1205–1211), когда он, лишившись престола, вынужден был искать убежища и помощи в Византии.[28] По логике Н. Ф. Котляра, установив дату этого посещения и прибавив к ней один год, можно получить искомую дату похода в Степь Романа. Первое правление Кай-Хосрова завершилось в 1196 г., следовательно, делает вывод Котляр, поход Романа против половцев состоялся в 1197-м или, самое позднее, в 1198 г., если прибавить время на скитания изгнанника.[29]

Таким образом, историк устанавливает, что наряду с двумя известными ранее походами против половцев, датируемыми в Лаврентьевской летописи 1202 и 1205 гг. (второй и третий походы, по счету Котляра), Роман Мстиславич совершил еще один (первый поход), известный только по «Истории» Хониата и состоявшийся в 1197/98 г., когда сам Роман еще не был галицким князем.[30] Этот вновь установленный исторический факт получил широкое распространение в новейшей литературе,[31] обрастая новыми деталями и уточнениями. Например, согласно Л. В. Войтовичу, «свои походы против половцев» Роман Мстиславич осуществлял в 1197–1198 гг. с территории Болоховской земли, тем самым закрепляя ее за Волынью.[32]

---

[28] Nicetae Choniatae Historia P. 520–522. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 242–245.

[29] *Котляр М. Ф.* 1) Історія дипломатії Південно-Західної Русі. Київ, 2002. С. 70; 2) Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 88. См. также: Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 181.

[30] Свои выводы Н. Ф. Котляр многократно повторяет во множестве публикаций, вышедших в последние годы. Помимо уже указанных работ см. также: *Котляр М. Ф.* 1) Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 258; 2) Галицько-Волинська Русь, Візантія і Угорщина в XII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вип. 1. Київ, 2000. С. 9–10; 3) Роман і Романовичі в історії та поезії // УІЖ. 2001. № 4. С. 58; 4) Данило Галицький. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 47; 5) Роман и Романовичи в исторической и поэтической традиции // ДГ. 2002 г. М., 2004. С. 117; 6) Стратегия обороны галицкими и волынскими князьями государственных рубежей в XII в. // ВВ. Т. 65 (90). 2006. С. 74–75; 7) Даниил, князь Галицкий. СПб., 2008. С. 43.

[31] Особенно в связи с изучением проблемы авторства и времени создания «Слова о полку Игореве»; см., например: *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 221; *Яценко Б. И.* Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. XXXI. Л., 1976. С. 122, и др. См. также: *Головко А. Б.* Князь Роман Мстиславович // ВИ. 2002. № 12. С. 63. Впрочем, в литературе высказывались соображения насчет недостаточной обоснованности предположения Н. Ф. Котляра: *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza // SO. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4. S. 122.

[32] *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 475.

Однако насколько надежны полученные Н. Ф. Котляром результаты? Можно ли вообще хронологически связывать лишение престола и изгнание иконийского султана в 1196 г. с первым походом против половцев галицко-волынского князя? В своих рассуждениях Котляр совершенно не учитывает, что период изгнания Кай-Хосрова продолжался около десяти лет — с 1196 по 1205 гг., и за это время экс-султан посещал византийскую столицу неоднократно. Более того, согласно сообщению Хониата, Кай-Хосров был принят императором Алексеем не один раз (как думает Котляр), а дважды.

Первый прием состоялся непосредственно после изгнания, то есть ок. 1196 г. (впрочем, по некоторым данным, само изгнание Кай-Хосрова I следует датировать 1197 г.).[33] Тогда, по словам Хониата, Кай-Хосров «встретил самое слабое сочувствие, в высшей степени не удовлетворившее его ожиданий».[34] В охлаждении к нему Алексея III свою роль, несомненно, сыграл недавний случай с самовольным захватом Кай-Хосровом двух арабских скакунов, посланных императору султаном Египта, также описанный Хониатом.[35]

Не получив никакой поддержки в Константинополе, Кай-Хосров попытался вернуться в Иконию, но был снова изгнан и бежал со своими сыновьями в Армению, где безуспешно пытался уговорить киликийского царя Левона II (1186/7–1219) оказать ему военную помощь. Получив отказ, султан отправился в Сирию, в Алеппо, где провел около двух лет, и затем вторично прибыл в Константинополь.[36] Лишь после нескольких лет скитаний Кай-Хосров удостоился второй аудиенции у императора: не получив и на этот раз военной помощи, он тем не менее добился большего расположения к себе Алексея. По сведениям Георгия Акрополита, экс-султан настолько сблизился тогда с императором, что был крещен им и даже усыновлен, а во время осады Константинополя крестоносцами помог императору бежать.[37]

Совершенно очевидно, что, помещая сообщение о приеме Кай-Хосрова Алексеем III перед рассказом о походе на половцев Романа Мстиславича, Никита Хониат имеет в виду не первый, а второй прием императором беглого иконийского султана. Об этом свидетельствуют общий порядок изложения событий и композиция рассказа о злоключениях Кай-Хосрова. Начиная рассказ с сообщения о втором приеме у императора («Около этого времени представлялся императору сатрап Иконии Кай-Хосров»), историк затем делает отступление назад, чтобы рассказать о предшествовавших событиях: «Желая сказать несколько слов о роде этого персиянина, я сделаю теперь небольшое отступление, но затем

---

[33] Различные датировки этого события приводят В. А. Гордлевский и Д. Моравчик: *Гордлевский В.* Государство сельджукидов в Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 185–186; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. II. Berlin, 1983. S. 57, 112.

[34] Nicetae Choniatae Historia. P. 520.

[35] Ibid. P. 493–494.

[36] Ibid. P. 520–522. См. также: *Duda H. W.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959. S. 21–27; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. 1071–1330. London, 1968. P. 115.

[37] *Георгий Акрополит.* История / Пер., вступ. ст., коммент. и прилож. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 53.

Ил. 49. Г. Икония — столица Иконийского султаната. Комплекс мавзолея Мевляны (Джалаледдина Руми), основателя дервишского ордена Мевлеви. Современный вид (г. Конья, Турция)

снова немедленно ворочусь к порядку моего рассказа». После этого предуведомления Хониат подробно излагает обстоятельства лишения Кай-Хосрова власти и упоминает о его первом свидании с императором, затем говорит о бегстве в Армению и новом возвращении изгнанника в Константинополь.[38]

Вторая аудиенция Кай-Хосрова у императора Алексея, которую действительно можно принять за отправную точку при датировке похода на половцев Романа Мстиславича, должна была состояться не ранее 1200 г., то есть в период второго пребывания экс-султана в Константинополе, которое, по свидетельству различных источников, продолжалось с 1199/1200 по 1203 г.[39]

Такая датировка полностью соответствует общей хронологии и последовательности изложения событий, описываемых Никитой Хониатом в начале третьей книги «Истории», посвященной царствованию Алексея III. Книга начинается подробным описанием похода Алексея против мятежника Добромира Хриза и неудачной осады византийцами его столицы Просека.[40] Эти события, а также

[38] Nicetae Choniatae Historia. P. 520–522. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 242–245.

[39] См.: *Duda H. W.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. S. 27–29. См. также: *Turan O.* Les souverains seldjoukides et leurs sujets non-musulmans // Studio Islámica. Vol. I. Paris, 1953. P. 79.

[40] Nicetae Choniatae Historia. P. 502–508. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 215–224. О Добромире Хризе и его отношениях с Византией см.: *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. 1180–1204. Cambridge, 1968. P. 128–129, 133–135; *Hoffmann J.* Rudimente von Territorialstaaten im byzantinischen Reich (1071–1210). Untersuchungen über Unabhängigkeitsbestrebungen u. ihr Verhältnis

заключенный с Хризом мир и его женитьбу на родственнице императора обычно датируют 1197–1198 гг.[41]

Далее Хониат сообщает о повторном замужестве дочерей Алексея III Анны и Ирины, выданных соответственно за Феодора Ласкаря и Алексея Палеолога.[42] Пышные свадьбы состоялись в самом начале 1199 г.[43]

После этого историк приступает к подробному рассказу о борьбе Алексея с еще одним мятежником, по имени Иванко.[44] Иванко был двоюродным братом Асеней и в 1196 г. встал во главе заговора против царя Ивана I, павшего от его руки. После убийства болгарского царя Иванко бежал в Константинополь и получил от императора в управление Филиппополь (Пловдив) с округой — последний оплот византийской власти в охваченной восстанием Болгарии. Однако в конце 1198 г. Иванко отказался признавать власть империи и объявил себя независимым правителем.[45]

На подавление мятежа были посланы войска во главе с протостратором Мануилом Камицей. Поначалу военные действия развивались для византийцев успешно, но в 1199 г. Камица попал в засаду и был пленен. Тогда командование войсками принял сам император Алексей III. Военная кампания шла без особого успеха, и только хитростью, под видом мирных переговоров, Алексею удалось заманить Иванко в ловушку и убить. Окончание борьбы с ним историки датируют 1200 г.[46]

Следующим событием, к описанию которого переходит Хониат после известия о возвращении в столицу императора и краткого рассказа об эксцентричных выходках императрицы Евфросинии в его отсутствие, стал упомянутый выше прием Алексеем III беглого иконийского султана Кай-Хосрова, состоявшийся, по словам историографа, «около этого времени», то есть в том же 1200 г.

Помещенное в тексте «Истории» Хониата непосредственно после этого сообщения известие о походе Романа Мстиславича на половцев по просьбе Византии, произошедшем «в следующий год», таким образом, нужно датировать началом 1201 г.

Такая датировка так или иначе принимается практически всеми исследователями, обращавшимися к известию Хониата о походе Романа в Половецкую землю, которые относят его либо к концу 1200-го, либо к началу 1201 г.[47] Это согласуется

---

zu Kaiser u. Reich. München, 1974. S. 46–47, 89 f.; *Fine J. V. A.* The Late Medieval Balkans: a critical survey from the late twelfth century to the Ottoman conquest. Ann Arbor, 1994. P. 28–32.

[41] История на България. Т. 3. С. 131–133; *Fine J. V. A.* The Late Medieval Balkans... P. 30.

[42] Nicetae Choniatae Historia. P. 508–510. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 224–227.

[43] *Vannier J.-F.* Les premiers Paléologues. Étude généalogique et prosopographique // *Cheynet J. C., Vannier J.* Études prosopographiques. Paris, 1986. P. 164. Nr. 29; P. 170–172.

[44] Nicetae Choniatae Historia. P. 510–520. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 227–240.

[45] *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеневци. С. 42–43; *Божилов И.* Фамилията на Асеневци... С. 44–45.

[46] См.: *Златарски В. Н.* История на Българската държава през средните векове. Т. 3. София, 1994. С. 117–119, 137–139; *Fine J. V. A.* The Late Medieval Balkans... P. 30–31.

[47] *Muralt E., de.* Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slavons. T. II. SPb.; Leipzig, 1871. P. 261–262; *Успенский Ф. И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879. С. 208–209; *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до

с приведенными Хониатом в конце второй и начале третьей книги «Истории» царствования Алексея Ангела известиями о начале массированных нападений на территорию империи половцев и болгар (скифов и валахов). В первом из них говорится о вторжении варваров во Фракию, когда были разграблены города вокруг Месины и Чурула (Цирула); во втором речь идет о еще более масштабном нападении на земли Македонии («нашествие их было огромнее и ужаснее всех прежних»).[48] Оба указанных случая относятся к периоду с весны (апрель) по осень 1199 г.[49]

Новое и еще более разорительное нападение половцев на Византию, когда, по словам Хониата, захватчики подступили бы к самим воротам Константинополя, если бы не стремительный рейд по их тылам Романа Мстиславича,[50] должно было происходить осенью — зимой 1200/01 или ранней весной 1201 г.[51]

Предлагаемая датировка согласуется с хронологией дальнейших событий, описываемых Хониатом. Ближайшее к известию об ударе по половецким тылам Романа сообщение, которое может быть точно датировано, — рассказ о мятеже против Алексея III константинопольской знати во главе с Иоанном Комнином Толстым.[52] Этот Иоанн, приходившийся правнуком императору Иоанну II Комнину (1118–1143), воспользовавшись отсутствием в столице Алексея, провозгласил себя новым императором, захватил Большой дворец и венчался на царство в храме Святой Софии. Однако следующей же ночью верные Алексею войска вошли в столицу и разбили мятежников. Иоанн Комнин был убит, а соучастники мятежа арестованы и заключены в тюрьмы. Указанные события, благодаря точным сведениям Николая Месарита — скевофилакса (хранителя) реликвий Фаросской церкви Большого императорского дворца, лично спасавших их от разграбления ворвавшейся во дворец толпы, датируются 31 июля–1 августа 1201 г.[53]

нашествия татар. Киев, 1884. С. 37; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. Київ, 1992. С. 561; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 496; *Frances E.* Les relations russo-byzantines au XII siecle et la domination de Galicie au bas-Danube // Byzantinoslavica. T. XX. Praha, 1959. P. 62; *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. P. 132; *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке // ВИ. 1972. № 7. С. 48; *Obolensky D.* The Relations between Byzantium and Russia (eleventh to fifteenth century) // XIII Международный конгрес исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г. Доклады конгресса. Т. I, ч. 4. М., 1973. С. 204; История на България. Т. 3. С. 132; *Fine J. V. A.* The Late Medieval Balkans... P. 31–32; *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans. 1185–1365. Cambridge, 2005. P. 48–49.

[48] Nicetae Choniatae Historia. P. 499–501, 508. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 212–214, 224.

[49] См.: *Grabler Fr.* Die Kreuzfahrer erobern Konstantinopel. Die Regierungszeit der Kaiser Alexios Angelos, Isaak Angelos und Alexios Dukas, die Schicksale der Stadt nach der Einnahme sowie das «Buch von den Bildsäulen» (1195–1206) aus dem Geschichtswerk des Niketas Choniates, mit einem Anhang: Nikolaos Mesarites: Die Palastrevolution des Joannes Komnenos. Graz [etc.], 1958. S. 71–73, 80; *Vásáry I.* Cumans and Tatars. P. 47–48.

[50] Nicetae Choniatae Historia. P. 522.

[51] *Vásáry I.* Cumans and Tatars. P. 48.

[52] Nicetae Choniatae Historia P. 528–530. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 251–253.

[53] *Grabler Fr.* Die Kreuzfahrer erobern Konstantinopel. S. 272; *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. P. 122–124, 347–348, n. 14; *Diethen J. L., van.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen... S. 124.

* * *

Датировка описанного Хониатом похода Романа Мстиславича на половцев началом 1201 г. полностью согласуется с известиями русских источников, имеющими отношение к биографии князя. Трудно допустить, чтобы Роман мог совершать масштабные военные предприятия в интересах Византии еще до того, как он стал галицким князем, то есть до 1199 г. И сами правители Византии едва ли стали бы искать помощи у Романа в период, когда он, будучи князем отдаленной от границ империи Волыни, еще не мог играть той значительной политической роли в жизни Южной Руси, которую он приобрел только после захвата Галича и побед над киевским князем Рюриком Ростиславичем.

Нет никаких сомнений в том, что описанный Хониатом поход Романа на половцев относится ко времени, когда Роман был уже галицким князем, поскольку византийский историк в своем рассказе именует его Галицким правителем (ὁ τῆς Γαλίτζης ἡγεμών Ρωμανός).[54] Хониату было известно также и о «распре» между Романом и Рюриком, в которой победу одержал Роман, «как более крепкий силою и более славный искусством». Об этой «распре» историк говорит как о событии, произошедшем в то же самое время (ὁ τότε χρόνος), когда галицкий князь действовал против половцев на стороне Византии.[55]

Начало военных действий Рюрика против Романа и первый захват Киева галицким князем русские летописи относят к 1202 г.[56] В начале 1203 г. Рюрик при помощи союзных ему половцев (со «всею Половецьскою землею») вернул себе киевский стол, подвергнув столицу Южной Руси жестокому разорению.[57] Вероятно, в начале того же 1203 г. (по хронологии Новгородской Первой летописи) состоялся совместный поход Романа и Рюрика против половцев, после которого Роман, напав на Рюрика, захватил его вместе со всей его семьей и силой постриг в монахи.[58]

Очевидно, что именно эти события имеет в виду Хониат, говоря о «распре» киевского и галицкого князей, закончившейся победой последнего. Следовательно, и походы Романа Мстиславича против половцев, остановившие их набеги на Византию, должны были происходить примерно в это же время.

Походов, по словам Хониата, было несколько: Роман, говорит историк, «несколько раз» повторил «такое нападение». Этот факт подтверждается и русскими летописями, которые знают о двух походах в Степь, предпринятых галицко-волынским князем и поддержанных другими князьями.

О первом походе сообщает Лаврентьевская летопись:

---

[54] Nicetae Choniatae Historia. P. 522.

[55] Ibid. P. 522–523. Комментаторы относят это известие к 1202 г. (*Grabler Fr.* Die Kreuzfahrer erobern Konstantinopel. S. 95).

[56] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 417–418; Т. VII. М., 2000. С. 107.

[57] Там же. Т. I. Стб. 419; Т. III. М., 2000. С. 45, 240.

[58] Там же. Т. I. Стб. 420; Т. III. С. 240.

Ил. 50. Захват половецких веж Романом Мстиславичем и привод пленных половцев на Русь. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Тои же зимы ходи Романъ князь на Половци, и взя веже Половечьскые, и приведе полона много, и душь хрестьяньских множство ополони от них. И бысть радость велика в земли Русьстеи.[59]

Второй поход, очевидно, был более масштабным: в нем помимо Романа участвовали также киевский князь Рюрик Ростиславич, переяславский князь Ярослав Всеволодович (сын Всеволода Большое Гнездо) и «иныи князи».[60] Об этом походе известно также из сообщения Новгородской Первой летописи младшего извода, где среди участников похода значится еще некий князь Мстислав.[61]

Датировка походов вызывает ряд затруднений, связанных с особенностями хронологии известий начала XIII в. Лаврентьевской летописи — главного источника интересующих нас сведений.

Запись о первом походе Романа на половцев помещена в самом конце летописной статьи 6710 г. Как устанавливает Н. Г. Бережков, в этой статье летописец придерживается ультрамартовского стиля обозначения года: 6710 ультрамартовский год соответствует 6709 мартовскому году, который в переводе на христианское летосчисление продолжался с 1 марта 1201 по 28 февраля 1202 г.[62]

Особое внимание исследователь обращает на вторую половину статьи, в которой приводятся известия, относящиеся к Южной Руси, в том числе сообщение о походе на половцев Романа Мстиславича. Н. Г. Бережков сопоставляет его с рассмотренным нами рассказом Никиты Хониата о вторжении галицкого князя в Половецкую землю, прервавшем нападения половцев на Византию. Изучив

[59] Там же. Т. I. Стб. 418.

[60] Там же. Стб. 420.

[61] Там же. Т. III. С. 240.

[62] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 86–87.

хронологию предшествующих и последующих сообщений «Истории» Хониата, Бережков приходит к справедливому выводу о том, что описанный византийским историком поход Романа на половцев должен был состояться в первой половине 6709 сентябрьского года (что соответствует второй половине 6708 мартовского года), то есть происходит зимой 1200/01 г.[63]

К такому же выводу в свое время пришел и М. С. Грушевский. Рассказ Хониата о походе Романа на половцев, по его мнению, следует датировать зимой 1200/01 г., в то время как сообщения Лаврентьевской летописи и связанных с ней позднейших летописных сводов о первом походе в Степь галицко-волынского князя должны быть отнесены к зиме 1201/02 г.[64] Возникающее таким образом расхождение в датировке похода Грушевский оставляет без согласования, поскольку не находит для этого необходимых оснований.[65]

Н. Г. Бережков склоняется к более определенному решению, считая возможным всю группу южнорусских известий второй части статьи Лаврентьевской летописи под 6710 г. отнести к 6708 мартовскому году, продолжавшемуся с 1 марта 1200 по 28 февраля 1201 г. Историк тем самым признает, что указанная статья имеет хронологически сложный состав и сначала включает известия, относящиеся к 6709 мартовскому году, а затем — известия предыдущего, 6708 мартовского года.[66]

Как видим, русские летописи и Хониат допускают возможность датировать первый поход Романа в Степь либо концом 1200-го, либо началом 1201 г. При этом нет никакой возможности относить его к более раннему времени. Что же касается предположения Н. Ф. Котляра, датировавшего первый поход Романа 1197/98 г., то оно не находит опоры ни в русских, ни в византийских источниках и должно быть отвергнуто как ошибочное.

Отнесение начала военных действий против половцев, предпринятых Романом Мстиславичем по просьбе правителей Византийской империи, на конец 1200-го или начало 1201 г. согласуется со свидетельством еще одного древнерусского источника. По сообщению новгородского паломника Добрыни Ядрейковича (будущего архиепископа Антония), в мае 1200 г. Константинополь посещало посольство галицко-волынского князя Романа Мстиславича. Описывая одно из наблюдаемых им церковных чудес — вознесение зажженных кадил в храме Святой Софии, новгородский паломник отмечает его точную дату и видевших это чудо вместе с ним лиц:

> Се же чюдо свято и честно явилъ Богъ въ лето 6708-е, при моемъ животу, месяца маия, на память святаго царя Констянтина и матери его Елены, в 21, в день недельный, при царьстве Алексееве и при патриарсе Иванне, на соборъ святыхъ Отецъ 318, а при посольстве Твердятине Остромирица, иже пришелъ посольствомъ отъ

[63] Там же. С. 87.

[64] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 561.

[65] Там же.

[66] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 87.

великаго князя Романа со Неданомъ и съ Домажиромъ и со Дмитриомъ и съ Негваромъ посломъ.[67]

Целью посольства, очевидно, были переговоры о возможности предоставления военной помощи империи в борьбе с половцами. Тогда же, по-видимому, и была достигнута договоренность о браке галицко-волынского князя с византийской царевной, который должен был скрепить новый военно-политический союз. О том, что такой брак был заключен незамедлительно, вероятно, еще до конца 1200 г., свидетельствует тот факт, что в следующем, 1201 г. у Романа и его новой византийской жены уже родился сын: как видно из сообщения Галицко-Волынской летописи, в год смерти Романа (1205) его старшему сыну Даниилу исполнилось четыре года.[68]

Еще одним хронологическим ориентиром для определения времени удара Романа Мстиславича по половцам, остановившего их участие в нападениях на Византию, может служить прекращение болгаро-византийских войн и заключение мирного договора.

Исследователи с полным основанием ставят эти события в прямую причинно-следственную связь: сокрушительный удар галицко-волынского князя по половецким кочевьям заставил половцев прекратить участие в совместных с болгарами атаках на Византию и уйти за Дунай, чтобы защищать свои собственные земли. Их уход настолько ослабил военный потенциал Калояна, что перед лицом новых военных приготовлений империи он должен был прекратить боевые действия и пойти на заключение мира. Мирный договор Византии и Болгарии, заключенный в конце 1201-го или в начале 1202 г., носил характер взаимного компромисса: империя признавала независимость Болгарии, но возвращала утраченные территории во Фракии; границей между государствами становились Балканские горы.[69]

---

[67] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. Стб. 88–89.

[68] ПСРЛ. Т. II. Стб. 717.

[69] История на България. Т. 3. С. 133; *Божилов И.* Фамилията на Асеневци... С. 46–48; *Fine J. V. A.* The Late Medieval Balkans... P. 31–32; *Гагова К.* Тракия през българското средновековие: историческа география. София, 1995. С. 47.

Глава семнадцатая

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О РОЛИ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОГО КНЯЗЯ В БОРЬБЕ С ВРАГАМИ ИМПЕРИИ[1]

Сообщение Феодора Скутариота. — Поэтическое свидетельство Ефрема Энийского. — Γαλίτζης ἡγεμών — военный союзник и родственник императора. — «Ветвь тавроскифов» из «Вордоны»: о роли русского населения низовьев Днестра и Дуная в византийской политике галицких князей

Помощь Романа, оказанная империи перед лицом постигшей ее смертельной опасности, надолго осталась в памяти византийцев. Вслед за Никитой Хониатом восторженные строки посвящают правителю Галича другие византийские писатели и поэты XIII–XIV вв. Можно сказать, что ни один из русских князей никогда не удостаивался столь высокой оценки византийцев за всю историю империи.

Живейший интерес к подвигам галицкого князя, верного союзника империи и самоотверженного защитника христианской веры, пробудился в Византии в связи с патриотическим подъемом, начавшимся после отвоевания у латинян Константинополя и возрождения Византийской империи в эпоху Палеологов, когда были созданы новые монументальные исторические произведения, заново переосмысливавшие мировую историю и историю Византии.

Создатель одной из таких исторических хроник — всемирной истории от Адама до возвращения Константинополя в 1261 г., иногда называемой в литературе Хроникой Анонима Сафы (Ἀνωνύμου Σύνοφις χρονική), посвящает Роману Мстиславичу такие строки:

> А в следующем году после Куманов, Влахи, выйдя в поход, без ущерба вернулись восвояси. И они не переставали бы выходить против нас в поход, если бы христианнейший народ, Росы, не выступили мужественно против них по приглашению царя. Ведь

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* 1) Малоизвестное поэтическое свидетельство по истории русско-византийских отношений начала XIII в. // ДР. 2008. № 3 (37); 2) Малоизвестные источники по истории русско-византийских отношений начала XIII века: текст, перевод, комментарий // Український історичний зб. Вип. 12. Київ, 2009.

правитель Галиции Роман, собрав многочисленное и достославное войско, внезапно напав на землю Куманов, разорил и уничтожил ее, и много раз он это делал во славу христианской веры. И так он остановил набеги Куманов.[2]

Согласно новейшим данным, автором этого произведения с большой вероятностью мог быть известный византийский историк и церковный деятель второй половины XIII в. Феодор Скутариот (ок. 1230–после 1283). Скутариот принадлежал к окружению никейского императора Феодора II Ласкаря (1254–1258) и состоял в дружеских отношениях с патриархом Арсением Авторианом (1254–1260, 1261–1265), в 1260-е гг. был сакелларием собора Св. Софии в Константинополе и поддерживал церковную политику императора Михаила VIII (1259–1282) в вопросе заключения унии с Римом и объединения церквей. Вершины своей карьеры Феодор Скутариот достиг после 1274 г., когда он был избран митрополитом Кизика.[3]

Феодор Скутариот принимал активное участие в политической жизни империи. Как сообщает Георгий Пахимер, в 1275 г. по его настоянию был смещен константинопольский патриарх Иосиф I (1267–1275, 1282–1283), противник сближения с папством.[4] Это произошло вскоре после того, как на Лионском соборе 1274 г. византийская делегация, возглавляемая еще одним видным историографом и царедворцем, великим логофетом Георгием Акрополитом, заключила унию с католической церковью, признав верховенство римского папы.[5]

В 1277 г. Феодор Скутариот вместе с Георгием Метохитом и Константином Мелитениотом ездили в качестве делегатов греческой церкви в Рим к папе Иоанну XXI (1276–1277). Положение изменилось с приходом к власти нового императора, Андроника II (1282–1328), решительного противника унии. Константинопольским патриархом вновь был избран Иосиф I, созвавший новый церковный собор, на котором уния с Римом была признана недействительной.[6]

---

[2] «Τῷ δ΄ ἑξῆς ἔτει μετὰ Κομάνων οἱ Βλάχοι ἐξιόντες, ἀπαθεῖς ὑπέστρεψαν εἰς τὰ ἴδια. Τάχ΄ ἂν οὐ διέλιπον καθ΄ ἡμῶν ἐξιόντες, εἰ μὴ τὸ χριστιανικώτατον ἔθνος, οἱ Ρῶσοι, τοῦ βασιλέως εἰσηγήσεσι, γενναίως κατὰ τούτων παρεκινήθησαν΄ ὁ γὰρ τῆς Γαλίτζας ἡγεμὼν Ρωμανὸς, πολλὴν καὶ ἀξιόλογον στρατιὰν ἠθροικὼς, τὴν γῆν τῶν Κομάνων εὐπετῶς ἐπιὼν ἔφθειρε καὶ ἠφάνισε, καὶ τοῦτο πλειστάκις διαπραξάμενος εἰς καύχημα τῆς τῶν χριστιανῶν πίστεως, οὕτω τὰς τῶν Κομάνων ἐφόδους ἔστησεν» (Ἀνωνύμου Σύνοφις χρονική // Μεσαιωνική βιβλιοθήκη. Bibliotheca Graeca medii aevi / Ed. K. N. Sathas. Vol. VII. Athen, 1972. P. 428.4–12).

[3] См.: *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiener. Bd. I. München, 1978. S. 477–478; *Завражин В. Н.* К вопросу о толковании одного фракмента из «Приложений» Феодора Скутариота // ВВ. Т. 41. М., 1980. С. 252–255; *Бибиков М. В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 470–471.

[4] *Georges Pachymérès.* Relations historiques / Éd., intr. et notes par A. Failler. Vol. I–II. Paris, 1984. P. 509. См. также: *Власов А. В.* Иосиф Исповедник, патриарх Константинопольский (1267–1275, 1282–1283) // Власть, общество и церковь в Византии: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. Н. Малахов. Армавир, 2007.

[5] О роли Георгия Акрополита на соборе в Лионе см.: *Richter G.* Des Georgios Akropolites Gedanken über Theologie, Kirche und Kirchenheit // Byzantion. Revue internationale des études Byzantines. T. 44. Bruxelles, 1984. S. 294–299.

[6] Подробнее см.: *Roberg B.* Die Union zwischen der griechischen und der lateinischen Kirche auf dem II Konzil von Lyon (1274). Bonn, 1964; *Gill J.* Byzantium and the Papacy. 1198–1400. New Brunswick, 1979. P. 132 sqq.

Опале подверглись многие ее сторонники, в том числе и Феодор Скутариот: в начале 1283 г. он был лишен митрополичьей кафедры.[7] Дальнейшая его судьба неизвестна.

Перу Скутариота (известного также под именем Феодора Кизикского), очевидно, принадлежат также историографические дополнения к хроникам Иоанна Скилицы и Георгия Акрополита.[8]

Сведения Скутариота о Романе Мстиславиче основываются на сообщении Никиты Хониата. Как и Хониат, Скутариот говорит о беспрепятственных набегах болгар и половцев на земли империи, подчеркивает особую приверженность росов и их правителя христианской вере и долгу помощи единоверному народу, отмечает, что удары росов по половцам совершались неоднократно и только благодаря этому были остановлены нападения кочевников на Византию.

Вместе с тем, отступая от известия Хониата, подчеркивавшего особую роль церкви в организации похода русских князей против половцев (по Хониату, Роман и другие князья принимают решение встать на защиту Византии, «уступая мольбам своего архипастыря»), Феодор Скутариот говорит, что росы действовали «по приглашению царя», то есть по прямой просьбе византийского императора. Кроме того, Скутариот пренебрегает упоминанием о других русских князьях, участвовавших в походах на половцев, отдавая всю заслугу победы над ними «правителю Галиции Роману».

Свидетельство Феодора Скутариота (как и некоторых других византийских авторов) о галицко-волынском князе Романе Мстиславиче, к сожалению, практически неизвестно современным историкам-русистам. Впрочем, иногда все же встречаются попытки использовать его наряду с известиями Никиты Хониата. При этом, однако, не обходится без курьезов. По-видимому, именно приведенное выше свидетельство автора Хроники Анонима Сафы (то есть Феодора Скутариота) имел в виду Н. Ф. Котляр, когда описывал подвиги Романа в борьбе с кочевниками.[9] Неясным остается, на каком основании новейший исследователь считает цитируемого им автора, писавшего на греческом языке, «одним из западноевропейских хронистов».[10]

* * *

Военные подвиги Романа Мстиславича, совершенные во благо империи, воспеты греческим поэтом первой трети XIV в. Ефремом Энийским, автором грандиозной стихотворной хроники (Χρονικη ιστορια δια στιχον ιαμβικων) — уникальной

---

[7] *Georges Pachymérès.* Relations historiques. Vol. III–IV. Paris, 1999–2000. P. 65.

[8] См., например: Theodori Scutariotae Additamenta // Georgii Akropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. T. I. Stuttgart, 1979.

[9] Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 181.

[10] *Котляр М. Ф.* 1) Данило Галицький. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 47; 2) Даниил, князь Галицкий. Документальное повествование. СПб., 2008. С. 43.

в своем роде всемирной истории, состоявшей почти из десяти тысяч двенадцатисложных стихов и отмечающей наиболее славные эпизоды тысячелетней истории Римской и Византийской империй.[11]

Начало хроники утрачено, и в сохранившемся виде она описывает события от времен Калигулы до утверждения в Константинополе Михаила VIII Палеолога (1261). Хронику Ефрема, называемую также императорской, дополняет созданная им же стихотворная патриаршая хроника, перечисляющая патриархов, начиная от апостола Андрея и до интронизации Исайи в 1332 г. Этот год, вероятно, следует считать временем составления хроник.[12]

Об их авторе известно немного. Он происходил из фракийского города Эния и, по некоторым сведениям, был монахом. Его произведения сохранились в единственном списке XIV в., ныне хранящемся в собрании греческих рукописей Библиотеки Ватикана (Vatic. Gr. 1003), с которого в XVII в. была снята рукописная копия (Vatic. Barber. 146). В изложении материала Ефрем следует за своими предшественниками, главными из которых являются Иоанн Зонара, Никита Хониат и Георгий Акрополит. К их сочинениям преимущественно восходят и сведения Ефрема о Руси.[13]

Помощи, которую «правитель Галиции» оказал Византии в борьбе с «Мисийцами» (болгарами) и «Куманами» (половцами), Ефрем посвящает четыре четверостишия (Verl. 6565–6580, по нумерации О. Лампсидиса; Verl. 6541–6556, по нумерации А. Маио):

Сквернейший народ Мисийцев,
привлекши
к союзу полчище задунайских Куманов,
устроил набег на ромейские земли,
взявши полон невероятный
и обогатившись богатой добычей.
И это они по обычаю
стали бы совершать постоянно,
если бы христоименитое
благочестивое племя
Росов не воспрепятствовало
дурным замыслам их.
Ибо правитель Галиции
по убеждению

[11] Ephraemii monachi imperatorum et patriarcharum recensus / Interpr. A. Maio // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Vol. XLIII. Bonnae, 1840. Новейшее критическое издание Хроники см.: Ἐφραὶμ τοῦ Αἰνίου Χρονογραφία / Ἐκδ. Ὀδ. Λαμψίδης. Τ. 1–2. Athens, 1990.

[12] См.: *Lampsidēs O.* Beiträge zum byzantinischen Chronisten Ephraem und zu seiner Chronik. Athen, 1971; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiener. Bd. I. S. 478–480; *Бибиков М. В.* Byzantinorossica. С. 251.

[13] См.: *Lampsidēs O.* Beiträge zum byzantinischen Chronisten Ephraem...

архипастыря Русской Церкви,
взяв множество войска,
числом около десяти тысяч,
внезапно напал на область Куманов
и разорил их землю в конец.
И, дерзая совершать это многократно,
во славу своих благочестивых
христоименитых [подданных],
разрушил союз Мисийцев и варваров.[14]

В поэме Ефрема нет упоминания имени Романа Мстиславича, названного здесь «правителем Галиции». В остальном автор строго следует за сообщением Никиты Хониата о военной помощи росов Византии, остановившей нападения врагов. Ефрем не жалеет красок в описании бедствий, постигших империю в виду начавшегося вторжения варваров, отмечает христианское благочестие росов и их правителя, вставших на защиту греков, подчеркивает, что только благодаря многократным походам на половцев русских воинов был разрушен губительный для Византии союз их с болгарами.

Так же как и Скутариот, Ефрем пренебрегает сведениями об участии в походах на задунайских половцев других русских князей и всю заслугу спасителя империи отдает исключительно «правителю Галиции». Вслед за Хониатом Ефрем подчеркивает особую роль церкви в организации походов русского князя против врагов Византии. При этом Ефрем уточняет, что галицкий князь действовал «по убеждению архипастыря Русской Церкви», то есть, надо полагать, киевского митрополита.

В рассказе Ефрема появляется новая оригинальная подробность: он находит возможным дать точное определение численности войска галицкого князя, пришедшего на помощь грекам. Если Хониат и Скутариот ограничивались лишь

---

[14] Μυσῶν γένος κάκιστον, εἰς συμμαχίαν
στῖφος Κομάνων προσλαβὸν παριστρίων,
χώρας ἐπῄει Ῥωμαΐκὰς ἐκτρῖβον,
καὶ λείαν ἀμύδητον αἰχμαλωσίαν
καὶ σκῦλα πλεῖστα κερδᾶναν ὑποστρέφει.
καὶ τοῦτ᾽ ἂν εἶχεν εἰσαεὶ δρᾶν ἐξ ἔδους,
εἰ μὴ τὸ χριστώνυμον εὐσεβές φῦλον
τῶν Ῥὼς ἀπεῖρξε σφᾶς κακῆς προδυμίας.
ὁ γὰρ Γαλίτζης ἡγεμών, παραινέσει
τοῦ ποιμενάρχου Ῥωσικῆς ἐκκλησίας,
στῖφος στρατιᾶς ἡλικὼς ὡς μυρίον
ἐπῆλθε τῇ γῇ τῶν Κομάνων ἀθρόον
καὶ χώραν ἠφάνισεν αὐτῶν ἐσχάτως·
καὶ τοῦτο δράσυς πλειστάκις φιλοφρόνως
εἰς εὐσεβῶν καύχημα τῶν χριστωνύμων,
σφᾶς συμμαχεῖν ἔπαυσε Μυσοῖς βαρβάροις
(Ἐφραΐμ τοῦ Αἰνίου Χρονογραφία. Т. 2. Σ. 234).

самыми общими указаниями на «храбрую и многочисленную дружину» или «многочисленное и достославное войско» Романа, то Ефрем сообщает, что галицкий князь взял с собой «множество войска, числом около десяти тысяч». Источник этих сведений Ефрема остается неясным.

* * *

В своих сочинениях греческие авторы XIII–XIV вв., сообщающие о военных подвигах галицко-волынского князя Романа Мстиславича в борьбе с кочевниками, последовательно именуют его «игемоном Галиции» (Γαλίτζης ἡγεμών), как бы выделяя тем самым Романа среди прочих русских князей-«архонтов» того времени (ἀρχικῶς).[15]

Это терминологическое отличие усиливается в рассказе Никиты Хониата о «распре» Романа с киевским князем Рюриком Ростиславичем, в отношении которого историк употребляет сравнительно редкое определение «диепон Киева» (διέπων τὸ Κίαβα Ῥούρικας).[16] Термин «диепон», по-видимому, может означать правителя более низкого ранга или вообще лишенного власти своими соперниками. «Иконийским депоном» (Ἰκόνιον διέπων = Ἰκονίου κρατῶν) Никита Хониат обозначает, например, свергнутого иконийского султана Кай-Хосрова I, искавшего убежища при дворе Алексея III.[17]

Противопоставление Романа Рюрику в рассказе Хониата впервые было отмечено М. Д. Приселковым, увидевшим в нем тонкое понимание византийским автором новых политических реалий Южной Руси, сложившихся в начале XIII в. и засвидетельствованных русскими летописями:

> Обращаю внимание, что Роман называется Н[икитой] Хониатом галицким князем («igemon»), а Рюрик — только правителем Киева («diepon»), что соответствует нашим летописным данным: «Русь» была в обладании галицкого князя, а в Киеве правил Рюрик.[18]

Наблюдения М. Д. Приселкова были поддержаны В. Т. Пашуто, сопоставившим известие Хониата с данными некоторых русских источников — галицких и новгородских, в которых Роман именуется «великим князем», чему соответствует его более высокий (по сравнению с Рюриком) правительственный статус, фиксируемый Хониатом.[19] Превосходство в титулатуре Романа Мстиславича над Рюриком Ростиславичем, отмечающееся у Хониата, привлекает внимание

---

[15] Подобное терминологическое противопоставление особенно заметно в рассказе о Романе Никиты Хониата, отличающемся наибольшими подробностями. См.: Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 522–523.

[16] Ibid. P. 523.

[17] Ibid. P. 400, 401, 413, 493, 520, 638, 639.

[18] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 40.

[19] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 193.

Ил. 51. Золотая монета с изображением византийского императора Михаила VII Дуки. Константинополь. Вторая половина XI в. Музей истории искусства (Сен-Дени, Франция)

и новейших исследователей, оценивающих его как аргумент в пользу союзнических и даже родственных отношений Романа с династией Ангелов.[20]

И действительно, у византийского термина «игемон», обозначавшего прежде всего правителя и военного предводителя,[21] по-видимому, мог быть и еще один смысловой оттенок: в некоторых случаях этот термин мог указывать также на военного союзника и родственника императора.

Именно такой случай имел место в истории русско-византийских отношений за сто с небольшим лет до описываемых событий, на который в свое время обратил внимание В. Г. Васильевский. К 1073–1074 гг. ученый относит два императорских послания, составленных Михаилом Пселлом от имени Михаила VII Дуки (1071–1078) и адресованных русскому князю Всеволоду Ярославичу.[22] В письмах император сватает одну из дочерей Всеволода, по-видимому, Анну (Янку), за своего брата Константина Дуку Старшего. Брак, однако, не состоялся: Михаил и его брат были лишены власти, а русская княжна Анна добровольно приняла монашеский постриг после насильственного пострижения ее нареченного супруга.[23]

Называя своего будущего родственника «игемоном», император подробно объясняет русскому князю, какую высокую честь он оказывает ему своим предложением и как велико отныне будет его отличие среди прочих князей Руси.

> Тебе, конечно, небезызвестно, что такое есть императорская власть у наших римлян, и что даже те, которые вступают в дальнее родство с нами, почитают такой союз величайшим благополучием…
>
> …твоя власть сделается отсюда более почтенною, и все будут удивляться и завидовать тебе, получившему такое отличие.

---

[20] *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza // SO. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4. S. 126; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 38–39; *Войтович Л. В.* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 486.

[21] См.: *Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods: from B. C. 146 to A. D. 1100. New York, 2004. P. 379; *Dēmētrakos D.* Mega lexikon tēs Hellēnikes glōssēs. T. 4. Athen, 1953. P. 3229.

[22] См.: *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки. I. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // *Васильевский В. Г.* Труды. Т. II, вып. 1. СПб., 1909.

[23] Там же. С. 36.

Ныне брачный союз будет тебе в похвальбу и гордость, ныне твоя дочь удостоится царской крови, получив законное достоинство и звание.[24]

Эту честь родства с византийским императором и связанные с ней политические преимущества и выгоды для своего собственного престижа, очевидно, вполне осознавали и русские князья. Последние исходили из того, что император занимает главенствующее положение в христианском мире. Этот верховный статус императора должен был признать князь Владимир вместе с принятием христианства. Примат вселенской власти василевса был закреплен в своде византийского канонического права, использовавшемся в качестве официального законодательства Русской церковью. Столь же ясно и недвусмысленно он был заявлен в получившем широкое распространение в Восточной Европе славянском переводе дидактического трактата диакона Агапита, составленного в VI в. для императора Юстиниана I и известного на Руси уже в XI в.[25]

Ярким внешним выражением статуса византийского императора как верховного правителя всего христианского мира было обязательное упоминание имени василевса во время литургии: в диптихах — поминальных перечнях — там, где священник возносит молитву, прославляя правителя и весь христианский мир, первым звучало имя императора.[26] Такое положение сохранялось в Русской церкви вплоть до конца XIV в.[27] Представление о византийском императоре как о верховном властителе православных народов, в том числе и русского, было распространено среди нехристианских правителей соседних с Византией государств, прежде всего мусульманских.[28]

Русские князья, начиная с Владимира Святославича, стремились всячески укрепить свою связь с императором, получая от него придворные титулы и устраивая свой собственный двор по византийскому образцу, подражая художественным вкусам столицы империи.[29] В Киевской Руси князья нередко изображались

[24] Цит. по: Там же. С. 9–10.

[25] *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 239. О теории супрематии византийского императора и его верховного суверенитета над всеми христианскими государствами, а также месте Древней Руси в византийской «иерархии государств» см.: *Ostrogorsky G.* 1) The Byzantine emperor and the hierarchical world order // The Slavonic and East European Review. T. 35. London, 1956; 2) Русь и византийская иерархия государств // XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970; *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972; *Литаврин Г. Г.* Идея верховной государственной власти в Древней Руси домонгольского периода // *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 1999.

[26] См.: *Hanssens I. M.* Institutiones Liturgicae de Ritibus Orientalibus. Vol. III. Rome, 1932. P. 1340–1341, 1343–1355.

[27] См.: *Мейендорф И.* Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990. С. 18–19.

[28] См.: *Regel W.* Analecta Byzantino-Russica. SPb.; Leipzig, 1891. P. 57–58. Ср.: *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси. СПб., 1889. С. 13–29.

[29] *Мейендорф И.* Византия и Московская Русь. С. 19–23.

в виде византийских аристократов или деспотов, иногда даже с регалиями самих императоров.[30] В сценах венчания на царство греческого царя на двух миниатюрах Лицевого свода некоторые придворные изображены в русских княжеских шапках (Второй Остермановский том. Рисунки на с. 592, 593); подобное изображение можно видеть на одной из миниатюр Радзивиловской летописи, где в таких же шапках — русские вассалы византийского императора.[31]

Вспомним, как гордился своим родством с византийским императорским домом Владимир Мономах, принявший вопреки традициям свое прозвище не от отца, а от матери. Превосходство Мономаха над другими князьями, обусловленное его родством с императором, внушал князю киевский митрополит Никифор I, объясняя, что сам Бог отдал предпочтение Мономаху, «изъ утробы освяти и помазавъ, от царское и княжеское крови смесивъ», и что Мономах «есть истинныи икоунникъ царское и княжьское икоуны».[32]

Родство с императорами налагало на русских князей известные обязанности. Михаил VII в послании к Всеволоду Ярославичу прямо указывает на них:

> Итак, отныне тебе, как удостоенному родства с моим державством, следует <...> быть стражем наших границ, щадить область, нам подвластную, быть союзником и быть заодно противником во всем и против всех, с благорасположением относиться к тем, кто к нам благорасположен, отвергать и ненавидеть тех, кто к нам враждебен.[33]

Причем все эти условия польщенный родственным союзом с царским домом князь должен был исполнить немедленно, не дожидаясь, когда будет заключен предложенный его дочери брак:

> ...мы должны наши взаимные дела считать своими собственными и не ожидать времени брачного соединения наших родов, но уже самое возвещение единения и согласия считать за полнейшее слияние и стараться дать друг другу как бы залоги дружбы и единомыслия.[34]

Русские летописи молчат о сватовстве императора к дочери Всеволода Ярославича. О контактах Михаила VII со Святославом и Всеволодом есть сведения только в «Истории Российской» В. Н. Татищева, где раскрываются также причины, побудившие императора искать союза с русскими князьями. Согласно Татищеву, «греческий царь» был «от болгар побежден, и корсуняне ему отреклися», что и заставило Михаила просить Святослава и Всеволода «о помощи на болгар

---

[30] См.: *Кондаков Н. П.* 1) Русские клады. Т. I. СПб., 1896. С. 61 и сл.; 2) Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906; *Grabar A.* Les fresques des escaliers à Sainte-Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine // SK. T. VII. Praha, 1935.

[31] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 2004. С. 166.

[32] См.: *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв.: исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992. С. 66–71.

[33] Цит. по: *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки. I. С. 10.

[34] Цит. по: Там же. С. 13.

и корсунян». Русские князья с готовностью откликнулись на просьбу василевса: «Святослав же, согласяся со Всеволодом, хотел на болгары сам идти с сыны, а Владимира сыновца и с ним сына Глеба послал на корсунян».[35]

Сведения Татищева находят неожиданное подтверждение в другом источнике. Э. Муральт, ссылаясь на Г. Л. Одерико, приводит сведения о произошедшем незадолго до свержения Михаила VII Дуки восстании корсунян против законной власти своего государя — византийского императора. Под 1074 г. Муральт пишет, что обитатели Херсонеса, «не смогши получить от императора определенные торговые привилегии, восстали против его власти. Он вызвал против них Всеволода, великого князя России, который туда отправил своих сыновей Владимира и Глеба».[36]

Приводя эти сведения, Э. Муральт, долгие годы служивший хранителем рукописей Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, пользовался доступными ему неизданными сочинениями и бумагами Одерико.[37] Генуэзский ученый антиквар и медальер Гаспар Луис Одерико (1725–1803) был приглашен в Россию Г. А. Потемкиным собирать материалы по истории генуэзских колоний в Крыму и собрал значительное количество уникальных сведений, часть из которых имеет отношение к истории Древней Руси. По завершении работы в России он преподнес Екатерине II свой труд в рукописи, которая так и не была опубликована.[38]

Поход Глеба и Владимира, о котором сообщают Татищев и Одерико, отразился в новгородской былине «Князь Глеб Володьевич», впервые записанной в конце XIX в. В былине, вызывающей неизменный интерес исследователей, имена обоих князей, участников похода, слились в эпическом имени главного героя, во главе новгородского войска совершившего успешный поход на Корсунь.[39]

Находят подтверждение сведения Одерико о причине неповиновения корсунян власти императора. Исследователь средневекового Херсонеса А. Л. Якобсон подтверждает высокие налоги и пошлины, действовавшие в середине — второй половине XI в. в этой провинции империи, соглашаясь с выводами В. Г. Васильевского относительно датировки и адресата посланий Михаила VII.[40]

Полное подтверждение находят и сведения Татищева о поражении императора Михаила от болгар. В 1072 г. в Болгарии произошло мощное восстание против византийского правления под предводительством Георгия Войтеха. Восставшие призвали на болгарский престол сына сербского жупана Михайла I Константина Бодина. Будучи правнуком болгарского царя Самуила, Константин провозгласил

---

[35] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. II–III. М., 1995. С. 91–92.

[36] *Muralt E., de.* Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slavons. T. I. SPb., 1855. P. 28.

[37] *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки. I. С. 29–30, примеч. 1.

[38] *Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды. Киев, 1906. Приложение.

[39] *Марков А. В.* Из истории русского былевого эпоса. III. К былине о Глебе Володьевиче // ЭО. 1904. № 3; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 99–100; *Азбелев С. Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. С. 100–109.

[40] *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII–XV вв.). М.; Л., 1950 (МИА СССР. № 17). С. 21–22.

себя новым царем Болгарии Петром III, после чего нанес несколько поражений армии византийского императора.[41]

Подавление этого восстания и пленение Бодина не привело к установлению прочного мира в Болгарии. В середине 1070-х гг. вспыхнуло новое восстание, охватившее придунайские города на северо-востоке Болгарии, жители которых обратились за помощью к печенегам; в итоге вместе с ними совершили поход на Константинополь, осадив на некоторое время столицу империи.[42]

Нетрудно заметить, что политическая ситуация, характерная для русско-византийских отношений первой половины 70-х гг. XI столетия почти в точности повторилась на рубеже XII–XIII вв. Остро нуждаясь в военной помощи против восставших болгар и вставших на их сторону придунайских половцев, император Алексей III, как некогда его предшественник Михаил VII, готов был купить ее ценой брака своей близкой родственницы с наиболее сильным из русских князей того времени — «игемоном Галиции» Романом Мстиславичем.

Роман, как некогда Всеволод Ярославич, с готовностью откликнулся на это предложение, однако, в отличие от своего предка, чья дочь так и не удостоилась обещанного ей брака, не торопился посылать войска на помощь императору. Будучи прямым потомком (в пятом поколении) Всеволода, Роман мог знать о постигшем того разочаровании и потому потребовал, чтобы его собственный брак с византийской царевной был заключен прежде, чем он предоставит военную помощь василевсу и станет «стражем границ» империи.

* * *

У военного союза Романа с Алексеем III был еще один немаловажный аспект, связанный с неблагоприятной для империи политической обстановкой на Дунае. В одной из официальных речей, произнесенных Никитой Хониатом в 1190 г. в присутствии императора Исаака II, отмечается факт участия в войне с Византией на стороне восставших болгар некой «ветви тавроскифов», происходящих «из Вордоны» (καί οί ἐκ βορδόνης οὑτοι του δανειν ὑπερόπται καί Ταυροσκυθων ἀποσπάδες):

> Ведь как скифы, народ, доныне необузданный, неприветливый и весьма воинственный, так и те, из Вордоны, презирающие смерть, ветвь тавроскифов, народ, также поклоняющийся Арею, помогавшие варварам на Геме (болгарские земли в районах Балканского хребта. — *А. М.*), согбенны вместе с ними, побежденными, и вместе обрели гибель.[43]

---

[41] *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 126; *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998. С. 195; *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 235.

[42] *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 411–414.

[43] Цит. по: *Литаврин Г. Г.* Два этюда о восстании Петра и Асеня // *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне: Сб. ст. СПб., 1999. С. 354. Оригинальный текст см.: Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1972. P. 93.

Под «тавроскифами» Хониат (употребляющий это выражение неоднократно) подразумевает исключительно жителей Древней Руси.[44] Что же касается употребленного им в речи 1190 г. выражения «Вордона», то, как установил еще Ф. И. Успенский, оно, весьма вероятно, связано с др.-русск. *бродъ* и производным от него термином *бродники*, встречающимся в летописях.[45] О бродниках, ведущих полукочевой образ жизни в причерноморских степях между Днепром и Дунаем, известно, что они занимали подчеркнуто независимую позицию по отношению к русским князьям и степным кочевникам, а участие в далеких военных походах стало для них своего рода доходным промыслом.[46]

По своему этническому составу бродники скорее всего являлись смешанной группой. Одни исследователи полагают, что их основу составляли потомки древнего скифо-сарматского населения Северного Причерноморья,[47] другие считали бродников смесью различных тюркских народов.[48] Возможно, что в XII–начале XIII вв. доля русского элемента в их среде увеличивалась и русское название *бродники* в конечном итоге стало для них самоназванием.[49] В низовьях Днестра и Дуная бродники могли вступать в контакт с другими русскими обитателями этих мест — берладниками и галицкими «выгонцами», происходящими с территории Галицкой земли.[50]

«Ветвь тавроскифов» из «Вордоны», о которой говорит Хониат, — это, возможно, русская часть населения территории, примыкающей к Нижнему Дунаю, где обычно преобладали бродники, а во второй половине XII в. в связи с политическим усилением Галича появилось немало русских переселенцев из районов Среднего Поднестровья. О присутствии значительного русского населения в области нижнего течения Дуная в конце XII–начале XIII вв. свидетельствуют найденные здесь в последнее время многочисленные археологические материалы

---

[44] *Литаврин Г. Г.* Два этюда... С. 359–362.

[45] *Успенский Ф. И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879. Приложение № 3. С. 35–38. Полемику по этому вопросу Г. Г. Литаврина с Ф. Малигуди см.: *Литаврин Г. Г.* Два этюда... С. 355–359.

[46] См.: *Котляр М. Ф.* 1) Русь на Дунаї // УІЖ. 1966. № 9; 2) Хто такі бродники (до проблеми виникнення українського козацтва) // УІЖ. 1969. № 5; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 115–116, 203, 268–269, 282; *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке // ВИ. 1972. № 7. С. 43–48; *Павлов Пл.* Древнеруските бродници в българската история (XII–XIII в.) // Българо-украински връзки през вековето. София, 1983; *Козловський А. О.* Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. Київ, 1992. С. 154–171; *Князький И. О.* Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель (конец IX–середина XIII в.). Коломна, 1997. С. 197–211.

[47] *Бубенок О. Б.* Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI–начало XIII в.). Киев, 1997. С. 125–137.

[48] *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten bulgarischen Staates // Byzantina. T. X. 1978. S. 136–137.

[49] *Шушарин В. П.* Свидетельства письменных памятников королевства Венгрия об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века // ИСССР. 1978. № 2. С. 41–42; *Литаврин Г. Г.* Два этюда... С. 358–359.

[50] См.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 237–240.

Ил. 52. Гийом Рулле (1518?–1589) Византийский император Алексей III Ангел. Promptuarii Iconum Insigniorum. 1553 г.

русского происхождения и, в частности, предметы, характерные для русского быта.[51]

Участие в болгарском восстании против Византии «тавроскифов», под которыми скорее всего нужно подразумевать выходцев из Галицкой земли,[52] может найти объяснение в давних связях византийского императора Андроника I Комнина с галицким князем Ярославом Осмомыслом. Есть основания считать, что Андроник и Ярослав приходились друг другу двоюродными братьями. Родная тетка Осмомысла, дочь перемышльского князя Володаря Ростиславича († 1124) Ирина была выдана за младшего сына императора Алексея I Комнина (1081–1118) севастократора Исаака, отца Андроника I.[53]

Спасаясь от преследований своего двоюродного брата императора Мануила I (1143–1180), Андроник получил убежище в Галиче, где провел несколько лет. Сюда же он пытался бежать, будучи свергнутым с императорского престола в 1185 г. Есть сведения, позволяющие думать, что Андроник, пожалуй, единственный среди императоров Византии, владел русским языком — языком своей матери.[54]

Свержение и жестокое убийство Андроника, разумеется, должно было получить негативную оценку в Галиче, а новых правителей из династии Ангелов галицкие князья должны были воспринимать как незаконных узурпаторов. Можно согласиться с Г. Г. Литавриным, что у Ярослава Осмомысла в последние годы его княжения было достаточно оснований, чтобы занять по отношению к Византии враждебную позицию и оказать поддержку начавшемуся болгарскому восстанию.[55]

---

[51] *Комша М.* Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси // Труды V Междунар. конгресса славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г. Т. III, Вып. 1а. М., 1987.

[52] Как показывает анализ, проведенный Г. Г. Литавриным, из шести известных случаев употребления в «Истории» Никиты Хониата термина «тавроскифы» четыре или даже пять случаев фиксируются в известиях, так или иначе относящихся к Галицкой Руси (*Литаврин Г. Г.* Два этюда... С. 360–361).

[53] *Васильевский В.* О браке сына Коломана Ладислава // Славянский сборник. Т. II. СПб., 1877. С. 266; *Пападимитриу С.* Брак Мстиславны с Алексеем Комнином // ВВ. Т. XI. СПб., 1904; *Шестаков С.* Византийский посол на Русь Мануил Комнин // Сб. ст. в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 367; *Baumgarten N., de.* Genealigies. Tabl. III. Наиболее подробную аргументацию см.: *Юревич О.* Андроник I Комнин. СПб., 2004. С. 50–53.

[54] Подробнее см.: *Юревич О.* Андроник I Комнин. Гл. IV.

[55] *Литаврин Г. Г.* Становление Второго Болгарского царства и его международное значение в XIII столетии // *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне... С. 372.

С молчаливого согласия галицких князей Ярослава Осмомысла и, очевидно, его сына Владимира русские обитатели низовьев Дуная, «ветвь тавроскифов» из «Вордоны», как их называет Хониат, среди которых немалую часть составляли выходцы из Галицкой земли, похоже, действительно превратились в конце XII в. в одного из наиболее опасных врагов империи. Слова Хониата о тавроскифах, «помогавших варварам на Геме», произнесенные в 1190 г. и относящиеся, вероятно, к событиям 1186–1187 гг.,[56] подтверждаются свидетельством другого византийского автора, относящимся к 1201 г.

В речи скевофилакса Фаросской церкви Большого императорского дворца Николая Месарита, произнесенной по случаю подавления мятежа Иоанна Комнина Толстого, отмечается, что участники выступления 31 июля 1201 г. требовали от властей империи, чтобы ромеев не побеждали более обрушившиеся на них многочисленные варвары. Далее в речи следует длинный перечень этих варваров: восставшие требовали, чтобы их не грабили более ни «скиф», ни «болгарин», ни «тавроскиф», ни «иллириец», ни «тривалл», ни «пеонец» (три последних этнонима имеют отношение к сербам) и т. д.[57] Комментаторы Месарита видят в упомянутых им «тавроскифах» половцев.[58] Однако в свете указанных выше терминологических разысканий Г. Г. Литаврина можно согласиться с тем, что в данном известии речь идет о русских жителях Нижнего Подунавья, принявших сторону восставших болгар.[59]

Все сказанное свидетельствует, что власти империи испытывали острую необходимость в нормализации отношений и установлении военно-политического союза именно с Галичем. Вот почему правительство Алексея III свои надежды возлагало на «игемона Галиции» и готово было не только предложить ему брак с одной из византийских царевен, но и согласиться с выдвинутыми князем условиями относительно порядка его заключения.

---

[56] *Литаврин Г. Г.* Два этюда... С. 354.

[57] *Nikolaos Mesarites.* Die Palasrevolution des Johannes Komnenos / Hrsg. von A. Heisenberg. Würzburg, 1907. S. 21.

[58] Ibid. S. 58.

[59] *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 155. См. также: *Литаврин Г. Г.* Два этюда...; *Каждан А. П.* Никифор Хрисоверг и Николай Месарит: опыты сравнительной характеристики // ВВ. Т. 30. М., 1969.

Глава восемнадцатая

ЛЕТОПИСНЫЕ ДАННЫЕ О ВТОРОМ ПОХОДЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ НА ПОЛОВЦЕВ

Хронология второго похода на половцев в русских летописях и трудах современных исследователей. — Состав летописных известий о походе на половцев. — Леониды 18 октября 1202 г. и явление четырех солнц. — Первоначальная композиция летописной статьи о походе на половцев и ее последующая перегруппировка

Последовавший за зимним походом 1200/01 гг. новый поход Романа Мстиславича против половцев, в котором участвовали также киевский, переяславский и другие князья, нашел отражение в Лаврентьевской летописи и связанных с ней позднейших сводах, а также в Новгородской Первой летописи младшего извода. Принято считать, что Лаврентьевская летопись относит этот поход к 6713 (1205) г., в то время как Новгородская Первая летопись младшего извода — к 6711 (1203) г.[1] Позднейшие Воскресенская и Никоновская летописи также относят поход к 6711 (1203) г.[2]

Основное внимание исследователями уделяется Лаврентьевской летописи как наиболее авторитетному источнику, содержащему ясные и подробные сведения о новом походе и произошедшем после него столкновении между киевским князем Рюриком Ростиславичем и галицко-волынским князем Романом Мстиславичем. Вернувшиеся с большой военной добычей князья собрались на совет в городке Треполе под Киевом, где попытались договориться о каком-то новом распределении между собой волостей в зависимости от личного вклада в дело защиты Русской земли от врагов («кто како терпелъ за Роускоую землю»). Возникшие при этом разногласия закончились тем, что Роман Мстиславич лишил стола и заставил постричься в монахи Рюрика Ростиславича. Вместе с Рюриком Роман заставил постричься его жену и дочь (бывшую прежде женой самого Романа), а двух сыновей Рюрика — Ростислава и Владимира — силой увез с собой в Галич. Вмешательство владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо вынудило Романа отпустить из плена сыновей Рюрика, старший из которых — Ростислав, зять Всеволода — стал новым киевским князем.

---

[1] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 420; Т. III. М., 2000. С. 240.

[2] Там же. Т. VII. М., 2000. С. 108; Т. X. М., 2000. С. 36.

Ил. 53. Поход Рюрика Ростиславича, Ярослава Всеволодовича, Романа Мстиславича и других русских князей на половцев. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Приведем интересующий нас летописный рассказ полностью:

В лето 6713 ходиша Роустии князи на Половци: Рюрикъ Киевьскии, Ерославъ Переяславьскии, великого князя Всеволода сынъ, Романъ Галицкии и Мстиславич, и иныи князи. Бысть же тогда зима люта, и Половцем бысть тегота велика, посланая на нь казнь от Бога. И взяша Роускии князи полону много, и стада их заяша, и возвратишася во своя си с полоном многимъ. И бысть радость велика всем христьяном Русскои земли. Единъ же дьявол печален бысть, иже не хощет роду христьяньскому добра. Приехаша во Треполь Рюрик и Роман, и Ростислав приехавъ, бывъ оу шюрина своего оу Переяславли. Тоу было мироположение въ волостех, кто како терпелъ за Роускоую землю. И дьявол положи смятение великое. Романъ емъ Рюрика, и посла в Киевъ, и постриже в чернци, и жену его, и дщерь его, юже бе пустил сына Рюрикова (Ростислава. — *А. М.*) и брата его Володимира, а тою поя съ собою. И оуслышавъ то велики князь Всеволод, еже сотворилъ (Роман. — *А. М.*) оу Рускои земли, и печаленъ бысть велми, зане всякыи хрестьныи радуеться о добрем, печалоуеться же о злемъ. Великыи же князь Всеволод сватом своим Рюриком печаленъ бысть, и зятемъ своим, и детми его. И вложи ему Богъ в сердце опечалитися Роускою землею, мога то мстити, но и хрестьянъ деля отложити. И посла моужи свои к Романови в Галичь, Романъ же послуша великого князя и зятя его поусти, и бысть (Ростислав. — *А. М.*) князь Киевьскии и брат[а] его (Владимира. — *А. М.*) пусти.[3]

Датировка описываемых событий, значащаяся в приведенном отрывке (6713), не вполне надежна и, как мы видели, на несколько лет расходится с датировкой

[3] Там же. Т. I. Стб. 420–421.

Новгородской Первой летописи младшего извода и других летописей. Такое расхождение объясняется дефектом текста Лаврентьевской летописи, вызванного неисправным состоянием ее протографа, в котором, по-видимому, были утрачены листы, содержавшие часть текста статьи 6711 г., всю статью 6712 г. и большую часть статьи 6713 г.[4]

Сознавая этот факт, современные исследователи отказываются принимать хронологию южнорусских событий Лаврентьевской летописи, но вместе с тем отклоняют и хронологию Новгородской Первой, Воскресенской и Никоновской летописей. В итоге дата нового похода русских князей на половцев и последующего за тем смещения с киевского стола Рюрика Ростиславича устанавливается путем выведения среднего арифметического значения между двумя зафиксированными в разных источниках датами.

Именно такой способ вычисления даты похода русских князей на половцев применяет, к примеру, Н. Ф. Котляр: «Зимой 1204 г. (Воскресенская летопись дает 1203, Лаврентьевская — 1205 г.) русские князья совершили большой и победоносный поход в Половецкую степь».[5] Таким же способом действовал в свое время М. С. Грушевский с той разницей, что его источниковедческий кругозор был заметно шире и включал летописи, не учитываемые, как правило, новейшими авторами: «Известие это (о втором походе русских князей на половцев. — *А. М.*) помещено в Лавр[ентьевской] под 1205, Густ[ынской] и Тверск[ой] — 1204, Воскр[есенской] и Никон[овской] — 1203 г., дата Густ[ынской] кажется наиболее вероятною».[6] Едва ли Грушевский отдавал предпочтение Густынской летописи, так как считал этот источник самым достоверным. Скорее 1204 г. показался историку наиболее вероятным как среднее значение между двумя крайними датами. Подобный способ решения задач по исторической хронологии нам представляется наивным.

В дальнейшем М. С. Грушевский пересмотрел свою позицию, еще раз обратившись к хронологии второго похода русских князей на половцев и последующих событий. Эта его попытка определить дату похода, насколько нам известно, остается единственной в научной литературе, но и она, к сожалению, потерпела неудачу. Отдавая некоторое предпочтение хронологии Новгородской Первой летописи, Грушевский, тем не менее, приходит в итоге к пессимистическому заключению по данному вопросу: «найти правдоподобную дату мне представляется невозможным».[7]

Нерешенность вопроса хронологии второго похода на половцев приводит к тому, что в современной литературе сведения о нем сообщаются под самыми разными датами. К 1203 г. относил поход Б. А. Рыбаков.[8] Поздней зимой 1203-го

---

[4] *Лурье Я. С.* Летопись Лаврентьевская // СККДР. Вып. 1. Л., 1987. С. 241.

[5] *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 266.

[6] *Грушевський М. С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 267, примеч. 1.

[7] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. Київ, 1992. С. 228, примеч. 1.

[8] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 495.

или ранней весной 1204 г. датировал его Дж. Феннел.[9] Некоторые новейшие авторы уверенно отдают предпочтение хронологии Лаврентьевской летописи и даже цитируют ее сообщения, относящиеся к походу и его предыстории. Так, у А. П. Толочко читаем: «Из статьи Лавр[ентьевской летописи] 1204 года узнаем, что Роман вел переговоры с Всеволодом Юрьевичем об Ольговичах <...> В 1205 году старые обиды были, видимо, на время забыты, так как Роман совместно с Рюриком отправляется в большой поход на половцев».[10]

Как видим, вопрос о времени второго похода русских князей на половцев и связанных с ним событий в Южной Руси требует дальнейшего изучения.

* * *

Ввиду прекращения известий Киевского летописного свода 1200 г., а также вследствие утраты начальной части Галицко-Волынской летописи события истории Южной Руси 1201–1205 гг. известны главным образом из сообщений владимиро-суздальских и московских летописей, в ряде случаев дополняемых новгородскими известиями.

Интересующие нас сведения о втором походе русских князей на половцев, а также событиях, предшествовавших походу и последовавших за ним, представлены в целом ряде сохранившихся до нашего времени памятников летописания Северо-Восточной Руси конца XIV–XV вв., восходящих к трем летописным сводам первой половины XIII в., существование которых устанавливается исследователями. Это свод 1205 г. (отразившийся в Радзивиловской летописи и Летописце Переяславля-Суздальского), свод Константина Всеволодовича 1217 г. (отразившийся в Лаврентьевской, Троицкой и Симеоновской летописях) и свод Юрия Всеволодовича 1238 г. (отразившийся в Московском своде конца XV в. и Ермолинской летописи).[11] Если Троицкая и Симеоновская летописи, а также Московский свод конца XV в. и Ермолинская летописи помещают сообщение о походе под 6711 г.,[12] то Радзивиловская летопись и Летописец Переяславля-Суздальского относит его к 6713 г.[13]

На летописи типа Радзивиловской и Летописца Переяславля-Суздальского опирался свод 1518 г. дошедший в составе Львовской летописи и Тверского

[9] *Феннелл Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 65. Такой же датировки придерживается и А. Б. Головко (*Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII–початку XIII століття. Київ, 2001. С. 160–166).

[10] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 289.

[11] Подробнее об этом см.: *Шахматов А. А.* Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи // Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. Т. II. СПб., 1902. С. 59–67; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 101–103. Из новейших работ см.: *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 года (Радзивиловская летопись) // ТОДРЛ. Т. XLXIX. СПб., 1996 (здесь же и предшествующая литература вопроса).

[12] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 286–287; ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 38–39; Т. XXV. М., 2004. С. 100–101; Т. XXIII. М., 2004. С. 58–59.

[13] ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1989. С. 161; Т. XLI. М., 1995. С. 124–126.

сборника.[14] В этих последних в статьях 6711–6714 гг. есть путаница в событиях, характерная для Радзивиловской летописи и Летописца Переяславля-Суздальского.[15] Троицкая летопись, известная главным образом благодаря выпискам, сделанным из нее Н. М. Карамзиным, была источником Общерусского свода 1418 г., отразившегося в Софийской Первой и Новгородской Четвертой летописях.[16] В них содержится близкий к тексту Троицкой летописи рассказ о южнорусских событиях, отнесенных к 6711–6713 гг.[17]

Но из всего этого обширного перечня источников, сохранивших сведения о втором походе русских князей на половцев, приходится исключить самый важный, на который так охотно ссылаются новейшие авторы, — Лаврентьевскую летопись. В части известий, относящихся к упомянутому походу, именно Лаврентьевская летопись, единственная из всех выше названных, не может быть привлечена к исследованию. Дело в том, что в этом наиболее раннем из сохранившихся памятников летописания Северо-Восточной Руси рассказ о событиях, связанных со вторым походом князей на половцев, полностью отсутствует.

В подготовленном под редакцией Е. Ф. Карского издании Лаврентьевской летописи, помещенном в первом томе Полного собрания русских летописей, отсутствующий текст сообщения о походе воспроизводится по другим источникам — Радзивиловской летописи (Радзивиловский список конца XV в.) и Московско-Академической летописи, составленной на рубеже XV–XVI вв. и до сих пор остающейся неопубликованной (РГБ. РО. Ф. 173/1. № 236).[18]

Между тем, такое решение издателей текста Лаврентьевской летописи нельзя признать правомерным. Более того, использование взамен несуществующего подлинного текста источника отрывков из других летописей, хотя и близких к Лаврентьевской, но не тождественных ей, может только ввести в заблуждение читателя.

А. А. Шахматов впервые указал, что Радзивиловская летопись и Летописец Переяславля-Суздальского целым рядом индивидуальных, только им двоим свойственных чтений противопоставлены всем другим северо-восточным летописям. Эти индивидуальные чтения названных источников сводятся в основном к систематическому подчеркиванию и всяческому усилению роли владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо в политически значимых событиях второй половины XII–начала XIII вв., чего еще нет в предшествующем

---

[14] *Шахматов А. А.* 1) Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. С. 46–51; 2) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 33–48. См. также: *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 года. С. 38 и сл.

[15] ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 142–143; Т. XV. М., 2000. Стб. 292–294.

[16] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI–начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 205–206, 262–270.

[17] ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. М., 2000. С. 180.

[18] Об использовании текста этих источников вместо несуществующего текста Лаврентьевской летописи специально сообщается издателями памятника в подстрочных примечаниях: ПСРЛ. Т. I. Стб. 418, примеч. д; Стб. 423, примеч. в.

летописании, нашедшем отражение в других летописях.[19] Данное наблюдение Шахматова получило поддержку и дальнейшее развитие в работах М. Д. Приселкова и других исследователей.[20]

Проведенное Н. И. Милютенко сравнение текста окончания статьи 6713 г., сохранившегося в Лаврентьевской летописи, с соответствующим текстом Симеоновской летописи показывает, что оба эти источника текстуально совпадают, отличаясь от Радзивиловской летописи и Летописца Переяславля-Суздальского.[21] В результате исследовательница приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что для заполнения лакуны в Лаврентьевской летописи, образовавшейся на пространстве статей 6711–6713 гг., следует пользоваться текстом Симеоновской летописи, а там, где есть точные указания Н. М. Карамзина, — также и Троицкой летописи.[22]

В большинстве существующих ныне летописей и прежде всего в тех, в которых отразились своды Константина (1217) и Юрия (1238) Всеволодовичей, события, связанные со вторым походом русских князей на половцев, изложены в рамках одной летописной статьи, помещенной под 6711 г. Исключение составляют летописи, отразившие свод 1205 г. — Радзивиловская и Летописец Переяславля-Суздальского, где рассказ об интересующих нас событиях оказался разделенным на несколько частей, помещенных в статьях 6712–6713 гг.

Троицкая и Симеоновская летописи	*Радзивиловская летопись и Летописец Переяславля-Суздальского*
Под 6711 г.	Под 6712 г.
По просьбе Романа Мстиславича посол великого князя Всеволода Большое Гнездо Михаил Борисович приводит к присяге князей Ольговичей, а Ольговичи приводят к присяге Всеволода и Романа.	По просьбе Романа Мстиславича посол великого князя Всеволода Большое Гнездо Михаил Борисович приводит к присяге князей Ольговичей, а Ольговичи приводят к присяге Всеволода и Романа.
Небесное знамение 22 января — явление четырех солнц и одного месяца.	
	Под 6713 г.
Победоносный поход русских князей — Рюрика Киевского, Ярослава Переяславского, Романа Галицкого и др. — на половцев, захват богатой добычи.	Победоносный поход русских князей — Рюрика Киевского, Ярослава Переяславского, Романа Галицкого и др. — на половцев, захват богатой добычи.
Совет князей в Треполе и попытка заключить «ряд о волостях». Конфликт Романа с Рюриком, лишение Рюрика киевского стола и насильственное посрижение вместе с женой и дочерью в монахи, захват Романом сыновей Рюрика.	Совет князей в Треполе и попытка заключить «ряд о волостях». Конфликт Романа с Рюриком, лишение Рюрика киевского стола и насильственное посрижение вместе с женой и дочерью в монахи, захват Романом сыновей Рюрика.

[19] *Шахматов А. А.* 1) Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. С. 33–35, 86–91; 2) Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 11–12, 47–48, 52–54.

[20] *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 84–108; *Лурье Я. С.* О происхождении Радзивиловской летописи // ВИД. Л., 1987. Т. 18. С. 65–66; *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 года. С. 37.

[21] *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 года. С. 39–40, 48. Табл. 1.

[22] Там же. С. 40.

Троицкая и Симеоновская летописи	*Радзивиловская летопись и Летописец Переяславля-Суздальского*
Столкновение Ольговичей с Литвой.	
Посольство Всеволода Большое Гнездо в Галич с требованием к Роману отпустить сыновей Рюрика Ростислава и Владимира. Роман исполняет это требование. Ростислав занимает киевский стол.	Посольство Всеволода Большое Гнездо в Галич с требованием к Роману отпустить сыновей Рюрика Ростислава и Владимира. Роман исполняет это требование. Ростислав занимает киевский стол.
	Столкновение Ольговичей с Литвой.

Разница между двумя группами источников видна и в предыдущей годовой статье, отличающейся как по составу, так и по хронологии

Троицкая и Симеоновская летописи	*Радзивиловская летопись и Летописец Переяславля-Суздальского*
Под 6710 г.	Под 6711 г.
Взятие и разграбление Киева Рюриком, Ольговичами и половцами 2 января.	Взятие и разграбление Киева Рюриком, Ольговичами и половцами 2 января.
Описание грабежей, которым подвергся Киев.	Описание грабежей, которым подвергся Киев.
Захват Мстислава Владимировича сновским князем Ростиславом Ярославичем.	Захват Мстислава Владимировича сновским князем Ростиславом Ярославичем.
	Небесные знамения .
Заключение мира между Романом Мстиславичем и Рюриком Ростиславичем во Вручие 16 февраля. Присяга Рюрика Всеволоду Большое Гнездо и его сыновьям Константину и Юрию.	Заключение мира между Романом Мстиславичем и Рюриком Ростиславичем во Вручие 16 февраля. Присяга Рюрика Всеволоду Большое Гнездо и его сыновьям Константину и Юрию.
По просьбе Рюрика и Романа Всеволод отдает киевский стол Рюрику.	По просьбе Рюрика и Романа Всеволод отдает киевский стол Рюрику.

Статья 6711 г. Лаврентьевской летописи (сохранилось только начало статьи — сообщение о взятии и разграблении Киева Рюриком и его союзниками) совпадает с хронологией Радзивиловской летописи и Летописца Переяславля-Суздальского. Однако по своему составу Лаврентьевская летопись на пространстве известий за конец XII–начало XIII вв. в целом, несомненно, ближе к Троицкой и Симеоновской летописям.

Следовательно, рассказ о событиях, связанных со вторым походом русских князей на половцев, в Лаврентьевской летописи, так же как в Троицкой и Симеоновской, мог быть изложен в рамках одной годовой статьи. В Троицкой и Симеоновской летописях упомянутые события изложены в статье 6711 г. Но поскольку хронология Лаврентьевской летописи в известиях за начало XIII в. отличается систематическим опережением на один год, в ее утраченном оригинальном тексте интересующие нас известия должны были быть приведены в рамках статьи 6712 г.

Теперь попытаемся определить дату похода, а также связанных с ним южнорусских событий в пересчете на христианское летосчисление.

* * *

Как мы уже видели, хронология известий Лаврентьевской летописи за начало XIII в., в особенности же хронология включенных в нее южнорусских известий, имеет сложный характер, что создает немало трудностей для исследователей.

Статья 6711 г. Лаврентьевской летописи начинается с сообщения о взятии Киева Рюриком Ростиславичем, которого незадолго перед тем Роман заставил уступить киевский стол своему ставленнику, луцкому князю Игорю (Ингварю) Ярославичу. Отвоевание Киева Рюриком, действовавшим вместе с черниговскими князьями Ольговичами и «всею Половецьскою землею», произошло 2 января «на память святого Сильвестра, папы Римьскаго».[23]

Новгородская Первая летопись, как старшего, так и младшего изводов, указывает другой день взятия Киева — «1 день генваря, на Святого Василья».[24] По-видимому, борьба за Киев была упорной и продолжалась не менее двух дней. Одни летописи, вероятно, датируют взятие Киева тем днем, когда нападавшие ворвались в город, а другие — когда в нем были подавлены последние очаги сопротивления.[25]

Описание последовавшего затем жестокого разграбления столицы Южной Руси в Лаврентьевской летописи обрывается на незаконченной фразе: «...то положиша все...».[26] Возобновляется текст Лаврентьевского списка только с сообщения о смерти дочери Всеволода Большое Гнездо Елены, датированного 30 декабря.[27] В состав статьи 6711 г. Лаврентьевского списка оно попало механически. В Летописце Переяславля-Суздальского и Московско-Академической летописи это сообщение читается в составе статьи 6713 г.,[28] а в Троицкой и Симеоновской летописях — в конце статьи 6712 г.[29]

Дальнейший текст статьи 6711 г. и текст статей 6712 г. и начала 6713 г. Лаврентьевской летописи в академическом издании первого тома Полного собрания русских летописей, как мы видели, восстанавливается по тексту Радзивиловской и Московско-Академической летописей, тот же текст содержит и Летописец Переяславля-Суздальского. При этом привлечение текста Радзивиловской летописи требует предварительного соединения двух частей статьи 6711 г., оказавшейся разделенной (в обоих известных ныне списках — Радзивиловском и Академическом), вероятно, вследствие путаницы в порядке листов оригинала или протографа: конец статьи 6711, статья 6712 и большая часть статьи 6713 гг. оказались после статьи 6714 г., на которой летопись заканчивается.[30]

---

[23] ПСРЛ. Т. I. Стб. 418.

[24] Там же. Т. III. С. 45, 240.

[25] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 315, примеч. 84.

[26] ПСРЛ. Т. I. Стб. 418, примеч. д.

[27] Там же. Стб. 421, примеч. в.

[28] Там же. Стб. 421; Т. XLI. М., 1995. С. 126.

[29] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 287; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 38–39.

[30] *Шахматов А. А.* 1) Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. С. 18–19; 2) Обозрение русских летописных сводов... С. 10; *Лурье Я. С.* Летопись Радзивиловская // СККДР. Вып. 1. С. 248.

Ил. 54. Явление небесного знамения (метеоритный дождь). Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

За описанием разорения Киева статья 6711 г. в ее полном виде дает сообщение о небесных знамениях, которые, по смыслу сообщения, предвещали это бедствие и, следовательно, предшествовали ему. В Радзивиловской летописи, а также в Летописце Переяславля-Суздальского читаем:

> Тое же зимы быша знамения многа на небеси. Едино же от нихъ скажемъ: бысть въ едину нощь, въ пятыи час нощи, потече небо все, и бысть чрьмно по земли, и по хоромомъ снегъ. Мнети же всемъ человекомъ зряче, акы кровь пролиана по снегу. Видеша же неции течение звездное на небеси, оттрьгнахуть бо ся звезды на землю, мнети видящимъ, яко кончину приспевшю.[31]

Первое отмеченное здесь знамение произошло зимой и, судя по летописному описанию, представляло собой яркие световые сполохи в ночном небе, бросавшие густые красные отблески, напоминавшие цвет крови, на зимний снег. Такое описание, по-видимому, должно соответствовать эффекту северного сияния.[32]

Для установления даты интересующих нас событий важно сообщение о втором знамении, летописное описание которого, по мнению специалистов, соответствует астрономическому явлению, повторяющемуся с определенной периодичностью и благодаря этому точно датируемому. Речь идет о Леонидах — метеорном потоке, ежегодно появляющемся со стороны созвездия Льва. Поток образуется в результате выделения вещества из кометы Темпеля — Туттла, которая каждые 33 года приближается к орбите Земли. В эти периоды Леониды становятся хорошо видны

[31] ПСРЛ. Т. XXXVIII. С. 161; Т. XLI. С. 125.

[32] *Святский Д. О.* Астрономия Древней Руси. М., 2007. С. 263, 279.

невооруженным глазом: мельчайшие частицы космического вещества, сгорая в земной атмосфере, образуют звездный дождь, который в первые минуты «проливается» с наибольшей силой, а затем постепенно слабеет.[33]

В приведенном выше летописном тексте зафиксировано описание Леонид, наблюдавшееся в небе над Восточно-Европейской равниной 18 октября 1202 г.[34] Следовательно, известия о знамениях приводятся в статье 6711 г. в обратном порядке: сначала зимнее явление северного сияния, а затем предшествовавшие ему октябрьские Леониды. Статья заканчивается известием о мирном соглашении Романа с Рюриком, заключенным у Вручего на исходе того же года («того же лета исходячя»), «месяца февраля в 16 день» и о решении владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо оставить Киев за Рюриком («дал ему опять Киев»).[35]

Таким образом, сообщение о Леонидах определяет обозначение статьи 6711 г. в Радзивиловской летописи и Летописце Переяславля-Суздальского как ультрамартовское и обнаруживает, что излагаемые в ней события — взятие Киева и соглашение у Вручего — относятся к концу 6710 мартовского года, то есть к зиме 1202/03 гг.[36]

Исходя из этого, второй поход русских князей на половцев, состоявшийся сразу после переговоров во Вручие и признания за Рюриком прав на киевский стол, то есть вскоре после 16 февраля 1203 г., следует датировать концом зимы или — что более вероятно — началом весны 1203 г. Принимая во внимание общую закономерность военных экспедиций русских князей в половецкую степь, совершавшихся, как правило, ранней весной, можно сделать вывод, что упомянутый поход должен был быть совершен в марте 1203 г. Этой дате соответствует хронология южнорусских известий Троицкой и Симеоновской летописи, а также Новгородской Первой летописи, помещающих известие о втором походе русских князей на половцев в начале годовой статьи 6711 мартовского года,[37] продолжавшегося с 1 марта 1203 по 29 февраля 1204 г.

Известие о переговорах Романа и Рюрика во Вручие, состоявшихся 16 февраля, «на память святаго мученика Памфилия», помещено в Троицкой и Симеоновской летописях в конце годовой статьи 6710 мартовского года, закончившегося 28 февраля 1203 г. Статья следующего, 6711 г. открывается известиями о дипломатической подготовке Романа Мстиславича к новому походу в Степь, для чего, вероятно, ему понадобилось урегулировать свои отношения с черниговскими Ольговичами. По просьбе Романа посол великого князя Всеволода Большое Гнездо Михаил Борисович приводит к присяге Ольговичей, а Ольговичи через своих послов приводят к присяге Всеволода и Романа.

---

[33] Подробнее см.: *Федынский В. В.* Метеоры. М., 1956. С. 9 и сл.; *Бакулин П. И.* Астрономический календарь. Постоянная часть. М., 1973. С. 572, 579–580.

[34] *Святский Д. О.* Астрономия Древней Руси. С. 237.

[35] ПСРЛ. Т. XXXVIII. С. 161; Т. XLI. С. 125.

[36] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 87.

[37] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 286; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 38–39; Т. III. С. 240.

Следующее сообщение статьи 6711 г. Троицкой и Симеоновской летописей имеет точную дату — 22 января. В этот день произошло еще одно небесное знамение, о котором летописцы говорят так:

> Того же лета на зиму, месяца генваря въ 22 день, святого апостола Тимофеа бысть знамение на небеси: 3 солнца на въстоце, 4-е на западе, а посреди небеса аки месяць велии, подобенъ дузе, и стоя отъ утра и до полуденья и всемъ человекомъ дивящимся.[38]

Каким годом по христианскому летосчислению следует датировать это известие? Ответить на этот вопрос с помощью астрономического календаря, к сожалению, невозможно. Описанное здесь небесное знамение, по всей видимости, относится не к астрономическим, а к атмосферно-оптическим явлениям, хронология которых неизвестна современной науке.

Можно предположить, что речь в данном случае идет о происходящем в пределах земной атмосферы явлении, объясняемом теорией гало и парелий (параселен). На расстоянии 22° от настоящего солнца вследствие преломления его лучей в мельчайших ледяных кристаллах, иногда скапливающихся в огромном количестве в атмосфере, могут возникать яркие солнечные блики, именуемые в атмосферной оптике «ложными» или «побочными» солнцами, к которым нередко добавляются огненные столбы, дуги и другие фигуры.[39] Подобные явления в разное время зафиксированы многочисленными историческими источниками, начиная со времен античности, сообщения о них встречаются также в древнерусских летописях и в «Слове о полку Игореве».[40]

Знамение 22 января в летописной статье 6711 г. непосредственно связано с походом русских князей на половцев и произошедшей затем ссорой между Романом и Рюриком в Треполе, закончившейся насильственным пострижением последнего. По логике изложения, январское знамение предвещало эти события. Если строго следовать хронологии Троицкой и Симеоновской летописей, придерживавшихся мартовского стиля летосчисления от Сотворения мира, то 22 января 6711 г. должно соответствовать 22 января 1204 г. Это значит, что все события, изложенные в данной статье после 22 января — поход на половцев, съезд князей в Треполе, ссора Романа с Рюриком, пострижение Рюрика, поход Ольговичей на Литву, посольство Всеволода Большое Гнездо в Галич с требованием к Роману отпустить из плена сыновей Рюрика, передача Ростиславу Рюриковичу киевского стола, — все эти события должны были произойти в краткий промежуток времени между 22 января и 1 марта 1204 г. Совершенно очевидно, что подобное было бы невозможно.

---

[38] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 286. См. также: ПСРЛ. Т. XVIII. С. 38.

[39] *Хромов С. П., Мамонтова Л. И.* Метеорологический словарь. Л., 1963. С. 112.

[40] См.: *Имедашвили Г. И.* «Четыре солнца» в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и ст. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

* * *

Для уточнения хронологии событий, изложенных в статье 6711 г. Троицкой и Симеоновской летописей имеют значение южнорусские известия Новгородской Первой летописи старшего извода, представленного Синодальным списком (ГИМ. Синод. собр. № 786), являющимся древнейшим из существующих ныне памятников русского летописания; его Древнейшая часть, доводящая изложения до 1234 г. (л. 1–118 об.) может быть датирована второй половиной XIII в.[41]

Новгородская Первая летопись старшего извода знает только два эпизода из числа вышеперечисленных — захват и разграбление Киева Рюриком и половцами 1 января, а также победоносный поход Ольговичей на Литву.[42] Новгородский летописец в силу каких-то причин объединил эти событія в рамках одной годовой статьи (6711 мартовского года), сохранив ту же последовательность, в какой эти события даны во владимиро-суздальском летописании: сначала захват Киева Рюриком, а затем поход Ольговичей на Литву. Если мы точно знаем, что захват Киева состоялся 1–2 января 1203 г., то есть в конце 6710 мартовского года, то произошедший вскоре поход Ольговичей на Литву должен быть отнесен, несомненно, к началу следующего, 6711 мартовского года, то есть скорее всего к весенним месяцам 1203 г.[43]

Таким образом, поход Ольговичей на Литву примерно совпадает по времени с организованным Романом походом других южнорусских князей на половцев. Это обстоятельство, по-видимому, объясняет, почему черниговские князья не участвовали в нем.

Можно согласиться с предположением Н. И. Милютенко о том, что первоначальной была композиция статьи 6711 г., представленная в Троицкой и Симеоновской летописях, а также в Московском своде конца XV в. и Ермолинской летописи, когда о событиях этого года рассказывалось в хронологическом порядке. В Радзивиловской летописи и Летописце Переяславля-Суздальского отразилась попытка перегруппировать указанные события по тематическому принципу: сначала рассказано все о Рюрике и его семье, потом прибавлено об Ольговичах. Так как завершение истории с Рюриком — освобождение из

---

[41] *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI–XV вв. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. М., 1976. С. 80–81; *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. III. С. V.

[42] ПСРЛ. Т. III. С. 45.

[43] Отнесение похода Ольговичей на Литву к 6712 (1204/1205) г. в списках Новгородской Первой летописи младшего извода, как справедливо отмечают исследователи, вызвано вставкой в первоначальный текст летописи «Повести о взятии Царьграда фрягами», в результате чего часть известий статьи 6711 г. оказалась перенесенной в следующую годовую статью. См.: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. С. 228, примеч. 1; *Алешковский М. Х.* Новгородский летописный свод конца 1220-х годов // ЛХ. 1980 г. М., 1981. С. 105–106; *Никитин А. Л.* Новгородская Первая летопись и ее изводы // ГДРЛ. Сб. 12. М., 2005. С. 428–430.

Ил. 55. Захват Романом Мстиславичем семьи киевского князя Рюрика Ростиславича и насильственное пострижение в монахи Рюрика. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

галицкого плена его сыновей и предоставление Ростиславу Рюриковичу киевского стола, — очевидно, произошло весной 1204 г., то и начало истории было отнесено в Радзивиловской летописи и Летописце Переяславля-Суздальского к 1204 г., при этом неверную датировку получил поход Ольговичей на Литву, в действительности состоявшийся в конце зимы — начале весны 1203 г.[44]

Итак, организованный Романом Мстиславичем второй поход русских князей на половцев должен был состояться в начале весны 1203 г., вероятно, в первой половине марта, когда еще стояла зимняя стужа, способствовавшая успеху русских ратей и осложнявшая положение половцев («бысть же тогда зима люта, и Половцем бысть тегота велика»).

Такая датировка похода полностью согласуется со сведениями, сообщаемыми о Романе его современником, византийским историком Никитой Хониатом. Рассказав о первом походе галицко-волынского князя на половцев, состоявшемся в начале 1201 г., Хониат говорит, что Роман затем повторил «несколько раз такое нападение» и тем самым «остановил набеги коман» на Византию. Новый поход (или походы) Романа на половцев, по словам Хониата, происходил в то время, когда между самими «тавроскифами» (то есть русскими) «разгорелись распри»: Роман и «правитель Киева» Рюрик «обагрили мечи в крови своих единоплеменников». Хониату было известно, что галицко-волынский князь в итоге одержал полную победу над Рюриком, «причем также истребил

[44] *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 года. С. 56.

множество коман, которые помогали в борьбе Рюрику, составляя сильнейшую и могущественнейшую часть его войска».[45]

Совершенно очевидно, что Хониат имеет в виду события, происходившие в Южной Руси в 1202–1203 гг., связанные с обстоятельствами второго похода русских князей на половцев и сопутствовавшей ему борьбы между Романом и Рюриком. Получить сведения об этом походе, а также о победе Романа над Рюриком византийский историк и царедворец мог только при условии, что все упомянутые события произошли до начала осады Константинополя крестоносцами, то есть до начала июля 1203 г. Едва ли «распри тавроскифов» могли интересовать византийского вельможу в период вражеской осады и последовавшего затем падения столицы империи. Кроме того, не было никакой нужды в походе на половцев, организованном Романом в интересах своего союзника императора Алексея III, если бы поход состоялся в начале 1204 г., когда Алексей, лишенный власти, пребывал в изгнании. Получивший отставку сразу после бегства Алексея III (17 июля 1203 г.), Никита Хониат лишился своих прежних источников информации и вскоре сам вынужден был бежать из разоренной столицы.[46]

[45] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 245–246.

[46] Биографические сведения о Никите Хониате см.: *Успенский Ф. И.* Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874; *Каждан А. П.* Никита Хониат и его время. СПб., 2005.

Глава девятнадцатая

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУСИ, ВИЗАНТИИ И БОЛГАРИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИЗВЕСТИЙ О ПРОЕКТЕ «ДОБРОГО ПОРЯДКА»

Южнорусские известия 1203 г. в Новгородской Первой летописи. — Известия Длугоша и новгородский след Романова проекта. — Роль летописца Симона в освещении событий 1203 г. во владимирском летописании. — Реликвии Димитрия Солунского и контакты Всеволода Большое Гнездо с предводителями болгарского восстания. — Нападения половцев на Византию и походы в Степь Всеволода и Романа. — Военно-политический союз и родство галицких князей с византийскими императорами в XII в.

Датировка второго похода русских князей на половцев и последовавших за ним событий (съезд князей в Треполе, лишение киевского стола и пострижение в монахи Рюрика Ростиславича) весной 1203 г. вполне согласуется с известием о создании Романом Мстиславичем проекта «доброго порядка», помещенным в «Истории Российской» В. Н. Татищева под тем же 1203 г.[1]

Проект появляется в тот момент, когда Роман был на вершине могущества и его авторитет как никогда был высок, по крайней мере среди князей Южной Руси. Этому способствовали достигнутые к весне–лету 1203 г. многочисленные внешне- и внутриполитические успехи галицко-волынского князя: союз и родство с византийским императором, успешные походы на половцев, устранение киевского князя Рюрика Ростиславича — наиболее влиятельного и старейшего среди южнорусских князей, союзный договор с черниговскими князьями Ольговичами, установление фактического контроля над Киевом.

К этому следует также добавить активные контакты Романа Мстиславича с германским королем Филиппом Швабским, женатым на родной сестре новой жены галицко-волынского князя. Именно к 1203 г., как нам представляется, относится визит Романа в Эрфурт, во время которого князь совершил щедрое пожертвование в пользу монастыря Св. Петра — важнейшего оплота Штауфенов в Германии.[2]

---

[1] Подробный разбор этого известия см. в части первой настоящей работы.

[2] Подробнее см. в главе 9 настоящей работы.

Визит в Эрфурт должен был состояться, вероятно, вскоре после окончания похода на половцев, — по-видимому, в летние месяцы 1203 г. В ходе визита Роман, должно быть, имел возможность познакомиться с новыми правилами выборов германского короля и императора Священной империи голосами шести главнейших князей-курфюрстов. Эти правила и легли в основу созданного Романом проекта «доброго порядка», предложенного им главнейшим князьям Руси вскоре после возвращения из Германии, то есть, вероятно, осенью того же 1203 г.

Находят неожиданное подтверждение и сведения В. Н. Татищева о новгородском происхождении известия о проекте «доброго порядка», выписанного, по словам историка, «в Новегроде из древняго летописца».[3]

Прежде всего обращает на себя внимание следующий любопытный факт. Новгородская Первая летопись при несомненном преобладании новгородского материала содержит также некоторые известия, относящиеся к Южной Руси. Однако со второй половины XII в. такие известия практически прекращаются, их место занимают более актуальные для Новгорода сообщения о событиях во Владимиро-Суздальской Руси. На этом общем фоне резко выделяются южнорусские известия Новгородской Первой летописи среди текстов за начало XIII в., помещенные как раз под 6711 мартовским годом, то есть 1203 г. по христианскому летосчислению.[4]

Упомянутых южнорусских сообщений в Новгородской Первой летописи всего четыре: о взятии и разграблении Киева Рюриком Ростиславичем и половцами; о походе Романа Мстиславича, Рюрика и других князей на половцев; о посылке Романом боярина Вячеслава постричь Рюрика в монахи; о победе Ольговичей над Литвой.[5]

Происхождение этих известий интересовало многих исследователей. А. А. Шахматов предположил их южнорусское происхождение: известия были заимствованы из некоего южнорусского свода в дефектном списке, заканчивавшегося началом XIII в. и попавшего в распоряжение новгородских летописцев в начале XIV в.[6] А. А. Гиппиус видел в этих известиях результат заимствования из летописания Северо-Восточной Руси, а именно из летописного свода Всеволода Большое Гнездо.[7]

Более основательным, на наш взгляд, можно считать предположение Е. Л. Конявской о том, что южнорусские известия новгородской летописи, в частности о захвате Киева Рюриком и походе Ольговичей на Литву, имеют независимое

---

[3] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. IV. М., 1995. С. 457, примеч. 429; Т. III. М., 1995. С. 257, примеч. 569.

[4] См.: *Конявская Е. Л.* «Южнорусские статьи» в новгородских летописях (первое десятилетие XIII в.) // RA. Исследования и материалы. 2006 г. СПб., 2006.

[5] ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 45, 240.

[6] *Шахматов А. А.* Киевский Начальный свод 1095 г. // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I, кн. 2. СПб., 2003. С. 454–456.

[7] *Гиппиус А. А.* К истории сложения Новгородской первой летописи // НИС. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 14–15.

Ил. 56. Избиение и угон в плен жителей Киева половцами, союзниками Рюрика Ростиславича. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

происхождение и получены от новгородских купцов, находившихся в Киеве и бывших очевидцами бурных событий 1203 г.[8]

По этой причине указанные известия отличаются наличием целого ряда оригинальных подробностей, отсутствующих в соответствующих известиях владимиро-суздальских летописей: указание другой даты взятия Киева Рюриком и половцами (1 января); сообщение имен половецких князей, участвовавших в захвате и разграблении Киева («Концякъ и Данило Бяковиць»); уточнение потерь литовцев, потерпевших поражение от Ольговичей («избиша ихъ 7 сотъ и 1000»).[9]

Кроме того, составитель Новгородской Первой летописи старшего извода отмечает, что в киевском погроме пострадали некие иноземные купцы, лишившиеся своего имущества:

> А что гости, иноземьця всякого языка, затворишася въ церквахъ, и въдаши имъ животъ, а товаръ съ ними розделиша на полы.[10]

По-видимому, среди этих купцов были и новгородцы, рассказавшие о своих злоключениях и заодно о прочих событиях 1203 г. по возвращении из Киева в Новгород.

Приведенное объяснение, само по себе весьма убедительное, не проясняет, однако, происхождения известия о походе южнорусских князей на половцев и в особенности сообщения о пострижении Рюрика неким боярином Вячеславом, читающееся только в списках Новгородской Первой летописи младшего извода.

[8] *Конявская Е. Л.* «Южнорусские статьи» в новгородских летописях... С. 172–173.

[9] ПСРЛ. Т. III. С. 45.

[10] Там же. Этот же текст читается в списках младшего извода: Там же. С. 240.

Откуда новгородскому летописцу стала известна такая подробность, которую не сохранила ни одна другая русская летопись? Некоторый след, способный, как кажется, приблизить нас к ответу на этот вопрос, содержится в тексте самого сообщения о походе русских князей на половцев, точнее говоря, в перечне участвовавших в походе князей. В числе «многих иных» князей — участников похода — троих Новгородская Первая летопись младшего извода называет по именам:

> Рюрикъ, Романъ, Мьстиславъ и инии князи мнози.[11]

В Московско-Академической летописи, текст которой издателями первого тома Полного собрания русских летописей был использован взамен утраченного текста Лаврентьевской летописи, интересующий нас перечень выглядит иначе:

> Рюрикъ Киевьскии, Ерославъ Переяславьскии, великого князя Всеволода сынъ, Романъ Галицкии и Мстиславич, и иныи князи.[12]

Неясное чтение «и Мстиславич», стоящее после имени «Романъ Галицкии», в других списках владимиро-суздальских летописей выправлено путем присоединения его к имени Романа, отчего формулировка имени галицко-волынского князя приобрела несколько неуклюжий вид: «Роман Галицкии Мстиславич».

Можно ли считать чтения «и Мстиславич» и «Мьстиславъ» в указанных списках всего лишь описками? Но почему тогда они допущены и во владимиро-суздальской, и в новгородской летописях? Простому объяснению заимствованием сведений об участниках похода новгородским летописцем из владимиро-суздальской летописи препятствует различие их чтений: в Новгородской Первой летописи значится княжеское имя Мстислав, а в Московско-Академической — отчество Мстиславич. Кроме того, во владимиро-суздальских летописях список участников похода полнее — среди них назван также переяславский князь Ярослав Всеволодович.

Для выяснения этого противоречия попробуем обратиться к еще одному источнику, нечасто привлекаемому исследователями, но, несомненно, содержащему важную для нас информацию.

* * *

О победоносном походе русских князей на половцев под 1205 г. сообщает в своей «Польской истории» Ян Длугош. Обстоятельства похода, а также последовавшие за ним события — лишение киевского стола и пострижение в монахи Рюрика Ростиславича, захват Романом Мстиславичем и увод в Галич сыновей Рюрика Ростислава и Владимира — в изложении Длугоша полностью

[11] Там же. С. 240.

[12] Там же. Т. I. М., 1997. Стб. 420. См. также: Там же. Т. XXXVIII. Л., 1989. С. 161, примеч. 33.

повторяют историю, известную нам по летописным сообщениям.[13] В рассказе Длугоша приведен и перечень участвовавших в походе на половцев князей, где наряду с Романом Мстиславичем фигурирует еще один князь с отчеством Мстиславич:

> И вот в подходящее время, собрав свои конные и пешие войска, князья Руси выступают против половцев, а именно Рюрик Киевский, Ярослав Переяславский, сын Всеволода Великого, Роман Мстиславич Галицкий и Владимирский и Ростислав Мстиславич.[14]

Упомянутый здесь Ростислав Мстиславич — это, по всей видимости, младший сын смоленского, а затем великого киевского князя Мстислава Романовича Старого. Ростислав Мстиславич неоднократно упоминается в источниках как участник южнорусских событий первой половины XIII в.: вместе с Мстиславом Мстиславичем Удалым он участвовал в походе на Галич против венгров, а в 1240 г., после бегства из Киева Михаила Всеволодовича и его сына, на короткое время занял киевский стол.[15] Сообщению Длугоша об участии в походе на половцев 1205 (1203) г. именно сына Мстислава Романовича Ростислава справедливо отдавал предпочтение В. Т. Пашуто, сопоставив это известие польского историка с неясными чтениями Московско-Академической и Новгородской Первой летописи младшего извода.[16]

В своем изложении южнорусских событий начала XIII в. Длугош помимо русской летописи, близкой к Радзивиловской и Летописцу Переяславля-Суздальского, пользовался также какими-то дополнительными источниками, содержащими оригинальные сведения, например об обстоятельствах похода Ольговичей на Литву, отсутствующие в известных ныне русских источниках.[17]

По-видимому, прав был В. Т. Пашуто, считавший, что значительная часть русских известий Длугоша за период с начала XIII в. и до 1238 г. заимствована из летописи, бывшей «естественным продолжением Киевской летописи Рюрика Ростиславича, известной нам лишь до 1200 г.».[18] Исследование Н. И. Щавелевой показало, что наряду с южнорусским сводом первой трети XIII в. в распоряжении Длугоша был также Смоленский свод, в основании которого лежала Радзивиловская (в раннем списке) и Софийская Первая летописи (последняя была также дополнена по Новгородской Четвертой и Новгородской Первой).[19]

---

[13] См.: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Книги I–VI): текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 349–350.

[14] Там же. С. 349.

[15] См.: *Донской Д. В.* Рюриковичи. Исторический словарь. М., 2008. № 370. С. 545.

[16] *Пашуто В. Т.* 1) Киевская летопись 1238 года // ИЗ. [Т.] 26. [М.,] 1948. С. 277, примеч. 54; 2) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. [М.,] 1950. С. 27, примеч. 4.

[17] См.: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 444, примеч. 342.

[18] *Пашуто В. Т.* 1) Киевская летопись 1238 года. С. 276; 2) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 26.

[19] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 52.

Под 1205 г. в «Истории Польской» находим еще одно оригинальное русское известие, которое также, по всей видимости, имеет киевское происхождение:

> Князь Святослав Мстиславич, узнав, что на киевском столе нет князя, с одобрения киевлян вступает в киевскую крепость, так как другие не решались на такое дело из страха перед галицким князем Романом Мстиславичем, намереваясь княжить там по обычаю монарха. Поскольку это было невыносимо для галицкого князя Романа Мстиславича, который хотел, чтобы именно его почитали русским монархом и чтобы ему принадлежала высшая власть на Руси, он со своею силою приходит в Киев и с позором изгоняет и вытесняет из Киева Святослава Мстиславича, посадив на киевском столе Ростислава Рюриковича, которого держал у себя в плену. Он отпускает из плена и другого его брата — Владимира, чтобы шире была молва как о его могуществе, так и о милосердии и чтобы росло уважение перед его именем, чтобы тем легче осуществить поход против Польши, в который он в том году собирался.[20]

М. С. Грушевский находил это сообщение Длугоша вполне вероятным как, впрочем, и сообщение «Истории Российской» В. Н. Татищева о том, что Роман вторично посадил в Киеве Ингваря Ярославича. В упомянутом Длугошем князе Святославе Мстиславиче Грушевский видел еще одного сына Мстислава Романовича Старого, также хорошо известного по упоминаниям русских летописей.[21]

Сообщение Длугоша о кратковременном захвате киевского стола сыном смоленского князя Святославом Мстиславичем находил достоверным и В. Т. Пашуто. Историк считал, что основная часть русских известий Длугоша за начало XIII в. вообще оказывается связанной так или иначе со смоленскими Ростиславичами.[22] Н. И. Щавелева устанавливает, что южнорусский свод первой трети XIII в., которым пользовался Длугош, был отредактирован в интересах смоленского княжеского дома.[23]

Не все современные исследователи готовы разделить это мнение.[24] Однако даже те из них, кто скептически относится к не подтверждаемым летописями русским известиям Длугоша, должны признать, что автору «Польской истории» незачем было придумывать известие о захвате Киева Святославом Мстиславичем.[25]

Упомянутый в рассмотренном известии Длугоша Святослав Мстиславич спустя полтора десятилетия оказался на княжеском столе в Новгороде, который

---

[20] Там же. С. 350.

[21] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. Київ, 1992. С. 228, примеч. 2.

[22] *Пашуто В. Т.* 1) Киевская летопись 1238 года. С. 277; 2) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 26.

[23] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 52.

[24] *Назаренко А. В.* Комментарий // *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 448, примеч. 351. В сообщении под 1211 г. у Длугоша речь идет скорее всего о судьбе другого князя — Святослава Игоревича (*Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 27, примеч. 7).

[25] *Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 600.

он занимал в 1218–1219 гг.[26] Через этого князя, активного участника памятных южнорусских событий 1203 г., в Новгороде, вероятно, стали известны дополнительные подробности, касающиеся участников похода русских князей на половцев, а также пострижения в монахи Рюрика Ростиславича, совершенного по приказу Романа Мстиславича боярином Вячеславом.

Неизвестные при составлении летописных текстов за начало XIII в., включенных в Синодальный список Новгородской Первой летописи и потому отсутствующие в нем, эти новые сведения спустя полтора столетия были использованы составителем Новгородской Первой летописи младшего извода. Однако к моменту ее составления некоторые обстоятельства похода 1203 г., надо думать, вызвали у новгородского летописца сомнения, в особенности же имена участвовавших в походе князей. Это видно при обращении к тексту Комиссионного списка (СПбИИ. НИА. Собр. Археогр. комиссии. № 240), положенного в основу академического издания Новгородской Первой летописи младшего извода. Летописец несколько раз принимался за составление сообщения о походе, — в рукописи начальная фраза сообщения написана дважды: «тогда же ходиша рустеи князи на половци тогда же ходиша рустеи князи на половци».[27] Имя третьего участника похода сводчик середины XV в., очевидно, так и не смог идентифицировать, в результате чего отчество «Мстиславич» трансформировалось у него в имя «Мстислав».

Для нашего исследования важно другое. Среди прочих сведений о событиях 1203 г., связанных с деятельностью популярного в Новгороде Романа Мстиславича (победоносный поход на половцев, пострижение Рюрика боярином Романа), Святослав Мстиславич мог доставить в северную столицу Руси свидетельства, относящиеся также к Романову проекту «доброго порядка». Дело в том, что отец Святослава Мстислав Романович в 1197–1214 гг. занимал княжеский стол в Смоленске,[28] а проект 1203 г. предполагал участие смоленского князя в числе прочих «местных князей» (суздальского, черниговского, галицкого, полоцкого и рязанского) в избрании киевского великого князя. Всем названным «местным князьям» Роман разослал для ознакомления грамоты с изложением содержания своего проекта, однако ожидаемой поддержки у них не нашел.[29]

Таким образом, вместе с прочими сведениями о Романе и борьбе за киевский стол в 1203 г. грамота (или список с нее) с изложением Романова проекта, предназначавшаяся Мстиславу Романовичу, весьма вероятно, могла быть привезена его сыном Святославом в Новгород во время его княжения в этом городе. Содержание грамоты отразилось в одной из новгородских летописей, уцелевшей до начала XVIII в., когда она попала в поле зрения информаторов В. Н. Татищева, и найденные в ней сведения были доставлены историку в виде выписки из «древняго летописца».

---

[26] ПСРЛ. Т. III. С. 58–59, 259–260.

[27] Там же. С. 240, примеч. б–б.

[28] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 230 и сл.

[29] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. IV. С. 329; Т. III. С. 170.

* * *

Почему же сведений о Романовом проекте не сохранилось в летописании Владимиро-Суздальской Руси? Нам представляется, что современные знания по истории русского летописания дают некоторую возможность ответить на этот вопрос.

Сравнение текстов владимиро-суздальских летописей первой половины XIII в. — свода 1205 г., а также сводов Константина (1217) и Юрия (1238) Всеволодовичей — обнаруживает, как мы уже видели, заметные расхождения по хронологии и составу известий в статьях 6710–6713 (1202–1203) гг. Эти расхождения запечатлели следы работы разных летописцев. Причем именно в статье 6711/12 (1203) г., повествующей о походе русских князей на половцев и конфликте Романа с Рюриком, следы позднейшей перекройки текста видны особенно отчетливо. По заключению новейшего исследователя:

> В статье 1203 г. ясно виден шов, где сходятся этапы работы разных летописцев.[30]

В своде 1205 г. первичная редакция статьи 1203 г. подверглась перекомпоновке, в результате чего оказалась нарушенной хронологическая последовательность изложенных в ней событий.[31]

Зачем владимирскому летописцу понадобилось переделывать статью 1203 г. спустя всего два года после описанных в ней событий?

В 1205 г. в Лаврентьевской летописи наблюдается переход с ультрамартовского на мартовский стиль летосчисления.[32] Смена хронологии — явный признак смены места летописания. А. Н. Насонов полагал, что в начале XIII в. владимирское великокняжеское летописание переместилось из Успенского собора в Рождественский Богородичный монастырь. Новым игуменом монастыря в это время стал Симон, впоследствии, в 1214 г., ставший владимиро-суздальским епископом. В руках Симона и оказалось великокняжеское летописание, ведением которого он занимался, вероятно, вплоть до собственной смерти в 1226 г.[33]

В истории древнерусского летописания и книжности владыка Симон сыграл весьма заметную роль. Именно ему приписывается создание знаменитой Симоновой летописи, принадлежавшей в первой половине XVIII в. кабинет-министру А. П. Волынскому и через него ставшей известной В. Н. Татищеву.[34] Симон является также одним из создателей Киево-Печерского патерика, будучи автором

---

[30] *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 года (Радзивиловская летопись) // ТОДРЛ. Т. XLXIX. СПб., 1996. С. 55.

[31] Там же. С. 55–56.

[32] См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 69–86.

[33] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI–начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 199–201.

[34] *Милов Л. В.* Татищевские портреты-характеристики и «Симонова» летопись // ИССР. 1978. № 6; *Клыш М. А.* К вопросу о Симоновой летописи, бывшей у В. Н. Татищева // Вест. МГУ. Сер. История. 1978. № 1.

Ил. 57. Богородице-Рождественский мужской монастырь. Общий вид. Фотография начала XX в. (Владимир, Россия)

целого ряда произведений — слов, посланий и сказаний, легших в его основу. Это авторство Симона не случайно, поскольку сам он начинал свое служение в Киеве и долгое время был монахом Киево-Печерского монастыря.[35]

Еще будучи печерским монахом, Симон сблизился с семьей киевского князя Рюрика Ростиславича и в особенности с семьей его старшего сына Ростислава, став духовником жены последнего — княгини Верхуславы. Видимо, благодаря этому Симон со временем сблизился также и с матерью Верхуславы, женой владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо. Очевидно, вскоре после насильственного пострижения Рюрика и его семьи по приказу Романа Мстиславича, то есть после 1203 г., Симон покинул Киев и перебрался во Владимир, где принял игуменство в основанном Всеволодом монастыре Рождества Богородицы. В 1206 г. мы уже видим Симона во Владимире в качестве духовника «великой княгини Всеволожей» (в монашестве Марии), наставляющего ее к принятию пострига.[36] Причем в большинстве сохранившихся летописных списков в этом месте читается: «Симонъ игуменъ отець его», то есть великого князя Всеволода.[37] Данное обстоятельство позволяет думать, что Симон являлся духовником всей великокняжеской семьи.

Вплоть до самой смерти Симон не порывал связи с Киево-Печерским монастырем, а также с членами семьи Рюрика Ростиславича. Во включенном в состав

---

[35] См.: *Ольшевская Л. А.* 1) Патерик Киево-Печерский // СККДР. Вып. 1. Л., 1987; 2) Симон // Там же.

[36] ПСРЛ. Т. I. Стб. 424.

[37] Там же, примеч. 6.

Киево-Печерского патерика послании к черноризцу Поликарпу владыка Симон ссылается на продолжающуюся переписку с княгиней Верхуславой, к тому времени уже вдовой Ростислава Рюриковича: «Пишет же ми княгини Ростиславляя Верхуслава...».[38] Из дальнейших слов владыки можно безошибочно определить доверительный характер его взаимоотношений с бывшей подопечной, обращающейся к Симону за советом и готовой по его слову понести любые затраты: «Аще ми и 1000 сребра, — рекше, — истеряти тебе деля...».[39]

Нет никаких сомнений в том, что новоиспеченный игумен Рождественского монастыря, принявший в свои руки ок. 1205 г. владимирское великокняжеское летописание, сделал все от него зависящее, чтобы не допустить излишних упоминаний о политических успехах Романа Мстиславича, ставшего опасным соперником и даже врагом для обоих покровителей Симона — киевского князя Рюрика Ростиславича и владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо. Не случайно поэтому в статье 1203 г., где должны были быть известия о проекте Романа, во владимирском своде 1205 г. возник шов, скрывающий результаты переделки первоначального текста.

Тем не менее, благодаря своим связям с Киевом, Симон хорошо знал о южнорусских делах, и, очевидно, именно ему владимиро-суздальское летописание обязано включением разнообразных сведений о Южной Руси за первые десятилетия XIII в. Как справедливо замечает П. П. Толочко, в известиях владимиро-суздальских летописей в период с 1206 по 1212 гг. просматривается ряд индивидуальных стилистических приемов, часть из которых обнаруживает родство с литературной манерой печерского игумена Моисея, автора киевского летописного свода 1200 г. Есть все основания связывать эти известия с деятельностью летописца Симона.[40]

Тесная связь с семьей киевского князя Рюрика и владимиро-суздальского князя Всеволода предопределила политические взгляды Симона. Под его пером именно Всеволод становится главным действующим лицом и своего рода вершителем судеб киевского стола и всей Южной Руси в начале XIII в. Откорректирована Симоном и неблаговидная роль Рюрика, использовавшего в борьбе за Киев половцев и ставшего виновником жестокого разорения южнорусской столицы в январе 1203 г. При этом роль галицко-волынского князя Романа Мстиславича, фактического властителя Южной Руси и организатора победоносных походов на половцев, лишившего власти Рюрика и подчинившего себе Киев, сведена Симоном до роли второстепенного князя, вечного возмутителя спокойствия и виновника княжеских усобиц.

Легко убедиться в предвзятости и необъективности подобных построений, существенно искажающих историческую реальность. Для этого достаточно обратиться к источникам, политически нейтральным с точки зрения соперничества южнорусских князей и борьбы за Киев в начале XIII в. По счастью, такие источники имеются.

---

[38] Древнерусские патерики / Изд. подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 21.

[39] Там же.

[40] *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 213–214.

Византийский историк Никита Хониат, современник Романа и Рюрика, внимательно следивший за перипетиями их взаимоотношений, без колебания отдает политический приоритет Роману как наиболее сильному в военном отношении и влиятельному русскому князю. Об этом, как мы видели, свидетельствует и используемая Хониатом титулатура: Роман назван «игемоном», а киевский князь Рюрик низведен до уровня обычного правителя. Кроме того, в описании «распри» Романа с Рюриком у византийского историка вообще не находится места для упоминания о каком бы то ни было участии в конфликте владимиро-суздальского князя Всеволода или каком-то его влиянии на судьбу Киева.[41]

Тот же образ Романа — правителя всей Южной Руси, по своему усмотрению распоряжавшегося Киевом, — предстает в освещении Яна Длугоша, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к галицко-волынскому князю. Опиравшийся на русские источники, альтернативные летописанию Симона, Длугош, также как и Хониат, ни слова не говорит о каком-либо участии Всеволода в борьбе за Киев. У Длугоша Роман по собственному почину освобождает из плена сыновей Рюрика Ростислава и Владимира, руководствуясь при этом исключительно собственной выгодой («чтобы шире была молва как о его могуществе, так и о милосердии и чтобы росло уважение перед его именем»).[42]

Совершенно в ином свете, нежели у Симона, предстает в изложении Длугоша неприглядная роль Рюрика Ростиславича, которого не только Роман, но и другие князья считали главным виновником всех бед Русской земли и расправа над которым была учинена Романом по просьбе и с одобрения остальных:

> А поскольку половцев для разорения Руси нанял киевский князь Рюрик, как раз и бывший виновником всех бед, которые претерпела Русская земля, то когда они (русские князья. — *А. М.*) вернулись из Половецкой земли, он, по просьбе и с одобрения других, был схвачен галицким и владимирским князем Романом Мстиславичем. Тот приводит его в оковах в Киев, постригает его в монахи, а его жену — в монахини, дочерей его оставив на свободе, а сыновей Ростислава и Владимира схватив и пленниками отведя в Галич.[43]

Нет никаких сомнений, что этот текст не придуман Длугошем, а взят из аутентичной русской летописи. Доказательством может быть то, как польский хронист понял слова летописца о судьбе дочери Рюрика Предславы, на которой ранее Роман сам был женат. Как известно из русских летописей, Предслава разделила судьбу своих родителей, также будучи отправленной в монастырь. Решение Романа оставить на свободе дочерей Рюрика (правильно — дочери) возникло у Длугоша по недоразумению: он не понял смысла слов летописи «юже бе пустил», то есть «с которой ранее развелся».[44]

---

[41] Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 522–523.

[42] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 350.

[43] Там же.

[44] *Назаренко А. В.* Комментарий // *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 444, примеч. 341.

* * *

Похоже, давние политические счеты существовали также в отношениях между Романом и Всеволодом, делая их непримиримыми соперниками друг друга.

В свое время А. А. Шахматов и М. Д. Приселков обратили внимание на следующий факт: примерно с середины 1180-х гг. князь Всеволод во владимирском летописании первым среди прочих князей Руси начинает постоянно именоваться «великим князем».[45] Такое особое отличие владимиро-суздальского князя могло означать, кроме подчеркнутого выдвижения из среды других русских князей как сильнейшего, также повышение международного статуса как самого князя Всеволода, так и его княжества в византийской иерархии государств и правителей. Приселков правильно указывал на этот немаловажный для древнерусских князей аспект приобретения титула «великий князь», которое не могло обойтись без санкции императора. «Если опираться на позднейшую (XIV в.) практику русско-византийских отношений, — писал историк, — когда особенно широко Византия производила раздачу великокняжеских титулов русским князьям», желанный титул мог означать для получившего его князя «право непосредственных сношений с империей». Такое право давало вполне ощутимые политические выгоды, в частности свободу в выборе кандидата на замещение епископской кафедры.[46]

Согласившись на предоставление нового правительственного статуса для владимиро-суздальского князя, византийский двор, разумеется, потребовал от него ответных мер в интересах империи. С середины 1180-х гг. Византия жила в условиях непрекращающегося болгарского восстания и беспрерывных набегов половцев, привлеченных на свою сторону восставшими болгарами.[47] Помощь Руси в такой ситуации была жизненно необходима. По свидетельству Никиты Хониата, уже император Андроник I Комнин (1183–1185) в конце своего правления должен был через киевского митрополита «умолять» русских князей предпринять поход против половцев.[48]

Нужда в русской помощи была настолько велика, что новый византийский император Исаак II (1185–1195) готов был женить единственного своего сына — будущего императора Алексея IV (1203–1204) — на родственнице сильнейшего, по мнению византийских стратегов, русского князя того времени. В Ипатьевской летописи под 1194 г. сообщается о прибытии послов византийского императора к киевскому князю Святославу Всеволодовичу сватать его внучку Евфимию

---

[45] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 12; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 129. Почетные наименования «великий князь» применительно к киевским князьям встречаются в летописях еще в первой половине XII в., но все они носят эпизодический характер, см.: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 229 и сл.; *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 32–34.

[46] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 129–130.

[47] См. об этом в главе 16 настоящей работы.

[48] См.: *Приселков М. Д.* Русско-византийские отношения IX–XII вв. // ВДИ. 1939. № 3. С. 108–109; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 200.

Ил. 58. Принесение и торжественная встреча во Владимире доски от гроба св. великомученика Димитрия Солунского. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Глебовну за византийского «царевича». Сваты прибыли в Киев, когда Святослав был уже при смерти, и поэтому намеченный брак так и не состоялся.[49]

Надежды Константинополя, возлагавшиеся на Всеволода Большое Гнездо, по-видимому, также не оправдались. Одновременно с византийской дипломатией расположения владимиро-суздальского добивались предводители восставших болгар. И, похоже, последние более преуспели в этом.

По сообщению Лаврентьевской летописи, в январе 1197 г. из Фессалоники во Владимир, вероятно, к окончанию строительства Дмитровского собора, были доставлены две высокочтимые реликвии святого великомученика Димитрия Солунского, в честь которого получил свое крестильное имя князь Всеволод, — мироточащая «гробная доска», а также «сорочка» святого.[50] Летописец несколько раз вспоминает об этих драгоценных приобретениях как о наиболее выдающихся заслугах Всеволода Большое Гнездо:

> ...и принесъ доску гробную изъ Селуня святого мученика Дмитрия, мюро непрестанно точащю на здравье немощным, в тои церкви (Дмитровском соборе во Владимире. — *А. М.*) постави, и сорочку тогож мученика ту же положи.[51]

---

[49] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 680. См.: *Baumgarten N., de.* Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Du X° au XIII° siécle. Roma, 1927 (Orientalia Christiana. IX. Ser. I. Nr. 35). Tabl. IV; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 496–497; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 201; *Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów. S. 459.

[50] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414.

[51] Там же. Стб. 437.

Вслед за летописцем историки русской церкви относят полученные Всеволодом святыни к числу наиценнейших христианских реликвий домонгольской Руси.[52] О том, что могли представлять собой упомянутые реликвии и в особенности «гробная доска» святого, высказывались различные предположения.[53] Долгое время реликвии считались безвозвратно утраченными. Однако новейшими исследованиями установлено, что «гробная доска», перенесенная в конце XIV в. из Владимира в Москву митрополитом Киприаном, сохранилась до настоящего времени в местном ряду иконостаса Успенского собора Кремля. Однако древнее живописное изображение на ней отсутствует; образ святого в виде воина был заново написан в 1701 г. мастером Кириллом Улановым.[54] Вероятно, с обустройством Всеволодом Дмитриевского собора во Владимире связано и появление на Руси серебряного позолоченного реликвария великомученика Димитрия Солунского византийской работы середины XI в., хранящегося ныне в Оружейной палате Московского Кремля и являвшегося вместилищем частиц окровавленной «сорочки» св. Димитрия.[55]

Ил. 59. Реликварий св. Димитрия Солунского. Ковчег-мощевик — модель восьмигранного кивория с коническим куполом, вольная копия кивория над гробом св. Димитрия Солунского. Изображения свв. воинов Нестора и Лупа, императора Константина X и императрицы Евдокии. Серебро, позолота. Византия, 1059–1067 гг. (Музеи Московского Кремля)

Согласно наиболее обоснованному, на наш взгляд, мнению Э. С. Смирновой, «гробная доска» Димитрия Солунского была иконой святого, написанной, возможно, на доске, временно покрывавшей его гробницу в Фессалониках и после перенесения во Владимир ставшей храмовой иконой Дмитриевского собора. В 1596 г. по повелению Бориса Годунова с иконы была снята копия, хранящаяся ныне

[52] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1997. Т. I, 2-я пол. С. 419.

[53] См.: *Grabar A.* Quelques reliquires de Saint Démétrius et la martirium de saint à Salonique // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1950. Vol. 5; *Смирнова Э. С.* Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во Владимирском храме // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания / Отв. ред. Э. С. Смирнова. М., 1997; *Рындина А. В.* К вопросу о реликвиях Св. Димитрия Солунского в Успенском соборе Московского Кремля // Искусство христианского мира: Сб. ст. [Факультета церковных художеств Православного Свято-Тихоновского богословского института]. Вып. 2. М., 1998.

[54] *Зверев А. С.* Константинопольские и греческие реликвии на Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000. С. 118–121. № 28.

[55] *Стерлигова И. А.* Византийский мощевик Димитрия Солунского из Московского Кремля и его судьба в Древней Руси // Дмитриевский собор во Владимире; *Зверев А. С.* Константинопольские и греческие реликвии на Руси. С. 115–118. № 27.

в Государственном Историческом музее. Сообщение Степенной книги и надпись на металлической таблице XIX в. из Успенского собора Московского Кремля позволяют отождествить упомянутую в летописи «гробную доску» с существующей ныне иконой, заново переписанной в 1701 г. на доске XII в.[56]

Каким образом реликвии могли попасть к князю Всеволоду во Владимир? Летописец умалчивает об этом немаловажном обстоятельстве. Едва ли в данном случае может идти речь об официальном подарке владимиро-суздальскому князю византийского императора или константинопольского патриарха. Подобный факт, имей он место, обязательно был бы отмечен в летописи.[57] Вместо этого летописец скромно извещает, что доска и сорочка были «принесены» во Владимир как бы самим Всеволодом без какого-либо участия официальных византийских властей. Примечательно, что летописец, дважды вспоминая о принесении святынь во Владимир, оба раза говорит об этом так, будто столь чтимые в Византии и на Балканах реликвии попали к Всеволоду сами собой и их приобретение было делом рук одного лишь русского князя.[58]

Исследователи, обращавшиеся к упомянутым известиям Лаврентьевской летописи, единодушны в том, что священные реликвии Димитрия Солунского были получены Всеволодом, так сказать, неофициальным путем. В данном случае скорее всего имел место подарок, сделанный владимиро-суздальскому князю руководителями болгарского восстания, стремившимися таким образом отвратить сильнейшего из князей Руси от военного союза с Византией.[59]

Известно, что вследствие захвата и разграбления Фессалоник сицилийскими норманнами короля Вильгельма II в августе 1185 г., была осквернена и разграблена базилика Св. Димитрия. При этом какая-то часть хранившихся в базилике реликвий, спрятанных местными болгарами, затем была тайно вынесена из Фессалоник и переправлена в охваченную восстанием Северо-Восточную Болгарию. Вскоре реликвии оказались в Тырнове, ставшем столицей антивизантийского восстания. Вожди восставших, братья Петр и Иван Асени, объявили св. Димитрия покровителем болгар, наскоро построив в Тырнове церковь в его честь, в которой в 1186 г. Петр был провозглашен новым царем Болгарии.[60]

---

[56] *Смирнова Э. С.* Храмовая икона Дмитриевского собора.

[57] Как это было, к примеру, в 1218 г., когда из Царьграда во Владимир к великому князю Константину Всеволодовичу полоцким архиепископом греком Николаем были принесены частицы «от страстии от Господень», мощей святого Лонгина Сотника и мощей святой Марии Магдалины (ПСРЛ. Т. I. Стб. 441). Приобретение подобных реликвий официальным путем должно было гарантировать их подлинность.

[58] ПСРЛ. Т. I. Стб. 414, 437.

[59] См.: *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 130; *Сычев Н. П.* К истории росписи Дмитровского собора во Владимире // Памятники культуры: исследование и реставрация. Т. 1. М., 1959. С. 171; *Грабарь И. Э.* О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 55; *Этингоф О. Е.* Византийская икона VI–первой половины XIII века в России. М., 2005. С. 198.

[60] *Дуйчев Ив.* 1) Проучвания върху българското средновековие. София, 1945. С. 44–51; 2) Въстанието в 1185 г. и неговата хронология // Известия на Института за българска история. Т. VI. София, 1956. С. 333–335; *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 440, 443.

Византийские власти приложили немало усилий, чтобы вернуть попавшие к болгарам реликвии: императору Исааку II удалось отбить у восставших главную святыню — чудотворную икону св. Димитрия, возвращенную в Фессалоники. Однако в руках Асеней, очевидно, еще оставалась какая-то часть реликвий, а сам св. Димитрий отныне почитался как покровитель династии Асеней, — его изображение помещалось на царских печатях и монетах.[61]

По-видимому, в Фессалониках существовала вполне легальная практика изготовления копий священных изображений великомученика Димитрия и прежде всего покрова ларнакса («гроба») с образом святого в полный рост. Ввиду огромной популярности св. Димитрия копии его образа создавались для последующего перенесения в различные центры христианского мира.[62] Одна из таких копий, оказавшаяся в руках восставших болгар, и была, надо полагать, передана в дар владимиро-суздальскому князю.

Что же касается владения болгарами частями мощей святого, среди которых могла быть и его окровавленная сорочка, то этот факт также находит подтверждение в достоверных источниках. В письме константинопольского патриарха Каллиста (1350–1354, 1355–1363) к тырновскому духовенству, датированном ок. 1361 г., говорится о приготовлении из мощей солунского мученика мира для болгарской церкви.[63] Весьма вероятно, что частица сорочки святого, упоминающаяся в Лаврентьевской летописи, имеет непосредственное отношение к этим тырновским мощам.

Современные исследователи справедливо обращают внимание на близкое сходство предпринимавшихся Асенями мер по укоренению культа св. Димитрия в Болгарии с такими же мерами, предпринятыми в скором времени Всеволодом Большое Гнездо, укреплявшим этот культ во Владимиро-Суздальской Руси.[64] Подобные параллели, безусловно, должны были основываться на непосредственных контактах Всеволода и Асеней, которые в свою очередь явились следствием их сближения в период болгаро-византийского конфликта.

* * *

Не случайно поэтому Всеволод Большое Гнездо оказался безучастным к бедственному положению империи, терпящей в конце XII в. непрерывные разорительные набеги половцев — главных союзников болгар в борьбе за независимость. Предпринятый владимиро-суздальским князем в 1198 г. поход в Степь с точки

[61] *Obolensky D.* The Cult of St. Demetrius in the History of Byzantine-Slav Relations // Balkan Studies. Vol. 15. 1974; *Тъпкова-Заимова В.* Култът на св. Димитър Солунски и някои въпроси, свързани с византийското културно влияние в балканските и славянските страни // Проблеми на балканската история и култура. София, 1979; *Петров П. Х.* Възстановяване на Българската държава: 1185–1197. София, 1985. С. 77, 78, 80, 81, 86, 333–344.

[62] *Этингоф О. Е.* Византийская икона VI–первой половины XIII века в России. С. 198.

[63] Там же.

[64] *Этингоф О. Е.* Византийская икона VI–первой половины XIII века в России. С. 198; *Каштанов Д. В.* Русь и Фессалоника в XII–XIII веках: люди, идеи, пути // ВВ. Т. 65 (90). М., 2006. С. 104.

зрения интересов империи мог иметь вид лишь имитации союзнических действий, горько разочаровавшей византийцев.

Лаврентьевская летопись в подробностях говорит об этом походе, совершенном Всеволодом вместе с сыном Константином и продолжавшемся более месяца — с 30 апреля по 6 июня. Половцам заранее стало известно о готовящемся наступлении русских войск, и они со всем своим имуществом успели вовремя удалиться на безопасное расстояние:

> Половци же, слышавше походъ его, бежаша и с вежами к морю.[65]

Всеволоду после этого оставалось только бесплодно «ходить по зимовищам их» и ни с чем «идти прочь».[66]

По поводу целей этого похода высказывались различные предположения, но всякий раз историки объясняли их лишь в привычном контексте русско-половецких отношений.[67] Между тем, поход 1198 г. — событие неординарное. Он относится к числу редчайших случаев, когда князья Северо-Восточной Руси посылали свои войска против южнорусских кочевников, и, пожалуй, то был единственный случай, когда во главе похода встал сам великий князь.[68] Ясно, что за этим выступлением скрывалось нечто большее, чем простая забота о безопасности далеких от Владимира и Суздаля рубежей Южной Руси.

По-видимому, поход преследовал не столько военные, сколько политические цели, к тому же явно выходящие за рамки обычных русско-половецких отношений. Похоже, разгром половцев и нанесение им тяжелого урона вообще не входили тогда в задачи Всеволода. Иначе трудно объяснить, почему для похода было выбрано столь неподходящее время. В мае русская конница уже не имела своего главного преимущества над конницей кочевников, чьи лошади, ослабленные после тяжелой зимовки в степи и отела, утрачивали на некоторое время (в самом начале весны) свои обычные скоростные качества и выносливость.[69] Кроме того, в мае половцы и без всякой угрозы со стороны русских князей сами покидали свои зимовья и уходили на лето к морю на рыбную путину.[70] «Ходить по зимовищам» половцев в мае — начале июня с военной точки зрения не имело никакого смысла.

---

[65] ПСРЛ. Т. I. Стб. 414.

[66] Там же. Стб. 414, примеч. 47.

[67] См.: *Досаев А. С.* К вопросу о половецком походе 1198 (1199) г. Всеволода Большое Гнездо // Мининские чтения. Мат-лы науч. конф. (10 декабря 2002 г.) / Отв. ред. В. П. Макарихин. Нижний Новгород, 2003. Из историков, насколько нам известно, одни только М. Д. Приселков попытался рассмотреть поход Всеволода против половцев в контексте отношений владимиро-суздальского князя с Византией (*Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 130).

[68] Кроме похода Всеволода, известно всего два случая, когда владимиро-суздальские князья отправляли войска в южнорусские степи: в 1160 г. на половцев ходил сын Андрея Боголюбского Изяслав (ПСРЛ. Т. IX. М., 2000. С. 222); в 1219 г. суздальские полки были посланы на степняков в помощь рязанскому князю Ингварю Игоревичу (Там же. Т. XXV. М., 2004. С. 116; Т. X. М., 2000. С. 82).

[69] *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990. С. 114.

[70] Там же. С. 118.

Ил. 60. Поход великого князя Всеволода Большое Гнездо на половцев. Бегство половцев, узнавших о движении русского войска. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Картина прояснится, если смотреть на выступление Всеволода шире, в контексте не только русско-половецких, но и связанных с ними тогда русско-византийских отношений. В конце XII в. византийская дипломатия настойчиво добивалась от русских князей большого похода в Степь для отвлечения от границ империи терзавших ее половецких полчищ. Однако вместо ожидаемого опустошительного рейда по тылам степняков Всеволод Большое Гнездо — сильнейший из князей Руси — ограничился какой-то неуклюжей вылазкой, не имевшей реального военного значения.

Но главное даже не в этом. Вместо того чтобы нанести удар по придунайским кочевьям, где сосредоточились тогда основные массы участвовавших в набегах на византийские земли степняков, владимиро-суздальский князь пошел в противоположную сторону и появился со своим войском на Дону («възле Донъ»).[71] Выходит, что поход Всеволода и Константина был направлен против донских половцев, кочевавших за многие сотни километров от византийских границ — в верховьях Дона и Северского Донца, а летом спускавшихся к Азовскому морю.[72]

Неудивительно, что о походе Всеволода против половцев византийские историки даже не упоминают, тогда как о последовавшем вскоре походе Романа Мстиславича в один голос сообщают как о величайшем благе для империи, почти что чуде, ниспосланном самим Богом. Никита Хониат изображает Романа настоящим спасителем империи: «он остановил набеги коман и прекратил те ужасные

[71] ПСРЛ. Т. I. Стб. 414. См. также: Там же. Т. XXV. С. 99.

[72] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 148; *Плетнева С. А.* Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1985.

бедствия, которые терпели от них римляне, подавши таким образом единоверному народу неожиданную помощь, непредвиденное заступление и, так сказать, самим Богом ниспосланную защиту».[73]

Хониату вторит Феодор Скутариот: «правитель Галиции Роман, собрав многочисленное и достославное войско, внезапно напав на землю Куманов, разорил и уничтожил ее, и много раз он это делал во славу христианской веры. И так он остановил набеги Куманов».[74] А греческий поэт Ефрем Энийский говорит о Романе как о «дерзновенном» и одновременно «благочестивом» полководце, «в конец» разорившим Половецкую землю и разрушившим губительный для империи союз половцев и болгар.[75]

На рубеже XII–XIII вв. в Константинополе, надо думать, уже не возникало сомнений, кому из русских князей отдать приоритет как главному и надежному союзнику империи. Выделяя Романа Мстиславича среди прочих русских архонтов как «игемона» и противопоставляя ему слабого киевского князя Рюрика Ростиславича как заурядного правителя, византийские власти стремились тем самым подчеркнуть, что видят в Романе сильнейшего князя, первенствующего среди остальных князей Руси, нового «великого князя», определенного самим императором.

* * *

Насколько можно судить, именно такой смысл должен был заключать в себе присвоенный Роману византийскими историками титул «игемона». Ηγεμών в греческом языке — не только *правитель* и *военный предводитель*; этот термин издревле обозначал также *наместника императора в какой-либо области, стране*.[76] В последнем значении термин «игемон» был хорошо известен в Древней Руси по многочисленным переводным произведениям, отражающим евангельскую историю Понтия Пилата.[77]

Среди древнерусских князей «игемонами» василевсы могли признавать, как мы видели, своих близких родственников, заключавших браки с членами императорской семьи.[78] Этот термин применяется в византийских источниках также к правителям Руси, связанным с императорами тесными союзническими отношениями, иногда облекаемыми в терминологию семейного родства. «Игемоном и архонтиссой Руси» называет Константин Багрянородный киевскую княгиню

---

[73] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 245–246.

[74] Ἀνωνύμου Σύνοφις χρονική // Μεσαιωνική βιβλιοθήκη. Bibliotheca Graeca medii aevi / Ed. K. N. Sathas. Vol. VII. Athen, 1972. P. 428.

[75] Ἐφραΐμ τοῦ Αἰνίου Χρονογραφία / Ἐκδ. Ὁδ. Λαμψίδης. Τ. 2. Athens, 1990. Σ. 234.

[76] См.: *Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods: from B. C. 146 to A. D. 1100. New York, 2004. P. 379; *Dēmētrakos D.* Mega lexikon tēs Hellēnikes glōssēs. T. 4. Athen, 1953. P. 3229.

[77] СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 77; СлДРЯз XI–XIV вв. Т. III. М., 1990. С. 442.

[78] См.: *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки. I. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // *Васильевский В. Г.* Труды. Т. II, вып. 1. СПб., 1909. См. также главу 17 настоящей работы.

Ольгу,[79] посетившую Константинополь в середине X в. и удостоившуюся чести именоваться «дочерью императора».[80]

Так или иначе, статус наместника и родственника императора, несомненно, возвышал Романа над остальными русскими князьями. Византийские императоры, как мы видели, лично заботились о таком возвышении и не жалея красок специально разъясняли русским князьям — своим возможным родственникам — их новые преимущества. «Даже те, которые вступают в дальнее родство с нами, — писал император Михаил VII в личном послании к Всеволоду Ярославичу, — почитают такой союз величайшим благополучием», поскольку власть нового родственника императора становится «более почтенною» и все остальные «будут удивляться и завидовать <...> получившему такое отличие».[81]

Важно также отметить, что на протяжении почти всего XII в. галицких князей связывали особо тесные отношения с византийскими императорами. Можно даже говорить, что в Галицком княжестве как нигде более на Руси сложились какие-то особые традиции политической лояльности по отношению к Византии, возникшие задолго до княжения Романа.[82]

Так, тесные союзнические отношения с императором Мануилом I связывали галицкого князя Владимирка Володаревича. По свидетельству Иоанна Киннама, во время военной компании против венгров 1151 г. императору Мануилу пришло известие о том, что

> король пеонцев (венгерский король Гейза II. — *А. М.*), удачно завершив войну против тавроскифской страны Галицы, собрал сильное войско и в страшной ярости идет на ромеев. Именно потому василевс [решил] отомстить ему, что он напал против его воли на Владимира (таково имя архонта Галицы), который был подданным союзником ромеев.[83]

Греческий термин ὑπόσπονδος, переведенный М. В. Бибиковым как «подданный союзник», вызывает у исследователей различные толкования и иногда понимается также как «вассал» императора.[84] Во всяком случае, из контекста сообщения Киннама явствует, что галицкий князь состоял в гораздо более близких отношениях

---

[79] «Игемоном и архонтиссой Руси» Ольга названа в одном из заголовков пятнадцатой главы книги «О церемониях византийского двора». См.: *Constantini Porphyrogenneti imperatoris.* De cerimoniis aulae byzantinae libri duo / Rec I. I. Reiskii. T. I. Bonnae, 1829. P. 511.

[80] См. об этом: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси: IX–первая половина X в. М., 1980. С. 262–270; *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 154–157.

[81] Цит. по: *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки. I. С. 9–10.

[82] *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 247.

[83] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М., 1997. С. 62.

[84] *Васильевский В. Г.* Из истории Византии в XII веке // *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. Л., 1930. С. 45; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 479; *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. С. 256; *Obolensky D.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XII[e] Congres Internationale d'Etudes Byzantines. Ochride, 10–16 septembre, 1961. Vol. I. Beograd, 1963. P. 58.

с императором, чем все прочие «архонты» и «филархи» Тавроскифии и в том числе сильнейший из них — ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий, который, по словам Киннама, «среди филархов Тавроскифской страны обладал старшинством».[85]

Столь же традиционной на протяжении XII в. остается и византийская титулатура галицких князей, выделяющая и даже противопоставляющая их остальным князьям Руси. Не только Роман Мстиславич, но и другие правители Галича именуются в византийских источниках «игемонами». Иоанн Киннам называет «игемоном Галицы» (τὸν Γαλίτζης ἡγεμονεύων) Ярослава Осмомысла.[86] Как и Никита Хониат в случае с Романом Мстиславичем, Иоанн Киннам как бы противопоставляет галицкого «игемона» киевскому «архонту» Ростиславу Мстиславичу, называемому им также «архонтом Тавроскифской страны» (καὶ αὐτῷ ἐπὶ Ταυροσκυθικῆς ἄρχοντι).[87]

История сватовства императора Михаила VII к дочери Всеволода Ярославича показывает, что титул «игемона» мог быть получен теми из русских князей, кто становился не только военным союзником, но и близким родственником или свояком императора. Похоже, что это правило действовало и в случае с галицкими князьями. Вспомним, что родная тетка Осмомысла, дочь перемышльского князя Володаря Ростиславича Ирина, была выдана за младшего сына византийского императора Алексея I Комнина севастократора Исаака, отца будущего императора Андроника I.[88] Тем самым Ярослав Осмомысл был в свойстве с императором Мануилом I, а император Андроник I приходился галицкому князю двоюродным братом. Ближайшим союзником и родственником императора Алексея III стал галицко-волынский князь Роман Мстиславич, женившись вторым браком на племяннице василевса.[89]

Статус «игемона» — ближайшего союзника и родственника византийского императора, а возможно, и его наместника на Руси, — очевидно, давал Роману Мстиславичу основание чувствовать известное превосходство над другими русскими князьями. Это, надо думать, позволяло галицко-волынскому князю решительно действовать против старейшего князя Южной Руси и своего недавнего тестя Рюрика Ростиславича, а также по своей воле распоряжаться судьбой киевского стола и предлагать сильнейшим русским князьям небывалый прежде на Руси порядок избрания великого князя голосами шести князей-«курфюрстов».

Падение Константинополя, захват и раздел Византийской империи крестоносцами, безусловно, подорвали статус Романа как наместника императора на Руси, а нелепая гибель галицко-волынского князя во время неудачного похода в Европу и вовсе перечеркнула его выдающиеся свершения и начинания, предоставив удобный случай врагам Романа исказить или предать забвению историю этого незаурядного князя.

---

[85] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам... С. 67.

[86] Там же. С. 55, 66.

[87] Там же.

[88] *Пападимитриу С.* Брак Мстиславны с Алексеем Комнином // ВВ. СПб., Т. XI. 1904.; *Юревич О.* Андроник I Комнин. СПб., 2004. С. 50–53.

[89] См. об этом в четвертой части настоящей работы.

«ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ РОМАНОВАЯ»: дочь византийского императора — жена галицко-волынского князя

Глава двадцатая

К СПОРАМ О ВТОРОМ БРАКЕ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА[1]

Византийское происхождение новой жены Романа. — Династические браки как средство внешней политики империи. — Предположение о женитьбе Романа на представительнице рода Каматиров. — Могла ли быть «великая княгиня Романова» дочерью Исаака II от брака с Маргаритой Венгерской?

Вопрос о втором браке Романа Мстиславича имеет большую литературу, возникшую ввиду разногласий историков по поводу происхождения новой жены князя, носившей, как думают одни, имя Анны или, как считают другие, Марии.[2] Русские летописи не дают никаких указаний на этот счет; галицкий же летописец и вовсе старательно уклоняется от того, чтобы называть княгиню по имени, предпочитая именовать ее иносказательно, по имени мужа — «великая княгиня Романова».[3]

Недостаточно убедительной представляется версия о ее происхождении из среды волынского боярства, поддерживаемая некоторыми новейшими исследователями, чьи аргументы в основном сводятся к тому, что к началу XIII в. на Руси уже не оставалось князей, родство с которыми было бы политически необходимо Роману.[4] Еще менее обоснованным, на наш взгляд, является высказанное недавно предположение, будто вторая жена Романа была женщиной низкого происхождения и вообще не являлась законной женой князя.[5]

---

[1] Ранее материалы глав 20–23 опубликованы: *Майоров А. В.* Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // ДР. 2010. № 1 (39).

[2] Наиболее полный обзор мнений см.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 34–40.

[3] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 726, 727, 733–734, 735.

[4] *Котляр Н. Ф.* 1) Галицко-Волынская Русь и Византия в XII–XIII вв. (связи реальные и вымышленные) // Южная Русь и Византия (К XVIII конгрессу византинистов) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1991. С. 95–97; 2) Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 97–102; *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Київ, 2001. С. 141–142. Возражения см.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów... S. 37; *Войтович Л.* Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського) // Княжа доба. Історія і культура / Відп. ред. Я. Ісаєвич. Вип. 1. Львів, 2007. С. 48–50.

[5] *Толочко О.* Як звали другу дружину Романа Мстиславича? // Confraternitas. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича. Львів, 2006–2007. С. 99.

Ил. 61. Внешний облик византийских императриц и царевен. Фрагмент мозаики «Императрица Феодора с приближенными». Середина VI в. Базилика Сан-Витали (Равенна, Италия)

Вместе с тем, в литературе вопроса значительное развитие приобрела версия византийского происхождения второй жены Романа Мстиславича, впервые предложенная еще в XIX в. и в настоящее время наиболее полно аргументированная И. Гралей, Л. В. Войтовичем и Д. Домбровским.[6]

К важнейшим аргументам в пользу такой версии можно отнести следующие. Никто из Рюриковичей не считался близким родством с потомками Романа Мстиславича от второго брака и не оказывал покровительства его сыновьям, когда они остались малолетними сиротами после гибели отца. Истолковать этот факт в пользу происхождения Романовой вдовы из среды волынского боярства и тем более подкрепить им версию о ее низком происхождении и незаконном статусе едва ли возможно, поскольку, как известно, свое родство с вдовой Романа признавали польский князь Лешко Белый и венгерский король Андрей II: Лешко называл ее «ятровью»,[7] точно так же своей «ятровью» называл ее и Андрей.[8]

---

[6] *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza // SO. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4; *Войтович Л. В.* 1) Князівські династії Східної Європи (кінець IX–початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. С. 67, 71–72, 224, 376, 380-381, 402; 2) Роман Мстиславич і утворення Галицько-Волинського князівства // Галичина і Волинь в добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001 (Історичні та культурологічні студії. Вип. 3). С. 22–23; 3) Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 484; *Dąbrowski D.* 1) Rodowód Romanowiczów… S. 34–40; 2) Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 265–266.

[7] ПСРЛ. Т. II. Стб. 719.

[8] Там же. Стб. 717, 727–728.

«Ятровь» или «ятры» в древнерусском языке означало (в прямом значении) 'невестка, жена брата'.[9] Роман Мстиславич и Лешко Белый как прямые внуки Болеслава III Кривоустого (1102–1138) приходились друг другу двоюродными братьями, и поэтому вдова Романа вполне подходила под определение «ятрови» Лешка. С Андреем II родство Романа было более отдаленным: будучи правнуками Мстислава Владимировича (1125–1132) они могли считаться братьями только в третьей степени. При столь отдаленном родстве, по мнению Л. В. Войтовича, венгерский король мог признавать вдову Романа своей «ятровью» лишь ввиду их близкого родства с византийскими императорами.[10]

О византийском происхождении второй жены Романа свидетельствует также появление у сыновей и внуков этой четы необычно большого числа греческих имен, среди которых было несколько совершенно не типичных для Рюриковичей, никогда ранее не встречавшихся у русских князей — Даниил, Саломея, София, Ираклий, Лев.[11]

В пользу родства новой галицкой княгини с династией Ангелов могут свидетельствовать сообщения западноевропейских и русских источников о посещении свергнутым императором Алексеем III Галича после захвата Константинополя крестоносцами.[12] На прямые контакты галицко-волынского князя с императором Алексеем указывает сообщение новгородского паломника Добрыни Ядрейковича, видевшего в Константинополе послов Романа Мстиславича (май 1200 г.).[13]

Брак Романа с некой знатной византийкой, возможно, даже родственницей византийского императора, мог быть заключен как результат, а может быть, и условие военно-политического союза галицко-волынского князя с Алексеем III, сложившегося в последние годы XII в. Выражением этого союза явились успешные наступательные действия галицко-волынского князя против половцев, что остановило их набеги на Византию, приобретшие к тому времени невиданный доселе размах.[14]

* * *

Посредством династических браков правители Византии стремились решать самые острые внешнеполитические проблемы империи, умиротворяя своих врагов и приобретая союзников. Именно таким способом Исаак II, к примеру, сумел

---

[9] Так это выражение толкуется в словаре И. И. Срезневского, где в качестве примера приводится, в частности, интересующее нас упоминание о «великой княгини Романовои» как «ятрови» венгерского короля Ипатьевской (Галицко-Волынской) летописи (*Срезневский И. И.* Мат-лы для словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. III. М., 2003. Стб. 1673–1674.

[10] *Войтович Л.* Мати короля Данила... С. 46–47.

[11] *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza. S. 123; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów... S. 38–40; *Войтович Л.* Мати короля Данила... С. 55.

[12] Подробнее см. в главах 12 и 13 настоящей работы.

[13] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. С. 78–79.

[14] Об этом союзе см. главу 19 настоящей работы.

урегулировать отношения с Сербией и Венгрией. Свою племянницу Евдокию Ангелину (младшую дочь будущего императора Алексея III, находившегося в то время в изгнании в Палестине) Исаак выдал за сына великого жупана Стефана Немани, будущего сербского царя Стефана Первовенчанного.[15] На юной дочери короля Белы III василевс женился сам, и этот брак стал основой не только для прекращения враждебных действий правителя Венгрии, но и возвращения империи отнятых у нее прежде территорий на Балканах.[16] В 1193 г. для укрепления союза с новым королем Сицилии Танкредом (1190–1194), Исаак выдал за его сына и соправителя Рожера III (1190–1193) свою дочь Ирину.[17]

Эту политику продолжил преемник Исаака II Алексей III. По сообщению Никиты Хониата, он собирался выдать своих дочерей Анну и Ирину за иностранных христианских государей, чтобы обратить их к союзу с Византией.[18] Свою внучку Феодору, дочь Анны от первого брака с севастократором Исааком Комнином, император отдал за двоюродного брата болгарского царя Ивана Калояна по имени Иванко, перешедшего на сторону Византии и принявшего новое имя Алексей.[19] Не имея возможности силой подавить мятеж бывшего византийского наместника в Македонии Добромира Хриза, объявившего себя независимым правителем, Алексей III заключил с ним мир и выдал за него одну из своих родственниц.[20]

Нет никаких сомнений в том, что наиболее влиятельные и сильные в военном отношении русские князья в конце XII в. также входили в орбиту матримониальных расчетов византийских императоров. Об этом свидетельствует отмеченный в Ипатьевской летописи под 1194 г. эпизод сватовства к внучке киевского великого князя Святослава Всеволодовича Евфимии Глебовны некоего византийского «царевича». Сваты прибыли в Киев, когда Святослав был уже при смерти:

> приде емоу весть от сватовъ, иже идяхоуть поимати вноукы Святославле Глебовны Офимьи за царевича.[21]

Факт сватовства, зафиксированный в аутентичном древнерусском источнике, как правило, не вызывает у исследователей сомнений. По-видимому, упомянутым

---

[15] *Ласкарис М.* Византиске принцезе у средњовековној Србији. Пролог историји и византиско-српски односи од краја XII до средина XV века. Београд, 1926. С. 24–31; *Каждан А. П.* Когда Евдокия вышла замуж за Стефана Неманича? // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 216–217.

[16] *Moravcsik Gy.* Byzantion and the Magyars. Budapest, 1970. P. 92–94; *Makk F.* The Arpads and the Comneni. Political relations between Hungary and Bizantium in the 12th century. Budapest, 1989. P. 112–113, 120–121.

[17] *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 814.

[18] Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 508. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 224.

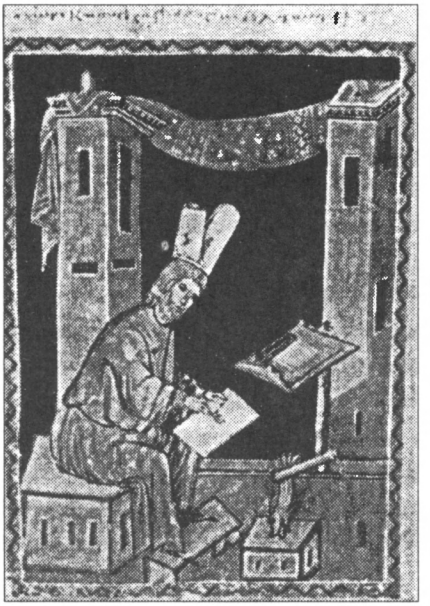
[19] *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Σ. 507–511.

[20] Nicetae Choniatae Historia. P. 507. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 223.

[21] ПСРЛ. Т. II. Стб. 680.

в летописи «царевичем» мог быть сын византийского императора Исаака II Алексей, будущий император Алексей IV.[22] В литературе обычно смотрят на возможный брак «царевича» с Евфимией Глебовной как на свершившийся факт.[23] Однако совершенно очевидно, что до заключения брака дело тогда не дошло.

Этому помешала кончина Святослава Всеволодовича, последовавшая вскоре за сватовством «царевича».[24] Отец же Евфимии — Глеб Святославич, бывший тогда переяславским князем,[25] — едва ли мог заинтересовать византийского императора в качестве важного союзника. Правда, Глеб был женат на дочери Рюрика Ростиславича,[26] сменившего Святослава Всеволодовича на киевском столе, и Евфимия Глебовна, таким образом, приходилась внучкой новому киевскому князю. Однако в источниках нет никаких сведений о свадебном посольстве к Рюрику сына византийского императора с подтверждением прежних брачных намерений. Кроме того, сам византийский император Исаак II вскоре оказался свергнутым с престола, а его сын Алексей должен был искать себе влиятельных покровителей среди предводителей Четвертого Крестового похода.[27]



Ил. 62. Портрет Никиты Хониата. Миниатюра Венского списка «Истории» Никиты Хониата. Первая половина XIV в. Венская национальная библиотека (Вена, Австрия)

В Константинополе тем не менее продолжали внимательно присматриваться к правившим на Руси князьям и прежде всего к новому киевскому князю Рюрику Ростиславичу. Об этом прямо свидетельствуют данные византийских авторов того времени.

---

[22] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. Київ, 1992. С. 215; *Лопарев Х. М.* Брак Мстиславны (1122 г.) // ВВ. Т. IX. СПб., 1902. С. 419; *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 382; *Baumgarten N., de.* Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Du X° au XIII° siécle. Roma, 1927 (Orientalia Christiana. IX. Ser. I. Nr. 35). Tabl. IV; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 496–497; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 201; *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 271; *Grala H.* Rola Rusi w wojnach bizantyńsko-bułgarskich przełomu XII i XIII w. // BP. T. II. Poznań, 1985. S. 127; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі… С. 409; *Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów. S. 459.

[23] См., например: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. С. 215; *Baumgarten N., de.* Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Tabl. IV; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі… С. 409.

[24] ПСРЛ. Т. II. Стб. 680–681.

[25] См.: *Донской Д. В.* Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008. С. 233.

[26] Брак был заключен в 1182 г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 625).

[27] О его дальнейшей судьбе см. главу 10 настоящей работы.

Выдающийся историк и государственный деятель Никита Хониат (ок. 1155–ок. 1217), исполнявший при Исааке II должность императорского секретаря, а затем наместника в Филиппополе (совр. Пловдив) и достигший вершин карьеры при Алексее III, исполняя ряд высших должностей в империи и дослужившись до чина логофета секретов, идентичного в то время чину великого логофета (главы правительственного кабинета), отмечает в своей «Истории» важнейшие факты политической жизни Южной Руси конца XII–начала XIII вв., имевшие значение для внешней политики империи.[28]

Византийские власти, очевидно, по-прежнему делали бы ставку на киевского князя как традиционно наиболее сильного князя Руси, если бы в конце XII в. не взошла звезда другого южнорусского правителя, объединившего под своей властью Волынь и Галичину и начавшего борьбу за Киев. По оценке Никиты Хониата, киевский князь Рюрик уступал галицкому князю Роману, более сильному и искусному в военном деле. Кроме того, в политике Рюрика Византию не устраивала его приверженность к союзу с половцами, которые составляли главную часть его войска, разбитого Романом.[29]

* * *

По предположению И. Грали, союз Алексея III Ангела с Романом Мстиславичем против болгар и половцев был скреплен браком галицко-волынского князя с Марией Каматирой, родственницей императрицы Евфросинии, супруги Алексея III. Род Каматиров принадлежал к верхушке византийской знати: в конце XII–начале XIII вв. из него вышли два константинопольских патриарха и множество царедворцев. Константинопольский патриарх Иоанн X Каматир (1198–1206), по мысли Грали, должен был способствовать расторжению первого брака Романа Мстиславича с Предславой, дочерью киевского князя Рюрика Ростиславича, женатого на половецкой княжне и поддерживавшего союз с половцами. В конце жизни вдова Романа не случайно поддерживала своего сына Даниила в его стремлении к унии с Римом, так как среди членов рода Каматиров было несколько видных сторонников такой унии.[30]

Гипотезу И. Грали поддерживает Е. Домбровская, приводя в пользу нее дополнительные аргументы, в частности тот факт, что Мария приходилась близкой родственницей — дочерью, племянницей или внучкой — логофету дрома Иоанну Каматиру, одному из ближайших сподвижников императора Мануила I, через которого Каматиры могли получить принадлежавшую василевсу реликвию — драгоценный крест с частицей Древа Животворящего Креста, доставшийся затем

[28] О биографии и творчестве Никиты Хониата см.: *Успенский Ф. И.* Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874; *Dieten J. L., van.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. Berlin, 1971; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiener. Bd. I. München, 1978. S. 429–441; *Каждан А. П.* Никита Хониат и его время. СПб., 2005; *Бибиков М. В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 368–374.

[29] Nicetae Choniatae Historia. P. 523.

[30] *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza.

Роману Мстиславичу и его потомкам, а ныне хранящийся в ризнице собора Парижской Богоматери.[31]

Эту гипотезу, однако, нельзя считать доказанной. Среди родственниц императрицы Евфросинии, дочери пансеваста севаста и эпарха Константинополя Андроника Дуки Каматира, не удается отыскать ни одной, хотя бы как-нибудь подходившей на роль жены галицко-волынского князя или вообще как-либо связанной с Русью.[32] Заслуга И. Грали состоит в том, что он, несомненно, усилил версию византийского происхождения второй жены Романа Мстиславича новыми аргументами. Но его предположение насчет Марии Каматиры едва ли можно признать убедительным.[33]

Одним из недостатков такого предположения, на наш взгляд, является невозможность объяснить причину тесных контактов и поддержки, которую оказывал вдове Романа и ее сыновьям венгерский король Андрей II.

В конце XII–первой трети XIII вв. правители Венгрии постоянно претендовали на власть в Галиче, считая себя законными королями Галиции, чьи права были санкционированы Римом: сам король Андрей, а также его сыновья Коломан и Андрей Младший непосредственно правили в Галиче, занимая там княжеский стол.[34]

Тем не менее во время правления Романа Мстиславича, а также в течение нескольких лет после его смерти венгерский король отказывался от каких-либо претензий на Галич, оказывая всемерную поддержку Даниилу и его матери. М. С. Грушевский полагал, что в этот период Андрей признавал Даниила законным правителем Галичины.[35] Не исключено, впрочем, что у венгерского короля могли быть и какие-то далеко идущие планы в отношении малолетнего Романовича по превращению его в своего вассала.[36]

Так или иначе, Андрей II начал оказывать поддержку вдове Романа (в том числе и военную) сразу после гибели ее мужа. Именно к венгерскому королю первым делом обратилась вдовствующая галицкая княгиня, встретившись с ним в г. Санок:

> ...по смерти Романове снимался король со ятровью своею во Саноце. Приялъ бо бе Данила, како милога сына своего, оставилъ бо бе оу него (в Галиче. — *А. М.*) засадоу — Мокъя великаго слепоокого, и Корочюна, Вълпта, и сына его Витомира, и Благиню, иныи Оугры многи.[37]

---

[31] *Dąbrowska E.* Jeszcze o relikwii Krzyża Świętego i relikwiarzu koronacyjnym królów polskich // KH. 1993. R. 100. Nr. 2. S. 7.

[32] О родственниках императрицы Евфросинии со стороны отца см.: *Polemis D. I.* The Doukai. A contribution to byzantine prosopography. London, 1968.

[33] Возражения см.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów... S. 38–40; *Войтович Л.* Мати короля Данила... С. 53–56.

[34] Подробнее см.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.

[35] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 26.

[36] См.: *Волощук М.* «Угорське дитинство» князя Данила Романовича (1206–1210 рр.) // На вівтар історії України: Ювілейний збірник на пошану В. В. Грабовецького. Івано-Франківськ, 2008.

[37] ПСРЛ. Т. II. Стб. 717.

Только благодаря этой венгерской «засаде» удалось тогда отбить поход на Галич киевского князя Рюрика Ростиславича, а также заставить галичан принять власть «великой княгини Романовой», не пользовавшейся у них популярностью: «и за то не смеша Галичане ничто же створити, бе бо инехъ много Оугоръ».[38]

Когда же Даниил и его мать все-таки вынуждены были покинуть Галич, Андрей II не только приютил княжича при своем дворе,[39] но даже собирался сделать его своим наследником, женив на собственной дочери.[40] Когда же этот брак не состоялся, король предоставил Даниилу большое войско для похода на Галич и отвоевания власти у главных тогда претендентов на наследие галицких князей — братьев Игоревичей. Только с помощью венгров юному Даниилу удалось выбить черниговских князей из Звенигорода и Галича и разбить их союзников — половцев.[41] Свой рассказ об этих событиях летописец резюмирует характерной фразой:

> Король же Андреи не забы любви своея первыя, иже имеяше ко братоу си великомоу князю Романови, но посла воя своя и посади сына своего [Даниила] в Галичи.[42]

Упоминание летописца о «любви» между Андреем II и Романом Мстиславичем также может свидетельствовать (хотя и не впрямую) о каких-то родственных отношениях между ними. По-видимому, не случайно во все время княжения Романа в Галиче венгерские короли Имре I и Андрей II не оспаривали его княжеских прав.[43]

Примечательно, что, когда галичане, недовольные вдовой Романа, правившей от лица малолетнего Даниила, вынудили ее покинуть Галич, венгерский король вступился за свою «ятровь» и силой оружия заставил галичан вновь принять ее.[44] После очередного изгнания Даниила и его матери из Галича Андрей вновь собрал войска и выступил им на помощь, и только мятеж венгерских баронов, закончившийся убийством королевы Гертруды, заставил Андрея прекратить поход.[45]

Как уже отмечалось, при подобных обстоятельствах поддержка венгерского короля, оказываемая «великой княгине Романовой» и ее малолетнему сыну, могла быть обусловлена их близким родством, причем не со стороны погибшего мужа княгини, а по линии ее родителей.[46] Этой поддержке, вероятно, способствовало

---

[38] Там же.

[39] Там же. Стб. 719.

[40] Там же. Стб. 723.

[41] Там же. Стб. 724–727.

[42] Там же. Стб. 726–727.

[43] Этот факт признает и Граля, объясняя его влиянием на внешнюю политику Венгрии Византии, а также общей заинтересованностью обоих государств в ослаблении придунайских половцев, чему способствовали успешные военные действия Романа (*Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza. S. 122–123).

[44] ПСРЛ. Т. II. Стб. 727–728.

[45] Там же.

[46] *Войтович Л.* Мати короля Данила... С. 47.

и высокое происхождение второй жены Романа, что заставляло считаться с ней правителей Венгрии и Польши. Отсюда, по-видимому, и ее собственные властные амбиции, которые так не нравились галичанам, ставившим ей в укор, что она «хотяща бо княжити сама».[47]

* * *

Ни Алексей III, ни его жена Евфросиния не имели прямых родственных связей с венгерской королевской семьей, ничего не известно и о близком родстве с Арпадами кого-либо из представителей рода Каматиров, живших на рубеже XII–XIII вв. Зато такие связи были у предшественника Алексея III Исаака II, лишенного им власти и ослепленного. Вторым браком Исаак был женат на дочери венгерского короля Белы III Маргарите, принявшей по прибытии в Византию имя Марии.[48] Императрица Мария-Маргарита, таким образом, приходилась родной сестрой королю Андрею II, а ее дети — племянниками.

Основываясь на подобных расчетах, Л. Е. Махновец и Л. В. Войтович выдвинули версию о том, что вторая жена Романа Мстиславича была дочерью Исаака II от брака с Марией-Маргаритой.[49] Свое предположение Л. В. Войтович подкрепляет следующими вычислениями: «Мария-Маргарита была выдана за Исаака II осенью 1185 г., Анна (так исследователь именует вторую жену Романа. — *А. М.*) могла родиться уже в 1187 г., в 1200 г. быть выданной за Романа, а в 1201 г. родить сына Даниила».[50]

Это предположение считает вероятным и Д. Домбровский. По его подсчетам, старший ребенок Романа и его второй жены мог появиться на свет между 1199 и 1201 гг. (историк допускает возможность заключения брака между ними еще в 1199 г.), около 1201 г. родился Даниил, а примерно двумя годами позднее — Василько. В любом случае, выходя замуж, Мария (Домбровский не без колебаний склоняется в пользу такого имени второй жены Романа) ко времени своего замужества уже должна была достигнуть детородного возраста, который, по мнению исследователя, составлял в то время около 14 лет.[51]

Если так, то вторая жена Романа должна была появиться на свет не позднее 1185 г., а ее предполагаемая мать — императрица Мария-Маргарита — не позднее 1171 г. Однако приведенные расчеты не соответствуют данным дошедших до нас источников.

По сведениям Никиты Хониата, овдовевший Исаак женился на венгерской принцессе, когда той еще не исполнилось и десять лет:

---

[47] ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.

[48] *Βάρζος К.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Т. 2. Σ. 814–815.

[49] *Махновець Л. Є.* [Коментар] // Літопис Руський. За Іпатським списком переклав Л. Махновець. Київ, 1989. С. 369, примеч. 2 (к 6710 г.); *Войтович Л.* Мати короля Данила. С. 51.

[50] *Войтович Л.* Мати короля Данила. С. 51.

[51] *Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów. S. 265. Четырнадцатью годами оценивают минимальный детородный возраст средневековой женщины и другие современные специалисты по исторической генеалогии (см.: *Jasiński K.* Rodowód Piastów śląskich. T. I. Wrocław, 1973. S. 25).

Ил. 63. Аспрон трахи византийского императора Исаака II. Монета из электры с изображением Пресв. Девы Марии с Младенцем Иисусом. Константинополь. 1180–1190-е гг. Музей истории искусства (Сен-Дени, Франция)

Тогда царь пожелал сосватать себе жену из чужеземного рода, потому что та, на которой он прежде был женат, скончалась. Итак, условившись чрез послов с венгерским королем Белою, он взял за себя дочь его, еще не вполне достигшую десятилетнего возраста.[52]

Этот брак был заключен вскоре после того, как Бела III, овдовевший после смерти Агнии-Анны Антиохийской, сводной сестры супруги византийского императора Мануила I Марии, матери Марии-Маргариты, обратился в Константинополь с просьбой выдать за него Феодору, вдову видного полководца империи, севаста Андроника Лапарда и племянницу Мануила I. Исаак II не пожелал посылать за границу родственницу предыдущего императора и поэтому отклонил предложение Белы III. В качестве компенсации он сам попросил руки юной дочери венгерского короля.[53]

Датировать заключение этого брака можно только по косвенным данным. В связи с устраиваемой в Константинополе пышной свадьбой василевса был введен чрезвычайный налог, основная тяжесть которого легла на балканские провинции империи. Это стало поводом для начала освободительного восстания в Болгарии, вспыхнувшего в 1186 г. и приведшего к возникновению Второго Болгарского царства. Взимание налога (которое должно было предшествовать свадьбе) производилось поздней осенью и в начале зимы 1185 г. Следовательно, заключение брака и свадебная церемония должны были состояться либо в самом конце 1185 г., либо, что более вероятно, в начале 1186 г.[54]

Следовательно, императрица Мария-Маргарита должна была появиться на свет ок. 1177 или, в крайнем случае, 1176 г. Достичь детородного возраста она могла не ранее 1190 г.[55]

---

[52] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 18.

[53] *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Т. 2. Σ. 815.

[54] *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 441; *Dieten J. L., van.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen... S. 88–90; *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates // Byzantina. T. X. Salonika, 1980. S. 113 f.; *Prinzing G.* Demetrios-Kirche und Aseniden-Aufstand. Zur chronologischen Präzisierung der Frühphase des Aseniden-Aufstandes // ЗРВИ. Кн. 38. Београд, 1999–2000. S. 264–265.

[55] Предполагаемая дочь Марии-Маргариты и Исаака II, таким образом, должна была выйти замуж за Романа Мстиславича в возрасте 9 или 10 лет (в зависимости от того, какую из предлагаемых в литературе дат ее вступления в брак считать более правильной — 1199 или 1200 г.). Следовательно, первый ребенок мог родиться от этого брака не ранее 1203–1204 гг. Впрочем, летописная хронология рождения сыновей Романа весьма условна, что создает почву для всевозможных

Эти расчеты соответствуют имеющимся данным о потомстве Исаака II и Марии-Маргариты. Известно о двух их сыновьях, родившихся в середине 1190-х гг.:

1) Иоанне (1193–1259), который, достигнув совершеннолетия, уехал в Венгрию, где в 1227–1242 гг. был правителем Срема и Бача в качестве вассала короля Белы IV;
2) Мануиле (после 1195–1212), которого усыновил и сделал своим наследником Бонифаций Монферратский, женившийся на Марии-Маргарите в мае 1204 г., однако впоследствии сын Бонифация Гилельм отправил своего сводного брата в заточение в замок Монферрат, где тот некоторое время находился вместе с экс-императором Алексеем III.[56]

О детях, рожденных Марией-Маргаритой в браке с Исааком II ранее 1193 г., нет никаких сведений. Нет также сведений, что у этой четы могло быть потомство женского пола. Это обстоятельство также исключает возможность женитьбы Романа Мстиславича на дочери Исаака II от второго брака. Ведь если даже предположить, что Никита Хониат и другие византийские историки могли в силу каких-то причин обойти вниманием факт выдачи византийской царевны замуж за русского князя,[57] то трудно допустить, чтобы ни в одном историческом документе империи не был отмечен факт рождения детей в царской семье, тем более в период, когда Исаак II находился у власти.

Возможность женитьбы Романа на дочери Исаака II от Маргариты Венгерской выглядит сомнительной и в виду планов венгерского короля Андрея II, родного брата Маргариты и дяди ее предполагаемой дочери — вдовы Романа, выдать собственную дочь Марию за сына Романа Даниила, о чем сообщает Галицко-Волынская летопись.[58]

догадок и предположений (см., например: *Толочко А. П.* Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого? // СР. Т. 7. М., 2007).

[56] *Βάρζος К.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Т. 2. Σ. 797–798, 815–816.

[57] Так считают, в частности, И. Граля и Л. В. Войтович (*Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza. S. 126; *Войтович Л.* Мати короля Дани іа… С. 55–56).

[58] ПСРЛ. Т. II. Стб. 723.

Глава двадцать первая

СТАРШАЯ ДОЧЬ ИМПЕРАТОРА ИСААКА II И ЕЕ МОНАШЕСКИЙ ПОСТРИГ

Сведения Никиты Хониата о старшей дочери Исаака II. — Иоанницкий дом — резиденция византийской царевны-монахини. — Монашеский постриг в политической практике Византии. — Сведения о происхождении первой жены императора Исаака

Нам представляется, что будущую галицко-волынскую княгиню, супругу Романа Мстиславича и мать его сыновей Даниила и Василька, следует искать среди дочерей Исаака II, рожденных еще до того, как он стал византийским императором.

В свое время такую попытку сделал Н. А. Баумгартен, пришедший к выводу, что наиболее вероятной византийской женой Романа могла быть одна из неустановленных дочерей Исаака от первого брака.[1] Однако в дальнейшем историк отказался от этой идеи, видимо, не найдя среди известных ему византийских царевен ни одной подходящей кандидатуры. В итоге Баумгартен ограничился весьма неопределенным обозначением второй жены Романа (именуемой им Анной) как некой родственницы Исаака II.[2] Впрочем, в этом решении историк также не был уверен: в другом месте своего главного труда по генеалогии древнерусских Рюриковичей он атрибутировал Анну как родственницу Алексея III.[3]

Вслед за Н. А. Баумгартеном большинство исследователей, принявших его аргументы насчет византийского происхождения «великой княгини Романовой», также уклончиво отвечали на вопрос о ее возможном происхождении, предлагая искать ее среди родственниц императора Исаака II вообще[4] или ограничиваясь еще более общим указанием на ее возможные византийские корни.[5] Подводя неутешительный

---

[1] *Баумгартен Н.* Вторая ветвь князей Галицких. Потомство Романа Мстиславича // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 1 (17). М., 1909. С. 9–11.

[2] *Baumgarten N., de.* Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. P. 23. Tabl. V. Nr. 47.

[3] Ibid. P. 47. Tabl. XI. Nr. 1.

[4] *Dworzaczek W.* Genealogia. Tablice. Warszawa. 1959. Tabl. 27; *Schwennicke D.* Europäische Stammtafeln. Stammtafeln zur Geschichte europäischen Staaten. Bd. II. Marburg, 1984. Tabl. 136.

[5] *Świeżawski A.* Ziemia Bełska. Zarys dziejów politycznych do roku 1462. Częstochowa, 1990. S. 31; *Font M.* Oroszország, Ukrajna, Rusz. Pécs, 1995. O. 73.

итог этим поискам, А. П. Каждан с полным правом мог считать, что происхождение второй жены Романа по-прежнему остается неясным. Неудовлетворенный аргументами Баумгартена, Каждан вообще усомнился в греческом происхождении Анны и ее родстве с династией Ангелов.[6]

Ил. 64. Иоганн Зебальд Баумайстер (1775/77–1829). Младшая дочь императора Исаака II Ирина и ее супруг, германский король Филипп Швабский. Рисунок конца XVIII в. (из серии портретов средневековых германских правителей)

Вопрос этот, безусловно, требует более основательного изучения. Главная трудность состоит в том, что о первой супруге Исаака, с которой он жил еще до своего воцарения, известно очень мало. Неясными, в частности, остаются ее имя и происхождение. Не вполне ясна также судьба некоторых из рожденных ею детей. Это объясняется, по-видимому, тем, что первая жена Исаака умерла еще до того, как он стал императором. До воцарения Исаака появились и дети, рожденные от первого брака, и поэтому их рождение не привлекало внимания официальных историографов. А поскольку никто из трех императоров династии Ангелов не умер на троне, то, соответственно, не было никакой официальной церемонии похорон и не составлялось подобающих случаю траурных речей и некрологов, где могли быть упомянуты члены семьи и другие родственники усопших.[7]

Основные сведения о потомстве Исаака от первой жены находим опять-таки у Никиты Хониата:

> Царь Исаак имел от первого брака трех детей — двух дочерей и одного сына. Старшую дочь он постриг в монахини <…> а другую отдал в замужество за сына Танкреда, короля сицилийского <…> Сына же, Алексея, он готовил в наследники престола….[8]

Идентификация двух из троих названных в этом отрывке детей Исаака не вызывает затруднений. Это — его сын Алексей, будущий император Алексей IV (1203–1204), а также дочь Ирина, бывшая поочередно супругой сицилийского короля Рожера III (1190–1193) и немецкого короля Филиппа IV Швабского (1198–1208).[9]

---

[6] *Kazhdan A.* Rus' — Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988–1989. T. 12–13. P. 424.

[7] *Hiestand R.* Die erste Ehe Isaaks II. Angelos und seine Kinder // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 57. Wien, 1997. S. 201.

[8] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 85.

[9] *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Σ. 814.

Менее всего известно о старшей дочери Исаака от первого брака, отправленной отцом в монастырь. Вероятно, она должна была появиться на свет вскоре после того как Исаак вступил в свой первый брак, то есть немного спустя после 1175 г. В монастырь она была определена, по-видимому, еще в детстве. В 1182 или 1183 г. Исаак овдовел. Возможно, помещение его старшей дочери в монастырь было как-то связано с новым браком василевса, заключенным в конце 1185 или в начале 1186 г.

Пострижение в монахини незамужней дочери императора — явление в истории Византии чрезвычайно редкое. Как отмечает Л. Гарланд, брак и светская жизнь были нормой для византийских царевен и девушек из высших классов вообще. Через замужество своих дочерей василевсы осуществляли политику династических союзов империи, особенно широко развившуюся в правление Комнинов и Ангелов. Известно всего несколько случаев, когда византийские принцессы становились монахинями до брака: по тем или иным причинам так произошло с дочерьми императоров Константина VIII, Константина X и упомянутой старшей дочерью Исаака II.[10]

* * *

Никита Хониат уточняет, что для своей старшей дочери Исаак выбрал не обычный и уже действующий женский монастырь, а создал какое-то новое и особенное монастырское учреждение. Монастырь был устроен в некой частной резиденции, именуемой «Иоанницким домом» или «домом Иоанницы» (καί τὸν τοῦ Ἰωαννίτζη λεγόμενον οἶκον),[11] специально перестроенном для принцессы, причем перестройка и отделка этого дома стоила императору значительных средств. По словам Хониата, Исаак,

> с большими издержками превратив Иоанницкий дом в женский монастырь (как предполагала сделать это еще царица Ксения по смерти своего супруга, царя Мануила Комнина), водворил ее (свою старшую дочь. — *А. М.*) в нем, посвятив Богу, как чистую агницу...[12]

Иоанницкий дом, судя по всему, недолго оставался монастырем. Ни о самом этом доме, ни об устроенном в нем монастыре вообще ничего неизвестно, что едва ли было бы возможно, если бы речь шла о настоящем монастыре. В византийских источниках Иоанницкий дом упоминается только один раз — в связи с помещением в нем юной дочери Исаака. Можно лишь предполагать, что этот дом мог находиться где-то в Константинополе или поблизости от столицы.[13]

---

[10] *Garland L.* The life and ideology of byzantine women: A further note on conventions of behaviour and social reality as reflected in eleventh and twelfth century historical sources // Byzantion. Revue internationale des études Byzantines. T. 58. Bruxelles, 1988. P. 366. См. также: *Garland L.* Byzantine empresses: women and power in Byzantium. 527–1204. London; New York, 1999.

[11] Оригинальный текст этого сообщения см.: Nicetae Choniatae Historia. P. 419.

[12] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 85.

[13] См.: *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. Première partie: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. T. III: Les églises et les monastères. Paris, 1969. P. 263.

Такой выбор обители для дочери императора имеет некоторые параллели в истории Византии, помогающие, как кажется, понять его смысл. По данным исследователей, в житиях святых IX–X вв. встречается несколько упоминаний о женских монастырях, не отмеченных более ни в каких документах.[14] Такие обители могли устраиваться в частных домах и предназначаться для отдельных семей или частных лиц. Например, известен случай во времена правления Льва V Армянина (813–820), когда одна богатая женщина превратила свой константинопольский дом в монастырскую обитель и жила там со своими тремя дочерьми и служанками.[15]

Целью таких учреждений было предоставить подходящее убежище для некоторых представителей аристократических фамилий на время каких-то постигших их бедствий или возможных угроз. Поэтому значение подобных обителей возрастало в периоды смут и неурядиц, переживаемых империей. В них, например, могли укрыться женщины-аристократки после поражения своих родственников-мужчин. По мнению Дж. Херрин, специально изучавшей феномен подобных монастырей в истории Византии, нельзя с уверенностью сказать, функционировали ли они как религиозные институции, или только как временные убежища для своих хозяев.[16]

Возвращаясь к Иоанницкому дому, заметим, что некоторый свет на его дальнейшую историю, возможно, проливает весьма характерное название, которое он получил. Иоанницей или Иваницей (Ioannitsa, Ioannica, Ioannitza, Ivanitsa, Ivanica) — уменьшительное от *Иоанн* — византийские и западноевропейские источники называют болгарского царя Калояна (1197–1207), ставшего одним из главных врагов империи.[17]

Калоян, младший из трех братьев Асеней, родился ок. 1170 г.[18] По условиям мирного договора с Византией 1188 г. своим старшим братом, болгарским царем Петром IV, он был отдан в Константинополь в качестве заложника. В византийской столице Калоян провел около двух лет, и, вероятно, в 1190 г. ему удалось бежать.[19] Об этих фактах биографии будущего болгарского царя также сообщает Хониат, говоря, что он «довольно долгое время находился заложником у римлян».[20]

---

[14] *Herrin J.* Changing Functions of Monasteries for Women during Byzantine Iconoclasm // Byzantine Women: Varieties of Experience 800–1200 / Ed. by L. Garland. Aldershot; Burlington, 2006. P. 3–4.

[15] *Huxley G.* Women in Byzantine Iconoclasm // Les femmes et le monachisme byzantin. Women and Byzantine Monasticism. Proceedings of the Athens Symposium, 28–29 March 1988. Athens, 1988. P. 12.

[16] *Herrin J.* Changing Functions of Monasteries for Women during Byzantine Iconoclasm. P. 11.

[17] *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. 1180–1204. Cambridge, 1968. P. 127, 130, 133; *Andrea A. J.* Contemporary sources for the fourth crusade. Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 160, 255.

[18] См.: *Божилов И.* Фамилията на Асеневци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985. С. 43 и сл.; *Андреев И.* Българските ханове и царе VII–XIV век: историко-хронологичен справочник. София, 1988. С. 112 и сл.

[19] *Guilland R.* Byzance et les Balkans, sous le règne d'Isaac II Ange (1185–1195) // Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines. T. II. Beograd, 1964. P. 131; *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. P. 92, 338; *Dieten J. L., van.* Niketas Choniates. S. 140.

[20] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 58, 165–166.

Правда, Хониат, представляющий в своей «Истории» наиболее полные и точные сведения о взаимоотношениях византийских императоров с Калояном, последовательно употребляет его полное официальное имя Иоанн (Ἰωαννίς).[21] Тем не менее уничижительная форма имени болгарского царя — Иоанница (Ἰωαννίτζα) — также была в арсенале Хониата: таким именем византийский царедворец называет Калояна в одной из своих речей-панегириков.[22] По данным Я.-Л. ван Дитена, эта речь была произнесена Хониатом в присутствии Алексея III в марте–апреле 1202 г. по случаю тройной победы над мятежниками Мануилом Камицей, Добромиром Хризом и Иоанном Спиридонаки, а также заключения мирного договора с Иоанницей.[23]

О местонахождении Калояна в Константинополе, когда он пребывал здесь в качестве заложника, неизвестно. Но если таким местом мог быть упомянутый все тем же Хониатом Иоанницкий дом, то, разумеется, что к моменту поселения в нем Калояна он едва ли мог быть женским монастырем или резиденцией дочери Исаака.

У нас есть и другие основания полагать, что пребывание в монашестве старшей дочери Исаака II не было пожизненным. В синодике кафедрального собора г. Шпейера, который на протяжении нескольких веков являлся усыпальницей германских королей и где нашли свое упокоение Филипп Швабский и его жена Ирина (младшая дочь Исаака II от первого брака), среди греческих родственников последней значатся ее отец, мать, сестра и брат.[24] Упомянутой в синодике сестрой королевы Ирины (фигурирующей здесь под именем Марии) могла быть только ее родная сестра — старшая дочь Исаака, в детском возрасте отправленная им в монастырь.[25] Однако, вопреки ожиданию, в церковном синодике она поминается без указания монашеского чина, то есть как светское лицо.[26]

* * *

В истории Византии известно немало случаев, когда представители высшей аристократии и в том числе члены императорской фамилии в силу различных причин, главным образом политических, принимали монашество, а потом слагали его, возвращаясь к светской жизни, и даже вступали в брак. Особенно часто

[21] *Dieten J. L., van.* Niketas Choniates. S. 131 f.

[22] Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1972. P. 229.

[23] *Dieten J. L., van.* Niketas Choniates. S. 59, 131–133 Об этих событиях упоминает также в одной из своих речей сардский митрополит Никифор Хрисоверг: *Nikephoros Chrysoberges.* Ad Angelas orationes tres / Ed. M. Treu. Breslau, 1892. P. 16–19, 21, 27.

[24] Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius // Fontes rerum Germanicarum. T. IV. Stuttgart, 1868. P. 323–325.

[25] *Hiestand R.* Die erste Ehe Isaaks II. Angelos... S. 204.

[26] Составители синодика едва ли могли проигнорировать факт монашества сестры королевы Ирины-Марии. Во всяком случае, о монашеском чине других лиц, погребенных в Шпейерском соборе, или их родственников в синодике сделаны специальные упоминания. См.: Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius. P. 317–327.

подобные послабления допускались в отношении женщин.

К примеру, первое пострижение императрицы Зои Карбонопсины, четвертой жены Льва VI Мудрого (886–912) и матери Константина VII Багрянородного (913–920 и 945–959), состоявшееся в 914 г., впоследствии было отменено на том основании, что Зоя перед постригом (произошедшим во время поста) употребляла в пищу мясо, получив на это особое разрешение константинопольского патриарха, давшего ей послабление по причине болезни, — на несколько лет императрица вернулась к своей обычной жизни.[27]

Нечто подобное происходило с дочерьми императора Константина VIII (1025–1028) Зоей и Феодорой. Преемник Константина Роман III Аргир (1028–1034), опасаясь заговора и по настоянию Зои, отослал Феодору в монастырь и приказал постричь.[28] Тем не менее в 1042 г., во время восстания против Михаила V Калафата (1041–1042), Феодора была доставлена в Константинополь и коронована.[29] При этом ее сестру Зою Михаил V повелел сослать на Принцевы острова и также постричь.[30] Это не помешало Зое не только возвратиться на престол, но и в третий раз (в возрасте 64 лет) выйти замуж за императора Константина IX Мономаха (1042–1055).[31]

Ил. 65. Императрица Зоя, супруга Константина IX Мономаха. Мозаика Софийского собора. Константинополь. Середина XI в. (Стамбул, Турция)

Подобная практика продолжалась и во второй половине XII в., в том числе в правление Исаака II, когда она, судя по имеющимся данным, приобрела массовый характер. Согласно сообщению Никиты Хониата, константинопольский патриарх

> дал разрешение снять черное платье и возвратиться к прежнему образу жизни и прежней одежде тем женщинам высшего сословия, которых Андроник (император Андроник I Комнин. — *А. М.*) против воли постриг в монашество.[32]

---

[27] См.: *Garland L.* Byzantine empresses: women and power in Byzantium. 527–1204. London; New York, 1999. P. 119.

[28] Ioannis Skylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 385.

[29] *Михаил Пселл.* Хронография / Пер., ст., комм. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 63–69.

[30] Там же. С. 60.

[31] Там же. С. 73–75. Подробнее см.: *Garland L.* Byzantine empresses… P. 136–157.

[32] *Никита Хониат.* История… Т. II. С. 66–67.

В этом сообщении речь идет о патриархе Василии II Каматире (1183–1186), который в свое время много способствовал воцарению Исаака II, но затем впал в немилость и был смещен.[33] В вину владыке было поставлено его упомянутое решение об отмене монашеского пострига для родственниц византийских вельмож, пострадавших от репрессий Андроника I. Однако сам Хониат поясняет, что это было использовано как благовидный повод, прикрывающий грубый произвол императора.[34]

* * *

В нашем распоряжении также имеются некоторые данные, позволяющие пролить свет на происхождение первой жены Исаака II и, следовательно, детей от его первого брака. Эти данные могут быть полезны для выяснения судьбы старшей из дочерей василевса.

Как уже было сказано, происхождение первой жены Исаака историками обычно определяется как неясное. Но вместе с тем есть основания предполагать, что она могла принадлежать к роду Палеологов и быть дочерью великого этериарха Георгия Палеолога Комнина Дуки. В собрании исторических документов библиотеки иерусалимских патриархов, опубликованном А. И. Попадопуло-Керамевсом, в одном из документов, который предположительно датируется 1191 г., сын Георгия Андроник Палеолог Комнин Дука назван «возлюбленным гамбросом» императора Исаака. Благодаря близости к василевсу, Андроник получил чин протопансебастогипертата и достиг вершин могущества.[35]

Выражение «гамброс» (γαμβρός) в греческом языке использовалось для обозначения родственника по женской линии — шурина или зятя. Как отмечает К. Варзос, Андроник явно не мог быть мужем сестры или дочери Исаака, и, значит, вероятнее всего, он был братом его первой жены, которая, таким образом, должна была происходить из рода Палеологов Комнинов Дук.[36]

Новое возвышение Палеологов произошло в правление Алексея III. Его любимцем стал еще один сын уже упомянутого великого этериарха Георгия Палеолога Комнина Дуки Алексей. Зимой 1199 г. по настоянию Алексея III он развелся со своей первой женой и женился на дочери императора Ирине. От этого брака родилась дочь Феодора, ставшая матерью первого византийского императора из династии Палеологов Михаила VIII (1259–1282). Из-за отсутствия

---

[33] *Angold M.* Church and society in Byzantium under the Comneni. 1081–1261. Cambridge, 1995. P. 119–121.

[34] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 66.

[35] *Papadopoulos-Kerameus A. I.* Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. T. II. Petroupolei, 1894. P. 362.

[36] *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Σ. 814. См. также: *Vannier J.-F.* Les premiers Paléologues. Étude généalogique et prosopographique // *Cheynet J. C., Vannier J.* Études prosopographiques. Paris, 1986. P. 164 n.; *Hiestand R.* Die erste Ehe Isaaks II. Angelos... S. 201, 205.

у Алексея III наследника мужского пола Алексей Палеолог, пожалованный титулом деспота, должен был в будущем стать императором.[37]

Таким образом, в правление Алексея III сложились весьма благоприятные условия для того, чтобы монашеский постриг старшей дочери Исаака II, отправленной в монастырь еще в детстве и не по своей воле, был отменен. Этому могли способствовать как ее родной дядя деспот и наследник престола Алексей Палеолог, так и, возможно, новый константинопольский патриарх Иоанн X Каматир (1198–1206), чей предшественник и близкий родственник Василий II незаслуженно пострадал за подобную деятельность при свергнутом императоре Исааке.

Отмена монашества для молодой девушки, которой к концу XII в. должно было исполниться немногим более двадцати лет, разумеется, открывала перспективу замужества. Политическая заинтересованность Алексея III в укреплении союза с галицко-волынским князем Романом Мстиславичем также должна была повлиять на судьбу молодой византийской принцессы. Ее дальнейшие следы, нам кажется, нужно искать в Галицко-Волынской Руси.

[37] *Laurent V.* La généalogie des premiers Paléologues // Byzantion. Revue internationale des études Byzantines. T. 8. Bruxelles, 1933. P. 126; *Vannier J.-F.* Les premiers Paléologues. Nr. 29. P. 170–172.

Глава двадцать вторая

ДОЧЬ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ: КНЯГИНЯ И МОНАХИНЯ

Башня в Столпье: итоги новейших исследований. — Сведения синодика Шпейерского собора о греческих родственниках германской королевы Марии и ее сестре Евфросинии. — Известие Галицко-Волынской летописи об обстоятельствах убийства «римского царя» Филиппа

В девяти километрах от современного польского города Хелма (древнерусский Холм), у села Столпье, вблизи автострады Люблин — Хелм, находится сравнительно хорошо сохранившаяся до нашего времени древняя каменная башня, достигающая в высоту ок. 20 м. Башня имеет в плане прямоугольную форму снаружи и круглую внутри: ее наружные размеры 5,8 × 6,3 м, диаметр внутреннего помещения ок. 3 м.[1]

О времени возникновения и функциональном предназначении этого сооружения высказывались различные мнения. Широкое распространение в литературе получила точка зрения П. А. Раппопорта, согласно которому башня в Столпье является военно-оборонительным объектом, возможно, частью несохранившегося замкового комплекса. В таком качестве она была возведена галицко-волынскими князьями во второй половине XIII–первой трети XIV в.[2]

К числу городских укреплений Холма относил башню в Столпье М. Н. Тихомиров.[3] При этом Столпье историк считал отдельным городом, впервые упоминающимся в Галицко-Волынской летописи ранее самого Холма.[4]

Башню в Столпье принято сопоставлять с другими подобными объектами, существовавшими некогда в окрестностях Холма и сохранившимися в виде

---

[1] Описание см.: *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в. Каталог памятников. СПб., 2000. № IV.17. С. 135–138.

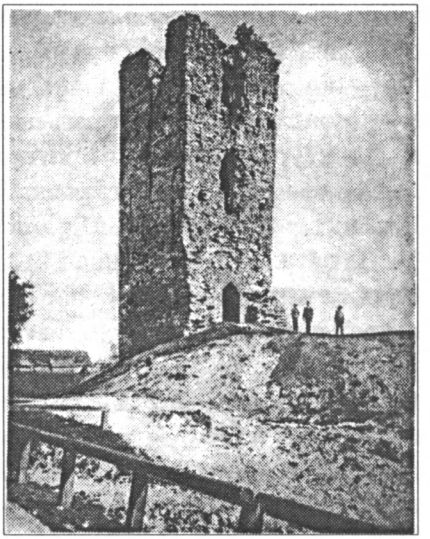
[2] *Раппопорт П. А.* 1) Волынские башни // МИА СССР. № 31. М., 1952. С. 215–219; 2) Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1956 (МИА СССР. № 52). С. 163–166; 3) Оборонительные сооружения Западной Волыни XIII–XIV вв. // Światowit. T. XXIV. Warszawa, 1962. С. 621–627; 4) Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. Л., 1967 (МИА СССР. № 140). С. 104, 204–205.

[3] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. СПб., 2008. С. 180.

[4] Там же. С. 51.

руин или фундаментов, в частности с сооружениями в селах Белавино и Спас, изучение которых после длительного перерыва возобновлено в последние десятилетия.[5]

Новейшими изысканиями выявлен ряд ранее неизвестных фактов. Так, в ходе обследования башни в Столпье, проведенного в 1976–1978 гг. И. Кутыловской, подтверждено высказывавшееся ранее предположение, что в ее верхнем (пятом) ярусе была оборудована часовня, внутреннее помещение которой имело восьмигранную форму с несколькими нишами. Восточная ниша — наибольшая по размеру — представляла собой как бы апсиду полукруглой формы с окном в глубине. Изнутри помещение часовни было дополнительно обложено брусковым кирпичем. При раскопках найдены многочисленные фрагменты богатого внутреннего убранства башни, состоявшего из керамической плитки с золотой и красной поливой различной фигурной формы, а также большое количество резных белокаменных архитектурных фрагментов.[6]



Ил. 66. Башня в Столпье. Первая половина XIII в. Общий вид с юга. Гравюра второй половины XIX в.

Новое исследование комплекса построек в Столпье, включающего саму башню, а также примыкающую к ней земляную насыпь и другие инженерные сооружения, проведенное в 2003–2004 гг. экспедицией под руководством А. Буко, подтвердило выводы И. Кутыловской и выявило целый ряд новых фактов, свидетельствующих о более масштабном объеме строительных работ, выполненных по инженерной подготовке местности, отводу грунтовых вод и укреплению фундаментов.[7]

По мнению И. Кутыловской, Столпьевская башня и в особенности вновь открытая часовня в ее верхнем ярусе обнаруживает генетическую связь с некоторыми архитектурными памятниками раннего христианства, возведенными на территории Византии и некоторых европейских стран.[8] Часовня

---

[5] См.: *Gołub S.* Chełm-Bieławin, stan 1 (2). Badania konserwatorskie pozostałości wieży z okrezu średniowiecza // Informator o badaniach archeologicznych w województwie Chełmskim w 1992–1993 roku. Chełm, 1996. Nr. VII; *Александрович В.* Архітектурний ансамбль середини XIII ст. у Спаci-Стовпі в околицях Холма // Confraternitas: Ювілейний збірник на пошану Я. Ісаєвича.

[6] *Kutyłowska I.* 1) Badania archeologiczno-architektoniczne zespółu średniowiecznego w Stołpiu-Nowosiołkach, woj. Chełmskie // Archeologiczne listy. 1981. Nr. 2; 2) Zabytkowy zespół warowno-kultowy w Stołpiu woj. Chełmskie // Zeszyt Biura badań dokumentacji zabytków w Chełmie. Chełm, 1981. Nr. 2/81.

[7] См.: Zespół wieżowy w Stołpiu. Badania 2003–2004. Praca zbiorowa pod redakcja A. Buko. Warszawa, 2009.

[8] *Kutyłowska I.* Związki architektury warowni kultowej w Stołpiu z bizantijskim i romańskim kręgiem kulturowym // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 3, вып. 2а. М., 1987.

в Столпье имеет непосредственные аналогии с восьмигранными баптистериями и мартириями, сохранившимися в Сирии, Византии, а также в Италии, Южной Франции и Швейцарии.[9]

Согласно А. Буко, Столпьевская башня может представлять собой главный архитектурный элемент пригородного монастыря, специально построенного для какой-то высокопоставленной особы неподалеку от новой столицы Галицко-Волынского княжества в Холме.[10]

Идея монастырей-башен была широко распространена в странах бассейна Средиземного моря, особенно в его восточной части, где подобные сооружения имеют долгую традицию, существовавшую со времен раннего христианства и до конца средневековья.[11] Отсюда подобные объекты распространялись на другие территории, в частности в Италию, Болгарию и на Русь.[12]

По мнению А. Буко, сооружения, подобные башне в Столпье, непосредственно восходят к приватным часовням, строившимся для членов семей высшей аристократии в средневековой Греции.[13] Добавим к этому, что по своему внешнему облику и конструктивным особенностям Столпьевская башня весьма напоминает также монастырские сооружения в виде каменных башен, в большом количестве сохранившиеся на территории Северной и отчасти Центральной Греции, изучение которых активно ведется в настоящее время.[14]

Исследование остатков облицовочной плитки и другой керамической продукции из Столпья и Холма (Белавинская башня, Высокая Горка), проведенное экспедицией А. Буко, также показало, что эти изделия, изготовленные в одной стилистике и технике, по многим частным признакам относятся к русско-византийской культурной традиции XII–XIII вв. То же самое можно сказать и о найденных образцах керамической посуды, которые по ряду признаков являются непосредственными репликами соответствующих византийских изделий.[15] С византийским влиянием связывается и распространение брускового кирпича, который появляется в Польше в первой половине XIII в.[16]

Важно обратить внимание на некоторые особенности архитектурно-планировочной структуры Столпьевской башни, подмеченные Ю. Дыбой. Исследователь устанавливает, что все ее внешние и внутренние объемы были спланированы

---

[9] См.: *Khatchatrian A.* Les baptistères paléochrétiens: plans, notices et bibliographie. Paris, 1962. Nr. 56, 59, 162, 180, 181, 342, 345, 358b.

[10] *Buko A.* Zagadki pogranicza: zespół wieżowy w Stołpiu // Archeologia Żywa. 2005. Nr. 3 (33). S. 48.

[11] *Buko A.* Na pograniczu kultur i ideologii: zespół wieżowy w Stołpiu na ziemi chełmskiej // Ruthenica. T. VI. Київ, 2007. S. 201.

[12] См.: *Диба Ю.* Українські храми-ротонди X–першої половини XIV століть. Львів, 2005.

[13] *Buko A.* Na pograniczu kultur i ideologii... S. 201.

[14] См.: An essay on Byzantine fortification: northern Greece 4th–15th c.: Thessaloniki, October 2001–January 2002. Exhibition catalogue. Ministry of culture (9th Ephorate of Byzantine antiquities of Thessalonike) / Ed. by Ch. Bakirtzis, Ph. Oreopulos. Athens, 2001.

[15] *Buko A.* Na pograniczu kultur i ideologii... S. 200. См. также: *Dark K.* Byzantine pottery. Gloucestershire, 2001.

[16] *Малевская М. В.* Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII–XIV вв. // СА. 1989. № 4. С. 214.

и рассчитаны на основе принятых в Византии единиц измерения — так называемых византийских локтя и стопы (фута), составлявших соответственно 48 и 32 см. Общее планирование осуществлялось на основе квадрата 12 × 12 локтей, к которому в восточном направлении было прибавлено еще 2 локтя, величина внутреннего диаметра часовни-ротонды составляла 10 локтей.[17]

По данному признаку башня и устроенная на ее верхнем ярусе часовня существенно отличаются от других, типологически близких к ним архитектурных памятников Волыни. В частности, чрезвычайно близкая по своему архитектурно-планировочному решению к Столпьевской часовне Васильевская церковь во Владимире-Волынском[18] спланирована на основе другой расчетной меры длины — пяди (27 см), составлявшей половину великого локтя (54 см).[19]

Анализ свидетельств письменных источников, относящихся к истории Столпья, проведенный Д. Домбровским, показывает, что наиболее вероятным временем строительства башни может быть период между 1220 и 1246–1247 гг., наиболее вероятным инициатором строительства мог являться князь Даниил Романович, а сам возведенный объект мог быть предназначен для его матери «великой княгини Романовой».[20]

По свидетельству Галицко-Волынской летописи, ок. 1219 г. княгиня приняла монашество.[21] Еще несколько десятилетий после этого она жила в монастыре, не прекращая, однако, своего участия в политической жизни. Из сообщения летописи известно, что ок. 1220 г. к «великой княгине Романовой», а также к Даниилу и Васильку направляли своих послов литовские князья с предложением мира.[22] В 1253 г. княгиня-монахиня сообща с польскими князьями и боярами уговорила проявлявшего колебания Даниила принять королевскую корону от папы Иннокентия IV.[23]

---

[17] *Диба Ю.* Українські храми-ротонди... С. 54.

[18] О типологическом сходстве памятников см.: *Могитич І., Могитич Р.* Центричні храми княжої Волині: нові риси будівельної технології кінця XII століття // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції: Матеріали Міжнародної наукової конференції. Галич, 19–21 серпня 1993 р. Львів, 1993. См. также: *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в. № IV.15. С. 128–132.

[19] *Диба Ю.* Українські храми-ротонди... С. 53. О применявшихся древнерусскими зодчими расчетных единицах измерения см.: *Рыбаков Б. А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1; *Большакова Л. Н.* Метрический анализ древнерусских храмов XI–XII вв. // Древнерусское искусство. Художественная культура X–первой половины XIII в. / Отв. ред. А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М., 1988.

[20] *Dąbrowski D.* Źródła pisane do dziejów zespołu wieżowego w stołpiu // Zespół wieżowy w Stołpiu. Выражаю благодарность Д. Домбровскому за возможность познакомиться с текстом его работы до ее опубликования.

[21] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 733–734. Принятие монашества галицкой княгиней обычно датируют 1219 или началом 1220 г. (*Грушевський М.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Т. XLI. Львів, 1901. С. 16, 63; *Махновець Л. Є.* [Коментар] // Літопис Руський. За Іпатським списком переклав Л. Махновець. Київ, 1989. С. 377.

[22] ПСРЛ. Т. II. Стб. 735. О датировке этого посольства см.: *Gudavičius E.* Mindaugas. Vilnius, 1998. S. 118, 137 (1219 г.).

[23] ПСРЛ. Т. II. Стб. 827.

Итак, результаты архитектурно-археологического изучения Столпьевского комплекса определенно указывают на тесную связь его обитателей с культурными традициями Византии и в частности с традицией монастырской жизни византийской аристократии. Свидетельства же письменных источников позволяют думать, что наиболее вероятной хозяйкой монастыря могла быть мать Даниила Романовича. Принимая во внимание ее все более очевидное ныне византийское происхождение, А. Буко предположил, что в окружении княгини, наверное, нашлись какие-то люди, которым была близка традиция возведения сооружений, характерных для средневековой монастырской архитектуры Северной Греции.[24]

Более убедительным нам представляется другое объяснение. За почти двадцать лет жизни на Руси, прошедших с момента замужества и до времени принятия монашества, в окружении галицко-волынской княгини едва ли могли оставаться какие-то лица, связанные со специфической практикой монастырской жизни византийской аристократии. Во всяком случае, о таких людях нам ничего не известно. Неизвестно, были ли вообще в ее окружении какие-то греки или выходцы из Византии. Подобные пристрастия должна была проявить сама «великая княгиня Романова», выбрав для себя обитель по собственному вкусу. И этот ее выбор свидетельствует, что у княгини мог быть личный опыт пребывания в традиционном греческом монастыре еще в период ее жизни на родине.

* * *

В синодике Шпейерского собора — древней (со времен Салической династии) усыпальнице германских королей, где похоронены Филипп Швабский и его жена Ирина, — неоднократно упомянуты греческие родственники последней. Сама королева Ирина под именем Марии, которое она получила в Германии, упомянута здесь под 27 августа. Указание на то, что Мария являлась женой короля Филиппа и при этом происходила из Греции, устраняет сомнения в ее идентификации:

> Авг[уста] 27. VI кал[енды] сент[ября]. Умерла королева Мария, супруга короля Филиппа, урожденная гречанка.[25]

Королева Ирина-Мария действительно скончалась 27 августа 1208 г. от преждевременных родов, всего на два месяца пережив своего супруга Филиппа, погибшего 21 июня в результате заговора.[26] Первоначально она была погребена в Лорше (близ Дармштадта). Только через несколько лет состоялось перезахоронение останков Ирины-Марии в кафедральном соборе Шпейера. Сюда же

---

[24] *Buko A.* Na pograniczu kultur i ideologii... S. 202.

[25] «Aug. 27. VI. kal. sept. Maria regina, Philippi regis contextalis, obiit, nata de Grecia» (Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius // Fontes rerum Germanicarum / Hrsg. von J. F. Boehmer. Stuttgart, 1868. T. IV. P. 323).

[26] Подробнее см.: *Bihrer A.* König Philipp von Schwaben — Bamberg, 21. Juni 1208 // Politische Morde. Vom Altertum bis zur Gegenwart / Hrsg. von M. Sommer. Darmstadt, 2005. S. 117–126.

в 1214 г. был препровожден гроб с останками Филиппа, первоначально погребенного в Бамберге, и помещен на заранее приготовленном для него и его супруги месте.[27]

Сразу после упоминания о королеве Марии в той же записи шпейерского синодика, помещенной под 27 августа, следует пространный перечень пожертвованных ей собору ценностей. Затем помещаются упоминания о ее родителях, а также брате и сестре (в дальнейшем еще раз упомянутых отдельно и под другими датами):

> ...тогда она (королева Мария. — *А. М.*) установила, чтобы [на] октаву Мартина отмечалась годовщина отца ее и матери ее, а именно отцом ее был Исаак и матерью Ирина, а годовщина брата и сестры ее отмечалась на третий день после празднества Михаила, братом же ее был Мануил, а сестрой Евфросиния.[28]

Ил. 67. Кафедральный собор г. Шпейера (Speyerer Dom). 1030–1061 гг., перестроен в 1772–1784 и 1846–1853 гг. Западный портал. Современный вид (Шпейер, Германия)

Из приведенного сообщения мы узнаем имя сестры Ирины-Марии — Евфросиния. И поскольку у немецкой королевы была только одна сестра — старшая дочь Исаака II от первого брака, это имя могло принадлежать только ей.

Имя старшей дочери Исаака II, по каким-то причинам не названное Никитой Хониатом (хотя имя его второй дочери Ирины историк приводит[29]), не встречается также и в других византийских источниках. Видимо, поэтому в большинстве

---

[27] *Ehlers C.* Metropolis Germaniae: Studien zur Bedeutung Speyers für das Königtum (751–1250). Göttingen, 1996. S. 180; *Hiestand R.* Die erste Ehe Isaaks II. Angelos und seine Kinder // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 57. Wien, 1997. S. 203.

[28] «...Statuit preterea, ut in octava Martini anniversarium patris eius et matris eius celebretur, patre scilicet Ysaac et matre Herina, fratris vero eius et sororis eius tertia die post festum Michaelis celebretur, Manuel fratre et Effrosina» (Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius. P. 323).

[29] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 180.

современных исследований и справочников по истории Византии старшая дочь Исаака также остается безымянной.[30] Данные шпейерского синодика восполняют этот пробел.

Э. Винкельманн, одним из первых среди немецких историков обративший внимание на свидетельства синодика о родственниках королевы Ирины-Марии, отметил, что, вторично ставшая вдовой после убийства Филиппа, она в конце своей жизни лишилась всех своих родственников, а именно матери, отца, сестры и братьев.[31] Подобные утверждения встречаются и в работах некоторых современных авторов.[32]

Эти утверждения основаны, вероятно, на предположении о том, что Ирина-Мария должна была собственноручно вносить имена своих родственников в синодик. А поскольку молиться в церкви об упокоении душ можно было только в отношении усопших, упомянутые в шпейерском синодике родственники Ирины-Марии (в том числе и сестра Евфросиния) должны были умереть еще при ее жизни.

Однако это не так. Вместе с Евфросинией в синодике шпейерского собора помещено упоминание о ее брате Мануиле. Согласно этой записи, память о них обоих отмечалась в один и тот же день — «на третий день после празднества Михаила», или 1 октября:

> Окт[ября] 1. Умерли Мануил, брат королевы Марии, и сестра ее же Ефросинья, годовщину которых она (королева Мария. — *А. М*) установила отмечать.[33]

Такое совпадение дат само по себе не может не вызвать сомнения в их достоверности. А кроме того, известно, что сводный брат Ирины-Марии Мануил (сын Исаака II от второго брака с Маргаритой Венгерской) к моменту кончины своей сестры еще был жив — он умер только в 1212 г.[34] Следовательно, возможны два объяснения: либо упоминание о нем с указанием даты смерти должно было попасть в синодик спустя несколько лет после смерти Ирины-Марии, либо это упоминание внесла сама королева, не имея о судьбе брата никаких сведений и лишь предполагая его кончину.

То же самое следует сказать и в отношении упоминания о смерти Евфросинии. Характер установления даты памяти брата и сестры Ирины-Марии определенно указывает на то, что эта дата не имеет отношения к точным датам смерти их обоих. Установление даты памяти двух разных людей в один день, приуроченный

---

[30] The Byzantine Empire / Ed. by J. M. Hussey. Cambridge, 1967 (Cambridge medieval history. T. 4). P. 795; *Angold M.* The Byzantine Empire. A Political History. 1025–1204. London, 1984. P. 267–283; Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazhdan. New York; Oxford, 1991. Vol. I. P. 65; Vol. II. P. 1012.

[31] *Winkelmann E.* Philipp von Schwaben und Otto IV von Braunschweig. Bd. I. Leipzig, 1873. S. 474.

[32] *Engels O.* Die keiserliche Grablege im Speyer Dom und die Staufer // Papstgeschichte und Landesgeschichte. Festschrift für H. Jakobs. Köln, 1995. S. 249 f.

[33] «Oct. 1. Manuel frater Mariae reginae et Effrosina soror eiusdem obierunt, quorum anniversarium ipsa constituit celebrari» (Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius. P. 324).

[34] *Ehlers C.* Metropolis Germaniae... S. 180. Anm. 469.

к церковному празднику Михаила Архангела,[35] может свидетельствовать о том, что составитель синодика не имел точных сведений о смерти как Мануила, так и Евфросинии.

Приурочивание памяти брата и сестры королевы к празднику Михаила Архангела, очевидно, связано с широко распространенными в Западной церкви в средние века представлениями об этом святом как о покровителе и защитнике душ всех умерших, помогающем душам праведников попасть в рай. Евангелие от Никодима (IV в.), Откровение Павла (конец IV в.) и другие христианские апокрифы приписывают Михаилу совершение ритуального омовения душ покаявшихся умерших перед тем, как они входят в Небесный Иерусалим, и даже возвращение из ада душ праведников. Тема архангела Михаила, взвешивающего на Страшном суде души грешников, стала традиционным мотивом средневековой иконографии Страшного суда.[36]

Выбор третьего дня после празднества Михаила как дня памяти брата и сестры королевы обусловлен тем, что в дни самих церковных празднеств (за единичными исключениями) панихиды не совершаются, в такие дни в храме вообще не допускаются какие-либо гласные заупокойные моления, даже в виде частных треб.[37] Поэтому поминовение усопших в церкви могло производиться только после завершения всех праздничных служб.

В средние века Михаил Архангел пользовался особым почитанием в Германии. Этот библейский персонаж, победитель сатаны, считался покровителем немецкого государства (Schutzpatron Deutschlands).[38] Изображение архангела начиная с X в. неизменно присутствует на немецких боевых знаменах. Существует легенда, что победа при Лехфельде (у Аугсбурга) в 955 г. была одержана войсками восточнофранкского короля Оттона I (936–973) благодаря вмешательству Михаила. В этой битве немецкие войска нанесли сокрушительное поражение венграм, что остановило их дальнейшую экспансию в Европе и способствовало коронации Оттона в Риме и созданию Священной империи (962 г.).[39] По-видимому,

---

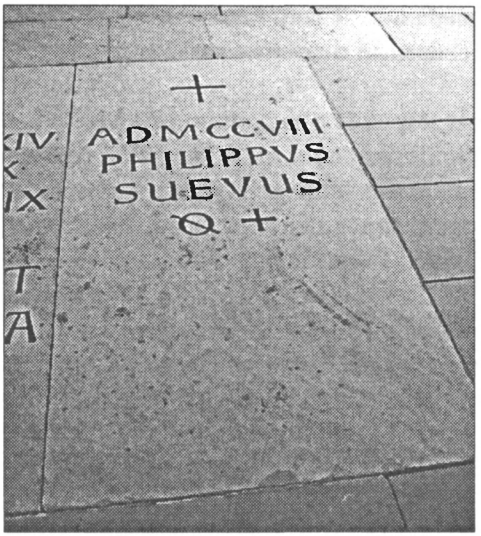
[35] Праздник установлен в 493 г. римским папой Геласием I (493–496) (The Catholic encyclopedia: an international work of reference on the constitution, doctrine, and history of the Catholic church / Ed. by Ch. G. Herbermann. New York, 1913. Vol. 10. P. 275 sq.).

[36] См.: *Rohland J. P.* Der Erzengel Michael. Arzt und Feldherr: zwei Aspekte des vor- und frühbyzantinischen Michaelskultes. Leiden, 1977; *Арьес Ф.* Час смерти. Память о жизни // *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992. См. также: Culto e santuari di san Michele nell'Europa medievale / Culte et sanctuaires de saint Michel dans l'Europe médiévale: atti del Congresso internazionale di studi, Bari, Monte Sant'Angelo, 5–8 aprile 2006 / Ed. P. Bouet, G. Otranto, A. Vauchez. Bari, 2007.

[37] См.: *Афанасий (Сахаров), архиепископ.* Поминовение усопших по Уставу Православной церкви. СПб., 1999.

[38] См.: *Schellens Fr.* Erzengel Michael ‚Schutzpatron' der Deutschen? Düsseldorf, 1936; *Müller M.* «St. Michael — der Deutschen Schutzpatron?» Zur Verehrung des Erzengels in Geschichte und Gegenwart. Langwaden, 2005.

[39] Подробнее см.: *Wallemich K., von.* Die Ungarnschlacht auf dem Lechfelde. München, 1907; *Bogyay Th., von.* Lechfeld — Ende und Anfang. Geschichtliche Hintergründe, ideeler Inhalt und Folgen der Ungarnzüge. Ein Beitrag zur Tausendjahrfeier des Sieges am Lechfeld. München, 1955; *Bowlus Ch. R.*



Ил. 68. Надгробная плита над захоронением короля Филиппа Швабского в Шпейерском соборе. Современный вид

празднества Михаила в немецкой церкви в средние века могли продолжаться несколько дней.

Так или иначе, 1 октября не может быть связано с реальной датой смерти византийской царевны Евфросинии. Если даже допустить, что день ее смерти действительно приходился на третий день праздника Михаила, то соответствовать 1 октября это могло только по латинскому церковному календарю. Между тем, Евфросиния жила в Византии, где церковь придерживалась другого календаря, и главный праздник св. Михаила — Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных сил бесплотных — приходился на 8 ноября, как было установлено еще в IV в. решением Лаодикийского поместного собора и тогда же вошло в месяцеслов Восточной церкви.[40]

Единственным удовлетворительным объяснением столь условной датировки может быть то, что Ирина-Мария, живя в Германии, ничего не знала о судьбе ни своего брата, ни сестры, также покинувших родину и, очевидно, потерявших связь друг с другом. Следовательно, память брата и сестры она внесла в церковный синодик, так сказать, авансом, не будучи уверенной в их смерти.

1 октября как дата смерти Мануила и Евфросинии, по всей видимости, была внесена в синодик в 1214 г., что было связано с перезахоронением в шпейерском соборе праха короля Филиппа и его супруги Ирины. Тогда же, очевидно, и были окончательно определены дни памяти греческих родственников последней, ежегодное поминовение которых она завещала собору вместе с богатыми пожертвованиями.

Точно также шпейерские каноники поступили и при установлении дня памяти отца Ирины-Марии василевса Исаака. По-видимому, в Германии не знали точного дня его кончины (который, кстати сказать, неизвестен и современным исследователям[41]). Поэтому упоминание Исаака было помещено под одним днем с его супругой, матерью королевы Ирины-Марии, также именуемой в синодике Ириной:

The Battle of Lechfeld and its Aftermath, August 955. The End of the Age of Migrations in the Latin West. Aldershot; Burlington, 2006.

[40] *Сергий* (*Спасский*), *архиепископ.* Полный месяцеслов Востока: В 3 т. Т. II. М., 1997. С. 348.

[41] Исаак II умер в день, который точно установить не удается, приблизительно между 28/29 января и 8 февраля 1204 г., еще до того, как 8 февраля был убит его сын Алексей IV (*Hiestand R.* Die erste Ehe Isaaks II. Angelos… S. 207).

Нояб[ря] 18. XIIII кал[енды] дек[абря]. Умерли Исаак, отец королевы Марии, и мать ее же Ирина, годовщину которых она (королева Ирина. — *А. М.*) установила отмечать.[42]

18 ноября по католическому календарю приходится на восьмой день, или «октаву», святителя Мартина Турского († 397), одного из наиболее почитаемых Западной церковью святых (память 11 ноября).[43]

Ирина-Мария, несомненно, должна была помнить день смерти своей матери, умершей на ее глазах, то есть в то время, когда юная византийская принцесса еще жила в родительской семье.[44] Дата смерти матери могла бы считаться единственно достоверной датой смерти греческих родственников Ирины-Марии, упомянутых в шпейерском синодике.

Однако соединение дат смерти отца и матери королевы и приурочивание их к церковному празднику св. Мартина говорит скорее о том, что и в данном случае мы имеем дело с условной датой. Наиболее значимые церковные праздники отмечаются в течение семи дней с октавой, приходящейся на восьмой день. Этот обычай берет начало еще в Ветхом Завете и характерен как для Латинской, так и Византийской церкви, отмечающей попразднества и отдания праздников.[45] Выбор октавы св. Мартина Турского как дня памяти отца и матери королевы, очевидно, связан с каким-то особым отношением к этому святому в ее семье.

Шпейерский список греческих родственников Ирины-Марии является неполным. В нем недостает упоминания о ее мачехе Маргарите Венгерской, а также еще о двух младших братьях — родном брате Алексее (ставшем императором Алексеем IV) и сводном брате Иоанне. При этом о смерти первого из них в феврале 1204 г. Ирина не могла не знать, поскольку этот факт был слишком известен. Можно согласиться с предположением Р. Хистанда о том, что список греческих родственников Ирины, воспроизведенный в шпейерском синодике, отражает ее личное отношение к каждому из них.[46]

* * *

Похоже, что какую-то связь со своей сестрой, германской королевой Ириной-Марией, вплоть до самой ее смерти в 1208 г. поддерживала и «великая княгиня Романова». В Галицко-Волынской летописи имеется сообщение об убийстве короля Филиппа Швабского и связанных с ним обстоятельствах. Подобными сведениями мог располагать только тот, кто был хорошо осведомлен в германских делах и знал тайные причины трагических событий в Бамберге 21 июня 1208 г.:

---

[42] «Nov. 18. XIIII. kal. dec. Ysaac pater Mariae reginae et Herina mater eiusdem obierunt, quorum anniversarium ipsa constituit celebrari» (Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius. P. 325).

[43] The Catholic encyclopedia. Vol. 9. P. 731 sq. (St. Martin of Tours).

[44] Ирина была выдана замуж в 1193 г, тогда как ее мать умерла примерно десятью годами ранее (*Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Σ. 814).

[45] The Catholic encyclopedia. Vol. 11. P. 204 sq. (Octave).

[46] *Hiestand R.* Die erste Ehe Isaaks II. Angelos... S. 207.

Ил. 69. Королева Гертруда и король Андрей II. Миниатюры Ландграфской Псалтыри 1211–1213 гг., принадлежавшей супруге ландграфа Тюрингии Германа I Софии. Библиотека земли Вюртемберг (Штуттгарт, Германия)

Оубьен бысть царь великыи Филипъ Римьскыи советомъ брата королевое, моляшеся сестре, да бы ему нашла помощника. Она же, никако могоущи помощи братоу своемоу си, и да дщерь свою за Лонокрабовича за Лоудовика, бе бо моужь силенъ и помощникъ братоу ее.[47]

В данном сообщении речь идет о причастности к убийству короля Филиппа брата венгерской королевы Гертруды (жены Андрея II) герцога Экберта Андехского, епископа Бамбергского.[48] Опасаясь преследований, он бежал в Венгрию. Чтобы помочь брату, Гертруда выдала свою дочь Кунигунду (Кинеку) замуж за тюрингского ландграфа Людовика IV в расчете, что он станет союзником Экберта.[49]

Появление этого сообщения о столь далеких от Галича событиях, не упоминающихся более ни в одной русской летописи, требует объяснения. Некоторые исследователи связывали его с пребыванием в 1211 г. при дворе венгерского короля юного Даниила Романовича, совпавшим по времени с отъездом в Тюрингию принцессы Кунигунды, которую еще недавно прочили в невесты Даниилу.[50]

---

[47] ПСРЛ. Т. II. Стб. 723.

[48] Об этом убийстве и его возможных мотивах см.: *Hucker B. U.* Der Königsmord von 1208 — Privatrache oder Staatsstreich? // Die Andechs-Meranier in Franken. Europäisches Fürstentum im Mittelalter. Mainz, 1998; *Bihrer A*: König Philipp von Schwaben — Bamberg, 21. Juni 1208 // Politische Morde. Vom Altertum bis zur Gegenwart / Hrsg. M. Sommer. Darmstadt, 2005.

[49] См.: *Zimmermann G.* Ekbert von Andechs, Bischof von Bamberg (1203–1237) // Dieses große Fest aus Stein. Lesebuch zum 750. Weihejubiläum / Hrg. von H.-G. Röhrig. Bamberg 1987; *Beulertz S.* Ekbert von Andechs. Bischof von Bamberg (1203–1237) // Fränkische Lebensbilder. Würzburg, 1998. Bd. 17 (Veröffentlichungen der Gesellschaft für Fränkische Geschichte. Reihe VII A); *Flachenecker H.* Ekbert von Andechs (um 1175–1237) // Die Bischöfe des Heiligen römischen Reiches 1198–1448. Ein biographisches Lexikon / Hrsg. von E. Gatz. Berlin, 2001.

[50] *Грушевський М.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи. С. 11. Предположение Грушевского принимают авторы комментария к новейшему изданию Галицко-Волынской летописи: Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 195. В этом комментарии ошибочно утверждается, что Гертруда, мать Кунигунды-Елизаветы, «была в девичестве венгерской принцессой» и «дочерью Андрея II». На самом деле Гертруда была женой Андрея, а ее отцом был Бертольд IV (?–1204), граф Андехский и герцог Меранский. В другом месте авторы комментария ставят под сомнение предположение Грушевского, полагая, что «династический брак между венгерским королевским и галицко-волынским великокняжеским домами был задуман еще при жизни Романа Мстиславича».

Однако подобное объяснение не может быть нами принято. Действительно, венгерский король Андрей II какое-то время собирался выдать за Даниила Романовича одну из своих дочерей и даже предполагал сделать его своим наследником. Но все это входило в планы короля лишь до тех пор, пока у него не родился собственный сын-наследник:

> Данилови соущю во Оугрехъ, король же Андреи, и бояре Оугорьстеи, и вся земля хотяше дати дщерь свою за князя Данила, — обеима детьскома бывшима, — зане сына оу него не бе.[51]

Таковым наследником Андрея II стал его старший сын и будущий король Венгрии Бела IV (1235–1270), родившийся в 1206 г. Следовательно, свое намерение породниться посредством брака с Даниилом Романовичем Андрей мог выражать не позднее этого времени и в качестве невесты могла выступать венгерская принцесса, родившаяся не позднее 1206 г. Между тем, принцесса Кунигунда (Кинека), выданная в 1211 г. за тюрингского ландграфа Людовика IV, родилась в 1207 г., и поэтому на роль невесты Даниила она не подходит.[52]

Единственной из дочерей Андрея II, которую он мог прочить в жены Даниилу до рождения Белы, могла быть только его старшая дочь Мария, родившаяся в 1204 г., а в 1221 г. выданная за болгарского царя Ивана II Асеня (1218–1241) и ставшая матерью болгарского царя Калимана I (1241–1246) (в болгарских источниках она фигурирует под именем Анны).[53]

Следовательно, предположение о включении в Галицко-Волынскую летопись сообщения об убийстве Филиппа Швабского в связи с матримониальными делами Даниила Романовича должно быть отвергнуто.[54]

Интерес к этому событию галицкого летописца, на наш взгляд, мог быть связан с тем значением, которое придавала ему галицкая княжеская семья и прежде всего «великая княгиня Романова». Трагическая гибель германского короля, а вслед за ним и его супруги, а также выяснение лиц, к этому причастных, могли волновать тогда в Галиче разве что близких родственников погибших. И такими родственниками были княгиня Евфросиния и ее дети. Возможно, в Галиче чтили память погибшей германской королевы Ирины подобно тому, как в Шпейерском кафедральном соборе молились за упокой души ее старшей сестры Евфросинии.

---

[51] ПСРЛ. Т. II. Стб. 723.

[52] Подробнее биографические сведения об Андрее II и членах его семьи см.: Korai magyar történeti Lexikon (9–14. század) / Töszerkesztö Gy. Kristó; szerkesztök P. Engel, F. Makk. Budapest, 1994.

[53] *Божилов И.* Фамилията на Асеневци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985. С. 87; *Николов Г. Н.* Венгры в Болгарском царстве в XIII–XIV веках // Byzance et ses voisins. Mélanges à la mémoire de Gy. Moravscik. Szeged, 1994. С. 78–79.

[54] Сам М. С. Грушевский впоследствии признавал, что Кунигунда-Елизавета не вполне подходит на роль предполагаемой невесты Даниила, но, тем не менее, продолжал настаивать на том, что «план женить Даниила на дочке Андрея» не был осуществлен, поскольку «королевну Елизавету отдали потом за Людовика, сына ландграфа Тюрингского» (*Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 26–27).

Глава двадцать третья

ЕВФРОСИНИЯ, МАРИЯ ИЛИ АННА? О СВЕТСКОМ И МОНАШЕСКОМ ИМЕНАХ ВТОРОЙ ЖЕНЫ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА

Имя Евфросиния у дочерей и внучек Романа Мстиславича. — Отражение культа св. Евфросинии в традиции имянаречения древнерусских князей. — Культ св. Евфросинии Александрийской и византийская монахиня-императрица Евфросиния. — Светское и монашеское имена галицко-волынской княгини «Романовой»

Имя старшей дочери Исаака II — Евфросиния, — упомянутое в синодике Шпейерского собора, — еще один важный для нас след, способствующий ее идентификации.

Исследователями давно замечено, что важным инструментом в изучении генеалогии и династических связей средневековых правителей являются их личные имена. Нередко определенные имена могли повторяться из поколения в поколение, приобретая тем самым династический характер: по таким именам иногда становится возможным проследить родственные взаимоотношения их обладателей. Династические имена можно выявить и среди четырех поколений потомков Романа Мстиславича — детей, внуков, правнуков и праправнуков. По наблюдениям И. Грали и Л. В. Войтовича, наиболее популярными мужскими именами Романовичей были Даниил, Роман, Василько и Лев.[1]

Отдельного упоминания заслуживают некоторые особенности выбора женских имен у Рюриковичей. Как устанавливают А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, эти имена «оказываются существеннейшим элементом династической стратегии, связанной как с политикой рода на собственной земле, так и с его внешними устремлениями». Дело в том, что «история женских имен как таковых тесно связана с историей обмена именами между двумя ветвями рода, а зачастую и двумя разными династиями, вступающими в союз, благодаря бракам».[2]

---

[1] *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza // SO. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4. S. 124–125; *Войтович Л.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX–початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000. С. 370.

[2] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 238.

Женские имена могли наследоваться из рода матери, закрепляя тем самым недавно возникшие межродовые отношения. Использование имен родственников по женской линии в практике имянаречения подчеркивало знатность женщины, вступившей в брак.[3] Отметим также, что значительное влияние семейно-родовых традиций испытывали не только личные имена, получаемые при рождении, но и новые христианские имена, приобретаемые княжнами и княгинями уже в более зрелом возрасте (крестильные или иноческие). В большинстве такие имена, по выражению современных специалистов, можно считать «вполне традиционными для династии», а иногда даже «гипертрадиционными».[4]

Речь идет о том, что получение иноческого имени в княжеской среде отнюдь не означало утрату прежнего личного имени, создавая тем самым некий феномен христианской двуименности. Если князь или княгиня, принимая постриг, получали новое имя, то оно так же входило в родовой обиход, как и их прежнее крестильное имя. Иначе говоря, иноческое имя предка могло повторяться у его потомков наряду с его крестильным именем. Принимая постриг, Рюриковичи могли брать имена, которые уже носили в иночестве их предки; вместе с тем, нередкими были случаи повтора иноческого имени предков в светских христианских именах потомков. При этом, если повтор светского имени предка у князей мог быть связан с преемственностью родовых привилегий, то воспроизведение иноческих имен предполагало почитание предков, отказавшихся от мирской жизни.[5]

Можно заметить, что в семье императора Исаака II также существовала традиция выбора имен для вновь рожденных дочерей, повторяющих имена, которые носили их ближайшие родственницы в предшествующих поколениях — матери или бабушки. Благодаря сведениям шпейерского синодика мы знаем, что старшей дочери Исаака досталось имя его матери Евфросинии Кастамонитиссы,[6] а имя его первой жены Ирины носила следующая по старшинству дочь от первого брака, ставшая впоследствии германской королевой Ириной-Марией.

Можно было бы ожидать, что указанные имена должны повториться и в следующем поколении потомков императора Исаака по женской линии. Похоже, что в случае с именем Евфросинии такие ожидания могут оправдаться.

Среди большого количества греческих имен, как бы неожиданно появляющихся у потомков галицко-волынского князя Романа Мстиславича от его второй жены (в первом и во втором поколениях), встречается и не слишком распространенное в Древней Руси имя Евфросиния.

В научной и справочной литературе по генеалогии Рюриковичей за весь период правления династии (вплоть до конца XVI в.) отмечается всего около

---

[3] Там же. С. 256.

[4] Там же. С. 240–241.

[5] Подробнее см.: Там же. С. 175–178 и сл.

[6] Исаак II родился предположительно в сентябре 1156 г. и был шестым сыном Андроника Дуки Ангела (ок. 1115–1185) и Евфросинии Кастамонитиссы (ок. 1125 — между 1185 и 1195) (*Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 807 и сл.).

десяти случаев наречения именем Евфросиния русских княгинь и княжон, а в домонгольский период указывается около пяти таких случаев (часть из них составляют монашеские имена).[7] Тем более примечательно, что среди ближайшего потомства Романа Мстиславича и его второй жены имя Евфросиния встречается неоднократно. Можно говорить, по меньшей мере, о двух подобных случаях.

Насколько можно судить, такое имя носила одна из дочерей Романа Мстиславича, сведения о которой, к сожалению, остаются пока еще недостаточно выясненными. Об этой русской княжне известно только по иностранным источникам, содержащим весьма противоречивые данные.

В сочинениях немецкого историка XVI в. Элиаса Ройснера есть сведения о том, что польский поморский князь Святополк (Świętopełk) II (1215–1266) был женат на дочери некоего Романа (Ромара) Русского по имени Саломея («Salome fil. Romari Russi»).[8] Подобные сведения сообщают в своих работах и некоторые другие авторы XVI–XVIII вв. (Томас Кантзов, Вольфганг Йобст, Фридрих Вильгельм де Зоммерсберг и др.).[9]

Вместе с тем, по данным некоторых средневековых источников, первая жена Святополка II носила имя Евфросиния. В синодике цистерцианского монастыря Св. Марии де Олива, находившегося в прусском городке Олива близ Данцига (Гданьска), приводится точная дата ее смерти — 23 сентября 1235 г.[10] Впервые Евфросиния упоминается в одном из померанских документов, датируемом приблизительно 1220 г.[11]

По поводу происхождения, а также имени первой жены Святополка Поморского в литературе высказывались различные предположения.[12] Вслед за Н. А. Баумгартеном большинство исследователей считают ее дочерью галицко-волынского князя Романа Мстиславича, носившей имя Саломея.[13]

---

[7] *Войтович Л.* Князівські династії Східної Європи... С. 609; *Донской Д. В.* Рюриковичи. Исторический словарь. М., 2008. С. 766; *Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 780. Наиболее полный перечень, представленный А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским, включает девять таких случаев за XII–XIV вв. (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей... С. 544–545).

[8] *Elias Reusner.* Basilikon opus genealogicum catholicum de praecipuis familiis imperatorum, regum, principum, aliorumque procerum orbis Christiani. T. I. Francofurti, 1592. P. 468.

[9] См.: *Rymar E.* Rodowód książąt pomorskich. T. I. Szczecin, 1995. S. 270; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 265–266.

[10] Liber mortuorum monasterii beatae Mariae de Oliva ordinis Cisterciensis / Ed. W. Kętrzyński // Monumenta Poloniae historica. T. V. Lwów, 1888. S. 525.

[11] Pommerellisches Urkundenbuch / Bearb. von M. Perlbach. Danzig, 1882. Nr. 18.

[12] Обзор мнений см.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 267.

[13] *Baumgarten N., de.* Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Du X° au XIII° siécle. Roma, 1927 (Orientalia Christiana. T. 35).Tabl. XI. P. 48; *Пашуто В. Т.* 1) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 208; 2) Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 251, 296, 357, примеч. 15; *Forssmann J.* Die Beziehungen altrussischer Fürstentugeschlechter zu Westeuropa. Ein Beitrag zur Geschichte Ost- und Nordeuropas im Mittelalter. Bern, 1970. Taf. VII; *Schwennicke D.* Europäische Stammtafeln. Stammtafeln zur Geschichte europäischen Staaten. Bd. II. Marburg, 1984. Taf. 136; *Махновець Л. Є.* [Примітки] // Літопис Руський... С. 385, примеч. до 6737 р.; *Котляр М. Ф.* Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 276.

Некоторые историки считают более правильным именовать ее Евфросинией или двойным именем — Саломея-Евфросиния, из которых одно, по-видимому, было монашеским.[14]

На наш взгляд, имя первой жены Святополка II — Евфросиния, подтвержденное аутентичными средневековыми источниками, несомненно, является более достоверным. Не исключено, что расхождения источников могли быть связаны с переменой имени русской жены Святополка вследствие замужества и влияния новой культурной среды: русское династическое имя *Евфросиния* могло быть заменено (или дополнено) польским династическим именем *Саломея*. В то же время, вопрос о происхождении этой княгини, и в частности была ли она дочерью Романа Мстиславича или его сына Даниила, пока еще остается открытым.

Более уверенно можно говорить о другом случае использования имени Евфросиния потомками Романа Мстиславича и его второй жены. Исследованиями И. Грали и Д. Домбровского установлено, что одна из их дочерей, по имени Елена, ок. 1212 г. была выдана замуж за черниговского князя Михаила Всеволодовича. В браке с ним были рождены три дочери, одна из которых получила имя Евфросинии.[15]

Ил. 70. Св. Евфросиния Суздальская, внучка Романа Мстиславича. Покров на гробницу с образом святой. Лицевое шитье. Суздаль. Первая половина XVI в. Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный музей-заповедник (Владимир, Россия)

Точнее говоря, имя Евфросиния упомянутой внучки Романа Мстиславича и его второй жены было монашеским. Обрученная со старшим братом Александра Невского Федором Ярославичем, княжна после его внезапной смерти приняла постриг (1227) и прославилась своими христианскими подвигами, будучи причисленной (XVI в.) к лику святых под именем Евфросинии Суздальской.[16]

---

[14] *Quandt L.* Ostpommern, seine Fürsten, fürstlichen Landestheilungen und Distrikte // Baltische Studien. [Alte Folge.] Stettin, 1856. Jg. 16. Hft. I. S. 101; *Hofmaister A.* Genealogische Untersuchungen zur Geschichte des pommerschen Herzogshauses // Greifswalder Abhandlungen zur Geschichte des Mittelalters. Bd. 11. Greifswald, 1938. S. 44; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 495.

[15] *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza. S. 125–126; *Dąbrowski D.* 1) Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 51–59; 2) Genealogia Mścisławowiczów. S. 296–300. И. Граля и Д. Домбровский, исходя из того, что второй брак Романа мог быть заключен еще в 1199 г., рождение этой его дочери датируют более широким временным интервалом — между 1199 и 1201 гг.

[16] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей... С. 619–620.

* * *

Имя Евфросиния было популярным не только в семье галицко-волынского князя. Оно несколько раз встречается также у ближайших потомков Юрия Владимировича Долгорукого. Его дочь Ольга приняла перед смертью постриг под именем Евфросиния.[17] Евфросиниями были наречены две внучки Юрия: одна, дочь белгородского и туровского князя Бориса Юрьевича, известна только из летописного сообщения о ее смерти,[18] а другая, дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла и упомянутой Ольги-Евфросинии Юрьевны, стала главной героиней «Слова о полку Игореве».[19] Внучатая племянница Ольги-Евфросинии, внучка Всеволода Большое Гнездо и киевского князя Рюрика Ростиславича, Евфросиния Ростиславна получила это имя при крещении.[20]

А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский полагают, что своего рода семейный культ св. Евфросинии у потомков Юрия Долгорукого мог инициироваться благодаря деятельности Евфросинии Полоцкой.[21] Прославившаяся своей монашеской жизнью, добровольно избранной ею в раннем возрасте, Евфросиния (в миру Предслава, дочь полоцкого князя Георгия Всеславича) на склоне лет совершила паломничество в Иерусалим, где и сподобилась принять смерть.[22] Канонизация Евфросинии Полоцкой состоялась только на Соборе 1547 г., однако почитание ее началось еще в домонгольский период, когда была составлена ранняя редакция Жития и началось церковное прославление княгини-инокини.[23]

Следует, однако, учесть, что династия полоцких князей рано (еще в XI в.) обособилась от прочих Рюриковичей и вела упорную политическую борьбу, в частности с потомками Владимира Мономаха, одним из ярких эпизодов которой стала высылка в Византию полоцких князей сыном Мономаха киевским князем Мстиславом Владимировичем.[24] Едва ли можно говорить о существовании каких-то тесных контактов между полоцкими князьями и членами семьи Юрия Долгорукого в середине — второй половине XII в.

Появление у потомков Юрия имени Евфросиния, как нам кажется, правильно было бы связывать со вторым браком князя, заключенным с некой знатной византийкой, от которой были рождены его младшие сыновья — Мстислав,

[17] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 389; Т. II. М., 1998. Стб. 624.

[18] Там же. Т. I. Стб. 417.

[19] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей... С. 544–545, 592–593.

[20] ПСРЛ. Т. II. Стб. 708.

[21] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей... С. 178.

[22] Подробнее см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 632–633.

[23] *Воронова Е. М.* Житие Евфросинии Полоцкой // СККДР. Вып. 1. Л., 1987. С. 147–148; *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 346; *Флоря Б. Н.* Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // ОИ. 1995. № 5. С. 112.

[24] *Алексеев Л. В.* 1) Полоцкая земля в IX–XIII вв. М., 1966. С. 257–262; 2) Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. М., 2006. С. 14–15; *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 16 и др.

Василько, Михалко и Всеволод, а также две дочери, в том числе и Ольга-Евфросиния.[25] В 1162 г., уже после смерти Долгорукого, его вторая жена вместе с сыновьями была выслана в Византию Андреем Боголюбским (сыном Юрия от первого брака), где, судя по летописному сообщению, императором Мануилом им был оказан радушный прием и даже выделены четыре города на Дунае и область «Отскалана».[26] Эти сведения подтверждаются сообщением византийского историка Иоанна Киннама о том, что «василевс дал пришедшему Васильку, сыну Георгия, который среди филархов Тавроскифской страны обладал старшинством», «земли у Истра (Дуная. — *А. М.*)».[27]

Версию византийского происхождения второй жены Долгорукого ставит под сомнение А. П. Каждан, указывая на то, что она не находит прямых подтверждений в источниках.[28] И все же в распоряжении исследователей такие подтверждения имеются.

Интересующие нас данные были получены при изучении остатков фресковой росписи церкви Бориса и Глеба в селе Кидекше под Суздалем, где в середине XII в. Юрием Долгоруким была устроена загородная княжеская резиденция. Построенная в 1152 г., церковь была расписана лишь спустя несколько десятилетий, когда она стала княжеской усыпальницей. В этой церкви похоронены уже упомянутые нами князь Борис Юрьевич, его жена Мария и дочь Евфросиния.[29]

В 1946–1947 гг. в аркосолии (погребальной нише) северной стены церкви, справа от большой живописной композиции «Знамение Богородицы», выполненной во второй половине XIX в., было обнаружено древнее изображение женской фигуры в образе святой. После снятия живописи XIX в. открылось парное ей изображение слева.[30] Исследования изображений, проведенные в ходе их реставрации, установили, что в правой части ниши помещен образ св. Марии, о чем свидетельствуют остатки надписи, читающейся по сторонам от ее нимба: «...а Ма...иа» — «агиа Мариа» (Святая Мария). Этот образ, несомненно, расположен рядом со стоящим в северном аркосолии храма саркофагом княгини Марии († 1161).[31] Другой саркофаг находится в противоположном, южном

---

[25] См.: *Пчелов Е. В.* Генеалогия семьи Юрия Долгорукого // Ruthenica. Т. III. Київ, 2004.

[26] ПСРЛ. Т. II. Стб. 521. См. также: *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 469, 485.

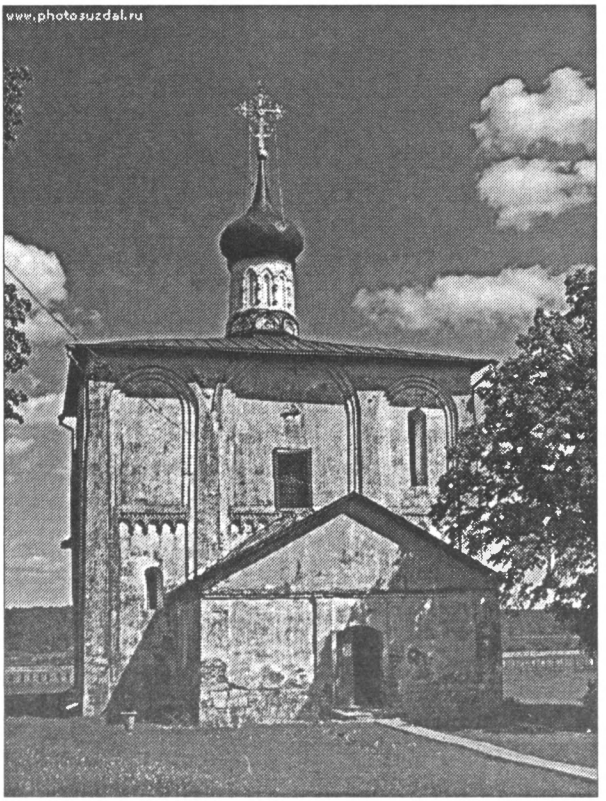
[27] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997. С. 67.

[28] *Kazhdan A.* Rus' — Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries. P. 423–424.

[29] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. М., 1961. С. 67–76; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982 (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1–47). С. 60–61; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область: В 6 ч. / Отв. ред. В. В. Седов. Ч. 1. М., 2004. С. 37; *Заграевский С. В.* Новые исследования памятников архитектуры Владимиро-Суздальского музея-заповедника. М., 2008. Гл. 4.

[30] *Сычев Н.* Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого // Сообщения Института истории искусств Академии Наук СССР. Вып. 1. М.; Л., 1951. Вып. 1.

[31] Там же. С. 55–56.



Ил. 71. Церковь Свв. Бориса и Глеба в Кидекше. Середина XII в., перестроена в XVIII в. Современный вид (Суздальский район, Владимирская область, Россия)

аркосолии, и в нем, надо думать, покоятся останки князя Бориса († 1159). Оба саркофага в виде простых прямоугольных каменных ящиков трапециевидной формы сохранились до нашего времени и стоят каждый на своем месте в нишах-аркосолиях Борисоглебской церкви.[32]

В женской фигуре, изображенной в левой части северного аркосолия, можно было бы предполагать святую, соименную дочери Бориса и Марии Евфросинии, умершей в 1202 г. и погребенной в этом же храме. Однако предполагаемая святая представлена в не свойственном для св. Евфросинии виде — облаченной в роскошные императорские одежды из расшитого золотом и жемчугом пурпура, с золотой стеммой (венцом) на голове с нимбом.[33]

Исследователи единодушны во мнении, что рядом со св. Марией изображена греческая принцесса — жена Юрия Долгорукого.[34]

Такой атрибуции не противоречит изображение византийской царевны с нимбом святой. В византийской традиции подобные изображения императоров и императриц получили весьма широкое развитие и хорошо известны как в самой Византии, так и за ее пределами.[35] Известны также попытки укоренения подобной традиции и в Московской Руси: во времена Ивана Грозного в образе святого

[32] *Панова Т. Д.* Каменные гробы в погребальном обряде русского средневековья (XI–XVII вв.) // Russia mediaevalis. T. X, Teil 1. München, 2001. S. 159.

[33] *Сычев Н.* Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого. С. 56.

[34] Там же; *Воронин Н. Н.* Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1967. С. 248; *Вагнер Г. К.* Суздаль. Очерк. М., 1969. С. 9; *Масленицын С. И.* Живопись Владимиро-Суздальской Руси. 1157–1238 годы. М., 1998. С. 55; *Панова Т. Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. С. 104.

[35] *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 61; *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. С. 171. Подробнее см.: *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000.

стали изображать его отца Василия III, подготавливая, вероятно, почву для его возможной канонизации.[36]

Светский портрет над захоронением, наряду с изображениями святых, по-видимому, был распространенным явлением в Древней Руси: его можно видеть в росписях погребальных ниш других храмов домонгольского времени. К примеру, в аркосолии южной стены церкви Спаса на Нередице под Новгородом помещен портрет древнерусского князя, — вероятно, ктитора этой церкви, с моделью храма в руках; во втором аркосолии южной стены (в апсиде) был написан Илья Пророк, в апсиде северной стены — Петр Александрийский, а в западной части северной стены — св. Фекла.[37]

Как полагают исследователи, церковь Свв. Бориса и Глеба в Кидекше была расписана только в 80-е гг. XII в. «Весьма вероятно, — пишет Н. Н. Воронин, — что роспись была сделана по распоряжению Всеволода III, желавшего почтить храм отцовской усадьбы и память своей матери-гречанки, принцессы из рода Комнинов».[38] Последняя приходилась родной бабкой Евфросинии Борисовны, племянницы Всеволода, которая избрала кидекшский храм местом для собственного погребения. Весьма вероятно, что свое греческое имя Евфросиния могла получить в честь бабки-гречанки.[39]

В 70-х гг. XVII в. любознательный суздальский воевода Тимофей Савелов, заглянув в щель расколотой крышки одного из княжеских саркофагов Борисоглебской церкви, увидел, что на скелете превосходно сохранились остатки драгоценной одежды: «поверх лежит неведомо какая одежда шитая золотом <...> на ней же вышит золотом орел пластаной (то есть раскрывший крылья. — *А. М.*) одноглавной, а от того орла пошло на двое шито золотом же и серебром узорами...».[40] Одежды из тканей с вышитыми или вытканными на них орлами с раскрытыми крыльями можно было видеть на парадных княжеских портретах, изображенных на стенах древнерусских храмов (Софийский собор в Киеве, Успенский собор во Владимире, церковь Спаса на Нередице под Новгородом).[41] Не вызывает сомнения византийское происхождение подобных одеяний.

---

[36] *Самойлова Т. Е.* 1) «Новооткрытый» портрет Василия III и идеи святости государева рода // Искусствознание. Вып. 1. М., 1999; 2) К истории возникновения традиции написания мерніх икон // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век / Отв. ред. А. Л. Баталов. СПб., 2003. С. 362.

[37] *Некрасов А. И.* Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937. С. 86; *Дмитриев Ю. Н.* Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование // Практика реставрационных работ / Науч. ред. Ш. Е. Ратия. Сб. 1. М., 1950. С. 155–157; *Семенов А. И.* Нередица. Новгород, 1962. С. 20–21; *Пивоварова Н. В.* Ктиторская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // ВИД. Вып. 23. Л., 1991.; *Панова Т. Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси... С. 104.

[38] *Воронин Н. Н.* Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. С. 248.

[39] *Сычев Н.* Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого. С. 59. См. также: История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. Т. I. М; Л., 1953. С. 458.

[40] Цит. по: *Воронин Н. Н.* Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. С. 247.

[41] См.: *Высоцкий С. А.* Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989. С. 63, 84; *Кондаков Н. П.* Русская икона: В 4 т. Т. I. Прага, 1928. С. 119; *Сычев Н. П., Мясоедов В. К.* Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925. Табл. 56. Л. 1.

Как установил еще Н. П. Кондаков, «мантии и облачения с таким рисунком, носившие в Византии специальное название "орлов", входили в число высших чиновных облачений византийского двора».[42]

Заметим, что имя Евфросинии Полоцкой также могло возникнуть под влиянием семейных связей полоцких князей с византийским императорским домом Комнинов. Есть основания полагать, что тетка Евфросинии, дочь полоцкого князя Всеслава Брячиславича, в 1106 г. была выдана замуж за одного из сыновей императора Алексея I Комнина (1081–1118).[43] Очевидно, этим родством объясняется тот факт, что Евфросиния была принята императором Мануилом I Комнином во время своего паломничества в Иерусалим, а также пользовалась особым расположением константинопольского патриарха Луки Хризоверга (1156–1169), приславшего ей драгоценную икону Божией Матери Эфесской, написанную по преданию святым апостолом и евангелистом Лукой.[44]

* * *

Распространенность имени *Евфросиния* как в Византии, так и на Руси очевидно было связано с культом св. Евфросинии Александрийской († 470), память которой отмечается дважды — 25 сентября и 15 февраля.[45] Об этом свидетельствует, в частности, сообщение Ипатьевской летописи (под 1199 г.) о рождении дочери у Ростислава Рюриковича:

> Того же лета на зимоу родися дщи оу Ростислава оу Рюриковича, и нарекоша имя еи Ефросенья и прозваниемь Изморагдъ, еже наречеться дорогыи камень.[46]

Второе имя княжны — Изморагд (Смарагд), определяемое в летописи как прозвище, указывает именно на Евфросинию Александрийскую. Согласно Житию святой, в возрасте восемнадцати лет она против воли отца приняла постриг и, чтобы отец не смог ее найти и вернуть домой, ушла в мужской монастырь, притворившись евнухом по имени Измарагд.[47]

В честь Евфросинии Александрийской свое монашеское имя приняла дочь Михаила Всеволодовича Черниговского Феодулия, ставшая святой Евфросинией

---

[42] *Кондаков Н. П.* Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906. С. 38.

[43] *Лопарев Х. М.* Брак Мстиславны (1122 г.) // ВВ. Т. IX. СПб., 1902. С. 419; *Мошин В. А.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Из истории русской культуры. Статьи по истории и типологии русской культуры / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Т. II, кн. 1. М., 2002. С. 332; *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. Кн. 2. С. 11.

[44] См.: Повесть о Евфросинии Полоцкой // Памятники старинной русской литературы / Изд. гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862.

[45] *Сергий (Спасский), архиепископ.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. II. С. 154, 204, 298.

[46] ПСРЛ. Т. II. Стб. 708.

[47] Vita sanctae Euphrosynae // Patrologiae cursus completes / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1851. T. LXXIII. Col. 643–652.

Ил. 72. Св. Евфросиния Александрийская. Фреска. Древний Новгород. Конец XII в. Западный неф церкви Спаса на Нередице. Фотография 1930-х гг.

Суздальской. В ее житии сказано, что княжна приняла постриг 25 сентября, когда «творится память Змарагду преподобныя Еуфросинии Александреискыя».[48] Патрональное изображение этой святой было на знаменитом кресте-реликварии Евфросинии Полоцкой.[49] Это обстоятельство позволяет думать, что и полоцкая святая свое монашеское имя также приняла в честь Евфросинии Александрийской.

Очевидно, что культ этой святой, широко распространившийся среди русских князей в XII в., пришел из Византии, чему способствовали, как мы видели, династические браки полоцких, суздальских и галицко-волынских княжон и князей с родственницами византийских императоров.

Особое же почитание Евфросинии Александрийской при императорском дворе и в кругу византийской знати было связано, очевидно, с историей императрицы Евфросинии († после 836), дочери последнего представителя Исаврийской династии Константина VI Слепого (780–797), ставшей женой основателя Аморийской династии Михаила II Травла (820–829) и мачехой императора Феофила (829–842).

Родившаяся ок. 790 г. Евфросиния в январе 795 г. была отправлена собственным отцом вместе с матерью и сестрой в женский монастырь на Принцевых

[48] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. С. 383.

[49] *Алексеев Л. В.* Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. // СА. 1957. № 3; *Штыхов Г. В.* Печать XII века из Полоцка // СА. 1965. № 3. С. 244. Ср.: *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. I. С. 102.

островах, где все они приняли постриг. Таким способом император Константин избавился от своей первой семьи после развода с императрицей Марией, жениться на которой он должен был против воли, по настоянию своей матери, императрицы Ирины. После этого Константин женился на своей давней любовнице, одной из придворных дам по имени Федота. Вскоре, однако, он стал жертвой заговора, устроенного его матерью, много лет бывшей его соправительницей и соперницей в борьбе за власть. После ослепления и гибели Константина императрица Ирина стала править единолично (797–802).[50]

Через несколько десятилетий, проведенных в монашестве, в судьбе Евфросинии произошла неожиданная перемена. В 823 г. новый император Михаил II, недавно овдовевший, стремясь укрепить свое положение на троне родством с представительницей прежней императорской династии и тем самым как бы компенсировать свое собственное низкое происхождение, заручившись поддержкой синклита, вернул Евфросинию из монастыря и сочетался с ней браком. Сообщение об этом браке находим в «Истории» Продолжателя Феофана:

> И вот властитель всей земли подчинился приказу синклита и, отвергши целомудренную жизнь, будто вопреки воле сочетался браком, взяв в жены не какую-нибудь другую, а женщину, давно отвергнувшую мир с его радостями, обрученную с Христом, с детства в подвижничестве проводившую свои дни в обители на острове Принкипо (Принцевы острова. — *А. М.*), Богу преданную. Имя ей Евфросинья, и была она дочерью того самого Константина, который по справедливому суду матери был обречен на ослепление.[51]

Пребывание Евфросинии в императорском дворце продолжалось несколько лет и закончилось вскоре после смерти ее супруга. Новый император Феофил, придя к власти, не замедлил вернуть свою мачеху к ее прежней монашеской жизни. Продолжатель Феофана сообщает:

> Он (император Феофил. — *А. М.*) изгнал свою мачеху Евфросинию и заставил ее вернуться в тот монастырь, в который она прежде постриглась.[52]

По другой версии, Евфросиния удалилась в монастырь по собственной воле.[53]

---

[50] См.: *Barbe D.* Irène de Byzance: La femme empereur. Paris, 1990; *Lilie R.-J., Rochow I.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. (780–802). Frankfurt am Main, 1996.

[51] *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Пер., ст., комм. Я. Н. Любарского. СПб., 2009. С. 55 (II. 24).

[52] Там же. С. 61 (III.1).

[53] Georgii Monachi vitae imperatorum recentiorum // Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838. P. 790 (21). См. также: *Мелиоранский Б.* Из семейной истории Аморийской династии // ВВ. Т. VIII. СПб., 1901. С. 32 и сл.; *Garland L.* Byzantine empresses: women and power in Byzantium. 527–1204. London; New York, 1999. P. 84 sqq.; *Herrin J.* Women in Purple: Rulers of Medieval Byzantium. Princeton, 2001. P. 176 sqq.

Очевидно, с именем монахини-императрицы Евфросинии связано появление в Константинополе в первой четверти IX в. монастыря Св. Евфросинии. В «Родословной Константинополя» (Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως) — памятнике X в. (с многочисленными более поздними дополнениями), посвященном происхождению и истории города, а также описанию его достопримечательностей,[54] — этот небольшой женский монастырь упоминается под названием Ливадийского (τά Λιβάδια), основательницей которого значится императрица Ирина.[55] По поводу времени и конкретных обстоятельств основания обители в литературе высказываются различные предположения; по-разному решается и вопрос о том, кто из византийских императриц являлся его основательницей.[56] В любом случае, основание Ливадийского монастыря в Константинополе, вероятно, можно считать первым свидетельством почитания Евфросинии Александрийской в семье византийских императоров.

Похоже, что судьбу византийской монахини-императрицы Евфросинии, дочери Константина VI и жены Михаила II, спустя четыре столетия удивительным образом повторила дочь императора Исаака II, также носившая имя Евфросиния. Отданная своим отцом еще в детстве в монастырь, она через несколько лет была возвращена к светской жизни, чтобы стать женой галицко-волынского князя Романа Мстиславича, главного военного союзника нового императора Алексея III. Рано овдовев после гибели Романа, Евфросиния через несколько лет вновь вернулась к монашеской жизни. Для нее под Холмом — новой столицей Галицко-Волынской Руси — был построен монастырь, своим внешним обликом и внутренним убранством весьма напоминающий небольшие частные монастыри, строившиеся тогда для представителей высшей аристократии в Северной Греции.

Выдавая царевну Евфросинию, недавнюю монахиню, замуж за русского князя, в окружении Алексея III, разумеется, не могли не знать о ее предшественнице, царевне Евфросинии, жившей в первой половине IX в., пример которой должен был стать своего рода прецедентом для нового аналогичного случая. О прецедентном характере жизненного пути старшей дочери Исаака II свидетельствует, по-видимому, и данное ей имя — Евфросиния. Мы не знаем, было ли это имя дано ей от рождения или получено в иночестве, но в таком имени был очевидно «закодирован» некий стереотип женской судьбы для его обладательницы.

Следует учитывать, что со времен античности в европейской традиции существует представление об определенной (иногда прямой) взаимосвязи выбора имени и последующей судьбы, как бы предопределяемой этим именем, — будь то

---

[54] См.: *Berger A.* Untersuchungen zu den Patria Konstantinupoleos. Bonn, 1988.

[55] Patria Constantinopoleos / Ed. Th. Preger. Leipzig, 1907. Bd. II (Scriptores Originum Constantinopolitanarum. T. II). P. 243, 265.

[56] *Lilie R.-J., Rochow I.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. S. 77, 145; *Garland L.* Byzantine empresses... P. 93; *Hatlie P.* The monks and monasteries of Constantinople. 350–850. Cambridge; New York, 2007. P. 332. О местонахождении монастыря см.: *Berger A.* Untersuchungen zu den Patria Konstantinupoleos. S. 632.

в обыденно-житейском или религиозно-мистическом смысле.[57] Такого рода представление было свойственно и древнерусским князьям, весьма тщательно подходившим к выбору имени, соблюдая при этом различные условия и ограничения.[58] Так или иначе, можно думать, что имя царевны Евфросинии, в котором был запечатлен пример ее знаменитых тезок — св. Евфросинии Александрийской и монахини-императрицы Евфросинии, могло служить для нее неким ориентиром в выборе собственной жизненной стратегии.

Можно также предположить, что на определенном этапе какую-то роль в судьбе своей бедной родственницы — освобождении из монастыря для последующего замужества — могла сыграть жена Алексея III, также носившая имя Евфросиния (кстати сказать, очень редко встречавшееся у византийских императриц), которая, как известно, играла весьма заметную роль в политической жизни империи.[59]

* * *

Наконец, необходимо рассмотреть вопрос о том, какое имя дочь Исаака II могла носить на Руси. Решение подобного вопроса затруднено тем, что в Галицко-Волынской летописи, как и в других источниках, «великая княгиня Романова» ни разу не названа своим собственным именем. Тем не менее исследователями неоднократно предпринимались поиски возможного имени княгини.

Единственным основанием для этого служит указание летописи о том, что ее внук князь Мстислав Данилович возвел над могилой своей бабки часовню, названную в честь праведников Иоакима и Анны. Галицко-Волынская летопись сообщает об этом под 6799 (1291) г.:

> Того ж лета Мьстиславоу князю вложи емоу Богъ во сердце мьсль благоу: созда гробницю каменоу надъ гробомъ бабы своеи Романовои в монастыре вь святого. И свяща ю во имя праведникоу Акима и Аньны, и слоужбоу в неи створи.[60]

Приведенное сообщение, к сожалению, не содержит сведений о том, в каком монастыре находилась могила княгини, и даже о том, в каком городе располагался этот монастырь. Можно лишь догадываться, что упомянутая обитель находилась во Владимире-Волынском, где княжил тогда Мстислав Данилович.

Какая-то церковь Свв. Иоакима и Анны во Владимире-Волынском действительно существовала: она упоминается в источниках XVI в.[61] Храм был разрушен,

---

[57] См., например: *Булгаков С. Н.* Философия имени. Париж, 1953. С. 166; *Горан В. П., Карпович В. Н.* Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990. С. 163.

[58] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей... С. 13 и след.

[59] Об императрице Евфросинии, супруге Алексея III, см.: *Polemis D. I.* The Doukai. A contribution to byzantine prosopography. London, 1968. P. 131. Nr. 101; *Garland L.* Byzantine empresses... P. 210 sqq.

[60] ПСРЛ. Т. II. Стб. 937–938.

[61] *Теодорович Н. И.* Город Владимир Волынской губернии в связи с историей волынской иерархии (Исторический очерк). Почаев, 1893. С. 142.

Ил. 73. Успенский собор. Ок. 1160 г. Современный вид (Владимир-Волынский, Украина)

по-видимому, еще в 1370 г., когда литовские князья уничтожили замок польского короля Казимира III, возведенный им во Владимире-Волынском. Неоднократно предпринимавшиеся поиски археологических следов церкви пока не дали надежных результатов.[62]

Упомянутое в летописи название часовни, построенной над могилой «великой княгини Романовой», стало для большинства исследователей ключом к решению вопроса о ее собственном имени: княгиню должны были звать Анной — так же, как и святую, в честь которой был возведен храм. Это мнение, высказанное когда-то М. С. Грушевским в качестве предположения и поддержанное Н. А. Баумгартеном, а затем В. Т. Пашуто,[63] теперь является общепринятым, переходящим из одной работы в другую.[64]

[62] *Малевская М. В., Шолохова Е. В.* 1) Раскопки архитектурных памятников в Любомле и Владимире-Волынском // АО. 1975. М., 1976. С. 355; 2) Архитектурно-археологические исследования во Владимире-Волынском // АО. 1976. М., 1977. С. 328; *Малевская М. В.* Архитектурно-археологические исследования на Волыни // Археологические открытия. 1982. М., 1984. С. 291.

[63] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 569; *Baumgarten N., de.* Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Tabl. XI; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 132 и др.

[64] *Włodarski B.* Polska i Ruś. 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 32; *Isenburg W. K., von.* Stammtafeln zur Geschichte der europäischen Staaten. Bd. II. Marburg, 1956. Tabl. 93; *Dworzaczek W.* Genealogia. (Tablice), Warszawa, 1959. Tabl. 27; *Грицак П.* Галицько-Волинська держава. Нью-Йорк, 1958. С. 61–68, 106; *Махновець Л. Є.* [Примітки] // Літопис Руський... С. 369, примеч. 2 до 6710 р.; *Котляр М. Ф.* 1) Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 161; 2) Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 97–110; 3) Даниил, князь Галицкий. Документальное повествование. СПб., 2008. С. 51–68; *Котляр М. Ф., Ричка В. М.* Княжий двір Південної Русі X–XIII ст. Київ, 2008. С. 241 та ін.;

Между тем вопрос о личном имени княгини, как представляется, не должен решаться столь прямолинейным образом. Часовня, выстроенная над ее могилой, была посвящена не одной святой, а сразу двум святым, и прежде всего не Анне, а Иоакиму. Следовательно, прямое соотнесение имени погребенной здесь княгини с именем св. Анны невозможно. Данное обстоятельство, остающееся все еще без должного внимания, по всей видимости, может стать поводом к пересмотру сложившегося в историографии стереотипа.

Первым на указанную особенность названия часовни и несоответствие его приписываемому княгине имени Анны, обратил внимание И. Граля.[65] Его наблюдения, к сожалению, остались незамеченными большинством современных авторов.[66] Ввиду сказанного вопрос об именовании Анной второй жены Романа Мстиславича требует нового к нему обращения.

Образующие пару имена Иоакима и Анны в христианском именослове соответствуют именам праведных родителей Св. Девы Марии, Матери Христа. Культ Богородицы можно считать самым распространенным и долговременным на Руси, сложившимся с момента принятия христианства и выразившимся в строительстве огромного количества храмов и монастырей в ее честь, создании бесчисленных произведений искусства и литературы.[67]

Мы разделяем принятое многими исследователями предположение о том, что имя галицко-волынской княгини должно было как-то соответствовать именам святых, которым была посвящена построенная над ее могилой часовня-усыпальница. Посвятить эту часовню сразу обоим святым, по всей видимости, можно было в том случае, если имя усопшей в равной мере соотносилось с именами как Иоакима, так и Анны. Это возможно лишь в том случае, если имя княгини совпадало с именем дочери праведных Богоотцов Марии.

Похоже, что строительство храмов в честь русских княгинь, носивших имя Марии, посвященных, однако, не самой Богородице, а ее родителям, происходило и в других городах Руси. В качестве примера укажем на построенную Всеволодом Большое Гнездо в 1196 г. церковь Иоакима и Анны во Владимире-на-Клязьме.[68]

Головко О. Б. 1) Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII — початку XIII століття. Київ, 2001. С. 141–142; 2) Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 238, 242, 260-262 та ін.; *Войтович Л. В.* 1) Князівські династії Східної Європи. С. 71–72, 380–381 та ін.; 2) Княжа доба на Русі... С. 482–484; 3) Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського) // Княжа доба. Історія і культура / Відп. ред. Я. Ісаєвич. Вип. 1. Львів, 2007; *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005. S. 24.

[65] *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza. S. 124.

[66] В новейшей историографии их принял и поддержал собственными наблюдениями только Д. Домбровский (*Dąbrowski D.* 1) Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 42; 2) Genealogia Mścisławowiczów. S. 264).

[67] См.: *Плюханова М. В.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995; *Этингоф О. Е.* Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII вв. М., 2000; *Прудникова Е. А.* Земля Богородицы. М., 2007 и др.

[68] ПСРЛ. Т. I. Стб. 412.

Храм, по всей видимости, был посвящен его супруге княгине Марии — одной из самых знаменитых русских княгинь рубежа XII–XIII вв.[69] С почитанием Марией «Всеволожей» родителей Богородицы связано освящение еще одного храма во Владимире: церковь Успения Богородицы (построенная в основанном ею монастыре) была освящена в день, когда праздновалась память Иоакима и Анны — 9 сентября.[70]

Выбор праведной Анны в качестве патрональной святой для княгини, носившей имя Марии, как нам кажется, может иметь следующее объяснение. В средние века обычно избегали давать имя непосредственно в честь Богородицы.[71] Тем не менее имя Марии оставалось одним из самых популярных христианских имен — крестильных и монашеских. Мать Богородицы Анна в некоторых случаях, по-видимому, могла выступать в качестве, так сказать, патрональной святой-заместительницы для обладательниц имени Мария.

В то же время, нельзя полностью исключать возможности создания храма в честь Иоакима и Анны, который можно было бы приурочить к лицу, тезоименитому только одному из названных святых. Подобные случаи также известны в истории Древней Руси.

По некоторым данным, одним из древнейших христианских храмов Великого Новгорода была церковь Иоакима и Анны, построенная первым новгородским епископом Иоакимом Корсунянином. Храм был разобран во время строительства Софийского собора, в котором с начала XII в. известен придел Иоакима и Анны, богато украшенный в XVI–XVII вв. и имевший собственный изысканный иконостас, называемый Иоакимовским.[72]

По сообщению Сокращенного Новгородского летописца по списку Н. К. Никольского (вторая половина XVI в.), помещенному под 1549 г., под снесенной деревянной дьячей избой, находившейся за алтарем Софийского собора, было обнаружено древнее кладбище, на месте которого по приказу Ивана Грозного был поставлен храм Иоакима и Анны в честь рождения у него дочери Анны.[73]

Часовня-усыпальница в честь Иоакима и Анны, поставленная над могилой жены Романа Мстиславича, указывает, таким образом, сразу на два имени, которые могла носить усопшая — Марии и Анны. Чтобы сделать между ними выбор, необходимо рассмотреть еще некоторые обстоятельства.

---

[69] См. о ней: *Кишкин Л. С.* Мария Всеволожая — ясыня или чехиня? // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи / Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1972; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Кем была «Мария Всеволожая». Отчество и происхождение трех русских княгинь XII в. // ДГ. 2004 год. М., 2006.

[70] ПСРЛ. Т. I. Стб. 417.

[71] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 368.

[72] См.: *Брюсова В. Г.* Страница из истории Софийского собора в Новгороде // Культура Древней Руси. Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина. М., 1966; *Сорокатый В. М.* Храмовое строительство и иконостасы Великого Новгорода в середине — второй половине XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век.

[73] ПСРЛ. Т. IV, вып. 3. Л., 1929. С. 620–621. См.: *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 177–178.

Среди прямых потомков Романа Мстиславича и его второй супруги неоднократно встречаются имена как Марии, так и Анны. Имя Марии регулярно повторяется во всех последующих поколениях Романовичей вплоть до пресечения династии, имя Анны здесь встречается значительно реже.[74] Как устанавливает Д. Домбровский, имя Марии носили: дочь Елены (?) Романовны и Михаила Всеволодовича Черниговского, дочь Романа Даниловича и Гертруды Бабенберг, дочь Елены Львовны и Казимира II Бытомского, дочь Юрия Львовича и Евфимии Казимировны, дочь Анастасии Юрьевны и Александра Михайловича Тверского.[75]

В нашем распоряжении есть еще одно историческое свидетельство в пользу имени Мария как наиболее соответствующего личному имени «великой княгини Романовой».

Это свидетельство имеет непосредственное отношение к истории Столпьевской башни и расположенной в ее верхнем ярусе часовни, которую, как мы видели, можно с большой вероятностью связывать с монастырем-резиденцией вдовы Романа Мстиславича, принявшей монашество. Спустя два столетия после смерти княгини башня в Столпье все еще оставалась храмом, и в середине XV в. при ней состоял православный священник

Подобные сведения можно почерпнуть из послания киевского митрополита и папского легата Исидора к старостам Холма от 27 июля 1440 г. Ссылаясь на совершенное Флорентийским собором объединение церквей, митрополит берет под свою защиту некоего Вавилу, священника церкви Спаса от Столпа, требуя оградить его от незаконных посягательств на церковное имущество, которым тот пользовался:

> билъ намъ чоломъ попъ Вавила отъ светого Спаса отъ Столъпа, а сказываетъ что же дей обидъ чинитъся ему велъми много, да и садъ дей церковный у него обираютъ, а нимъ то он у тое церькви живетъ и Бога молитъ о всемъ християнстве.[76]

Опираясь на приведенное свидетельство, исследователи атрибутируют ротонду пятого яруса Столпьевской башни как часовню Спаса (Преображения Господня).[77]

По православному календарю три праздника Спаса приходятся на время Успенского поста (второго по важности после Великого поста), длящегося две недели — с 1 (14) по 14 (28) августа — и приуроченного к празднованию Успения Пресвятой Богородицы 14 (28) августа.[78] Праздники Спаса, считающиеся,

---

[74] См.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Tabl. II–III. S. 345–347.

[75] Ibid. S. 42.

[76] АЮЗР. Ч. I, т. VI. Киев, 1883. № II. С. 5.

[77] Обзор историографии вопроса см.: *Диба Ю.* Українські храми-ротонди X–першої половини XIV століть. Львів, 2005. С. 6–7.

[78] Церковное празднование Спаса (Преображения Господня) известно на христианском Востоке, а также в Византии еще с IV–V вв.; празднование Всемилостивейшего Спаса на Руси установил Андрей Боголюбский. См.: *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. I, 2-я пол. М., 1997. С. 409–410; *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 108–109.

таким образом, также и Богородичными праздниками, посвящены Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице. В этой связи посвящение монастырской часовни в Столпье одному из главных Богородичных праздников с большой вероятностью может свидетельствовать, что совершить его могла княгиня-монахиня, сама носившая имя Богородицы.

Каким бы ни было личное имя «великой княгини Романовой» — Мария или Анна, едва ли это имя могло быть светским, поскольку княгиня умерла в иночестве и была погребена в монастыре, очевидно, как монахиня. Значительное число случаев наречения именем Марии представительниц рода Романовичей позволяет говорить о формировании некоего родового культа Марии, связываемого со знаменитой княгиней «Романовой», прародительницей династии.

Таким образом, мы можем установить несколько личных имен второй жены Романа Мстиславича, что вполне соответствовало традиции христианской двуименности, характерной для Рюриковичей. Ее крестильным именем, под которым она была известна еще в Византии, а также в Германии, было имя Евфросиния, а иноческим именем, полученным на Руси стало одно из имен, относящихся к Богородице — Мария или Анна.[79] Примечательно, что не только монашеское, но и светское имя княгини стало династическим и неоднократно воспроизводилось ее потомками. Это подтверждает наше предположение о формировании родового культа Евфросинии Ангелины как прародительницы Романовичей.

[79] Такое же имя получила и ее родная сестра Ирина, став германской королевой и женой Филиппа Швабского.

Глава двадцать четвертая

ПЕЧАТЬ ЕВФРОСИНИИ ИЗ НОВГОРОДА: НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ[1]

Печать Евфросинии и ее атрибуция В. Л. Яниным. — Могла ли быть Евфросиния Полоцкая основательницей Спасо-Преображенского монастыря? — Исторические, эпиграфические и иконографические данные в атрибуции печати Евфросинии

В 1968 г. в Новгороде была найдена свинцовая печать, заметно выделяющаяся среди прочих печатей Древней Руси как по характеру изображенного на ней рисунка, так и по техническому уровню исполнения. На печати мастерски изображена хорошо сохранившаяся многофигурная композиция, воспроизводящая известный евангельский сюжет Преображения Господня на горе Фавор.

О Преображении говорят все евангелисты, за исключением Иоанна. Иисус взял троих из своих учеников — Петра, Иакова и Иоанна — и поднялся вместе с ними на гору помолиться. Там во время молитвы он преобразился перед ними: «и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17: 2). После этого явились два ветхозаветных пророка Моисей и Илия, которые беседовали с Иисусом «об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме» (Лк. 9: 31). Увидев это, пораженный и испуганный Петр сказал: «Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии» (Мк. 9: 5). После этих слов явилось облако, осенившее всех, и ученики услышали из облака Божий глас: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф. 17: 5). Спускаясь с горы, Иисус запретил ученикам говорить об увиденном ими, «доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых» (Мк. 9: 9).

В соответствии с евангельскими свидетельствами на новгородской печати представлена кульминационная сцена Преображения. В центре — Иисус Христос, по сторонам от него — пророки Илья и Моисей, а у их ног — попадавшие в страхе апостолы Петр, Иоанн и Иаков. Здесь же видна надпись на греческом языке, часть букв которой стерлись. Тем не менее прочтение надписи не вызывает сомнений: *МЕТА[МОР]Ф[ОСИ]С*. На лицевой стороне печати помещено поясное

---

[1] Ранее материалы глав 24–27 опубликованы: *Майоров А. В.* Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода // ДР. 2011. № 2 (44).

изображение святой и вырезано ее имя в виде колончатой надписи по обеим сторонам от изображения. Имя написано по-русски ровными четкими буквами и без труда читается как *ИЕФРОСІНЯ*. Кроме того, изображение святой окружено дополнительной русской надписью. В. Л. Янин передает ее следующим образом:

Г[оспод]и, помози рабе Своеи Ефросини нарецаемои.[2]

Однако, насколько удается судить по имеющимся изображениям печати, последнее слово в круговой надписи на ее лицевой стороне следует читать иначе: «нареченноі».[3] Данное чтение нам представляется предпочтительным, поскольку оно позволяет избежать грамматических затруднений, возникающих при чтении, предлагаемом Яниным. Беспрецедентное для легенд русских печатей выражение «нарецаемои», завершающее благопожелательную надпись на печати Евфросинии, является не вполне типичным и для древнерусского языка вообще. В письменных памятниках XI–XV вв. причастие страдательного залога настоящего времени *нарицаемыи* писалось, как правило, с корневым гласным *-и*.[4]

В. Л. Янин отмечает беспрецедентный характер сделанной в Новгороде находки, не имеющей аналогов среди печатей Древней Руси X–XV вв. «Нет смысла, — пишет историк, — искать сфрагистические аналогии этому предмету, настолько он исключителен. В композициях русских печатей мы не найдем Преображения. Беспрецедентно последнее слово в круговой легенде. Сама круговая легенда принадлежит к числу редчайших явлений на буллах домонгольской поры».[5]

Наличие круговой легенды на лицевой стороне печати — важный атрибутирующий признак. Крайне редко встречающиеся на древнерусских печатях круговые надписи весьма характерны для византийской сфрагистики и представлены в большом количестве на известных ныне печатях различных типов и видов.[6] Не имеющая аналогов на русской почве сцена Преображения также сближает новгородскую находку с памятниками сфрагистики Византии: известно несколько византийских печатей, украшенных изображениями, передающими сюжет чудесной евангельской истории, произошедшей на горе Фавор.[7]

Относящееся к имени Евфросиния определение ‘нарецаемая’ В. Л. Янин расценил как указание на перемену имени владелицы печати: нарицаемая теперь именем Евфросиния, прежде она должна была иметь другое имя. Подобная перемена имени, вероятнее всего, могла произойти вследствие принятия монашества.

---

[2] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М., 1970. С. 231, 234. № 121а. В новом выпуске каталога древнерусских актовых печатей печать Евфросинии перенумерована в № 121д (*Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. С. 127).

[3] Благодарю Е. Л. Конявскую, указавшую мне на возможность такого чтения.

[4] СлДРЯз XI–XIV вв. Т. V. М., 2002. С. 182.

[5] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси... Т. I. С. 231.

[6] См.: *Лихачев Н. П.* Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. Иконографический указатель. С. 329–331.

[7] См., например: *Zacos G., Veglery A.* Byzantine lead seals. Basel, 1972. Vol. I, p. 3. P. 1503–1505. Nr. 2713, a, b.

Ил. 74. Свинцовая печать с изображением св. Евфросинии и сцены Преображения, найденная в Новгороде в 1968 г. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (Великий Новгород, Россия)

Это обстоятельство, а также некоторые внешние характеристики самой печати (размер, наличие благопожелательной надписи) позволили ученому датировать ее XII в. и атрибутировать Евфросинии Полоцкой как самой известной в тот период на Руси княгини, носившей имя Евфросинии и являвшейся монахиней.[8]

Иногда с Евфросинией Полоцкой связывают и другие памятники древнерусской сфрагистики, в частности свинцовую печать с изображением Богоматери Агиоситиссы, найденную в Полоцке в 1962 г.[9] Впрочем, для принятия подобной атрибуции требуется устранить целый ряд возникающих в связи с ней противоречий.[10]

Соотнесение с полоцкой преподобной той или иной из сохранившихся древнерусских булл порождает новую проблему. Использование свинцовых актовых печатей в Древней Руси было исключительной привилегией представителей власти — светской или церковной. В отличие от Византии, на Руси иметь личную печать могли только князья и архиереи, иногда печатями пользовались также их наместники. Сам В. Л. Янин вполне осознавал недостатки предложенной им атрибуции. Евфросиния Полоцкая еще в детстве приняла монашеский постриг и всю жизнь провела в монастыре не будучи правящей княгиней, и поэтому приписываемая ей печать выглядит как «единственный случай в русской сфрагистике, вовсе не знавшей монастырских и монашеских булл на протяжении XI–XIV вв.».[11]

Добавим к этому, женские актовые печати в русской сфрагистике — также весьма редкое и нетипичное явление. Кроме того, для русских печатей свойственна фиксация не только имени, но и отчества их обладателя: как правило, на лицевой стороне помещалось изображение святого, тезоименитого владельцу печати, а на

---

[8] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси... Т. I. С. 231.

[9] *Пуцко В. Г.* 1) Аб іконе Багамацеры Эфескай у старажытным Полацку // Полацак (Polacak. Published Cleveland, Ohio, USA). 1991. № 8. С. 16–20; 2) Печать преподобной Евфросинии Полоцкой // Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў. Мінск, 1997. (Гістарычна-археалагічны зборнік. № 11). С. 105–110.

[10] См.: *Шалина И. А.* Богоматерь Эфесская — Полоцкая — Корсунская — Торопецкая. Исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Сост. А. М. Лидов. М., 1996. С. 231, примеч. 62.

[11] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси... Т. I. С. 231.

оборотной стороне — святого, тезоименитого его отцу. На печатях княгини оборотная сторона могла быть занята изображением святого патрона ее мужа. Однако всего этого нет на печати Евфросинии из Новгорода, украшенной композицией Преображения, центральное место в которой занимает фигура Христа. Данное обстоятельство отмечает и В. Л. Янин, признавая, что на Руси «во имя Христа не нарекали ни отцов, ни мужей».[12]

Зато в византийской сфрагистике наблюдается совсем другая картина. Использование личных привесных печатей не было привилегией только императоров или членов их семьи; такие печати имели самое широкое распространение, ими пользовались должностные и частные лица, занимавшие различное общественное положение. Среди обладателей собственных печатей в Византии немало было служителей церкви и монашествующих различного ранга. Собственными печатями наряду с мужчинами широко пользовались женщины: особыми личными печатями обладали не только императрицы, но и многие знатные византийки. Наконец, одним из самых распространенных сюжетов византийской сфрагистики были изображения Христа — одиночные или в виде композиции с участием пророков, апостолов, святых, императоров и проч., — причем такие изображения (в отличие от древнерусской традиции) использовались вне зависимости от семейного статуса или родственных взаимоотношений владельца печати.[13]

Что же в таком случае позволяет В. Л. Янину атрибутировать найденную в Новгороде печать полоцкой княжне-монахине? Главным основанием для такой атрибуции является, очевидно, принадлежность Евфросинии Полоцкой к основанному ею же в окрестностях Полоцка Спасскому монастырю, главным храмом которого, также построенным Евфросинией, была сохранившаяся до наших дней Спасо-Преображенская церковь. Преображение Господне — один из главных христианских праздников — особо почитался Евфросинией Полоцкой. Отсюда — изображение сцены Преображения на ее личной печати.[14]

Что же касается нетипичного для Древней Руси использования актовой печати княгиней, да к тому же никогда не правившей, а всю жизнь монашествовавшей, то, по мысли В. Л. Янина, Полоцк и полоцкие князья во второй четверти XII в. были поставлены в исключительное положение ввиду особых политических обстоятельств, и поэтому к ним не могут быть применены общие для древнерусской сфрагистики критерии. После разгрома Полоцка киевским князем Мстиславом Владимировичем в 1129 г. были высланы в Византию все представители полоцкого княжеского дома мужского пола. Это, по-видимому, привело к установлению в Полоцке на некоторое время особого статуса княгинь, замещавших своих мужей и других родственников-мужчин в качестве правителей города и земли, что нашло свое отражение в сфрагистике.[15]

---

[12] *Янин В. Л.* Полоцкий матриархат // Знание — сила. 1970. № 12. С. 18.

[13] См.: *Лихачев Н. П.* Моливдовулы греческого Востока; *Соколова И. В.* Печати византийских императоров. Каталог коллекции [Государственного Эрмитажа]. СПб., 2007.

[14] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси... Т. I. С. 231–232.

[15] *Янин В. Л.* Полоцкий матриархат. С. 19.

Таковы в общих чертах доводы В. Л. Янина, представленные в обоснование атрибуции Евфросинии Полоцкой найденной в 1968 г. печати. Но именно в этих своих главных основаниях атрибуция Янина, на наш взгляд, наиболее уязвима.

* * *

О жизни и деяниях Евфросинии Полоцкой известно главным образом из ее Жития. Составленное первоначально, по-видимому, еще в конце XII в., это произведение дошло до нас в значительном количестве более поздних списков XV–XVII вв., которых ныне известно свыше ста тридцати. Исследователи выделяют четыре или даже более редакций памятника. К первой, краткой, редакции относятся два списка: НБ МГУ. 1311 (конец XV в.) и РНБ. Собр. ОЛДП. F. CLXXXV (сер. XVI в.); название Жития здесь самое краткое и без упоминания города Полоцка, что, возможно, указывает на Полоцк как место его создания. Вторую, пространную, редакцию содержат свыше десяти сборников XVI–XVII вв. Ее древнейший список — ГИМ. Епарх. собр. 406 (нач. XVI в.), а наиболее известный и неоднократно публиковавшийся — РГБ. Волок. собр. 632 (перв. пол. XVI в.).[16]

Пространная редакция имеет расширенное название, в нее включено дополнение о погребении Евфросинии в Иерусалиме ее братом и сестрой. Третья редакция читается в тринадцати списках миней, восходящих к Великим Минеям Четьям митрополита Макария. Ее текст отличается всеми стилистическими приемами макариевской агиографической школы. В ней есть добавления и перестановки, отчего текст часто теряет ясность. Четвертая редакция, восходящая к спискам XVI в. второй редакций, сохранилась в составе Степенной книги. Все списки Жития этой редакции (около ста) восходят к рукописи ГИМ. Чуд. собр. 358/56 (1560-е гг.). Эта редакция самая расширенная, содержит генеалогию рода Евфросинии и другие эпизоды. Известно также Проложное житие на 23 мая, обнаруженное в списках БАН. 33.19.8 (посл. четв. XV в.) и БАН Литвы. 98/190 (ок. 1512 г.).[17]

Во всех редакциях Жития указывается, что Евфросиния была игуменьей монастыря Святого Спаса, основанного ею в местечке Сельцо близ Полоцка, где ранее находилось загородное подворье Софийского собора с деревянной церковью

---

[16] *Воронова Е. М.* Житие Евфросинии Полоцкой // СККДР. Вып. 1 (XI–первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 147–148.

[17] Там же. См. также: *Воронова Е. М.* Житийная повесть о Евфросинии Полоцкой как литературно-исторический памятник XII в.: Автореф. дис. … канд. филолог. наук. Л., 1991; *Серегина Н. С.* Певческий цикл о Евфросинии Полоцкой — памятник XII века // История и археология Полоцка и Полоцкой земли. К 1125-летию Полоцка. Конференция. Полоцк, 1987. С. 52–53; *Мельников А. А.* 1) Литературная история агиографической повести о Евфросинии Полоцкой: Автореф. дис. … канд. филолог. наук. Минск, 1989; 2) Еўфрасіння Полацкая // *Мельнікаў А. А.* З неапублікаванай спадчыны. Мінск, 2005; *Турилов А. А.* Евфросиния Полоцкая. Житие // Православная энциклопедия. Т. XVII. М., 2008; *Левшун Л. В.* «Житие преподобной Евфросинии Полоцкой» как исторический источник: факты, образы, интерпретации // Исследования по истории Восточной Европы: Науч. сб. / Отв. ред. А. В. Мартынюк. Вып. 2. Минск, 2009. Вып. 2.

Святого Спаса — усыпальницей полоцких епископов. На месте деревянной церкви Евфросиния с помощью зодчего Иоанна возвела каменную церковь в честь Спаса Вседержителя, сохранившуюся до наших дней.[18]

За девять веков своего существования Полоцкий Спасо-Евфросиниевский женский монастырь пережил множество драматических событий. Когда в 1579 г. Полоцк был взят войсками польского короля Стефана Батория, монастырь достался иезуитам. После отвоевания Полоцка у Речи Посполитой в 1654 г. обитель возвращена в православие, но затем, когда по условиям Андрусовского перемирия 1667 г. Полоцк вновь отошел к Польше, Спасо-Евфросиниевский монастырь еще на полтора столетия вернулся к иезуитам. Только в 1820 г. иезуиты были изгнаны из Полоцка. В 1832 г. имущество монастыря было передано православной церкви, и в 1840 г. обитель была восстановлена. В середине — второй половине XIX в. Спасо-Евфросиниевский монастырь переживал расцвет, будучи причислен к разряду первоклассных. В его стенах разместилось женское духовное училище, началось строительство новых храмов. Однако с установлением советской власти в 1924 г. монастырь был закрыт; возобновленный в 1943 г., он был вновь закрыт в 1960 г. и возобновлен только в 1990 г.[19]

Насколько можно судить, Спасо-Евфросиниевский монастырь в Полоцке никогда не назывался Преображенским — ни в древности, ни в настоящее время. Напротив того, по имеющимся данным, историческое название или, точнее, посвящение обители, данное ей, по-видимому, еще самой основательницей, было другим: монастырь был посвящен Всемилостивейшему Спасу. Этот факт отмечается в многочисленных описаниях монастыря второй половины XIX в.,[20] в трудах

---

[18] См.: Памятники старинной русской литературы / Изд. гр. Г. Кушелева-Безбородко. Вып. IV. СПб., 1862. С. 172–179; *Дубровский М.* Житие преподобной Евфросинии, княжны полоцкой. Полоцк, 1877 (переизд.: Полоцк, 1887; СПб., 1910); *Сапунов А. П.* Житие преподобной Евфросинии, княжны полотския (по трем редакциям). Витебск, 1888; Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2. СПб., 1896; ПСРЛ. Т. XXI, ч. 1. СПб., 1908. С. 206–220; Кніга жыцій і хаджэнняў / Уклад. А. А. Мельнікаў. Мінск., 1994. С. 25–41; Житие Евфросинии Полоцкой / Подг. текста Е. Дорохова // Жития и чудеса святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / Сост. М. С. Крутова. М., 2000. С. 153–173; БЛДР. Т. 12. СПб., 2003. С. 414–435; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. I. М., 2007. С. 433–447.

[19] *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Т. I. СПб., 1890. № 445. С. 236; *Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи. Полный список. М., 1908. № 78. С. 70–72; *Алексеев Л. В.* и др. Крест — красота церкви. Минск, 1998 (Наши духовные ценности. Вып. 4); Монастырь у церкви Спаса: Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь от древности до наших дней. Минск, 2007.

[20] Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар Полоцкой Спасской обители. СПб., 1841; *Сапунов А. П.* 1) Спасо-Евфросиниевский девичий монастырь. Витебск, 1888; 2) Витебская старина. Т. V. Витебск, 1888; *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. Приложения. № 49. С. 111–114; *Сементовский А. М.* Белорусские древности. Вып. 1. СПб., 1890. С. 103–108; Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь // Полоцкие епархиальные ведомости. 1897. № 6.

Ил. 75. Спасо-Евфросиниевский монастырь. Общий вид. Фотография начала XX в. (Полоцк, Беларусь)

по истории русской церкви[21] и истории русского искусства;[22] подобные сведения находим также в новейших официальных изданиях Русской Православной Церкви (Белорусского экзархата).[23]

Посвящение Спасской церкви Евфросиниева монастыря Всемилостивейшему Спасу зафиксировано также в правительственных документах первой половины XIX в. В ответ на запрос министра внутренних дел Блудова витебский гражданский вице-губернатор Муханов в 1838 г. докладывал, что среди наиболее древних сооружений Витебской губернии выделяется церковь Всемилостивейшего Спаса в Полоцком уезде, построенная полоцкой княжной-монахиней Евфросинией около середины XII в.[24]

Культ Всемилостивейшего Спаса, введенный, как иногда считают, в середине XII в. византийским императором Мануилом I по случаю победы над сарацинами, почти одновременно был принят на Руси Андреем Боголюбским, одержавшим

[21] Полоцкая обитель была создана преподобной Евфросинией во имя Всемилостивейшего Спаса, — читаем, например, у митрополита Макария (*Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. II. М., 1995. С. 316).

[22] *Шалина И. А.* Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Корсунская-Торопецкая. Исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Сост. А. М. Лидов. М., 1996. С. 205; *Этингоф О. Е.* Византийские иконы VI–первой половины XIII века в России. М., 2005. С. 180.

[23] Преподобная Евфросиния, игуменья Полоцкая: житие и акафист / Изд. Белорусского экзархата. Минск, 2000. С. 92.

[24] *Слюнькова И. Н.* Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи. Пересоздание наследия. М., 2010. С. 354.

в день вновь установленного праздника (1 августа) победу над волжскими болгарами (1164).[25] Впрочем, в греческой литургической традиции XII в. (как и более позднего времени) такой праздник не фиксируется.[26] Тем не менее не вызывает сомнения существование его в Древней Руси.[27] По-видимому, этот праздник действительно пришел из Византии, где он имел значение местного торжества, связанного с константинопольским монастырем Христа Пантократора, пользовавшимся особым покровительством императора Мануила.[28]

Тесные контакты с императором Мануилом и константинопольским патриархом Лукой Хризовергом поддерживала и Евфросиния Полоцкая. Из ее Жития известно, что преподобная получила от императора и патриарха для основанного ею в Полоцке монастыря Пресвятой Богородицы одну из величайших православных святынь — Эфесскую икону Божией Матери (очевидно, список с нее),[29] а под конец жизни, совершая паломничество в Святую Землю, имела личную встречу с императором Мануилом.[30] Столь близкие отношения Евфросинии Полоцкой с императором Мануилом и патриархом Лукой, надо думать, способствовали распространению церковного почитания Всемилостивейшего Спаса также и в Полоцке.

По весьма вероятному предположению И. А. Шалиной, основание в Полоцке двух монастырей — во имя Всемилостивейшего Спаса и Богородицы — могло отражать константинопольскую топографию основанных императорской семьей монастырей — Христа Филантропа и Богоматери Кехаритомени, а также монастыря Пантократора, который соединял церкви Спаса и Богоматери Елеусы.[31]

Разумеется, что названные обстоятельства несколько затрудняют возможность атрибуции найденной в Новгороде в 1968 г. печати Евфросинии Полоцкой.

---

[25] См.: *Кучкин В. А., Сумникова Т. А.* Древнейшая редакция Сказания о Владимирской иконе Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. С. 501. См. также: *Воронин Н. Н.* 1) Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг (Из истории русско-византийских отношений XII в. // ВВ. Т. 21. М., 1962; 2) Сказание о победе 1164 г. над болгарами и празднике Спаса // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. ст. к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963; *Филипповский Г. Ю.* Столетие дерзаний (Владимирская Русь в литературе XII в.). М., 1991. Почитание Всемилостивейшего Спаса во Владимиро-Суздальской Руси нашло яркое отражение в памятниках архитектуры и искусства второй половины XII в. (см.: *Воронин Н. Н.* О некоторых рельефах Георгиевского собора в Юрьеве Польском // СА. 1962. № 1. С. 141–142; *Вагнер Г. К.* Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева Польского. М., 1966).

[26] *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. III. М., 1997. С. 297–298.

[27] *Лосева О. В.* 1) Русские праздники в древнейших церковных календарях // Русское Средневековье. 1999 год: Духовный мир. М., 1999. С. 38; 2) Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 108–109, 397.

[28] См.: *Конявская Е. Л.* История сложения цикла сказаний о чудесах Владимирской Божией Матери и его судьба в XV–XVI вв. // Религии мира: история и современность. 2005 г. М., 2007. С. 26–27. См. также: *Бутырский М. Н.* Византийское богослужение у иконы согласно типику монастыря Пантократора 1136 года // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси.

[29] До настоящего времени в собрании Государственного Русского музея сохранилась копия с иконы Эфесской (Полоцкой) Божией Матери, полученной Евфросинией Полоцкой от Луки Хризоверга. Эта копия датируется концом XIII–началом XIV в., оригинал иконы утрачен (см.: *Шалина И. А.* Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Корсунская-Торопецкая).

[30] Памятники старинной русской литературы. Вып. IV. С. 176–178.

[31] *Шалина И. А.* Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Корсунская-Торопецкая. С. 205.

Основательница и первая игуменья монастыря Всемилостивейшего Спаса едва ли прибегла бы к изображению на своей печати сцены Преображения, поскольку ее обитель, хотя и возведенная во имя Спасителя, все же была посвящена другому связанному с Ним празднику.

Для доказательства связи Спасо-Евфросиниева монастыря с культом Преображения В. Л. Янин находит еще один аргумент. Построенная Евфросинией монастырская церковь Святого Спаса называлась Спасо-Преображенской в самый ранний период своего существования, то есть еще до учреждения или, вернее, распространения в Полоцке культа Всемилостивейшего Спаса.[32] Однако и этот довод историка покоится на слишком шатких основаниях.

В действительности наименование Спасо-Преображенской церковь Евфросиниевского монастыря получила только в середине XVII в. Более ранние письменные источники не содержат упоминаний о какой-либо связи монастыря или его храмов с Преображением. В наиболее ранних из сохранившихся описей монастырского имущества 1552 и 1580 гг. сама обитель и ее главный храм последовательно именуются только как Спасские, созданные во имя Св. Спаса.[33] Среди храмов древнего Полоцка, упоминающихся в письменных источниках (вплоть до конца XVI в.), вообще не известно ни одного, посвященного Преображению.[34]

Переименование храма произошло после отвоевания Полоцка у Польши в 1654 г. и возвращения обители в православие. В Дворцовых разрядах царя Алексея Михайловича имеется запись о том, что 9 июля 1656 г. в присутствии государя, прибывшего в Полоцк, церковь Спасского монастыря была заново освящена во имя Преображения Господня:

> Того жъ месяца июля въ 9 день въ Спасскомъ монастыре было священие церкви Преображение Спасово.[35]

Новое название церкви было сохранено за ней и в XIX в., когда храм был еще раз освящен и открыт после передачи в 1832 г. в ведение православного духовенства. Свое же первоначальное посвящение — Всемилостивейшему Спасу — храм, как и весь монастырь, сохраняли вплоть до второй половины XVI в., когда в Спасо-Евфросиниевском монастыре останавливался царь Иван Грозный во время двухнедельной осады Полоцка в 1563 г.[36]

Переименование церкви Евфросиниевского монастыря в середине XVII в., по-видимому, стало следствием угасания древнего праздника Всемилостивейшего

---

[32] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси... Т. I. С. 231.

[33] Полоцкая ревизия 1552 года / Подг. И. И. Лаппо. М., 1905. С. 167–170; Описание полоцких владычных, монастырских и церковных земель ревизорами 1580 года / Подг. И. И. Лаппо. М., 1907. С. 4–8.

[34] См.: *Варонін В. А.* Праваслаўныя цэрквы і манастыры горада Полацка (да 1582 г.) // Исследования по истории Восточной Европы: Науч. сб. / Отв. ред. А. В. Мартынюк. Вып. 2. Минск, 2009.

[35] Дворцовые разряды / Изд. II Отделения собств. Его императорск. Величества Канцелярии. СПб., 1852. Т. III. Добавления к III тому. № 1. Стб. 57.

[36] *Сапунов А. П.* Спасо-Евфросиниевский девичий монастырь; *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва... Приложения. № 49. С. 111–113.

Спаса и Пречистой Богородицы, установленного в середине XII в. С течением времени этот древний праздник вообще перестал отмечаться Русской Православной Церковью и в его день — 1 августа — стали праздновать Происхождение Честного и Животворящего Креста Христова.[37]

Остается лишь одна возможность как-то связать Евфросинию Полоцкую и основанный ею Спасский монастырь с праздником Преображения — предположить, что Преображению Господню была посвящена первоначальная деревянная церковь Святого Спаса, в которую, согласно Житию, юная полоцкая княжна перебралась из Софийского собора в начале своего монашеского поприща.

К этой возможности в итоге и прибегает В. Л. Янин, ссылаясь на работу А. М. Сементовского, утверждавшего, будто деревянная церковь при загородном доме полоцкой Софии в местечке Сельцо, где подвизалась Евфросиния, была храмом Преображения Господня.[38] Подобное утверждение, однако, основано на недоразумении. Называя первоначальный деревянный храм в Сельце Спасо-Преображенской церковью, Сементовский ссылается на несуществующий источник — «повествование» неких «летописцев». Между тем, о переезде Евфросинии в загородный дом Софийского собора и о бывшей при нем деревянной церкви — усыпальнице полоцких епископов известно только из Жития преподобной, а сохранившиеся до нашего времени летописи об этих подробностях умалчивают.[39]

Существование упомянутого в Житии Евфросинии Полоцкой деревянного храма-усыпальницы, предшествовавшего строительству каменной Спасской церкви, подтверждается археологически. В нескольких десятках метров к северо-западу от нее раскопаны остатки четырехстолпного трехнефного храма с галереями и гробницами под ними. Деревянный храм-усыпальница, богато украшенный мозаиками из дорогостоящей смальты и художественной керамической плиткой, в полуразрушенном виде существовал еще во времена Стефана Батория. Этот во многом уникальный памятник полоцкого зодчества, возведенный и украшенный при участии византийских мастеров, своими размерами (и особенно высотой) превосходил построенную позднее Евфросинией Спасскую церковь. Как полагают современные исследователи, храм-усыпальница полоцких епископов был сооружен в начале XII в.[40]

---

[37] *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. I, 2-я пол. М., 1997. С. 409–410.

[38] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси... Т. I. С. 231, примеч. 3; *Сементовский А. М.* Белорусские древности. Вып. 1. С. 103.

[39] Л. В. Алексеев утверждает, что Преображенским монастырь в Полоцке назывался в момент прибытия в него Евфросинии (*Алексеев Л. В.* Западнорусские земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры: В 2 кн. Кн. 2. М., 2006. С. 56). Это утверждение также следует признать результатом какого-то недоразумения. В «Великих Минеях» Димитрия Ростовского, на которые ссылается Алексеев, подобных сведений нет — ни в первом издании, вышедшем при жизни автора, ни в наиболее полном 12-томном издании, подготовленном Учебным комитетом Святейшего Синода (см.: Книга житий святых, в славу святыя животворящий Троицы Бога хвалимого в святых своих... Кн. III. Киев, 1700. Л. 638–642 об.; Жития Святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского. [Любое издание]. Кн. IX. 23 мая).

[40] *Каргер М. К.* Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке // СА. 1977. № 1; *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII века // СА. 1980. № 3. С. 150, 159; *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. Кн. 2. С. 83–84.

Источники XVI в. сохранили древнее название этого храма, и оно, вопреки ожиданиям, также не может быть связано с праздником Преображения. По свидетельству так называемой Лебедевской летописи, являющейся, согласно новейшим данным, списком одной из частей Лицевого свода Ивана Грозного,[41] когда в 1563 г. войска русского царя двигались от Невеля к Полоцку, чтобы начать его осаду, государь

> прошедъ Егореи Святыи, и увиде в городе Полоцске верхъ церькви Софии премудрости Божии...[42]

От «Егория», перейдя к озеру Волову, царь поставил свой полк «против города». Между озером и «Святым Георгием» были поставлены воеводы с «нарядом большим», после чего, на следующий день, сам царь перебрался через Двину из Бельчиц к «Георгию Великому».[43]

Как известно, во время осады Полоцка Иван Грозный квартировал поочередно в двух пригородных монастырях, основанных преподобной Евфросинией, — сперва в Бельчицком монастыре Пресвятой Богородицы, а затем в Спасо-Евфросиниевском монастыре в Сельце.[44] Последний и имеется в виду в сообщении Лебедевской летописи, где он, однако, назван не по имени построенной Евфросинией Спасской церкви, а по названию какого-то другого храма — *Святого Егория* или *Георгия Великого.* Исследователи неоднократно высказывали предположение, что этим храмом следует считать церковь-усыпальницу полоцких епископов, возведенную на несколько десятилетий ранее Спасской церкви и еще в исправном виде сохранявшуюся во время пребывания в монастыре Ивана Грозного. Затем, в период боев за Полоцк, эта церковь сильно пострадала и ко времени завоевания города Стефаном Баторием была уже почти разрушена.[45]

О двойном названии Евфросиниевского монастыря в Полоцке, связанном с двумя его важнейшими храмами — старым, в честь Святого Георгия Победоносца (построенным, вероятно отцом Евфросинии, носившим, как известно, крестильное имя Георгия) и новым, в честь Всемилостивейшего Спаса (построенным самой Евфросинией), свидетельствует тот факт, что вплоть до возобновления Спасо-Евфросиниевского монастыря в 1840 г. место, где стояла древняя обитель, православные жители Полоцка в память о ней именовали «Спас-Юровичи».[46]

* * *

Как видим, в истории Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря с момента его основания и вплоть до середины XVII в. не удается отыскать периода, когда бы

[41] *Клосс Б. М.* 1) Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 227–231; 2) Предисловие к изданию 2009 г. // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. VI.

[42] ПСРЛ. Т. XXIX. С. 306.

[43] Там же.

[44] *Шейкин Г. Н.* Полоцкая епархия: историко-статистическое обозрение. Минск, 1997. С. 25.

[45] *Хозеров И. М.* Белорусское и смоленское зодчество XI–XII вв. Минск, 1994. С. 60; *Каргер М. К.* Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке. С. 247; *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. Кн. 2. С. 84.

[46] *Сементовский А. М.* Белорусские древности. Вып. 1. С. 107.

сама обитель или хотя бы один из ее храмов могли называться Преображенскими или быть как-то по-особенному связаны с праздником Преображения Господня. Это обстоятельство заставляет нас отказаться от принятой в современной литературе атрибуции Евфросинии Полоцкой печати с изображением сцены Преображения, найденной в Новгороде в 1968 г.

Другой предложенный В. Л. Яниным довод в пользу полоцкой преподобной как обладательницы упомянутой печати состоит в том, что в Полоцке во второй четверти XII в. вследствие изгнания местных князей установился отразившийся в сфрагистике период женского правления. Этот довод, однако, также не может быть принят.

Предположение о женском правлении в Полоцке в 30–40-е гг. XII в., «полоцком матриархате», как называет его В. Л. Янин, справедливо отвергается исследователями истории Полоцкой земли. Полоцкие князья в качестве правителей земли неоднократно упоминаются в источниках. На период мнимого «матриархата» приходится правление полоцкого князя Василька, брата Евфросинии Полоцкой, сведения о котором находим в летописях под 1132, 1138, 1139 и 1143 гг.[47] Что же касается князей, высланных в 1129 г. в Византию, то часть из них вернулась из ссылки уже в 1140 г., получив причитающиеся им уделы в Полоцкой земле.[48]

Печать Евфросинии со сценой Преображения на оборотной стороне была найдена на Городище, располагавшемся под Новгородом и являвшемся древней резиденцией новгородских князей. Однако в источниках нет никаких сведений о возможных контактах полоцкой монахини с новгородскими князьями, — ни Житие Евфросинии, ни новгородские летописи не содержат даже намека на возможность таких контактов.

При своей жизни и тем более в начальный период своего монашеского служения Евфросиния Полоцкая еще не пользовалась той широкой известностью и почитанием на Руси, которые она приобрела в последующие столетия. Анализ известных ныне списков Жития Евфросинии и других связанных с ней материалов показывает, что прославление преподобной, выходящее за пределы самого Полоцка, начинается только в XVI в. На локальный характер почитания Евфросинии в предшествующие столетия указывает отсутствие ее памяти (даже в виде позднейших приписок) в месяцесловах не только в пергаменных Евангелиях, Апостолах и Обиходниках XIII–первой половины XV вв., но и в списках Иерусалимского устава, Псалтырей с восследованием и Часословов XV–первой половины XVI вв.; имени Евфросинии нет в месяцесловах, написанных и изданных в Западной Руси в XV–XVI вв.[49]

Совершенно не способствует и даже противоречит атрибуции Евфросинии Полоцкой иконография найденной в Новгороде печати. Достаточно вспомнить, что

---

[47] *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси. Кн. 2. С. 58–59.

[48] Там же. С. 15.

[49] См.: *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001; *Джурова А., Станчев К., Япунджич М.* Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека. София, 1985. С. 172. См. также: *Шейкин Г. Н.* Евфросиния Полоцкая. Почитание // Православная энциклопедия. Т. XVII. С. 510.

основанный преподобной Спасский монастырь в Полоцке, как и возведенный ее стараниями каменный монастырский храм, как сообщается во всех редакциях и списках Жития Евфросинии, были посвящены Святому Спасу, или Спасу Вседержителю.[50] Вседержи́тель, или Пантократор, — центральный образ в иконографии Христа, представляющий его как Небесного Царя и Судию. Этот образ имеет собственную, весьма обширную и разветвленную иконографию, которая никак не сводится к иконографии Преображения. Образ Вседержителя широко используется в одиночных иконах, в составе деисусных композиций, в иконостасах, стенных росписях и т. д., он традиционно занимает пространство центрального купола православного храма. Чаще всего Вседержитель изображается фронтально, восседающим на престоле с раскрытой книгой или свитком в руках. Один из изводов Спаса на престоле — так называемый Мануилов Спас — преданием приписывается кисти византийского императора Мануила I (учредившего праздник Всемилостивейшего Спаса) и отличается особым жестом правой руки, указывающей в раскрытое Евангелие.[51]

Атрибуции Евфросинии Полоцкой печати из Новгорода не способствует и характер написания имени Евфросиния, выбитого на ней. На лицевой стороне новгородской печати это имя запечатлено в форме *ИЕФРОСІНЯ* в колончатой надписи по сторонам от изображения святой и в форме *Ефросиня* в круговой надписи по краю печати. Между тем, имя полоцкой преподобной, сохраненное в созданных при ее жизни эпиграфических памятниках, имело иное написание — *Офросинья* (*ѡфросинья*).

В 1161 г. по заказу Евфросинии Полоцкой мастером Лазарем Богшей был создан богато украшенный серебряный напрестольный крест-реликварий, на протяжении многих веков являвшийся одной из наиболее почитаемых русских святынь (утрачен в годы Великой Отечественной войны). Крест покрывали длинные надписи, сообщавшие об обстоятельствах его изготовления. Одна из надписей гласила:

> Г(оспод)и, помози рабоу своему лазорю, нареченому Богьши, съдѣлавъшемоу крьстъ сии цркви с(вя)таго спаса и ѡфросиньи.

В другой надписи сообщалось:

> Въ лѣ[то] 6669 покладаєть ѡфросиньγ чьстьныи кр(е)стъ въ манастыри своємь въ ц(е)ркви с(вя)т(а)го сп(а)са....[52]

И последнее. В росписях собора Спасо-Евфросиниевского монастыря нет изображений сцены Преображения. Созданный, несомненно, при жизни Евфросинии Полоцкой первоначальный фресковый ансамбль собора был скрыт под слоем

---

[50] См. примеч. 13 настоящей главы.

[51] См.: *Кондаков Н. П.* Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Лицевой иконописный подлинник. Т. I. М., 2001; *Припачкин И. А.* Иконография Господа Иисуса Христа. М., 2001; *Бобров Ю. Г.* Основы иконографии древнерусской живописи. СПб., 1996.

[52] *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 6. СПб., 1899. С. 169–170. Рис. 208. Ср.: *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952. С. 28. № 18; *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964. № 27.

масляной живописи XIX в. Еще недавно сторонники атрибуции храма как Преображенского высказывали предположение, что главная сцена храмовой росписи обязательно отыщется под еще не снятыми позднейшими слоями краски и копоти. К примеру, А. А. Селицкий писал в 1988 г.: «Поскольку храм был посвящен Преображению Господню, то на восточной стене над центральной апсидой могло находиться изображение "Преображения"».[53]

Надежды эти не оправдались: ни на восточной стене, ни в каком другом месте храма сцена Преображения не выявлена.[54] Между тем, согласно новейшим данным, в интерьере собора Спасо-Евфросиниевского монастыря полностью сохранились древние росписи, которые по полноте декорации превышают даже росписи церкви Спаса на Нередице до их гибели и могут быть сравнимы только с фресками Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове.[55] Говорить о том, что главная сцена в росписи Евфросиньевской церкви могла быть утрачена, нет оснований.

Ил. 76. Спасо-Преображенская церковь (в древности — церковь Всемилостивейшего Спаса) Евфросиниева монастыря. Середина XII в. Современный вид (Полоцк, Беларусь)

С начала 1990-х гг. в храме под руководством В. В. Ракицкого ведется планомерная работа по реставрации древней стенописи, давшая новые значительные результаты.[56] В 2006 г. для ускорения процесса раскрытия фресок к работам подключилась группа московских реставраторов под руководством В. Д. Сарабьянова. И хотя к настоящему времени раскрыто лишь около четверти от общей площади древней живописи, ввиду повсеместного осыпания позднейших записей без постороннего вмешательства открылись части многих первоначальных изображений.[57]

[53] *Селицкий А. А.* Система росписи собора Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке // Древнерусское искусство. Художественная культура X–первой половины XIII в. / Отв. ред. А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М., 1988. С. 185.

[54] Данные получены от В. Д. Сарабьянова в январе 2010 г.

[55] *Сарабьянов В. Д.* Храм-реликварий преподобной Евфросинии Полоцкой. К реконструкции первоначального замысла Спасской церкви Евфросиньева монастыря // Образ Византии: Сб. ст. в честь О. С. Поповой / Отв. ред. А. В. Захарова. М., 2008.

[56] *Ракіцкі У.* Спасаўская царква 12 ст. у Полацаку. Насьценны жывапіс. Полацк, 1998.

[57] *Сарабьянов В. Д.* Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески. М., 2007. С. 26–28.

На месте, где, как предполагалось, могла быть изображена композиция Преображения (то есть на плоскости над алтарной аркой, открывающейся в подкупольное пространство), в действительности изображен Спас Вседержитель, восседающий на троне, которому поклоняются два ангела, облаченные в царские одежды.[58] Верхний регистр центральной апсиды занимает весьма значительный по размерам образ Богоматери Оранты, также фланкированный двумя поклоняющимися ей ангелами.[59] В своде алтарной арки недавно раскрыто прекрасно сохранившееся изображение Спаса Нерукотворного, а на склонах арки расположены фигуры Богоотцов Иоакима и Анны.[60]

Что касается сцены Преображения, то если она и существовала в первоначальной росписи Евфросиньевской церкви, то располагалась где-то в западной части храма, на сравнительно небольших, еще не расчищенных участках в люнете или на стене ниже уровня хоров.[61] Причем в таком случае композиция Преображения оказывается представленной в каком-то усеченном и расчлененном виде: пророки Моисей и Илия должны быть изображены в западной арке, то есть отдельно от Христа и апостолов, фигуры которых должны быть даны в другой плоскости и в другом масштабе.

Совершенно очевидно, что подобное расположение композиции Преображения на остатках свободного пространства западной стены вокруг хоров исключает возможность видеть в ней образ главного престольного праздника, которому был посвящен весь храм. Таковым образом следует считать изображение Спаса Вседержителя, помещенное под куполом над алтарной аркой. Этот образ и его местоположение в храме полностью соответствуют данным Жития Евфросинии Полоцкой, согласно которому с помощью зодчего Иоанна преподобная возвела в основанном ей монастыре каменную церковь в честь Спаса Вседержителя. При этом храм, как мы видели, был посвящен новому церковному празднику Всемилостивейшего Спаса, учрежденному византийским императором Мануилом I Комнином, с которым полоцкая игуменья поддерживала личные связи.

Примечательно, что в древнерусских храмах середины XII в., действительно посвященных Преображению, такая сцена занимает центральное положение в храмовой росписи. Так, в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря во Пскове (построенном и расписанном примерно в одно и то же время с с Евфросиниевской церковью в Полоцке) сцена Преображения помещена сразу под куполом на восточной стене — в своде вимы над конхой апсиды, прямо над Деисусом, изображенным в самой конхе.[62]

Помещение сцены Преображения в алтарной зоне или восточных компартиментах церковного интерьера, — по-видимому, одна из характерных черт не только Преображенских, но и других христианских храмов, сложившаяся еще

[58] Там же. С. 80.
[59] Там же. С. 55.
[60] Там же. С. 80.
[61] Там же. С. 86.
[62] *Сарабьянов В. Д.* Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. М., 2002.

в VI в.[63] Так, Преображение представлено в мозаике конхи апсиды базилики Преображения Господня монастыря Св. Екатерины на Синае. Такое же положение она занимала в интерьерах других известных храмов VI в. — базилик Сант Аполлинаре ин Классе в Равенне и церкви Св. Стефана в Неаполе (не сохранилась).[64] На восточной стене над конхой Преображение располагалось в римских храмах VIII–IX вв. — в капелле Зенона церкви Санта Прасседе и базилике Свв. Нерея и Ахилия,[65] а также в каппадокийских храмах X–XI вв. — церкви Иоанна Крестителя в Чавушине, Тавшанли Килисе близ Синассоса и др.[66] Такое же расположение Преображения можно видеть в церкви Николы на Липне в Новгороде (1292–1299).[67]

Другой тип размещения сцены Преображения во внутрихрамовой росписи представляет церковь Спаса на Нередице под Новгородом (1199). Здесь, как и в церкви Спасо-Евфросиниевского монастыря, Преображение написано на месте, не вполне соответствующем значению главного храмового образа, — в левой половине северной стены западного рукава над аркой, перекинутой от западной стены к северо-западному пилону.[68] Тем не менее из сообщения Новгородской Первой летописи известно, что изначально церковь Спаса на Нередице была посвящена Преображению.[69] Видимо, поэтому на западном фасаде храма, в плоской нише с округлым верхом, устроенной над главным входом, появилось еще одно изображение Преображения, выполненное в более позднее время, но, как считается, на старом грунте.[70]

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что для атрибуции Евфросинии Полоцкой найденной в Новгороде печати со сценой Преображения нет никаких оснований.

---

[63] См.: *Этингоф О. Е.* Святые места в программе росписей Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. Посвящ. 100-летию со дня рождения В. Н. Лазарева (1897–1976) / Отв. ред. Л. И. Лифшиц. СПб., 2002.

[64] *Ihm Ch.* Die Programme der christlichen Apsismalerei von Vierten Jahrhundert bis zum Mitte des Achten Jahrhundert. Wiesbaden, 1960. S. 165–167, 176–178, 195–197; *Dinkler E.* Das Apsismosaik von S. Apollinare in Classe. Köln; Opladen, 1964.

[65] *Wisskirchen R.* Loe III. und die Mosaikprogramme von S. Apollinare in Classe in Ravenna und SS. Nereo ed Achilleo in Rom // Jahrbuch für Antike und Christentum. Bd. 34. Münster, 1991; *Thunø E.* Image and relic: mediating the sacred in Early Medieval Rome. Rome, 2002. P. 129–131.

[66] *Jolivet-Lévy C.* Les églises byzantines de Cappadoce: le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris, 1991. P. 80–82, 338–340; *Jolivet-Lévy C., Ertuğ A.* (fotos). Sacred art of Cappadocia: Byzantine murals from the 6th to 13th centuries. Istanbul, 2006.

[67] *Царевская Т. Ю.* Новые данные о составе росписей церкви Николы на Липне // Древнерусское искусство. Русь, Византия, Балканы. XIII век / Отв. ред. О. Е. Этингоф. СПб., 1997.

[68] *Щербатова-Шевякова Т. С.* Нередица. Монументальные росписи церкви Спаса на Нередице. М., 2004. С. 164. Рис. 141-142.

[69] ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 44, 237-238.

[70] *Щербатова-Шевякова Т. С.* Нередица. С. 233. Рис. 243.

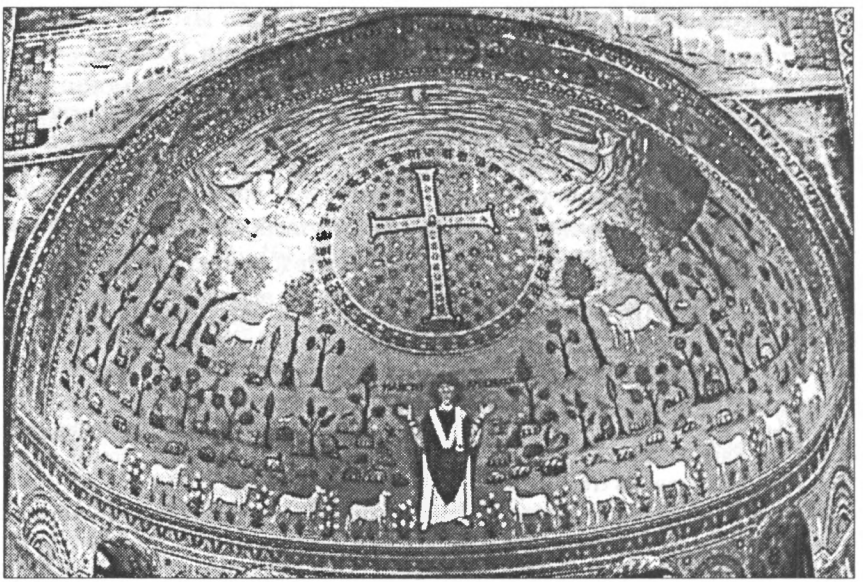
Глава двадцать пятая

КНЯГИНЯ-МОНАХИНЯ ЕВФРОСИНИЯ И КУЛЬТ ПРЕОБРАЖЕНИЯ В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ

Эволюция эстетики и иконографии Преображения на рубеже XII–XIII вв. — Изображение апостолов как датирующий признак. — Евфросиния Галицкая и культ Преображения в памятниках Холмской земли. — Спасо-Преображенские монастыри XIII в. в Галичине и на Волыни. — Древние иконы Преображения Христова из Галицкой земли. — Контакты Евфросинии Галицкой с Новгородом

Иконографический анализ сцены Преображения, запечатленной на новгородской печати, также не дает надежных оснований для датировки ее первой половиной XII в.

Иконография Преображения, представленная весьма значительным числом памятников (мозаики, фрески, иконы, книжные миниатюры, произведения



Ил. 77. Преображение. Мозаика апсиды базилики Св. Аполлинария (Сант Аполлинаре ин Классе). Середина VI в. (Равенна, Италия)

Ил. 78. Преображение. Мозаика апсиды базилики Преображения Господня монастыря Св. Екатерины на Синае Середина VI в. (Синай, Египет)

глиптики и сфрагистики), на протяжении веков претерпевала определенные изменения. В раннехристианской традиции фигура Христа в сцене Преображения изображалась в виде четырехконечного креста в медальоне, а апостолы — в виде агнцев (мозаика апсиды базилики Сант Аполлинаре ин Классе в Равенне, середина VI в.).[1]

К этому же времени восходит более реалистическая трактовка образов Христа, пророков и апостолов (мозаика конхи апсиды базилики Преображения Господня монастыря Св. Екатерины на Синае). Пророки и апостолы изображены здесь на золотом фоне, в белых одеждах, а стоящий в центре композиции благословляющий Спаситель окружен сиянием славы — из овальной голубой мандорлы исходят лучи света. В дальнейшем синайская иконографическая схема будет лежать в основе всех образов Преображения в византийском и древнерусском искусстве.[2]

Развитие иконографии Преображения испытывало влияние богословских споров о природе Фаворского света, особенно значительных в середине XIV в. между святителем Григорием Паламой и монахом Варлаамом Калабрийским и его

---

[1] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. 1. М., 1986. С. 46; *Dinkler E.* Das Apsismosaik von S. Apollinare in Classe. Köln; Opladen, 1964.

[2] *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М., 2001. С. 287–296. См. также: *Millet G.* Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIV, XV et XVI siècles. Paris, 1916. P. 216–231; *Ihm Ch.* Die Programme der christlichen Apsismalerei von Vierten Jahrhundert bis zum Mitte des Achten Jahrhundert. Wiesbaden, 1960. S. 165–197; *Cutler A.* Transfigurations: Studies in the dynamics of Byzantine iconography. University Park [Pennsylvania State University], 1975; *Andreopoulos A.* The mosaic of the Transfiguration in St. Catherine's Monastery on Mount Sinai: a discussion of its origins. Toronto, 2001. См. также: Lexikon der christlichen Ikonographie / Hrsg. von W. Braunfels. Rom; Freiburg; Basel; Wien, 1994. Bd. IV. S. 416-421.

Ил. 79. Мастерская Феофана Грека. Преображение. Икона. Конец XIV–начало XV вв. Из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском. Доска липовая, паволока, левкас, яичная темпера. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия)

сторонниками.[3] В произведениях искусства, созданных после их окончания, ощутимы особый динамизм, пронизывающий всю композицию. Апостолы, ослепленные Божественным светом, изображались в резких ракурсах, падающими ниц, закрыв лицо руками (храмовая иконе начала XV в. из Спасо-Преображенского собора Переславля-Залесского, приписываемая кисти Феофана Грека).[4]

Начало этой тенденции относят к описанию (экфрасису) мозаики «Преображение» из константинопольской церкви Святых Апостолов, составленному между 1199 и 1203 гг., сопровождавшемуся богословскими трактовками зрительных образов и смысла изображаемой сцены. Автор экфрасиса — видный церковный деятель и богослов Николай Месарит, в конце XII–начале XIII вв. исполнявший должность скевофилакса (хранителя) реликвий Фаросской церкви Большого императорского дворца в Константинополе — главной сокровищницы империи, а затем ставший митрополитом Эфеса и экзархом всей Азии.[5]

Месарит подробно описывает положение тел и душевное состояние испуганных Фаворским светом учеников Христа, павших ниц и закрывающих глаза руками перед возвышающимся над ними Господом, излучающим неземное сияние.[6] В этом описании мозаики из не существующей ныне церкви (снесенной по приказу султана Мехмеда II в 1461 г.) Месарит многое домысливает за древнего художника и, по сути дела, формулирует собственный зрительный образ и богословское понимание Преображения. По мнению современных исследователей, Месарит проповедует новый идеал, к которому должны стремиться живописцы, украшающие стены христианских храмов, — это реалистическое или даже экспрессивно-реалистическое изображение

[3] См. об этом: *Модест* (*Стрельбицкий*), *архиеп.* Святой Григорий Палама, митрополит Солунский, поборник православного учения о Фаворском свете и действиях Божиих. Киев, 1860; *Papademetriou G. C.* Introduction to St. Gregory Palamas. New York, 1973; *Sinkewicz R. E.* 1) Saint Gregory Palamas. The One Hundred and Fifty Chapters. Toronto, 1988; 2) Theoleptos of Philadelphia. The Monastic Discourses. Toronto, 1992; *Киприан* (*Керн*), *архимандрит.* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996; *Иоанн* (*Мейендорф*), *протопресвитер.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы: введение в изучение. СПб., 1997.

[4] *Лазарев В. Н.* Феофан Грек и его школа. М., 1961. Рис. 113; *Алпатов М. В.* Феофан Грек. М., 1990; *Вздорнов Г. И.* Феофан Грек. М., 1983. С. 275–276.

[5] *Kazhdan A., Franklin S.* Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries. Cambridge, 1984. P. 236–255.

[6] *Heisenberg A.* Grabeskirche und Apostelkirche. Bd. II. Die Apostelkirche in Konstantinopel. Leipzig, 1908. S. 16.

человеческих чувств и переживаний, с помощью которого можно глубже передать смысл изображаемого события.[7]

Эстетические идеи Месарита, культивировавшиеся при императорском дворе Ангелов, находят непосредственный отклик в произведениях византийского искусства: сцена Преображения, изначально статичная и симметричная, становится более динамичной. Идея Месарита о том, что ученики Христа не сами отпрянули в страхе, но были отброшены на землю Божественным Светом, в полной мере выразилась в палеологовской живописи, где Свет становится активной силой, вырываясь из мандорлы и отбрасывая апостолов на обрывистые склоны горы.[8] Но и в более раннее время, прежде всего в работах столичных мастеров, созданных на рубеже XII–XIII вв., эти идеи уже нашли свое воплощение. К таковым можно отнести мозаичную икону «Преображение», ныне находящуюся в собрании Музея Лувра,[9] а также уникальные произведения византийской глиптики — геммы с изображением композиции Преображения, вырезанные из гелиотропа и оникса, ныне находящиеся соответственно в Художественно-историческом музее в Вене и в Музеях Московского Кремля.[10]

Ил. 80. Преображение. Мозаичная икона. Константинополь. Ок. 1200 г. Музей Лувра (Париж, Франция)

* * *

В иконографии Преображения важную роль играет изображение апостолов, и этот признак во многом является ключевым для датировки всего произведения. По расположению фигур апостолов Г. Милле и другие исследователи разделяют иконографию Преображения на два основных типа — византийский и ориентальный. Для последнего, представленного различными памятниками изобразительного искусства

[7] *Бычков В. В.* Эстетика // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. / Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М., 1989. С. 440–441.

[8] См.: *Podskalski G., Taft R. F., Carr A. W.* Transfiguration. Representation in Art // ODB. Vol. 3. New York; Oxford, 1991. P. 2105. См. также: *Podskalsky G.* Gottesschau und Inkarnation // Orientalia christiana Periodica. Bd. 35. 1969.

[9] Byzance — L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Musé du Louvre, 3.11.1992–1.2.1993. Cataloque d'exposition. [Paris, 1992]. P. 368. Nr. 279.

[10] *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки. М., 1978. С. 144; *Стерлигова И. А.* Две камеи с изображением христианских праздников. К характеристике византийской глиптики палеологовского периода // Византия в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения А. В. Банк. 1906–1984. Мат-лы конф-ции. СПб., 2008 (Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLII).

Ил. 81. Преображение. Миниатюра из Хлудовской Псалтыри. Ок. 850 г. Государственный Исторический музей (Москва, Россия)

восточных провинций Византийской империи (главным образом Армении и Каппадокии), характерно изображение фигур апостолов в одинаковых позах: все они либо стоят на ногах, либо сидят, либо лежат на земле. Такая же черта свойственна и большинству изображений сцены Преображения, встречающихся на территории бывших западных провинций Византии (прежде всего в Италии).[11]

Для константинопольского типа, напротив, характерно изображение апостолов в разных положениях относительно друг друга. Эта черта прослеживается уже в самых ранних произведениях, отразивших константинопольский тип иконографии Преображения, датируемых IX в.: миниатюрах из исполненного для императора Василия I между 880 и 886 гг. кодекса Григория Назианзина из Парижской национальной библиотеки (Paris. Gr. 510) и созданной ок. 850 г., вероятно, в Студитском монастыре Константинополя, Хлудовской Псалтыри (ГИМ. РС. 129д).[12]

В произведениях IX–X вв. апостол Петр обычно изображается слева, стоящим на ногах, с характерным жестом руки, указывающим на то, что он о чем-то говорит. Апостол Иаков изображается с правой стороны, коленопреклоненным и защищающим глаза руками. Между ними помещается фигура апостола Иоанна, почти полностью распростертого на земле и отвернувшегося в сторону, чтобы защититься от нестерпимо яркого света.[13] Такая иконографическая схема отражена в миниатюре Парижской рукописи Григория Назианзина, а также, вероятно, была представлена в мозаике «Преображение» константинопольской церкви Святых Апостолов, если судить по ее описанию Николаем Месаритом:

> Петр, самый неистовый <...> вскакивает с земли, кажется, что-то говорит <...> Иаков с трудом поднимается с колен и поддерживает голову левой рукой, большей частью тела он все еще распростерт на земле, правую руку держит близко к глазам <...> Иоанн, однако, вовсе не хочет смотреть, но <...> кажется, лежит там в глубоком сне.[14]

---

[11] См.: *Millet G.* Recherches sur l'iconographie de l'évangile... P. 216–231; *Andreopoulos A.* Metamorphosis: the Transfiguration in Byzantine theology and iconography. Crestwood; New York, 2005. P. 155–159.

[12] *Щепкина М. В.* Миниатюры Хлудовской Псалтыре. Греческий иллюстрированный кодекс IX века. М., 1977. Ил. к Пс. 88: 13.

[13] *Andreopoulos A.* Metamorphosis: the Transfiguration in Byzantine theology and iconography. P. 155.

[14] *Heisenberg A.* Grabeskirche und Apostelkirche. Bd. II. S. 16–17.

В XI–XII вв. происходят новые изменения в изображении апостолов в сцене Преображения. Самое значительное из них связано с расположением фигуры Петра, которого теперь начинают изображать стоящим на коленях, как это представлено на константинопольской мозаичной иконе, выполненной ок. 1200 г.[15] Затем, в более поздних иконах, Петр и вовсе изображается павшим на землю вместе с остальными апостолами. Другой чертой в образах апостолов этого времени становится изображение их смотрящими в сторону от излучаемого Христом света и закрывающими глаза руками.[16]

Именно такой иконографический тип, описанный Николаем Месаритом и характерный для константинопольской традиции в иконографии Преображения, мы можем видеть на новгородской печати Евфросинии. Апостолы здесь изображены стоящими на коленях, отвернувшимися в разные стороны от слепящего Фаворского света.

Этот тип передачи сцены Преображения наиболее часто встречается в произведениях византийского изобразительного искусства второй половины — конца XII вв. Помимо уже упомянутой нами мозаичной иконы из Лувра, созданной в Константинополе ок. 1200 г., он также представлен иконой «Преображение», происходящей из монастыря Ватопед на Афоне и хранящейся ныне в Государственном Эрмитаже. Эта небольшая по размерам икона, написанная на красном фоне, была частью темплона с изображениями двенадцати великих церковных праздников. Известна другая икона этого же темплона — «Воскрешение Лазаря», ныне хранящаяся в Музее византийской культуры в Афинах.[17] Недавно обнаружены третья и четвертая части этого цикла — «Рождество Христово» из частной коллекции в Греции и «Тайная вечеря» (сцена, не характерная для подобных циклов), сохранившаяся в самом монастыре Ватопед. Сопоставление всех известных ныне икон ватопедского темплона позволяет уточнить их атрибуцию и датировку — весь цикл был создан, вероятно, одним и тем же мастером ко второй половине XII в.[18]

Цикл Двенадцати праздников (Додекаортон) возникает в иконных программах византийских храмов в XI–XII вв., преимущественно на эпистилиях и в полиптихах. Второй половиной XII в. датируется хранящаяся ныне в монастыре Св. Екатерины на Синае трехчастная икона «Благовещение, Воскрешение Лазаря, Преображение», являющаяся в свою очередь частью тетраптиха с изображением

---

[15] Glory of Byzantium: art and culture of the Middle Byzantine era. A. D. 843–1261 / Metropolitan Museum of Art; ed. by H. C. Evans and W. D. Wixom. New York, 2006. Cat. 77. P. 130–131; Byzantium. 330–1453 / Royal Academy of Arts; ed. by R. Cormack and M. Vassilaki. London, 2008. Cat. 226. P. 257 (ill.), 437.

[16] *Andreopoulos A.* Metamorphosis: the Transfiguration in Byzantine theology and iconography. P. 155–156.

[17] *Acheimastou-Potamianou M.* Icons of the Byzantine Museum of Athens. Athens, 1998. Cat. 2. P. 18–19.

[18] *Βοκοτόπουλος Π. Λ.* Ελληνική Τέχνη· Βυζαντινές Εικόνες. Αθήνα, 1995. Σ. 199, εικ. 31; *Tsigaridas E.* L'art au Mont Athos à l'époque byzantine à la lumière de nouvelles trouvailles. Le rôle de Constantinople et de Thessalonique // XXe congrès international des etudes byzantines. Collège de France-Sorbonne, 19–25 août 2001 [Texte imprimé]: Pré-actes. P. 125. Такую же датировку в свое время предлагала и А. В. Банк (Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки / Авт.-сост. А. В. Банк и М. А. Бессонова. Т. 2. М., 1977. С. 29. № 472). Иногда икону датируют в более широких хронологических пределах всего XII в. или относят к его первой половине (см.: *Этингоф О. Е.* Византийские иконы VI–первой половины XIII века в России. М., 2005. С. 371–374, 584–587).

Ил. 82. Преображение. Деталь темплона из монастыря Ватопед на горе Афон. Дерево, темпера. Вторая половина XII в. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия)

двунадесятых праздников.[19] К этому же времени относится еще один образ Преображения из монастыря Св. Екатерины, занимающий центральную часть эпистилия рядом с Деисусом и составляющий традиционную пару композиции «Воскрешение Лазаря».[20]

Подчеркнуто вытянутые по горизонтали иконы, украшавшие верхние части алтарных преград, занимают особое место среди памятников византийской станковой живописи эпохи Комнинов. Эти алтарные преграды, называемые греками темплонами (τέμπλου), состояли из мраморных балюстрад, столбиков или колонок и архитравов — эпистилиев (ἐπιστύλιον), на которых обычно высекались полуфигуры святых. Чаще всего эти полуфигуры составляли Деисус. Расположенные на самом видном месте в церкви, они привлекали к себе общее внимание молящихся. В более бедных храмах алтарные преграды делались из дерева, и тогда то, что высекалось на мраморном архитраве, писалось красками на деревянном. Возможен был и другой вариант, когда деревянные иконы ставились на архитрав мраморной алтарной преграды. В подобных иконах, датируемых XI–XII вв., Деисус и евангельские сцены из праздничного цикла еще составляют один общий ряд; позднее, с превращением темплона в иконостас, Деисус и праздники отделяются друг от друга и размещаются в двух различных ярусах.[21]

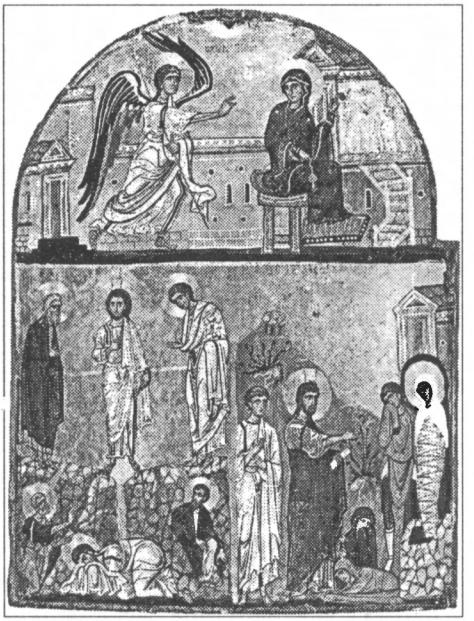
---

[19] *Βοκοτόπουλος Π. Λ.* Ελληνική Τέχνη: Βυζαντινές Εικόνες. Σ. 200, εικ. 41.

[20] См.: *Weitzmann K.* A Metamorphosis Icon or Miniature on Mt. Sinai // *Weitzmann K.* Byzantine liturgical psalters and Gospels. London, 1980.

[21] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. II. М., 1986. С. 98–99; *Попова О. С.* Византийские иконы VI–XV веков // История иконописи. Истоки. Традиции. Современность. VI–XX века / Сост. Л. М. Евсеева. М., 2002. С. 62–63.

Из пинакотеки Синайского монастыря Св. Екатерины происходят фрагменты расписных эпистилиев, впервые опубликованных Г. и М. Сотириу. Длина этих эпистилиев достигала нескольких метров, а высота составляла лишь ок. 40 см. На одном из фрагментов написаны Вход в Иерусалим, Распятие и Сошествие во ад, на другом — Вознесение, Сошествие Св. Духа и Успение, на третьем — Деисус в рост в центре и Крещение, Преображение, Воскрешение Лазаря и Вход в Иерусалим по сторонам, на четвертом — Рождество Богоматери, Введение во храм, Благовещение, Рождество Христово и Сретение.[22]



Ил. 83. Благовещение, Преображение, Воскрешение Лазаря. Трехчастная икона. Дерево, левкас, темпера. Вторая половина XII в. Часть тетраптиха с изображением Двенадцати праздников. Монастырь Св. Екатерины (Синай, Египет)

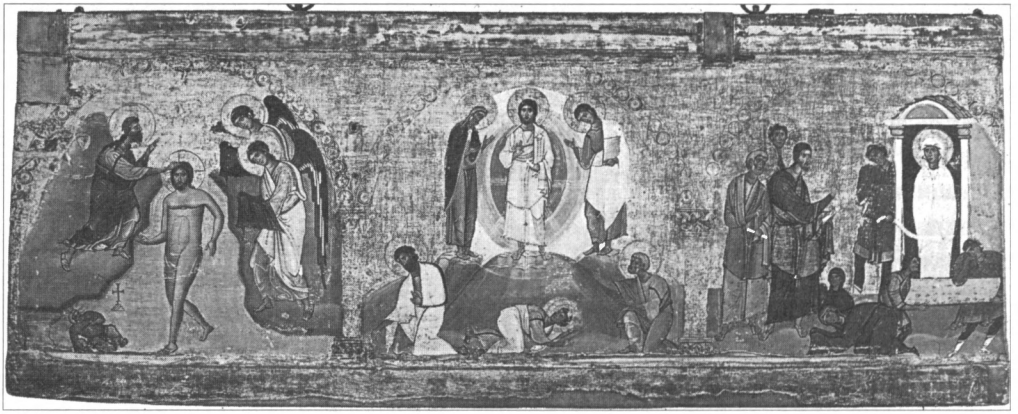
Особый интерес в связи с нашим исследованием представляет фрагмент эпистилия темплона со сценами Крещения, Преображения и Воскрешения Лазаря. Фигуры апостолов в сцене Крещения на этом темплоне представлены так же, как и на новгородской печати Евфросинии. Петр стоит на коленях, отвернувшись от Фаворского света, его голова и корпус развернуты влево от зрителя. Иоанн стоит на коленях, припав к земле руками и всем телом, его голова и корпус повернуты вправо, в сторону от света. Иаков стоит на коленях, его голова и тело повернуты влево. Фигура Иакова на печати Евфросинии из-за ограниченности площади рисунка изображена не полностью и скорее лишь намечена условными контурами, что затрудняет сравнение изображений во всех деталях.

Икона Преображение синайского темплона, обнаруживающая наибольшее сходство с изображением на новгородской печати, по мнению большинства специалистов, является произведением высокого художественного уровня и скорее всего была выполнена константинопольским, возможно, даже придворным мастером. Г. и М. Сотириу, К. Вейтцманн и В. Н. Лазарев датируют Преображение и другие части темплона поздним XII в.[23]

---

[22] *Sotiriou G.* et *M.* Icônes du Mont Sinaï. Vol. I (Planches). Athènes, 1956. Fig. 87–102, 125; Vol. II (Texte). Athènes, 1958. P. 102–109.

[23] *Sotiriou G.* et *M.* Icônes du Mont Sinaï. Vol. I. Fig. 95–98; Vol. II. P. 105–106; *Weitzmann K.* Mount Sinai's Holy Treasures // National Geographic Magazine. 1964. T. 125. January. P. 118; *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. II. С. 99. Табл. 335–337; Holy image, hallowed ground: icons from Sinai. Catalog of the Exhibition at J. Paul Getty Museum from November 14, 2006, to March 4, 2007 / Ed. by R. S. Nelson, K. M. Collins, Th. F. Mathews. Los Angeles, 2006. P. 163, 170–173. Cat. 20.



Ил. 84. Крещение Иисуса, Преображение, Воскрешение Лазаря. Эпистилий темплона. Вторая половина XII в. Дерево, темпера. Пинакотека монастыря Св. Екатерины (Синай, Египет)

* * *

Отказ от атрибуции Евфросинии Полоцкой найденной в Новгороде печати со сценой Преображения ставит перед нами новую задачу — отыскания возможной владелицы печати среди других русских княгинь с именем Евфросиния, живших примерно на полстолетия позднее полоцкой преподобной, имевших связи с византийским двором и поддерживавших культ Преображения.

Все названные признаки указывают только на одну возможную обладательницу печати. Едва ли мы ошибемся, если сочтем таковой Евфросинию Галицкую, «великую княгиню Романовую», дочь византийского императора Исаака II и жену галицко-волынского князя Романа Мстиславича.

Такая атрибуция легко объясняет отмеченные выше уникальные для Древней Руси сфрагистические, а также иконографические особенности новгородской печати.

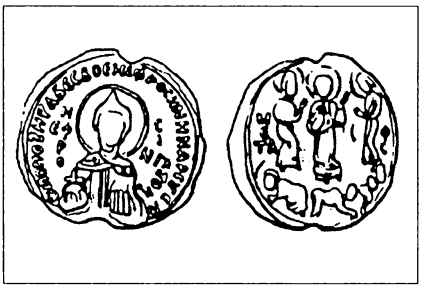
Праздник Преображения в его новом эстетическом осмыслении, получившем распространение в период правления Ангелов в среде близких к византийскому двору писателей и художников и достигшем своего полного воплощения в произведениях искусства уже палеологовской эпохи, получил развитие и в Галицко-Волынской Руси, где его можно связывать как раз с деятельностью княгини Евфросинии.

Как уже отмечалось, действовавший еще в XV в. храм «Святого Спаса от Столпа», устроенный в Столпьевской башне близ Холма,[24] которую с большой вероятностью можно связывать с монастырем-резиденцией галицко-волынской княгини Евфросинии, вдовы Романа Мстиславича, был посвящен Преображению Господню.[25] Единый комплекс со Столпьевской башней, по-видимому, образует

[24] Подробнее см. в главе 23 настоящей работы.

[25] См.: *Диба Ю.* Українські храми-ротонди X–першої половини XIV століть. Львів, 2005. С. 6–7. См. также: *Dyba J.* Kaplica na wieży w Stołpiu i jej wołyńskie analogie // Do piękna nadprzyrodzonego. Sesja naukowa na temat rozwoju sztuki sakralnej od X do XX wieku na terenie dawnych diecesji chełmskich Kościoła rzymskokatolickiego, prawosławnego i grecko-katolickiego. T. I. Chełm, 2003.

небольшая каменная Спасо-Преображенская церковь, расположенная неподалеку, в соседнем селе Спас (ныне Подгуже).[26] Сооруженная, по новейшим данным, в середине XIII в., церковь неоднократно перестраивалась (последний раз в 1920-х гг.) и ныне является католическим костелом. Очевидно, храм в селе Спас и башня в Столпье входили в состав древнего Спасо-Столпьевского монастыря.[27]



Ил. 85. Печать Янин, Гайдуков. № 121д из Новгорода с изображениями Св. Евфросинии и Преображения (прорись худ. Т. В. Родыгиной)

Этот монастырь, согласно местному преданию, записанному холмским униатским епископом Яковом Сушей (1610–1687, епископ в 1652–1685), был основан будто бы еще Владимиром Святославичем в конце X в., пожертвовавшим монастырю икону Спасителя.[28] В актовых книгах Холмского гродского суда середины — второй половины XVI в., хранящихся ныне в Государственном архиве города Люблина (Польша), имеется обширный комплекс свидетельств об имуществе, хозяйственной деятельности и служителях Столпьевского монастыря (monaster Stolpensis, Spaski monasterii Stolpenski), здесь также упоминается православный храм в селе Столпье, уничижительно именуемый польскими католиками «синагогой».[29]

После Брестской церковной унии 1596 г. Спасо-Столпьевский монастырь стал приходить в упадок, и в 1639 г. его земли и имущество холмским униатским епископом Мефодием Терлецким (1627–1649) были отданы униатскому монашескому ордену василиан (основанному в 1617 г. ордену Святой Троицы, впоследствии называемому орденом василиан Святого Иосафата).[30] В период Освободительной войны под предводительством Богдана Хмельницкого Столпьевская обитель на некоторое время перешла в управление православных — киевского митрополита Сильвестра Коссова (1647–1657) и холмского епископа Дионисия Балабана (киевский митрополит в 1657–1663). В это же время в монастыре находилась и главная

---

[26] См.: *Хрусцевич Г. Н.* Белавинская и Столпьевская башни под Холмом // Памятники русской старины в западных губерниях империи / Сост. П. Н. Батюшков. Вып. 7. СПб., 1885. С. 50; *Раппопорт П. А.* Волынские башни // МИА. М., 1952. № 31. С. 219–220; *Rudnik S.* Wyniki badań archeologicznych kościoła w Podgórzu, gmina Chełm // Najważniejsze odkrycia archeologiczno-architektoniczne Chełma i okolic. Materiały z sesji naukowej, odbytej w Chełmie 1.XII.1995 r. Chełm, 1997; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV вв. Каталог памятников. СПб., 2000. № IV.19. С. 141–142.

[27] См.: *Александрович В.* Архітектурний ансамбль середини XIII століття у Спасі-Стовпі в околицях Холма // Confraternitas: Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича. Львів, 2006–2007.

[28] *Батюшков П. Н.* Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья. СПб., 1887. С. 39–40.

[29] Подробнее см.: *Gil A.* Prawosławna eparchia chełmska do 1596 roku. Lublin; Chełm, 1999.

[30] *Гербачевский Ф.* Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Седлецкой губерний). Варшава, 1892. С. 26, примеч. 1.

Ил. 86. Православный кафедральный собор Преображения Господня. 1607–1633 гг., перестроен во второй половине XIX в. (г. Люблин, Польша)

христианская святыня Юго-Западной Руси — чудотворная икона Холмской Божией Матери.[31]

В соседнем с Холмом городе Люблине, ставшем новым политическим центром округи, а с 1474 г. столицей Люблинского воеводства, к которому отошел и пришедший в упадок Холм, известна древняя Спасо-Преображенская церковь, первое упоминание о которой относится к 1447 г.: в этом году обветшавший от времени храм был обновлен киевской княжной Марией Ивановной. Впервые же церковь в честь Преображения появилась здесь, по-видимому, еще во второй половине XIII в.[32]

Преображенская церковь в течение нескольких веков была главным оплотом православия в Люблине. При церкви возникло православное братство, утвержденное антиохийским патриархом Иоакимом в 1586 г., права которого впоследствии были подтверждены константинопольским патриархом Иеремией и киевским митрополитом Михаилом Рагозой. При церкви действовали монастырь, школа и богадельня, членами Преображенского братства были многие видные представители православной знати. В XVII в. Преображенской церкви в Люблине оказывали покровительство киевский митрополит Петр Могила, гетман Богдан Хмельницкий и царь Алексей Михайлович.[33]

* * *

Еще один Спасский монастырь располагался в селе Спас, в 5 км от города Старый Самбор (Львовская область). Монастырь существовал несколько столетий и был упразднен австрийскими властями в конце XVIII в.[34] В 1816 г. был

---

[31] Сведения по истории Спасского монастыря в Столпье в XV–XVII вв. см.: *Площанский В. М.* Прошлое Холмской Руси по архивным документам XV–XVIII вв. и другим источникам. Вып. 1. Вильна, 1899. С. 57–59.

[32] *Купріянович Г., Ращенко М.* Православна церква Преображення Господнього в Любліні. Люблін, 1993. С. 11.

[33] *Лонгинов А. В.* Памятник древнего православия в Люблине. Православный храм и существующее при нем братство. Варшава, 1883. С. 17–18; *Батюшков П. Н.* Холмская Русь. Приложения. № 32. С. 42–43; *Гербачевский Ф.* Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси. С. 44–47.

[34] Подробнее см.: *Рожко М.* Преображенський монастир в с. Спас на Старосамбірщині // Старосамбірщина. Альманах. Т. І. Старий Самбір, 2001.

разобран главный храм монастыря — Спасо-Преображенский собор, начало строительства которого, согласно одной из грамот князя Льва Даниловича, относится к 1292 г.[35] Эту дату подтверждала и надпись на камне, находившемся над боковым входом в храм, высеченная при возобновлении его росписи в XVI в.[36]

Перемышльский епископ Онуфрий Шумлянский (1746–1762) в реляции от 23 января 1761 г. о состоянии своей епархии сообщает, что князь Лев Данилович не только возвел новую каменную Спасскую церковь на месте старой деревянной, но и, заручившись поддержкой галицкого митрополита и перемышльского епископа, преобразовал ее в главный кафедральный храм Самборской епархии, а новопоставленному самборскому епископу Евфимию пожаловал два села — Созань и Страшевичи.[37]

Со Спасским монастырем под Самбором связано существование особой Самборской епархии, отделившейся от Перемышльской, вероятно, в середине XIII в. Известны имена по меньшей мере трех самборских епископов середины — второй половины XIII в., местом пребывания которых был Спасский монастырь. Затем, в XIV в., особая Самборская епархия была упразднена, а ее храмы и монастыри присоединены к Перемышльской, отчего перемышльские владыки получили двойной титул — епископов Перемышльских и Самборских.[38]

В XVI–XVII вв. Спасский монастырь служил зимней резиденцией перемышльских владык. В XVII в. он также стал ареной борьбы между православными и униатскими епископами. В ходе ожесточенных столкновений между ними погибла большая часть документов и других памятников, относившихся к истории монастыря.[39] Тем не менее сохранилось достаточно доказательств того, что на протяжении XIII–XVIII вв. Спасо-Самборский монастырь оставался крупнейшим культурным центром западноукраинских земель: здесь сложились своя иконописная школа и скрипторий.[40]

---

[35] *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 520–533. № 10. Здесь же анализ содержания и подлинности документа.

[36] *Малевская М. В., Иоаннисян О. М., Могитич И. Р., Бучко Р. В.* Исследование памятников архитектуры в Львове и Львовской области // АО. 1977 г. М., 1978. С. 353; *Малевская М. В.* Архитектурно-археологические исследования в Львовской области // АО. 1980 г. М., 1981. С. 277–278; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в. Каталог памятников. СПб., 2000. № III.5. С. 94–96.

[37] *Добрянский А.* Состояние Епархии русской Перемышльской перед стома литы // Галичанин: Лит. сб. Львов, 1861. С. 83–84.

[38] *Кострyба Т.* Самбірське єпископство в часах князя Льва // Літературно-науковий додаток «Нового часу». Львів, 1939. Ч. 15.

[39] *Добрянский А.* Короткая відомість історическая о єпископах русских в Перемишли // Перемишлянин. На рок 1853. Перемишль, 1853. С. 17.

[40] *Вуйцик В.* 1) Маловідома пам'ятка княжої доби // Mappa mundi. Зб. наук. праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 148–149; 2) Храм XIII ст. Спаського монастиря біла Старого Самбора // Лавра. Часопис монахів Студитського уставу. Ч. I. Львів, 1999.

Во второй половине XVI в. монастырь стал одним из центров религиозной полемики и реформационного движения феодосиан-антитринитариев, имевшего значение для всей православной церкви. Ок. 1567 г. сюда прибыл из Витебска дьякон Козьма (Андрей) Колодынский, примкнувший к последователям Феодосия Косого. Для подкрепления своей проповеди фактами из древней истории дьякон Козьма сочинил так называемое «Письмо половца Ивана Смеры к великому князю Владимиру Святому», написанное будто бы в 990 г. в Александрии, где «половец, врач, ученый, достойный человек» Смера оказался по воле киевского князя Владимира Святославича для «ознакомления с христианскою церковью в Греции». Письмо, найденное будто бы на двенадцати медных досках, хранившихся в Спасо-Самборском монастыре, содержало критику греческой веры в духе антитринитариев и предостережение князю Владимиру не принимать ее. Мастерски выполненная подделка имела в свое время шумный успех и стала важнейшим аргументом в проповеди антитринитариев не только в православной, но и в католической среде.[41]

Со Спасо-Столпьевским монастырем Спасский монастырь под Старым Самбором сближает наличие недалеко от монастырской церкви отдельно стоящей каменной башни, следы которой были открыты во время археологических раскопок 1978 г. Стены квадратной в плане башни, сложенные из колотого местного камня-плитняка, сохранились на высоту до 1 м; общая высота башни, по мнению М. Ф. Рожко, могла достигать 18 м. По своим архитектурным особенностям новооткрытая башня относится к типу «столпов», распространенных на западноволынских землях и является единственным известным ныне памятником такого рода на территории Галичины.[42]

Оба Спасских монастыря Галицко-Волынской Руси — под Самбором и в Столпье — были основаны примерно в одно и то же время, в первой половине XIII в., и в равной мере пользовались особым вниманием и покровительством галицко-волынских князей — прямых потомков Романа Мстиславича и его второй жены Евфросинии. Особое покровительство Спасскому монастырю под Самбором оказывал перемышльский, холмский и галицкий князь Лев Данилович (1264 — ок. 1301),

---

[41] См.: *Малышевский И.* Подложное письмо половца Ивана Смеры к великому князю Владимиру Святому. Киев, 1876; *Генсиоровский А. И.* Поиски Ангеловича за подлинником письма Смеры // Науч.-лит. сб. Галицко-Русской матицы. Т. VIII. Львов, 1934; *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV–первой половине XVI в. М., 1960. С. 273; *Дмитриев М. В.* 1) Православие и реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990. С. 20 и сл.; 2) «Византийская» тема в восточнославянской реформационной мысли второй половины XVI в. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир: Сб. К XVIII Междунар. конгрессу византинистов / Редкол.: Г. Г. Литаврин и др. М., 1991.

[42] *Малевская М. В., Кос А. И., Рожко М. Ф., Шолохова Е. В.* Архитектурно-археологические исследования во Львове и Львовской области // АО. 1978 г. М., 1979. С. 360; *Рожко М. Ф.* 1) Карпатські шляхи та їх охорона // УІЖ. 1990. № 10. С. 92–93; 2) Оборонно-житлові вежі в системі укріплень Галицько-Волинського князівства // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі / Відп. ред. П. П. Толочко. Чернігів, 1997. С. 153; 3) Преображенський монастир в с. Спас на Старосамбірщині. С. 11–12; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в. № III.6. С. 96–98.

построивший в нем каменные храм и башню-«столп». Церковный историк и писатель второй половины XVIII в., монах-василианин Игнатий Стебельский (? — ок. 1805) приводит предание, согласно которому после смерти своей жены Констанции Лев Данилович принял монашеский постриг и удалился в Спасо-Самборский монастырь, где провел последние годы жизни.[43] По другой версии, князь-инок скончался и был похоронен в основанном им же неподалеку Свято-Онуфриевском монастыре (село Лавров Старосамборского района Львовской области).[44]

Приведенными здесь примерами список Преображенских монастырей, появившихся на территории Галицкой и Волынской земель в XIII в., не исчерпывается. Можно говорить о какой-то целенаправленной деятельности галицко-волынских князей по возведению таких монастырей в различных частях подвластной им территории.[45]

Еще один древний Преображенский монастырь существовал на северо-восточной границе Галицкой земли, в окрестностях современного поселка Подкамень Бродовского района Львовской области. Селение Подкамень и расположенная рядом с ним обитель известны по достоверным письменным источникам с середины XV в., когда были построены каменный замок и католический костел ордена доминиканцев. Однако есть сведения, позволяющие заключить, что монастырь существовал здесь уже в середине XIII в. Во время нападения татар в 1519 г. городок и монастырь были сожжены. Возрождению монастыря способствовали монахи-доминиканцы, обосновавшиеся здесь в начале XVII в. На протяжении XVII–XVIII вв. сформировался сохранившийся до наших дней монастырский ансамбль. В годы Первой и Второй мировых войн здания монастыря значительно пострадали. В советское время обитель была закрыта, и на ее территории разместилась психиатрическая лечебница. В 1990-е гг. часть монастырских зданий была возвращена церкви. Ныне в них действует монастырь Происхождения Древа Креста Господня Студитского устава Украинской Греко-Католической церкви.[46]

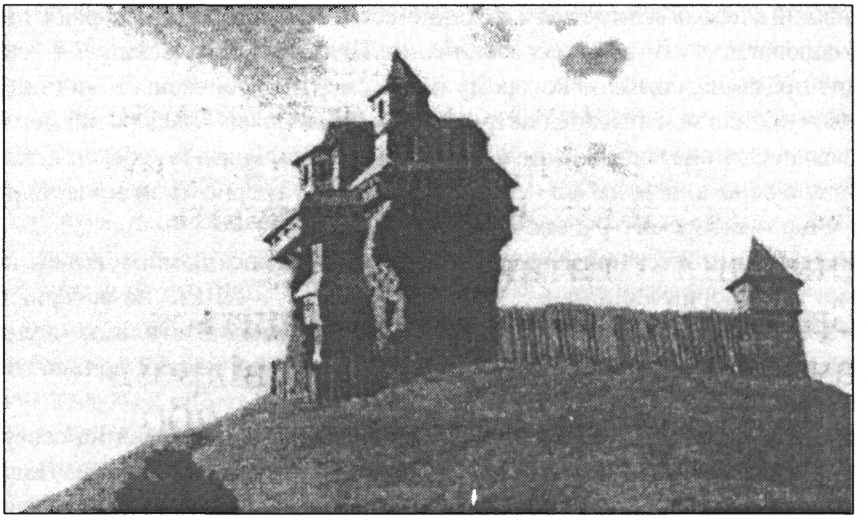
Монастырь располагается на значительном возвышении — примерно на 200 м выше центра современного поселка. Его территорию защищают высокие каменные стены (высотой до 4 м и до 2 м толщиной) и мощные угловые круглые башни. Сохранился главный монастырский храм — Вознесенский костел, строившийся в 1612–1695 гг. В 1708 г. к его основному объему была пристроена башня, для

[43] *Stebelski I.* Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim z cieniów zakonnych powstające czyli żywoty śś. panien i matek Ewfrozyny i Parascewii zakonnic i hegumenij... Wyd. 2. T. III. Lwów, 1867. S. 28–38, 44.

[44] *Січинський В.* Архітектура Лаврова. Львів, 1936. С. 1–2; *Мицько І.* 1) Про початки Свято-онуфріївського монастиря // Лавра. Часопис монахів Студитського уставу. Ч. 6. Львів, 1999; 2) Де ж могила князя Лева? // Старосамбірщина. Альманах. Т. 2. Старий Самбір, 2002; *Роман, єромонах.* Могила князя Лева і Лаврський некрополь // Лавра. Ч. 4. 1999. О сохранившейся до нашего времени Онуфриевской церкви, украшенной средневековой фресковой росписью, см.: *Могытыч И. Р.* Архитектура Галицкой и Волынской земель XII–XIV вв. в свете новых открытий // Архитектурное наследство. Вып. 37. М., 1990. С. 218–221.

[45] См.: *Рожко М.* Про деякі оборонні Преображенські монастирі XIII ст. в Галичині // Лавра. Часопис монахів Студитського уставу. Ч. І. Львів, 1999.

[46] *Гудима П.* Підкамінь. Портрет на фоні століть. Тернопіль, 2004.



Ил. 87. Древний Спасо-Преображенский монастырь. Близ поселка Подкамень Бродовского района Львовской области (реконструкция М. Ф. Рожко)

которой через пять лет мастер А. Загайский изготовил часы. Фасады храма богато украшены скульптурными и архитектурными деталями. Богатое декоративное оформление интерьера, в настоящее время представленное только фресковыми росписями, сложилось на протяжении XVIII–XIX вв. В комплекс монастыря, занимающего площадь ок. 10 га, входят также часовня Параскевы Пятницы, колокольня, различные жилые и административно-хозяйственные постройки, хранящие черты различных архитектурных стилей и следы неоднократных перестроек.[47]

С северной стороны к территории монастыря примыкает значительных размеров скала, именуемая Камень. На ее вершине оборудована искусно выровненная и дополнительно укрепленная с помощью специальных деревянных конструкций площадка. Здесь обнаружены остатки древнего храма и несколько захоронений, вырезанных в горной породе. Благодаря своим крутым, почти отвесным склонам скала Камень образовывала своего рода природный «столп» — некое подобие грандиозной каменной башни, увенчанной храмом, к которому вел специально оборудованный подъем.[48]

Местные предания сохранили память о древнем православном монастыре, существовавшем под Камнем задолго до основания католического доминиканского монастыря и замка Подкамень, ставшего впоследствии городом.[49] Есть

[47] Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР: В 4 т. / Гл. ред. Н. Л. Жариков. Т. 3. Киев, 1985. С. 109–111.

[48] *Рожко М.* Про деякі оборонні Преображенські монастирі… С. 44–49; *Берест Р.* Розвідкові археологічні дослідження в околицях монастиря смт. Підкамінь на Бродівшині // Фортеця: Збірник заповідника «Тустань» на пошану Михайла Рожка. Львів, 2009.

[49] *Мицько І.* Монастирі Підкаменя // Лавра. Ч. 1. 1999; *Галасливий С.* Монастирі Підкаменя // Там само; *Рожко В.* Підкамінь — забута святиня історичної Волині // Українська думка / Ukrainian Review. [Лондон], 2003. № 2.

также сведения о том, что этот древний монастырь, основанный во времена княжения Даниила Галицкого, был изначально посвящен Преображению Христа.[50]

Древний Преображенский монастырь существовал также во Владимире-Волынском. Он располагался примерно в ста метрах к северо-западу от главного храма Владимира — кафедрального Успенского собора. Первое упоминание о монастыре относится к 1508 г.; сохранилось еще несколько свидетельств о нем в источниках XVI–XVII вв. Из этих известий явствует, что Преображенская обитель была одной из главных в городе, обладала значительными доходами и недвижимым имуществом. Об особом статусе монастыря может свидетельствовать и тот факт, что он находился в непосредственном ведении польских королей. Последние несколько раз передавали монастырь и его земли во владение своих служилых людей — сначала князей Сангушков, а затем дворян Оранских. В 1597 г. монастырь был обращен в унию, после чего пришел в упадок. До второй половины XVIII в. во Владимире-Волынском еще оставалась Спасская церковь, стоявшая на месте бывшего монастыря.[51]

К сожалению, археологических следов существования Преображенского монастыря во Владимире-Волынском не выявлено. Место, где он располагался, находится ныне под плотной городской застройкой позднейшего времени. До 1930-х гг. еще сохранялись остатки древнего монастырского кладбища, ныне полностью застроенного. Время основания монастыря определить не удается.[52]

К 1429 г. относится дошедшее до нас описание монастыря Св. Спаса в Красном (или на Чернчицах) под Луцком, составленное луцким епископом Алексеем;[53] монастырь упоминается также в документах XVI–XVII вв.[54] Поиски его следов ведутся с конца XIX в. Наиболее вероятным местом расположения Спасского Красносельского монастыря ныне считается островное городище в бывшем с. Чернчицы. На месте, где до 1983 г. стояла деревянная церковь второй половины XVIII в., найдены остатки брускового кирпича XIII–XIV вв.[55]

---

[50] Как сообщил мне Л. В. Войтович, об этом древнем Преображенском монастыре имеются сведения в каталоге И. П. Крипякевича, хранящемся ныне в Институте украиноведения им. И. П. Крипякевича НАН Украины во Львове; более подробные материалы о монастыре собраны Антонием Шнайдером († 1880) и представлены в так называемых «Теках Шнайдера» — богатейшем собрании разнородных материалов для задуманной им «Энциклопедии краеведения Галичины», ныне хранящемся в Государственном архиве Кракова (Отдел на Вавеле). О коллекции документов Шнайдера, насчитывающей свыше 95 тыс. карточек, см.: *Puchała L.* Kiedyś niepotrzebne szpargały, — dziś ważne źrodła historyczne: O znaczeniu kolekcji „Tek Schneidra" dla badań nad dziedzictwem kulturowym Galicji // Записки Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника. Вип. 1 (16). Львів, 2008.

[51] *Теодорович Н. И.* Город Владимир Волынской губернии в связи с историей волынской иерархии. Исторический очерк. Почаев, 1893. С. 158–161.

[52] *Кучинко М. М.* Володимир середньовічний. Історико-археологічні нариси. Луцьк, 2006. С. 109–110.

[53] АЗР. Т. I. СПб., 1846. С. 45–47.

[54] *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования об упраздненных монастырях в Российской империи. Т. III: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897. С. 209–210.

[55] *Терський С. В.* Лучеськ X–XV ст. Львів, 2006. С. 101.

Ил. 88. Преображение Христа. Икона из церкви Рождества Богородицы с. Бусовыско Старосамборского района Львовской области. Конец XIII–начало XIV вв. Львовский национальный музей (Львов, Украина)

* * *

Очевидно, из Старосамборского Спасского монастыря происходит одна из наиболее ранних среди сохранившихся до нашего времени древнерусских икон, посвященных Преображению Господню на горе Фавор. Это — датируемая началом XIV в. (а иногда даже концом XIII в.) икона «Преображение Христа» из церкви Рождества Богородицы села Бусовыско Старосамборского района Львовской области, ныне хранящаяся в собрании Львовского национального музея.[56]

После упразднения монастыря австрийским правительством перемышльский епископ распорядился распределить имущество монастыря — иконы, литургические сосуды и др. — по храмам окрестных сел. Так главная храмовая икона Спасо-Преображенского монастыря «Преображение Христа» оказалась в церкви одного из ближайших сел, некогда принадлежавших монастырю.[57]

По своим художественным особенностям эта икона заметно выделяется среди произведений искусства Галицко-Волынской Руси. Для стилистики ее письма характерна уникальная в своем роде трактовка широкими охристо-зелеными мазками трех вершин горы Фавор и богатый цветной ковер растительности у ее подножия. Отмеченные особенности иконы, по мнению В. С. Александровича, находят соответствия в кругу памятников византийского искусства из коллекции монастыря Св. Екатерины на Синае, в частности с одной из хранящихся здесь икон «Преображение» начала XIII в.[58]

Датировка иконы затруднена ввиду некоторых стилистических различий в написании ее верхней и нижней частей, что приводит исследователей к выводу о возможном перерыве в написании отдельных композиций иконы, созданных разными мастерами, работавшими друг после друга.[59] Как отмечает патриарх Димитрий (Ярема), видный исследователь западноукраинской иконописи,

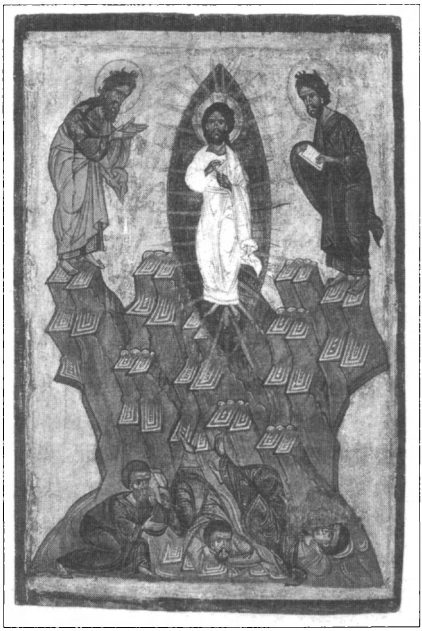
[56] *Логвин Г., Міляєва Л., Свєнціцька В.* Український середньовічний живопис. Київ, 1976. Табл. XX; *Овсійчук В. А.* Українське мистецтво XIV–першої половини XVII століття. Київ, 1985. С. 48; *Вуйцик В.* Маловідома пам'ятка княжої доби. С. 148.

[57] *Никорович Ю.* Схиматизм всего клира русско-католического Перемишльской епархіи <...> на год 1879. Перемишль, 1879. С. 351; *Димитрій (Ярема), патріарх.* Іконопис Західної України XII–XV ст. Львів, 2005. С. 42.

[58] *Александрович В.* Мистецтво Галицько-Волинської держави. Львів, 1999. С. 31–32.

[59] *Димитрій (Ярема), патріарх.* Іконопис Західної України... С. 46.

характер написания мандорлы Христа и ее лучей сближают икону из с. Бусовыско с миниатюрой греческого Евангелия из Парижской национальной библиотеки, изображающей сцену Преображения и датируемой концом XIII в.; остроконечные скалы Фаворской горы находят параллель с фресковым изображением Лестницы Иакова и борьбы его с ангелом в церкви Св. Климента в Охриде, датируемым 1295 г.; фигура пророка Моисея напоминает образ апостола Иоанна на византийской иконе «Снятие Спасителя с Креста» (XIII в.) из собрания А. Стокле в Брюсселе. На основании отмеченных параллелей патриарх Димитрий датирует икону из с. Бусовыско последней четвертью XIII–началом XIV в. и считает ее возможным заказчиком князя Льва Даниловича.[60]



Ил. 89. Преображение. Икона из церкви Св. Георгия с. Вильшаницы Львовского района Львовской области Конец XIV в. Львовский национальный музей (Львов, Украина)

Заметим, что икона «Преображение Христа» из с. Бусовыско — не единственная среди древних преображенских икон Галицкой земли. Более подвержена влиянию эстетики исихазма другая икона «Преображение», происходящая из церкви Св. Георгия в с. Вильшаницы под Львовом и датируемая концом XIV в.[61] Эту икону, также хранящуюся ныне в Львовском национальном музее, по праву относят к наиболее выдающимся произведениям перемышльской иконописной школы конца XIV–начала XV вв.[62]

Началом XV в. датируется икона «Преображение Господне» из с. Жогатин (в западной части бывшего Добромильского повета Львовского воеводства; ныне — гмина Бирча Перемышльского повета Подкарпатского воеводства Польши). Ее размеры (110 × 79 см) указывают, что это была храмовая икона. Но поскольку в Жогатине и его окрестностях храмов в честь Преображения не было, остается предпожить, что эта икона происходила из Преображенского монастыря в с. Монастырце возли Лиско, закрытого австрийскими властями в 1784 г.[63]

---

[60] Там же. С. 47–48.

[61] *Свєнціцька В. І.* Українське станкове малярство XIV–XVI ст. і традиції візантійського мистецтва // Українське мистецтво у міжнародних зв'язках. Дожовтневий період. Київ, 1983. С. 20–21; *Свєнціцька В. І., Сидор О. Ф.* Спадщина віків. Українське малярство XIV–XVIII століть у музейних колекціях Львова. Львів, 1990. С. 10. Рис. 11, 12.

[62] *Александрович В.* Мистецтво Галицько-Волинської держави. С. 32–33.

[63] *Димитрій (Ярема), патріарх.* Іконопис Західної України… С. 213.

Ил. 90. Преображение Господне. Икона из с. Жогатин бывшего Добромильского повета Львовского воеводства. Начало XV в. Львовский национальный музей (Львов, Украина)

Известны еще три иконы Преображения XV в., которые ввиду их значительных размеров также должны быть отнесены к числу престольных храмовых икон. Одна из них ныне находится в Национальном музее во Львове, две других — в Историческом музее г. Санок (Польша). Иконы обнаруживают некоторое стилистическое сходство между собой, а также близость к композиции фрески Преображения Троицкого костела в Люблине (1418).[64]

* * *

Возвращаясь к атрибуции найденной в Новгороде печати Евфросинии со сценой Преображения, отметим еще одно несомненное преимущество галицко-волынской княгини Евфросинии в качестве ее возможной владелицы перед Евфросинией Полоцкой.

В отличие от полоцкой преподобной, Евфросиния Галицкая имела все основания для непосредственных контактов с Новгородом и правившими там князьями. Ее муж, Роман Мстиславич, сам был новгородским князем, оставив по себе добрую память в Новгороде, благодаря громкой победе над суздальцами, одержанной новгородцами в его правление.[65] Судя по сообщению Галицко-Волынской летописи, в XIII в. во Владимире-Волынском среди нескольких колоний иностранцев — немцев, генуэзцев, евреев — существовало особое поселение (улица или квартал) новгородцев.[66]

Кроме того, в нашем распоряжении есть сведения о прямых контактах Евфросинии с новгородским князем Мстиславом Мстиславичем Удалым (Удатным), ставшим со временем галицким князем. Очевидно, не без стараний княгини Евфросинии, любыми способами добивавшейся восстановления своей власти в Галиче, Мстислав Удалой покинул Новгород и вступил в борьбу

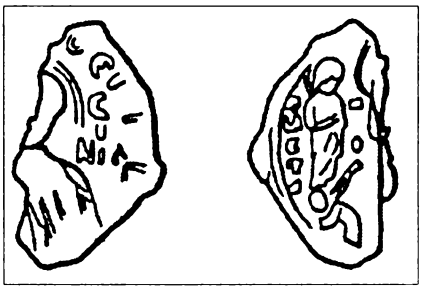
[64] Там же. С. 397–398.

[65] См. главу 6 настоящей работы.

[66] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 920. Пояснения см.: *Котляр Н. Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 358–359.

за галицкий стол.[67] Союз между ним и Романовичами был скреплен династическим браком: юный Даниил Романович женился на дочери Мстислава Анне.[68]

Этим событиям, разумеется, должна была предшествовать дипломатическая переписка, которую галицко-волынская княгиня вела с Мстиславом Удалым, когда тот еще княжил в Новгороде, информируя его о положении в Галиче и призывая помочь освободить Галичину от власти венгров.



Ил. 91. Печать Янин, Гайдуков. № 121е из Новгорода с изображениями св. Евфросинии и Преображения (прорись худ. Т. В. Родыгиной)

Следы переписки Евфросинии с Мстиславом нашли отражение в сфрагистике. Помимо найденной в 1968 г. на Городище печати Евфросинии, из Новгорода происходят еще две древнерусские свинцовые печати, владелицей которых также была княгиня Евфросиния. Одна из них была найдена в 1977 г., а другая — куплена в 1995 г.[69] Как и печать 1968 г., новые печати происходят с территории Городища — резиденции новгородских князей, и, следовательно, эти буллы скрепляли послания, предназначавшиеся новгородскому князю.

К сожалению, обе вновь найденные печати, принадлежавшие княгине Евфросинии, сохранились лишь в виде обломков. Наибольший интерес представляет печать, купленная в 1995 г. (Янин, Гайдуков. № 121е), чрезвычайно похожая на буллу, найденную в 1968 г., но оттиснутая другими матрицами. На ее лицевой стороне сохранился фрагмент изображения св. Евфросинии, справа от которого — надпись, содержащая вторую часть ее имени: *-CINIA*; на оборотной стороне печати видна левая половина сцены Преображения и начальная часть надписи «метаморфосис»: *META-*.

Печать, найденная в 1977 г. (Янин, Гайдуков. № 121ж), содержит фрагмент поясного изображения Христа (оборотная сторона). Впрочем, с атрибуцией этой печати не все ясно. В одном месте своего Свода В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков указывают, что печать № 121ж «содержит поясное изображение Христа», и такое изображение позволяет авторам атрибутировать ее Евфросинии Полоцкой, поскольку образ Христа на личной печати «вполне соответствует известным связям Евфросинии с полоцким Спас-Преображенским монастырем».[70] Однако в другом месте авторы Свода на оборотной стороне той же самой печати

[67] О княжении Мстислава Удалого в Галиче см.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 437–479.

[68] ПСРЛ. Т. II. Стб. 732. По мнению Д. Домбровского, этот брак был заключен в 1217 г. (*Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 67–71).

[69] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. С. 127. № 121е, 121ж.

[70] Там же. С. 41. № 121ж.

Ил. 92. Печать византийской императрицы Евфросинии Дукини Каматиры Ангелины. Конец XII–начало XIII вв. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия)

усматривают «погрудное изображение святой мученицы» (без указания, какой именно).[71]

Как уже отмечалось, изображение Христа на древнерусских печатях — явление совершенно нетипичное. Однако такое изображение (в различных вариантах) чрезвычайно часто встречается на памятниках византийской сфрагистики. Образ Христа становится неотъемлемым атрибутом печатей византийских императоров XI–XIV вв.[72]

Несколько иную картину демонстрируют печати византийских императриц. На их буллах, особенно периода Никейской империи и восстановленной Византийской империи эпохи Палеологов, наряду с образами Христа часто встречаются изображения Богородицы.[73] Однако на женских императорских печатях Византии времен Комнинов и Ангелов преобладают именно изображения Христа. Одиночная фигура Христа, изображенного в рост, анфас, в хитоне и гиматии, представлена, например, на моливдовуле императрицы Евфросинии Дукини Каматиры, супруги Алексея III, хранящейся ныне в собрании Государственного Эрмитажа.[74]

Именно императрица Евфросиния, как мы видели, должна была сыграть решающую роль в судьбе племянницы своего мужа, будущей галицко-волынской княгини. По прибытии на Русь Евфросиния Галицкая, рано овдовевшая после гибели Романа Мстиславича, ввиду малолетства своих сыновей не менее чем на десятилетие приняла в собственные руки княжескую власть в Галиче и на Волыни, ведя неравную борьбу с многочисленными внутренними и внешними врагами. Активная политическая деятельность галицко-волынской княгини Евфросинии, а также ее высокое византийское происхождение и нашли, на наш взгляд, отражение в небывалых прежде на Руси памятниках сфрагистики, более соответствующих византийской имперской традиции.

Найденные в Новгороде печати Евфросинии с изображениями Христа и сцены Преображения, как нам представляется, следует атрибутировать Евфросинии Галицкой и датировать временем новгородского княжения Мстислава Удалого: первой половиной — серединой второго десятилетия XIII в.

---

[71] Там же. С. 127. № 121ж.

[72] См.: *Соколова И. В.* Печати византийских императоров.

[73] Там же.

[74] Там же. С. 91. № 176.

Глава двадцать шестая

ЕВФРОСИНИЯ ГАЛИЦКАЯ И АННА ДАЛАССИНА: ОБРАЗЫ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ-МОНАХИНИ В СФРАГИСТИКЕ, ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Сцена Преображения на византийских печатях. — Тема Преображения в византийском искусстве времен Анны Далассины. — Образы правительницы-монахини в Галицко-Волынской летописи и «Алексиаде» Анны Комниной. — Церковь Иоакима и Анны во Владимире-Волынском и монашеское имя «великой княгини Романовой». — Галицкая икона «Собор Иоакима и Анны»: происхождение и атрибуция. — Почитание Анны Далассины у Комнинов и Ангелов

Выше уже отмечалось, что найденные в Новгороде печати Евфросинии с изображением на обороте сцены Преображения не имеют аналогов в древнерусской сфрагистике. Подобные изображения чрезвычайно редко встречаются и на византийских печатях. Эта особенная и даже исключительная черта, как кажется, может иметь значение важного атрибутирующего признака и способствовать выяснению некоторых новых обстоятельств, устанавливающих и характеризующих личность владелицы печатей.

Можно говорить лишь о нескольких известных ныне случаях использования образа Преображения в византийской сигиллографии, что отчасти объясняется техническими трудностями, связанными с исполнением многофигурных сцен на миниатюрной пластинке-матрице, требующим высочайшего мастерства от резчика. Но дело, по-видимому, не только в этом. Среди встречающихся на византийских и древнерусских печатях многофигурных композиций, иллюстрирующих евангельские праздники, Преображение остается едва ли не самой редкой.[1]

---

[1] См.: *Шандровская В. С.* 1) Византийские печати со сценой Благовещения // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. XLVII. Л., 1982.; 2) Византийские печати со сценой Успения // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв.: Сб. ст. / Науч. ред. А. В. Банк, В. Г. Луконин. Л., 1988; *Чукова Т. А.* Древнерусские печати с изображением Благовещения // Сфрагистика и история культуры: Сб. науч. трудов, посвящ. юбилею В. С. Шандровской. СПб., 2004; Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Т. А. Чуковой. СПб., 2006. С. 41–42, 58.

Известна, к примеру, печать фаворского архиепископа Иоанна, на аверсе которой помещена сцена Преображения. В центре композиции расположена фигура Христа, по сторонам от него — пророки Моисей и Илия, обращенные к Христу; в нижнем уровне с трудом различаются очертания фигур апостолов: Петр и Иаков изображены по сторонам с поднятыми руками, в центре — павший ниц Иоанн. Поскольку об основании и истории епархии, центром которой был монастырь на горе Фавор, известно очень мало, датировка печати весьма затруднительна, условно ее относят к XII в.[2]

Трудно сказать, использовал ли подобные печати еще кто-нибудь из фаворских архиереев — греческих или латинских, появившихся здесь в XII в.

За всю историю Византии встречаются лишь два случая, когда сцена Преображения появляется на печатях, принадлежавших светским лицам. Лишь один из них подтверждается реально сохранившимися печатями. Оба случая относятся к одному и тому же времени — концу XI–началу XII вв. — и связаны с членами одной семьи.

Особого внимания заслуживает тот факт, что изображение сцены Преображения использовала на своих печатях Анна Далассина — одна из самых знаменитых правительниц Византийской империи. Анна была матерью императора Алексея I Комнина (1081–1118) и отличалась выдающимися политическими талантами и властолюбием. После воцарения сына она стала полновластной правительницей, получив особый титул «матери-императрицы».[3]

Сохранилось значительное количество печатей различного вида, принадлежавших Анне Далассине в разные периоды ее жизни, часть из которых ныне хранится в Государственном Эрмитаже.[4] После смерти в 1167 г. своего мужа, куропалата и великого доместика Иоанна Комнина, брата императора Исаака I Комнина (1057–1059), Анна приняла монашество, однако не прекратила своего участия в политических делах. Не слагая с себя монашеского сана, она после воцарения сына Алексея переселилась в императорский дворец, сосредоточив в своих руках неограниченную власть, а в отсутствие сына, по его особому распоряжению, официально исполняла обязанности правительницы империи. Этот особый в византийской практике статус монахини-императрицы отразился в титуле Анны, выбитом на ее печатях: «Господи, защити Анну Далассину, монахиню, мать императора» или «Богородица, помоги рабе Своей Анне Далассине, монахине, матери императора».[5]

Печати с подобными легендами Анна Далассина использовала специально в правительственных целях и на официальных документах, в отличие от своих печатей более раннего периода, предназначавшихся для использования в частных

---

[2] *Nesbitt J. W., Oikonomidès N., McGeer E.* Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 2005. Vol. 5: The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings. P. 39. Nr. 18.1.

[3] См.: *Garland L.* Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium. Ad 527–1204. London; New York, 1999. P. 180–198. См. также: *Диль Ш.* Византийские портреты. М., 1994. С. 207–222.

[4] *Антокольская Н. Н.* Печати Анны Далассиной в собрании Эрмитажа // ПС. Вып. 23 (86). Л., 1971.

[5] *Schlumberger G.* Sigillographie d'Empire byzantin. Paris, 1884. P. 650. Nr. 4; *Laurent V.* La Corpus des sceaux de l'empire byzantin: L'Eglise. T. V, part 3. Paris, 1972. Nr. 1461; *Cheynet J.-Cl., Vannier J.-Fr.* Études prosopographiques. Paris, 1986. P. 98; *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Berne, 1984. Vol. II. Nr. 2696.

делах.[6] На официальных документах империи Анна также использовала особую личную печать с изображением двух евангельских сцен — Преображения и Успения. Ее использование было санкционировано специальным хрисовулом императора Алексея I. Текст этого документа приводит в своих записках Анна Комнина, внучка Анны Далассины:

> Моя царственность готовится ныне с божьей помощью выступить против врагов Романии и усердно занимается сбором и организацией войска; очень заботит меня также управление ведомствами и делами граждан. И вот я нашел надежный оплот самодержавия и решил поручить управление всеми этими делами моей святочтимой и достойнейшей матери. Настоящим хрисовулом моя царственность ясно повелевает следующее: все те письменные распоряжения, которые она сделает <...> будут иметь такую же незыблемую силу, как если бы они исходили от светлой власти моей царственности и написанное имело источником мои собственные слова. Все исходящие от нее решения и приказы, письменные и устные, мотивированные и немотивированные, если они только будут иметь ее печать с изображением Преображенья и Успенья, должны расцениваться как идущие от моего владычества...[7]

В данном сообщении засвидетельствован единственный в византийской сфрагистике случай использования на одной печати изображений сразу двух евангельских сюжетов, помещенных, вероятно, на ее лицевой и оборотной сторонах. По мнению Н. Икономидиса, использование на печатях столь сложных в техническом отношении изображений сцен, как Преображение и Успение, само по себе являлось способом идентификации и удостоверения личности владельца.[8]

К сожалению, печатей Анны Далассины с изображением сцены Преображения не сохранилось. До наших дней, тем не менее, дошел один официальный документ, составленный логофетом Сергием Гексамилитом и датированный июлем 1082 г., на котором уцелела восковая печать Анны с изображением сцены Успения.[9] Известны и другие печати Анны Далассины с изображением сцены Успения Богородицы.[10] Однако состояние этих печатей сегодня не позволяет проследить сохранившиеся на них изображения в деталях.

Ко временам Анны Далассины относится еще один случай использования образа Преображения на печатях ее ближайшими потомками. Сохранилось несколько экземпляров печати со сценой Преображения на лицевой стороне и круговой надписью на обороте: «Господи, помоги рабу Своему Иоанну Комнину, дуке Диррахия, сыну севастократора».[11] Диррахий (ныне — Дуррес в Албании) был главным

---

[6] *Oikonomidès N.* The Usual Lead Seal // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1983. Vol. 37.

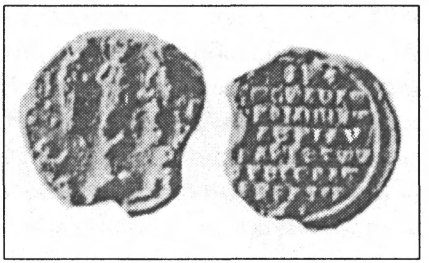
[7] *Анна Комнина.* Алексиада / Пер. с греч., ст. и коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 126–127.

[8] *Oikonomidès N.* Byzantine lead seals. Washington, 1985. P. 10.

[9] Jus graecoromanum / Eds. by J. et P. Zepos. Vol. 1. Athens, 1931 (repr.: Aachen, 1962). P. 298.

[10] *Laurent V.* Documents de sigillographie byzantine: la collection C. Orghidan. Paris, 1952. Nr. 508.

[11] *Лихачев Н. П.* Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. С. 57. № М-8031; *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Vol. I, part 3. Basel, 1972. P. 1503–1505. Nr. 2713 a, b.



Ил. 93. Печать Иоанна Комнина с изображением сцены Преображения Конец XI–начало XII вв. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия)

городом фемы Диррахия, представлявшей собой византийский анклав на северо-западе Балканского полуострова, сообщавшийся с метрополией исключительно морем. В подобные пограничные области при Комнинах назначались дуки (военные наместники). По мнению исследователей, печать принадлежала внуку Анны Далассины, сыну севастократора Исаака Комнина и племяннику императора Алексея I, исполнявшему должность правителя Диррахия в конце XI–начале XII вв.[12]

* * *

Во времена Анны Далассины, в середине — второй половине XI в., при императорском дворе вообще заметно значительное оживление интереса к идеалам и образам Преображения, сравнимое с тем, какое мы наблюдали при дворе Ангелов в конце XII в.

Тема Преображения в византийском монументальном искусстве после периода иконоборчества некоторое время развивалась преимущественно в восточных провинциях империи. Она широко представлена во фресковых росписях X–XI вв. каппадокийских наскальных храмов, ныне входящих в комплекс Национального парка «Гёреме и скалы Каппадокии» в Турции (илы Невшехир, Кайсери, Аксарай и Нигде). Древние христианские посвящения этих храмов в большинстве случаев забыты, и в настоящее время они носят причудливые названия, данные местным турецким населением. Сцены Преображения сохранились в Токалы Килисе («Церковь с Пряжкой») (XI в.), в церкви Св. Иоанна в долине Гюлли-Дере (X в.), в церкви Эль Назаре (X в.), в Кара-Баш Килисе («Церковь Черных Голов») в долине Соганлы (XI в.), в безымянной капелле № 6 (X в.).[13]

Особый интерес представляет богатый фресковый ансамбль церкви Иоанна Крестителя в селении Чавушин, также входящем в состав Национального парка Гёреме. Этот вырубленный в скале храм имеет и второе название — церковь Никифора Фоки, так как сооружен и расписан он был в правление этого императора и, по-видимому, пользовался его особым покровительством. Среди росписей церкви в Чавушине сохранилось еще одно изображение сцены Преображения на горе Фавор.[14]

Благодаря успешной восточной политике императоров Никифора II Фоки (963–969), Иоанна I Цимисхия (969–976) и Василия II (976–1025), были отвоеваны

[12] *Лихачев Н. П.* Моливдовулы греческого Востока. С. 57.

[13] *Christe Y.* Notes iconographiques sur quellques églises de Cappadoce // Зограф: Часопис за средњовековну уметност. Т. 15. Београд, 1984. P. 5–9; *Jolivet-Lévy C.* Les églises byzantines de Cappadoce: le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris, 1991. P. 80–82, 338–340; *Jolivet-Lévy C., Ertuğ A.* (fotos). Sacred art of Cappadocia: Byzantine murals from the 6th to 13th centuries. Istanbul, 2006.

[14] *Kostof Sp.* Caves of God: Cappadocia and its churches. New York, 1989. P. 27, 153.

у арабов и вновь стали византийскими провинциями Киликия, Палестина, Сирия, Финикия, Месопотамия. Ивирия и Армения.[15] Расширение территории империи на восток сопровождалось привлечением на военную и гражданскую службу местной христианской знати, многие представители которой в скором времени вошли в состав высшей византийской элиты.[16]

Восточная знать, в свою очередь, способствовала распространению и усилению роли в империи тех культов, которые традиционно были связаны с христианским Востоком. В этой связи следует учитывать восточное происхождение Далассинов, получивших во второй половине XI в. высшую власть в империи. Далассины были выходцами из Далассы / Талассы — местности (или города) на Евфрате. В империи этот род известен с конца X в. Большинство современных исследователей склоняется к выводу, что Далассины имеют скорее всего армянское происхождение.[17]

В армянской церкви Преображение относится к числу наиболее древних и почитаемых праздников, а священная гора Фавор является местом постоянного паломничества: поселение армянских монахов существовало здесь несколько столетий.[18]

Основанный же императрицей Еленой греческий монастырь на горе Фавор после арабского завоевания был покинут монахами и через некоторое время превратился в руины. Лишь в IX в. здесь появился греческий епископ, совершавший ежегодную литургию среди монастырских развалин. В XII в. при поддержке крестоносцев монахами Клюнийской конгрегации (ветвь бенедиктинцев) на горе Фавор был возведен новый католический монастырь, ставший резиденцией архиепископа, подчинявшегося латинскому патриарху Иерусалима.[19]

Под влиянием выходцев с востока, ставших правителями империи, в середине — второй половине XI в. образ Преображения Господня на горе Фавор начинает входить в иконографическую программу храмов, возводимых византийскими императорами на территории самой Греции и в том числе в Константинополе.

Выдающимся памятником византийского искусства середины XI в. является мозаичный ансамбль кафоликона (главного храма) монастыря Неа Мони («Новый монастырь») на острове Хиос. В нишах и тромпах наоса и во внутреннем нарфике кафоликона располагается праздничный цикл, дополненный несколькими сценами Страстей Господних. Он включает в себя Благовещение, Рождество Христово (погибло), Сретение, Крещение, Преображение и др. Предание связывает основание

---

[15] Подробнее см.: *Honigmann E.* Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363. bis 1071. nach griechischen, arabischen. syrischen und armenischen Quellen. Brüssel, 1961.

[16] См.: *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974; *Степаненко В. П.* Армяне в Византии XI в. в свете новых данных сигиллографии // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А. А. Чекалова. СПб., 2003.

[17] *Adontz N.* Études arméno-byzantines. Lisbonne, 1965. P. 163–177; *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 92–97; *Cheynet J.-Cl., Vannier J.-Fr.* Études prosopographiques, P. 75–115.

[18] *Stone M. E., Van Lind Th. M., Nazarian J.* Further Armenian Inscriptions from Nazareth // Revue des Etudes Armeniennes. Vol. 26. 1996–1997.

[19] Ibid. См. также: Святая Земля. Исторический путеводитель по памятным местам Израиля, Египта, Иордании и Ливана / Ред. М. В. Бибиков. М., 2000. С. 138–139.

монастыря с императором Константином IX Мономахом и его женой и сестрой — императрицами Зоей и Феодорой, откуда следует, что мозаики были исполнены между 1042 и 1056 гг.[20]

По одной из версий, род Мономахов, как и род Далассинов, также имеет восточное (армянское?) происхождение. Во всяком случае, историк и царедворец середины–второй половины XI в. Михаил Пселл сообщает, что Константин Мономах «происходит из знаменитой местности Даласа», то есть из того самого места, откуда происходили и Далассины.[21]

Еще одна мозаичная композиция Преображение украшает кафоликон монастыря Дафни под Афинами. Существующий с конца VI в., этот монастырь получил особое покровительство императора Алексея I Комнина и был фактически заново отстроен им во второй половине–конце XI в. Тогда же был возведен и главный монастырский храм Успения Богородицы, украшенный многочисленными мозаиками, выполненными константинопольскими мастерами на рубеже XI–XII вв.[22]

Мы не знаем, принимала ли участие в деятельности императора Алексея по устроению этого монастыря его мать Анна Далассина. Однако можно с уверенностью говорить, что сцена Преображения должна была входить в иконографическую программу росписи главного храма основанного ею в Константинополе монастыря Христа Всевидящего (Пантепопта). От монастырского комплекса уцелела только главная церковь, построенная не позднее 1087 г. Внутреннее убранство и росписи храма, переоборудованного турецкими властями в медресе, полностью утрачены.[23]

По счастью, до нашего времени сохранилось несколько образов Христа Пантепопта поздневизантийского времени. Все они так или иначе должны были восходить к храмовой иконе (или иконам) монастыря, основанного Анной Далассиной. Одна из икон этого весьма редкого в иконографии Христа типа находится ныне в собрании Музея Метрополитен в Нью-Йорке. Это — датируемая второй половиной XIV в. резная икона, изображающая Спасителя сидящим на престоле с открытым Евангелием в руках. Его образ, расположенный в среднике иконы, окружают со всех сторон клейма с резными изображениями святых и праведников, а также двенадцать табличек с изображениями главных церковных праздников. Одна из сцен праздничного ряда представляет Преображение Господне на горе Фавор.[24]

---

[20] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. II. М., 1986. С. 76. Табл. 146; *Mouriki D.* The mosaics of Nea Moni on Chios. Vol. I. Athens, 1985. P. 126–129, 204 sqq.

[21] *Михаил Пселл.* Хронография / Пер., статья и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 72. См. также: *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI веке: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. II. СПб., 2004. С. 169.

[22] *Diez E., Demus O.* Byzantine mosaics in Greece. Hosios Lucas and Daphni. Cambridge, 1931. P. 60–61; *Chatzidakis M.* Greek Art. Byzantine Mosaics. Athens, 1994. P. 21–22. См. также: *Chatzidakis M.* Byzantine Monuments of Attica and Boeotia. Athens, 1956.

[23] Этот памятник, к сожалению, остается практически не изученным, специальной научной литературы о нем нет. См.: *Mathews Th. F.* The Byzantine churches of Istanbul: a photographic survey. University Park [Pennsylvania State University], 1975. P. 59; *Taylor J.* Imperial Istanbul: a traveller's guide; includes Iznik, Bursa and Edirne. London, 1998. P. 69–70.

[24] Byzantium: Faith and Power (1261–1557). Catalog of the Exhibition at Metropolitan Museum of Art / Ed. by H. C. Evans. New York, 2004. Cat. 354.

Ил. 94. Преображение. Мозаика (деталь: апостол Иоанн). Византия. Середина–вторая половина XI в. Кафоликон монастыря Неа Мони (о-в Хиос, Греция)

Ил. 95. Преображение. Мозаика. Византия. Конец XI в. Кафоликон монастыря Дафни (Афины, Греция)

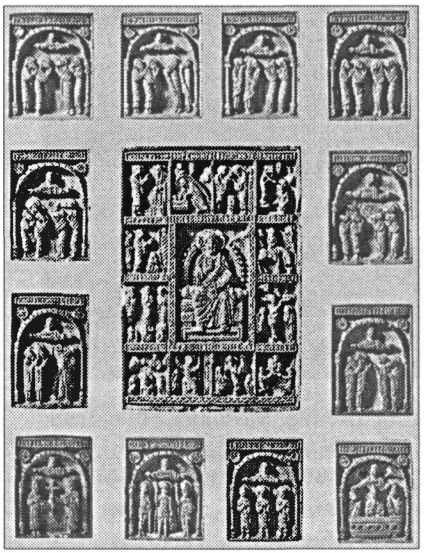
* * *

С Анной Далассиной Евфросинию Галицкую сближает не только использование уникального в древнерусской и византийской императорской сфрагистике образа Преображения как личного знака, применяемого для удостоверения официальных документов. Став галицко-волынской княгиней, Евфросиния и ее ближайшие потомки также активно способствовали распространению культа Преображения на подвластных им землях, что, как мы видели, нашло свое выражение в масштабном церковно-монастырском строительстве и посвящениях вновь возводимых храмов, а также в сохранившихся памятниках западноукраинской иконописи.

Великая княгиня Евфросиния, несомненно, была выдающимся политическим деятелем своего времени и, насколько можно судить, играла при своем сыне Данииле Романовиче примерно такую же роль, что и Анна Далассина при своем сыне, императоре Алексее I. Галицко-волынский князь Даниил, как кажется, мог бы полностью присоединиться к словам византийского императора Алексея, писавшего о своей матери:

> Никто не может сравниться с добросердечной и чадолюбивой матерью, и нет защиты надежней ее, когда предвидится опасность или грозят какие-либо иные бедствия. Если она советует, совет ее надежен, если она молится, ее молитвы становятся для детей опорой и необоримыми стражами. Такой и проявила себя на деле по отношению к нашей царственности наша святочтимая мать и госпожа, которая с моего самого раннего возраста была для меня всем: и кормилицей и воспитательницей <…> ее постоянные и непрерывные молитвы достигли ушей господа и возвели меня на вершину власти. Но и после того как я принял императорский скипетр, она не отказалась разделять труды моей царственности и отстаивать то, что было полезно и мне и государству.[25]

[25] *Анна Комнина.* Алексиада. С. 126.



Ил. 96. Икона со Христом Всевидящим и сонмом святых. Византия. Стеатит. Резьба по камню. Вторая половина XIV в. Музей Метрополитен (Нью-Йорк, США)

Особым хрисовулом император Алексей I закрепил за своей матерью фактически неограниченные властные полномочия, сопоставимые с его собственной властью:

> Ее слова и повеления следует рассматривать как исходящие от моей царственности, они не могут быть отвергнуты, а, напротив, должны иметь законную силу и оставаться незыблемыми на будущее. Ни сейчас, ни в будущем никто не имеет права потребовать отчета и призвать ее к ответу <...> Ибо не подлежит никакому отчету то, что будет сделано на основании настоящего хрисовула.[26]

У нас нет возможности для детального сравнения объема и характера властных полномочий этих двух правительниц, действовавших от имени своих сыновей. Ясно, однако, что княгиня Евфросиния, как и Анна Далассина, не желала ограничиваться скромной ролью опекуна своих детей, стремясь быть полновластной правительницей Галицко-Волынской Руси. Ее чрезмерные властные амбиции вызывали сильное недовольство в Галиче, жители которого всячески стремились избавиться от честолюбивой гречанки, обвиняя в том, что она «хотяща бо княжити сама».[27]

Как и Анна Далассина, Евфросиния Галицкая через некоторое время после смерти своего мужа, князя Романа, приняла монашество, о чем прямо свидетельствует Галицко-Волынская летопись.[28] Точная дата этого события неизвестна, обычно его относят к 1219 или началу 1220 г.[29]

Однако уход в монастырь отнюдь не означал для Евфросинии прекращения политической деятельности. Подобно византийской монахине-императрице Анне Далассине, галицкая княгиня-монахиня продолжала играть видную роль не только во внутриполитических, но и в международных делах, принимая послов иностранных государств. Из сообщения летописи известно, что к «великой княгине Романовой» направляли своих послов литовские князья с предложением мира:

> Божиимъ повелениемь прислаша князи Литовьскии к великои княгини Романове, и Данилови, и Василкови, миръ дающе.[30]

---

[26] Там же. С. 127.

[27] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 727.

[28] Там же. Стб. 733-734.

[29] *Грушевський М.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Т. XLI. Львів, 1901. С. 16, 63; *Махновець Л. Є.* [Коментар] // Літопис Руський. За Іпатським списком переклав Л. Махновець. Київ, 1989. С. 377.

[30] ПСРЛ. Т. II. Стб. 735.

Как видим, сыновья великой княгини Даниил и Василько также фигурируют в этом сообщении, однако упоминаются после своей матери.

Известие о литовском посольстве помещено в летописи под 6723 (1215) г. В действительности оно должно было произойти позднее — в 1219 или 1220 гг.[31] В это время сыновья Евфросинии уже достигли совершеннолетия, а старший сын Даниил был женат. Сама же княгиня Евфросиния принимала литовское посольство, занимаясь делами войны и мира, уже будучи монахиней. Известие о том, что «великая княгини Романовая восприимши мниский чинъ» помещено в летописи под 6721 (1213) г.[32]

Еще многие годы «великая княгиня Романовая», будучи монахиней, продолжала оказывать существенное влияние на политику своего сына Даниила, в том числе на принятие им важнейших исторических решений. Именно под влиянием матери в 1253 г. после долгих сомнений и колебаний Даниил Романович согласился принять королевскую корону от папы Иннокентия IV.[33]

Роль Евфросинии в коронации Даниила, как кажется, вполне сопоставима и в чем-то повторяет роль Анны Далассины в коронации Алексея. Приближенный к императорскому двору дьякон Константинопольской Софии и впоследствии охридский архиепископ Феофилакт в своей речи, произнесенной 6 января 1088 г., прямо говорит, что Алексей получил корону из рук матери: «Выходите и смотрите на увенчанного короной [царя], это мать увенчала его в день радости сердца его».[34]

Разумеется, королевская корона, полученная от папы, не могла равняться короне василевса. Однако в условиях татаро-монгольского ига на Руси и после захвата Константинополя латинянами акт коронации галицко-волынского князя папой, несомненно, укреплял его политический статус.

* * *

Говоря об очевидных, на наш взгляд, параллелях в образах галицко-волынской княгини-монахини Евфросинии и византийской императрицы-монахини Анны Далассины, нельзя обойти стороной еще один важный вопрос, к рассмотрению которого мы уже частично обращались выше. Речь идет о предполагаемом монашеском имени «великой княгини Романовой» и различных версиях, предложенных по этому поводу исследователями.

Как уже отмечалось, единственным основанием для установления этого имени служит указание Галицко-Волынской летописи о том, что внук княгини Мстислав Данилович возвел над ее могилой часовню, названную в честь праведников Иоакима и Анны: «...созда гробницю каменоу надъ гробомъ бабы своеи <...> И свяща ю во имя

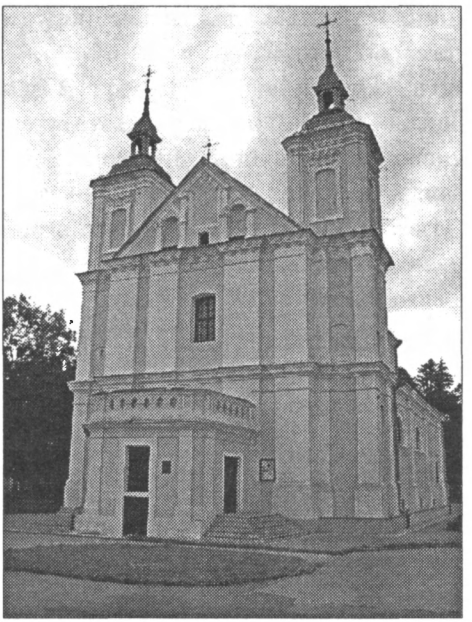
---

[31] *Gudavičius E.* Mindaugas. Vilnius, 1998. S. 118, 137.

[32] ПСРЛ. Т. II. Стб. 733–734.

[33] Там же. Стб. 827.

[34] *Gautier P.* Le discours de Théophylacte de Bulgarie à l'autocrator Alexis I Comnène (6 janvier 1088) // Revue des Études byzantines. T. XX. Paris, 1961. P. 118. О Феофилакте Болгарском (Охридском) см.: *Channick Ch.* Theophylakt von Achrida (ca. 1050/60 — ca. 1125/26) // Theolobische Realenzyklopädie / Hrsg. von G. Müller. Bd. 33. Berlin; New York, 2002.



Ил. 97. Костел Иоакима и Анны. 1752 г., перестроен в 1853 г. Современный вид (Владимир-Волынский, Украина)

праведникоу Акима и Аньны, и слоужбоу в неи створи».[35]

Во Владимире-Волынском, где княжил Мстислав Данилович и где, вероятно была возведена упомянутая часовня, действительно существовала какая-то церковь Свв. Иоакима и Анны, упоминающаяся в источниках XVI в.[36]

В 1554 г. на средства княгини Анны Збаражской во Владимире-Волынском был возведен деревянный костел Иоакима и Анны, в XVIII в. переданный ордену капуцинов. В 1752 г. на месте сгоревшего деревянного костела был сооружен каменный, который в перестроенном виде сохранился до наших дней.[37]

Особое почитание в кругу галицко-волынских князей Свв. праведников Иоакима и Анны, на наш взгляд, может иметь только одно объяснение. Культ родителей Богородицы был каким-то образом связан с памятью о великой княгине Евфросинии — прародительнице Романовичей, ведь не случайно над ее могилой построена часовня, посвященная святым Богоотцам.

Выбор посвящения надгробного храма указывает, что еще одним именем «великой княгини Романовой», которым она пользовалась на Руси, по-видимому, после принятия монашества могло быть имя св. праведницы Анны или же ее дочери — Св. Девы Марии. Касаясь этого вопроса в предыдущих главах, мы оставили его без окончательного решения. Имеющийся у нас материал ныне позволяет сделать выбор в пользу имени Анна как наиболее вероятного второго (монашеского) имени Евфросинии Галицкой.

Избрание Иоакима и Анны в качестве патрональных святых и возведение посвященных им храмов на Руси не обязательно должно было свидетельствовать о тезоименитстве предполагаемой заказчицы (или иной виновницы) строительства Св. Деве Марии.

Заказчицей строительства церкви Иоакима и Анны, возведенной во Владимире-Волынском в 1554 г., как мы видели, была княгиня Анна Збаражская.

---

[35] ПСРЛ. Т. II. Стб. 937–938.

[36] *Теодорович Н. И.* Город Владимир Волынской губернии в связи с историей волынской иерархии (Исторический очерк). Почаев, 1893. С. 142.

[37] *Кучинко М.* Володимир середньовічний. Історико-археологічні нариси. Луцьк, 2006. С. 112. См. также: Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. XIV. Warszawa, 1895. S. 169–170; Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР: В 4 т. / Гл. ред. Н. Л. Жариков. Т. II. Киев, 1984. С. 57.

С. М. Соловьев, к примеру, приводит известие из неопубликованного летописного сборника Синодальной библиотеки о том, что свою новорожденную дочь Анну Иван Грозный крестил в церкви Иоакима и Анны Новодевичьего монастыря в Москве: еще накануне вечером царь прибыл в монастырь и «обложил храм св. Иоакима и Анны, тут слушал всенощную и заутреню, утром церковь освящал и дочь свою крестил» (ГИМ. Синод. собр. № 486. Л. 278 об. — 279).[38]

* * *

С территории Галицко-Волынской Руси происходит наиболее древняя из известных ныне русских икон, специально посвященных свв. праведникам Иоакиму и Анне.[39]

Необычный облик иконы вызвал серьезные трудности при ее атрибуции. Некоторые исследователи видят в ней образ Сретения, принимая Иоакима за Иосифа Обручника, а мать Богородицы Анну за саму Богородицу, держащую на руках младенца Иисуса. Тем более что младенец, изображенный с непокрытой головой, более соответствует образу Христа. Отмечается также, что в раскрытой книге, которую держит стоящий на пороге храма священник, читается текст Молитвы Симеона.[40]

Однако на иконе отсутствует изображение пророчицы Анны, традиционной участницы сцены Сретения, а предполагаемый Симеон Богоприимец, благочестивый мирянин из Иерусалима, представлен в облике христианского епископа, благословляющего младенца. Эти не соответствующие иконографии Сретения детали заставляют предполагать, что на среднике иконы изображена какая-то другая сцена — в которой участвуют Иоаким и Анна с младенцем Марией на руках и встречающий их первосвященник Захария.[41] Об этом же свидетельствует и подпись, выполненная в среднике иконы, в соответствии с которой ее атрибутируют как «Собор Иоакима и Анны».[42]

---

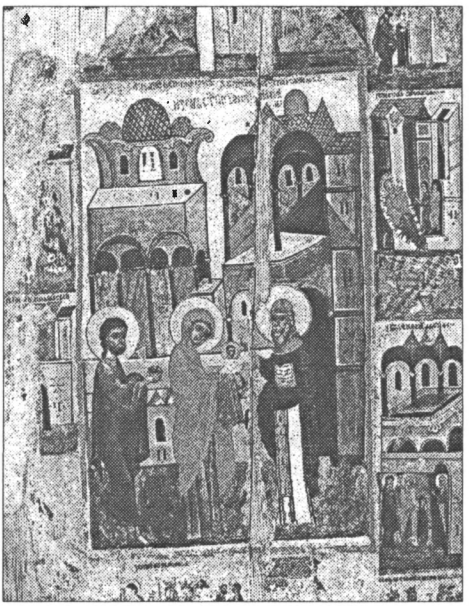
[38] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 7 // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1989. Кн. IV. С. 8, 314, примеч. 4.

[39] Икона была выявлена в 1930-х гг. выдающимся исследователем западноукраинского искусства М. Д. Драганом (1899–1952) и первоначально попала в руководимый им музей Львовской Богословской академии, а после его ликвидации в 1939 г. поступила в Национальный музей во Львове (*Свєнціцька В.* Михайло Драган — дослідник монументального мистецтва Західної України // ЗНТШ. Львів, 1994. Т. CCXXVII; *Александрович В.* Століття Михайла Драгана // Пам'ятки України. [Київ,] 2001. № 1–2).

[40] *Петрушак П. И., Свенцицкая В. И.* Икона «Сретение со сценами из жизни Марии» конца XIV–начала XV вв. из с. Станыля // ПК. 1990 г. М., 1992; *Janocha M.* Ukraińskie i białoruskie ikony świąteczne w dawnej Rzeczypospolitej. Problem kanonu. Warszawa, 2001. S. 261–262; *Александрович В.* «Стрітення зі сценами життя Марії за Протоєвангелієм Якова» з церкви Собору Йоакими та Анни у Станилі (з колишнього Музею Духовної Семінарії — Богословської Академії у Львові) // Українська Греко-Католицька Церква і сакральне мистецтво (історичний досвід та проблеми сучасності). Вип. 2: Мат-ли II Міжнародної наукової конф-ції, присвяч. 220-літтю Львівської духовної семінарії, м. Львів — Рудно, 22 грудня 2003 року. Львів, 2003.

[41] *Логвин Г., Міляєва Л., Свєнціцька В.* Український середньовічний живопис. Київ, 1976. Іл. XXX;

[42] *Димитрій (Ярема), патріарх.* Іконопис Західної України XII–XV ст. Львів, 2005. С. 188–190; *Скоп Л.* Ікона «Собор Якима і Анни» з церкви свв. Якима і Анни з с. Станиля // Історія релігії в Україні. Мат-ли VIII Міжнародного круглого столу. Львів, 1998; *Міляєва Л.*, за участю *Гелитович М.* Українська ікона XI–XVIII століть. Київ, 2007 (Державні зібрання України). Кат. № 33.



Ил. 98. Собор праведных Иоакима и Анны. Западноукраинская икона. Конец XIV–начало XV вв. Липовая доска, паволока, левкас, яичная темпера. 119 × 88 см. Львовский национальный музей (Львов, Украина)

В пользу такой атрибуции свидетельствует также происхождение иконы. В Львовский национальный музей она поступила из церкви Иоакима и Анны с. Станыля Дрогобычского района Львовской области. Существующая в этом селе доныне деревянная церковь Свв. Иоакима и Анны была построена в конце XIX в., однако первое упоминание о храме с таким посвящением относится к 1507 г.[43]

В последнее время споры об атрибуции иконы развернулись с новой силой. Едва ли не главным доводом в пользу переатрибуции центрального сюжета Собора Иоакима и Анны как Сретения ныне служит мнение, будто в раскрытой книге первосвященника читаются слова Молитвы Симеона.[44] Однако подобную версию следует признать ошибочной.

Молитва, или Песнь, Симеона Богоприимца — приведенные в Евангелии от Луки слова благочестивого старца, сказанные в Иерусалимском храме в день Сретения и вошедшие в состав богослужебных песнопений христианских церквей: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение языком, и славу людей Твоих Израиля» (Лк. 2: 29–32).[45]

Однако в раскрытой книге первосвященника на станыльской иконе в действительности читается другой текст:

Г[осподи]и Б[ож]е нашь иже исподо[би]лъ еси сл[а]ве [с]воеи отвек.

На наш взгляд, этот отрывок в большей мере соответствует начальным словам приведенного в Протоевангелии Иакова (VII) обращения к Марии первосвященника Захарии: «Господь возвеличит имя твое во всех родах…».

Отличительной чертой иконы из с. Станыли вообще является обилие разнообразных текстов. На лицевой стороне иконы, в среднике, выполнена надпись, указывающая ее название и время создания:

В лет[е] 6974 (1466) написана бы[сть] икона сия на поклоне[ние] християном ИЗБОРЬ СВЯТЫ[Х] ПРАВЕДНИКЬ ЯК[И]МА И АННЫ.

---

[43] *Слободян В.* Церкви України. Перемиська єпархія. Львів, 1998. С. 49.

[44] *Александрович В.* «Стрітення зі сценами життя Марії за Протоєвангелієм Якова»…

[45] *Скабалланович М. Н.* Толковый Типикон. Вып. 1. Киев, 1910. Глава «Ныне отпущаеши».

Ряд палеографических особенностей этой надписи позволяет заключить, что ее первая, датирующая часть была выполнена в более позднее время и могла быть приурочена не к созданию иконы, а к перенесению ее в новый храм.[46] Сама же икона старше указанной в надписи даты, время ее создания определяется в диапазоне середины XIV–начала XV вв.[47]

Фрагментарно сохранившиеся изображения в клеймах иконы, опоясывающих средник, привлекают внимание оживленной мимикой и жестами персонажей.[48] В большинстве случаев они иллюстрируют апокрифические сюжеты, литературная основа которых восходит к Протоевангелию Иакова (конец II в.), а также к Евангелию Псевдо-Матфея (IX в.) и чрезвычайно популярной в XIII–XV вв. в Западной Европе Золотой легенде; на становление традиции также повлияло Слово на Рождество Пресвятой Богородицы Андрея Критского (VII–VIII вв.) и др.[49]

В верхнем ряду изображены снабженные соответствующими подписями «Молитва Анны» и «Возвращение Иоакима» (две другие сцены слева утрачены); в правом ряду — «Рождество Богородицы» и «Введение Марии во храм»; в нижнем ряду справа налево помещены «Совет старейшин о выведении Марии из храма», «Ангел Господен является Захарии», «Захария раздает жезлы» (крайняя слева сцена не сохранилась, возможно, там было изображено «Обручение Марии и Иосифа»); в левом — «Иосиф ведет Марию в дом» и «Благовещение».[50]

В христианской иконографии известно весьма значительное число различных сцен, относящихся к теме Рождества и детства Богородицы, многие из которых к тому же на протяжении веков претерпели сложную эволюцию и представлены несколькими изводами.[51]

Нередко встречаются (в основном в клеймах Богородичных икон) сцены, изображающие Иоакима и Анну обращающимися к первосвященнику — «Иоаким (и Анна) приносит свою жертву в храм» и «Отвержение даров Иоакима и Анны» (первосвященник отказал Иоакиму в праве принести Богу жертву, так как он «не создал потомства Израилю»). Однако в этих сценах невозможно изображение младенца Марии, поскольку у Иоакима и Анны тогда еще не было детей.[52]

Не соответствует сюжет средника иконы из Станыли и традиционной иконографии Введения Богородицы во храм, представленной особенно значительным числом произведений искусства: в абсолютном большинстве случаев Мария изображается

[46] *Коць-Григорчук Л.* Написи на творах українського середньовічного мистецтва. (Лінгвістичне та палеографічне атрибутування) // ЗНТШ. Т. CCXXI. Львів, 1990. С. 221–228.

[47] *Скоп Л.* Ікона «Собор Якима і Анни»...; *Александрович В.* Мистецтво Галицько-Волинської держави. Львів, 1999. С. 35–36.

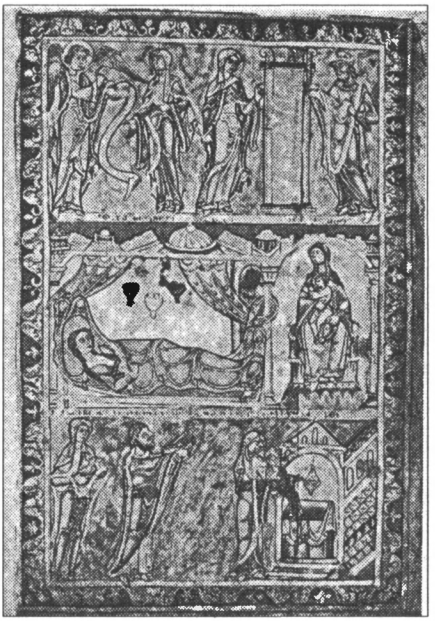
[48] *Свєнціцька В. І., Сидор О. Ф.* Спадщина віків: Українське малярство XIV–XVIII століть у музейних колекціях Львова. Львів, 1990. С. 9.

[49] *Скабалланович М. Н.* Христианские праздники. Рождество пресвятой Богородицы. Киев, 1915.

[50] См.: *Петрушак П. И., Свенцицкая В. И.* Икона «Сретение со сценами из жизни Марии»...; *Александрович В.* «Стрітення зі сценами життя Марії за Протоєвангелієм Якова»...

[51] Наиболее полный анализ христианской иконографии детства Богородицы см.: *Lafontaine-Dosogne J.* Iconographie de l'Enfance de la Vierge dans l'Empire byzantin et en Occident. Vol. I–II. Brussels, 1964–1965 (2 ed. — Brussels, 1992).

[52] *Cartlidge D. R., Elliot J. K.* Art and the Christian apocrypha. London, 2001. Cap. 2.



Ил. 99. Первое Введение Богородицы во храм. Миниатюра Винчестерской Псалтыри. XII в. Британская библиотека (Лондон, Великобритания)

на них уже подросшим (трехлетним и старше) ребенком, самостоятельно входящим в храм.[53] Невозможно отождествить интересующий нас сюжет и с известными сценами благословения Марии священниками и старцами во время пира, устроенного Иоакимом по случаю первой годовщины дочери.[54]

И тем не менее, если следовать названию иконы, помещенному в ее среднике, и учитывать, что она являлась престольным образом храма Иоакима и Анны, ближайшие параллели для центрального сюжета этой иконы нужно искать среди произведений, относящихся к циклу Введения Богородицы во храм.

Нам представляется, что такой параллелью может быть сцена Принесения Иоакимом и Анной младенца Богородицы во храм для благословения священником, иногда описываемая в литературе как Первое Введение Богородицы во храм.

Ж. Лафонтен-Дозонь в своем известном исследовании, посвященном иконографии детства Богородицы, отмечает, что сюжеты на тему Первого Введения Марии во храм (Première Présentation de Marie au temple) по своей композиции отличаются от традиционного Введения. Обращаясь к христианской иконографии Первого Введения, исследовательница ограничивается только примерами произведений западноевропейского искусства — миниатюры из Винчестерской Псалтыри (BL. Cotton MS. Nero C.IV. Vol. 8 v) и Манускрипта № 1 Собрания Ч. У. Дайсона Перринса (Vol. 22 v), фрески монастыря Св. Марии в г. Каталана де Эстани (Каталония, Испания), базилики Св. Екатерины в Галатине (Апулия, Италия) и др.[55]

Все эти изображения, отмечает Лафонтен-Дозонь, с одной стороны, очень близки и напоминают иконографическую схему Сретения, а с другой стороны, схожи с распространенным в византийском искусстве сюжетом Благословения Марии священниками и старцами, происходящем в доме Иоакима.[56] Тем не менее у сцены Первого Введения Марии во храм есть свои устойчивые отличительные

[53] См.: *Lafontaine-Dosogne J.* Iconographie de l'Enfance de la Vierge... Vol. I. P. 136–166; *Mézières Ph., de.* Figurative representation of the Presentation of the Virgin Mary in the temple. Lincoln, 1971; *Pentcheva B. V.* Icons and Power. The Mother of God in Byzantium. University Park. 2006. Cap. 4.

[54] *Lafontaine-Dosogne J.* Iconographie de l'Enfance de la Vierge... Vol. I. P. 137–139.

[55] Ibid. Vol. II. P. 106, 119–121. Fig. 2, 8.

[56] Ibid. P. 106.

признаки: действие обязательно происходит в храме, в который ребенка Марию Иоаким или Анна приносят на руках.

Подобные сцены можно встретить в памятниках не только западноевропейского, но также византийского и древнерусского искусства. В частности, они представлены во фресках псковских храмов XII–XIV вв. — Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря и церкви Рождества Богородицы Снетогорского монастыря, где сохранились наиболее полные циклы росписей на сюжеты из земной жизни Богородицы.[57] Подобные сцены встречаются также в клеймах Богородичных икон начала XVI в., происходящих с Русского Севера, — «Богоматери Одигитрии Смоленской с клеймами земной жизни» (8: «Принесение Богоматери во храм») и «Рождества Богородицы с клеймами земной жизни» (12: «Принесение Марии в храм»).[58]

В памятниках византийского искусства сцена Принесения Марии в храм к первосвященнику, как кажется, впервые появляется в мозаиках кафоликона монастыря Дафни под Афинами (сохранилась частично).[59] Правда, в отличие от западноукраинской иконы, на византийской мозаике Марию держит на руках Иоаким и вся композиция развернута в противоположном направлении: слева находится священник (его фигура почти полностью утрачена), а справа от него — Иоаким и Анна.

Мозаика располагается в правой части южного крестового свода храма, между двумя другими мозаиками Богородичного цикла, изображающими Молитву Анны с Благовещением Иоакиму и Введение Богородицы во храм. Интересующую нас сцену П. Лазаридис атрибутирует как «Благословение Марии священниками» и дает к ней следующее пояснение: «Через сорок дней после ее (Марии. — *А. М.*) рождения они (Иоаким и Анна. — *А. М.*) принесли Богородицу в храм для посвятительного благословения». В данном случае речь идет именно о первом введении (принесении) Богородицы во храм, поскольку собственно Введение представлено в соседней мозаике: «В третьей сцене Богородице три года, и родители в сопровождении юных дев, несущих свечи, ведут ее в храм согласно обету».[60]

Важно заметить, что по своим живописным приемам в трактовке деталей и колористическому решению «Собор Иоакима и Анны» обнаруживает немало общего с иконой «Преображение» из с. Бусовыско (Старосамборского района Львовской области). Исследователи отмечают возможность создания обоих произведений в одной иконописной мастерской.[61]

---

[57] *Лазарев В. Н.* Снетогорские росписи // *Лазарев В. Н.* Русская средневековая живопись. М., 1970. С. 162 (ил.); *Сарабьянов В. Д.* Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. М., 2002. С. 30–31, 71, 75 (Табл. X).

[58] *Рыбаков А.* Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. Кат. № 206/208, 209.

[59] *Millet G.* Le monastère de Daphni: histoire, architecture, mosaïques. Paris, 1899. Pl. XIX; *Lazarides P.* The monastery of Daphni. Brief illustrated archeological guide. Athens, 1977. Nr. 12.

[60] *Lazarides P.* The monastery of Daphni. P. 19.

[61] *Свєнціцька В. І., Сидор О. Ф.* Спадщина віків... С. 9; *Александрович В.* Мистецтво Галицько-Волинської держави. С. 32, 36.

Ил. 100. Принесение Марии первосвященнику. Мозаика. Византия. Конец XI в. Кафоликон монастыря Дафни (Афины, Греция)

Как мы видели, икона «Преображение» из с. Бусовыско некогда являлась храмовым или запрестольным образом Преображенского собора Спасо-Самборского монастыря. Спасский монастырь под Самбором возник примерно в одно время со Спасским монастырем в Столпье, являвшимся главной резиденцией великой галицко-волынской княгини Евфросинии после принятия ею монашества. Спасо-Самборский монастырь, вероятно, также входил в число ее резиденций. Во всяком случае, он был тесно связан с семьей галицко-волынских князей: особое покровительство Спасо-Самборскому монастырю оказывал внук Евфросинии, галицкий и перемышльский князь Лев Данилович, принявший здесь, по некоторым сведениям, монашеский постриг в конце жизни.[62]

Нам представляется, что образ свв. праведников Иоакима и Анны из с. Станыля, который можно считать самым ранним в истории древнерусского искусства примером специального посвящения храмовой иконы родителям Богородицы (обычно их образы используются в иконах и росписях, посвященных самой Богородице), созданный в иконописной мастерской Спасо-Самборского монастыря, должен был воспроизводить какой-то более ранний образ, особо чтимый в семье галицко-волынских князей.

На это указывает еще одна специфическая особенность станыльской иконы: житийные сцены здесь окружают центральную композицию со всех четырех сторон, в то время как для абсолютного большинства украинских житийных икон свойственно расположение клейм только с трех сторон от средника (верхний регистр, как правило, отсутствует). Кроме того, «Собор Иоакима и Анны» вообще является едва ли не самым ранним примером житийной иконы в истории украинского искусства.

Тип житийной иконы (или иконы «с историей») восходит, несомненно, к византийским образцам. Наиболее ранними сохранившимися византийскими иконами с житийными сценами в клеймах являются датируемые началом XIII в. иконы из монастыря Св. Екатерины на Синае — «Святой Георгий», «Иоанн Предтеча», «Святая Екатерина Александрийская» и др.,[63] а также кипрский

---

[62] См. главу 25 настоящей работы.

[63] *Constantinides E. C.* Une icône historiée de saint Georges du XIIIe siècle au monastere de Saint-Catherine du mont Sinai // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век / Отв. ред. О. Е. Этингоф. СПб., 1997; Sinai. Treasures of the Monastery of Saint-Catherine / Ed. by K. A. Manafis. Athens, 1990. Fig. 46, 52.

«Святой Николай» (Византийский музей архиепископа Макария III, Никосия).[64] В XIII в. в византийском искусстве появляются также житийные иконы с сюжетными сценами в среднике — резная икона «Святой Георгий со сценами жития» из Византийского музея в Афинах, изображающая святого во время молитвы,[65] а также икона «Пророк Моисей со сценами жития» из монастыря Св. Екатерины на Синае, представляющая сцену получения пророком скрижалей на горе Синай.[66]

Все названные иконы, как и станыльский «Собор Иоакима и Анны» объединяет одинаковый порядок размещения клейм с житийными сценами со всех сторон от средника, впоследствии нарушенный в западноукраинской иконописи. Это обстоятельство, а также заимствованный из византийского искусства сюжет Принесения (Первого Введения) Богородицы во храм, не встречающийся в других произведениях украинской средневековой живописи и вообще весьма редкий в христианской иконографии, укрепляет наше предположение, что написанный на рубеже XIV–XV вв. «Собор Иоакима и Анны» являлся воспроизведением более древней византийской иконы, созданной двумя столетиями ранее, вероятно, на рубеже XII–XIII вв., когда в византийском искусстве начала складываться традиция житийной иконы.

Образ Иоакима и Анны, приносящих Богородицу в храм, несомненно, был связан с семейными традициями галицко-волынских князей, а его воспроизведение на рубеже XIV–XV вв., очевидно, отражало попытку дальнейшего распространения культа свв. праведников Иоакима и Анны в Галичине.

* * *

Как мы видели, сцена Принесения Марии первосвященнику представлена в мозаичном убранстве кафоликона монастыря Дафни под Афинами, и этот образ является одним из наиболее ранних (если не самым ранним) в ряду подобных сцен, встречающихся в известных ныне памятниках христианского искусства.

Есть все основания полагать, что главный храм монастыря Дафни — собор Успения Богородицы, построенный и украшенный константинопольскими мозаичистами в конце XI в., создавался по инициативе и при личном участии императора Алексея I Комнина.[67] По-видимому, к строительству и украшению храма была причастна также и его мать Анна Далассина. Последняя питала особое отношение к культу Богородицы и связанным с ним церковным праздникам. На связь Анны с монастырем Дафни указывает, в частности, посвящение его

[64] The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Myddle Byzantine Era A. D. 845–1261 / Ed. by H. C. Evans et W. D. Wixom. New York, 1997. Nr. 263.

[65] *Mouriki D.* A Moses Cykle on a Sinai Icon of the Early Thirteenth Century // Byzantine East — Latin West. Art-Historical Studies in Honor Kurt Weitzmann. Princeton, 1995. Fig. 1.

[66] Подробнее см.: *Александрович В.* «Стрітення зі сценами життя Марії за Протоєвангелієм Якова»...

[67] *Diez E., Demus O.* Byzantine mosaics in Greece. Hosios Lucas and Daphni. P. 60–61; *Chatzidakis M.* Greek Art. Byzantine Mosaics. P. 21–22.

нового главного храма Успению. Мы видели, что сцена Успения изображалась на личной печати Анны, которой она, согласно хрисовулу Алексея I, пользовалась, когда замещала отсутствующего императора.[68]

Анна Далассина считалась родоначальницей всего правящего клана Комнинов. «Матерью Комнинов» называет Анну в своих записках ее внучка Анна Комнина, подчеркивая этим не только родственную связь, но и ту роль, какую Далассина сыграла в утверждении на византийском престоле династии Комнинов.[69]

К клану Комнинов причисляли себя и представители новой правящей династии Ангелов. Так, император Алексей III Ангел к своему родовому имени официально присоединил также имя Комнин и даже отдавал ему предпочтение.[70] Исаак II Ангел также всячески подчеркивал свою связь с Комнинами и в особенности с Мануилом I. В его честь Исаак назвал одного из своих сыновей, которому собирался передать престол империи в обход старшего сына Алексея.[71]

Именно благодаря родству с ближайшими потомками Анны Далассины началось возвышение Ангелов в империи. Их родоначальником считается Константин Ангел, женившийся на внучке Анны, дочери Алексея I Феодоре.[72]

Почитание Анны Далассины среди Комнинов и Ангелов проявилось в регулярном наречении именем Анна различных представительниц этих династий на протяжении всего XII в. Практически все императоры из рода Комнинов называли Анной одну из своих дочерей: это имя носили дочери Алексея I, Иоанна II и Мануила I.[73] Анной назвал свою среднюю дочь принявший имя Комнинов император Алексей III Ангел: впоследствии Анна Комнина Ангелина стала женой Феодора I Ласкаря, основателя Никейской империи.[74]

Не только светское, но и монашеское имя Анны Далассины — Ксения — вошло в именослов византийских императриц XII в. Под этим именем на протяжении нескольких поколений принимали монашеский постриг овдовевшие супруги византийских императоров: Ирина Дукиня, жена Алексея I, Ирина (Пирошка) Венгерская, жена Иоанна II и Мария Антиохийская, вторая жена Мануила I.[75]

Эта последняя, по-видимому, сыграла судьбоносную роль в жизни царевны Евфросинии, будущей жены Романа Мстиславича, проведшей свои детские годы в монастыре. Как сообщает Никита Хониат, отправляя в монастырь старшую дочь, Исаак II исполнил то, что некогда «предполагала сделать еще царица Ксения

---

[68] *Laurent V.* Documents de sigillographie byzantine... Nr. 508.

[69] *Анна Комнина.* Алексиада. С. 98.

[70] *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 726–727.

[71] Ibid. Σ. 814–815.

[72] *Острогорский Г.* Возвышение рода Ангелов // Юбилейный сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии. Белград, 1936.

[73] *Garland L.* Byzantine Empresses... P. 191–198, 200.

[74] Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 508. См. также: *Garland L.* Byzantine Empresses... P. 213, 219–221.

[75] *Angold M.* Church and Society in Byzantium under the Comnent. 1081–1261. Cambridge, 1995. P. 76; *Garland L.* Byzantine Empresses... P. 199, 205.

по смерти своего супруга, царя Мануила Комнина».[76] Мария-Ксения не исполнила обета стать монахиней в память о муже, и этот поступок в глазах современников, очевидно, явился причиной ужасных бедствий, обрушившихся на нее саму и на весь род Комнинов, приведших к пресечению династии. «Посвящая Богу, как чистую агницу», свою старшую дочь и тем самым стремясь искупить вину Марии-Ксении, Исаак выбрал для ее пребывания и перестроил под монастырь тот самый «Иоанницкий дом», который когда-то выбрала для себя вдова Мануила, но так и не воспользовалась им.[77]

Связь Евфросинии Галицкой с Марией-Ксенией Антиохийской, как и с Анной Далассиной, проявилась еще и в том, что все эти женщины стремились играть роль правительниц государства при своих сыновьях, оставаясь при этом монахинями, принявшими постриг после смерти своих мужей. По-видимому, мы имеем дело с определенной традицией, развившейся в Византии в правление Комнинов и в начале XIII в. перенесенной на русскую почву.

[76] Nicetae Choniatae Historia. P. 419. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 85.

[77] Nicetae Choniatae Historia. P. 419.

Глава двадцать седьмая

ГАЛИЧ, ЧЕРНИГОВ, СУЗДАЛЬ И БЕЛООЗЕРО: ДИНАСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКИХ КНЯЗЕЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПАМЯТНИКАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Иконографические особенности Успения и Богородицы Одигитрии из Галича и Владимиро-Суздальской Руси. — Белозерская печать с изображениями Успения и св. Анны: возможные датировка и принадлежность. — Потомки Евфросинии-Анны Галицкой в Суздале, Ростове и Белоозере. — О возможной принадлежности группы древнерусских печатей Янин, Гайдуков. №343-2, 343а, б

В предыдущей главе мы установили, что связь Евфросинии Галицкой с Анной Далассиной находит выражение в сигиллографии: обе правительницы использовали на своих личных печатях изображение сцены Преображения — чрезвычайно редкой в византийской и уникальной в древнерусской сфрагистике. Нам представляется, есть достаточные основания предполагать, что и другой личный знак Анны Далассины — композицию Успения, изображавшуюся на ее печатях согласно хрисовулу Алексея I, — также использовала и Евфросиния Галицкая.

Среди древнерусских свинцовых печатей, принадлежность которых до сих пор остается неустановленной, В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков помещают группу печатей со ценой Успения Богородицы, состоящую всего из четырех экземпляров, оттиснутых тремя матрицами (Янин, Гайдуков. №343-2, 343а, б).[1] Композиция Успения не была зафиксирована на других известных ко времени издания каталога русских печатях. Так же как сцена Преображения, она может быть отнесена к числу уникальных.

В литературе высказывается осторожное предположение, что группа печатей с композицией Успения, две из которых найдены в Новгороде, одна — в Городце на Волге и еще одна — в Старой Рязани, своим происхождением могли быть как-то связаны с Владимиро-Суздальской землей. Здесь обнаружен византийский

[1] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. С. 61–62, 157, 275, 373. № 343-2, 343а, б.

моливдовул, который мог послужить для них образцом, а также целая серия медных привесок-иконок с композицией Успения.[2]

Однако иконография композиции Успения печатей Янин, Гайдуков. №343, 343а, б имеет существенное отличие от изображений на греческом моливдовуле и привесных иконках из Владимиро-Суздальской Руси. На моливдовуле сцена Успения представлена как бы в зеркальном виде, будучи развернута вправо; кроме того, лежащую на смертном одре Богородицу здесь окружают фигуры только шести апостолов (вместо двенадцати). Такой иконографический тип Успения («обратного») практически не встречается в произведениях древнерусского искусства, однако фиксируется в некоторых памятниках искусства Византии.[3]

Моливдовул (диаметр 25 мм) был найден в 1979 г. в Суздале на территории кремля, на месте сгоревшей усадьбы домонгольского времени.[4] Печать сильно пострадала от огня, в результате чего рассмотрение деталей изображения оказалось затруднительным. По мнению В. С. Шандровской, моливдовул мог принадлежать высокопоставленному светскому лицу, но не исключено, что его владельцем мог быть и представитель церкви, лично связанный с культом Богородицы; предположительно печать датируется концом XI–началом XII вв.[5]

М. В. Седова связывала необычную схему изображения Успения на печати из Суздаля, повторяющуюся на одной из позолоченных пластин западных Златых врат суздальского собора Рождества Богородицы, а также на нескольких литых медных иконках, найденных на территории Владимиро-Суздальской Руси, с местной иконографической традицией, возникшей при князе Андрее Боголюбском.[6]

Возможно, это и так. Однако для атрибуции найденной в Суздале печати со сценой Успения важно также учитывать изображение, помещенное на ее обратной стороне. Сделать это непросто, так как детали изображения на пострадавшей в огне печати не просматриваются. В. С. Шандровская полагает, что на суздальском моливдовуле помещено изображение Богородицы в рост с младенцем, которого мать держит на своей правой руке. Это довольно редкий иконографический тип, получивший в литературе определение Одигитрия «обратная». По сторонам изображения имелась надпись, о чем свидетельствуют

---

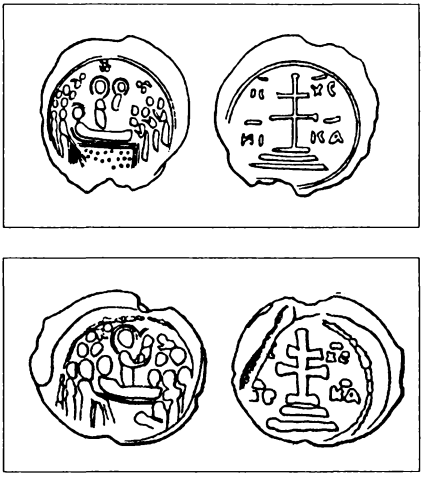
[2] Там же. С. 61–62.

[3] О складывании иконографии Успения в христианском искусстве см.: *Wratislav-Mitrovic L., Okunev N.* La Dormition de la Sainte Vierge dans la peinture médievale orthodoxe // BS. T. III. Praha, 1931; *Constantinides E. C.* Images from the Byzantine periphery: studies in iconography and style. Leiden, 2007. См. также: *Рындина А. В.* К вопросу об источниках иконографии Успения Богоматери. Античность и Византия // Россия и восточно-христианский мир. Древнерусская скульптура. Средневековая пластика / Ред.-сост. А. В. Рындина. Вып. IV. М., 2003.

[4] *Седова М. В.* Раскопки в Суздале // ОА за 1979 год. М., 1980.

[5] *Шандровская В. С.* Византийские печати со сценой Успения // Восточное Средиземноморье и Кавказ в IV–XVI вв.: Сб. ст. / Науч. ред. А. В. Банк, В. Г. Луконин. Л., 1988. С. 89.

[6] *Седова М. В.* 1) Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси [К 80-летию акад. Б. А. Рыбакова] / Отв. ред. Б. А. Тимощук. М., 1988; 2) Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 197–198. См. также: *Седова М. В.* О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М. К. Каргера / Отв. ред. А. Н. Кирпичников и П. А. Раппопорт. Л., 1974.



Ил. 101. Печати Янин, Гайдуков. № 343 и 343а из Новгорода и Старой Рязани с изображениями Успения и шестиконечного креста на подножии (прориси худ. Т. В. Родыгиной, М. В. Гребенникова)

неясные очертания нескольких букв справа, из которых последняя альфа.[7]

Если учитывать особенности изображений, представленных на обеих сторонах суздальской печати, то ее ближайшим аналогом станет миниатюрная (диаметр 24 мм) бронзовая привесная иконка из Галича с двусторонними изображениями и ушком для подвешивания. Она была найдена при случайных обстоятельствах в начале 1980-х гг. В. В. Аулихом (нахождение ее в настоящее время нам неизвестно). Своей округлой формой и размерами иконка весьма напоминает актовую печать и, возможно, была изготовлена по ее образцу.

На одной стороне галицкой иконки изображена сцена Успения Богородицы с характерным разворотом всей композиции вправо, на другой — женская фигура в рост с младенцем на правой руке. «Сходство изображений на суздальской печати и галичской иконке настолько очевидно, — замечает М. В. Седова, — что ясно, что отливка привески сделана с оттиска печати».[8]

К настоящему времени известно несколько византийских печатей со сценой Успения, как с традиционным (влево), так и нетрадиционным (вправо) разворотом; значительная их часть (одиннадцать) хранится в собрании Государственного Эрмитажа. Важно подчеркнуть, что все эти печати относятся ко времени Комнинов (вторая половина XI–XII вв.) и принадлежат представителям этого и родственных ему кланов.[9]

Среди моливдовулов, принадлежность которых может быть установлена, особого внимания заслуживает эрмитажная печать М-4717 из бывшей коллекции А. Мордтманна.[10] Сохранность печати не позволяет проследить всех деталей изображения. Тем не менее на ее лицевой стороне можно видеть сцену Успения с разворотом вправо и сокращенным числом апостолов (просматриваются четыре фигуры). Как указывает надпись на обороте, печать принадлежала Феодоре Комнине севасте. Известно несколько лиц, носивших такое имя, среди них — дочери императоров Алексея I и Иоанна II. Наиболее вероятной кандидатурой, по-видимому, следует считать Феодору Комнину — дочь Алексея I.[11] Будучи внучкой Анны Далассины,

[7] *Шандровская В. С.* Византийские печати со сценой Успения. С. 82.

[8] *Седова М. В.* Сложение местной иконографии... С. 274.

[9] *Шандровская В. С.* Византийские печати со сценой Успения. С. 84–89.

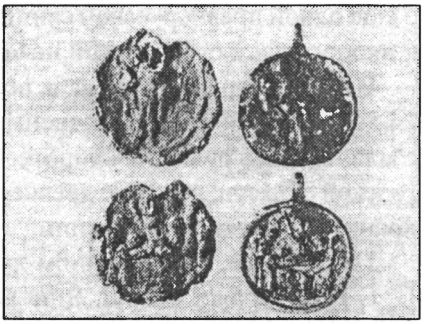
[10] *Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884. P. 644. Nr. 27.

[11] *Шандровская В. С.* Византийские печати со сценой Успения. С. 85.

она во втором браке была замужем за Константином Ангелом, став бабушкой двух императоров династии Ангелов — Исаака II и Алексея III.

Если так, то изображение на личных печатях сцены Успения могло быть своего рода семейным традицией, которой следовали представительницы рода Комнинов — Ангелов в память о своих прародительницах Анне Далассине и Феодоре Комнине.

По-видимому, столь же традиционным для представительниц этого рода было изображение на печатях фигуры Богоматери в рост с Младенцем на правой руке, которое современные исследователи определяют как образ Богородицы Одигитрии «обратной».



Ил. 102. Свинцовая печать из Суздаля (слева) и бронзовая иконка-привеска из Галича (справа) с изображениями женской фигуры с младенцем по типу Богородицы Одигитрии «обратной» и развернутой вправо сцены Успения (по М. В. Седовой)

Изображение Богородицы Одигитрии в рост — крайне редкий случай в древнерусском искусстве. «В греческой и русской иконописи, — отмечал Н. П. Лихачев, — почти исключительно распространен тип Одигитрии поясной в целом ряде разновидностей».[12] Не знает таких изображений и древнерусская сфрагистика. В то же время, изображения Богородицы типа Одигитрии «обратной» в рост нередко встречаются на византийских печатях. Только в собрании Государственного Эрмитажа печатей с подобным изображением насчитывается более сорока. Все они относятся в основном к комниновскому времени.[13]

Все сказанное склоняет нас к выводу, что предметы с двусторонними изображениями, представляющими сцену Успения с нетрадиционным разворотом вправо, а также образ Богородицы Одигитрии «обратной» могли попасть на Русь в результате тесных контактов с кем-то из представителей правящего в Византии рода Комнинов — Ангелов, пользовавшимся обоими изображениями как личными сфрагистическими знаками. Об особом и даже исключительном статус лица, пользовавшегося этими знаками, говорит тот факт, что оба знака стали образцами для последующего воспроизведения и тиражирования русскими мастерами-литейщиками, в том числе в виде привесных иконок.

* * *

М. В. Седова и В. С. Шандровская уверенно определяют изображение женской фигуры в рост с младенцем на правой руке на печати из Суздаля и подвесной иконке из Галича как образ Богородицы Одигитрии. И действительно, для такого решения имеются как будто все основания. Однако недавно стало известно

[12] *Лихачев Н. П.* Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911. С. 108.

[13] *Шандровская В. С.* Византийские печати со сценой Успения. С. 82–83.

о еще одной древнерусской свинцовой булле, заставляющей нас вновь обратиться к иконографии суздальской печати и галицкой привески.

В 2005 г. зарегистрирована новая древнерусская вислая печать (диаметр 22,5–24,5 мм) с изображениями сцены Успения на лицевой стороне и женской фигуры с младенцем в руках на обороте. Печать была найдена в начале 2000-х гг. в Вологодской области, в районе древнерусского Белоозера, в устье р. Васильевка, и ныне хранится в частной коллекции.[14]

На рисунке, выполненном художником С. Л. Богаченко и опубликованном П. Г. Гайдуковым и В. Л. Яниным, ясно видно, что изображения на вновь найденной печати из Белоозера практически полностью совпадают с изображениями на печати из Суздаля и привеске из Галича. На лицевой стороне помещена развернутая вправо композиция Успения с фигурами Христа и шести апостолов, на оборотной — женская фигура в рост с младенцем на правой руке. Однако вопреки ожиданию на печати из Белоозера изображена не Богородица, а св. Анна. Об этом свидетельствует хорошо сохранившаяся и полностью читающаяся колончатая надпись по сторонам изображения: АГІА ANA.

Изображения женской фигуры с младенцем на печатях из Белоозера и Суздаля почти полностью идентичны. Мать и младенец переданы полными фигурами с нимбами; фигура матери представлена в рост анфас в длинных широкополых одеждах с широкими рукавами и многочисленными складками у подола, на правой руке она держит младенца, а левую руку прижимает к своей груди; младенец повернут к матери в пол-оборота и несколько отставлен от нее, его правая ручка протянута к груди матери, обе ножки спущены вниз; ниже младенца видны края одежд матери, свесившиеся так из-за отведенной в сторону ее правой руки, на которой сидит младенец.[15]

Одинаковые размеры и совпадение изображений на лицевой и оборотной сторонах печатей из Белоозера и Суздаля, каждое из которых представляет собой чрезвычайно редкий иконографический тип — нетрадиционный для византийского и уникальный для древнерусского искусства, дают основания предположить, что обе буллы могли принадлежать одному лицу и на их оборотной стороне изображен один персонаж — св. Анна, которая держит на правой руке свою дочь Марию.

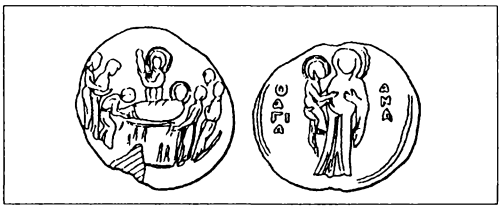
Внешне образ св. Анны с младенцем Марией на свинцовой печати неотличим от изображения Богоматери с Младенцем Иисусом и может быть идентифицирован только при наличии полностью сохранившейся сопроводительной подписи (как в случае с печатью из Белоозера). На подписи печати из Суздаля сохранилась только последняя буква альфа, что не исключает возможности видеть здесь окончание имени Анна.

К какому времени относятся и кому могли принадлежать найденные на Белоозере и в Суздале печати? Публикаторы печати из Белоозера уклоняются от ее

[14] *Гайдуков П. Г., Янин В. Л.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2005 г. Кат. № 347в. Рис. 16 // Новгород и Новгородская земля. История и археология Новгорода. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. См. также: http://russianchange.narod.ru/sfr/2005/s16.html.

[15] Ср.: *Шандровская В. С.* Византийские печати со сценой Успения. С. 82.

датировки, а на вопрос о принадлежности буллы дают лишь весьма неопределенный ответ: она могла принадлежать некоему неизвестному монастырю (?).[16]



Ил. 103. Печать Янин, Гайдуков. №347в из района древнерусского Белоозера с изображениями Успения и св. Анны (прорись худ. С. Л. Богаченко)

Нам кажется, что в решении вопросов атрибуции печатей из Белоозера и Суздаля важную роль может сыграть рассмотренная выше бронзовая привесная иконка из Галича, на обеих сторонах которой представлены те же изображения, что и на упомянутых печатях и которая, по мнению М. В. Седовой, была выполнена по оттиску печати, аналогичной суздальской.[17]

Галицкая привеска с изображением развернутой вправо сцены Успения с шестью апостолами на одной стороне и, как мы предполагаем, св. Анны с младенцем Марией на правой руке на другой примыкает к группе случайных находок произведений мелкой пластики, сделанных на территории древнего Галича (ныне с. Крылос Галицкого района Ивано-Франковской области) в начале 1980-х гг.

В 1981 г. на территории усадьбы, принадлежащей семье Шевчуков, выявлены следы древней ювелирной мастерской. Здесь, в частности, найдено несколько привесных бронзовых и каменных иконок, а также более ста пятидесяти тигельков с остатками бронзы и эмали. На двух иконках, каменной и бронзовой, представлены соответственно поясное и в рост изображения Богоматери в иконографии Одигитрии с Младенцем на левой руке. По-видимому, галицкий ювелир в большей мере был специалистом по художественной обработке металла, и выполненные им иконки из бронзы отличаются более высоким уровнем мастерства.[18]

По мнению Л. В. Пекарской и В. Г. Пуцко, галицкие привесные иконки и вся найденная в 1981 г. мастерская принадлежала византийскому ювелиру, работавшему в Галиче в начале XIII в.[19] К произведениям мелкой пластики галицкой школы относят также найденную на территории Пятницкой церкви летописного Звенигорода (под Львовом) резную каменную иконку со сценой Успения (сохранился только небольшой фрагмент), отличающуюся высоким уровнем исполнения.[20] Есть осно-

---

[16] *Гайдуков П. Г., Янин В. Л.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2005 г. Кат. № 347в. (см. также на Интернет-сайте П. Г. Гайдукова: http://russianchange.narod.ru/sfr/2005/s05.html#16).

[17] *Седова М. В.* Сложение местной иконографии... С. 274.

[18] *Ауліх В.* Ковалі золота, срібла й міді давнього Галича // Жовтень. [Київ,] 1987. № 10. С. 96–100; *Пекарская Л. В., Пуцко В. Г.* Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине // Южная Русь и Византия: Сб. науч. трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1991. С. 136. Новейший обзор памятников мелкой пластики Галицко-Волынской Руси конца XII–XIII вв. см.: *Жишкович В.* Кам'яна пластика Галицько-Волинської держави // Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі. (Мат-ли Міжнарод. наук. конф-ції, 29–30 листопада 2007 р.). Львів, 2008. С. 353–361.

[19] *Пекарская Л. В., Пуцко В. Г.* Византийская мелкая пластика... С. 137.

[20] *Александрович В.* Мистецтво Галицько-Волинської держави. Львів, 1999. С. 55, 120 (іл.); *Жишкович В.* Пластика Русі-України. X–перша половина XIV ст. Львів, 1999. С. 199 (іл.).

вания относить эти памятники к группе произведений декоративно-прикладного искусства работы византийских мастеров, перебравшихся в Южную и Юго-Западную Русь после падения Константинополя в 1204 г.[21]

М. В. Седова по сопутствующим находкам датирует суздальскую печать со сценой Успения на лицевой стороне и женской фигурой с младенцем на обороте концом XI–началом XII вв., полагая, что эта булла стала образцом для изготовления галицкой иконки-привески с аналогичными изображениями, созданной, таким образом, в более позднее время в результате каких-то контактов между владимиро-суздальскими и галицко-волынскими князьями.[22]

Нам представляется, что дело могло обстоять иначе.

Изображения на суздальской и белоозерской печатях, а также галицкой иконке действительно обладают слишком очевидными индивидуальными чертами («обратная» композиция Успения и образ св. Анны, выполненный по типу Богородицы Одигитрии «обратной»), сочетание которых, несомненно, указывает на их общее происхождение. Однако истоки его, как нам кажется, следует искать не в Суздале или Белоозере, а в Галиче.

Печать с уникальным в древнерусской сфрагистике изображением св. Анны могла появиться в арсенале галицко-волынской «великой княгини Романовой» после принятия ею монашества. С ней же связана и уникальная древнерусская житийная икона «Собор праведных Иоакима и Анны», в среднике которой представлена чрезвычайно редкая в христианском искусстве сцена Принесения (Первого Введения) Марии во храм, где Мария изображена сидящей на руках у своей матери Анны и вся сцена весьма напоминает композицию Сретения.[23]

Новым монашеским именем вдовствующей галицко-волынской княгини, как мы видели, стало имя Анна, принятое в память византийской монахини-императрицы Анны Далассины. Что же касается изображения сцены Успения, то подобные изображения, в том числе и по нетрадиционному («обратному») иконографическому типу, как отмечалось выше, использовали на своих личных печатях как сама Анна Далассина, так и ее ближайшие потомки.

* * *

Остается объяснить, каким образом печати галицко-волынской княгини-монахини Евфросинии-Анны могли оказаться на противоположном конце Руси — в Суздале и далеком Белоозере. Кажется, имеющиеся у нас данные позволяют получить ответ и на этот непростой вопрос.

В первой половины XIII в. в Суздале жила и прославилась своими христианскими добродетелями монахиня, причисленная впоследствии к лику святых под именем Евфросинии Суздальской. Из Жития Евфросинии, составленного во второй половине XVI в. в связи с ее канонизацией в 1576 г., известно, что отцом будущей

[21] См.: *Пуцко В. Г.* Константинопольские мастера на Руси накануне монголо-татарского вторжения // Россия и христианский Восток / Отв. ред. Б. Л. Фонкич. Вып. 1. М., 1997.

[22] *Седова М. В.* Суздаль в X–XV веках. С. 197–198.

[23] Подробнее об этом см. в предыдущей главе настоящего исследования.

святой был черниговский князь Михаил Всеволодович. В возрасте 15 лет княжна Феодулия (таково ее крестильное имя) была обручена с неким суздальским князем по имени Мина Иванович. Согласно Житию, Мина был потомком варяга Шимона, считающегося родоначальников династии московских тысяцких.[24]

После неожиданной кончины жениха княжна Феодулия приняла монашеский постриг в суздальском Ризоположенском монастыре и получила имя в честь прп. Евфросинии Александрийской. По ее инициативе вскоре был основан суздальский во имя Св. Троицы женский монастырь для пострига «мужатых жен». Молитва Евфросинии спасла Ризоположенскую обитель во время Батыева нашествия. По Житию, преподобная духовно поддержала своего отца князя Михаила накануне его мученической кончины в Золотой Орде, прислав ему «книгы» (письмо) с увещеванием не выполнять языческих обрядов, но пострадать за Христа. Евфросиния при жизни совершила многочисленные чудеса исцеления, побеждала в духовной брани бесов, предсказала «великий трус» (землетрясение) в Суздале, прекратившийся по ее молитве.[25]

Даты рождения и смерти Феодулии-Евфросинии неизвестны.[26] Принято считать, что она в действительности была обручена с сыном владимиро-суздальского князя Ярослава Всеволодовича Федором (старшим братом Александра Невского), княжившим в Новгороде и неожиданно умершим в юном возрасте в 1233 г.[27] Федор Ярославич — единственный из известных по достоверным источникам князей Владимиро-Суздальской Руси, кто мог бы подходить на роль несостоявшегося супруга Феодулии Михайловны. Сведения Жития Евфросинии о суздальском «благоверном великом князе Мине Иоанновиче», который превосходил всех знатностью происхождения («род же их от Клавдия кесаря Римскаго; от того убо корене род Суждальскихъ князеи»),[28] носят явно легендарный характер.

Есть все основания считать, что будущая суздальская святая приходилась внучкой галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу. По свидетельству Галицко-Волынской летописи, когда осенью 1239 г. Михаил Всеволодович бежал из Киева в Венгрию,

---

[24] Князь с именем Мина, помимо Жития Евфросинии Суздальской, упоминается в синодиках суздальского Рождественского собора XVII–XVIII вв. (ГИМ. Уваровское собрание. № 242. Л. 6; № 252. Л. 154). О достоверности легенды о варяге Шимоне как родоначальнике московских тысяцких см.: *Кучкин В. А.* Вельяминовы на службе у московских князей в XIV–начале XV вв. // *Кулешов А. С.* Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009.

[25] *Колобанов В. А.* 1) Владимиро-Суздальская литература XIV–XVI вв. Вып. 1. Владимир, 1975. С. 78–98; Вып. 3. М., 1978. С. 60–102; 2) Владимиро-Суздальские литературные памятники XIV–XVI вв. М., 1982. С. 54–92; *Клосс Б. М.* Житие Евфросинии Суздальской // *Клосс Б. М.* Избр. труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001.

[26] Указываемые некоторыми авторами даты жизни Феодулии-Евфросинии (1212–1250) не имеют опоры в источниках.

[27] *Баумгартен Н. А.* 1) Вторая ветвь князей Галицких. Потомство Романа Мстиславича // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 1 (17). М., 1909. С. 12 и сл.; 2) Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Du X° au XIII° siécle. Roma, 1927 (Orientalia Christiana. IX. Ser. I. Nr. 35). P. 54–55; *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza // SO. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4. S. 125; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 52–53.

[28] *Клосс Б. М.* Житие Евфросинии Суздальской. С. 381.

Ил. 104. Княжна Феодулия просит принять ее в обитель. Миниатюра XVII в. Иллюстрированный список Жития св. Евфросинии Суздальской. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Россия)

его жена и бояре оказались в плену у некоего князя Ярослава (возможно, луцкого князя Ярослава Ингваревича).[29] За черниговскую княгиню вступился Даниил Романович Галицкий, называя ее своей сестрой: «Поусти сестроу ко мне», — просил он Ярослава. Последний внял этой просьбе, и вскоре «приде к нима сестра, к Данилоу и Василкоу, и держаста ю во велице чести»; по возвращении Михаила из Венгрии Даниил и Василько примирились с ним и «вдаста емоу сестроу», то есть возвратили свою сестру ее законному мужу.[30]

Из приведенных известий явствует, что Михаил Всеволодович был женат на родной сестре Даниила и Василька Романовичей. Из Любецкого синодика известно ее имя — Елена. В синодик дважды подряд внесена память черниговского князя Михаила, вместе с боярином Федором и княгиней Еленой: «Вел[икого] кн[язя] Михаила чер[ниговского] Всеволодича, Святославля внука, и боярина его Феодора, непоклонившихся Солнцу и неходившихъ около Куста, убиенныхъ отъ татаръ за православную Веру; князя Михаила и княгиню его Елену».[31]

Считается, что Елена Романовна была выдана замуж за Михаила Всеволодовича ок. 1211 г., так как в следующем, 1212 г. родилась их дочь Феодулия. На этом основании делается вывод, что княжна Елена была дочерью Романа Мстиславича от его первого брака с Предславой Рюриковной.[32] Однако обе приведенные даты, как и дата пострига Феодулии-Евфросинии (1227), не имеют никакой опоры в источниках и потому не могут считаться достоверными; они возникли в результате догадок историков XIX в. и приняты последующими авторами без всякой проверки.[33]

---

[29] *Грушевський М.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Т. XLI. Львів, 1901. С. 28; Літопис Руський: За Іпатським списком переклав Л. Є. Махновець. Київ, 1989. С. 395. Не исключено, что упомянутым в летописи князем Ярославом мог быть Ярослав Всеволодович, занимавший тогда столы в Новгороде и Переяславле (*Dimnik M.* Russian princes and their identities in the first half of thirteenth century // Medieval Studies. T. 40. Toronto, 1978. P. 180–184; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 51).

[30] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 782-783.

[31] Синодик Любецкого Антониевского монастыря. Чернигов, 1902. С. 17.

[32] *Войтович Л. В.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX–початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. С. 225, 379, 381; *Донской Д. В.* Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008. С. 532.

[33] См.: *Клосс Б. М., Маштафаров А. В.* Евфросиния Суздальская // Православная энциклопедия. Т. XVII. М., 2008.

Скорее всего Феодулия Михайловна должна была родиться несколькими годами позднее. И. Граля считает наиболее вероятным годом рождения княжны 1219-й, поскольку в этом же году родился и ее будущий жених Федор Ярославич. Если так, то бабушкой Феодулии по матери следует считать вторую жену Романа Мстиславича, прибывшую на Русь из Византии.[34] Это предположение И. Грали как наиболее обоснованное принимает и Д. Домбровский.[35]

Став монахиней после смерти своего жениха, Феодулия приняла имя Евфросинии, какое носила ее бабка по матери Евфросиния Галицкая. Этот факт дает основания заключить, что между ними существовала какая-то личная связь и поддерживались близкие отношения. Возможно, налаживанию этих отношений способствовала мать Феодулии Елена, которая, как мы только что видели, в конце 1230-х гг. на некоторое время вернулась в свою родительскую семью и, надо думать, была встречена не только своими братьями Даниилом и Васильком Романовичами, но и матерью, доживавшей свои дни в монастыре.

Найденная в Суздале вислая свинцовая печать галицко-волынской княгини монахини Анны, таким образом, является свидетельством ее переписки со своей внучкой, также принявшей монашество.

Другая внучка галицко-волынской княгини Евфросинии-Анны, старшая дочь Михаила Всеволодовича и Елены Романовны, волею судьбы также оказалась во Владимиро-Суздальской Руси. Лаврентьевская летопись сообщает, что незадолго перед 12 февраля 6735 (1228) г. внук Всеволода Юрьевича Большое Гнездо ростовский князь Василько Константинович женился на княжне Марии, дочери Михаила Черниговского.[36] Первый сын, названный Борисом, в этом браке родился 24 июля 6739 (1231) г.[37] Спустя шесть лет, в 1237 г., родился его брат, получивший имя Глеба.[38]

Этому правнуку Евфросинии Галицкой суждено было стать родоначальником белозерских князей. После смерти отца, погибшего в 1238 г. от рук татар, Глеб Василькович получил Белоозеро в удел. Таким образом, при нем этот город выделился из состава Ростовского княжества.[39]

С 1251 г. Глеб Василькович постоянно находился в Белоозере. Под этим годом в Лаврентьевской летописи читаем: «Поеха Глеб на Белоозеро в свою отчину».[40] Возможно, юного князя сопровождала и затем навещала его мать, вдовствующая ростовская княгиня Мария Михайловна. К ней или ее сыну, своим внучке и правнуку,

[34] *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza. S. 125.

[35] *Dąbrowski D.* 1) Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 52–53; 2) Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 296–297.

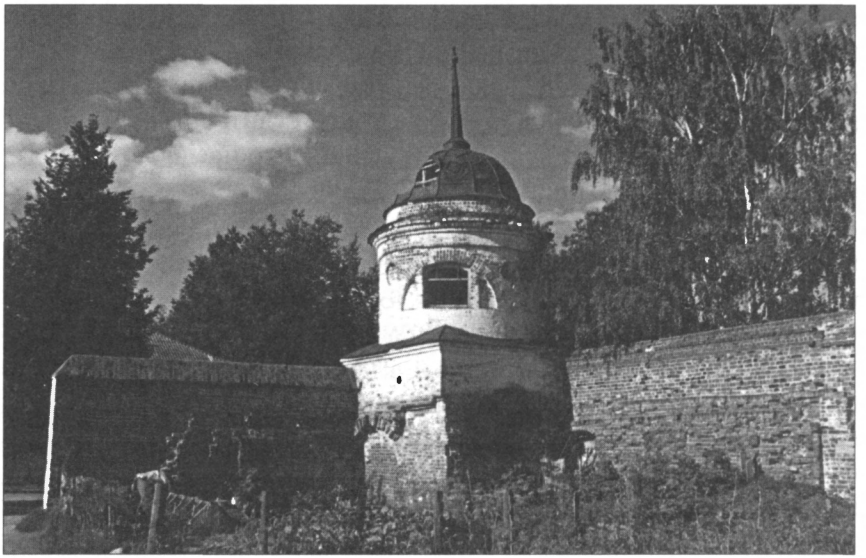
[36] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 435. О датировке этого известия см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 98.

[37] ПСРЛ. Т. I. Стб. 435.

[38] По свидетельству Симеоновской летописи, Глеб умер 13 декабря 6786 (1278) г. 41 года от роду (Там же. Т. XVIII. М., 2007. С. 76); следовательно, он родился в 1237 г.

[39] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 154–157; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 120; *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 104.

[40] ПСРЛ. Т. I. Стб. 473. См. также: Там же. Т. X. М., 2000. С. 138.



Ил. 105. «Святые врата». Сохранившийся фрагмент ансамбля древнего Троицкого монастыря. Ныне являются частью стены расположенного рядом Ризоположенского монастыря. Современный вид (Суздаль, Владимирская область, Россия)

вероятнее всего, и были адресованы послания галицко-волынской княгини-монахини Евфросинии-Анны, о которых свидетельствует найденная в Белоозере печать с изображением св. Анны.

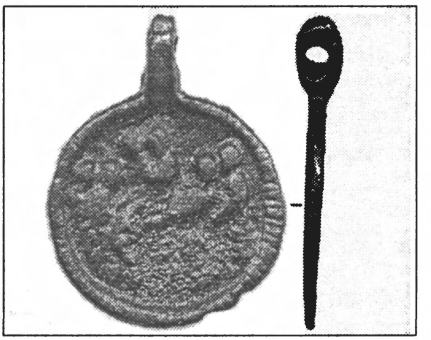
Печать была найдена в том месте (близ южного берега Белого озера, у истока р. Шексны), где в X–XIII вв. находился древний город Белоозеро (ныне с. Крохино Белозерского района Вологодской области). В XIV в., после эпидемии, город был перенесен на новое место (в 17 км к западу), где находится современный г. Белозерск.[41]

Примечательно, что печать обнаружена в устье р. Васильевка — правого притока Шексны, где до 1930-х гг. на небольшом кургане существовала часовня, посвященная св. Василию Великому и свв. князьям Борису и Глебу. При входе в часовню справа находилась каменная гробница, в которой, по преданию, был погребен князь Глеб Василькович. Дважды в год, 2 мая и 24 июля, здесь служили панихиду по князю Глебу. В середине XIX в. жители окрестных деревень рассказывали, что часовня была построена на месте древней церкви, посвященной св. Василию и упраздненной после запустения Старого Белоозера.[42]

В 1993 г. на правом берегу Шексны, неподалеку от устья р. Васильевки, в районе Старого Белоозера, найдена круглая бронзовая иконка-привеска со сценой Успения Богородицы. Изображение представлено по тому же иконографическому типу

[41] См.: *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро.

[42] *Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори: Сб. ст. / Сост. А. А. Турилов. М., 2000. С. 196.



Ил. 106. Бронзовая иконка-привеска с изображением развернутой вправо сцены Успения из района древнерусского Белоозера (по Н. А. Макарову)

(«обратному») с разворотом всей композиции вправо, что и на рассмотренных выше предметах — суздальской и белозерской вислых печатях, а также иконке-привеске из Галича. Диаметр вновь найденной белозерской привески (20 мм) несколько меньше, чем у привески из Галича, меньше и число изображенных апостолов: просматриваются четыре фигуры.[43]

Бронзовые привесные иконки со сценой Успения, имеющей характерный разворот вправо, находят в окрестностях древнего Белоозера давно. Шесть таких иконок найдены в погребальном кургане на р. Суде близ деревень Митино и Зворыкино Белозерского района Вологодской области.[44] Подобные предметы найдены и в других местах Владимиро-Суздальской земли. На некоторых из них с обратной стороны просматриваются полустертые изображения женской фигуры в рост с младенцем на правой руке, выполненные по типу Богородицы Одигитрии «обратной».[45]

Размышляя об истоках необычной для древнерусского искусства традиции изображения Успения на привесных иконках Северо-Восточной Руси, М. В. Седова писала: «Возможно, что изменение положения фигур на описываемых предметах объясняется зеркальностью отливок с форм, на которых изображение было обращено традиционно влево. Но скорее такое композиционное решение мастер-ювелир заимствовал с какого-то хорошо известного ему произведения "высокого" искусства». В качестве такого возможного образца исследовательница указывает на имеющую тот же нетрадиционный разворот вправо композицию Успения, выполненную на позолоченной пластине, украшающей створ западных Златых врат собора Рождества Богородицы в Суздале.[46]

Если действительно композиция Успения Златых врат суздальского собора явилась образцом для тиражирования подобной сцены на произведениях мелкого литья местных мастеров, то это также не исключает возможности заимствования указанной нетрадиционной схемы изображения с какого-то яркого произведения «высокого» византийского искусства, привезенного в Суздаль из Галича. Согласно наиболее распространенной точке зрения, Златые врата для Богородице-Рождественского собора были изготовлены в 1230-е гг.[47] Эта дата, как мы видели, совпадает со

[43] *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 64, 160, 344. Кат. № 162. Рис. 75.4.

[44] *Спицын А. А.* Курганы Белозерского уезда // Записки Русского археологического общества. Т. VIII, вып. 1–2. 1896. С. 160–162; *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом озере // СА. 1962. № 3.

[45] *Седова М. В.* 1) Сложение местной иконографии...; 2) Суздаль в X–XV веках. С. 198.

[46] См.: *Седова М. В.* 1) О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси. С. 192; 2) Сложение местной иконографии... С. 277.

[47] См.: *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 6. СПб., 1899. С. 72–74; *Уваров А. С.* Двери бронзовые — византийские и русские // *Уваров А. С.* Сборник

временем прибытия в Суздаль и начала монашеской жизни Феодулии-Евфросинии, внучки «великой княгини Романовой» Евфросинии-Анны.

* * *

Не исключено, что галицко-волынской княгине-монахине Евфросинии-Анне принадлежала и отмеченная выше группа печатей с изображением сцены Успения в традиционной иконографии (Янин, Гайдуков. №343-2, 343а, б).

Успение в традиционной иконографии сравнительно более широко встречается в византийской сфрагистике комниновского времени. В собрании Думбартон Оукс (Джорджтаун, США) хранится золотой перстень с инталией, представляющей собой глубоко вырезанное изображение сцены Успения на отшлифованной золотой пластинке. Инталия в перстне применялась в качестве матрицы для печатей. Сцена Успения с двенадцатью апостолами и ангелом вырезана на реверсе инталии в обратном виде, что при оттиске на печати давало традиционное изображение. Инталия и перстень изготовлены в Константинополе, однако относятся к разному времени: инталия датируется XI в., перстень же выполнен уже в поствизантийскую эпоху (XVI в.).[48]

Известно несколько византийских печатей со сценой Успения в традиционной иконографии с изображениями ангелов, две из которых хранятся в коллекции Государственного Эрмитажа. Примечательно, что все эти печати, судя по их сохранившимся легендам, принадлежали одному лицу — Иоанну Кастамониту.[49] Среди представителей рода Кастамонитов известно несколько с именем Иоанн. Один из них, живший во второй половине XII в., какое-то время состоял ритором при константинопольском патриархе Василии II Каматире, а затем стал митрополитом Халкидонским.[50] Сохранилось несколько принадлежавших ему печатей с изображениями, не соответствующими печатям из Эрмитажа.[51] Тем не менее эти последние современные специалисты также атрибутируют Иоанну Кастамониту, митрополиту Халкидонскому и датируют концом XII–началом XIII вв.[52]

Иоанн Кастамонит (1150–1204?) состоял в близком родстве с Евфросинией Кастамонитиссой (ок. 1125 — между 1185 и 1195), матерью императоров Исаака II и Алексея III Ангелов.[53] Эта знатная византийская дама уже привлекала наше

мелких трудов. Т. I. М., 1910. С. 58–66; *Медведева Е. С.* О датировке врат Суздальского собора // КСИИМК АН СССР. Вып. 2. М.; Л., 1945; *Лазарев В. Н.* Живопись Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства. Т. I. М., 1953. С. 478–484; *Янин В. Л.* О датировке врат Суздальского собора // СА. 1959. № 3; *Овчинников А. Н.* Суздальские Златые врата. М., 1978; *Медынцева А. А.* Подписные шедевры древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики XI–XIII вв. М., 1991. С. 154–213.

[48] *Ross M. C., Zwirn St. R., Boyd S. A.* Catalogue of the Byzantine and Early mediaeval antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. II. Washington, 2005. P. 88. Nr. 123.

[49] *Лихачев Н. П.* Историческое значение итало-греческой иконописи. С. 142; Искусство Византии в собраниях СССР. Т. 2. М., 1977. С. 143. № 783; *Шандровская В. С.* Византийские печати со сценой Успения. С. 86–87. Рис. 7–8.

[50] *Κατσαρός Β.* Ιωάννης Κασταμονίτης: συμβολή στη μελέτη του βίου, του έργου και της εποχής του. Θεσσαλονίκη, 1988.

[51] *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'empire byzantine. T. V, part 3.Paris, 1972. P. 78. Nr. 1719.

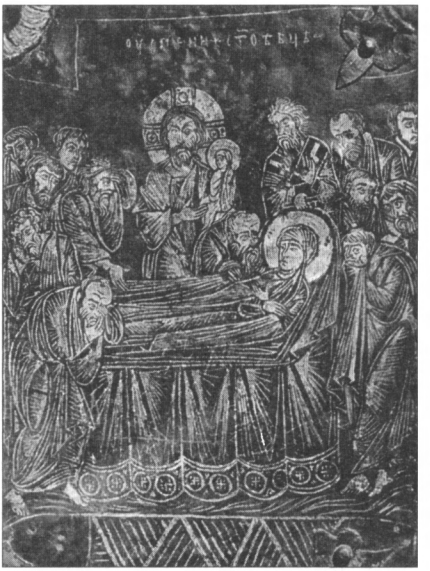
[52] *Κατσαρός Β.* Ιωάννης Κασταμονίτης... Σ. 143. Nr. 22.

[53] *Βάρζος Κ.* Η γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 807 και σλ.

внимание в связи с тем, что, по всей видимости, в ее честь Евфросинией была названа старшая дочь Исаака и будущая жена галицко-волынского князя Романа Мстиславича. Не исключено, что в детские годы царевна Евфросиния поддерживала близкие отношения со своей бабкой и другими родственниками со стороны Кастамонитов, особенно после того, как умерла ее собственная мать, первая жена Исаака.

Есть еще один важный, на наш взгляд, признак, позволяющий связывать печати группы Янин, Гайдуков. № 343-2, 343а, б с князьями Галицко-Волынской Руси.

С обратной стороны на печатях можно видеть изображение шестиконечного иерусалимского креста. Подобные изображения встречаются и на других памятниках древнерусской сфрагистики.[54] Однако в нашем случае изображение креста имеет характерную особенность: крест стоит на подножии, образуемом несколькими сужающимися кверху ступенями.



Ил. 107. Успение Богородицы. Золочение по меди. 1230-е гг. Композиция западных Златых врат собора Рождества Богородицы (Суздаль, Владимирская область, Россия)

Насколько можно судить, изображение креста на подножии в виде ступенчатой пирамиды в византийской иконографии имело свой особый смысл. Подобная иконографическая формула использовалась для передачи образа обретенной в Иерусалиме реликвии Истинного Древа Креста Господня. Иными словами, в данном случае речь может идти о воспроизведении не абстрактного символа-знака, каким является любое изображение креста в христианском искусстве, а именно Голгофского креста, ставшего главной реликвией христиан. Наиболее известными примерами такой иконографии являются относящиеся к VI–VII вв. изображения Голгофского креста в Константинополе и Риме — в мозаичном панно на западной стене Софийского собора и в росписи катакомб Понтиануса.[55]

Изображение креста на ступенчатом возвышении кивория, по-видимому, соответствовало реальному расположению праздничных крестов (символизировавших собой Голгофский крест) в византийских храмах — над престолом под сенью из драгоценных тканей. Именно такой крест, как представляется, видел и описал новгородский паломник Добрыня Ядрейкович, посетивший Константинопольскую Софию 21 мая 1200 г. во время службы на праздник свв. Константина и Елены.[56]

[54] См., например: *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. № 324, 324а, 325, 325а, 333, 333а–в, 336, 336а, 338а, 339а, б, 340а, 341а, в, г, 342, 342а–в.

[55] *Weitzmann K., Ševcenko I.* The Moses Cross at Sinai // Studies in the Arts at Sinai / Essays by K. Weitzmann. Princeton, 1982. Pl. 9–10.

[56] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. Стб. 88–89.

Заметим, что на ранних памятниках с изображениями Голгофского креста последний передавался в форме простого латинского (четырехконечного) креста, распространенного в иконоборческую эпоху. Однако начиная с XI в. преобладающими становятся изображения в форме так называемого патриаршего (шестиконечного) креста с двумя перекладинами.[57]

Изображение шестиконечного креста на подножии из трех сужающихся ступеней широко распространено в византийской сфрагистике и особенно часто встречается на печатях XI–XII вв.[58] Важно подчеркнуть, что крест на ступенях в византийской сфрагистике служит специальным знаком для передачи именно Голгофского креста. Помимо трех ступеней подножия, также именуемых «голгофскими», на связь изображения с Истинным Крестом Господним указывают характерные надписи, выполненные по сторонам креста.[59] К наиболее распространенным надписям принадлежит та, которую можно видеть и на печатях Янин, Гайдуков. № 343-2, 343а, б, представляет собой буквенные обозначения под титлами греческих слов:

IC–XC NI–KA
I[HΣOY]C X[PIΣTO]C NIKA
ИИСУС ХРИСТОС, ПОБЕЖДАЙ.

В комниновское время Голгофский крест в форме шестиконечного креста не только представлен в произведениях изобразительного искусства. Тогда же в Константинополе были изготовлены многочисленные реликварии, содержащие в себе частицу Истинного Креста Господня и имевшие вид богато украшенного шестиконечного креста с двумя перекладинами, к перекрестьям которого прикреплялись частички Истинного Древа.[60]

Одни из таких реликвариев — Крест императора Мануила Комнина — в начале XIII в. оказался в Галицко-Волынской Руси, вероятно, в качестве приданого второй жены Романа Мстиславича, византийской царевны Евфросинии Ангелины. В течение полутора столетий реликвия почиталась как одна из главных святынь галицко-волынских князей. В 1340 г., после захвата Львова польским королем Казимиром Великим, Крест Мануила был вывезен в Краков и оказался в сокровищнице польских королей. Отсюда в 1669 г. реликвия была тайно вывезена в Париж бывшим королем Яном Казимиром после его отречения от польского престола. Сменив нескольких владельцев, Крест Мануила в настоящее время хранится в ризнице собора Парижской Богоматери и почитается как одна из его главных реликвий.[61]

В XIII–XIV вв. шестиконечный крест стал геральдическим знаком правителей Галичины и Волыни, а со временем и литовско-русских князей. Такой крест с двумя горизонтальными перекладинами можно видеть на печатях и монетах великого князя Литовского Владислава-Ягайло, датируемых 1386–1410 гг., и наместника великого князя Скиргайло, датируемых 1388–1394 гг. В дальнейшем шестиконечный

[57] *Шалина И. А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005. С. 141.

[58] См., например: *Лихачев Н. П.* Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. Табл. LVIII. 1–4, 6–12.

[59] Там же. С. 31.

[60] См.: *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. Recherches sur le développement d'un kulte. Paris, 1961.

[61] Подробнее см. в главе 28 настоящей работы.

крест постоянно изображается на щите всадника в государственном гербе Великого княжества Литовского («Погоня»), а также в гербах некоторых удельных княжеств.[62] Из западноевропейских источников первой половины XV в. известно, что на литовско-русских гербах золотой крест помещался в щите на лазоревом поле.[63]

Истоки такой геральдики восходят, по-видимому, ко второй половине XIII в. Есть некоторые основания предполагать, что шестиконечный иерусалимский крест мог изображаться на личном гербе галицкого и перемышльского князя Льва Даниловича и затем в несколько измененном виде был представлен на городском гербе Старого Самбора.[64]

О том, что изображение шестиконечного креста в средневековой европейской геральдике могло означать воспроизведение образа Истинного Креста Господня как наиболее почитаемой христианской реликвии, свидетельствуют случаи использования шестиконечного креста в личных гербах некоторых венгерских королей.

С 1190 г. известен герб венгерского короля Белы III, сохранившийся на нескольких его печатях и монетах и представляющий собой щит с изображением шестиконечного креста (с двумя перекладинами). С 1247 г. известен герб венгерского короля Белы IV, также представляющий собой щит с изображением шестиконечного креста. Щит в гербе названных венгерских королей еще не был разделен на части, и большой шестиконечный крест занимал все его внутреннее поле. Из позднейших изобразительных источников известны цвета упомянутых гербов: серебряный крест помещался на одноцветном червленом поле щита. Изображение шестиконечного креста присутствует и в других исторических венгерских гербах, а также в государственном гербе современной Венгрии. На протяжении нескольких столетий шестиконечный крест являлся одной из королевских инсигний и был частью венгерской королевской короны.[65]

По мнению Э. Ковач, раннее использование иерусалимского креста в средневековой венгерской геральдике непосредственно связано с шестиконечной формой древних реликварных крестов, приобретенных некоторыми членами династии Арпадов благодаря их союзническим и родственным отношениям с византийскими императорами. Использование двойного креста в королевских гербах может быть прямым указанием на главную королевскую реликвию Венгрии — Крест Св. Стефана. Этот крест в 1007 г. был пожалован королю Иштвану (Стефану) I императором Василием II по случаю принятия Венгрией христианства. Со временем Крест Св. Стефана стал частью венгерской королевской короны и сохранялся в таком виде до середины XVI в. После утраты реликвии ее место в короне занял заново изготовленный крест в форме римского (четырехконечного) креста.[66]

---

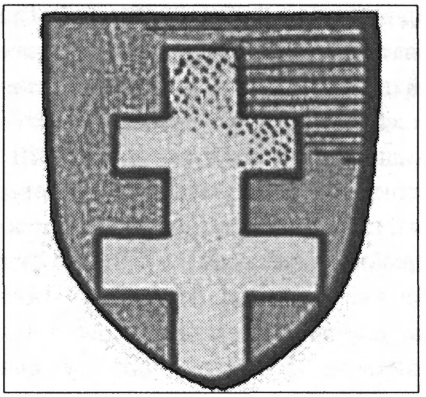
[62] *Gumowski M.* Pieczęcie książąt litewskich // Ateneum wilenskie. Wilno, 1930. R. VII. Z. 3/4; *Kuczyński S. K.* Polskie herby ziemskie. Geneza, treści, funkcje. Warszawa, 1993. S. 32; *Однороженко О.* Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. Харків, 2009. С. 11.

[63] *Однороженко О.* Руські королівські, господарські та князівські печатки... С. 11, 37, примеч. 110.

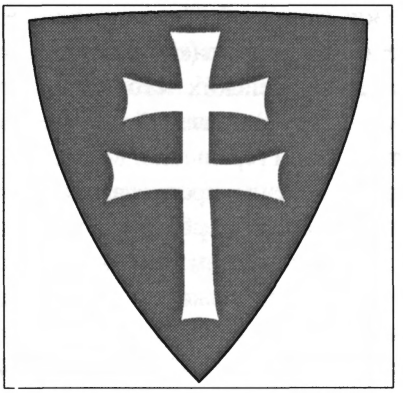
[64] *Мицько І.* Герб первісного Самбора // Старосамбірщина. Альманах. Т. 3. Старий Самбор, 2004.

[65] *Tóth E.* Die Ungarischen Krönungsinsignien. Budapest, 1996; *Tóth E., Szelényi K.* Die heilige Krone von Ungarn. Budapest, 2000.

[66] *Kovács É., Lovag Zs.* 1) Die Ungarischen Krönungsinsignien, Budapest, 1980; 2) The Hungarian Crown and other regalia. Budapest, 1986.



Ил. 108. Шестиконечный крест Ягеллонов в Гербовнике Ж. Лефевра де Сен-Реми, гербового короля ордена Золотого Руна (30-е гг. XV в.)



Ил. 109. Герб венгерского короля Белы III. Реконструкция Э. Ковач по данным источников конца XII–XV вв.

Важно подчеркнуть, что в обоих наиболее ранних случаях изображения шестиконечного креста на венгерских королевских гербах можно говорить о непосредственном влиянии на зарождающуюся венгерскую геральдику византийской традиции почитания Честного Креста вследствие особых личных контактов упомянутых королей с византийским двором: Бела III многие годы провел в Константинополе, где получил воспитание и образование, а Бела IV был женат на дочери никейского императора Феодора I Ласкаря.[67]

Как и венгерские короли конца XII–XIII вв., князья соседней Галицко-Волынской Руси должны были в такой же мере испытывать влияние византийских традиций благодаря второму браку Романа Мстиславича с царевной Евфросинией Ангелиной. Речь должна идти в том числе и о византийской традиции почитания Честного Креста, одна из важных реликвий которого — Крест Мануила Комнина — в начале XIII в. оказалась в Галиче.

Неудивительно, что на печатях галицко-волынских князей уже в XIII в. могли появиться изображения шестиконечного иерусалимского креста. Использование такого знака на личной печати князя Льва Даниловича тем более вероятно, что этот князь был женат на дочери венгерского короля Белы IV Констанции.

Что же касается возможной атрибуции группы древнерусских печатей Янин, Гайдуков. №343-2, 343а, б, то сочетание изображений шестиконечного креста на ступенчатом подножии и сцены Успения более всего склоняет к выводу, что мы имеем дело с еще одной разновидностью печатей, принадлежавших галицко-волынской княгине-монахине Евфросинии-Анне.

---

[67] См.: *Bárány-Oberscall M., von.* Die Sankt Stephans-Krone und die Insignien des Königreichs Ungarn. Wien; München, 1974.

ВИЗАНТИЯ И ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК В ПОЛИТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ, РЕЛИКВИЯХ И ИМЕНОСЛОВЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ

Глава двадцать восьмая

КРЕСТ ИМПЕРАТОРА МАНУИЛА[1]

Крест-реликварий собора Парижской Богоматери. — Пребывание реликвии в королевской казне Речи Посполитой. — Вопрос об идентификации Κομνηνός Μανουήλ στεφηφόρος. — О возможных путях передачи императорской реликвии в Галич. — Реликвии Животворящего Креста в средневековой Руси. — Кресты-реликварии Волынской земли

В ризнице собора Парижской Богоматери среди наиболее почитаемых реликвий до нашего времени сохранился древний крест-реликварий, содержащий в себе частицу Честного Животворящего Креста Господня.[2] Он имеет форму двойного, или иерусалимского, креста, к которому с обратной стороны прикреплена золотая пластинка с надписью на греческом языке, состоящей из двух небольших ямбических стихов:

Иисус Христос,
Пригвожденный ко кресту, Тот, Кто возвеличил род человеческий;
Так написал Мануил Комнин Венценосец.[3]

Этот крест и в особенности греческая надпись на нем неоднократно привлекали к себе внимание ученых. Первым в начале XVIII в. его исследовал и описал Бернар де Монфокон (1655–1741) — основоположник современной греко-византийской палеографии.[4] Изучению реликвии посвящено и несколько специальных исследований.[5]

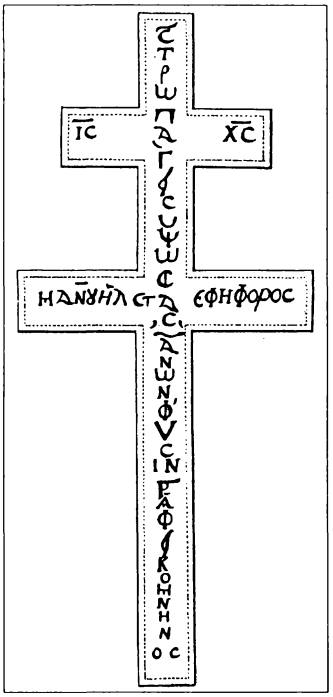
[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* Византия, Польша, Венгрия и Галицко-Волынская Русь: Откуда происходит крест Мануила Собора Парижской Богоматери // Україно-угорські етюди / Відп. ред. Л. В. Войтович. Вип. 1. Львів, 2010.

[2] *Auzas P. M., Capner G.* Notre-Dame de Paris. Le Trésor. 2 ed. Paris, 1989. Nr. 12.

[3] I[HΣOY]C X[PIΣTO]C,
Στ[αυ]ρῶ παγεὶς ὑψώσας ἀν[θρώπ] ων φύσιν
Στ Γράφει Κομνηνός Μανουὴλ στεφηφόρος.

[4] *Montfaucon B.* Paleographia graeca. Paris, 1708. P. 309.

[5] См.: *Raffin L.* Une insigne relique de la Vraie Croix au trésor de Notre-Dame de Paris. La croix palatine. Paris, 1939. Из новейших работ см.: *Dąbrowska-Zawadzka E.* La relique de la Vraie Croix appartenant a Manuel Comnène // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. Paris, 1987; *Dąbrowska E.* 1) Królów polskich relikwiarz koronacyjny Krzyża Świętego // Kultura średniowieczna



Ил. 110. Греческая надпись на кресте-реликварии Мануила Комнина собора Парижской Богоматери. Прорись

В связи с проведением в 1992–1993 гг. в Париже международной выставки «Византия — шедевры византийского искусства в публичных собраниях Франции» крест-реликварий из собора Парижской Богоматери был подвергнут тщательной научной экспертизе, проводившейся специалистами Музея Лувра.[6]

Экспертиза подтвердила древность креста и установила, что реликварий был изготовлен в форме двойного креста из светлого дерева (ботаническая экспертиза при этом не проводилась), к которому прикреплена смоченная в пчелином воске частица Животворящего Креста, хорошо заметная благодаря своему более темному цвету. Дерево реликвария плотно обрамлено с трех сторон тонкими золотыми пластинками, окаймляющими также края его лицевой стороны и создающими подобие плотно прилегающего оклада.

С тыльной стороны дерево реликвария дополнительно прикрывает золотая пластинка с греческой надписью, прикрепленная при помощи специальных небольших зубцов, устроенных на скругленной кромке оклада. Золотую пластинку с надписью по краям украшают декоративные полоски, состоящие из небольших округлых углублений со следами непрозрачной эмали темно-небесного, зеленого, светло-зеленого и кирпичного оттенков. Буквы надписи, вероятно, также были выполнены непрозрачной эмалью небесного цвета более светлого оттенка.

Крест вместе с окладом достигает 21 см в высоту и имеет ширину плеч 6,7 и 9,3 см соответственно.[7]

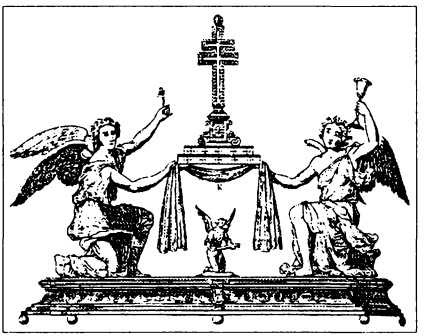
О пребывании этой реликвии во Франции известно со второй половины XVII в. С 1684 г. крест находился в аббатстве Сен-Жермен де Пре — старейшей и наиболее почитаемой христианской обители Франции, основанной в середине VI в. и просуществовавшей до Великой французской революции. Здесь реликвия

i staropolska. Studia ofiarowane A. Gieysztorowi w pięćdziesięcioletie pracy naukowej. Warszawa, 1991; 2) Jeszcze o relikwii Krzyża Świętego i relikwiarzu koronacyjnym królów polskich // KH. 1993. R. 100. Nr. 2; *Durand J.* La Vraie Croix de la princesse palatine au trésor de Notre-Dame de Paris: Observations techniques // Cahiers Archéologique Paris, 1992. T. 40; *Derwich M.* Pacyfikał koronacyjny królów polskich // KH. 1991. R. 98. Nr. 4; 2) Le baiser de paix utilisé lors du couronnement des rois de Pologne et déposé au Trésor de Notre-Dame de Paris. Considerations sur l'importance des croix et des reliques pour le couronnement des rois de Pologne // Cahiers de Civilization Mediévales 38. 1995.

[6] Byzance — L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Musé du Louvre, 3.11.1992–1.2.1993. Cataloque d'exposition. [Paris, 1992]. P. 444–445. Nr. 340.

[7] *Durand J.* La Vraie Croix de la princesse palatine... P. 139–146.

почиталась как одна из главных святынь монастыря и всей Франции. Специально для нее королевскими ювелирами по эскизу главного придворного художника Людовика XIV Шарля Ле Бруна (1619–1690) был изготовлен новый пышный реликварий.[8]



Ил. 111. Реликварий «Страсти Спасителя». По эскизу Ш. Ле Бруна. Конец XVII в. Аббатство Сен-Жермен де Пре (с гравюры начала XVIII в.)

Золотую оправу креста украшало множество драгоценных камней — бриллиантов, жемчугов, рубинов и аметистов. Один из бриллиантов отличался особо крупными размерами. Сама реликвия была видна сквозь плитки горного хрусталя, вмонтированные в оправу. Эта оправа, очевидно, была создана до прибытия реликвии во Францию, возможно, еще в средние века и затем дополнительно украшена мастерами эпохи Возрождения.[9]

Подставка креста, в которой заняли свое место и некоторые другие важнейшие реликвии аббатства, была выполнена в виде сложной многофигурной композиции из позолоченного серебра и также украшена бриллиантами, сложенными в форме равноконечных крестов. Крест держали в руках два коленопреклоненных ангела в длинных одеждах с распущенными крыльями. Ангел, расположенный справа от креста, в поднятой вверх правой руке держал головку гвоздя, которым Иисус Христос был прибит к кресту. В левой руке другого ангела, располагавшегося слева от креста, находился хрустальный сосуд, в котором был заключен миниатюрный ангел, завернутый в красную тафту и держащий на голове кусочек ткани, смоченный в крови Спасителя. Вниз от креста свисали края поддерживаемого ангелами подобия савана. У ног ангелов находился еще один, стоящий на коленях маленький ангел, выполненный из позолоченной меди, держащий в руках золотой крест с частицей Животворящего Креста. Вся композиция, получившая название «Страсти Спасителя», помещалась на восьмиугольном постаменте из позолоченной меди с серебряными филигранными вставками, стоящем на десяти шарах. Постамент также украшал знак герба Бурбонов (?). Общая высота композиции достигала 90 см, а ширина — 120 см.[10]

Во время Великой французской революции имущество аббатства Сен-Жермен де Пре было конфисковано или разграблено. Великолепный реликварий «Страстей

[8] *Bouillart J.* Histoire de l'abbaye royale de Saint-Germain-des-Prés. Paris, 1724. P. 278–281.

[9] *Dąbrowska E.* Królów polskich relikwiarz koronacyjny Krzyża Świętego. S. 76–77.

[10] *Bouillart J.* Histoire de l'abbaye royale de Saint-Germain-des-Prés. P. 278–281, 313–316. Упоминания о реликвии Животворящего Креста и реликвария «Страстей Спасителя» аббатства Сен-Жермен де Пре неоднократно встречаются в описаниях исторических памятников и достопримечательностей Парижа, опубликованных в XVIII в., см.: *Martial le Fevre A.* Description des curiosités des églises de Paris et environs. Paris, 1759. P. 179–180; *Piganiol de la Force J. A.* Description historique de la ville de Paris. Paris, 1765. T. VIII. P. 62–63; *Thiérry L.-V.* Guide des amateurs et étrangers voyageurs à Paris. Vol. II. Paris, 1786–1787. P. 512–513.

Спасителя» пошел на переплавку. Однако древний крест-реликварий с частицей Животворящего Креста и греческой надписью на обороте удалось спасти монастырскому священнику Й. Ф. Руссино, хранившему затем реликвию до конца своей жизни. После смерти священника, согласно его завещанию, реликвия была передана в собор Парижской Богоматери и в начале 1828 г. торжественно помещена в ризнице собора в новом, изготовленном для нее ювелиром Ж. Фамехоном реликварии из позолоченной бронзы и хрусталя. В таком виде реликвия сохранилась до нашего времени.[11]

* * *

Есть все основания утверждать, что крест-реликварий из собора Парижской Богоматери до второй половины XVII в. находился в Польше и был собственностью королевской казны Речи Посполитой. Аббатство Сен-Жермен де Пре получило его по завещанию Анны Гонзаги де Клеве (1616–1684), принцессы Мантуи и Монферрата, вдовы курфюрста (палатина) Эдварда Пфальцского (отсюда неофициальное название реликвии — Крест Принцессы Палатины). Анна приходилась родной сестрой Марии Луизе (Людовики) Гонзаги де Невер (1611–1667), которая поочередно была женой двух польских королей — Владислава IV и Яна Казимира. Король Ян Казимир был очень привязан к Анне и сошелся с ней после смерти Марии Луизы.[12]

Отрекшись от польского престола, Ян Казимир в 1669 г. уехал во Францию, взяв с собой несколько особо ценных реликвий из польской казны. После его смерти в 1672 г. Анна Гонзага де Клеве стала наследницей этого имущества. Попытки польского сейма и нового короля Михаила Вишневецкого добиться возвращения реликвий на родину не увенчались успехом.[13]

Принадлежность польской королевской казне креста-реликвария, хранящегося ныне в соборе Парижской Богоматери, подтверждается многочисленными историческими свидетельствам. Драгоценный крест с частицей Животворящего Креста и греческой надписью неоднократно упоминается в известных ныне описях имущества польской казны второй половины XV–первой половины XVII вв. Наиболее поздняя из них, составленная сандомирским подкоморным П. Оссолинским, датируется 1633 г. Запись Оссолинского содержит также свидетельство о русском происхождении реликвии:

> Крест [с частицей] Древа Животворящего Креста, кресты русские и реликвии, взяты из казны русской при Казимире...[14]

[11] *Gosselin.* Notece historique sur la sainte couronne & les autres instrument de la Passion de Notre-Dame de Paris. Paris, 1828. P. 73–80; *Raffin L.* Une insigne relique de la Vraie Croix... P. 51 n.

[12] *Czermak W.* Z czasów Jana Kazimierza. Lwów, 1893. S. 212 n.; *Wasilewski T.* Ostatni Waza na polskim tronie. Katowice, 1984. S. 284; *Wójcik Z.* Jan Kazimierz Waza. Wrocław, 1997. S. 209–210, 235.

[13] *Raffin L.* Anne Gonzague, princesse palatine. 1616–1684. Paris, 1935. P. 286–287.

[14] «Crux cum ligno Vitae, krzyżyki Ruskie y Reliquiae z skarbów Ruskich za Kazimierza pobrane...» (*Niemcewicz J. U.* Zbiór pamiętników historycznych o dawney Polszcze. T. III. Warszawa, 1822. S. 68).

Подобные упоминания встречаются также в инвентарях 1609 (1611), 1607, 1532, 1510 и 1475 гг.[15]

О том, когда и каким образом крест оказался в польской королевской казне, высказывались различные предположения.

Некоторые исследователи отвергают русскую версию его происхождения, засвидетельствованную П. Оссолинским, и считают, что крест-реликварий попал в Польшу не при Казимире Великом (1333–1370), а позднее — при короле Владиславе Ягайло (1386–1434). Так, согласно предположению Ф. Коперы, реликвия оказалась в казне польских королей по воле королевы Ядвиги (1384–1399), которая, в свою очередь, получила ее вместе с другими подарками от своего супруга Владислава Ягайло, бывшего также великим князем литовским и женившегося на ней по условиям Кревской унии 1385 г.[16] Однако такая гипотеза не объясняет, каким образом крест попал из Византии в Литву.

По мнению А. Фролова, реликвия прибыла в Польшу в качестве дара императора Мануила II Палеолога (1391–1425).[17] Формулируя эту версию, исследователь исходил из принятой в его время датировки греческой надписи на кресте: конец XIV–начало XV вв. При этом Фролов не сделал никаких ссылок на источники. Историк, очевидно, имел в виду следующий факт: в августе 1420 г. Краков посещал посол императора Мануила II Мануил Филантропин с целью просить короля Владислава Ягайло о военной помощи против турок и во время этого визита мог передать ему какие-то подарки от императора.[18]

Однако предположению А. Фролова противоречит атрибуция Мануила — первоначального владельца реликвии — как Мануила Комнина, содержащаяся в греческой надписи на кресте-реликварии, тогда как император Мануил II, отправлявший посольство к Владиславу Ягайло, носил родовое имя Палеолог.

К тому же в источниках, сохранивших сведения о византийском посольстве к Владиславу Ягайло, отсутствуют какие бы то ни было упоминания о столь ценном даре. Особенно показательно, что о нем молчит Ян Длугош, владевший наиболее полной информацией о посольстве 1420 г.[19] и, кроме того, проявлявший повышенный интерес к христианским реликвиям, в особенности же к находившимся в Польше реликвиям Животворящего Креста.[20]

Наконец, по имеющимся данным, драгоценный крест с частицей Животворящего Креста появился в Польше задолго до посольства Мануила Филантропина. Хроника гнезненского архидиакона Янка из Чарнкова, содержащая подробные

---

[15] *Dąbrowska E.* Królów polskich relikwiarz koronacyjny Krzyża Świętego. S. 81.

[16] *Kopera F.* Dzieje skarbca koronnego, czyli klejnotów i insygniów koronnych Polski. Kraków, 1904. S. 42.

[17] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. Recherches sur le développement d'un kulte. Paris, 1961. P. 484, Nr. 661.

[18] *Halecki O.* La Pologne et l'empire byzantin // Byzantion. T. VII. Bruxelles, 1932. P. 54–56; *Barker J. W.* Manuel II Paleologus (1391–1425). New Brunswick, 1969. P. XXXIII.

[19] Joannis Dlugossii senioris canonici Cracoviensis. Opera omnia / Ed. A. Przeździecki. T. IV. Kraków, 1876. P. 188.

[20] См.: Ibid. T. III. P. 197, 317.

сведения о кончине Казимира Великого, приводит краткое содержание его завещания, составленного в 1370 г., в котором среди прочего имущества особое внимание уделяется одному необычайно ценному кресту:

> К тому же есть золотой крест, более драгоценный, чем десять тысяч крепких [и] процветающих церквей Кракова.[21]

Этот крест, согласно подробному описанию Календаря Краковского, содержащемуся в той части памятника, которая восходит к XIV в., включал в себя частицу древа Животворящего Креста.[22] О даровании Казимиром Великим реликвии Животворящего Креста Краковскому кафедральному собору упоминает в своей «Истории» и Ян Длугош под 1369 г.[23] Согласно исследованиям О. Бальцера, этот крест недолго оставался в ведении церкви: в 1385 или 1386 г. он был вновь взят в королевскую казну.[24]

Свидетельства источников о пребывании в Польше уже во второй половине XIV в. реликвии Животворящего Креста подтверждают ее русское происхождение.

Реликвия досталась Казимиру в качестве военной добычи после захвата польскими войсками Львова в 1340 г.[25] Тогда же вместе с другими ценностями казны галицко-волынских князей крест был доставлен в Краков. Рочник Траски — малопольский летописец, составленный в середине XIV в. при дворе Казимира, — сообщает:

> Там (во Львове. — *А. М.*) [была взята] многочисленная военная добыча, [состоящая] из серебра, золота и драгоценных камней, великие сокровища древних государей, среди которых было несколько золотых крестов, особенно один, в котором была обнаружена большая частица древа Креста Господня...[26]

Практически дословно это сообщение повторяется в Рочнике Малопольском.[27] Его также приводит и Ян Длугош, но говорит при этом о «двух золотых крестах, содержащих значительную часть древа Креста Господня».[28]

---

[21] «Item crucem auream pretiosissimam plus quam decem milia florenorum valentem ecclesiae Cracoviensi» (MPH. T. II. P. 635).

[22] Ibid. P. 910–911.

[23] Joannis Dlugossii senioris canonici Cracoviensis. Opera omnia. T. III. P. 317.

[24] *Balzer O.* Skarbiec i archiwum koronne w dobie przedjagiellońskiej. Lwów, 1917. S. 444.

[25] О военных действиях Казимира Великого на Руси в 1340 г. см.: *Paszkiewicz H.* Polityka ruska Kazimierza Wielkiego. Kraków, 2002. S. 50 n.

[26] «Ubi spolia multa in Argento, auro et gemnis, thesaurum ducum antiquorum tollens, inter quod erant aliquot cruces aurae, principue unam, in qua magna quantitas de ligno crucis Domini fuit reperta...» (MPH. T. II. P. 860).

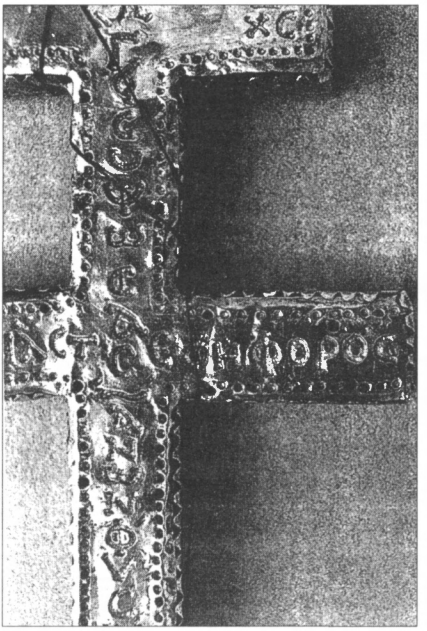
[27] Ibid. T. III. P. 200.

[28] «...inter quae duos cruces aureas notabili portione ligni Domini insignes» (Joannis Dlugossii senioris canonici Cracoviensis. Opera omnia. T. III. P. 197).

* * *

Приведенные факты, на наш взгляд, исключают возможность связывать происхождение реликвии с византийским императором Мануилом II. Тем не менее вопрос идентификации Мануила Комнина Венценосца, упоминающегося в надписи на кресте-реликварии, требует дальнейших разъяснений.[29]

Первоначально его отождествляли с византийским императором Мануилом I (1143–1180).[30] Однако затем утвердилось мнение, что надпись и сама реликвия принадлежали одному из правителей Трапезундской империи, носившему имя Мануил. Сторонники такого толкования указывают на некоторое подобие надписи на кресте надписям на монетах Трапезунда XIII–XIV вв.[31]



Ил. 112. Крест Принцессы Палатины. Фрагмент надписи «Κομνηνός Μανουήλ στεφηφόρος». Собор Парижской Богоматери (Париж, Франция)

Как справедливо отмечает Е. Домбровская, подобному отождествлению противоречит эпитет *Венценосец* (στεφηφόρος) в надписи на реликварии. Такой термин не входил в официальный титул византийских императоров — как константинопольских, так и трапезундских, он не встречается ни на монетах, ни на государственных печатях. Этот эпитет имел сугубо литературное происхождение и употреблялся в риторических и поэтических произведениях. Имеющиеся случаи употребления выражения στεφηφόρος в памятниках византийской литературы свидетельствуют, что подобный эпитет мог быть обращен к василевсу, царствовавшему в Константинополе, но не в каком-то периферийном центре империи, возникшем вследствие ее распада.[32]

В то же время, император Мануил I в своем титуле использовал очень близкий по значению эпитет *Венчанный Богом*, *Боговенчанный* (Θεού έστεμμένος),

[29] В новейшей литературе этот вопрос решается неоднозначно, вызывая серьезные разногласия у исследователей. См.: *Prinzing G., Salamon M.* Byzanz und Ostmitteleuropa: 950–1453. Wiesbaden, 1999 (Beiträge zu einer table-ronde des XIX. International Congress of Byzantine Studies. Copenhagen, 1996). S. 162; *Eastmond A.* Art and identity in thirteenth-century Byzantium: Hagia Sophia and the empire of Trebizond. 4 ed. Burlington, 2003. P. 57–58; *Augé E.* Byzantins, arméniens & francs au temps de la croisade: politique religieuse et reconquéte en Orient sous la dynastie des Comnènes. 1081–1185. Paris, 2007. P. 229.

[30] *Montfaucon B.* Paleographia graeca. P. 309–310; Corpus Inscriptionum Graecarum. Berlin, 1877. T. IV: Inscriptiones christianae / Ed. A. Kirchhoff. Nr. 8728. P. 377.

[31] *Guilhermy F., Lasteyrie R.* Inscriptions de la France du Ve au XVIIIe siècles. T. I. Paris, 1873. P. 70–71; T. V. Paris, 1883. P. 330. См. также: *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 483–484.

[32] *Dąbrowska E.* Królów polskich relikwiarz koronacyjny Krzyża Świętego. S. 84.

встречающийся, к примеру, в одном документе, датируемом 1162 г. Этот же эпитет использовали в своем титуле и некоторые другие византийские императоры, правившие в Константинополе, например Василий II (996–1025), Михаил VIII (1261–1282) и Андроник II (1282–1328). Однако нет ни одного свидетельства использования его правителями Трапезунда.[33]

Кроме того, правители Трапезундской империи, среди которых в XIII–начале XV вв. трое носили имя Мануил — Мануил I (1238–1263), Мануил II (1332) и Мануил III (1390–1417), в отличие от своих предшественников из династии Комнинов, правивших в Константинополе, использовали иное родовое имя — *Великие Комнины*: по-видимому, каждый из названных трех императоров официально именовал себя Μέγας Κομνηνός.[34]

Недавно были выдвинуты новые доводы в пользу трапезундской атрибуции Креста Принцессы Палатины. Исследователи обратили внимание на некоторые технические погрешности в исполнении надписи, а также на использование непрозрачных эмалей сравнительно низкого качества, что едва ли могло быть допустимо в работе столичных византийских ювелиров и в большей степени соответствовало уровню мастерства провинциальных эмальеров. На этом основании Й. Дюран и Э. Истмонд пришли к выводу, что реликвия или, точнее, ее эмалевый оклад с надписью был изготовлен в Трапезунде при императоре Мануиле I (1238–1263).[35]

Однако отмеченные технические особенности не могут быть достаточным основанием для подобных выводов. Как известно, после падения Константинополя в 1204 г. наступил общий длительный упадок древних центров ювелирного искусства (в том числе эмальерного) на всей территории Византии, а возникновение новых центров ничем не засвидетельствовано.[36]

Ничего не известно и о каких-либо предметах, украшенных эмалью, происходящих из Трапезунда. Нельзя с уверенностью сказать, существовало ли там производство художественных эмалей вообще. Все сохранившиеся произведения византийских эмальеров XIII в. происходят из европейских провинций империи либо из самого Константинополя.[37]

Известна лишь одна сравнительно поздняя реликвия Животворящего Креста, происходящая из Трапезунда, с характерной надписью, подтверждающей

---

[33] *Treu K.* Byzantinische Keiser in den Schreibernotizen griechischer Handschriften // BZ. Bd. 65. 1972.

[34] Время и обстоятельства происхождения этого родового имени остаются дискуссионными; в любом случае ясно, что оно использовалось уже в XIII в., см.: *Lampsidos O.* Le titre «Megas Komnenos» // Byzantion. T. 37. Bruxelles, 1967; *Polemis D. I.* A note of the origin of the titre MEGAS KOMNENOS // Neo-Hellenika. T. I. 1970; *Macrides R.* What's in name «Megas Komnenos» // Archeoion Pontu. T. 35. 1979; *Шукуров Р. М.* Великие Комнины и Восток (1204–1466). СПб., 2001. С. 78.

[35] *Durand J.* La Vraie Croix de la princesse palatine... P. 143–144; *Eastmond A.* Art and identity in Thirteen-century Byzantium. P. 57–58.

[36] См.: *Wessels K.* Email // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Bd. II. Stuttgart, 1971. Sp. 126–128.

[37] *Dąbrowska E.* Jeszcze o relikwii Krzyża Świętego i relikwiarzu koronacyjnym królów polskich. S. 5–6.

существование традиции производства именных императорских реликвий. Однако по своему внешнему виду и содержанию надписи, в которой значится император Мануил III Великий Комнин с титулом ἀναξ (властитель), а также αὐτοκράτορ (самодержец),[38] эта реликвия мало соответствует Кресту Принцессы Палатины из собора Парижской Богоматери.

Но даже если согласиться с предположением о его трапезундском происхождении, остается без ответа вопрос, каким образом он мог оказаться на Руси или в Польше. Все время своего существования Трапезундская империя территориально была изолирована от европейских провинций Византии и государств Европы, отношения с которыми носили характер эпизодических контактов.[39] Нет никаких данных и о связях правителей Трапезунда с русскими или польскими князьями в XIII–начале XIV вв.[40]

По инициативе Е. Домбровской был заново проведен палеографический анализ греческой надписи на реликварии с участием ведущих современных византинистов — И. И. Шевченко, К. Манго и Ц. Морриссон. Названные исследователи единодушно пришли к выводу, что надпись могла быть сделана не позднее XIII в., скорее всего — во второй половине XII–XIII вв.[41]

Все сказанное свидетельствует в пользу первоначальной атрибуции Мануила Комнина Венценосца греческой надписи на парижском реликварии, сторонники которой видят в нем византийского императора Мануила I.

При этом императоре Византия резко активизировала свою политику в Палестине, всячески укрепляя отношения с основанными в конце XI в. после завершения Первого Крестового похода Иерусалимским королевством и Антиохийским княжеством. В 1158 г. за иерусалимского короля Балдуина III (1143–1162) была выдана племянница Мануила I Феодора, а в 1167 г. брат и преемник Балдуина Амори (Амальрик) I (1162–1174) женился на внучатой племяннице Мануила Марии. В 1161 г. сам Мануил вторым браком женился на антиохийской принцессе Марии. В 1158/59 г. сюзеренитет Византии признало Антиохийское княжество, а вслед за ним, в 1171 г., и само Иерусалимское королевство.[42]

---

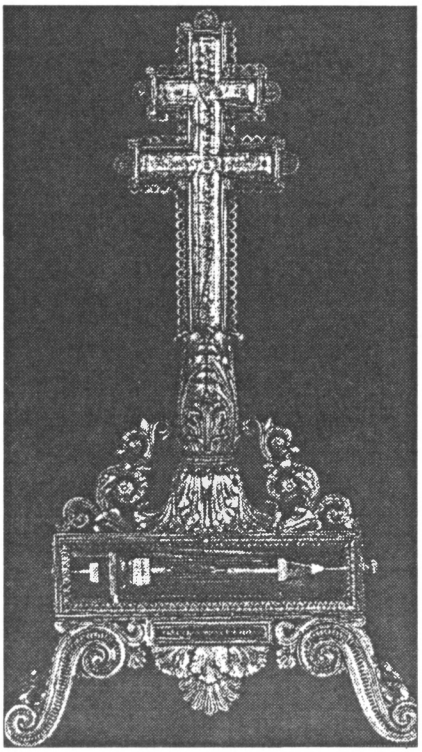
[38] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 529, Nr. 777.

[39] Исключение составляют лишь отношения Трапезунда с Латинской империей и итальянскими морскими республиками в Причерноморье. См.: *Карпов С. П.* 1) Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981; 2) Итальянские морские республики в Южном Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

[40] В источниках сохранились лишь отрывочные сведения о церковных контактах Руси с Трапезундской империей: известно, в частности, о пребывании в Москве в 1388–1389 гг. трапезундского митрополита Феогноста, а через полтора десятилетия, в 1406–1408 гг., Новгород и Москву посещал трапезундский митрополит Феодул. Однако едва ли трапезундские владыки могли привезти с собой сколько-нибудь ценные подарки, поскольку они приезжали на Русь «милостыни ради», то есть с целью сбора подаяния. См.: *Карпов С. П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 420–428.

[41] *Dąbrowska-Zawadzka E.* La relique de la Vraie Croix appartenant a Manuel Comnene. P. 106; *Dąbrowska E.* Królów polskich relikwiarz koronacyjny Krzyża Świętego. S. 84.

[42] *Lilie R.-J.* Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten. Studien zur Politik des byzantinischen Reiches gegenüber den Staaten der Kreuzfahrer in Syrien und Palästina bis zum Vierten Kreuzzug (1096–1204). München, 1981. S. 173–174.



Ил. 113. Крест Принцессы Палатины. Реликварий работы Ж. Фамехона. 1828 г. Позолоченная бронза, хрусталь. Собор Парижской Богоматери (Париж, Франция)

Одной из целей политики Мануила в Палестине было возрождение христианских святынь и поиск новых христианских реликвий на Святой Земле. На средства императора в Иерусалиме был поновлен храм Гроба Господня, и в 1163 г. в нем вновь появился греко-православный причт, новыми мозаиками была также украшена церковь Рождества Христова в Вифлееме, а в 1173 г. в Газе восстановлена православная архиепископская кафедра.[43]

Хорошо известно об особом почитании императором Мануилом и членами его семьи Животворящего Креста. Сохранилось немало принадлежавших им реликвий Древа Креста Господня.[44] Особое значение этого культа для династии Комнинов подтверждается также материалами сфрагистики.[45]

Реликвии Животворящего Креста имели важнейшее политическое значение на протяжении всей истории Византийской империи. Сохранившиеся реликварии — вместилища для священных реликвий — принадлежат к числу наиболее изысканных произведений византийского искусства.[46] Они служили средством выражения не только набожности, но и могущества императоров.[47]

Политическое значение реликвий видно из того, что они служили дипломатическими дарами. В 1007 г. в попытке привлечь новокрещенную Венгрию в орбиту влияния Византии и не допустить ее сближения с Римом частица Честного Креста была послана королю Иштвану I (997–1038);[48] а в 1087 г. в ответ на союз против норманнов еще одну его частицу отправили императору Генриху IV (1084–1106).[49]

---

[43] *Heyer F.* Kirchengeschichte des Heiligen Landes. Stuttgart, 1984. S. 122, 276.

[44] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 296–297, 317, 342–344, 426–427; Nr. 273. 312. 367, 529; *Gaborit-Copin D.* La croix d'Anjou // Cahiers Archéologiques. T. 33. Paris, 1985. P. 157–160.

[45] См.: *Zacos G., Veglery A.* Byzantine lead seals. Vol. I. Basel, 1972; *Oikonomidès N.* Byzantine lead seals. Washington, 1985.

[46] См., например: The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A. D. 843–1261 / Ed. H. C. Evans, W. D. Wixom. New York, 1997. P. 74–81.

[47] Подробнее см.: *Eastmond A.* Byzantine Identity and Relics of the True Cross in the Thirteenth Century // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003.

[48] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 260. Nr. 187.

[49] Ibid. P. 282. Nr. 245.

Как показывает Э. Истмонд, подобные проявления императорской щедрости помогали установить иерархическую структуру христианского мира, во главе которой стоял византийский император, единственный из всех монархов, кто имел возможность распределять священные реликвии.[50]

* * *

Существовало несколько возможностей перемещения реликвии Честного Креста Господня из Византии на Русь, что могло произойти уже в правление императора Мануила I.

Так, в 1164 г. император Мануил посылал богатые дары великому киевскому князю Ростиславу Мстиславичу, чтобы примирить его с присланным из Константинополя митрополитом Иоанном IV (1164–1166), назначенным вопреки воле киевского князя, добивавшегося повторного поставления Клима Смолятича.[51] В том же году из Константинополя бежал на Русь и нашел убежище в Галиче у Ярослава Осмомысла племянник Мануила Андроник Комнин, впоследствии ставший византийским императором.[52]

В 1165 г. император Мануил отправляет на Русь послов, стремясь получить поддержку киевского князя Ростислава Мстиславича и владимиро-волынского князя Мстислава Изяславича против Ярослава Осмомысла.[53] Тем же годом Ипатьевская летопись датирует посольство Мануила в Галич в лице двух греческих митрополитов с целью уговорить Андроника вернуться в Константинополь.[54] Однако ни в одном из этих сообщений русских летописей нет даже намека на получение кем-то из русских князей от императора столь ценного дара, каким была частица Древа Креста Господня — наиглавнейшая святыня христианского мира.

По мнению некоторых исследователей, характер надписи на реликварии Животворящего Креста таков, что сама эта реликвия скорее всего относилась к числу семейных, то есть предназначалась для использования в кругу членов императорской семьи или их ближайших родственников, и поэтому оказаться в Галицко-Волынской Руси она могла, вероятнее всего, вследствие династического брака.[55]

Не исключено, что в Галич реликвия попала из Венгрии, где, в свою очередь, оказалась в качестве приданого византийских царевен, выходивших замуж за венгерских принцев. В правление Мануила I известно два подобных случая. В 1158 или 1159 г. был заключен брак между будущим венгерским королем Стефаном IV (1163–1165) и Марией Комниной, дочерью севастократора Исаака,

[50] *Eastmond A.* Byzantine Identity and Relics of the True Cross... P. 208.

[51] См.: *Soloviev A.* Byzance et la formation de l'Etat russe. London, 1979. P. 294, Nr. IXa; P. 317–320, Nr. IXb.

[52] См.: *Юревич О.* Андроник I Комнин. СПб., 2004. Гл. IV.

[53] См.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 193–196.

[54] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 524.

[55] *Dąbrowska E.* Królów polskich relikwiarz koronacyjny Krzyża Świętego. S. 85.

дяди императора Мануила.[56] Кроме того, реликвия могла быть подарена Мануилом I будущему королю Венгрии Беле III (1173–1196) в связи с его обручением с дочерью Мануила Марией (брак этот, впрочем, не состоялся), а затем с женитьбой в 1169 г. на Анне Антиохийской, сводной сестре жены Мануила, в результате чего Бела становился свояком василевса и ему был пожалован один из высших придворных чинов кесаря.[57]

Из Венгрии в Галичину крест мог прибыть либо с внуком Белы III Коломаном, ставшим в 1215 г. галицким королем, либо с его братом Андреем, либо, наконец, с дочерью Белы IV (1235–1270) Констанцией, которая в 1251 г. вышла замуж за сына Даниила Романовича Льва.[58]

Все эти предположения, однако, уязвимы в одном: трудно объяснить, какие причины могли заставить венгерских королей расстаться со столь значимой святыней, выступавшей к тому же в роли атрибута монаршей власти, и передать ее младшим родственникам, отправляющимся за пределы Венгрии, в далекую и неспокойную Галичину, где положение венгерских правителей всегда было крайне непрочным.[59]

Более вероятной, на наш взгляд, является передача в Галич креста-реликвария императора Мануила непосредственно из Византии. И едва ли не единственной возможностью для этого мог быть брак галицко-волынского князя Романа Мстиславича и дочери византийского императора Исаака II, заключенный ок. 1200 г.

Именно вторая жена Романа, царевна Евфросиния, проведшая свои детские годы в монастыре, должна была стать обладательницей священного креста, на котором было начертано имя императора Мануила. Как сообщает Никита Хониат, отправив в монастырь свою старшую дочь, Исаак II исполнил то, что некогда «предполагала сделать еще царица Ксения по смерти своего супруга, царя Мануила Комнина».[60] Иными словами, царевна Евфросиния с раннего детства была избрана в качестве «жертвы Богу», принесенной ее отцом в память о другом великом правителе Византии — императоре Мануиле I.

Эта жертва была принесена, возможно, в связи с тем, что упомянутая Хониатом царица Ксения не исполнила своего обета стать монахиней в память о муже. Речь идет об императрице Марии, в девичестве княжне Антиохийской, ставшей в 1161 г. второй женой императора Мануила. После смерти мужа она в сентябре

---

[56] *Moravcsik Gy.* Byzantion and the Magyars. Budapest, 1970. P. 82–83.

[57] Ibid. P. 83 sqq. См. также: *Makk F.* The Arpads and the Comneni. Political relations between Hungary and Bizantium in the 12th century. Budapest, 1989.

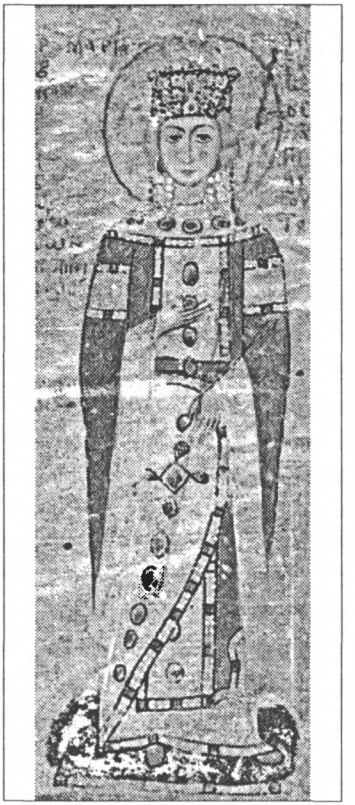
[58] См.: *Dąbrowska E.* Jeszcze o relikwii Krzyża Świętego i relikwiarzu koronacyjnym królów polskich. S. 9.

[59] О венгерском правлении в Галиче в конце XII–первой трети XIII вв. см.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.

[60] Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 419. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 85.

1180 г. объявила о принятии монашества и нового имени Ксения, однако не спешила удалиться от светской жизни. Став регентом при своем одиннадцатилетнем сыне, новом императоре Алексее II (1180–1183), Мария-Ксения вскоре сошлась с протосевастом Алексеем Комнином, племянником своего покойного мужа, ставшим ее советником и любовником, чем вызвала большой скандал в обществе.[61]

Против правления Марии-Ксении стали возникать заговоры, во главе которых стояли родственники покойного императора Мануила — сначала его старшая дочь Мария, а затем двоюродный брат Андроник. Последний одержал верх над сторонниками Марии-Ксении, а ее саму заточил в монастырь, где она по приказу Андроника была убита и тайно похоронена в безымянной могиле. Сам же Андроник короновался как соправитель Алексея II, а после его убийства стал полноправным императором Андроником I (1183–1185).[62]



Ил. 114. Императрица Мария-Ксения, вторая жена Мануила I Комнина. Миниатюра византийской рукописи. XIV в. Собрание греческих рукописей Библиотеки Ватикана

Свергнувший тирана Андроника, новый император Исаак считал себя продолжателем дел Мануила и поспешил исправить то, что было нарушено царицей Марией-Ксенией. Ее отказ исполнить собственный обет принять монашество в память о Мануиле в глазах Исаака, очевидно, стал причиной ужасных бедствий, обрушившихся на нее саму и на весь род Комнинов, приведших к пресечению этой славной династии. Не случайно, «посвящая Богу, как чистую агницу», свою старшую дочь Исаак выбрал для ее пребывания и перестроил под монастырь тот же самый «Иоанницкий дом», или «дом Иоанницы» (καί τὸν τού Ἰωαννίτζη λεγόμενον οἶκον), который когда-то выбрала для себя Мария-Ксения, но так и не воспользовалась им.[63] По мнению Л. Гарланд, вдова Мануила не успела перестроить Иоанницкий дом под женский монастырь, так как постоянно испытывала финансовые затруднения.[64]

Придя к власти, Исаак II вообще всячески подчеркивал свою особую мистическую связь с императором Мануилом I. В его честь он назвал одного из своих сыновей, которому собирался передать престол империи в обход старшего сына

[61] Nicetae Choniatae Historia. P. 224–225, 229–230.

[62] Подробнее см.: *Garland L.* Byzantine Empresses: Woman and Power in Byzantium. 527–1204. London; New York, 1999. P. 199–209.

[63] Nicetae Choniatae Historia. P. 419.

[64] *Garland L.* Byzantine Empresses: Woman and Power in Byzantium. P. 207–208.

Алексея, рожденного еще до того, как его отец стал императором. Исаак уверовал в полученное когда-то Мануилом предсказание о том, что имена императоров из рода Комнинов (к которому причисляли себя и Ангелы) должны чередоваться в порядке букв в магическом слове αἷμα (кровь; род),[65] и, таким образом, Исааку должен был наследовать Мануил.[66]

Воспитанная в подобном духе, с детства будучи уготована для монашеского служения в память о Мануиле, вероятно, для последующего церковного прославления этого выдающегося императора, перед смертью принявшего монашество, царевна Евфросиния как никто другой могла стать обладательницей священного креста Мануила, семейной реликвии Комнинов — Ангелов, привезя ее с собой на Русь.

* * *

С первых веков истории христианства главной и наиболее почитаемой святыней для всех христиан является Честной Животворящий Крест, или Истинное Древо Креста Господня. Согласно Кириллу Александрийскому (376–444), одному из Отцов Церкви и основоположнику ортодоксального учения о Богочеловеке, реликвии Честного Креста утверждают догмы воплощения Господа, его жертвы и надежды христиан на спасение.[67] По церковному преданию, мать первого христианского императора Константина Елена отыскала святыню в Иерусалиме. Разделение Истинного Креста началось сразу же после его обретения. Часть Крестного Древа была оставлена Еленой в Иерусалиме, а часть перенесена в Константинополь.[68]

В столице Византийской империи на протяжении многих столетий, особенно же после завершения периода иконоборчества и окончательного утверждения иконопочитания и культа святых мощей (843), а также в правление императоров Македонской династии, которые в IX–X вв. сумели добыть главные реликвии Страстей Господних, до того хранившиеся в Иерусалиме и других городах христианского Востока, сложился обширный комплекс бесценных и строго оберегаемых евангельских святынь, принесших Константинополю во всем христианском мире славу Нового Иерусалима.[69]

---

[65] Об этом предсказании сообщает Никита Хониат: Nicetae Choniatae Historia. P. 228. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1 / Пер. под ред. проф. В. И. Долоцкого. СПб., 1860. С. 217.

[66] *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 814–815. См. также: *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. 1180–1204. Cambridge, 1968. P. 97.

[67] См.: *Писарев Л. И.* Кирилл, архиепископ Александрийский († 444) // Православная богословская энциклопедия / Под ред. Н. Н. Глубоковского. Т. X. СПб., 1909.

[68] Анализ исторических свидетельств о путешествии св. Елены в Иерусалим см.: *Borgehammar S.* How the Holy Cross was Found. From Event to medieval Legend. Stockholm, 1991. P. 36–37, 71 sqq.; *Шалина И. А.* Реликвии в восточнославянской иконографии. М., 2005. С. 133–138.

[69] Вопросу об историческом и культурном значении христианских реликвий Константинополя посвящена обширная литература. Из новейших работ см. публикации в сб.: Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000; Восточнохристианские реликвии; Иеротопия: создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост.

Для принявшей христианскую веру Руси Царьград стал местом паломничества и поклонения Святым Страстям Господним и Святой Софии — собору-реликварию, в котором находились или выставлялись в определенные дни для поклонения многие новозаветные святыни. Хранилищем же главных христианских святынь Константинополя стала расположенная в центре Большого императорского дворца церковь Богоматери Фаросской, на протяжении веков притягивавшая бесчисленное множество паломников со всего христианского мира.[70]

Приобретение христианских реликвий, и прежде всего реликвий Честного Креста, стало особой заботой и своего рода священным долгом для русских князей и впоследствии московских царей.[71] Тем не менее нет сведений о том, чтобы кому-либо из правителей русских земель домонгольского времени удалось бы получить в свое распоряжение реликвию Животворящего Креста. Исключение составляют только два случая, не имеющих отношение к правящим князьям. Обладателями реликвий Честного Креста во второй половине XII и в начале XIII вв. стали полоцкая княжна-монахиня Евфросиния[72] и новгородский боярин Добрыня Ядрейкович, также принявший монашеский постриг и ставший со временем архиепископом Антонием.[73]

Другие случаи подобного рода в домонгольской Руси неизвестны, и это несмотря на то, что летописцы старались фиксировать их как выдающиеся события. В Лаврентьевской летописи, к примеру, под 1218 г. описываются торжества по поводу принесения полоцким архиепископом греком Николаем из Царьграда во Владимир к великому князю Константину Всеволодовичу некой частицы «от страстии от Господень», мощей святого Лонгина Сотника («святеи его руце обе») и мощей святой Марии Магдалины.[74]

А. М. Лидов. М., 2006, и др. См. также: *Лидов А. М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009.

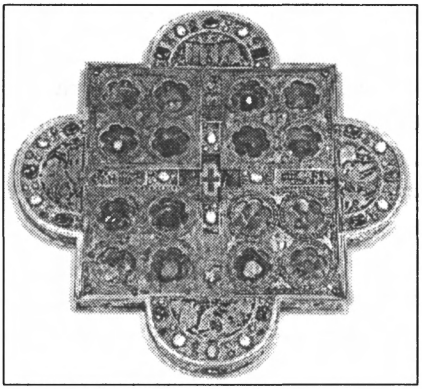
[70] *Bacci M.* Relics of the Pharos Chapel: a view from the Latin West // Восточнохристианские реликвии; *Лидов А. М.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти О. И. Подобедовой. М., 2005.

[71] См.: *Стерлигова И. А.* Новозаветные реликвии в Древней Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000.

[72] Евфросинии Полоцкой удалось получить из Константинополя частицы Истинного Креста, Крови Господней, камней Гроба Господня и Гроба Богоматери и другие святыни, — все они были вложены в драгоценный воздвизальный крест-мощевик, изготовленный полоцким мастером Лазарем Богшей для Спасского собора в Полоцке, бесследно утраченный во время Великой Отечественной войны. См.: *Алексеев Л. В.* Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена // РА. 1993. № 2; *Святославский А. В., Трошин А. А.* Крест в русской культуре: Очерк русской монументальной ставрографии. М., 2000. С. 124 и сл.

[73] Древний крест-реликварий Антония Новгородского с частицей Животворящего Креста, изготовленный для Софийского собора в Новгороде, был полностью переделан во время реставрации середины XIX в. и в таком виде сохранился до наших дней. См.: *Стерлигова И. А.* Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века / Ред.-сост. И. А. Стерлигова. М., 1996. Кат. № 7: Крест воздвизальный. С. 130–134; *Царевская Т. Ю.* О царьградских реликвиях Антония Новгородского // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003. С. 398 и сл.

[74] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 441.



Ил. 115. Ковчег-мощевик Дионисия Суздальского. Нижний Новгород, 1383 г. Дерево, серебро, золочение, эмали, драгоценные камни. Музеи Московского Кремля (Москва, Россия)

Наибольший интерес к приобретению священных христианских реликвий проявляли, по-видимому, в древнем Новгороде. Под 1133–1134 г. Ипатьевская летопись сообщает о принесении в Новгород «доски оконечной» Гроба Господня неким Дионисием, посланным в Святую Землю посадником Мирославом Гюрятиничем.[75] В одном из неопубликованных летописных сборников Российской национальной библиотеки под 1163–1164 гг. есть запись о получении каких-то реликвий новгородским архиепископом Илией-Иоанном.[76] В «Повести о путешествии Св. Илии в Иерусалим на бесе» — памятнике новгородской литературы XV в. — также отмечается, что новгородский архиепископ привез какие-то евлогии из иерусалимской церкви Воскресения Господня.[77] В Хильдесгеймском соборе (Ганновер) до настоящего времени хранится новгородский крест-энколпион с палестинскими реликвиями, называемый «Иерусалимским крестом», на котором имеется надпись о его принадлежности архиепископу Илии.[78] Созданный во второй половине XII в., этот крест впоследствии подвергся радикальной реставрации.[79] Однако у нас нет сведений о том, что среди упомянутых новгородских святынь XII в. могли быть какие-то реликвии Креста Господня. Во время своего паломничества в Иерусалим новгородский архиепископ Илия смог только «облобызать Животворящее Древо».[80]

Древнейшие из известных ныне реликвий Честного Животворящего Креста средневековой Руси — это полученные из Византии наперсный крест-реликварий Симеона Гордого, ковчег-мощевик Дионисия Суздальского и так называемая Филофеевская ставротека. Приобретение их относится к более позднему времени — середине и второй половине XIV в. и связано с политическим

[75] Там же. Т. II. Стб. 295. См. также: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 629.

[76] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 635.

[77] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 179.

[78] *Стерлигова И. А.* Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв. С. 87–88, 90–91, 195–201. Кат. № 32.

[79] *Мусин А. Е.* Археология древнерусского паломничества в Святую землю в XII–XV веках // Богословские труды. Вып. 35. М., 1999. С. 98; *Этингоф О. Е.* Византийские иконы VI–первой половины XIII века в России. М., 2005. С. 173–174.

[80] Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археографической комиссии. Вып. 1. СПб., 1868. С. 333–338.

возвышением Москвы и ее соперничеством с Суздальско-Нижегородским княжеством.

Первый известный ныне случай получения русским князем частицы Честного Креста непосредственно от византийского императора относится к 1347 г., когда в Москву к великому князю Симеону Ивановичу был послан наперсный крест с частицей Истинного Древа Господня, — таким способом император Иоанн VI Кантакузин стремился уладить разногласия с Москвой по церковным делам.[81]

Самым большим и ценным из дошедших до нас реликвариев Древней Руси принято считать ковчег-мощевик Дионисия Суздальского. Он был принесен из Константинополя ок. 1383 г. новопоставленным суздальско-нижегородским архиепископом Дионисием. Дионисиевы реликвии происходят из константинопольского монастыря Св. Георгия в Манганах. Главная среди них — часть Истинного Креста; помимо нее, в ковчеге находятся еще шестнадцать различных реликвий. После 1401 г. ковчег перенесен в Москву.[82]

Ковчег был изготовлен в 1383 г. по заказу суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича в форме равноконечного креста (39 × 39 × 2 см). В качестве материалов использовались дерево, медь, серебро, цветные камни, жемчуг, стекло, перламутр и слюда. Поверхность реликвария вызолочена и украшена цветными эмалями. Центральный квадрат ковчега является мощевиком, в центре которого размещена частица Животворящего Креста, а вокруг нее — шестнадцать маленьких ковчежцев с окошками из слюды, в которых расположены остальные реликвии. Вокруг ковчежцев сделаны надписи об их содержимом, а также помещены изображения Страстного цикла.[83]

После перенесения в Москву ковчег Дионисия становится главнейшей святыней московских великих князей, а затем и царей, неоднократно упоминающейся в духовных грамотах на первом месте среди прочих святынь. В XV–первой половине XVII вв. ковчег хранился в великокняжеской, а затем царской Крестовой и Образовой казне и скорее всего находился непосредственно в Крестовой (или моленной) комнате, где царем совершались утренние и вечерние молитвы. Во второй половине XVII в. он был перенесен в Благовещенский собор Кремля.[84]

До наших дней сохранилась также и Филофеевская ставротека, которая представляет собой плоский, обложенный золоченым серебром деревянный ящичек, на дне которого в специальном углублении находится деревянный шестиконечный крест, обложенный с боковых сторон серебром. В дереве креста, в свою очередь, сделаны углубления для частиц Истинного Креста. По сторонам креста чеканные рельефные изображения святых целителей Кира и Пантелеимона (погрудные,

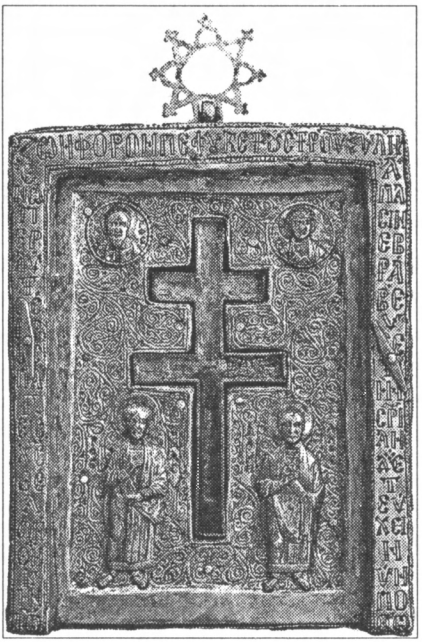
---

[81] Этот факт засвидетельствован в послании Иоанна VI к Симеону Гордому (Acta Patriarchatus Constantinopolitani. 1315–1402 / Ed. Fr. Miklosich, J. Müller. T. I. Viennae, 1860. P. 264–265).

[82] *Стерлигова И. А.* Новозаветные реликвии в Древней Руси. С. 48.

[83] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 23–35.

[84] *Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А.* Благовещенский собор Московского Кремля: к 500-летию уникального памятника русской культуры. М., 1990. С. 88 и сл.; *Стерлигова И. А.* Ковчег Дионисия Суздальского // Благовещенский собор Московского Кремля. Мат-лы и исслед. / Отв. ред. Л. А. Щенникова. М., 1999.



Ил. 116. Филофеевская ставротека. Византия, XII в. Дерево, позолоченное серебро. Музеи Московского Кремля (Москва, Россия)

в медальонах) и стоящих Космы и Дамиана. На узких полях ставротеки — два серебряных замочка, фиксировавших утраченную выдвижную крышку, и крупная чеканная греческая надпись, прославляющая реликвию и указывающая имя мастера, изготовившего ставротеку — Иоанн.[85]

По всей видимости, ставротека была привезена в Москву во время второго патриаршества Филофея (1364–1376). Нельзя, однако, исключить и того, что она попала к великим князьям Московским через митрополита Киприана, в 1390 г. вернувшегося из Киева в Москву и привезшего с собою различные святыни.[86] Устройство ставротеки характерно для средневизантийского периода; на ее крышке, несомненно, было традиционное изображение Распятия, а на обороте — процветшего креста. Согласно А. В. Банк, Филофеевская ставротека может быть атрибутирована как памятник византийского искусства XII в.[87]

Еще одна небольшая деревянная ставротека хранится ныне в собрании Архангельского областного краеведческого музея. Она украшена серебряными позолоченными пластинками с чеканными изображениями св. Климента (на крышке), а также свв. Константина и Елены. Происхождение Архангельской ставротеки неизвестно. В результате исследований и реставрации, проведенных в середине 1960-х гг., установлено, что ее деревянная основа изготовлена в первой половине XVII в., а металлические пластинки с чеканными изображениями святых, возможно, созданы еще в XII–начале XII в. и, вероятнее всего, происходят из Новгорода.[88]

Не вызывает сомнений, что обладание священным крестом императора Мануила, попавшим в руки к Роману Мстиславичу в результате женитьбы на византийской принцессе, выделяло галицко-волынского князя среди прочих русских

---

[85] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 93–102; Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки / Авт.-сост. А. В. Банк, М. А. Бессонова. Ч. 2. М., 1977. С. 87, № 549.

[86] *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский и Филофеевский крест // Древнерусское искусство: Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998.

[87] *Банк А. В.* 1) Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.; Л, 1967. С. 312, табл. 195; 2) Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки. М., 1978. № 30.

[88] См.: *Червяков А. Ф.* Ставротека XII века из Архангельского краеведческого музея // ВВ. Т. 31. М., 1971; *Медынцева А. А.* Архангельская ставротека и культ Климента на Руси // СА. 1991. № 3; *Соломина В. П.* Древнерусское художественное серебро в собрании Архангельского краеведческого музея. М., 2008.

князей его времени, не располагавших реликвиями такого уровня. Кроме того, обладание реликвией Честного Креста, имевшей не только литургическое, но и политическое значение как одного из атрибутов высшей власти, очевидно, должно было мотивировать Романа к более активной политической деятельности, и в частности к участию в борьбе за киевский стол, поддерживать его претензии на ведущую роль в политической жизни Руси.

* * *

Важным подтверждением владения Романом Мстиславичем священным крестом византийского императора, на наш взгляд, являются указания Галицко-Волынской летописи на то, что подобные реликвии впоследствии пребывали во владении других галицких и волынских князей — ближайших потомков Романа. К примеру, летопись упоминает о г ожертвовании племянником Романа Владимиром Васильковичем Луцкой епархии драгоценного креста с частицей Честного Древа Господня:

Въ Лоуцкую епископью да кресть велик сребрян позлотисть съ честным древом.[89]

Судя по сведениям, содержащимся в летописной похвале этому князю, пожертвования подобных воздвизальных крестов-реликвариев волынским храмам совершались регулярно. По подсчетам современного исследователя, набожным Владимиром Васильковичем в общей сложности было пожертвовано различным церквам и монастырям не менее пяти напрестольных крестов с частицами Истинного Древа Креста Господня.[90]

Последнее обстоятельство показывает, что Роману Мстиславичу, а также, вероятно, его потомкам удалось создать в Галицко-Волынской Руси целое собрание высокочтимых христианских реликвий, в том числе реликвий Животворящего Креста, полученных из Константинополя скорее всего уже после захвата и разграбления его крестоносцами в апреле 1204 г. О множестве русских реликвий, захваченных Казимиром Великим в 1340 г. во Львове и затем столетиями хранившихся в польской королевской казне, как мы видели, упоминают многочисленные инвентари XV–XVII вв.

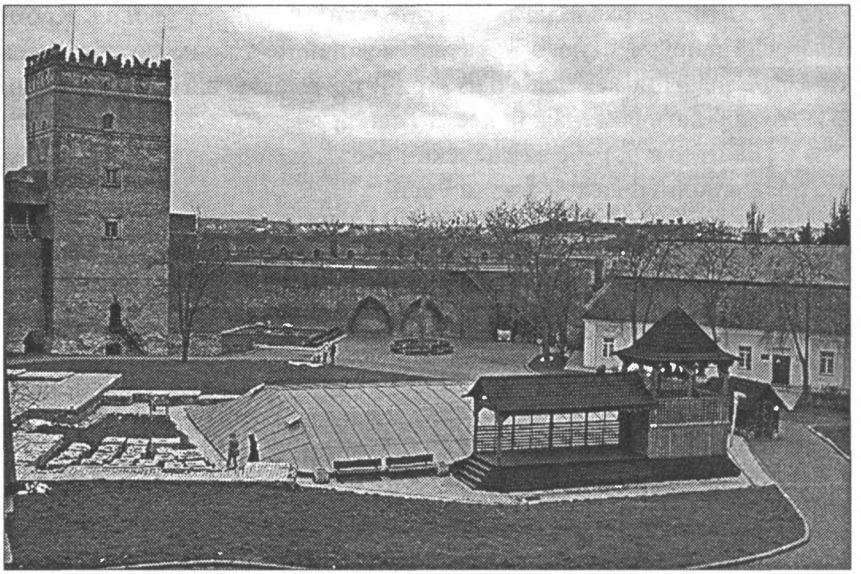
Подаренный Владимиром Васильковичем луцкому кафедральному собору серебряный позолоченный крест-реликварий с частицей Истинного Креста Господня бережно сохранялся здесь на протяжении без малого четырех столетий.[91]

---

[89] ПСРЛ. Т. II. Стб. 926.

[90] *Стерлигова И. А.* 1) Новозаветные реликвии в Древней Руси. С. 24; 2) Древнерусское церковное убранство по данным «Летописца Владимира Васильковича волынского» // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век / Отв. ред. О. Е. Этингоф. СПб., 1997.

[91] Историю луцкой реликвии по свидетельствам письменных источников XV–первой половины XVII вв. недавно проследил И. З. Мыцько: *Мицько І.* Про походження гербу Волині // Старий Луцьк. Альманах. Вип. 5. Луцьк, 2009. С. 54.



Ил. 117. Остатки церкви Иоанна Богослова. 1170-е гг. Внутренний двор замка Любарта. Современный вид (Луцк, Украина)

В 1434 г. на этом кресте, по-видимому, принес присягу на верность польскому королю Владиславу-Ягайло волынский князь Федор Несвицкий:

> присягл есмь Богу, и Матци Божиюи, и усим святым, и на Божие Дерево, и поциловал есмь Божие Дерево.[92]

Этот крест был внесен в новую опись церковных святынь во время ревизии имущества кафедрального собора Св. Иоанна Богослова в Луцке. Опись была составлена в 1607 г., и реликвия фигурирует в ней как «Древо Животворящее, оправленное в позолоченное серебро...».[93]

В 30-х гг. XVII в. луцкая реликвия стала предметом ожесточенных споров между православными и униатами, во владении которых она тогда оказалась. Сохранилось датируемое 1639 г. послание волынской православной шляхты к владимирскому униатскому епископу Иосифу Баковецкому с требованием возвращения святыни православной общине.[94]

Возможно, эти требования были вызваны намерениями официальных властей тайно переправить луцкую реликвию в Рим. Во всяком случае, в Риме не только знали о существовании святыни, но и проявляли к ней особый интерес. В Архиве Ватикана сохранилось специальное послание волынского воеводы Адама-Александра Сангушка, датированное апрелем 1636 г., содержащее краткое описание

---

[92] *Розов В.* Українські грамоти. XIV і перша половина XV в. Київ, 1928. Т. I. С. 130.

[93] Сб. ст. и мат-лов по истории Юго-Западной России. Вып. 2. Киев, 1916. С. 43.

[94] АЮЗР. Ч. II, т. 1. Киев, 1861. С. 155.

луцкого креста-реликвария с изложением его истории.[95] Характер сведений, сообщаемых волынским воеводой, показывает, что они скорее всего были представлены в ответ на какой-то поступивший ранее запрос из Рима.

Из письма волынского воеводы также явствует, что в первой половине XVII в. еще сохранялась память о том, что луцкий серебряный крест с частицей Истинного Древа происходит из Византии и что он был доставлен на Русь в качестве приданого византийской царевны, выданной за древнерусского князя. Правда, согласно версии, представленной упомянутым автором, русским князем, ставшим первым обладателем священной реликвии, был св. Владимир, женившийся на византийской царевне Анне. Сама реликвия несколько веков хранилась в киевской Софии, откуда была вывезена вместе с другими трофеями литовским князем Гедимином, однако его сын Любарт вернул святыню на Русь, передав ее луцкому собору.[96]

Дальнейшая судьба луцкого креста-реликвария неизвестна. Возможно, он все же был тайно передан в Рим. Однако более вероятно другое — реликвия погибла во время Освободительной войны 1648–1654 гг.[97]

С территории Галицко-Волынской Руси происходит еще один реликварий с частицей Честного Креста, хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже. Он был найден в 1958 г. при раскопках древнерусского городища близ г. Шепетовки Хмельницкой обл. (Украина), проводившихся под руководством М. К. Каргера. Реликварий представляет собой маленький, запаянный с двух сторон серебряный цилиндр с латинской надписью, из которой можно узнать, что внутри цилиндра помещены частицы мощей св. Стефана Первомученика и Древа Креста Господня.[98] Происхождение этого предмета не вполне ясно. Высказывается предположение, что реликвии могли оказаться в Шепетовском городище через посредство западных паломников.[99]

---

[95] Monumenta Ucrainae Historica. Vol. II (1624–1648). Romae, 1965. P. 214–215.

[96] Ibid.

[97] *Мицько І.* Про походження гербу Волині. С. 54.

[98] *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М., 1966 (САИ. Вып. Е I-57). С. 10. № 7.

[99] *Пескова А. А.* Паломнические реликвии Святой Земли в древнерусском городе // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. К XX Международ. конгрессу византинистов. Париж, 19–25 августа 2001 г. СПб., 2001. С. 113–126.

Глава двадцать девятая

ЕВАНГЕЛИЕ ЕВФРОСИНИИ ГАЛИЦКОЙ[1]

Иллюстрированное Евангелие Апракос Государственной Третьяковской галереи: вопросы атрибуции и датировки. — Данные стилистического анализа миниатюр о византийском и немецком художественном влиянии. — Влияние стиля мастеров книжной миниатюры Южной Германии конца XII–начала XIII вв. в свете родственных связей Евфросинии Галицкой. — Месяцеслов Евангелия Евфросинии Галицкой

В собрании Государственной Третьяковской галереи в Москве хранится древнерусское рукописное Евангелие Апракос Полный, привлекающее повышенное внимание исследователей благодаря украшающим его текст уникальным цветным миниатюрам (ГТГ. К-5348). Рукопись ранее принадлежала библиотеке Синодальной типографии, куда поступила в мае 1679 г., о чем свидетельствует запись на последнем листе, сделанная дьяком Типографского двора (Печатного приказа) Иваном Арбеневым. В Москву Евангелие, вероятно, попало в числе других древних книг, вывезенных из Новгорода и Пскова.[2]

Рукопись содержит 231 лист, писана на пергамене мелким строгим уставом и богато украшена многочисленными инициалами, заставкой с орнаментом, выполненной золотом и киноварью, а также четырьмя высокохудожественными многоцветными миниатюрами, изображающими четырех сидящих в креслах евангелистов (л. 1 об. — Иоанн; л. 40 об. — Матфей; л. 91 — Лука; л. 129 об. — Марк), каждый из которых пишет или читает свое Евангелие.[3]

Вопрос о датировке рукописи имеет обширную литературу. К изучению памятника обращались исследователи различных специальностей. При этом

---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* Древнерусское рукописное Евангелие апракос из собрания Государственной Третьяковской галереи: К вопросу о датировке и атрибуции // Вопросы музеологии. 2010. № 1.

[2] См.: *Покровский А. А.* Древнее псково-новгородское письменное наследие. Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916. С. 25 и сл.

[3] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / Редкол.: С. О. Шмидт (пред.) и др. М., 1984. № 147.

лингвисты и палеографы датируют рукопись преимущественно XII–XIII вв.,[4] а историки искусства на основании беглого анализа миниатюр и орнаментов относят создание памятника к концу XIII–началу XIV вв.[5] В последнее время, однако, исследователи в целом склоняются к выводу, что наиболее вероятной датой создания Галицко-Волынского Евангелия Апракос следует считать начало XIII в.: составители «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг» датируют памятник концом XII (?)–началом XIII вв.[6]

Более единодушны исследователи в определении места создания Евангелия. Со времен А. И. Соболевского принято считать, что язык рукописи соответствует важнейшим особенностям галицко-волынского диалекта древнерусского языка и сам памятник, таким образом, происходит из Галицко-Волынской Руси.[7]

Историки древнерусского искусства отмечают необыкновенно высокий художественный уровень исполнения миниатюр Галицко-Волынского Евангелия и относят их к числу наиболее выдающихся произведений древнерусской книжной миниатюры, созданных, вероятнее всего, заезжим греческим мастером или талантливым древнерусским живописцем, получившим выучку в Византии.[8]

Несмотря на значительный интерес к названным миниатюрам, единственным исследованием, специально посвященным художественному убранству Галицко-Волынского Евангелия начала XIII в., остается работа О. С. Поповой, впервые опубликованная еще в 1972 г.[9] Заслуга автора состоит в обосновании вывода о том, что все миниатюры Евангелия выполнены одним художником в одно время с написанием текста манускрипта. По своим художественно-стилистическим

---

[4] *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв. СПб., 1882. Стб. 59–60; *Соболевский А. И.* Очерки из истории русского языка. Киев, 1884. С. 11–16; *Воскресенский Г.* Древнеславянское Евангелие. Евангелие от Марка. Сергиев Посад, 1894. С. 42; *Дурново Н. Н.* Хрестоматия по истории русского языка. М., 1914. С. 14–15; *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 45; *Жуковская Л. П.* 1) Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: язык и текстология. М., 1968. С. 328; 2) Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 364; *Алексеев А. А.* Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб., 2005. С. 9.

[5] *Некрасов А. И.* Древнерусское изобразительное искусство. Л., 1937. С. 391; *Воронин Н. Н., Лазарев В. Н.* Искусство западнорусских княжеств. Галицко-Волынская земля // История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. Т. I. М., 1953. С. 314–316; *Запаско Я. П.* Орнаментальне оформлення української рукописної книги. Київ, 1960. С. 47, примеч. 2; *Логвин Г. Н.* З глибин. Давня книжкова мініатюра XI–XVIII століть. Київ, 1974. С. 38; *Александрович В.* Мистецтво Галицько-Волинської держави. Львів, 1999. С. 46–47.

[6] Сводный каталог... № 147. С. 167.

[7] *Соболевский А. И.* 1) Очерки из истории русского языка. С. 11–16; 2) Лекции по истории русского языка. М., 1903. С. 13.

[8] *Воронин Н. Н., Лазарев В. Н.* Искусство западнорусских княжеств. Галицко-Волынская земля. С. 314–316; *Александрович В.* Мистецтво Галицько-Волинської держави. С. 46–47; *Пуцко В. Г.* Иллюминированная древнерусская книга XI–XIII в. // ДР. 2001. № 3 (5). С. 50, 53; *Сарабьянов В. Д., Смирнова Э. С.* История древнерусской живописи. М., 2007. С. 225.

[9] *Попова О. С.* Галицко-волынские миниатюры раннего XIII в. (к вопросу о взаимоотношениях русского и византийского искусства) // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси / Редкол.: В. Н. Лазарев и др. М., 1972.

Ил. 118. Евангелист Лука. Миниатюра Галицко-Волынского Евангелия. Первая треть XIII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия)

особенностям миниатюры соответствуют традициям элитарного византийского искусства позднекомниновского времени, ориентированного на столичные образцы, но при этом также испытали на себе влияние позднероманского стиля, характерного для мастеров книжной миниатюры Германии.[10]

* * *

Как устанавливает О. С. Попова, основы живописной системы мастера миниатюр Галицко-Волынского Евангелия восходят к позднекомниновским истокам. Создатель миниатюр использовал основные технические приемы, а также исповедовал стилистические принципы византийской живописи позднего XII в. Не исключено, что галицко-волынские миниатюры были написаны мастером, более специализировавшимся в области монументальной живописи.[11]

Сравнительный анализ миниатюр устанавливает их сходства и различия. Ближе всего к традициям комниновской миниатюры исполнен в своих главных чертах лик евангелиста Луки, в котором также просматривается сходство с образцами византийской живописи в Македонии конца XII в. (особый тип греческих лиц). В образе Матфея также сочетаются византийские и южнославянские черты. Лицо этого апостола имеет характерную широкую форму, более свойственную славянскому типу, нежели удлиненному типу греческих лиц у других евангелистов. Тип лица, подобный лику Матфея, часто встречается на сербских и македонских фресках и иконах.[12]

В образе евангелиста Марка галицко-волынский мастер, по мнению О. С. Поповой, несколько отдаляется от принципов позднекомниновской живописи и в большей мере обнаруживает сходство с искусством XIII в., так называемой предпалеологовской эпохи. Также ближе к традициям XIII в. исполнена миниатюра с изображением Иоанна, к сожалению, сохранившаяся хуже других и имеющая многочисленные потертости и осыпи красочного слоя.[13]

---

[10] Эти выводы О. С. Попова подтверждает в своей новейшей обобщающей работе, посвященной истории византийской и древнерусской книжной миниатюры: *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003. С. 123–151.

[11] *Попова О. С.* Галицко-волынские миниатюры раннего XIII в.

[12] Там же. Примеч. 10.

[13] *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. С. 125–130.

Тяжелые пышные одежды евангелистов (кроме Марка) закручиваются многочисленными драпировками, прописанными ярко-белыми пробелами. Богатая и сложная сеть пробелов, по мнению Поповой, составляет одну из отличительных черт живописи миниатюр Галицко-Волынского Евангелия. Подобная система пробелов использовалась некоторыми византийскими мастерами фресковой росписи конца XII в.[14]

Красочное построение и манера письма галицко-волынских миниатюр представляют уникальное явление в истории древнерусской живописи, не получившее дальнейшего развития, с редким сочетанием позднекомниновских и предпалеологовских черт, возможным только в произведениях начала XIII в. Живописный метод галицко-волынского мастера не характерен для древнерусских художников, а более свойственен византийским живописцам. В манере мастера ощущается дух поисков в области формы и цвета, характерный для византийского искусства предпалеологовского времени.[15]

Важнейшим доводом для сторонников датировки миниатюр и всей рукописи концом XIII–началом XIV вв. служит общестилистический мотив движения, обнаруживаемый исследователями в живописи мастера, более характерный для времени сложившегося Палеологовского ренессанса.[16] Однако этот мотив, как устанавливает Попова, известен также в живописи первой трети XIII в., особенно в миниатюрах. По своему происхождению он являлся отголоском стиля так называемого позднекомниновского маньеризма.[17]

Таким образом, стилистический разбор письма миниатюр подтверждает принятую в современной литературе датировку рукописи началом XIII в., возникшую в результате ее палеографического и лингвистического анализа.

Эта датировка подтверждается и специальным анализом особенностей украшающих рукопись орнаментов. Для заставки и инициалов Галицко-Волынского Евангелия характерны архаические орнаментальные вариации старовизантийских типов узоров. Ближайшую аналогию им представляет заставка Хутынского служебника начала XIII в., также имеющего галицко-волынское происхождение.[18]

Дальнейшие поиски художественных аналогий стиля галицко-волынских миниатюр обнаруживаются в живописи южнонемецких земель конца XII–начала XIII вв.

По наблюдениям О. С. Поповой, в стиле миниатюр Галицко-Волынского Евангелия Апракос можно проследить приемы и детали, специфические для западной

---

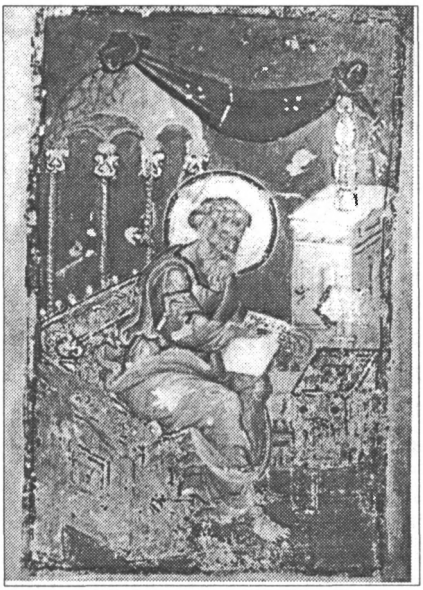
[14] Например, церкви Свв. Бессребреников в Кастории, церковь Св. Георгия в Курбинове, церковь Панагии Аракос в Лагудера на Кипре (*Попова О. С.* Галицко-волынские миниатюры раннего XIII в. Примеч. 12).

[15] *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. С. 132–134.

[16] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. I. М., 1947. С. 182, 243–244; *Воронин Н. Н., Лазарев В. Н.* Искусство западнорусских княжеств. Галицко-Волынская земля. С. 314–316.

[17] *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. С. 133–135.

[18] *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887. С. 16. Табл. XLIV. I–II; *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. С. 144–145. Примеч. 18.



Ил. 119. Евангелист Матфей. Миниатюра Галицко-Волынского Евангелия. Первая треть XIII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия)

художественной среды. Интерес южнорусского мастера к живописи его западных соседей состоял в усвоении некоторых деталей и частных художественных впечатлений, которые контрастируют с нормами византийской художественной системы. Они нарушают правильность пропорций, гармонию цветовых, ритмических и объемных соотношений, распространенных в византийском искусстве.[19]

Влияние романского стиля читается в декоративном оформлении архитектурных деталей, изображенных на фоне фигур апостолов. Возможно, именно из романских миниатюр пришли полюбившиеся галицко-волынскому мастеру тонкие, вытянутые колонки, поддерживающие балдахинные своды во всех его композициях. По-видимому, из романских миниатюр заимствован и островерхий купол, лежащий на затейливо изогнутом архивольте в правой кулисе у евангелиста Луки. Эта архитектурная деталь образует своеобразную, в русской живописи почти не встречающуюся композицию, отдаленно напоминающую трехлопастные стрельчатые декоративные арки, известные в романской живописи. С убранством романских миниатюр сходны и некоторые мелкие детали архитектурных украшений, например капители колонн.[20]

Рисунок драпировок в одеждах евангелистов также вызывает ассоциации с германскими миниатюрами конца XII–начала XIII в., которые, в свою очередь, испытали значительное византийское влияние. Смешение позднероманской манеры с византийскими элементами образует в западноевропейском искусстве особый стиль. Его характеризуют как «утонченный, манерный, с извивающимися ломаными линиями, со слишком сложным, но всегда элегантным рисунком, с причудливыми контурами».[21] Это — так называемый Zackenstil, стиль отживающего романского искусства, стиль, предшествовавший западной готике и распространенный главным образом в германской живописи. Наибольшее признание он получил у немецких миниатюристов.[22]

Таким образом, общестилистический анализ позволяет отметить адекватность отдельных приемов письма галицко-волынских миниатюр некоему

---

[19] *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. С. 135.

[20] *Попова О. С.* Галицко-волынские миниатюры раннего XIII в. Примеч. 25–28.

[21] *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. С. 136.

[22] Разбор примеров и литературу вопроса см.: *Попова О. С.* Галицко-волынские миниатюры раннего XIII в. Примеч. 29, 30.

стилистическому явлению, существовавшему в византийском и западном художественном мире одновременно в конце XII–начале XIII вв. Живопись этого краткого стилистического этапа, с ее внутренней камерностью и внешней вычурностью, можно назвать «маньеристической». Отголоски ее вкусов очевидны в миниатюрах Галицко-Волынского Евангелия.[23]

Смешение византийского и романского стилей в изобразительном искусстве было, очевидно, вызвано эпохой Крестовых походов и латинского завоевания Константинополя. Создатель галицко-волынских миниатюр уловил черты этого особого стиля в каких-то хорошо известных ему произведениях византийских и германских мастеров книжной миниатюры.

Яркая индивидуальная манера письма и высокий уровень мастерства галицко-волынского миниатюриста выдвигают его в ряд видных представителей искусства византийского круга первых десятилетий XIII в. Складывавшийся после падения Константинополя в 1204 г. в различных периферийных центрах византийского мира предпалеологовский стиль во многом определялся вкусами и художественным опытом константинопольских мастеров, бежавших из разоренной столицы империи. Возможно, таким константинопольским мастером, получившим приют при дворе галицко-волынских князей, был и создатель миниатюр Галицко-Волынского Евангелия.[24]

* * *

На наш взгляд, есть все основания предположить, что упомянутый константинопольский мастер, покинувший столицу империи и оказавшийся при дворе галицко-волынских князей, должен был входить в непосредственное окружение великой княгини Евфросинии, старшей дочери бывшего императора Исаака II, выданной ок. 1200 г. замуж за галицко-волынского князя Романа Мстиславича.

Происхождение и родственные связи «великой княгини Романовой», принявшей в начале 1220-х гг. монашеский постриг и ставшей наиболее вероятным заказчиком Галицко-Волынского Евангелия, как нам кажется, должны были отразиться в работе придворного мастера, в известной мере определив и художественно-стилистическое своеобразие выполненных им миниатюр.

Связь с Евфросинией Галицкой удачно объясняет отмеченные особенности стиля галицко-волынских миниатюр начала XIII в., создатель которых, с одной стороны, следовал позднекомниновским образцам византийской живописи, что проявилось в облике евангелистов, а также оказался приверженцем старовизантийских традиций в оформлении орнаментальных украшений рукописи.

С другой стороны, воспроизведение галицко-волынским миниатюристом определенных элементов позднероманского стиля, характерного для немецкой

[23] *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. С. 137.

[24] См.: *Пуцко В. Г.* Византийские художники — иллюминаторы славяно-русских рукописей начала XIII в. // Сообщения Ростовского музея. Вып. X. Ростов, 2000.

Ил. 120. Евангелист Марк. Миниатюра Галицко-Волынского Евангелия. Первая треть XIII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия)

книжной миниатюры конца XII–начала XIII вв. указывает, что среди художественных образцов, к которым так или иначе обращался наш мастер, оказались соответствующие произведения немецких живописцев.

По имеющимся у нас сведениям, происхождение византийской принцессы Евфросинии связывало ее не только с константинопольским двором. Родная сестра Евфросинии Ирина-Мария стала женой германского короля Филиппа Швабского, союзнические отношения с которым поддерживал галицко-волынский князь Роман Мстиславич.[25] Оказавшись в Германии, королева Ирина, как мы видели, не утратила связи со своими греческими родственниками и, в частности, хранила память о своей старшей сестре Евфросинии, чье имя было внесено в синодик Шпейерского собора, в котором покоится прах королевской четы Филиппа и Ирины-Марии.[26]

В свою очередь, Евфросиния Галицкая также поддерживала близкие отношения со своей сестрой. Об этом со всей очевидностью свидетельствует подробный рассказ об убийстве короля Филиппа летом 1208 г., за которым вскоре последовала трагическая смерть его жены Ирины, помещенный в Галицко-Волынской летописи.[27] Этот рассказ, сообщающий подробности о столь далеком от Галича происшествии, не встречается более ни в одном древнерусском источнике. В летописном рассказе описываются не только обстоятельства убийства, но и выявляются лица, к нему причастные. Все эти подробности, на наш взгляд, могли волновать тогда в Галицко-Волынской Руси только родственников погибших, каковыми были «великая княгиня Романовая» и ее дети.[28]

Для целей нашего исследования важно подчеркнуть, что стиль миниатюр Галицко-Волынского Евангелия в сопоставлении с соответствующими образцами немецкой книжной миниатюры наиболее близкую связь обнаруживает с произведениями мастеров из Южной Германии, в частности из Баварии и Швабии.

Именно к такому выводу приходит в своем исследовании О. С. Попова. Стиль, характерный для галицко-волынских миниатюр первой трети XIII в.,

[25] Подробнее см. в главах 10–11 настоящей работы.

[26] Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius // Fontes rerum Germanicarum / Hrsg. von J. F. Boehmer. T. IV. Stuttgart, 1868. P. 323. Подробнее см. в главе 22 настоящей работы.

[27] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 723.

[28] Подробнее см. в главе 22 настоящей работы.

«был достаточно широко распространен и Южной Германии, в Баварии, Швабии, землях, лежащих по Дунаю и уже, безусловно, имевших непосредственные контакты с Южной Русью».[29]

Наиболее характерные образцы такого стиля представлены в миниатюрах Евангелия 1196–1197 гг. верхнерейнской работы (Юго-Западная Германия), Рукописи 1206–1225 гг. из Шайерна на Дунае (граница Баварии и Швабии), Евангелия первой четверти XIII в. из Вайнгартена (Швабия), Рукописи 1190–1210 гг. из Регенсбурга (Бавария), Миссала первой половины XIII в. (Южная Германия) и др.[30]

Среди позднероманских миниатюр, созданных в этих краях, можно найти немало аналогий изображениям из галицко-волынской рукописи, «способных объяснить и редкую для русского искусства перегруженность беспокойными драпировками, и все те отдельные романские приемы, которые воспринял южнорусский мастер».[31]

* * *

В нашем распоряжении, кажется, есть еще одна возможность, позволяющая установить связь Галицко-Волынского Евангелия начала XIII в. с княгиней Евфросинией Галицкой.

Подобно многим богослужебным книгам Древней Руси, Галицко-Волынское Евангелие Апракос содержит месяцеслов. Основной объем рукописи (л. 2–194) занимает текст евангельских чтений на весь год (Апракос Полный), а в конце сборника помещаются месяцеслов (л. 194–224), утренние воскресные евангелия (л. 224–227), евангелия на разные потребы (без заголовка) (л. 227–228).[32]

Месяцеслов Галицко-Волынского Евангелия представляет собой полный годовой церковный календарь с указанием дат основных христианских праздников, а также дней памяти избранных восточно-христианских святых начиная от первых веков христианства и до середины X в.[33]

Среди отмеченных в месяцеслове церковных праздников мы находим и те, которые так или иначе соотносились лично с галицко-волынской княгиней Евфросинией-Анной. Прежде всего это дни церковной памяти, связанные с почитанием родителей Богородицы, праведных Иоакима и Анны: память праведных Богоотцов Иоакима и Анны (9 сентября);[34] Успение праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы (25 июля);[35] Зачатие праведной Анны, «егда

---

[29] *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. С. 137.

[30] Обзор примеров и литературу вопроса см.: *Попова О. С.* Галицко-волынские миниатюры раннего XIII в. Примеч. 31, 32.

[31] *Попова О. С.* Византийские и древнерусские миниатюры. С. 137.

[32] Сводный каталог... С. 168.

[33] *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 58.

[34] Там же. С. 149.

[35] Там же. С. 391.

зачат Пресвятую Богородицу» (9 декабря);[36] Рождество Пресвятой Богородицы (8 сентября);[37] Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября)[38] и отдание праздника Введения (дата пропущена).[39]

Под 15 февраля (без обозначения даты) в месяцеслове Галицко-Волынского Евангелия помещена память св. Евфросинии Александрийской.[40] Как мы уже не раз отмечали, эта святая, по всей видимости, и стала патрональной святой для Евфросинии Галицкой, получившей это свое крестильное (или монашеское) имя еще в Византии (до приезда на Русь).[41]

Под именем Евфросинии галицко-волынская княгиня как старшая сестра германской королевы Ирины упоминается в синодике Шпейерского собора. Важно заметить, что имена других греческих родственников германской королевы, упомянутые в синодике, — Исаак, Ирина и Мануил, — также находят свои соответствия в месяцеслове Галицко-Волынского Евангелия. Здесь среди имен наиболее чтимых греческой церковью первых христианских святых мучеников находим св. Исаака в числе «преподобных отец в Синае и Раифе избиенных» (IV–V вв.; память 14 января),[42] а также св. мученицу Ирину (I–II вв.; память 5 мая).[43]

К сожалению, мы не располагаем данными о том, в честь каких христианских святых получили свои крестильные имена упоминающиеся в Шпейерском синодике византийский император Исаак II Ангел и его первая супруга Ирина — отец и мать германской королевы Ирины. Неизвестно также, в память какой святой получила свое крестильное имя эта последняя.

То же самое приходится сказать и в отношении святого, тезоименитого младшему брату германской королевы Мануилу, упомянутому в Шпейерском синодике в паре со своей старшей сестрой Евфросинией.

Впрочем, согласно Никите Хониату, свое имя младший сын Исаака II, рожденный от Маргариты Венгерской, получил в память императора Мануила I Комнина, особо почитаемого в семье Ангелов. Младшего сына Мануила Исаак даже намеревался сделать своим наследником в обход старшего сына Алексея.[44] А свою старшую дочь Евфросинию еще в раннем детстве Исаак отдал в монастырь, устроенный в том самом «Иоанницком доме», который должен был стать монастырем для «царицы Ксении», вдовы императора Мануила, обязавшейся принять постриг в память о муже, но так и не выполнившей этого обета.[45]

---

[36] Там же. С. 220.

[37] Там же. С. 148.

[38] Там же. С. 206.

[39] Там же. С. 208.

[40] Там же. С. 271.

[41] Подробнее см. в части четвертой настоящей работы.

[42] *Лосева О. В.* Русские месяцесловы... С. 248.

[43] Там же. С. 332.

[44] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1 / Пер. под ред. проф. В. И. Долоцкого. СПб., 1860. С. 217.

[45] То же. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 85.

Старшая дочь Исаака II, таким образом, была с детства предназначена стать некой жертвой культа императора Мануила. Освобожденная от монашеского пострига при новом императоре Алексее III и выданная замуж за князя Романа Мстиславича, царевна Евфросиния привезла с собой на Русь драгоценный крест-реликварий Мануила Комнина с частицей Истинного Древа Креста Господня, ставший семейной реликвией галицко-волынских князей, впоследствии оказавшийся во владении польских королей и ныне пребывающий в ризнице собора Парижской Богоматери.[46]

Ил. 121. Евангелист Иоанн. Миниатюра Галицко-Волынского Евангелия. Первая треть XIII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия)

Прямых указаний о том, какого христианского святого считал своим небесным покровителем император Мануил I Комнин, в источниках не сохранилось. Несмотря на то что известна точная дата его рождения — 28 ноября 1118 г., установить имя патронального святого василевса весьма затруднительно, так как в древних греческих месяцесловах не содержится упоминаний о святых с именем Мануил в ближайшие несколько недель вокруг даты рождения Мануила Комнина.[47]

Тем не менее некоторые факты биографии императора Мануила I определенно указывают на его особую связь с городом Сирмием, игравшим важнейшую роль в политике и личной судьбе василевса. Сирмий (Срем) — один из крупнейших дунайских городов Римской империи, несколько раз становившийся резиденцией императоров, известен также как один из центров раннего христианства, в котором прославились несколько знаменитых подвижников.[48]

В конце XI в. Сирмий был отбит у Византии венгерским королем Ласло, приходившимся Мануилу I дедом по матери. В 1150–1160-х гг. Мануил неоднократно предпринимал попытки вернуть Сирмий и, наконец, сумел добиться этого, воспользовавшись благоприятным случаем — пребыванием при византийском

---

[46] См. главу 28 настоящей работы.

[47] При отсчете от этой даты по православному календарю вперед память ближайшего святого с именем Мануил — святителя Мануила, епископа Адрианопольского — отмечается 22 января, при отсчете назад — 30 октября — память мученика Мануила. См.: *Сергий* (*Спасский*), *архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. II. Святой Восток. Ч. 1. М., 1876. С. 19, 290.

[48] См.: *Милошевић П.* Археологија и историја Сирмијума. Нови Сад, 2001; *Popović R.* Rano hrišćanstvo u Panoniji // Vojvođanski godišnjak. Novi Sad, Sv. I.1995.

дворе венгерского принца Белы (будущий король Бела III), которого василевс объявил своим наследником.[49]

Завоевание Сирмия едва не стоило императору жизни. Никита Хониат описывает чудесное избавление Мануила от смертельной опасности, постигшей его под стенами этого города, когда на царя внезапно напал вражеский воин-богатырь:

> Здесь-то один из пэонийцев (венгров. — *А. М.*), при огромнейшем росте отличавшийся и неустрашимостью духа, отделившись от товарищей, стремительно нападает на самого царя; но царь, выдержав его нападение, вонзает ему меч между глаз и лишает его жизни.[50]

Одним из наиболее известных сирмийских святых, почитаемых в Византии, является св. мученик Мануил (304), чья память отмечается 27 марта вместе с двумя другими сирмийскими мучениками — Феодосием и Кондратом.[51]

Примечательно, что память св. мученика Мануила Сирмийского отмечена в месяцеслове Галицко-Волынского Евангелия.[52] Впрочем, мы находим здесь память еще одного святого с этим же именем — св. мученика Мануила (362), отмечаемую 17 июня вместе с памятью мучеников Савела и Измаила.[53]

Среди святых, тезоименитых детям Евфросинии Галицкой, в месяцеслове Галицко-Волынского Евангелия помещается память пророка Даниила (17 декабря).[54] Однако в церковных месяцесловах более позднего времени (начиная с середины XIII в.), происходящих с территории Галицкой и Волынской земель, постоянно встречается память еще одного святого с тем же именем — св. Даниила Столпника (11 декабря).

Так, по данным О. В. Лосевой, память Даниила Столпника, отсутствующая в ранних галицко-волынских месяцесловах (месяцесловы Добриловского Евангелия 1164 г. (РГБ. Румянцевское собр. 103) и Галицко-Волынского Евангелия начала XIII в.), появляется в большинстве позднейших — месяцесловы Галицкого Евангелия 1266–1301 г. (РНБ. F. п. 1. 64), Холмского Евангелия второй половины XIII в. (РГБ. Румянцевское собр. 106), Галицкого Евангелия 1144 г. с месяцесловом XIII–XIV вв. (ГИМ. Синодальное собр. 404), Луцкого Евангелия второй половины XIV в. (РГБ. Руманцевское собр. 112).[55]

Вопрос о патрональном святом князя Даниила Галицкого, таким образом, требует дополнительного изучения.

---

[49] См.: *Makk F.* The Arpads and the Comneni. Political relations between Hungary and Bizantium in the 12th century. Budapest, 1989.

[50] *Никита Хониат.* История... Т. 1. С. 118.

[51] *Сергий (Спасский), архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. II, ч. 1. С. 78.

[52] *Лосева О. В.* Русские месяцесловы... С. 301.

[53] Там же. С. 364.

[54] Там же. С. 225.

[55] Там же. С. 221.

Глава тридцатая

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ И НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТА СВ. ДАНИИЛА СТОЛПНИКА У РЮРИКОВИЧЕЙ[1]

Почитание Даниила Столпника в семье великих князей московских. — Данилов монастырь в Угровске: свидетельства письменных источников и новые археологические данные. — Холмские башни-столпы XIII в. и их предназначение. — Следы почитания Даниила Столпника и покровительства столпничеству потомками Даниила Романовича. — Родственные связи галицко-волынских и московских князей и их общий патрональный святой в памятниках сфрагистики. — К уточнению даты рождения Даниила Галицкого

В именослове Рюриковичей личное крестильное имя *Даниил* до начала XIII в. ни разу не встречается. Первый и, возможно, единственный в домонгольский период случай представляет имя галицко-волынского князя Даниила Романовича, зафиксированное во множестве различных источников.

Современные исследователи уклоняются от ответа на вопрос, откуда в семье галицко-волынских князей появляется сразу несколько совершенно не характерных для Рюриковичей крестильных имен, среди которых — Даниил, Ираклий, Лев и др. Данный феномен, по заключению Н. Ф. Котляра, «в настоящее время не представляется возможным объяснить».[2]

Примерно к такому же выводу приходят А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, рассмотревшие все известные ныне случаи использования мужских имен среди ближайших потомков Романа Мстиславича: «Имянаречение мальчиков в этой семье вообще отличалось редким своеобразием и не во всем было ориентировано на общединастический именослов».[3] В отношении же имени старшего сына Романа

---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* О происхождении имени и уточнении даты рождения Даниила Галицкого // Actes testantibus: Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Відп. ред. М. Литвин. Львів, 2011.

[2] *Котляр Н. Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 187.

[3] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 567–568, 573.

Даниила названные авторы лишь констатируют невозможность определить происхождение столь нетипичного для Рюриковичей имени: «...мы не располагаем данными, в честь кого из святых с этим именем он был крещен».[4]

Мы, действительно, не имеем прямых указаний в источниках (в особенности в письменных), в честь какого христианского святого получил свое имя Даниил Романович. Но это отнюдь не значит, что ответить на такой вопрос в настоящее время не представляется возможным. Разумеется, что при ответе на него нам придется обратиться к косвенным данным и сравнительным материалам.

Если в домонгольский период случай наречения именем Даниил старшего сына галицко-волынского князя Романа Мстиславича является уникальным в практике имянаречения Рюриковичей, то в последующее время подобные случаи становятся регулярными, особенно в семье московских великих князей. Из многочисленных источников известно, что младший сын Александра Невского, ставший родоначальником династии московских князей, получил при крещении имя Даниил. Это же имя впоследствии носили сыновья практически всех московских великих князей XIV–начала XV вв.: — Даниил Иванович, сын великого князя Ивана Калиты, родившийся в 1319 или 1320 гг. и умерший, вероятно, в молодом возрасте;[5] — Даниил Симеонович, сын великого князя Симеона Гордого, родившийся в 1347 г. и умерший, вероятно в раннем возрасте;[6] — Даниил Дмитриевич, старший сын великого князя Дмитрия Донского, умерший при жизни отца;[7] — Даниил Васильевич, сын великого князя Василия I Дмитриевича, умерший в младенчестве.[8]

С большой долей вероятности мы можем определить, в честь какого христианского святого получали свои имена упомянутые московские князья, начиная с основоположника династии Даниила Александровича. Ряд известных ныне фактов прямо указывает, что в качестве патронального святого родоначальника московских князей, который сам был причислен к лику святых Русской Православной Церкви, выступает св. Даниил Столпник.[9]

Так, изображение Даниила Столпника с соответствующей надписью представлено на печатях, атрибутируемых Даниилу Александровичу.[10] При своей жизни этот князь возвел монастырь, посвященный Даниилу Столпнику.[11] Образ Даниила Столпника помещен в медальоне, который сопровождает изображение князя Даниила Александровича на фреске северо-западного столпа Архангельского собора Московского Кремля.[12]

---

[4] Там же. С. 533.

[5] ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 187; Т. XVIII. М., 2007. С. 89.

[6] Там же. Т. IV, ч. 1. М., 2000. С. 279; Т. VII. М., 2001. Т. X. С. 214; С. 219.

[7] Там же. Т. IV, ч. 1. С. 360, 488; Т. VIII. М., 2001. С. 58; Т. XVIII. С. 24; Т. XXV. М., 2004. С. 218.

[8] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 455.

[9] См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 531–532. См. также: *Флоря Б. Н.* Даниил Александрович // Православная энциклопедия. Т. XIV. М., 2006.

[10] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. С. 67, 166.

[11] ПСРЛ. Т. VII. С. 202; Т. X. С. 204; Т. XV, вып. 1. М., 2000. Стб. 46.

[12] *Самойлова Т. Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля: Иконографическая программа XVI в. М., 2004. С. 142, 146.

Существующий доныне в Москве на правом берегу Москвы-реки ставропигиальный Свято-Данилов монастырь (Даниловский вал, 22) сохранил свое древнее посвящение во имя прп. Даниила Столпника. Обитель, в которой ныне размещается синодальная резиденция патриарха Московского и всея Руси, считается старейшим монастырем Москвы и ведет свою историю от монастыря, возведенного св. Даниилом Московским.[13]

Ил. 122. Св. кн. Даниил Московский в молении Св. Троице, с видом Данилова монастыря. Икона. Конец XVII–начало XVIII вв. Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург, Россия)

Первая обитель, посвященная Даниилу Столпнику, появилась в Москве на рубеже XIII–XIV вв. Тогда же в ней была утверждена первая архимандрития Московского княжества. После перевода ее в 1330 г. в кремлевский Спасо-Преображенский монастырь (Спас на Бору), Данилов монастырь запустел и был возобновлен только в 1560 г. по воле Ивана Грозного.[14]

Древний Даниловский монастырь и возникшее вокруг него «сельцо» Даниловское располагались на правом (южном) берегу Москвы-реки, на ее излучине. Монастырь с поселением разделяло устье небольшой речки Даниловки, ныне исчезнувшей. В XVI в. обитель была отстроена на новом месте, старое же заняло разросшееся «сельцо» Даниловское. Древнее посвящение монастыря Св. Даниилу Столпнику подтверждается сведениями о том, что главный его храм издревле был посвящен именно этому святому. Запустение монастыря во второй половине XIV–начале XVI вв. привело к использованию его территории как приходского кладбища, а храма — как приходской церкви. С возобновлением обители на новом месте ее старый храм во имя Прп. Даниила Столпника так и остался приходским, просуществовав в таком качестве до начала XVIII в.[15]

Не только основоположник московской княжеской династии Даниил Александрович, но и другие московские князья, носившие имя Даниила, получили его в честь того же святого — Даниила Столпника. Такой вывод можно сделать

---

[13] См.: Данилов во имя прп. Даниила Столпника московский монастырь // Православная энциклопедия. Т. XIV.

[14] *Кучкин В. А.* О дате основания московского Данилова монастыря // ВИ. 1990. № 7; *Аверьянов К. А.* Где находился древнейший монастырь Москвы? // Историческая география России: новые подходы: Сб. ст., посвящ. 70-летию В. М. Кабузана. М., 2004.

[15] См.: *Беляев Л. А.* 1) Древние монастыри Москвы (конец XIII–начало XV в.) по данным археологии. М., 1994; 2) Древности Данилова монастыря (церкви во имя Воскресения Словущего и Даниила Столпника) // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.

в отношении почти всех известных ныне московских князей XIV–начала XV вв. с именем Даниил.[16]

По свидетельству Симеоновской летописи, князь Даниил Иванович, сын Ивана Калиты и внук Даниила Московского, появился на свет 11 декабря 1319 г.,[17] то есть непосредственно в день памяти св. Даниила Столпника. Такая же дата, по-видимому, содержалась и в Троицкой летописи, откуда была заимствована Н. М. Карамзиным.[18]

День памяти прп. Даниила Столпника был днем, с которым так или иначе соотносятся даты рождения других московских князей с крестильным именем Даниил. К примеру, сын великого князя Василия Дмитриевича родился 6 декабря 1401 г.,[19] а сын великого князя Симеона Гордого — 15 декабря 1347 г.[20]

Исходя из указанной практики, современные исследователи высказывают предположение, что и основатель московской династии, князь Даниил Александрович, получивший свое имя в память прп. Даниила Столпника, должен был появиться на свет в самом начале зимы, незадолго до 11 декабря.[21]

* * *

В современной литературе мы не найдем объяснения причин распространения среди московских великих князей почитания св. Даниила Столпника, выразившегося в наречении именем Даниил великокняжеских сыновей на протяжении нескольких поколений подряд. Насколько нам известно, подобный вопрос вообще не поднимается.

В известной мере это можно объяснить тем, что сохранившиеся источники не содержат ясных указаний насчет возможных истоков культа Даниила Столпника в Москве в XIV в. Очевидно, что почитание этого святого в великокняжеской семье должно быть связано с памятью о родоначальнике династии Даниле Московском. Однако чем объяснить появление такого имени у младшего сына Александра Невского?

Точная дата рождения Даниила Александровича в источниках не зафиксирована. По мнению большинства исследователей, князь должен был появиться на свет в 1261 г.[22] Значит, к этому времени в семье его отца должны были сложиться определенные предпосылки для будущего династического почитания св. Даниила Столпника.

---

[16] См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 532–534.

[17] ПСРЛ. Т. XVIII. С. 89.

[18] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 356.

[19] Там же. С. 455.

[20] ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. С. 279; Т. VII. С. 214; Т. X. С. 219.

[21] *Борисов Н. С.* Политика московских князей. Конец XIII–первая половина XIV века. М., 1999. С. 65.

[22] *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С. 21; *Борисов Н. С.* Политика московских князей. С. 65; *Флоря Б. Н.* Даниил Александрович. С. 99.

Похоже, что такие предпосылки возникли еще ранее, в предыдущем поколении владимиро-суздальских великих князей. Имя Даниил носил один из братьев Александра Невского, сын владимирского великого князя Ярослава Всеволодовича. Этот первый из известных в Северо-Восточной Руси князь с именем Даниил в источниках упоминается дважды: среди сыновей Ярослава Всеволодовича, уцелевших после нашествия Батыя,[23] и в сообщении о собственной смерти в 1256 г.[24]

Как уже отмечалось, вплоть до начала XIII в. имя Даниил на Руси не было княжеским. Первым в роду Рюриковичей это имя получил галицко-волынский князь Даниил Романович, ставший одним из самых могущественных и знаменитых князей Древней Руси. У нас есть все основания предполагать, что, как и в случае с московскими князьями конца XIII–XIV вв., Даниил Романович получил свое крестильное имя в память прп. Даниила Столпника.

Можно с уверенностью утверждать, что именно в годы княжения Даниила Галицкого на волынских и галицких землях появляются явственные следы почитания Даниила Столпника и распространения столпничества как формы христианского аскетизма.

Не может быть случайностью появление в Галицко-Волынской Руси во времена Даниила двух новых городов с весьма характерными названиями — Столпье и Данилов. Столпье впервые упоминается под 1204 г.,[25] а в 1217 г. значится среди отвоеванных Даниилом у поляков городов западноволынской «Украины».[26] Данилов упоминается под 1240 г. в сообщении о неудачной попытке войск Батыя овладеть городом.[27] Древние городские укрепления локализованы вблизи хутора Даниловка Кременецкого района Тернопольской области, на горе Троица.[28]

Подобно Даниилу Московскому, построившему вблизи своей столицы Данилов монастырь во имя Св. Даниила Столпника, обитель, посвященную этому же святому, несколькими десятилетиями ранее возводит и Даниил Галицкий, и, насколько можно судить, это был первый в Древней Руси монастырь, посвященный названному святому.

Сведения о построенном Даниилом Романовичем Даниловом монастыре находим в Галицко-Волынской летописи. Под 1268 г. летопись сообщает, что в городе Угровске на Западной Волыни уже существовал монастырь Св. Даниила, в котором принял постриг и монашествовал обратившийся в православие литовский князь Войшелк:

> Воишелкъ иде до Оугровьска в манастырь ко святомоу Данилью, и взя на ся чернечькии порты, и поча житии в манастыре.[29]

---

[23] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 521.
[24] Там же. Т. IV, ч. 1. С. 232.
[25] Там же. Т. II. М., 1998. Стб. 721.
[26] Там же. Стб. 732.
[27] Там же. Стб. 786.
[28] *Раппопорт П. А.* Данилов // КСИА АН СССР. Вып. 125. М., 1971.
[29] ПСРЛ. Т. II. Стб. 867.

Монастырь Св. Даниила в Угровске впервые упоминается в известиях, относящихся к 1264 г. Тогда в Рим Даниилом Галицким было отправлено посольство для продолжения переговоров об условиях церковной унии. Возглавлял послов галицко-волынского князя игумен Григорий, который в одной из папских грамот именовался «аббатом с Горы Святого Даниила». По мнению современных исследователей, так в папской канцелярии называли монастырь Св. Даниила Столпника в Угровске.[30]

Под 1259 г. Галицко-Волынская летопись сообщает о завершении Даниилом Романовичем каких-то масштабных строительных работ в Угровске:

> Данилови бо княжящоу во Володимере, созда град Оугорескъ и постави во немъ пискупа.[31]

Поскольку впервые Угровск упоминается в летописи под 1204 г. и с тех пор фигурирует в ее сообщениях неоднократно,[32] в данном случае речь идет не о закладке города, а о строительстве князем Даниилом новых городских укреплений или укрепленной резиденции епископа. Наличие в Угровске епископа, а также тот факт, что игумен местного монастыря Св. Даниила представлял князя на переговорах об унии с римским папой, свидетельствует о высоком церковно-политическом значении этого города во время правления Даниила.

В первой половине XIII в. Угровск играл особую роль в политике Даниила Галицкого. Возможно, князь даже имел планы сделать его своей новой столицей, но впоследствии выбрал для этой цели Холм. Во всяком случае, в правление Даниила Угровск несомненно играл роль административного центра русского Забужья.[33]

Долгое время местонахождение летописного Угровска оставалось не вполне определенным.[34] Лишь во второй половине 1990-х гг. были получены убедительные археологические подтверждения существования древнего городища на правом берегу Западного Буга, в 2,5 км к западу от современного села Новоугрузское (Новоугрузьке) Любомльского района Волынской области, с высокой степенью вероятности отождествляемого с древним Угровском.[35]

---

[30] *Мицько І. З.* Монастирі // Історія української культури: В 5 т. Т. 2. Київ, 2001: Українська культура XIII–першої половини XVII століть. С. 234.

[31] ПСРЛ. Т. II. Стб. 842.

[32] Там же. Стб. 721. В Галицко-Волынской летописи на протяжении 1204 (1207)–1268 гг. Угровск упоминается семь раз, что указывает за немаловажную роль города в XIII в. (см.: Там же. Стб. 721, 732, 754, 758, 842, 867).

[33] См.: *Панишко С.* Угровське князівство Данила Романовича // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Мат-ли Міжнародної наук. конф. (Львів, 29–30 листопада 2001 р.). Львів, 2003.

[34] См.: *Панишко С.* До проблеми локалізації давньоруського Угровська // Київська старовина. 1997. № 5.

[35] См.: *Мазурик Ю., Остап'юк О.* Археологічні дослідження літописного Угровська на Волині // Замосцько-Волинські музейні зошити. Т. I. Zamość, 2003.

Одновременно с поисками города велись также поиски следов располагавшегося в нем монастыря Св. Даниила. В историко-краеведческой литературе XIX–начала XX вв. приводится несколько записанных со слов местных жителей легенд о древней башне, построенной в Угровске князем Даниилом Галицким. Эта башня, именуемая Столпом, стала главным ориентиром в поисках следов монастыря Св. Даниила.[36]

В северной части открытого близ с. Новоугрузское древнерусского городища, у самого берега Западного Буга, выявлена укрепленная площадка мысовидной формы площадью ок. 2 га. В средней части мыса располагается урочище с характерным названием Столп или Столпово. В центре урочища в 1997 г. раскопаны фундаменты прямоугольной в плане каменной башни. Урочище Столп представляет собой насыпной земляной холм высотой 2,5 м и диаметром 40 м. Располагавшаяся в центре его башня имела периметр 7,4×9,3 м, при толщине стен 1,5–1,7 м. Кроме фундаментов, сохранились остатки сложенных из брусчатого кирпича стен на высоту до 1,3 м. По ряду характерных признаков кирпич датируется второй половиной XIII в.[37]

Построенный Даниилом Романовичем монастырь Св. Даниила в Угровске, очевидно, должен был иметь посвящение святому, которого галицко-волынский князь почитал своим патрональным святым. Недавнее открытие на территории монастыря остатков каменной башни-столпа, возведенного на рукотворной насыпи посреди урочища, доныне сохраняющего название Столп, позволяет заключить, что упомянутый монастырь был посвящен Св. Даниилу Столпнику.[38] Именно этого святого почитал как своего небесного патрона тезоименитый ему галицко-волынский князь.

В Галицко-Волынской Руси в правление Даниила Романовича и его потомков было возведено несколько монастырских сооружений, подобных башне-столпу монастыря Св. Даниила Столпника в Угровске. Как уже отмечалось, до нашего времени сохранилась пятиярусная каменная башня близ Холма, в древнем городе с характерным названием Столпье. Эта башня, вероятнее всего, была частью Спасо-Столпьевского монастыря, ставшего резиденцией великой княгини Евфросинии после принятия ею монашества.[39]

Фундаменты еще одной башни-столпа обнаружены в Спасском монастыре под Старым Самбором.[40] Особое покровительство своей обители оказывал галицкий

---

[36] См.: *Е. М.* 1) Холмская православная епархия // Холмско-Варшавский епархиальный вестник, издаваемый при Холмско-Варшавской архиерейской кафедре. 1884. Год VIII. № 2. С. 23; 2) Город Холм и его святыня // Холмский календарь на 1885 год. Холм, 1885. С. 69; *Гербачевский Ф.* Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси. Варшава, 1892. С. 134; *Любарський С.* Село Угруськ Володавського повіту на Холмщині // Духовна бесіда. Варшава, 1925. № 17–18. С. 12; *Раппопорт П. А.* Волынские башни // МИА. № 31. М., 1952. С. 220.

[37] *Мазурик Ю., Остап'юк О.* Локалізація башти в літописному Угровську // Минуле і сучасне Волині й Полісся: край на межі тисячоліть. Мат-ли X наук. історико-краєзнавчої конф. Луцьк, 2002.

[38] *Кучинко М. М.* Історія населення Західної Волині, Холмщини та Підляшшя в X–XIV століттях. Луцьк, 2009. С. 64–65.

[39] См. главу 23 настоящей работы.

[40] *Малевская М. В., Кос А. И., Рожко М. Ф., Шолохова Е. В.* Архитектурно-археологические исследования во Львове и Львовской области // АО. 1978 г. М., 1979. С. 360; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в. № III.6. С. 96–98.

князь Лев Данилович. В XVIII в. было записано местное предание, согласно которому после смерти своей жены Констанции князь принял монашеский постриг и удалился в Спасо-Самборской монастырь, где провел последние годы жизни.[41]

* * *

Исследователи давно обратили внимание на удивительный феномен в архитектуре Галицко-Волынской Руси XIII–первой половины XIV вв., практически не встречающийся в других русских землях. На территории Западной Волыни и Галицкого Прикарпатья к настоящему времени выявлено значительное число отдельно стоящих каменных башен-столпов, иногда являвшихся частью монастырских комплексов или расположенных в черте городов. Эти сооружения сохранились в основном в виде скрытых в земле фундаментов. Однако в некоторых редких случаях башни сохранились полностью, что позволяет изучить их архитектурно-конструктивные особенности и попытаться определить функциональное предназначение.[42]

Долгое время в литературе господствовало мнение, что упомянутые западноволынские столпы представляют собой башни-донжоны военно-оборонительных комплексов, построенных по типу западноевропейских феодальных замков. Однако новейшие архитектурно-археологические исследования наиболее сохранившихся памятников, в частности башни в Столпье под Холмом, показывают, что предназначение подобных объектов могло быть совершенно иным. На верхнем (пятом) ярусе Столпьевской башни обнаружены остатки часовни, устроенной, несомненно, при строительстве столпа. Данное открытие показывает, что изначально башня была предназначена для отправления особого рода религиозных культов, связанных с идеями христианского аскетизма. Такие культы со времен раннего средневековья были широко распространены на христианском Востоке и в Византии. Их выражением было столпничество, предполагавшее уединенное проживание, как правило, на вершине башни-столпа в строгом посте и молитвенных бдениях.[43]

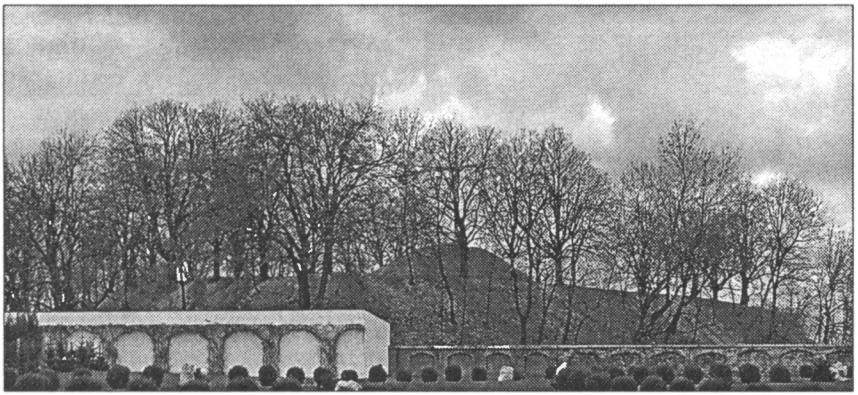
Похоже, Столпьевская башня не утратила своего изначального предназначения и спустя несколько столетий с момента ее постройки. Еще в середине XV в. в башне жил иеромонах-отшельник по имени Вавила, которого принял под свою защиту киевский митрополит и папский легат Исидор. В послании к старостам Холма от 27

---

[41] *Stebelski I.* Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim z cieniów zakonnych powstające czyli żywoty śś. panien i matek Ewfrozyny i Parascewii zakonnic i hegumenij... Wyd. 2. T. III. Lwów, 1867. S. 28–38, 44.

[42] *Раппопорт П. А.* Волынские башни; *Рожко М. Ф.* 1) Карпатські шляхи та їх охорона // УІЖ. 1990. № 10; 2) Оборонно-житлові вежі в системі укріплень Галицько-Волинського князівства // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі / Відп. ред. П. П. Толочко. Чернігів, 1997; *Антипов И. В.* Оборонительные башни «волынского типа» в системе укреплений городов Западной Руси // Поселения: среда, культура, социум. Мат-лы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 6–9 октября 1998 г. СПб., 1998.

[43] Подробнее см.: Zespół wieżowy w Stołpiu. Badania 2003–2005 / Pod red. A. Buko. Warszawa, 2009. См. также главу 23 настоящей работы.



Ил. 123. Район Высокой Горки. Место, где во второй половине XIII в. находился дворец Даниила Галицкого. Современный вид (г. Хелм, Люблинское воеводство, Польша)

июля 1440 г. Исидор разъясняет, что «попъ Вавила отъ светого Спаса отъ Столъпа» не должен терпеть обид от местных жителей, покушавшихся на прилегающий к столпу сад, так как он в том столпе-церкви живет и «Бога молитъ о всемъ християнстве».[44]

Главным средоточием башен-столпов на Западной Волыни был город Холм, построенный Даниилом Романовичем в качестве новой столицы Галицко-Волынской Руси. В рассказе Галицко-Волынской летописи о постройке Холма упоминается «высокая вежа», возведенная князем Даниилом в центре города.[45] Фундаменты этой постройки раскопаны П. П. Покрышкиным в 1910–1912 гг. на Высокой Горке в Холме. Выстроенная в 1230–1240-е гг. башня представляла собой квадратное в плане сооружение (4,7 × 4,9 м) с круглым внутренним помещением (диаметром ок. 2 м) и толщиной стен 1,2–1,4 м. С юго-западной стороны к башне примыкало прямоугольное, вытянутое в длину сооружение, идентифицируемое как княжеский дворец Даниила Галицкого, существенно перестроенный в конце XIII–начале XIV вв. В ходе дальнейших раскопок комплекса княжеского дворца обнаружены фундаменты еще одной жилой башни, построенной в середине XIV в.[46]

В 2 км к северу от Холма, у деревни Белавино, вплоть до Второй мировой войны сохранялись остатки стен каменной башни, возведенной на небольшой насыпи посреди труднопроходимого болота. В XIX в. местные жители называли эту башню Столп, а местность вокруг нее — Застолпье.[47]

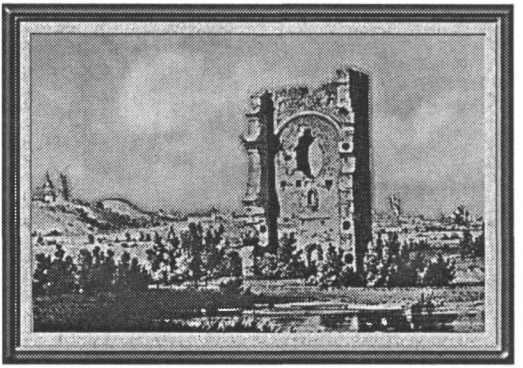
---

[44] АЮЗР. Ч. I, т. VI. Киев, 1883. № II. С. 5.

[45] ПСРЛ. Т. II. Стб. 844.

[46] *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в. С. 107–108. № IV.3, 133–135. № IV.16.

[47] *Хрусцевич Г. Н.* Белавинская и Столпьевская башни под Холмом // Памятники русской старины в западных губерниях империи / Изд. П. Н. Батюшкова. Вып. 7. СПб., 1885. С. 46–61; *Батюшков П. Н.* Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья. СПб., 1887. Приложения. № 25. С. 36.



Ил. 124. Адам Ле Руе (1825?–1863). Развалины башни в Белавине. Рисунок из «Люблинского альбома» (1857–1860 гг.)

В 1909 г. башня была обследована П. П. Покрышкиным, а в 1910–1911 гг. отремонтирована. Уцелевшие фундаменты постройки неоднократно исследовались в 1970–1990-х гг. Наружные размеры башни 11,8 × 12,4 м при высоте ок. 18 м и толщине стен ок. 1,7 м. О возможном культовом предназначении сооружения свидетельствуют размеры и форма окон устроенных в его верхнем ярусе. Эти окна значительно превышали размеры бойниц и представляли собой широкие (до 1,7 м) проемы с полуциркульным завершением, отделанные белым и зеленым тесаным камнем. На внутренней поверхности стен на уровне верхнего яруса были зафиксированы следы штукатурки и красочной росписи. Над увенчанным сводом верхним ярусом башни, вероятно, был устроен еще один ярус, представлявший собой открытую площадку.[48]

Согласно местным преданиям, записанным в середине XVII в. холмским униатским епископом Яковом Сушей, в окрестностях Холма существовало еще несколько древних каменных столпов — в селах Спас и Чернеево. Исследователями предпринимаются попытки их идентификации с известными ныне объектами, не давшие пока убедительных результатов.[49]

В соседнем с Холмом городе Люблине известна еще одна каменная башня-столп, строительство которой связывается с деятельностью Даниила Романовича. По сообщениям польских источников, в 1243 или 1244 гг. Люблин на некоторое время был захвачен галицко-волынским князем, немедленно приступившим к строительству в Люблинском замке новой каменной башни. Так, в Рочнике Свентокшиском Новом читаем:

> ...русские в ряде нападений опустошают и поджигают Люблин и всю территорию; и начали строить для себя замок и поставили каменную башню.[50]

Дополнительные подробности приводятся в «Истории» Яна Длугоша, уточняющего, что башня была построена Даниилом на территории Среднего замка и имела круглую форму:

---

[48] *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в. С. 138–141. № IV.18; *Ruszkowska U.* Chełm-Bieławin. U źródeł miasta // Badania archeologiczne o początkach i historii Chełma. Lublin, 2002 (Lubelski Wojewódzki Konserwator Zabytków w Lublinie).

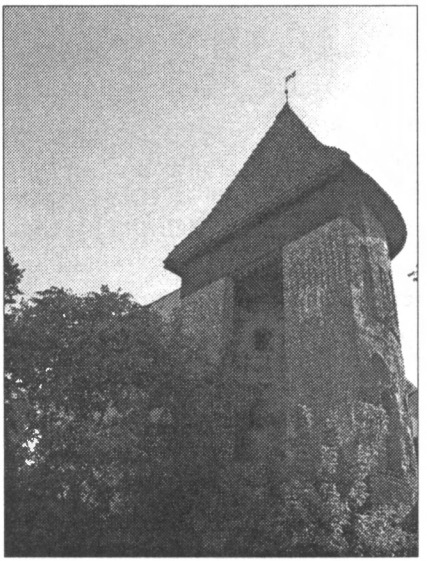
[49] *Хрусцевич Г. Н.* Белавинская и Столпьевская башни под Холмом. С. 50; *Раппопорт П. А.* Волынские башни. С. 219–220.

[50] Цит. по: *Раппопорт П. А.* Волынские башни. С. 220.

> Он (Даниил Романович. — *А. М.*), придя в Люблин, захватывает как замок, так и город, и присваивает и забирает всю землю Люблинскую и строит в Среднем замке круглую башню из обожженных кирпичей.[51]

Эта башня упоминается и в Галицко-Волынской летописи под 1287 г., в рассказе о том, как черский князь Конрад Земовитович, внук Конрада Мазовецкого, попытался захватить Люблин. Завидев во время переговоров с горожанами приближающееся вражеское войско, Конрад бежал и укрылся в каменной башне, где обитали монахи:

> И выбеже Кондратъ во столпъ ко мнихомъ с бояры своими и с слоугами...[52]



Ил. 125. Готическая, или Круглая, башня. Предполагаемая башня-столп, построенная Даниилом Галицким в середине XIII в. Современный вид (г. Люблин, Польша)

Из приведенного летописного известия следует, что построенная Даниилом в Люблине башня имела не столько военно-оборонительное, сколько сакральное предназначение: башня, именуемая столпом, была жилищем монахов, вероятно, приверженцев особого рода монашеского служения — столпничества. И только в минуту большой опасности князь Конрад со своими приближенными получил убежище в этом столпе.

До настоящего времени на территории Люблинского замка сохраняется круглая кирпичная башня, стоящая на мощном каменном фундаменте, которую большинство исследователей отождествляет со столпом Даниила Галицкого.[53] Архитектурные формы и техника кладки башни указывают на ее родство с архитектурой Мекленбурга и Халле. Это обстоятельство, в свою очередь, заставляет предполагать, что башня была возведена приглашенными в Люблин восточнонемецкими мастерами. Некоторые исследователи полагают, что Круглая башня Люблина, также именуемая Готической, могла быть построена в середине XIV в.[54]

---

[51] Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego. Warszawa, 1973. Ks. 7–8. S. 57.

[52] ПСРЛ. Т. II. Стб. 910.

[53] *Лонгинов А. В.* 1) Червенские города. Варшава, 1885. С. 145; 2) Памятники русской старины в г. Люблине // Памятники русской старины в западных губерниях империи / Изд. П. Н. Батюшкова. Вып. 8. СПб., 1885. С. 239–240; *Раппопорт П. А.* Волынские башни. С. 220; *Антипов И. В.* Люблинская башня и западнорусская архитектура второй половины XIII в. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 1998.

[54] *Koziejowski N.* Romański character stylowy architrktury wieży na zamku w Lublinie // Roczniki humanisticzne. T. XXIII. Lublin, 1975. Z. 5.

* * *

Не только Даниил Романович, но и другие члены семьи галицко-волынских князей проявляли себя покровителями столпничества и поддерживали культ св. Даниила Столпника.

Среди прямых потомков Даниила Галицкого имя Даниила носили его внук, галицкий князь Даниил Мстиславич, упоминающийся в летописи под 1280 г.,[55] а также правнук, острожский и холмский князь Даниил Василькович († ок. 1370), ставший (вместе со своим отцом, слонимским князем Васильком Романовичем) родоначальником князей Острожских и Заславских.[56]

Племянник Даниила Галицкого, волынский князь Владимир Василькович, знаменитый «книжник» и «философ», со смертью которого прекращается галицко-волынское летописание, также, несомненно, имел прямое отношение к почитанию св. Даниила Столпника и столпничеству вообще.

В летописном некрологе по случаю смерти князя впервые в древнерусском летописании упоминается имя прп. Даниила Столпника. Владимир скончался в день, когда отмечается память этого святого:

> ...опрятавше тело его, вложиша и во гробъ месяца декабря во 11 день на память святого Данила Столпъника в соуботоу.[57]

В древнерусских месяцесловах XI–XIV вв. под 11 декабря отмечается память нескольких христианских святых.[58] Выбор среди них княжеским летописцем именно Даниила Столпника в связи с упоминанием о смерти Владимира Васильковича может свидетельствовать, что этот святой был каким-то особым образом связан с усопшим князем.

С Владимиром Васильковичем связано строительство двух самых больших из известных ныне на волынских и галицких землях каменных башен-столпов, вызывавших удивление даже у княжеского летописца. В посмертном панегирике Владимиру, помещенном в Галицко-Волынской летописи под 1289 г., воздается хвала князю в том числе за постройку им нового города Каменца, в котором был возведен невиданных размеров каменный столп:

> Созда же (Владимир Василькович. — *А. М.*) въ нем (городе Каменце. — *А. М.*) столпъ каменъ высотою 17 саженеи, подобенъ удивлению всем зрящим на нь.[59]

Этот необыкновенный столп почти полностью сохранился до наших дней и был неоднократно исследован учеными. Башня располагается на высоком

---

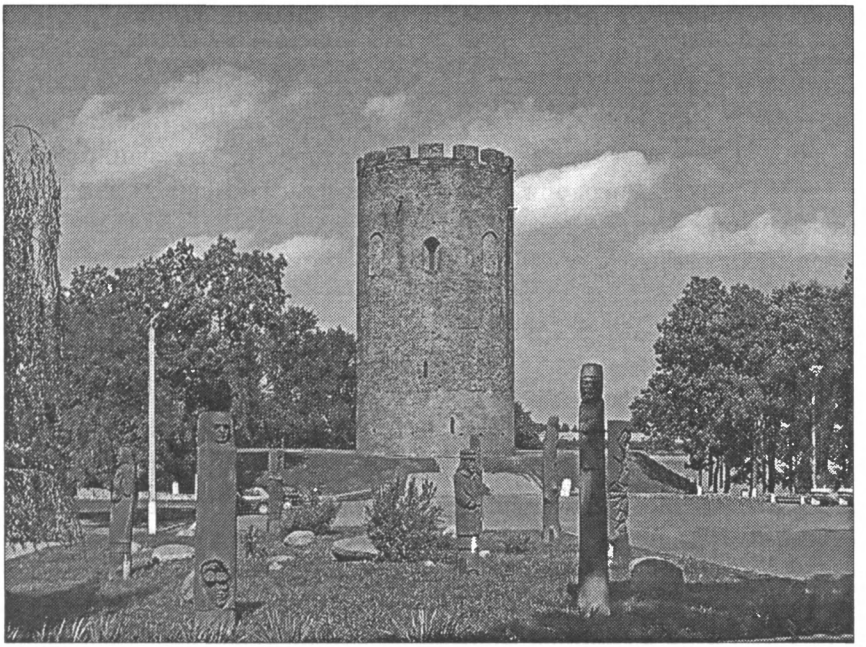
[55] ПСРЛ. Т. II. Стб. 881.

[56] См.: *Войтович Л. В.* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 509–510, 512.

[57] ПСРЛ. Т. II. Стб. 919.

[58] См.: *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 221–222.

[59] ПСРЛ. Т. II. Стб. 925.



Ил. 126. Башня-столп Владимира Васильковича. Вторая половина XIII в. Современный вид (г. Каменец, Брестская область, Беларусь)

берегу р. Лесны (приток Западного Буга) посреди искусственной насыпи. Диаметр круглого в плане сооружения достигает 13,5 м, а высота сохранившихся доныне стен — ок. 30 м при их толщине ок. 2 м. Внутри при помощи деревянных перекрытий башня была разделена на пять ярусов. На уровне четвертого яруса в наружной стене сохранились следы дверного проема и наружной площадки, на которой, вероятно, был устроен балкон.[60]

В той же летописной похвале по случаю кончины Владимира Васильковича говорится о еще одном возведенном им каменном столпе, равном по высоте столпу в Каменце. Второй столп Владимира Васильковича был возведен неподалеку от первого — в городе Берестье:

...в Берестии же създа стлъпъ каменъ, высотою, яко и Каменецкыи...[61]

Остатки древней башни были полностью уничтожены в 1831 г. при строительстве Брестской крепости. По старинным планам города конца XVIII–начала XIX в., а также в ходе археологических раскопок неоднократно предпринимались

[60] *Батюшков П. Н.* Холмская Русь... Приложения. № 28. С. 39; *Раппопорт П. А.* Волынские башни. С. 205–211; *Ткачев М. А.* Замки Белоруссии. Минск, 1987. С. 6–10; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в. С. 115–118. № IV.7.

[61] ПСРЛ. Т. II. Стб. 927.

попытки определить ее местонахождение, не давшие, однако, убедительных результатов.[62]

С конца XV в. известен располагавшийся возле Берестейского столпа монастырь во имя Св. Симеона Столпника. Обитель впервые упоминается в привилее 1499 г., данном Берестью великим князем Литовским Александром Ягеллончиком, где о монастыре говорится как о «древнем», имевшем два храма: Прп. Симеона Столпника и трапезный Благовещенский. В XVII–XVIII вв. монастырь неоднократно переходил от православных к униатам и обратно. Во время время Отечественной войны 1812 г. он сильно пострадал от пожаров и в 1824 г. был упразднен. В 1833 г. храмы и другие уцелевшие постройки монастыря были разобраны в связи со строительством Брестской крепости. В память о древней обители в 1865 г. в новой части Бреста был возведен собор во имя Св. Симеона Столпника, который в настоящее время является кафедральным храмом Брестской епархии.[63]

Еще одна грандиозная каменная башня-столп была построена сыном Даниила Галицкого Мстиславом, княжившим на Волыни. Этот князь известен особым стремлением к увековечиванию памяти своих предков: он, в частности, возвел храм-усыпальницу во имя Свв. Иоакима и Анны над могилой своей бабки, великой княгини Евфросинии-Анны,[64] а одного из своих сыновей назвал именем Даниил.[65] Под 1291 г. в Галицко-Волынской летописи сообщается о начале строительства Мстиславом Даниловичем нового столпа в Черторыйске:

...в Черторыискы в городе заложи столпъ камен.[66]

В 1961 г. П. А. Раппопортом был вскрыт фундамент башни на древнерусском городище в селе Старый Черторыйск Маневицкого района Волынской области. Башня имела круглую форму, и ее диаметр достигал 13,5 м, то есть был равен диаметру башни в Каменце. Обе башни полностью соответствуют друг другу и по строительной технике, вплоть до размеров кирпича. Исследователи полагают, что названные сооружения имели также одинаковую высоту и внутреннее устройство.[67]

Похоже, что в XIII–первой половине XIV вв. свою связь со столпничеством ощущали не только отдельные князья, связанные ближайшим родством с Даниилом Галицким. Так или иначе, эта черта объединяла всех членов рода Романовичей, правивших как на Волыни, так и в Галичине.

---

[62] *Ткачев М. А.* Замки Белоруссии. С. 10–11; *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск, 1985. С. 57, 335; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в. С. 119–121. № IV.9.

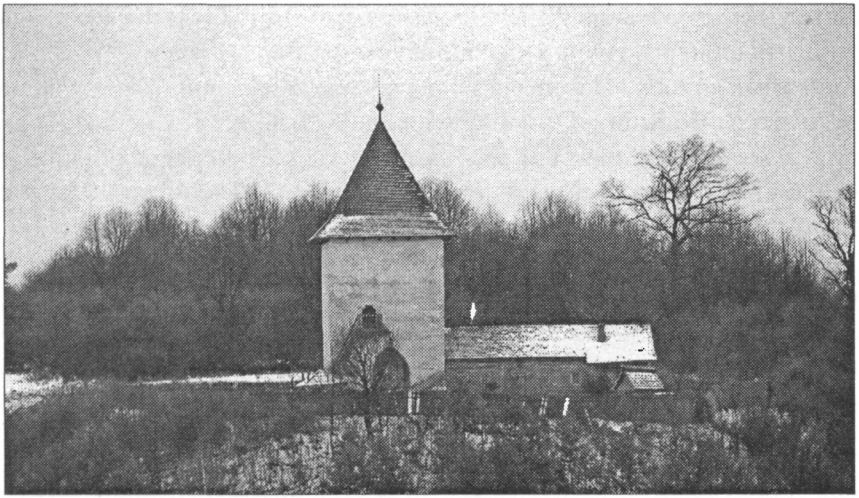
[63] См.: *Паевский Л.* Древний Брест и его храмы. Гродно, 1894; *Зоненберг Х.* История города Брест-Литовска, 1016–1907. Варшава, 1908.

[64] ПСРЛ. Т. II. Стб. 937–938.

[65] Там же. Стб. 881.

[66] Там же. Стб. 938.

[67] *Раппопорт П. А.* 1) Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. М.; Л., 1967 (МИА СССР. № 140). С. 142–146, 149; 2) Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 121; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в. С. 126–128. № IV.13.



Ил. 127. Пятничанская башня. Конец XIII–первая половина XIV в. Современный вид (с. Пятничаны, Жидячевский район, Львовская область, Украина)

Доказательством сказанному, очевидно, может служить широкий размах строительства в различных частях Галицко-Волынской Руси близких друг другу по своим основным архитектурно-конструктивным особенностям и функциональному предназначению башен-столпов, которые в литературе принято называть «башнями волынского типа».

Помимо уже рассмотренных нами примеров, в настоящее время подобная башня известна в Турове. Время и обстоятельства ее сооружения неизвестны. Постройка не сохранилась до нашего времени, будучи разобранной в 30-е гг. XIX в.[68]

Несколько башен-столпов древнерусского времени выявлено в Галицком Прикарпатье — на территории современной Львовской области. Это сохранившиеся до нашего времени, но все еще остающиеся недостаточно изученными сооружения в Дрогобыче, Пятничанах (Жидячевского района) и Скеливке (Фельштине) (Старосамборского района). И. Р. и Р. И. Могитичи датируют их второй половиной XIII — первой половиной XIV вв.[69]

Ко времени княжения племянника Даниила Галицкого Владимира Васильковича относится появление в Галицко-Волынской Руси полного текста славянской версии сборника духовных сочинений, именуемого «Паренесис» и приписываемого св. Ефрему Сирину. В колофоне списка «Паренесиса», хранящегося ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге

---

[68] *Ткачев М. А.* Исследования памятников оборонного зодчества Белоруссии // АО за 1971 г. М., 1972; *Трусов А. О.* Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. Минск, 1988. С. 103.

[69] *Могитич І. Р., Могитич Р. І.* Особливості техніки мурування і архітектурних форм галицько-волинського зодчества (X–XIV ст.) // Археологія. 1990. № 4. С. 62.

(РНБ. Погодинское собрание. № 71а), значится, что книга была писана для некоего Петра, «благолюбивого тиуна» князя Владимира Васильковича.[70]

Упомянутый список «Паренесиса» является копией конца XV в. с оригинала, выполненного на Волыни во второй половине XIII в. Этот волынский оригинал считается древнейшим полным текстом славянского перевода сочинений св. Ефрема Сирина, самым ранним из всех известных ныне списков «Паренесиса», не только древнерусских, но и славянских вообще.[71]

Основу сборника составляют «увещательные (παραινετικοί) слова» Ефрема Сирина к египетским монахам, дополненные рядом поучений. В качестве вступительных или заключительных статей помещаются также Житие Ефрема Сирина, «слово от жития» Ефрема Сирина и «слово о Василии Великом и Ефреме Сирине».[72]

Появление на Волыни в правление Владимира Васильковича славянского перевода сборника сочинений Ефрема Сирина, как нам представляется, должно быть связано с проявлением особого интереса к христианскому аскетизму — отшельничеству и столпничеству.

Самый знаменитый из сирийских Отцов Церкви св. Ефрем Сирин (IV в.), сам несколько лет проведший отшельником в горах, не без основания считается одним из наиболее авторитетных вдохновителей столпничества, чья заслуга состоит в духовном оправдании этой особой формы подвижничества и его признании христианской церковью.[73]

В одном из посланий к египетским монахам, переведенном на множество языков и вошедшем в состав «Паренесиса», Ефрем Сирин решительно возражает тем, кто осуждал столпничество, усматривая в нем следование древним языческим ритуалам. Впервые в святоотеческой традиции Ефрем формулирует христианское отношение к столпничеству как подвигу во имя Господа: «Одни смирили себя вретищем и железом; другие в затворе и посте поработали Господу; иные на столпах неукоризненно совершили подвиг».[74]

В сирийском Житии Св. Ефрема, памятнике VI–VII вв., также переведенном на церковнославянский язык и вошедшем в состав «Паренесиса», описывается, как при погребении святого прощание с ним происходило в присутствии клира,

---

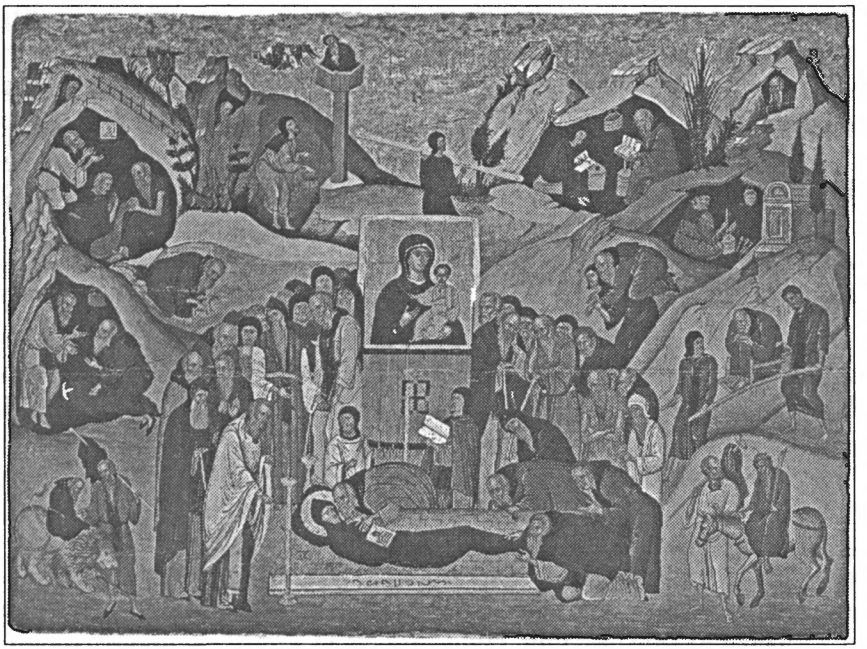
[70] *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. № 105. С. 119–120.

[71] См.: *Турилов А. А.* Ефрем Сирин. Славянские переводы, рукописная и старопечатная традиция до XIX в. // Православная энциклопедия. Т. XIX. М., 2008. Отдельные фрагменты и «слова», вошедшие затем в «Паренесис», известны со второй половины XII в. (см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. № 128, 163).

[72] См.: Paraenesis: Die altbulgarische Übersätzung von Werken Ephraims des Syrers / Hrsg. von G. Bojkovsky. Bd. 1–5. Freiburg; Berlin, 1984–1990.

[73] См.: *Анатолий (Грисюк), иеромонах.* Исторический очерк сирийского монашества до половины VI века. Киев, 1911; *Vööbus A.* History of Asceticism in the Syrian Orient. Vol. 2: Early Monasticism in Mesopotamia and Syria. Louvain, 1960.

[74] *Св. Ефрем Сирин.* Блаженства: В 55 главах. По славянскому переводу. Часть первая. Слово 28-е // Творения прп. Ефрема Сирина. Т. I. М., 1858.



Ил. 128. Успение св. Ефрема Сирина. Византийская икона. Середина XV в. Музей византийской культуры (Афины, Греция)

народа, монахов и столпников.[75] Последние лишь в самых исключительных случаях сходили со своих столпов, прерывая данный Богу обет служения. Описанный в житии факт красноречиво свидетельствует об особом почитании древними столпниками св. Ефрема, сложившемся если не при его жизни, то уже на ранних этапах прославления святого.

Духовная связь святого со столпничеством нашла отражение в христианской иконографии. На византийской иконе середины XV в. «Успение св. Ефрема Сирина» (Византийский музей в Афинах) святой изображен на погребальном ложе в окружении монахов; над ложем — образ Богоматери; вокруг, на пейзажном фоне, — сцены монашеских трудов, вдали — столпник на колонне, которому подают еду.[76]

* * *

Рассмотренные нами факты позволяют заключить, что как у московских великих князей в XIV–начале XV вв., так и у галицко-волынских князей в XIII–начале XIV в. почитание св. Даниила Столпника носило родовой характер,

[75] Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana / Ed. J. S. Assemani. T. I. Hildesheim, 1975. P. 54.

[76] *Acheimastou-Potamianou M.* Ikons of the Byzantine Museum of Athens. Athens, 1998. P. 114–115. Nr. 31.

что регулярно проявлялось в княжеском именослове, а также в строительной и учредительной деятельности князей на протяжении нескольких поколений.

Представители обеих княжеских династий состояли в близком родстве, в первой половине — середине XIII в. скрепленном новыми брачными союзами, заключенными между их важнейшими представителями.

В 1250 г. дочь Даниила Галицкого была выдана замуж за владимирского великого князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского.[77] Новую чету лично венчал во Владимире близкий сподвижник Даниила митрополит Кирилл, который вслед за этим посетил Александра Невского в Новгороде.[78]

С племянницей Даниила, дочерью черниговского князя Михаила Всеволодовича Феодулией, был обручен еще один брат Александра Невского — Федор Ярославич. После неожиданной смерти жениха княжна Феодулия приняла монашеский постриг под именем Евфросиния (вероятно, в честь своей бабки, «великой княгини Романовой») и прославилась многочисленными христианскими подвигами, став святой под именем Евфросинии Суздальской.[79]

Родственные связи с Даниилом Галицким, одним из наиболее могущественных русских князей середины XIII в., разумеется, должны были способствовать распространению почитания его святого покровителя среди великих князей владимирских. Однако начало этому распространению, очевидно, было положено в самом начале XIII в. и обусловлено матримониальной политикой, проводимой матерью Даниила, великой княгиней Евфросинией.

В 1217 г. галицко-волынской княгине удалось женить своего старшего сына Даниила на дочери новгородского князя Мстислава Мстиславича Удалого Анне.[80] В результате Мстислав Удалой, знаменитый своими громкими военными победами, был втянут в борьбу за галицкий стол и вскоре стал новым галицким князем.[81]

Женившись на Анне Мстиславовне, юный Даниил Романович тем самым породнился с будущим великим князем Владимирским Ярославом Всеволодовичем, отцом Александра Невского и дедом Даниила Московского. Дело в том, что за три года до бракосочетания Даниила с Анной, в 1214 г., старшая сестра последней Ростислава Мстиславовна стала второй женой упомянутого

---

[77] ПСРЛ. Т. I. Стб. 472. Подробнее см.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 147–153.

[78] ПСРЛ. Т. I. Стб. 472–474, 476.

[79] *Баумгартен Н. А.* 1) Вторая ветвь князей Галицких. Потомство Романа Мстиславича // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 1 (17). М., 1909. С. 12 и сл.; 2) Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Du X° au XIII° siécle. Roma, 1927 (Orientalia Christiana. IX. Ser. I. Nr. 35). P. 54–55; *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza // SO. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4. S. 125; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 52–53.

[80] ПСРЛ. Т. II. Стб. 732. О времени заключения брака Даниила Романовича с Анной Мстиславовной см.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 67–71.

[81] О княжении Мстислава Удалого в Галиче см.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 437–479.

Ярослава Всеволодовича.[82] От этого брака родились пятеро будущих великих князей владимирских — Михаил, Андрей, Александр, Ярослав и Василий Ярославичи.[83]

Среди многочисленного потомства Ярослава Всеволодовича и Ростиславы Мстиславовны был также сын по имени Даниил († 1256).[84] Этот князь представляет собой первый известный среди князей Северо-Восточной Руси случай наречения именем Даниила, регулярно повторяющимся в последующих поколениях.

Можно думать, что Ростислава Мстиславовна, мать большого семейства, назвала одного из своих младших сыновей в честь святого, тезоименитого ее зятю, мужу родной сестры, который к середине 1230-х гг. (предполагаемому времени рождения Даниила Ярославича) уже стал одним из самых влиятельных князей Юго-Западной Руси. В результате имя Даниила оказалось перенесенным в именослов владимирских, а затем московских великих князей.

Рожденный еще при жизни Даниила Галицкого, будущий московский князь Даниил Александрович приходился последнему внучатым племянником по женской линии. Имя Даниил он мог получить не только в память своего рано умершего дяди, но также и в честь более знаменитого и еще здравствовавшего галицко-волынского родственника.

В настоящее время известно несколько типов свинцовых княжеских печатей с изображением св. Даниила Столпника. В литературе все они атрибутированы одному владельцу — московскому князю Даниилу Александровичу, связь крестильного имени которого с Даниилом Столпником считается установленной.

В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков отмечают несколько разновидностей подобных печатей, найденных в Новгороде:

1) печати с изображением на одной стороне святого всадника и Даниила Столпника на обороте (Янин, Гайдуков. №401в);[85]

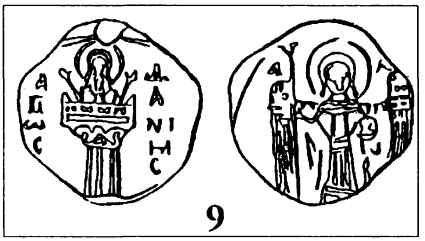
---

[82] ПСРЛ. Т. XLI. С. 131.

[83] См.: *Кучкин В. А.* К биографии Александра Невского // ДГ. 1985 г. М., 1986. Мы не разделяем мнения Д. Домбровского о том, что брак между Ярославом Всеволодовичем и Ростиславой Мстиславовной был расторгнут в 1216 г. (*Домбровский Д.* Из исследований генеалогии смоленских Рюриковичей: была ли дочь Мстислава Мстиславича матерью Александра Невского? (возвращение к проблеме) // ДР. 2006. № 2 (24)). В действительности летописи сообщают лишь о грубом вмешательстве в семейную жизнь этой четы Мстислава Удалого, отца Ростиславы, насильно отнявшего ее у мужа после поражения последнего от войск Мстислава в Липецкой битве (ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 56, 257; Т. IV, ч. 1. С. 196; Т. VI, вып. 1. М., 2000. Стб. 274). Разлука, таким образом, произошла по вине третьего лица, вопреки воле самих супругов. Об этом свидетельствуют неоднократные, хотя и безуспешные вначале попытки Ярослава Всеволодовича вернуть Ростиславу в семью (Там же. Т. IV, ч. 1. С. 196; Т. VI, вып. 1. Стб. 274). Эти попытки, надо полагать, должны были в итоге увенчаться успехом. Во всяком случае, нет данных, опровергающих эту возможность.

[84] ПСРЛ. Т. I. Стб. 521; Т. IV, ч. 1. С. 232.

[85] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* 1) Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. С. 67, 166. № 401в-4, 5, 6, 7; 2) Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2007 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. № 401в-8.



Ил. 129. Печать Янин, Гайдуков. № 233Аа из древнерусского Межибожья. С изображениями св. Даниила Столпника и архангела с жезлом и сферой (прорись худ. С. Л. Богаченко)

2) печать с изображением Даниила Столпника на одной стороне и Христа Вседержителя на обороте (Янин, Гайдуков. №401а, б).[86]

Как видим, описанные печати при совпадении одного из изображений (Даниила Столпника) совершенно не соответствуют друг другу изображениями на другой стороне, что едва ли позволяет атрибутировать их одному владельцу.

Кроме того, в 2002 г. во время археологических раскопок на городище в поселке Меджибож Летичевского района Хмельницкой области, отождествляемом с древнерусским Межибожьем, обнаружена еще одна печать с изображением св. Даниила, остающаяся пока неатрибутированной. На ее лицевой стороне помещено изображение св. Даниила на столпе и колончатая греческая надпись АГIωС ΔАNIΛ[О]С, а на оборотной — изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой.[87]

Нет никаких оснований атрибутировать вновь найденную печать московскому князю Даниилу Александровичу. Своим внешним видом и иконографией изображений она существенно отличается от приписываемых этому князю печатей, найденных в Новгороде. Кроме того, если для установления связи московского князя с Новгородом есть определенные основания,[88] то доказать его связь с расположенным на границе Киевской, Галицкой и Волынской земель Межибожьем не представляется возможным. В годы правления Даниила Московского Межибожье утратило свое прежнее политическое значение: вместе с другими городами Болоховской земли этот город пребывал под непосредственной властью золотоордынских ханов, а его жителей летописец именовал «людьми татарскими».[89]

Наоборот, не составляет труда проследить тесные взаимоотношения с Болоховской землей и ее князьями галицко-волынского князя Даниила Романовича. На протяжении нескольких десятилетий болоховские князья не признавали власти Даниила и поддерживали его главных соперников в борьбе за галицкий

---

[86] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* 1) Актовые печати Древней Руси... Т. III. С. 67, 166. №401а, б; 2) Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Великий Новгород, 1998. № 401б-3.

[87] *Толкачов Ю. І., Моця Б. О., Радченко Р. І., Чакір С.В., Пінчак М. В.* Археологічні дослідження в Меджибожі 2000–2002 рр. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ, 2003. С. 278. Рис. 4. См. также: *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. № 233Аа.

[88] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси... Т. III. С. 67.

[89] См.: *Дашкевич Н. П.* Болоховская земля и ее значение в русской истории. Киев, 1876; *Рапопорт П. А.* Города Болоховской земли // КСИИМК. Вып. 57. М.; Л., 1955.

стол — венгерского королевича Андрея Младшего и черниговского князя Ростислава Михайловича. Под 1241 г. Галицко-Волынская летопись сообщает о разорении Даниилом Галицким Болоховской земли в отместку за враждебные действия местных князей.[90]

Ряд фактов указывает на непосредственные контакты Даниила с межибожскими князьями. Под 1227 г. Галицко-Волынская летопись сообщает, что Даниил и Василько, примирившись с бывшим луцким князем Ярославом Ингваревичем, дали ему в удел Межибожье, некоторое время перед тем пребывавшее под властью Романовичей.[91] Под 1257 г. тот же источник повествует, как после нашествия на галицко-волынские земли хана Куремсы Даниил «поднял войну против татар» и с помощью воеводы Дионисия Павловича захватил Межибожье.[92]

В свете приведенных выше данных, вскрывающих несомненную связь Даниила Галицкого и его потомков с почитанием св. Даниила Столпника и столпничества вообще, нам представляется, что наиболее вероятным владельцем найденной в 2002 г. на древнерусском городище в поселке Меджибож буллы с изображением Даниила Столпника следует считать галицко-волынского князя Даниила Романовича.

Еще до того, как были построены Даниловский монастырь в Угровске и многочисленные башни-столпы в Холме и его окрестностях, Галицко-Волынская летопись приводит важное для нас свидетельство, иллюстрирующее особую сакральную связь Даниила Галицкого со столпничеством. В начале 1233 г., готовясь к решающей битве за Галич с венгерским королевичем Андреем Младшим, Даниил просит помощи у Бога и св. Симеона

> ...и поклонився Богу и святомоу Семеоноу, исполчивъ полкы свое.[93]

Очевидно, в данном известии речь идет о св. Симеоне Столпнике — знаменитом сирийском подвижнике, ставшем основоположником столпничества как особой формы христианской аскезы, духовном наставнике св. Даниила Столпника, лично благословившем его на подвиг столпничества.

* * *

Как уже отмечалось, крестильное имя Даниила Галицкого исследователями никогда не соотносилось с именем св. Даниила Столпника. Тем не менее в литературе неоднократно предпринимались попытки определения патронального святого, тезоименитого галицко-волынскому князю. При этом, однако, в качестве основного христианского имени князя принималось не постоянно упоминаемое в летописях и других источниках имя *Даниил*, в достоверности которого не

[90] ПСРЛ. Т. II. Стб. 791–792.
[91] Там же. Стб. 753.
[92] Там же. Стб. 838.
[93] Там же. Стб. 767.

приходится сомневаться, а его предполагаемое второе имя — *Иоанн*, упоминающееся лишь однажды.

Под таким именем Даниил Галицкий, по-видимому, фигурирует в одном из посланий к нему папы Иннокентия IV. Датированное 3 мая 1246 г., это послание адресовано «светлейшему королю Руси Иоанну» (Ioanni illustri regi Russiae).[94] Никаких более ясных указаний, позволяющих идентифицировать адресат, в документе не содержится. Тем не менее публикаторы текста папской буллы обычно усматривают здесь галицко-волынского князя Даниила Романовича.[95]

Эту точку зрения разделяют и некоторые новейшие авторы, полагающие, что имя Иоанн было крестильным именем Даниила Галицкого, которое он получил в честь св. Иоанна Златоуста.[96] В доказательство приводятся свидетельства Галицко-Волынской летописи о том, что Даниил Романович возвел в своей новой столице Холме храм во имя Иоанна Златоуста.[97]

Если папа Иннокентий IV действительно именовал Даниила Галицкого Иоанном, то было бы естественно ожидать, что и в дальнейшем понтифик придерживался бы такого же именования. Однако этого не происходит. В посланиях, датированных 1247–1248 гг., папа, обращаясь к галицко-волынскому князю, именует его Даниилом. «Светлейшему королю Руси Даниилу» адресованы три письма папы, датированные 27 августа 1247 г., а также послания от 12 сентября 1247 г. и 23 января 1248 г.[98]

Возможно, в первом послании папы произошла какая-то ошибка в употреблении имени галицко-волынского князя или же письмо было адресовано другому лицу. Е. Е. Голубинский, к примеру, считал, что свое первое послание в Галицко-Волынскую Русь Иннокентий IV адресовал брату Даниила Василько.[99] Однако для подобных предположений нет достаточных оснований.

Скорее всего при воспроизведении текста папской буллы от 3 мая 1246 г. какая-то неточность была допущена в изданиях А. И. Тургенева и А. Поттхаста. Возможно, в подлинном оригинале письма Иннокентия никакого личного имени адресата вообще не значилось, и папа ограничивался безличным обращением: «светлейшему князю Руси» (illustri regi Russiae).[100]

В пользу такого вывода склоняют также другие послания Иннокентия IV к Даниилу Романовичу, относящиеся к начальному этапу их взаимоотношений. Тем же 3 мая 1246 г. датированы еще три послания папы, два из которых непосредственно адресованы галицко-волынскому князю, в которых он фигурирует

---

[94] HRM. T. I. Nr. 65; *Большакова С. А.* Папские послания галицкому князю как исторический источник // ДГ. 1975 г. М., 1976. № I.

[95] Regesta Pontificum Romanorum / Ed. A. Potthast. T. I. Berolini, 1874. Nr. 12097; *Большакова С. А.* Папские послания... С. 12

[96] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X–первой половине XIII в. М., 1977. С. 188; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. С. 492.

[97] ПСРЛ. Т. II. Стб. 826, 842–843.

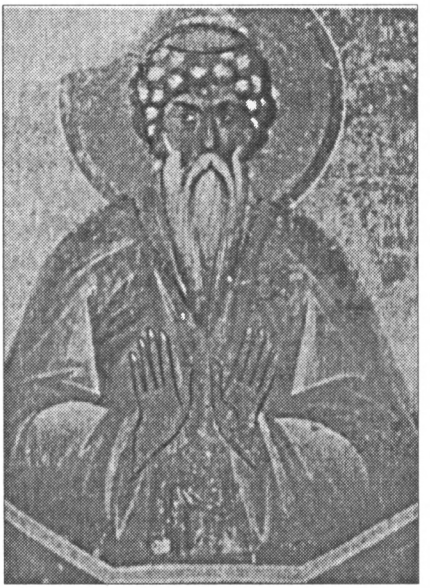
[98] HRM. T. I. Nr. 67–69, 74, 77; *Большакова С. А.* Папские послания... № V–VIII, X.

[99] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. II, 1-я пол. М., 1997. С. 83, примеч. 2.

[100] Les Registres d'Innocent IV (1243–1254) / Ed. E. Berger. T. I. Paris, 1884. Nr. 1817.

без указания личного имени как «светлейший король Руси».[101] В третьем письме, адресованном папским эмиссарам, отправляемым в Галицко-Волынскую Русь, правитель последней также именуется «светлейшим королем Руси» без обозначения личного имени.[102]

Таким образом, мы приходим к выводу, что единственным достоверно подтвержденным личным именем Даниила Галицкого могло быть только имя *Даниил*, выполнявшее одновременно функции как княжеского (светского), так и христианского (крестильного) имени. Для предположения о наличии у этого князя еще одного христианского имени нет достаточных оснований. Тем самым не находит подтверждения и версия об особой сакральной связи Даниила Романовича с Иоанном Златоустом, будто бы выступавшим в качестве его патронального святого.



Ил. 130. Феофан Грек (ок. 1340–ок. 1410). Даниил Столпник. Фреска церкви Спаса на Ильине улице. 1378 г. (Великий Новгород, Россия)

Единственным христианским святым, который более всего соответствовал роли патронального святого для Даниила Галицкого, как мы видели, мог быть св. Даниил Столпник. Если этот сделанный нами вывод соответствует действительности, появляется новая возможность для установления более точной даты рождения князя Даниила.

В соответствии с календарем церковных праздников, а также в силу общей для Рюриковичей традиции соответствия христианского месяцеслова и княжеского именослова, Даниил Романович должен был появиться на свет в первую декаду месяца декабря — накануне или непосредственно в день церковной памяти св. Даниила Столпника, то есть 11 декабря, или, может быть, за несколько дней до этой даты.

Точно так же в литературе решается вопрос о возможной дате рождения московского князя Даниила Александровича, тезоименитого св. Даниилу Столпнику: Даниил Московский должен был явиться на свет незадолго до 11 декабря 1261 г.[103] В этот день (или накануне) увидели свет и другие князья московской династии, тезоименитые св. Даниилу Столпнику, о чем имеются прямые свидетельства в источниках.[104]

---

[101] HRM. T. I. Nr. 62–63; *Большакова С. А.* Папские послания… № II, IV.

[102] HRM. T. I. Nr. 64; *Большакова С. А.* Папские послания… № III.

[103] *Борисов Н. С.* Политика московских князей. С. 65.

[104] См.: ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. С. 279; Т. VII. С. 214; Т. X. С. 219; Т. XVIII. С. 89; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 356, 455.

Вопреки распространенному в литературе мнению, что в средневековой Руси младенца нарекали по имени святого, память которого приходилась на день крещения новорожденного, совершаемого на сороковой день после рождения, Б. М. Клосс доказывает, что в княжеской среде действовало другое правило. На основе многочисленных летописных свидетельств за XIV–XV вв. исследователь устанавливает, что в княжеских семьях крестильное имя в большинстве случаев выбиралось по дню рождения и соответствовало имени святого, поминовение которого либо непосредственно приходилось на день рождения, либо отстояло от него по церковному календарю в пределах одной-двух недель.[105]

Совершенно очевидно, что именно такой порядок выбора христианского имени для новорожденных членов княжеского рода Рюриковичей действовал и в домонгольской Руси. Во всяком случае, в пользу этого свидетельствуют сохранившиеся в источниках данные об имянаречении князей, относящиеся ко второй половине XII–первой половине XIII вв.

Наиболее полные сведения касаются членов семьи владимиро-суздальского великого князя Всеволода Большое Гнездо. Сам Всеволод Юрьевич, получивший в крещении имя Дмитрия, родился накануне дня памяти св. Димитрия Солунского (26 октября).[106] В день памяти этого святого увидел свет сын Всеволода Владимир, также получивший в крещении имя Дмитрия.[107] В честь Димитрия Солунского был назван в крещении и внук Всеволода, его полный тезка Всеволод-Дмитрий Юрьевич, родившийся 23 октября 1213 г.[108]

Старший сын и наследник Всеволода Константин первым среди Рюриковичей получил столь громкое имя, родившись 18 мая, «на память святаго мученика Потапья въ субботу».[109] Имя князю было выбрано в честь святого равноапостольного царя Константина Великого, чья память по православному календарю отмечается 21 мая.

Родившийся 26 ноября 1188 г. великий князь владимирский Юрий Всеволодович был наречен Георгием, так как его рождение пришлось «на освящение церкви моученика Георгия».[110] Здесь имеется в виду установленный Русской Православной Церковью еще в древности праздник в честь освящения церкви Св. вмч. Георгия Победоносца в Киеве в 1051 г., более известный как Юрьев день осенний (или холодный), с которым в XV–XVI вв. были связаны правительственные меры по ограничению свободы крестьянских переходов.

Летопись сохранила обстоятельства имянаречения еще одного владимирского великого князя — Ярослава-Федора Всеволодовича. Князь родился «месяца февраля въ 8 день на память святого пророка Захарьи, и нарекоша и въ

---

[105] См.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 24–27.

[106] ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Стб. 221.

[107] Там же. Т. II. Стб. 674–675.

[108] Там же. Т. I. Стб. 438.

[109] Там же. Стб. 396–397.

[110] Там же. Т. II. Стб. 659.

святемь крещеньи Феодоръ».[111] По церковному календарю 8 февраля отмечаются память пророка Захарии Серповидца, а также память великомученика Феодора Стратилата.

Еще один из сыновей Всеволода Большое Гнездо — Святослав — родился «месяца марта въ 27 день на память святое мученицы Матроны» и «нареченъ бысть въ святомь крещении Гаврило».[112] В канун дня рождения Святослава православная церковь празднует Собор Архангела Гавриила (26 марта).

Сын Всеволода Борис родился «месяца мая въ 2 день на пренесенье святою мученику Бориса и Глеба».[113] 2 мая церковь отмечает память перенесения в 1115 г. мощей свв. Бориса и Глеба в новую церковь-усыпальницу. Еще один Всеволодович, стародубский князь Иван, родился в канун дня Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа) и получил свое имя в честь этого святого.[114]

Точно так же определялся порядок имянаречения в поколениях внуков и правнуков Всеволода. Убитый татарами в марте 1238 г. ростовский князь Василько Константинович родился «месяца декабря въ 7 день на память святаго отца Амвросья епископа».[115] Его наиболее вероятным патрональным святым стал Василий Великий, чья память празднуется 1 января. Погибший 4 марта 1238 г. в битве с татарами на р. Сити ярославский князь Всеволод Константинович родился «месяца иоуня въ 18 день на память святаго мученика Леонтия и дружины его»,[116] однако в крещении был назван Иоанном, так как рождение князя пришлось на шестой день перед празднованием Рождества Иоанна Предтечи (24 июня). Наконец, праправнук Всеволода ростовский князь Дмитрий Борисович († 1294) родился 11 сентября,[117] то есть в день празднования памяти мученика Димитрия из Скепсии.

Такой же порядок выбора христианских имен для новорожденных князей по имени святых, чья память отмечается непосредственно в день рождения или отстоит от него на несколько дней, в конце XII–начале XIII вв. мы наблюдаем и у южнорусских Рюриковичей. Правда, иллюстрирующих его примеров в источниках сохранилось значительно меньше.

Известно, что главный герой «Слова о полку Игореве», новгород-северский и черниговский князь Игорь Святославич (род. в 1151 г.) получил в крещении имя Георгий, так как появился на свет во вторник на «Святои неделе».[118] По расчетам Н. Г. Бережкова, вторник Страстной недели в 1151 г. приходится на 3 апреля.[119] 4 (а по некоторым месяцесловам — 5) апреля праздновалась память св. прп. Георгия Малеина, а 7 апреля — память св. прп. Георгия Исповедника,

[111] Там же. Т. I. Стб. 408–409.
[112] Там же. Стб. 412.
[113] Там же. Стб. 404.
[114] Там же. Стб. 414.
[115] Там же. Стб. 434–435.
[116] Там же. Стб. 435.
[117] Там же. Стб. 473.
[118] Там же. Т. II. Стб. 422.
[119] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 152.

епископа Митиленского.[120] В свой знаменитый поход против половцев в 1185 г. Игорь отправляется 23 апреля.[121] Последнее обстоятельство дает основания предполагать, что своим патрональным святым он считал Георгия Победоносца.[122]

Путивльский и галицкий князь Владимир Игоревич, внук черниговского князя Святослава Ольговича, в крещении получил имя Петра, так как родился «месяца октября въ 8 день».[123] По мнению О. В. Лосевой, патрональным святым князя скорее всего был св. Петр Капетолийский (память 4 октября) или святой воин Петр Галат из обители Св. Фоки (память 9 октября).[124]

Сновский князь Ростислав Ярославич, внук черниговского и киевского князя Всеволода Ольговича был наречен в крещении Иоанном, «бе бо родилъся вь рождество Ивана Крестителя».[125]

Отмеченные здесь случаи христианского имянаречения Рюриковичей в XII–XV вв. определенно указывают на существование общего правила выбора имени по дню рождения вне зависимости от времени крещения новорожденного. Мальчиков обычно нарекали в крещении именем того святого, чья память по церковному календарю на несколько дней отстояла вперед, то есть день рождение младенца предшествовало дню памяти его патронального святого, однако нередкими были случаи, когда эти дни совпадали.[126]

Нет никаких оснований сомневаться в том, что указанное правило действовало в семье волынских Мстиславичей, откуда происходили галицко-волынские князья Роман и Даниил.

Если исходить из указания Галицко-Волынской летописи о том, что в год смерти Романа Мстиславича (1205) его старшему сыну Даниилу исполнилось всего четыре года, последний должен был появиться на свет не позднее 1201 г. Именно 1201 г. большинство исследователей принимает как наиболее достоверную дату рождения Даниила Галицкого.[127]

Установив патронального святого, чье имя носил князь, мы имеем возможность сделать некоторое уточнение: Даниил Галицкий должен был родиться 11 декабря 1201 г., в день памяти св. Даниила Столпника, или за несколько дней до этой даты.

---

[120] *Лосева О. В.* Месяцеслов и именослов в Древней Руси // Румянцевские чтения. Мат-лы науч.-практ. конф. по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25–27 апреля 1995 г.). М., 1996. Ч. II. С. 64.

[121] ПСРЛ. Т. II. Стб. 637.

[122] *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского Средневековья. М., 2001. С. 12, 16, 33–34, примеч. 2.

[123] ПСРЛ. Т. II. Стб. 562.

[124] *Лосева О. В.* Месяцеслов и именослов в Древней Руси. С. 64.

[125] ПСРЛ. Т. II. Стб. 568.

[126] См.: *Лосева О. В.* 1) Месяцеслов и именослов в Древней Руси; 2) Патрональные святые русских князей (летописи, месяцесловы, сфрагистика) // ВЕДС. Генеалогия как форма исторической памяти. Мат-лы XIII чтений памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г. М., 2001; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Приложение.

[127] Подробнее см.: *Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 300 sqq.

Глава тридцать первая

«ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМЕНОСЛОВ» ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКИХ КНЯЗЕЙ

Увлечение столпничеством византийского императора Исаака II. — Агиографическая традиция о свв. Даниле Столпнике и Льве Великом Царе. — Эволюция византийского столпничества и усиление интереса к св. Даниилу Столпнику на рубеже XII–XIII вв. — Роль «великой княгини Романовой» в распространении культов греческих стилитов и атрибутов столпничества на Руси

Каким образом культ св. Даниила Столпника мог возникнуть в семье галицко-волынских князей, откуда он затем перешел в семью великих князей московских и стал общим для Рюриковичей, выразившимся во множестве случаев имянаречения в честь названного святого? Источники, как нам кажется, позволяют получить ответ и на этот непростой вопрос.

Как мы уже видели, следы почитания Даниила Столпника и особого интереса к столпничеству так или иначе отмечаются в деятельности большинства известных ныне галицко-волынских князей XIII–начала XIV вв., принадлежавших к обеим главным ветвям потомства Романа Мстиславича — как к Даниловичам, так и к Васильковичам. Следовательно, истоки галицко-волынского столпничества восходят непосредственно к родоначальникам династии — галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу и его жене, «великой княгине Романовой».

Именно со второй женой Романа и матерью Даниила Галицкого, греческой царевной Евфросинией-Анной, как нам кажется, должно быть связано появление в княжеской среде Древней Руси родового почитания Даниила Столпника, а также внешних атрибутов столпничества. Сказанное обусловлено монашеским воспитанием и специфическими традициями родительской семьи византийской принцессы, ставшей галицко-волынской княгиней.

По свидетельству Никиты Хониата, чрезвычайный, если не сказать беспрецедентный интерес к столпничеству, вызывавший недоумение и даже некоторое осуждение окружающих, проявлял в годы своего царствования отец Евфросинии, византийский император Исаак II Ангел (1185–1195, 1203–1204). Так, в разгар войны с мятежником Алексеем Враной Исаак впал в «малодушное расслабление», состоявшее в том, что царь, отстранившись от ведения войны,

предался совместным молитвам с собранными им в большом числе монахами и столпниками, которых он поселил в своем дворце:

> Набрав себе толпу монахов, которые ходили босыми и спали на голой земле, и поселив в свои царские палаты подвижников, возвышающихся над землею на столпах, царь просил Бога молитвами их укротить наступившую междоусобную войну и не попустить того, чтобы царская власть, быв отнята от него, перешла к другому; а о том, что непосредственно касалось войны, не заботился нисколько, возлагая все надежды на всеоружие духовное.[1]

Необычное пристрастие Исаака II к столпничеству проявилось в предпринятой им масштабной строительной деятельности, которой царь предавался с истовым рвением, так что при этом, по замечанию Хониата, «не смотрел ни на какие требования долга»:

> ...когда он решился построить еще во Влахернском дворце башню, частию, как говорил, для защиты и обороны дворца, а частию и для собственного помещения, то разломал несколько церквей, исстари спокойно стоявших по берегу моря, обратил в развалины множество отличных домов в столице, основания которых отчасти и доселе представляют вид, невольно вызывающий слезы, и совершенно сровнял с землею великолепное здание государственного казначейства, все выстроенное из обожженного кирпича.[2]

Широкое распространение столпничества в византийской столице на рубеже XII–XIII вв. подтверждается свидетельствами западноевропейских источников. Согласно сообщению Робера де Клари, на захвативших Константинополь весной 1204 г. крестоносцев сильное впечатление произвели украшавшие город столпы, на вершинах которых жили отшельники-столпники:

> А еще в другом месте в городе было величайшее чудо: ибо там были два столпа, и каждый в толщину, наверно, с три обхвата и в высоту каждый имел с добрых 50 туаз; и на каждом из этих столпов, наверху, в маленьком укрытии пребывал какой-нибудь отшельник; а внутри столпов была лестница, по которой они туда взбирались. Снаружи этих столпов были нарисованы и вещим образом записаны все происшествия и все завоевания, которые случились в Константинополе или которым суждено было случиться в будущем.[3]

Приведенное описание дает ясное представление о внешнем виде и внутреннем устройстве константинопольских столпов, обжитых отшельниками, а также

---

[1] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 35–36.

[2] Там же. С. 119–120.

[3] *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М. А. Заборова. М., 1986. С. 66.

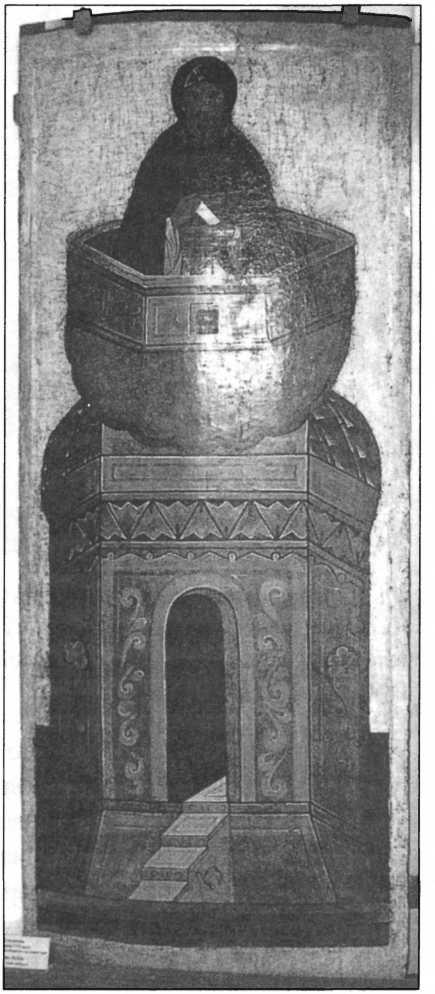
о пророческом предназначении этих «чудесных» сооружений, стены которых снаружи были покрыты вещими письменами и изображениями.

Описание Робера де Клари совпадает с изображениями столпа в произведениях византийского и древнерусского искусства, где он часто представлен в виде напоминающего колонну архитектурного сооружения, изукрашенного резьбой, с входным проемом у основания, через который видны ведущие вверх ступени, с венчающим сооружение навершием в виде чаши.[4]

* * *

Зародившееся в среде сирийских аскетов-отшельников IV в. движение столпничества достигло столицы Византийской империи и получило официальное признание константинопольского патриарха и императора в значительной мере благодаря деяниям св. Даниила Столпника, одного из самых знаменитых христианских подвижников, жившего в V в.

Переселившись по велению своего духовного наставника св. Симеона Столпника в окрестности Константинополя, Даниил очень быстро обратил на себя внимание столичных жителей, не привычных к суровым формам христианского аскетизма. Судя по Житию Даниила, святой обладал чудесным даром исцеления и оказывал помощь всем страждущим. К нему обращались не только простые люди, но и сильные мира, в том числе император Лев I (457–474). Последний в благодарность за исцеление от бесплодия своей супруги Верины повелел возвести для святого новый столп, а также построил рядом с ним монастырь и часовню, куда по просьбе Даниила перенесли мощи его учителя Симеона.[5]



Ил. 131. Даниил Столпник. Икона из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Первая половина XVI в. Кирилло-Белозерский государственный музей-заповедник (г. Кириллов, Вологодская область, Россия)

[4] *Лукашевич А. А.* Даниил Столпник. Иконография // Православная энциклопедия. Т. XIV. М., 2007.

[5] Подробнее см.: *Delehaye H.* Les Saints Stylites. Bruxelles; Paris, 1923; *Festuglère A. J.* Les moines d'Orient. Vol. 2: Les moines de la région de Constantinople. Paris, 1961.

Ил. 132. Император Лев I (Флавий Валерий Лев). Античный бюст. Алебастр, мрамор. Ок. 470 г. Музей Лувра (Париж, Франция)

Авторитет Даниила Столпника простирался не только в духовной сфере. К исходу своей земной жизни святой приобрел огромное политическое влияние. В период смуты в империи, разразившейся в 475–476 гг., поддержкой Даниила стремились заручиться и будущий император Зенон (474–475), отец и соправитель скончавшегося в раннем детстве императора Льва II, и соперник Зенона, брат императрицы Верины Василиск (475–476). Осуждая последнего за приверженность монофизитству, Даниил Столпник возглавил православную оппозицию и вместе с патриархом Акакием заставил Василиска отказаться от ереси. По просьбе патриарха Даниил сошел со столпа и прибыл в царский дворец для духовного наставления императора Василиска.[6]

Наиболее тесные отношения связывали Даниила Столпника с императором Львом I, почитавшим святого своим духовным отцом, а также советчиком и помощником в делах управления империей. Согласно Житию Даниила, Лев постоянно навещал святого, пешком добираясь до его столпа, посвящал Даниила в свои самые сокровенные тайны и даже просил быть посредником в переговорах с царем лазов Губазом. Когда же Лев, заколебавшись в своей вере, сблизился с еретиками, Даниил сошел со столпа, чтобы вразумить царя, и тот, раскаявшись, просил у него прощения. По желанию императора патриарх Геннадий рукоположил Даниила Столпника в пресвитеры, взойдя к нему на столп и совместно с ним причастившись.[7]

Своими исключительными духовными подвигами, а также в силу огромного политического влияния на византийских императоров, древние святые столпники, надо думать, пробудили интерес и почитание со стороны русских князей. В именослов Рюриковичей в XIII–XIV вв. вошли имена не только св. Даниила Столпника, но и его не менее прославленного учителя св. Симеона Столпника, духовно наставлявшего императоров Феодосия II Младшего (408–450), а затем его вдову царицу Евдокию и нового императора Маркиана (450–457), отвратив двух последних от ереси монофизитства.[8]

---

[6] См.: St. Daniel the Stylite // Three Byzantine Saints: Contemporary Biographies of St. Daniel the Stylite, St. Theodore of Sykeon and St. John the Almsgiver / Transl. by E. Dawes; introd. and notes by N. H. Baynes. London, 1948.

[7] См.: *Fox R. L.* The Life of Daniel // Portraits: Biogr. Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire / Ed. M. J. Edwards, S. Swain. Oxford, 1997.

[8] См.: *Lent F.* The life of Saint Simeon Stylites: a translation of the Syriac text in Bedjan's Acta martyrum et sanctorum. Vol. IV. New York, 2009.

Имя Симеон в начале XIV в. появляется в именослове московских князей: 7 сентября 1317 г. родился великий князь Симеон Гордый,[9] вероятнее всего, получивший крестильное имя в честь св. Симеона Столпника (память 1 сентября).[10] Среди волынских князей XIV в., прямых потомков Романа Мстиславича, также известны князья с именем Симеон. К примеру, в синодике Киево-Печерского монастыря поминается сын холмского князя Юрия Даниловича Симеон († 1376), приходившийся прапраправнуком Даниилу Галицкому.[11]

Не только Даниил Столпник, но и его духовный сын император Лев I был причислен к лику святых греческой церковью. Под именем св. Льва Великого Царя он значится в византийских синаксарях XII–XIII вв., где его память помещена под 20 января, а также в месяцеслове Синайского греческого Евангелия IX–X вв., где его память отмечена под 16 января.[12]

Сохранившиеся в византийской агиографической традиции сведения о взаимоотношениях св. Даниила со св. царем Львом как духовного отца и глубоко чтившего его сына, по всей видимости, должны были найти отражение в православном именослове, образуя соответствующую пару личных крестильных имен.

Можно предположить, что именно такой случай имел место в семье галицко-волынского князя Даниила Романовича, давшего одному из своих сыновей исключительно редкое у Рюриковичей имя Льва. Помимо Льва Даниловича, в роду галицко-волынских князей известен еще один обладатель такого имени — луцкий князь Лев Юрьевич (1308–1323), приходившийся правнуком Даниилу Галицкому.[13]

Вполне естественно, что к выбору крестильного имени Льва Даниловича, как и к выбору имени его отца, могла быть причастна «великая княгиня Романовая», мать и бабка упомянутых князей. Подобное предположение уже высказывалось исследователями, доказывавшими византийское происхождение княгини.[14] Другое объяснение для появления у галицко-волынских князей в первой половине XIII в. сразу нескольких мужских имен, заимствованных из греческого именослова и никогда прежде не встречавшихся у русских князей, трудно представить.

* * *

Со времен первых столпников — свв. Симеона и Даниила византийские императоры испытывали особое расположение и доверие к христианским подвижникам

---

[9] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 355.

[10] *Лосева О. В.* Патрональные святые русских князей (летописи, месяцесловы, сфрагистика) // ВЕДС. Генеалогия как форма исторической памяти. Мат-лы XIII чтений памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г. М., 2001. С. 127–130.

[11] *Войтович Л. В.* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 513.

[12] *Сергий (Спасский), архимандрит.* Полный месяцеслов Востока. Т. II. Святой Восток. Ч. I. М., 1876. С. 18.

[13] *Войтович Л. В.* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 511.

[14] См.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 101–102.

такого рода. Обращаться к столпнику, божьему человеку, за духовным утешением и помощью в мирских делах вошло в правило при императорском дворе. Особенно явственно подобная практика проявляется в ранневизантийский период.[15]

Духовный авторитет древних столпников, имена которых упоминаются с прибавлением эпитета «великие», поддерживался церковью, и сами древние столпники внесли существенный вклад в распространение и торжество ортодоксального христианского вероучения. По настоянию Симеона Столпника император Маркиан, лично посетивший преподобного, созвал в 451 г. Четвертый Вселенский собор в Халкидоне, осудивший монофизитское учение.[16]

Еще один из древних столпников, последователей свв. Симеона и Даниила, св. Симеон Столпник Младший Дивногорец († ок. 592) духовно опекал императоров Юстиниана (527–565) и Юстина II (565–578), о чем свидетельствуют сохранившиеся к ним послания. Письмо Дивногорца к Юстину II с требованием суровой кары надругавшимся над иконами самарянам зачитывалось на Седьмом Вселенском (Втором Никейском) церковном соборе, созванном в 787 г. и высказавшемся против иконоборчества.[17]

Тем не менее в период иконоборчества столпничество пришло в глубокий упадок и практика его значительно сократилась. Правящие круги не только утратили интерес к столпникам, но и стали подвергать их жестоким гонениям. Феофан Исповедник рассказывает о жестокой казни «почтенного столпника» Петра, совершенной по приказу императора Константина V (741–775).[18] В Житии св. Феодора Эдесского († 848), много лет занимавшего епископскую кафедру в Эдессе, описывается приходящая в упадок местная община столпников.[19]

После периода иконоборчества положение несколько изменилось: с конца IX в. движение столпников постепенно начинает возрождаться. В X в. прославился св. Лука, подвизавшийся на столпе в Халкидоне, где простоял 45 лет. Св. Луку принято считать пятым в череде «великих столпников», особо почитаемых церковью. Вскоре, однако, эпоха византийского столпничества завершается: число столпников, а также количество лет, проведенных ими на столбах, неуклонно сокращается. Не приходится говорить и о прежнем влиянии стилитов, связанных теперь в основном лишь с близлежащими монастырями.[20]

К концу XII в. восточно-христианское столпничество насчитывало уже несколько веков в своей истории и было представлено именами многих выдающихся подвижников. Однако прежний духовный авторитет столпников, а также

---

[15] *Miller D.* The Emperor and the Stylite: a Note on the Imperial Office // The Greek Orthodox Theological Review. Vol. 15. 1970.

[16] См.: Bibliotheca hagiographica graeca / Ed. F. Halkin. T. III. Brussels, 1957. P. 1678–1688; *Delehaye H.* Les Saints Stylites.

[17] См.: Bibliotheca hagiographica graeca / Ed. F. Halkin. T. III. P. 1689–1691; *Шестаков С.* Житие Симеона Дивногорца в его первичной редакции // ВВ. Т. XV. СПб., 1908.

[18] *Theophanes.* Chronographia / Ed. C. de Boor. Hildesheim, 1963. P. 442.

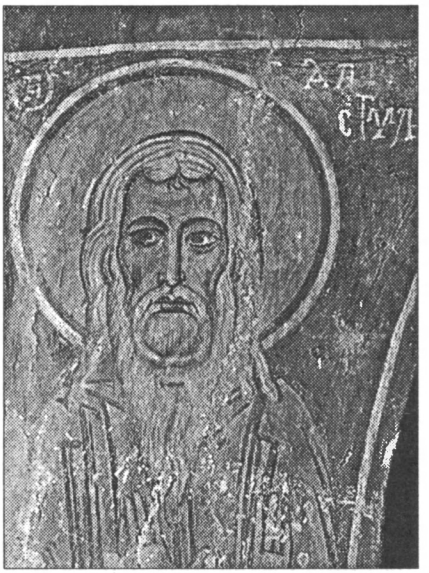
[19] *Kazhdan A.* Hermitic, Cenobitic, and Secular Ideals in Byzantine Hagiography of the Ninth through the Twelfth Centuries // The Greek Orthodox Theological Review. Vol. 30. 1985. P. 473f.

[20] *Kazhdan A., Ševčenko N. P.* Stylite // ODB. Vol. III. New York; Oxford, 1991.

их политическое влияние в империи были утрачены, ушли в прошлое случаи особого расположения и личного общения со столпниками императоров.

Ввиду сказанного становится понятным то недоумение, с которым Никита Хониат описывал неожиданный интерес, проявленный к столпникам императором Исааком II, искавшим общества «подвижников, возвышающихся над землею на столпах». Исаак как бы стремился уподобить себя древним императорам и прежде всего св. Льву, для которого св. Даниил Столпник стал не только духовным наставником, но и политическим советником.

Однако в своем религиозном рвении Исаак II явно превзошел предшественников, ибо не просто общался со столпниками посредством переписки или бесед во время личного посещения подвижников, но впервые в практике столпничества переселил отшельников в императорский дворец.



Ил. 133. Даниил Столпник. Фреска кафоликона монастыря Панагии Мавриотиссы. Конец XII в. (Кастория, Греция)

Сверх того, император Исаак и самого себя, по всей видимости, считал причастным к этому движению. Во всяком случае, Никита Хониат, как мы видели, отмечает небывалое для византийских императоров стремление Исаака возводить грандиозные высотные башни, разрушая для этой цели множество общественных зданий и даже христианских храмов. Одну из таких башен Исаак начал строить прямо в царском дворце в Константинополе, «частию, как говорил, для защиты и обороны дворца, а частию и для собственного помещения».[21]

Естественно предположить, что увлечение императора разделяли члены его семьи и другие приближенные. Похоже, на рубеже XII–XIII вв. сложилось представление о существовании некой особой сакральной связи василевса со столпниками, а также о судьбоносной для императора роли столпов, на которых святые отшельники совершали свой подвиг. Едва ли было случайным решение крестоносцев казнить свергнутого ими императора Алексея V Мурчуфла, сбросив его с вершины столпа, где прежде обретался святой подвижник. Предложивший такой способ казни венецианский дож Энрико Дандоло находил его наиболее соответствовавшим положению византийского императора.[22]

Есть основания считать, что в конце XII в. в Византии усиливается интерес к древним столпникам, стоявшим у истоков всего движения, и в частности к св. Даниилу, способствовавшему распространению столпничества в Греции.

[21] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 120.

[22] *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя. С. 76.

Так, концом XII в. датируется одно из наиболее ранних среди известных ныне изображений Даниила Столпника в христианском храме — фреска кафоликона монастыря Панагии Мавриотиссы в Кастории.[23] В числе важнейших святынь византийской столицы монастырь Даниила Столпника отмечает русский паломник Добрыня Ядрейкович, посетивший Константинополь в 1200 г. По словам Добрыни, в Даниловском монастыре он видел даже нетленные мощи святого: «святый Данилъ столпникъ на горе въ теле лежитъ».[24]

* * *

Нет ничего удивительного в том, что получившая воспитание в придворном монастыре старшая дочь императора Исаака II Евфросиния, став женой галицко-волынского князя, среди прочих привычек византийского двора своего времени принесла на Русь и повышенный интерес к столпничеству, а также к связанным с ним греческим святым, способствовала укоренению его среди русских князей.

Этим, на наш взгляд, объясняется возникновение семейного культа свв. Даниила Столпника и Льва Великого Царя, следы которого нашли отражение в именослове галицко-волынских князей, весьма отличном от общединастических традиций имянаречения у Рюриковичей, а также массовое строительство на западнорусских землях своеобразных архитектурных сооружений — многоярусных башен-«столпов», в целом не характерных для древнерусского зодчества.

Как и ее отец, император Исаак II, галицко-волынская княгиня Евфросиния, по-видимому, ощущала свою личную причастность к столпничеству.[25] Приняв монашество, она переселилась в специально выстроенный для нее монастырь в Столпье, в котором была возведена пятиярусная каменная башня-столп, сохранившаяся до нашего времени.

Новейшие исследователи обращают внимание на несомненную связь Столпьевской башни с подобными ей сооружениями, известными на территории Центральной Греции и относящимися к поздневизантийскому периоду. К примеру, на острове Эвбея и в Фессалии к настоящему времени выявлено более ста многоярусных каменных башен, строительство которых датируется преимущественно концом XII–XV вв.[26]

---

[23] *Skawran K. M.* The development of Middle Byzantine fresco painting in Greece. Pretoria, 1982. P. 47, 180. Изображения столпников известны также в памятниках древнерусского искусства, наиболее ранние из которых (середина XII в.) встречаются в росписях Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове (см.: *Сарабьянов В. Д.* Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. М., 2002).

[24] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. Стб. 177.

[25] Во времена расцвета столпничества на христианском Востоке и в Византии известны случаи участия в этом движении женщин, в том числе представительниц аристократических родов (См.: Analecta Bollandiana. Vol. 27. Bruxelles, 1908. P. 391 f.).

[26] См.: *Langdon M. K.* The mortared towers of Central Greece: an Attic supplement // Annual of British School of Athens. Vol. 90. 1995. P. 498.

Первоначально считалось, что эти объекты возникли под влиянием западноевропейских архитектурных традиций в эпоху Крестовых походов и владычества крестоносцев. Отсюда и принятое до недавнего времени в литературе обозначение упомянутых сооружений — «франкские башни» (the Frankish towers). Начиная с 1980-х гг. изучение византийских архитектурных памятников Центральной Греции приобрело планомерный и систематический характер. В результате накоплен значительный новый материал и пересмотрены многие сделанные ранее выводы.[27]

В частности, установлено, что греческие башни поздневизантийского времени объединяет несколько характерных признаков. Прежде всего, башни возводились и принадлежали крупным аристократам-землевладельцам или монастырям, став своего рода знаком высокого общественного статуса и престижа для местной элиты.[28]

Кроме того, ряд признаков позволяет квалифицировать такие памятники не столько как военно-оборонительные, сколько как сакральные сооружения. Более чем в 80% случаев в непосредственной близости от башен (на расстоянии не более 3 км) располагались действующие христианские храмы, а иногда функцию храма выполняли и сами башни. И хотя в силу значительных утрат и перестроек исследование их верхних ярусов весьма затруднено, не вызывает сомнения, что некоторые из башен были увенчаны часовнями.[29]

Согласно выводам А. Буко, поздневизантийские башни, сохранившиеся на территории Центральной Греции, по своим основным архитектурно-конструктивным особенностям, строительным материалам и приемам строительства наиболее близкие параллели обнаруживают с древнерусской башней в Столпье и другими подобными башнями «волынского типа», созданными на западнорусских землях в XIII–первой половине XIV вв.[30]

Особое внимание исследователь обращает на следующий факт, подчеркивающий сакральное значение названных объектов. Для башни в Столпье, как и для византийских башен в Центральной Греции, характерны следы специально пробитых в толстых стенах нижнего яруса или у основания башни небольших узких окошек, которые часто принимали за бойницы для ведения ближнего боя. Новейшие данные показывают, что в данном случае мы имеем дело с другим, совершенно не типичным для оборонительной башни явлением. Оконца в подножье башни представляли собой наружные отверстия для подачи воды из подземного источника, почитаемого священным и целительным. Такой источник до нашего времени сохранился у подножья Столпьевской башни и некоторых других памятников.[31]

---

[27] См.: An essay on Byzantine fortification : northern Greece 4th–15th c.: Thessaloniki, October 2001–January 2002. Exhibition catalogue. Ministry of culture (9th Ephorate of Byzantine antiquities of Thessalonike) / Ed. by Ch. Bakirtzis, Ph. Oreopulos. Athens. 2001.

[28] *Langdon M. K.* The mortared towers of Central Greece... P. 498.

[29] Ibid. P. 499.

[30] *Buko A.* Zespół wieżowy w Stołpiu w świetle wyników najnowszych badań // Zespół wieżowy w Stołpiu. Badania 2003–2004. Praca zbiorowa pod redakcja A. Buko. Warszawa, 2009. S. 326–329.

[31] Ibid. S. 328. См. также: *Buko A.* Stołpie. Tajemnice kamiennej Wieży. Warszawa, 2009.

Глава тридцать вторая

«ПЕРВЕНЕЦЬ БО БЕ ОУ НЕГО ИРАКЛЕИ...»: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СИМВОЛИКЕ ИМЕНИ КНЯЗЯ ИРАКЛИЯ ДАНИЛОВИЧА[1]

Подвиг императора Ираклия и отношение к нему на христианском Востоке. — Эпоха Крестовых походов и почитание императора Ираклия на латинском Западе. — Праздник Воздвижения Креста и отношение к Ираклию в Византии. — Византийское влияние на латинском Востоке и иерусалимский патриарх Ираклий. — О возможных путях появления имени Ираклий в именослове галицко-волынских князей

Об особом, если не сказать исключительном отношении к культу Честного Креста и его реликвиям среди потомков Романа Мстиславича красноречиво свидетельствует следующий факт, не имеющий прецедентов в истории Древней Руси и других средневековых государств Восточной Европы.

В сообщении Галицко-Волынской летописи о женитьбе Даниила Романовича на Анне, дочери занявшего на несколько лет галицкий стол Мстислава Удалого, указывается, что первый из рожденных в этом браке сыновей получил небывалое прежде на Руси имя Ираклий:

Первенець бо бе оу него (у Даниила. — *А. М.*) Ираклеи.[2]

Родившийся в начале 1220-х гг. Ираклий Данилович умер, вероятно, в раннем возрасте, во всяком случае, еще до 1240 г. и ничем не проявил себя в истории, кроме одного — своего необыкновенного имени, более ни разу не встречавшегося у Рюриковичей.[3]

Объяснить появление в именослове галицко-волынских князей столь экзотического для Руси имени, на наш взгляд, можно только с учетом особой практики имянаречения, сложившейся в этой семье в результате женитьбы Романа Мстиславича на византийской принцессе. Популярность имени Ираклия в Византии была,

---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* О происхождении и символике имени князя Ираклия Даниловича // ВИ. 2011. №3.

[2] ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 732.

[3] *Dąbrowski D.* 1) Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 99–101; 2) Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 350–351.

несомненно, связана с императором Ираклием I (610–641), одним из наиболее выдающихся правителей и полководцев.[4] Но вместе с тем имя Ираклий самым тесным образом было связано также с культом Честного Креста и почитанием его реликвий.

В 614 г., во время ирано-византийской войны, начавшейся после убийства императора Маврикия (582–602), родственника и союзника шаха Хосрова II Парвиза (591–628), иранские войска под командованием знаменитого полководца Ферруxана Росмиозана (Шахрабараза) захватили и разграбили Иерусалим. По разным данным, в городе было убито от 60 до 90 тысяч человек, а оставшиеся в живых были обращены в рабство.[5] В персидский плен попала и величайшая святыня христиан — Честной Животворящий Крест Господень, который Шахрабараз отослал Хосрову, а тот поместил его в шахскую сокровищницу.[6]

Ценой огромных усилий, невзирая на постоянную угрозу Константинополю со стороны авар — союзников персов, император Ираклий на средства, собранные церковью, сумел мобилизовать и снарядить огромную армию и совершить далекий поход на восток, достигнув территории Персии и нанеся врагу сокрушительное поражение. Византийские войска штурмом овладели резиденцией Хосрова и разрушили находившийся там главный зороастрийский храм огня. Разрушению и грабежу подверглись многие другие персидские области и города, что явилось местью за разорение Иерусалима и пленение Креста.[7]

В результате походов Ираклия персидская военная машина была сломлена, а Хосров убит одним из своих сыновей, который поспешил заключить мирный договор с победителем. Армения, Месопотамия, Сирия, Палестина и Египет были возвращены Византийской империи. Иерусалимский Честной Крест, пробыв в персидском плену 14 лет, был возвращен на прежнее место: по уточненным данным, это событие должно было произойти в 630 г.[8] После обретения Истинного Креста св. Еленой возвращение его из персидского плена и воздвижение в Иерусалиме Ираклием имеет важнейшее значение в истории формировании культа этой главной христианской реликвии. Именно после победы Ираклия над персами и возвращения святыни в Иерусалим Воздвижение Креста стало основным церковным праздником Креста Господня, с этим событием связаны также установление календарных памятей Креста 6 марта и в Крестопоклонную неделю Великого поста.[9]

---

[4] См.: *Kaegi W. E.* Heraclius: emperor of Byzantium. Cambridge, 2003.

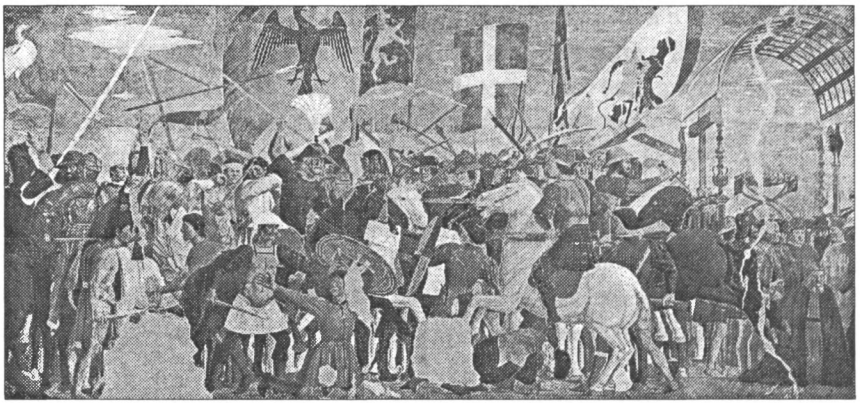
[5] См.: *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946. С. 191–205.

[6] *Baynes N. H.* The restoration of the Cross at Jerusalem // The English Historical Review. Vol. 27 (106). 1912.

[7] *Манандян Я. А.* Маршруты персидских походов императора Ираклия // ВВ. Т. III . М., 1950; *Чичуров И. С.* О кавказском походе императора Ираклия // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978; *Шагинян А. К.* Армения накануне арабского завоевания. СПб., 2003. С. 37–40.

[8] *Baynes N. H.* The restoration of the Cross at Jerusalem. P. 288; *Kaegi W. E.* Heraclius: emperor of Byzantium. P. 206.

[9] *Михаил (Желтов), диакон, Лукашевич А. А.* Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2004.



Ил. 134. Пьеро делла Франческа. Битва императора Ираклия с персами. Фреска. 1452 г. Главная капелла базилики Св. Франциска (Ареццо, Италия)

Образ христианского подвига Ираклия был омрачен новой утратой Иерусалима в 638 г., завоеванного вместе с другими восточными провинциями империи арабами.[10] Репутации императора повредило также его попытки добиться примирения с монофилитами, впоследствии осужденные церковью.[11] В результате в Византии, и в частности среди византийских историков и писателей, с течением веков сложилось неоднозначное отношение к Ираклию: наряду с восхвалением нередко звучали и упреки.[12]

Тем не менее христианский подвиг императора Ираклия обеспечил ему широкую известность и почитание в странах византийского круга. Наиболее значительное развитие культ Ираклия получил на христианском Востоке, и в частности в Грузии.

Идеальный образ этого византийского императора, мало соответствующий его историческому прототипу, выработался в средневековой грузинской литературе. Преклонение грузинских летописцев перед Ираклием как христианским подвижником выразилось в приписывании ему масштабного церковного строительства в самой Грузии.[13] В период арабского завоевания и гонений на христиан образ «царя Ираклия» стал символом борьбы за сохранение веры, вдохновляющим на новые христианские подвиги.[14]

По-новому переосмысливалась роль Ираклия во время его кавказского похода и осады Тбилиси, захваченного персами. Автор XI в. Сумбат Давитис-дзе

---

[10] *El-Cheikh N. M.* Byzantium Viewed by the Arabs. Cambridge, 2004. P. 10–18, 205.

[11] См.: *Bury J. B.* A history of the later Roman empire from Arcadius to Irene. [S. l.], 2005. P. 251; *Карташов А. В.* Вселенские соборы. М., 1994. С. 261 и сл.

[12] См.: *Чичуров И. С.* Место «Хронографа» Феофана в ранневизантийской исторической традиции // ДГ. 1981 год. М., 1983. С. 117–118.

[13] *Такайшвили Е. С.* Источники грузинских летописей. Три исторические хроники // Сб. мат. для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 28. Тифлис, 1900. С. 127–128.

[14] *Цулая Г. В.* Из истории грузинской агиографии: «Мученичества Давида и Константина» // ЭО. 1996. № 1.

особо подчеркивает миссионерскую роль византийского императора, сообщая, будто тот призывал, «чтобы все христиане вошли в церкви, а те маги и огнепоклонники, которые не приняли крещения, были бы истреблены», тем самым Ираклий «очистил веру Христа».[15] В действительности, как было установлено еще Н. Я. Марром, возведения каких-либо храмов или иных фактов миссионерской деятельности в Грузии, связанных с византийским императором Ираклием, быть не могло.[16]

О широкой популярности среди грузин имени Ираклия свидетельствует тот факт, что оно на протяжении веков и вплоть до настоящего времени остается одним из самых распространенных мужских имен в Грузии (груз. ერეკლე, *Эреклэ*). Это имя вошло также в именослов грузинских царей: его, в частности, носили картли-кахетинские цари Ираклий I (1688–1709) и Ираклий II (1744–1798).

История возвращения Ираклием Честного Креста из персидского плена широко отразилась также в произведениях средневековой историографии и литературных памятниках Армении.[17] Этому событию так или иначе уделено внимание почти во всех трудах средневековых армянских писателей, постоянно обращавшихся к подвигу Ираклия и дополнявших его описания многочисленными новыми подробностями, нередко перераставшими в легенды.[18]

* * *

Новый, еще более значительный интерес к образу императора Ираклия проявился в христианском мире в связи с началом Крестовых походов. Можно уверенно говорить, что в это время культ Ираклия формируется в Западной Европе, где его образ становится не менее популярным, чем на христианском Востоке. В XII в. Ираклий превратился в легендарного героя, которого вспоминали как своего великого предшественника и вдохновителя западноевропейские крестоносцы, несмотря на принадлежность византийского императора к восточнохристианской церкви.

Распространению сведений о христианском подвиге императора Ираклия в странах Западной Европы, очевидно, способствовала деятельность Вильгельма (Гийома) Тирского (ок. 1130–ок. 1186), французского (по другим данным немецкого) историка и дипломата, родившегося в Палестине. Это был один из самых образованных христианских монахов в Святой Земле, служивший сначала архидиаконом тирского митрополита, затем приближенный иерусалимским королем

[15] *Сумбат Давитис-дзе.* История и повествование о Багратионах / Пер., введение и примеч. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 30.

[16] *Антиох Стратиг.* Пленение Иерусалима персами в 614 году: Грузинский текст / Исследовал, издал, перевел и арабские извлечения приложил Н. Я. Марр. СПб., 1909. С. 59.

[17] Подробнее см.: Там же. С. 48–62; *Арутюнова-Фиданян В. А.* Себеос об Ираклии // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А. А. Чекалова. СПб., 2003.

[18] См.: *Дарбинян-Меликян М. О.* Предисловие // История анонимного повествователя (Псевдо-Шапух Багратуни) / Вступ. ст., пер. и коммент. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1971.

Ил. 135. Херувим и Ираклий, подчиняющий Хосрова II. Медь, позолота, выемчатая эмаль. Франция, 1160–1170-е гг. Музей Лувра (Париж, Франция)

Амори (Амальриком) I (1162–1174) и ставший его послом в Константинополе и Риме. Вильгельм был также воспитателем будущего иерусалимского короля Балдуина IV (1174–1185) и с приходом его к власти стал королевским канцлером, получив к тому же сан архиепископа Тира. После смерти Балдуина Иерусалимское королевство оказалось на краю гибели, и Вильгельм отправился во Францию проповедовать новый крестовый поход, где нашел горячую поддержку со стороны короля и многих рыцарей.[19]

Написанная Вильгельмом Тирским в 1164–1184 гг. «История деяний в заморских землях» («Historia rerum im partibus transmarinis gestarum») или «Иерусалимская история» («Historia Hierosolymitana») – - самое полное из всех сочинений по истории Крестовых походов (главным образом Первого и Второго), получившее большую известность в Западной Европе и имевшее множество продолжателей. Особой популярностью пользовался его французский перевод, более известный под названием «История императора Ираклия». Ныне выявлено ок. 70 различных вариантов этого произведения, неоднократно дополнявшегося и переписывавшегося. Наиболее полные из них обнимают всю эпоху Крестовых походов (вплоть до падения Акры в 1291 г.). Таким образом, вся история крестоносцев в изложении французских хронистов конца XII–XIII вв. проходит под знаком имени византийского императора Ираклия.[20]

Образ императора Ираклия входит в западноевропейскую средневековую поэзию и изобразительное искусство. Во второй половине XII в. был создан один из самых популярных французских рыцарских романов — стихотворный

[19] *Hiestand R.* Zum Leben und Laufbahn Wilhelms von Tyrus // Deutsches Archiv. Bd. 34. 1978.; *Babbitt S. M.* William of Tyre // Dictionary of the Middle Ages / Ed. by J. Straver. Vol. 12. New York, 1989.

[20] *Заборов М. А.* Современники — хронисты и историки крестовых походов // ВВ. Т. XXVI. М., 1965. С. 144–145. См. также: *Morgan M. R.* The Chronicle of Ernoul and the Continuations of William of Tyre. Oxford. 1973; *Edbury P. W., Rowe J. G.* William of Tyre: Historian of the Latin East. Cambridge, 1988.

роман «Ираклий», содержащий почти полностью вымышленное описание жизни и необыкновенных подвигов византийского императора.[21] Его автор — Готье из Арраса — состоял на службе у графа Филиппа I Фландрского (1168–1191), одного из вождей крестоносцев, предпринявшего в 1177 г. собственный крестовый поход на Восток и погибшего в Святой Земле во время Третьего Крестового похода. Свой роман Готье посвятил еще одному видному крестоносцу — сенешалю Франции Тибо V Доброму, графу Блуа и Шартра (1152–1191), также участвовавшему в Третьем Крестовом походе и погибшему при осаде Акры.[22]

В Музее Лувра до нашего времени сохранилось уникальное произведение французского ювелирного искусства второй половины XII в. — декоративная пластинка с креста из позолоченной меди со сценой подчинения императором Ираклием побежденного персидского царя Хосрова II. Произведение выполнено в сложной технике выемчатой эмали. Сакральный характер действия передается изображением Херувима, сопровождающего Ираклия.[23]

В эпоху крестоносных войн и особенно после завершения Четвертого Крестового похода, в котором активное участие принимали венецианцы и жители других итальянских городов, византийский император Ираклий — предшественник и вдохновитель западноевропейских крестоносцев — приобретает широкую известность и популярность в Италии.

История возвращения Ираклием Истинного Креста Господня из персидского плена была включена в «Золотую легенду» — знаменитый агиографический компендиум XIII в., первоначально именовавшийся также «Чтения о святых». «Золотая легенда», ставшая настоящим бестселлером средневековья, известна ныне более чем в тысяче списков; она стала самым популярным в Европе книжным изданием после изобретения книгопечатания, была переведена на множество языков (в том числе славянские) и по количеству напечатанных экземпляров уступала только Библии.[24]

Автором «Золотой легенды» считается итальянский монах-доминиканец Яков Ворагинский (Якопо да Варацце; ок. 1230–1298), в конце жизни ставший архиепископом Генуи. Он был также автором первого перевода Библии на народный итальянский язык, церковной истории Генуи и ряда других произведений. Работу над «Чтениями о святых» Яков закончил ок. 1260 г. Первоначально в этот сборник входили жития ок. 180 святых, затем их число возросло до 200. История Ираклия вошла в «Золотую легенду», несмотря на то что он не был официально канонизирован.[25]

---

[21] *Михайлов А. Д.* Французский рыцарский роман. М., 1976. С. 95–106.

[22] *Bruckner M. T.* Gautier d'Arras // Medieval France: an encyclopedia / Ed. by W. W. Kibler. New York, 1995.

[23] *Laborde L., marquis de.* Motice des émaux exposés dans les galeries du Musée du Louvre. T. II. Paris, 1852. P. 44–45. Nr. 28.

[24] *Mulchahey M. M.* «First the bow is bent in study...»: Dominican education before 1350. Toronto, 1998.

[25] См.: *Reames Sh. L.* The Legenda Aurea: A Reexamination of Its Paradoxical History. Madison, 1985.

Ил. 136. Ламбертини Микеле ди Маттео (работал в Болонье в 1416–1469 гг.). Император Ираклий несет Крест в Иерусалим. Дерево, темпера. Середина XV в. Музей Лувра (Париж, Франция)

Особенностью составленного Яковом Ворагинским сборника житий является его ярко выраженный компилятивный характер. «Золотая легенда», отмечает современный исследователь, «по своему стилю напоминает конспект», составленный на основании ранее существовавших текстов, причем «в каждом конкретном случае нетрудно обнаружить первоисточник»; в рассматриваемом сочинении «почти полностью отсутствуют какая-либо авторская интерпретация, мораль, выводы».[26] Все это означает, что при составлении жизнеописания Ираклия Яков Ворагинский пользовался посвященными ему агиографическими произведениями, созданными на латинском Западе ранее середины XIII в.

Благодаря необыкновенной популярности «Золотой легенды», история византийского императора Ираклия нашла широкое отражение в итальянском искусстве. Наиболее известен цикл фресок «Легенда о Честном Кресте» Пьеро делла Франческа (ок. 1420–1492) в базилике Св. Франциска в Ареццо (Тоскана).[27] Известен также другой подобный цикл на малом запрестольном образе Адама Эльсхаймера (1578–1610), немецкого художника, жившего в Риме (ныне хранится в Галерее Штеделя во Франкфурте-на-Майне).[28] Оба этих цикла представляют сцены, где Ираклий изображен держащим Честной Крест вместе со св. Еленой. Непосредственной иллюстрацией к рассказу «Золотой легенды» является работа

[26] *Топорова А. В.* Мистики и агиографы // История итальянской литературы: В 4 т. Т. I: Средние века / Под ред. М. Л. Андреева, Р. И. Хлодовского. М., 2000. С. 304.

[27] *Lawin M. A.* Piero della Francesca: San Francesco, Arezzo. New York, 1994.

[28] *Klessmann R.* a. o. Adam Elsheimer. 1578–1610. London, 2006.

болонского живописца XV в. Ламбертини Микеле ди Маттео, изобразившего Ираклия несущим крест в Иерусалим.

О чрезвычайной популярности императора Ираклия в Италии свидетельствует история Барлеттского колосса. Эта огромная бронзовая статуя (высотой ок. 5 м) ныне стоит неподалеку от базилики Гроба Господня, на месте, где в средние века проводились общегородские собрания граждан (Sedile del Popolo) в местечке Барлетта (Апулия). По существующей легенде, колосс был захвачен венецианцами во время грабежа Константинополя в 1204 г. и затем морем доставлен в Италию. Однако из-за шторма и тяжелого груза венецианцы должны были оставить его на пляже у Барлетты. Местные жители признали в колоссе императора Ираклия, сочтя его появление в своем городе чудом. В действительности статуя представляет собой другого императора, жившего на несколько столетий ранее Ираклия, возможно, Феодосия II, и была отлита, как полагают, по приказу императора Валентиниана III в Равенне в 439 г. Есть также версия, что статуя происходит из расположенного неподалеку от Барлетты города Канозы, где некогда находились другие бронзовые колоссы, не дошедшие до наших дней.[29]

Ил. 137. Барлеттский колосс. Бронза. Италия, V–XV вв. Площадь перед базиликой Гроба Господня (Барлетта, Апулия, Италия)

Наиболее ранние документально подтвержденные сведения о Барлеттском колоссе восходят к 1309 г. Тогда монахи-доминиканцы из города Манфредонии (на севере Апулии), пострадавшего от сильного землетрясения, добились у императора Карла II разрешения использовать ноги и руки статуи для отливки колоколов своей новой церкви, обязуясь при первой возможности изготовить новые конечности для статуи. Однако это обязательство было исполнено только в XV в., когда колоссу приделали заново отлитые ноги и руки, по форме очень отличающиеся от оригинала. В соответствии с легендой об Ираклии, в правую руку статуи был вложен крест, символизирующий победу византийского императора над персидским царем Хосровом и возвращение в Иерусалим Креста Господня.[30]

Еще одним проявлением популярности византийского императора Ираклия на христианском Западе можно считать тот факт, что имя *Ираклий* со времен позднего средневековья и эпохи Возрождения становится одним из широко

[29] *De Paola Th.* The Mysterious Giant of Barletta: an Italian Folktale. San Diego, 1989.

[30] An encyclopedia of the history of classical archaeology / Ed. by N. Thomson de Grummond. T. I. Westport; London. P. 314.

распространенных мужских имен во Франции и в Италии (фр. *Hercule*, итал. *Ercole*) и остается таковым до нашего времени.

* * *

Память об императоре Ираклии в Византии была увековечена в воздвигнутом в Константинополе монументе, представлявшем собой колонну, увенчанную крестом. Монумент, более известный под названием «Пестрая колонна», был установлен с восточной стороны храма Сорока Мучеников Севастийских, где простоял со времен Ираклия до первой половины XIV в. Свое название колонна получила в связи с тем, что составлявшие ее барабаны были высечены из разного по цвету камня. После сильного пожара, ослабившего ее основание, Пестрая колонна рухнула во время бури 12 февраля 1332 г.[31] Крест, установленный на вершине колонны, подчеркивал, что установлена она была в честь христианского подвига императора, воспринимавшегося как главное свершение его царствования.

Почитание императора Ираклия поддерживалось развитием культа Честного Древа Креста Господня, ставшего главной реликвией христиан. Начавшееся еще при императоре Константине, почитание Честного Креста особенно усиливается после победного возвращения его из персидского плена Ираклием. Именно в рамках константинопольской традиции, которая в послеиконоборческий период стала определяющей в богослужении всего православного Востока, Воздвижение Креста становится одним из великих праздников литургического года. К XII в. он представлял собой пятидневный праздничный цикл, включающий четырехдневный период предпразднества (10–13 сентября), особое значение придавалось также субботним и воскресным дням до и после Воздвижения, которые получили свои литургийные чтения.[32]

В правление императора Мануила I Комнина (1143–1180) Византия после длительного перерыва возобновила активную политику в Палестине, всячески укрепляя отношения с основанным крестоносцами в конце XI в. Иерусалимским королевством, правители которого Балдуин III (1143–1162) и Амори (Амальрик) I (1162–1174) были женаты на племянницах Мануила, сам же Мануил женился на антиохийской принцессе. А в 1171 г. король Амори I и вовсе признал себя вассалом византийского императора.[33]

Мануил I не только всячески содействовал возрождению христианских храмов и православного богослужения в Палестине,[34] но и способствовал даль-

[31] *Кондаков Н. П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. М., 2006. С. 59; *Kaegi W. E.* Heraclius: emperor of Byzantium. P. 63.

[32] *Михаил (Желтов), диакон, Лукашевич А. А.* Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня.

[33] *Lilie R.-J.* Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten. Studien zur Politik des byzantinischen Reiches gegenüber den Staaten der Kreuzfahrer in Syrien und Palästina bis zum Vierten Kreuzzug (1096–1204). München, 1981. S. 173–174.

[34] *Runciman S.* A History of the Crusaders. Vol. 3. Cambridge, 1952. P. 381; *Heyer F.* Kirchengeschichte des Heiligen Landes. Stuttgart, 1984. S. 122, 276.

нейшему развитию почитания христианских реликвий и прежде всего Честного Креста. Об особом отношении императора и членов его семьи к этой главной христианской святыне свидетельствует значительное число принадлежавших им реликвий Древа Креста Господня, большинство из которых сохранились до нашего времени.[35]

Благодаря тесным контактам Мануила с королем Амальриком, Честной Крест стал одним из главных символов Латино-Иерусалимского королевства и частью королевских регалий, а производство священных реликвий приобрело здесь самый широкий размах. В Иерусалиме вокруг храма Гроба Господня возник целый квартал ремесленников — златокузнецов и ювелиров, поставивших на поток изготовление разнообразных реликвариев для паломников, прибывавших сюда со всего христианского мира.[36]

На время правления Мануила приходится расцвет древнерусского паломничества в Святую Землю (1160–первая половина 1170-х гг.).[37] Благодаря прямым контактам и родственным связям русских князей с домом Комнинов, на Русь стали попадать христианские реликвии самого высокого уровня, в том числе реликвии Честного Креста.

Как мы уже видели, обладательницей сразу нескольких высокочтимых святынь — частиц Истинного Древа Креста и Крови Господней, камней Гроба Господня и Гроба Богоматери, а также мощей некоторых святых — стала полоцкая княжна-монахиня Евфросиния, состоящая в свойстве с императором Мануилом. Реликвии были вложены в драгоценный крест-мощевик, изготовленный полоцким мастером Лазарем Богшей для построенного Евфросинией Спасского собора в Полоцке.[38]

В Ипатьевской летописи под 1163 г. сообщается о высылке владимиро-суздальским князем Андреем Боголюбским в Византию своей мачехи-гречанки, второй жены Юрия Долгорукого и, вероятно, родственницы Мануила I. Вместе с ней в ссылку отправились и трое ее сыновей, двум из которых император пожаловал земли: княжич Мстислав Юрьевич получил в управление палестинский город Аскалон («О(т)скалана»).[39]

С Мстиславом Юрьевичем, крестильное имя которого — Федор — устанавливается исследователями с большой вероятностью,[40] связывается также упоминание

[35] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 296–297, 317, 342–344, 426–427; Nr. 273. 312. 367, 529; *Gaborit-Copin D.* La croix d'Anjou // Cahiers Archéologiques. T. 33. Paris, 1985. P. 157–160.

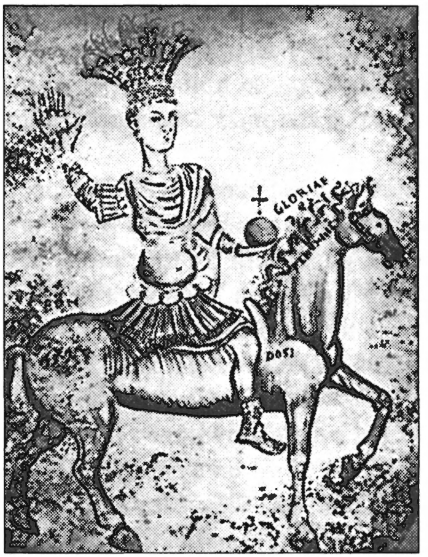
[36] *Folda J.* Crusader art in the Holy Land: from the Third Crusade to the fall of Acre. 1187–1291. New York, 2005. P. 28. См. также: *Фолда Я.* Искусство Латинского Востока. 1098–1291 // История крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита. М., 1998. С. 173.

[37] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 639.

[38] См.: *Алексеев Л. В.* Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена // РА. 1993. № 2; *Святославский А. В., Трошин А. А.* Крест в русской культуре: Очерк русской монументальной ставрографии. М., 2000. С. 124 и сл.

[39] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 521.

[40] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 588.



Ил. 138. Конная статуя императора Юстиниана I в Константинополе. Венецианский рисунок. 1440 г. Библиотека Сераля (Стамбул, Турция)

о «Федоре Росе из рода василевсов» (Θεόδωρος Ῥὼς ἐκ φυλῆς βασιλέων) в греческой рукописи середины XIII вв., хранящейся ныне в Библиотеке Св. Марка в Венеции.[41] Среди произведений известных византийских авторов упомянутая рукопись содержит анонимные стихотворные эпиграммы и «поэмы на случай» в духе исторических стихотворений византийского поэта XII в. Феодора Продрома, посвященные в основном событиям правления императоров Иоанна II и Мануила I Комнинов.[42] Одно из таких стихотворений — эпиграмма на драгоценный энколпион, хранящий священный камень Гроба Господня, принадлежавший Федору Росу.[43]

Успехи восточной политики Комнинов, а также наступательные действия в Палестине западноевропейских крестоносцев привели не только к новому подъему почитания христианских реликвий Святой Земли, но и к актуализации исторической памяти об императоре Ираклии, что с особой силой проявилось в конце XII–начале XIII вв.

Один из участников Четвертого Крестового похода амьенский рыцарь Робер де Клари сообщает о виденной им в Константинополе огромной медной статуе императора, восседающего на боевом коне и указывающего поднятой правой рукой на восток. Статуя была установлена на высокой мраморной колонне недалеко от собора Св. Софии, и «греки говорили, что это был император Ираклий».[44] В действительности же описанная статуя изображала другого императора — Юстиниана I (527–565). Это была знаменитая колонна Юстиниана, воздвигнута в 543–544 гг. на форуме Августеон, между храмом Св. Софии и воротами Большого дворца и простоявшая до 1492 г., когда обветшавший памятник был разрушен молнией.[45]

[41] *Граля И.* «Федор рос» византийского кодекса середины XIII в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. / Отв. ред. Ю. Н. Афанасьев, А. П. Новосельцев. Ч. I. М., 1990.

[42] *Шестаков С.* Заметки к стихотворениям Codicis Marciani gr. 524 // ВВ. Т. XXIV (1923–1926). Л., 1926.; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. II. Berlin, 1983. S. 225.

[43] *Бибиков М. В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004. С. 212, 650.

[44] *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М. А. Заборова. М., 1986. С. 63 (LXXXVI).

[45] См.: Glorious horsemen: equestrian art in Europe, 1500 to 1800. [Exhibition] Museum of Fine Arts, Springfield, Massachusetts, September 27 — November 29, 1981; the J. B. Speed Art Museum, Louisville, Kentucky, January 11 — February 28, 1982. Springfield, 1982. P. 24.

Этот грандиозный монумент, видимый уже на подходе к Константинополю с моря, оказывал на зрителей неизгладимое впечатление. Сохранились его многочисленные описания и несколько изображений, в том числе рисунок из датированной 1440 г. венецианской рукописи переводов Аристотеля и других античных авторов.[46] Колонна Юстиниана представлена также в ряде произведений древнерусской живописи XV–XVII вв.[47]

Отмеченное Робером де Клари переименование жителями византийской столицы колонны Юстиниана — одного из главных монументов Константинополя — в памятник Ираклию может свидетельствовать об определенной трансформации исторического сознания византийцев, произошедшей в эпоху Крестовых походов, когда подвиги защитника Креста Господня затмили собою блистательный образ его великого предшественника. Впрочем, переименовать колонну Юстиниана жители византийской столицы могли, вероятно, и под влиянием того уважительного отношения, которое испытывали к Ираклию крестоносцы, захватившие город.

* * *

В конце XII в. имя византийского императора Ираклия было широко известно и почитаемо не только в странах Западной Европы, но и на латинском Востоке. С ним, очевидно, связывались упования палестинских крестоносцев на новые решительные победы в противостоянии с мусульманами и на военную помощь Византии в этом священном для всех христиан деле. По-видимому, не случайно имя Ираклий оказалось в именослове иерусалимских патриархов. Широкую известность приобрел латинский патриарх Ираклий (1180–1191), служение которого пришлось на последний и самый тяжелый период в истории Иерусалимского королевства.

Шестой иерусалимский король Балдуин IV с детства болел проказой и не мог иметь детей. Продолжательницей королевского рода должна была стать его сестра Сибилла, выданная за маркиза Вильгельма (Гийома) Монферратского, состоявшего в родстве с императором Фридрихом I Барбароссой и французским королем Людовиком VII. От этого брака родился будущий король Балдуин V, коронованный еще при жизни своего больного дяди как соправитель. Правление Балдуина V оказалось недолгим: пробыв единоличным королем всего около года, он умер летом 1186 г. в Акре в возрасте восьми лет. В Иерусалимском королевстве разразился тяжелый политический кризис. Вследствие напряженной борьбы новым королем стал второй муж Сибиллы, незнатный французский рыцарь из Пуату Ги де Лузиньян (1186–1192).[48]

---

[46] *Diehl Ch.* Manuel d'art byzantin. T. I. Paris, 1925. P. 280.

[47] *Белоброва О. А.* Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии // ВВ. Т. XVII. М., 1960.

[48] *Newey W. K., Lay S.* A leper in purple: the coronation of Baldwin IV of Jerusalem // Journal of Medieval History. 1997. Vol. 23 (Dec.). Nr. 4; *Hamilton B.* The Leper King and his Heirs: Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 2000.

В 1184 г. по поручению неизлечимо больного короля Балдуина IV иерусалимский патриарх Ираклий в сопровождении великого магистра ордена госпитальеров Роже де Молинье и великого магистра ордена тамплиеров Арнольда Торройского отправился на Запад с призывом к новому крестовому походу. Делегация посетила Италию, Францию и Англию, попутно ведя поиски достойных кандидатов на иерусалимский престол и везя с собой ключи от Иерусалима, храма Гроба Господня и башни Давида, а также другие священные реликвии крестоносцев. В начале мая 1185 г. вместе с английским королем Генрихом II Плантагенетом Ираклий прибыл во Францию к королю Филиппу II Августу. Оба монарха отказались тогда принять иерусалимскую корону, но обещали послать в Святую Землю войска и денежную помощь.[49]

По возвращении в Иерусалим патриарх Ираклий, будучи решительным сторонником Ги де Лузиньяна и королевы Сибиллы, сделал все возможное для победы Ги и совершил его коронацию в храме Гроба Господня. Летом 1187 г., выступая в поход против египетского султана Салах ад-Дина (Саладина), король Ги просил Ираклия, чтобы тот шел во главе армии с реликвией Честного Креста. Ираклий, однако, был болен и эту миссию исполнил епископ Акры. После сокрушительного поражения армии Ги в битве при Хаттине в июле 1187 г. патриарх Ираклий вместе с другими христианами латинского обряда покинул Иерусалим, сдавшийся Саладину 2 октября.[50]

Согласно Хронике Эрнуля (одного из продолжателей «Истории деяний в заморских землях» Вильгельма Тирского), письмо патриарха Ираклия к папе Урбану III с извещением о падении Иерусалима стало причиной его преждевременной смерти: «Папа Урбан, который тогда был в Ферраре, умер от горя, услышав эти новости».[51]

В представлении западноевропейских хронистов имена Ираклий и Урбан приобрели символическое значение в связи с историей Честного Креста и христианского Иерусалима. Одна из глав «Хроники» Салимбене де Адам — крупнейшего памятника средневековой латинской литературы, составленного во второй половине XIII в. францисканским монахом из Пармы, — посвящена рассуждениям автора «о том, что при [одном] Ираклии Крест Господень вновь был обретен, а потом при другом Ираклии в Иерусалим вторглись магометане»; точно так же, как «при [одном] папе Урбане» (римский папа Урбан II (1088–1099). — *А. М.*) был обретен и сам Иерусалим, «а ныне при [другом] Урбане (римский папа Урбан III (1185–1187). — *А. М.*) Иерусалим захвачен теми же варварами».[52]

---

[49] *Kedar B. Z.* The Patriarch Eraclius // Outremer: Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem presented to Joshua Prawer / Ed. by B. Z. Kedar, H. E. Mayer and R. C. Smail. Jerusalem, 1982.

[50] *Edbury P. W.* The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade: Sources in Translation. [Aldershot, u. a.], 1996. P. 162–163. См. также: *Edbury P. W.* Propaganda and Faction in the Kingdom of Jerusalem: The Background to Hattin // Crusaders and Muslims in Twelfth-Century Syria / Ed. by M. Shatzmiller. Leiden, 1993.

[51] *Edbury P. W.* The conquest of Jerusalem and the Third Crusade... P. 47.

[52] *Салимбене де Адам.* Хроника / Пер. с лат. И. С. Култышева (и др.); Науч. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2004. С. 14.

Ряд эпизодов биографии патриарха Ираклия представляет для нас особый интерес. Уроженец Оверни (Центральная Франция), он проявился в Иерусалимском королевстве ок. 1168 г., — тогда в документах впервые возникает имя некоего «магистра Ираклия» (magister Heraclius), ведшего дела патриаршей канцелярии. Карьера Ираклия развивалась стремительно: в 1169 г. он был уже архидиаконом Иерусалима, а в 1175 г. стал архиепископом Кесарии Палестинской.[53]

Ил. 139. Бракосочетание Марии и Амальрика в Тире в 1167 г. Миниатюра из Парижского списка «Истории деяний в заморских землях» (1295–1300 гг.). Муниципальная библиотека г. Эпиналь (департамент Вогезы, Франция)

Появление в Иерусалиме латинского клирика с именем Ираклий и его стремительная церковная карьера совпадают по времени с появлением на иерусалимском престоле новой королевы — Марии Комниной, внучатой племянницы византийского императора Мануила I, выданной в 1167 г. за короля Амальрика. Мария прибыла в Иерусалим с огромным приданым и многочисленной византийской свитой, и ее появление вызвало значительные перемены при иерусалимском дворе.

Перемены затронули важнейшие стороны жизни не только иерусалимского двора, но и церкви. Амальрик начал чеканить монету с изображением византийского Анастазиса (ротонды в храме Гроба Господня), велел переделать королевские регалии по византийским образцам, ввел византийский придворный церемониал. Вместе с императором Мануилом и латинским епископом Ральфом Амальрик участвовал в восстановлении храма Рождества Христова в Вифлееме, украшенного тогда роскошными мозаиками, выполненными в византийском стиле. Имена Мануила, Амальрика и Ральфа запечатлены в благодарственной надписи на греческом и латинском языках, сохранившейся в храме, где также упоминается имя византийского мозаичиста Эфраима, закончившего работы в 1169 г.[54]

Блистательный внешний вид и церемониал византийских церковных иерархов неузнаваемо преобразили некогда скромный облик служителей латино-иерусалимской церкви. Именно патриарх Ираклий стал тем иерусалимским предстоятелем, чей роскошный византийский облик повергал в смущение и даже вызывал осуждение добрых католиков на Западе. Такое впечатление вызвало, по свидетельству англо-нормандского хрониста конца XII–начала XIII вв. Ральфа Нигера, появление Ираклия в Европе в 1184–1185 гг. во главе посольства иерусалимского короля Балдуина IV. Роскошные одежды и многочисленная пышная свита патриарха никак не соответствовали целям его миссии — просить финансовой и военной помощи

[53] *Kedar B. Z.* The Patriarch Eraclius.

[54] *Pringle D.* The churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem. Vol. 1. A–K. Cambridge, 1993. P. 139. См. также: *Фолда Я.* Искусство Латинского Востока. С. 176–177.

для защитников христианского Иерусалима, терпящих крайнюю нужду в неравной борьбе с мусульманами.[55]

* * *

Какими путями имя Ираклий могло попасть в именослов галицко-волынских князей?

Разумеется, этому в первую очередь должен был способствовать брак Романа Мстиславича с византийской принцессой Евфросинией. Ее отец император Исаак II считал себя продолжателем дел Мануила, пытавшегося повторить великие свершения Ираклия, восстановив власть империи над святынями христианского Востока. По свидетельству Никиты Хониата, отправив в монастырь свою старшую дочь, Исаак исполнил то, что некогда «предполагала сделать еще царица Ксения по смерти своего супруга, царя Мануила Комнина».[56] Тем самым царевна Евфросиния с раннего детства воспринималась как «жертва Богу», принесенная ее отцом в память о другом великом правителе Византии. В честь Мануила Исаак назвал также одного из своих сыновей, которому собирался передать престол империи в обход старшего сына Алексея.[57]

Священная реликвия Честного Креста и драгоценный крест-реликварий с именем императора Мануила, полученные Романом в качестве приданого своей новой жены и унаследованные их потомками, несомненно, также должны были способствовать укоренению в Галицко-Волынской Руси культа Ираклия, возвратившего главную реликвию христиан из персидского плена.[58]

Так или иначе, наиболее вероятно, что имя Ираклия, тесно связанное с византийской церковной и светской традицией, попало в именослов русских князей под влиянием новой галицко-волынской княгини Евфросинии и связанных с ней провизантийских настроений. Подобным же образом это имя вошло, как мы видели, в именослов латинских патриархов Иерусалима под влиянием королевы Марии и провизантийской политики ее супруга, короля Амальрика.

Впрочем, нельзя исключать и другой возможности. Имя Ираклия возникло не в первом, а во втором поколении потомков Романа и Евфросинии, когда с момента заключения их брака прошло около двадцати лет. К этому времени многое изменилось как в жизни княжеской семьи, так и в истории всей Европы — уже не было в живых Романа Мстиславича, распалась созданная им держава и не существовало прежней Византийской империи со столицей в Константинополе.

По-видимому, имелся еще один весомый повод для появления у Рюриковичей столь необычного в их среде имени. И этот повод, как нам кажется, следует искать не на востоке, а на западе.

---

[55] *Tyerman Ch.* 1) England and the Crusades. 1095–1588. Chicago, 1996. P. 39; 2) God's war a new history of the Crusades. Cambridge, 2006. P. 216.

[56] Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 419. Русский перевод см.: *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 85.

[57] *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 814–815.

[58] *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 101–102.

Мы видели, что в эпоху крестовых походов, особенно в XII–XIII вв., имя византийского императора и христианского подвижника Ираклия приобрело чрезвычайно широкую популярность в Западной Европе и стало одним из символов всего крестового движения. К его подвигам постоянно апеллировали латинские проповедники новых крестовых походов, а его героический образ, поддерживаемый Римской церковью, широко отразился в произведениях литературы и искусства средневековой Европы.

В конце второго десятилетия XIII в. эпицентр европейского крестового движения вплотную приблизился к границам Галицко-Волынской Руси. Мы имеем в виду объявленный папой Иннокентием III (1198–1216) в ноябре 1215 г. на Четвертом Латеранском соборе новый Пятый Крестовый поход (1217–1221), одним из главных предводителей которого на первом этапе стал венгерский король Андрей II (1205–1235), некогда занимавший также княжеский стол в Галиче.[59]

На силы венгерских крестоносцев особую ставку сделал новый папа Гонорий III (1216–1227), предложивший королю Андрею в обмен на участие в крестовом походе свое содействие в получении трона Латинской империи. Незадолго до этого, в феврале 1215 г., Андрей женился на Иоланде де Куртенэ, племяннице латинского императора в Константинополе Генриха I, после смерти которого в июле 1216 г. венгерский король заявил о своих правах на константинопольский престол.[60]

Вспомнив об обете принять крест, данном еще его отцом королем Белой III, Андрей энергично принялся за дело. Он сумел собрать самую крупную королевскую армию за всю историю крестовых походов, насчитывавшую, по некоторым оценкам, до 20 тысяч рыцарей и их слуг и еще ок. 12 тысяч гарнизонных солдат. В конце августа 1217 г. венгерский король со своим войском прибыл в Сплит, где погрузился на предоставленные венецианцами суда, и в конце октября достиг Палестины. По пути к венгерской армии присоединились многочисленные отряды других крестоносцев — Жана де Бриенна (Иоанна Бриеннского), номинального короля Иерусалима, а также австрийского и баварского герцогов, короля Кипра, князя Антиохи, различных духовно-рыцарских орденов и др.[61]

После первых побед у армии крестоносцев начались различные затруднения, связанные с нехваткой припасов и постоянными разногласиями между предводителями, среди которых не было общепризнанного вождя. Кроме того, армия крестоносцев не получила вовремя необходимые ей катапульты и требуше, что предопределило неудачи предпринятых осад мусульманских крепостей, и в частности провал осады крепости на священной для христиан горе Фавор.[62]

Венгерский король Андрей, оправившись от внезапной болезни, постигшей его вскоре по прибытии в Палестину, стал требовать активизации боевых действий

[59] О пребывании Андрея на галицком столе см.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 281–296.

[60] *Lower M.* The Barons' Crusade: a call to arms and its consequences. Philadelphia, 2005. P. 75.

[61] *Van Cleve Th. C.* The Fifth Crusade // The later Crusades. 1189–1311 / Ed. by R. L. Wolff and H. W. Hazard; Gen. ed. K. M. Setton. Leiden, 2006 (A History of the Crusades. Vol. II).

[62] *Humphreys R. S.* From Saladin to the Mongols: the Ayyubids of Damascus. 1193–1260. Albany; New York, 1977. P. 157; *Pernoud R., Taylor H., Read P. P.* The Templars: knights of Christ. San Francisco, 2009. P. 74.

Ил. 140. Венгерский король Андрей II. Миниатюра из Иллюстрированной хроники середины XIV в. (Chronicon Pictum, или Chronica de Gestis Hungarorum), иногда называемой также Венской иллюстрированной хроникой или Хроникой Марка Кальти, по имени одного из составителей. Национальная библиотека им. Иштвана Сечени (Будапешт, Венгрия)

и нанесения удара общими силами крестоносцев по Дамаску. Однако совет баронов отклонил это требование, предложив взамен предпринять поход в Египет в надежде на помощь местного христианского населения. Оскорбленный Андрей в январе 1218 г. объявил о прекращении своего участия в походе и покинул Палестину. Более года он затем добирался домой через Киликийскую Армению, Иконийский султанат, Никейскую и Латинскую империи, а также Болгарию, проведя переговоры с императором Феодором I Ласкарем, армянским и болгарским царями Левоном II и Иваном II Асенем. Повсюду Андрей II предлагал заключать с ним династические союзы посредством браком с членами его семьи.[63] Во время пребывания в Никее, в конце 1218 г., венгерский король договорился о браке дочери Феодора Ласкаря Марии со своим сыном и наследником, будущим королем Белой IV; при этом сам Андрей едва не стал жертвой заговора, устроенного его двоюродными братьями, также находившимися в Никее.[64]

Во время отсутствия короля Андрея в Галицкой земле успели произойти важные события. В борьбу за галицкий стол вступил новгородский князь Мстислав Мстиславич Удалой (Удатный), который сумел выгнать из Галича сына Андрея Коломана (Кальмана), княжившего здесь с 1214 г.[65]

Вопрос о количестве и хронологии походов Мстислава на Галич остается одним из самых запутанных в виду неполноты и противоречий в сообщениях источников. Всего князь совершил не менее трех попыток овладеть Галичем, которые можно датировать 1215, 1217–1218 и 1221 гг.[66] Впервые Мстислав оказался на галицком столе в конце 1217 или начале 1218 гг., то есть в то время, когда венгерский король находился в палестинском походе. В конце 1219 г. Андрею в союзе с малопольским князем Лешком Белым удалось выбить Мстислава из Галича. Однако через некоторое время с помощью своего зятя Даниила Романовича Мстислав вернулся на галицкий стол.

---

[63] Подробнее см.: *Kristó Gy., Makk F.* Az Árpád-ház uralkodói. Könyvek, 1996; Korai Magyar Történeti Lexikon (9–14. század) / Főszerkesztő Gy. Kristó, szerkesztők P. Engel és F. Makk, Budapest, 1994.

[64] *Moravcsik Gy.* Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. P. 96.

[65] См.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 352–357; *Волощук М. М.* Венгерское присутствие в Галиции в 1214–1219 годах // ВИ. 2005. №12.

[66] Наиболее подробный обзор этого вопроса и реконструкцию событий борьбы за Галич в 1217–1221 гг. см.: *Головко О. Б.* Корона Данила Галицького. Волинь та Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 277–291. См. также: *Волощук М. М.* Венгерское присутствие в Галиции в 1214–1219 годах.

Его решающая битва с венграми, закончившаяся полной победой русского князя, состоялась 13–14 августа 1221 г.[67]

Из письма римского папы Гонория III королю Андрею, датированного 1222 г., становится ясным, что между Мстиславом и Андреем, вероятно, осенью 1221 г. был заключен мирный договор, по которому венгерский король соглашался признать права Мстислава на Галич. Условием такого согласия должен был стать брак дочери Мстислава и сына Андрея, также носившего имя Андрей, к которому после смерти русского князя должны были перейти все права на галицкий стол.[68]

Появление в это самое время у Мстислава Мстиславича внука по имени Ираклий, по-видимому, было не только данью византийским традициям, чтимым в семье Даниила Романовича, зятя Мстислава, но и откликом на союз с рыцарем Христа и одним из предводителей Пятого Крестового похода, венгерским королем Андреем II. Косвенным подтверждением этому может быть санкция на союз русского и венгерского правителей римского папы Гонория III, о которой говорится в упомянутом письме папы к королю Андрею.[69]

За долгие годы тесных контактов с венгерским королем личное пристрастие к крестоносному движению могло развиться и у самого Даниила Романовича. Вспомним, что свои детские годы он провел в Венгрии и получил воспитание при дворе короля Андрея.[70] Последний даже строил планы сделать Даниила своим наследником, женив его на собственной дочери.[71] По-видимому, у венгерского короля были весьма серьезные намерения вырастить из русского княжича своего надежного вассала.[72]

Тот факт, что именем Ираклия Даниил назвал своего старшего сына и вероятного наследника, «первенца», как именует его летопись, ясно свидетельствует, что Романович был настроен продолжать политику своего отца, поддерживавшего союзнические отношения не только с Византией, но и со странами Западной Европы. Даниил как бы посылал сигнал европейским государям о готовности участвовать в делах общеевропейской политики, важнейшим из которых по-прежнему оставалась защита и приумножение завоеваний христиан в Святой Земле. С именем Ираклия галицко-волынские князья готовы были следовать по пути великого византийского императора, чьи подвиги во имя Христа несколько столетий объединяли христиан Востока и Запада.

---

[67] *Грушевський М. С.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Т. 41. Львів, 1901. С. 17.

[68] VMH / Ed. A. Theiner. T. I. Roma, 1859–1860. Nr. 65. См. также: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 249.

[69] Текст письма в русском переводе (в извлечениях) см.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 349–350.

[70] ПСРЛ. Т. II. Стб. 719–723.

[71] Там же. Стб. 723.

[72] См.: *Волощук М. М.* «Угорське дитинство» князя Данила Романовича (1206–1210 рр.) // На вівтар історії України: Ювілейний зб. на пошану В. В. Грабовецького. Івано-Франківськ, 2008.

Глава тридцать третья

«...А МЬСТИСЛАВУ ДАСТЬ ВОЛОСТЬ О(Т)СКАЛАНА». МОГ ЛИ РУССКИЙ КНЯЗЬ БЫТЬ НАМЕСТНИКОМ ИМПЕРАТОРА МАНУИЛА В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ?[1]

Свидетельство Ипатьевской летописи в оценке исследователей. — Внешняя политика Иерусалимского королевства в 50–60-е гг. XII в.: союз с Византией и планы по разделу Египта. — Следы византийского присутствия в Аскалоне и на палестинском побережье Южной Кесарии во второй половине XII в. — Русско-палестинские связи в памятниках истории и культуры

В Ипатьевской летописи под 1163 г. сообщается о высылке владимиро-суздальским князем Андреем Боголюбским в Византию своей мачехи-гречанки, второй жены Юрия Долгорукого и, вероятно, родственницы Мануила I Комнина. Вместе с ней в ссылку отправились и трое ее сыновей, двум из которых император пожаловал земли: княжич Мстислав Юрьевич получил в управление палестинский город Аскалон («О(т)скалана»).[2]

Однако в рассматриваемое время византийский император не был правителем Палестины. Еще Н. М. Карамзин ставил под сомнение сообщение Ипатьевской летописи: Мануил не мог пожаловать русскому князю Аскалонской области, поскольку она принадлежала тогда иерусалимским королям.[3] Подобного взгляда придерживалась Е. Ч. Скржинская, отказываясь признавать в летописном названии *О(т)скалана* город Аскалон на сиро-палестинском побережье и трактуя его как «волость от Скалана», что могло указывать на какую-то горную или приморскую территорию в самой Византии.[4] Скептическое отношение к возможности

---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* Между Новгородом и Аскалоном: Из истории внешнеполитических и культурных связей русских князей со Святой Землей во второй половине XII в. // Вестник Удмуртского университета. Серия История. Вып. 1. 2011.

[2] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 521.

[3] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 345, примеч. 405.

[4] Выводы Е. Ч. Скржинской изложены в незаконченной и неопубликованной работе «Русские князья в Византии (XII в.) и вопрос об Отскалане», хранящейся в фонде Е. Ч. Скржинской западноевропейской секции Архива Санкт-Петербургского института истории РАН (Ф. 14. Оп. 1.

видеть в известии русской летописи указание на палестинский Аскалон высказывают и другие авторы.[5]

Между тем, вопрос о возможном владении сыном Юрия Долгорукого одним из городов в Святой Земле нельзя считать закрытым. Недавно О. Е. Этингоф высказала осторожное предположение о том, что «Мстислав Юрьевич в 1163 г. мог получить земельные владения в палестинском Аскалоне благодаря многосторонним родственным связям либо иметь возможность пребывать там в благоприятных условиях», поскольку император Мануил I «был чрезвычайно активен в Святой земле именно в этот период, а полномочия его <...> в Иерусалимском королевстве простирались довольно далеко».[6]

Ил. 141. Спас Нерукотворный. Новгородская икона. Вторая половина XII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия)

Вопрос об *О(т)скалане/Аскалоне* привлек внимание А. А. Гиппиуса в связи с реконструкцией «аскалонского эпизода» биографии древнего новгородского художника Олисея Гречина. По одной из гипотез, Олисей был главой артели изографов, создавшей фресковый ансамбль церкви Спаса на Нередице в 1199 г.; ему также приписывается авторство знаменитой новгородской иконы Спаса Нерукотворного (вторая половина XII в., Государственная Третьяковская галерея).[7] На территории принадлежавшей Гречину усадьбы и иконописной мастерской в Новгороде найдено множество предметов палестинского происхождения.[8]

Как предполагает А. А. Гиппиус, Олисей был сыном новгородского боярина Петра Михалковича, чья дочь Анастасия в 1156 г. стала женой Мстислава Юрьевича, княжившего тогда в Новгороде; вместе с мужем и братом она

Ед. хр. 51–54) (*Васильев А. Н., Климанов Л. Г.* Е. Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда) // Мир русской византинистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 476).

[5] *Мутафчиев П.* Избр. произведения: В 2 т. Т. 2. София, 1973. С. 185; *Житенев С. Ю.* История русского православного паломничества в X–XVII веках. М., 2007. С. 118.

[6] *Этингоф О. Е.* Византийские иконы VI–первой половины XIII века в России. М., 2005. С. 175–176. См. также: *Этингоф О. Е.* Заметки о греко-русской иконописной мастерской в Новгороде и росписях в Спасо-Преображенской церкви на Нередице // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О. Е. Этингоф. М., 2005. С. 117–118.

[7] *Гиппиус А. А.* К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси; *Лепахин В. В.* Образ иконописца в русской литературе XI–XX веков. М., 2005. С. 51. Ср.: *Вздорнов Г. И.* Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 268.

[8] *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

отправилась в ссылку в Византию и затем в Палестину.[9] По мнению Гиппиуса, к началу 1160-х гг. греческий император восстановил над Иерусалимским королевством «известного рода сюзеренитет» и в этой ситуации «пожалование им Аскалона своему русскому родичу (пусть и формальное) было не столь уж невозможным».[10]

Наиболее уязвимым звеном в построениях А. А. Гиппиуса является, на наш взгляд, предположение об установлении сюзеренитета императора Мануила над Иерусалимским королевством уже в начале 1160-х гг. Историк не смог привести ни одного факта, свидетельствующего о такой возможности. На этот недостаток справедливо указывает В. П. Степаненко: «Мануил никак не мог дать его (Аскалон. — *А. М.*) или землю в его окрестностях русскому князю, так как не владел данными территориями, входившими в домен короля Иерусалима. Не мог дать князю Аскалон и сам король, так как неизвестно ни одного случая передачи феода православному схизматику или армянину и тем более по рекомендации императора».[11]

Не вполне понятны также рассуждения А. А. Гиппиуса о «формальном» характере пожалования Аскалона Мстиславу. Может быть, автор имел в виду, что никакого действительного пожалования не было? Как видим, ситуация, возникшая по поводу «аскалонского вопроса» в новейшей литературе, требует более тщательного его рассмотрения.

* * *

Графство Яффы и Аскалона было одним из четырех главных вассалов Иерусалимского королевства. Оно возникло, по-видимому, во времена Готфрида Бульонского — первого правителя завоеванного крестоносцами Иерусалима, построившего в 1100 г. крепость в Яффе. Если Яффа стала одной из первых цитаделей крестоносцев в Палестине, то Аскалон, напротив, еще более полувека оставался в руках мусульманских правителей Египта и служил базой их военного флота, — именно из Аскалона совершались вражеские набеги на приморские поселения и южную часть Иерусалимского королевства. О том, что в начале XII в. город был во власти мусульман, представлявших серьезную опасность для паломников-христиан, свидетельствует русский игумен Даниил, посетивший тогда Святую Землю:

> ...и близь есть Асколонь град, выходять бо оттуду Срацини и избивають странныя на путехъ техъ, да ту есть боязнь велика, отъ места того входя въ горы.[12]

[9] *Гиппиус А. А.* К биографии Олисея Гречина.

[10] Там же. С. 105, 111–112, примеч. 6.

[11] *Степаненко В. П.* Олисей Гречин: между Новгородом и Аскалоном // Новгородская Земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии / Сост. Б. Б. Овчинникова. Ч. 1. Екатеринбург, 2009.

[12] Житье и хоженье Даниила, Русьскыя земли игумена. 1106–1107 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова // Православный Палестинский сборник. Вып. 3 и 9. СПб., 1885. С. 13.

Предводители крестоносцев неоднократно пытались различными способами захватить Аскалон. Чтобы блокировать город, король Фульк начал строить укрепленные замки в его окрестностях. Эта тактика нескоро принесла плоды: только в 1153 г. королю Балдуину III после длительной осады удалось овладеть Аскалоном. Тогда же город был пожалован младшему брату короля Амальрику, впоследствии также ставшему королем, который с 1151 г. являлся графом Яффы. Придя к власти, Амальрик включил графство Яффы и Аскалона в королевский домен.[13]

Ил. 142. Город Аскалон. Напольная мозаика. VIII в. Церковь Св. Стефана. Современный вид (Умм-эр-Расас, Иордания)

Взятие Аскалона — крупного морского порта и крепости вблизи дельты Нила — открывало для крестоносцев благоприятные возможности для экспансии в Египет, ослабленный в то время внутренними противоречиями. Однако воспользоваться результатами своей победы Балдуин III не смог, вступив в изнурительную борьбу с эмиром Халеба (Алеппо) и Дамаска Нур ад-Дином (Нуреддином). Нуреддин настойчиво пытался привести к власти в Египте своих ставленников, чтобы взять палестинские владения крестоносцев в кольцо враждебных им государств.[14]

Балдуин III и его преемник Амальрик I неоднократно обращались с призывами о военной помощи на Запад, не получив, однако, должной поддержки. Тогда правители Иерусалима сделали ставку на союз с Византией. Рассчитывая на помощь империи, Балдуин III в 1158 г. добился брака с племянницей Мануила I Феодорой Комниной. Своего рода платой за поддержку Византии, по мнению П. Магдалино, стало признание Балдуином политической зависимости от Мануила, с которым он связал себя отношениями foedus iniquum.[15] Такая форма международно-правовых отношений распространена со времен Римской империи и закреплена в римском праве. Договоры foedera iniqua ставили партнера в зависимое положение, когда он должен был признать господствующее положение Рима и обещать ему одностороннюю помощь.[16]

У Византии к тому же имелись свои виды на палестинские земли: в 1150 г. Мануил I приобрел права на графство Эдесское — первое государство крестоносцев в Святой Земле, а в конце 1158 г. внезапно занял армянскую Киликию

[13] Об истории графства см.: *La Monte J. L.* Feudal Monarchy in the Latin Kingdom of Jerusalem. 1100–1291. New York, 1970; *Tibble St.* Monarchy and Lordships in the Latin Kingdom of Jerusalem. 1099–1291. Oxford, 1989.

[14] *Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002. С. 67 и сл. См. также: *Семенова Л. А.* Из истории фатимидского Египта. Очерки и материалы. М., 1974. С. 142–144.

[15] *Magdalino P.* The empire of Manuel I Komnenos. 1143–1180. Cambridge; New York, 2002. P. 73–74.

[16] *Бартошек М.* Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989. С. 131.

и принудил правителя Антиохии Рене де Шатильона признать сюзеренитет Византии над Антиохийским княжеством — еще одним государством крестоносцев на Ближнем Востоке, возникшим во время Первого Крестового похода.[17]

Основной целью внешней политики иерусалимского короля Амальрика I стало завоевание Египта и недопущение захвата власти в этой стране Нуреддином. В 1163–1169 гг. Амальрик совершил не менее пяти походов в Египет, истощивших его силы, но не принесших окончательной победы. Угроза христианским поселенцам в Святой Земле со стороны мусульман усиливалась.[18] Амальрик неоднократно обращался к французскому и английскому королям Людовику VII и Генриху II с призывом к новому крестовому походу, однако в итоге в помощь ему прибыло лишь несколько незначительных отрядов. Исчерпав все возможности добиться помощи от Запада, Амальрик как и его предшественник должен был обратиться за помощью к Византии. В 1167 г. он женился на внучатой племяннице Мануила I Марии Комниной и так же, как Балдуин, должен был признать себя младшим партнером василевса в международных делах.[19]

Заключению брака предшествовали двухлетние переговоры, которые вели в Константинополе посланцы короля Одо де Сен-Аманд и архиепископ Кесарии Гернесий. Переговоры продолжились в Тире, куда летом 1167 г. прибыла невеста Амальрика в сопровождении двух послов императора — его двоюродного брата севаста Мануила Комнина и Георгия Палеолога. В начале 1168 г. в Тир прибыло второе византийское посольство во главе с Александром Гравиной и Михаилом Отрантским. Наконец, осенью 1168 г. с ответным посольством в Константинополь прибыл Вильгельм Тирский.[20]

Одним из главных пунктов длившихся несколько лет переговоров были условия совместных действий по завоеванию Египта. Положения франко-византийского договора 1168 г. предусматривали предоставление византийским императором военной помощи иерусалимскому королю в случае его войны с Египтом. По сообщению Вильгельма Тирского, взамен Мануил потребовал передачи ему части территории еще не завоеванной страны (то есть части территории Египта в случае его завоевания), а также части земель, уже завоеванных крестоносцами. Из «Хроники» Вильгельма Тирского явствует, что подобные требования византийцы выдвигали с самого

---

[17] *Степаненко В. П.* 1) Византия и гибель графства Эдесского (1150 г.) // Византийский временник. Т. 50. М., 1989; 2) Киликийский вопрос в международных отношениях в 50–70-х годах XII в. // Там же. Т. 52. М., 1991. См. также: *Бозоян А. А.* Восточная политика Византии и Киликийская Армения в 30–70-е годы XII в. Ереван, 1988.

[18] См.: *Mayer H. E.* Latins, Muslims and Greeks in the Latin Kingdom of Jerusalem // *Mayer H. E.* Probleme des lateinischen Königreichs Jerusalem. London, 1983; *Tyerman Ch.* God's War: A New History of the Crusades. Cambridge, 2006. P. 347–350.

[19] *Magdalino P.* The empire of Manuel I Komnenos. P. 74–75.

[20] *Степаненко В. П.* Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176). Свердловск, 1988. С. 167–168.

начала переговоров, в частности, они были высказаны в Тире посольством Александра Гравины.[21]

Какие именно завоеванные крестоносцами земли Амальрик обязался уступить Мануилу, Вильгельм Тирский не уточняет. В литературе на этот счет высказывались различные предположения. Некоторые авторы считают, что Амальрик согласился уступить Мануилу территорию Антиохийского княжества.[22] Однако, как справедливо замечает В. П. Степаненко, иерусалимский король не был правомочен решать судьбу княжества с византийским императором.[23] Мануил и без того с 1158 г., несомненно, считал себя сюзереном правителей Антиохии и если бы и стал требовать принесения ему повторного оммажа, то от этих последних, а не от иерусалимского короля.

Весьма вероятно, что частью завоеванных крестоносцами земель Палестины, уступки которой потребовал византийский император, был Аскалон с прилегающей округой. На это указывают несколько обстоятельств, и прежде всего — условия договора с Амальриком о разделе территории Египта. По свидетельствам Вильгельма Тирского и Иоанна Киннама, Мануил должен был получить прибрежную полосу вдоль Средиземного моря, тогда как иерусалимскому королю доставались внутренние районы страны.[24] Именно Аскалон стал базой византийского военного флота и сухопутной армии, присланных императором для завоевания Египта. Осенью 1169 г. из Византии сюда прибыли двести военных кораблей, и отсюда византийская армия начала наступление.[25]

Византийская армия и особенно флот должны были сыграть важнейшую роль в завоевании Египта. Собственный флот крестоносцев был слишком слабым и не мог соперничать с военным флотом Фатимидов, что в значительной мере определяло неудачи предыдущих попыток завоевания Египта.[26] Другой подходящей морской гавани, одновременно являвшейся военной крепостью, у границы этой страны тогда не было. Вполне закономерно, что если византийский император действительно потребовал от иерусалимского короля территориальных уступок в связи с готовящимся вторжением в Египет, то речь должна была идти об Аскалоне и его округе. Тем более что графство Яффы

---

[21] Willermi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // Requeil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie des inscriptions et belles lettres. Historiens occidentaux. T. I. Paris, 1844. P. 945–946.

[22] *Grousset R.* Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem. T. II. Paris, 1935. P. 509; *Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство. С. 72.

[23] *Степаненко В. П.* Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке... С. 168.

[24] Willermi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. P. 915–917; Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke. Bonnae, 1836. P. 279. См. также: *Favreau-Lilie M.-L.* Die Italiener Die Italiener im Heiligen Land vom ersten Kreuzzug bis zum Tode Heinrichs von Champagne (1008–1197). Amsterdam, 1989. S. 201–205. Nr. 145.

[25] Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum. P. 279–280; Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 159–168; Willermi Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. P. 926–934.

[26] *Mayer H. E.* The Crusades. Oxford; New York, 1990. P. 117–120.

и Аскалона в 1160-х гг. входило в домен иерусалимского короля, и, следовательно, Амальрик мог распоряжаться его судьбой.[27]

В пользу нашего предположения свидетельствует также тот факт, что графство Яффы и Аскалона и прежде неоднократно передавалось иерусалимскими королями во владение своим родственникам и союзникам, в чьей поддержке они были заинтересованы: в начале XII в. оно было пожаловано Гуго де Пюизе, кузену короля Балдуина II, а затем графу Альберту де Намюру.[28] Примечательно, что владетелями графства, как правило, становились родственники королей именно по женской линии. Так, в 1176 г. Балдуин IV пожаловал Яффу и Аскалон маркизу Вильгельму Монферратскому, ставшему мужем принцессы Сибиллы, а в 1180 г. графство получил ее второй муж Ги де Лузиньян.[29]

Переговоры о заключении династического брака и военного союза, направленного на завоевание Египта, начались между византийским императором и иерусалимским королем еще в 1165 г. с прибытием в Константинополь первого посольства короля Амальрика. Возможно, что уже тогда или вскоре после этого возник замысел передачи части палестинских владений крестоносцев, на которые претендовал василевс, — «волости О(т)скалана» — поступившему к нему на службу русскому князю Мстиславу Юрьевичу, состоявшему в родстве с Комнинами.

* * *

Можно с полной уверенностью говорить, что Аскалон после завоевания крестоносцами в 1153 г. и вплоть до захвата его войсками Салах ад-Дина (Саладина) в 1187 г. находился в орбите византийского культурного влияния и его христианское население принадлежало к православной (восточно-христианской) церкви.

Близ восточной стены средневекового Аскалона раскопаны фундаменты и остатки стен трехнефной одноапсидной базилики позднеантичного времени размерами 11 × 12,9 м, возведенной примерно в начале V в. Превращенная в мечеть в период арабского владычества, она была вновь перестроена как христианский крестово-купольный храм во второй половине XII в., то есть после завоевания города крестоносцами. После возвращения Аскалона под власть мусульман храм был полностью разрушен.[30]

В ранневизантийское время в Аскалоне было сооружено несколько христианских храмов, однако только один из них после периода арабского владычества

[27] *Tibble St.* Monarchy and Lordships in the Latin Kingdom of Jerusalem... P. 39.

[28] Ibid. P. 36–37.

[29] Ibid. P. 39. См. также: *Riley-Smith J. S. Ch.* The Feudal Nobility and the Kingdom of Jerusalem. 1174–1277. Hamden, 1973. P. 104, 106, 310–311 (Chronological Table).

[30] *Stern E., Levinzon-Gilbo'a A., Aviram J.* The New encyclopedia of archaeological excavations in the Holy Land. Vol. I. Jerusalem; New York, 1993. P. 112; *Lewin A.* The archaeology of Ancient Palestine and Judea. Los Angeles, 2004. P. 161.

был восстановлен крестоносцами. Большинство исследователей считает, что этот храм посвящался Деве Марии и носил латинское название St. Maria Viridis (Св. Мария Зеленая). В 939 г. храм был сожжен толпой религиозных фанатиков — мусульман и иудеев, а вскоре после этого превращен в мечеть, также известную под названием Зеленой Мечети.[31] Цветовое название храма, по-видимому, было связано с древней византийской традицией обозначения синим и зеленым цветами участников публичных состязаний на ипподроме, в которых смешивались религия и политика и начало которых восходит еще к языческим временам.[32]

Заметим, что после 1153 г. из всех древних христианских храмов Аскалона была восстановлена только церковь Св. Марии Зеленой, что, вероятно, указывает на особое значение этого храма.

Все исследователи отмечают парадоксальный факт. Отстроенная заново в период владычества крестоносцев церковь имела облик отнюдь не латинского, а типично византийского храма. Этот четырехколонный крестово-купольный храм заметно отличался от возведенных тогда же в Иерусалимском королевстве храмов латинской конгрегации. Православный характер аскалонской церкви еще более подчеркивается фресками, исполненными в типично византийской манере. О росписях храма, созданных после его восстановления в середине XII в., можно судить по случайно уцелевшим фрагментам в центральной части апсиды и двух боковых нишах.[33]

Лучше других сохранился фрагмент росписи, находившейся над епископской кафедрой в центральной апсиде. Здесь изображены фигуры четырех епископов, читающих греческие свитки, которые они держат в своих руках. Как устанавливает Василиос Цаферис — специалист по греко-латинской эпиграфике Службы древностей Израиля, каждый из изображенных на фреске свитков содержит извлечения из текстов гомилий Иоанна Златоуста.[34]

Сохранившиеся латинские грамоты Иерусалимского королевства позволяют установить, что сразу после завоевания Аскалона Балдуином III Зеленая Мечеть была отдана латинским каноникам храма Гроба Господня в Иерусалиме, вероятно, с целью преобразования ее в латинскую церковь. Однако затем церковь Святой Марии Зеленой была передана во владение Амальрика, взявшегося за ее восстановление. Исследователи недоумевают, почему латинский король восстановил главную церковь Аскалона как православную. Высказываются различные предположения, суть которых в основном сводится к тому, что Амальрик по каким-то причинам отдавал предпочтение местной православной общине в обход католической.[35]

---

[31] *Pringle D.* The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem. Vol. 1. A–C. Cambridge, 1993. Nr. 15. P. 63–64.

[32] *Stager L. E.* Eroticism and Infanticide at Ashkelon // Biblical archaeology Review. 1991. Juli–August. P. 51.

[33] *Benvenisti M.* The Crusaders in the Holy Land. Jerusalem, 1970. P. 129–130; *Mac Evitt Ch. H.* The crusades and the Christian world of the east: rough tolerance. Philadelphia, 2007. P. 124–125.

[34] *Stager L. E.* Eroticism and Infanticide at Ashkelon. P. 52.

[35] *Mac Evitt Ch. H.* The crusades and the Christian world of the east... P. 124.

Ил. 143. Руины церкви Св. Марии Зеленой в Аскалоне. Вторая половина XII в. Современный вид (Ашкелон, Израиль)

Собственно говоря, к моменту освобождения Аскалона из-под власти мусульман в нем уже не оставалось прежнего христианского населения. Разрушение старой церкви Св. Марии Зеленой и запрет мусульманских властей на ее восстановление привели к тому, что аскалонский епископ покинул город, перебравшись в Рамлу. Правительство Фатимидов целенаправленно проводило политику вытеснения христиан из Аскалона ввиду его стратегического положения на границе с Палестиной как ключевого рубежа обороны Египта от крестоносцев. В результате уже к концу XI в. Аскалон полностью лишился своих христианских жителей.[36]

Сказанное означает, что после освобождения Аскалона крестоносцами нужно было сызнова восстанавливать в нем христианское население. Без этого было бы невозможно использовать город как надежную базу для планируемого наступления в Египет. Аскалон имел такое же стратегическое значение для крестоносцев, как и для мусульман.

Стало быть, восстановленная церковь Св. Марии в Аскалоне предназначалась для нового христианского населения города. Последнее же должно было состоять преимущественно (если не исключительно) из христиан православного обряда, поскольку нет сведений о том, что в период между 1153 и 1187 г. в Аскалоне были построены или восстановлены еще какие-либо христианские храмы.[37]

[36] Ibid. P. 124–125.

[37] См.: *Pringle D.* The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem… Vol. 1. Nr. 14–24. P. 61–69.

Как полагает Х. Мак-Ивитт, восстановление церкви Св. Марии Зеленой в качестве центра православного культа может быть связано с усилившимся франко-византийским сближением 1160-х гг., выразившимся в браке короля Амальрика с византийской принцессой Марией Комниной: «Восстановленная церковь должна была стать ярким знаком нового христианского Аскалона. Ее откровенно византийский характер объявлял местным жителям и всем латинянам о франко-византийских дружественных отношениях и подчеркивал, что франкские правители Аскалона опираются на возрожденную восточнохристианскую (у автора «мелькитскую». — *А. М.*) общину».[38]

Мы готовы согласиться с выводами ученого, сделав следующее необходимое уточнение. На возрожденную православную (восточнохристианскую) общину Аскалона должны были опираться не столько франкские правители Иерусалимского королевства, сколько прежде всего император Византии Мануил, получивший этот город вместе с округой от короля Амальрика по условиям франко-византийского договора о совместном наступлении на Египет. Только под эгидой Византии в Аскалоне в кратчайшие сроки могло быть восстановлено христианское население, состоявшее из приверженцев православного обряда, а возрожденная греческими мастерами православная церковь Св. Марии стать «ярким знаком нового христианского Аскалона».

В 1160–1170-е гг. православное население, похоже, вообще стало преобладающим на палестинском побережье Южной Кессарии, не только в Аскалоне, но и в соседних Газе и Бетгибелине.[39] Газа оказалась в руках крестоносцев ок. 1150 г., когда иерусалимским королем Балдуином III была предпринята крупная военная экспедиция в район Аскалона. Тогда же в Газе была возведена крепость, охрану которой король поручил тамплиерам.[40] Другим опорным пунктом крестоносцев вблизи Аскалона стал Бетгибелин (совр. Бет-Гуврин). Этот древний город, известный со времен античности как Бетогабрия или Элевтерополь (Элиферополь), был отбит у мусульман еще королем Фульком, построившим здесь ок. 1136 г. крепость, переданную затем ордену госпитальеров.[41]

Сохранилась датированная 1173 г. грамота, в которой упоминается православный архиепископ Газы и Элевтерополя Мелетий (Μελέτιος, *Meletios*). Составленный на двух языках — греческом и латыни — документ, свидетельствует о соглашении, заключенном православным архиереем с великим магистром ордена госпитальеров Жосбертом, по которому Мелетий получал ранее принадлежавший ордену монастырь Св. Георгия в Бетгибелине.[42]

---

[38] *Mac Evitt Ch. H.* Crusaders and local Christian Communities in the Holy Land, 1097–1187 A. D. // Albright News. The W. F. Albright Institute of Archaeological Research. [Jerusalem,] 2003. Nr. 8. October. P. 16.

[39] *Mac Evitt Ch. H.* The crusades and the Christian world of the east... P. 114.

[40] *Mayer H. E.* Probleme des lateinischen Königreichs Jerusalem. S. 143, 151, 181.

[41] *Pringle D.* The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem. Vol. 1. P. 96–101.

[42] Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint Jean de Jérusalem (1100–1311) / Ed. J. Delaville le Roulx. T. I. Paris, 1894. P. 305–306. Nr. 443.

Примечательно, что во второй половине XII в. ни в Газе, ни в Бетгибелине, ни в Аскалоне, то есть практически на всей территории палестинского побережья Южной Кессарии, не было ни одного латинского епископа. Латинская епископская кафедра Аскалона в это время была перенесена в Вифлеем. Исследователи находят подобное положение совершенно неестественным, ведь назначение латинских епископов во вновь завоеванные крестоносцами районы играло ключевую роль в их интеграции в Иерусалимское королевство.[43]

По свидетельству Вильгельма Тирского, переданная тамплиерам Газа поначалу была необитаемым городом. Но под защитой построенного рыцарями замка город интенсивно рос, пока не был сожжен и разграблен Саладином в 1170 г. и окончательно им захвачен в 1187 г. При тамплиерах в Газе построена большая латинская церковь — ныне Пятничная мечеть. Одновременно была построена меньшая по размеру однонефная церковь. Ныне она располагается в традиционно христианском квартале города и посвящена св. Порфирию, являясь центром мелькитской общины Газы, как, вероятно, было и в XII в.[44]

По-видимому, активная деятельность тамплиеров по латинизации Газы в какой-то момент была остановлена и, так сказать, перекрыта более мощной волной православной колонизации. Нечто подобное, надо думать, произошло и в Бетгибелине, куда в 1173 г. после сожжения Газы войсками Саладина переехал православный архиепископ Мелетий — единственный христианский иерарх этих мест. Решительный поворот в сторону православной колонизации района Газы, Бетгибелина и Аскалона должен был произойти еще до 1167 г. В этом году папа Александр III даровал латинскому патриарху Иерусалима права и доходы со всех покинутых православными епископами областей Палестины, включенных теперь в латинский диоцез иерусалимского патриархата. Однако ни Газы, ни Бетгибелина/Элевтерополя, ни Аскалона в списке переданных папой под власть иерусалимского первосвященника кафедр не значится, хотя все они вполне соответствовали установленным папой критериям и в силу этого должны были подчиняться латинскому патриарху Иерусалима.[45]

По условиям упомянутого выше договора с госпитальерами, архиепископ Мелетий получал отстроенный рыцарями в Бетгибелине монастырь Св. Георгия с принадлежавшими ему храмами. В 1982 г. на территории современного еврейского кибуца Бет-Гуврин раскопана сооруженная крестоносцами в 30-х гг. XII в. базиликальная в плане большая трехнефная церковь с тремя полукруглыми апсидами. Два ряда квадратных столбов с характерными крестообразными уступами и приставленными по четырем сторонам колонками подчеркивают ее романо-готический облик. Этот храм был посвящен матери Девы Марии св. Анне, по одной из версий, жившей и похороненной в Элевтерополе. Свою церковь крестоносцы выстроили на руинах древней базилики Св. Анны, сооруженной еще в позднеантичное время, используя ее фундаменты и остатки стен.

---

[43] *Mac Evitt Ch. H.* The crusades and the Christian world of the east... P. 112–113.

[44] Ibid. P. 113.

[45] Ibid. P. 114.

Как видим, в 30–60-е гг. XII в. и в Газе, и в Бетгибелине велась активная деятельность и были вложены значительные материальные средства с целью латинизации и инкорпорации в Иерусалимское королевство этих вновь завоеванных крестоносцами мест. Возводимые здесь латинскими рыцарями монастыри и храмы предназначались, разумеется, отнюдь не для православного архиепископа и его паствы. Должны были произойти какие-то важные политические перемены, обусловившие изменение расстановки сил в районе палестино-египетского пограничья в пользу решительного преобладания здесь греко-православного элемента.

Очевидно, такие перемены были связаны с новым франко-византийским союзом. Совместное наступление на Египет, предпринятое осенью 1169 г., провалилось из-за постоянных разногласий и явного недоверия сторон друг к другу. Однако последовавшие затем новые поражения войск крестоносцев от мусульман вынудили короля Амальрика в 1171 г. лично совершить визит в Константинополь, во время которого он согласился признать себя вассалом византийского императора Мануила и полностью подчиняться ему в вопросах внешней политики.[46]

Тогда же, в начале 1170-х гг., и взошла звезда архиепископа Мелетия. Мелетий был монахом, а затем настоятелем монастыря Св. Саввы Освященного (Σάββα τοῦ Ἡγιασμένου) в Иудейской пустыне в окрестностях Иерусалима. Этот существующий по сей день монастырь на протяжении многих столетий оставался одним из главных центров византийского и греко-православного присутствия в Палестине. Настоятель такого монастыря в качестве архиепископа Газы и Элевтерополя оставался верным слугой византийского императора. Недаром, по условиям договора с госпитальерами, обитатели монастыря Св. Георгия и после смерти Мелетия, и даже в случае перехода монастыря под управление латинской церкви в своих молитвах должны были вечно поминать самого владыку Мелетия, а также византийского императора Мануила.[47]

* * *

Византийские и латинские письменные источники не содержат упоминаний о русском наместнике императора Мануила I в Аскалоне. Однако два следующих обстоятельства заставляют думать, что князь Мстислав Юрьевич все-таки побывал на Ближнем Востоке и его пребывание там было связано именно с Аскалоном, «волостью О(т)скалана», как свидетельствует Ипатьевская летопись.

Прежде всего, это — грамматическая форма названия Аскалона, использованная в Ипатьевской летописи: *О(т)скалана*. По верному замечанию

[46] См.: *Runciman S.* The visit of King Amalric I to Jerusalem in 1171 // Outremer. Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem. Jerusalem, 1982.

[47] Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint Jean de Jérusalem... T. I. P. 305–306. Nr. 443.

О. Е. Этингоф, такая форма гораздо ближе к арабскому *'Asqalan*, нежели *Ashkelon* на иврите, к которой восходит *Асколонь* у паломника Даниила.[48]

Две указанные формы одного и того же названия были заимствованы русскими людьми из различной языковой среды. Форма, представленная в Ипатьевской летописи, употреблялась преимущественно на неподконтрольных крестоносцам арабских землях, в том числе она, несомненно, использовалась арабским населением самого Аскалона.

Имеющиеся у нас материалы позволяют думать, что и возрождение православного Аскалона, а также его главной святыни — церкви Св. Марии Зеленой, должно было осуществляться при участии русского князя Мстислава как наместника византийского императора.

С Мстиславом Юрьевичем, крестильное имя которого, Федор, устанавливается исследователями с большой вероятностью,[49] связывается также упоминание о «Федоре Росе из рода василевсов» (Φεόδωρος Ῥὼς ἐκ φυλῆς βασιλέων) в греческой рукописи середины XIII вв., хранящейся ныне в Библиотеке Св. Марка в Венеции.[50]

Среди произведений известных византийских авторов упомянутая рукопись содержит анонимные стихотворные эпиграммы и «поэмы на случай» в духе исторических стихотворений византийского поэта XII в. Феодора Продрома, посвященные в основном событиям правления императоров Иоанна II и Мануила I Комнинов.[51] Одно из таких стихотворений — эпиграмма на драгоценный энколпион, хранящий священный камень Гроба Господня, принадлежавший Федору Росу.[52]

Пребывание Мстислава Юрьевича на востоке продолжалось, по-видимому, не одно десятилетие. Вероятнее всего, Мстислав возвратился на Русь накануне взятия Иерусалима Салах ад-Дином, то есть около 1187 г.

Н. М. Карамзин, а вслед за ним и некоторые другие историки считали, что этот князь не мог долго находиться ни в Византии, ни тем более в Святой Земле, поскольку всего через несколько лет после изгнания он вновь объявился на Руси: «Мстислав, по харатейным летописям, в 1166 г. удалился в Заволочье».[53]

---

[48] *Этингоф О. Е.* 1) Византийские иконы VI–первой половины XIII века в России. С. 175; 2) Заметки о греко-русской иконописной мастерской в Новгороде... С. 117. В большинстве известных ныне списков «Жития и хождения» Даниила название Аскалона читается в формах *Асколонь* и *Асколонъ* (Житье и хоженье Даниила... С. 13, примеч. 17), однако в списке, опубликованном Г. М. Прохоровым, читается *Аскалонь* («Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2007. С. 24).

[49] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 588.

[50] *Граля И.* «Федор рос» византийского кодекса середины XIII в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. / Отв. ред. Ю. Н. Афанасьев, А. П. Новосельцев. Ч. I. М., 1990.

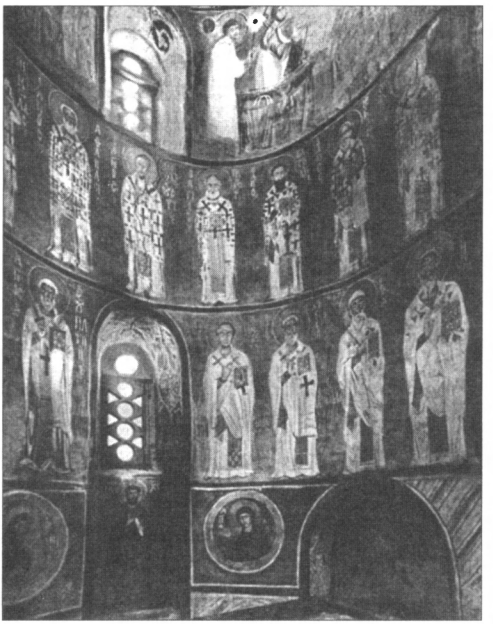
[51] *Шестаков С.* Заметки к стихотворениям Codicis Marciani gr. 524 // Византийский временник. Т. XXIV (1923–1926). Л., 1926.; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. II. Berlin, 1983. S. 225.

[52] *Бибиков М. В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004. С. 212, 650.

[53] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. С. 345, примеч. 405.

Карамзин имеет в виду, несомненно, известие Лаврентьевской летописи, сообщающей под 1166 г.: «Тое же зимы иде Мстиславъ за Волокъ».[54] Однако в данном известии имеется в виду другой князь — Мстислав Андреевич, сын Андрея Боголюбского.[55]

Вместе с князем Мстиславом на Русь вернулся и брат его жены Олисей Гречин, проведший молодые годы в Святой Земле и обучившийся там мастерству живописца. Вскоре Гречин появился в родном Новгороде и быстро прославился здесь как выдающийся иконописец. Его имя неоднократно упоминается в новгородских берестяных грамотах конца XII–начала XIII вв., а в 1193 г., по мнению некоторых исследователей, он даже претендовал на новгородскую архиепископскую кафедру.[56]



Ил. 144. Церковь Спаса на Нередице Роспись алтарной части. Конец XII в. Фотография 1930-х гг.

В. Л. Янин отождествляет Олисея Гречина с Гречином Петровичем, который, согласно летописному известию 1196 г., расписал несохранившуюся надвратную церковь Положения ризы и пояса Богоматери при выходящих на Волхов Пречистенских воротах новгородского детинца.[57] Многие современные исследователи считают Олисея Гречина одним из главных мастеров, исполнивших фресковую роспись церкви Спаса на Нередице под Новгородом.[58]

Видимо, не случайно сохранившиеся фрагменты фресковой росписи аскалонской церкви Св. Марии обнаруживают близкое сходство с росписями Нередицы, также сохранившимися в виде фрагментов.

В алтарной части церкви Спаса на Нередице расположены в два ряда огромные по размерам святительские чины, что не характерно для древнерусской

[54] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 353.

[55] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002. С. 171.

[56] *Янин В. Л.* К проблеме авторства нередицких фресок // Памятники культуры: новые открытия. 1987 г. Л., 1988; *Гиппиус А. А.* О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII в. // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004. С. 164–182.

[57] ПСРЛ. Т. III. М., 2000. См. также: *Янин В. Л., Колчин Б. А., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1977 года. М., 1978.

[58] *Янин В. Л.* К проблеме авторства нередицких фресок; *Этингоф О. Е.* Заметки о греко-русской иконописной мастерской в Новгороде...; *Гиппиус А. А.* К биографии Олисея Гречина.

традиции храмовых росписей. В средней части верхнего регистра центральной апсиды Нередицкой церкви видны фронтально стоящие фигуры трех святителей в крестчатых ризах сложного орнаментального рисунка с Евангелиями, которые они симметрично держат обеими покровенными руками строго вертикально перед грудью.

По мнению О. Е. Этингоф, это изображение имеет явные параллели в восточнохристианском искусстве XII в. В частности, оно близко напоминает изображение четырех епископов в таких же позах и облачениях, помещенное в среднем регистре левой створки тетраптиха из монастыря Св. Екатерины на Синае, датируемого концом XII в.[59]

[59] *Этингоф О. Е.* Заметки о греко-русской иконописной мастерской в Новгороде... С. 129.

АТРИБУТЫ И СИМВОЛЫ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ В XIII в.

Глава тридцать четвертая

ХОЛМСКИЙ МОНУМЕНТ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ГАЛИЧИНЫ И ВОЛЫНИ

Как выглядел каменный «столп» у въезда в город Холм. — Орел в литературных памятниках и территориальной символике Галицко-Волынской Руси. — Свидетельства хроники Ульриха фон Рихенталя. — Данные немецких и польских источников XVI–XVIII вв. — Печать Луцкого повета 1589 г.

По сообщению Галицко-Волынской летописи, помещенному под 1259 г., на расстоянии одного поприща от Холма (несколько более 1 км) сыном Романа Мстиславича Даниилом был возведен весьма примечательный архитектурный объект, называемый летописцем «столпом», увенчанным изваянием орла:

> Стоить же столпъ поприща от город каменъ, а на немь — орелъ каменъ изваянъ. Высота же камени — десяти лакотъ, с головами же и с подножьками — 12 лакотъ.[1]

Как считают комментаторы новейшего переиздания Галицко-Волынской летописи, в приведенном отрывке упоминается один из «хорошо укрепленных замков», возведенных на подступах к городу Холму.[2] Между тем, еще Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт обратили внимание на то, что указанная летописцем высота в 10–12 локтей (это — примерно 4,56–5,52 м[3]) для оборонительной башни-донжона замка недостаточна (средняя высота подобных башен на Западной Волыни в 3-4 раза превышает эти значения). Вероятнее всего, летописец в данном случае ведет речь о скульптурном монументе, изображающем орла на высоком постаменте в виде колонны.[4]

---

[1] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 845.

[2] Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 312. См. также: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 155.

[3] *Каменцева Е. И, Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1965. С. 18.

[4] *Раппопорт П. А.* Волынские башни // МИА СССР. № 31. М., 1952. С. 215; *Воронин Н. Н.* Архитектура // История русского искусства. Т. I. М., 1953. С. 314; *Артамонов Ю. А.* Княжеская символика в архитектуре древнего Холма // Столичные и периферийные города Руси и России

Исследователи давно заметили, что орел на столпе близ Холма был двуглавым, на что указывает грамматическая форма множественного числа выражения «с головами», используемого летописцем. На наш взгляд, нет достаточных оснований для предположения о том, что холмский орел имел три или более голов.[5] Еще А. В. Соловьев справедливо отводил такого рода гипотезы, указывая, что «подобные чудовища совершенно неизвестны в европейском искусстве», а посему упомянутый в летописи орел мог быть только двуглавым.[6]

По всей видимости, холмский монумент воспроизводил византийского двуглавого орла, который мог стать неким новым символом власти галицко-волынского князя.[7]

Летопись точно называет архитектора, прибывшего в Галицко-Волынскую Русь из Византии и воздвигшего собор в Холме, — это «хитрец Авдий».[8] Возможно, что названный грек являлся также и автором сооруженного при въезде в Холм монумента с символом императорской власти, призванным свидетельствовать могущество православного русского князя.

Оригинальную трактовку летописного описания монумента с орлом близ Холма предлагает В. С. Александрович. Отвергая все высказанные ранее интерпретации как «фантастические», он утверждает, что открыл подлинный смысл описания монумента, который «однозначно вытекает» из слов летописца, оставшихся непонятыми другими исследователями. Согласно Александровичу, упоминаемые летописцем «головы» и «подножки» имеют отношение не к фигуре орла, венчавшей монумент, а к монументу вообще. Последний, таким образом, представлял собой некую колонну («столп») высотой в десять локтей

в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Тез. докл. науч. конф. (Москва, 3–5 декабря 1996 г.) / Редкол.: А. Л. Хорошкевич, А. В. Юрасов. М., 1996. С. 22; *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV вв. Каталог памятников. СПб., 2000. № IV.18. С. 140.

[5] *Данилевский И. Н.* Сколько голов у двуглавого орла? // Норна у источника судьбы: Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001.

[6] *Соловьев А. В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне // Signum / Центр гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории РАН / Отв. ред. А. П. Черных. Вып. 4. М., 2009. С. 154.

[7] *Иловайский Д. И.* Даниил Романович Галицкий и начало Холма // Памятники русской старины в западных губерниях / Изд. П. Н. Батюшковым. Вып. 7. СПб., 1885. С. 4; *Петрушевич А.* О городе Галиче за Луквой // Вестник Народного дома. Ч. 52. Львов, 1887. С. 467; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. Київ, 1992. С. 382; *Некрасов А. И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII вв. М., 1936. С. 75; *Софроненко К. А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 6; *Крип'якевич І.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. С. 154; *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля: Рождественский собор. XIII век. М., 1975. С. 173; *Гречило А.* Територіальні символи Галицько-Волинської держави другої половини XIII–початку XIV століть // ЗНТШ. Т. 240. Львів, 2000. С. 260–261; *Дашкевич Я.* Галицько-волинські землі на перехресті орієнтацій: Захід, Русь, Схід (кінець X–середина XIV ст.) // Українські землі часів короля Данила Галицького: церква і держава. Статті й мат-ли. Львів, 2005; *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 487; *Однороженко О. А.* Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. Харків, 2009. С. 4.

[8] ПСРЛ. Т. II. Стб. 843–844.

с высеченным на ней орлом в виде некоего рельефа; колонна была установлена на ступенчатом постаменте («подножках») и увенчана высеченными из камня человеческими «головами», повернутыми в разные стороны; «головы» и «подножки» добавляли к высоте монумента еще два локтя.[9] В качестве ближайшей аналогии такого сооружения Александрович указывает описанные холмским летописцем внутренние колонны церкви Иоанна Златоуста в Холме с капителями в виде человеческих голов.[10]

Однако при подобном направлении мысли исследователя ряд ключевых элементов летописного описания холмского монумента, имеющих важное значение для его восприятия, остались им незамеченными или были намеренно искажены. Прежде всего летописец иначе, чем представляет себе Александрович, описывает изображенного на монументе орла: «орелъ каменъ изваянъ». «Изваянъ» — краткая форма причастия страдательного залога прошедшего времени, которая соответствует в современном русском языке понятию *изваянный*.[11] Это значит, что в понимании холмского летописца «изваять» орла из камня на «столпе» означало примерно то же самое, что и для современного читателя — создать объемное скульптурное изображение птицы, венчающее собой колонну («столп»).

Выражение «изваянъ» не соответствует предполагаемому Александровичем изображению на плоскости в виде какого-нибудь рельефа, высеченного где-то на самой колонне. В этом легко убедиться, если рассмотреть случаи употребления аналогичных выражений («изваяно», «изваяна») холмским летописцем в непосредственно примыкающих к описанию монумента с орлом сообщениях о строительстве и украшении холмских храмов. Как мы уже видели, описывая поддерживаемые колоннами перекрытия церкви Иоанна Златоуста в Холме, летописец говорит о «четырехъ головахъ человецскихъ, изваяно отъ некоего хытречь».[12] В другом месте он упоминает доставленную из Венгрии чашу «мрамора багряна, изваяноу моудростью чюдноу».[13]

Разумеется, что и человеческие головы, и мраморная чаша — объемные предметы, высеченные из камня, то есть изваянные рукой искусного мастера как пространственные объекты. Таким же объемным предметом, скульптурой был и изваянный из камня орел, стоявший на колонне при въезде в Холм. Фигура орла должна была располагаться именно на вершине монумента, поскольку никаким иным образом расположить объемную скульптуру на пьедестале в виде колонны невозможно.

---

[9] *Александрович В.* Літописний монумент з орлом поблизу Холма // Фортеця: Зб. заповідника «Тустань»: на пошану Михайла Рожка / Відп. ред. Ю. Лукомський. Львів, 2009.

[10] ПСРЛ. Т. II. Стб. 843. Объяснение летописного описания и архитектурные аналоги см.: *Иоаннисян О. М.* Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство. Художественная культура X–первой половины XIII в. / Отв. ред. А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М., 1988. С. 54–56.

[11] СлДРЯз XI–XIV вв. Т. III. М., 1990. С. 467.

[12] ПСРЛ. Т. II. Стб. 843.

[13] Там же. Стб. 845–846.

Следует обратить внимание также на летописный термин «подножьки», используемый при описании холмского монумента. Такой термин совсем не подходит для обозначения основания массивного каменного сооружения пятиметровой высоты. В памятниках древнерусского языка это выражение в грамматической форме множественного числа употребляется в значении «ножки, стойки (у мебели, утвари)».[14] В контексте интересующего нас описания выражение «подножьки», несомненно, более соответствует ножкам, на которых стояла сравнительно небольшая (по отношению ко всему монументу) фигура орла, венчавшая собой колонну, нежели основанию всего сооружения.

Греческий мастер, воздвигший колонну, увенчанную фигурой орла, при въезде в новую столицу Галицко-Волынской Руси, в своей работе должен был ориентироваться на какие-то известные ему архитектурные образцы. Такие образцы скорее всего следует искать в самой Византии и прежде всего в столице империи.

И действительно, к числу главных достопримечательностей византийской столицы на рубеже XII–XIII вв. относили установленную на ипподроме колонну, на вершине которой красовалась фигура расправившего крылья орла. Ее подробное описание находим в «Книге о статуях города Константинополя», приписываемой Никите Хониату:

> Был еще в ипподроме медный (или бронзовый. — *А. М.*) Орел — изобретение Аполлония Тианского и великолепное создание его волшебства. <...> [Аполлоний] поставил на столпе изображение орла — восхитительное произведение художественного искусства, любуясь которым, нельзя было оторвать глаз и поневоле приходилось остаться прикованным к месту, подобно тому, кто, начав слушать пение сирен, хотел бы уйти от них прочь. Орел расширил крылья, как будто желая взлететь, между тем под его ногами лежал свившийся в кольца Змей, который не пускал его подняться вверх и, уткнув голову в его крыло, по-видимому, хотел его ужалить.[15]

Вызывавшая всеобщее восхищение скульптура была выполнена с таким необыкновенным искусством, что создание ее не могло считаться делом рук простого ваятеля и приписывалось волшебству Аполлония Тианского — древнего мага и философа. Описанная Хониатом композиция изображала поединок орла со змеей — один из излюбленных сюжетов византийского искусства. Дальнейшая судьба этого выдающегося произведения неизвестна. По-видимому, колонна была разрушена, а венчавшая ее статуя уничтожена крестоносцами, захватившими Константинополь в 1204 г.[16]

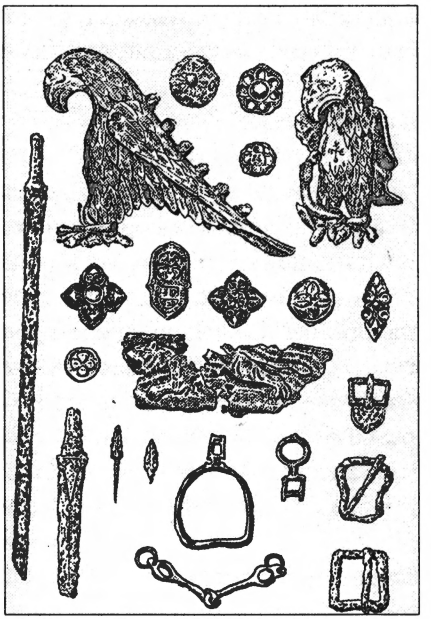
---

[14] СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 12.

[15] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 435. Оригинальный текст см.: Nicetae Choniatae De Signis Constantinopolis // Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 651.

[16] *Grosvenor E. A.* The hippodrome of Constantinople : and its still existing monuments. [S. l.], 1889. P. 13 sqq.; *Dawkins R.* Ancient Statues in Mediaeval Constantinople // Folk-Lore: a quarterly review of myth, tradition, institution, & custom, being the Transactions of the Folk-lore society, and incorporating

Специальное исследование по выявлению в византийском искусстве ближайших параллелей к описанному Хониатом константинопольскому изваянию провел в свое время Л. А. Мацулевич. Одной из них историк считает серебряную статуэтку, изображающую торжество орла над змеей, найденную в 1930 г. при строительстве Днепрогэса в древнем захоронении у с. Вознесенки (Нескребовки; ныне в черте г. Запорожье) Сравнительно мало затронутая огнем погребального костра, статуэтка представляла собой отлитое по восковой модели и полое внутри навершие древка боевого знамени воинского отряда.[17]



Ил. 145. Вещи из погребального сооружения у с. Вознесенки вблизи днепровских порогов. VI–VIII вв. Днепропетровский исторический музей им. Д. И. Яворницкого (Днепропетровск, Украина)

Согласно римским и ранневизантийским представлениям, встреча орла со змеей несла смерть обоим. Однако в дальнейшем смысл этого сюжета меняется: орел становится победителем в схватке со змеей, которой он не оставляет шансов поразить себя ядовитым жалом. В средневековых изображениях (особенно после X в.) орел представлен во все более декоративных и вычурных позах и вместо одной приобретает две головы. Таковы рельефы двуглавого орла в Димитриаде, рельеф на шкатулке из Терначины, на резных дверях в Охриде.[18]

Очевидно, именно такого двуглавого орла, попирающего поверженного им змея, изобразил греческий ваятель на колонне при въезде в Холм. По-видимому, эта традиционная для византийского искусства композиция была не вполне ясна для древнерусского летописца, принявшего кольца змеи в лапах орла и ее поднятую голову в тщетной попытке ужалить птицу под крыло за некие «подножки», дополнительно поддерживающие фигуру орла.

Таким образом, общий смысл летописного описания монумента таков: на каменной колонне высотой в десять локтей стоит изваянный из камня орел;

---

the Archæological review and the Folk-lore journal. Vol. 35. London, 1924. P. 234; *Guberti Bassett S.* The Antiquities in the Hippodrome of Constantinople // DOP. Vol. 45. Washington, 1991. P. 91.

[17] *Мацулевич Л. А.* Войсковой знак V в. // ВВ. Т. XVI. М., 1959. См. также: *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Т. III. Київ, 1950; *Амброз А. К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

[18] *Кондаков Н. П.* Македония. СПб., 1909. Табл. III; *Kitzinger E.* Early Medieval Art in the British Museum. London, 1955. P. 58. Tabl. 34.

общая высота сооружения, включая орла с головами и подножками (то есть всю его фигуру), — двенадцать локтей.

* * *

Использование образа двуглавого орла в архитектурном декоре Древней Руси — явление совершенно уникальное. Почти то же самое можно сказать и в отношении древнерусских изображений двуглавого орла вообще: известны лишь единичные подобные случаи, например изображения двуглавой птицы на бляшке из Гнездовского кургана (X в.)[19] или в росписи южных Златых врат собора Рождества Богородицы в Суздале (30-е гг. XIII в.).[20] Зато двуглавый орел был известен в византийской, болгарской и сербской каменной декоративной резьбе.[21]

Галицко-Волынская летопись еще раз обращается к образу орла в качестве особого символического покровителя галицкого князя. В рассказе о битве под Ярославом 1245 г. летописец помещает описание знамения, которое не имеет аналогов в древнерусской летописной традиции:

> Бывшоу знамению сице надъ полкомъ (Даниила Романовича. — *А. М.*): сице пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболокоу великоу. Играющимъ же птичамъ, орлом же клекьщоущимъ и плавающимъ криломъ своими и воспрометающимъся на воздоусе, якоже иногда («никогда», по Хлебниковскому списку. — *А. М.*) и николи же не бе. И се знамение не («не» в Хлебниковском списке отсутствует, что более соответствует общему смыслу сообщения. — *А. М.*) на добро бысть.[22]

Примечательно, что повесть о Ярославской битве, так же как и сообщение о каменном «столпе» с орлом, имеет холмское происхождение.[23]

Можно с уверенностью говорить, что образ двуглавого орла в качестве некоего геральдического знака на несколько столетий закрепился на западных окраинах Галицко-Волынской Руси. Изображение коронованной двуглавой птицы в XV–XVIII вв. использовалось как своего рода территориальный символ Перемышльской земли.

Так, по сведениям Яна Длугоша (1415–1480), на знамени участвовавшего в Грюнвальдской битве 15 июля 1410 г. полка Перемышльской земли был изображен желтый двуглавый орел на лазурном поле. В перечне полков польских, литовских и русских земель, участвующих в битве, перемышльский полк (хоругвь) значится на четырнадцатом месте после полка Галицкой земли:

---

[19] *Кулаков В. И.* Предшественники эмблемы Византии // Гербовед. М., 1994. № 5–6. С. 10.

[20] *Вагнер Г. К., Воробьева Е. В.* Архитектурный декор Руси X–XIII веков // Древняя Русь: Быт и культура / Отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М., 1997 (Археология). С. 200.

[21] См.: *Дероко А.* Монументална и декоративна архитектура у средњевековној Србији. Београд, 1985. С. 84, 226, 230.

[22] ПСРЛ. Т. II. Стб. 802.

[23] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 85.

Четырнадцатая хоругвь, земли Пшемысльской, имела на знамени желтого орла с двумя головами, повернутыми равномерно в разные стороны, на лазурном поле.[24]

Похожее изображение отмечено в «Хронике Констанцского собора», написанной немецким купцом Ульрихом фон Рихенталем.[25] Его известия о Юго-Западной Руси, а также сопровождающий их разнообразный иллюстративный материал требуют более внимательного рассмотрения.

* * *

Исполнявший должности секретаря городского совета и епископского нотариуса Ульрих фон Рихенталь (ок. 1366–ок. 1437) был приглашен в качестве письмоводителя к работе XVI Вселенского собора католической церкви, проводившегося в швабском городе Констанце (на берегу Боденского озера) с 1414 по 1418 гг. и знаменитого смертным приговором, вынесенным Яну Гусу (1415). Составленная Рихенталем ок. 1420 г. хроника представляет значительный интерес как свидетельство очевидца, пользовавшегося практически всей полнотой информации о происходящих событиях. Написанная первоначально по-латыни, хроника затем была переведена на средненемецкий язык и сохранилась только в этом переводе в нескольких заметно отличающихся друг от друга списках.[26]

Хроника Рихенталя особенно интересна для нас тем, что содержит одно из самых ранних в европейской литературе упоминаний о Червонной Руси, определяемой здесь как территория, входившая в состав русских земель и лежащая между «Правой» и «Белой» Русью («Das ruschiß land: recht Rußen, rot Rußen, wiß Rußen»).[27] Среди участников собора Рихенталь называет неких представителей «королевства Червонной Руси» (das küngrich von rot Rußen),[28] в дальнейшем в хронике также упоминаются некий «герцог Червонной Руси» (der hertzog von roten Rüßen)[29] и некий «герцог Федор Смоленский в Червонной Руси» (der hertzog

[24] *Ioannis Dlugossii.* Historiae Polonicae libri XII // Joannis Dlugossii senioris canonici Crakoviensis opera omnia / Ed. A. Przeździecki. T. XIII. Cracoviae, 1877. P. 39. Русский перевод см.: *Ян Длугош.* Грюнвальдская битва / Пер. с лат. Г. А. Стратановского. СПб., 2007. С. 89.

[25] См.: *Майоров А. В.* Немецкие хроники XV в. о геральдических знаках Галицкой и Волынской земель // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/ Танненберге). Мат-лы Междунар. науч. конф. 22–24 октября 2010 г. / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб., 2010.

[26] Из работ, посвященных хронике Рихенталя, см.: *Buck T. M.* Fiktion und Realität. Zu den Textinserten der Richental-Chronik // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. Bd. 149. 2001; *Wacker G.* Ulrich Richentals Chronik des Konstanzer Konzils und ihre Funktionalisierung im 15. und 16. Jahrhundert. Aspekte zur Rekonstruktion der Urschrift und zu den Wirkungsabsichten der überlieferten Handschriften und Drucke. Kassel, 2002.

[27] *Ulrich von Richental.* Chronik des Constanzer Concils 1414. bis 1418. / Hrsg. von M. R. Buck // Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart. Bd. CLVIII. Tübingen, 1882. S. 50–51. См.: *Schramm G.* Die Herkunft des Namens Rus'. Wiesbaden; Berlin, 1982. S. 51–52.

[28] *Ulrich von Richental.* Chronik des Constanzer Concils 1414. bis 1418. S. 50–51.

[29] Ibid. S. 139, 206.

Ил. 146. Первое печатное издание «Хроники Констанцского собора» Ульриха Рихенталя. Аугсбург, 1483. Библиотека Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Fedur von Schmolentzgi in roten Rüßen).[30] Второе упоминание представителей Червонной Руси связано с прибытием в Констанц 19 февраля 1418 г. большой делегации западнорусской православной церкви во главе с киевским митрополитом Григорием Цамблаком (1415–1420), уполномоченной для участия в католическом соборе великим князем Литовским и константинопольским патриархом. В состав этой делегации, насчитывавшей тридцать человек, входили не названный по имени князь Червонной Руси, а также смоленский князь Федор Юрьевич.[31]

Некоторые рукописи хроники Рихенталя снабжены раскрашенными иллюстрациями, представляющими сцены из работы собора (в том числе казнь Яна Гуса), а также гербы его участников, — всего более тысячи изображений.[32] На одной из миниатюр представлена сцена православной литургии, совершенной Григорием Цамблаком 19 февраля 1418 г. в присутствии всех православных участников собора.[33]

Впервые хроника Рихенталя была издана еще в 1483 г. одним из первых немецких типографов Антоном Зоргом (работал в Аугсбурге в 1475–1498 гг.) и стала самой известной его работой — выдающимся произведением книгопечатания.[34] Текст, изданный Зоргом, воспроизводит сравнительно поздний список хроники,

[30] Ibid. S. 207.

[31] См.: *Бегунов Ю. К.* К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака // СС. 1981. № 3.

[32] *Кир К.* Ulrich von Richental's Chronicle of the Council of Constance. New York, 1936. P. 20.

[33] *Uolrich Richental.* Concilium ze Costenz 1414–1418. Lichtdruck von L. Baeckmann in Karlsruhe, Grossherzogstum Baden / Auflage von H. Sevin. Karlsruhe, 1881. S. 276–277.

[34] Фототипическое воспроизведение см.: *Ulrich von Richental.* Consiliumbuch. Augsburg: Anton Sorg, 1483. Potsdam, 1923.

составленный в 1467 г. Гебхардтом Дахером, и сопровождается значительным количеством выполненных на дереве гравюр, большинство которых раскрашено от руки. Помимо сюжетных гравюр, в книге помещены гербы всех присутствовавших или представленных на соборе лиц. В доступном нам экземпляре «Хроники» издания 1483 г. (хранящемся ныне в Библиотеке Эрмитажа) насчитывается 1059 изображений гербов, что позволяет считать это издание первым известным печатным гербовником.[35]

На одной из миниатюр первого печатного издания хроники Рихенталя можно видеть также герб безымянного «короля Галиции», к которому относится сообщение о том, что для участия в соборе прибыло:

> от светлейшего высокородного князя [и] короля Галиции полномочное великое посольство.[36]

Герб «короля Галиции» представлен в виде увенчанного короной щита с продольными голубыми полосами на белом фоне. Этот же герб изображен на миниатюре Констанцской рукописи хроники Рихенталя, составленной в 1460-х гг. и принадлежащей Росгартенскому музею в Констанце.[37]

Однако в более ранних рукописях хроники Констанцского собора упоминание о «короле Галиции», как и изображение его герба, отсутствует. К таким рукописям, отражающим первую редакцию хроники, относится прежде всего Олендорфский кодекс из библиотеки графа Густава из Кёнигсегг, составленный в 1438–1450 гг. В этой рукописи, как уже отмечалось, упоминается только безымянный князь Червонной Руси и помещается его герб в виде поделенного надвое черно-белого щита с тремя крестами в верхней половине и двуглавым орлом — в нижней.[38] Такое же изображение есть и в Констанцской рукописи хроники, отражающей вторую редакцию памятника.[39] Немецкая надпись под рисунком поясняет, что это — герб

> высокородного благородного князя Червонной Руси.[40]

Публикация в 1881–1882 гг. полного текста Олендорфской рукописи хроники Рихенталя, включая фотографическое воспроизведение всех ее миниатюр,

---

[35] «Орлы и львы соединились...» Геральдическое художество в книге: Каталог выставки / Науч. ред. Г. В. Вилинбахов, Е. А. Яровая. СПб., 2006. № 45. С. 89.

[36] «...von dem durchleuchtigen hochgebornen fürsten kunig von Galitzia en machtige grosse bottschaft».

[37] *Uolrich Richental.* Das Konzils ze Konstanz. 1414–1418. Bd. I. Faksimile-Ausgabe der Handschriften im Rosgarten Museum zu Konstanz. Starnberg; Konstanz; Stuttgart, 1964. Bl. CXI versol.

[38] *Uolrich Richental.* Concilium ze Costenz 1414–1418. Lichtdruck von L. Baeckmann in Karlsruhe, Grossherzogstum Baden. S. 485.

[39] *Uolrich Richental.* Das Konzils ze Konstanz. 1414–1418. Bd. I. Faksimile-Ausgabe der Handschriften im Rosgarten Museum zu Konstanz. Bl. CXI versol.

[40] «Von dem hochgebornen edlen herczogen von roten Reussen».

сделала содержащиеся в ней изображения гербов участников Констанцского собора, отсутствовавшие в издании 1483 г., предметом тщательного анализа специалистов по истории европейской и в частности польской геральдики. Появляющийся здесь герб Червонной Руси Ф. Пекосинский относит к числу литовских гербов, то есть территориальных гербов русских земель в составе Великого княжества Литовского. Историк дает ему следующее описание: поделенный надвое щит с тремя красными крестами в верхнем серебряном поле и с золотым двуглавым орлом в нижнем черном поле.[41] Этим описанием Пекосинского пользуются и новейшие авторы.[42]

* * *

Рисунок из хроники Рихенталя, вероятно, является древнейшим сохранившимся изображением двуглавого орла на гербе Галицко-Волынской (Червонной) Руси. Благодаря популярности этого произведения, переизданного в Аугсбурге Генрихом Штайнером в 1536 г.,[43] а также разошедшегося во множестве списков, двуглавый орел стал восприниматься в Западной Европе как геральдический знак Червонной Руси. С небольшими изменениями (с добавлением короны и некоторым изменением формы щита) рисунок из Олендорфской и Констанцской рукописей хроники Рихенталя воспроизводится в «Малом гербовнике» (Wappenbüchlein) известного немецкого гравера и книжного иллюстратора Вергила Солиса (1514–1562), изданном в Нюрнберге в 1555 г.: здесь он представлен как герб «герцогства Червонной Руси» (Herczogen von Roten Revse).[44]

По-видимому, изображение двуглавого орла под короной могло считаться официальным гербом Перемышльской земли в составе Польского королевства со времени образования Русского воеводства (ок. 1434), в которое вошла Перемышльская земля.

Именно такое изображение фиксируется в «Хронике» Мартина Бельского (1494–1575), первым среди польских средневековых историков перешедшего с латыни на родной язык. Перечисляя в начале первой книги своей «Хроники» (написанной ок. 1550 г.) польские и русские воеводства и земли Польского королевства, в составе Русского воеводства Бельский называет Перемышльскую землю, «которая несет на хоругви своей орла о двух головах в короне, на голубом поле».[45]

В польских печатных гербовниках начиная со второй половины XVI в. двуглавый орел с распростертыми крыльями под короной постоянно фигурирует

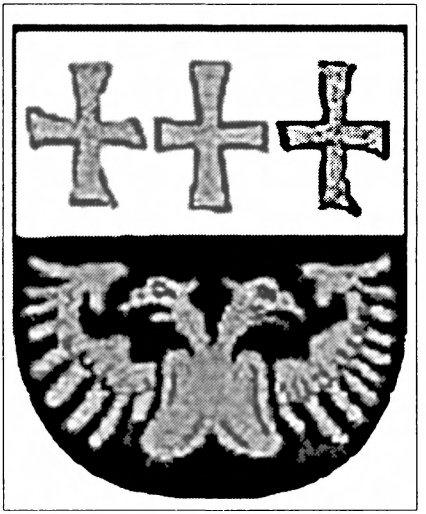
[41] *Piekosiński Fr.* Heraldyka polska wieków średnich. Kraków, 1899. Nr. 638. S. 392. Fig. 747.

[42] *Гречило А.* Територіальні символи Галицько-Волинської держави... С. 261.

[43] *Ulrich von Richental.* Das Concilium, So zu Constantz gehalten ist worden, Des jars do man zalt von der geburdt vnsers erlösers M.CCCC.XIII. Jar Mit allen handlungen inn Geystlichen und weltlichen sachen, Auch was diß mals für Bäpst, Kayser <...> die zu Constantz erschinen seind, mit iren wappen Contrafect, und mit andern schönen figuren und gemäl, durchauß gezieret. Augspurg, 1536.

[44] Virgil Solis' Wappenbuchlein: aus dem Jahre 1555. München, 1882. Tabl. 36.

[45] Kronika Marcina Bielskiego / Wyd. K. J. Turowski. T. I. Sanok, 1856. S. 14.



Ил. 147. Герб «королевства Червонной Руси» из «Хроники Констанцского собора» Ульриха фон Рихенталя (1-е изд.: Аугсбург, 1483)

Ил. 148. Герб «герцогства Червонной Руси» из «Малого гербовника» Вергилия Солиса (1-е изд.: Нюрнберг, 1555)

в качестве территориального символа Перемышльской земли. Такого орла, помещенного в изящном декоративном картуше, можно видеть в гербовнике познаньского ювелира и гравера Эразма Камина (?–1585) («Librum insigniorum regionum atque clenodiorum Regni Poloniae...»), изданного в 1575 г.[46]

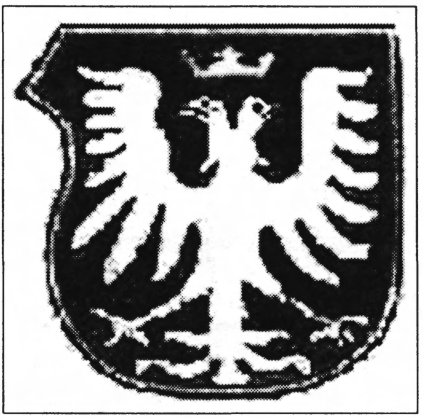
Польский и чешский историк и поэт Бартош (Бартоломей) Папроцкий (1543–1614), считающийся основоположником польской геральдики,[47] фиксирует изображение двуглавого орла на гербе Перемышльской земли в опубликованных в Кракове в 1578 и 1584 гг. двух гербовниках, названных им «Гнездо добродетели» (Gniazdo Cnoty, zkąd herby Rycerstwa Polskiego swój początek mają) и «Гербы рыцарства польского» (Herby Rycerstwa Polskiego). Графические изображения сопровождаются словесным описанием герба, из которого следует, что орел на нем имеет желтый окрас и помещается на голубом поле.[48]

Этот герб сопровождает изображение польского короля Александра I на миниатюре из Статута великого коронного канцлера Яна Лаского (Commune inclyti Polonie Regni privilegium constitutionum et indultuum etc.), изданного в 1506 г. и представлявшего собой собрание сеймовых постановлений Польского

[46] См.: Słownik artystów polskich i obcych w Polsce działających: malarze, rzeźbiarze, graficy / Red. J. M. Białostocka, A. Ryszkiewicz. Wrocław, 1971. S. 345; *Однороженко О. А.* Руські королівські, господарські та князівські печатки... Мал. IV.

[47] О роли Папроцкого в становлении польской геральдики см.: *Kulikowski A.* Heraldyka szlachecka. Warszawa, 1990. S. 12, 214, 239; *Adamczewski M.* Heraldyka miast wielkopolskich do końca XVIII wieku. Warszawa, 2000. S. 23–24, 41.

[48] *Bartosz Paprocki.* Herby Rycerstwa Polskiego / Wyd. K. J. Turowski. Kraków, 1858. S. 914.



Ил. 149. Герб Перемышльской земли. Из Статута Яна Лаского. 1509 г.

Ил. 150. Герб Перемышльской земли. Из «Гербовника» Каспера Несецкого

королевства. Среди прочих символов двуглавый орел Перемышльской земли был изображен на знамени польского короля Сигизмунда II Августа 1553 г.[49]

Знаменитый польский геральдист Каспер Несецкий (1682–1744) в своем 10-томном собрании гербов Польского королевства в качестве территориального герба Перемышльской земли также помещает изображение двуглавого орла под короной, сопроводив его словесным описачием, из которого следует, что орел на гербе имеет желтый цвет и помещается на голубом поле.[50] Такое же описание герба Перемышльской земли, однако с некоторыми отличиями в его графическом изображении, представлено в «Описании древней Польши» М. Балинского и Т. Липинского.[51] В качестве исторического герба Перемышльской земли изображение коронованного двуглавого орла (по рисунку К. Несецкого) принимает Ф. Пекосинский и другие исследователи.[52]

Высказывается иногда предположение, что такой же герб, как у Перемышльской земли, имела еще одна земля в составе Русского воеводства Польского королевства — расположенная на самой западной его окраине Саноцкая земля.[53] Сегодня желтого двуглавого орла под короной с распущенными крыльями и широко расставленными лапами на голубом поле можно видеть на гербах и флагах Перемышльского и Саноцкого поветов Подкарпатского воеводства

---

[49] *Krzyżanowski St.* Słownik Heraldyczny. Kraków, 1870; Encyklopedja staropolska ilustrowana / Pod red. Z. Glogera. T. I. Warszawa, 1900. S. 240. См. также: *Miller J.* Chorągwie i flagi polskie. Warszawa, 1962. S. 21.

[50] Herbarz polski Kaspra Niesieckiego, s. j: powiększony dodatkami z poźniejszych autorów, rękopismów, dowodów, urzędowych i wydany przez J. N. Bobrowicza. T. I. W Lipsku, 1839. S. 172.

[51] *Baliński M., Lipiński T.* Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana. T. II, cz. 2. Warszawa, 1845. S. 617–618.

[52] *Piekosiński Fr.* Heraldyka polska wieków średnich. Nr. 608. S. 381. Feg. 736; *Gloger Z.* Geografia historyczna ziem dawnej Polski. Kraków, 1900. S. 218; *Leszczyc Z.* Herby szlachty polskiej. Poznań, 1993. S. 101. См. также: *Chomicki A.* Herby miast i ziem polskich. Warszawa, 1939. S. 8.

[53] См., например: *Baliński M., Lipiński T.* Starożytna Polska. T. II, cz. 2. S. 673.

Польши, созданных в результате административной реформы 1999 г.[54]

* * *

Следует отметить, что изображение двуглавого орла известно также в территориальной символике Волыни. Так, на выявленной недавно О. А. Однороженко печати Луцкого повета Волынского воеводства, входившего после Люблинской унии 1569 г. в состав провинции Малая Польша Короны Польской Речи Посполитой, изображен двуглавый орел, помещенный на контурах лапчатого креста, напоминающего по форме мальтийский крест. Печать происходит из Архива князей Сангушков, хранящегося ныне в Государственном архиве в Кракове (Archiwum Państwowe w Krakowie, Archiwum Książąt Sanguszków w Sławucie, Teka XVII a, Plik 72, Plik 76).[55]

Ил. 151. Печать Луцкого повета на документах земского суда. 1589 г. Государственный архив в Кракове (Краков, Польша)

Эта печать скрепляла два документа уездного земского суда в Луцке, датированных 8 и 28 ноября 1589 г. Очевидно, матрица печати была изготовлена в том же 1589 г. и предназначалась для использования только в течение одного этого года, о чем свидетельствует легенда печати, где значатся не только название повета, но и год — «ROKV 1589». Появление печати, очевидно, связано с сеймовым постановлением от 18 апреля 1589 г., касавшимся «Трибуналов Волынского и Брацлавского воеводств», в котором, кроме всего прочего, устанавливались новый герб и гербовая печать для Волынского воеводства с изображением креста, а поверх него — орла.[56]

[54] См.: http://www.powiat.przemysl.pl/; www.powiat-sanok.pl. В некоторых современных публикациях, и в том числе в Интернете, можно встретить утверждения о том, что цвета современного герба Саноцкого повета — желтый и голубой — характерны для герба силезских Пястов, представленного в Гельрейском или Гельдернском арморияле (Armorial de Gelre) — фламандском гербонике конца XIV–начала XV в. (см.: http://pl.wikipedia.org/wiki/Ziemia_sanocka). В действительности в рукописи Гельрейского арморияла из Бельгийской королевской библиотеки (Брюссель), на л. 52 об., изображен герб силезского князя Владислава Опольского (Ladislas, D. d'Opole) (получившего в 1370-х гг. ряд земель Галицко-Волынской Руси от польского и венгерского короля Людовика Анжуйского) в виде желтого одноглавого орла в синем поле. На л. 70 об. помещено изображение герба Санека (Saneck) в виде красного щита с двумя белыми поперечными полосами, параллельными друг другу. А среди нескольких изображений двуглавого орла наиболее близким к нынешнему гербу Саноцкого повета можно считать помещенное на л. 93 об. изображение серебряного двуглавого орла в черном поле на гербе Генриха III, графа Саарвердена (Henri III, C. de Saarwerden) (Gelre: B. R. Ms. 15652-56. Uitgevereij / Ed. Jan van Helmont. Leuven, 1992. Nr. 504, 759, 1311).

[55] *Однороженко О.* Руські королівські, господарські та князівські печатки... С. 5.

[56] «To iest, z Woiewodztwa Wołyńskiego Herbowe pieczęci krzyż, a na krzyżu orzeł» (*Volumina legum* Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae ab anno 1347 ad annum 1780 / Ed. J. Ohryzko. Vol. II. SPb., 1859. P. 295).

Таким образом, по логике законодателей, во вновь учрежденном гербе Волынского воеводства старый герб Волынской земли — крест объединялся с гербом Польского королевства — орлом. Однако, поскольку в постановлении не уточнялась, о каком именно орле идет речь, то, по-видимому, местные авторы печати, движимые патриотическим чувством, изобразили в ее поле не одноглавого польского, а русского (галицко-волынского) двуглавого орла. Подобная вольность в интерпретации сеймового постановления была вскоре замечена и пресечена вышестоящими властями, и печати с двуглавым орлом в Волынском воеводстве больше не появлялись.

Обратившись к иконографии креста печати Луцкого повета 1589 г., мы найдем его близкое сходство с изображениями крестов на гербе герцога Червонной Руси из Хроники Констанцского собора Ульриха Рихенталя: эти кресты имеют одинаковые очертания и форму. Кроме того, в гербе Луцкого повета, как и в гербе герцога Червонной Руси, объединены оба территориальных символа Русского королевства (Галицко-Волынской Руси) — двуглавый орел (известный как локальный знак западной части Русского королевства — Перемышльской и Сяноцкой земель) и крест (в качестве территориального геральдического знака известен на Волыни с первой половины XIV в.).[57]

Таким образом, можно говорить о том, что символ двуглавого орла фиксируется в разнообразных памятниках геральдики и сфрагистики, имеющих отношение не только к западным окраинам Галицко-Волынской Руси (Перемышльская и Саноцкая земли), но также происходящих с территории ее восточных пределов (Луцкий повет). Этот факт, в свою очередь, указывает на то, что двуглавый орел был некогда общим символом для всей территории Галицко-Волынского княжества. Такое распространение символа орла могло произойти только тогда, когда галицко-волынские земли в политическом отношении представляли собой единое целое, находясь под верховной властью одного князя.

Едва ли мы ошибемся, если сочтем, что временем, когда двуглавый орел мог получить повсеместное распространение в Галицко-Волынской Руси в качестве геральдического знака, могло быть только время недолгого правления Романа

---

[57] О кресте в качестве территориального геральдического знака Волыни см.: *Гречило А.* Становлення символів Руського королівства (друга половина XIII–початок XIV ст.): версії, міфи й традиції // Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі. Мат-ли Міжнар. наук. конф., 29–30 листопада 2007 р. Львів, 2008. С. 265–270; *Однороженко О. А.* Руські королівські, господарські та князівські печатки... С. 7–8, 30–31, примеч. 54.

Необходимо отметить, что волынский крест первоначально (в XIV–начале XV вв.) был прямым и только с конца XV в. стал «лапчатым», как это видно на гербе герцога Червонной Руси из книги Рихенталя. Изменения произошли в промежутке между 1433 и 1492 гг., о чем свидетельствуют изображения на больших печатях правителей Великого княжества Литовского. Впрочем, во время правления Казимира IV (1440–1492) большая печать великих князей Литовских не известна, поэтому об иконография волынского герба середины — второй половины XV в. судить трудно. Именно в этот период и было составлено большинство известных ныне иллюстрированных списков «Хроники» Рихенталя.

Мстиславича (1199–1205), а также заключительный период правления его сына Даниила после победы в Ярославской битве (1245–1264).[58]

Примечательно, что украинские хронисты середины XVII в. не сомневались в том, что в правление Даниила Галицкого орел уже был гербом галицко-волынских князей. В «Хронике» игумена киевского Михайловского Златоверхого монастыря Феодосия Софоновича (?–1676) находим взятое из Галицко-Волынской летописи описание знамения, предшествовавшего Ярославской битве, — появление в небе нескольких орлов, — сопровождаемое выразительным комментарием хрониста:

> Которыи знакъ (появление орлов. — *А. М.*) князи за добрыи собе почитаючи, бо ихъ гербъ орелъ.[59]

Из ближайшего контекста описания битвы, приведенного в «Хронике» Софоновича явствует, что князьями, чьим гербом был орел, следует считать Даниила Романовича, его брата Василька и сына Льва.[60]

---

[58] Закрепление двуглавого орла — некогда общего для всей Галицко-Волынской Руси геральдического знака — в качестве локального территориального символа Перемышльской земли не может считаться уникальным явлением в истории. Судя по всему, подобным же образом и другой некогда общий для Русского королевства символ — лев, взбирающийся на скалу, известный со времени правления Льва Даниловича (1264–ок. 1301), в XV в. становится локальным гербом Львовской земли (*Гречило А.* Територіальні символи Галицько-Волинської держави... С. 256–259; *Однороженко О. А.* Руські королівські, господарські та князівські печатки... С. 6–7). Сходную трансформацию претерпел старый общешведский герб — коронованный лев, который в XV в. становится локальным знаком исторической области Готланд («страна готов»), в то время как новый общешведский герб — три короны — помимо общегосударственного значения также выполнял роль локального герба Свеаланда («страна свеев» — центральной области Шведского королевства). Подробнее см.: *Антонов В. А.* Датская геральдика XII–XVII вв. М., 2008.

Благодарю О. А. Однороженко, любезно поделившегося со мной своими материалами и наблюдениями по истории средневековой геральдики Галицко-Волынской Руси.

[59] *Феодосій Софонович.* Хроніка з літописців стародавніх / Підг. тексту, передмова і коментарі Ю. А. Мицика, В. М. Кравченка. Київ, 1992. С. 146.

[60] Там же.

Глава тридцать пятая

ВИЗАНТИЙСКИЙ ОРЕЛ НА ГЕРБЕ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ

Образ орла в памятниках древнерусского искусства. — Двуглавый орел как символ власти в Византии и герб Палеологов. — Цвета и силуэт орла в изображениях и описаниях гербов Червонной Руси и Перемышльской земли. — Наиболее ранние изображения орла на территории Галицко-Волынской Руси

В польской историографии (О. Бальцер, Я. Беняк, С. К. Кучиньский) распространено мнение, что двуглавый орел как герб Перемышльской земли впервые появился в результате геральдических преобразований польского короля Казимира Великого (1333–1370), установившего свою власть над землями Галичины.[1]

А. Гречило объясняет появление двуглавого орла в Галицко-Волынской Руси влиянием Киева: «правдоподобно, через Киев символ орла был принесен и на галицкие земли».[2] По мнению С. А. Высоцкого, двуглавый орел мог стать государственной эмблемой или гербом Киевской Руси в правление Ярослава Мудрого.[3]

Действительно, образ орла встречается в памятниках изобразительного и декоративно-прикладного искусства Древнего Киева. Очертания орлов можно видеть на реконструируемой исследователями (на основании сохранившихся фрагментов и исторических зарисовок XVII–XIX вв.) знаменитой ктиторской фреске Софии Киевской, изображающей Ярослава Мудрого и членов его семьи.[4] На основании имеющихся материалов можно заключить, что парадный плащ князя украшали

---

[1] *Kuczyński S. K.* Polskie herby ziemskie. Geneza, treści, funkcje. Warszawa, 1993. S. 22–23.

[2] *Гречило А.* 1) Територіальні символи Галицько-Волинської держави другої половини XIII — початку XIV століть // ЗНТШ. Т. 240. Львів, 2000. С. 261; 2) До генези герба Перемишльської землі // Дрогобицький краєзнавчий зб. Вип. 6. Дрогобич, 2002. С. 82.

[3] *Висоцький С. О.* Герб Київської Русі за часів Ярослава Мудрого // Старожитності Русі-України: Зб. наук. праць. До 70-річчя М. Ю. Брайчевського. Київ, 1994.

[4] Основные результаты получены в ходе масштабной реставрации, проведенной в конце 1940–начале 1950-х гг., см.: *Каргер М. К.* Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии // УЗ ЛГУ. Сер. ист. наук. 1954. Вып. 20. № 160; *Лазарев В. Н.* Групповой портрет семейства Ярослава Мудрого // ВВ. Т. XV. М., 1959.

силуэты орлов в декоративных картушах. В такой же плащ с орлами одет один из стоящих рядом сыновей князя.[5] Силуэт орла в геральдическом положении изображен на резной шиферной плите, составляющей парапет хоров Киевской Софии, а также на плитках пола Десятинной церкви.[6]

Однако использование образа орла в Древней Руси никак не носит характер исключительного феномена, характерного только для Киева.

Образ орла широко встречается в произведениях искусства домонгольского времени. Многочисленные резные изображения орлов разных типов можно видеть в декоре Дмитриевского собора во Владимире-на-Клязьме.[7] Чеканный орел украшал шлем новгородского князя Мстислава Юрьевича, доставшийся затем владимирскому великому князю Ярославу Всеволодовичу.[8] Различные изображения орла встречаются на декоративной керамической плитке, характерной для Галицкой земли.[9]

Ближайшие аналогии фресковой росписи Софийского собора в Киеве с изображениями орлов на парадных одеждах русских князей можно видеть в живописи церкви Спаса на Нередице под Новгородом, сохранившейся лишь в виде незначительных фрагментов, фотографий и зарисовок художников XIX–начала XX вв. Святые князья Борис и Глеб, а также новгородский князь Ярослав Владимирович (?) изображены здесь в одеждах, на которых просматриваются очертания одно- и двуглавых птиц в декоративных картушах.[10]

Двуглавые орлы и грифоны отмечены на парадных одеждах князей Юрия Долгорукого и Всеволода Большое Гнездо на фресках Успенского собора во Владимире, датированных 20-ми гг. XIII в. Неудачно реставрированные в XIX в., эти фрески впоследствии были утрачены.[11]

---

[5] *Высоцкий С. А.* 1) Ктиторская фреска Ярослава Мудрого в Киевской Софии // Древнерусское искусство. Художественная культура X–первой половины XIII в. / Отв. ред. А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М., 1988. С. 121; 2) Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989. С. 63, 84.

[6] *Вагнер Г. К., Воробьева Е. В.* Архитектурный декор Руси X–XIII веков... С. 188; *Жишкович В.* Пластика Русі-України: X–перша половина XIV століть. Львів, 1999. С. 69.

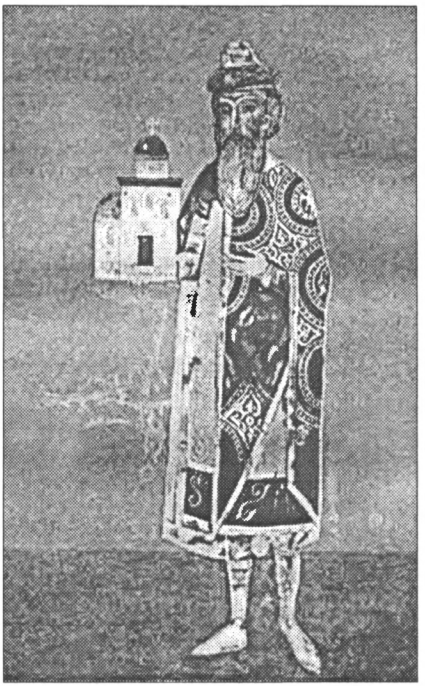
[7] *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси: XII век. Владимир. Боголюбово. М., 1969. Рис. 16, 25, 150, 152, 178.

[8] *Бочаров Г. Н.* Художественный металл Древней Руси. X–начало XIII вв. М., 1984. С. 124 и сл.

[9] *Малевская М. В., Раппопорт П. А.* Декоративные керамические плитки древнего Галича // Slovenska Archeologia. 1978. T. XXVI. I. Рис. 1, 6, 8.

[10] См.: *Сычев Н. П., Мясоедов В. К.* Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925. Табл. 56. Л. 1. Ранее считалось, что на фреске, созданной ок. 1246 г., изображен князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского (*Дмитриев Ю. Н.* Изображение отца Александра Невского на Нередицкой фреске XIII в. // НИС. Вып. 3–4. Новгород, 1938). Современные исследователи считают, что на фреске изображен другой князь — Ярослав Владимирович, внук Мстислава Великого. См.: *Пивоварова Н. В.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб., 2002; *Щербатова-Шевякова Т. С.* Нередица. Монументальные росписи церкви Спаса на Нередице. М., 2004. С. 232–233; *Гиппиус А. А.* Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О. Е. Этингоф. М., 2005.

[11] *Кондаков Н. П.* Русская икона: В 4 т. Т. I. Прага, 1928. С. 119.



Ил. 152. Князь Ярослав Владимирович (?). Фреска церкви Спаса на Нередице. Копия В. Прохорова. Начало 1870-х гг. (Русские древности / Под ред. В. Прохорова. Кн. 1. СПб., 1872)

Парадные плащи русских князей подобного типа имеют, несомненно, византийское происхождение. Как установил еще Н. П. Кондаков, высшие византийские сановники и придворные в качестве отличительного знака своего положения носили одежды с вытканными или вышитыми на них орлами: «Мантии и облачения с таким рисунком, носившие в Византии специальное название "орлов", входили в число высших чиновных облачений византийского двора».[12]

Орел как символ верховной власти в Византии известен с первых веков ее существования. Одно из древнейших подобных изображений помещено на большом серебряном блюде, связываемом с императором Анастасием I (491–518) и найденном в богатом погребении англо-саксонского курганного некрополя VI–начала VII вв. в Саттон-Ху.[13] Одноглавый орел был высечен на не существующих ныне плитах над могилами Алексея Комнина Филантропина и императора Алексея I Комнина (1081–1118) в монастыре Паммакариста неподалеку от Константинополя, отмеченных в 1608 г. немецким путешественником С. Швайггером.[14] Такое же изображение можно видеть на портрете императора Алексея V (1204) из Венской рукописи «Истории» Никиты Хониата.[15]

Наряду с изображениями одноглавого орла, в памятниках византийского искусства запечатлен также образ коронованного двуглавого орла, воспринимаемый ныне как исторический символ Византийской империи. Оба эти образа, имеющие, вероятно, общую природу, сосуществуют на протяжении многих веков, и лишь в Палеологовскую эпоху двуглавый орел получает преобладание.[16]

---

[12] *Кондаков Н. П.* Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906. С. 38.

[13] *Engemann J.* Ein Missorium des Anastasius. Überlegungen zum ikonographischen Programm der 'Anastasius'-Platte aus dem Sutton Hoo Ship-Burial // Festschrift für K. Wessel zum 70. Geburtstag / Hrsg. von M. Restle. München, 1988. S. 103–115.

[14] *Soloviev A.* Les emblémes héraldiques de Byzance et des Slaves // SK. T. VII. Praha, 1935. P. 130.

[15] *Spatharakis I.* The portrait in Byzantine illuminated manuscripts. With 182 illustrations. Leiden, 1976. P. 150.

[16] Подробнее см.: *Gerola G.* L'aquila bizantina e l'aquila impériale a due teste // Felix Ravenna. T. 43. Ravenna, 1934; *Fourlas A.* Adler und Doppeladler // Philoxenia: Prof. Dr. Bernhard Kötting gewidmet von seinen griechischen Schülern. Münster, 1980.

Как представляется, появление образа двуглавого орла в культурной традиции Древней Руси и Галицко-Волынской земли в особенности следует также связывать с византийским влиянием.

* * *

Заимствование двуглавого орла в качестве геральдического символа власти русских правителей, согласно наиболее распространенной версии, произошло в конце XV в. и было связано с женитьбой московского великого князя Ивана III на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Тогда же при московском дворе получили распространение элементы придворного византийского церемониала и государственной идеологии, а изображение двуглавого орла, впервые помещенное на печати Ивана III, датируемой 1497 г., стало неотъемлемым символом русской государственности.[17]

Нельзя, впрочем, исключать возможности заимствования образа двуглавого орла в качестве нового герба Русского государства от Священной Римской империи, контакты с которой поддерживал Иван III: образ двуглавого орла в геральдическом качестве в Священной Римской империи стал использоваться еще в первой половине XV в.[18] При этом, однако, не может идти речи о прямом заимствовании. Двуглавый орел с печати Ивана III по своему силуэту и деталям сильно отличается от двуглавого орла, используемого в гербе германского императора.[19]

Орла, изображенного на оборотной стороне печати Ивана III, а затем украшавшего печати русских самодержцев в XVI–начале XVII вв., принято называть палеологовским орлом: подобный орел украшал легендарное кресло-трон, будто бы привезенное Зоей Палеолог в Москву.[20] Палеологовский орел изображается

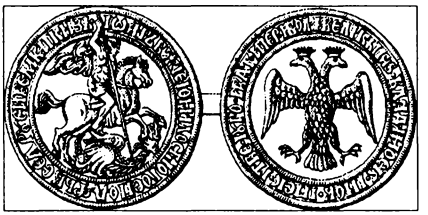
---

[17] *Вилинбахов Г. В.* 1) Государственный герб России. 500 лет. СПб., 1997. С. 17–27; 2) История Российского герба и флага. СПб., 2004. С. 11–15; *Пчелов Е. Н.* Российский государственный герб. Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М., 2005. С. 18 и сл.; *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 406–447. О генезисе этой концепции в отечественной историографии см.: *Соболева Н. А.* Герб Москвы: к вопросу о происхождении // ОИ. 1997. № 3.

[18] *Лихачев Н. П.* История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 1915. 15 мая; *Алеф Г.* Заимствование Москвой двуглавого орла: точка зрения несогласного // Из истории русской культуры / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Т. II, кн. 1. М., 2000 (впервые работа опубликована в 1966 г.); *Hellmann M.* Moskau und Byzanz // JGO. NF. Wiesbaden, 1969. Bd. XVII. Hft. 3. S. 332–338; *Соболева Н. А.* 1) Символы русской государственности // ВИ. 1979. № 6; 2) Происхождение печати 1497 года: новые подходы к исследованию // ОИ. 2000. № 4; 3) Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 99–133; *Кучкин В. А.* 1) Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999; 2) Великокняжеская печать с двуглавым орлом грамоты 1497 г. // ВИ. 1999. № 4–5. Возражения см.: *Агоштон М.* К проблеме происхождения русского двуглавого орла // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века [Санкт-Петербургского государственного университета] / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. Т. I. СПб., 2006.

[19] *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г. С. 393–406.

[20] См.: Древности Российского государства / Сост. Ф. Г. Солнцев, Л. П. Яковлев. М., 1849. Отд. 1. С. 114–115; *Вельтман А. Ф.* Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 80–81.



Ил. 153. Большая государственная печать Ивана III 1497 г. Прорись лицевой и оборотной сторон. Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия)

с характерно опущенными вниз крыльями, что отличает его от орлов, изображенных на печатях Священной Римской империи, крылья которых подняты вверх. Лишь с конца XVII в. и в последующих столетиях русский орел изображается на западноевропейский манер, то есть с поднятыми вверх крыльями.[21]

В то же время, двуглавый орел с печати Ивана III находит прямые аналогии с изображениями, происходящими с территории Византии, а также сопредельных с ней стран Балканского полуострова. Чрезвычайно близкое к нему изображение двуглавого орла с характерно опущенными крыльями, верх которых чешуйчатый, а низ перистый, двумя царскими коронами на головах и еще одной, большего размера, между шеями, можно видеть на каменной плите, украшающей пол собора в Мистре, где в 1449 г. был коронован последний византийский император Константин XI Палеолог (Драгаш; 1449–1453).[22] Прототипом этого изображения, по-видимому, можно считать орла на шиферной плите из Старой Загоры (Болгария), датируемой XI в.[23] Этот тип двуглавого орла в XII–XV вв. встречается на тканях, из которых сшиты одежды церковных иерархов и светских правителей Болгарии и Сербии. Его можно видеть на одеждах сербских и болгарских правителей, изображенных на фресках, иконах и в книжных миниатюрах.[24]

Не вызывает сомнений, что эмблема двуглавого орла как некий атрибут власти непосредственно из Византии попала в страны, испытавшие в средние века ее сильное культурное влияние, — Болгарию, Сербию, Черногорию, Албанию и Румынию, — став символом их государственности и независимости.[25]

Изображения двуглавого орла на территории самой Византийской империи известны со времен Константина Великого. В эпоху Комнинов (начиная с XI в.) широкое распространение получают узорчатые ткани с рисунком в виде двуглавой птицы, первоначально воспринимавшейся как часть сложного восточного орнамента. С конца XII в. двуглавых орлов стали помещать на своих

[21] Этот факт признают даже сторонники заимствования Москвой германского орла уже во времена Ивана III, оставляя без объяснений расхождения в изображениях русских и западноевропейских орлов в XV–XVI вв. См.: *Соболева Н. А.* Очерки истории российской символики. С. 122.

[22] *Sotiriou M. G.* Mistra. Athènes, 1935. P. 6–7, 8. Fig. 3.

[23] *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 115–120, 132.

[24] Art Byzantin chez les Slaves, Balkans. Paris, 1930. P. 1. Pl. VIII; *Millet G.* La peinture du moyer âge en Yougoslavie. Paris, 1954. Fasc. I. Pl. 93. Nr. 2; *Дероко А.* Споменици архитектуре IX–XVIII у Југославије. Београд, 1964. С. 74.

[25] *Soloviev A.* Les emblémes héraldiques de Byzance et des Slaves. P. 120–122; *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 195–222; *Хорошкевич А. Л.* Символы русской государственности. М., 1993. С. 21–31; *Вилинбахов Г. В.* История Российского герба и флага. С. 11; *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г. С. 412–424.

одеждах высшие чиновники императорского двора. В Палеологовскую эпоху (с конца XIII в.) изображения двуглавого орла появляются на печатях и монетах византийских императоров и начинают выполнять роль символа императорской власти.[26]

Наиболее раннее точно датированное изображение двуглавого орла на официальном документе Византийской империи встречается на золотой булле императора Андроника II Палеолога (1282–1328), датируемой 1293 г.[27] На хрисовуле Андроника II, адресованном митрополиту Монембасия и датированном июнем 1301 г., василевс изображен стоящим на красной подножной подушке (суппедионе), украшенной силуэтами двух золотых двуглавых орлов.[28]

Золотого двуглавого орла носили на своих одеждах представители рода Палеологов и в более раннее время. На миниатюре из рукописного типикона (датируемого концом XIV в.) изображен младший брат первого императора из династии Палеологов Михаила VIII (1259–1282) севастократор Константин, одетый в коричневую мантию с золотыми медальонами с двуглавыми орлами. Известно немало других изображений различных представителей рода Палеологов, в облачении которых так или иначе используется образ двуглавой царственной птицы.[29] Изображение золотого двуглавого орла в червленом поле становится символом Палеологов, что находит отражение в византийских миниатюрах XIV в.[30]

Именно в правление Палеологов двуглавый орел в Византии получает геральдическое значение.[31] С конца XIII в. его изображение появляется на монетах византийской чеканки. В собрании Эрмитажа хранится медная трахея с изображением двуглавого орла на лицевой стороне, которую с наибольшими основаниями можно отнести ко времени правления императора Андроника II Палеолога.[32]

---

[26] В наиболее полном виде эта концепция представлена в работе А. В. Соловьева, к которой неизменно обращаются все последующие авторы: *Soloviev A.* Les emblémes héraldiques de Byzance et des Slaves. P. 126–136. Русский перевод см.: *Соловьев А. В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне.

[27] *Соловьев А. В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне. С. 132; *Силаев А. Г.* Истоки русской геральдики. М., 2002. С. 91.

[28] *Spatharakis I.* The portrait in Byzantine illuminated manuscripts. Nr. 134.

[29] См.: *Belting H.* Das illuminierte Buch der spätbyzantinischen Gesellschaft. Heidelberg, 1970. S. 64. Tabl. 35–36.

[30] *Стукалова Т. Ю.* Опыт геральдического комментария к миниатюре XIV в. // Нумизматический сб. Государственный Исторический музей. Т. 16. М., 2003.

[31] Недостаточно обоснованным представляется распространенное мнение, будто в Византийской империи не использовалась государственная символика и не существовало герба. В монетной чеканке Палеологов в конце XIII–XIV вв. известны случаи изображения двуглавого орла, а также знака креста с четырьмя буквами *В* в углах, несомненно имевшие геральдическое значение. См.: *Гурулева В. В.* К вопросу о символах Византийской империи (изображение креста с четырьмя буквами *В* на монетах) // Хранитель Эрмитажа. К 100-летию со дня рождения И. Г. Спасского (1904–1990). СПб., 2004.

[32] См.: *Гурулева В. В.* Монеты Палеологов с изображением двуглавых орлов в собрании Государственного Эрмитажа // VIII Всероссийская нумизматическая конференция (17–21 апреля 2000 г., Москва). Тезисы сообщений и докладов. М., 2000.

Золотой двуглавый орел под коронами был помещен также на красном шелковом знамени этого императора.[33]

Целая галерея изображений двуглавого орла как символа византийского императора представлена в произведениях итальянского искусства, запечатлевших посещение Италии византийской делегацией во главе с императором Иоанном VIII, прибывшей для участия в Ферраро-Флорентийском соборе 1439 г. Так, на бронзовых вратах собора Святого Петра в Риме, созданных в 1433–1445 гг. мастером Антонио Аврелино (по прозвищу Филарете) по заказу папы Евгения IV, была помещена композиция отплытия из Константинополя в Италию Иоанна VIII со свитой: император здесь сидит на корме галеры в шатре, на боковой стенке которого изображен большой двуглавый орел, такой же орел виден на знамени, укрепленном на носу судна.[34]

По сообщению великого логофета Георгия Сфрандзи (Франдзи), тело последнего византийского императора Константина XI Палеолога, погибшего при защите Константинополя в 1453 г., захватившие город турки опознали лишь по золотым орлам на сапогах:

> И не могли бы они узнать ее (голову Константина. — *А. М.*), если бы не нашли бездыханный труп императора, который узнали по царским сапогам — по обуви, на которой, как это в обычае у императоров, были изображены красками золотые орлы.[35]

Об особом отношении к этому знаку в роду Палеологов можно судить по миниатюрам, помещенным в знаменитом Палеологовском Евангелии, ныне хранящемся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. После падения Константинополя в 1453 г. книга принадлежала брату последних византийских императоров Иоанна VIII и Константина XI Дмитрию Палеологу (1428–1460), последнему деспоту Мореи, управлявшему ею совместно с младшим братом Фомой (1449–1460), отцом Зои, ставшей женой Ивана III. Книга была писана на пергамене предположительно еще в XII в. Позднее, вероятно, в XIII–XV вв., она была украшена несколькими красочными миниатюрами, помещенными на свободных листах.[36]

Одна из них изображает золотого двуглавого орла под короной на красном поле. Этого орла принято называть «палеологовским», поскольку на груди птицы помещен золотой медальон с монограммой Палеологов. Такой же орел помещался и на сохранившихся печатях последнего морейского деспота Дмитрия Палеолога.[37]

---

[33] *Вилинбахов Г. В.* История Российского герба и флага. С. 10–11.

[34] См.: *Soloviev A.* Les emblémes héraldiques de Byzance et des Slaves. P. 157–158; *Смирнова И. А.* Искусство Италии конца XIII–XV веков. М., 1988 (Памятники мирового искусства. Серия вторая. Вып. VIII). Рис. 169.

[35] *Георгий Франдзи.* Большая Хроника / Пер. Е. Б. Веселаго // ВВ. М., 1953. Т. 3. Кн. III. Гл. 9.

[36] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 251; *Лихачева В. Д.* Византийская миниатюра: памятники византийской миниатюры IX–XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977. С. 22, 58.

[37] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 2000. С. 25; *Конов А.* Геральдика российская. СПб., 2002. С. 14.

* * *

Примечательно, что наиболее раннее из известных ныне описаний герба Перемышльской земли, приведенное Яном Длугошем в специальном трактате «Регалии и гербы короля и королевства Польского» (Insignia seu clenodia Regis et Regni Polonia), по некоторым параметрам более соответствует приведенным выше описаниям герба Палеологов.

«Регалии и гербы...» Длугоша, считающиеся первым в истории Польши гербовником, представляют собой описание гербов отдельных польских земель, капитулов, а также более чем ста шляхетских гербов с краткими характеристиками. Этот небольшой по объему труд был написан ок. 1448 г. и является одним из самых ранних произведений Длугоша.[38]

Долгое время гербовник Длугоша был известен лишь по нескольким упоминаниям историков и геральдистов XVI в. Только в середине XIX в. этот ценнейший источник постепенно вошел в научный оборот: сразу несколько рукописей конца XV–XVI вв., содержащих различные части произведения Длугоша, были найдены в Библиотеке Оссолинских (во Львове), а также в библиотеках Рима и Парижа.[39]

Раннее описание Длугошем герба Перемышльской земли, приведенное в «Регалиях и гербах...», имеет ряд существенных отличий от описания, данного им же в «Истории Польской». Согласно первому описанию, читающемуся во всех известных ныне списках «Регалий...», на гербе Перемышльской земли был помещен лазоревый двуглавый орел с короной на красном поле. В списке гербов, соответствующих землям Польского королевства, читаем:

> Перемышльская земля, которая лазоревого орла с двумя головами, повернутыми взаимно в разные стороны и венчанными короной, несет на красном поле.[40]

Ранние изображения и описания герба Перемышльской земли, как видим, расходятся в определении цветов орла и поля, в котором он помещался. Впрочем, лазоревый орел в раннем свидетельстве Длугоша скорее всего возник по ошибке: ни один источник подобных сведений не подтверждает. Напротив, большинство из них (в том числе и позднейшее описание самого Длугоша) сходятся в том, что орел на гербе Перемышльской земли был желтым или золотым.

Сразу три варианта цвета щита, на котором помещался двуглавый коронованный орел, можно найти в ранних изображениях и описаниях герба Червонной Руси — Перемышльской земли: красный, черный и лазоревый. Тем не менее изображение

---

[38] См.: Joannis Dlugossii senioris canonici Crakoviensis opera omnia / Ed. A. Przeździecki. Cracoviae, 1863. T. I.

[39] Историю открытия памятника см.: *Jan Długosz.* Insignia seu clenodia Regis et Regni Polonia. Z kodeksu kórnickiego wydał dr. Z. Celichowski. Poznań, 1885. S. 3–13.

[40] «Premisliensis terra, que aquilam glaucam, duo capita a se invicem aversa ambo coronata, in campo rubeo portat» (*Jan Długosz.* Insignia seu clenodia Regis et Regni Polonia. S. 16). См. также: *Piekosiński Fr.* Heraldyka polska wieków średnich. S. 424; *Samsonowicz H.* Polska Jana Długosza. Warszawa, 1984. S. 36.

герба «королевства Червонной Руси» Ульриха фон Рихенталя и герба «герцогства Червонной Руси» Виргила Солиса могут быть поставлены в один ряд с описаниями и изображениями, данными в трудах Яна Длугоша и Бартоша Папроцкого.

Такое сопоставление возможно при условии, если в описании Длугоша под красным цветом щита подразумевается не червлень, а пурпур — «краска царей», сопровождавшая золотого двуглавого орла в Византии.

Дело в том, что при передаче подобных изображения языком геральдических тинктур не всегда в точности соблюдалась исходная цветовая гамма. Особый случай представляла пурпурная финифть, которая в средневековой геральдике очень часто передавалась в более темных тонах, близких к темно-синему, темно-фиолетовому, серо-коричневому и даже черному цветам. Как отмечает Ю. В. Арсеньев, цвет пурпура в геральдике не был точно определен и мог варьироваться от ярко-красного до темно-синего: «Такое различие происходило главным образом от того, что настоящий, естественный цвет пурпура, добывавшегося в древности из двух различного рода раковин, встречающихся в Средиземном море, действительно был двоякий: так называемый *аметист* — более темный, фиолетового оттенка, и *Тирский пурпур* — огненно-красного цвета».[41]

Кроме того, по некоторым данным, чередование лазоревого (голубого) и красного (алого) как фоновых цветов при изображениях орлов известно со времен Римской империи, когда орлы впервые появились на знаменах императоров. По крайней мере такое представление получило распространение в средневековой Европе. К примеру, популярный итальянский писатель эпохи раннего Возрождения Джованни Виллани (?–1348) в главе «О происхождении римских императорских знамен» своей «Истории Флоренции» писал:

> У великого Помпея была хоругвь с серебряным орлом на голубом поле, а у Юлия Цезаря — с золотым орлом на алом поле <...> Константин и за ним другие греческие императоры вернулись к гербу Юлия Цезаря, т. е. к золотому орлу на алом поле, но двуглавому.[42]

Возвращаясь к ранним изображениям герба Червонной Руси — Перемышльской земли, заметим, что на рисунках Рихенталя, Солиса, Папроцкого и др. в несколько ином виде, чем на предполагаемых византийских прототипах и, в частности, на гербе Палеологов, представлен разворот крыльев у двуглавого орла. Если у палеологовского орла концы расправленных крыльев повернуты перьями вниз, то на немецких изображениях герба Червонной Руси XV–XVI вв., а также на польских изображениях герба Перемышльской земли XVI–XVIII вв. расправленные крылья орла в большей мере повернуты перьями кверху.

---

[41] *Арсеньев Ю. В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907/08 году. М., 1908. С. 130. См. также: *Медведев М. Ю.* Геральдика, или истинная наука о гербах. СПб., 2008. С. 41.

[42] *Джованни Виллани.* Новая хроника, или История Флоренции / Пер., ст. и примеч. М. А. Юсима. М., 1997. С. 32–33.

При этом, однако, нетрудно заметить, что немецкие и польские изображения двуглавого орла на русских гербах с течением времени претерпевали эволюцию, затрагивавшую как раз направление разворота крыльев птицы: постепенно угол поворота крыльев кверху увеличивается. Такую же эволюцию, как мы видели, претерпевает с течением времени и двуглавый орел на гербе московских государей, что было связано с общим для стран Центральной и Восточной Европы влиянием изобразительных канонов западноевропейской геральдики.

* * *

Подтверждением нашим наблюдениям о постепенной эволюции силуэта орла на гербе Галицко-Волынской (Червонной) Руси в части разворота крыльев могут служить наиболее ранние из известных ныне геральдических изображений орла на территории Галицкой земли. Эти данные свидетельствуют, что изображения орла в геральдическом положении были известны в Галиче и в некоторых других городах Галицкой земли еще во второй половине XII в.

Такими изображениями, вероятно, следует считать рисунки на декоративных керамических плитках, впервые обнаруженных на территории древнерусского города Василева, располагавшегося на юго-восточной окраине Галицкой земли.[43] Изображения птиц на художественных плитках известны со времен раскопок Я. Пастернака в Галиче в конце 1930-х гг.[44] Однако большинство найденных изображений, в том числе напоминающих орла, не могут быть отнесены к геральдическим и скорее соответствуют образу более мирной птицы, например голубя, символизирующего Святой Дух.[45]

Исключение составляет плитка, найденная Б. А. Тимощуком в Василеве, на лицевой стороне которой, покрытой желтой поливой, отчетливо виден орел с расправленными крыльями, концы которых повернуты перьями книзу, и с широко расставленными лапами, как на подобных византийских изображениях. Голова птицы на длинной шее обращена влево, туловище покрыто перекрещивающимися линиями, образующими ромбическую сетку. Исследователи не без основания отнесли это изображение к геральдическим.[46]

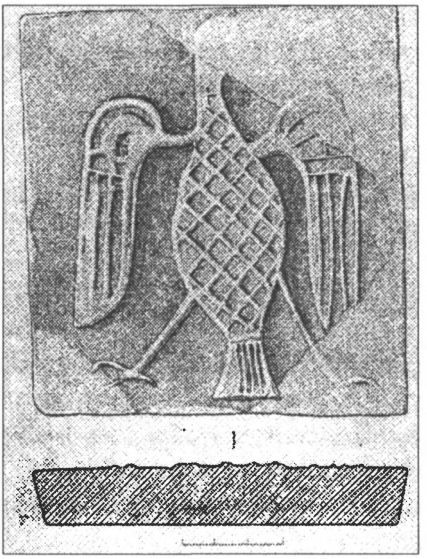
---

[43] Об исследованиях города Василева, упоминающегося в Галицко-Волынской летописи и других источниках, см.: *Тимощук Б. О.* Літописний Василів — місто Галицької Русі. Чернівці, 1992; *Фантух А.* Деякі аспекти історії досліджень та планіграфії давньоруського Василева // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнографії: Зб. наук. ст. Вип. 4. Чернівці, 1997.

[44] О коллекции художественных керамических плиток Национального музея-заповедника «Древний Галич» см.: *Ткачук Т. М., Тимус К. Л.* Галицькі керамічні плитки із рельєфними зображеннями та гончарні клейма: каталог. Галич, 1997.

[45] Ср.: *Овчинников О. Г.* Семантика галицьких керамічних плиток // Галич і Галицька земля: Зб. наук. пр. / Відп. ред. П. П. Толочко. Київ; Галич, 1998. С. 96.

[46] *Тимощук Б. А.* Декоративные плитки XII–XIII вв. из Василева // КСИА АН СССР. Вып. 120. М., 1969; *Малевская М. В., Раппопорт П. А.* Декоративные керамические плитки древнего Галича. С. 90, 92.



Ил. 154. Изображение орла в геральдическом положении. Декоративная керамическая плитка из Василева. Ивано-Франковский областной краеведческий музей (Ивано-Франковск, Украина)

В дальнейшем художественные плитки с рельефными изображениями орлов в геральдическом положении были найдены еще в нескольких местах Галицкой земли. Подобными плитками были вымощены полы в так называемом «Полигоне» — ротонде-квадрифолии, находившейся в окрестностях самого Галича.[47] Этот своеобразный памятник, открытый еще в конце XIX в. и повторно раскопанный в 1979 г. О. М. Иоаннисяном, служил, вероятнее всего, храмом какого-то пригородного княжеского монастыря.[48]

Аналогичные плитки украшали полы в раскопанной Б. П. Томенчуком деревянной церкви небольшого городища на северной окраине Василева.[49] Такие же геральдические композиции, но в значительно большем масштабе и помещенные не на одной плитке, а выполненные из нескольких фигурных плиток в мозаичном наборе, украшали полы в раскопанном Б. П. Томенчуком деревянном храме-ротонде на древнерусском городище в Олешкове на Пруте.[50]

По мнению новейших исследователей, заказчиком упомянутых сооружений в Василеве и Олешкове, возведенных в княжение Ярослава Осмомысла, должна была стать некая высокопоставленная особа, по своему положению близкая к византийским императорам. И таким человеком во времена Осмомысла мог быть только Андроник Комнин, опальный родственник византийского императора Мануила I, сам ставший впоследствии императором Византии. Спасаясь от преследований, Андроник нашел убежище в Галицкой земле, где провел около одного года, получив от галицкого князя «неколико городов на утешение».[51]

---

[47] *Иоаннисян О. М.* Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века // СА. 1983. № 1. С. 238–239.

[48] *Иоаннисян О. М.* Раскопки древнерусской ротонды-квадрифолия в окрестностях Галича // АО 1979 г. М., 1980.

[49] *Томенчук Б. П.* 1) Исследования летописного Василева // АО 1978 г. М., 1979; 2) Археологія дерев'яних храмів Галицького князівства // Галицько-Буковинський хронограф. № 1. Івано-Франківськ, 1996. С. 12–16.

[50] *Томенчук Б. П.* 1) Дослідження дерев'яної ротонди на давньоруському городищі в Олешкові на Пруті // ЗНТШ. Т. 225. Львів, 1993; 2) Олешковская ротонда // Проблемы изучения древнерусского зодчества (По материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта, 15–19 января 1990 г.). СПб., 1996.

[51] ПСРЛ. Т. II. Стб. 524.

Высказывается также предположение, что с пребыванием в Галицкой земле в 1164–1165 гг. Андроника Комнина следует связывать подъем, а возможно и само основание древнерусского города Василева на Днестре, название города могло быть образовано от греч. *василевс.*[52]

Пребывание византийского царевича в Галицкой земле, возможно, отразилось и в архитектурном облике ее столицы. Знаменитая ротонда-квадрифолий в окрестностях Галича, именуемая в литературе «Полигоном», полы которого были вымощены плитками с геральдическими изображениями орлов и грифонов, изготовленными в тех же матрицах, что и плитки из деревянной церкви в окрестностях Василева,[53] по новейшим данным, построена в традициях византийской архитектуры.

Вопреки ранее высказывавшимся предположениям, будто галицкий «Полигон» является неким аналогом центральноевропейских и, в частности, венгерских храмов-квадрифолиев и был возведен венгерскими зодчими,[54] новейшие исследователи сближают его с памятниками храмовой архитектуры византийского круга и, прежде всего, с баптистерием кафедрального собора Херсонеса («Уваровской базилики»). Помимо композиционно-планировочных параллелей, существующих между названными памятниками, установлено, что расчетной мерой длины, применявшейся при разработке плана галицкого «Полигона», был византийский локоть, равный 48 см.[55]

---

[52] *Иоаннисян О. М.* 1) Об одном эпизоде византийско-венгерско-галицких отношений во второй половине XII в. // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Тез. доп. і повід. Міжнар. наук. конф-ції. Галич, 19–21 серпня 1993 р. Львів, 1993. С. 69–70; 2) Про один епізод візантійсько-угорсько-галицьких відносин у другій половині XII ст. // Галич і Галицька земля. С. 63–65; *Пивоваров С.* Літогисний Василів у Середньому Подністров'ї // Середньовічна Європа: Погляд з кінця XX ст. Чернівці, 2000. С. 219.

[53] *Іоаннісян О. М.* Про один епізод візантійсько-угорсько-галицьких відносин... С. 63–64.

[54] *Иоаннисян О. М.* Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века. С. 243.

[55] *Диба Ю.* Українські храми-ротонди X–першої половини XIV століть. Львів, 2005. С. 60–61.

Глава тридцать шестая

О ЗАИМСТВОВАНИИ ВИЗАНТИЙСКИХ СИМВОЛОВ ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЯМИ БАЛКАН И РУСИ

Двуглавый орел в инсигниях византийских сановников высших рангов. — Практика пожалования придворных титулов на рубеже XII–XIII вв. — Высшие придворные титулы правителей балканских стран и их отражение в памятниках искусства. — Браки с византийскими принцессами и придворные титулы русских князей

Как уже отмечалось, с конца XII в. двуглавых орлов стали помещать на своих одеждах высшие чиновники византийского императорского двора. В XIII–XIV вв. изображение орлов стало обязательным атрибутом парадного облачения византийских сановников высших рангов.

Этот факт засвидетельствован различными источниками, главным из которых является трактат «О порядке титулов и должностей Двора и Церкви», приписываемый византийскому сановнику XV в., куропалату императорского дворца Георгию Кодину.[1] В действительности это произведение было создано еще в середине XIV в. и принадлежало перу другого автора, именуемого в новейших исследованиях Псевдо-Кодином.[2]

В своем трактате Псевдо-Кодин приводит обширный перечень важнейших чинов военной, гражданской и придворной службы, образующих иерархическую лестницу, состоящую из восьмидесяти ступеней; причем каждому из упомянутых им чинов соответствует определенный костюм и инсигнии.[3] Список Псевдо-Кодина, очевидно, не является исчерпывающим и может быть дополнен перечнем Матвея Властаря, также составленным в XIV в. и описывающим иерархию из девяноста чинов.[4]

---

[1] Небольшой фрагмент этого произведения в переводе на русский язык в свое время был издан Е. В. Барсовым: *Барсов Е.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. М., 1883.

[2] *Grabar A.* Pseudo-Kodinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971.

[3] Подробнее см.: *Pilz E.* Le costume officiel des dignitaries byzantins à l'époque Paléologue. Uppsala, 1994.

[4] *Verpeaux J.* Hiérarchie et préséances sous les Paléoloques // TM. Vol. I. Paris, 1965; *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; T. I–II. Amsterdam, 1967; *Поляковская М. А.* Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001.

Три высших ранга в византийской чиновной иерархии — деспота, севастократора и кесаря — не предусматривали исполнение определенных должностных обязанностей при дворе, кроме обязанностей командовать войсками. Это скорее были почетные титулы, пожалование которых предполагало близкое родство с императором, — обычно такими титулами жаловались его братья и сыновья, а также зятья.[5]

Согласно Псевдо-Кодину, в качестве знаков отличия для лица в ранге деспота полагалось ношение желтых двуглавых орлов на пурпурно-белой обуви и конском седле, красных орлов — на белой попоне и походном шатре; для лиц в ранге севастократора — золотых орлов в красных кругах на голубой обуви, красных орлов на голубой попоне и красных орлов в голубых кругах на белом шатре.[6]

* * *

Среди пожалований высшими имперскими титулами нередкими были случаи возведения в ранг деспота и севастократора правителей или наследников престола соседних с Византией государств, вступавших в браки с членами семьи императоров. Так, в 1163 г. император Мануил I пожаловал титул деспота наследнику венгерского престола Беле (будущему королю Беле III) в связи с его предполагавшейся женитьбой на царевне Марии, дочери императора от первого брака.[7] В 1190 г. титул севастократора императором Исааком II был пожалован наследнику сербского престола Стефану Неманичу (будущему королю Стефану Первовенчанному) в связи с его женитьбой на племяннице императора Евдокии (младшей дочери будущего императора Алексея III).[8] От этого брака, распавшегося в 1199 г., родилось шестеро детей, оставшихся в Сербии.[9]

Подобную практику продолжили латинские императоры после захвата Константинополя в 1204 г. В 1208 г. император Латинской империи Генрих (Анри) Фландрский (1206–1216) выдал свою незаконнорожденную дочь и пожаловал

---

[5] *Ферјанчић Б.* 1) Деспоти у Византии и јужнословенским земљама. Београд, 1960 (Посебна издања Српска Академија наук и уметности. Т. 336. Византолошки институт. Књ. 8); 2) Севастократори у Византији // ЗРВИ. Књ. 11. Београд, 1968; *Каждан А.* Севастократоры и деспоты в Византии XII в. // ЗРВИ. Кн. 14–15. Београд, 1973.

[6] *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices / Ed. J. Verpeaux. Paris, 1966. P. 133, 147, 149–150, 167, 274–276. О виде и цвете одежды, а также знаках отличия деспота см.: *Failler A.* Les insignes et la signature du despote // RÉB. T. 40. Paris, 1982.

[7] Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 112, 170. Этот брак так и не состоялся, лишь спустя несколько лет Бела женился на родственнице императрицы Марии, второй жены Мануила I, Агнессе Антиохийской (*Moravcsik Gy.* Studia byzantine. Budapest, 1967. P. 306).

[8] Nicetae Choniatae Historia. P. 531; *Ласкарис М.* Византиске принцезе у средњовековној Србији. Пролог историји и византиско-српски односи од краја XII до средина XV века. Београд, 1926. С. 24–31.

[9] *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 745–746, 815.

титул деспота Алексею Славу, двоюродному брату болгарских царей Борила и Ивана II Асеня, который в 1208–1216 гг. вел борьбу за болгарский престол.[10]

Пожалование высших придворных титулов своим новым родственникам как важное средство внутренней и внешней политики неоднократно использовал император Алексей III. В 1199 г. титул деспота был пожалован им Алексею Палеологу Комнину Дуке, женившемуся на дочери императора Ирине и ставшему официальным наследником престола.[11] Даже после бегства из Константинополя Алексей III продолжал подобные пожалования в надежде с помощью новых родственников, ставших высшими сановниками империи, вести борьбу с крестоносцами. В начале 1205 г. он выдал свою дочь Евдокию (бывшую ранее женой сербского жупана Стефана, а затем супругой императора Алексея V Мурчуфла) за правителя Коринфа Льва Сгура, пожаловав ему титул деспота.[12] Лев Сгур, принадлежавший к неродовитой провинциальной знати, возвысился в период смуты, вызванной вторжением крестоносцев. Он предпринял попытку установить свою власть в Средней Греции и Пелопоннесе, захватил Коринф и безуспешно осаждал Афины. Однако расчеты экс-императора на помощь Сгура не оправдались: вскоре его войска были разбиты, а сам Алексей III попал в плен к Бонифацию Монферратскому.[13]

* * *

Распространение в сопредельных с Византией государствах императорской символики и прежде всего изображений двуглавого орла в результате династических браков и пожалований высших придворных титулов нашло яркое отражение в памятниках искусства балканских стран XIII–XIV вв.

Наибольшее число примеров такого рода дает фресковая живопись сербских средневековых храмов.[14] Третьим десятилетием XIII в. датируются древнейшие фресковые росписи, сохранившиеся в храмах знаменитых монастырей

[10] *Hendrickx B.* Regestes des empereurs latins de Constantinople. 1204–1261/1272. Thessalonika, 1988. Nr. 88. См. также: *Ацевски К.* Деспот Алексиј Слав — самостоен феудален владетел во Македонија // Годишен зборник на филолозкиот факултет на Университетот во Скопје. Т. 3 (29). 1977; *Радић Р.* Обласни господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII века // ЗРВИ. Књ. 24–25. Београд, 1986. С. 235–245.

[11] *Laurent V.* La généalogie des premiers Paléologues // Byzantion. Revue internationale des études Byzantines. T. 8. Bruxelles, 1933. P. 126; *Vannier J.-F.* Les premiers Paléologues. Étude généalogique et prosopographique // *Cheynet J. C., Vannier J.* Études prosopographiques. Paris, 1986. Nr. 29. P. 170–172.

[12] Nicetae Choniatae Historia. P. 608. См. также: *Радић Р.* Обласни господари у Византији... С. 250; *Savvidēs A. G. C.* A note on the death of Leo Sgurus in AD 1208 // BMGS. Vol. 12. Birmingham, 1988. P. 289–290.

[13] Подробнее см.: *Savvides A. G. C.* A note on the death of Leo Sgurus... P. 289–295; *Ilieva A.* The Phenomenon Leo Sgouros // ÉB. Vol. 26/3. Sofija, 1990.

[14] Наиболее полный обзор сербских фресок и других памятников искусства с изображением двуглавого орла на парадных одеждах и атрибутах власти правителей Сербии см.: *Соловьев А. В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне // Signum / Центр гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории РАН / Отв. ред. А. П. Черных. Вып. 4. М., 2009. С. 138–149.

Студеница и Милешева. Среди монастырских настенных росписей часто встречаются портретные изображения первого сербского короля Стефана Первовенчанного (1196–1228, король с 1217), женатого в свое время на византийской принцессе и носившего титул севастократора.

На северной стене нартекса храма Вознесения Христова монастыря Милешева изображены представители династии Неманичей: Стефан Неманя (как монах Симеон), св. Савва Сербский (как архиепископ), Стефан Первовенчанный и его сыновья Радослав и Владислав. Напротив Неманичей — св. Константин и св. Елена, а также неизвестный византийский император. Одежды Стефана Первовенчанного и его сыновей украшают изображения двуглавых орлов.[15]

Изображения золотых двуглавых орлов на красном фоне в круглых картушах видны на одеждах короля Стефана Первовенчанного на фреске в привратном помещении основанного им монастыря Жича, в котором он был коронован,[16] а также на фреске начала XIV в. в церкви Богородицы Левишки в Призрене.[17] Такие же одежды можно видеть на фресках церквей в Милешеве и Студенице, изображающих сыновей Стефана Первовенчанного и византийской принцессы Евдокии, сербских королей Стефана Радослава (1228–1234) и Стефана Владислава (1234–1243) Неманичей.[18]

Во времена короля Стефана Душана Неманича (1331–1355), в результате ряда успешных войн с Византией подчинившего своей власти Македонию, Эпир, Фессалию и часть Фракии и принявшего в 1346 г. титул «Царя Сербов и Греков», двуглавый орел, вероятно, приобретает значение геральдического символа Неманичей и всей Сербии. Об этом можно судить по изображению на карте Ангелино Дульцерта (Ангелино де Далорто), где показано королевство Душана со столицей в Скопье, над которым помещен золотой флаг с красным двуглавым орлом.[19] Изображение двуглавого золотого орла на красном поле в качестве герба Сербии можно видеть в немецких гербовниках XV в. — Ульриха фон Рихенталя и Конрада Грюненберга.[20]

Появление на одеждах Стефана Первовенчанного и его наследников византийских орлов, несомненно, было связано с женитьбой Стефана на византийской принцессе и его высоким положением в чиновной иерархии империи. Похоже, этот факт был очевиден уже для авторов фресок Вознесенского собора монастыря

[15] Югославские средневековые фрески: Сербия, Македония, Черногория. Каталог / Авт.-сост. М. Кашанин, Н. Шукович. Л., 1970. С. 11; *Джурич В.* Византийские фрески: средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М., 2000. С. 96 и сл.

[16] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. I. М., 1947. С. 174; *Джурич В.* Византийские фрески... С. 92.

[17] *Джурич В.* Византийские фрески... С. 144.

[18] *Кашанин М., Кораћ В., Тасић Д., Шакота М.* Манастир Студеница. Београд, 1968. С. 21, 55, 158 и сл.

[19] В 1915 г. был найден золотой перстень-печатка с изображением двуглавого орла, изготовленный в начале XIV в. и принадлежавший матери Стефана Душана, королеве Феодоре (Историја примењене уметности код Срба. Т. I. Средњовековна Србија. Београд, 1977. Фото 79).

[20] Подробнее см.: *Соловјев А.* Историја српског грба и други хералдички радови, Београд, 2000; *Марушић Б.* О основним питањима српске хералдике. Београд, 2005.

Ил. 155. Портрет болгарского царя Ивана Александра с женой и двумя сыновьями. Миниатюра Тетраевангелия царя Ивана Александра 1356 г. Британский музей (Лондон, Великобритания)

Милешева, где Стефан и его сыновья обращены к некоему византийскому императору, изображенному напротив семейного портрета Неманичей. При атрибуции последнего мнения исследователей расходятся. Иногда в нем видят никейского императора Иоанна III Дуку Ватаца (1221–1254), в правление которого появился милешевский портрет Неманичей.[21] Однако более основательным, на наш взгляд, следует признать предположение М. Бошковича, первым из новейших исследователей обнаружившего эту фреску в 1935 г. и считавшего, что на ней изображен тесть Стефана Первовенчанного византийский император Алексей III (1195–1203).[22]

В Болгарии (как и на территории самой Византии) древние православные храмы с их настенной росписью в значительной степени были уничтожены в период турецкого владычества. Тем не менее не вызывает сомнений, что изображение двуглавых орлов как символов светской власти получило распространение и на одеждах болгарских правителей. Об этом свидетельствует фресковая роспись трапезной Великой лавры в Тырнове (портрет неизвестного лица),[23] а также портреты болгарского царя Ивана Александра Шишмановича с женой и двумя сыновьями и с зятем Константином Манассесом, помещенный в изготовленном для царя Тетраевангелии (1356), ныне хранящемся в собрании Британского музея. Царь Иван Александр изображен здесь подобно византийскому василевсу стоящим на красном суппедионе, украшенном двуглавыми орлами, а на одеждах его зятя Константина видны изображения двуглавых орлов.[24]

А. В. Соловьев поясняет последнее тем, что Константин был сербом, сыном севастократора Деяна, и носил титул деспота, пожалованный ему сербским царем Стефаном Душаном в 1346 г. Таким образом, делает вывод историк, «двуглавые орлы были инсигниями первых сановников сербского двора (как в Византии) и двора в Болгарии».[25]

---

[21] *Джурич В.* Византийские фрески... С. 98.

[22] См.: *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 50.

[23] *Grabar A.* Peinture religieuse en Bulgarie. Sofia, 1928. P. 113; *Попов А., Панов А., Борисов О.* Търновска Велика лавра. София, 1985. С. 4, 8 и др.

[24] *Spatharakis I.* The portrait in Byzantine illuminated manuscripts. With 182 illustrations. Leiden, 1976. Nr. 38, 39.

[25] *Соловьев А. В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне. С. 150–151.

* * *

Очевидно, что такой же путь заимствования византийского орла как символа высшей власти был осуществлен и в Галицко-Волынской Руси. Как и в случае с сербским жупаном Стефаном, ставшим зятем императора Алексея III и получившим титул севастократора с правом ношения двуглавого орла на одеждах, галицко-волынский князь Роман Мстиславич, ставший зятем императора Алексея, женившись на его племяннице Евфросинии, вероятно, также должен был получить один из высших титулов империи, дававший право ношения соответствующих знаков отличия.

Цвета на гербах Галицко-Волынской Руси — Перемышльской земли и Червонной Руси, — зафиксированные в описаниях источников XV–XVI вв. (золотой орел на красном или голубом поле), совпадают с описанием цветов знаков орлов, которые, согласно трактату Псевдо-Кодина, соответствовали чину севастократора — золотой, красный и голубой.

Несомненно, брак с византийской принцессой и получение высокого придворного титула повышали ранг Галицко-Волынской Руси и ее правителя в византийской иерархии государств, где Руси в целом традиционно отводилось весьма скромное место.[26]

На протяжении многих веков в византийских источниках преобладающим определением в отношении ранга русских князей является титул «архонт» (ἄρχων), который, судя по сфрагистическим материалам, принимали и сами русские князья.[27] Этот греческий термин был чрезвычайно широко распространен в византийской общественно-политической практике и применялся как в отношении иноземных правителей (болгарских царей и сербских жупанов, русских князей, правителей Венгрии, вождей кочевников и проч.), так и высших должностных лиц в самой империи (начальников провинций, воинских подразделений, административных учреждений и проч.).[28]

Из трактата Псевдо-Кодина явствует, что «архонтами» в Византии признавались обладатели любого из чинов описанной им иерархической

---

[26] Изучению этого вопроса посвящен ряд специальных исследований, среди которых отметим работы Г. А. Острогорского и И. П. Медведева: *Ostrogorsky G.* 1) The Byzantine emperor and the hierarchical world order // The Slavonic and East European Review. T. 35. London, 1956; 2) Русь и византийская иерархия государств // XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970; *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972.

[27] *Литаврин Г. Г., Янин В. Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX–XV вв. // ИСССР. 1970. № 4. С. 48–50. Более полный обзор случаев употребления по отношению к русским князьям терминов ἄρχων и ἀρχόντισσα в произведениях византийских авторов, а также в греческих легендах древнерусских княжеских печатей см.: *Бибиков М. В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 522–526.

[28] *Ferluga J.* Archon. Ein Beitrag zur Untersuchung der züdslawischen Herrschertitel im 9. und 10. Jh. im Lichte der byzantinischen Quellen // Tradition als historische Kraft. Berlin; New York, 1982; *Koder J.* Zu den Archontes der Slaven in *De administrando imperio*, 29.106–115 // Wiener slavistischen Jahrbuch. Bd. 29. Wien, 1983.

лестницы — от первого до восьмидесятого; при этом большая их часть (чины с четвертого по сорок девятый) относилась к «первому разряду архонтов» (ἡ πρώτη τάξις τῶν ἀρχόντων), пользовавшемуся особыми привилегиями.[29]

По-видимому, титул «архонт» русских князей может быть соотнесен с любым из чинов имперской «табели о рангах». Тем не менее в отношении некоторых «архонтов» Руси можно сделать определенные уточнения.

Можно говорить, например, о сравнительно более высоком положении киевского князя Владимира Святославича (980–1015), женатого на византийской принцессе Анне. Этот вывод как будто подтверждается данными древнерусских и византийских памятников. Киевский митрополит Иларион (середина XI в.), именуя Владимира и некоторых других русских князей «владыками», по-видимому, употреблял это выражение как славянский эквивалент греческого термина «деспот» (δεσπότης).[30] А греческий автор составленного в XIII–XIV вв. «Повествования о крещении Руси» (называемого «Хроникой Анонима Бандури» — по имени первого издателя, напечатавшего один из списков памятника в 1711 г.) именует князя Владимира «великим архонтом» (μέγας ἄρχων), «великим королем» (μέγας ῥῆγας) и «самодержцем» (ἡμῶν αὐδέντα).[31]

В последующем, однако, статус русских князей в понимании византийцев заметно понизился: в XIV в. греческие авторы приписывали правителям Руси более скромный титул трапезита (τραπέζης, ὁ ἐπὶ) византийского императора, который может соответствовать, очевидно, чину стольника в Московском государстве. По преданию, помещенному в «Ромейской истории» Никифора Григоры (ок. 1291–ок. 1361), некий русский «архонт», подобно многим другим искавший милости императора, был удостоен чина трапезита, и произошло это еще в незапамятные времена Константина Великого.[32]

В более распространенном виде это предание представлено в так называемом Гейдельбергском кодексе (Cod. Heidelb. Palat. gr. 129), содержащем заметки, выполненные рукой Никифора Григоры и являющиеся эксцерптом неизвестного сочинения другого византийского ученого-энциклопедиста Максима Плануда (ок. 1255–ок. 1305). Здесь рассказывается, что еще во времена Августа «архонт росов» в знак особого благоволения императора был почтен титулом трапезита. И поэтому, когда к «царю Андронику Палеологу» — Андронику II (1282–1328) или Андронику III (1328–1341) — прибыл «какой-то посол от росов», то, приветствуя императора «от имени своего повелителя», он именовал последнего:

---

[29] *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices. P. 210.

[30] *Поппэ А.* Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в. // ИССР. 1970. № 3. С. 119. Подобное словоупотребление вообще типично для переводных произведений древнерусской литературы XI–XIV вв. См.: СлДРЯз XI–XIV вв. Т. I. М., 1988. С. 439.

[31] *Regel W.* Analecta Byzantino-Russica. St. Petersburg, 1891–1898. P. 45–47, 49.

[32] Nicephori Gregorae Byzantina historiae... / Ed. L. Schopen. Bonnae, 1829. Vol. I. P. 239. Русский перевод см.: *Никифор Григора.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. СПб., 1862. С. 230–231.

«царь росов, а твоего священного величества трапезит» (ὁ βασιλεὺς τῶν Ῥὼς ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης τῆς ἁγίας βασιλείας σου).[33]

Титул трапезита императора, упоминающийся в приведенных известиях, по-видимому, может быть сопоставлен с чином доместик трапезы (δομέστικος τῆς τραπέζης), занимающим двадцатое место в списке Псевдо-Кодина; в обязанности доместика трапезы входило прислуживать императору за столом и ранжировать гостей по достоинству на парадных обедах.[34]

Нетрудно заметить, что положение русских князей сообразно византийской «табели о рангах» напрямую зависело от их родственных отношений с императорами: чем ближе была степень родства, тем выше придворный чин. Помимо уже отмеченного случая с киевским князем Владимиром Святославичем, высший придворный титул встречается в источниках по случаю еще одного русско-византийского династического брака. Так, по сведениям Георгия Сфрандзи, титул деспотиня (δέσποινα) носила старшая дочь московского великого князя Василия I (1389–1425) Анна, вышедшая ок. 1414 г. замуж за наследника византийского престола Иоанна Палеолога, будущего императора Иоанна VIII (1425–1448).[35] А самого Василия I византийские источники именуют «великим королем» (μέγας ῥῆγας) и «аудентом (то есть самодержцем) Московским» (αὐδένις Μοσχοβίου).[36]

Ил. 156. Анна Васильевна Палеолог. Большой саккос митрополита Фотия. Золотое шитье. Первая половина XV в. Музеи Московского Кремля (Москва, Россия)

Брак с племянницей византийского императора, значительно повышающий престиж галицко-волынского князя, а также получение высокого придворного титула должны были выдвинуть Романа Мстиславича на первую ступень среди прочих «архонтов» Руси его времени. По крайней мере, византийская имперская

[33] *Ševčenko I.* Some Autographs of Nicephorus Gregoras // ЗРВИ. Кн. 8. Београд, 1963–1964. С. 447–450.

[34] *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices. P. 138, 157, 178, 207, 210, 218, 237, 272.

[35] *Giorgio Sfranze.* Cronaca / Ed. R. Maisano. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XXIX). Roma, 1990. P. 12.

[36] Die byzantinischen Kleinchroniken / Hrsg von P. Schreiner. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XII). Bd. I. Wien, 1975. S. 627. Nr. 93/4.

традиция ранжирования государств и правителей предоставляла для этого определенные основания.

Высокий правительственный статус, санкционированный византийским императором, несомненно, давал честолюбивому Роману желанный повод к реализации собственных властных амбиций во взаимоотношениях с другими русскими князьями. Прежде всего это касается его агрессивных действий в отношении киевского князя Рюрика Ростиславича, самовольного распоряжения киевским столом, а также попытки стать законодателем нового порядка междукняжеских отношений (проект «доброго порядка» 1203 г.).

Глава тридцать седьмая

ЦАРСКИЕ АТРИБУТЫ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКИХ КНЯЗЕЙ[1]

Атрибуты царского достоинства наследников Романа Мстиславича. — «Греческий оловир» в парадном костюме Даниила Романовича. — Атрибуты и символы царской власти галицко-волынских князей: византийские заимствования и параллели. — Роман Мстиславич и Александр Македонский. — «Апофеоз» Романа Мстиславича

Подобно сербским царям, наследникам Стефана Первовенчанного, византийского орла в качестве символа царской власти наследовал сын Романа Даниил, что нашло отражение в сообщении Галицко-Волынской летописи: «Кому как не Даниилу наследовать царское достоинство своего отца Романа?» — задается вопросом придворный летописец.[2] И вслед за этим в летописи появляется уже известное нам сообщение о возведении на въезде в новую столицу державы Даниила монумента, увенчанного изваянием двуглавого орла.[3]

Даниил Романович пользовался и другими атрибутами высшей власти, указывающими на его царское происхождение как сына византийской принцессы.

Под 1252 г. Галицко-Волынская летопись описывает внешний облик галицко-волынского князя, каким он предстал перед немецкими послами, прибывшими для переговоров с венгерским королем Белой IV, союзником которого тогда был Даниил:

> Бе бо конь под нимь дивлению подобенъ, и седло от злата жьжена, и стрелы и сабля златомъ оукрашена [и] иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира Грецького и кроуживы златыми плоскоми ошитъ, и сапози зеленого хъза, шити золотомъ.[4]

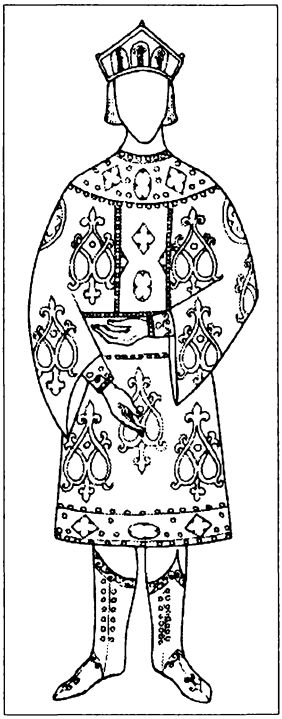
---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* Греческий оловир Даниила Галицкого: Из комментариев к Галицко-Волынской летописи // ТОДРЛ. Т. LXII. СПб., 2011.

[2] «Его же (Даниила. — *А. М.*) отець бе царь в Роускои земли, иже покори Половецькоую землю и воева на иные страны все. Сынъ того не прия чести, то иныи кто можеть прияти?!» (ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 808).

[3] Там же. Стб. 845.

[4] Там же. Стб. 814.



Ил. 157. Мужской княжеско-боярский костюм Древней Руси. XI–XIII вв. (по М. А. Сабуровой)

Это сообщение во многом остается недооцененным исследователями, несмотря на частые к нему обращения. В комментариях к новейшему изданию Галицко-Волынской летописи отмечена лишь необыкновенная полнота в описании летописцем княжеского костюма: «Кажется, [это] самое подробное в древнерусской литературе описание парадной походной одежды князя».[5]

Действительно, со времен Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева приведенное летописное сообщение воспринималось историками исключительно как иллюстрация к традиционному парадному костюму древнерусских князей. С. М. Соловьев, к примеру, передавал смысл сказанного летописцем так: «Даниил одет был по обычаю русскому: седло на коне его было из жженого золота, стрелы и сабля украшены золотом и разными хитростями, кожух из греческого оловира, обшит кружевами золотыми плоскими, сапоги из зеленого сафьяна (хза) шиты золотом».[6] В таком же ключе понимал смысл слов летописца Н. И. Костомаров: «Сам Данило ехал рядом с королем, одетый по-русски; седло под ним было обшито чистым золотом...»[7] и т. д. В многочисленных трудах по истории древнерусской литературы сделан примерно тот же вывод: описание великолепного наряда Даниила призвано возвеличить образ русского князя, создаваемый летописцем.[8]

Между тем, слова о «русском обычае», которому следовал Даниил, в приведенном летописном известии правильнее было бы отнести вовсе не к костюму князя. Эти слова, на наш взгляд, скорее относятся к тому, как вел себя русский князь по отношению к венгерскому королю, точнее, какое место он занимал во время церемонии встречи немецких послов. Летописец ясно дает понять, что, придерживаясь русского обычая, Даниил ехал возле венгерского короля («самъ же еха подле короля по обычаю Роускоу»), в то время как сопровождавшие галицко-волынского князя воины, среди которых особо выделялись одетые в яркие татарские доспехи всадники, следовали отдельно.[9]

---

[5] Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 282.

[6] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 4 // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. II. М., 1988. С. 501-502. См. также: *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. Т. IV. М., 1994. С. 204.

[7] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 кн. Кн. I. М., 2004. С. 218.

[8] *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1966. С. 213; *Водовозов Н. В.* История древней русской литературы. М., 1966. С. 133; *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 36.

[9] ПСРЛ. Т. II. Стб. 814.

Что же касается костюма Даниила и амуниции его коня, то, судя по летописи, они, наоборот, выглядели весьма необычно.[10] Именно этим необычным видом своего наряда Даниил вызвал недоумение немецких послов, прибывших на переговоры с венгерским королем («Немцем же зрящимъ, много дивящимся»). Очевидно, не в меру пышное облачение русского князя вызвало настоящий дипломатический конфуз во время официальных переговоров. Этим, надо думать, объясняется смущение венгерского короля по поводу одеяния Даниила и просьба сменить его на более подобающую случаю одежду, согласующуюся с «обычаемь Роускимь».

Ссылка на русский обычай, повторно звучащая в сравнительно коротком летописном сообщении, на этот раз, действительно, имеет отношение к облачению Даниила. Бела деликатно намекает ему, что на посольский прием следовало бы прийти, одевшись по «русскому обычаю своих отцов». Галицко-волынский князь принимает упрек венгерского короля и соглашается немедленно исполнить его пожелание, переодевшись в предложенное ему другое платье, очевидно еще до окончания посольского приема. Летописец говорит об этом так:

> Рече емоу (Даниилу. — *А. М.*) король: «Не взялъ быхъ тысяще серебра за то, оже еси пришелъ обычаемь Роускимь отцовъ своихъ». И просися (Даниил. — *А. М.*) оу него (короля Белы. — *А. М.*) въ станъ, зане знои бе великъ дне того. Онъ же (Бела. — *А. М.*) я и (Даниила. — *А. М.*) за роукоу, и веде его в полатоу свою, и самъ соволочашеть его, и облачашеть и во порты свое. И такоу честь творяшеть емоу.[11]

Объяснение приведенного свидетельства Галицко-Волынской летописи вызвало немалые затруднения у историков, весьма затемнивших его смысл своими неудачными толкованиями. В понимании С. М. Соловьева, во время переговоров Бела почему-то пожелал сменить свой собственный костюм, обратившись за помощью к Даниилу: «когда король попросился у него в стан, то Даниил ввел его в свою палатку».[12] Столь же неадекватно передается историками смысл обращения венгерского короля к русскому князю. Согласно Н. И. Костомарову, Бела, придя в восторг от появления перед ним блистательного Даниила, воскликнул: «Твой приезд, по обычаю русских князей, дороже мне тысячи серебра».[13]

---

[10] Традиционно русским в костюме Даниила по летописному описанию можно считать, пожалуй, лишь наименование его верхней одежды — *кожух*, представлявший собой, по-видимому, подбитый мехом кафтан. Подобные одежды известны в гардеробе московских великих князей и царей XIV–XVII вв.: украшенные нашивками, кружевом и аламами с жемчугом кожухи упоминаются, к примеру, в завещании Ивана Калиты и в Книге царских выходов Алексея Михайловича за 7156 г. (с 1 сентября 1647 по 30 августа 1648 г.). См.: *Строев П. М.* Выходы государей, царей и великих князей, Михаила Феодоровича, Алексия Михаиловича, Феодора Алексиевича: всея Руси самодержцев с 1632 по 1682 год. М., 1844. С. 178; *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 59. Однако нет сведений о том, чтобы московские великокняжеские и царские кожухи были бы сшиты из столь ценного материала как греческий пурпур.

[11] ПСРЛ. Т. II. Стб. 814–815.

[12] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 4. С. 502.

[13] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях... Кн. I. С. 218.

Ил. 158. Венгерский король Бела IV. Миниатюра из Иллюстрированной хроники середины XIV в. (Chronicon Pictum, или Chronica de Gestis Hungarorum), иногда называемой также Венской иллюстрированной хроникой или Хроникой Марка Кальти, по имени одного из составителей. Национальная библиотека им. Иштвана Сечени (Будапешт, Венгрия)

Примерно также понимал обращение короля к Даниилу И. П. Крипякевич: «Менее дорога мне и тысяча серебра, нежели то, что ты приехал по русскому обычаю своих отцов».[14] Такого же понимания придерживаются и некоторые новейшие авторы, полагая, что Бела «похвалил» Даниила за приверженность русскому обычаю, после чего сам отправился переодеваться в другую одежду.[15]

На самом же деле слова Белы, обращенные к Даниилу, выражают недовольство по поводу внешнего вида князя, в чем король усматривал не только нарушение дипломатического этикета, но и «русского обычая». Правда, свое недовольство Бела высказывает в весьма учтивой форме: «Я отказался бы от тысячи серебра, — говорит король, — лишь бы ты пришел [сообразно] русскому обычаю своих отцов». Услышав это, Даниил тотчас под предлогом сильного зноя попросился отлучиться в королевский стан, чтобы сменить свою одежду.[16]

* * *

Что же так обеспокоило венгерского короля и немецких послов в облике галицко-волынского князя, что в его костюме, выражаясь современным языком, так не соответствовало дипломатическому протоколу, а вместе с тем и «русскому обычаю»? Конечно же, это — царские атрибуты, которыми украсил себя Даниил, главным среди которым был, по-видимому, бросавшийся в глаза роскошный «кожух», сшитый из «оловира Грецького».

---

[14] «Менше варта мені й тисяча срібла, ніж те, що ти приїхав руським звичаєм своїх батьків» (*Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. С. 180).

[15] *Ричка В. М.* «Київ — другий Єрусалим» (з історії політичної думки середньовічної Русі). Київ, 2005. С. 236.

[16] Наиболее точный перевод приведенного летописного сообщения на современный русский язык, с нашей точки зрения, предложен О. П. Лихачевой: «И сказал Даниилу король: "Я отказался бы от тысячи серебра, лишь бы ты пришел, — по русскому обычаю своих отцов". Даниил попросился у него в стан, потому что был сильный зной в тот день. Король взял его за руку, и ввел в свою палатку, и сам его раздел и одел в свои одежды, такую честь оказал он ему» (Галицко-Волынская летопись / Подг. текста, пер. и коммент. О. П. Лихачевой // БЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 263). Ср. переводы на украинский язык Т. Кострубы и Л. Е. Махновца: Галицько-Волинський літопис / Переклав і пояснив Т. Коструба. Ч. II. Львів, 1936. (Українська бібліотека. Ч. 44). С. 38; Літопис Руський: За Іпатським списком переклав Л. Махновець. Київ, 1989. С. 408–409.

Выражение *оловир* следует отнести к числу чрезвычайно редких. Оно встречается только в Галицко-Волынской летописи и, насколько нам известно, не зафиксировано в других памятниках письменности Древней Руси. Вслед за И. И. Срезневским его переводят обычно как «шелковая, затканная золотом ткань».[17] Этот перевод, однако, нельзя признать в достаточной степени точным. Он не отражает важнейшей, на наш взгляд, смысловой составляющей понятия «оловир» как одного из видов греческого пурпура.

Др.-русск. *оловиръ*, судя по всему, образовано от ср.-греч. ὁλόβηρον.[18] Зафиксированная в византийских памятниках форма ὁλόβηρον (ὁλό-βηρος) употребляется в значении 'истинный пурпур'; в форме *holoverus* 'истинный пурпур' это выражение известно также в латинских средневековых текстах.[19] Греко-латинский термин *оловир* (ὁλόβηρον) или *головер* (*holoverus*) образован путем сложения двух основ, восходящих к греч. ὅλος 'целый' и лат. *verus* 'истинный'. Ввиду этого более правильным следует признать определение, для др.-русск. *оловиръ*, предложенное в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: «Оловиръ — драгоценная ткань (ср. греч. ὁλόβηρον 'из чистого пурпура')».[20]

Византийские источники прямо свидетельствуют о том, что термин *оловир* (*головер*) имеет отношение к особой «царской» окраске шелковой ткани, многократно увеличивавшей ее значение и стоимость. Окрашенную таким образом ткань нельзя приравнивать к обычному шелку. По сообщению Прокопия Кесарийского (Тайная история. XXV. 21), Петр Варсима, занимавший в середине VI в. должность комита священных щедрот, в нарушение всяких правил наладил открытую торговлю шелком различных видов и продавал

> одну унцию шелка любой окраски не менее чем за шесть золотых, а шелк царской окраски, которую обычно именуют головером, более чем за двадцать четыре золотых.[21]

«Кожух» Даниила Романовича, сшитый из «истинного» или «чистого» пурпура, представлял собой одеяние действительно весьма примечательное и даже, можно сказать, исключительное. Пурпур высшего качества в Византии на протяжении многих веков составлял исключительную привилегию императоров. Его производство осуществлялось по весьма сложной и дорогостоящей технологии, отработанной

[17] *Срезневский И. И.* Мат-лы для словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. II. М., 2003. Стб. 661. См. также: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 172; Галицко-Волынская летопись. С. 282.

[18] *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1959. С. 647; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. СПб., 1996. С. 135.

[19] *Sophocles E. A.* Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods. Hildesheim; Zürich; New York, 2005. P. 801. См. также: *Du Cange Ch.* 1) Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. T. II. Frankfurt-am-Main, 1710. Col. 846–847; 2) Glossarium ad scriptores mediae a infimae Graecitatis, auctore Carolo Du Fresne, Domino du Cange Effigies recens cum vetere editione anni 1688 prorsus congruens. Vratislaviae, 1891. Col. 204.

[20] СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. С. 359.

[21] *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., комм. А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 401.

еще в античные времена и применявшейся по меньшей мере до XIII в. Пурпур добывался из морских моллюсков (murex), обитающих в районе Тира, а также в прибрежных водах Пелопоннеса и прилегающих островов. Для окрашивания одного предмета одежды необходимо было переработать до двенадцати тысяч раковин.[22]

Ценовой эдикт Диоклетиана перечисляет двенадцать видов пурпурных тканей, чья цена колебалась от десяти (за красную шерсть) до ста пятидесяти тысяч динариев (за пурпурный шелк). Со времен Юстиниана пурпур лучшего качества не подлежал продаже и оставлялся для императорских нужд. На рынок поступали только различные имитации и низкокачественные виды пурпура. С VII в. его производство полностью концентрируется в Константинополе, провинциальные центры пурпурного дела закрываются.[23]

Ношение одежды из пурпура также было строго ограничено законами империи. Со времен Тиберия подданным императора разрешалось носить на одежде лишь пурпурную кайму шириной не более двух пальцев. Лев VI разрешил продажу пурпурных остатков, но это послабление действовало недолго.[24] В качестве особой милости императоры могли жаловать своим родственникам право ношения пурпура. Например, Исаак II позволил своему дяде по матери Феодору Кастамониту использовать при выезде на коне пурпурный науздник и чепрак, а также подписываться пурпурными чернилами.[25]

Едва ли можно согласиться с тем, что «кожух греческого оловира» мог быть куплен Даниилом Романовичем у какого-нибудь заезжего торговца, прибывшего с товаром в Галич или во Владимир-Волынский. А между тем, именно такое объяснение появления в гардеробе галицко-волынского князя наряда из оловира преобладает в современной литературе. Новейшие авторы без тени сомнения утверждают, будто русские князья покупали драгоценные ткани такого рода в Византии.[26] Иногда можно прочитать даже о том, что на торговые пристани Галича и Владимира прибывали целые «суда, груженные греческим оловиром».[27]

---

[22] *Carile A.* Immagine e realtà nel mondo bizantino. Bologna, 2000. P. 100.

[23] См.: *Reinhold M.* History of Purple as a Status Symbol in Antiquity. Brussels, 1970; *Jacoby D.* Byzantium, Latin Romania and the Mediterranean Aldershot, 2001. P. 8–11, 141 sqq.; *Oikonomides N.* The Role of the Byzantine State in the Economy // The Economic History of Byzantium: from the seventh through the fifteenth century / Ed. by A. E. Laiou. Vol. 3. Washington, 2007. P. 984–986.

[24] *Gipper H.* Purpur: Weg und Leistung eines umstrittenen Farbworts // Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische sprache. Bd. 42. Göttingen, 1964; *Hunger H.* Reich der neuen Mitte: Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz [u. a.], 1965. S. 84–89.

[25] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 114.

[26] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 172; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // ИСССР. 1967. № 3. С. 85; *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 125; *Сидоренко О. Ф.* Українські землі у міжнародній торгівлі (IX–середина XVII ст.). Київ, 1992. С. 75; *Копитко А.* Галицька та Волинська землі і Византія в системі міжнародних економічних зв'язків (XIII–перша половина XIV ст.) // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Мат-ли міжнар. наук. конф-ції. Львів, 29–30 листопада 2001 р. Львів, 2003. С. 99.

[27] *Пашуто В. Т.* Галицко-Волынское княжество // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Ч. I. М., 1953. С. 363.

С X в. одежды из царского пурпура, оловира, как и любые ткани, окрашенные в пурпур, были запрещены к продаже иностранцам и вывозу за границу. Согласно Книге эпарха (кодифицированный в X в. официальный свод уставов константинопольских ремесленных и торговых корпораций, находившихся в ведении эпарха — градоначальника), изготовление пурпурных тканей находилось под строжайшем контролем государства, любые попытки их несанкционированного производства и распространения карались самыми жесткими мерами вплоть до смертной казни.[28]

Как явствует из трактата Константина Багрянородного, царская пурпурная одежда имела сакральное значение, и поэтому передать такую одежду кому-либо другому означало поделиться частицей верховной власти. Император всячески предостерегал своего наследника от пожалований царского пурпура правителям других стран и народов, в том числе хазар, венгров и росов, настойчиво добивавшимся подобной милости от василевса; им надлежало отказывать под любым, даже самым невероятным предлогом.[29]

Масштабная торговля оловиром Византии с Галицко-Волынской Русью станет и вовсе невероятным с исторической точки зрения явлением, если признать (как это обыкновенно делают комментаторы Галицко-Волынской летописи), что под названием «оловир» подразумевался затканный золотом шелк, окрашенный в пурпур.

Собственное производство шелка известно в Византии с середины VI в. Однако продажа большинства его видов за рубеж была запрещена. Только очень небольшое количество шелка экспортировалось в мусульманские страны. Венецианским и некоторым другим привилегированным итальянским купцам разрешалось продавать византийский шелк низкого качества на рынке в Павии. Шелковые ткани высокого качества использовались императорами (помимо личного употребления) в качестве официальных дипломатических подарков, шли на уплату контрибуций или откупов от войны. Этот путь распространения шелка за пределами империи следует признать более правдоподобным.[30]

Мы, разумеется, не отрицаем того очевидного факта, что в Древней Руси шелковые ткани иностранного производства получили весьма широкое распространение. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки, а также сообщения письменных источников. Есть даже основания

---

[28] Византийская книга эпарха / Пер. и комм. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 81, 183 и след.

[29] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 54–57.

[30] *Lopez R. S.* Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. Mediaeval Academy of America. Vol. 20. 1945; *Oikonomides N.* Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of Kommerkiarioi // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 40. Washington, 1986; *Harvey A.* Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200. Cambridge; New York; Port Chester [etc.], 1989. P. 147–149, 182–186; *Laiou A. E., Morrison C.* The Byzantine economy. Cambridge; New York, 2007 (Cambridge Medieval Textbooks). P. 125 sqq.

полагать, что привозимый с Востока шелк частично реэкспортировался из Руси в Европу — Польшу, Чехию, Южную Германию, Скандинавию.[31]

Однако найденные археологами фрагменты шелковых тканей древнерусского времени в своем абсолютном большинстве не могут быть поставлены в один ряд с «греческим оловиром», упомянутым в Галицко-Волынской летописи. М. В. Фехнер справедливо указывает, что дорогие сорта византийских тканей, как фофудья, оловир грецкий, аксамит, воспроизведенные на фресках Киевской Софии и Спаса на Нередице, а также в миниатюре Изборника 1073 г. с групповым портретом семейства Святослава Ярославича, нельзя смешивать с массовой шелковой продукцией, поступавшей на внешний рынок. Византийские ткани высшего качества поступали в страны Западной и Восточной Европы преимущественно в виде посольских даров, военной добычи или в виде торговых пошлин.[32]

Еще меньше оснований уподоблять «греческому оловиру» сохранившиеся со времен Древней Руси остатки шелковых тканей по следам их древней окраски. Первоначальный цвет большинства таких тканей, восстанавливаемый при реставрации, представляет собой различные оттенки красного.[33] Таковы, к примеру, ткани из знаменитого Михайловского клада, найденного в Киеве в 1903 г. Тогда на территории Михайловского Златоверхого монастыря был найден зарытый в землю глиняный сосуд, наполненный золотыми и серебряными предметами женского убора, а также фрагментами шелковых тканей, представляющими собой остатки женского парадного костюма.[34] Специальное исследование показало, что первоначальный цвет тканей был красным различных оттенков — от ярко-розового до вишнево-коричневого, а в качестве красителя использованы марена и сафлор — обычные растительные краски, широко распространенные в Средиземноморье, Иране и Средней Азии. Они не давали ткани насыщенного и глубокого цвета, а самое главное, не отличались стойкостью.[35]

Среди тканей Михайловского клада особенно выделяются несколько фрагментов двустороннего гладкого шелка со сложной техникой переплетения нитей, которые могут быть отнесены к категории византийских шелков высшего качества. Только на этих небольших фрагментах (в основном в виде полосок

[31] См.: *Фехнер М. В.* 1) Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971; 2) Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // СА. 1977. № 3; 3) Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. 1982. № 2.

[32] *Фехнер М. В.* Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе. С. 58.

[33] Красный цвет вообще был излюбленным цветом в одежде древнерусских горожан. По данным А. В. Арциховского, более трех четвертей найденных археологами фрагментов одежды жителей Древнего Новгорода были окрашены в красные цвета — киноварный и карминный (*Арциховский А. В.* Одежда // Очерки русской культуры. XIII–XV вв. Ч. 1. М., 1970. С. 282).

[34] Подробное описание клада см.: *Белящевский Н.* Ценный клад великокняжеской эпохи // Археологическая летопись Южной России. 1903. № 5 (СПб., 1904); *Корзухина Г. Ф.* Древнерусские клады. М.; Л., 1954.

[35] *Фехнер М. В.* Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в. // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974.

ткани), использовавшихся для украшения костюма, удается выявить следы применения более дорогостоящих красителей. По мнению А. К. Елкиной, для окрашивания этих фрагментов шелка наряду с мореной мог быть применен червец (или кермес) — один из драгоценных красителей древности, добывавшийся из насекомых типа «армянской кошенили» (Porphyrophora hameli); червецом по алюминиевой протраве окрашивали шелк в малиновый или темно-вишневый цвета.[36]

Червец (называемый также кармином) как более дешевый аналог пурпура был известен и в Западной Европе: со времен античности его производили в средиземноморских странах (главным образом в Италии, Испании и на юге Франции). В XIV–XV вв. по мере сокращения и удорожания пурпура производство кармина расширилось, совершенствовалась и технология его применения. Тем не менее разница между настоящим пурпуром и его суррогатами была очевидной. Представители высшей знати и прелаты римской церкви по-прежнему предпочитали носить настоящий пурпур. И только когда вследствие захвата Константинополя турками производство настоящего пурпура полностью прекратилось, папа Павел II распорядился, чтобы на приготовление «кардинальского пурпура» употреблялся кармин (1464).[37]

* * *

Трудно с полной уверенностью сказать, был ли наряд Даниила Романовича, в котором он предстал перед немецкими послами на приеме у венгерского короля, действительно сшит из «истинного» или «чистого» пурпура, оловира, в буквальном значении этого выражения. Но в любом случае ясно, что именно такое впечатление этот наряд производил на очевидцев — участников королевского приема. Подтверждением сказанному служит реакция немецких послов, представлявших, надо полагать, императора Священной империи Фридриха II (1220–1250), «царя», как говорит о нем летописец: «Немцем же зрящимъ (облачение Даниила. — *А. М.*), много дивящимся».[38] В императорском одеянии галицко-волынского князя немецкие послы, очевидно, усмотрели посягательство на прерогативы их собственного государя.

Как бы то ни было, вид у Даниила Романовича, детально переданный летописцем, действительно был царский. В своем великолепном наряде он походил если не на византийского императора, то, по меньшей мере, на какого-нибудь персидского царя Дария или Чафия, чьи образы были известны на Руси по произведениям переводной литературы.[39]

---

[36] *Елкина А. К.* Исследование красителей тканей из Михайловского клада // Там же. С. 70.

[37] *Frick C. C.* Dressing Renaissance Florence: families, fortunes, and fine clothing. Baltimore [u. a.], 2002. P. 102.

[38] ПСРЛ. Т. II. Стб. 814.

[39] См.: *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Т. XXXI, кн. 1. Л., 1926. С. 105–106.

Особенно близкое сходство чувствуется между описаниями парадных одежд Даниила в летописи и царя Дария в русском переводе «Александрии». Явившись к Дарию под видом собственного посла, Александр Македонский мог лицезреть владыку Персии во всем его царском великолепии:

> Седяше Дарии въ венци, иже бе с камениемъ многоценнымъ, в ризе червлене, иже бе вавилоньскы ткана златымъ пряденом, и въ багре царьстемъ, и въ сапозехъ златыхъ, с камениемъ деланы до лыстоу (икр. — *А. М.*) его...[40]

В одеянии Даниила, по словам летописца, также изобиловали золото и камения, а его «кожюхъ же оловира Грецького и кроуживы златыми плоскоми ошитъ» не уступал червленой ризе и царскому «багру» Дария; под стать сапогам персидского царя были «сапози зеленого хъза, шити золотомъ» Даниила.

Сравнение наряда Даниила с одеждой лазско-персидского царя Чафия, пожалованной ему византийским императором Юстинианом и подробно описанной в семнадцатой главе Хроники Иоанна Малалы по Еллинскому летописцу, проводил в свое время А. С. Орлов.[41] Но сравнение это оказывается далеко не в пользу Чафия, в наряде которого не нашлось места для пурпура или «багра», как он именуется в русском переводе: персидский царь носил «в багра место нашиву злату плоску».[42]

Важно заметить, что свой царский облик Даниил Романович приобрел еще до того, как он принял королевскую корону от римского папы. Описанный в летописи под 6760 (1252) г. прием у венгерского короле в действительности должен был произойти несколькими годами ранее, по-видимому, в конце 1248 или начале 1249 г.[43] Следовательно, привилегия ношения пурпура была получена Даниилом независимо от милости папы и, видимо, задолго до нее. К тому же получение королевской короны едва ли могло санкционировать для галицко-волынского князя право на царские регалии, которые были под стать только византийским василевсам и членам их семьи.

Греческий оловир, в котором щеголял Даниил Романович, не мог быть пожалован ему никем из тогдашних европейских монархов или римских прелатов. В средневековой Европе драгоценные византийские ткани были слишком большой редкостью и вызывали к себе особое отношение, — их воспринимали как предметы исключительной ценности, сравнимые с христианскими реликвиями. По данным западноевропейских источников, в византийский шелк в X–XII вв. заворачивали особо чтимые христианские святыни, хранящиеся в храмах.[44]

---

[40] *Истрин В. М.* Александрия первой редакции // *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: исследование и текст. Прилож. 1. М., 1893. С. 61.

[41] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 105.

[42] Там же.

[43] *Грушевський М. С.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Т. XLI. Львів, 1901. С. 34–35.

[44] См., например: *Bonner G., Rollason D., Stancliffe Cl.* St. Cuthbert, his cult and his community to AD 1200. Woodbridge, 1995. P. 346. См. также: DOB. Vol. III. New York; Oxford, 1991. P. 1897.

Столь же трепетное отношение к драгоценным византийским тканям мы видим и в Галицко-Волынской Руси. В помещенном под 1288 г. в Галицко-Волынской летописи похвальном слове волынскому князю Владимиру Васильковичу (внук Романа Мстиславича и племянник Даниила Романовича) особо отмечается его роль в строительстве и украшении церквей и в числе прочего сказано, что для построенной в честь Георгия Победоносца церкви в городе Любомле князь пожаловал «Евангелие опракос же волочено оловиром».[45]

Использование оловира для переплета Евангелия позволяет думать, что эта ткань соответствовала известным в Европе драгоценным сортам византийского шелка, и таким образом упомянутый выше «кожух» Даниила Галицкого действительно представлял собой настоящий царский наряд, сшитый из «истинного» («чистого») пурпура.

Стать обладателем такого наряда галицко-волынский князь мог, только получив его в наследство от своих родителей. Драгоценные византийские ткани, очевидно, составляли приданое второй жены Романа Мстиславича, царевны Евфросинии, и перешли затем к ее детям и внукам. В этом, видимо, и состоял источник необычной даже для самых набожных из русских князей щедрости внука Евфросинии Владимира Васильковича, неоднократно жертвовавшего расшитые золотом паволоки и аксамит для украшения волынских храмов.[46]

Галицко-волынские князья, прямые потомки Романа Мстиславича и царевны Евфросинии, использовали атрибуты своего царского происхождения не только при жизни, но и отправляясь в загробный мир. Галицко-Волынская летопись сообщает, что умершего 10 декабря 1288 г. Владимира Васильковича приготовили к погребению по царскому чину:

> оувиша и оксамитомъ со кроужевомъ, якожс достоить царямь.[47]

Наряду с царскими атрибутами в одежде, галицко-волынских князей сопровождают в летописи и другие символы царского достоинства. При описании деяний князей Романа и Даниила, особенно их военных подвигов, летописец неоднократно уподобляет своих героев орлам или как-нибудь иным образом связывает с ними образ царственной птицы.

Восхваляя подвиги Романа Мстиславича, летописец сравнивает славного князя-воителя с разъяренным львом и орлом, преодолевавшим всю Половецкую землю («и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ»).[48] При въезде в новую столицу Даниила Романовича город Холм, как мы видели, был воздвигнут каменный монумент, увенчанный изваянием орла.[49]

---

[45] ПСРЛ. Т. II. Стб. 926.

[46] Там же.

[47] Там же. Стб. 918.

[48] Там же. Стб. 716.

[49] Там же. Стб. 845.

Ил. 159. Поединок орла со змеей. Мозаика. Константинополь. Вторая половина VI в. Большой императорский дворец (Стамбул, Турция)

Еще более примечательная сцена возникает в Галицко-Волынской летописи при описании Ярославской битвы 1245 г., решившей исход борьбы за галицкий стол, продолжавшейся несколько десятилетий, в пользу Даниила Романовича. Перед началом битвы произошло поразившее всех знамение: над полком Даниила внезапно появилась стая орлов, с клекотом носившихся в воздухе, покрывая князя и его воинство своими распростертыми крыльями («орлом же клекьщоущимъ и плавающимъ криломъ своими и воспрометающимъся на воздоусе»). Появление орлов разогнало тучу воронов, собравшихся над местом битвы в предвкушении обильной добычи.[50]

Парящий в небе орел с распростертыми крыльями, тень от которых осеняет собою царя, — яркий пророческий образ, известный в византийской литературе. Например, Иоанн Скилица в своей «Истории византийских императоров» упоминает о предсказании, связанном с императором Василием I (867–886), предопределившим его великое будущее: лежащего в колыбели младенца Василия накрывает своей тенью крыло парящего в небе орла. Это сцена изображена в иллюстрированной Мадридской рукописи «Истории» Скилицы (XII–XIII вв.).[51]

Орел — один из важнейших атрибутов и символов верховной власти. Подобное восприятие прочно закрепилось в традиционной культуре и мифологии многих народов с древних времен. В общественном сознании средневековой Европы, а также Древней Руси идея орла как символа власти царя или короля получила самое широкое распространение.[52] Эта идея нашла прямое отражение и развитие в произведениях древнерусской литературы.[53]

В мифологических представлениях орел появляется как орудие божьей воли, объявляя земному правителю о выборе новой столицы. По древнему преданию, известному в том числе в пересказе Нестора Искандера (русского автора второй половины XV в., попавшего в плен к туркам и принявшего ислам), когда император Константин Великий пожелал выбрать место для своей новой столицы, выбор его был подтвержден явлением орла, бросившегося с небес на змею и вступившего с ней в поединок. Так был основан Константинополь, ставший Вторым Римом.[54]

---

[50] Там же. Стб. 802.

[51] *Grabar A., Manoussacas M.* L'illustration du manuscrit de Skylitzès de la Bibliothèque Nationale de Madrid. Venice, 1979. Nr. 202.

[52] *Хорошкевич А. Л.* Символы русской государственности. М., 1993. С. 21, 30–31.

[53] *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля древней Руси. М., 1947. С. 83–86, 171.

[54] Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году / Подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. Т. 7. Вторая половина XV в. СПб., 2005. С. 28–29.

Эта легенда отразилась также в ранних памятниках византийского искусства. Второй половиной VI в. датируется красочная мозаика, изображающая орла со змеей, украшавшая пол Большого императорского дворца в Константинополе.[55]

Возможно, неким продолжением византийской мифологемы орла как проводника божьей воли царю, выбирающему место для своей новой столицы, является описанный в Галицко-Волынской летописи монумент с изваянием орла, возведенный Даниилом Романовичем при въезде в его новую столицу — город Холм.

* * *

Дошедший до нас текст Галицко-Волынской летописи открывается пышным посмертным панегириком князю Роману Мстиславичу, сохранившимся в виде фрагмента. Летописец, в частности, подчеркивает военную доблесть князя, проявленную в борьбе с половцами, сравнивая его с различными свирепыми и кровожадными хищниками — львом, рысью, орлом, туром и даже крокодилом:

> оустремил бо ся бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и гоубяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бе яко и тоуръ.[56]

Яркая летописная характеристика князя неизменно привлекает внимание исследователей, благодаря своим необычным литературным достоинствам и образным сравнениям. По мнению Н. Ф. Котляра, посмертный панегирик Роману Галицко-Волынской летописи представляет собой «один из лучших образцов древнерусской ораторской прозы».[57]

Каково было происхождение и символический смысл столь образной и неординарной характеристики героя?

Еще В. Ф. Миллер отметил стилистическое сходство и возможное литературное родство летописной похвалы Роману и «Слова о полку Игореве», полагая, что в словах галицкого летописца мог отразиться фрагмент недошедшей начальной части «Слова»,[58] Наблюдения Миллера нашли поддержку других исследователей. На близость к традициям эпической поэзии летописной похвалы Роману указывал Н. К. Гудзий.[59] Л. В. Черепнин отмечал,

---

[55] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 30–31. Табл. 7; *Jobst W., Erdal B., Gurtner C.* Istanbul. Das grosse byzantinische Palastmosaik: seine Erforschung, Konservierung und Präsentation. 1983–1997. Istanbul, 1997. Fig. 9, 12.

[56] ПСРЛ. Т. II. Стб. 716.

[57] *Котляр Н. Ф.* Роман и Романовичи в исторической и поэтической традиции // ДГ. 2002 год. М., 2004. С. 116.

[58] *Миллер В. Ф.* Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877. С. 138–142.

[59] *Гудзий Н. К.* Галицко-Волынская летопись // История русской литературы. Т. II, ч. 1. М.; Л., 1946. С. 26–27. См. также: *Гудзий Н. К.* «Слово о полку Игореве» и древнерусская литературная

что среди текстов Галицко-Волынской летописи «наибольшую близость к "Слову о полку Игореве" обнаруживает начало Летописца Даниила Галицкого, представляющее собой самостоятельное литературное произведение, внесенное в текст Летописца». Летописная характеристика галицко-волынского князя «составлена в стиле Слова (сравнение Романа со зверями: тур, орел)».[60]

Впрочем, прямое соотнесение летописной характеристики доблестей Романа с поэтическими образами «Слова о полку Игореве» имеет и свои недостатки. Так, Д. С. Лихачев настаивал на несходстве авторской манеры галицкого летописца и создателя «Слова». Хотя оба автора мастерски используют образы животного мира для характеристики своих героев, автор «Слова» «никогда не вводит в свое произведение иноземных зверей. Он реально представляет себе все то, о чем рассказывает и с чем сравнивает. Он прибегает только к образам русской природы, избегает всяких сравнений, не прочувствованных им самим и не ясных для читателя».[61]

Действительно, сравнение Романа Мстиславича со львом и крокодилом, к которому прибегает галицкий книжник, скорее должно свидетельствовать о заимствовании подобных приемов из иностранного литературного источника.

Литературный кругозор составителя летописного панегирика Роману, несомненно, должен был включать славяно-русские переводы таких иностранных произведений, где можно было почерпнуть сведения об экзотических для Руси животных и птицах, а также примеры использования их образов для характеристики выдающихся личных качеств героев.

В литературе уже высказывались предположения о том, что источник необыкновенного сравнения галицко-волынского князя с экзотическими хищниками следует искать в византийской традиции. «Очевидно, — отмечал А. Н. Робинсон, — не без помощи литературно-эпической традиции, возможно, византийской (сравнения со «львом», «крокодилом»), в летописи рассказывается о том, как Роман боролся с половцами, подобно какому-то чудесному герою, объединившему свойства могучих и свирепых зверей и птиц».[62]

Давно отмечено, что составители Галицко-Волынской летописи и в особенности ее первой части — Летописца Даниила Галицкого — в своей работе использовали широкий круг произведений переводной византийской литературы. Как установил еще А. С. Орлов, среди главных иностранных источников галицкого книжника помимо библейских книг были также «История иудейской

традиция // *Гудзий Н. К.* Литература Киевской Руси и украинско-русское литературное единение XVII–XVIII веков. Киев, 1989. С. 164.

[60] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. Т. 12. М., 1941. С. 238.

[61] *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 23.

[62] *Робинсон А. Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980. С. 263.

войны» Иосифа Флавия и славянские переводы хорошо известных в Византии хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы.[63]

Это второй, известный в Древней Руси случай масштабного влияния на летопись переводной исторической литературы. «Первый раз, — писал Д. С. Лихачев, — византийские хроники были привлечены для восполнения русского летописания при Владимире Мономахе; второй раз византийские хроники оказывают влияние на стиль и на самый тип повествования при Даниле <...> Сильные князья стремятся подражать византийским императорам и вводят у себя придворную хронография, отчасти сходную с византийской».[64]

Среди литературных источников Галицко-Волынской летописи А. С. Орлов, а вслед за ним и другие исследователи отмечают также и древнерусский перевод «Александрии» — популярного греческого романа, посвященного жизнеописанию царя Александра Македонского.[65] Сложившееся еще в эллинистическую эпоху, это яркое и самобытное произведение было широко распространено не только в Византии, но и в Западной Европе.[66] В древнерусской литературе роман об Александре в ранних редакциях известен только в составе нескольких переводных хронографов, восходящих к хронографическому своду XIII в.[67]

Составитель Летописца Даниила Галицкого неоднократно обращался к тексту «Александрии», черпая из него образы и примеры, способствующие усилению эмоционального впечатления от описываемых им событий и характеристик героев. По наблюдениям Л. В. Черепнина, в уста князя Даниила галицким книжником в несколько перефразированном виде были вложены некоторые из монологов Александра Македонского, а унижения, испытанные галицким князем в ставке Батыя, совпадают по тону с сетованиями автора «Александрии» по поводу униженного положения персидского царя Дария после поражения от Александра.[68]

Очевидно, не обошлось без влияния текста «Александрии» и при составлении летописного панегирика Роману Мстиславичу. Согласно А. С. Орлову, стилистическими источниками для летописной похвалы князю явились характеристики Геракла (первая книга Хроники Иоанна

[63] См.: *Орлов А. С.* 1) К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Т. XXXI, кн. 1. Л., 1926; 2) О Галицко-Волынском летописании // ТОДРЛ. Т. V. М.; Л., 1947.

[64] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 255.

[65] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 106, 115–117; *Гудзий Н. К.* Галицко-Волынская летопись. С. 25-26; *Творогов О. В.* Древнерусская литература // Очерки истории культуры славян. М., 1996. Т. I. С. 450–451.

[66] См.: *Ботвинник Н. М.* «Роман об Александре». Рукописная традиция и история изучения текста // Byzantinorossica. СПб., 2003. Т. 2; *Блескина О. Н.* Латинские «Александрии»: истоки и версии // Там же.

[67] Подр. см.: *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: исследование и текст. М., 1893; *Творогов О. В.* 1) Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 85–88; 2) Александрия Хронографическая // СККДР. Л., 1987. Вып. 1.

[68] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 233.

Малалы), Святослава («Повесть временных лет») и Александра Македонского («Александрия»).[69]

К такому же выводу пришел недавно В. М. Рычка. Исследователь считает, что похвала князя-воителя Романа Мстиславича «скроена галицким книжником из готовых литературных лекал».[70] Причем главным мотивом летописца было уподобление своего героя именно царю Александру. Этот мотив развивается посредством ряда приписываемых ему «звериных» черт.[71]

Уподобление летописцем Романа Мстиславича орлу и льву находит многочисленные параллели в текстах древнерусского перевода романа об Александре первой редакции, отразившихся в составе Архивского и Виленского хронографов, а также первой редакции Летописца Еллинского и Римского.[72] Благодаря публикации В. М. Истриным текстов первой и последующих редакций древнерусского перевода «Александрии», а также недавней публикации О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой основных списков Летописца Еллинского и Римского, мы имеем возможность проведения сравнительно-текстологического сопоставления памятников.

Образы орла и льва выступают в «Александрии» постоянными атрибутами великого македонского царя с момента его рождения и до самой смерти. Так, о скором рождении Александра, зачатого его матерью Олимпиадой от бога Амона, его отец Филипп, находившийся в дальнем походе, узнает из вещего сна, в котором перед ним явился сам бог Амон и предъявил свою грамоту с печатью, изображающей голову льва. Толкователи сновидений пояснили Филиппу, что у его жены

> раждааися отрокъ еллинъ, до въстока проидеть, брани творя, акы левъ, и пусты грады творить.[73]

Внешнее сходство со львом чудесным образом запечатлевается в самом облике Александра и всячески подчеркивается в его описаниях автором «Александрии». Воеводы Дария докладывали своему повелителю, что образ Александра по храбрости его подобен образу льва:

> по храбромоу его дрьзновению образъ е́ть его, по всемоу оубо львовъ обзаръ имать.[74]

---

[69] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 104.

[70] *Ричка В. М.* «Буй — Роман» // Ruthenica. Київ, 2010. Т. 9. С. 149.

[71] Там же. С. 150-151.

[72] *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. С. 243–249.

[73] *Истрин В. М.* Александрия первой редакции // *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Прилож. I. С. 12.

[74] Там же. С. 53. См. также: Летописец Еллинский и Римский. Т. I. Текст / Осн. список подг. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой. СПб., 1999. С. 90, 91, 117, 159.

Отметим, что в текстах древнерусского перевода «Александрии» можно найти и прямое уподобление Александра Македонского льву и рыси именно как воителя в описаниях его победоносных походов на восточные страны и города («устремляяся на въсточныя грады, акы лев»).[75] Этот прием практически дословно повторяет галицкий летописец в похвале Роману («оустремил бо ся бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь»).

Образ орла в «Александрии» также появляется уже в сценах, связанных с описанием рождения Александра.[76] Этот образ всю жизнь сопровождает царя, будучи изображенным, например, на шлеме, подаренном ему царицей Кандакией. Орел появляется и в момент смерти великого правителя. Сообщению о ней в «Александрии» предшествует описание небесного знамения: в ночном небе возникают яркая звезда и летящий с ней рядом орел, вдруг звезда оставляет орла, улетая прочь, и тотчас наступает кончина Александра.[77]

Очевидно, что образ истребляющего половцев крокодила составитель летописного панегирика Роману также должен был заимствовать из романа об Александре. Сведения об этом экзотическом хищнике в древнерусскую литературу проникали, как известно, из переводных иностранных произведений, главным образом византийских.[78] Галицкий книжник мог найти их в тексте о рахмане, приписываемом Палладию, и включенном в виде отдельного фрагмента в состав первой редакции древнерусского перевода «Александрии». Здесь рассказывается о посещении Александром чудесной страны, населенной «блаженными» людьми, в реках которой обитало страшное и непобедимое чудовище крокодил, «егоже всякъ звърь боится».[79]

Есть серьезные основания полагать, что в Галицко-Волынской Руси одновременно с составлением текста Летописца Даниила Галицкого шла подготовка обширного хронографического свода, включавшего в себя русские переводы наиболее известных византийских произведений, посвященных всемирной истории. Эта работа была закончена галицкими книжниками ок. 1262 г., когда был создан объемистый сборник, содержащий фрагменты библейских книг, перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, фрагменты Хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, а также полный текст первой редакции «Александрии». О своде 1262 г. можно судить по его сохранившейся копии конца XV в. — сборнику, принадлежавшему некогда Екатерине II, а ныне хранящемуся в Российском государственном архиве древних актов в Москве (№ 279/658).[80]

---

[75] Летописец Еллинский и Римский. С. 110.

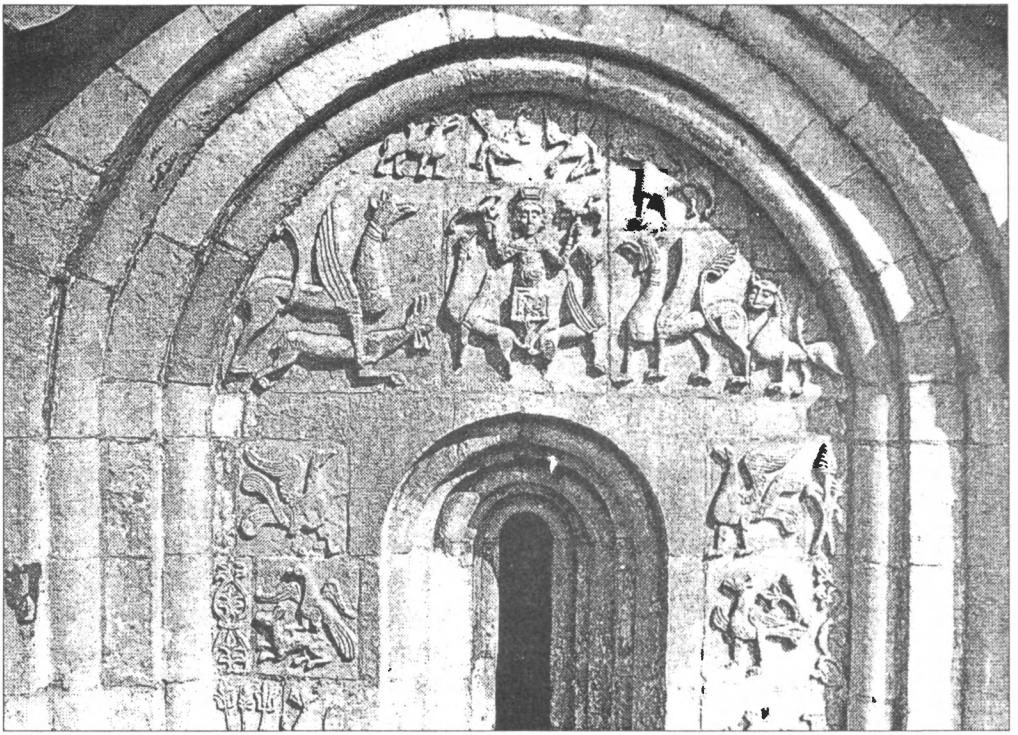
[76] *Истрин В. М.* Александрия первой редакции. С. 13.

[77] Там же. С. 103–104. См. также: Летописец Еллинский и Римский. С. 177.

[78] Подробнее см.: *Богданов К. А.* О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 146–150.

[79] *Истрин В. М.* Александрия первой редакции. С. 106 и сл. См. также: Летописец Еллинский и Римский. С. 144, 164.

[80] См.: *Орлов А. С.* О Галицко-Волынском летописании. С. 24 и сл. См. также: *Творогов О. В.* Древнерусская литература. С. 450-451



Ил. 160. Вознесение Александра Македонского. Композиция тимпана восточного прясла южного фасада Дмитровского собора. Резьба по камню. Конец XII в. (Владимир, Россия)

По всей видимости, перевод «Александрии» был известен на Руси ранее середины XIII в. Согласно А. С. Орлову, неоспоримо «раннее влияние ее на риторику исторических повестей со стороны стиля, со стороны метафор и художественных формул (например, на летопись XIII или даже XII в.)».[81] Не исключено, что знакомство с романом об Александре на Руси могло произойти в еще более раннее время посредством славянского перевода, выполненного в Болгарии.[82]

* * *

С XII в. образ Александра Македонского находит воплощение в памятниках древнерусского искусства. Наибольшую популярность получает сюжет вознесения (полета) Александра на небо, встречающийся в более поздних

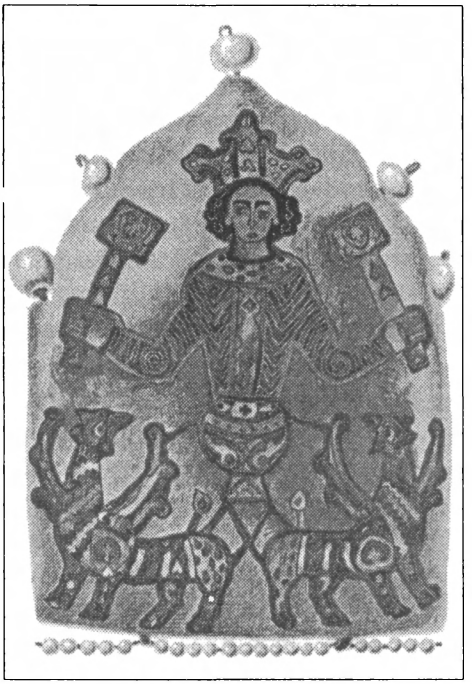
[81] *Орлов А. С.* Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII–XVII веков. Л., 1934. С. 22.

[82] См.: *Thomson F.* 'Made in Russia'. A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia // Millennium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Russland 988–1988: Vorträge des Symposiums anlässlich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Russlands in Münster vom 5. bis 9. Juli 1988 / Ed. G. Birkfellner. Münster, 1993.

редакциях древнерусского перевода «Александрии». Этот сюжет широко распространен в изобразительном искусстве и эмблематике Византии, а также стран Западной Европы.[83]

Вознесение Александра Македонского можно видеть на белокаменных рельефах, украшающих главные храмы Владимиро-Суздальской Руси — Успенского собора (1158–1160), а также Дмитровского собора (1194–1197) во Владимире и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230–1234).[84] Из этих рельефов полностью до наших дней сохранилась только композиция тимпана восточного прясла южного фасада Дмитровского собора, изображающая Александра стоящим в корзине, запряженной крылатыми грифонами.[85]

В качестве ближайшей иконографической параллели композиции владимирских рельефов исследователи указывают изображение Вознесения Александра на золотой диадеме из Сахновского клада.[86] Выполненная в технике перегородчатой эмали сцена вознесения представлена в центральной части найденной в 1900 г. у с. Сахновка под Киевом драгоценной диадемы, созданной в первой половине — середине XII в. и, очевидно, принадлежавшей киевскому великому князю.[87]



Ил. 161. Вознесение Александра Македонского. Композиция центрального киотца диадемы из Сахновского клада. Золото, перегородчатая эмаль. Первая половина–середина XII в. Музей исторических драгоценностей (Киев, Украина)

[83] См.: *Grabar A.* L'art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Age: recueil de quatre-vingt-dix articles écrits entre 1917 et 1966. Paris, 1968. Vol. I. P. 291–296; Vol. III. P. 60, 64–66; *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975. С. 154–158; *Шандровская В. С.* Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо // Byzantinorossica. Т. 2.

[84] *Вагнер Г. К.* 1) Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: Юрьев-Польской. М., 1964. С. 78; 2) Скульптура Древней Руси. XII век: Владимир, Боголюбово. М., 1969. С. 110–112, 260.

[85] См.: *Гладкая М. С.* 1) Каталог белокаменной резьбы Дмитровского собора во Владимире: Центральное и восточное прясла южного фасада. Владимир, 2004. С. 191–199; 2) Рельефы Дмитровского собора во Владимире. Опыт комплексного исследования. М., 2009. С. 186–196.

[86] *Банк А. В.* Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. III. Л., 1940. С. 189–190; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. С. 112; *Даркевич В. П.* Путями средневековых мастеров. М., 1972. С. 83–104.

[87] *Бочаров Г. Н.* Художественный металл Древней Руси. X–начало XIII вв. М., 1984. С. 55, 66–67. См. также: *Рябцева С. С.* Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования. СПб., 2005. С. 248, 312, 328.

Образы Александра и, в частности, сцена его вознесения встречаются на некоторых других произведениях древнерусской пластики и декоративно-прикладного искусства. Вознесение Александра запечатлено на резной нагрудной иконке из черного камня начала XIII в., принадлежавшей, вероятно, одному из рязанских князей, ныне хранящейся в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике.[88] Эту же сцену можно видеть на сохранившихся произведениях золотного шитья Владимиро-Суздальской Руси.[89] Во время раскопок на территории Старой Рязани найден перстень с изображением царя Александра.[90] Из Новгорода происходит фрагмент деревянного расписного блюда XIII в. с композицией Вознесения Александра Македонского, о чем свидетельствует сохранившаяся на нем надпись.[91]

Использование образа царя Александра на великокняжеских инсигниях, а также стенах крупнейших церквей может определенно свидетельствовать об особом отношении к этому историческому персонажу в средневековой Руси. Образ великого царя-героя и в особенности сцена его вознесения, несомненно, приобрели специальное эмблематическое значение, суть которого состояла в выражении идеи усиления монархической власти и прославления правителя.

Вся античная концепция романа об Александре сводилась к идее апофеоза власти. Этой идее подчинен и эпизод вознесения, выражающий ее самым наглядным образом. Использование такого сюжета на золотых инсигниях киевского великого князя, а также в монументальной пластике владимиро-суздальских храмов — это, несомненно, попытка перенести идею апофеоза власти на русскую почву, — апофеоза власти киевского и владимиро-суздальского великих князей, уподобления этих правителей богу в духе античной и византийской традиции.[92]

Совершенно не случайно, что подобные идеи и символизирующие их образы были востребованы в периоды наибольшего усиления великокняжеской власти, как это происходило в Киеве в первой половине XII в., во времена Владимира Мономаха и Мстислава Великого, а во второй половине XII–начале XIII вв. во Владимиро-Суздальской земле, в правление Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо и Юрия Всеволодовича.[93]

---

[88] *Панкова Т. М.* О двух произведениях мелкой каменной пластики XII–начала XIII в. (о двух иконах домонгольского периода с изображениями «Деисус. Вознесение Александра Македонского», «Апостол Петр») // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исслед. и мат-лы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М., 2005.

[89] *Фехнер М. В.* Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь. Памяти Н. Н. Воронина. М., 1976. С. 223–224.

[90] *Чернецов А. В.* Два перстня-печати из Старой Рязани // ПК. 1980 год. Л., 1981.

[91] *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. С. 60, № 313.

[92] *Банк А. В.* Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо. С. 186; *Лазарев В. Н.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства. Т. I. М., 1953. С. 398–399, 416; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. М., 1961. С. 319; *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. С. 158.

[93] См.: *Вагнер Г. К.* К вопросу о владимиро-суздальской эмблематике // Историко-археологический сб. К 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962; *Чернецов А. В.* «Полет Александра

Очевидно, что уподобление Романа Мстиславича Александру Македонскому, читающееся в символике метафор летописного панегирика князю, имело тот же смысл, что и обращение к образу Александра в других землях Руси, — возвеличивание и прославление галицко-волынского князя.

Апофеоз Романа Мстиславича отчетливо слышится в сравнении его летописцем с орлом, преодолевающим всю половецкую землю («и прехожаше землю ихъ яко и орелъ»). Роман изображается здесь подобным Александру, летавшему по небу на чудесных птицах — орлах и грифонах.

Идея апофеоза соединяется с идеей триумфа, устраиваемого римским и византийским императорами по случаю их военных побед. Апофеоз — кульминационная стадия триумфа в идеологическом и церемониальном значениях — использовался для возвеличивания и обожествления императора как важнейший символ торжества власти.[94]

Роман Мстиславич восхваляется в летописи как триумфатор, победивший главных врагов Руси, половцев. Летописец сравнивает Романа с его славным предком Владимиром Мономахом, а половцев — с измаилтянами, извечными врагами христианского мира:

> ревноваше бо дедоу своемоу Мономахоу, погоубившемоу поганыя Измалтяны, рекомыя Половци.[95]

Соотнесение половцев с измаилтянами в летописной похвале Роману также имеет целью уподобление галицко-волынского князя Александру Великому. В «Повести временных лет» под 1096 г. читается заимствованная из «Откровения» Мефодия Патарского и заново переосмысленная русским книжником легенда о том, как царь Александр запечатал в горах «сынов Измаиловых», в том числе и половцев. С приходом «конца времен» эти «нечистые» народы вырвутся на свободу и погубят весь мир:

> к кончине века изидуть заклепении в горе Александромъ Македоньскымъ нечистыя человекы.[96]

Своими подвигами Роман, как прежде Александр Великий, как бы предотвратил ожидаемое наступление конца света, пророчески связываемое с нашествием измаилтян.

Распространение на Руси истории и образа великого царя Александра посредством произведений литературы и изобразительного искусства,

---

Невского»: новые материалы к иконографии // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л. А. Беляева. М., 2008.

[94] См.: *Поплавский В. С.* Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима. М., 2000. С. 27–63.

[95] ПСРЛ. Т. II. Стб. 716.

[96] ПВЛ / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб., 1996. С. 98, 512.

очевидно, способствовало появлению имени Александр в княжеском именослове Рюриковичей. Такое имя носил один из самых знаменитых русских князей XIII в. — Александр Невский. Связь имени князя с именем величайшего правителя древности была очевидна уже для летописцев: в Софийской Первой летописи Александр Ярославич назван тезоименитым царю Александру Македонскому.[97] Эту же связь отмечает и автор Особой редакции Жития Александра Невского (XIII в.), славя князя, «тезоименитнаго царя Александра Макидонскаго».[98]

Важно отметить, что впервые имя Александра, насколько удается судить, возникает в среде галицко-волынских князей, ближайших родственников Романа Мстиславича. Такое имя носил его племянник Александр Всеволодович Белзский, неоднократно упоминающийся в Галицко-Волынской летописи, впервые — под 1205 г. в качестве владимиро-волынского князя.[99]

---

[97] ПСРЛ. Т. VI, вып. 1. М., 2000. Стб. 303. О крестильном имени Александра Невского см.: *Кучкин В. А.* О дате рождения Александра Невского // ВИ. 1986. № 2. С. 174–176.

[98] *Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913. Прилож. С. 11.

[99] ПСРЛ. Т. II. Стб. 721.

Глава тридцать восьмая

ЦАРСКИЙ ТИТУЛ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА И ЕГО ПОТОМКОВ[1]

Титулы *царь* и *самодержец* в Древней Руси и их эволюция в XIII в. — Царский титул и его производные в памятниках письменности Галицко-Волынской Руси. — Царский титул Романа и его потомков: эволюция смысла. — О возможных источниках заимствования и значении царского титула Романа

К началу XIII в. на Руси сложилась практика использования трех различных терминов, специально применявшихся для подчеркивания политического могущества наиболее сильных и влиятельных князей, впоследствии ставших особыми титулами и, наконец, вошедшими в пышный титула московских царей — *великий князь*, *царь* и *самодержец*.[2]

Одним из случаев, когда в летописи используются сразу все названные способы подчеркивания могущества князя, представляется случай с галицко-волынским князем Романом Мстиславичем, неоднократно именуемым «великим князем», а также «самодержцем» и «царем» с указанием на общерусский масштаб его правления — *самодержец всея Руси, царь в Руския земли*.[3] Иногда в отношении Романа подобные определения совмещаются в рамках одной формулы:

> великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Роуси.[4]

Подобное сочетание всех возможных в Древней Руси высших эпитетов и статусных характеристик носителя княжеской власти в источниках встречается нечасто. Можно даже говорить, что Роман Мстиславич в данном отношении представляет собой почти что исключение и может быть

---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* Царский титул галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его потомков // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2.

[2] Подробнее см.: *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.

[3] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 715, 808.

[4] Там же. Стб. 715.

сопоставлен только с Ярославом Мудрым, которого летописи также именуют «великим князем» и «самодержцем» («самовластцем»),[5] а в одном граффити Киевской Софии он назван еще и «царем».[6]

Определения «царь», а также производные от него «царскии», «цесарство», «цесарствие», «царствовати», употреблявшиеся в отношении отдельных представителей княжеского рода Рюриковичей время от времени встречаются в древнерусских источниках.[7] Попавшее в древнерусский язык, по-видимому, из старославянской литературы,[8] слово «царь» («цесарь») использовалось для обозначения Бога — Царя Небесного, ветхозаветных правителей, римских и византийских императоров, обычно служа переводом греч. βασιλεύς.[9] С конца XII в. известны также случаи применения этого термина к императору Священной империи («цесарь Немецкий» или «цесарь Римский»).[10]

Как показывают наблюдения В. А. Водова и А. А. Горского, в XI–XII вв. применение царского титула к русским князьям носило окказиональный характер: такой титул мог употребляться для прославления князя с использованием византийских образцов красноречия, для подчеркивания политического престижа умершего князя, в связи с главенством князя в церковных делах и культом князя-святого.[11] Термин «царь» попал на Русь в период относительно безразличного отношения Рюриковичей к титулатуре и поэтому титулом не стал, а использовался как своего рода обозначение князя «высоким стилем».[12]

То же самое, вероятно, следует сказать и в отношении термина «самодержец». Будучи калькой с греч. αὐτοκράτωρ, первоначально это выражение не было титулом, а представляло собой некое почетное определение, характеризующее

---

[5] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 150.

[6] *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964 (Свод археологических источников. Е I-44). С. 14–15; *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV веков. Вып. 1. Киев, 1966. С. 39–41.

[7] Наиболее полный обзор подобных случаев см. в специальном исследовании В. А. Водова: *Vodoff W.* Remarques sur le valeur du terme «tsar» applique aux princes russes avant le milieu du XVe siècle // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. XI. Oxford, 1978. Русский перевод см.: *Водов В.* Замечания о значении титула 'царь' применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Статьи по истории и типологии русской культуры. Т. II, кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002 / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский.

[8] *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 193–194, 252.

[9] *Срезневский И. И.* Мат-лы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. III. Стб. 1433–1434, 1460–1466. См. также: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 774; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. СПб., 1996. С. 290–291.

[10] ПСРЛ. Т. II. Стб. 666–667, 728, 776, 814; Т. III. М., 2000. С. 46–47.

[11] См.: *Водов В.* Замечания о значении титула 'царь'...; *Горский А. А.* О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996 г. М., 1996. См. также: *Щапов Я. Н.* Достоинство и титул царя на Руси до XVI в. // *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004; *Ісаєвич Я.* До історії титулатури володарів у Східній Європі // Княжа доба: історія і культура. Вип. 2. Львів, 2008.

[12] *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001. С. 135.

правителя, который не делил свою власть ни с кем из родственников или иных соправителей и в этом смысле властвовал единолично.[13]

В XIII в. положение изменилось, чему способствовали два обстоятельства: падение Константинополя и захват Византии латинянами, а также монголо-татарское нашествие и установление на Руси верховной власти монгольских и золотоордынских ханов.

В литературе обращают внимание преимущественно на последнее обстоятельство, отмечая факты систематического применения в русских источниках со времени нашествия Батыя титула *цесарь/царь* к великому хану в Каракоруме, а с 1260-х гг., после утверждения полной самостоятельности Орды, — и к ханам этого западного улуса Монгольской империи.[14]

Однако монгольским влиянием невозможно объяснить перенос на правителей Монгольского государства заимствованного у Византии царского титула. Выяснить, почему именно этот, чуждый монголам титул закрепился на Руси за их правителями, вытеснив собой свой монгольский эквивалент — титул «хан», также известный на Руси, но употреблявшийся гораздо реже,[15] можно только с учетом русско-византийских отношений предшествующего времени.

Дело в том, что монгольское завоевание Руси пришлось на период временного «отсутствия царства», наступивший после падения Константинополя в 1204 г. и продолжавшийся до восстановления Византийской империи в 1261 г. Монгольское государство и его правители как бы заполнили собой место, принадлежавшее ранее Византии и ее императорам, и теперь временно пустовавшее. Восстановление Византийской империи только закрепило вновь сложившуюся реальность, поскольку василевсы и Константинопольский патриархат вступили с Ордой в союзнические отношения и тем самым легитимировали положение этого государства в Восточной Европе, и в том числе зависимость от него русских земель.[16]

Наименование ханов Орды царями вытекало, разумеется, не из того, что после 1204 г. русская мысль искала, кого бы теперь назвать царем, а из реального политического статуса Джучидов, подчинивших не только Русь, но и другие государства, поставивших на службу себе их правителей и обложивших данью население. По верному замечанию А. И. Филюшкина, они, Джучиды, «стало быть <...> действительно цари, причем в имперском (а не христианском) понимании этого слова. И легитимизация Золотой Орды

---

[13] *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. С. 55.

[14] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 30; *Чернявский М.* Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Т. II, кн. 1; *Водов В.* Замечания о значении титула 'царь'... С. 532; *Горский А. А.* 1) Москва и Орда. М., 2000. С. 87–88; 2) «Всего еси исполнена земля Русская...». С. 135–136.

[15] ПСРЛ. Т. I. Стб. 470–472; Т. II. Стб. 745, 785; *Серебрянский Н. Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Приложение. С. 55. См. также: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 87, примеч. 53.

[16] *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская...». С. 136.

в Европе вытекала не из союза с Византией, а из боевой мощи татарских туменов».[17]

Однако между падением Константинополя в 1204 г. и установлением на Руси татаро-монгольского ига прошло без малого полстолетия, в течение которых произошли заметные изменения в практике использования царского титула. «Погибель царства богохранимого Константиноградa», как воспринимали на Руси захват Византии крестоносцами,[18] привела к тому, что царский титул на длительное время утрачивает свою привлекательность для русских князей, — частота его употребления в источниках применительно к правителям русских земель резко сократилась, и за весь XIII и первую половину XIV вв. можно указать только трех князей, в отношении которых был использован царский титул (против нескольких десятков подобных случаев в XI–XII вв.).[19]

Нельзя сказать, чтобы русские князья в первой половине XIII в. совершенно не нуждались в титуле, подчеркивавшем и закреплявшем политическое неравенство и преимущества одних князей перед другими. Скорее наоборот, потребность в таком титуле усилилась, доказательством чему служит систематическое применение почетного определения «великий князь», которое как раз на рубеже XII–XIII вв., по мнению А. Поппэ, перерастает в особый титул, отличавший наиболее могущественных князей.[20]

При подобных условиях отказ русских князей от царского титула, к которому еще недавно они проявляли несомненный интерес, на наш взгляд, можно объяснить известным снижением авторитета царской власти и политического влияния Византии вообще, ставшим следствием падения Константинополя.

* * *

Единственным регионом Древней Руси, где царский титул не только не утратил своего прежнего значения и привлекательности, но и обнаружилось явное стремление местных князей в той или иной мере использовать его, была Галицко-Волынская Русь. Исследователями давно замечено, что в то время как летописи Северо-Восточной Руси и Новгорода полностью уклоняются от какого-либо применения царского титула к русским князьям, в Галицко-Волынской летописи, напротив, царский титул на протяжении всего XIII в. применяется как к галицким, так и к волынским князьям, чего ни разу не было отмечено в предшествующие столетия.[21]

---

[17] *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. С. 74.

[18] ПСРЛ. Т. III. С. 49.

[19] В. А. Водов указывает 24 выявленных им в различных письменных источниках случая применения к русским князьям XII–XIII вв. царского титула (*Водов В.* Замечания о значении титула "царь"... С. 513–518).

[20] *Poppe A.* Words that Serve the Authority: On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // Acta Poloniae Historica. T. 60. Warszawa, 1989.

[21] *Шахматов А. А.* Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи // Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902 (Изд. ОЛДП. Т. CXIII). С. 32; *Орлов А. С.*

К такому же выводу на основании анализа более широкого круга источников приходит В. А. Водов: «В XIII веке число примеров (использования царского титула на Руси. — *А. М.*) сокращается, причем они встречаются только в текстах галицкого и волынского происхождения».[22]

Применение в Галицко-Волынской летописи царского титула к Роману Мстиславичу привлекло внимание А. П. Толочко. Рассмотрев известные ныне свидетельства использования царского титула князьями домонгольской Руси, историк относит титулование царем Романа к случаям, которым «не найдено сколько-нибудь очевидного оправдания». И такое «оправдание» Толочко находит в коронации сына Романа Даниила: «Поскольку же сам Даниил в 1252 г. принял корону и титул короля, царское достоинство было распространено на его отца Романа, не в последнюю очередь, надо полагать, для демонстрации наследственных легитимных прав на королевскую власть, что вообще характерно для Галицко-Волынской летописи».[23]

На наш взгляд, подобная аргументация может вызвать только недоумение.[24] В представлении А. П. Толочко, значение царского и королевского титулов и соответственно значение царской и королевской власти в средние века было одинаковым или, по крайней мере, так должны были считать в Галицко-Волынской Руси. Никаких доказательств, подтверждающих возможность подобного вывода, исследователь, разумеется, не приводит. Похоже, А. П. Толочко попросту путает значение царского и королевского титулов. Приравнивать их друг к другу — это все равно, что ставить на одну ступень в феодальной иерархии византийского василевса и русского князя или римского императора и германского короля.

Итак, в Галицко-Волынской летописи царским титулом отмечен прежде всего Роман Мстиславич, родоначальник династии галицко-волынских князей. Обращаясь к сыну Романа Даниилу, летописец восклицает:

> Его же (Даниила. — *А. М.*) отецъ (т. е. Роман Мстиславич. — *А. М.*) бе цесарь в Роускои земли, иже покори Половецькоую землю и воева на иные страны все.[25]

А. С. Орлов обратил внимание на параллель приведенного отрывка с текстом «Александрии» — переведенного с греческого языка не позднее середины

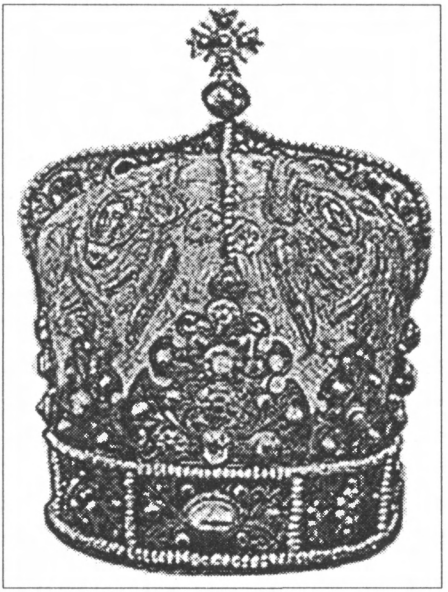
О галицко-волынском летописании // ТОДРЛ. Т. V. М.; Л., 1947. С. 33; *Лихачев Д. С.* Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // Там же. С. 54; *Исаевич Я. Д.* Из истории культурных связей Галицко-Волынской Руси с западными славянами в XII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1974. С. 263.

[22] *Водов В.* Замечания о значении титула 'царь'... С. 518.

[23] *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 136, 138.

[24] См.: *Назаренко А. В.* К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. Замечания и размышления по поводу книги: *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. 224 с. // СР. Т. 2. М., 1999. С. 184.

[25] ПСРЛ. Т. II. Стб. 808.



Ил. 162. Митра перемышльских грекокатолических епископов. Вторая половина XVIII в. По легенде, переделана из древней короны Даниила Галицкого. Из альбома Археологическо-библиографической выставки Ставропигийского института (Львов, 1888)

XIII в. эллинистического романа об Александре Македонском. Описывая унижения Даниила Романовича в Орде, летописец как бы сравнивает его с персидским царем Дарием, побежденным Александром, — вспоминая о поре всевластия Дария, автор романа, подобно русскому летописцу, говорит: «толикыи царь Дарии, толико языкъ победивъ и вся грады поработивъ».[26]

На основании указанной параллели иногда делается вывод о чисто литературном характере уподобления Романа Мстиславича царю автором Галицко-Волынской летописи.[27] Если это и так, то, прибегая к литературным средствам, летописец лишь подчеркивает высокий правительственный статус Романа на Руси, утраченный его сыном после поражения от татар.

Воспринимался ли летописцем в качестве царя сам Даниил Романович, из данного отрывка не ясно. Нет и других прямых свидетельств наследования царского титула Даниилом. Зато можно уверенно говорить, что царским титулом пользовался его племянник, владимиро-волынский князь Владимир Василькович (1269–1288).

Этот факт подтверждается целым рядом красноречивых свидетельств. В колофоне списка «Паренесиса» св. Ефрема Сирина, выполненного для тиуна Петра, одного из приближенных князя, значится:

> Въ лето семое тысяще написашася книгы сия при цесарстве благовернаго цесаря Володимера, сына Василкова, унука Романова, боголюбивому тивуну его Петрови.[28]

Оригинал рукописи, составленной между 1269 и 1289 г., утрачен. Приведенная запись писца Иева сохранилась в списке конца XV в., хранящемся ныне

---

[26] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Т. III. Л., 1926. С. 116. См. также: *Творогов О. В.* Александрия Хронографическая // СККДР. Вып. 1 (XI–первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 35–37.

[27] *Водов В.* Замечания о значении титула ‘царь’... С. 519, 525, 529.

[28] *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. № 105. С. 119–120.

в Российской национальной библиотеке (РНБ. Погодинское собрание. № 71а). В этом позднем списке, вероятно, и появилась читающаяся в выходной записи дата: «Въ лето семое тысяще...».[29]

Кроме того, Владимир Василькович дважды уподобляется царю в рассказе о его кончине, помещенном в Галицко-Волынской летописи в составе так называемого Летописца Владимира Васильковича, завершенного вскоре после его смерти.[30] В первый раз летописец сообщает о приготовлении тела усопшего к погребению по царскому чину:

> Княгини же его [с слу]гами дворьными, омывше его и увиша и оксамитомъ со круживомъ, якоже достоить цесаремь, и возлошиша и на сани, и повезоша до Володимеря.[31]

Далее, в сцене плача вдовы Владимира, летописец приводит ее обращение к покойному:

> Цесарю мои благыи, кроткыи, смиреныи, правдивыи![32]

Помимо приведенных примеров, где царский титул и производные от него понятия непосредственно относятся к галицким и волынским князьям, известно также немало случаев употребления «царской терминологии» в письменных памятниках Галицко-Волынской Руси применительно к другим русским князьям и княжеской власти вообще.

Например, в галицком списке «Повести временных лет», вошедшем в состав Летописца Переяславля-Суздальского,[33] весь текст летописи озаглавлен: «Летописець Рускихъ цареи». О вокняжении в Киеве Олега в 882 г. здесь сказано так: «И седе Олегъ, княжа и царствуя въ Киеве». Здесь также встречается весьма необычное употребление глагола «царствовать» в значении 'прозываться': «...нача царствовати Русская земля».

В трех грамотах, составленных от имени галицкого князя Льва Даниловича (1264 — ок. 1301), оригиналы которых не сохранились, термин «царь» применен к киевскому князю Владимиру Святославичу (980–1015). Мотивируя свое решение о земельных пожалованиях в пользу церкви, князь Лев ссылается на своего далекого предка: «...яко прадедъ нашъ царь великыи Володимиръ придалъ митрополитомъ».[34] Упоминание в этих грамотах также митрополита Киприана позволяет предположить, что они были созданы не ранее конца XIV в.

---

[29] См.: Там же. С. 121–122.

[30] О Летописце Владимира Васильковича см.: *Еремин И. П.* Волынская летопись 1289–1290 гг. как памятник литературы // ТОДРЛ. Т. XIII. Л., 1957.

[31] ПСРЛ. Т. II. Стб. 918.

[32] Там же. Стб. 919–920.

[33] Доказательства происхождения этого списка из Галицко-Волынской Руси см.: *Орлов А. С.* О галицко-волынском летописании. С. 32–33.

[34] Грамоти XIV століття / Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-покажчики М. М. Пещак. Київ, 1974. С. 9, 13, 19.

с целью подкрепить имущественные права православной церкви в Галичине, оказавшейся под властью Польши.[35]

* * *

Обычно термин «царь» не допускает использования детерминантов, за исключением притяжательных — *мой, твой, наш, ваш*.[36] Отдельные исключения из этого правила, впрочем, возможны. И как раз такое редкое (если не единственное) для Древней Руси исключение представляет случай употребления выражения *царь* применительно к Роману Мстиславичу — *цесарь в Рускои земли*. Такая формула сопоставима только с титулом киевского князя Владимира Святославича — «царь русскии», «царь Русския земли», присвоенным ему post factum русскими книжниками конца XIV–XV вв.[37]

С другой стороны, термин «царь» в практике его применения в Древней Руси никогда не сочетается с определением «самодержец» («самовластец»), использовавшимся в титулах византийских императоров и московских царей.[38] И снова единственное исключение приходится сделать для Романа Мстиславича: Галицко-Волынская летопись, правда, в разных местах, называет его и *царем*, и *самодержцем*.

Царский титул, применявшийся к князьям Древней Руси (особенно широко во второй половине XII в.), едва ли мог подразумевать весь комплекс атрибутов и смыслов царской/императорской власти, выработанный в Византии и впоследствии воспринятый царями Московской Руси.[39] В домонгольское время этот титул в русской практике его применения подчеркивал не столько политическое могущество, сколько святость и благочестие князей. Об этом свидетельствует тот факт, что царский титул в основном применялся к умершим князьям, нередко насильственной смертью, сопровождался использованием атрибутов «благоверный» и «христолюбивый», а также описанием нравственных добродетелей.

---

[35] Наиболее полный и основательный анализ содержания и подлинности всех известных ныне грамот Льва Даниловича и их списков см.: *Купчинський О. А.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII–першої половини XIV століть: Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 454–683.

[36] *Водов В.* Замечания о значении титула 'царь'... С. 524.

[37] Например, в «Задонщине» (по Синодальному списку) великий князь Дмитрий Иванович поминает своего «прадеда князя Володимера Киевьскаго, царя Русскаго» (ГИМ. Синодальное собрание. № 790. Л. 37 об. См. также: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова» / Под ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1966. С. 309); «царь Русскиа земля Владимиръ» упоминается также в письме великого князя Василия II Темного константинопольскому патриарху Митрофану, датированном 1441 г. (РИБ. Т. VI. СПб., 1880. Стб. 527–528).

[38] *Водов В.* Замечания о значении титула 'царь'... С. 524.

[39] О распространении и развитии в Древней Руси византийских представлений о значении и пределах царской власти см.: *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006.

Применение царского титула стало одним из способов констатации святости князя и начальным этапом подготовки его канонизации.[40]

Кроме того, царский титул подразумевал особое место древнерусских князей в церковной иерархии, их право влиять на выбор новых епископов, участие в канонизации святых, особую роль в церковном богослужении. В соответствии с усваиваемой на Руси византийской религиозной доктриной, высшее призвание царя — быть в ответе за спасение своих подданных.[41] Резюмируя многочисленные свидетельства о значении, придаваемом в Древней Руси царской власти, В. А. Водов приходит к следующему выводу:

> природу царской власти, которой периодически наделяются русские князья, следует искать не в области политики, а в религиозной и церковной сферах. Именно по этой причине русские князья продолжают время от времени называться 'царями' даже после установления политической власти татарских 'царей': очевидно, что они не могли отречься, оказавшись в подчинении у языческого хана или хана-мусульманина, от духовной ответственности, которая устанавливалась византийской традицией.[42]

Важно подчеркнуть, что и с точки зрения этой основополагающей функции царской власти Роман Мстиславич опять-таки представляет скорее исключение в сравнении с другими князьями Древней Руси, наделяемыми царским титулом.

В случае с Романом царский титул выступает исключительно в своем светском (имперском) значении: Роман Мстиславич потому был «цесарем», что, по словам летописца, он не просто княжил в Русской земле, но также был победителем и завоевателем других стран («иже покори Половецькую земли и воева на иные страны все»).[43] В этом отношении Роман подобен монгольским ханам, завоевавшим статус царей благодаря своим победам над многими странами. В отношении ханов царский титул на Руси также применялся исключительно в светском, секулярном смысле.

Летописец сам сравнивает власть Романа Мстиславича, «цесаря в Рускои земли», с властью хана Батыя, установившейся на Руси после монголо-татарского нашествия. Рассказав об унижениях, которые довелось испытать сыну Романа Даниилу во время посещения ханской ставки, летописец горько сетует на то, что отныне Даниил уже не может «принять чести» своего отца, отведав «злой чести татарской».[44] По словам летописца, сыновья Романа — Даниил и Василько, — хотя и продолжали «обладать Русской землей» — Киевом, Владимиром и Галичем, — но, признав себя вассалами и данниками хана, не могут более считаться царями в полном смысле этого слова:

---

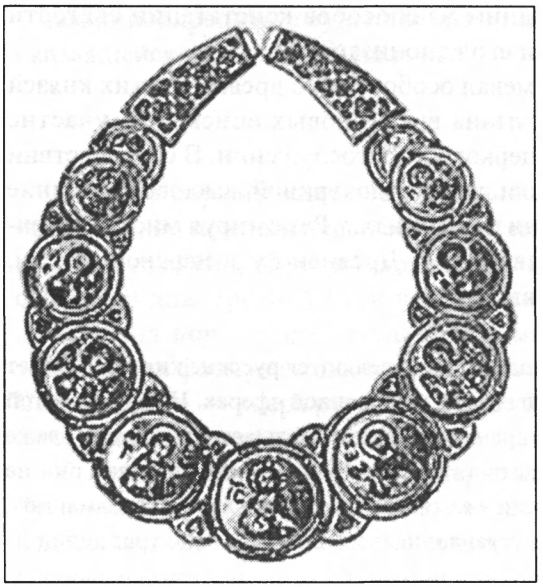
[40] *Водов В.* Замечания о значении титула 'царь'... С. 532–535.

[41] Там же. С. 536–539.

[42] Там же. С. 538.

[43] ПСРЛ. Т. II. Стб. 808.

[44] «О злая честь Татарьская! Его же (Даниила. — *А. М.*) отець (то есть Роман Мстиславич. — *А. М.*) бе цесарь в Роускои земли, иже покори Половецькоую землю и воева на иные страны все. Сынъ того не прия чести, то иныи кто можеть прияти!» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 808).



Ил. 163. Шейная гривна. Золото, перегородчатые эмали. Древняя Русь. XII–XIII вв. Найдена у с. Каменный Брод Коростышевского района Житомирской области. Национальный музей истории Украины (Киев, Украина)

О злее зла честь Татарьская! Даниловi Романовичю, князю бывшоу великоу, обладавшоу Роускою землею, Киевомъ, и Володимеромъ, и Галичемь, со братомь си [и] инеми странами, ныне седить на коленоу и холопомъ называеться, и дани хотять, живота не чаеть, и грозы приходять.[45]

Впрочем, несмотря даже на утрату внешнеполитического суверенитета галицко-волынских князей, признавших свою зависимость от ханов Орды, царский титул не был полностью исключен из употребления в Галицко-Волынской Руси и еще какое-то время применялся в отношении потомков Романа Мстиславича. Однако смысловое содержание понятия «царь» при этом существенно изменилось.

Мы уже видели, что царский титул несколько раз применяется в источниках к внуку Романа, владимиро-волынскому князю Владимиру Васильковичу. В сцене оплакивания князя, представленной в Галицко-Волынской летописи, вдова Владимира произносит:

> Цесарю мои благыи, кроткыи, смиреныи, правдивыи! Во истиноу наречено бысть тобе имя во крещеньи Иван, всею добродетелью подобенъ есь емоу. Многыа досады приимъ от своихъ сродникъ, не видехъ тя, господине мои, николи же противоу ихъ злоу никоторого же зла воздающа, но на Бозе вся покладывая.[46]

И хотя в продолжении сцены оплакивания и похорон «лепшие мужи владимирские» говорят, что усопший князь «наследовал путь деда своего»[47] (то есть Романа Мстиславича), ясно, что с точки зрения наследования царского титула и связанного с ним статуса полной аналогии Владимира с Романом быть не может. Царский титул Владимира Васильковича применяется в летописи лишь для того, чтобы подчеркнуть нравственные и христианские добродетели

[45] Там же. Стб. 807–808.
[46] Там же. Стб. 919–920.
[47] Там же. Стб. 920.

«кроткого» и «правдивого» князя, смиренно сносившего «досады» и не противившегося «злу», во всем полагавшегося на Бога. Отсюда и сравнение Владимира не со светским владыкой, а со св. Иоанном — Иоанном Крестителем или, может быть, Иоанном Златоустом.[48]

Как видим, в случае с Владимиром Васильковичем царский титул возвращается к тому основному значению, которое он приобрел на Руси в XI–XII вв. По наблюдениям И. П. Еремина, весь летописный рассказ о болезни и смерти этого князя «переключается в отчетливый агиографический строй повествования — в стиле повестей Киевской летописи о смерти Ростислава Мстиславича и его сыновей — Мстислава и Давида». Есть между ними и дословные совпадения: молитва Владимира Васильковича перед смертью буквально соответствует молитве Давида Ростиславича; плач вдовы Владимира Ольги по мужу почти дословно воспроизводит плач вдовы Давида Ростиславича над его телом; «лепшие мужи» владимирские оплакивают смерть своего князя Владимира Васильковича точно так же, как и «лепшие мужи» новгородские смерть Мстислава Ростиславича.[49]

Добавим к этому, что в Смоленске в XII в. сложилась устойчивая тенденция к прославлению местных князей, щедро наделяемых царскими титулами и соответствующими эпитетами. В одном из произведений смоленской литературы того времени — «Похвале князю Ростиславу Мстиславичу», дошедшей в составе Нифонтовского сборника первой половины XVI в. (рукопись, составленная игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонтом Кормилицыным и содержащая различные сочинения в защиту официального православия) говорится, что Ростислав за свои высокие добродетели был удостоен от Бога «ц[а]рствовати в всеи Рускои земли» (РНБ. РО. Q. XVII. 15. Л. 469). Ростислав Мстиславич прямо назван здесь «треблаженным и святым», что недвусмысленно свидетельствует о претензии на установление церковного почитания этого смоленского и великого киевского князя.[50]

В рассматриваемом нами случае с Владимиром Васильковичем изменяется не только смысловое содержание царского титула, но и форма. Царский титул этого владимиро-волынского князя утратил свой прежний детерминант, придававший ему общерусское значение — *цесарь в Рускои земли*, который мы видели в титуле его деда Романа Мстиславича и некоторых великих киевских князей XI–XII вв. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания.

---

[48] Не случайно о царском достоинстве Владимира Васильковича упоминается в летописи в связи с описанием его кончины, явившейся следствием тяжелой болезни и страданий князя, прославившегося своими щедрыми пожертвованиями церкви и благочестием. См.: *Андрощук Ф., Чельстрем А.* «Се же бысть вторы Иевъ»: болезнь князя Владимира Васильковича и ее библейские параллели // Ruthenica. Т. 6. Киев, 2007.

[49] *Еремин И. П.* Волынская летопись... С. 113–114. См. также: *Еремин И. П.* Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. Т. VII. М.; Л., 1949. С. 85–90.

[50] *Щапов Я. Н.* «Похвала князю Ростиславу Мстиславичу» как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1974.

* * *

Использование в царском титуле Романа Мстиславича детерминанта, связывающего его с Русской землей, — *цесарь в Рускои земли*, — еще одни важный след, который, как нам представляется, указывает на возможный источник заимствования такого титула. В отличие от большинства других случаев применения царского титула в Древней Руси, так или иначе связанных с византийской доктриной о природе верховной власти, титул Романа, на наш взгляд, в большей мере находит соответствия в практике присвоения царского титула правителями славянских государств на Балканах, добившихся независимости от Византии.

Так, правители Болгарии и Сербии, добившись в конце XII в. фактически полной независимости от Византийской империи, сами приняли царские титулы, которые отличались от универсального титула вселенского императора обязательным прибавлением детерминантов, отражающих национальную принадлежность, — «царь болгар и влахов» и «царь сербов и греков».[51]

Вступивший в конце XII в. в переписку с Римом правитель Болгарии Калоян (1197–1207) добивался признания за собой царского (императорского) титула, шантажируя папу тем, что если тот не согласится, то Калоян без труда получит царский титул от греков, которые уже, в сущности, ведут с ним подобные переговоры.[52] Только после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. папа Иннокентий III согласился, наконец, частично удовлетворить просьбу болгарского правителя, предоставив ему лишь королевский (но не царский) титул. Такое решение Рима немедленно спровоцировало конфликт Калояна с латинским императором в Константинополе Балдуином I (1204–1205), потребовавшим, чтобы болгарский король признавал латинского императора своим сюзереном. В 1205 г. в союзе с греками Калоян нанес сокрушительное поражение войскам крестоносцев в битве под Адрианополем, а император Балдуин умер в болгарском плену.[53]

Использование в титуле Романа детерминанта, отражающего его национальную принадлежность, нашло отражение не только в русских, но и в иностранных источниках. Весьма показательно, что в западноевропейских государствах галицко-волынский князь воспринимался не в качестве князя какой-либо из русских земель, а как правитель всей Руси, носивший королевский титул. Об этом свидетельствует применение к нему королевского титула с прибавлением детерминантов, указывающего на общерусский характер власти Романа. Сообщая о походе галицко-волынского

---

[51] *Ostrogorsky G.* Avtokrator i Samodržac: Prilog za istoriju vladalačke titulature u Vizantiji i u Južnih Slovena // Glas Srpske Kraljeuske Akademije. Beograd, 1935. T. CLXIV. Drugi razred. S. 129–141; *Dölger Fr.* Bulgarisches Zartum und byzantinisches Kaisertum // *Dölger Fr.* Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 140–158; *Tăpkova-Zaimova V.* L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare // Byzantina. T. III. Thessalonikē, 1971. P. 287–295.

[52] См.: Латински извори за българската история. Т. III. София, 1965. С. 309–335 и др.

[53] *Златарский В. Н.* История на българската държава през средните векове. Т. III. София, 1972. С. 150–211; *Овчаров Н.* Победите на цар Калоян (1997–1207 гг.). Историческият избор на България между православие и католицизъм. София, 2000. См. также: *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 130–132.

князя через Польшу в Саксонию, французский хронист середины XIII в. Альбрик из монастыря Трех Источников называет его «король Руси по имени Роман» (Rex Russie, Romanus).[54] С титулом «короля Руси» или, точнее, «короля рутенов» (rex Ruthenorum) Роман Мстиславич упоминается в синодике монастыря Св. Петра в Эрфурте, и эта запись, очевидно, была сделана вскоре после смерти Романа.[55]

Польский хронист конца XII–начала XIII вв. Винцентий Кадлубек, хотя и не применяет к Роману Мстиславичу ни царского, ни королевского титулов, тем не менее, описывая его правление, употребляет такие характеристики, которые прямо указывают на общерусский размах и поистине царский характер власти Романа, ведь под его властью оказались «почти все» русские земли и князья:

> в короткое время (Роман Мстиславич. — *А. М.*) вознесся так высоко, что стал полновластно управлять почти всеми русскими землями и князьями.[56]

Общерусский характер власти Романа, стремившегося властвовать не только на Волыни и в Галичине, подтверждается свидетельствами русских летописей. Как мы уже видели, Роман фактически устанавливает свою власть над Киевом и самостоятельно распоряжается судьбой киевского стола, тем самым проявляя себя в качестве «царя Русской земли», то есть верховного властителя бóльшей части Южной Руси.[57]

Сообщения русских летописей дополняет своими сведениями польский историк XV в. Ян Длугош, согласно которому из страха перед Романом русские князья не решались занимать киевский стол, пустовавший после свержения Рюрика Ростиславича. А дерзнувшего на это смоленского князя Святослава Мстиславича Роман с позором изгнал из Киева. По словам Длугоша, проявленное смоленским князем самоуправство

> было невыносимо для галицкого князя Романа Мстиславича, который хотел, чтобы именно его почитали русским монархом и чтобы ему принадлежала высшая власть на Руси.[58]

Применение к Роману Мстиславичу королевского титула в западно-европейских источниках означает, что в Западной Европе, в Германии и во Франции, его должны были воспринимать как верховного правителя Руси, стоящего над другими русскими князьями. Назвать Романа царем (императором) было невозможно

---

[54] Albrici monachi Triumfontium Chronikon. — 1241. / Ed. P. Scheffer-Boichorst // MGH. SS. T. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 885.

[55] Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesammtausgabe der Quellenschriften Deutscher Geschichten des Mittelalters. Hannover; Berlin, 1935. S. 517.

[56] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 112.

[57] См. главу 18 настоящей работы.

[58] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Книги I–VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 350.

без соответствующей санкции Рима: в средневековой католической Европе мог существовать только один законный император — правитель Священной Римской империи, воспринимавшийся как преемник западноримских императоров, а также правителей империи Карла Великого.[59] В то же время, использование титула *король Руси* для обозначения наиболее могущественного из русских князей, по-видимому, было допустимо и без специальной санкции.

Насколько можно судить, такое же положение в XIII–XIV вв. сложилось и на Балканах. Правители Болгарии и Сербии широко пользовались царскими титулами, так и не получив официального признания и законной санкции на это ни от римского папы, ни от византийского императора. Только в самых исключительных случаях за правителями отдельных государств могло быть официально признано царское достоинство и титул.

Еще в VII в. принявший титул «василевса ромеев» (то есть римлян), византийский император считал себя главой «вечной» и «единственной» Римской империи, и никакого другого императора в мире больше быть не могло.[60] Императорский титул, который присвоили себе германские короли, рассматривался в Византии с гневом и презрением. Как рассказывает Лиутпранд Кремонский, в 968 г., когда в Константинополь прибыли легаты папы Иоанна XIII с письмом к «императору греков» Никифору II Фоке (963–969), в котором папа отзывался об Оттоне I как об «августейшем императоре римлян», византийцы не могли сдержать своего негодования, назвав папское послание «гнусностью» и «дерзостью», а упомянутого в нем Оттона — «нищим варваром».[61]

Только уступая военной силе, после месячной осады Константинополя болгарскими войсками правительство Византии в августе 913 г. согласилось признать за правителем Болгарии Симеоном (893–927) титул «василевса болгар и ромеев», условием чего стала жениться императора Константина VII Багрянородного (913–920, 945–959) на одной из дочерей Симеона, что превратило последнего в василеопатора (опекуна императора) и давало ему законное право править Византией.[62] Правда, уже в феврале 914 г. императрица Зоя, мать Константина VII, отреклась от признания императорского титула Симеона и отказалась от возможного брака между своим сыном и дочерью болгарского правителя.[63] После долгой борьбы в 926 г. Симеону

[59] См.: *Herbers K., Neuhaus H.* Das Heilige Römische Reich — Schauplätze einer tausendjährigen Geschichte (843–1806). Köln; Weimar, 2005.

[60] *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 289 и сл.

[61] *Лиутпранд Кремонский.* Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о поездке в Константинополь / Изд. подг. И. В. Дьяконов. М., 2006. С. 140–141.

[62] *Runciman St.* A history of the First Bulgarian Empire. 482–1019. London, 1930. P. 155–157; *Fine J. V. A.* The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Ann Arbor, 2000. P. 144–148. См. также: *Божилов Ив.* Цар Симеон Велики (893–927): Златният век на Средновековна България. София, 1983.

[63] *Златарски В.* История на Първото Българско царство. Ч. 2: От славянизацията на държавата до падането на първото българско царство. София, 1927. С. 367–368; *Loud G. A.* A re-examination of the 'coronation' of Symeon of Bulgaria in 913 // The Journal of Theological Studies. T. XXIX. Oxford, 1978. P. 109–120.

все же удалось добиться признания своего императорского титула от римского папы Иоанна X.[64]

Ил. 164. Сражение и победа царя Симеона у Анхиало (Ахелоя) в 914 г. Миниатюра Мадридского списка «Истории» Иоанна Скилицы. Южная Италия. Середина XII в. Королевская библиотека (Мадрид, Испания)

Однако принятие болгарским правителем титулов «василевса болгар и ромеев» и даже «василевса ромеев» означало не столько стремление к равенству с византийским императором, сколько желание самому занять константинопольский престол.[65] То же самое следует сказать и о мотивах короля Сербии Стефана Душана (1331–1355), принявшего в 1346 г. титул «царя сербов и греков» или «василевса Сербии и Романии». Когда после смерти византийского императора Андроника III Палеолога (1328–1341) началась борьба за власть между его вдовой Анной Савойской, матерью нового несовершеннолетнего императора Иоанна V (1341–1376, 1379–1390, 1390–1391), и будущим императором Иоанном VI Кантакузином (1347–1354), Стефан Душан, поддерживая то одну, то другую сторону, сам возымел виды на константинопольский престол. В 1343 г. ему удалось породниться с византийским императором: пятилетний сын Стефана, Урош, сочетался браком с сестрой Иоанна V.[66]

А. В. Поппэ и В. А. Водов полагали, что поскольку никто из древнерусских князей не мог называть себя «царем россов и римлян (или греков)», то и применяемый к ним титул «царь» вовсе не был связан с собственно царскими статусом и функциями.[67] Подобное мнение, в той или иной мере разделяемое практически всеми современными исследователями, на наш взгляд, нуждается в корректировке.

К концу правления Романа Мстиславича в Восточной Европе и на Балканах сложилась обстановка, которая уже не требовала от обладателя царского титула, чтобы он непременно был еще и претендентом на византийский императорский престол. Падение Константинополя в 1204 г. привело к распаду «вечной» и «единственной» Римской империи. На византийских землях в Европе и в Азии возникло сразу несколько новых государств, правители которых присвоили себе титул императора: уже в первые десятилетия XIII в. на территории бывшей Византийской империи возникли Латинская, Никейская, Трапезундская и Фессалоникийская империи.[68]

---

[64] *Mladjov I.* Between Byzantium and Rome: Bulgaria and the West in the Aftermath of the Photian Schism // Byzantine Studies: Etudes Byzantines. T. 26. Pittsburgh, 1999. P. 173–181.

[65] *Литаврин Г. Г.* Византийская система власти и болгарская государственность (VII–XI вв.) // *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне: Сб. ст. СПб., 1999. С. 226.

[66] *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. С. 264–272, 290; *Soulis G. C.* The Serbs and Byzantium during the reign of Emperor Stephen Dusan (1331–1355) and his successors. Athens, 1995.

[67] См.: *Водов В.* Замечания о значении титула 'царь'... С. 524.

[68] Об этих империях см.: *Bowman St.* The Jews of Byzantium. 1204–1453. Tuscaloosa, 1985; *Angold M.* A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Lascarides of Nicaea (1204–1261). Oxford, 1975; *Карпов С. П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007; *Bredenkamp Fr.* The Byzantine Empire of Thessaloniki (1224–1242). Thessalonikē, 1996.

Титул *василевс* (или *царь* в славянских странах) отныне стал достоянием сразу нескольких властителей, число которых с течением времени только возрастало. С XIII в. в официальных документах василевсами титулуют себя латинские императоры в Константинополе, правители Никеи и Трапезунда. Никита Хониат, заканчивавший свою «Историю» уже после падения Константинополя, называет василевсами германских императоров Фридриха I Барбароссу (1152–1190) и Генриха VI (1191–1197); «василевсом болгар» именует Калояна Георгий Акрополит. В XIV–XV вв. этот ревниво оберегаемый прежде титул применяется даже для обозначения нехристианских правителей: среднеазиатский эмир Тамерлан (Тимур; 1370–1405) в византийских источниках именуется «василевсом скифов и массагетов», а турецкий султан Мехмед II (1444–1446, 1451–1481) получил в Византии пышный титул «великого василевса».[69]

Существенные изменения после падения Константинополя в 1204 г. претерпела сама имперская доктрина, веками поддерживаемая византийцами. Особенно эти изменения заметны в славянских странах, в политике правителей балканских государств, прежде всего Болгарии. Царь Калоян, как мы видели, отказался от титула своих предшественников — «василевс болгар и ромеев», избрав для себя новый титул — «царь болгар и влахов», стремясь всячески отмежеваться от византийского наследия и даже истребить всех греков, проживавших на болгарских землях.[70] В правление царя Ивана II Асеня (1218–1241) в Болгарии сформировалось представление о том, что с распадом Византийской империи вселенская власть василевса разделилась на части, и к болгарским правителям перешла царская власти на Западе (то есть на Балканах), в то время как на Востоке (то есть в Малой Азии) царствовал никейский император.[71] Очевидно, подобные представления получили распространение и в Сербии.[72]

Только в этот период, наступивший после падения Константинополя, когда на землях Византийской империи и в странах ближайшего окружения начался, так сказать, парад имперских суверенитетов, существенно изменивший прежние представления о власти императора, могли произойти отмеченные выше изменения содержания и формулы царского титула русских князей. В начале XIII в. появляется титул «царь в Русскои земли» и «самодержец всея Руси», и этот царский титул на некоторое время закрепился за правителями Галицко-Волынской Руси, князья же прочих русских земель на протяжении всего XIII в., напротив, уклонялись от использования подобного титула. С установлением власти татар царский титул как обозначение верховного правителя переносится на ханов Орды.

---

[69] *Rösch G.* Onoma basileias. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978. S. 37–39, 111–116; *Chrysos K.* The Title ΒΑΣΙΛΕΥΣ in early byzantine international Relations // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 32. Washington, 1978.

[70] *Божилов И.* Фамилиата на Асеневци (1186–1460): генеалогия и просопография. София, 1985. С. 36.

[71] *Полывянный Д. И.* Средневековая Болгария между Востоком и Западом: мировые координаты болгарской державной идеи // Славяне и их соседи. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 1998. С. 22–23.

[72] Там же. С. 23.

Глава тридцать девятая

ЧЕРТЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЯ В ОБРАЗЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА

Представления о власти византийского императора и практика расширения властных полномочий галицко-волынского князя. — Претензии на инвеституру епископов. — Приемы политической борьбы Романа Мстиславича. — Влияние византийской практики и правовых норм на семейную жизнь князя: расторжение брака с Предславой Рюриковной. — «Крамолы» «безбожных» галицких бояр и византийская доктрина божественного происхождения царской власти. — Царские добродетели Даниила Романовича

После захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. и распада Византийской империи в деятельности правителей государств византийского мира обнаруживается отчетливое стремление к присвоению атрибутов и полномочий, являвшихся ранее прерогативами василевсов. Ярче всего эта тенденция проявляется на Балканах. Ее внешним выражением становится применение в титуле болгарских и сербских царей формулы византийского императорского титула — *царь и самодержец* (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ).[1] Следы использования этой же формулы, как уже отмечалось, явственно видны и в Галицко-Волынской летописи, в контексте известий, относящихся непосредственно к Роману Мстиславичу, называемому «царем в Русскои земли» и «самодержцем всея Руси».[2]

Применение подобной формулы в Галицко-Волынской Руси и в южнославянских государствах ведет нас в круг политических идей особого рода.

В Византии, начиная со времени правления императора Ираклия I (610–641) и окончательно при императоре Льве VI Мудром (886–912) сложилась

---

[1] *Ostrogorsky G.* Avtokrator i Samodržac: Prilog za istoriju vladalačke titulature u Vizantiji i u Južnih Slovena // Glas Srpske Kraljeuske Akademije. Beograd, 1935. T. CLXIV. Drugi razred. S. 154–157. См. также: *Dölger Fr.* Bulgarisches Zartum und byzantinisches Kaisertum // *Dölger Fr.* Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 140–158; *Tăpkova-Zaimova V.* L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare // Byzantina. T. III. Thessalonikē, 1971. P. 287–295.

[2] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 715, 808.

Ил. 165. Император Ираклий и его сын Константин. Золотая византийская монета. VII в. Собрание Думбартон Оукс (Вашингтон, США)

восточно-христианская политическая теория высшей государственной власти как власти единоличного повелителя всех подданных — верховного законодателя, судьи и главнокомандующего, «наместника Божия на земле».[3] Эти принципы нашли свое полное выражение в «Василиках» — составленном ок. 890 г. сборнике законодательных постановлений, устанавливавших божественную сущность власти императора, его неподвластность законам, поскольку «он сам есть закон». Василевс являлся также верховным покровителем церкви и единственный среди светских лиц в империи носил титул иерея.[4]

Принятие Ираклием I в 629 г. титула *василевс* подчеркивало преемственность с традициями эллинистических монархий и отказ от наследия Римской империи, где императоры воспринимались в качестве «магистратов» — высших должностных лиц на службе общества.[5] Это отличие еще более усиливалось с принятием императором Ираклеоном (Ираклием II) в 641 г. титула *самодержец* (*автократор*), указывавшего на исключительную и решающую роль василевса в управлении империей.[6]

Использование определения «самодержец» (встречающееся на Руси и в Болгарии с XI в.) само по себе могло указывать лишь на единоличного правителя независимой страны, не будучи непременно связано с его царским достоинством.[7] Однако присвоение таким правителем обоих составляющих титула византийского императора — *царь* и *самодержец*, — очевидно, должно было свидетельствовать о претензии на значительно большую (если не всю) полноту

[3] *Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е.* Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 78–90. См. также: *Winkelmann F.* Zum byzantinischen Staat (Kaiser, Aristokratie, Heer) // Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978. S. 161–169.

[4] *Irmscher J.* Die Gestalt Leons VI. des Weisen in Volkssage und Hagiographie // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9–11. Jahrhundert. Praha, 1978. S. 205–224. См. также: *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1990; *Бибиков М. В.* «Блеск и нищета» василевсов: структура и семиотика власти в Византии // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века, Новое время / Под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. М., 2008.

[5] *Chrysos K.* The Title ΒΑΣΙΛΕΥΣ in early byzantine international Relations // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 32. Washington, 1978. P. 31 sqq.; *Shahid I.* On the Titulature of the Emperor Heraclius // Byzantion: revue internationale des études byzantines. T. 51. Bruxelles, 1981. P. 288–296.

[6] *Ostrogorski G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963. S. 94.

[7] *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в средние века (На примере истории Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 422.

власти, принадлежавшей василевсу, которой в реальности не обладали даже самые могущественные русские князья.[8]

Не вызывает сомнения настойчивое стремление Романа Мстиславича добиться расширения своих властных полномочий как в управляемых им галицко-волынских землях, так и за их пределами. Подобно византийским императорам, Роман стремился властвовать над жизнью своих подданных и применял смертную казнь в отношении тех из них, кого он считал своими противниками. Достаточно вспомнить расправы князя с оппозиционными галицкими боярами, казни которых, невиданные по своей жестокости, повергали в трепет современников Романа. По словам польского хрониста конца XII–начала XIII вв. Винцентия Кадлубека, Роман

> хватает галицких сатрапов и знатнейших бояр (satrapes et eubagionum florentissimos) и казнит: кого в землю живыми закапывает, кого на части разрывает, с других кожу сдирает, многих делает мишенями для стрел, некоторым сначала внутренности вырывает, потом убивает. Испытывает на своих всякого рода казни — став более жестоким врагом для своих граждан, нежели для врагов.[9]

Далеко не каждый византийский император проявлял себя подобным тираном. Но все же случаи жестоких массовых казней, совершаемых по приказу василевса, в империи были обычным и распространенным явлением. Экзекутивные функции император осуществлял в полном соответствии со своими властными полномочиями. По его приказу совершалась не только смертная казнь, но и причинялись различные физические увечья, принимавшие форму жестоких истязаний: отсекание носа, ушей, языка, выжигание волос и бровей, усекновение конечностей и т. п.[10]

Нередко расправы императоров над своими подданными отличались массовостью, несоразмерностью с тяжестью вины и даже носили характер злоупотребления. Известно, например, о приступах безудержного гнева, которым был подвержен император Михаил III (842–867), во время которых он

> принимался за убийства, чудовищные пытки и казни безвинных людей и, рассказывают, приказывал слугам своим: того-то схватите и отдайте палачу, тому-то вырвите глаза, а тому-то отрубите руки и ноги.[11]

---

[8] См.: *Литаврин Г. Г.* Идея верховной государственной власти в Древней Руси домонгольского периода // *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне: Сб. ст. СПб., 1999.

[9] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 112, 139–140, примеч. 10.

[10] Подробное описание случаев применения смертной казни и нанесения телесных увечий в соответствии с тяжестью преступления содержатся в статьях Семнадцатого титула Эклоги — краткого свода византийского законодательства, составленного на основе Кодекса Юстиниана и последующих правовых актов, с целью сделать их более доступным для населения империи (Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt-am-Mein, 1983. S. 226–242. Русский перевод см.: Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. статья, пер. и коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965).

[11] *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 2009. С. 162.

Перед Романом Мстиславичем был и еще один вполне подходящий пример — недавний император Андроник I (1183–1185), приходившийся к тому же родственником галицким князьям прежней династии. Массовые расправы, чинимые Романом над галицкими боярами, полностью соответствуют методам искоренения крамолы и подавления мятежей, к которым прибегал император Андроник. Не желавшие покоряться Роману галичане повторили судьбу жителей Никеи, Прусы и Лопадия, отказывавшихся признавать власть Андроника.[12] Так, по словам Никиты Хониата, сломив сопротивление Прусы, император явил «свой дикий гнев в различных и разнообразных казнях». Жестоко казнив предводителей восставших, он также

> многих других, числом сорок человек, повесил на ветвях дерев, растущих около Прузы. Но гораздо большее число подверг другим казням; одним отрубил руки, другим отрезал пальцы, как виноградные побеги, а у иных отнял ноги.[13]

Приемам василевса стали подражать другие представители рода Комнинов. Некий Исаак, дальний родственник императора Мануила I, силой захвативший власть над Кипром, своим «жестокосердием и свирепостью нрава», по словам Хониата, «столько превзошел Андроника, сколько этот последний превзошел всех когда-либо прославившихся жестокостью ко врагам»:

> он непрестанно совершал над жителями Кипра тысячи различных злодеяний. Каждый час он осквернял себя убийством людей невинных, терзал человеческие тела, изобретая, как какое-нибудь орудие злосчастной судьбы, казни и мучения, которые доводили до смерти.[14]

Давно установлено, что в вопросе применения смертной казни византийское право обнаруживает наиболее существенные отличия по сравнению с правовыми нормами, действовавшими у славянских народов. Именно в этом вопросе славянское обычное право многие столетия успешно сопротивлялось византийскому законодательству.[15]

Примеры сопротивления такого рода известны в истории как восточных, так и южных славян. «Повесть временных лет» рассказывает о провале попытки князя Владимира ввести смертную казнь за разбой и убийство, предпринятой по совету греческих епископов вскоре после крещения Руси. Это греческое нововведение на русской почве не прижилось и вскоре было отменено, а Владимир в вопросе наказания преступников вернулся к «устроенью отъчю и дедню», то есть возобновил

---

[12] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1 / Пер. под ред. проф. В. И. Долоцкого. СПб., 1860. С. 364 и сл.

[13] Там же. С. 367.

[14] Там же. С. 370–371.

[15] *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 335–336.

взимание денежных штрафов («виры»).[16] «Виры» оставались главной мерой наказания, применявшейся за наиболее тяжкие преступления в Русской Правде.[17]

Случаи, подобные описанному в «Повести временных лет», известны также в истории Сербии, не признававшей смертной казни вплоть до середины XIV в. В 1308 г. в ответ на просьбу сената Рагузы (Дубровника) наказать смертной казнью убийц жителей этого города сербский король Стефан Урош II Милутин (1282–1321) заявил, что когда он короновался, то присягал не проливать кровь своих подданных, не намерен делать этого и теперь и предпочитает поступать в соответствии с древним сербским обычаем, предписывающим налагать денежный штраф за убийство и другие тяжкие преступления.[18]

* * *

Бросается в глаза также совершенно нетипичное для древнерусского князя поведение Романа Мстиславича в отношении церкви. Ян Длугош сообщает о конфликте, возникшем у Романа с владимирским епископом, отказавшимся дать князю благословение на войну с Польшей:

> Князь Роман, чрезвычайно разгневанный таким ответом, передает владимирскому епископу, что как только он вернется с польской войны, то отомстит за это оскорбление и отрубит епископу голову.[19]

Это сообщение Длугоша вызывает неизменный интерес исследователей, — на него обращал внимание еще Н. М. Карамзин.[20] С полным доверием к сведениям о конфликте Романа с владимирским епископом относился В. Т. Пашуто, полагая их заимствованными из Киевской летописи, бывшей в распоряжении Длугоша, и видя во вражде Романа с волынским епископом одну из причин отсутствия собственного летописания у этого князя.[21] По мнению Г. Лябуды, история с владимирским епископом, а также ряд других уникальных подробностей похода Романа в Польшу, были заимствованы Длугошем из утраченной Хроники Краковского доминиканского монастыря первой половины XIII в., являвшейся непосредственным продолжением Хроники Винцентия Кадлубека.[22]

---

[16] ПВЛ / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб., 1996. С. 56.

[17] Подробнее см.: *Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // *Милов Л. В.* Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009.

[18] Liber Statutorum Civitatis Ragusii // Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium. T. IX. Zagreb, 1904. P. 201–202 (Lib. VIII. Cap. 58).

[19] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 346.

[20] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 559, примеч. 113.

[21] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 18. См. также: *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская Русь второй половины XII–XIII в. // Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 14–15.

[22] *Labuda G.* Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w Rocznikach Królestwa Polskiego Jana Dlugosza. Próba rekonstrukcýi. Poznań, 1983. S. 31–36.

Ил. 166. Христос Пантократор и император Лев VI Мудрый. Мозаика. Деталь. Константинополь. Конец IX в. Собор Св. Софии (Стамбул, Турция)

Казнить епископов или угрожать им смертью — случай небывалый в практике древнерусских князей, противоречащий нормам действовавшего на Руси права и морали.[23] Однако подобная мера была вполне допустима для византийского императора.

Василевс как «Богоизбранный» правитель империи и «представитель Бога на земле» обладал не только исключительными литургическими привилегиями (особая роль в богослужении), но и постоянно претендовал на особые административные полномочия в церковных делах.[24] В трудах Отцов Церкви проблема соотношения власти церкви и государства решалась в пользу первой: святитель Иоанн Златоуст (ок. 347–407), к примеру, сформулировал тезис о том, что «священство» выше «царства».[25] Кроме того, 30-м Апостольским правилом и решениями Вселенских соборов категорически запрещалось вмешательство императора в избрание и перемещение епископов.[26] Но, в то же время, византийские кано-

[23] Противоречия и даже конфликты между князьями и церковными иерархами на Руси, разумеется, имели место, однако фактов такого рода известно немного. В случае признания виновным церковного владыки в качестве максимального наказания ему могло грозить лишение сана и изгнание (как это произошло в 1159 г. в Суздале с епископом Леоном). См.: *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 187–188.

[24] См.: *Dagron D.* Empereur et pretre. Etude sur le cesaropapisme byzantin, Paris, 1996. См. Также: *Дагрон Ж.* «Восточный цезаропапизм» (история и критика одной концепции // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999.

[25] См.: *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 120 и сл.

[26] Правила Святых Апостол с толкованиями / Изд. Московского общества любителей духовного просвещения. М., 1876. С. 63–66; Правила Святых Вселенских соборов с толкованиями / Изд. Московского общества любителей духовного просвещения. Ч. II. М., 1877. С. 628–631.

нисты в угоду светским правителям легко могли доказать, что император выше канонов и потому может не считаться с ними.[27]

На практике в Византийской империи светская власть получала значительный перевес. Император играл решающую роль в назначении и смещении иерархов (включая патриархов) и считал себя главой («епископом»), управляющим «внешними делами церкви».[28] Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в царствование Исаака II Ангела (1185–1195). В 1189 г. он сместил константинопольского патриарха Леонтия и поставил на его место иерусалимского патриарха Досифея, а в 1191 г. сместил иерусалимского патриарха Марка, чтобы вернуть Досифея обратно на иерусалимскую кафедру.[29]

Укреплению позиций светской власти в делах управления византийской церковью способствовал тот факт, что последняя (в отличие от римской церкви) не имела единого главы. Восточная церковь отвергала идею папского примата и принимала концепцию пентархии (власть пяти патриархов), согласно которой восточные патриархи (епископы Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима) и римский папа («патриарх Запада») обладали равной властью в пределах своих территорий, а власть церковного собора считалась выше, чем власть любого из патриархов.[30] Отсутствие единоначалия и жесткой централизации делали византийскую церковь легко уязвимой перед притязаниями императоров.

Последние считали себя в праве не только лишать власти, но и подвергать жестокой расправе иерархов церкви, включая константинопольского патриарха. К примеру, в 766 г. по приказу императора Константина V (741–775) был низложен и казнен патриарх Константин II.[31] Низложенного в 912 г. патриарха Евфимия подвергали жестоким издевательствам и «невыносимым мукам», а свергнутый в 907 г. патриарх Николай Мистик по приказу императора Льва VI Мудрого (886–912) был лишен в ссылке теплой одежды и в мороз спал на одной соломе, не имея права читать книги.[32] К жестоким расправам над церковными иерархами неоднократно прибегал и упомянутый нами Андроник I. В мятежном городе Лопадие

---

[27] *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 359–362.

[28] См.: *Michel A.* Die Kaisermacht in der Ostkirche (843–1204). Darmstadt, 1959.

[29] *Grumel V.* Le Περι μεταθέσεων et le patriarche Constantinople Dosithée // Études byzantines. T. I. Bucarest, 1943. P. 241, 244.

[30] *Vries W., de.* Rom und die Patriarchate des Ostens. Freiburg; München, 1963; *Dvornik Fr.* Byzantium and the Roman Primacy. New York, 1966; *Peri V.* La pentarchia: Istituzione ecclesiale (IV–VII sec.) e teoria canonico-teologica // Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull'alto medioevo. T. 34. Spoleto, 1988.

[31] *Nikephores, Patriarch of Constantinople.* Short History / Greek Text, English Translation and Commtntary by C. Mango. Washington, 1990. P. 156–160.

[32] Псамафийская хроника // Две византийские хроники X века / Пер., коммент. А. П. Каждана. М., 1959. С. 57, 62, 71 и сле; *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. С. 231, 235–236; *Nicholas I, Patriarch of Constantinople.* Letters / Greek Text and English Translation by R. J. H. Jenkins and L. G. Westering. Washington, 1978. P. 214 sqq., 242, 494 sqq.

одного из епископов он лишил глаз за то, что тот не обличал бунтовщиков из своей паствы, но спокойно и равнодушно смотрел на восстание их против царя Андроника.[33]

А епископу Новых Патр Евфимию Андроник пригрозил, что утопит его в реке за ведение не понравившихся царю богословских диспутов.[34]

Фактически подчиненные власти императора христианская церковь и ее служители в Византии находились в ином положении, нежели на Руси. Киевская митрополия как часть Константинопольского патриархата, управляемая присланными из метрополии иерархами (зачастую греками), в политическом и правовом отношении была более независима.[35] Сложившееся в домонгольский период русской истории равенство и автономность светской власти и церкви мотивировались Апостольскими правилами и Новеллами Юстиниана, получившими распространение с XI в. в составе древнеславянской Кормчей книги (Номоканона). Согласно этим установлениям, обе власти — «священство» и «царство» — равно дары Божие, и каждая должна ведать своей сферой, божественной и человеческой.[36] Именно данное установление, открывавшее собой Собрание новелл, приписываемых Григорию Акраганскому (из Агригента), считалось в Древней Руси наиболее авторитетным и входило во все редакции кормчих книг.[37]

Допустимое для византийского императора отступление от этих правил было едва ли возможно для обычного древнерусского князя. Согласно почитаемым на Руси Апостольским правилам (Правило 84), в качестве высшей меры наказания для священника за незаконное обвинение («укор») царя или князя допускалось только лишение виновного сана.[38] В своих намерениях отрубить голову владимирскому епископу Роман Мстиславич не только превышает законную меру наказания, но и вторгается в пределы церковной судебной юрисдикции.[39]

В намерениях галицко-волынского князя слышится отзвук борьбы за инвеституру епископов и митрополитов, в которую время от времени вступали русские князья на протяжении XI–XII вв. Как известно, первым на Руси добился поставления на киевскую митрополию своего кандидата Ярослав Мудрый; его примеру в той или иной мере последовали Владимир Мономах, Изяслав и Ростислав Мстиславичи, Андрей Боголюбский, Рюрик Ростиславич. По-видимому, не случайно с именами этих князей в источниках связываются употребление царского титула, упоминание о царском достоинстве или имеет место уподобление

---

[33] *Никита Хониат.* История... Т. I. С. 368.

[34] Там же. С. 417.

[35] См.: *Щапов Я. Н.* «Священство» и «царство» в Древней Руси в теории и на практике // ВВ. Т. 50. М., 1989.

[36] Древнеславянская Кормчая четырнадцати титулов без толкований. Т. I. СПб., 1906. С. 739–740; Кормчая, напечатана с оригинала патриарха Иосифа. СПб., 1911. Л. 306 об.

[37] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI–XIII вв. М., 1978. С. 63, 103.

[38] Древнеславянская Кормчая... Т. I. С. 80.

[39] О церковной юрисдикции в Древней Руси, а также ее размежевании со светской юрисдикцией см.: *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси... С. 97–123.

их византийскому императору, царю Нового Рима, чьи прерогативы в церковной сфере они присваивали.[40] Похоже, тот же смысл с конца XII в. на Руси вкладывали и в титул «великий князь». По наблюдениям М. Д. Приселкова, великокняжеский титул мог означать для получившего его князя «право непосредственных сношений с империей», что предполагало, в частности, свободу в выборе кандидата на замещение епископской кафедры.[41]

В середине XIII в. в борьбу за инвеституру активно включился сын Романа Мстиславича Даниил, которому удалось поставить киевским митрополитом своего бывшего «печатника» Кирилла.[42] Подобно своему отцу, Даниил с молодых лет боролся также за инвеституру владимирского епископа. В 1210–1220-е гг. владимирскую кафедру занимал противник Романовичей Асаф. Не имея возможности сразу лишить его сана, Даниил в 1219–1220 гг. добился создания в пределах Волынской земли еще одной епархии с центром в Угровске (на отвоеванных у малопольского князя Лешка Белого землях Забужья).[43] В итоге владимирский епископ Асаф сам должен был искать возможности покинуть Волынь.[44]

Угровский же епископ, который по случайному совпадению также носил имя Асаф, при поддержке Даниила между 1220 и 1224 гг. совершил попытку захватить вакантную митрополичью кафедру в Киеве, закончившуюся тогда неудачей:

> пискупъ Асафъ Вугровьскыи, иже скочи на столъ митрофоличь и зато сверженъ бысть стола своего.[45]

Не исключено, что попытка Асафа Угровского захватить киевскую митрополичью кафедру могла иметь место позднее — после взятия Киева монголами, когда из города бесследно исчез прежний митрополит Иосиф (1236–1240).[46]

* * *

Совершенно в духе политики византийского двора, одним из важнейших инструментов которой были тайные интриги и вероломные заговоры, расправляется Роман Мстиславич с теми из своих противников, которых он не сумел одолеть открыто. Об этой стороне деятельности галицко-волынского князя прямо свидетельствует внимательно наблюдавший за ним краковский епископ Винцентий Кадлубек:

---

[40] См.: *Obolensky D.* Byzantium, Kiev and Moscow: A Study in Ecclesiastical Relations // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 11. Washington, 1958; *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 135–138.

[41] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 129–130.

[42] ПСРЛ. Т. II. Стб. 794, 809. См. также: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 298–299; *Поппэ А. В.* Митрополиты киевские и всея Руси (988–1305 гг.) // *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси... С. 204–206.

[43] ПСРЛ. Т. II. Стб. 732, 842.

[44] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси... С. 52–53.

[45] ПСРЛ. Т. II. Стб. 739–740.

[46] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси... С. 53–54.

А тех, кого открыто не мог схватить, потому как почти все в страхе разбежались по чужим землям, вновь вызывает, [приманив] дарами, лестью и всякими измышлениями, на которые он (Роман Мстиславич. — *А. М.*) был мастер, обнимает, возвеличивает почестями. Вскоре, придумав какое-либо ложное обвинение, безвинных свергает и приказывает их замучить немыслимыми пытками: либо чтобы имущество у убитых отнять, либо чтобы нагнать страх на соседей, или чтобы, уничтожив наиболее могущественных, самому властвовать тем безопаснее.[47]

Можно было бы усомниться в достоверности сведений польского хрониста, рисующего Романа в столь невыгодном свете из неприязненного к нему отношения, тем более что русские летописи ничего подобного не сообщают. Однако в рассказе Кадлубка есть одна деталь, имеющая важное значение для его верификации. Польский хронист приводит в латинском переводе слова Романа, которые тот любил повторять по случаю каждой расправы над своими врагами: «Melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppresso, non rarefacto, examine; nec sapere species nisi creberrime pilo contusas».[48] В переводе Н. И. Щавелевой это сообщение звучит так:

Он (Роман Мстиславич. — *А. М.*) часто употреблял присказку: мед удобнее добывать, если пригнетешь пчелиный рой, а не распустишь его; трава не пахнет, если ее не растолочь пестом.[49]

Русский вариант этой присказки о пчелах и меде сохранился в Галицко-Волынской летописи. Спустя многие годы после гибели Романа к его сыну Даниилу в самый драматический момент борьбы за Галич, когда Даниил остался лишь с горсткой верных сторонников, обращается сотский Микула, произнеся слова, что звучали когда-то из уст Романа:

Не погнетши пчелъ, медоу не едать![50]

Старый сотский тем самым как бы напоминает Даниилу о делах и речениях его славного отца, воодушевляя князя отцовским примером в трудную минуту.

Русский источник сохранил только первую, наиболее звучную часть присказки, принадлежавшей Роману. Это, как полагают современные исследователи, вполне достоверно с психологической точки зрения: так, в отличие от просвещенного польского епископа, и должны были запомнить слова Романа простые русские воины и княжеские слуги, удержав в памяти лишь самый яркий и впечатляющий образ.[51]

[47] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники... С. 112.

[48] Там же. С. 97.

[49] Там же. С. 112.

[50] ПСРЛ. Т. II. Стб. 763.

[51] *Пауткин А. А.* Афористические максимы в Галицко-Волынской летописи и польско-латинская литературная традиция // Древняя Русь и Запад. Науч. конф. Книга резюме / Отв. ред. В. М. Кириллин. М., 1996. С. 86.

Роман Мстиславич прибегает и к другим обычным в Византийской империи, но совершенно не свойственным для Древней Руси приемам ведения политической борьбы и устранения своих противников. В 1203 г. он не только лишает киевского стола своего бывшего тестя Рюрика Ростиславича, но также насильно постригает его в монахи.[52] За всю историю Древней Руси не найти другого случая подобного обращения с киевским великим князем да еще и со стороны его младшего родственника. Зато такие случаи — обычное дело в истории Византии, где сами императоры, члены их семей и ближайшие родственники неоднократно становились жертвами подобного обращения. Ближайший пример — свержение с престола и насильственное пострижение византийского императора Исаака II, совершенное в 1195 г. его братом, новым императором Алексеем III.[53]

* * *

Наконец, совершенно в духе бракоразводной практики, сложившейся в Византии на рубеже XII–XIII вв., Роман Мстиславич обращается со своей первой женой Предславой, дочерью киевского князя Рюрика. Брак с ней Роман разрывает без всякого видимого соблюдения установленных церковью правил, руководствуясь, очевидно, исключительно собственным решением. О том, когда и при каких обстоятельствах Роман «пустил от себя» свою первую жену, заставив ее вернуться к отцу, русские летописи деликатно умалчивают. Об этом происшествии становится известно post factum, из летописного сообщения о расправе Романа с самим Рюриком, при котором находилась его дочь Предслава, отвергнутая жена галицко-волынского князя.[54]

Пренебрежение традиционными нормами права и морали при устройстве и расторжении браков стало правилом при дворе византийских императоров, особенно в правление Алексея III (1195–1203), когда в данной сфере полностью возобладали политическая целесообразность и воля правителя.

К примеру, чтобы вернуть в подчинение изменника Добромира Хриза, бывшего византийского наместника в области Струмица, отказавшегося признавать власть императора и создавшего в середине 1190-х гг. небольшое самостоятельное княжество в южной части современной Вардарской Македонии,[55] Алексей III действовал, не стесняя себя никакими этическими и правовыми нормами:

> При этом также положено было между ними, что Хрис, хотя у него была жена, возьмет за себя в замужество одну из царских родственниц. Вследствие того, по возвращении

---

[52] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 420–421.

[53] Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 452.

[54] ПСРЛ. Т. I. Стб. 420.

[55] См.: История на България: В 14 т. / Под ред. Д. Косева. Т. 3. Втора Българска държава. София, 1982. С. 131–133; *Овчаров Н. Д.* История и археология на Вардарска Македония през XIV в. София, 1996. С. 80 и сл.

в Византию, царь развел дочь протостратора с ее мужем и отослал ее к Хрису, назначив ее проводником и распорядителем ее нового брачного союза севаста Константина Радина.[56]

Прежние семейные отношения и обязательства легко могли быть принесены в жертву ради нового брачного союза, если в таком союзе участвовали ближайшие родственники императора. В 1199 г., подобно галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу, расторгшему свой первый брак ради нового брака с византийской царевной, сын великого этериарха Георгия Палеолога Алексей по требованию Алексея III развелся со своей законной женой, чтобы жениться на овдовевшей дочери василевса Ирине. Став зятем императора и получив титул деспота, Алексей Палеолог был объявлен официальным наследником престола империи.[57]

Приемам византийского двора стали следовать правители славянских государств на Балканах в проведении собственной династической политики, причем подобные приемы иногда могли быть обращены в адрес самого василевса и членов его семьи.

Выданную в 1190 г. за сына сербского жупана Стефана I Немани (1167–1196) племянницу императора Исаака II Евдокию Ангелину Комнину после девяти лет совместной жизни ее муж, новый сербский жупан Стефан II (1196–1228), отказавшийся от союза с ослабевшей Византией, с небывалым позором выгнал из своего дома:

он снял с нее все женские одежды, оставил на ней одну последнюю тоненькую рубашку, обрезав и ту со всех сторон, так что она едва прикрывала обнаженные члены, и в этом бесчестном виде прогнал ее от себя и пустил на все стороны.[58]

Брат Стефана Вукан, возмущенный таким обращением с византийской принцессой, дал ей одежду и помог вернуться к отцу.[59]

Древнерусское бракоразводное право, возникшее вместе с принятием христианства и распространением венчального брака, отличалось от византийского законодательства: в русском юридическом быте были иные поводы к признанию брака недействительным.[60] Безусловным основанием к его прекращению признавалась лишь смерть одного из супругов, важнейшим поводом к разводу с древнейших времен считалось прелюбодеяние жены. Муж имел право развода с женой и по ряду других поводов, приравнивавшихся к прелюбодеянию: умысел жены на убийство мужа, злостное непослушание жены мужу, слишком вольное ее общение с посторонними мужчинами и т. п. Основанием для развода являлись также бесплодие и физиологическая неспособность к исполнению супружеских обязанностей.[61]

---

[56] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 223.

[57] Nicetae Choniatae Historia. P. 508.

[58] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 261.

[59] Nicetae Choniatae Historia. P. 531–532, 608.

[60] *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 80–85.

[61] Эти нормы отражены в многочисленных памятниках древнерусского права, начиная с Церковного устава Ярослава Мудрого (ст. 8, 53), см.: ПРП. Вып. 1. М., 1952. С. 267, 271; РИБ. Т. VI. СПб., 1880. С. 13 (ст. 24); С. 41–42 (ст. 69–70) и др.

В памятниках канонического происхождения есть указания на случаи развода по причине принятия одним из супругов монашества. Церковный закон особо оговаривает, что обязательным условием при этом является согласие другого супруга на разлучение и пострижение.[62] Случаи такого рода имели место в княжеской среде. Под 1228 г. Лаврентьевская летопись сообщает, что юрьевский князь Святослав Всеволодович

> отпусти княгыню свою по свету, всхотевши еи в манастырь, и дасть еи наделокъ многъ.[63]

Похоже, что именно таким способом Роман Мстиславич поначалу пытался расторгнуть свой первый брак. В 1196 или 1197 г. он, по словам летописца,

> поча пущати дчерь Рюрикову, хотяшеть ю постричи.[64]

Однако принудить свою жену к монашеству Роман тогда не смог. По имеющимся сведениям, она была насильно пострижена вместе со своим отцом только в 1203 г.[65] Процедура расторжения брака Романа с Предславой очевидно затянулась на длительное время, — приведенное летописное известие отмечает лишь начало («поча пущати») бракоразводного процесса.[66]

Можно предполагать, что благовидный и вполне законный повод для расторжения первого брака был подсказан Роману из Византии.

Дело в том, что Роман Мстиславич и Предслава Рюриковна состояли друг с другом в близком родстве: их деды — Изяслав и Ростислав — были родными братьями, сыновьями великого киевского князя Мстислава Владимировича (1125–1132). Следовательно, Роман и его первая жена Предслава были троюродными братом и сестрой, то есть состояли в шестой (3:3) степени родства — по гражданскому (римскому) счету, или в третьей степени родства — по каноническому счету.

Мстислав Владимирович
(† 1132)

Изяслав	Ростислав
Мстислав	Рюрик
Роман	Предслава

А. В. Назаренко в специальном исследовании, посвященном проблеме близкородственных династических браков в политике древнерусских

---

[62] РИБ. Т. VI. С. 6, 430–431.

[63] ПСРЛ. Т. I. Стб. 450.

[64] Там же. Стб. 412–413. О датировке этого известия см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 85.

[65] ПСРЛ. Т. I. Стб. 420.

[66] Сколько времени продолжался процесс, при каких обстоятельствах и на каких условиях был завершен неизвестно. Тем не менее в сентябре 1199 г. мы видим Предславу уже в Киеве, участвующей вместе с родителями в церковных торжествах (Там же. Т. II. Стб. 709–710).

князей, обратил внимание на тот факт, что отношение к подобным бракам в Древней Руси и Византии было различным. В Византии действовали более строгие ограничения и запрещались браки между родственниками не только в шестой/третьей (3:3), но и в седьмой/четвертой (4:3) степенях. Русская же церковь придерживалась более архаической нормы, будучи в этом вопросе ближе к римской, чем к константинопольской церкви. Браки между четвероюродными и троюродными братьями и сестрами на Руси считались допустимыми.[67]

Известен даже случай брака между двоюродными родственниками, и такой случай относится как раз к матримониальной практике галицко-волынских князей. В 1250 г. внучка Романа Мстиславича (дочь его старшего сына Даниила) была выдана за владимиро-суздальского великого князя Андрея Ярославича.[68] Супруги состояли между собой в родстве четвертой/второй степени (2:2), так как происходили от родных сестер — дочерей новгородского, а затем галицкого князя Мстислава Мстиславича Удалого.[69]

Напротив того, в Византии браки между родственниками шестой/третьей степени (не говоря уже о более близком родстве) были запрещены еще императором Львом III (717–741). В XI–XII вв. к этому ограничению добавился запрет на браки родственников седьмой/четвертой степени, впервые установленный константинопольским патриархом Алексеем Студитом (1025–1043) и затем подтвержденный церковным собором 1166 г.[70]

На эту удобную для себя норму, по-видимому, и должен был в итоге сослаться Роман Мстиславич при расторжении брака с Предславой Рюриковной.

* * *

В политической практике галицко-волынских князей, ближайших потомков Романа Мстиславича, обращает на себя внимание еще одна яркая черта, вырастающая, несомненно, из идейных оснований византийской доктрины императорской власти.

Измена сыновьям Романа галицких бояр и простых галичан в глазах придворного летописца является преступлением не только против законных князей, но и против самого Бога. Так, сообщая о намерении нового галицкого князя Владимира Игоревича и призвавших его галичан «искоренить племя Романово», летописец с негодованием именует последних «безбожными»:

---

[67] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 562 и сл. См. также: *Довгань П., Мазур О.* Церковні санкції на шлюби волинських Мономаховичів: питання імбридінгу // Християнська спадщина Галицько-Волинської держави: ціннісні орієнтири духовного поступу українського народу. Мат-ли Міжнар. наук. конф. Івано-Франківськ, 2006.

[68] ПСРЛ. Т. I. Стб. 472.

[69] См.: *Кучкин В. А.* К биографии Александра Невского // ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 71–80.

[70] См.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 562.

И еще же хотящю Володимероу искоренити племя Романово, поспевающимъ же безбожнымъ Галичаномъ.[71]

В памятниках письменности Древней Руси термин *безбожныи* применялся главным образом для обозначения языческих стран, народов и их правителей — печенегов, половцев, татар, древних римлян и самой Руси до принятия христианства; кроме того, этим термином обозначались отступники от истинной веры, богохульники и еретики.[72] Галицко-Волынская летопись представляет первый и, пожалуй, единственный в литературе домонгольской Руси случай употребления термина *безбожныи* в отношении подданных князя, отказавших ему в поддержке или вставших на сторону другого правителя.

Придворный летописец на протяжении всего своего рассказа о растянувшейся на долгие годы борьбе Даниила Романовича за галицкий стол последовательно именует врагов князя из числа местного боярства, державших сторону других претендентов на княжеский стол, *безбожными галицкими боярами.*

«Крамоле же бывши во безбожныхъ боярехъ Галичкыхъ», — говорит летописец, повествуя о заговоре бояр Молибоговичей против Даниила Романовича в 1230 г., в котором участвовал также белзский князь Александр Всеволодович.[73] Новый заговор против Даниила сторонники Александра устроили в городе Вишня. Сюда на пир позвал ничего не подозревавшего Романовича некий «Филипъ безбожныи».[74] Измена «безбожного» Григория Васильевича и Молибоговичей весной 1235 г. обернулась для Даниила тяжелым поражением и большими потерями во время возвращения из трудного похода на Чернигов.[75] Однажды один из «безбожных бояр», не желавший признавать Даниила галицким князем, нанес ему тяжкое публичное оскорбление прямо во время пира:

И некогда емоу в пироу веселящоуся, одинъ от техъ безбожныхъ бояръ лице зали емоу чашею.[76]

Как уже отмечалось, одним из основополагающих принципов государственной идеологии Византийской империи стала доктрина божественного происхождения царской власти, получившая свое наиболее полное выражение и закрепление в «Василиках» — законодательном сборнике конца IX в. В прооймионах (преамбулах) императорских эдиктов, в легендах императорских печатей и монет уже в конце V–VI вв. складывается формула «император от Бога» (imperator ex Deo) (Юстин II, Юстиниан, затем Константин IV, Лев III и др.). Еще одним воплощением этого принципа становится двухместный византийский императорский

[71] ПСРЛ. Т. II. Стб. 718.

[72] СлДРЯз XI–XIV вв. М., 1988. Т. I. С. 109; СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 93.

[73] ПСРЛ. Т. II. Стб. 762.

[74] Там же.

[75] Там же. С. 774.

[76] Там же. Стб. 763.

Ил. 167. Христос на троне и предстоящие Ему император Константин IX Мономах и императрица Зоя. Мозаика. Константинополь. Середина XI в. Собор Св. Софии (Стамбул, Турция)

трон, одно из мест которого предназначалось для осязаемого в проскинезе (благоговейном земном поклоне) царя земного, а другое, на котором лежал крест, — для умозрительного Царя Небесного.[77]

Свою неразрывную связь с Богом некоторые византийские императоры специально подчеркивали перед подданными. Одним из наиболее последовательных приверженцев идеи божественного происхождения царской власти был император Исаак II Ангел. Никита Хониат приводит подлинные слова василевса:

> ...на земле, — говорил он, — нет никакого различия по власти между Богом и между царем: царям все позволительно делать и можно нераздельно употреблять Божие наряду со своим; так как самое царское достоинство они получили от Бога, и между Богом и ими нет расстояния.[78]

Византийские представления о божественной природе царской власти, очевидно, породили осознание боярских заговоров, мятежей или измены царю как духовного преступления, стоящего в одном ряду с богохульством или еретичеством.

Справедливо было бы полагать, что впервые в Древней Руси подобное осознание формируется в результате официального принятия царского титула московскими великими князьями. И действительно, Иван Грозный, первый русский царь, совершивший обряд венчания, гневно обличает князя Андрея Курбского в том, что, встав на путь измены царю, он тем самым совершил преступление против Бога: «Противляйся власти, — писал царь, — Богу противится».[79] В многочисленных наказах русским послам в Литве 1580–1582 гг. Грозный требовал передать изменнику свои слова:

> Ты забыл Бога, и Государя, и свою душу...[80]

---

[77] *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. Darmstadt, 1956. S. 32–34, 56 f., 133–135. См.: *Бибиков М. В.* «Блеск и нищета» василевсов...

[78] *Никита Хониат.* История... Т. II. С. 123, примеч. 1.

[79] *Андрей Михайлович Курбский.* Избр. сочинения / Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1902. С. 135. См. также: *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 107.

[80] См.: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: прозопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 60–61.

Между тем, как мы видим, еще более чем за три столетия до посланий Ивана Грозного та же самая оценка измены царю как богопротивного злодеяния звучит в Галицко-Волынской летописи. В ее рассказах о «многих крамолах» и «мятежах» против сыновей Романа Мстиславича, «царя в Руския земли» и «самодержца всея Руси», враги Даниила и Василька последовательно именуются «безбожными» галичанами и «безбожными» боярами, поскольку они умышляли «искоренити племя Романово».

Оценка измены князю в категориях духовного преступления («безбожного» злодеяния), сделанная придворным летописцем, на наш взгляд, могла быть обусловлена прямым кровным родством сыновей Романа Мстиславича с византийским императором, чье царское достоинство они тем самым унаследовали. Нет сомнений, что приведенные выше воззрения василевса Исаака II на божественную природу царской власти были известны Даниилу и его окружению, ведь мать Даниила приходилась старшей дочерью Исааку.

* * *

В образе Даниила Романовича его придворным летописцем выведена и другая, еще более характерная черта, уподобляющая русского князя византийскому императору. Торжествуя победу над своими непримиримыми врагами, не раз пытавшимися его убить, Даниил проявляет редкое на Руси милосердие и христианское смирение, прощая обиды и отказываясь покарать преступников.

Когда в 1238 г., после долгих лет тяжелой борьбы Даниил овладел наконец галицким столом, он великодушно простил всех местных бояр, не раз ему изменявших, говоря:

> Милость полоучисте, пакы же сего не створисте, да не во горьшая впадете.[81]

В самый разгар борьбы за Галич, когда покушения на жизнь Даниила следовали одно за другим, верным людям князя удалось схватить главных заговорщиков из числа «безбожных» галицких бояр — Молибоговичей, которые вместе со своими приспешниками в числе двадцати восьми человек были препровождены к князю. Однако вопреки ожиданиям Даниил и на этот раз помиловал своих злейших врагов: «И ти смерти не прияша, но милость полоучиша».[82]

Совершенно вопиющий случай произошел однажды во время пира, устроенного Даниилом, где присутствовали не только его дружинники, но также бояре из числа его врагов. Один из них, не названный летописцем по имени, как мы уже видели, плеснул в лицо князю вином из своей чаши. И вновь Даниил проявил чудеса выдержки и христианского смирения:

[81] ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.

[82] Там же. Стб. 763.

И то емоу стерпевшоу. Иногда же да Богъ имъ возомьздитъ.[83]

В данном эпизоде летописец, несомненно, ведет речь о нанесении Даниилу тягчайшего личного оскорбления, совершенного публично одним «от техъ безбожныхъ бояръ». По-видимому, здесь подразумеваются бояре Молибоговичи, только что великодушно прощенные князем за их прежние преступления.

Чем объяснить столь неестественную мягкость в поведении князя, граничащую с полным безволием? За эту мягкость, по мнению Н. Ф. Котляра, Даниила осуждает даже его верный летописец.[84] Недоверие к рассказу летописи о труднообъяснимых поступках князя привело В. Т. Пашуто к его ошибочному пониманию: «Когда с помощью боярина Демьяна заговор в Галиче был раскрыт, — писал исследователь, — то князь Даниил предпринял первые карательные меры: семья Молибоговичей была арестована и у нее отняты земли на Волдрисе <...> видимо, пострадал и боярин Филипп».[85]

На самом деле о «карательных мерах» Даниила известно следующее: княжий сидельничий Иван Михайлович был послан в погоню «по неверных Молибоговичихъ и по Волъдрисе, и изимано бысть ихъ 20 и 8». Ни о каких земельных владениях семьи Молибоговичей, а тем более об их изъятии здесь нет и помину. Фигурирующее же в тексте имя *Волдрис* имеет отношение к физическому лицу (это один из участников событий), а не к географическому объекту, вообще не известному летописи. Таким же фантомом следует признать и «страдания» другого врага Даниила, боярина Филиппа, о которых летописец, вопреки Пашуто, и вовсе не говорит ни слова.[86]

Не доверяет рассказу галицкого летописца о милосердии и христианском смирении Даниила Романовича и Н. Ф. Котляр. Особое недоверие вызывает у него сообщение об оскорблении, нанесенном князю во время пира одним из «безбожных» бояр Молибоговичей, которое князь стерпел, полагаясь на возмездие Божие. Вряд ли, полагает Котляр, летописец отразил здесь реальное событие: «князь, да еще и столь храбрый и гордый рыцарь, как Даниил, не смог бы стерпеть тяжкой обиды от своего вассала».[87] Какое же в таком случае событие отразил здесь летописец? Выходит, что вымышленное. Но для чего придворному историографу понадобилось порочить своего князя, «храброго и гордого рыцаря», приписывая ему поступки, которых он не совершал?

На наш взгляд, объяснить странное поведение Даниила, ставящее в тупик новейших исследователей, невозможно, оставаясь лишь в контексте известий Галицко-Волынской летописи. Между тем, поступки князя обретают смысл, если оценивать их с точки зрения византийских религиозно-этических норм,

[83] Там же.

[84] *Котляр Н. Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись... С. 225.

[85] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 212.

[86] См.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 511–512.

[87] *Котляр Н. Ф.* 1) Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // ДГ. 1995 год. М., 1997. С. 99; 2) Комментарий. С. 225.

обусловливающих поведение монарха и ограничивающих его всевластие.

В Византии милосердие и смирение считались одними из главных добродетелей правителя, его нравственным долгом перед своими подданными. Идея христианского смирения вырабатывалась здесь в связи со становлением православной идеологии власти в обстановке борьбы с императорами-иконоборцами и нашла свое наиболее полное завершение в учении о благочестии Иоанна Дамаскина — главного идеолога византийской «политической ортодоксии».[88]

Во время официальных церемоний василевс представал перед подданными в полном властном облачении с державой и скипетром, однако при этом в одной руке он держал также акакию — шелковый мешочек с земным прахом. В таком виде византийские цари изображались на государственных печатях, монетах, а также на парадных мозаичных портретах.[89] Во время военного триумфа василевс смиренно шествовал по главной столичной улице позади своей парадной колесницы, на которую была водружена икона Богоматери Одигитрии, как это показано на одной из миниатюр Мадридского списка «Истории» Иоанна Скилицы.[90]

Ил. 168. Император Александр I. Мозаика. Константинополь. Начало X в. Открыта в 1958 г. Собор Св. Софии (Стамбул, Турция)

Одним из наиболее ярких внешних проявлений идеи христианского смирения в ритуальном поведении византийского императора стал зафиксированный в различных источниках обряд омовения ног нищим. Царь должен был лично участвовать в этом важнейшем для империи ритуале, происходившем ежегодно в Великий четверг в храме Св. Софии. В присутствии патриарха, высшего духовенства, аристократии, сановников и при стечении множества народа василевс собственноручно совершал упомянутое омовение, для которого специально отбирались двенадцать человек из числа беднейших граждан.[91]

---

[88] *Beck H.-G.* Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978. S. 78 f.; *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья. С. 26 и сл.; *Louth A.* St. John Damascene: tradition and originality in Byzantine theology. Oxford, 2002.

[89] *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. S. 148; *Whitting P. D.* Byzantine Coins. New York, 1973. P. 296. См. также: *Кондаков Н. П.* Мифическая сума с земной тягою // Списание на Българската Академия на науките. Клон историко-филологически. Кн. 22. София, 1921.

[90] *Божков А.* Миниатюри от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972. С. 113. Ил. 67.

[91] *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. S. 126 f. См. также: *Каждан А. П.* Византийская культура. СПб., 2000. С. 105–106.

Регулярные проявления глубокого христианского смирения императора имели целью демонстрацию его подданным богоизбранности правителя, его особых добродетельных качеств, не доступных простому человеку. Признание царя земным воплощением Христа постоянно требовало новых подтверждений его божественной сущности. Наряду с ритуальным смирением и самоуничижением, василевс должен был регулярно совершать акты христианского милосердия и всепрощения, в том числе и в отношении своих политических врагов — заговорщиков и изменников, покушавшихся не только на его власть, но и на саму жизнь.[92]

Неписаный обычай требовал от царя прощения своих врагов в дни великих церковных праздников, особенно Господних. В такие дни василевс прощал даже самых закоренелых и опасных заговорщиков, вполне сознавая при этом всю меру исходящей от них угрозы для своей безопасности.

По сообщению Продолжателя Феофана, император Лев V Армянин (813–820), отлично осведомленный о заговорщической деятельности своего военачальника Михаила Травла, настойчиво добивавшегося императорского престола, полностью изобличив злоумышленника, намеревался предать его смерти. Однако, поскольку Михаил был схвачен и осужден «накануне дня сошествия в мир и воплощения Христа, Слова и Бога нашего», то есть в канун праздника Рождества Христова, Лев под влиянием своей жены Феодосии «даровал Михаилу спасение». Царская милость была явлена на Рождество 820 г. В этом же году помилованный Львом заговорщик совершил переворот и стал новым императором Михаилом II (820–829).[93]

Рассказывая о мятеже некоего Михаила из Амастриды, правителя Акруна, против своего отца, императора Алексея I (1081–1118), Анна Комнина отмечает, что после поражения и захвата мятежника император великодушно простил его, поступая подобно Христу, прощавшему своих врагов. «Еще не успело солнце скрыться за горизонтом, — пишет Анна, — как узник оказался свободным и приговоренный к смерти получил бесчисленные дары». Далее Анна свидетельствует, что подобные случаи были обычным делом для Алексея:

> Такую доброту мой отец-император проявлял постоянно.[94]

По свидетельству Никиты Хониата, император Исаак II Ангел великодушно помиловал опаснейшего мятежника Алексея Врану, не раз пытавшегося совершить государственный переворот и захватить императорский престол. Василевс не только полностью простил заговорщика, но и вернул ему свое доверие: Врана был назначен командующим византийскими войсками, направленными на подавление восстания в Болгарии. Изменник не замедлил воспользоваться удобным случаем для нового мятежа.[95]

---

[92] Подробнее см.: *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee; *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья…

[93] *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. С. 27 и сл.

[94] *Анна Комнина.* Алексиада. С. 380.

[95] *Никита Хониат.* История… Т. II. С. 28, примеч. 2.

Когда же Врана потерпел новое поражение и бежал, бросив своих сторонников, примкнувших к заговору против Исаака, василевс вновь явил царское великодушие к своим заблудшим подданным:

> Царь, — пишет Хониат, — даровал всем полное прощение и, благосклонно приняв прибывших, советовал им только принесть покаяние в нарушении данных ему клятв…[96]

Следуя византийским представлениям о царском благочестии и нормам поведения государя, Даниил демонстрирует своим подданным присущие ему важнейшие нравственные качества подлинного царя-самодержца — глубокое христианское смирение и милость к поверженным врагам. Тем самым, в духе византийской традиции, старший сын и наследник Романа нарочито проявляет свою царскую богоизбранность, понимаемую как способность совершать поступки, подобные великим деяниям Христа.

По-видимому, христианские добродетели Даниила не всегда получали одобрение в его ближайшем окружении, особенно среди старых дружинников его отца. Последние предостерегали молодого князя от чрезмерной мягкости к своим врагам и противопоставляли его христианскому благочестию простую и грубую заповедь, отражающую нормы древнерусской политической морали: «Не погнетши пчелъ, медоу не едать!».[97] Такую поговорку, как мы помним, любил повторять отец Даниила, сводя счеты со своими многочисленными врагами.

[96] Там же. С. 46.

[97] ПСРЛ. Т. II. Стб. 763.

Глава сороковая

ХРИСТИАНСКИЕ РЕЛИКВИИ И ЦАРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: САКРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ КНЯЗЯ[1]

Политическое значение христианских реликвий в Византии. — Разграбление реликвий Константинополя и идея *translatio imperii* в начале XIII в. — Случаи приобретения реликвий Честного Креста в домонгольской Руси. — Честной Крест и другие христианские реликвии в Галицко-Волынской Руси в XII–XIII вв. — Перенесение мощей и культ св. Онуфрия Великого

Следует обратить внимание на еще одну важную черту в облике Романа Мстиславича, сближающую его с византийскими императорами. Подобно греческим василевсам, Роман заботился об укреплении сакрального статуса своей власти. Как никто другой из древнерусских князей он преуспел в деле собирания в своих руках священных христианских реликвий, — деле, которому на протяжении веков посвящали себя императоры Византии.

Начиная с IV–V вв. в Византии сформировалось устойчивое представление о прямой взаимосвязи между реликвиями и властью: византийские императоры и правители других христианских государств использовали реликвии для подтверждения и обоснования своих прав на власть.

Центральную роль в развитии и определении византийской имперской идентичности играли реликвии Страстей Христовых, и прежде всего Честной Животворящий Крест. Обретение Креста Еленой, матерью Константина Великого, под храмом Афродиты в Иерусалиме ок. 326 г. увязало с властью и культом императорской фамилии как символическое, так и физическое измерение креста.[2] Реликвии Страстей Христовых сразу же приобрели в империи политическое значение: гвозди от креста были встроены в диадему Константина и уздечку его коня,[3] а посланная Еленой сыну частица Честного Креста была встроена им в собственную бронзовую статую, помещенную на огромной порфировой

---

[1] Ранее материалы настоящей главы опубликованы: *Майоров А. В.* Восточнохристианские реликвии и идея «переноса империи»: Византия, Балканы, Древняя Русь // Религиоведение. 2011. № 1.

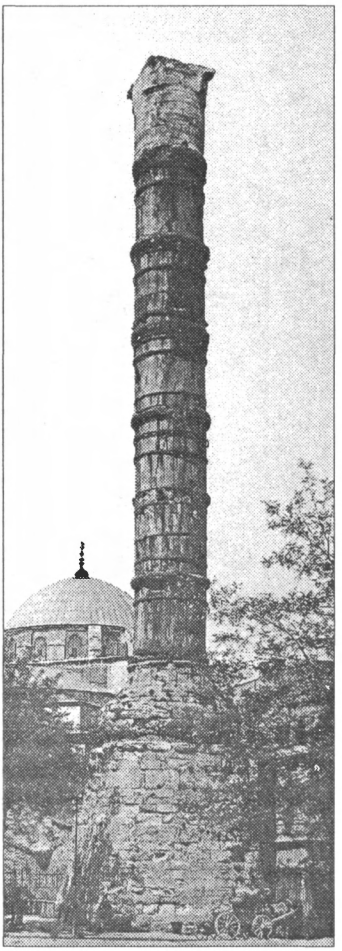
[2] Подробный анализ зарождения и развития этой доктрины см.: *Drijvers J. W.* Helena Augusta: the Mother of Constantine the Great and the Legend of her Finding of the True Cross. Leiden; New York, 1992.

[3] Ibsd. P. 102, 106, 111.

колонне посреди форума Константина, — в силу представлений того времени об идентичности императора и его изображений, различие между ним и реликвией практически исчезало.[4]

Сакральное значение Животворящего Креста и вера в магическую силу реликвии с течением времени возрастали. Частицы креста присутствовали в действующей армии во время масштабных военных кампаний, в том числе в кампании, предпринятой императором Ираклием (610–641) по возвращению иерусалимской части Честного Креста из пленения в персидском Ктесифоне.[5] Честной Крест оставался защитником Константинополя во время вражеских нападений и осад.[6] Книга церемоний (X в.) упоминает о ежегодных ритуалах поклонения Кресту в Большом императорском дворце, а также о том, что император должен брать его частицу с собой, когда отправляется в военные походы.[7]

Сохранившиеся реликварии и свидетельства письменных источников дают красноречивые подтверждения ценности Честного Креста и его политической значимости. Вместилища для него принадлежат к числу лучших образцов византийского искусства.[8] Эти реликварии с их богатыми золотыми барельефами или перегородчатой эмалью служили средством выражения и набожности и могущества императоров. Политическое значение реликвий видно из того, что они выступали дипломатическими дарами. В 1007 г. в попытке привлечь новокрещенную Венгрию в орбиту влияния Византии частица Креста была послана королю Иштвану I, а в 1087 г. в ответ на выгодный союз против норманнов еще одну его частицу отправили германскому императору Генриху IV. В практике василевсов были также пожертвования реликвий



Ил. 169. Колонна Константина. Ок. 330 г. Первоначально достигала 35 м в высоту. Венчавшая колонну статуя Константина разрушена во время бури в 1106 г. Площадь Чемберлиташ (Стамбул, Турция)

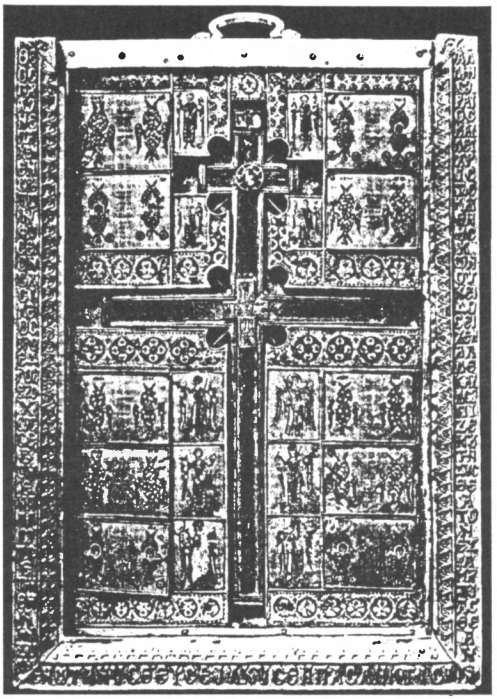
[4] См., например: *Dvornik F. F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and Background. Vol. II. Washington, 1966. P. 733–734; *Mango C.* Constantine's Porphyry Column and the Chapel of St. Constantine // *Mango C.* Studies on Constantinople. Aldershot, 1993. Study IV; *Belting H.* Likeness and Presence. A History of the Image before the Era of Art. Chicago, 1994. P. 102–107.

[5] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. Recherches sur le developpement d'un culte. Paris, 1961 P. 183, 190.

[6] Ibid. P. 189, 216.

[7] Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des ceremonies (De ceremoniis aulae byzantinae) / Comm. par. A. Vogt. Vol. I. Paris, 1935. P. 485; Vol. II. Paris, 1939. P. 551–552.

[8] См., например: The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A. D. 843–1261 / Ed. H. C. Evans, W. D. Wixom. New York, 1997. P. 74–81.



Ил. 170. Лимбургская ставротека (без крышки). Середина X в. Платановое дерево, серебряный позолоченный оклад, украшенный драгоценными и полудрагоценными камнями. Кафедральный собор-музей Св. Георгия в Лимбурге-на-Лане (земля Гессен, Германия)

монастырям, пользовавшимся их наибольшим расположением.[9]

Эти акты щедрости императоров имели целью установить иерархическую структуру христианского мира, во главе которой стоял василевс — единственный из всех, кто имел возможность распределять священные реликвии. Для императорской сокровищницы в правление Константина Багрянородного был создан особый реликварий, известный ныне под названием Лимбургской ставротеки, где хранилось множество частиц Животворящего Креста Христова и других высокочтимых реликвий, которые использовались для подарков от имени императора.[10]

Самое полное собрание Страстных реликвий было сосредоточено в церкви Богоматери Фаросской Большого императорского дворца в Константинополе и принесло ей огромную славу в средние века во всем христианском мире, в том числе и на Руси.[11] Живописное изображение предметов Страстей, которое напоминает о собрании Большого дворца и, возможно, отражает рассказы новгородского паломника Добрыни Ядрейковича, ставшего впоследствии архиепископом Антонием, можно видеть на двойной новгородской иконе XIV в., ныне хранящейся в Государственной Третьяковской галерее.[12]

---

[9] Например: дар Никифора II Фоки афонской лавре в 964 г. (*Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 241, Nr. 147), дар Михаила VII Дуки афонской лавре в 1070-е гг. (Ibid. P. 278–279, Nr. 233), а также дары Василия II и Константина VIII монастырю Апаран в Армении в 983 г. (Ibid. P. 242, Nr. 151).

[10] Ставротека была вывезена из разграбленного крестоносцами Константинополя немецким рыцарем Генрихом Ульмским, неоднократно меняла владельцев, пока в 1835 г. одним из немецких принцев не была подарена лимбургскому епископу; в настоящее время реликвия хранится в кафедральном соборе-музее Лимбурга-на-Лане (земля Гессен, Германия). См.: *Rauch J.* Die Limburger Staurothek // Das Münster. Bd. 7/8. München, 1955; *Kuhn H. W.* Heinrich von Ulmen, der vierte Kreuzzug und die Limburger Staurothek // Jahrbuch für westdeutsche Landesgeschichte. Bd. 10. 1984. S. 64 ff.; *Kreutz B.* Heinrich von Ulmen (ca. 1175–1234). Ein Kreuzfahrer zwischen Eifel und Mittelmeer // Porträt einer europäischen Kernregion. Der Rhein-Maas-Raum in historischen Lebensbildern. Trier, 2006. S. 80 ff.

[11] См.: *Лидов А. М.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти О. И. Подобедовой. М., 2005.

[12] Государственная Третьяковская галерея. Древнерусское искусство X–начала XV века. Каталог собрания. Т. 1. М., 1995. С. 50–54 (№ 8).

Фаросская церковь располагалась в самом центре дворца, около тронного зала (Золотой палаты) и императорских покоев.[13] Этот маленький храм был украшен изысканными мозаичными иконами в самом роскошном, поражавшем даже искушенных византийцев, обрамлении: мрамор здесь был инкрустирован драгоценными металлами, многие архитектурные элементы были выполнены из золота и серебра. Сосредоточенное в дворцовой церкви и демонстрируемое всему миру собрание христианских святынь (в том числе самые большие части Святого Креста, Терновый венец, Копие Лонгина, Трость, Гвозди, Багряница и Погребальные пелены Христовы, создававшие уникальный по полноте и достоверности образ Искупительной Жертвы) было частью византийской религиозно-политической концепции. Реликвии обеспечивали сакральную защиту империи и служили знаком высшей власти, гарантировавшим мистическую преемственность земных правителей по отношению к небесному владыке.[14]

С середины X в. византийские императоры начинают активно искать новые реликвии и развивать новые культы. Из Эдессы в Константинополь прибывают Мандилион (944) и Керамион (968), а также десницы Иоанна Крестителя из Антиохии (956–957).[15] В XII в. в результате военной экспансии Комнинов на Восток в столицу были доставлены новые высокочтимые святыни, в том числе плита, на которой после снятия с креста лежало тело Христа — император Иоанн II Комнин на собственных плечах принес ее в монастырь Пантократора. Несколько лет спустя Михаил I Комнин повелел перенести из Салоник чудотворной иконы св. Димитрия. В это время вообще особенно усилилось в Византии поклонение иконам, прежде всего иконе Богородицы Одигитрии.[16]

В XI–XII вв. реликвии Константинополя привлекали к себе бесчисленных паломников как с Запада, так и с Востока. До нас дошли десятки оставленных ими свидетельств, важнейшие из которых — недавно найденное сочинение Таррагонского Анонима, латинского паломника конца XI в., проведшего значительное время в византийской столице и особенно интересовавшегося реликвиями и чудотворными иконами Богоматери; а также давно известная и хорошо изученная «Книга Паломник» Антония Новгородского — вероятно, самое полное описание константинопольских святынь, созданное накануне разгрома города крестоносцами.[17]

---

[13] *Ebersolt J.* Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Ceremonies. Paris, 1910. P. 104–109; *Guilland R.* 1) L'eglise de la Vierge du Phare // Byzantinoslavica. T. XII. Praha, 1951. P. 232–234; 2) Etudes de topographie de Constantinople Byzantine. Vol. I. Berlin; Amsterdam, 1969. P. 311–325); *Janin R.* La geographie ecclesiastique de l'Empire Byzantine. 1. Le siege de Constantinople et le patriarcat oecumenique. Vol. III. Paris, 1953. P. 241–245.

[14] Подробнее см.: *Bacci M.* Relics of the Pharos Chapel: a view from the Latin West // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003.

[15] Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Ed. I. Thurn. Berlin: New York, 1973. P. 231–232, 245. См. также: *Лидов А. М.* 1) Мандилион и Керамион как образ-архетип сакрального пространства // Восточнохристианские реликвии; 2) Святой Мандилион. История реликвии // Спас Нерукотворный в русской иконе / Авт.-сост. А. М. Евсеева, А. М. Лидов, Н. Н. Чугреева. М., 2008.

[16] О культе икон в Византии после периода иконоборчества см.: *Belting H.* Likeness and Presence. P. 73–77, 184–192.

[17] Эти и другие тексты в переводе на современный русский язык см.: Реликвии в Византии и Древней Руси: Письменные источники / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006.

* * *

Утрата Константинополя в 1204 г. разрушила тесную связь между византийскими императорами и Честным Крестом. Она отбросила василевсов далеко от реликвий, которые они собирали и охраняли столько веков подряд, и нарушила их связь с Христом. Правители Византии не могли больше столь непосредственно рассматриваться в качестве представителей Христа на земле, и их претензиям на власть с помощью креста пришел конец. Претензии эти начали раздаваться в других местах, так как страстные реликвии оказались распроданными по всей Европе. Рассредоточение реликвий Честного Креста дало возможность гораздо большему, чем прежде числу претендентов заявлять свои права на достоинство и титул василевса.[18]

В начале XIII в. все основные претенденты на имперский трон и титул «императора и самодержца» так или иначе обзавелись и пользовались в своих целях реликвиями Честного Креста. С их помощью стремились подкрепить свою власть и силу латинские императоры в Константинополе, хотя многие их реликвии оказались в закладе у венецианцев. Поражение первого латинского императора Балдуина I (1204–1205) от болгар в апреле 1205 г. объясняли тем, что он пренебрег частицами Животворящего Креста, оставив их в городе и не взяв с собой в военный поход.[19] Возможно по этой причине его брат и преемник Генрих I (1206–1216) заказал для себе особенно пышную ставротеку (ныне хранящуюся в сокровищнице собора Св. Марка в Венеции).[20]

Никейские императоры использовали обладание частями Честного Креста, чтобы заявить о себе как о законных императорах Византии, временно лишившихся ее столицы. Иоанн III Дука Ватац (1221–1254) по примеру своих предшественников стал передавать бывшие при нем реликвии (очевидно, вывезенные из Константинополя вместе с остатками императорской казны) важным потенциальным союзникам Никеи, включая сербского архиепископа Савву, жившего в Хиландарском монастыре на Афоне, а также германского императора Фридриха II (1220–1250), которому Иоанн III в 1246 г. пожаловал через его посла фра Элиа де Копи драгоценную ставротеку из слоновой кости, ранее принадлежавшую византийскому императору Никифору II Фоке (963–969).[21]

Распыление реликвий Честного Креста и расторжение символической связи между греческим императором и реликвией открывало возможности и для других политических сил использовать крест в своих целях, чтобы заявлять о своих претензиях на часть византийского наследия, и в особенности на титул василевса.

---

[18] См.: *Eastmond A.* 1) Byzantine Identity and Relics of the True Cross // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000; 2) Byzantine Identity and Relics of the True Cross in the Thirteenth Century // Восточнохристианские реликвии.

[19] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 382–383, Nr. 451; P. 414–415, Nr. 505.

[20] Ibid. P. 396–397, Nr. 471. Об этой ставротеке см. также: The Treasury of San Marco, Venise / Ed. D. Buckton. Milan, 1984. P. 244–251, Nr. 34.

[21] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 416, Nr. 509; P. 432–433, Nr. 540. О ставротеке Никифора Фоки см. также: *Cutler A.* The Hand of the Master: craftsmanship, ivory and society in Byzantiim (9th–11th centuries). Princeton, 1994. P. 213.

В первую очередь это касалось правителей возрожденного самостоятельного Сербского государства. Стефану Первовенчанному и его брату архиепископу Савве удалось собрать значительное количество христианских реликвий, и прежде всего реликвий Страстей Христовых, которые были затем сосредоточены в кафедральном соборе в Жиче — месте коронации наследников сербского престола.[22]

И хотя правителям Сербии удалось добиться права на монархический титул только в 1217 г., они гораздо ранее обнаружили стремление воспользоваться Честным Крестом для обоснования царского достоинства и власти правящего дома Неманичей. Из письменных источников известно о нагрудном украшении («пекторали») Немани, в которое была вложена частичка Честного Креста. Этот реликварий стал впоследствии священным символом династии, удостоверяющим законнорожденность и права на престол ее членов.[23] Реликвия хранилась в Студенице — усыпальнице двух первых поколений династии Неманичей. Согласно официальной доктрине, Животворящий Крест был для сербских царей «охранником и крепостью, помощником в битве против врагов», а также «убежищем и оплотом» всего государства.[24]

Некоторые из реликвий, собранных в Жиче, имели статус королевских/царских инсигний, их использовали при коронации и других официальных церемониях сербского двора. В качестве доказательства своего растущего могущества Неманичи, подобно греческим василевсам, жертвовали частицы Животворящего Креста важнейшим сербским монастырям — в Студенице (1199), Жиче (между 1222 и 1228 гг.), Сопочанах (между 1273 и 1314 гг.) и Пече.[25]

Как справедливо отмечает Э. Истмонд, в основе изменения значения Честного Креста после 1204 г., которое можно наблюдать в ранее подчиненных Византии, а теперь обретших самостоятельность государствах, лежало стремление использовать Крест в качестве средства обоснования царского статуса местной правящей династии и самих правителей.[26]

Примеры подобного рода, хотя и не в столь развитой форме, можно найти в истории Болгарии, правители которой пытались использовать падение Константинополя, чтобы заявить о себе как о новой имперской власти. Подражая византийским императорам, использовавшим крест в качестве царской инсигнии (в Византии василевса часто изображали с крестом в руках, который заменял собой скипетр), болгарские цари в XIII–XIV вв. также стали изображаться с крестом в руках.[27] В росписи костницы Бачковского монастыря есть изображение болгарского царя Ивана Александра, датируемое 1344–1364 гг., где царь представлен держащим

[22] См.: *Popović D.* 1) The political role of relics in Medieval Serbia // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира; 2) Relics and politics in the Middle Ages: the Serbian approach // Восточнохристианские реликвии.

[23] *Марјановић-Душанић С.* Владарски знаци Стефана Немање // Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви: Историја и предање / Ур. Ј. Калић. Београд, 2000.

[24] *Поповић Д.* Српски владарски гроб у средњем веку. Београд, 1992. С. 38–41.

[25] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 353, Nr. 390; P. 415–416, Nr. 508; P. 443, Nr. 570; P. 443–444, Nr. 572.

[26] *Eastmond A.* Byzantine Identity and Relics of the True Cross in the Thirteenth Century. P. 212.

[27] *Мавродинов Н.* Връзките между българското и руското изкуство. София, 1955. С. 29–32.

Ил. 171. Св. Савва Сербский. 1230-е гг. Фреска на северной стене нартекса собора Вознесения Христова Милешевского монастыря (Милешева, округ Златибор, Сербия)

крест, в то время как два ангела возлагают на него царский венец.[28]

На рубеже XII–XIII вв. реликвиями Животворящего Креста стремились обзавестись также христианские правители Грузии, в том числе знаменитая грузинская царица Тамара (1184–1209 или 1213).[29]

Наряду с реликвиями Страстей Господних, важнейшее литургическое и политическое значение как в самой Византии, так и в связанных нею восточнохристианских странах получили реликвии Богородицы, апостолов, а также святых мучеников и подвижников первых веков христианства.[30] Нетленные мощи святых после захвата и разграбления Константинополя и других византийских городов крестоносцами различными путями стали распространяться в Европе, что способствовало созданию новой сакральной топографии, в особенности на Балканах и в землях Руси.[31]

Почитание попавших в Юго-Восточную Европу из Византии христианских реликвий отнюдь не сводилось к так называемому *народному христианству.* Оно неотделимо от понятий *Византийская империя* и *православное царство* и, таким образом, носит ярко выраженный политический характер.[32]

Появление идеологически обоснованных программ собирания мощей в средневековой Сербии совпадает с борьбой за государственную независимость в период правления Неманичей, начавшейся на рубеже XII–XIII вв. Усилиями св. Саввы, первого главы независимой сербской церкви, были приобретены наиболее ценные среди вывезенных из Византии крестоносцами святыни — частицы одеяния и пояса Богородицы, Десница и частица Главы Иоанна Крестителя, а также мощи апостолов, пророков и великомучеников. Описания этого собрания реликвий воспроизводят описания знаменитого собрания императорской церкви Богоматери Фаросской в Константинополе.[33]

---

[28] *Бакалова Е.* Бачковската костница. София, 1977. С. 167.

[29] См.: *Eastmond A.* Byzantine Identity and Relics of the True Cross in the Thirteenth Century. P. 212–214.

[30] См.: *Wolf G.* Holy Face and Holy Feet. Image, relic and the construction of sacred topography in Byzantium // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира.

[31] Об этом подробнее см. в материалах сб.: Сакральная топография средневекового города / Ред.-сост. А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. М., 1998.

[32] *Бакалова Е.* Реликвии у истока культа святых // Восточнохристианские реликвии. С. 29.

[33] Приобретения св. Саввы зафиксированы в списке вкладной грамоты, сообщающей об основании и пожертвованиях церкви Спаса в Жиче. Сама эта грамота и ее текст с перечнем реликвий

С конца XII–начала XIII вв. христианские реликвии начинают играть значительную роль в политике болгарских царей. Для подтверждения и укрепления своего царского статуса, а также статуса своей новой столицы Тырново, болгарские цари переносят сюда мощи многочисленных святых: царь Иван I Асень — св. Иоанна Рыльского, царь Калоян — св. Илариона Мигленского, св. Михаила Воина, свв. Филофея и Иоанна Поливотского, царь Иван II Асень — мощи св. Параскевы (Петки) Епиватской. Целью такой деятельности было утвердить значение новой столицы как в сознании собственных подданных, так и перед другими православными народами и государствами.[34] Кроме того, указанные меры были призваны укрепить сакральный статус и веру в непобедимость государя, имеющего столь могущественных покровителей. Красноречивые свидетельства наличия подобных представлений находим в памятниках тырновского агиографического и гимнографического циклов.[35]

Новейшие исследования показывают, что в средние века высокочтимые христианские реликвии, собранные в одном месте, приобретали статус *locus regalis* и тем самым воплощали идею перенесения Иерусалима и Святой Земли. В свою очередь, идея перенесения Иерусалима (*translatio Hierosolymi*) была напрямую связана с идеей перенесения империи (*translatio imperii*), популярной у многих восточно-христианских правителей в начале XIII в. в связи с падением Константинополя и безвозвратной, как тогда казалось, гибелью Византийской империи.[36]

* * *

Культ Честного Креста как основной элемент новой государственной идеологии был утвержден на Руси со времен принятия христианства. Уже в правление Владимира (980–1015) Истинный Животворящий Крест играл важную роль в процессе консолидации Киевской Руси и укрепления христианского государства.[37] Адресуясь к князю Владимиру, киевский митрополит Иларион (середина XI в.) уподобляет его и княгиню Ольгу императору Константину и его матери Елене, которые

> крест от Иерусалима принесъша и по всему миру своему раславъша, веру утвердиста. Ты же с бабою твоею Ольгою принесъша крест от новаго Иерусалима Константина града и сего по всеи земли своеи поставивша, утвердиста веру.[38]

изображены на одной из фресок внутри церкви. См.: *Поповић Д.* Sacrae reliquiae Спасове цркве у Жичи // Манастир Жича: Зб. радова / Ур. Г. Суботић. Краљево, 2000.

[34] *Божилов Ив.* Асеновци: Renovatio imperii Bulgarorum et Graecorum // *Божилов Ив.* Седем этюда по средновековна история. София, 1995. С. 201–203.

[35] См.: *Кожухаров Ст.* Българската литература през XIII век // Българската литература и книжнина през XIII век. София, 1987. С. 27–28; *Бакалова Е.* Реликвии у истока культа святых. С. 30.

[36] *Popović D.* Relics and politics in the Middle Ages... P. 166–167. См. также материалы сб.: Новые Иерусалимы: Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2009.

[37] См.: *Arrignon J.-P.* Le role des reliques dans la Rus' de Kiev // Les reliques: objets, cultes, symboles. Actes du colloque international de l'Universite du Littoral-Cote d'Opale (Boulogne-sur-Mer) 4–6 septembre 1997 / Ed. by E. Bozóky, A.-M. Helvétius. Turnhout, 1999.

[38] Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона / Подг. текста и коммент. А. М. Молдована; пер. диакона Андрея Юрченко // БЛДР. Т. 1. СПб., 1997. С. 48.

Многочисленные исторические свидетельства прямо указывают, что собрания реликвий, которые многие столетия формировались на Руси, имели не только идеологический, но также ярко выраженный политический смысл и функции.[39] В полной мере сказанное проявилось в практике московских великих князей и царей XIV–XVII вв., свято веривших в победоносную сущность Честного Креста. В это время большое число новозаветных реликвий было перенесено из Константинополя и других центров восточно-христианского мира в Москву, в чем следует видеть результат реализации концептуальной программы создания нового православного царства — Третьего Рима. Некоторые из перенесенных в Москву реликвий получили статус царских регалий и символов экуменической роли русского государства и церкви.[40]

Русские князья XI–XIII вв. также, несомненно, стремились к обладанию высокочтимыми христианскими реликвиями, признавая в них особого рода источник и сакральную санкцию своего политического могущества. Однако, похоже, что в этом деле они не слишком преуспели. Во всяком случае, документальных сведений о перенесении на Русь домонгольского времени (в отличие от последующих столетий) христианских реликвий очень мало. Едва ли не единственное упоминание о таком событии находим в Лаврентьевской летописи под 1218 г., где описываются торжества во Владимире по поводу принесения полоцким архиепископом Николаем из Царьграда к великому князю Константину Всеволодовичу некой частицы «от страстии от Господень», мощей святого Лонгина Сотника («святеи его руце обе») и мощей святой Марии Магдалины.[41]

До нашего времени сохранился двойной наперсный ковчег-мощевик в виде квадрифолия, с резными изображениями и крупными надписями на обеих сторонах, хранящийся ныне в Музеях Московского Кремля. По мнению новейших исследователей, наиболее вероятной представляется связь внутреннего ковчежца с реликвиями со святынями, упоминающимися в Лаврентьевской летописи под 1218 г. Внешний ковчег мог быть создан в Твери в память о князе Михаиле Ярославиче, убитом в Орде в 1318 г. На лицевой стороне изображен Архангел Михаил в лоратных одеяниях, стоящий на подножии в виде валика, с мерилом в правой руке и зерцалом в левой; в медальонах — погрудные изображения свв. Бориса и Глеба, в княжеских одеяниях, с крестами и мечами.[42]

Как мы видели, реликвии Животворящего Креста и Страстей Господних вплоть до 1204 г. находились в практически монопольном владении византийских императоров, и только они имели возможность в знак особой милости пожаловать их другим христианским правителям.

Со времени превращения христианства в государственную религию культ Честного Креста вышел за рамки своего литургического значения,

---

[39] См.: *Стерлигова И. А.* Новозаветные реликвии в Древней Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000.

[40] Там же. С. 19–39.

[41] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 441.

[42] *Стерлигова И. А.* Новозаветные реликвии в Древней Руси. С. 23.

соединившись с идеей верховной власти и став конституирующим элементом царской/королевской идеологии. Уже в IV в. этот культ появился в Грузии в правление Мириана III, утвердившего христианство в качестве государственной религии и принявшего царский титул. По некоторым сведениям, Мириан лично посетил Константинополь и встретился с императором Константином Великим, по распоряжению которого в Иерусалиме было выделено место для строительства грузинского монастыря.[43] В Армении культ Честного Креста и связанные с ним представления о царской власти появляются в VII в. вместе с реликвиями, пожалованными византийским императором Ираклием.[44] В Западной и Центральной Европе Животворящий Крест и Страстные реликвии использовались как императорские/королевские инсигнии со времен Карла Великого, — об этом свидетельствуют инвентари королевских сокровищниц Франции, а также Венгрии, Польши, Богемии.[45]

Ил. 172. Ковчег-мощевик наперсный двойной. Лицевая сторона. Древняя Русь, первая половина XIII в. (внутренний ковчежец); Тверь (?), первая четверть XIV в. (внешний ковчежец). Музеи Московского Кремля (Москва, Россия)

Вплоть до начала XIII в. византийские власти, по-видимому, намеренно не допускали появления реликвий Святого Креста у князей Древней Руси, предвидя в этом возможность нежелательного для империи использования таких реликвий в обоснование претензий на более высокий правительственный статус и царское достоинство. Так или иначе, до самого падения Константинополя в 1204 г. ни один из русских князей не удостоился столь высокой милости императора. Не спешили проявить ее и правители Никейской империи, а также первые императоры династии Палеологов. Положение изменилось только к середине XIV в., когда в 1347 г. император Иоанн VI Кантакузин, желая уладить недоразумения между Константинополем и Москвой в церковных делах, послал московскому великому

[43] *Чичинадзе Н.* Почитание реликвий Святого Креста в средневековой Грузии // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира.

[44] *Арутюнова-Фиданян В. А.* Реликвии в системе армяно-византийских отношений: политический и религиозный аспекты // Там же.

[45] См.: *Schramm P. E.* Herrschaftszeichnen und Staatssymbolik vom 3. bis 16. Jahrhundert. Bd. III. Stuttgart, 1955; *Schramm P. E., Mütherich F.* Denkmäle der deutschen Könige und Kaiser. Ein Beitrag zur Herrschergeschichte von Karl dem Grossen bis Friedrich II. 768–1250. München, 1981; Le trésor de la Satnte-Chapelle / Ed. J. Durand et M.-P. Laffite. Paris, 2001.

Ил. 173. Крест воздвизальный. Лицевая сторона. Новгород (?). Вторая половина XII–первая четверть XIII вв. Музеи Московского Кремля (Москва, Россия)

князю Симеону Гордому «наперсный крест с Честным и Святым Древом».[46]

Насколько нам известно, за всю историю русско-византийских отношений до начала XIII в. можно говорить лишь о двух случаях перенесения из Константинополя на Русь реликвий Животворящего Креста, и оба эти случая происходили вне сферы эманации царства. Первый раз, в середине XII в., реликвия была пожалована полоцкой княжне-монахине Евфросинии, состоявшей в родстве с императором Мануилом I, а во второй раз — новгородскому боярину Добрыне Ядрейковичу, посетившему Константинополь в качестве паломника в начале XIII в. и вскоре после того также принявшему монашеский постриг, а затем ставшему архиепископом Антонием (не исключено, впрочем, что Добрыня самочинно добыл реликвии после захвата Константинополя крестоносцами).

Высокочтимые христианские святыни, принесенные Евфросинией, Иоанном и Антонием, предназначались только для литургического применения. Они были вложены в драгоценные воздвизальные кресты-мощевики, изготовленные полоцкими и новгородскими мастерами специально для Спасского и Софийского соборов. Причем крест Евфросинии был вдобавок снабжен надписью, предостерегающей от использования его вне стен этого храма.[47]

Вероятно, новгородское происхождение имеет еще одни известный ныне древнерусский шестиконечный воздвизальный (напрестольный) крест-мощевик, хранящийся в Музеях Московского Кремля. Лицевая сторона креста до рукояти покрыта золотым окладом В центральном перекрестии устроен ковчежец в форме шестиконечного креста для частицы Древа Креста Господня, в верхнем перекрестии — ковчежец в форме четырехконечного усложненного креста, вероятно, для реликвий Страстей Господних и других святых.[48]

---

[46] Этот факт засвидетельствован в послании Иоанна VI к Симеону Гордому (Acta Patriarchatus Constantinopolitani. 1315–1402 / Ed. Fr. Miklosich, J. Müller. T. I. Viennae, 1860. P. 264–265).

[47] *Святославский А. В., Трошин А. А.* Крест в русской культуре: Очерк русской монументальной ставрографии. М., 2000. С. 124 и сл.; *Царевская Т. Ю.* О царьградских реликвиях Антония Новгородского // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003. С. 398–400.

[48] *Стерлигова И. А.* Новозаветные реликвии в Древней Руси. С. 42.

Происхождение и история этого предмета недостаточно изучены. Он поступил в музей предположительно в 1918 г. из Вознесенского девичьего монастыря Московского Кремля, в котором хранился несколько столетий. Если учитывать, что этот крест, вероятнее всего, мог иметь новгородское происхождение, то можно предполагать, что появление его должно быть как-то связано с архиепископом Антонием, поместившим в него часть принесенных из Константинополя реликвий.[49]

* * *

Очевидно, что приобретение Романом Мстиславичем священной реликвии Честного Креста было использовано для укрепления сакрального и вместе с тем политического статуса галицко-волынского князя, так же как это происходило в Византии, на Балканах и в других местах христианского мира.

Крест императора Мануила, по всей видимости, использовался Романом и его потомками в качестве инсигнии, внешнего знака могущества, свидетельствовавшего об их высоком правительственном статусе, превосходящем статус обычного русского князя. Подтверждением сказанному служит использование этого креста в качестве королевской инсигнии Казимиром Великим и другими польскими королями, которым он достался после захвата поляками Львова в 1340 г.[50]

В Галицко-Волынской Руси отлично сознавали значение полученной от василевса священной реликвии и ту роль, какую она может играть в отношениях между русскими князьями. Об этом можно судить по следующему эпизоду, особо отмеченному в летописи.

Ошеломляющее впечатление произвела в свое время история, случившаяся с галицким князем Владимирком Володаревичем, ставшая на Руси широко известной. Потерпев поражение в борьбе с киевским князем Изяславом Мстиславичем и его союзником венгерским королем Гейзой II (1141–1162), Владимирко должен был пойти на заключение невыгодного для себя мира и обязаться вернуть захваченные им в Русской земле волости.[51]

Гарантией выполнения этого обязательства стала клятва, которую галицкий князь принес на священной реликвии венгерских королей — кресте св. Стефана, содержащем частицу Животворящего Креста. Стефаном в латинской традиции именуется Иштван I (1000/01–1038), первым из правителей Венгрии получивший королевский титул. В 1007 г. императором Василием II (976–1025) ему была пожалована частица Истинного Креста в попытке привлечь новокрещенную Венгрию в орбиту влияния Византии и не допустить ее сближения с Римом.[52]

Король Гейза так объяснял силу реликвии и принесенной на ней клятвы:

> Сии крестъ есть, на немъже Христосъ Богъ наш своею волею въсхоте пригвоздитися. Егоже Богъ привелъ по своеи воли къ святому Стефану, тоже сего хреста

[49] *Царевская Т. Ю.* О царьградских реликвиях Антония Новгородского.

[50] См. главу 28 настоящей работы.

[51] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 450–453.

[52] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. P. 260, Nr. 187.

Ил. 174. Крестное целование Рюрика Ростиславича и черниговских князей Ольговичей Роману Мстиславичу. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

целовалъ. А съступить и будет живъ въ тъ час, вънже съступить хрестьного целования![53]

Владимирко вскоре пренебрег клятвой и отказался вернуть захваченные у Изяслава волости. Тогда посланник киевского князя боярин Петр Бориславич напомнил галицкому князю о священной клятве и силе Животворящего Креста:

Княже, аче крестъ малъ, но сила велика его есть на небеси и на земли <...> оже целова всечестнаго хреста, а съступиши, то не будеши живъ.[54]

Едва только Петр Бориславич успел выехать из Галича, как его настигло известие о внезапной кончине Владимирка Володаревича, завершает свой поучительный рассказ летописец.[55]

По-видимому, эта история должна была способствовать распространению культа Животворящего Креста в Галицкой земле, а также пробудить у галицких князей стремление к обладанию подобной реликвией.

Можно думать, что, став обладателем креста Мануила, Роман Мстиславич использовал его в своей политической борьбе за Киев и влияние на Руси. Рассказывая о столкновениях галицко-волынского князя с его бывшим тестем Рюриком Ростиславичем и черниговскими Ольговичами в первые годы XIII в., владимиро-суздальский летописец с каким-то нарочитым постоянством упоминает о крестоцеловальных клятвах, которые по требованию Романа Рюрик и другие русские князья взаимно приносили друг другу.

---

[53] ПСРЛ. Т. II. С. 452.

[54] Там же. Стб. 462.

[55] Там же. Стб. 462–463.

Сперва галицко-волынский князь сам «води Рюрика къ кресту и Олговиче», а затем «к ним крестъ целова же».[56] Затем Роман стал привлекать к крестоцелованию великого князя Всеволода. По требованию Романа «целова Рюрикъ к великому князю Всеволоду и к сынам его Костянтину и ко Всеволоду (вероятно, Всеволодичу. — *А. М.*)».[57] Галицкий князь напоминает Рюрику: «То ouж еси крестъ целовалъ».[58] Роман предлагает Всеволоду, чтобы тот «ко крестоу водил» также и Ольговичей; в ответ Всеволод отправляет к ним своего посла Михаила Борисовича и «води Олговичи ко крестоу».[59] В свою очередь и Ольговичи «послаша мужи свои и водиша великого князя Всеволода ко крестоу, а Романа в Руси. И бысть миръ».[60]

Как видим, инициированное Романом крестоцелование и взаимная присяга русских князей вылились в итоге в какое-то общерусское политическое мероприятие, в котором участвовали все наиболее влиятельные князья Руси того времени — галицко-волынский, киевский, черниговские и владимиро-суздальские.

Можно предположить, что члены семьи Романа Мстиславича располагали уже несколькими реликвиями Святого Креста. Галицко-Волынская летопись сохранила упоминание о пожертвовании племянником Романа Владимиром Васильковичем Луцкой епархии драгоценного креста с частицей Честного Древа Креста Господня:

> Въ Лоуцкую епископью да кресть велик сребрян позлотисть съ честным древом.[61]

Подобные приношения совершались регулярно. По подсчетам современного исследователя, набожным Владимиром Васильковичем в общей сложности было пожертвовано различным волынским церквам и монастырям не менее пяти напрестольных крестов с частицами Истинного Древа Креста Господня.[62]

Жалуя реликвии монастырям и храмам, потомки Романа проявляют себя подобно византийским императорам, а также болгарским и сербским царям, осуществлявшим, как мы видели, такую же практику. Все это, несомненно, должно было свидетельствовать о растущем политическом могуществе Романовичей и стремлении к обоснованию царского статуса правящей в Галицко-Волынской Руси династии.

* * *

Подобно византийским императором и правителям славянских государств на Балканах, Роман Мстиславич проявляет также заботу о приобретении других высокочтимых христианских реликвий и прежде всего чудотворных икон.

---

[56] Там же. Т. I. Стб. 417–418.

[57] Там же. Стб. 419.

[58] Там же.

[59] Там же. Стб. 420.

[60] Там же.

[61] Там же. Т. II. Стб. 926.

[62] *Стерлигова И. А.* Новозаветные реликвии в Древней Руси. С. 24.

Ил. 175. Икона Холмской Божией Матери. Конец XII–начало XIII вв. Дерево (кипарис), левкас, темпера, позолота. Национальный Музей волынской иконы (Луцк, Украина)

Ил. 176. Список с Холмской иконы Божией Матери. XIX в. Дерево, масло, позолота. Церковь Св. Иоанна Богослова в Холме. Репродукция начала XX в.

Вероятно, ко времени Романа Мстиславича относится появление в Галицко-Волынской Руси особо почитаемой чудотворной иконы Холмской Богородицы, неоднократно привлекавшей к себе внимание исследователей.[63] После Второй мировой войны этот образ считался утраченным. Несколько десятилетий икона тайно хранилась в семье последнего настоятеля Холмского кафедрального собора Рождества Богородицы о. Гавриила Коробчука. В 1996 г. она в сильно поврежденном виде поступила на реставрацию в Музей волынской иконы в Луцке, а в 2000 г. была передана в этот музей на вечное хранение.[64]

Образ Холмской Богородицы относят к числу выдающихся произведений константинопольской иконописной школы, выполненных первоклассными мастерами. По своему художественному уровню холмская икона может быть сопоставлена со знаменитым образом Владимирской Божией Матери. Точное время ее создания неизвестно. В Холм икона попала, очевидно, при Данииле Романовиче, перенесшем ее сюда из Галича.[65]

---

[63] См., например: *М. В.* Город Холм и его древняя святыня Чудотворная икона Божьей Матери. Варшава, 1882; *Будилович А.* Холмская чудотворная икона Божьей Матери. Варшава, 1892; *Гербачевский Ф.* Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Седлецкой губерний). Варшава, 1892. С. 21–23.

[64] См.: *Романюк О.* Чудотворна ікона Холмської Богородиці: Повернення з небуття. Луцьк, 2003.

[65] См.: *Александрович В.* Холмська ікона Богородиці. Львів, 2001 (Історичні та культурологічні студії. Т. I); *Міляєва Л.* Ікона Холмської Богоматері (стан збереженості, іконографія, списки) //

Сам Даниил Романович с еще большей энергией продолжил деятельность своего отца, стремясь сосредоточить в Холме — новой столице Галицко-Волынской Руси — священные реликвии со всех подконтрольных ему территорий. Галицко-Волынская летопись отмечает, что построенную в Холме соборную церковь Иоанна Златоуста Даниил

> оукраси же иконы, еже принесе ис Киева, каменьемъ драгымъ, и бисеромъ златымъ — и Спаса, [и] пречистое Богородице, иже емоу сестра Федора вда из монастыря [святого] Федора; иконы же прине[се] изо Оуроучего Оустретенье от отца его (очевидно, Мстислава Удалого, тестя Даниила. — *А. М.*).[66]

Упомянутую в этом сообщении икону Пресвятой Богородицы из Федоровского Вотча монастыря в Киеве иногда отождествляют с Холмской иконой Божией Матери, полагая, что она была создана и принесена на Русь еще в первой половине XII в. или даже ранее и, прежде чем попасть в Холм, более столетия пребывала в Киеве.[67] Однако ряд иконографических особенностей Холмской Богородицы заставляют нас усомниться в этом.

На холмской иконе представлен поясной образ Марии, относящийся к типу Богородицы Дексиократусы: Мария держит полулежащего младенца Иисуса на своей правой руке, повернутым к зрителю в пол-оборота; Иисус, в свою очередь, в левой руке держит свиток, а правой совершает благословение, стопа его левой ноги обнажена и обращена к зрителю. Поза полулежащего младенца служит прообразом страстей Христа во гробе и символизирует его предназначенность жертве.[68]

Согласно исследованиям Н. П. Кондакова, иконографический тип Богородицы Дексиократусы происходит от Нерукотворного образа Девы Марии из церкви Пресв. Богородицы в Диосполе (Лидде) близ Иерусалима.[69] По преданию, Богоматерь, пребывая в Лидде, вошла в храм и прислонилась там к столбу, после чего ее лик чудесным образом запечатлелся на камне. Язычники и иудеи неоднократно пытались спилить лик Богородицы, но он вновь и вновь появлялся на прежнем месте. Исходя из этого сказания, объясняется обратная иконография Марии, держащей младенца в правой, а не в левой руке.[70]

Студії имстецтвознавчі. Ч. 1 (5). Київ, 2004; *Этингоф О. Е.* Византийские иконы VI–первой половины XIII века в России. М., 2005. С. 164–169, 618–621.

[66] ПСРЛ. Т. II. Стб. 844.

[67] *Петров Н. И.* Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при императорской Киевской Духовной академии. Вып. III. Южнорусские иконы. Киев, 1914. С. 13; *Пуцко В. Г.* Білгородська гривна // Старожитності Русі-України: Зб. наук. праць. До 70-річчя М. Ю. Брайчевського. Київ, 1994. С. 195–197; *Квасюк А., Романюк О.* 1) Холмська чудотворна ікона Божої Матері, повернення з небуття // Пам'ятки сакрального мистецтва Волині на межі тисячоліть. Мат-ли VII міжнарод. наук. конф-ції з волинського іконопису. Луцьк, 2000; 2) Перший етап реставрації та досліджень чудотворної Холмської ікони Божої Матері // Сакральне мистецтво Волині. Мат-ли IX міжнарод. наук. конф-ції. Луцьк, 2002; *Міляєва Л.* Ікона Холмської Богоматері...

[68] *Этингоф О. Е.* Византийские иконы VI–первой половины XIII века в России. С. 167.

[69] *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Т. II. Пг., 1915. С. 275, 277–278.

[70] *Grabar A.* L'art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Âge. Vol. 1. Paris, 1968. P. 529–534.

Ил. 177. Богоматерь Агиосоритисса. Начало XIII в. Мозаичная икона. Константинополь (?). Церковь Св. Андрея монастыря ордена клариссинок (Краков, Польша)

Значительное количество образцов подобной иконографии известно в христианском искусстве XIII в., прежде всего в коллекции икон монастыря Св. Екатерины на Синае, где, как и на холмской иконе, младенец Иисус изображен полулежащим на правой руке Богородицы и его обнаженная левая стопа обращена к зрителю. На рубеже XII–XIII вв. такой иконографический тип получает распространение на Балканах, что было связано с деятельностью св. Саввы Сербского. По мнению О. Е. Этингоф, наибольшее сходство образ Холмской Божией Матери обнаруживает именно с сербскими иконами Богородицы Дексиократусы XIII в.[71] Исследовательница указывает и еще одну ближайшую параллель — икону «Богоматерь с младенцем» из греческого монастыря Св. Нила Россанского в Гроттаферрате близ Рима, созданную ок. 1200 г., вероятно, одновременно с холмской иконой Божией Матери; обе они восходят к константинопольским образцам, происходящим из одной среды.[72]

Ко временам Романа Мстиславича, вероятно, относится появление в Галиче еще одной христианской святыни — византийской мозаичной иконы Богоматери Агиосоритиссы, ныне хранящейся в монастыре ордена клариссинок под Краковом. Согласно монастырской легенде, записанной в XVIII в., икона была первоначально принесена в Галич из Константинополя и затем досталась правившему там в 1214–1221 гг. (с перерывами) венгерскому королевичу Коломану.[73]

Точнее говоря, обладательницей иконы стала жена Коломана Саломея, дочь малопольского князя Лешка Белого. После смерти мужа Саломея приняла монашество и стала активным членом недавно созданного ордена Св. Клары Ассизской — второго (женского) ордена францисканцев. С помощью Саломеи в Польше было основано несколько монастырей клариссинок, сначала в Сандомирце, а затем в Скали под Краковом. После смерти Саломеи в 1268 г., согласно ее завещанию, икона Богоматери Агиосоритиссы вместе с другими ценностями стала собственностью монастыря клариссинок под Краковом.[74]

---

[71] *Этингоф О. Е.* Византийские иконы VI–первой половины XIII века в России. С. 168–169.

[72] Там же. С. 620.

[73] Подробнее см.: Там же. С. 169–170, 622–623.

[74] *Stoksik J.* Powstanie i późniejszy rozwój uposażenia klasztoru klarysek w Krakowie w XIII i XIV wieku // Rocznik Krakowski. T. XXXV. Kraków, 1961; *Bieniarzówna J., Wyrozumski J., Malecki J. M., Mitkowski J.* Dzieje Krakowa: Kraków do schyłku wieków średnich. Kraków, 1992. S. 124–125.

Из Галицко-Волынской Руси происходит еще одна высокочтимая чудотворная икона, известная ныне как Ченстоховская икона Божией Матери. Написанная, по преданию, евангелистом Лукой и относящаяся к иконографическому типу Богородицы Одигитрии, ченстоховская икона ныне является одной из главных святынь в Польше, почитаемой как католиками, так и православными. Из-за темного оттенка лика Ченстоховская Богородица также известна как «Черная Мадонна». В настоящее время икона хранится в монастыре Ясная Гора (Jasna Góra) ордена Св. Павла Отшельника (орден паулинов), расположенном в г. Ченстохова Силезского воеводства.[75]

Ил. 178. Ченстоховская икона Божией Матери. XII–начало XIII вв. Дерево, левкас, темпера, позолота. Монастырь Ясна Гора (г. Ченстохова, Польша)

О времени создания ченстоховской иконы в литературе высказываются самые разные предположения. Большинство исследователей сходятся на том, что икона создана в Константинополе в XII–первой половине XIII вв., хотя иногда предлагаются и более ранние датировки. Достоверно история иконы прослеживается с конца XIII в., когда галицко-волынский князь Лев Данилович перенес ее в город Белз. Здесь святыня прославилась многочисленными чудесами. После завоевания поляками Галицко-Волынской Руси князь Владислав Опольский в 1382 г. перенес икону на Ясную Гору, около Ченстоховы, во вновь построенный монастырь паулинов. С этого времени икона получила свое нынешнее название.[76] По мнению А. И. Рогова, первоначальное появление этой иконы на Руси могло быть связано с пребыванием в Галицкой земле византийского императора Алексея III Ангела, бежавшего из Константинополя в 1203 г.[77]

* * *

Помимо византийских икон, галицко-волынские князья, как и правители славянских государств на Балканах, заботились о приобретении мощей высокочтимых христианских святых. Далеко за пределами Галицкой земли было

[75] *Pasierb J. St., Samek J., Michlewski J., Rosikoń J.* The Shrine of the Black Madonna at Czestochowa. Warszawa, 1980; *Pasierb J. St., Samek J.* Skarby Jasnej Góry. Warszawa, 1983. S. 210 n.

[76] *Tomkowicz S.* Obraz Matki Boskej Chęstochowskiej // Prace Komisji historii sztuki PAU. T. 4. 1930; *Рогов А. И.* Ченстоховская икона Богоматери как памятник византийско-русско-польских связей // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси / Редкол.: В. Н. Лазарев и др. М., 1972; *Biskupski R.* Ikony w zbiorach polskich. Warszawa, 1991. S. 34 n.

[77] *Рогов А. И.* Ченстоховская икона Богоматери... С. 317.

Ил. 179. Монастырь Св. Онуфрия в с. Лавров Старосамборского района. Современный вид (Львовская область, Украина)

известно о пребывании в Самборе мощей св. Онуфрия Великого — знаменитого египетского отшельника IV в., почитаемого в лике преподобных православной, католической, а также древневосточными церквами.

О самборских мощах упоминается в «Списке русских городов дальних и ближних» — своеобразном историко-географическом памятнике, созданном на протяжении XIII–XIV вв. и сохранившемся в нескольких редакциях в составе дополнительных статей Новгородской Первой летописи младшего извода и некоторых других новгородских и псковских летописей, а также Воскресенской и Уваровской летописей и ряда нелетописных сборников XV–XVII вв.[78]

В Списке редакции Новгородской Первой летописи читаем:

Самъборъ, ту лежить святыи Ануфреи...[79]

В этом сообщении, очевидно, имеется в виду Свято-Онуфриевский монастырь в Лаврове под Самбором (ныне с. Лаврово Старосамборского района Львовской области), существовавший здесь, по-видимому, с середины XIII в. до 1939 г. и возобновленный в 1994 г. Монастырь пользовался особым покровительством галицко-волынского князя Льва Даниловича, крестильное имя которого было

[78] См.: *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // ИЗ. Т. 40. М., 1952; *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // ЛХ. 1973 г. М., 1974; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 341–380.

[79] ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 476.

Онуфрий. По преданию, перед смертью князь Лев принял постриг и был похоронен в этом монастыре.[80]

Ошибочным следует признать мнение И. Б. Грекова, будто в составитель «Списка русских городов» сообщал о захоронении в Самборе черниговского епископа Онуфрия, жившего в середине XII в. и бывшего сторонником поставления киевским митрополитом Клима Смолятича.[81] Нет сведений о том, чтобы этот епископ как-то был связан с Галицкой землей и, самое главное, чтобы он когда-либо был причислен к лику святых.[82] В честь черниговского епископа не мог быть возведен Свято-Онуфриевский монастырь под Самбором, а также построены многие другие посвященные св. Онуфрию монастыри и храмы, известные на западноукраинских землях.[83]

До начала XIII в. мощи Онуфрия Великого пребывали в Константинополе. Здесь в 1200 г. в церкви Св. Акиндина голову преподобного видел новгородский паломник Добрыня Ядрейкович:

> У церкви святаго Акиндина глава Ануфрия.[84]

Вместе с тем, в эпоху Крестовых походов свято-онуфриевский культ широко распространился в Западной Европе, следы его известны в Германии и Немецкой Швейцарии, Италии, Франции, Англии, Испании.[85]

Наибольший размах почитание Онуфрия приобрело в Италии в связи с развитием в XIII–XIV вв. монашеского аскетизма и появлением многочисленных орденов и конгрегаций монахов-отшельников. С XIII в. на горе Морроне вблизи г. Сульмоны (область Абруццо, провинция Аквила) существует скит Св. Онуфрия, который одновременно является местом почитания монаха-отшельника Петра Морронского (Пьетро Анджелари дель Морроне), прославившегося своим аскетизмом и причисленного к лику святых. Петр Морронский был также основателем ордена отшельников Св. Дамиана (орден морронитов) и уже при жизни пользовался значительным духовным влиянием в Италии. В 1294 г. он стал римским папой под именем Целестина V, но через несколько месяцев добровольно отказался

---

[80] *Мицько І.* 1) Про початки Святоонуфріївського монастиря у Лаврові // Лавра. Часопис монахів Студитського уставу. Ч. 6. Львів, 1999; 2) Дє ж могила князя Лева? // Старосамбірщина. Альманах. Т. 2. Старий Самбір, 2002.

[81] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды... С. 369–372, 377.

[82] *Мицько І.* Про початки Святоонуфріївського монастиря у Лаврові.

[83] К примеру, существующий ныне комплекс монастыря Св. Онуфрия во Львове, созданный на месте одноименной церкви древнерусского времени (*Крип'якевич І.* Історичні проходи по Львові. Львів, 1991. С. 93; Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. III. Киев, 1985. С. 86), а также несколько Свято-Онуфриевских монастырей XIV–XV вв., известных в Перемышльской и Галицкой землях (*Крип'якевич І.* Середньовічні монастирі в Галичині: Спроба катальогу // Лавра. Часопис монахів Студитського уставу Львів, 1999).

[84] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. Стб. 167.

[85] См.: *Stieglecker R.* Die Renaissance eines Heiligen: Sebastian Brant und Onuphrius Eremita. Wiesbaden, 2001.

Ил. 180. Скит Св. Онуфрия на Морроне (Eremo di Sant'Onofrio al Morrone) близ г. Сульмоны. Современный вид (Абруццо, Италия)

от власти и вернулся в свой скит. В память о подвижнике монахи основанного им ордена стали именовать себя целестинцами.[86]

Центрами почитания Онуфрия Великого являются также Рим и Неаполь. С середины XV в. в Риме существует церковь Св. Онуфрия на Яникуле. Строительство храма связано с деятельностью монахов-отшельников конгрегации Св. Иеронима, основавших на склонах Яникульского холма свой скит, вскоре ставший монастырем. Значительное содействие развитию обители оказывал кардинал Габриэле Кондульмер, впоследствии папа Евгений IV (1431–1447), бывший членом конгрегации отшельников Св. Августина (орден августинцев-эремитов).[87]

Средневековая церковь Св. Онуфрия Старого, перестроенная в начале XVII в., находится на одноименной площади в Неаполе; атрибут *старый* в своем названии храм и площадь получили от расположенной рядом богадельни для престарелых.[88] Церкви Св. Онуфрия есть также во Флоренции и на Сицилии. В Центральной Италии большой известностью пользуется церковь Св. Онуфрия XV в., расположенная в одноименной деревне близ г. Ланчано (область Абруццо, провинции Кьети); храм был разрушен во время Второй мировой войны и восстановлен в 1962 г.[89]

---

[86] *Piccirilli P.* L'eremo di Pietro Celestino sul Monte Morrone. Lanciano, 1901.

[87] *Caterbi G.* La chiesa di s. Onofrio e le sue tradizioni religiose, storiche, artistiche e letterarie. Roma, 1858; *Armellini M.* S. Onofrio. Roma, 1891 (Le chiese di Roma dal secolo IV al XIX).

[88] *Regina V.* Le chiese di Napoli. Viaggio indimenticabile attraverso la storia artistica, architettonica, letteraria, civile e spirituale della Napoli sacra. Napoli, 2004.

[89] Lanciano e il suo territorio fra preistoria e Alto medioevo: guida al museo archeologico di Lanciano. Lanciano, 1999; *Sargiacomo F.* Lanciano e le sue chiese, Lanciano, 2000.

Ил. 181. Церковь Св. Онуфрия Великого на Яникуле. Район Трастевере (Chiesa di Sant'Onofrio al Gianicolo). 1439–1446 гг., перестроена в XVI в. Современный вид (Рим, Италия)

Помимо головы преподобного, хранившейся в константинопольской церкви Св. Акиндина, еще одна его голова со второй половины XII в. находилась в Мюнхене, куда она была привезена из Крестового похода в Святую Землю герцогом Саксонии и Баварии Генрихом Львом, избравшим св. Онуфрия своим покровителем. Генрих Лев считается основателем Мюнхена: стараниями герцога в 1175 г. он получил статус города и был обнесен стенами. Свою главную реликвию — череп св. Онуфрия — Генрих пожертвовал Мюнхену. Для хранения святыни здесь в 1324 г. построили церковь Св. Лаврентия, после разрушения которой в 1816 г. следы реликвии затерялись. Тем не менее до настоящего времени св. Онуфрий остается одним из символов и покровителей Мюнхена.[90]

Какая-то часть мощей св. Онуфрия оказалась в Брауншвейге. По свидетельству некоего брата Мартина из монастыря Шефтларн близ Мюнхена, когда в 1180 г. Генрих Лев, потерпевший поражение в борьбе с императором Фридрихом I Барбароссой и лишенный им Баварии и Саксонии, покидал Мюнхен, то одну из находившихся там реликвий св. Онуфрия взял с собой и перевез в Брауншвейг.[91]

Онуфриевский культ распространен также в Польше, где у с. Яблечна гмины Славатыче Бяльского повета Люблинского воеводства до сих пор существует основанный в конце XV в. православный монастырь Св. Онуфрия, известный

[90] *Schinzel-Penth G.* Sagen und Legenden von München. Frieding, 2000. S. 26–28; *Glötzner J.* Onuphrius — Patron der Stadt München und der Hermaphroditen. München, 2008.

[91] *Stadler J. E., Heim Fr. J.* Vollständiges Heiligen-Lexikon: oder, Lebensgeschichten aller Heiligen, Seligen etc. aller Orte … Liturgische und Symbolische, in alphabetischer Ordnung. Bd. IV. Augsburg, 1875. S. 623.

тем, что за всю свою долгую историю никогда не отступался от православия.[92] Значительное число православных и греко-католических Свято-Онуфриевских монастырей и храмов существовало на территории Украины и Белоруссии, особенно многочисленными они были в Галицкой и Волынской землях.[93]

О почитании преподобного известно также в древнем Киеве, Владимире и Новгороде. На южной внешней галерее Киевской Софии сохранилась фреска XI в. с изображением Онуфрия Великого.[94] Это изображение покрыто множеством граффити древнерусского времени с обращениями к святому: «Старче божий, Онуфрий, рабов своим Ивана и Петра, грешников, помилоуй» или «Святой Онуфрий, помилуй и меня грешника Сумеона, раба своего».[95] Андрею Рублеву или, более вероятно, одному из его учеников приписывается фреска начала XV в. в Успенском соборе Владимира, изображающая отшельника Онуфрия.[96] Сохранилась двусторонняя икона-таблетка «Отшельники Макарий Египетский, Онуфрий Великий и Петр Афонский» конца XV–начала XVI вв., происходящая из Софийского собора в Новгороде.[97]

Бурному развитию культа Онуфрия Великого на Западе, несомненно, способствовало появление его нетленных мощей, привезенных из Святой Земли и Константинополя. Константинопольские мощи святого, по всей видимости, оказались в Риме, будучи доставленными сюда участниками Четвертого Крестового похода после разграбления византийской столицы в 1204 г.; со временем они были помещены в церкви Св. Онуфрия на Яникуле.[98] Однако в Риме обнаружилась лишь часть мощей преподобного из тех, что видел и описал русский паломник Добрыня, посещавший Константинополь в 1200 г. В церкви Св. Онуфрия на Яникульском холме хранились только кисть и стопа преподобного.[99]

Совершенно очевидно, что широкому распространению культа Онуфрия Великого на западноукраинских землях также способствовало появление его мощей, подлинность и чудотворная способность которых не вызывали сомнений.

Едва ли можно согласиться с предположением И. З. Мыцко, будто мощи св. Онуфрия попали в Галицкую землю, вероятнее всего, из Германии в обмен на

---

[92] *Mironowicz A.* The Orthodox heritage: a few academic works about the history of the Othodox Church in Poland. Suprasl, 2007. S. 29.

[93] См.: *Мицько І.* Про початки Святоонуфріївського монастиря у Лаврові.

[94] *Никитенко Н.* Собор Святой Софии в Киеве: история, архитектура, живопись, некрополь. М., 2008. С. 228 (ил.).

[95] См.: *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976. С. 69–73. № 157–164.

[96] *Лазарев В. Н.* Андрей Рублев и его школа. М., 1966. С. 126; *Сергеев В. Н.* Рублев. М., 1990. С. 179; *Брюсова В. Г.* Андрей Рублев. М., 1995. С. 81; *Щенникова Л. А.* Творения преподобного Андрея Рублева и иконописцев великокняжеской Москвы. М., 2007. С. 82.

[97] *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 301–320. № 63 (20б), 518 (ил.); *Лазарев В. Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 2000. С. 65–67, 244–245. № 59.

[98] *Butler A., Burns P.* Butler's Lives of the Saints. Collegeville, 2000. P. 96.

[99] *Stadler J. E., Heim Fr. J.* Vollständiges Heiligen-Lexikon... Bd. IV. S. 623.

щедрые пожертвования Романа Мстиславича эрфуртскому монастырю Св. Петра или при внуке Романа Льве Даниловиче, поддерживавшем союзнические отношения с Альбертом Великим, герцогом Брауншвейгским и Люнебургским.[100] Монастырь Св. Петра в Эрфурте расположен не в Саксонии, как почему-то думает Мыцько, а в Тюрингии. В конце XII–начале XIII вв. этот монастырь был главным оплотом Штауфенов в их борьбе с Вельфами: в ноябре 1181 г. в монастырской церкви Св. Петра побежденный и униженный Генрих Лев на коленях молил о прощении Фридриха Барбароссу, после чего был приговорен императором к ссылке на три года в Англию.[101] Трудно допустить, чтобы потомки Генриха Льва стали бы поощрять галицко-волынского князя за связи с таким монастырем. Столь же призрачной, на наш взгляд, представляется возможность получения мощей св. Онуфрия Львом Даниловичем от Альберта Великого.

В «Списке русских городов», помимо Самбора, где хранились мощи св. Онуфрия, среди многих десятков упомянутых населенных пунктов подобным образом выделяется еще один город — болгарский Тернов (Тырново), поскольку там хранились мощи св. Параскевы (Пятницы):

> Терновъ, ту лежить святаа Пятница...[102]

В приведенном сообщении речь идет, несомненно, о мощах св. Параскевы (Петки) Сербской (или Болгарской), высоко почитаемых на Балканах.

Жившая в XI в. в Византии, эта святая прославилась своим аскетизмом. Параскева многие годы прожила отшельницей в Иорданской пустыне, перед самой смертью вернувшись на родину. Мощи святой были чудесным образом обретены на городском кладбище среди безымянных могил и помещены в храм, где прославились многочисленными новыми чудесами. В 1238 г. по приказу болгарского царя Ивана II Асеня эти мощи были перенесены в Тырново. После захвата Болгарии турками мощи Параскевы вывезли в Валахию, а затем в столицу Сербии. Когда в 1521 г. Белград был захвачен войсками султана Сулеймана I, в числе прочих ценностей мощи преподобной вывезли в Стамбул. В 1641 г. молдавскому господарю Василию Лупу удалось добиться разрешения перевезти мощи в Яссы, где они находятся до сих пор.[103]

Характер сообщений о тырновских и самборских мощах в «Списке русских городов» одинаков: «ту лежить святаа Пятница», «ту лежить святыи Ануфреи». В обоих случаях подразумевались мощи святых вообще, а не какие-то их малозначительные фрагменты, разделенные между верующими и хранящиеся в разных местах. «Здесь лежит святая/ой Параскева/Онуфрий» можно было

---

[100] *Мицько І.* Про початки Святоонуфріївського монастиря у Лаврові.

[101] *Wolf G.* Friedrich Barbarossa. Darmstadt, 1975. S. 192; *Hiller H.* Friedrich Barbarossa und seine Zeit. München, 1977. S. 344–346, 401; *Opll F.* Friedrich Barbarossa. Darmstadt, 1990. S. 133.

[102] ПСРЛ. Т. III. С. 475.

[103] *Харбова М.* Св. Петка-Параскева Търновска, всебългарска и всеправославна закрилница // Църковен вестник. София, 2004. № 18.

сказать, имея в виду если не все тело святого, то по меньшей мере его главную часть — голову.

Ввиду высокого значения культа св. Онуфрия и статуса его мощей в Римской церкви трудно допустить, чтобы наследники Генриха Льва в Брауншвейге могли передать фамильную реликвию галицкому князю, еще труднее предположить, что он мог захватить ее силой. Кроме того, привезенный Генрихом Львом из Святой Земли череп преподобного Онуфрия, как мы видели, находился не в Брауншвейге, а в Мюнхене, где пребывание реликвии прослеживается вплоть до начала XIX в.

В итоге мы должны признать, что упомянутыми в «Списке русских городов» мощами св. Онуфрия, пребывающими в Самборе, скорее всего следует считать ту голову святого, которую в 1200 г. видел в Константинополе новгородский паломник Добрыня. Эта реликвия не досталась крестоносцам и не была вывезена ими на Запад. Следовательно, покинуть византийскую столицу она должна была еще до 1204 г. По всей видимости, константинопольская голова св. Онуфрия могла быть привезена в Галич новой женой Романа Мстиславича, дочерью императора Исаака II, вместе с другими христианскими святынями, следы которых впоследствии обнаруживаются в Галицко-Волынской Руси.

МЕЖДУ РИМОМ И НИКЕЕЙ:
русские князья и экуменические процессы середины XIII в.

Глава сорок первая

РУСЬ, ВИЗАНТИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В «ПОВЕСТИ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ФРЯГАМИ»

Добрыня Ядрейкович как наиболее вероятный автор повести. — «Ибеллинская» точка зрения на события 1204 г. — Добрыня-Антоний и Роман Мстиславич. — Зальцбургский архиепископ Конрад фон Крозиг

В составе Новгородской Первой летописи сохранился текст «Повести о взятии Царьграда фрягами», помещенный под 1204 г.[1] Это оригинальное литературное произведение явилось непосредственным откликом древнерусского книжника на крупнейшее событие мировой истории начала XIII в. — захват Константинополя крестоносцами.

Повесть неизменно вызывает повышенный интерес у историков. Текст памятника переведен на множество европейских языков, и содержащийся в нем рассказ о падении византийской столицы считается важнейшим источником по истории Четвертого Крестового похода.[2]

Вопрос об авторстве повести остается открытым. Однако большинство ученых считает причастным к ее созданию новгородского паломника Добрыню Ядрейковича (будущего архиепископа Антония), совершившего в 1200 г. путешествие в Константинополь и описавшего его храмы и святыни в своей «Книге Паломник». К подобному заключению пришел уже первый издатель этого памятника П. И. Савваитов.[3] В. П. Адрианова-Перетц и Н. А. Мещерский отметили совпадение в обоих произведениях специальной лексики, относящейся к топографии Константинополя: «Подрумье» (ипподром), «Лахерна» (Влахерна), «Конный торг» (Форум Константина) и др.[4]

---

[1] ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 46–48, 24–246.

[2] Новейший обзор литературы вопроса см.: *Лучицкая С. И.* Четвертый Крестовый поход глазами русского современника // ВВ. Т. 65 (90). М., 2006. С. 114–115.

[3] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПб., 1872. Стб. 8–9.

[4] *Адрианова-Перетц В. П.* (и др.). Областные летописные своды XI–начала XIII века // История русской литературы. Т. I. М.; Л., 1941. С. 303; *Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // ТОДРЛ. Т. X. М.; Л., 1954. С. 130.

Ил. 182. Повесть о взятии Царьграда фрягами. Приступ фрягов. Лаптевский том Лицевого свода. XVI в. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Россия)

Согласно выводам Н. А. Мещерского, лексика «Повести о взятии Царьграда фрягами» вообще не содержит специфически новгородских признаков, а, наоборот, включает немало южнорусских элементов: существительные «сънем» в значении «сейм», «свада» в значении «ссора», «погодье» в значении «благоприятная погода» и др. О южнорусском говоре автора повести свидетельствуют наблюдения Мещерского в области грамматики языка произведения: большое количество глагольных форм имперфекта третьего лица единственного и множественного числа с флексией «ть», формы родительного падежа множественного числа с флексией «евь» существительного с основой на «io» и др.[5]

Исследования Мещерского в целом изменили взгляд ученых на происхождение повести, ранее считавшейся произведением новгородской литературы. Ее южнорусское происхождение признавали О. В. Творогов и М. Х. Алешковский, последний отмечал также, что языковые особенности памятника согласуются с долгим пребыванием в Южной Руси ее предполагаемого автора — Добрыни-Антония.[6]

Согласно Э. А. Гордиенко, в Южной Руси и, в частности, в Галичине будущий новгородский архиепископ провел более десяти лет, находясь в близких отношениях с Романом Мстиславичем, с которым он мог познакомиться еще в бытность Романа новгородским князем. Прежде чем отправиться в Константинополь, Добрыня должен был прибыть в Галич. По-видимому, не случайно в византийской столице он появляется одновременно с другими послами галицко-волынского князя и вместе с ними присутствует на праздничном богослужении в Софийском соборе. По всей видимости, Добрыня неоднократно посещал Константинополь, а после его падения вернулся в Галич, где оставался вплоть до 1211 г. Галиция, по словам

[5] *Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 133–135.

[6] *Творогов О. В.* 1) Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 148–151, 158; 2) Повесть о взятии Царьграда фрягами // СККДР. Вып. 1. Л., 1987; *Алешковский М. Х.* Новгородский летописный свод конца 1220-х годов // ЛХ. 1980 год. М., 1981; *Клосс Б. М.* Повесть о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 году // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 69–70. Ср.: *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 95–97.

Гордиенко, стала для Добрыни вторым домом, «там он мог усвоить особенности местного говора и там же написать рассказ о взятии Константинополя».[7]

Среди информаторов Добрыни помимо греков — непосредственных очевидцев разгрома Царьграда, несомненно, были и другие лица, выражавшие отличный от греческого взгляд на случившееся.

* * *

П. М. Бицилли, специально обратившийся к анализу политических взглядов автора повести, первым пришел к выводу, что в этом произведении последовательно проводится так называемая «ибеллинская» точка зрения на события 1204 г., защищающая и оправдывающая позицию Штауфенов. Политика папы Иннокентия III приписана здесь германскому королю Филиппу Швабскому, чего нельзя найти ни в одном западноевропейском источнике. Бицилли также считал, что в основу повести легли устные рассказы немецких очевидцев событий, ставших информаторами русского писателя.[8]

Ил. 183. Повесть о взятии Царьграда фрягами. Вторжение фрягов в Софийский собор. Лаптевский том Лицевого свода. XVI в. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Россия)

Схожих взглядов придерживался и Н. А. Мещерский, отмечая, что «немецкий цесарь» и римский папа в повести неоднократно запрещают рыцарям грабить Константинополь, но алчность заставляет их забыть о вассальном долге.[9] С точки зрения М. А. Заборова, всю вину за разорение Царьграда древнерусский автор возлагает на венецианцев, выгораживая тем самым Штауфенов. Такая интерпретация почти полностью соответствует взглядам немецких хронистов, описывавших события 1202–1204 гг., в частности эльзасца Гунтера Пэрисского.[10]

---

[7] *Гордиенко Э. А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житиях и мистериях XII–XVI века. СПб., 2010. С. 36–38, 75.

[8] *Бицилли П. М.* Новгородское сказание о 4-ом крестовом походе // Исторические известия. Т. III–IV. М., 1916.

[9] *Мещерский Н. А.* 1) Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г.; 2) Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии // ВВ. Т. IX. М., 1956.

[10] *Заборов М. А.* Известия русских современников о крестовых походах // ВВ. Т. XXXI. М., 1971. С. 103.

К подобным выводам приходит и Д. Фрейданк. Описание событий Четвертого Крестового похода в «Повести о взятии Царьграда фрягами» он находит «крайне тенденциозным», что выражается в преувеличении роли Филиппа Швабского как предводителя похода, в стремлении снять с него ответственность за отступление от главной цели предприятия — освобождения Иерусалима — и вместо этого вероломный захват и разграбление столицы христианской Византии. Фрейданк считает, что свои сведения русский автор черпал из бесед с немцами, и главным его информатором стал архиепископ Хальберштадтский.[11]

О явном «немецком следе» в повести свидетельствует характер передачи некоторых антропонимов и географических названий. Так, на немецкий манер, Венеция здесь именуется *Бенедикт* (*Benedikt*), а название Вероны, родины маркиза Бонифация Монферратского, передается в немецкой форме *Берн* (*Bern*) с пояснением: «иде же бе жилъ поганыи, злыи Дедрик». Упоминание последнего свидетельствует о знакомстве автора повести с каким-то немецким источником, повествующем о Дитрихе Бернском — герое германского цикла эпических сказаний, в своей древнейшей части восходящих к преданиям эпохи Великого переселения народов.[12]

Аргументы в пользу немецкого происхождения одного из главных информаторов древнерусского автора «Повести о взятии Царьграда фрягами» не вызывают сомнения и у новейших исследователей. Завершая обзор памятника, С. И. Лучицкая пишет: «...многие детали повести убеждают нас склониться на сторону П. М. Бицилли и Д. Фрейданка и признать, что происходившее излагается в повести с точки зрения и в пользу Штауфенов».[13]

Но откуда у древнерусского автора этот стойкий интерес к восточной политике Филиппа Швабского и стремление всячески оградить его от обвинений в вероломном нападении на Константинополь? Чем объясняется общий взгляд на события Четвертого Крестового похода русского писателя, совпадающий с взглядами немецких хронистов, а также использование им характерных немецких названий итальянских городов и знание персонажей германского эпоса? В литературе, посвященной «Повести о взятии Царьграда фрягами», не найти удовлетворительного ответа на эти давно поставленные вопросы.

* * *

Вернемся к предположению о длительных и тесных связях наиболее вероятного автора повести Добрыни Ядрейковича с Романом Мстиславичем.

Не вызывает сомнений политическая ангажированность Добрыни-Антония в отношении галицко-волынского князя: новгородский паломник называет его

[11] *Freydank D.* Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204 (Chronista Novgorodensis) // BSl. T. 29. Praha, 1968.

[12] *Бицилли П. М.* Новгородское сказание о 4-ом крестовом походе. С. 59; *Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 131; *Freydank D.* Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels. S. 347–348. См. также: *Клейненберг И. Э.* «Дедрик Бернский» в Новгородской первой летописи // ЛХ. 1973 год. М., 1974.

[13] *Лучицкая С. И.* Четвертый Крестовый поход глазами русского современника С. 120.

в своей книге «великим князем».[14] Это единственный случай подобного титулования Романа в источнике, не связанном с галицко-волынским летописанием. Новгородские, киевские и владимиро-суздальские летописцы никогда не титуловали Романа таким образом.

По-видимому, не случайно Антоний отмечает имена послов галицко-волынского князя в Константинополе — Твердятина Остромирича, Недана, Домажира, Димитра и Негвара, упомянутых в рассказе о чуде со Святым Крестом, случившемся в Святой Софии во время заутрени в воскресенье 21 мая 1200 г.[15] За несколько лет пребывания Антония в византийской столице галицкие послы оказались единственными его соотечественниками, имена которых автор счел нужным внести в свою книгу.

Не лишено основания предположение, что именно с этими послами Добрыня отправился в Византию, проделав путь до Константинополя из Галича.[16] Использованная в «Книге Паломник» аористая форма глагола во множественном числе («приидохом», «видихом», «поклонихомся») свидетельствует о том, что Антоний пришел в Царьград с товарищами.[17]

Какие-то причины заставили Добрыню-Антония на несколько лет продлить свое пребывание в Константинополе и отказаться от достижения конечной цели паломничества — посещения Святой Земли. Еще Н. П. Кондаков заметил, что новгородский паломник провел в Царьграде значительно больше времени, чем нужно было затратить на осуществление описанного им маршрута. Восстановив весь путь следования Антония по византийской столице, Кондаков пришел к выводу, что на него нужно было потратить не более нескольких недель или даже дней, тогда как наш паломник пребывал в Константинополе вплоть до 1204 г. и, возможно, стал свидетелем разорения города крестоносцами.[18]

Текстологический анализ «Книги Паломник» показывает, что ее автор дважды обращался к тексту своего произведения: первый вариант повести был составлен в 1200 г., а затем, уже после латинского завоевания, в него были внесены различные дополнения.[19]

Важнейшим доказательством длительного пребывания Антония в Царьграде служит упоминание в его книге сербского князя-инока Саввы (впоследствии архиепископа), который по возвращении со Святой Горы жил в монастыре

---

[14] Путешествие новгородского архиепископа Ачтония в Царьград в конце 12-го столетия. Стб. 88–89.

[15] Там же. Стб. 87–89.

[16] *Гордиенко Э. А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний... С. 37.

[17] *Айналов Д. В.* Примечания к тексту книги «Паломник» Антония Новгородского // ЖМНП. 1906. Июнь. С. 234–236.

[18] *Кондаков Н. П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. М., 2006. С. 84, 99–102, 112.

[19] Книга Паломник. Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа новгородского, в 1200 г. / Под ред. Х. М. Лопарева // ППС. Т. XVII, вып. 51. СПб., 1899. С. XXI; *Белоброва О. А.* Антоний (Добрыня Ядрейкович) // СККДР. Вып. 1. Л., 1987. С. 39–40. См. также: *Белоброва О. А.* «Книга Паломник» Антония Новгородского: (К изучению текста) // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974.

Богородицы Евергетисы.[20] Савва посещал Константинополь дважды между 1195 и 1203 гг.[21] Антоний мог описывать только второе пребывание Саввы в византийской столице. Следовательно, если принять сообщение о чуде 1200 г. за дату прибытия новгородского паломника в Царьград и согласиться, что он был свидетелем захвата города крестоносцами в 1204 г., то срок его пребывания здесь будет исчисляться четырьмя годами.[22]

Первоначальные планы Добрыни могли быть изменены, вероятно, в силу каких-то особых обстоятельств, перевесивших его паломнические намерения. Задержка в Константинополе на несколько лет вплоть до самого его падения должна означать, что Добрыня, исполнив свой христианский долг, продолжал жить в византийской столице уже не как паломник, а в каком-то новом для себя качестве. Его подчеркнутое расположение к Роману Мстиславичу и личное знакомство с послами князя наводит на мысль, что энергичный и хорошо образованный новгородский боярин обосновался в Константинополе, выполняя какие-то поручения галицко-волынского князя, который в описываемое время стал главным союзником империи и породнился с правящим домом Ангелов.[23]

Наше предположение объясняет причину и смысл наиболее загадочных особенностей другого литературного произведения начала XIII в., с высокой вероятностью также принадлежавшего перу Добрыни Ядрейковича — «Повести о взятии Царьграда фрягами». Только близостью ко двору Романа Мстиславича автора повести, на наш взгляд, можно объяснить его повышенный интерес к политике германского короля Филиппа (ближайшего союзника и свояка Романа), преувеличенно титулуемого в повести «императором» («цесарем») и старательно выгораживаемого перед обвинениями в вероломном захвате и грабеже Константинополя. Ни один другой древнерусский источник, за исключением Галицко-Волынской летописи, не проявляет к делам короля Филиппа никакого интереса и даже не упоминает о его существовании.

* * *

Близостью ко двору Романа Мстиславича составителя повести о падении Царьграда легко объясняется и тот факт, что помимо личных наблюдений и воспоминаний, а также сведений, полученных от жителей разоренного города, важнейшим источником для древнерусского автора, определившим общее направление его собственных политических взглядов, послужила информация лица, хорошо осведомленного о восточной политике Штауфенов и в целом освещавшего события Четвертого Крестового похода в выгодном королю Филиппу ключе.

---

[20] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. Стб. 128–129.

[21] *Яцимирский А. И.* Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград // ИОРЯС. Т. IV, кн. 1. СПб., 1899. С. 245.

[22] *Гордиенко Э. А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний... С. 37–38.

[23] О союзе Романа с Византией см. главы 14–16 настоящей книги.

Ил. 184. Кафедральный собор Св. Петра в бенедиктинском аббатстве Св. Петра Построен в 1143 г., перестраивался в XVII–XVIII вв. Современный вид (Зальцбург, Австрия)

Таким лицом, судя по переданным в повести особенностям его речи, как уже отмечалось, мог быть только немец. Д. Фрейданк называет имя предполагаемого немецкого информатора русского писателя: таковым мог быть архиепископ Хальберштадта Конрад фон Крозиг (Konrad von Krosigk).[24] Известные нам факты его биографии полностью укладываются в рамки версии Фрейданка.

Конрад фон Крозиг († 21.06.1225), происходивший из древнего ангальт-саксонского рода, стал хальберштадтским епископом в 1201 г. Сам Конрад, как и его предки, принадлежал к политическому лагерю Штауфенов и оставался одним из самых преданных сторонников короля Филиппа Швабского в период его борьбы с Оттоном Брауншвейгским, когда удача сопутствовала последнему.[25]

Конрад ослушался требований папы Иннокентия III отступиться от Штауфенов, за что был вскоре лишен кафедры и даже отлучен от церкви. Чтобы снять с себя отлучение, экс-епископ решил совершить паломничество в Святую Землю. В 1202 г. он прибыл в Венецию и присоединился к войскам крестоносцев. После разграбления Константинополя Конрад продолжил свое паломничество и посетил Палестину. На обратном пути он в июне 1205 г. был принят папой, который простил Конрада, снял с него отлучение и разрешил вернуться на хальберштадтскую

[24] *Freydank D.* Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204 (Chronista Novgorodensis) // BS. T. 29. Praha, 1968.

[25] См. об этом главы 9–11 настоящей работы.

кафедру. Конрад привез с собой множество важнейших христианских реликвий и других ценностей, став одним из самых почитаемых архиереев Германии. В 1209 г. он сложил с себя епископство и ушел в монастырь, в 1213 г. в качестве папского комиссара по подготовке Пятого Крестового похода действовал в Магдебурге и Бремене, а в 1216 г. был назначен временным епископом Наумбург-Зейтца вместо отбывшего в поход епископа Энгельгарда.[26]

Встретиться с русским автором «Повести о взятии Царьграда фрягами» Конрад фон Крозиг мог во время затянувшейся на многие месяцы осады Константинополя в 1203–1204 гг. Среди предоставленных им сведений был, очевидно, и рассказ о бегстве царевича Алексея к королю Филиппу, сопровождающийся подробностями, не встречающимися более ни в одном известном ныне источнике.

Для древнерусского автора история Четвертого Крестового похода начинается с того, как «царевич Алексей Исакович», подстрекаемый свергнутым с престола отцом, бежит к «немецкому цесарю» Филиппу, мужу своей родной сестры Ирины, и просит помочь завоевать византийский престол. Король обращается за советом к папе, и вместе они решают направить войска фрягов к Константинополю, чтобы лишить трона узурпатора Алексея III, дядю царевича Алексея.[27]

Только со слов лица, близкого ко двору короля Филиппа, русский писатель мог узнать о том, каким образом царевичу Алексею удалось обмануть императорских стражников и бежать из Константинополя. Своими сподвижниками он был тайно приведен на корабль и посажен в бочку, имевшую с одного конца — там, где сидел царевич — три дна, а с другого конца — где затычка — была налита вода. Стража повсюду искала беглеца, повыбивала из бочек затычки, но, убедившись, что из них льется вода, осталась ни с чем.[28] Ни один византийский или западноевропейский источник не приводит таких деталей.

Весьма примечательна еще одна особенность «Повести о взятии Царьграда фрягами» — то, как ее автор показывает роль византийцев в катастрофе 1204 г. С. И. Лучицкая считает нескрываемое автором критическое отношение к правителям империи «самой парадоксальной чертой древнерусского памятника».[29]

Строго говоря, обличительный пафос древнерусского книжника имеет четко выраженный адресный характер. Он направлен прежде всего против царевича Алексея, на которого возлагается вся ответственность за падение столицы империи, а его отец Исаак старательно выводится из-под удара.

Согласно повести, цесарь Исаак глубоко сожалеет о разорении храмов и монастырей, к которому византийцы должны прибегнуть, чтобы уплатить контрибуцию,

---

[26] *Averkorn R.* Die Bischöfe von Halberstadt in ihrem kirchlichen und politischen Wirken und in ihrer Beziehung zur Stadt von den Anfängen bis zur Reformation // Bürger, Bettelmönche und Bischöfe in Halberstadt. Studien zur Geschichte der Stadt, der Mendikanten und des Bistums vom Mittelalter bis zur Frühen Neuzeit / Hrsg. D. Berg. Werl, 1997 (Saconia Franciscana. T. 9). S. 20 ff. См. также: *Wießner H.* Das Bistum Naumburg. Die Diözese // Germania Sacra. Neue Folge / Hrsg. von Max-Planck-Institut für Geschichte. Bd. 35, 2. Die Bistumer der Kirchenprovinz Magdeburg. Berlin; New York, 1998. S. 1006 f.

[27] ПСРЛ. Т. III. С. 46.

[28] Там же. С. 46.

[29] *Лучицкая С. И.* Четвертый Крестовый поход глазами русского современника. С. 121.

обещанную крестоносцам царевичем Алексеем. Не выдержав душевных страданий, причиняемых безрассудными действиями сына, Исаак умирает. Тогда возмущение против его сына охватывает всех жителей Константинополя, и они поднимают восстание, ставя в вину незадачливому правителю «зажъжение градное и пограбление монастырское». Убоявшись народного гнева, новый император Алексей IV попытался тайно ввести в город войска латинян, за что был свергнут с престола. Следующим императором стал Мурчуфл (Алексей V).[30]

Свое негативное восприятие Алексея IV древнерусский автор проявляет и в подчеркнуто положительном отношении к его убийце Мурчуфлу, мужественно возглавившему оборону города. В своих взглядах русский писатель полностью расходится с западноевропейскими хронистами, для которых Мурчуфл — лишь преступный узурпатор и подлый убийца.[31]

Негативное отношение к «Алексею Исаковичу» чувствуется в повести уже с первых страниц — в том, как автор изображает историю бегства из Константинополя будущего царя, упрятанного в бочку с водой. Никита Хониат, которому, возможно, были известны подлинные обстоятельства побега, щадит самолюбие Алексея, говорит, что царевич «остриг себе волосы в кружок, нарядился в латинскую одежду и смешался с толпой»; в таком виде он прибыл на пизанский корабль, с владельцем которого был в сговоре.[32]

Подчеркнуто негативное отношение к Алексею IV и стремление обелить его отца Исаака II — еще один важный след «немецкого влияния», испытанного древнерусским автором «Повести о взятии Царьграда фрягами». Этот след непосредственно ведет нас ко двору короля Филиппа Швабского.

Древнерусский книжник в точности воспроизводит ту личную неприязнь и даже полное отчуждение, которое в конце жизни испытывала к Алексею его сестра королева Ирина-Мария, жена Филиппа и дочь Исаака II. По-видимому, считая своего брата виновником гибели отца и потери греками Константинополя, она исключила его из списка своих греческих родственников, вечное поминовение которых было завещано Шпейерскому собору, в то время как память об отце, василевсе Исааке, была внесена в этот список.[33]

Все отмеченные особенности «Повести о взятии Царьграда фрягами» позволяют нам сделать вывод, что этот памятник мог быть создан лицом, входившим в ближайшее окружение галицко-волынского князя Романа Мстиславича и его жены, греческой царевны Евфросинии, родной сестры германской королевы Ирины-Марии. Таким лицом мог быть только боярин Добрыня Ядрейкович, несколько лет проведший в Константинополе, а затем вернувшийся в Новгород и ставший архиепископом Антонием.

---

[30] ПСРЛ. Т. III. С. 47–49.

[31] *Лучицкая С. И.* Четвертый Крестовый поход глазами русского современника. С. 121–122.

[32] *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 268.

[33] Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius // Fontes rerum Germanicarum / Hrsg. von J. F. Boehmer. T. IV. Stuttgart, 1868. P. 323–325. Подробнее см. в главе 22 настоящей работы.

Глава сорок вторая

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ СЕРЕДИНЫ XIII В.

Сведения русских и западноевропейских источников о попытке Романа Даниловича овладеть престолом австрийских герцогов. — Главные претенденты на австрийский престол и их родство с Бабенбергами. — Евфросиния Галицкая и австрийская герцогиня Феодора

Под 6762 (1254) г. в Галицко-Волынской летописи помещен рассказ об участии Даниила Галицкого в борьбе за «австрийское наследство». По словам летописи, венгерский король Бела IV (1235–1270) прислал к Даниилу своих послов с предложением выдать за его сына Романа вдовствующую австрийскую герцогиню Гертруду, вместе с которой Роман Данилович получит и все австрийские земли:

> посла (король Бела. — *А. М.*) к Данилови, рекыи, пошли ми сна Романа, да вдам за нь сестроу герциковоу и вдамъ емоу землю Немецкую.[1]

Даниил Романович с готовностью принял предложение короля и отправил к нему своего сына Романа, после чего Бела вместе с Романом выехал в Австрию и устроил обещанное бракосочетание: «еха (Бела. — *А. М.*) в Немце с Романом и да сестру герцюковоу за Романа».[2]

Сведения русской летописи о походе венгерских войск в Австрию, завершившемся браком герцогини Гертруды с князем Романом, подтверждаются несколькими иностранными источниками и относятся к лету 1252 г. У хрониста из Гарстена (Верхняя Австрия) читаем:

> 1252. По совету и с помощью Белы, короля Венгрии, король Руси, который в это время находился при нем <...> взял в жены Гертруду, вдову герцога Германа, чтобы таким образом этот король (король Руси. — *А. М.*) мог вполне законно взять герцогство Австрии и Штирии.[3]

---

[1] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 821.

[2] Там же.

[3] Continuatio Garstensis a. 1182–1257 / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. IX. Hannoverae, 1851. P. 599. См. также: Continuatio Sancrucensis II. a. 1234–1266 / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 643.

У первого продолжателя Клостернойбургских анналов русский муж Гертруды назван по имени:

> Гертруда, дочь герцога Генриха взяла себе третьего мужа по имени Роман, короля Руси, от которого родила дочь.[4]

Одна из австрийских хроник приводит имя дочери Гертруды и Романа — Мария.[5]

Ил. 185. Австрийская герцогиня Гертруда, жена Романа Даниловича. Генеалогическое древо Бабенбергов. Фрагмент. Ок. 1490 г. Аббатство ордена августинцев (Клостернойбург, Австрия)

Чтобы помочь Роману Даниловичу удержать австрийский престол, Бела IV и Даниил Галицкий создали большую военную коалицию, направленную против чешского короля Вацлава (Венцеслава) I (1230–1253) и его сына и преемника Пржемысла II Оттокара (1253–1278), также претендовавшего на наследие Бабенбергов. Летом 1253 г. против них одновременно выступили войска венгерского короля и его союзников — баварского герцога Оттона II (1231–1253), а также объединенные русско-польские силы.[6] Венгерские войска вторглись в Австрию и, почти не встречая сопротивления, дошли до Тульна (город на Дунае к северо-западу от Вены).[7]

Анналист из Хайлигенкройца (Нижняя Австрия) рассказывает, что венгры, убив и захватив в плен множество жителей, разграбили немало монастырей, а также сожгли несколько храмов вместе с укрывавшимися там людьми.[8] Войска союзных половцев Бела направил в Моравию, где они перебили «многие тысячи христиан, не щадя ни пола, ни возраста», в том числе и многих клириков.[9]

С русской стороны поход детально описан в Галицко-Волынской летописи: в нем участвовали войска Даниила Романовича, его брата Василька и сына Льва, литовских и польских князей — краковского Болеслава Стыдливого и опольского Владислава.[10] Войска Даниила и Болеслава Стыдливого соединились в Кракове,

---

[4] Continuatio Claustroneburgensis I / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 612.

[5] Continuatio Florianensis / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 747.

[6] Kosmova letopisu českého pokračovatelé (Letopisy Česke od roku 1196 do roku 1278) / Ed. J. Emler // Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dějin českých vydavane z nadani F. Palackego. T. II. Praha, 1874. P. 291; Kronika Jana z Marignoly / Ed. J. Emler // Ibid. T. III. Praha, 1882. P. 565.

[7] Annales S. Rudberti Salisbergenses / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. IX. P. 792; Continuatio Lambacensis / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 559.

[8] Continuatio Sancrucensis II. P. 643; Continuatio Zwettlensis / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. IX. P. 655.

[9] Kosmova letopisu českého pokračovatelé. P. 290.

[10] Kronika Boguchwala i Godyslawa Paska / Wyd. A. Bielowski // MPH. T. II. Lwów, 1872. P. 573; Rocznik kapitulny krakowski / Ed. A. Bielowski // Ibid. P. 805; Rocznika krótkiego dopelnienie / Ed.

а Владислав Опольский присоединился к ним у силезского города Козел на Одере. Оттуда объединенные силы двинулись в Моравию и подошли к городу Опаве. Однако противоречия между русскими и польскими участниками кампании не позволили добиться желаемых результатов.[11]

Впрочем, масштаб русско-польского вторжения в Чехию не может идти в сравнение с военными действиями, открытыми тогда же венгерским королем. В Пражских анналах — источнике, современном описываемым событиям, — о русско-польском походе не говорится ни слова, тогда как нападение на моравские земли венгерско-половецких войск изображается как тяжкое испытание для всего народа:

> ...многие укрепления, которыми они смогли овладеть, они опустошили и сожгли, церковные колокола и реликвии из разбитых алтарей захватили и увезли с собой, обратив церкви в пепел, надругались над церковными святынями, распяли на крестах множество людей в поношение распятия.[12]

В итоге венгерские войска, как и русско-польские, потерпели поражение. Оставшись без военной поддержки союзников, Роман Данилович не смог удержаться в Австрии. Осажденный войсками Пржемысла Оттокара в замке Гимберг неподалеку от Вены, Роман во второй половине 1253 г. должен был вернуться на Русь.[13]

В Австрии бегство Романа было оценено как предательство. По словам современного венского анналиста-доминиканца, русский князь «вернулся на родину, недостойным образом бросив свою жену».[14] Ему вторит продолжатель Гарстенских анналов: Роман «бежал, оставив свою жену брошенной, как бы вдовой».[15]

Вмешательство галицко-волынского князя Даниила Романовича в борьбу за австрийский престол выглядит как безрассудная авантюра. Зачем было Даниилу, недоумевал М. С. Грушевский, участвовать «в таком далеком и неинтересном для него деле», когда он имел «гораздо более реальные дела под носом».[16] «Стратегическим просчетом» считает решение Даниила ввязаться в войну за «австрийское наследство» Н. Ф. Котляр.[17]

Вместе с тем, можно согласиться с В. Т. Пашуто, что Даниил и его летописец придавали участию русских князей в далеком австрийском походе какую-то особую важность: «Летописец прекрасно понимал большое политическое

A. Bielowski // Ibid. P. 805; Kronika Wielkopolska / Wstep i komentarze opracowala B. Kürbisowna. Warszawa, 1965. P. 245–246.

[11] ПСРЛ. Т. II. Стб. 822–825.

[12] Kosmova letopisu českého pokračovatelé. P. 291.

[13] Continuatio Garstensis a. 1182–1257. P. 599; Continuatio Sancrucensis II. a. 1234–1266. P. 643.

[14] Continuatio Praedicatorum Vindobonensium / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. IX. P. 727.

[15] Continuatio Garstensis a. 1182–1257. P. 599.

[16] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 75.

[17] *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 140.

значение этого похода», — писал историк.[18] В новейшей литературе вмешательство Даниила в австрийские дела связывается с общим поворотом внешней политики Романовичей в сторону Запада, произошедшим вследствие монголо-татарского завоевания.[19]

Князь Даниил, считал И. П. Крипякевич, вынашивал замысел посадить сына на австрийский престол, «дабы во время угрозы от ордынцев иметь здесь резерв для княжеской семьи».[20] Еще дальше в своих предположениях пошел Н. Ф. Котляр, по мнению которого, галицко-волынский князь, может быть, «даже мечтал об объединенном Русско-Австрийском государстве».[21]

Но почему целью Романовичей стала именно Австрия? Какие основания могли быть у Даниила для столь далеко идущих замыслов в отношении этой страны? Насколько нам известно, в современной литературе нет ответов на эти вопросы. История борьбы галицко-волынских князей за престол австрийских герцогов по-прежнему остается загадкой.

* * *

Стоит обратить внимание на одно важное обстоятельство, ускользнувшее от внимания современных историков. Главные участники борьбы за «австрийское наследство» — венгерский король Бела IV и чешский король Пржемысл II Оттокар — имели родственные связи с правящим в Австрии домом Бабенбергов.

В 1170-х гг. венгерская принцесса Елена, дочь короля Гейзы II (1141–1162), прадеда Белы IV, была выдана за австрийского герцога Леопольда V Бабенберга (1177–1194). Она стала матерью австрийского герцога Леопольда VI Славного (1198–1230) и бабкой герцога Фридриха II Воинственного (1230–1246), последнего представителя рода Бабенбергов. С Фридрихом Воинственным в 1246 г. воевал Бела IV и сразу после гибели Фридриха 15 июня в сражении на р. Лейта начал борьбу за «австрийское наследство».[22]

Австрийские хронисты прямо говорят, что, добиваясь брака Романа и Гертруды, венгерский король хотел «таким способом княжество Австрию и Штирию получить себе самому».[23] О вероломстве Белы сообщает и русская летопись: «створи король обеть великъ и не исправи его к Романови <...> лесть бо имашеть, хотя городовъ его».[24] Притязания Белы опирались на поддержку римского папы. В 1247 г. Иннокентий IV (1243–1254), враждовавший с императором Фридрихом II (1220–1250), рассматривал Белу как лучшего кандидата на австрийский престол

---

[18] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 258.

[19] *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005. S. 188–189.

[20] *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. С. 129. С. 100.

[21] *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. С. 140.

[22] *Lechner K.* Die Babenberger. Markgrafen und Herzoge von Österreich. 976–1246. Wien; Köln; Graz, 1976. S. 213, 291, 296.

[23] Continuatio Garstensis a. 1182–1257. P. 599.

[24] ПСРЛ. Т. II. Стб. 836.

Ил. 186. Чешский король Пржемысл II Оттокар. Миниатюра Збраславской хроники королевского двора (Chronicon Aulae regiae). Первая половина XIV в. Национальная библиотека (Прага, Чехия)

и только в 1253 г. признал австрийским герцогом Оттокара.[25]

В родстве с Бабенбергами по женской линии состоял и чешский король Пржемысл Оттокар. Его матерью была Кунигунда (Кунгута) Штауфен, дочь немецкого короля Филиппа Швабского, выданная за чешского короля Вацлава I. По своей матери Кунигунда приходилась внучкой византийскому императору Исааку II Ангелу. На другой родственнице Исаака (дочери или племяннице), Феодоре Ангелине, в 1203 г. женился австрийский герцог Леопольд VI, отец Фридриха II.[26]

Согласно «Малой привилегии» (Privilegium Minus), полученной Бабенбергами в 1156 г. от императора Фридриха I Барбароссы, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола престол Австрии должен был передаваться по женской линии.[27] После гибели Фридриха Воинственного из древней династии, правившей в Австрии с 976 г., в живых остались лишь две женщины: Маргарита, старшая сестра Фридриха и вдова германского короля Генриха (VII) Штауфена (1220–1235), а также Гертруда, дочь Генриха Бабенберга, старшего брата герцога Фридриха.[28]

Гертруда в 1246 г. вышла замуж за Владислава Моравского, сына чешского короля Вацлава I. Владислав еще при жизни Фридриха Воинственного добивался брака с Гертрудой и даже предпринял для этого военный поход в Австрию. Однако этот брак продлился всего несколько месяцев. 3 января 1247 г. Владислав после скоротечной болезни скончался.[29]

---

[25] *Žemlička J.* Století posledních Přemyslovců: český stát a společnost ve 13. století. Praha, 1986. S. 69–75.

[26] См.: *Žemlička J. Tradice babenbersko-přemyslovských* manželských svazků // Česko-rakouské vztahy ve 13. století: Rakousko (včetně Štýrska, Korutan a Kraňska) v projektu velké říše Přemysla Otakara. Sborník příspěvků ze symposia konaného 26.–27. září 1996 ve Znojmě. Praha, 1998.

[27] MGH. Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum / Ed. L. Weiland. T. I. Hannoverae, 1893. Nr. 159. P. 222.

[28] *Lechner K.* Die Babenberger. S. 300.

[29] Continuatio Praedicatorum Vindobonensium. P. 727; Kosmova letopisu českého pokračovatelé. P. 286.

Тем временем император Фридрих II, в нарушение привилегии 1156 г., объявил Австрию выморочным леном и ввел свои войска в герцогство. Под давлением папы Римского Гертруда в середине 1248 г. вышла замуж за Германа VI Церингена, маркграфа Баденского, который стал новым герцогом Австрии и Штирии.[30]

Правление Германа закончилось катастрофой. Власть в Австрии оспорили сторонники императора и приверженцы Маргариты Бабенберг, тетки Гертруды. Австрийское дворянство и горожане не оказали Герману поддержки. Ему пришлось искать убежища у баварского герцога. 4 октября 1250 г. Герман VI неожиданно скончался, оставив после себя годовалого сына Фридриха. Ходили слухи, что Герман стал жертвой отравления, к которому могла быть причастна сама Гертруда.[31]

После смерти Германа виднейшие представители австрийской знати вновь сделали выбор в пользу чешского претендента. Второй сын короля Вацлава I Пржемысл Оттокар нашел в Австрии немало сторонников и в ноябре 1251 г. прибыл в Вену.[32] Чтобы подкрепить свои права на герцогский престол, в феврале 1252 г. он женился на сестре погибшего Фридриха Бабенберга Маргарите, которая была старше юного Оттокара почти на тридцать лет.[33]

Как наследница австрийского престола Маргарита имела несомненные преимущества перед Гертрудой. Она была старшей родственницей (теткой), вдовой германского короля и дочерью правившего в Австрии герцога (Леопольда VI). Отец же Гертруды так и не стал правящим герцогом, а ее покойный супруг Герман Баденский нажил в Австрии слишком много врагов. К тому же Гертруда лишилась поддержки римского папы, отказавшись выйти замуж за брата германского антикороля Вильгельма II Голландского Флориса, выдвинутого Иннокентием IV в качестве нового кандидата на австрийский престол.[34]

Кроме того, с 1251 г. Гертруда находилась за пределами Австрии, покинув родину под нажимом баварского герцога Оттона II и его сторонников. Найдя убежище при дворе Белы IV, она, по некоторым данным, передала ему часть прав на свои австрийские владения.[35]

Тем не менее Гертруда не собиралась отказываться от дальнейшей борьбы за Австрию, сделав ставку на союз с сыном далекого галицко-волынского князя и 12 июля 1252 г. вступила в брак с Романом Даниловичем. Мотивы Гертруды к принятию такого решения раскрывают современники событий. Хронист из монастыря Святого Креста пишет:

---

[30] *Lechner K.* Die Babenberger. S. 302.

[31] Continuatio Lambacensis. P. 559; Continuatio Garstensis a. 1182–1257. P. 599; Continuatio Sancrucensis II. a. 1234–1266. P. 642.

[32] Continuatio Garstensis a. 1182–1257. P. 599; Continuatio Zwettlensis. P. 655; Continuatio Praedicatorum Vindobonensium. P. 727.

[33] Kosmova letopisu českého pokračovatelé. P. 289. См. также: *Hoensch J. K.* Premysl Otakar II. von Böhmen. Der goldene König. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 18, 25–31.

[34] *Lechner K.* Die Babenberger. S. 304.

[35] Österreichische Chronik von 95 Herrschaften / Ed. J. Seemüller // MGH. Deutsche Chroniken. T. VI, pars 1. Hannoverae, 1909. P. 115.

1252. Герцогиня из Мёдлинга (Гертруда. — *А. М.*) взяла в мужья короля Руси наперекор своей тетке (Маргарите. — *А. М.*), герцогине Австрии.[36]

Еще более откровенен венский монах-доминиканец, составитель продолжения анналов венских братьев проповедников:

1252. Госпожа Гертруда, вдова герцога Германа, через посредство короля Венгрии взяла в мужья некоего из русских (quendam Ruthenorum), желая назло своей тетке (Маргарите. — *А. М.*) завладеть землями.[37]

Если верить этим сообщениям, Гертруда рассчитывала не только на помощь венгерского короля, чьи намерения самому захватить австрийский престол не могли быть для нее тайной, но также делала ставку на своего нового русского мужа.

При всем нарочитом невнимании к личности русского князя, вступившего в борьбу за наследие Бабенбергов, венский хронист ясно дает понять, что с его помощью Гертруда намеревалась «завладеть землями», то есть вернуть власть в Австрии, потеснив свою тетку. Весьма вероятно, что у Романа Даниловича нашлись сторонники и в среде австрийской знати. Во всяком случае, в самом герцогстве Австрии и Штирии не все были довольны правлением чешского принца Оттокара. В 1252 г. штирийская знать пригласила на престол сына баварского герцога Оттона II Генриха.[38] Вся борьба за герцогский престол была еще впереди.

* * *

Едва ли правильно думать, что в свой брак с Романом Даниловичем Гертруда вступила единственно под давлением венгерского короля Белы IV, хотя последний и был назначен ее опекуном папой Иннокентием IV еще в 1248 г.[39] Гертруда всегда проявляла большую самостоятельность в выборе своих мужей. В 1245 г. она отказалась подчиниться требованию другого опекуна, своего дяди Фридриха Воинственного, и не согласилась стать женой императора Фридриха II, хотя последний сулил австрийскому герцогу королевскую корону в случае брака с его племянницей.[40] В 1251 г. Гертруда не подчинилась требованию главного своего благодетеля папы Иннокентия IV, отказавшись выйти за Флориса Голландского и предпочтя ему Романа Даниловича.

В то же время, Роман Данилович, находясь за многие сотни километров от границ Галицко-Волынской Руси, в течение полутора лет смог продержаться в Австрии, ведя постоянную борьбу с другими претендентами. При этом Роман

---

[36] Continuatio Sancrucensis II. a. 1234–1266. P. 643.

[37] Continuatio Praedicatorum Vindobonensium. P. 727.

[38] *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278. Racibórz, 2008. S. 51–53.

[39] VMH. T. I. Romae, 1859. P. 205.

[40] *Lechner K.* Die Babenberger. S. 298.

не только не получал обещанной помощи от Белы IV, но и, наоборот, решительно отверг ее, убедившись в намерении венгерского короля самому стать правителем Австрии. По словам Галицко-Волынской летописи, Бела готов был помогать Роману на неприемлемых для него условиях, потребовав отказаться от принадлежавших ему владений в Австрии в обмен на обещание «дати иныи городы в земле Оугорьскои».[41]

Права Романа Даниловича на наследие Бабенбергов признавал и его главный соперник в борьбе за Австрию — чешский принц Пржемысл Оттокар, предлагавший Роману поровну разделить с ним австрийские земли и называвший русского князя своим «родственником» и «свояком»:

> Остави короля Оугорьского, яко оужика ми еси и своякъ, земля Немцькая разделена боудеть с тобою <...> и вдамъ ти полъ земли Немецкои.[42]

Какие причины могли побудить Гертруду Бабенберг отдать предпочтение Роману Даниловичу перед другими претендентами, искавшими ее руки и готовыми вступить в борьбу за «австрийское наследство»? На какие свои преимущества мог рассчитывать русский князь, ввязавшийся в эту борьбу?

Недавно Л. В. Войтович высказал предположение, что претензии галицко-волынских князей на престол австрийских герцогов могли основываться на их родстве с династией Бабенбергов. Исходя главным образом из гипотезы Н. А. Баумгартена о том, что второй женой Романа Мстиславича стала дочь византийского императора Исаака II и подкрепив ее новыми аргументами, Войтович считает, что матерью последнего правителя Австрии из рода Бабенбергов Фридриха II была родная сестра «великой княгини Романовой» Феодора, выданная в 1203 г. за герцога Леопольда VI, отца Фридриха II. Последний, таким образом, приходился двоюродным братом Даниилу Галицкому.[43]

К сожалению, Л. В. Войтович не привел никаких свидетельств источников, подтверждающих родство Фридриха Воинственного с Исааком II и, следовательно, с галицко-волынскими Романовичами. Построения исследователя в целом выглядят лишь как догадка, требующая проверки.

Вопрос о происхождении жены австрийского герцога Леопольда VI не вполне ясен.[44] Тем не менее принадлежность ее к роду Ангелов в целом не вызывает сомнений, поскольку подтверждается свидетельством одной из австрийских

---

[41] ПСРЛ. Т. II. Стб. 837.

[42] Там же. Стб. 836–837.

[43] *Войтович Л. В.* Король Данило Романович: політик і полководець // Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі: Мат-ли Міжнар. наук. конф-ції. 29–30 листопада 2007 р. Львів, 2008. С. 79–82. См. также: *Войтович Л. В.* Союз галицьких Романовичів з Австрією та Чехією у XIII ст. // Проблеми слов'янознавства. Вип. 56. Львів, 2007.

[44] О пребывании Феодоры Ангелины в Австрии см.: Regesten zur Geschichte der Markgrafen und Herzoge Oesterreich's aus dem Hause Babenberg / Gesammelt und erläutert von A. von Meiller. Wien, 1850. Nr. 137, 207 (1226 г.); Nr. 182, 151 (1246 г.). См. также: *Meier H.* Gertrud Herzogin von Österreich und Steiermark // Zeitschrift des historischen Vereins für Steiermark. Graz, 1927.

Ил. 187. Австрийская герцогиня Феодора, мать Фридриха II Воинственного. Генеалогическое древо Бабенбергов. Фрагмент. Ок. 1490 г. Аббатство ордена августинцев (Клостернойбург, Австрия)

хроник — так называемых Мелькских анналов, во введении к продолжению которых говорится, что в 1203 г. женой Леопольда стала «Феодора, дочь короля Греческого» (Theodoram filiam regis Grecorum).[45] Однако в другом австрийском источнике сказано, что Феодора была «внучкой от дочери императора Константинополя» (Constantinopolitani imperatoris ex filia neptem).[46]

Поскольку брак Леопольда с греческой царевной был заключен в ноябре 1203 г., когда в правах василевса был восстановлен Исаак II, родство Феодоры с «императором Константинополя» должно было восходить именно к нему. Однако степень родства, понимаемая по-разному уже современниками Феодоры, остается невыясненной и в новейшей литературе.[47]

Учитывая точные сведения Никиты Хониата о детях Исаака II от первого брака, среди которых нет упоминания о Феодоре, последнюю можно числить лишь среди потомства императора от его второго брака, с Маргаритой Венгерской. Однако в таком случае брак Феодоры с Леопольдом VI был бы невозможен из-за слишком близкого родства между ними: мать Леопольда, дочь венгерского короля Гейзы II, приходилась бы Феодоре родной теткой. Феодора не могла быть и внучкой Исаака II, поскольку и в этом случае она оказалась бы в слишком близком родстве с Леопольдом. Остается одно — считать Феодору племянницей императора Исаака.[48]

Д. Швеннике и А. Тиле полагали, что Феодора была дочерью Иоанна Ангела, младшего брата Исаака II. Возможность для переговоров о будущем браке Феодоры и Леопольда могла возникнуть в 1189 г., во время Третьего Крестового похода, в котором участвовал предполагаемый брат Феодоры Андроник Ангел, ставший заложником Фридриха Барбароссы, гарантировавшим участие в походе своего дяди Исаака II.[49] Впрочем, о севастократоре Иоанне Ангеле и его семье

---

[45] Continuatio Mellicensis a. 1124–1564 / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. IX. P. 506.

[46] Continuatio Admuntensis a. 1140–1250 / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 590.

[47] Lexikon des Mittelalters. Bd. 5. München; Zürich, 1991. Sp. 1900.

[48] *Scheibelreiter G.* Die Babenberger: Reichsfürsten und Landesherren. Wien; Köln; Weimar, 2010. S. 278.

[49] *Schwennike D.* Europäische Stammtafeln. Neue Folge. Bd. I. 1. Frankfurt-am-Main, 1998. Taf. 39, 85; *Thiele A.* Erzählende genealogische Stammtafeln zur europäischen Geschichte. Bd. I. Tbd. 1. Frankfurt-am-Main, 1993. Taf. 116, 204.

мы знаем очень мало: известно только, что у него было двое детей, один из которых — сын Андроник, имя и пол второго ребенка неизвестны.[50]

О том, что Феодора могла быть племянницей Исаака II, как будто свидетельствует упоминание о ней в австрийских анналах как о «Constantinopolitani imperatoris ex filia neptem». Лат. *neptis* 'внучка' в средние века могло использоваться также в значении 'племянница', и выражение *neptis ex filia* в таком случае могло означать 'племянница по женской линии', то есть дочь сестры.

Таким образом, если верны наши данные о том, что жена австрийского герцога Леопольда VI Феодора приходилась племянницей византийскому императору Исааку II Ангелу, то становится ясной ее родственная связь с галицко-волынской княгиней Евфросинией, матерью Даниила Романовича: Феодора и Евфросиния должны были приходиться друг другу двоюродными сестрами, а их сыновья — Фридрих Воинственный и Даниил Галицкий — троюродными братьями.

Родство с Бабенбергами по линии византийских императоров, несомненно, выдвигало Даниила Романовича и его сына Романа в число наиболее весомых претендентов на австрийский престол. Во всяком случае, вести борьбу за «австрийское наследство» Роман Данилович имел не меньше оснований, чем другие его соперники — венгерский король Бела IV и чешский принц Пржемысл Оттокар.

Вот почему оба последних должны были считаться с правами Романа и действовали против него с осторожностью, не столько силой, сколько уловками и уговорами. Высокое происхождение русского князя и родственные отношения с Бабенбергами должны были также повлиять на выбор вдовствующей герцогини Гертруды и обеспечить Роману необходимую поддержку среди австрийской знати.

Поддержка русского претендента на австрийский престол значительной частью местной элиты — факт, имеющий реальное подтверждение в источниках. Из документов Гертруды Бабенберг достоверно известно, что в 1252–1253 гг. как у нее самой, так и у ее нового мужа Романа Даниловича нашлось немало влиятельных сторонников в самой Австрии, в числе которых упоминаются: ландрихтер Австрии и герцогский стольник граф Генрих фон Хассбах, а также его брат Ульрих, братья Бернгард и Генрих Пройссели, Конрад фон Вассербург, Оттон фон Майссау, Конрад фон Фалькенберг, Конрад фон Гимберг, Генрих фон Лихтенштейн, Ульрих фон Гюттендорф, Крафт фон Слеюц и Оттон фон Лейсс.[51]

[50] *Sturdza M. D.* Dictionnaire Historique et Généalogique des Grandes Familles de Grèce, d'Albanie et de Constantinople. 2-e ed. Paris, 1999. P. 208.

[51] *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach... S. 40.

Глава сорок третья

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ И ФРИДРИХ ВОИНСТВЕННЫЙ

Австрийский узел внешней политики галицко-волынских князей. — Послы короля Руси и венский купец Генрих Бревно. — Даниил Романович, герцог Фридрих Воинственный и император Фридрих II. — Прессбургский демарш Даниила Галицкого. — Роль Даниила в судьбе последнего Бабенберга. — Граф Генрих фон Хассбах и галицко-волынские князья

Можно с полной уверенностью говорить, что связи галицко-волынских Романовичей с австрийским герцогом Фридрихом II Воинственным и его матерью существовали задолго до событий, описанных в предыдущей главе.

Сохранилось письмо императора Фридриха II чешскому королю Вацлаву I, датируемое июлем 1235 г.,[1] в котором изложены многочисленные провинности перед императором австрийского герцога Фридриха, в том числе и такая:

> он (герцог. — *А. М.*) <...> приказал отнять дары, отправленные нам с послами герцогом Руси (xenia quoque, per ducem Rossiae nobis transmisse).[2]

М. С. Грушевский видел в упомянутом здесь русском герцоге Даниила Романовича.[3] В. Т. Пашуто придерживался иного мнения: австрийский герцог перехватил дары, отправленные к германскому императору черниговскими князьями.[4] Чтобы разобраться в этом запутанном вопросе, нужно бросить беглый взгляд на историю взаимоотношений австрийского герцога с чешским королем и германским императором.

---

[1] В некоторых изданиях письмо датируется 1230 г., см.: Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae / Studio et opera A. Boczek. T. II. Olomucii, 1839. Nr. CCVII. P. 225; Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae / Ed. C. J. Erben. T. I (600–1253). Prahae, 1855. Nr. 765. P. 358.

[2] [Epistola Friderici II imperatoris ad Venceslavum I Boemorum regem] // MGH. Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum / Ed. L. Weiland. T. II. Hannoverae, 1897. P. 272.

[3] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 53–54, примеч. 3.

[4] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 257.

В 1230-х гг. герцог Фридрих Воинственный вел напряженную борьбу с многочисленными внутренними и внешними врагами, недовольными его слишком тяжелым и агрессивным нравом. Уже в 1230 г. в Австрии вспыхнуло восстание министериалов (заговор Куэнригеров) против авторитарной власти герцога и в страну вторглись чешские войска, разорившие северо-австрийские земли. Лишь с большим трудом Фридриху удалось подавить восстание, после чего в 1233 г. он совершил ответное вторжение в Чехию. В 1235 г. сложился опасный для Фридриха чешско-венгерский альянс. Союзные войска, возглавляемые венгерским королем Андреем II, дошли до самой Вены, но затем были вынуждены отступить. В ответ в начале 1236 г. Фридрих предпринял вторжение в Венгрию.[5]

Заносчивость и высокомерие герцога сказывались в его отношениях с самыми близкими людьми. Поссорившись с собственной матерью Феодорой Ангелиной, он лишил ее имущества и даже угрожал расправой. Герцогиня бежала в Чехию и нашла приют при дворе короля Вацлава I, жена которого Кунигунда была дочерью короля Филиппа Швабского и византийской принцессы Ирины Ангелины (последняя приходилась Феодоре двоюродной сестрой). Из Чехии Феодора отправилась к императору Фридриху II с жалобами на своего сына и просьбой помочь ей вернуться в Австрию.[6]

В то же самое время к императору во множестве поступали другие жалобы на воинственного герцога не только от правителей соседних государств, но и от многих австрийских дворян, городов и церковных иерархов. Император потребовал от герцога явиться к нему на суд и в 1235 — начале 1236 гг. трижды назначал дни для специального рассмотрения выдвинутых против Фридриха обвинений. Последний, однако, проигнорировал все требования императора, и тогда в июне 1236 г. был объявлен им вне закона с лишением всех владений в Австрии и Штирии. По этому поводу император издал специальный манифест, где свел воедино все пункты обвинений против герцога.[7]

В Вену прибыли союзники императора — чешский король Вацлав I и баварский герцог Оттон II — и объявили Фридриху решение суда. Одновременно со всех сторон началось вторжение в Австрию войск соседних государств. Непокорный герцог был покинут практически всеми своими подданными и лишился власти, сохранив за собой лишь герцогский замок Винер-Нойштадт. Тем временем Вену заняли войска императора Фридриха II, который лично прибыл в австрийскую столицу в январе 1237 г. и оставался здесь до середины апреля. Фридрих II устроил в Вене избрание своего сына Конрада в качестве нового германского

[5] *Lechner K.* Die Babenberger. Markgrafen und Herzoge von Österreich. 976–1246. Wien; Köln; Graz, 1976. S. 271–283.

[6] Continuatio Sancrucensis II. a. 1234–1266 / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. IX. Hannoverae, 1851. P. 638. См. также: *Lechner K.* Die Babenberger. S. 281; *Scheibelreiter G.* Die Babenberger. Reichsfürsten und Landesherren. Wien; Köln; Weima·, 2010. S. 321.

[7] *Brunner K.* Zum Prozeß gegen Herzog ë Friedrich II. vom 1236. // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 78. Innsbruck, 1970. См. также: *Hausmann Fr.* Keiser Friedrich II. und Österreich // Probleme um Friedrich II. / Hrsg. von J. Fleckenstein. Sigmaringen, 1974 (Vorträge und Forschungen. Bd. 16).

Ил. 188. Германский император Фридрих II. Миниатюра из принадлежавшей ему книги «Об искусстве охоты с птицами» (De arte venandi cum avibus). Конец XIII в. Библиотека Ватикана

короля и объявил столицу Австрии свободным имперским городом с предоставлением горожанам широких прав самоуправления и торговых привилегий. Все это должно было обеспечить переход Австрии и Штирии под власть нового короля Конрада.[8]

Поражение не сломило герцога Фридриха, сумевшего вскоре вернуть утраченные позиции. Восстановлению его власти способствовала благоприятная внешнеполитическая обстановка. Император Фридрих II должен был вывести свои войска из Австрии, бросив их в Италию, где против него началось восстание ломбардийских городов. Тем временем герцог Фридрих заключил союз с римским папой Григорием IX, противником императора, и с его помощью восстановил отношения с Баварией, Чехией и Венгрией. К 1239 г. Фридриху Воинственному удалось отвоевать все свои владения в Австрии и заключить мир с императором Фридрихом II, испытывавшим серьезные затруднения в Италии.[9]

* * *

Среди участников противостояния Фридриха Бабенберга с императором Фридрихом II в решающий момент оказались волынские князья Даниил и Василько Романовичи. Галицко-Волынская летопись сообщает:

> В то время пошелъ бяше Фридрихъ цесарь (император Фридрих II. — *А. М.*) на герцика (Фридриха Воинственного. — *А. М.*) воиною, и восхотеста ити Данилъ со братомъ Василкомъ герцикови во помощь, королеви же (венгерский король Бела IV. — *А. М.*) возбранившоу има, возвратистася во землю свою.[10]

М. С. Грушевский датирует выступление Даниила и Василька ранней весной 1237 г.[11] Таким образом, по логике историка, Романовичи готовы были прийти на

---

[8] См.: *Stürner W.* Friedrich II. Der Kaiser. 1220–1250. Teil II. Darmstadt, 2000. S. 282, 302, 304.

[9] *Lechner K.* Die Babenberger. S. 283–287. См. также: *Juritsch G.* Geschichte der Babenberger und ihrer Länder. 976–1246. Innsbruck, 1894. S. 555–580.

[10] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 776–777.

[11] *Грушевський М. С.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Т. XLI. Львів, 1901. С. 27.

помощь Фридриху Бабенбергу в самый тяжелый для него момент, когда в Вене находились войска германского императора.

Сам М. С. Грушевский, а вслед за ним и другие авторы объясняют установление военного союза волынских князей с австрийским герцогом желанием оказать давление на венгерского короля Белу, чтобы вынудить его отказаться от поддержки черниговского князя Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава, бывших тогда главными соперниками Романовичей в борьбе за Галич.[12] «Австрийский герцог был врагом Белы IV, — пишет Н. Ф. Котляр, — поэтому помощь Даниила Фридриху ставила Венгрию в опасное положение».[13]

Начало союзнических отношений австрийского герцога с волынскими князьями В. Т. Пашуто относит к 1235 г.: какие-то контакты между ними могли возникнуть во время поездки Даниила в Венгрию для участия в коронации (интронизации) Белы IV.[14]

Коронационные торжества прошли осенью 1235 г. в Секешвехерваре, вскоре после смерти старого короля Андрея II, сделавшего своего сына Белу соправителем («младшим королем») еще в 1214 г. В так называемом Венгерском хроникальном своде XIV в., именуемом также Иллюстрированной или Венской хроникой, отмечается, что «истинный русский князь» Даниил во время торжественной процессии «со всей почтительностью вел впереди [королевского] коня».[15]

На основании приведенного свидетельства, которое можно понимать как выполнение Даниилом ритуала, выражающего признание над собой сюзеренитета короля, в новейшей литературе делается вывод о принятии волынским князем в 1235 г. вассальных обязательств по отношению к Беле IV.[16] Исходя из этого факта, некоторые исследователи оценивают участие Романовичей в австрийских делах как не вполне самостоятельную политику, подчиненную интересам венгерского короля.[17]

---

[12] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. С. 53–54.

[13] *Котляр Н. Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 244. См. также: *Головко О. Б.* Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 313.

[14] *Пашуто В. Т.* 1) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 217; 2) Внешняя политика Древней Руси. С. 257–258.

[15] Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // Scriptores Rerum Hungaricarum tempere ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Vol. I. Budapestini, 1937. P. 467.

[16] *Лабунька М.* Князь Данило Галицький і коронація угорського короля Бели IV (Чин Officium Stratoris) // До джерел: Зб. наук. праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя. Т. І. Львів, 2004; *Волощук М. М.* Даниил Галицкий и Бела IV: К реконструкции русско-венгерских отношений 30-х годов XIII в. // RA. 2006 год. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006. См. также: *Майоров А. В.* Внешняя политика Даниила Романовича в середине 1230-х годов // Княжа доба: історія і культура / Відп. ред. Я. Д. Ісаєвич. Вип. 2. Львів, 2008.

[17] *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005. S. 183–185; *Dąbrowski D.* Stosunki pomiędzy Romanowiczami a królem Węgier Belą IV i niektórymi książętami polskimi w latach 1235–1240 (ze szczególnym uwzględnieniem polityki koligacyjnej) // Княжа доба: історія і культура / Відп. ред. Я. Д. Ісаєвич. Вип. 1. Львів, 2007. С. 83–87.

Нам представляется, что основания союза Романовичей с Бабенбергами были более глубокими и их возникновение не зависело от влияния третьих сил. Даниил и Василько предприняли попытку вмешаться в австрийские дела отнюдь не только в силу обязательств перед венгерским королем или ради получения от него каких-то уступок. К оказанию помощи австрийскому герцогу русских князей призывал также родственный долг: Даниил и Василько по своей матери приходились Фридриху троюродными братьями.

В начале 1237 г., во время оккупации австрийских земель войсками германского императора и его союзников, Романовичи находились неподалеку — в соседней Венгрии — и вели оттуда переговоры с императором Фридрихом II о судьбе своих австрийских родственников. В рассказе Галицко-Волынской летописи сообщению о выступлении Романовичей в поддержку Фридриха Бабенберга непосредственно предшествует известие о том, что «Даниилъ же в то время шелъ бяше съ братомъ своимъ въ Оугры къ королеви, бе бо звалъ его на честь».[18]

«Честь», о которой говорит здесь летопись, вероятнее всего, могла подразумевать почетную миссию посредников на переговорах с императором по поводу возможного урегулирования конфликта. Такую миссию взял на себя один из Романовичей, по-видимому, Даниил.

На основании свидетельства немецких источников можно заключить, что русский князь установил прямые контакты с германским императором и, по-видимому, имел личную встречу с ним во время пребывания последнего в Вене.

К сожалению, этот вопрос остается совершенно невыясненным в литературе, несмотря на неоднократные попытки исследователей подойти к его изучению. Об имевшей место в Вене встрече русского князя с германским императором писал Б. Влодарский, однако приводимые им данные только затемняют дело. Историк по каким-то причинам не указал источник своих сведений, ограничившись лишь ссылкой на некий «немецкий рочник».[19] Сведения загадочных немецких анналов используются также некоторыми новейшими авторами: «...одна германская хроника, — читаем у Н. Ф. Котляра, — сообщает, что в Вену приезжали послы “короля Руси” (явно Даниила), после чего Романовичи вернулись домой».[20]

Нам не удалось отыскать ни одного немецкого или австрийского повествовательного источника (во всяком случае, среди опубликованных), где бы содержались подобные известия, что заставляет усомниться в надежности сведений, сообщаемых Б. Влодарским и другими историками.

Тем не менее какая-то встреча германского и волынского правителей действительно должна была состояться. Последствия ее нашли отражение в документах императора.

---

[18] ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.

[19] «Wedlug jednego rocznika niemieckiego do Wiednia do cesarza przybyli poslowie krola Rusi» (*Włodarski B.* Polska i Rus (1194 — 1340). Warszawa, 1966. S. 136–137).

[20] *Котляр Н. Ф.* Комментарий. С. 244.

15 января 1240 г. Фридрихом II в адрес его министериалов было отдано письменное распоряжение (mandatum), копия которого сохранилась в Регестах императора (Regesta imperatori Frederici II. Fol. 54 v.).[21]

В документе говорится о предоставлении купцу из Вены Генриху Бревно (Henrico Baumo de Wienna mercatori) права получить и беспрепятственно вывезти через морские порты из Апулии и других итальянских владений Фридриха вплоть до Венеции четыре тысячи четыреста шестьдесят два с половиной ласта зерна (ласт — мера объема сыпучих тел, равная 15,75 четвертей или ок. 2,5 тысячи литров).[22]

Зерно должно быть передано венскому купцу в качестве компенсации за одолженные им императору в разное время денежные средства, составлявшие в сумме тысячу марок серебром в больших кремонских динариях. Путем сложных перерасчетов устанавливалось, что все издержки купца равны стоимости указанного выше зерна, которое он должен получить от императорской курии из будущего урожая.[23]

Из тысячи марок, одолженных Генрихом Бревно Фридриху II, половина была внесена в имперскую палату под Пармой 7 декабря XIII индикта (1239). Другие пятьсот марок были одолжены ранее и предназначались для выплаты послам некоего короля Руси.

В документе указывается, что часть будущего зерна предназначалась венскому купцу и «верному подданному» императора

> для покрытия расходов, которые он понес по нашему повелению за послов короля Руси, в то время, когда мы пребывали в Вене, за которые (расходы. — *А. М.*) мы ранее обязались [передать] ему один город в Австрии в держание и в узуфрукт до тех пор, пока те деньги не будут компенсированы нами, и по причине войны этот город он не мог ни взять, ни держать...[24]

Из приведенного отрывка следует, что во время своего пребывания в Вене Фридрих II имел прямые контакты с неким русским правителем, удостоенным в имперской канцелярии королевского титула. Эти контакты привели к необходимости выплаты русскому королю значительной денежной суммы. Не имея

---

[21] Mandatum ad Alexandrum, filium Henrici, ut Henrico Baumo de Wienna mercatori pro marcis argenti mille quas in camera mutuavit, frumenti salmas quatuor millia quadringentas sexaginta duas et mediam de regno libere extrahendas exhiberi faciat // Historia diplomatica Friderici Secundi: sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius imperatoris et filiorum ejus; accedunt epistolae paparum et documenta varia / Ed. J.-L.-A. Huillard-Bréholles. T. V: A mense Ianuario 1237 ad mensem Augustum 1241. Paris, 1860. Pars 2.

[22] Ibid. P. 677–678.

[23] Ibid.

[24] «...pro expensis quas de mandato nostro fecerat, nobis dudum existantibus in Winna, pro nunciis regis Ruscie, pro quibus videlicet obligaveramus ei villam unam in Austria tenendam et usufruendam sibi quousque de ipsa pecunia quietaretur a nobis, et occasione guerre villam ipsam habere non potuit nec tenere...» (Ibid. P. 677–678).

возможности расплатиться из собственных средств, император одолжил деньги у одного из богатых венских купцов.[25]

О передаче Генриху Бревно в счет погашения долга 4462 ½ ласта зерна говорится в еще одном распоряжении Фридриха II от 17 мая 1240 г., запись о котором сделана в Регестах императора на том же листе, где помещен приведенный нами текст мандата от 15 января (Regesta imperatori Frederici II. Fol. 54 v.). В этом новом распоряжении Фридрих еще раз подтверждает свои обязательства перед венским купцом.[26]

* * *

Можно предполагать, что между германским императором и русским королем была заключена какая-то сделка: король получал от императора деньги за оказание ему неких важных услуг. О важности сделки для Фридриха свидетельствует не только размер выплаченного вознаграждения, но также чрезвычайный характер мер по изысканию требуемой суммы. Помимо гарантий возврата полученных денег, Фридрих обязался передать своему кредитору в держание и в узуфрукт один из имперских городов в Австрии. Такая мера, несомненно, повышала социальный статус купца Генриха Бревно, ставила его в ряд с владетельными феодалами, вассалами императора.

Указания источника о том, что деньги были переданы послам русского короля во время пребывания в Вене германского императора, относит интересующее нас событие к началу 1237 г.

Упомянутым в документе «королем Руси» в это время мог быть только Даниил Романович, специально прибывший в Австрию для участия в конфликте герцога Фридриха Бабенберга с императором Фридрихом II. К такому же выводу пришли в свое время Й. Фиккер и Э. Винкельманн.[27] Подобного взгляда придерживаются К. Лорманн и Ф. Опль, допуская, что упомянутым в грамоте королем, помимо Даниила Галицкого, мог быть также владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович (Георгий II).[28] Однако причастность последнего к событиям начала 1237 г. в Вене ничем не подтверждена.

Сопоставляя сведения, содержащиеся в мандате Фридриха II от 15 января 1240 г., с известием Галицко-Волынской летописи о выступлении Романовичей в поддержку герцога Фридриха Воинственного против германского императора,

---

[25] См.: *Opll Fr.* Studien zur frühen Wiener Handelsgeschichte // Wiener Geschichtsblätter. Bd. 35. Wien, 1980. S. 59 f.

[26] Fridericus Romanorum imperator, Petro de Castaldo, magistro procuratori curiae loco Alexandri filii Henrici statuto, denuo mandat ut Henrico Baumo de Wienna mercatori 4462 ½ salmas frumenti assignari faciat pro quietatione mutui // Historia diplomatica Friderici Secundi... T. V, pars 2. P. 993–994.

[27] Regesta Imperii. T. V: Jüngere Staufer 1198–1272 / Ed. J. Fr. Böhmer. Bd. I: Die Regesten des Kaiserreichs unter Philipp, Otto IV, Friedrich II, Heinrich (VII), Conrad IV, Heinrich Raspe, Wilhelm und Richard / Bearb. J. Ficker und E. Winkelmann. Innsbruck, 1881. Abt. 1. S. 442. Nr. 2209a; см. также: Nr. 2713.

[28] *Lohrmann K., Opll Fr.* Regesten zur Frühgeschichte von Wien. Wien, 1981. Nr. 574. S. 143.

нельзя не заметить, что названные источники представляют совершенно противоположные версии событий начала 1237 г.

У нас нет оснований сомневаться в надежности приведенных известий или исключать одно из них как недостоверное. Остается предположить, что в результате похода в Австрию в отношениях волынских князей с герцогом Фридрихом произошла кардинальная перемена. Поначалу намереваясь встать на его защиту, Романовичи в итоге оказались в лагере главного врага Бабенберга — императора Фридриха II.

Указанная перемена, несомненно, должна была стать результатом личных контактов Даниила Романовича с императором, состоявшихся в австрийской столице.

Пятьсот марок серебром, переданные по распоряжению Фридриха II его кредитором Генрихом Бревно послам короля Руси, по всей видимости, должны были стать компенсацией расходов, понесенных Романовичами в связи с предпринятым ими военным походом в Австрию, а также наградой за отказ от поддержки австрийского герцога и переход на сторону германского императора.

Щедрыми денежными подарками Фридрих II неоднократно вербовал себе новых союзников. Особенно широко к подобным мерам он прибегал во время борьбы со своим мятежным сыном, германским королем Генрихом (VII), переманив в 1235 г. большую часть его сторонников преимущественно за счет императорской казны.[29] Щедростью императора пытался тогда воспользоваться и австрийский герцог Фридрих Воинственный, потребовавший за свои услуги две тысячи марок серебром, но получивший отказ.[30]

На решение Романовичей перейти на сторону императора оказала влияние также позиция венгерского короля Белы IV, противника Фридриха Воинственного. Этот факт нашел отражение в сообщении летописи о том, что Бела запретил Даниилу и Василько воевать на стороне австрийского герцога («королеви же возбранившоу има»).[31]

Венгерский король с самого начала играл существенную роль в вовлечении Романовичей в австрийские дела. Именно он накануне описываемых событий пригласил Даниила прибыть в Венгрию, оказав ему при этом какие-то особые почести («звалъ его на честь»).[32]

Учитывая постоянный интерес Романовичей к австрийским делам в будущем и их настойчивые попытки овладеть престолом Бабенбергов после смерти Фридриха Воинственного, можно предположить, что какие-то виды на Австрию возникли у Даниила уже во второй половине 1230-х гг., в период разразившегося

---

[29] См., например: *Глогер Б.* Император, бог и дьявол: Фридрих II Гогенштауфен в истории и сказаниях. СПб., 2003. Гл. 6.

[30] Historia diplomatica Friderici Secundi: sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius imperatoris et filiorum ejus; accedunt epistolae paparum et documenta varia / Ed. J.-L.-A. Huillard-Bréholles. T. IV: A mense jctobre 1231 usque ad mensem unium 1235. Pars 2. Paris, 1855. P. 854. См. также: Regesta Imperii. T. V. Bd. I. Abt. 1. Nr. 2089e.

[31] ПСРЛ. Т. II. Стб. 776–777.

[32] Там же. Стб. 776.

Ил. 189. Австрийский герцог Фридрих II Бабенберг. Генеалогическое древо Бабенбергов. Фрагмент. Ок. 1490 г. Аббатство ордена августинцев (Клостернойбург, Австрия)

там острого политического кризиса. Настроениями Романовича не преминули воспользоваться враги герцога Фридриха — германский император и венгерский король, сделавшие ставку на Даниила Галицкого как потенциального соперника Бабенберга и с этой целью постаравшиеся вовлечь волынского князя в свои дела.

Основанием стать претендентом на австрийский престол для Даниила Романовича являлось родство с династией Бабенбергов по женской линии. Именно данное обстоятельство могло иметь важное значение для императора Фридриха II в выборе наследников фактически свергнутого им в начале 1237 г. герцога Фридриха Воинственного. Право наследовать престол Бабенбергов по женской линии было санкционировано дедом Фридриха II, императором Фридрихом I Барбароссой, и не раз использовалось в дальнейшем правителями Священной империи для достижения собственных политических выгод.[33]

Так или иначе, не вызывает сомнений, что случайный и никому не известный в Австрии и Германии князь из далекой Волынской земли едва ли мог интересовать Фридриха II в качестве союзника в борьбе за установление власти императора на берегах Дуная.

Разрыву отношений Романовичей с австрийским герцогом Фридрихом в начале 1237 г. способствовали и другие противоречия, существовавшие между ними в прошлом.

Всего двумя годами ранее, как следует из приведенного выше письма императора Фридриха II к чешскому королю Вацлаву I, у Фридриха Воинственного произошли разногласия с неким «герцогом Руси», выразившиеся в том, что австрийский правитель перехватил дары, отправленные этим герцогом германскому императору.

В дискуссии историков по поводу идентификации упомянутого в документе «герцога Руси» приходится признать правоту М. С. Грушевского, считавшего отправителем даров Даниила Галицкого. Союз волынского князя с германским императором, оформленный во время их личной встречи в Вене, был, таким образом, заблаговременно подготовлен со стороны Даниила.

Сопоставление документов императора Фридриха II, имеющих отношение к Даниилу Галицкому и связанных с событиями 1235 и 1237 гг., показывает,

[33] См.: *Appelt H.* Privilegium minus. Das staufische Kaisertum und die Babenberger in Österreich. Wien, 1976.

что за это короткое время существенно повысился внешнеполитический статус волынского князя: в первом документе имперская канцелярия титулует его *герцогом* (dux Rossiae), а во втором — *королем* (rex Ruscie).

Присвоение русскому князю королевского титула, очевидно, явилось следствием его союза с императором. Подобная мера со стороны Фридриха II легко объясняется стремлением противопоставить Даниила Романовича Фридриху Бабенбергу в предстоящей борьбе за Австрию. Признавая своего нового союзника королем Руси, император тем самым как бы подчеркивал, что его правительственный статус выше статуса мятежного австрийского герцога. Во всех официальных документах императора, а также исторических хрониках Фридрих Бабенберг титулуется лишь как *герцог Австрии и Штирии* (dux Austriae et Styriae), несмотря на его неоднократные попытки добиться королевского титула.[34]

Получение от императора Фридриха II королевского титула, очевидно, означало для Даниила Галицкого прекращение его вассальной зависимости от венгерского короля Белы IV: оба они как суверенные правители отныне были равны друг другу. Во всяком случае, Даниил Романович именно в таком духе мог интерпретировать благосклонность к себе императора.

Что же касается трений в отношениях Романовичей с Фридрихом Воинственным, то объяснить их возникновение можно опять-таки с учетом родства волынских князей с матерью Фридриха Феодорой Ангелиной. Преследуемая сыном, она бежала из Австрии, обратившись за помощью к своим родственникам за границей. О злоключениях Феодоры могло стать известно ее двоюродной сестре, княгине Евфросинии Галицкой. Дары русского князя были отправлены императору Фридриху II как раз в тот момент, когда к нему с просьбой о защите обратилась австрийская герцогиня-изгнанница. Она же, видимо, и сообщила императору о пропаже предназначавшихся для него русских даров, перехваченных австрийским герцогом.

Напряженность в отношениях волынских князей с Фридрихом Бабенбергом могла возникнуть еще прежде его конфликта с матерью. В 1229 г. Фридрих развелся со своей первой женой Софией, дочерью никейского императора Феодора I Ласкаря (1204–1221). Этот шаг привел к негативной реакции родственников греческой принцессы. В частности, у Фридриха Бабенберга сразу же были испорчены отношения с будущим венгерским королем Белой IV, женатым на Марии Ласкарине, сестре Софии.[35]

* * *

Дипломатические отношения Даниила Галицкого с императором Фридрихом II получили свое продолжение через несколько лет в связи с новым обострением ситуации в Австрии.

[34] *Lechner K.* Die Babenberger. S. 298.

[35] Ibid. S. 276.

После смерти Фридриха Бабенберга и его преемника Владислава Моравского Фридрих II в нарушение Малой привилегии 1156 г. объявил Австрию и Штирию выморочным леном, принадлежащим императору. Весной 1247 г. он направил в Австрию имперского наместника Оттона фон Эберштейна, который, однако, не справился со своими задачами и через некоторое время вернулся обратно.[36] В конце 1247 г. войска Фридриха II вторглись в Австрию и в очередной раз заняли Вену. Вдовствующая герцогиня Гертруда и ее сторонники бежали в Венгрию и обратились за защитой к папе Иннокентию IV.[37]

В начале 1248 г. папа признал Гертруду единственной законной наследницей австрийского престола. В конце января он обратился с серией посланий к лояльным апостольскому престолу правителям с просьбой принять Гертруду под свою опеку, защитив тем самым от посягательств на ее права со стороны «врагов церкви», каковыми считал германского императора и его сторонников; в числе адресатов папы были венгерский король Бела IV и чешский король Вацлав I.[38]

Как мы уже говорили, Бела IV имел собственные виды на австрийский престол и не раз пытался ввести войска в Австрию. В своих политических расчетах венгерский король вновь сделал ставку на союз с галицко-волынскими князьями. Даниил Романович охотно откликнулся на королевское предложение и «иде емоу на помощь и приде къ Пожгу (Прессбург, немецкое название Братиславы. — *А. М.*)».[39]

Однако никаких военных действий тогда не последовало. Дело закончилось новым раундом переговоров с участием венгерского короля, галицко-волынского князя и послов императора Фридриха II. Как и в 1237 г., во время новой встречи стороны пытались уладить спорные вопросы путем переговоров. Инициатива встречи, по-видимому, исходила от императора. Несмотря на то что его войска уже заняли Вену, Фридрих II не считал австрийский вопрос решенным и, надо думать, искал подходящего кандидата, способного стать наследником Бабенбергов.

В Галицко-Волынской летописи читаем:

> Пришли бо бяхоу посли Немецкыи к немоу (королю Беле IV. — *А. М.*), бе бо царь (император Фридрих II. — *А. М.*) обьдержае Ведень (Вену. — *А. М.*), землю Ракоушьскоу (Австрийскую. — *А. М.*) и Штирьскоу, герцокъ (Фридрих II Воинственный. — *А. М.*) бо оуже оубьенъ бысть.[40]

Изучение летописного сообщения о встрече в Прессбурге порождает ряд трудно разрешимых вопросов, касающихся прежде всего датировки этого

---

[36] Continuatio Sancrucensis II. P. 642.

[37] *Stürner W.* Friedrich II. Der Kaiser. 1220–1250. Teil II. S. 326, 331–333.

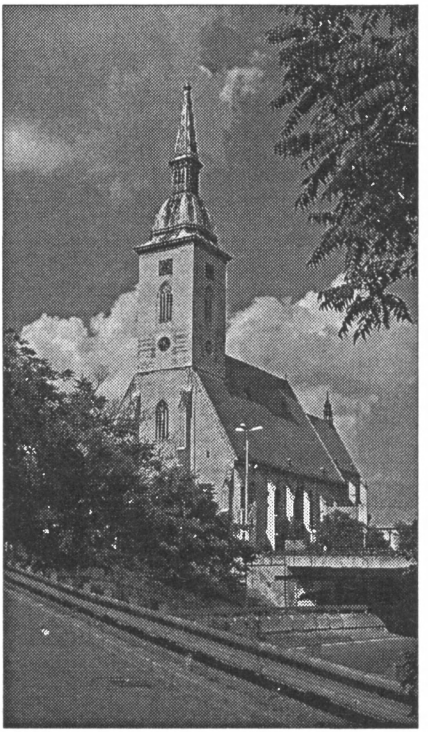
[38] Regesta Pontificum Romanorum inde ab A. post Christum natum MCXCVIII ad A. MCCCIV / Ed. A. Potthast. T. II. Berolini, 1875. Nr. 12816, 12824, 12825, 12828.

[39] ПСРЛ. Т. II. Стб. 814.

[40] Там же.

события. Рассказ о переговорах помещен под 6760 (1252) г. Ясно, что эта датировка, как и многие другие обозначенные в летописи даты, не может соответствовать реальной хронологии описываемых событий. В литературе возобладала точка зрения М. С. Грушевского, отнесшего известие о встрече в Прессбурге к 1248 — началу 1249 гг.; предлагались, впрочем, и более поздние датировки.[41]

Нам представляется, что вести переговоры о судьбе австрийского престола королю Беле с императором Фридрихом имело смысл лишь до того времени, когда новым герцогом фактически стал Герман Баденский. Будучи ставленником папы Иннокентия IV, маркграф Герман более года вел борьбу с императором Фридрихом и его сторонниками в Австрии. Женившись на Гертруде Бабенберг в середине 1248 г., 14 сентября того же года он был признан папой новым герцогом Австрии и Штирии.[42] Однако путь в Вену для него долго еще оставался закрытым.



Ил. 190. Собор Св. Мартина. Строительство начато в XIII в. Современный вид (Братислава, Словакия)

Упоминание летописи о «великом зное», стоявшем во время переговоров послов императора с венгерским королем и русским князем,[43] свидетельствует, что встреча в Прессбурге происходила летом. Именно летом 1248 г. были предприняты наиболее энергичные усилия к овладению Австрией как сторонниками, так и противниками германского императора. В это время к Фридриху II в Верону прибыла делегация австрийской знати из числа его приверженцев, по просьбе которых Фридрих назначил двух новых имперских наместников: в Штирию и Крайну — графа горицкого Майнгарда III, а в Австрию — баварского герцога Оттона II.[44]

Впрочем, нельзя исключать, что встреча в Прессбурге могла состояться годом позже, если учитывать, что только к осени 1249 г. ставленнику папы Герману Баденскому и его супруге Гертруде удалось наконец обосноваться в Вене.[45] Менее

---

[41] *Грушевський М. С.* Хронольогія подій... С. 34–35. См. также: *Барвінський Б.* Прешбурський з'їзд в справі спадщини по Бабенбергах (причинок до історії великого австрійського безкоролів'я) // ЗНТШ. Т. LII. Львів, 1903; *Грушевський М.* До справи хронольогічної звязи в Галицько-волинській літописи. Кілька заміток до статті Б. Барвінського // Там само.

[42] Regesta Pontificum Romanorum... T. II. Nr. 13022.

[43] ПСРЛ. Т. II. Стб. 814–815.

[44] Continuatio Garstensis a. 1182–1257 / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. Hannoverae, 1851. T. IX. P. 598.

[45] *Hausmann Fr.* Keiser Friedrich II. und Österreich. S. 300.

убедительными, на наш взгляд, представляются аргументы в пользу датировки съезда в Прессбурге 1247 г.[46]

Даниил Романович не был лишь пассивным наблюдателем на переговорах в Прессбурге. Напротив того, он весьма наглядно заявлял собственные претензии на австрийский престол, мотивируя их своим родством с Фридрихом Бабенбергом, бывшим, как и волынский князь, потомком византийского императора Исаака II.

Описывая внешний облик Даниила Романовича, прибывшего для участия в переговорах, Галицко-Волынская летопись указывает на весьма примечательную деталь: князь предстал перед послами императора облаченным в «кожюхъ оловира Грецького и кроуживы златыми плоскоми ошитъ».[47] Др.-русск. *оловиръ*, судя по всему, образовано от ср.-греч. ὁλόβηρον. Зафиксированная в византийских памятниках форма ὁλόβηρον (ὁλό-βηρος) употребляется в значении 'истинный пурпур'; в форме *holoverus* 'истинный пурпур' это выражение известно также в латинских средневековых текстах.[48]

Цель Даниила была достигнута. Своим пышным видом он произвел сильное впечатление на послов германского императора: «Немцем же зрящимъ, много дивящимся». Во время официальных переговоров случился настоящий дипломатический конфуз: германские послы, а вслед за ними и король Бела стали уговаривать русского князя снять с себя роскошный греческий наряд и переодеться в другое платье, более согласующееся с «обычаемь Роускимь».

В итоге Даниил соглашается переодеться и надевает на себя «порты», предоставленные венгерским королем. За свою уступчивость галицко-волынский князь, похоже, потребовал солидную денежную компенсацию. Явный намек на некую сумму в виде отступных князю звучит в обращенных к нему словах венгерского короля о том, что он не пожалел бы и «тысяще серебра», если бы Даниил явился на переговоры одетым «обычаемь Роускимь отцовъ своихъ».[49]

* * *

Возможно, родство и близкие отношения галицко-волынских князей с Феодорой Ангелиной, матерью Фридриха Бабенберга, дают ключ к объяснению еще одного невыясненного эпизода внешней политики Даниила Романовича — его причастности к гибели австрийского герцога Фридриха II.

Под 1246 г. в Густынской летописи помещено сообщение, не находящее параллелей в других русских источниках:

---

[46] См.: *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242–1250 (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii matrymonialnych) // Polska w kręgu polityki, kultury i gospodarki europejskiej. Księga pamiątkowa z okazji 70-lecia urodzin prof. M. Grzegorza / Pod red. Z. Zyglewskiego. Bydgoszcz, 2007. S. 57–58.

[47] ПСРЛ. Т. II. Стб. 814.

[48] *Sophocles E. A.* Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods. Hildesheim; Zürich; New York, 2005. P. 801. Подробнее см. в главе 37 настоящей работы.

[49] ПСРЛ. Т. II. Стб. 814–815.

Беля, король Угорский, имея рать со Фридрихомъ, Ракускимъ княземъ, призва себе Данила въ помощъ; Данило же прийде со рускими и татарскими полки, крепко биящеся со Немци, донеле же победи ихъ и Фридриха уби.[50]

Ясно, что в данном сообщении речь идет о войне венгерского короля Белы IV с австрийским герцогом Фридрихом II Воинственным и о гибели последнего в битве на р. Лейта (Литава) в июне 1246 г.

Галицко-Волынская летопись обходит молчанием участие Даниила в этой битве. Однако такое участие представляется весьма вероятным. Король Бела постоянно обращался к Даниилу с предложениями включиться в борьбу за «австрийское наследство». В частности, рассмотренному выше летописному известию о переговорах в Прессбурге непосредственно предшествует запись:

Присла король Оугорьскыи къ Данилоу, прося его на помощь, бе бо име рать на бои с Немци.[51]

«Ратью» и «боем» с «немцами» в описываемое время могла быть только кампания венгерского короля против австрийского герцога Фридриха Бабенберга, проведенная в 1246 г. и закончившаяся битвой на р. Лейте. Об этой битве летописец упоминает post factum, отмечая победу в ней герцога Фридриха, достигнутую ценой собственной жизни:

[Герцог Фридрих] бився, одоле королеви Оугорьскомоу, и оубьень бысть от своих бояръ во брани.[52]

Битва на Лейте известна по многочисленным упоминаниям австрийских хроник, большинство которых отмечает участие в ней русских и половецких войск. В ряде источников указывается также, что в сражении принимал участие некий «король Руси», выступивший на стороне венгров.[53]

По сведениям наиболее информированного источника — ламбахского продолжателя Мелькских анналов, в 1246 г. герцог Фридрих

померился силами с тремя королями, а именно королем Венгрии, королем куманов и королем Руси, и в итоге одержал верх. Тогда же огромное множество [рыцарей] из страны венгерского короля он убил и потопил. Тот же самый Фридрих, получив триумф в битве, погиб странным образом.[54]

---

[50] Там же. Т. XL. СПб., 2003. С. 121.

[51] Там же. Т. II. Стб. 813–814.

[52] Там же. Стб. 820.

[53] См.: *Dienst H.* Die Schlacht an der Leitha 1246. Wien, 1971 (Militärhistorische Schriftenreihe, H. 19).

[54] Annales Millicensium continuation Lambacensis / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. IX. P. 559.

О загадочной гибели Фридриха, случившейся при невыясненных обстоятельствах в ходе битвы с венгерским королем и его союзниками, говорится также в анналах монастыря Св. Руперта в Зальцбурге: «Сам герцог Австрии, однако, либо своими, либо врагами, точно неизвестно, был убит».[55]

Некоторые средневековые авторы пытались пролить более яркий свет на обстоятельства гибели Фридриха, выясняя, кто именно мог быть причастен к его смерти. Версия убийства получила развитие у продолжателя Хроники пресвитера Магнуса, согласно которому австрийский герцог пал от руки одного из своих приближенных:

> в сумятице боя [Фридрих] был убит своими людьми, как говорят, [своим] стольником, графом из Хассбаха, по имени Генрих.[56]

Иная версия представлена в анналах кельнского монастыря Св. Пантелеимона, где виновником убийства назван участвовавший в битве «король Руси», с которым Фридрих Бабенберг сошелся в поединке.

> 1246. Упомянутый герцог (Фридрих Воинственный. — *А. М.*) около месяца июня сошелся на поле битвы с королем Венгрии. В схватке [Фридрих] сразился с неким королем Руси, которого убил, но и сам получил от него смертельную рану и [после] прожил лишь два дня. Его войско, однако, добилось победы.[57]

Как видим, смерть Фридриха Бабенберга вызвала самые противоречивые толки уже у современников битвы на Лейте. Столь же противоречивое отношение свидетельства средневековых источников вызывают и у современных исследователей. Тем не менее определенное предпочтение новейшие авторы отдают сведениям кельнского хрониста как наиболее нейтрального к описываемому событию. Неясным, правда, остается, кто из русских князей упомянут в его сообщении.

Некоторые историки допускают, что в битве на Лейте на стороне венгерского короля мог участвовать галицко-волынский князь Даниил Романович, незадолго перед тем помирившийся с Белой IV.[58] Однако большинство авторов уверены, что герцог Фридрих Воинственный пал от руки другого русского князя, и таковым мог быть состоявший на службе у Белы Ростислав Михайлович (сын погибшего в Орде Михаила Черниговского).[59]

---

[55] Annales sancti Rudberti Salisburgenses a. 1–1286 / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 789.

[56] Chronicon Magni Presbiteri continuatio / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. XVII. Hannoverae, 1861. P. 639.

[57] «Cum quodem rege Ruscie singulariter in prelio dimicans, ipsum interfecit et ab eodem mortale vulnus accepit, supervivendo duobus diebus» (Annales sancti Pantaleonis Coloniensis / Ed. H. Cardanis // MGH. SS. T. XXII. Hannoverae, 1872. P. 541).

[58] *Ficker A.* Herzog Friedrich II., der letzte Babenberger. Innsbruck, 1884. S. 128; *Бертеньи Й.* Международное положение Венгрии после татарского нашествия // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978. С. 318.

[59] *Wertner M.* Boris und Rostislaw. Beitrag zur Geschichte der russisch-polnisch-ungarischen Beziehungen. Berlin, 1889. S. 45; *Novotný V.* České dějiny. Dil. I. Čs. III: Čechy královské za Přemysla I.

Впрочем, иногда подобный вывод основывается на не вполне корректном понимании выражения *quodem rege Ruscie* кельнского анналиста, которое переводится как «бывший король Руси».[60] Ростислав Михайлович, некогда княживший в Галиче и изгнанный оттуда Романовичами, действительно, мог восприниматься в качестве бывшего русского короля. Однако термин *quodem* в данном контексте выступает в значении неопределенно-личного местоимения и, следовательно, не может восприниматься как специальное указание на Ростислава. В нашем случае этот термин подразумевает скорее действующего, а не бывшего правителя.

Ростислав Михайлович, по некоторым данным, мог принимать участие в австрийском походе Белы IV 1246 г.[61] Однако точно известно, что он не погиб в битве на Лейте: смерть Ростислава наступила спустя несколько десятилетий после нее.[62]

Ил. 191. Ульрих фон Лихтенштейн в сопровождении Венеры, участвующей в рыцарских турнирах. Миниатюра Манесского кодекса (Große Heidelberger Liederhandschrift). XIV в. Университетская библиотека (Гейдельберг, Германия)

Важным источником, содержащим дополнительные сведения о битве на Лейте, являются свидетельства одного из ее непосредственных очевидцев — австрийского миннезингера Ульриха фон Лихтенштейна (ок. 1200–1275/1277), описавшего это сражение в своем знаменитом поэтическом романе «Служение дамам» (Frauendienst).[63]

Хотя рассказ Лихтенштейна во многих отношениях не полон и не ясен, тем не менее только благодаря ему устанавливаются некоторые ключевые подробности битвы и прежде всего ее точная дата: сражение состоялось «на утро дня Святого Вита в пятницу», то есть 15 июня 1246 г. (Str. 1661–1662). Ульрих говорит, что он мог бы описать битву более подробно и даже назвать имена погибших в ней

---

a Václava I., 1197–1253. Praga, 1928. S. 774–775; *Dienst H.* Die Schlacht an der Leitha 1246. S. 10; *Sommer G.* Österreich im Hochmittelalter (907 bis 1246). Wien, 1991. S. 329; Bausteine zur liechtensteinischen Geschichte: Studien und studentische Forschungsbeiträge / Hrsg. A. Brunhart. Bd. 2. Zürich, 1999. S. 25; *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278. Racibórz, 2008. S. 17–19; *Dąbrowski D.* Stosunki polityczne między królem Węgier Belą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242–1250… S. 50–52.

[60] *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach… S. 18.

[61] *Ficher A.* Herzog Friedrich II. S. 127.

[62] *Wertner M.* Boris und Rostislaw. S. 50.

[63] Об этом произведении см.: *Peters U.* Frauendienst. Untersuchungen zu Ulrich von Lichtenstein und zum Wirklichkeitsgehalt der Minnedichtung. Göppingen, 1971.

рыцарей, но все это для его слушателей не будет новым, так как он ранее уже описывал эту злосчастную битву в своих стихах.[64]

Важнейшей частью свидетельств Лихтенштейна является детальное описание гибели герцога Фридриха Воинственного, а также данные им пояснения относительно истинных виновников случившегося. Из слов поэта вытекает, что едва ли не главными участниками сражения были русские (Reußen, Reussen, Reuzzen, Riuzen), неоднократно упоминаемые на протяжении всего его описания.[65]

Русские первыми начали битву. Против них стояли люди Генриха фон Лихтенштейна (родственника нашего информатора). Перед началом битвы между двумя рядами выстроившихся друг против друга вражеских войск появился верхом на коне герцог Фридрих и обратился к своим воинам с речью, обещая им щедрые награды в случае победы. Но прежде чем он произнес последние слова, русские внезапно ударили ему в спину. Фридрих пал, но в ту же минуту началась такая всеобщая драка, что никто сразу не обратил внимания на это трагическое происшествие. Генриху Лихтенштейну вскоре удалось переломить ход битвы и обратить русских в бегство.[66]

Итак, рассказ Ульриха фон Лихтенштейна со всей определенностью показывает, что русский король, кем бы он ни был, действовал в битве на Лейте не в одиночку, а во главе весьма значительного войска, состоявшего из русских. Именно это войско, по словам нашего информатора, было едва ли не главной ударной силой армии Белы IV.

Таким войском, безусловно, мог располагать тогда только действующий русский князь, правитель сильной в военном отношении русской земли. Восприятие его австрийскими и немецкими хронистами в качестве суверенного «короля Руси» заставляет думать, что одним из главных участников сражения был галицко-волынский князь Даниил Романович. Именно этот князь, как мы видели, уже в 1240 г. пользовался титулом «короля Руси», полученным от императора Фридриха II. Никаких данных о том, что таким же титулом пользовался когда-либо Ростислав Михайлович, у нас нет.

Кроме того, едва ли Ростислав, один из вассалов венгерского короля, приходившийся также зятем своему сюзерену, вообще мог выступать в австрийских анналах под видом суверенного русского правителя. В Австрии Бела IV был слишком хорошо известен. Он упоминается во всех сообщениях о битве на Лейте, и будь убийцей Фридриха Ростислав, последний, надо думать, не остался бы в этих же сообщениях безликим пришельцем из Руси, а почти наверняка фигурировал бы в качестве *зятя короля Венгрии.*

К тому же Ростислав Михайлович и сам по себе весьма заметная фигура в истории Австрии. Его личность должна была представлять интерес для австрийских хронистов хотя бы потому, что этот князь стал одним из предков новой династии правителей страны, будучи дедом Агнессы Чешской, жены Рудольфа II Габсбурга.[67]

---

[64] Ulrich's von Liechtenstein Frauendienst / Hrsg. von R. Bechstein. Bd. VII. Leipzig, 1888. S. 255–262. Strophe 1659–1688. Перевод на современный немецкий язык см.: *Ulrich von Liechtenstein.* Frauendienst. Aus dem Mittelhochdeutschen ins Neuhochdeutsche übersetzt / Hrsg. F. V. Spechtler. Klagenfurt, 2000.

[65] См., например: Ulrich's von Liechtenstein Frauendienst. Bd. VII. S. 255–256.

[66] Ibid. S. 255 f.

[67] См.: *Hoensch J. K.* Přemysl Otakar II. von Böhmen. Der goldene König. Graz; Wien; Köln, 1989. S. 41, 43, 174.

К 1246 г. отношения Даниила Романовича с Белой IV полностью нормализовались после конфликта, бывшего между ними годом ранее, закончившегося победой Романовичей в битве под Ярославом. Этому, безусловно, способствовал и союз Даниила с Ордой, откуда он вернулся весной 1246 г., добившись признания своих прав на Галич ценой подчинения верховной власти хана Батыя.[68]

О признании Даниилом в этих условиях своей вассальной зависимости от Белы уже не могло быть речи. В возобновившейся борьбе за Австрию галицко-волынский князь действовал как равноправный союзник венгерского короля, суверенный «король Руси». Союз двух королей должен был скрепить династический брак между их детьми — принцессой Констанцией и князем Львом. Переговоры о заключении брака, судя по всему, начались в том же 1246 г.[69]

* * *

В источниках мы находим еще один след, указывающий на причастность галицко-волынских князей к гибели австрийского герцога Фридриха II Воинственного. Во всяком случае, есть твердые основания считать, что Романовичи непосредственно были связаны с людьми, на которых в Австрии возлагали вину за странную гибель последнего Бабенберга.

По сведениям продолжателя Хроники пресвитера Магнуса, Фридрих пал от руки своего стольника, «графа из Хассбаха, по имени Генрих».[70] Генрих фон Хассбах (Heinrich von Hassbach) был хорошо известен в Австрии в описываемое время, его имя многократно упоминается в источниках середины XIII в. В последние годы правления Фридриха II Воинственного, а затем при Пржемысле II Оттокаре он занимал ряд важных государственных должностей: в 1240–1250-х гг. был ландрихтером, а также стольником (шенком) при дворе австрийского герцога.[71]

Миннезингер Ульрих фон Лихтенштейн упоминает Генриха фон Хассбаха и его брата Ульриха в своем романе «Служение дамам», где восхищается их силой и мужеством и восхваляет как победителей сорока рыцарей на турнире в Вене, состоявшемся в 1240 г.[72] В Нижней Австрии (округ Нойкирхен) до нашего времени сохранились остатки замка Хассбах, построенного на рубеже XII–XIII вв.[73]

---

[68] ПСРЛ. Т. II. Стб. 807–809.

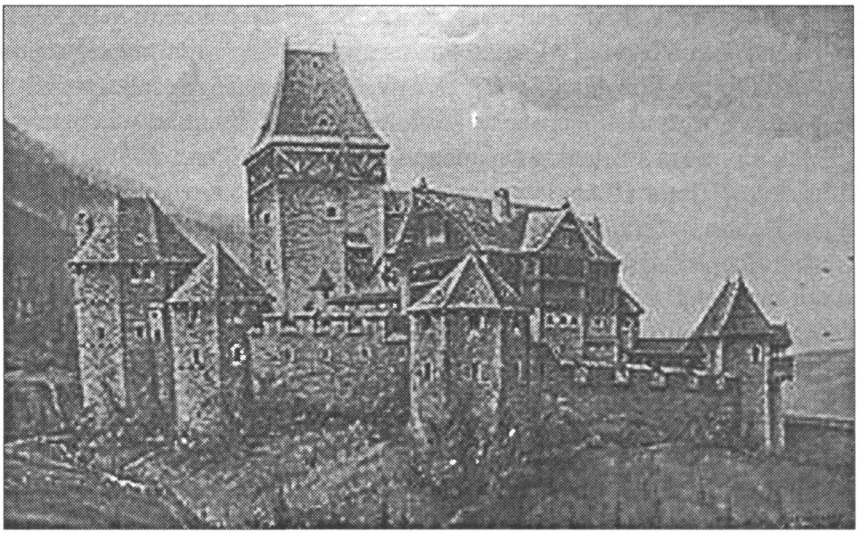
[69] *Грушевський М. С.* Хронольогія подій... С. 67; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 237; *Włodarski B.* Polska i Rus (1194–1340). S. 132.

[70] Chronicon Magni Presbiteri continuatio. P. 639.

[71] *Weltin M.* Landesherr und Landherren zur Herrschaft Ottokars II. Premysl in Österreich // Ottokar-Forschungen. Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. Bd. 44/45. 1978–1979. S. 165. См. также: *Wissgrill F. K.* Schauplatz des landsässigen Nieder-Österreichischen Adels vom Herren- und Ritterstande von dem XI. Jahrhundert an, bis auf jetzige Zeiten. Bd. IV. Wien, 1800. S. 212–215.

[72] *Krenn G.* Historische Figuren und/oder Helden der Dichtung? Untersuchungen zu den Personen im Roman «Frauendienst» // Ich — Ulrich von Liechtenstein. Literatur und Politik im Mittelalter. Akten der Akademie Friesach «Stadt und Kultur im Mittelalter». Friesach (Kärnten), 2.–6. September 1996 / Hrsg. F. V. Spechtler und B. Maier. Klagenfurt, 1999. S. 128.

[73] *Halmer F.* Burgen und Schlösser im Raume Bucklige Welt, Semmering, Rax. Wien, 1969. S. 58 f.



Ил. 192. Замок Хассбах. Основан в конце XII–начале XIII вв., неоднократно перестраивался. Современный вид. Округ Нойкирхен (Нижняя Австрия)

Генрих фон Хассбах известен как один из наиболее решительных противников установления в Австрии и Штирии власти венгерского короля. С оружием в руках он не раз выступал против Белы IV. В отместку венгерские войска в 1250 г. захватили и сожгли замок Хассбах. В 1251 г. во время переговоров об избрании новым герцогом Пржемысла Оттокара Генрих фон Хассбах вместе с Генрихом фон Лихтенштейном возглавлял депутацию австрийской знати.[74]

Оба брата из Хассбаха упоминаются в различных документах 1250-х гг. Из имеющихся свидетельств можно сделать вывод, что Генрих Хассбах до конца своих дней оставался одним из ближайших сподвижников Оттокара. Он погиб, по-видимому, 24 мая 1257 г. в битве при Мюльдорфе.[75] Впрочем, есть и другие сведения о судьбе Генриха, позволяющие отнести дату его смерти к концу 1270-х гг.[76]

В бурной биографии Генриха фон Хассбаха есть один весьма примечательный для нас эпизод. Будучи безусловным противником Белы IV, он какое-то время, по-видимому, все же колебался в том, кому из двух претендентов на австрийский престол отдать предпочтение — Пржемыслу II или сыну Даниила Галицкого Роману. Можно констатировать, что в наиболее ответственный момент граф Генрих склонялся в пользу последнего.

Так, в 1253 г. во время пребывания русского князя в Австрии (в замке Гимберг под Веной) мы видим графа Генриха вместе с его братом Ульрихом в числе тех

[74] *Reichert F.* Landesherrschaft, Adel und Vogtei. Zur Vorgeschichte des spätmittelalterlichen Ständestaates im Herzogtum Österreich. Köln; Wien, 1985 (Beihefte zum Archiv für Kulturgeschichte, H. 23). S. 75, 77; *Hoensch J. K.* Přemysl Otakar II. von Böhmen. S. 34, 38 f., 41, 53,

[75] *Weltin M.* Landesherr und Landherren zur Herrschaft Ottokars II. Premysl in Österreich. S. 166 (Anm. 23), 193.

[76] Ibid. S. 193 (Anm. 169).

австрийских рыцарей, на чью помощь в борьбе за герцогский престол делали ставку Роман Данилович и его супруга Гертруда Бабенберг.[77] Об этом можно заключить из документов самой Гертруды, датированных 1251 и 1253 гг., где Генрих и Ульрих Хассбахи упоминаются в числе других ее сторонников.[78]

Возможно, именно братья Хассбахи убедили Оттокара осенью 1253 г. сделать осажденному в Гимберге Роману предложение о разделе с ним «австрийского наследства», при котором русскому князю досталась бы равная половина. Рассказ об этом предложении, нерасчетливо отклоненном Романом, находим в Галицко-Волынской летописи.[79]

Итак, Даниил Галицкий и его сын Роман имели в Австрии собственных сторонников, не зависевших от воли венгерского короля, а, наоборот, готовых идти ему наперекор. Главный из них — граф Генрих фон Хассбах — считался одним из убийц Фридриха Бабенберга. Примечательно, что версию австрийских хронистов об убийстве Фридриха его приближенными принимает и Галицко-Волынская летопись, согласно которой герцог «оубьень бысть от своих бояръ».[80] Тем самым придворный летописец как будто старается отгородить князя от нелицеприятных обвинений.

Однако против этой версии свидетельствуют данные о том, что Генрих фон Хассбах вместе со своим братом поддерживал претензии на австрийский престол Романа Даниловича. Участие самого Даниила, «короля Руси» австрийских и немецких анналов, в злополучной для Фридриха Воинственного битве на Лейте, как и в последующих переговорах о судьбе австрийского престола с германским императором, представляется вполне закономерным.

Вмешательство галицко-волынских князей в австрийские дела и участие Даниила Романовича в походе 1246 г. было вызвано не только желанием помочь венгерскому королю свести счеты с герцогом Фридрихом II. У Даниила были и собственные виды на Австрию, а также претензии к последнему Бабенбергу. Понять их можно только с опорой на данные о близком родстве Фридриха и Даниила, чьи матери, как уже отмечалось, приходились друг другу двоюродными сестрами. На Волыни, по-видимому, не оставались равнодушными к тому, что Фридрих до конца жизни так и не примирился со своей матерью, удалившейся в монастырь. Примечательно, что, сын и мать, хотя и закончили свои дни почти в одно и то же время (июнь 1246 г.), похоронены были в разных местах.[81]

---

[77] *Krenn G.* Historische Figuren... S. 122; *Weltin M.* Landesherr und Landherren zur Herrschaft Ottokars II. Premysl in Österreich. S. 165–166.

[78] Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich / Hrsg. H. Fichtenau und E. Zöllner. Bd. II: Die Siegelurkunden der Babenberger und ihrer Nachkommen von 1216 bis 1279. Wien, 1955. Nr. 453, 456.

[79] ПСРЛ. Т. II. Стб. 836–837.

[80] Там же. Стб. 820.

[81] См.: Continuatio Garstensis a. 1182–1257 // MGH. SS. T. IX. P. 598; Continuatio Praedicatorum Vindobonensium / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 727; Auctarium Sancrucense / Ed. W. Wattenbach // Idid. P. 732.

Глава сорок четвертая

БОРЬБА ЗА «АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО» И КОРОНАЦИЯ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО

Поход русско-польских войск в Моравию и его неудача. — Антирусская позиция Иннокентия IV в споре за «австрийское наследство». — Высокая честь или вынужденная уступка: нежелание Даниила принимать корону от папы. — Политические условия сближения Романовичей с Римом. — Зальцбургский архиепископ Филипп фон Шпангайм на переговорах в Прессбурге

Летом 1253 г. русско-польские войска, шедшие на выручку Роману Даниловичу, достигли границ Моравии. Следуя описанию похода, приведенному в Галицко-Волынской летописи, можно заключить, что боевые действия развернулись на сравнительно небольшой территории вдоль берегов р. Опавы (левый приток Одера), близ силезско-моравской границы.

Летописец с большими подробностями, выдающими в нем непосредственного участника похода, говорит о разорении окрестностей нескольких городов, в том числе города Опавы (нем. *Troppau*) — исторической столицы Чешской Силезии (ныне город в Моравско-Силезском крае Чехии). Обороной Опавы руководили чешские воеводы Андрей из Бенешова и Бенеш из Цивилина, сумевшие отбить все атаки на город войск Даниила Галицкого и его польских союзников — Болеслава Стыдливого и Владислава Опольского.[1]

Вынужденные снять осаду, русские и польские войска двинулись вверх по р. Опаве и взяли город Нассидель (в летописи «Насилье»; ныне деревня в 10 км к северу от г. Опавы). После этого союзники двинулись далее и остановились на «вси Немецкои».[2] О каком географическом объекте говорит здесь летописец, неясно. По мнению Н. Мики, вероятнее всего, речь идет о селении Новая Церковь (нем. *Noekirch*), располагавшемся к северу от Нассиделя.[3]

---

[1] ПСРЛ. Т. II. М., 2008. Стб. 821–826. Детальный разбор свидетельств летописи см.: *Mika N.* 1) Najazd polsko-ruski na ziemię opawską w 1253 roku // Opava. Sborník k dějinám města. T. 3. Opava, 2003; 2) Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278. Racibórz, 2008. S. 41–45.

[2] ПСРЛ. Т. II. Стб. 824–825.

[3] *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach... S. 41, 44.

Тем временем воевода Бенеш предпринял попытку перейти в контрнаступление и выдвинулся к границам владений Владислава Опольского, сосредоточив войска в Глубчице (нем. *Leubschütz*) — городе, располагавшемся на моравском берегу р. Цинны (Псины, левый приток Одера), по которой проходила граница между Моравией и Польской Силезией (ныне г. Глубчице в составе Опольского воеводства Польши). Войска союзников должны были возвращаться к исходному рубежу своего маршрута, чтобы не допустить появления неприятеля у себя в тылу. Осада Глубчице, однако, также не принесла им успеха.[4]

Ил. 193. Печать краковского князя Болеслава V Стыдливого. Рисунок середины XIX в. Оригинал утрачен

Попытки продолжить наступление «ко Особолозе», то есть в направлении города Особлаги (нем. *Hotzenplotz*), стоящего на одноименной реке к западу от Опавы (ныне деревня в округе Брунтал Моравско-Силезского края) также ни к чему не привели, несмотря на благоприятную предпосылку — сдачу союзным войскам некоего Герборта: «Герьборть же присла Данилови мечь и покорение свое».[5] Речь здесь идет, вероятно, о правителе замка Фулштейн, расположенного на подступах к Особлаге (близ села Богушов сохранились руины замка). В решающий момент между союзниками начались какие-то серьезные разногласия, и продолжение похода стало невозможным.[6]

У историков не вызывает сомнения, что действия русско-польских войск летом 1253 г. были скоординированы с вторжением в Моравию венгров и половцев, являясь звеном единого стратегического плана, разработанного Белой IV.[7]

Еще летом 1252 г. венгерский король со своими союзниками, среди которых были и русские князья, предпринял попытку овладеть Веной. Однако взять город не смог и после двухнедельной осады переправился через Дунай и обосновался в районе Эбенфурта. Овладев территориями вокруг Вайкерсдорфа и Гимберга, а также между Веной и Винер Нойштадтом, Бела IV передал их

[4] ПСРЛ. Т. II. Стб. 825.

[5] Там же.

[6] Там же. Стб. 825–826. Наиболее обстоятельный комментарий к приведенному летописному рассказу см.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 257–258. См. также: *Котляр Н. Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. С. 288–291.

[7] *Dudik B.* Dějiny Moravy. T. V. Praha, 1878. S. 297; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 75; *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Т. I. Прага, 1935. С. 224; *Котляр Н. Ф.* Комментарий. С. 289.

Роману Даниловичу и его супруге Гертруде из рода Бабенбергов, а сам под натиском войск Оттокара должен был отступить в Венгрию.[8]

То была лишь временная передышка. В начале июня 1253 г. во главе многочисленного войска, состоявшего из венгров и половцев, король Бела начал новое вторжение. После опустошения Нижней Австрии он вторгся в Моравию и 25 июня подошел к Оломоуцу (ныне — столица Оломоуцкого края Чехии). Город оказал упорное сопротивление, его обороной руководил воевода Здислав из Штернберга.[9] Разорение Моравии и гибель множества жителей подробно и в ярких красках описаны автором второго продолжения Хроники Козьмы Пражского, вероятно, очевидцем событий,[10] а также представлены в Рифмованной австрийской хронике XIII в.[11]

Казалось бы, при столь значительном перевесе сил ничто не могло помешать венгерскому королю и его русско-польским союзникам сломить сопротивление моравского герцога и будущего чешского короля Пржемысла II Оттокара и заставить его отказаться от претензий на австрийский престол. На деле же все вышло иначе. Мощные удары, нанесенные союзниками по моравским землям одновременно с юга и севера, не достигли цели.

Русский летописец возлагает всю вину за неудачу похода Даниила на Владислава Опольского, не желавшего воевать со своими соседями. Владислав дал Льву Даниловичу неверных проводников, из-за чего русское войско оказалось разобщенным, а затем сжег в окрестностях Глубчице всю древесину и солому, необходимые для устройства «примета».[12] Версию летописца принимают и некоторые новейшие исследователи: «Из-за неверных проводников, предоставленных Владиславом Опольским <...> Лев Данилович заблудился в горах и успеха не достиг», — пишет Н. Ф. Котляр.[13]

Между тем, Владислав, судя по всему, был одним из наиболее заинтересованных участников коалиции, так как нападение на Моравию в 1253 г. было для него местью за разорение Рацибужа оломоуцким епископом Бруно из Шауенбурга, совершенное в 1249 г.[14] Не случайно в летописи упоминается Герборт из Фульштейна, добровольно сдавшийся союзникам. Этого Герборта как своего «подстольника» (podstolego) впоследствии упоминает епископ Бруно в письме к папе Александру IV (от 17 ноября 1255 г.), отмечая важный вклад Герборта в оборону Моравии от Владислава Опольского.[15]

---

[8] Chronicon Magni Presbiteri continuatio / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. XVII. Hannoverae, 1861. P. 530 (известие ошибочно помещено под 1250 г.). См.: *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach... S. 38–39.

[9] *Dudik B.* Dějiny Moravy. T. V. S. 297.

[10] Kosmova letopisu českého pokračovatelé (Letopisy Česke od roku 1196 do roku 1278) / Ed. J. Emler // Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dějin českých vydavane z nadani F. Palackego. T. II. Praha, 1874. P. 291.

[11] Chronicon rhythmicum Austriacum / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. XXV. Hannoverae, 1880. P. 362.

[12] ПСРЛ. Т. II. Стб. 822–823, 825.

[13] *Котляр Н. Ф.* Комментарий. С. 289.

[14] См.: *Barciak A.* Biskup olomuniecki Bruno z Schauenburga a Polska // Sobótka. Śląski kwartalnik historyczny. R. 36. Zs. 1. Wrocław, 1981. S. 69 n.

[15] Regesta Diplomatica nec non Epistolaria Bohemiae et Moraviae / Ed. J. Emler. T. II (1253–1310). Pragae, 1882. Nr. 74.

Более чем скромные результаты моравско-силезского похода некоторые историки склонны объяснять тем, что русско-польские войска, осаждавшие Опаву и Глубчице, выполняли сугубо второстепенную роль. Атакуя моравские рубежи на севере, они должны были отвлекать на себя часть сил Пржемысла Оттокара с главного театра военных действий, разворачивавшегося на юге в районе Оломоуца, осажденного венгерским королем Белой IV.[16]

Ил. 194. «Конная печать» Владислава Опольского. 1247 г. Государственный архив (Краков, Польша)

Более основательным, на наш взгляд, представляется предположение В. Т. Пашуто о том, что Даниил с русскими войсками намеревался пробиться через Моравию в Австрию для оказания помощи своему сыну Роману.[17] Доказательством может служить ярко выраженное в летописи недовольство галицко-волынского князя результатами похода, несмотря на доставшуюся ему немалую военную добычу и громкую славу полководца, совершившего самый дальний в истории Руси заграничный поход.[18]

Не выдерживает критики гипотеза М. Бартницкого, будто между Даниилом Галицким и Белой IV существовала некая договоренность о разделе Австрии, согласно которой Роману Даниловичу должна была достаться Каринтия, а все австрийские земли отходили к Беле.[19] Это предположение не имеет опоры в источниках, а кроме того Бартницкий не учитывает, что Каринтия в описываемое время была отдельным герцогством. В 1122–1269 гг. она пребывала под властью династии Шпангаймов, и к моменту появления в Австрии Романа Даниловича здесь правил герцог Бернгард фон Шпангайм (1202–1256).[20] Каринтия, таким образом, не могла быть частью наследства Бабенбергов.

* * *

К концу лета 1253 г. русско-польские войска покинули Чехию, одновременно из Чехии и Австрии были выведены и отряды венгерского короля. Роман Данилович остался с Пржемыслом Оттокаром один на один, укрывшись вместе с Гертрудой в замке Гимберг.

[16] *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach... S. 46.

[17] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 94.

[18] ПСРЛ. Т. II. Стб. 822–824.

[19] *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005. S. 192–193, 196.

[20] См.: *Ogris A.* Die Anfänge Kärntens // Österreich im Hochmittelalter (907 bis 1246) / Hrsg. A. M. Drabek. Wien, 1991.

Замок Гимберг, или Химберг (Himberg) — ныне ярмарочная коммуна (Marktgemeinde) в округе Вена (Нижняя Австрия) — известен с X в. как одно из укреплений на подступах к Вене. Свое название замок получил, очевидно, от родового имени Хинтперг (Hintperg). Представители этого баварско-эльзасского рода, состоявшего на службе у Бебенгергов, владели замком в XII–первой половине XIII вв.[21]

Важное значение для нас имеет следующий факт. 18 января 1243 г. замок Гимберг приобрел в личную собственность герцог Фридрих II Воинственный, выменяв его у своего министериала Хунрата Хинтперга.[22] После гибели Фридриха в битве на Лейте, по некоторым данным, в Гимберге жила его мать Феодора. Роман Даниѣлович, вероятно, получил замок как наследник личного имущества Фридриха по праву родства с ним. В дальнейшем замком владел другой наследник Бабенбергов — Пржемысл II Оттокар.[23]

После неудачных попыток вытеснить Романа силой Оттокар, как сообщает Галицко-Волынская летопись, предложил Роману заключить мир с условием поровну разделить между собой наследство Бабенбергов («вдамъ ти полъ земли Немецкои»). Роман отказался, ссылаясь на свои обязательства перед королем Белой.[24] Между тем 22 сентября 1253 г. умер чешский король Вацлав I. Пржемысл Оттокар должен был покинуть Австрию и идти в Прагу, где 17 октября принял власть своего отца.[25]

Воспользовавшись временной передышкой, осажденные в Гимберге совершили успешную вылазку, чтобы пополнить запасы провизии. Летопись говорит, что способствовала этому некая «баба», доставившая в замок еду: «бе бо баба ходящи и коупящи коръмлю, потаи въ граде Вядне приносящи».[26] Некоторые историки считают, что подобным образом в летописи была обозначена сама Гертруда, фактически руководившая обороной Гимберга.[27]

Это предположение кажется нам слишком смелым, так как летописец в своем рассказе различает «княгиню» Гертруду и упомянутую «бабу»-добытчицу. Когда в осажденной крепости кончились все добытые этой последней съестные припасы, Гертруда, не видя другого выхода, предложила Роману пробиваться за помощью к его отцу:

> Княгини же рекши: «Княже! Поиди ко отцю».[28]

---

[21] См.: *Past J.* Chronik der Marktgemeinde Himberg — Ein historisches Lesebuch 1120 bis 1994. Wien, 1994.

[22] Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich / Hrsg. H. Fichtenau und E. Zöllner. Bd. II: Die Siegelurkunden der Babenberger und ihrer Nachkommen von 1216 bis 1279. Wien, 1955. S. 305. См. также: *Lohrmann K., Opll Fr.* Regesten zur Frühgeschichte von Wien. Wien, 1981. S. 156.

[23] *Weltin M.* Das Land und sein Recht: ausgewählte Beiträge zur Verfassungsgeschichte Österreichs im Mittelalter. Wien, 2006. S. 140 f.

[24] ПСРЛ. Т. II. Стб. 836–837.

[25] Kosmova letopisu českého pokračovatelé. P. 292.

[26] ПСРЛ. Т. II. Стб. 837.

[27] *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach... S. 48.

[28] ПСРЛ. Т. II. Стб. 837.

Выбраться из осажденного Гимберга Роману помог один из его австрийских сподвижников. Этот эпизод также нашел отражение в рассказе русского летописца, записавшего имя помощника князя:

> Вереньгерь прирокомъ Просвелъ, бе бо с нимъ былъ на воине, сожаливъся о Романе, и приехав со силою, изведе Романа изъ града.[29]

В приведенном известии речь идет, несомненно, о Бернгарде Пройселе, упоминаемом вместе со своим братом Генрихом в документах Гертруды Бабенберг в числе прочих ее сторонников.[30] Представленная в летописи искаженная форма его имени свидетельствует об устном характере сведений, полученных летописцем, вероятно, от самого князя Романа Даниловича.

Время, когда Роман покинул Австрию, в источниках не отмечено. В. Т. Пашуто, а вслед за ним Н. Ф. Котляр относили это событие к концу 1253 г.[31] Такого мнения придерживался еще М. С. Грушевский.[32] Новейшие авторы, Д. Домбровский и М. Бартницкий, полагают, что бегство Романа произошло на полгода раньше — в июле 1253 г.[33] Однако, как справедливо замечает Н. Мика, еще 20 сентября Оттокар находился со своим военным лагерем под Вайкерсдорфом, в непосредственной близости от Гимберга и продолжал кампанию против Романа.[34] Нуждаясь в помощи местных жителей, Оттокар в этот день издал акт о наделении Вайкерсдорфа некоторыми городскими привилегиями.[35]

По-видимому, в период временного ослабления блокады Гимберга в октябре 1253 г. Роман Данилович успел связаться со своим главным союзником королем Белой и сообщил ему о мирных предложениях Оттокара. Однако венгерский король, вопреки своим прежним обязательствам, не только не предоставил военной помощи Роману, но и стал требовать от него отказаться от всех претензий на Австрию в обмен на получение нескольких городов в Венгрии.[36]

Вероятно, правы те историки, кто считает, что еще до обращения Романа к Беле между ним и Оттокаром была достигнута какая-то сепаратная договоренность

---

[29] Там же.

[30] Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich / Hrsg. H. Fichtenau und E. Zöllner. Bd. II: Die Siegelurkunden der Babenberger und ihrer Nachkommen von 1216 bis 1279. Wien, 1955. Nr. 453, 456. См.: *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach... S. 48.

[31] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 256; *Котляр Н. Ф.* Комментарий. С. 306–307.

[32] *Грушевський М. С.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Т. XLI. Львів, 1901. С. 39.

[33] *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 131–132; *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego... S. 196.

[34] *Mika N.* Walka o spadek po Babenbergach... S. 49.

[35] CDERB. T. IV. Fasc. I (1241–1253) / Ed. J. Šebánek a S. Dušková. Praha, 1962. Nr. 472; Regesta Diplomatica nec non Epistolaria Bohemiae et Moraviae. T. II. Nr. 54.

[36] ПСРЛ. Т. II. Стб. 836–837.

Ил. 195. Папа Иннокентий IV с епископами на церковном соборе в Лионе Миниатюра Сиракузского манускрипта. Ок. 1278 г. Университетская библиотека (Сиракузы, США)

о дальнейшей судьбе «австрийского наследства» путем его раздела без участия русского князя.[37]

Что же привело к столь быстрому и невыгодному для галицко-волынских князей урегулированию споров за Австрию и Штирию между венгерским и чешским королями? На наш взгляд, ответ может быть только один: энергичное вмешательство в этот спор римского папы, весьма обеспокоенного появлением на берегах Дуная православного князя, претендующего стать новым австрийским герцогом.

Еще в 1252 г. чешский король Вацлав I, напуганный масштабом военного вторжения венгров, обратился за помощью к римскому папе, жалуясь, что Бела IV вступил в союз с «нехристями» (половцами) и «схизматиками» (русскими) и нещадно губит «истинных христиан», подданных чешского короля.[38] Для выработки общей с церковью позиции по противодействию новому вторжению 25 марта 1253 г. Вацлав собрал у себя во дворце совещание с участием сразу шести епископов.[39]

Похоже, Иннокентий IV с самого начала спора за Австрию был настроен против участия в нем русских князей. В 1253 г. он отказал в поддержке Гертруде и новым австрийским герцогом фактически признал Оттокара.[40] Свой выбор папа сделал, судя по всему, в обмен на гарантии будущего чешского короля принять участие в крестовом походе в Пруссию.[41]

В том же 1253 г. для урегулирования конфликта между христианскими государями — венгерским и чешским королями — папа Иннокентий IV направил в Чехию и Венгрию своего посредника, францисканского монаха Власка (Valasco).[42] Усилия легата были сосредоточены главным образом на том, чтобы склонить Белу вывести войска из Моравии и Австрии и отказаться от поддержки

[37] *Włodarski B.* Polska i Ruś (1194–1340). Warszawa, 1966. S. 143.

[38] Chronicon Magni Presbiteri continuatio. P. 530.

[39] Kosmova letopisu českého pokračovatelé. P. 290.

[40] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 256; *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego... S. 195.

[41] *Włodarski B.* Polska i Rus. S. 141; *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego... S. 195.

[42] CDERB. T. IV. Fasc I. Nr. 277, 278.

Романа и Гертруды. Об этом можно судить по свидетельству автора второго продолжения Хроники Козьмы Пражского который под 1253 г. сообщает:

> К королю Венгрии пришел легат папы, который усмирил его и принудил вернуться к себе на родину.[43]

О том, что уже в 1253 г. Пржемысл Оттокар опирался на твердую поддержку римской церкви, свидетельствует также сообщение Галицко-Волынской летописи. Предлагая мир осажденному в Гимберге Роману Даниловичу, Оттокар в качестве свидетелей и гарантов договора называет римского папу Иннокентия IV и еще двенадцать епископов:

> поставлю ти послоуха отца си папоу и 12 пискоупа на послоужьство.[44]

В апреле 1254 г. римский понтифик поручил своему капеллану неаполитанскому архиепископу Бернарду посредничать в заключении мира между Белой и Оттокаром.[45] Представители обоих королей обговорили условия мира на встрече в Буде, и уже 1 мая мир был заключен самими королями на встрече в Прессбурге (Братислава).[46] По условиям договора, Австрия и небольшая часть Штирии оставались у Пржемысла II Оттокара, а другая, большая часть Штирии отходила к Беле IV.[47] Роман Данилович был оставлен ни с чем.

* * *

О роли папы в урегулировании спора европейских правителей за «австрийское наследство» не мог не знать Даниил Романович. Не могло быть для него тайной и негативное отношение понтифика к появлению русского претендента на престол Бабенбергов.

Провал столь успешно начатого русско-польского похода в Моравию летом 1253 г. из-за возникших в разгар кампании разногласий между союзниками, вероятно, также стал следствием усилий папской дипломатии. Подтверждением этому может служить тот факт, что на обратном пути Даниила уже поджидали послы Иннокентия IV, принесшие ему «благословение от папы», и эти послы пребывали в Кракове при дворе Болеслава Стыдливого, одного из главных участников моравского похода, высказывавшегося за его досрочное прекращение.[48]

---

[43] «Legatus domini papae superveniens ad regem Ungariae, compescuit eum et ad propria redire coegit» (Kosmova letopisu českého pokračovatelé. P. 291).

[44] ПСРЛ. Т. II. Стб. 837. См. также: *Барвінський Б.* Ким свідчився Отокар? Проба інтерпретації оповідання Галицько-волинської літописи // ЗНТШ. Т. XLVII. Львів, 1902.

[45] CDERB. T. V. Fasc. 1 (1253–1264) / Ed. J. Šebánek a S. Dušková. Praha, 1974. Nr. 20. P. 57–58; Nr. 22. P. 61–62.

[46] *Marsina R.* Přemysl Otakar II. a Uhorsko // Folia Historica Bohemica. T. I. Praga, 1979. S. 42.

[47] CDERB. T. V. Fasc. 1. Nr. 21. P. 59–60.

[48] ПСРЛ. Т. II. Стб. 825–826.

Посланник папы аббат Опизо из Мессаны, встречавший Даниила в Кракове, был направлен туда для выполнения важнейшей для Польши миссии. По сообщению Великопольской хроники, Опизо фактически руководил мероприятиями по канонизации краковского епископа Станислава Щепановского, произошедшей в том же 1253 г.[49] Св. Станислав доныне остается одним из наиболее почитаемых святых и главных патронов Польши. Согласие Иннокентия IV на его канонизацию объясняется особой ролью, которая отводилась папской курией краковской епархии в предстоящей католической экспансии на Восток.[50]

Галицко-Волынская летопись дает все основания думать, что именно на папу Даниил возлагал вину за провал кампании и расстройство планов в отношении Австрии. Вот почему русский князь демонстративно отказался встречаться с папскими послами, передав им на словах:

> Не подобаеть ми видитися с вами чюжеи земли, нъ пакы.[51]

Этот отказ Даниила — факт чрезвычайно примечательный и даже беспрецедентный в своем роде, ведь речь шла тогда не об обычном посольстве: помимо папского благословенія, послы везли Даниилу «венець и санъ королевьства». Нежелание русского князя принимать корону от папы в летописи подчеркивается неоднократно: Даниил не раз отказывался от коронации, ссылаясь на свою занятость более важным делом — борьбой с татарами: под 6763 (1255) г. летописец говорит как минимум о двух подобных случаях, произошедших в разные годы.[52]

Подобное поведение галицко-волынского князя вызывает недоумение у современных исследователей. «Как известно, — пишет И. Паславский, — королевская корона, полученная из рук папы римского, в политических отношениях того времени была настоящим “королевским подарком”, т. е. политическим отличием, за которое западные правители боролись подчас долгие годы. А тут галицко-волынский князь Даниил, получив такое предложение папы, сам же отверг его».[53] По мнению М. Чубатого, то было «событие, возможно, единственное в средние века, когда наделяемый короной сам отказывался ее принять».[54]

Несомненно, важную роль в решении Даниила играл татарский фактор, ведь галицко-волынский князь был тогда вассалом хана, и принятие короны от папы

---

[49] «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Пер. и коммент. Л. М. Поповой, Н. И. Щавелевой. М., 1987. С. 168–170.

[50] *Gołąb K.* Apat Obizo i jego legacja // Nasza przeszłość: Studia z dziejów Kościola i kultury katolickiej w Polsce. T. X. Kraków, 1959. См. также: Historia Polski. T. I: do roku 1764. Cz. I: do połowy XV w. / Pod red. H. Łowmiańskiego. Warszawa, 1957. S. 363.

[51] ПСРЛ. Т. II. Стб. 826.

[52] Там же.

[53] *Паславський І.* Коронація Данила Галицького в контексті політичних і церковних відносин XIII століття. Львів, 2003. С. 50.

[54] *Чубатий М.* Історія християнства на Руси-Україні. Т. І. Рим; Нью Йорк, 1965. С. 632.

означало открытый вызов Орде.[55] Однако едва ли будет правильно искать объяснение упорному нежеланию Даниила короноваться лишь в контексте влияния русско-ордынских отношений. Свою роль здесь играло также недоверие, которое галицко-волынский князь испытывал к папе и, в частности, к обещаниям Рима предоставить Руси реальную военную помощь в борьбе с монголо-татарами.[56]

В этих условиях враждебная по отношению к Даниилу и его сыну Роману позиция, занятая Иннокентием IV в деле урегулирования спора за «австрийское наследство», не могла не привести к еще большему охлаждению отношений русского князя с папой и спровоцировать Даниила на демонстративный дипломатический шаг — отказ встречаться с послами папы, привезшими ему королевскую корону, и, следовательно, отказ от самой коронации.

Даниил Романович, судя по всему, предпринимал в свое время определенные усилия, чтобы заручиться поддержкой папы в предстоящей борьбе за Австрию, опираясь при этом на посредничество своего главного союзника в австрийских делах венгерского короля Белы IV. В письме от 9 мая 1252 г. король заверял папу в том, что не пожалеет труда, дабы склонить князя Даниила к переговорам с Римом об унии.[57]

Нельзя не заметить, что это письмо отправлено как раз в тот самый момент, когда по инициативе Белы IV между ним и Даниилом уже была достигнута договоренность о браке Романа Даниловича с Гертрудой Бабенберг, а сам Роман уже прибыл к венгерскому королю, готовясь вместе с ним идти в Австрию для проведения упомянутого бракосочетания.

Кроме того, в описываемое время Даниил Романович и со своей стороны предпринимал меры по налаживанию отношений с Иннокентием IV. В 1252–начале 1253 гг. он вел переговоры с папой об организации нового крестового похода, направленного против татар, представлявших угрозу для всех христианских народов Европы. Результатом этих переговоров, надо думать, стало обращение папы весной 1253 г. к правителям и рыцарям Руси, Моравии, Чехии, Сербии и Поморья с предупреждением о новом большом наступлении татар на христианские страны и призывом ко всем, кого это наступление могло затронуть, объединиться под знаком креста и встать на пути татар. Участники нового крестового похода получали от папы такие же духовные привилегии, какие предоставлялись участникам Крестовых походов в Святую Землю.[58]

---

[55] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. С. 72; *Войтович Л. В.* Король Данило Романович: політик і полководець // Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі: Мат-ли Міжнар. наук. конф-ції. 29–30 листопада 2007 р. Львів, 2008. С. 89. См. также: *Головко О. Б.* Держава Романовичів у східноєвропейській політиці римської курії 40–50-х років XIII ст. // Княжа доба: історія і культура. Вип. 2. Львів, 2008.

[56] *Котляр Н. Ф.* Комментарий. С. 294.

[57] CDH / Ed. G. Fejér. T. IV, pars 1. Budae, 1829. Nr. 144. См.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 254.

[58] Regesta Pontificum Romanorum inde ab A. post Christum natum MCXCVIII ad A. MCCCIV / Ed. A. Potthast. T. II. Berolini, 1875. Nr. 11109. Русский перевод см.: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в.–1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 362–364.

Антирусская позиция, занятая папой в австрийском вопросе, судя по всему, явилась для Даниила Романовича горьким разочарованием. Только обидой и негодованием князя против папы, на наш взгляд, можно объяснить его демонстративный отказ от королевской короны, уже привезенной папскими послами.

Даниил еще долго потом отказывался принимать «королевский подарок» папы и заставил уговаривать себя польских князей и бояр во главе с краковским князем Болеславом Стыдливым. Даниил даже вынудил Болеслава, опасавшегося гнева папы, дать обещание, что в случае коронации он с другими польскими князьями окажет галицко-волынскому князю военную помощь против татар:

> Да бы прялъ (приалъ. — в Хлебниковском и Погодинском списках. — *А. М.*) бы венець, а мы есмь на помощь противоу поганымъ.[59]

По-видимому, правы те историки, кто считает, что именно краковский князь приложил главные усилия к тому, чтобы уговорить своего восточного соседа принять корону.[60]

Колебания Даниила продолжались несколько месяцев. По мнению Б. Влодарского, первая попытка папского легата Опизо из Мессаны встретиться с князем в Кракове могла произойти еще в конце июля 1253 г.[61] Осенью посольство прибыло на Русь.[62]

Точная дата самой коронации неизвестна. В папских архивах не обнаружено документов, позволяющих ее установить. В Галицко-Волынской летописи рассказ о коронации помещен в статье 1255 г. Однако эта дата не вызывает доверия исследователей. В датировке коронации Даниила историки опираются на краткое известие Рочника Красиньских:

> В год Господень 1253 Даниил, князь Руси, короновался королем.[63]

Сопоставив сообщения русской летописи и польского рочника, В. Абрахам заключил, что аббат Опизо мог побывать на Руси либо в августе–сентябре, либо в декабре 1253 г.[64] М. С. Грушевский относил коронацию Даниила к последним месяцам 1253 г.[65] М. Чубатый считал, что это событие состоялось уже после нового 1254 г.,[66] этим же годом (ок. 1254) датировал коронацию и В. Т. Пашуто.[67]

---

[59] ПСРЛ. Т. II. Стб. 827.

[60] *Włodarski B.* Polska i Ruś... S. 143, 145.

[61] Ibid. S. 145.

[62] *Грушевський М. С.* Хронольогія подій... С. 36–37.

[63] Rocznik Krasinskych / Ed. A. Bielowski // MPH. T. III. Lwów, 1878. P. 132.

[64] *Abraham W.* Powstanie organizacii kościoła lacińskiego na Rusi. T. 1. Lwów, 1904. S. 134.

[65] *Грушевський М. С.* Хронольогія подій... С. 36–37.

[66] *Чубатий М.* Західна Україна і Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії // ЗНТШ. Т. CXXIII–CXXIV. Львів, 1917. С. 60.

[67] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 259. Н. Ф. Котляр датирует коронацию октябрем–ноябрем 1253 г. (*Котляр Н. Ф.* Комментарий. С. 294).

Так или иначе, выходит, что почти полгода папское посольство, возглавляемое легатом Опизо из Мессаны, в котором одни видят посла Рима в Польше,[68] а другие — в Поморье,[69] провело в ожидании, пока Даниил Романович соблаговолит принять пожалованные ему римским папой королевские инсигнии.

Нет никаких сомнений, что при подобных обстоятельствах галицко-волынский князь воспринимал свою коронацию отнюдь не как высокую честь или долгожданную милость, оказанную Римом, а скорее как вынужденную политическую сделку, не сулившую очевидных выгод, но зато чреватую опасными последствиями.

Ил. 196. Папа Иннокентий IV посылает доминиканцев и францисканцев к татарам. Миниатюра Парижской рукописи «Зерцало историческое» Винсента из Бове. Начало XV в. Национальная библиотека (Париж, Франция)

* * *

Попытки сближения Даниила с папой предпринимались задолго до 1253 г. Первая такая попытка была сделана, вероятно, еще в 1245 г., сразу после того, как черниговский князь Михаил Всеволодович (недавний соперник Даниила в борьбе за Галич) отправил в Лион для участия в соборе католической церкви своего кандидата на киевскую митрополичью кафедру — игумена Петра Акеровича.[70] Насколько можно судить, первый контакт между папой и галицко-волынским князем должен был произойти еще до отъезда последнего в Орду.[71]

Осенью 1245 г. через земли Юго-Западной Руси проследовал папский посол в Монголию, францисканский монах Иоанн (Джованни дель Плано Карпини), встречавшийся с князем Васильком Романовичем, епископами и боярами, которым он зачитал грамоту папы о «единстве святой матери церкви».[72] Продолжив путешествие, Карпини весной следующего года где-то в придонских степях повстречался и с самим Даниилом, возвращавшимся из Орды. На обратном пути из Монголии в Лион в июне 1247 г. папский посланник еще раз посетил Галицко-Волынскую Русь, вновь встретился с Даниилом и Васильком, а также епископами

[68] *Чубатий М.* Західна Україна і Рим у XIII ст. ... С. 59.

[69] *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959. С. 169.

[70] Подр. см.: *Томашівський С.* Предтеча Ізидора, Петро Акерович, незнаний митрополит руський (1241–1245) // Записки Чина св. Василія Великого (Analecta Ordinus sancti Basilii Magni). T. II. Romae, 1927. Fasc. 3–4.

[71] О времени обращения Даниила к папе см.: *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. I. Lwów, 1904. S. 123–124.

[72] *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов; *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 67.

и «достойными уважения людьми», которые подтвердили, что «желают иметь владыку папу своим отцом и господином, а святую Римскую церковь владычицей и учительницей».[73]

В 1246–1248 гг. происходила интенсивная переписка Иннокентия IV с русскими князьями, свидетельствующая о постоянных взаимных контактах.[74] Вскоре после возвращения из Орды Даниил Романович отправил в Лион своего посланника игумена Григория, чье имя упоминается в письме папы к майнцскому архиепископу от 15 сентября 1247 г.[75] В. Абрахам устанавливает, что этим Григорием был игумен монастыря Св. Даниила под Угровском.[76] О приеме папой игумена Григория упоминает биограф Иннокентия IV Николо де Курбио.[77] В июне 1247 г. галицко-волынские князья, по-видимому, направили в Лион еще одно посольство, прибывшее туда вместе с делегацией Плано Карпини.[78]

Как отмечают практически все исследователи, Даниил Галицкий, выражая готовность подчиниться римской церкви, преследовал сугубо политические цели. Главной целью русского князя, по всей видимости, было получение военно-политической помощи Запада на случай нового нашествия татар. Однако роль папы должна была проявиться не только в организации антитатарской лиги христианских держав. Галицко-волынские князья, несомненно, рассчитывали также на помощь понтифика в реализации своих внешнеполитических интересов в Европе.

В буллах, направленных папой в Галицко-Волынскую Русь в 1247 г., содержится ряд положений, явившихся, безусловно, ответом на политические требования русских князей, причем эти свои требования они ставили в один ряд с сохранением в русских землях православного церковного обряда.

Из трех известных ныне папских булл 1247 г., адресованных Романовичам, две посвящены гарантиям их владельческих прав. Папа, в частности, обязался принять под свою защиту все владения галицко-волынских князей (как те, которыми они уже обладали, так и те, которые смогли бы приобрести в будущем).[79] Папа также одобрил намерение Романовичей вернуть себе владения, которые «против справедливости» заняли другие правители.[80]

Особого внимания заслуживает последнее из приведенных обязательств Иннокентия IV, содержащееся в булле «Cum a nobis», изданной 27 августа 1247 г.

---

[73] Там же. С. 75, 82.

[74] Regesta Pontificum Romanorum... T. II. Nr. 12093–12098. Русский перевод см.: *Большакова С. А.* Папские послания галицкому князю как исторический источник // ДГ. 1975 год. М., 1976.

[75] Regesta Pontificum Romanorum... T. II. Nr. 12689.

[76] *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. I. S. 122.

[77] *Altaner B.* Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Forschungen zur Geschichte der kirchlichen Unionen und der Mohammedaner und Heidenmission des Mittelalters. Habelschwerdt, 1924. S. 222.

[78] См.: *Nagirnyy V.* «Curientes tuis votis annuere»: Kto był inicjatorem rokowań między książętami halicko-wolyńskimi a stolicą apostolską w polowie lat 40-ch XIII wieku? // Дрогичинъ 1253: Мат-ли Міжнар. наук. конф-ції з нагоди 755-ї річниці коронації Данила Романовича. Івано-Франківськ, 2008.

[79] Regesta Pontificum Romanorum... T. II. Nr. 12097.

[80] Ibid. Nr. 12098.

и адресованной «Светлейшему королю Руси Даниилу и [королю] Лодомерии В[асильку], брату его [Даниила] и сыну»:

> Посему, дражайшие во Христе сыновья, склоненные вашими справедливыми просьбами [о возвращении] владений, земель и прочего добра, принадлежащих вам по наследственному или иному праву, [то есть всего] того, что другие короли, непочтительно относящиеся к церкви, удерживают вопреки справедливости, мы предоставляем вам полную возможность устранить несправедливости, причиненные светской властью, опираясь на наш авторитет.[81]

Приведенный отрывок со всей очевидностью показывает, что Даниил и Василько в обмен на принятие церковной унии требовали не столько помощи против татар (в папских буллах, отправленных к ним в 1246–1247 гг., об этом даже не упоминается), сколько, в первую очередь, признания за ними прав на какие-то спорные земли, в определении судьбы которых позиция папы имела важное значение.

Какие же наследственные владения галицко-волынских князей упоминаются в папской булле? Кто из «других королей» покушался на эти владения «вопреки справедливости»? Зачем для разрешения подобного спора Романовичам понадобилось искать санкции у папы?

В литературе можно встретить самые разные мнения, высказываемые по поводу поставленных вопросов. В. Т. Пашуто полагал, что папская булла предоставляла «юридическое равенство возможностей для русских князей при колонизации ятвяжских земель (Судавии)», а также приглашала «волынского князя к выступлению против Литвы».[82] Однако не слишком ли большую цену платили Романовичи за такое приглашение?

Б. Я. Рамм считал, что галицко-волынские князья в обмен на унию добивались от папы помощи в возвращении земель, «захваченных венгерским королем и польскими князьями».[83] «Если учесть, — писал историк, — что в это время Даниил вел войну с венгерским королем Белой IV, станет ясным, что письмо Иннокентия было своеобразным изъявлением со стороны папы своей благожелательно-нейтральной позиции, которая могла бы даже стать союзнической».[84] Но и это объяснение нельзя признать убедительным, ведь в 1247 г. Романовичи и Бела IV уже были союзниками, а кроме того, совершенно неясно, какие именно «наследственные владения» Даниила и Василька в описываемое время могли «удерживать вопреки справедливости» правители Венгрии или Польши.

Еще одно объяснение сути полученных Романовичами территориальных гарантий находим у Б. Н. Флори: Иннокентий IV «одобрил их намерения вернуть себе владения, которые “против справедливости” заняли другие князья».

---

[81] *Большакова С. А.* Папские послания галицкому князю... № VII. С. 127.

[82] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 253.

[83] *Рамм Б. Я.* Папство и Русь... С. 155.

[84] Там же.

Историк, очевидно, имеет в виду русских князей, оспаривавших у Даниила права на Галич. В своих суждениях Флоря опирается на фразу источника, характеризующую этих князей как «непочтительно относящихся к церкви» (qui in Ecclesie devotione non permanent). В таком ключе, по мысли историка, папой могли быть обозначены «православные князья, не подчинившиеся Риму».[85] Однако и это объяснение не дает ответа на вопрос, какие именно владения, несправедливо удерживаемые соперниками Романовичей, в 1247 г. нужно было оспаривать с помощью папы.

Нам представляется, что упомянутыми в булле Иннокентия IV «наследственными владениями» галицко-волынских князей, претензии на которые со стороны последних папа счел «справедливыми» и тем самым предоставил возможность бороться за их возвращение, следует считать земли Австрии и Штирии. На эти земли (или по крайней мере их часть) Романовичи могли претендовать как наследники Бабенбергов по женской линии ввиду своего родства с матерью герцога Фридриха II Феодорой Ангелиной.[86]

Как мы видели, после гибели Фридриха Воинственного, не оставившего мужского потомства, между несколькими европейскими правителями начался спор за «австрийское наследство», важнейшим аргументом в котором было родство с Бабенбергами по женской линии. В этом споре Иннокентий IV взял на себя роль главного арбитра. В начале 1247 г. умер Владислав Моравский, признанный папой новым австрийским герцогом, и борьба за Австрию разгорелась с еще большей силой.

Признания своих прав на австрийский престол со стороны папы добивались и другие претенденты. В частности, с подобной просьбой к Иннокентию IV 15 ноября 1246 г. обращался венгерский король Бела IV.[87] В 1252–1253 гг., как мы видели, поддержки папы добивались чешский король Вацлав I и его сын Пржемысл Оттокар.

Вплоть до конца 1250 г. продолжалось ожесточенное противостояние папы Иннокентия IV с императором Фридрихом II, вследствие которого папа должен был покинуть Рим и перебраться в Лион. Поэтому главным условием поддержки Иннокентия была лояльность к римской церкви и готовность проводить политику папы. Королями, «непочтительно относящимися к церкви», в 1247 г. Иннокентий IV мог именовать сторонников Фридриха II, как и его самого, неоднократно отлученного от церкви и низложенного на Лионском соборе 1245 г.

Буллу «Cum a nobis», отправленную к Даниилу Романовичу, его брату и сыну 27 августа 1247 г., на наш взгляд, правильнее было бы понимать как приглашение папы к участию в борьбе за наследство Бабенбергов, несправедливо удерживаемое главным врагом Иннокентия IV императором Фридрихом II. Платой за это

---

[85] *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). СПб., 2004. С. 158.

[86] Наследование престола по женской линии было важной привилегией австрийских герцогов, полученной от императора Фридриха Барбароссы. См. главу 42 настоящей работы.

[87] Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. Vol. I, t. 2. Budapest, 1927. Nr. 839.

должна была стать лояльность Романовичей к римской церкви и ее главе, что на деле означало согласие на принятие церковной унии и короны из рук папы.

* * *

Однако уже в 1248 г. в отношениях галицко-волынских князей с римским папой наметилось охлаждение, а в 1249 г. наступает полный разрыв. Этот разрыв, как и новое сближение Романовичей с Римом в 1252–1253 гг., на наш взгляд, должны быть поставлены в связь с колебаниями международной конъюнктуры, складывавшейся по поводу борьбы за «австрийское наследство».

Иннокентий IV определенно не желал появления на берегах Дуная правителя, имевшего русское происхождение, но, вместе с тем, не прочь был использовать военную силу и наследственные права Романовичей для достижения собственных политических целей. Дав в 1247 г. русскому князю надежду на исполнение его амбициозных внешнеполитических планов, папа в то же самое время сделал все возможное, чтобы австрийский престол в итоге достался другому претенденту.

Именно в таком ключе, как нам кажется, следует понимать несколько сбивчивый и туманный рассказ Галицко-Волынской летописи о встрече в Прессбурге (о которой более подробно речь шла в предыдущей главе). Среди историков утвердился взгляд, что в состоявшихся тогда переговорах участвовали три стороны: галицко-волынский князь Даниил Романович, венгерский король Бела IV и германский император Фридрих II в лице своих послов.[88] Однако такое понимание не отражает реальной сути интересующего нас события и требует пересмотра.

В описании переговоров галицкий летописец приводит имена послов германского императора, записанные, вероятно, со слов непосредственного участника встречи с русской стороны, передавшего эти имена в фонетической форме, весьма отдаленно соответствующей оригиналу:

> Бе бо имена посламъ: воевода цесаревъ, и пискоупъ Жалошь Поурьскыи, рекомыи Сольскыи, и Гарихъ Пороуньскыи, и Отагаре теньникъ Петовьскыи.[89]

В литературе была сделана только одна попытка объяснить, чьи имена приводит здесь летописец. По мнению И. И. Шараневича, немецкими послами были не названный по имени имперский наместник (в Австрии или Штирии), а также зальцбургский архиепископ. Последним в описываемое время мог быть только Филипп фон Шпангайм. Двух оставшихся послов можно идентифицировать как министериалов зальцбургского архиепископа — Генриха фон Брунне и Хартнида фон Петтау или, вероятнее, сына Хартнида Оттона.[90]

---

[88] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 255.

[89] ПСРЛ. Т. II. Стб. 814.

[90] *Szaranewicz I.* Die Hypatios-Chronik, als Quellen Beitrag zur österreichischen Geschichte. Lemberg, 1872. S. 60, 126–127, Anm. 326.

Ил. 197. Печать зальцбургского архиепископа Филиппа фон Шпангайма. 1247–1257 гг. Музей кафедрального собора (Зальцбург, Австрия)

Похоже, что главной фигурой на переговорах с немецкой стороны был зальцбургский архиепископ, сопровождаемый двумя министериалами. Летописное «Жалошь Поурьскыи» и комментарий к нему «рекомыи Сольскыи» не оставляют сомнений, что в данном случае речь идет именно о зальцбургском иерархе, поскольку Зальцбург в дословном русском переводе — *Соляной город* или *Сольск*. Личность «воеводы цесаря», то есть имперского наместника, значащегося в летописном перечне первым, точно идентифицировать невозможно: им мог быть либо назначенный Фридрихом II в 1247 г. Оттон фон Эберштейн,[91] либо один из двух сменивших его летом 1248 г. новых наместников — граф горицкий Майнгард III (наместник Штирии и Крайны) или баварский герцог Оттон II (наместник Австрии).[92]

Филипп фон Шпангайм († 22.07.1279) был младшим сыном герцога Каринтии Бернгарда II и Юдиты, дочери чешского короля Пржемысла I Оттокара. В 1247–1257 гг. Филипп занимал архиепископскую кафедру в Зальцбурге, в 1254–1279 гг. был графом Лебенау и номинальным герцогом Каринтии, в 1269–1271 гг. — аквилейским патриархом.[93]

В отличие от «воеводы цесаря» (имперского наместника), зальцбургский архиепископ на переговорах в Прессбурге едва ли мог представлять сторону императора Фридриха II. На последнем заседании Лионского собора папа Иннокентий IV объявил о низложении императора Фридриха как еретика, дважды ранее отлученного от церкви. Изданная 17 июля 1245 г. специальная папская булла освобождала всех подданных императора от данной ему присяги верности.[94] Подобное событие происходило впервые за всю историю взаимоотношений пап с правителями империи (во время борьбы за инвеституру Григорий VII низложил Генриха IV, когда он еще только готовился стать императором).[95]

---

[91] Continuatio Sancrucensis II. a. 1234–1266 / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. IX. Hannoverae, 1851. P. 642.

[92] Continuatio Garstensis a. 1182–1257 / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 598.

[93] См.: *Dopsch H., Brunner K., Weltin M.* Österreichische Geschichte. 1122–1278. Die Länder und das Reich: der Ostalpenraum im Hochmittelalter. Wien, 1999. S. 369 f., 451.

[94] MGH. Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum / Ed. L. Weiland. T. II. Hannoverae, 1897. P. 508–512.

[95] Подробнее см.: *Folz A.* Kaiser Friedrich II und Papst Innocenz IV: Ihr Kampf in den Jahren 1244 und 1245. Straßburg, 1905. См. также: *Kempf F.* Die Absetzung Friedrichs II im Lichte der Kanonistik // Probleme um Friedrich II. / Hrsg. J. Fleckenstein. Sigmaringen, 1974 (Vorträge und Forschungen. Bd. 16).

Решение папы, выраженное от лица церковного собора, несомненно, ослабило позиции Фридриха II. Уже летом 1245 г. венгерский король Бела IV попросил папу освободить его от обета верности, данного императору.[96] От Фридриха отступились некоторые его сторонники в Германии и Австрии, особенно в среде высшего духовенства. Имеющиеся у нас данные показывают, что зальцбургского архиепископа следует относить к числу противников императора, принявших сторону папы.

В конце 1247 г. Иннокентий IV изменил свое прежнее негативное отношение к Филиппу фон Шпангайму, избранному на зальцбургскую кафедру против его воли, и утвердил Филиппа в сане архиепископа. Решение папы, несомненно, явилось следствием перехода Шпангайма на его сторону.[97] В 1248 г. Филипп действовал уже как решительный сторонник Иннокентия IV: он заключил в тюрьму нескольких участников посольства австрийской знати, ездивших к Фридриху II в Италию с просьбой назначить наместников в Австрию и Штирию.[98] В январе 1249 г. архиепископ Филипп по поручению папы организовал в Мюльдорфе съезд австрийского духовенства, потребовавшего от имперского наместника в Австрии Оттона Баварского прекратить отношения с императором под угрозой церковного наказания.[99]

На переговоры в Прессбург зальцбургский архиепископ прибыл, вероятнее всего, по поручению папы и представлял там интересы австрийской герцогини Гертруды Бабенберг, опекуном которой он был назначен Иннокентием IV в начале 1248 г.[100] Задачей Филиппа было добиться от других участников переговоров — имперского наместника в Австрии, венгерского короля и галицко-волынского князя — признания новым герцогом Австрии и Штирии Германа Баденского, определенного папой в мужья Гертруде.

Таким образом, на переговорах в Прессбурге, помимо трех вышеназванных участников, действовал и четвертый. Им был зальцбургский архиепископ Филипп, который возглавлял особую делегацию, представлявшую интересы апостольского престола. Именно архиепископ Филипп в отличие от безымянного и невыразительного «воеводы цесаря» сыграл главную роль на переговорах, добившись в итоге выгодного для себя результата.

О нешуточном накале страстей, разгоревшихся во время переговоров, свидетельствует ряд весьма характерных деталей летописного повествования. Даниил Романович шел на встречу в Прессбург, как на битву («исполчи вся люди свое»), прибыл в сопровождении многочисленного и хорошо вооруженного отряда, взяв с собой даже союзных татар, чей грозный вид произвел сильное впечатление на других участников («Немьци же дивящеся ороужью Татарьскомоу»).[101]

---

[96] CDH / Ed. G. Fejér. T. IV, pars 1. Budae, 1829. P. 374–375. См. также: *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. T. II. Budapest, 1893. O. 266.

[97] Annales sancti Rudberti Salisburgenses a. 1–1286 / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. IX. P. 789.

[98] Continuatio Garstensis. P. 598.

[99] Annales Sancti Rudberti Salisburgenses. P. 790.

[100] Regesta Pontificum Romanorum... T. II. Nr. 12816.

[101] ПСРЛ. Т. II. Стб. 814.

Усилия Даниила, может быть, привели к получению каких-то новых заверений относительно его прав на «австрийское наследство» и обещаний их осуществления в будущем. Учитывая сближение Романовичей с Иннокентием IV в 1246–1247 гг., а также ослабление позиций Фридриха II после Лионского собора, можно предположить, что вслед за своим главным союзником в борьбе за Австрию, венгерским королем Белой IV, Даниил Романович во время прессбургских переговоров принял сторону папы, поверив обещаниям его представителя. Близостью достижения заветной цели, вероятно, объясняется общий оптимистический настрой княжеского летописца, завершившего свой рассказ о встрече в Прессбурге сообщением о некой «чести», которой в итоге удостоился Даниил («честь творяшеть емоу»).[102]

Дальнейшие события показали, что заверения папы носили лишь декларативный характер, в действительности же Даниил был устранен от какого-либо участия в разделе наследия Бабенбергов. Вся власть над Австрией и Штирией досталась ставленнику Иннокентия IV Герману Баденскому. В начале осени 1249 г. борьба за Австрию закончилась в его пользу. Первые документы Германа в качестве нового герцога Австрии и Штирии были изданы в августе–сентябре 1249 г. (30 августа в Кремсе, 16 сентября в Винер Нойштадте и 21 сентября в Вене).[103]

Крушение планов Романовичей относительно Австрии тотчас же отразилось на взаимоотношениях Даниила с папским престолом. Исследователи в один голос говорят о наступившем около 1248–1249 гг. охлаждении и полном прекращении контактов галицко-волынских князей с Иннокентием IV,[104] а также о последовавшем в 1250–1252 гг. периоде «обоюдного молчания» между Римом и холмским двором.[105]

Открытая конфронтация Даниила Галицкого с папой произошла в 1249 г., когда русский князь, по сообщению Яна Длугоша, «оставил sine honore» (то есть без чести) явившегося к нему епископа, назначенного курией в качестве архиепископа Руси. Длугош, по-видимому, колебался в том, кем был этот последний, видя в нем то арманацкого епископа Войцеха, то называя его Адальбертом.[106]

Возможно, в данном известии речь идет об изгнании из Руси епископа Альберта Суербеера. В качестве «легата апостольского престола архиепископа

---

[102] Там же. Стб. 815.

[103] Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich / Hrsg. H. Fichtenau und E. Zöllner. Bd. II: Die Siegelurkunden der Babenberger und ihrer Nachkommen von 1216 bis 1279. Wien, 1955. Nr. 449, 451–452. См. также: *Hausmann Fr.* Keiser Friedrich II. und Österreich // Probleme um Friedrich II. / Hrsg. von J. Fleckenstein. Sigmaringen, 1974 (Vorträge und Forschungen. Bd. 16). S. 300.

[104] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. С. 71–72; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 254; *Рамм Б. Я.* Папство и Русь... С. 159; *Котляр Н. Ф.* Комментарий. С. 292–293.

[105] *Чубатий М.* Історія християнства на Руси-Україні. Т. I. С. 631–632; *Паславський І.* Коронація Данила Галицького... С. 60.

[106] Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego. Ks. 7–8. Warszawa, 1973. S. 85.

Пруссии, Ливонии и Эстонии» он не раз упоминается в папских буллах. В сентябре 1247 г. Иннокентий IV поручил Альберту «привести короля, духовенство и вельмож русских в соединение с католической церковью». Папа просил Альберта самолично отправиться на Русь, чтобы «привести к церковному единению короля, архиепископов, епископов и других знатных его королевства, после того как они полностью отрекутся от схизмы».[107]

Сведения Длугоша согласуются с сообщением Галицко-Волынской летописи о первом отказе Даниила Романовича принять папскую корону, доставленную к нему двумя легатами-епископами («пискупа Береньского и Каменецького»).[108] Это событие, по всей видимости, должно быть отнесено к концу 1248–1249 гг.

[107] Regesta Pontificum Romanorum... T. II. Nr. 12686.

[108] ПСРЛ. Т. II. Стб. 826–827. Обзор мнений историков относительно личностей епископов «Береньского» и «Каменецького» см.: *Котляр Н. Ф.* Комментарий. С. 293.

Глава сорок пятая

КОРОНАЦИЯ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО: НИКЕЯ И РИМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКИХ КНЯЗЕЙ

«...И оубеди его мати его»: о роли Евфросинии Галицкой в коронации Даниила. — Экуменические процессы середины XIII в. и борьба никейских правителей за возвращение Константинополя. — Мария Венгерская и Евфросиния Галицкая в налаживании контактов между Никеей и Римом. — Никейский и германский императоры во внешней политике Даниила Галицкого

В рассказе Галицко-Волынской летописи, посвященном коронации Даниила Романовича, находим упоминание о его матери, которая, по словам летописца, смогла убедить сына, прежде неоднократно отвергавшего предложения короноваться, принять королевский венец от папы:

> Ономоу же одинако не хотящоу, и оубеди его мати его, и Болеславъ, и Семовитъ, и бояре Лядьскые...[1]

Как видим, влияние матери на решение Даниила было столь велико, что летописец считает его едва ли не главной причиной согласия князя и ставит выше влияния польских союзников, обещавших военную помощь против татар в случае коронации.

Чем объяснить эту решающую роль княгини-матери в истории коронации Даниила? Что побудило «великую княгиню Романовую», тихо доживавшую свой век в монастыре, в последний раз выйти на политическую сцену и громко возвысить свой голос после многих лет полного безмолвия?

Важная роль галицко-волынской княгини, хотя и была неоднократно отмечена историками, до сих пор остается неизученной, а причины, побудившие ее высказаться в пользу коронации сына, — нераскрытыми. Впрочем, отдельные попытки нащупать мотивы княгини все же были сделаны. Однако они привели к совершенно противоположным и даже взаимоисключающим результатам.

---

[1] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 827.

Так, по мнению М. С. Грушевского, мать Даниила ратовала за коронацию, ибо ей «как католической принцессе не могла не быть приятной перспектива королевского титула».[2] И. Граля считал, что вдовствующая галицкая княгиня, оставаясь приверженницей православия, ратовала за коронацию, так как это было в интересах ее греческих родственников — влиятельного клана Каматиров, поддерживавшего политическую линию никейского императора на союз с папой.[3]

Ил. 198. Памятный знак к 750-летию коронации Даниила Галицкого, установленный в 2003 г. (Дрогичин, Польша)

Что же заставило Даниила прислушаться к голосу матери и согласиться с ее доводами? Этот вопрос также остается пока без ответа. Исследователи ограничиваются лишь общими соображениями насчет необыкновенного личного авторитета княгини и высокого уважения к ней, испытываемого всеми Романовичами.[4]

Оценке роли галицко-волынской княгини в коронации Даниила не способствует прочно утвердившееся в литературе представление о том, что главными целями князя были тогда получение помощи Запада против монголо-татар, а также повышение международного статуса как «короля Руси».[5] С точки зрения этих задач, причастность к коронации княгини-матери выглядит как лишняя подробность. Между тем, из рассказа летописца со всей очевидностью следует, что именно уговоры матери стали для Даниила важнейшим аргументом в пользу нелегкого решения о коронации.

Чтобы понять роль «великой княгини Романовой», нужно рассматривать коронацию галицко-волынского князя в более широком историческом контексте. В этом событии, несомненно, переплелись влияния не только католического Запада, но и православного Востока.

Роль последнего, несмотря на несколько столетий доминирующего византийского влияния на Руси, к сожалению, недооценивается новейшими авторами. Эта роль либо полностью игнорируется, либо признается как номинальная, не имевшая реального значения. Все сводится лишь к общим рассуждениям о том, как после потери Константинополя в 1204 г. правители Византийской

---

[2] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 72.

[3] *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza // SO. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4.

[4] См., например: *Домбровский Д.* К истории древнерусской княжеской семьи (отношения между взрослыми детьми и их родителями в роде Романовичей, галицко-волынской ветви Рюриковичей) // Вест. СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. 2005. С. 11.

[5] *Котляр Н. Ф.* Даниил, князь Галицкий. СПб., 2008. С. 290; *Головко О. Б.* Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 346–347; *Войтович Л. В.* Король Данило Романович: політик і полководець // Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі: Мат-ли Міжнар. наук. конф-ції. 29–30 листопада 2007 р. Львів, 2008. С. 89.

(Никейской) империи сами искали поддержки Запада, соглашаясь ради этого на объединение церквей и верховенство папы над христианским миром. «В этих условиях, — пишет, к примеру, Н. Ф. Котляр, — коронация Даниила не могла вызвать особенных отрицательных эмоций в Никее».[6]

Можно сказать, что никейское влияние вообще не рассматривается как фактор внешней политики Даниила Галицкого. Единственной специальной работой о значении коронации Даниила для русско-византийских отношений остается небольшая статья М. М. Войнара, опубликованная в 1955 г. По мнению историка, коронация означала полную независимость Галицко-Волынского княжества от Византии. Даниил не мог не отдавать себе отчета в том, что получение короны от папы исключало его из византийской мировой иерархии и переносило в систему западноевропейской церковно-политической структуры, «в орбиту западной концепции царства», со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями. Уния, на которую согласился князь, предполагала разрыв церковных связей с Византией.[7]

Идеи М. М. Войнара развивает И. Паславский. По его мнению, Даниил Романович, решившись принять корону от папы, тем самым оказал противодействие политике Никейской империи, направленной на подчинение русских княжеств Орде. В противовес этому галицко-волынский князь искал союзников на Западе, в первую очередь в лице римского понтифика. Коронация, по словам историка, была для Даниила «бегством от Византии на Запад».[8]

* * *

Следует, однако, учитывать, что переговоры о коронации Даниила и унии с Римом разворачивались на фоне более широких церковно-политических процессов, сопровождавшихся постоянными контактами между Никеей и папским престолом во второй половине 1240 — середине 1250-х гг. На данное обстоятельство в свое время справедливо обращал внимание В. Т. Пашуто.[9] Недавно этот вопрос был вновь поднят Б. Н. Флорей.[10]

Тем не менее в большинстве работ по истории взаимоотношений Западной и Восточной церквей, написанных в особенности зарубежными исследователями, участие галицко-волынского князя в экуменических процессах середины XIII в. остается незамеченным, а иногда даже отрицается.[11]

---

[6] *Котляр Н. Ф.* Даниил, князь Галицкий. С. 290–291.

[7] *Войнар М. М.* Корона Данила в правно-політичній структурі Сходу (Візантії) // Корона Данила Романовича. 1253–1953 рр.: Доповіді Римської сесії II наук. конф-ції Наукового товариства ім. Шевченка (Рим, 18 грудня 1953 р.). Рим; Париж; Мюнхен, 1955 (ЗНТШ. Т. CLXIV). С. 116–117.

[8] *Паславський І.* Коронація Данила Галицького в контексті політичних і церковних відносин XIII століття. Львів, 2003. С. 71–72.

[9] *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 261–263.

[10] *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). СПб., 2004. С. 161 и сл.

[11] См.: *Norden W.* Das Papsttum und Byzanz. Die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung bis zum Untergange des byzantinischen Reiches, Berlin, 1903. S. 362.

Не подлежит сомнению, что в Галицко-Волынской Руси хорошо знали о контактах между Никеей и Римом по поводу возможного объединения церквей. Более того, из сообщения летописи следует, что эти контакты явились условием переговоров Даниила о принятии папской короны и заключении церковной унии. В летописном рассказе о коронации князя упоминается признание папой Иннокентием IV «греческой веры» и обещание созвать Вселенский собор для объединения церквей:

> Некентии (Иннокентий IV. — *А. М.*) бо кльняше техъ, хоулящимъ вероу Грецкоую правоверноую, и хотящоу емоу сборъ творити о правои вере о воединеньи цркьви.[12]

Ил. 199. Золотой гиперпирон никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца. Магнезия. Первая половина XIII в. Метрополитен-музей (Нью-Йорк, США)

По мнению Б. Н. Флори, сведения о готовящемся объединении церквей поступили в Галицко-Волынскую Русь через Венгрию. Жена венгерского короля Белы IV была дочерью никейского императора Феодора I Ласкаря. В середине 1240-х гг. она играла заметную роль в налаживании контактов папы с болгарским царем Коломаном I Асенем (1241–1246).[13] Вероятно, как считает Флоря, при ее посредничестве в 1245 г. в Болгарию было доставлено послание папы, в котором он выражал готовность созвать Вселенский собор с участием греческого и болгарского духовенства для решения всех спорных вопросов.[14]

В нашем представлении, галицко-волынские князья могли поддерживать непосредственные контакты с никейскими правителями. Основанием для прямых отношений холмского двора с Никеей могли служить положение и родственные связи «великой княгини Романовой», дочери византийского императора Исаака II.[15] Евфросиния Галицкая состояла в близком родстве с правящей в Никее династией Ласкарей и, очевидно, не могла оставаться в стороне от проводимой ими внешней политики, главной целью которой было возвращение Константинополя.

Никейский император Иоанн III Ватац (1222–1254) в отношениях с латинянами перешел к активным наступательным действиям. Важное значение имела его победа при Пиманионе в 1224 г., в результате которой Латинская империя лишилась всех своих владений в Азии. Затем Иоанном в короткое время были

---

[12] ПСРЛ. Т. II. Стб. 827.

[13] *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола… С. 162.

[14] См.: Латински извори за българската история. Т. IV. София, 1981. С. 91.

[15] См. часть IV настоящей работы.

завоеваны острова Лесбос, Родос, Хиос, Самос и Кос, что существенно ослабило влияние Венеции в Эгейском море.[16]

Для продолжения наступательных действий Никейская империя нуждалась в военных союзниках. В 1230-х гг. таким союзником для нее на некоторое время стал болгарский царь Иван II Асень (1218–1241), при поддержке которого Ватацу удалось в 1234 г. захватить плацдарм во Фракии для последующего отвоевания византийских владений на Балканах.[17]

В конце 1230-х гг. новым союзником Ватаца стал германский император Фридрих II (1220–1250). Путь к союзу между ними открыла смерть латинского императора Иоанна де Бриенна (1229–1237), тестя Фридриха II, с которым последний поддерживал мирные отношения.[18] В 1244 г. Ватац женился на дочери Фридриха Констанции, принявшей в Никее имя Анны.[19]

Фридрих II унаследовал представление об императорской власти как неограниченной, дарованной Богом власти римских императоров.[20] В силу этого его отношение к созданной под эгидой папы Латинской империи было враждебным. Германский император стремился ликвидировать это государство как незаконное орудие папского влияния на Востоке.[21]

Опираясь на союз с германским императором и воспользовавшись ослаблением Болгарии после смерти Ивана II Асеня, Ватац продолжил завоевания на Балканах и к 1246 г. присоединил к своей державе территории в Северной Фракии и Македонии с городами Адрианополь и Фессалоники, а также часть Эпирского царства. Эти успехи привели к прекращению существования Фессалоникийской империи, правители которой не желали подчиняться власти Никеи.[22]

Альянс Фридриха с Ватацем представлял серьезную угрозу для апостольского престола. Объявляя о низложении императора на заседании Лионского собора 17 июля 1245 г., Иннокентий IV (1243–1254), указывал на многочисленные злодеяния Фридриха, уже дважды перед тем отлученного от церкви. Среди них, наряду с оскорблениями иерархов церкви, нерадением к церковному строительству и делам милосердия, личным аморальным поведением и организацией убийства ассасинами герцога Людвига Баварского, значился «нечестивый союз»

[16] См.: *Angold M.* A Byzantine government in exile: government and society under the Laskarids of Nicaea. 1204–1261. Oxford, 1975. P. 197 sq.

[17] Подробнее см.: *Жаворонков П. И.* Никейско-болгарские отношения при Иване II Асене (1218–1241) // Византийские очерки: Труды советских ученых к XV Международному конгрессу византинистов / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1977.

[18] *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад (взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и папством) // ВВ. Т. 36. М., 1974. С. 111.

[19] Historia diplomatica Friderici Secundi: sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius imperatoris et filiorum ejus; accedunt epistolae paparum et documenta varia / Ed. A. Huillard-Bréholles. T. VI, pars I. Paris, 1861. P. 147; Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, Chronica majora / Ed. H. R. Luard. T. IV (1240–1247). London, 1877. P. 299.

[20] *Васильев А. А.* Латинское владычество на Востоке. 1207–1261. Пг., 1923. С. 28.

[21] *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад... С. 112.

[22] См.: *Bredenkamp Fr.* The Byzantine Empire of Thessalonike (1224–1242). Thessalonike, 1995.

с мусульманами и «греческими раскольниками». Последнее обвинение подразумевало брак дочери Фридриха с Ватацем.[23]

Понимая всю опасность союза германского и никейского императоров, папа приложил немало стараний, чтобы посеять вражду между ними. С этой целью понтифик попытался склонить Ватаца к переговорам об унии с Римом в обмен на обещание вернуть грекам Константинополь.[24]

В 1247 г. в Никею прибыл посол папы монах-минорит (францисканец) Лаврентий, встретившийся с патриархом Мануилом II (1244–1254) и сообщивший ему о желании Иннокентия IV совершить объединение церквей на выгодных для греков условиях.[25] Брат Лаврентий входил в ближайшее окружение понтифика. Под 1251 г. его как своего друга упоминает фра Салимбене де Адам — монах-минорит из Пармы, автор обширной хроники, повествующей о политике папского престола и истории Италии середины XIII в. Через некоторое время по возвращении из Никеи Иннокентий IV сделал Лаврентия архиепископом Антивари.[26] Примечательно, что Лаврентий сменил на этом посту другого минорита, Джованни дель Плано Карпини, занимавшего антиварийскую кафедру на рубеже 1240–1250-х гг.[27]

Власти Никеи охотно приняли предложение папы. После отвоевания в 1246 г. Фессалоник Ватац опасался ответных действий со стороны латинян. По свидетельству Матвея Парижского, в описываемое время латинский император Балдуин II (1228–1261) ездил во Францию и Англию, собирая крестоносцев для защиты Константинополя и возвращения отнятых Ватацем земель.[28]

Из Хроники Салимбене де Адама известно также, что в марте 1249 г. в Лион к папе прибыл никейский посол монах Салимбен, владевший как греческим, так и латинским языками. Он привез письма от Ватаца и патриарха Мануила с просьбой прислать в Никею для дальнейших переговоров генерального министра ордена миноритов Иоанна Пармского, пользовавшегося непререкаемым моральным авторитетом как на Западе, так и на Востоке.[29] 28 мая 1249 г. датиру-

---

[23] MGH. Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum / Ed. L. Weiland. T. II. Hannoverae, 1897. P. 508–512. См также: Historia diplomatica Friderici Secundi... T. VI, pars I. P. 325; Annales Placentini Gibellini a. 1154–1284 / Ed. Ph. Jaffé // MGH. SS. T. XVIII. Hannoverae, 1863. P. 491.

[24] *Haller J.* Das Papsttum: Idee und Wirklichkeit. Bd. IV. Stuttgart, 1953. S. 262.

[25] Annales Minorum seu trium ordinum a S. Francisco institutorum auctore... / Ed. L. Wadding. T. III. Romae, 1732. P. 1247. Nr. 8–10.

[26] Chronica fratris Salimbene de Adam / Ed. O. Holder-Egger // MGH. SS. T. XXXII. Hannoverae, 1913. P. 419. Русский перевод см.: *Салимбене де Адам.* Хроника / Пер. с лат.; Науч. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2004. С. 484.

[27] *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов; *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 8.

[28] Matthaei Parisiensis Historia Anglorum, sive, ut vulgo dicitur, Historia Minor. 1067–1253 / Ed. Fr. Madden. T. III (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores. T. XLIV). London, 1869. P. 24–25.

[29] Chronica fratris Salimbene de Adam. P. 304–305, 321. Русский перевод см.: *Салимбене де Адам.* Хроника. С. 351–352.

ются письма Иннокентия IV к Иоанну III Ватацу и патриарху Мануилу, которые папа отправил в Никею вместе с посольством Иоанна Пармского.[30]

После успешно проведенных переговоров в мае 1250 г. Иоанн прибыл в Рим в сопровождении ответного посольства, везшего письма от Ватаца и Мануила.[31] Однако проследовать далее в Лион послы не смогли, так как были задержаны императором Фридрихом II, недовольным контактами Ватаца с папой. Никейское посольство достигло Лиона только в начале весны 1251 г.[32]

Ведение переговоров с папой для Ватаца отнюдь не подразумевало разрыва отношений с Фридрихом. Напротив того, никейский император продолжал поддерживать своего тестя в его противостоянии с Иннокентием IV. В 1248 г. Ватац послал Фридриху большую сумму денег, а весной 1250 г. предоставил значительные военные силы.[33]

Смерть Фридриха II 13 декабря 1250 г. привела к коренному изменению расстановки политических сил в Европе. Преемник Фридриха, германский и сицилийский король Конрад IV (1250–1254), был враждебно настроен по отношению к никейскому императору. Разрыв между ними произошел после того, как Конрад изгнал из Италии семейство Ланчиа, родственников по матери императрицы Анны, супруги Иоанна III Ватаца, бежавших в Никею.[34]

В подобных условиях латинский император Балдуин II при поддержке папы вновь стал собирать силы для борьбы с Ватацем, отправившись на Запад вербовать крестоносцев. Одновременно папа разослал своих проповедников с призывом к походу против Никеи. Все это, а также угроза нашествия монголов, с которыми Рим поддерживал постоянные контакты, побудило Ватаца согласиться на возобновление переговоров об объединении церквей.[35]

Во второй половине 1253 г. никейский император направил в Рим новое посольство в составе двух митрополитов Георгия Кизикского и Андроника Сардского, а также игумена монастыря Аксейя Арсения Авториана, будущего константинопольского патриарха, предоставив послам самые широкие полномочия при обсуждении условий унии. Об этом посольстве упоминает Феодор Скутариот в своих примечаниях к «Истории» Георгия Акрополита.[36]

Из письма патриарха Мануила к папе Иннокентию IV, а также письма папы Александра IV к епископу Константину Орвието можно судить об условиях унии, выдвинутых никейскими представителями. Таковыми были: возвращение Константинополя, восстановление вселенского патриархата, отъезд из Константинополя латинского духовенства. Взамен никейская сторона признавала главенство

---

[30] Regesta Pontificum Romanorum inde ab A. post Christum natum MCXCVIII ad A. MCCCIV / Ed. A. Potthast. T. II. Berolini, 1875. Nr. 13385, 13386.

[31] Chronica fratris Salimbene de Adam. P. 662.

[32] *Norden W.* Das Papsttum und Byzanz. S. 325.

[33] *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад... С. 114.

[34] *Diehl Sh.* Figures byzantines. T. II. Paris, 1908. P. 219–220.

[35] *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад... С. 114.

[36] *Георгий Акрополит.* История / Пер., вступ. ст., коммент. и прилож. П. И. Жаворонкова. М., 2005. С. 326. См. также: *Angold M.* A Byzantine government in exile... P. 82 sq.

папы в церковных делах, его право созывать вселенские соборы и председательствовать на них, принимать присягу от православного духовенства; император брал на себя обязательство выполнять все указы папы, если они не противоречили священным канонам.[37]

Никейское посольство было задержано Конрадом IV и только в начале лета 1254 г. достигло Рима.[38] Однако продолжение переговоров вскоре оказалось невозможным из-за смерти их главных участников: 3 ноября 1254 г. скончался император Иоанн III Ватац, а спустя месяц (7 декабря) — папа Иннокентий IV.

Новый никейский император Феодор II Ласкарь (1254–1258) был воспитан в духе идей Аристотеля и видел назначение правителя прежде всего в служении своему народу (греческой нации), ради которого он должен идти на любые жертвы.[39] Подобно Фридриху II, Феодор II ставил власть императора выше власти понтифика. Он предлагал новому папе Александру IV (1254–1261) возобновить переговоры об унии на основе принципов равенства церквей и главенства в них императора.[40]

* * *

Начало переговоров галицко-волынских князей с апостольским престолом о коронации Даниила и церковной унии совпадает с возобновлением переговоров об объединении Западной и Восточной церквей, проходивших по инициативе папы с властями Никеи и Болгарии, наиболее активная стадия которых приходится на конец 1240–начало 1250-х гг.[41]

Вопрос об унии с Римом обсуждался практически одновременно в Никее и Галицко-Волынской Руси на переговорах, которые вели два близких к Иннокентию IV минорита Лаврентий и Иоанн (Джованни дель Плано Карпини), впоследствии поочередно занимавших одну и ту же архиепископскую кафедру в Антивари.[42]

Оба переговорных процесса развиваются синхронно и достигают своей кульминации практически одновременно. Именно во второй половине 1253 г., когда шли переговоры об условиях коронации и церковной унии в Кракове, а затем в Холме, из Никеи в Рим, как мы видели, было отправлено посольство,

---

[37] *Hofmann G.* Patriarch von Nikaia Manuel II. an Papst Innozenz IV. // Orientalia Christiana Periodica. T. XIX. Roma, 1953. P. 67–70; *Schillmann F.* Zur byzantinischen Politik Alexandre IV. (1254–1261) // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. Bd. XXII. Freiburg, 1908. S. 115–119.

[38] *Norden W.* Das Papsttum und Byzanz. S. 367.

[39] *Angelov D.* Imperial ideology and political thought in Byzantium (1204–1330). Cambridge, 2007. P. 204 sq.

[40] *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад... С. 116.

[41] Более подробно об этих переговорах см.: *Laurent V.* Le pape Alexandre IV (1254–1261) et l'Empire de Nicée // Echos d'Orient. Institut français d'études byzantines. T. XXXIV. Bucarest, 1935. P. 30–32; *Haller J.* Das Papsttum... Bd. IV. S. 261–262; *Vries W., de.* Innozenz IV. (1243–1254) und der christliche Osten // Ostkirchliche Studien. Würzburg, 1963. Bd. 12.

[42] Подробнее см. в главе 44 настоящей работы.

уполномоченное для заключения унии на условиях, предварительно согласованных обеими сторонами.

По-видимому, задержка церемонии коронации Даниила и терпеливое ее ожидание папскими послами, доставившими корону, но в течение целого полугодия не имевшими возможности исполнить свою миссию, были связаны с ожиданием холмским двором известий из Никеи, подтверждающих окончательное согласование условий союза с Римом и отправку полномочных представителей для заключения договора с папой.

Думать так позволяет участие в коронации русского православного духовенства. По словам Галицко-Волынской летописи, Даниил принял корону «от отца своего папы Некентия (Иннокентия IV. — *А. М.*) и от всихъ епископовъ своихъ».[43] Русское духовенство с самого начала участвовало в переговорах с Римом. По свидетельству Плано Карпини, привезенные им предложения папы князья Даниил и Василько обсуждали со своими епископами.[44]

Необходимостью прямых контактов с никейскими властями в столь важный для мировой политики и судьбы Восточной церкви момент объясняется, на наш взгляд, поездка в Никею ближайшего сподвижника Даниила Романовича Кирилла, выдвинутого галицко-волынским князем в качестве кандидата на киевскую митрополичью кафедру. В 1246 г. на пути в Никею он достиг Венгрии, где исполнил еще одно поручение Даниила, став посредником на переговорах о заключении брака между его сыном Львом и дочерью короля Белы IV Констанцией. За содействие в заключении этого брака Бела обещал Кириллу проводить его «оу Грькы с великою честью».[45]

Кирилл, судя по всему, успешно исполнил свою миссию в Никее, подтвердив готовность князя Даниила Галицкого строго следовать целям проводимой никейским двором внешней политики. Наградой за это стало утверждение Кирилла новым киевским митрополитом, произведенное патриархом. Вернувшись на Русь уже в сане митрополита, Кирилл через некоторое время прибыл в Суздальскую землю.[46]

Наряду с дипломатическими усилиями папской курии, значительную роль в продвижении переговоров о церковно-политическом союзе Востока и Запада играла никейская дипломатия, важнейшим инструментом которой оставались династические связи василевсов с правителями европейских государств.

Свой вклад в налаживание контактов Иоанна III Ватаца с папой Иннокентием IV внесла жена венгерского короля Белы IV Мария Ласкарина, сестра первой супруги Ватаца Ирины. О посреднических усилиях венгерской королевы можно судить по сведениям, содержащимся в письме к ней

---

[43] ПСРЛ. Т. II. Стб. 827.

[44] *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов; *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. С. 81.

[45] ПСРЛ. Т. II. Стб. 809. О поставлении Кирилла на киевскую митрополию см.: *Жаворонков П. И.* Никейская империя и княжества Древней Руси // ВВ. Т. 43. М., 1982. С. 84–85.

[46] ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 472.

Иннокентия IV, датированном 30 января 1247 г. Папа благодарит Марию за ее «искреннее желание» способствовать воссоединению церквей. В письме сообщается о прибытии в Рим двух братьев-миноритов, посланных королевой, которые «с радостью и восторгом» рассказали о ее «настойчивых стараниях вернуть Ватаца и его народ в лоно матери церкви». В ответ понтифик предлагал незамедлительно отправить в Никею послов, избрав для этого «мужей предусмотрительных и мудрых», чтобы те смогли окончательно убедить Ватаца согласиться на заключение унии.[47]

Возможно, таким послом стал приближенный папы монах-минорит Лаврентий, прибывший в Никею в том же 1247 г. Посредническая миссия византийской царевны Марии, супруги венгерского короля, привела, таким образом, к возобновлению прямых контактов никейского императора с римским папой и началу переговоров об объединении церквей.

В свете приведенных данных возникает возможность дать объяснение неожиданному, на первый взгляд, появлению в летописном рассказе о коронации Даниила в качестве одного из главных действующих лиц его матери, византийской царевны Евфросинии-Анны, чьи доводы убедили князя принять корону от папы. Галицко-волынская княгиня, несомненно, должна была поддерживать отношения со своей родственницей в Венгрии (Мария Венгерская приходилась Евфросинии Галицкой двоюродной племянницей) и быть в курсе ее посреднических усилий в переговорах Никеи с Лионом и Римом.

Вмешательство княгини-матери в дела Даниила в столь ответственный момент едва ли могло быть обусловлено какими-то проримскими настроениями или желанием способствовать приобретению ее сыном королевского титула. Это вмешательство, на наш взгляд, определялось прежде всего политическими интересами Никеи, главной задачей которой оставалось возвращение Константинополя и восстановление Византийской империи в ее прежних границах на Балканах. Для достижения этой цели использовались все средства и могли быть оправданы любые жертвы. Евфросиния Галицкая, очевидно, не оставалась безучастной к чаяниям своих соотечественников и поэтому употребила все свое влияние, чтобы удержать Даниила в фарватере никейской политики.

* * *

Принятие королевской короны для Даниила Романовича было трудным решением. Оно означало, в том числе, подчинение Риму в вопросах внешней политики, во всяком случае, признание за папой роли верховного арбитра в спорах христианских правителей по поводу их владельческих прав.

Для Романовичей это неминуемо влекло за собой отказ от причитавшихся им по матери прав на «австрийское наследство» и прекращение дальнейшей борьбы

[47] VMH. T. I. Romae, 1859. Nr. 377. P. 203.

Ил. 200. Никейский император Феодор II Ласкарь. Миниатюра из Моденского списка «Хроники» Иоанна Зонары. XV в. Biblioteca Estense Universitaria (Модена, Италия)

за престол Бабенбергов, который, по замыслу папы, должен был достаться другим претендентам. Не случайно коронация Даниила совпадает по времени с отъездом из Австрии его сына Романа Даниловича и разрывом брака последнего с Гертрудой Бабенберг.[48]

Перемены в отношениях Никеи с Римом, вызванные приходом к власти нового императора Феодора II, отказавшегося от подчинения папе Восточной церкви, незамедлительно привели к прекращению отношений с Римом и со стороны галицко-волынских князей.

Возобновившиеся летом 1256 г. никейско-римские переговоры быстро зашли в тупик и уже к концу этого года фактически были свернуты из-за несовпадения позиций императора Феодора II и папы Александра IV в вопросе о принципах объединения церквей и взаимоотношений папы с императором. Условия, предлагаемые Римом, были отклонены Феодором, считавшим, что он способен вернуть Константинополь и без политических уступок папе.[49]

Изменению прежнего курса Никеи на сближение с Римом, несомненно, способствовало усиление ее позиций на Балканах. В разгар переговоров, в сентябре 1256 г., в Фессалониках состоялась пышная свадьба дочери Феодора II Марии с Никифором Дукой, сыном Михаила II Эпирского, о которой патриарх Арсений Авториан специально извещал папу.[50] Этот брак закладывал основы для военно-политического союза Никейской империи и Эпирского царства — двух сильнейших греческих государств, возникших после падения Константинополя в 1204 г., правители которых долгое время конкурировали между собой за лидерство в греческом мире.[51]

---

[48] Об этом см. главу 44 настоящей работы.

[49] *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад… С. 117. См. также: *Burkhard R.* Die Union zwischen der griechischen und der lateinischen Kirche auf dem II Konzil von Lyon (1274). Bonn, 1964. S. 45–46; *Vries W., de.* Innozenz IV. (1243–1254) und der christliche Osten.

[50] Les Régestes des Actes du Patriarcat de Constantinople / Ed. V. Laurent. T. I: Les actes des Patriarches. Fasc. 4: Les régestes de 1208 à 1309. Paris, 1971. Nr. 1332. См. также: *Георгий Акрополит.* История. С. 112.

[51] См.: *Nicol D. M.* The Despotate of Epiros (1204–1267). Oxford, 1957; *Λάππας Ν. Α0.* Πολιτική Ιστορία του κράτους της Ηπείρου κατά τον 13 αι. Θεσσαλονική, 2007.

Отказ от унии с Римом никейского императора в самое короткое время вызвал соответствующую реакцию со стороны галицко-волынских князей. Об этом можно заключить из письма к Даниилу Галицкому папы Александра IV, датированного 13 февраля 1257 г. Папа горько сетовал на то, что князь «духовные и мирские благодеяния церкви предал забвению и к милостям ее оказался совершенно неблагодарным». Понтифик призывал Даниила к «повиновению» и «должной заботе» о церкви и направлял к нему двух послов — епископов олмоуцкого и братиславского, которым поручал, наложив на князя церковное взыскание, вернуть его на «истинный путь».[52]

Миссия папы, очевидно, закончилась безрезультатно. Никаких свидетельств о дальнейших контактах Даниила с Римом нет. Точно так же нет свидетельств о каких-либо новых контактах с папой и со стороны Никеи вплоть до самого отвоевания греками Константинополя в 1261 г.[53]

Следование в фарватере внешней политики Никеи проявилось также во взаимоотношениях галицко-волынского князя с германским императором Фридрихом II, на помощь которого в борьбе за Константинополь долгое время делал ставку Иоанн III Ватац. Энергичное вмешательство Даниила Романовича в австрийские дела вслед за В. Т. Пашуто можно с полным основанием связывать с наметившимся во второй половине 1230-х гг. союзом Никеи с императором Фридрихом.[54]

Заключение никейско-германского союза post factum подтверждается многочисленными свидетельствами. С его осуждением в марте 1238 г. выступил папа Григорий IX (1227–1241), крайне обеспокоенный намерениями Фридриха вернуть Константинополь Ватацу.[55] Весной того же 1238 г. никейские войска уже сражались в Италии на стороне императора.[56] Фридрих II был посредником в отношениях Никеи с Латинской империей, а также покровителем греческой церкви на юге Италии.[57] В 1238 г. император запретил войскам крестоносцев во главе с Балдуином II, выступившим против Ватаца, следовать через свои владения, закрыв для них порты в Южной Италии.[58]

В рифмованной хронике Филиппа Мускэ, епископа Турне, сохранились сведения о том, что контакты германского императора с правителем Никеи начались еще в 1237 г., когда Ватац предложил Фридриху признать себя его

---

[52] HRM. T. I. Nr. 95. См. также: *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959. С. 170–171.

[53] *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад... С. 118.

[54] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 257.

[55] *Norden W.* Das Papsttum und Byzanz. S. 325.

[56] Annales Placentini Gibellini a. 1154–1284. P. 479.

[57] См.: *Borsari S.* Federigo II e l'Oriente bizantino // Rivista storica italiana. T. LXIII. Torino, 1951. P. 279 sq.; *Herde P.* Das Papsttum und die griechische Kirche in Süditalien vom 11. bis zum 13. Jahrhunder // Deutsches Archiv fur die Erforschung des Mittelalters. Bd. XXVI. Köln etc., 1970. S. 22; *Hofmann T.* Papsttum und griechische Kirche in Süditalien in nachnormannischer Zeit (13.–15. Jahrhundert): ein Beitrag zur Geschichte Süditaliens im Hoch- und Spätmittelalte. Bamberg, 1994. S. 98–99.

[58] Historia diplomatica Friderici Secundi... T. V. Paris, 1858. P. 181–183.

Ил. 201. Бела IV и Пржемысл II Оттокар. Миниатюра из иллюстрированной хроники середины XIV в. (Chronicon Pictum, или Chronica de Gestis Hungarorum), иногда называемой также Венской иллюстрированной хроникой или Хроникой Марка Кальти, по имени одного из составителей. Национальная библиотека им. Иштвана Сечени (Будапешт, Венгрия)

ленником, в обмен на обязательство освободить Константинополь и отправить латинского императора Балдуина II во Францию.[59]

Таким образом, заключение военно-стратегического союза Ватаца с Фридрихом совпадает с началом австрийской эпопеи Романовичей, в ходе которой галицко-волынские князья поддерживали регулярные контакты с германским императором. Первый из них произошел в начале того же 1237 г. По свидетельству императорского мандата от 15 января 1240 г., в период своего пребывания в Вене (январь — первая половина апреля 1237 г.) Фридрих II имел встречу с неким «королем Руси» и распорядился выдать ему через послов пятьсот марок серебра.[60] Последним мог быть только Даниил Романович, находившийся тогда в Австрии. Еще одна встреча Даниила с послами Фридриха состоялась в Пресс-бурге (Братислава) летом 1248 или 1249 гг.[61]

---

[59] Chronique rimée de Philippe Mouskes / Ed. baron F. de Reiffenberg. T. II. Bruxelles, 1838. Verl. 29855–29860.

[60] Regesta Imperii / Ed. J. Fr. Böhmer; Bearb. J. Ficker. T. V. Innsbruck, 1881. Abt. 1.1. S. 442.

[61] См. главу 43 настоящей работы.

Разрыв отношений с папой в 1257 г. означал для галицко-волынских князей отказ от ограничительных обязательств в области внешней политики, и прежде всего в отношении Австрии. При первом же удобном случае Даниил возобновил свои притязания на «австрийское наследство», и его союзником вновь стал венгерский король Бела IV, в свое время признанный папой в качестве правителя Штирии.[62]

В 1260 г. штирийское рыцарство выступило против венгерского правления и призвало на помощь чешского короля Пржемысла II Оттокара. Между двумя королями начался вооруженный конфликт. В решающей битве 12 июля 1260 г. у селения Крессенбрунн (на границе Австрии с Венгрией) Оттокар одержал полную победу над войсками Белы.[63]

Из послания чешского короля к папе Александру IV, дошедшего в составе так называемых Оттокаровых анналов (часть Пражских анналов XIII в.) и являющегося основным источником сведений об этой битве, узнаем, что на стороне венгров в сражении участвовали русские князья. Так, Оттокар сообщает, что он сражался

> против Стефана (сына Белы IV. — *А. М.*) и Даниэля, короля Руси, и его сыновей, и других русских и татар, которые пришли ему на помощь, и князя Болеслава Краковского, и молодого Лешка Ленчицкого, и бесчисленного множества бесчеловечных людей — команов, и венгров, и различных славян, сикулов и валахов, бесерменов и исмаилитов, а также схизматиков, а именно болгарских, русских и боснийских еретиков.[64]

Участие Даниила Романовича в новой австрийской кампании подтверждается сведениями Галицко-Волынской летописи и других источников о том, что вследствие нашествия на Юго-Западную Русь и Малую Польшу войск Бурундая (1259–1260) Даниил бежал в Венгрию и в 1260 г. действительно находился при дворе Белы IV вместе с краковским князем Болеславом Стыдливым, также бежавшим от татар.[65]

---

[62] CDERB. T. V. Fasc. 1 (1253–1264) / Ed. J. Šebánek a S. Dušková. Praha, 1974. Nr. 21. P. 59–60.

[63] Об этом событии сообщается почти во всех австрийских хроники XIII в., см., например: Continuatio Sancrucensis II. a. 1234–1266 / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. T. IX. Hannoverae, 1851. P. 644; Continuatio Lambacensis / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 560; Continuatio Praedicatorum Vindobonensium / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 728.

[64] Kosmova letopisu českého pokračovatelé (Letopisy Česke od roku 1196 do roku 1278) / Ed. J. Emler // Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dějin českých vydavane z nadani F. Palackego. T. II. Praha, 1874. P. 291; Kronika Jana z Marignoly / Ed. J. Emler // Ibid. T. III. Praha, 1882. P. 315–316.

[65] См.: *Щавелева Н. И.* К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1978; *Ковалев В.* Чешский король Пшемысл Оттокар II и русские князья: взаимные контакты на фоне международных отношений в Центральной Европе второй половины XIII века // Русин. Международный исторический журнал. Кишинев, 2005. № 2; *Войтович Л.* Остання еміграція короля Данила Романовича // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки: Історичні науки. Луцьк, 2009. № 13.

Таким образом, нет никаких оснований оценивать коронацию Даниила Галицкого как свидетельство прекращения политических и конфессиональных отношений с Византией (Никеей), «бегство» от Византии на Запад. Наоборот, можно с уверенностью полагать, что история коронации и унии с Римом галицко-волынского князя продемонстрировала неразрывную связь его внешней политики с политическим курсом Византии, не только не ослабевшую после событий 1204 г., но, судя по всему, даже укрепившуюся в период решающих усилий никейских правителей по отвоеванию Константинополя у латинян.

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что внешнеполитические и культурные связи Руси, Византии и Западной Европы в XII–XIII вв. в целом носили глубокий и интенсивный характер, имели значительный масштаб и последствия.

Эти связи прежде всего проявились во внутренней и внешней политике галицко-волынского князя Романа Мстиславича, предложившего другим князьям Руси проект «доброго порядка», имевший целью реформирование существующего политического строя. Нет оснований отрицать участие князя Романа в важнейших общеевропейских делах своего времени — борьбе за верховную власть в Священной империи и событиях, связанных с Четвертым Крестовым походом. Беспочвенны попытки некоторых новейших авторов поставить под сомнение контакты русского князя с римским папой Иннокентием III, правителями Германии и императорами Византии, а также брак с дочерью одного из последних.

Обстоятельства происхождения предложенного Романом «конституционного проекта» 1203 г., как и само его содержание, изложенное в сообщении В. Н. Татищева, вполне согласуются с имеющимися в распоряжении современной науки данными о политической деятельности галицко-волынского князя и важнейших исторических событиях его времени.

В частности, полностью соответствует древнерусской практике факт предварительного согласования инициативы Романа со Всеволодом Большое Гнездо и другими князьями, от которых зависело будущее решение. Именно так и должны были вести себя русские князья, когда кто-нибудь из них искал поддержки других в осуществлении масштабного политического мероприятия, имевшего общерусское значение.

Идеи проекта Романа не были какой-то неслыханной новостью для Древней Руси. Обострение борьбы за Киев конкурирующих княжеских группировок и усиление внешней угрозы со стороны половцев еще в XII в. вызвали к жизни систему «коллективного сюзеренитета» — совместного управления и защиты от внешних врагов «Русской земли» силами наиболее могущественных князей Руси. Следует также заметить, что в числе «великих» и «старейших» князей, вершителей судеб Руси, упоминающихся в источниках конца XII–начала XIII вв., можно видеть правителей тех же земель, которые составляют коллегию выборщиков киевского великого князя в проекте Романа.

Совпадают с данными современной науки указанные Романом границы территории «Русской земли»: четко определяя эти границы на западе, князь ограничивается лишь расплывчатым обозначением их направления на востоке, что

соответствовало представлениям летописцев XII–XIII вв. При этом сам Татищев как историк, изучавший территориальный состав и пределы древней «Русской земли» в узком значении, названной им также «Малой Русью», устанавливал другие координаты: на востоке «Русская земля», по его мнению, достигала верховьев Донца и Оки.

Во второй редакции «Истории Российской» появляются некоторые новые обстоятельства и изменения в тексте сообщения о проекте Романа. В частности, Татищев изменяет место пребывания великого князя Всеволода, к которому обращается Роман, — вместо Владимира называет Суздаль.

Эта замена объясняется тем, что сначала, работая над первой редакцией «Истории Российской», в сообщениях о Всеволоде Татищев отдавал предпочтение свидетельствам Никоновской летописи — одного из своих главных источников, где Всеволод последовательно именуется владимирским князем или великим князем Владимирским. Но в ходе своей работы над текстом второй редакции историк стал отклоняться от прежней атрибуции Всеволода как владимирского князя. Произошло это на фоне общего увеличения числа и пересмотра известий, включенных в состав новой, расширенной редакции «Истории».

Источниками, к которым заново обратился Татищев во время работы над текстом второй редакции своего произведения, могли быть прежде всего находившиеся в его руках манускрипты, которые соотносятся с существующими сегодня списками Ипатьевской летописи. Как известно, историк не был знаком с самой Ипатьевской летописью, но в распоряжении Татищева были близкие к ней Раскольничий и Голицынский манускрипты, происхождение, состав и последующая судьба которых до сих пор вызывают серьезные разногласия у исследователей. В противоположность Никоновскому своду, Ипатьевская летопись последовательно атрибутирует Всеволода как суздальского князя.

Атрибуция Всеволода как суздальского князя была также свойственна новгородскому летописанию. Включение в состав именно новгородской летописи (которой пользовался один из информаторов Татищева) текста документа, составленного от имени южнорусского князя, объясняется тем, что Роман Мстиславич в свое время был также новгородским князем. Тогда Роман прославился громкой победой над войсками могущественного Андрея Боголюбского (1170), который после захвата Киева пытался установить свою власть и над Новгородом. Связи Новгорода с Романом не прекратились и после его возвращения на Волынь: в XIII в. во Владимире-Волынском среди нескольких колоний иноземцев — немцев, генуэзцев, евреев — существовало особое поселение новгородцев.

Память о Романе на протяжении нескольких веков сохранялась в Новгороде в устной традиции, произведениях литературы и искусства. Это было связано с особым отношением новгородцев к победе над суздальцами в 1170 г., ставшей в период обострения противостояния с Москвой в XIV–XV вв. историческим символом могущества и независимости Новгорода. Память о Романе была также связана с особым почитанием чудотворной иконы Знамение Богоматери и знаменским культом вообще: победу над суздальцами новгородцы, по преданию,

одержали благодаря помощи этой иконы. В честь нее в средневековом Новгороде возводились храмы (церковь Знамения Богоматери, Знаменский собор), а явленное ею чудо стало поводом для создания ярких произведений литературы («Сказание о битве новгородцев с суздальцами») и живописи (икона «Чудо от иконы Знамение Богоматери»). Память о Романе поддерживалась также в связи с особым почитанием святителя Иоанна, первого новгородского архиепископа, вместе с князем руководившего обороной города в 1170 г.

Отсутствие упоминаний о проекте Романа в летописании Киевской, Владимиро-Суздальской и других древнерусских земель имеет вполне правдоподобное объяснение. Причиной замалчивания документа скорее всего стало негативное восприятие изложенных в нем инициатив при дворах русских князей — адресатов Романа. И если начальная часть Галицко-Волынской летописи, которая должна была повествовать о деяниях Романа в качестве галицко-волынского князя, не дошла до нашего времени, то едва ли не единственным местом на Руси, где могла сохраниться память о предложенном им проекте «доброго порядка» и некоторых других связанных с ним событиях, был Новгород.

На наш взгляд, вполне надежное объяснение, данное к тому же самим Татищевым, имеет замена имени информатора (Еропкина на Хрущева) в примечании и появление новых смысловых деталей в основном тексте проекта Романа во второй редакции «Истории Российской». По собственному признанию историка, оставшемуся вне поля зрения современных критиков, в процессе работы над второй редакцией «Истории» в его распоряжении оказались некоторые ранее утраченные и вновь найденные материалы, полученные в свое время от А. Ф. Хрущева. Это были выписки из принадлежавшей ему Смоленской летописи и других источников.

Замена Еропкина на Хрущева в примечании к проекту Романа находится в непосредственной связи с записью об обнаружении утраченных ранее выписок Хрущева (в примечании к сообщению о событиях 1237 г.), поскольку обе правки — одна в виде исправления, другая в виде приписки — внесены собственной рукой Татищева в один и тот же список «Истории». В том же Воронцовском списке примечаний рукой Татищева сделана приписка о совместном с Хрущевым переводе проекта Романа с «древнего наречия» на современный язык.

Весь текст сообщения о проекте Романа содержится на более новых (поздних) листах Академической рукописи (на с. 458–459 оригинальной нумерации), вставленных на последнем этапе подготовки рукописи вместо старых листов, изъятых при переписывании. По характеру письма (увеличение количества строк и уменьшение размеров букв и расстояния между ними) текст на этих листах резко выделяется даже среди других заново переписанных страниц, значительно (почти в полтора раза) превышая обычную норму вместимости страницы Академической рукописи.

Но даже если допустить, что для вставки нового текста переписчиком был использован весь ресурс заново переписанных листов, учитывая с. 457 и 460, мы все равно не сможем достичь объема текста всего сообщения о проекте Романа.

Вместить полностью текст сообщения в пределах отведенных для этого страниц технически невозможно, даже с использованием всех ухищрений переписчика.

Единственным, на наш взгляд, способом рационального объяснения включения в рукопись полного текста сообщения о проекте 1203 г. может быть предположение, что на том же месте в Академической рукописи ему предшествовал другой текст аналогичного содержания, но меньший по объему, который и подвергся замене при переписывании соответствующих страниц. Следовательно, текст сообщения о проекте лишь частично может считаться позднейшей вставкой, расширяющей предшествовавшее ей краткое сообщение. При таких обстоятельствах говорить о подложности проекта, составленного будто бы самим Татищевым в 1746 г. (то есть через несколько лет после казни его информатора, предоставившего выписку из новгородской летописи), нет оснований.

Не может быть случайностью, что в реформаторских планах Романа нашли отпечаток институт выборности верховного правителя и некоторые другие элементы политического строя Священной империи. Круг лиц, имевших право избирать короля в Германии, сначала был весьма широким, что должно было обеспечивать легитимность выборов и предотвращать возможность оспаривать их результаты. С XIII в., напротив, наметилась тенденция к сокращению числа выборщиков, пока со временем оно не достигло семи. Именно эту, широко известную в Европе политическую систему, несомненно, имел в виду Татищев, сравнивая с ней предложения Романа и считая, что сначала в его проекте значилось не шесть, а семь князей-выборщиков, но упоминание о седьмом по недосмотру было упущено.

Однако во времена Романа Мстиславича в самой Священной империи еще не существовало постоянной избирательной коллегии из семи курфюрстов. По данным созданной в 20-х гг. XIII в. немецкой редакции «Саксонского зерцала», где впервые шла речь о количестве и персональном составе лиц, имеющих преимущественное право избрания короля и императора, число выборщиков равнялось именно шести.

Кроме того, важно отметить, что именно во времена Романа в Священной империи происходят события, которые привели к окончательному утверждению принципа выборности верховной власти и начала формирования коллегии выборщиков. Это было связано с крахом планов императора Генриха VI по установлению наследственной монархии ввиду его преждевременной смерти в 1197 г. и избранием в 1198 г. сразу двух новых королей, которыми стали представители враждующих династий Вельфов и Штауфенов.

Сторонники Штауфенов численно значительно превосходили своих оппонентов. Последние, чтобы обосновать свои претензии на верховную власть в империи, в специальном обращении к римскому папе сформулировали требование, согласно которому действительные выборы немецкого короля и императора должны были исходить «от земли франков». Поэтому преимущество при голосовании перед другими избирателями должны получить светские и церковные князья Рейнской области, которые имели право избирать короля «испокон веков», то есть ранее других князей.

Таким образом, предложения галицко-волынского князя об установлении на Руси «доброго порядка» со ссылкой на «другие добропорядочные государства» могли появиться именно в период успешной реализации политической программы Вельфов, поддержанной Римом, начавшейся на рубеже XII–XIII в. А упомянутыми Романом «добропорядочными государствами», чей опыт следовало применить на Руси, могли быть только немецкие земли, входившие в состав Священной империи.

Роман Мстиславич имел непосредственные контакты с немецкими князьями, участвовавшими в борьбе за верховную власть в империи, в частности с королем Филиппом Швабским (приходившимся свояком Роману) и ландграфом Тюрингии Германом. Галицко-волынский князь был связан также с монастырем Св. Петра в Эрфурте, игравшем заметную роль в соперничестве Штауфенов с Вельфами, и пожертвовал монастырю значительную сумму, вероятно, во время личного посещения.

На наш взгляд, не существует сколько-нибудь убедительных оснований для опровержения сообщения Хроники Альбрика из монастыря Трех Источников в Шампани о том, что поход Романа 1205 г. был направлен в Саксонию. О секретных планах русского князя относительно военного взаимодействия со Штауфенами едва ли могли знать при дворах польских или русских князей, потому что иначе эти тайные намерения могли быть раскрыты и запланированная военная акция уже не имела бы ожидаемого эффекта. Следовательно, нет ничего странного в том, что польские рочники и русские летописи молчат о подлинных намерениях Романа, представляя кампанию 1205 г. как обычный поход на Польшу.

Зато союзники Штауфенов в Западной Европе, среди которых был и французский король Филипп II Август, а также представители шампанской знати, принимавшие участие в Четвертом Крестовом походе, могли знать о неудачной попытке короля Филиппа Швабского воспользоваться военной поддержкой своего русского родственника во время решающего столкновения с Вельфами. В шампанском монастыре с берегов Марны могли знать о походе Романа в Саксонию еще и благодаря широкой осведомленности в делах европейской политики цистерцианской братии и тесным отношениям ордена цистерцианцев (которому принадлежал монастырь) с Саксонией, где сложился один из главных оплотов его влияния в Германии.

Исследователи иногда колеблются по поводу определения того, на чьей стороне должны были действовать отряды Романа Мстиславича, направлявшиеся летом 1205 г. в Саксонию, — Вельфов или Штауфенов.[1] Эти колебания лишь усиливают ощущение неуверенности по поводу самой возможности этого похода.

На наш взгляд, давние контакты семьи Романа Мстиславича со Штауфенами, его личные отношения с ландграфом Тюрингии Германом, который во время кампании 1205 г. уже твердо встал на сторону Филиппа Швабского, возможное посещение русским князем Эрфурта и его щедрый дар монастырю

[1] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 221; *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX–середина XIII вв.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. Т. II, кн. 1. М., 2002. С. 269.

Св. Петра — цитадели влияния Штауфенов в Германии — не оставляют сомнений в том, что Роман должен был действовать на стороне Филиппа и именно ему намеревался оказать поддержку, пробиваясь в Саксонию.

Совершенно не выдерживает критики версия войны Романа Мстиславича с польскими князьями Лешком и Конрадом, предлагаемая Яном Длугошем, который перепутал обстоятельства похода 1205 г. с событиями другого времени. Несмотря на это, нельзя полностью отрицать, что на решение галицко-волынского князя о военном выступлении в Польшу и захвате двух польских городов (о чем свидетельствуют древнерусские летописи) влияли какие-то особые мотивы, непосредственно проистекавшие из русско-польских отношений того времени.

Не может быть опровергнуто сообщение о посольстве римского папы в Галич с предложением королевской короны Роману Мстиславичу в обмен на унию с Римом и решительном отказе князя, помещенное в «Истории Российской» под 1204 г. Основания для такого опровержения, предлагаемые некоторыми новейшими критиками Татищева, совершенно несостоятельны.

Не соответствует действительности, в частности, выдвинутое А. П. Толочко предположение о будто бы практикуемой Татищевым имитации летописных известий с помощью «необычных слов». Во всяком случае, нельзя признать необычным или редким выражение *проторь*, неоднократно употребляемое в первой редакции «Истории Российской», встречающееся также во множестве древнерусских памятников и в том числе в летописях. Форма единственного числа женского рода *проторь*, используемая Татищевым, также не может быть признана исключением из правил грамматики древнерусского языка, допущенным ввиду слабого владения им фальсификатором XVIII в. Напротив, применение такой формы, в большей степени характерной для новгородских средневековых памятников, свидетельствует скорее в пользу достоверности татищевского известия.

Главным критерием верификации известия о папском посольстве в Галич по-прежнему остается его соответствие имеющимся данным о восточной политике римской курии в период понтификата Иннокентия III. Не подлежит сомнению настойчивое стремление папы подчинить юрисдикции Рима православную церковь на территории русских земель после завоевания Константинополя крестоносцами. При этом Галичина занимала в планах Рима особое место: в первые годы XIII в. с санкции папы было предпринято несколько попыток обращения ее населения в католичество, в том числе с помощью военной силы.

Подчинение Риму христианских церквей и светских правителей путем предоставления им королевского титула вообще стало главным приоритетом восточной политики Иннокентия III, достигшего в этом направлении немалых результатов. В годы его понтификата власть Рима в той или иной мере признали правители Болгарии, Сербии и даже Армении. Значительно активизировалась миссионерская деятельность католической церкви среди нехристианских народов Восточной Европы.

Косвенным подтверждением сведений о решительном отказе Романа Мстиславича от унии и разрыве отношений с Римом могут быть свидетельства

европейских хроник (Хроника Альбрика, «История» Яна Длугоша) о намерении князя разрушить католические храмы и жестоком обращении с духовенством во время похода русских войск через польские земли в Саксонию летом 1205 г. Причиной разрыва с Римом галицко-волынского князя и его вражды к «латинству», по-видимому, стал недавний захват и разграбление Константинополя крестоносцами, что вызвало всеобщее негодование на Руси.

Значительное место во внешней политике Романа Мстиславича занимали отношения с Византией. По известиям «Истории» Яна Длугоша и Густынской летописи, свергнутый византийский император Алексей III после своего бегства из Константинополя в 1203 г. некоторое время находился в Галичине, где встречался с князем Романом. Исследователи подвергают сомнению эти сообщения и отклоняют возможность пребывания на Руси императора Алексея. Однако этот факт подтверждается также свидетельством итальянского хрониста второй половины XIII–начала XIV вв. Бартоломео дель Фиадони (Птолемей из Лукки).

Фиадони, родившийся ок. 1227 г., мог напрямую общаться с живыми участниками описываемых событий. Будучи библиотекарем папы Иоанна XXII, он проявлял значительную осведомленность в вопросах внешней политики курии и повышенное внимание к деталям Четвертого Крестового похода, в частности к обстоятельствам завоевания Константинополя. Кроме того, Фиадони много лет был епископом Торчелло (город и остров в Венецианской лагуне), жители которого вместе с венецианцами принимали активное участие в Четвертом Крестовом походе. Понятно, что как епископ Торчелло Фиадони мог владеть дополнительной информацией о подробностях завоевания Константинополя, полученной от своих прихожан.

Нет никаких оснований считать, что Бартоломео дель Фиадони, а вслед за ним и другие средневековые авторы могли спутать Галицко-Волынскую Русь с Галатией — исторической областью, расположенной в Малой Азии, а также ошибочно принять Херсонес Фракийский за Херсонес Таврический.

Известная ныне история пребывания Алексея III в изгнании, его посещение Болгарии и переговоры с царем Калояном также свидетельствуют о возможности контактов экс-императора с галицко-волынским князем. В пользу этого говорят и сведения о военно-политическом союзе Романа с Алексеем, а также традиционно активная роль Галича в поддержке претендентов на византийский и болгарский престолы.

Именно Роман Мстиславич стал главным военным союзником Византийской империи в начале XIII в. В этот период держава ромеев переживала тяжелый политический кризис, который вызвали восстания сербов и болгар, а также сокрушительные набеги половцев. По свидетельству Никиты Хониата, только благодаря военной помощи галицкого князя Романа удалось прекратить агрессию степняков. Обстоятельства и время похода Романа на половцев в рассказе Хониата совпадают с сообщениями русских летописей о походах в Степь галицко-волынского князя.

Кроме Никиты Хониата, о выдающейся роли Романа Мстиславича в борьбе с врагами империи сообщают и другие византийские источники, практически не известные

современным историкам-русистам. Это — рассказ Хроники Феодора Скутариота и поэтическое свидетельство Ефрема Энийского. Оба автора в целом следуют сообщениям Никиты Хониата, но дополняют их некоторыми новыми подробностями.

Все византийские источники именуют Романа «игемоном Галиции». Термин *игемон*, в отличие от других византийских определений русских князей, имел в виду военного союзника и родственника (или свояка) императора. Союз Романа с Алексеем III проявился также в стабилизации отношений с русским населением низовьев Днестра и Дуная («ветвью тавроскифов» из «Вордоны», как его именуют византийские источники).

Древнерусские летописи сохранили свидетельства о нескольких походах русских князей на половцев. Особые трудности вызывает установление хронологии второго похода, что обусловлено состоянием летописных известий. Начальная композиция летописной статьи, содержащей сведения о втором походе в Степь, подверглась значительной дальнейшей перегруппировке. Хронология и последовательность изложенных в ней событий устанавливается благодаря упоминанию о Леонидах 18 октября 1202 г., предшествовавших походу.

Южнорусские известия о втором походе князей на половцев и связанных с ним событиях 1203 г. нашли отражение в Новгородской Первой летописи. Они подтверждаются также сообщениями «Истории» Яна Длугоша, которые указывают на еще один новгородский след Романова проекта и возможность передачи сведений о нем через смоленского князя Ростислава Мстиславича.

Принижение роли галицко-волынского князя Романа Мстиславича в политической жизни Южной Руси и организации совместных походов русских князей против половцев, свойственное летописям Северо-Восточной Руси, объясняется прежде всего политическими взглядами летописца Симона, который в начале XIII в. прибыл из Киева во Владимир-Суздальский, где впоследствии стал епископом. Тесно связанный с семьей киевского князя Рюрика Ростиславича, главного противника Романа в борьбе за Киев, прибыв во Владимир, Симон стал служить интересам великого князя Всеволода Большое Гнездо, который в лице Романа также видел опасного конкурента в борьбе за влияние в южнорусских землях.

Князь Всеволод не разделял и внешнеполитической ориентации Романа на поддержку властей Византии в борьбе с восставшими болгарами и принявшими их сторону придунайскими половцами. Владимиро-суздальский князь имел непосредственные контакты с вождями болгарского восстания и намеренно уклонялся от военной поддержки Византии.

Залогом военной помощи, которую Роман предоставлял Алексею III, был брак галицко-волынского князя с некоей византийской царевной. Вопрос о нем имеет значительную литературу, в которой высказывается немало различных версий. Большинство авторов склоняется к выводу о высоком византийском происхождении «великой княгини Романовой», однако идентификация ее личности вызывает значительные трудности. Нет достаточных оснований считать вторую жену Романа представительницей рода Каматиров. Ошибочным является также предположение, что она была дочерью императора Исаака II от брака с Маргаритой Венгерской.

Исходным пунктом для нашего поиска стали сведения Никиты Хониата о старшей дочери Исаака II, родившейся еще до его воцарения, которая по приказу отца в детстве была отдана в монастырь. В практике Византийской империи монашеский постриг лиц царского происхождения и представителей высшей аристократии не обязательно должен был означать пожизненное пребывание в монашестве. Наоборот, мы имеем немало примеров того, как вследствие изменения политических обстоятельств монашеское пострижение могло быть полностью отменено. Особенно часто подобные случаи имели место в отношении знатных византийских женщин, включая даже и самих императриц.

После дворцового переворота 1195 г., когда вместо свергнутого Исаака II к власти в империи пришел его брат Алексей III, сложились благоприятные условия для отмены монашества старшей дочери экс-императора, которую новый правитель решил выдать замуж за галицко-волынского князя Романа, в чьей военной помощи крайне нуждались обессиленные половецкими набегами балканские провинции империи.

Вблизи польского города Хелма (древнерусский Холм) доныне сохранилась древняя каменная башня в пять ярусов (этажей) с остатками часовни на верхнем ярусе. Эта башня возвышается на месте, где когда-то существовал древнерусский город Столпье. По данным новейших исследований, Столпьевская башня воспроизводит архитектурные сооружения, которые в поздневизантийское время были распространены на территории Северной Греции и представляли собой культовые постройки, принадлежавшие местным монастырям и представителям светской знати. По данным письменных источников, Столпьевская башня скорее всего была возведена примерно в 1220–1240-х гг. и предназначалась для пребывания «великой княгини Романовой», вновь принявшей монашество.

У императора Исаака II была еще одна дочь, по имени Ирина, которая впоследствии вышла замуж за немецкого короля Филиппа Швабского. В синодике Шпейерского собора, где захоронена королевская чета Филиппа и Ирины, среди греческих родственников последней значится ее сестра по имени Евфросиния. Этой сестрой немецкой королевы могла быть только старшая дочь Исаака, еще в детстве отданная отцом в монастырь. Однако вопреки ожиданиям Евфросиния упоминается в церковном синодике без указания ее монашеского чина, то есть как светское лицо. Даты памяти греческих родственников германской королевы даны в синодике условно, по случаю больших церковных праздников. Это показывает, что при составлении списка точных сведений о смерти названных лиц у шпейерских каноников не было.

Вместе с тем, точные данные о гибели германского короля Филиппа Швабского летом 1208 г., вскоре после которой умерла и его жена Ирина, были хорошо известны в Галиче. Галицко-Волынская летопись, единственная среди всех древнерусских источников, приводит подробный рассказ об обстоятельствах убийства Филиппа и называет лиц, причастных к этому преступлению. Такие подробности о столь далеких от Руси событиях могли интересовать в Галиче разве что родственников погибших. И таковыми были княгиня Евфросиния и ее дети.

Имя *Евфросиния* повторяется в нескольких поколениях потомков Романа Мстиславича и его второй жены. Это имя, еще в XI–XII вв. вошедшее в именослов русских князей, безусловно, связано с культом св. Евфросинии Александрийской. Культ названной святой почитался и в Византии, а имя *Евфросиния* вошло в именослов византийских императриц.

Деятельность галицкой княгини Евфросинии нашла отражение в памятниках древнерусской сфрагистики. Из древнего Новгорода происходят несколько печатей с изображением св. Евфросинии, на которых с обратной стороны изображена также сцена Преображения Господня на горе Фавор. Нет достаточных оснований идентифицировать обладательницу этих печатей как Евфросинию Полоцкую, игуменью Спасского монастыря. Древнерусская сфрагистика не знает случаев, когда личными актовыми печатями пользовались бы монахини. Нет никаких фактов, подтверждающих личные отношения Евфросинии Полоцкой с кем-то из новгородских князей.

Главное же то, что полоцкую игуменью не удается связать с каким-либо особым почитанием культа Преображения. Вопреки распространенному в литературе мнению, она не имела отношения к учреждению в Полоцке Преображенской церкви или монастыря. Основанные же при ее жизни Спасский монастырь и храм в нем были посвящены древнему празднику Всемилостивейшего Спаса, иконография которого никак не связывается с тематикой Преображения.

Зато тесные отношения с Новгородом поддерживала галицкая княгиня Евфросиния. Она, несомненно, вела переписку с новгородским князем Мстиславом Удалым, на дочери которого Анне женился старший сын вдовствующей галицкой княгини Даниил. Сам Мстислав под влиянием сведений, поступавших к нему из Юго-Западной Руси, отрекся от новгородского стола и решительно вмешался в борьбу за Галич с венгерским королевичем Коломаном, став вскоре галицким князем.

Более того, есть веские основания связывать именно Евфросинию Галицкую с фактами распространения в Галицко-Волынской Руси культа Преображения. К XIII в. здесь восходят многочисленные Спасо-Преображенские монастыри и храмы, сведения о которых сохранились в различных источниках. С конца XIII–XV вв. до нашего времени дошли многочисленные иконы Преображения, происходящие из западно-украинских земель и бывшие некогда престольными образами храмов.

Анализ иконографии сцены Преображения новгородских печатей и, в частности, изображения фигур апостолов дает основания полагать, что по своему облику эта композиция отвечает эстетической и иконографической трактовке Фаворского чуда, которая сложилась в Константинополе при дворе Ангелов и нашла отражение в памятниках византийского изобразительного искусства и литературы конца XII–начала XIII вв.

Еще одним именем, под которым галицкая княгиня Евфросиния более известна в исторической литературе, было имя Анна, видимо, ставшее для нее монашеским именем. О связи «великой княгини Романовой» с культом св. праведной Анны, матери Богородицы, свидетельствует возведение над ее могилой часовни в честь Свв. Богоотцов Иоакима и Анны, о чем сообщает Галицко-Волынская летопись.

Сохранилась также уникальная галицкая икона «Собор Иоакима и Анны», созданная на рубеже XIV–XV вв. и повторяющая более древний престольный образ.

Имя *Анна*, а также сцена Преображения, которую использовала галицко-волынская княгиня на своих личных печатях (подобная сцена является совершенно уникальной для древнерусской сфрагистики и крайне редко встречается на византийских буллах), могут указывать на какую-то личную приверженность старшей дочери Исаака II памяти монахини-императрицы Анны Далассины, которую при византийском дворе почитали как прародительницу всех Комнинов и Ангелов.

Именно Анна Далассина и некоторые из ее потомков использовали на своих печатях сцену Преображения. Если не считать печатей фаворских епископов, это единственные известные ныне в византийской сфрагистике подобные случаи. Кроме христианской символики, Анну Далассину и Ефросинию Галицкую сближают главные факты их жизнеописаний, представленные соответственно в «Алексиаде» Анны Комнины и Галицко-Волынской летописи. Обе правительницы были одновременно монахинями, приняв постриг после смерти своих мужей. Несмотря на это, они сохраняли за собой реальную политическую власть, действуя от имени своих сыновей, со стороны которых пользовались большим уважением и доверием.

Ныне известно несколько древнерусских печатей с изображением крайне редкой в сфрагистике сцены Успения Богородицы. Как и сцена Преображения, она принадлежит к типу многофигурных изображений, которые по техническим причинам очень трудно воспроизводить на миниатюрных матрицах печатей. Принадлежность этих древнерусских булл пока остается неопределенной.

Изображения Успения известны также на произведениях древнерусской мелкой пластики и бронзового литья, происходящих из Галицкой и Владимиро-Суздальской земель. Изображенную на них композицию Успения редкого иконографического типа с разворотом вправо всех фигур можно видеть на найденной недавно в районе древнерусского Белоозера печати, на обратной стороне которой выбита женская фигура в рост с младенцем по иконографическому типу Богородицы Одигитрии «обратной». Надпись, сохранившаяся на белоозерской печати, указывает, что здесь изображена не Богородица, а ее мать св. Анна.

Изображения Успения вместе с Преображением использовала на своих печатях упомянутая византийская монахиня-императрица Анна Далассина, и это был единственный подобный случай в истории византийской сфрагистики. Видимо, следуя ему, галицко-волынская княгиня-монахиня Ефросиния-Анна также наряду с Преображением использовала на своих личных печатях сцену Успения.

Изображения этой сцены, найденные на артефактах древнерусского времени, происходящих из Суздаля и Белоозера, могут свидетельствовать о принадлежности к личной символике Ефросинии-Анны, если учитывать, что в указанных городах жили и княжили прямые потомки «великой княгини Романовой» еще во время ее собственной жизни.

Со второй женой Романа Мстиславича связывается появление в Галицко-Волынской Руси нескольких известных христианских реликвий, которые, наряду с литургическим, имели также большое политическое значение как инсигнии

высшей власти. Это прежде всего драгоценный крест-реликварий с частицей Древа Истинного Креста Господня, который сейчас хранится в соборе Парижской Богоматери. Упомянутого в греческой надписи на реликварии «венценосца Мануила Комнина» следует отождествлять с византийским императором Мануилом I.

Реликвия такого уровня могла попасть на Русь только в качестве приданого, которое Роман Мстиславич получил за византийской царевной Евфросинией, ставшей его новой женой. Последняя еще в детстве была отдана в монашество для пожизненного поминовения императора Мануила. В середине XIV в. крест оказался в казне польских королей, а во второй половине XVII в. был тайком вывезен во Францию.

С Евфросинией Галицкой следует связывать также создание Галицко-Волынского Евангелия апракос начала XIII в., хранящегося ныне в Государственной Третьяковской галерее в Москве. Высокохудожественные иллюстрации и орнаменты, украшающие эту рукопись, считаются сейчас одними из самых значительных памятников древнерусской книжной миниатюры.

Общестилистический анализ художественной отделки рукописи обнаруживает ее сходство с произведениями византийской живописи позднекомниновской эпохи, а также образцами книжной миниатюры позднероманского стиля, происходящими из земель Южной Германии и, в частности, Швабии. Месяцеслов Галицко-Волынского Евангелия содержит даты церковных праздников и памяти святых, которые лично почитались Евфросинией Галицкой.

Влиянием великой княгини Евфросинии следует объяснять появление у галицко-волынских князей необычных и вовсе уникальных среди Рюриковичей княжеских крестильных имен. Это прежде всего имя князя Даниила, которое впоследствии повторяется в именослове московских князей. Возникновение такого имени в княжеской среде обусловлено распространением культа св. Даниила Столпника и подъемом интереса к внешним атрибутам столпничества, что сказалось в сфрагистике, а также многочисленных памятниках архитектуры Галицко-Волынской Руси XIII–первой половины XIV вв. Благодаря семейным связям галицко-волынских князей с владимиро-суздальскими, этот культ распространился в Северо-Восточной Руси и впоследствии в Москве.

Именно происхождением Евфросинии Галицкой, являвшейся дочерью василевса Исаака II, объясняется несколько неожиданный на Руси подъем интереса к столпничеству в княжеской среде. По свидетельству Никиты Хониата, император Исаак проявлял особое покровительство и горячую симпатию в отношении столпников и отшельников, поражая тем своих современников, ведь со времен иконоборчества столпники утратили прежнее влияние на императоров и это движение постепенно клонилось к упадку.

Византийская агиографическая традиция о свв. Дании Столпнике и Льве Великом Царе объясняет связь имен Даниила и Льва среди потомков Романа Мстиславича и Ефросинии. Даниил Столпник был духовным отцом и главным советчиком императора Льва I. Видимо, это обстоятельство и отразилось в паре имен галицко-волынских князей: отца и сына — Даниила Романовича и Льва Даниловича.

С культом Истинного Креста Господня связано возникновение имени князя Ираклия Даниловича. Хотя византийский император Ираклий I, вернувший главную святыню всех христиан, Голгофский Крест, из персидского плена, так и не был канонизирован церковью, память о нем широко почиталась как на христианском Востоке, так и на Западе. Особый подъем интереса к Ираклию отмечается в странах Европы во время крестовых походов, когда его имя стало символом освобождения и обороны Святой Земли, что нашло отражение в многочисленных произведениях средневековой литературы и искусства, а также в именослове латинских патриархов Иерусалима.

Возможно, в имени Ираклия Даниловича сказалось влияние личных отношений его отца с венгерским королем Андреем II, который с малых лет опекал Даниила Романовича и одно время даже считал его своим наследником. Венгерский король, как известно, был одним из вождей Пятого Крестового похода, лично принимал участие в боевых действиях в Палестине, претендовал на престол Латинской империи и всю жизнь оставался искренним рыцарем Христа, как и прославленный византийский император Ираклий.

Наряду с не типичными для Рюриковичей «византийскими» именами галицко-волынских князей культурно-политическое наследие Романа Мстиславича проявляется также в усвоении некоторых атрибутов и символов императорской власти, что в целом не было свойственно правителям домонгольской Руси.

Это прежде всего использование образа двуглавого византийского орла, известного по описаниям памятников монументальной скульптуры и сведениям о территориальных символах Галицко-Волынской Руси. Принадлежность двуглавого орла к местной геральдике Галиции и Волыни в XV–XVI вв. подтверждается многочисленными сообщениями немецких и польских письменных источников, а также данными сфрагистики.

Начиная с XII в. изображения двуглавого орла становятся неотъемлемыми атрибутами власти и занимают важное место в одежде и убранстве сановников высших рангов Византийской империи. Своими цветами и силуэтами орлы в изображениях и описаниях гербов Червонной Руси и Перемышльской земли XV–XVI вв. весьма близки или почти повторяют подобные византийские изображения палеологовского времени.

В XIII–XIV вв. византийские символы высшей власти заимствовались правителями балканских государств. Этому способствовала практика пожалования придворных титулов императорами своим новым родственникам из соседних стран, вступавшим в брак с византийскими царевнами. Новые имперские титулы и соответствующие инсигнии балканских правителей нашли отражение в многочисленных памятниках изобразительного искусства. Браки с византийскими принцессами сказывались также на положении в имперской табели о рангах и придворных титулах русских князей.

В описании внешнего облика галицко-волынских князей, в частности Даниила Галицкого, приведенном в летописи, привлекают внимание характерные атрибуты царского достоинства, которых не имели другие русские князья. Речь

идет о небывалом случае ношения «греческого оловира», из которого было сшито парадное платье князя Даниила. Этим специальным термином в Византии обозначался «истинный», или «царский», пурпур. Носить одежду из тканей, окрашенных в оловир, по законам империи имели право только императоры и их ближайшие родственники. Ткани из оловира, которые считались главным атрибутом царской крови, нельзя было свободно продавать и вывозить в другие страны. Парадная одежда из греческого оловира могла появиться у Даниила только благодаря его матери, византийской царевне Евфросинии.

Внешние атрибуты царского достоинства соответствуют царскому титулу галицко-волынских князей. Применение титулов *царь* и *самодержец*, а также производных от них эпитетов к князьям Галицко-Волынской Руси на протяжении всего XIII в. засвидетельствовано многочисленными письменными источниками. Напротив того, интерес к царскому титулу со стороны правителей других русских земель уходит в прошлое; в русских источниках XIII–первой половины XIV вв. царский титул применяется преимущественно к великим монгольским ханам и ханам Золотой Орды.

Черты византийского императора отчетливо проступают в политической деятельности Романа Мстиславича и его потомков. Это прежде всего сказывается в попытках расширить собственные властные полномочия согласно представлениям о власти василевса, в претензиях на инвеституру епископов, в выборе средств ведения политической борьбы. Византийская практика и правовые нормы оказали влияние на семейную жизнь князя Романа, что проявилось, в частности, в выборе оснований для расторжения брака с Предславой Рюриковной.

Под влиянием византийской доктрины божественного происхождения царской власти придворный летописец трактует выступления против Даниила неверных ему бояр и простых галичан как духовное преступление, последовательно именуя противников князя «безбожными». Сам же Даниил, наоборот, старательно изображается правителем, наделенным истинными царскими добродетелями: христианским смирением и великодушным умением прощать своих злейших врагов.

Начиная с Романа Мстиславича, галицко-волынские князья постоянно заботились о сакрализации собственной власти путем сосредоточения в своих руках высокочтимых христианских реликвий. Подобную политику на протяжении многих веков проводили византийские императоры, собравшие в Константинополе почти все известные реликвии христианского Востока. После разграбления византийской столицы крестоносцами в 1204 г. у многих европейских монархов возникла идея «переноса империи» (translatio imperii) посредством приобретения и перенесения в свои столицы константинопольских реликвий. Многие столетия эту практику продолжали впоследствии московские великие князья и цари.

Захват Константинополя крестоносцами нашел отражение в произведениях древнерусской литературы и искусства, в частности в «Повести о взятии Царьграда фрягами». Наиболее вероятным автором этого произведения, древнейшая редакция которого дошла до нас в составе Новгородской Первой летописи старшего извода, следует считать новгородского боярина Добрыню Ядрейковича (впоследствии

архиепископ Антоний). Тесно связанный с галицко-волынским князем Романом Мстиславичем, Добрыня по его поручению несколько лет провел в Константинополе и был свидетелем разгрома византийской столицы латинянами в апреле 1204 г.

Близкими отношениями с галицко-волынским князем объясняется внимание Добрыни к его свояку — германскому королю Филиппу Швабскому — и к роли последнего в организации Четвертого Крестового похода. Выражаемая автором «Повести о взятии Царьграда флягами» «ибеллинская» точка зрения, состоящая в стремлении снять с германского короля ответственность за разорение Константинополя, а также знакомство с деталями побега царевича Алексея (будущего императора Алексея IV) из византийской столицы к королю Филиппу, употребление характерной немецкой лексики (топонимов и антропонимов) указывает на использование русским книжником сведений, полученных от хорошо информированного немецкого источника. Информатором Добрыни мог быть один из сторонников короля Филиппа, зальцбургский архиепископ Конрад фон Крозиг, участвовавший в осаде Константинополя в 1203–1204 гг.

Византийское наследие Романа Мстиславича и «великой княгини» Евфросинии-Анны проявилось во внешней политике их сыновей и внуков. Речь идет прежде всего о борьбе Даниила Галицкого за Австрию и попытке его сына Романа Даниловича овладеть престолом австрийских герцогов в 1252–1253 гг. В число главных претендентов на «австрийское наследство» галицко-волынских князей выводило их родство с династией Бабенбергов по женской линии: Евфросиния Галицкая приходилась двоюродной сестрой австрийской герцогине Феодоре, а бездетный герцог Фридрих II Воинственный — троюродным братом Даниилу.

Австрийский узел внешней политики галицко-волынских князей завязался, по-видимому, еще во второй половине 1230-х гг., когда герцог Фридрих Воинственный фактически был отстранен от власти германским императором Фридрихом II. Первоначально намереваясь выступить на стороне своего австрийского родственника, Даниил Галицкий после встречи с императором Фридрихом II весной 1237 г. в Вене перешел на сторону последнего. За это галицко-волынский князь получил от императора денежную награду в размере пятисот марок серебром, а также титул «короля Руси» (rex Rusciae).

Союз с венгерским королем Белой IV в 1246 г. привел Даниила Галицкого в стан врагов Фридриха Бабенберга. Есть все основания полагать, что Даниил мог принимать участие на стороне венгерского короля в битве на реке Лейте, закончившейся гибелью герцога Фридриха. Более того, галицко-волынский князь мог быть лично причастен к смерти герцога, павшего в поединке с неким «королем Руси». По одной из версий, к гибели Фридриха Воинственного был причастен также граф Генрих фон Хассбах, впоследствии помогавший сыну Даниила Роману удержать за собой австрийский престол. Разрыву Романовичей с Фридрихом Бабенбергом, очевидно, способствовал острый конфликт последнего с его собственной матерью Феодорой Ангелиной, искавшей защиты у своих родственников за границей.

Борьба за «австрийское наследство» непосредственно связана с историей коронации Даниила Галицкого. Получению короны от послов папы Иннокентия IV

предшествовал поход русско-польских войск в Моравию летом 1253 г., подробно описанный в Галицко-Волынской летописи. Попытка Даниила и его союзников оказать военную поддержку своему сыну Роману, осажденному в замке Гимберг под Веной войсками Пржемысла Оттокара (также претендовавшего на австрийский престол), потерпела неудачу. Причиной тому стала позиция Иннокентия IV, не желавшего появления на престоле Бабенбергов русского князя и вопреки своим первоначальным обещаниям отдавшего предпочтение другим претендентам.

Позиция папы в австрийском вопросе обусловила нежелание Даниила принимать присланную ему королевскую корону и демонстративный отказ от встречи с папским легатом в Кракове. Лишь спустя полгода, после долгих колебаний, Даниил согласился короноваться, поддавшись уговорам своих польских союзников (декабрь 1253 г.).

Сближение Даниила с апостольским престолом началось еще в 1246–1248 гг. вследствие обещаний папы поддержать претензии Романовичей на Австрию, выраженных в его личных посланиях, а также через зальцбургского архиепископа Филиппа фон Шпангайма во время переговоров в Прессбурге (лето 1248 г.). Это сближение было продолжено в 1252–1253 гг. при посредничестве венгерского короля Белы IV, также имевшего виды на часть «австрийского наследства».

Вместе с тем, существенную роль во внешней политике Романовичей продолжал играть византийский фактор. Коронация Даниила и переговоры о церковной унии с Римом проходили на фоне более широких политических процессов, инициаторами которых стали папа Иннокентий IV и никейский император Иоанн III Ватац. В обмен на возвращение Константинополя грекам власти Никеи соглашались признать верховенство папы в церковных делах и подчинение ему православного духовенства. В то самое время, когда в Кракове и Холме шли переговоры Даниила с папским легатом Опизо, из Никеи в Рим отправилось полномочное посольство для заключения соглашения об унии Западной и Восточной церквей (вторая половина 1253 г.).

Проводником никейских интересов в Галицко-Волынской Руси оставалась мать Даниила Романовича, Евфросиния-Анна. После многих лет, проведенных в монастыре, она в последний раз появляется на страницах летописи как одно из главных действующих лиц в истории коронации. По словам придворного летописца, дать согласие на коронацию и унию с Римом Даниила «убедила его мать». Союз с Римом сильнейшего из князей Руси был выгоден тогда правителям Никеи, так как способствовал реализации их собственных политических целей. Отказ от уступок папе нового никейского императора Феодора II Ласкаря, взявшего курс на возвращение Константинополя с помощью военной силы, незамедлительно привел к разрыву отношений с Римом галицко-волынских князей.

Приложение

ИЗВЕСТИЕ НИКОЛО ДА КАЛЬВИ О КОРОНАЦИИ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО

В связи с семисотлетием коронации Даниила Галицкого, широко отмечавшимся украинской диаспорой в 1953 г., в литературе был впервые поставлен вопрос о существовании аутентичных документов Римской курии, подтверждающих этот знаменательный факт.

На прошедшей в Риме юбилейной конференции Научного общества имени Шевченко со специальным докладом «Проблема коронации Даниила» выступил известный церковный историк и археограф, протоархимандрит Василианского чина о. Атанасий Григорий Великий (1918–1982), подготовивший к этому юбилею публикацию наиболее полного свода документов римских пап, относящихся к истории Украины.[1]

В своем докладе А. Г. Великий указал, что в Апостольском секретном архиве Ватикана, в котором он проработал много лет, нет ни одного документа, подтверждающего принятие папой решения о коронации Даниила и об отправке ему королевской короны или других инсигний.

Такой вывод историк сделал на основании изучения материалов 22-го тома Регистра папских посланий, содержащего письма Иннокентия IV (Archivum Secretum Apostolicum Vaticanum. Registra Vaticana. Vol. XXII). Том включает в себя копии документов, выполненные в начале XVII в. архивариусом Римской курии Джованни Леончини, в том числе копии текстов известных ныне посланий понтифика на Русь и в другие страны Восточной Европы. Среди них — копии документов, относящихся к коронации литовского князя Миндовга в 1251 г.[2]

Поскольку составленный Леончини архивный фолиант не имеет никаких следов позднейших манипуляций с листами, содержащими тексты документов, А. Г. Великий заключил, что в начале XVII в. в Ватиканском архиве уже

---

[1] В 1953 г. был опубликован первый том этого издания: Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953) / Collegit, introductione et adnotationibus auxit Athanasius G. Welykyj. T. I (1075–1700). Romae, 1953.

[2] *Великий А. Г.* Проблема коронації Данила // Корона Данила Романовича. 1253–1953 рр.: Доповіді Римської сесії II наукової конференції Наукового товариства імені Шевченка (Рим, 18 грудня 1953 р.). Рим; Париж; Мюнхен, 1955 (Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. CLXIV). С. 95–96.

не было документа, подтверждающего коронацию Даниила Галицкого папой Иннокентием IV.[3]

Археографические исследования, проведенные в Ватиканском архиве, привели историка к выводу о том, что в 1253 г. никакой официальной коронации Даниила не могло быть. Имели место лишь многолетние переговоры русского князя с папой, по случаю которых родилась легенда о коронации, отразившаяся в Галицко-Волынской летописи.[4]

В своих посланиях на Русь Иннокентий IV называл Даниила и его брата Василько «королями» задолго до предполагаемой коронации (начиная с первого обращения к ним в 1246 г.). Этот факт, по мнению А. Г. Великого, свидетельствует о наследственном характере королевского титула русских князей, полученного ими еще во времена Владимира Святославича. В 1075 г. папа Григорий VII называл «королем» изгнанного из Руси киевского князя Изяслава Ярославича, а его сыну Ярополку передал корону в качестве «простого подарка», свидетельствующего о личном расположении понтифика. Нечто подобное, по мысли историка, могло иметь место в 1253 г. в случае с Даниилом Романовичем.[5]

Взгляды А. Г. Великого на коронацию Даниила нашли продолжение в трудах некоторых новейших авторов. Суррогатный характер этой коронации, а также полученных князем королевских регалий подчеркивает Н. Ф. Котляр: «Нетрудно убедиться в том, что речь шла не о настоящей большой короне, а лишь о венце, так называемой стемме, полоске золота с несколькими вертикальными зубцами. Такие стеммы Иннокентий IV, его предшественники и преемники раздавали десятками, лишь бы только продвинуть католицизм как можно дальше в христианском мире. Стеммой был коронован и сосед Даниила, вчерашний язычник, литовский князь Миндовг. Поэтому не стоит восхищаться коронацией Даниила Романовича, как это обычно делают украинские ура-патриотические и малообразованные дилетанты».[6]

Но как быть при этом с указанием летописи, что папские послы прибыли к Даниилу, «носяще венець, и скыпетрь, и короуноу, еже наречесть королевьскыи санъ»?[7] Перед нами — прямое и ясное свидетельство о том, что наряду с венцом или стеммой Иннокентий IV прислал Даниилу также корону и скипетр. Летописец специально поясняет, что все эти предметы являются знаками королевского достоинства, королевскими инсигниями, которые никак нельзя воспринимать в качестве какого-то частного сувенира.

Принятие королевских инсигний Даниилом представлено в летописи как торжественный церковно-государственный акт, проведенный с соблюдением официального церемониала: «Онъ же (Даниил. — *А. М.*) венець от Бога прия,

---

[3] Там же. С. 96.

[4] Там же. С. 95.

[5] Там же. С. 97–104.

[6] *Котляр Н. Ф.* Даниил, князь Галицкий: Документальное повествование. СПб., 2008. С. 288. См. также: *Котляр М. Ф.* Данило Галицький: Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 304.

[7] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 826.

от церкве святыхъ апостолъ, и от стола святого Петра, и от отца своего папы Некентия (Иннокентия IV. — *A. M.*), и от всих епископовъ своихъ».[8]

Заподозрить нашего летописца в том, что он нарочно выдумал историю об официальной коронации Даниила Романовича римским папой, также не представляется возможным. Историкам уже давно известно, что о коронации Даниила в 1253 г. упоминает независимый от Галицко-Волынской летописи польский источник — так называемые Анналы Красиньских, компиляция XVI в., по мнению А. Белёвского, восходящая в своей основе к древним несохранившимся Анналам краковского капитула, один из списков которых в середине XIII в. был преподнесён папе Иннокентию IV. В этих анналах находим следующую запись: «В год Господень 1253 Даниил, князь Руси, короновался королем».[9]

В нашем распоряжении есть еще одно свидетельство о коронации Даниила Галицкого папой Иннокентием IV, источник которого непосредственно восходит к ближайшему окружению понтифика. Это свидетельство не нашло пока еще должной оценки у исследователей.

В 1715 г. в Париже был опубликован обнаруженный в Королевской библиотеке (Bibliotheca regia. Codex 1488) список Жизнеописания папы Иннокентий IV, составленного в середине XIII в. Автором публикации был выдающийся французский историк и археограф Этьен Балюз, известный также как Стефан Балюзиус (Stephanus Baluzius; 1630–1718), профессор канонического права в Сорбонне и личный библиотекарь министра финансов Ж. Б. Кольбера, собравший и опубликовавший сотни средневековых документов, прежде всего относящихся к истории католической церкви. Жизнеописание Иннокентия IV Э. Балюз поместил в 7-й книге своих Трудов,[10] откуда текст памятника впоследствии был заимствован Людóвико Антóнио Муратори (1672–1750) и ныне известен главным образом по его итальянскому переизданию 1723 г.[11]

Жизнеописание Иннокентия IV — хорошо известный памятник средневековой литературы, неоднократно привлекавший внимание исследователей. Его идейное содержание состоит в обличении императора Фридриха II и оправдании мер, предпринятых против него папой, что превращает это произведение в своего рода «антиштауфеновский манифест».[12]

---

[8] Там же. Стб. 827.

[9] Rocznik Krasinskych / Ed. A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica. T. III. Lwów, 1878. P. 132.

[10] Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratre Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi // Stephani Baluzii miscellaneorum liber septimus: hoc est, collectio veterum monumentorum quæ hactenus latuerant in variis codicibus ac bibliothecis. Parisiis, 1715. P. 353–405. В 1761 г. текст памятника был перепечатан в новом издании Трудов Э. Балюза: Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratre Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi // Stephani Baluzii Miscellanea novo ordine digesta et non paucis ineditis monumentis opportunisque animadversionibus aucta opera ac studio Loannis Dominici Mansi. Lucca, 1761. T. I.

[11] Vita Innocentii Papae IV. Scripta a Fratre Nicolao de Curbio Ordinis Minorum, postmodum Episcopo Asisinarensi [Ex Stephano Baluzio] // Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L. A. Muratori. Vol. III, parte 1. Mediolani, 1723. P. 592.

[12] См.: *Pagnotti F.* Niccolò da Calvi e la sua Vita à Innocenzo IV con una breve introduzione sulla istoriografia pontificia dei secoli XIII e XIV // Archivio della Società Romana di storia patria. Vol. 21.

Автором жизнеописания, как следует из сохранившегося заголовка памятника, был монахом-францисканцем Николо да Кальви (Niccolò da Calvi), известный также как Николай де Курбио (Nicolaus de Curbio). Уроженец городка Кальви дель Умбрия, он в раннем возрасте принял монашество, входил в ближайшее окружение папы Иннокентия и даже исполнял роль его духовника (личного капеллана). В 1250 г. Николо да Кальви стал епископом Ассизским и занимал эту кафедру до своей смерти в 1273 г. Его епископство отмечено строительством в Ассизи новых городских стен, завершившемся ок. 1260 г. Став епископом, Николо по-прежнему большую часть времени оставался при папе, готовя материалы для его жизнеописания, составленного вскоре после кончины понтифика в 1254 г.[13]

В главе XVII Жизнеописания Иннокентия IV «О том, как папа отправлял послов к различным народам» (Quod Papa misit nuntios ad diversas gentes) читаем: «К русским, приславшим к римской курии свое торжественное посольство, [папа] также послал своего легата, через которого они были проинструктированы и проинформированы о католической вере с сохранением греческих обычаев и обрядов, послан же был господин Альберт, архиепископ Ливонии и Пруссии. Впоследствии к [русскому] королю от апостольского престола был послан легатом господин аббат из Мазарио, который его же и короновал».[14]

В приведенном отрывке речь идет, несомненно, об обмене посольствами между римским папой и галицко-волынским князем Даниилом Романовичем.

О посольстве Даниила к папе известно также из письма Иннокентия IV к майнцскому архиепископу от 13 сентября 1247 г. Понтифик предлагает отметить заслуги некоего клирика Гецелона из Вильсторфа, способствовавшего установлению контактов с Даниилом Романовичем. Далее в письме упоминается о посольстве, которое направил к папе для переговоров галицкий князь. В составе этого посольства названы аббат Григорий и два доминиканца, обозначенные инициалами: «Григорий, аббат с горы святого Даниила, и братья Г. и А. из ордена Братьев Проповедников, возлюбленного во Христе сына Даниила, короля Руси, посланники».[15]

Roma, 1898. P. 7–120; *Vogel P.* Nikolaus von Calvi und seine Lebensbeschreibung des Papstes Innozenz IV. Münster, 1939.

[13] Подробнее см.: *D'Acunto N.* 1) La cattedra scomoda. Niccolò da Calvi, frate Minore e vescovo di Assisi (1250–1273) // Il difficile mestiere di vescovo (secoli X–XIV). Verona, 2000 (Quaderni di storia religiosa. T. 7). P. 189–216; 2) Assisi nel Medio Evo. Scritti di storia ecclesiastica a civile. Assisi, 2002. P. 207–235.

[14] «At Rutenos quoque, qui ad Romanam curiam suos solemnes nuntios destinarunt ut eis Legatum mitteret, per quem instruerentur et informarentur in fide catholica, cum more Graecorum et ritu viverent, missus est Dominus Albertus Archiepiscopus Livoniae et Prussiae. Ubi quidem ad Regem subsequenter ab apostolica sede Legatus missus Domnus Abbas de Mazario, qui coronavit eundem» (Stephani Baluzii miscellaneorum liber septimus. P. 369). См. также: Stephani Baluzii Miscellanea novo ordine digesta... T. I. P. 198; Rerum Italicarum Scriptores. Vol. III, parte 1. P. 592 e.

[15] «Gregorii abbatis de monte sancti Danielis et fratrum H. et A. de ordine fratrum Praedicatorum carissimi in Christo filii Danielis regis Russiae nuntiorum» (Historia Russiae Monumenta / Ab. A. J. Turgenev. T. I. St. Petropoli, 1841. Nr. 75; Regesta Pontificum Romanorum inde ab A. post Christum natum MCXCVIII ad A. MCCCIV / Ed. A. Potthast. T. II. Berolini, 1875. Nr. 12689).

По-видимому, упомянутым папой аббатом Григорием был игумен монастыря Св. Даниила под Угровском, известного по Галицко-Волынской летописи. Здесь вторично принял постриг и монашествовал обратившийся в православие литовский князь Войшелк: «Воишелкъ иде до Оугровьска в манастырь ко святомоу Данилью, и взя на ся чернечькии порты, и поча житии в манастыре».[16] Остатки этого монастыря недавно обнаружены археологами на правом берегу Западного Буга в районе села Новоугрузское (Новоугрузьке) Любомльского района Волынской области.[17]

В летописи упоминается также игумен Григорий Полонинский («Григореи Полониньскыи»), в обители которого Войшелк принял свой первый постриг, провел три года, а также получил благословение совершить паломничество на Святую Гору (Афон).[18] Этого Григория Полонинского Войшелк звал затем в монастырь Св. Даниила под Угровском и получил от старца новые духовные наставления.[19] Трудно сказать, был ли Григорий, аббат с горы Святого Даниила, возглавлявший посольство к папе Иннокентию IV, и Григорий Полонинский, совершивший постриг и наставлявший князя Войшелка, одним и тем же лицом, побывавшим за свою долгую жизнь игуменом в нескольких монастырях. Впрочем, летописец отзывается о нем как о человеке необыкновенной судьбы: «Григореи же бяшеть человекъ святъ, якогоже не боудеть перед нимь и ни по немь не боудеть».[20]

В качестве ответных послов папы к Даниилу Николо да Кальви упоминает двух лиц. Это, во-первых, архиепископ Арма (Ирландия) Альберт Суербеер (ок. 1200–1273), решительно поддержавший Иннокентия IV, объявившего на Лионском соборе (1245) о низложении германского императора Фридриха II. Вскоре после этого Альберт был назначен папой архиепископом Пруссии, Ливонии и Эстонии, а также легатом в Готланде, Голштейне, Рюгене и на Руси, в 1246 г. Альберт возглавил также Любекскую епархию, а в 1253 г. стал архиепископом Риги.[21]

Идентификация второго посла Иннокентия IV, названного в его жизнеописании «аббатом из Мазарио», также не вызывает серьезных затруднений. Этот второй посол, по словам папского биографа, лично короновал русского князя. Из рассказа Галицко-Волынской летописи о коронации Даниила известно, что

[16] ПСРЛ. Т. II. Стб. 867.

[17] См.: *Панишко С.* До проблеми локалізації давньоруського Угровська // Київська старовина. 1997. № 5; *Мазурик Ю., Остап'юк О.* 1) Локалізація башти в літописному Угровську // Минуле і сучасне Волині й Полісся: край на межі тисячоліть. Мат-ли X наук. історико-краєзнавчої конф. Луцьк, 2002; 2) Археологічні дослідження літописного Угровська на Волині // Zamościo-Wołyńskie zeszyty muzealne. T. I. Zamość, 2003.

[18] ПСРЛ. Т. II. Стб. 859.

[19] Там же. Стб. 867–868.

[20] Там же. Стб. 859.

[21] Подробнее см.: *Selart A.* Riia peapiiskop Albert Suerbeer ja Descriptiones terrarum // Tuna: ajalookultuuri ajakiri. Tallinn, 2002. Nr. 2. S. 11–21. См. также: *Bautz Fr. W.* Albert II. Suerbeer // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon / Bearb. und hrsg. von Fr. W. Bautz. Bd. 1. Hamm, 1975. Sp. 84.

королевские регалии на Русь доставил папский легат по имени Опизо («Опиза же приде, венець нося»), он же и добился от князя согласия короноваться.[22]

Из документов папской курии середины XIII в., а также других источников известно об отправке Иннокентием IV в 1245 г. в Пруссию и Польшу в качестве своего легата Опизо из Мезано, который должен был сменить ранее посланных туда легатов Вильгельма (отозванного в Рим в 1244 г. и произведенного в кардиналы) и Генриха. Опизо происходил из знатного пьяченцского рода Маласпина, был папским нотариусом, а затем стал аббатом основанного в IX в. бенедиктинского монастыря Св. Павла в Мезано (ныне — небольшое селение Меззано Скотти ди Боббио (Mezzano Scotti di Bobbio) в провинции Пьяченца).[23]

Опизо дважды исполнял обязанности папского легата в Пруссии и Польше: в 1245–1246 и 1253–1254 гг. Во время второй легации его полномочия распространялись также на русские земли. Из различных источников известно о пребывании Опизо в Польше осенью 1253–весной 1254 гг.: легат побывал тогда в Влоцлавеке, Вроцлаве, а также в Кракове, где участвовал в торжествах по случаю канонизации св. Станислава.[24]

В тексте Жизнеописания папы Иннокентия IV, опубликованном Э. Балюзом, очевидно, имела место какая-то ошибка, допущенная, вероятно, при переписывании манускрипта: второй посол папы, короновавший русского князя, назван здесь *аббатом из Мазарио* (Mazario). Эта неточность была замечена и устранена в позднейших изданиях памятника, где наряду с названием аббатства, фигурирующим в списке Балюза, приведен вариант, известный по другим средневековым источникам — Mezano.[25]

Свидетельство Николо да Кальви, таким образом, является важным подтверждением факта официальной коронации Даниила Романовича, совершенной легатом Иннокентия IV Опизо из Мезано. Оно не только восполняет собой лакуну в Регистре папских документов Ватиканского архива, но и полностью соответствует сведениям о коронации, содержащимся в Галицко-Волынской летописи.

---

[22] ПСРЛ. Т. II. Стб. 827.

[23] См.: *Nasalli Rocca E.* Il monastero del Mezzano di Piacenza e l'abate Obizzo (sec. XIII) // Benedictina. T. X. Roma, 1956.

[24] См.: *Gołąb K.* Opat Obizo i jego legacje // Nasza przeszłość: Studia z dziejów Kościola i kultury katolickiej w Polsce. T. X. Kraków, 1959. S. 113–142.

[25] См., например: Scriptores rerum Prussicarum: die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Ed. T. Hirsch, M. Toeppen, E. Strehlke. T. II. Leipzig, 1863. P. 134.

Список сокращений

БАН. НИОР	— Библиотека Российской академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей (СПб.)
ГИМ. РС	— Государственный исторический музей. Рукописное собрание (М.)
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (М.)
РНБ. РО	— Российская национальная библиотека. Рукописный отдел (СПб.)
РГБ. РО	— Российская государственная библиотека. Рукописный отдел (М.)
СПбИИ. НИА	— Санкт-Петербургский институт истории РАН. Научно-исследовательский архив
Vat. Gr.	— Библиотека Ватикана. Собрание греческих рукописей (Рим)
Paris. Gr.	— Национальная библиотека Франции. Собрание греческих рукописей (Париж)
АДСВ	— Античная древность и средние века
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
АО	— Археологические открытия
АРГ	— Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Отв. ред. А. А. Новосельский, Л. В. Черепнин
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.
АФЗХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / Сост. А. А. Зимин, Л. В. Черепнин
АЮЗР	— Архив Юго-Западной России / Изд. временной комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси
ВВ	— Византийский временник
ВЕДС	— Восточная Европа в древности и средневековье
ВДИ	— Вестник древней истории (М.)
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
Вест. СПбГУ	— Вестник Санкт-Петербургского государственного университета
ВИ	— Вопросы истории (М.)

ГДРЛ — Герменевтика древнерусской литературы
ДГ — Древнейшие государства на территории СССР / Восточной Европы: Материалы и исследования
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных русских князей XIV–XVI вв. / Под ред. Л. В. Черепнина
ДНР — Древняя и новая Россия: Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник
ДР — Древняя Русь: вопросы медиевистики (М.)
ЗНТШ — Записки Наукового товариства ім. Шевченка
ЗРВИ — Зборник радова. Византолошки институт Српске академике наука
ИЗ — Исторические записки (М.)
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук (СПб.)
ИСССР — История СССР (М.)
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
ЛХ — Летописи и хроники
НИС — Новгородский исторический сборник
ОИ — Отечественная история (М.)
ПБПВ — Письма и бумаги Петра Великого
ПВЛ — Повесть временных лет
ПК — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПР — Правда Русская
ПРП — Памятники русского права
ПС — Палестинский сборник / Православный палестинский сборник
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
САИ — Свод археологических источников
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси
СлДРЯз XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.
СлРЯз XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв.
СлРЯз XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в.
СС — Советское славяноведение
ТОДЛР — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
УІЖ — Український історичний журнал (Київ)
ЭО — Этнографическое обозрение

BF — Byzantinische Forschungen
BMGS — Byzantine and Modern Greek Studies
BP — Balcanica Posnaniensia. Acta et Studia
BS — Byzantinoslavica
BZ — Byzantinische Zeitschrift
CDA — Codex diplomaticus Arpadianus continuatus / Ed. G. Wenzel
CDERB — Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae
CDH — Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejer
ÉB — Études balkaniques
FRA — Fontes rerum Austriacarum. Diplomataria et acta.
HRM — Historia Russiae Monumenta / Ab. A. J. Turgenev
JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas
KH — Kwartalnik Historyczny
LMA — Lexikon des Mittelalters
MGH. SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores
MPH — Monumenta Poloniae Historica
MPV — Monumenta Poloniae Vaticana (Analecta Vaticana, 1202–1366) / Ed. J. Ptaśnik
MSHSM. SS — Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Scriptores
ODB — The Oxford Dictionary of Byzantium
PL — Patrologiae cursus completus. Patrologiae latinae / Ed. J. P. Migne
RA — Rossica antiqua. Исследования и материалы
RÉB — Revue des études byzantines
RÉS — Revue des études slaves
RIS — Rerum Italicarum scriptores
RMS — Reading Medieval Studies
SK — Seminarium Kondakovianum
SO — Slavia Orientalis
SSS — Słownik Starożitności Słowiańskich. Encykłopedyczny zarys kultury słowian od zcasów najdawniejszych
TM — Travaux et Mémoires. Centre de recherches d'histoire et civilisation de Byzance.
VMH — Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis vaticanis / Ed. A. Theiner
VMSM — Vetera Monumenta Slavorum meridionalium / Ed. A. Theiner

Перечень иллюстраций

Ил. 1. Василий Никитич Татищев. Портрет работы неизвестного художника XVIII в. Музей М. В. Ломоносова Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 21.*

Ил. 2. Первое издание «Истории Российской» В. Н. Татищева. Титульный лист. — *С. 24.*

Ил. 3. Древний Галич. Архитектурный макет. 1990-е гг. Площадь перед церковью Рождества Богородицы. Авторы проекта И. Р. Могитич, В. В. Аулих, Ю. В. Лукомский и др. (г. Галич, Ивано-Франковская область, Украина). — *С. 31.*

Ил. 4. Мемориальная доска с барельефом Романа Мстиславича. Открыта в 2005 г. при входе в Успенский собор. Скульптор И. Дацюк (Владимир-Волынский, Украина). — *С. 35.*

Ил. 5. Русские земли в XII–XIII вв. Карта-схема (по А. Н. Насонову). — *С. 42.*

Ил. 6. Русская земля (в узком значении). Карта-схема (по Б. А. Рыбакову). — *С. 49.*

Ил. 7. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Миниатюра из Царского титулярника («Большая государева книга, или Корень российских государей». 1672 г.). — *С. 64.*

Ил. 8. Страница Академического XV списка Никоновской летописи. Середина XVII в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 66.*

Ил. 9. Страница Ипатьевского списка Ипатьевской летописи. Первая четверть XV в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 71.*

Ил. 10. Знаменский собор. 1682–1688 гг. Современный вид. Построен на месте церкви Знамения Божией Матери XIV в. (Великий Новгород, Россия). — *С. 78.*

Ил. 11. Икона «Знамение от иконы Богородицы». Новгород. Середина–вторая половина XV в. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (Великий Новгород, Россия). — *С. 81.*

Ил. 12. Петр Михайлович Еропкин (ок. 1698–1740). Графический портрет работы Г. И. Грачева. 1889 г. (Русские деятели в портретах, изданных редакцией журнала «Русская старина», третье собрание). — *С. 86.*

Ил. 13. Академический список второй части «Истории Российской». С. 456 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 270 об.). — *С. 103.*

Ил. 14. Академический список второй части «Истории Российской». С. 457 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 271). — *С. 104.*

Ил. 15. Академический список второй части «Истории Российской». С. 458 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 271 об.). — *С. 105.*

Ил. 16. Академический список второй части «Истории Российской». С. 459 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 272). — *С. 106.*

Ил. 17. Академический список второй части «Истории Российской». С. 460 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 272 об.). — *С. 107.*

Ил. 18. Академический список второй части «Истории Российской». С. 461 (БАН. НИОР. 17.17.11. Л. 273). — *С. 108.*

Ил. 19. Семь курфюрстов Священной Римской империи избирают нового императора. Миниатюра из иллюстрированной рукописи «Кодекса курфюрста Балдуина Трирского». XIV в. Главный земельный архив г. Кобленца (земля Рейнланд-Пфальц, Германия). — *С. 112.*

Ил. 20. Германия и Италия в XII–XIII вв. Карта-схема. — *С. 115.*

Ил. 21. Оттон IV и папа Иннокентий III подают друг другу руки. Миниатюра из Эльзасской иллюстрированной рукописи. Мастерская Дибольда Лаубера. XV в. Государственная библиотека в Берлине — Прусское культурное наследие (Берлин, Германия). — *С. 118.*

Ил. 22. Церковь Св. Петра в Эрфурте (бывшая церковь монастыря Свв. апостолов Петра и Павла). Южный ландгауз и южный портал. Современный вид (Тюрингия, Германия). — *С. 124.*

Ил. 23. Руины главного храма монастыря Трех Источников на р. Марне близ г. Шалон-сюр-Марн (ныне г. Шалон-ан-Шампань). Современный вид (департамент Марна, Шампань-Арденны, Франция). — *С. 127.*

Ил. 24. Фридрих Барбаросса в одежде крестоносца получает из рук настоятеля кафедрального собора в Шлэфтларне копию Истории Первого Крестового похода, написанной Робертом Реймсским. Миниатюра из рукописи Библиотеки Ватикана. 1188 г. — *С. 130.*

Ил. 25. Серебряная монета ландграфа Тюрингии Германа I. Начало XIII в. Музей естественной истории (Эрфурт, Германия). — *С. 133.*

Ил. 26. Византийский император Алексей IV Ангел. Миниатюра из Моденского списка «Хроники» Иоанна Зонары. XV в. Biblioteca Estense Universitaria (Модена, Италия). — *С. 137.*

Ил. 27. Филипп Швабский. Миниатюра из средневековой немецкой рукописи. Ок. 1200 г. Библиотека аббатства Санкт-Галлен (кантон Санкт-Галлен, Швейцария). — *С. 142.*

Ил. 28. Александр Лессер (1814–1884). Графический портрет князя Лешка Белого. Середина XIX в. — *С. 146.*

Ил. 29. Герб ордена цистерцианцев в средние века. Реконструкция Петра Яворского. — *С. 147.*

Ил. 30. Руины библиотеки аббатства Моримон. Современный вид (департамент Верхняя Марна, Шампань-Арденны, Франция). — *С. 150.*

Ил. 31. Церковь Св. Пантелеимона древнего Галича. Конец XII–начало XIII вв. Современный вид (с. Шевченково, Галицкий район, Ивано-Франковская область, Украина). — *С. 153.*

Ил. 32. Валерий Эляш-Радзиковский (1841–1905). Графический портрет Яна Длугоша. 1889 г. — *С. 158.*

Ил. 33. Памятник погибшим в битве у Завихоста 19 июня 1205 г. Установлен 19 июня 2005 г. по инициативе и на средства гмины Завихоста. Скульптор Г. Домбровский (г. Завихост, Сандомирский повет, Свентокшиское воеводство, Польша). — *С. 161.*

Ил. 34. Б. А. Чориков (1802–1866). Ответ князя Романа на предложение папы Иннокентия III. Гравюра из серии «Живописный Карамзин, или Русская история в картинах». 1836 г. — *С. 164.*

Ил. 35. Н. В. Неврев (1830–1904). Роман Галицкий принимает послов папы Иннокентия III. 1875 г. Холст, масло. 136 × 178,5 см. Национальный художественный музей Республики Беларусь (Минск, Беларусь). — *С. 168.*

Ил. 36. Папа Иннокентий III. Фрагмент фрески из Нижней церкви монастыря Сакро Спесо. XIII в. (Субиако, провинция Рима, Италия). — *С. 183.*

Ил. 37. Сербский царь Стефан Неманич Первовенчанный. Фреска из собора Вознесения Христова Милешевского монастыря. Первая половина XIII в. (Милешева, округ Златибор, Сербия). — *С. 186.*

Ил. 38. Эжен Делакруа (1798–1863). Взятие Константинополя крестоносцами 12 апреля 1204 г. 1838 г. Холст, масло. 411 × 497 см. Картина заказана королем Луи-Филиппом для Исторической галереи в Версале. Музей Лувра (Париж, Франция). — *С. 190.*

Ил. 39. Ансамбль средневековых храмов. Современный вид (Торчелло, Венеция, Италия). — *С. 198.*

Ил. 40. Малоазийские фемы Византии. XI–XII вв. Карта-схема. — *С. 202.*

Ил. 41. Стены и башни средневековой Никеи. Современный вид (г. Изник, ил Бурса, Турция). — *С. 204.*

Ил. 42. Четвертый Крестовый поход. 1202–1204 гг. Карта-схема. — *С. 208.*

Ил. 43. Византийский император Алексей III. Прорись с билонной монеты начала XIII в., на аверсе которой Алексей изображен рядом со св. Константином. — *С. 211.*

Ил. 44. Золотой перстень с печатью болгарского царя Калояна. Начало XIII в. Найден при раскопках могилы Калояна (?) в церкви Свв. Сорока Мучеников в Тырнове. Национальный исторический музей (София, Болгария). — *С. 215.*

Ил. 45. Билонная монета византийского императора Андроника I Комнина. 1180-е гг. Британский музей (Лондон, Великобритания). — *С. 216.*

Ил. 46. П. Андрусев. Послы византийского императора Алексея Ангела просят Романа Мстиславича о помощи против половцев. Иллюстрация к книге А. Лотоцкого «Княжа слава. Історичні оповідання» (Краків; Львів, 1942). — *С. 218.*

Ил. 47. Предполагаемый облик болгарского царя Калояна. Реконструкция по останкам из погребения, открытого в 1972 г. в церкви Свв. Сорока Мучеников. Региональный исторический музей (г. Велико Тырново, Болгария). — *С. 223.*

Ил. 48. Остатки средневековых стен Константинополя. Современный вид (Стамбул, Турция). — *С. 226.*

Ил. 49. Г. Икония — столица Иконийского султаната. Комплекс мавзолея Мевляны (Джалаледдина Руми), основателя дервишского ордена Мевлеви. Современный вид (г. Конья, Турция). — *С. 229.*

Ил. 50. Захват половецких веж Романом Мстиславичем и привод пленных половцев на Русь. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 233.*

Ил. 51. Золотая монета с изображением византийского императора Михаила VII Дуки. Константинополь. Вторая половина XI в. Музей истории искусства (Сен-Дени, Франция). — *С. 242.*

Ил. 52. Гийом Рулле (1518?–1589). Византийский император Алексей III Ангел. Promptuarii Iconum Insigniorum. 1553 г. — *С. 248.*

Ил. 53. Поход Рюрика Ростиславича, Ярослава Всеволодовича, Романа Мстиславича и других русских князей на половцев. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 251.*

Ил. 54. Явление небесного знамения (метеоритный дождь). Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 258.*

Ил. 55. Захват Романом Мстиславичем семьи киевского князя Рюрика Ростиславича и насильственное пострижение в монахи Рюрика. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 262.*

Ил. 56. Избиение и угон в плен жителей Киева половцами, союзниками Рюрика Ростиславича. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 266.*

Ил. 57. Богородице-Рождественский мужской монастырь. Общий вид. Фотография начала XX в. (Владимир, Россия). — *С. 272.*

Ил. 58. Принесение и торжественная встреча во Владимире доски от гроба св. великомученика Димитрия Солунского. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 276.*

Ил. 59. Реликварий св. Димитрия Солунского. Ковчег-мощевик — модель восьмигранного кивория с коническим куполом, вольная копия кивория над гробом св. Димитрия Солунского. Изображения свв. воинов Нестора и Лупа, императора Константина X и императрицы Евдокии. Серебро, позолота. Византия, 1059–1067 гг. (Музеи Московского Кремля). — *С. 277.*

Ил. 60. Поход великого князя Всеволода Большое Гнездо на половцев. Бегство половцев, узнавших о движении русского войска. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 281.*

Ил. 61. Внешний облик византийских императриц и царевен. Фрагмент мозаики «Императрица Феодора с приближенными». Середина VI в. Базилика Сан-Витали (Равенна, Италия). — *С. 288.*

Ил. 62. Портрет Никиты Хониата. Миниатюра Венского списка «Истории» Никиты Хониата. Первая половина XIV в. Венская национальная библиотека (Вена, Австрия). — *С. 291.*

Ил. 63. Аспрон трахи византийского императора Исаака II. Монета из электры с изображением Пресв. Девы Марии с Младенцем Иисусом. Константинополь. 1180–1190-е гг. Музей истории искусства (Сен-Дени, Франция). — *С. 296.*

Ил. 64. Иоганн Зебальд Баумайстер (1775/77–1829). Младшая дочь императора Исаака II Ирина и ее супруг, германский король Филипп Швабский. Рисунок конца XVIII в. (из серии портретов средневековых германских правителей). — *С. 299.*

Ил. 65. Императрица Зоя, супруга Константина IX Мономаха. Мозаика Софийского собора. Константинополь. Середина XI в. (Стамбул, Турция). — *С. 303.*

Ил. 66. Башня в Столпье. Первая половина XIII в. Общий вид с юга. Гравюра второй половины XIX в. — *С. 307.*

Ил. 67. Кафедральный собор г. Шпейера (Speyerer Dom). 1030–1061 гг, перестроен в 1772–1784 и 1846–1853 гг. Западный портал. Современный вид (Шпейер, Германия). — *С. 311.*

Ил. 68. Надгробная плита над захоронением короля Филиппа Швабского в Шпейерском соборе. Современный вид. — *С. 314.*

Ил. 69. Королева Гертруда и король Андрей II. Миниатюры Ландграфской Псалтыри 1211–1213 гг., принадлежавшей супруге ландграфа Тюрингии Германа I Софии. Библиотека земли Вюртемберг (Штуттгарт, Германия). — *С. 316.*

Ил. 70. Св. Евфросиния Суздальская, внучка Романа Мстиславича. Покров на гробницу с образом святой. Лицевое шитье. Суздаль. Первая половина XVI в. Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный музей-заповедник (Владимир, Россия). — *С. 321.*

Ил. 71. Церковь Свв. Бориса и Глеба в Кидекше. Середина XII в. перестроена в XVIII в. Современный вид (Суздальский район, Владимирская область, Россия). — *С. 324.*

Ил. 72. Св. Евфросиния Александрийская. Фреска. Древний Новгород. Конец XII в. Западный неф церкви Спаса на Нередице. Фотография 1930-х гг. — *С. 327.*

Ил. 73. Успенский собор. Ок. 1160 г. Современный вид (Владимир-Волынский, Украина). — *С. 331.*

Ил. 74. Свинцовая печать с изображением св. Евфросинии и сцены Преображения, найденная в Новгороде в 1968 г. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (Великий Новгород, Россия). — *С. 338.*

Ил. 75. Спасо-Евфросиниевский монастырь. Общий вид. Фотография начала XX в. (Полоцк, Беларусь). — *С. 342.*

Ил. 76. Спасо-Преображенская церковь (в древности — церковь Всемилостивейшего Спаса) Евфросиниева монастыря. Середина XII в. Современный вид (Полоцк, Беларусь). — *С. 349.*

Ил. 77. Преображение. Мозаика апсиды базилики Св. Аполлинария (Сант Аполлинаре ин Классе). Середина VI в. (Равенна, Италия). — *С. 352.*

Ил. 78. Преображение. Мозаика апсиды базилики Преображения Господня монастыря Св. Екатерины на Синае. Середина VI в. (Синай, Египет). — *С. 353.*

Ил. 79. Мастерская Феофана Грека. Преображение. Икона. Конец XIV–начало XV вв. Из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском. Доска липовая, паволока, левкас, яичная темпера. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия). — *С. 354.*

Ил. 80. Преображение. Мозаичная икона. Константинополь. Ок. 1200 г. Музей Лувра (Париж, Франция). — *С. 355.*

Ил. 81. Преображение. Миниатюра из Хлудовской Псалтыри. Ок. 850 г. Государственный Исторический музей (Москва, Россия). — *С. 356.*

Ил. 82. Преображение. Деталь темплона из монастыря Ватопед на горе Афон. Дерево, темпера. Вторая половина XII в. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 358.*

Ил. 83. Благовещение, Преображение, Воскрешение Лазаря. Трехчастная икона. Дерево, левкас, темпера. Вторая половина XII в. Часть тетраптиха с изображением Двенадцати праздников. Монастырь Св. Екатерины (Синай, Египет). — *С. 359.*

Ил. 84. Крещение Иисуса, Преображение, Воскрешение Лазаря. Эпистилий темплона. Вторая половина XII в. Дерево, темпера. Пинакотека монастыря Св. Екатерины (Синай, Египет). — *С. 360.*

Ил. 85. Печать Янин, Гайдуков. № 121д из Новгорода с изображениями св. Евфросинии и Преображения (прорись худ. Т. В. Родыгиной). — *С. 361.*

Ил. 86. Православный кафедральный собор Преображения Господня. 1607–1633 гг., перестроен во второй половине XIX в. (г. Люблин, Польша). — *С. 362.*

Ил. 87. Древний Спасо-Преображенский монастырь. Близ поселка Подкамень Бродовского района Львовской области (реконструкция М. Ф. Рожко). — *С. 366.*

Ил. 88. Преображение Христа. Икона из церкви Рождества Богородицы с. Бусовыско Старосамборского района Львовской области. Конец XIII–начало XIV вв. Львовский национальный музей (Львов, Украина). — *С. 368.*

Ил. 89. Преображение. Икона из церкви Св. Георгия с. Вильшаницы Львовского района Львовской области. Конец XIV в. Львовский национальный музей (Львов, Украина). — *С. 369.*

Ил. 90. Преображение Господне. Икона из с. Жогатин бывшего Добромильского повета Львовского воеводства. Начало XV в. Львовский национальный музей (Львов, Украина). — *С. 370.*

Ил. 91. Печать Янин, Гайдуков. № 121е из Новгорода с изображениями св. Евфросинии и Преображения (прорись худ. Т. В. Родыгиной). — *С. 371.*

Ил. 92. Печать византийской императрицы Евфросинии Дукини Каматиры Ангелины. Конец XII–начало XIII вв. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 372.*

Ил. 93. Печать Иоанна Комнина с изображением сцены Преображения. Конец XI–начало XII вв. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 376.*

Ил. 94. Преображение. Мозаика (деталь: апостол Иоанн). Византия. Середина–вторая половина XI в. Кафоликон монастыря Неа Мони (о-в Хиос, Греция). — *С. 379.*

Ил. 95. Преображение. Мозаика. Византия. Конец XI в. Кафоликон монастыря Дафни (Афины, Греция). — *С. 379.*

Ил. 96. Икона со Христом Всевидящим и сонмом святых. Византия. Стеатит. Резьба по камню. Вторая половина XIV в. Музей Метрополитен (Нью-Йорк, США). — *С. 380.*

Ил. 97. Костел Иоакима и Анны. 1752 г. перестроен в 1853 г. Современный вид (Владимир-Волынский, Украина). — *С. 382.*

Ил. 98. Собор праведных Иоакима и Анны. Западно-украинская икона. Конец XIV–начало XV вв. Липовая доска, паволока, левкас, яичная темпера. 119 × 88 см. Львовский национальный музей (Львов, Украина). — *С. 384.*

Ил. 99. Первое Введение Богородицы во храм. Миниатюра Винчестерской Псалтыри. XII в. Британская библиотека (Лондон, Великобритания). — *С. 386.*

Ил. 100. Принесение Марии первосвященнику. Мозаика. Византия. Конец XI в. Кафоликона монастыря Дафни (Афины. Греция). — *С. 388.*

Ил. 101. Печати Янин, Гайдуков. №343 и 343а из Новгорода и Старой Рязани с изображениями Успения и шестиконечного креста на подножии (прориси худ. Т. В. Родыгиной, М. В. Гребенникова). — *С. 394.*

Ил. 102. Свинцовая печать из Суздаля (слева) и бронзовая иконка-привеска из Галича (справа) с изображениями женской фигуры с младенцем по типу Богородицы Одигитрии «обратной» и развернутой вправо сцены Успения (по М. В. Седовой). — *С. 395.*

Ил. 103. Печать Янин, Гайдуков. №347в из района древнерусского Белоозера с изображениями Успения и св. Анны (прорись худ. С. Л. Богаченко). — *С. 397.*

Ил. 104. Княжна Феодулия просит принять ее в обитель. Миниатюра XVII в. Иллюстрированный список Жития св. Евфросинии Суздальской. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 400.*

Ил. 105. «Святые врата». Сохранившийся фрагмент ансамбля древнего Троицкого монастыря. Ныне являются частью стены расположенного рядом Ризоположенского монастыря. Современный вид (Суздаль, Владимирская область, Россия). — *С. 402.*

Ил. 106. Бронзовая иконка-привеска с изображением развернутой вправо сцены Успения из района древнерусского Белоозера (по Н. А. Макарову). — *С. 403.*

Ил. 107. Успение Богородицы. Золочение по меди. 1230-е гг. Композиция западных Златых врат собора Рождества Богородицы (Суздаль, Владимирская область, Россия). — *С. 405.*

Ил. 108. Шестиконечный крест Ягеллонов в Гербовнике Ж. Лефевра де Сен-Реми, гербового короля ордена Золотого Руна (30-е гг. XV в.). — *С. 408.*

Ил. 109. Герб венгерского короля Белы III. Реконструкция Э. Ковач по данным источников конца XII–XV вв. — *С. 408.*

Ил. 110. Греческая надпись на кресте-реликварии Мануила Комнина собора Парижской Богоматери. Прорись. — *С. 412.*

Ил. 111. Реликварий «Страсти Спасителя». По эскизу Ш. Ле Бруна. Конец XVII в. Аббатство Сен-Жермен де Пре (с гравюры начала XVIII в.). — *С. 413.*

Ил. 112. Крест Принцессы Палатины. Фрагмент надписи «Κομνηνός Μανουήλ στεφηφόρος». Собор Парижской Богоматери (Париж, Франция). — *С. 417.*

Ил. 113. Крест Принцессы Палатины. Реликварий работы Ж. Фамехона. 1828 г. Позолоченная бронза, хрусталь. Собор Парижской Богоматери (Париж, Франция). — *С. 420.*

Ил. 114. Императрица Мария-Ксения, вторая жена Мануила I Комнина. Миниатюра византийской рукописи. XIV в. Собрание греческих рукописей Библиотеки Ватикана. — *С. 423.*

Ил. 115. Ковчег-мощевик Дионисия Суздальского. Нижний Новгород, 1383 г. Дерево, серебро, золочение, эмали, драгоценные камни. Музеи Московского Кремля (Москва, Россия). — *С. 426.*

Ил. 116. Филофеевская ставротека. Византия, XII в. Дерево, позолоченное серебро. Музеи Московского Кремля (Москва, Россия). — *С. 428.*

Ил. 117. Остатки церкви Иоанна Богослова. 1170-е гг. Внутренний двор замка Любарта. Современный вид (Луцк, Украина). — *С. 430.*

Ил. 118. Евангелист Лука. Миниатюра Галицко-Волынского Евангелия. Первая треть XIII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия). — *С. 434.*

Ил. 119. Евангелист Матфей. Миниатюра Галицко-Волынского Евангелия. Первая треть XIII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия). — *С. 436.*

Ил. 120. Евангелист Марк. Миниатюра Галицко-Волынского Евангелия. Первая треть XIII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия). — *С. 438.*

Ил. 121. Евангелист Иоанн. Миниатюра Галицко-Волынского Евангелия. Первая треть XIII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия). — *С. 441.*

Ил. 122. Св. кн. Даниил Московский в молении Св. Троице, с видом Данилова монастыря. Икона. Конец XVII–начало XVIII в. Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 445.*

Ил. 123. Район Высокой Горки. Место, где во второй половине XIII в. находился дворец Даниила Галицкого. Современный вид (г. Хелм, Люблинское воеводство, Польша). — *С. 451.*

Ил. 124. Адам Ле Руе (1825?–1863). Развалины башни в Белавине. Рисунок из «Люблинского альбома» (1857–1860 гг.). — *С. 452.*

Ил. 125. Готическая, или Круглая, башня. Предполагаемая башня-столп, построенная Даниилом Галицким в середине XIII в. Современный вид (г. Люблин, Польша). — *С. 453.*

Ил. 126. Башня-столп Владимира Васильковича. Вторая половина XIII в. Современный вид (г. Каменец, Брестская область, Беларусь). — *С. 455.*

Ил. 127. Пятничанская башня. Конец XIII–первая половина XIV в. Современный вид (с. Пятничаны, Жидячевский район, Львовская область, Украина). — *С. 457.*

Ил. 128. Успение св. Ефрема Сирина. Византийская икона. Середина XV в. Музей византийской культуры (Афины, Греция). — *С. 459.*

Ил. 129. Печать Янин, Гайдуков. №233Аа из древнерусского Межибожья. С изображениями св. Даниила Столпника и архангела с жезлом и сферой (прорись худ. С. Л. Богаченко). — *С. 462.*

Ил. 130. Феофан Грек (ок. 1340–ок. 1410). Даниил Столпник. Фреска церкви Спаса на Ильине улице. 1378 г. (Великий Новгород, Россия). — *С. 465.*

Ил. 131. Даниил Столпник. Икона из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Первая половина XVI в. Кирилло-Белозерский государственный музей-заповедник (г. Кириллов, Вологодская область, Россия). — *С. 471.*

Ил. 132. Император Лев I (Флавий Валерий Лев). Античный бюст. Алебастр, мрамор. Ок. 470 г. Музей Лувра (Париж, Франция). — *С. 472.*

Ил. 133. Даниил Столпник. Фреска кафоликона монастыря Панагии Мавриотиссы. Конец XII в. (Кастория, Греция). — *С. 475.*

Ил. 134. Пьеро делла Франческа. Битва императора Ираклия с персами. Фреска. 1452 г. Главная капелла базилики Св. Франциска (Ареццо, Италия). — *С. 480.*

Ил. 135. Херувим и Ираклий, подчиняющий Хосрова II. Медь, позолота, выемчатая эмаль. Франция, 1160–1170-е гг. Музей Лувра (Париж, Франция). — *С. 482.*

Ил. 136. Ламбертини Микеле ди Маттео (работал в Болонье в 1416–1469 гг.). Император Ираклий несет Крест в Иерусалим. Дерево, темпера. Середина XV в. Музей Лувра (Париж, Франция). — *С. 484.*

Ил. 137. Барлеттский колосс. Бронза. Италия, V–XV вв. Площадь перед базиликой Гроба Господня (Барлетта, Апулия, Италия). — *С. 485.*

Ил. 138. Конная статуя императора Юстиниана I в Константинополе. Венецианский рисунок. 1440 г. Библиотека Сераля (Стамбул, Турция). — *С. 488.*

Ил. 139. Бракосочетание Марии и Амальрика в Тире в 1167 г. Миниатюра из Парижского списка «Истории деяний в заморских землях» (1295–1300 гг.). Муниципальная библиотека г. Эпиналь (департамент Вогезы, Франция). — *С. 491.*

Ил. 140. Венгерский король Андрей II. Миниатюра из Иллюстрированной хроники середины XIV в. (Chronicon Pictum, или Chronica de Gestis Hungarorum), иногда называемой также Венской иллюстрированной хроникой или Хроникой Марка Кальти, по имени одного из составителей. Национальная библиотека им. Иштвана Сечени (Будапешт, Венгрия). — *С. 494.*

Ил. 141. Спас Нерукотворный. Новгородская икона. Вторая половина XII в. Государственная Третьяковская галерея (Москва, Россия). — *С. 497.*

Ил. 142. Город Аскалон. Напольная мозаика. VIII в. Церковь Св. Стефана. Современный вид (Умм-эр-Расас, Иордания). — *С. 499.*

Ил. 143. Руины церкви Св. Марии Зеленой в Аскалоне. Вторая половина XII в. Современный вид (Ашкелон, Израиль). — *С. 504.*

Ил. 144. Церковь Спаса на Нередице. Роспись алтарной части. Конец XII в. Фотография 1930-х гг. — *С. 509.*

Ил. 145. Вещи из погребального сооружения у с. Вознесенки вблизи днепровских порогов VI–VIII вв. Днепропетровский исторический музей им. Д. И. Яворницкого (Днепропетровск, Украина). — *С. 517.*

Ил. 146. Первое печатное издание «Хроники» Констанцского собора Ульриха Рихенталя. Аугсбург, 1483 г. Библиотека Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 520.*

Ил. 147. Герб «королевства Червонной Руси» из «Хроники Констанцского собора» Ульриха фон Рихенталя (1-е изд.: Аугсбург, 1483). — *С. 523.*

Ил. 148. Герб «герцогства Червонной Руси» из «Малого гербовника» Виргила Солиса (1-е изд.: Нюрнберг, 1555). — *С. 523.*

Ил. 149. Герб Перемышльской земли. Из Статута Яна Лаского. 1509 г. — *С. 524.*

Ил. 150. Герб Перемышльской земли. Из «Гербовника» Каспера Несецкого. — *С. 524.*

Ил. 151. Печать Луцкого повета на документах земского суда. 1589 г. Государственный архив в Кракове (Краков, Польша). — *С. 525.*

Ил. 152. Князь Ярослав Владимирович (?). Фреска церкви Спаса на Нередице. Копия В. Прохорова. Начало 1870-х гг. (Русские древности / Под ред. В. Прохорова. Кн. 1. СПб., 1872). — *С. 530.*

Ил. 153. Большая государственная печать Ивана III 1497 г. Прорись лицевой и оборотной сторон. Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия). — *С. 532.*

Ил. 154. Изображение орла в геральдическом положении. Декоративная керамическая плитка из Василева. Ивано-Франковский областной краеведческий музей (Ивано-Франковск, Украина). — *С. 538.*

Ил. 155. Портрет болгарского царя Ивана Александра с женой и двумя сыновьями. Миниатюра Тетраевангелия царя Ивана Александра 1356 г. Британский музей (Лондон, Великобритания). — *С. 544.*

Ил. 156. Анна Васильевна Палеолог. Большой саккос митрополита Фотия. Золотое шитье. Первая половина XV в. Музеи Московского Кремля (Москва, Россия). — *С. 547.*

Ил. 157. Мужской княжеско-боярский костюм Древней Руси XI–XIII вв. (по М. А. Сабуровой). — *С. 550.*

Ил. 158. Венгерский король Бела IV. Миниатюра из Иллюстрированной хроники середины XIV в. (Chronicon Pictum, или Chronica de Gestis Hungarorum), иногда называемой также Венской иллюстрированной хроникой или Хроникой Марка Кальти, по имени одного из составителей. Национальная библиотека им. Иштвана Сечени (Будапешт, Венгрия). — *С. 552.*

Ил. 159. Поединок орла со змеей. Мозаика. Константинополь. Вторая половина VI в. Большой императорский дворец (Стамбул, Турция). — *С. 560.*

Ил. 160. Вознесение Александра Македонского. Композиция тимпана восточного прясла южного фасада Дмитровского собора. Резьба по камню. Конец XII в. (Владимир, Россия). — *С. 566.*

Ил. 161. Вознесение Александра Македонского. Композиция центрального киотца диадемы из Сахновского клада. Золото, перегородчатая эмаль. Первая половина–середина XII в. Музей исторических драгоценностей (Киев, Украина). — *С. 567.*

Ил. 162. Митра перемышльских греко-католических епископов. Вторая половина XVIII в. По легенде, переделана из древней короны Даниила Галицкого. Из альбома Археологическо-библиографической выставки Ставропигийского института (Львов, 1888). — *С. 576.*

Ил. 163. Шейная гривна. Золото, перегородчатые эмали. Древняя Русь. XII–XIII вв. Найдена у с. Каменный Брод Коростышевского района Житомирской области. Национальный музей истории Украины (Киев, Украина). — *С. 580.*

Ил. 164. Сражение и победа царя Симеона у Анхиало (Ахелоя) в 914 г. Миниатюра Мадридского списка «Истории» Иоанна Скилицы. Южная Италия. Середина XII в. Королевская библиотека (Мадрид, Испания). — *С. 585.*

Ил. 165. Император Ираклий и его сын Константин. Золотая византийская монета. VII в. Собрание Думбартон Оукс (Вашингтон, США). — *С. 588.*

Ил. 166. Христос Пантократор и император Лев VI Мудрый. Мозаика. Деталь. Константинополь. Конец IX в. Собор Св. Софии (Стамбул, Турция). — *С. 592.*

Ил. 167. Христос на троне и предстоящие Ему император Константин IX Мономах и императрица Зоя. Мозаика. Константинополь. Середина XI в. Собор Св. Софии (Стамбул, Турция). — *С. 602.*

Ил. 168. Император Александр I. Мозаика. Константинополь. Начало X в. Открыта в 1958 г. Собор Св. Софии (Стамбул, Турция). — *С. 605.*

Ил. 169. Колонна Константина. Ок. 330 г. Первоначально достигала 35 м в высоту. Венчавшая колонну статуя Константина разрушена во время бури в 1106 г. Площадь Чемберлиташ (Стамбул, Турция). — *С. 609.*

Ил. 170. Лимбургская ставротека (без крышки). Середина X в. Платановое дерево, серебряный позолоченный оклад, украшенный драгоценными и полудрагоценными камнями. Кафедральный собор-музей Св. Георгия в Лимбурге-на-Лане (земля Гессен, Германия). — *С. 610.*

Ил. 171. Св. Савва Сербский. 1230-е гг. Фреска на северной стене нартекса собора Вознесения Христова Милешевского монастыря (Милешева, округ Златибор, Сербия). — *С. 614.*

Ил. 172. Ковчег-мощевик наперсный двойной. Лицевая сторона. Древняя Русь, первая половина XIII в. (внутренний ковчежец); Тверь (?), первая четверть XIV в. (внешний ковчежец). Музеи Московского Кремля (Москва, Россия). — *С. 617.*

Ил. 173. Крест воздвизальный. Лицевая сторона. Новгород (?). Вторая половина XII–первая четверть XIII вв. Музеи Московского Кремля (Москва, Россия). — *С. 618.*

Ил. 174. Крестное целование Рюрика Ростиславича и черниговских князей Ольговичей Роману Мстиславичу. Миниатюра Радзивиловской летописи. XIII (XV) в. Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 620.*

Ил. 175. Икона Холмской Божией Матери. Конец XII–начало XIII вв. Дерево (кипарис), левкас, темпера, позолота. Национальный Музей волынской иконы (Луцк, Украина). — *С. 622.*

Ил. 176. Список с Холмской иконы Божией Матери XIX в. Дерево, масло, позолота. Церковь Св. Иоанна Богослова в Холме. Репродукция начала XX в. — *С. 622.*

Ил. 177. Богоматерь Агиосоритисса. Начало XIII в. Мозаичная икона. Константинополь (?). Церковь Св. Андрея монастыря ордена клариссинок (Краков, Польша). — *С. 624.*

Ил. 178. Ченстоховская икона Божией Матери. XII–начало XIII вв. Дерево, левкас, темпера, позолота. Монастырь Ясна Гора (г. Ченстохова, Польша). — *С. 625.*

Ил. 179. Монастырь Св. Онуфрия в с. Лавров Старосамборского района. Современный вид (Львовская область, Украина). — *С. 626.*

Ил. 180. Скит Св. Онуфрия на Морроне (Eremo di Sant'Onofrio al Morrone) близ г. Сульмоны. Современный вид (Абруццо, Италия). — *С. 628.*

Ил. 181. Церковь Св. Онуфрия Великого на Яникуле. Район Трастевере (Chiesa di Sant'Onofrio al Gianicolo). 1439–1446 гг., перестроена в XVI в. Современный вид (Рим, Италия). — *С. 629.*

Ил. 182. Повесть о взятии Царьграда фрягами. Приступ фрягов. Лаптевский том Лицевого свода. XVI в. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 636.*

Ил. 183. Повесть о взятии Царьграда фрягами. Вторжение фрягов в Софийский собор. Лаптевский том Лицевого свода. XVI в. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Россия). — *С. 637.*

Ил. 184. Кафедральный собор Св. Петра в бенедиктинском аббатстве Св. Петра. Построен в 1143 г., перестраивался в XVII–XVIII вв. Современный вид (Зальцбург, Австрия). — *С. 641.*

Ил. 185. Австрийская герцогиня Гертруда, жена Романа Даниловича. Генеалогическое древо Бабенбергов. Фрагмент. Ок. 1490 г. Аббатство ордена августинцев (Клостернойбург, Австрия). — *С. 645.*

Ил. 186. Чешский король Пржемысл II Оттокар. Миниатюра Збраславской хроники королевского двора (Chronicon Aulae regiae). Первая половина XIV в. Национальная библиотека (Прага, Чехия). — *С. 648.*

Ил. 187. Австрийская герцогиня Феодора, мать Фридриха II Воинственного. Генеалогическое древо Бабенбергов. Фрагмент. Ок. 1490 г. Аббатство ордена августинцев (Клостернойбург, Австрия). — *С. 652.*

Ил. 188. Германский император Фридрих II. Миниатюра из принадлежавшей ему книги «Об искусстве охоты с птицами» (De arte venandi cum avibus). Конец XIII в. Библиотека Ватикана. — *С. 656.*

Ил. 189. Австрийский герцог Фридрих II Бабенберг. Генеалогическое древо Бабенбергов. Фрагмент. Ок. 1490 г. Аббатство ордена августинцев (Клостернойбург, Австрия). — *С. 662.*

Ил. 190. Собор Св. Мартина. Строительство начато в XIII в. Современный вид (Братислава, Словакия). — *С. 665.*

Ил. 191. Ульрих фон Лихтенштейн в сопровождении Венеры, участвующей в рыцарских турнирах. Миниатюра Манесского кодекса (Große Heidelberger Liederhandschrift). XIV в. Университетская библиотека (Гейдельберг, Германия). — *С. 669.*

Ил. 192. Замок Хассбах. Основан в конце XII–начале XIII вв., неоднократно перестраивался. Современный вид. Округ Нойкирхен (Нижняя Австрия). — *С. 672.*

Ил. 193. Печать краковского князя Болеслава V Стыдливого. Рисунок середины XIX в. Оригинал утрачен. — *С. 675.*

Ил. 194. «Конная печать» Владислава Опольского. 1247 г. Государственный архив (Краков, Польша). — *С. 677.*

Ил. 195. Папа Иннокентий IV с епископами на церковном соборе в Лионе. Миниатюра Сиракузского манускрипта. Ок. 1278 г. Университетская библиотека (Сиракузы, США). — *С. 680.*

Ил. 196. Папа Иннокентий IV посылает доминиканцев и францисканцев к татарам. Миниатюра Парижской рукописи «Зерцала исторического» Винсента из Бове. Начало XV в. Национальная библиотека (Париж, Франция). — *С. 685.*

Ил. 197. Печать зальцбургского архиепископа Филиппа фон Шпангайма. 1247–1257 гг. Музей кафедрального собора (Зальцбург, Австрия). — *С. 690.*

Ил. 198. Памятный знак к 750-летию коронации Даниила Галицкого, установленный в 2003 г. (Дрогичин, Польша). — *С. 695.*

Ил. 199. Золотой гиперпирон никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца. Магнезия. Первая половина XIII в. Метрополитен-Музей (Нью-Йорк, США). — *С. 697.*

Ил. 200. Никейский император Феодор II Ласкарь. Миниатюра из Моденского списка «Хроники» Иоанна Зонары. XV в. Biblioteca Estense Universitaria (Модена, Италия). — *С. 704.*

Ил. 201. Бела IV и Пржемысл II Оттокар. Миниатюра из иллюстрированной хроники середины XIV в. (Chronicon Pictum, или Chronica de Gestis Hungarorum), иногда называемой также Венской иллюстрированной хроникой или Хроникой Марка Кальти, по имени одного из составителей. Национальная библиотека им. Иштвана Сечени (Будапешт, Венгрия). — *С. 706.*

Указатель имен

В указателе приняты следующие сокращения: австр. – австрийский, авт. – средневековый автор, ап. – апостол, арм. – армянский, архиеп. – архиепископ, библ. – библейское, болг. – болгарский, был. – былинный, вел. – великий, венг. – венгерский, виз. – византийский, влад. – владимирский, вол. – волынский, гал. – галицкий, герм. – германский, герц. – герцог, герцогиня, груз. – грузинский, др.-русск. – древнерусский, еп. – епископ, иг. – игумен, иерус. – иерусалимский, имп. – император, исп. – испанский, итал. - итальянский, кард. – кардинал, киев. – киевский, кн. – князь, кнг. – княгиня, конст. – константинопольский, кор. – король, королева, лат. – латинский, лит. – литовский, митр. – митрополит, миф. – мифологическое, молд. – молдавский, монг. – монгольский, моск. – московский, ник. – никейский, новг. – новгородский, патр. – патриарх, перс. – персидский, польск. – польский, римск. – римский, св. – святой, свящ. – священник, серб. – сербский, смол. – смоленский, суздл. – суздальский, трапез. – трапезундский, фр. – французский, худ. – художник, черн. – черниговский, чешск. – чешский. Курсивом набраны фамилии исследователей нового времени.

А., монах 728
Абрахам В. см. *Abraham W.*
Августин, св. 628
Авдий, архитектор 514
Аверьянов К. А. 445
Агапит, диакон, авт. 243
Агнесса (Агния-Анна) Антиохийская, жена венг. кор. Белы III 296, 422, 541
Агнесса Чешская, жена австр. герц. Рудольфа II Габсбурга 670
Агнешка, мать гал.-вол. кн. Романа Мстиславича 155
Агоштон М. 531, 532
Адальберт, еп. 692
Адам Эльсхаймер см. Adam Elsheimer
Адамов Е. А. 177
Адольф фон Альтена (Adolf von Altena), кельнський архиеп. 115, 117, 141, 142
Адрианова-Перетц В. П. 260, 560, 569, 591, 635
Азбелев С. Н. 25, 177
Айналов Д. В. 639
Акакий, конст. патр. 472
Акиндин, св. 627
Аксаковы, дворянский род 399
Александр I, виз. имп. 605
Александр I Ягеллон, польск. кор., лит. вел. кн. 456, 523
Александр III, римск. папа 506
Александр IV, римск. папа 196, 676, 700, 701, 704, 705, 707
Александр Асень, брат болг. царя Ивана II Асеня 218
Александр Всеволодович Белзский, вол. кн. 570, 601
Александр Гравина, посол виз. имп. Мануила I Комнина 500, 501
Александр Македонский, царь 200, 549, 558, 563–570, 576
Александр Михайлович Тверской, др.-русск. кн. 334

Александр Ярославич Невский, новг., киев. кн., влад. вел. кн., св. 80, 321, 399, 444, 446, 447, 460, 461, 529, 570, 575
Александрович В. С. 361, 368, 369, 383–385, 387, 389, 397, 433, 514, 515, 622
Алексеев А. А. 433
Алексеев Л. В. 47, 48, 270, 322, 326, 327, 341, 345–347, 425, 487
Алексей I Комнин, виз. имп. 248, 284, 326, 374–376, 378–381, 389, 390, 392, 394, 530, 606
Алексей II Комнин, виз. имп. 284, 423, 717
Алексей III Ангел, виз. имп. 5, 15, 190, 193–195, 196, 198, 202–207, 210–222, 224, 226–231, 234, 241, 246, 248, 249, 263, 289, 290, 292, 295, 297, 298, 301, 304, 305, 329, 330, 372, 390, 395, 404, 441, 541, 542, 544, 545, 597, 598, 625, 642, 715, 716
Алексей IV Ангел, виз. имп. 5, 136, 137, 205, 211, 275, 290, 299, 314, 315, 390, 424, 492, 642, 643, 723
Алексей V Дука Мурчуфл, виз. имп. 205, 211, 212, 231, 475, 530, 542, 643
Алексей, луцкий еп. 367
Алексей Врана, виз. военачальник, мятежник 469, 606, 607
Алексей Гид, виз. военачальник 224
Алексей Комнин, протосеваст 423
Алексей Комнин Филантропин, виз. царедворец 530
Алексей Михайлович, русский царь 344, 362, 551
Алексей Палеолог Комнин Дука, деспот, зять виз. имп. Алексея III Ангела 230, 304, 305, 542, 598
Алексей Слав, деспот, претендент на болг. престол 542
Алексей Студит, конст. патр. 600
Алеф Г. 531
Алешковский М. Х. 261, 636
Алпатов М. В. 81, 354
Альберт Великий, герц. Брауншвейгский и Люнебургский 631
Альберт де Наамюр, граф 502
Альберт Суербеер, архиеп. Пруссии, Ливонии и Эстонии 692, 693, 712, 713, 728, 729
Альбрик, монах из аббатства Трех Источников (Alberic de Trois-Fontaines, Albericus Trium Fontanum), авт. 4, 15, 23, 125–129, 135–139, 143, 146, 148, 152, 160, 188, 203, 204, 206, 207, 583, 713, 715
Амальрик (Амори) I, иерус. кор. 419, 482, 486, 487, 491, 492, 499–503, 505, 507
Амброз А. К. 517
Амвросий Медиоланский, еп., св. 140, 467
Амвросий (Юшкевич), новг. архиеп. 84
Амон, миф. 564
Анастасий I, виз. имп. 530
Анастасия Петровна, жена новг. кн. Мстислава Юрьевича 497
Анастасия Юрьевна, жена кн. Александра Михайловича Тверского 334
Анатолий (Грисюк), иеромонах 458
Ангелино Дульцерт (Ангелино де Далорто), исп. картограф 200, 201, 209, 543
Ангелов Д. 215
Ангелов П. 215
Ангелы, династия виз. имп. 7, 206, 218, 242, 248, 289, 299, 300, 355, 350, 372, 373, 376, 390, 395, 424, 440, 640, 651, 718, 719
Андреев А. И. 88
Андреев И. 301
Андреев М. Л. 484
Андрей (Эндре) II, венг. кор. 132, 134, 144, 145, 149, 183–185, 288, 289, 293–295, 297, 316, 317, 422, 493–495, 655, 657, 721
Андрей, чешск. воевода 674
Андрей Владимирович, др.-русск. кн., сын Владимира Мономаха 44

Андрей Критский, св. 385
Андрей Курбский, кн. 602
Андрей Младший, сын венг. кор. Андрея II 293, 463, 495
Андрей Первозванный, ап. 150, 239
Андрей Рублев, иконописец, св. 81, 630
Андрей Юрьевич Боголюбский, влад.-сузд. кн. 30, 76, 280, 323 , 342, 343, 393, 486, 496, 509, 568, 594, 710
Андрей Ярославич, влад. вел. кн. 460, 461, 600
Андрияшев А. М. 194
Андроник I Комнин, виз. имп. 206, 216, 217, 248, 275, 284, 303, 304, 421, 423, 538, 539, 590, 593, 594
Андроник II Палеолог, виз. имп. 237, 418, 533, 546
Андроник III Палеолог, виз. имп. 546, 585
Андроник Ангел, сын севастократора Иоанна Ангела, племянник виз. имп. Исаака II Ангела 653
Андроник Дука Ангел, отец виз. имп. Алексея III 217, 319, 652
Андроник Дука Каматир, пансеваст севаст, конст. эпарх 293
Андроник Лапард, севаст 296
Андроник Палеолог Комнин Дука, протопансевастогипертат, фаворит виз. имп. Исаака II Ангела 304
Андроник Сардский, митр. 700
Андрощук Ф. 581
Андрусев П. 218
Анисимов А. И. 82
Анна, св. 7, 330, 332, 333, 350, 373, 381–389, 392, 396–398, 402, 439, 456, 506, 718, 719
Анна см. Евфросиния (Анна, Мария) Галицкая
Анна, виз. принцесса, жена киев. вел. кн. Владимира Святославича 431, 546
Анна (Констанция), дочь герм. имп. Фридриха II, жена ник. имп. Иоанна III Ватаца 698, 700
Анна Ангелина, дочь виз. имп. Алексея III Ангела 230, 290
Анна Васильевна, кнг., дочь моск. вел. кн. Василия I, жена Иоанна Палеолога, будущего виз. имп. Иоанна VIII 547
Анна (Янка) Всеволодовна, кнг., монахиня, дочь киев. вел. кн. Всеволода Ярославича 242
Анна Гонзага де Клеве, принцесса Мантуи и Монферрата 414
Анна Далассина (Ксения), виз. имп., монахиня, мать виз. имп. Алексея I Комнина 7, 373–376, 378–381, 389, 390, 392, 394, 395, 398, 719
Анна Збражская, кнг. 382
Анна Ивановна, дочь русского царя Ивана IV Грозного 333, 383
Анна Комнина, авт., дочь виз. имп. Алексея I Комнина 7, 373, 375, 379, 390, 606, 719
Анна Мстиславна, кнг., дочь новг. и гал. кн. Мстислава Мстиславича Удалого, жена гал.-вол. кн. Даниила Романовича 371, 460, 478, 718
Анна Ярославна, дочь киев. вел. кн. Ярослава Владимировича Мудрого, жена фр. кор. Генриха I 138
Аноним Бандури, авт. 546
Аноним Сафы см. Феодор Скутариот
Антиох Стратиг, авт. 481
Антипов И. В. 306, 309, 361, 363, 364, 449–453, 455, 456, 514
Антон Зорг, немецкий типограф 520
Антоний (Добрыня Ядрейкович), новг. архиеп. 9, 13, 76, 77, 217, 234, 235, 289, 405, 425, 476, 610, 611, 618, 619, 627, 632, 635–640, 643, 722, 723
Антонио Аврелино (Филарете), итал. архитектор, скульптор, теоретик архитектуры 534
Антонов В. А. 527
Антокольская Н. Н. 374
Аполлинарий, св. 352
Аполлоний Тианский, античный маг и философ 516

Аристотель, античный философ 701
Арнольд Любекский, авт. 131, 133, 204
Арнольд Торройский, вел. магистр Ордена тамплиеров 490
Арсений Авториан, конст. патр. 237, 700, 704
Арсеньев Ю. В. 536
Артамонов Ю. А. 513
Арутюнова-Фиданян В. А. 481, 617
Арциховский А. В. 244, 556, 568
Арьес Ф. 313
Асаф, владимиро-волынский еп. 595
Асени, династия болг. царей 222, 224, 230, 279, 301
Асень см. Иван I Асень
Аскарий, виз. имп. см. Алексей III Ангел
Аулих В. В. 31, 394, 397
Афанасий (Сахаров), архиеп. 313
Афанасьев Ю. А. 488, 508
Афродита, миф. 608
Ахилий, св. 351
Ациевски К. 542

Бабенберги, династия австр. герц. 9, 10, 644, 645, 647, 648, 650, 651, 653, 658, 662, 663, 677, 678, 681, 688, 692, 704, 723, 724
Багратионы, груз. царский род 481
Багров Л. 200
Бакалова Е. 614, 615
Бакулин П. И. 259
Банк А. В. 355, 357, 373, 393, 428, 567, 568
Барков И. С. 163
Байер Г. З. 126, 160
Балдуин I (Фладрский), лат. имп. 196, 203, 212, 213, 215, 582, 612
Балдуин II, лат. имп. 699, 700, 705, 706
Балдуин II, иерус. кор. 502
Балдуин III, иерус. кор. 419, 486, 499, 500, 503, 505
Балдуин IV, иерус. кор. 482, 489, 490, 491, 502
Балдуин V, иерус. кор. 489
Балдуин Трирский, курфюрст 112
Балинский М. см. *Baliński M.*
Бальцер О. 528
Балюз Э. (Стефан Балюзиус) 727, 730
Барвинський Б. 665, 681
Барсов Е. В. 540
Бартоломей Английский, авт. 199
Бартоломео дель Фиадони (Птолемей из Лукки), авт., еп. 5, 193, 196–198, 200–202, 204, 205, 207, 208, 210, 216, 715
Бартошек М. 499
Баталов А. Л. 325, 614
Батый, монг. хан 399, 563, 573, 579, 671
Батюшков П. Н. 164, 341, 344, 361, 362, 451, 453, 455, 514
Баумгартен Н. А. 133, 298, 299, 320, 331, 399, 460, 651
Баумайстер И. З. 299
Бегунов Ю. К. 520
Бела III, венг. кор. 132, 221, 290, 295, 296, 407, 408, 422, 442, 493, 541
Бела IV, венг. кор. 297, 316, 407, 408, 422, 494, 549, 551, 552, 644, 645, 647, 649, 651, 653, 656, 657, 661, 663–672, 675–681, 683, 687–689, 691, 692, 697, 702, 706, 707, 723, 724
Белёвский А. см. *Bielowski A.*
Белоброва О. А. 217, 489, 639
Бельский Мартин, авт. 157, 158, 173, 174, 193, 194, 196, 218, 522
Беляев Л. А. 445, 569, 614
Беляшевский Н. 556
Бенедикт Бор, венг. воевода 183
Бенеш, чешск. воевода 674, 675
Беняк Я. 20, 21, 111, 112, 528
Бережков Н. Г. 233, 234, 257, 259, 271, 401, 467, 599
Берест Р. 366
Бернар Клервоский, св. 156, 180
Бернард, неаполитанский архиеп. 681
Бернгард II Шпангайм, каринтийский герцог 677, 690
Бернгард Пройссель, австр. рыцарь 653, 679
Бертеньи Й. 668

Бертольд IV, граф Андехский, герц. Меранский 316
Бертольд V, герц. Церингенский 117
Бессонова М. А. 357, 428
Бибиков М. В. 218, 224, 237, 239, 249, 283, 284, 292, 323, 377, 488, 508, 545, 588
Бицилли П. М. 637, 638
Білоусов С. М. 165
Благиня, венг. воевода 293
Благова Э. 572
Благојевић М. 186
Блескина О. Н. 563
Блудов Д. Н. 342
Бобров А. Г. 74, 348
Богаченко С. Л. 396, 397
Богдан Хмельницкий, украинский гетман 361, 362
Богданов В. П. 25, 54, 55, 57, 60, 89
Богданов К. А. 565
Божилов И. 222, 230, 235, 301, 317, 584, 586, 615
Божков А. 605
Бозоян А. А. 500
Бойцов М. А. 588
Бокман Х. 134
Болеслав II Смелый, польск. кн., кор. 173
Болеслав III Кривоустый, польск. кн. 133, 155, 189, 289
Болеслав IV Кудрявый, польск. кн. 156
Болеслав V Стыдливый, польск. кн. 139, 158, 645, 674, 675, 681, 684, 694, 707
Большакова Л. Н. 309
Большакова С. А. 464, 465, 686, 687
Бонифаций I Монферратский, маркиз, кор. Фессалоники 136, 195, 211, 212, 297, 542, 638
Борил, болг. царь 218, 223, 542
Борис Василькович, кн., сын ростовского кн. Василька Константиновича 401
Борис Владимирович, кн. св., сын киев. вел. кн. Владимира Святославича 80, 323–325, 402, 467, 529
Борис Всеволодович, кн., сын влад.-сузд. вел. кн. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 467
Борис Годунов, русский царь 277
Борис Юрьевич, белгородский и туровский кн., сын влад.-сузд. кн. Юрия Владимировича Долгорукого 322–324
Борисов Н. С. 446, 465
Борисов О. 544
Ботвинник Н. М. 563
Бочаров Г. Н. 529, 567
Бошкович М. 544
Брайчевский М. Ю. 528, 623
Бруно из Шауенбурга, оломоцукий еп. 676
Брюсова В. Г. 333, 630
Бубенок О. Б. 247
Будилович А. 622
Бужилова А. П. 403
Буко А. см. *Вико А.*
Булгаков С. Н 330
Булкин В. А. 77
Бурбоны, Бурбонский дом, династия фр. кор. 58, 413
Бурундай, монг. полководец 707
Бутырский М. Н. 343
Бучко Р. В. 363
Бычков В. В. 355

Вавила, вол. свящ. 334
Вагнер Г. К. 324, 343, 514, 518, 529, 567, 568
Валентиниан III, римск. имп. 485
Валк С. Н. 66, 87, 88, 93–95, 98
Вальдемар I, датский кор. 133
Вальденберг В. Е. 578
Варзос К. см. *Βάρζος К.*
Варлаам Калабрийский, виз. монах, противник исихазма 353
Варлаам Хутынский, св. 76, 80, 637, 639, 640
Варонін В. А. 344
Василий Великий, св. 257, 402, 458, 467, 685
Василий I, виз. имп. 356, 560
Василий I Дмитриевич, моск. вел. кн. 444, 446, 547

Василий II Болгаробойца, виз. имп. 378, 407, 418, 610, 619
Василий II Васильевич Темный, моск. вел. кн. 172, 578
Василий II Каматир, конст. патр. 304, 305, 376, 404
Василий III Иванович, моск. вел. кн. 325
Василий, тырновский архиеп. 186
Василий Ватац, виз. военачальник 224
Василий Лупу, молд. господарь 631
Василий Педиадит, керкирский митр. 214
Василий Ярославич, влад. вел. кн. 461
Василиск, виз. имп. 472
Васильев А. А. 136, 698
Васильев А. Н. 497
Васильевский В. Г. 242, 244, 245, 248, 282. 283
Василько Владимирович, сын гал. кн. Владимира Ярославича 121
Василько Георгиевич, полоцкий кн. 347
Василько Константинович, ростовский кн. 401, 467
Василько Романович, вол. кн. 145, 201, 295, 298, 309, 318, 380, 381, 400, 401, 464, 527, 579, 603, 645, 656, 658, 661, 685, 687, 702, 726
Василько Ростиславич, теребовльский кн. 122, 123
Василько Юрьевич, сын влад.-сузд. кн. Юрия Владимировича Долгорукого 323
Васильковичи, потомки вол. кн. Василька Романовича 469
Вацлав (Венцеслав) I, чешск. кор. 645, 648, 649, 654, 655, 662, 664, 678, 680, 688
Вейтцманн К. см. *Weitzmann K.*
Великие Комнины, династия трапез. имп. 418
Великий А. Г. 725, 726
Велков В. И. 187
Вельтман А. Ф. 531
Вельфы, правящая династия в ряде герм. и итал. государств 4, 15, 23, 111, 115–119, 124, 129, 131, 132, 135, 138, 139, 141, 142, 144, 145, 148, 149, 159, 187, 631, 712, 713
Веневитинов М. А. 498
Верина, виз. имп., жена виз. имп. Льва I 471, 472
Вернадский Г. В. 39
Верхуслава Всеволодовна, кнг., дочь влад.-сузд. вел. кн. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, жена киев. вел. кн. Ростислава Рюриковича 272, 273
Веселаго Е. Б. 534
Веселовский С. Б. 83
Вечерка Р. 572
Вздорнов Г. И. 354, 497
Вилинбахов Г. В. 521, 531, 532, 534
Вильгельм II Голландский, герм. антикороль 649
Вильгельм II Добрый, сицилийский кор. 221, 278
Вильгельм (Гийом) V Монферратский, маркиз 489, 502
Вильгельм, еп. Моденский, кард. Сабинский, папский легат 714, 730
Вильгельм (Гийом) Тирский, авт., архиеп., канцлер Иерусалимского королевства 481, 482, 490, 500, 501, 505
Винкельманн Э. см. *Winkelmann E.*
Винсент из Бове, авт., фр. богослов, философ, энциклопедист 685
Винцентий Кадлубек, авт., краковский еп.13, 122, 150, 155, 185, 189, 196, 199, 583, 589, 591, 5906
Винцентий (Викентий) из Кельчи, авт., польск. поэт, свящ. 159
Виргил Солис, нем. гравер и книжный иллюстратор 522, 523, 536
Вит, св. 669
Витомир, венг. воин 293
Владимир см. Иван-Владимир Владимирович
Владимир Василькович (в крещении Иван), вол. кн. 76, 429, 454, 455, 458, 559, 576, 577, 580, 581, 621

Владимир Всеволодович, сын новг. кн. Всеволода Мстиславича 133
Владимир Всеволодович (в крещении Дмитрий), сын влад.-сузд. вел. кн. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 466
Владимир Всеволодович Мономах, киев. вел. кн. 12, 28, 29, 44, 121, 123, 153, 154, 173, 244, 245, 322, 563, 568, 569, 594
Владимир Игоревич (в крещении Петр), путивльский и гал. кн. 468, 600, 601
Владимир Рюрикович, киев. вел. кн. 250, 251, 256, 267, 269, 274
Владимир Святославич, киев. вел. кн,, св. 12, 243, 361, 364, 431, 546, 547, 577, 578, 591, 615, 726
Владимир Ярославич, гал. кн. 62, 64, 68, 69, 121, 122, 130, 249
Владимирский-Буданов М. Ф. 39, 48
Владислав II, чешск. кор. 130
Владислав II Ягайло (Владислав-Ягайло), польск. кор., лит. вел. кн. 406 (через дефис), 415 (без дефиса), 430
Владислав III Ласконогий (Тонконогий), польск. кн. 129, 146
Владислав IV Ваза, польск. кор. 414
Владислав Моравский, австр. герц., сын чешск. кор. Вацлава I 648, 664, 688
Владислав Опольский, польск. кн. (ум. 1281/82) 645, 646, 674–676
Владислав Опольский (Опольчик), польск. кн. (ум. 1401) 625
Власко (Valasco), монах 680
Власов А. В. 237
Влодарский Б. см. *Włodarski B.*
Водов В. А. 572–576, 578, 579, 585
Водовозов Н. В. 550
Войнар М. М. 696
Войтович Л. В. 15, 22, 23, 25, 26, 55, 74, 121, 123, 129–131, 133, 165, 167, 189, 194, 217, 227, 242, 287–289, 291, 293–295, 297, 318, 320, 321, 332, 367, 400, 411, 443, 454, 464, 473, 514, 651, 683, 695, 707
Войцех, арманацкий еп. 692
Войшелк, лит. кн. 447, 729
Волдрис, гал. боярин 604
Володарь Ростиславич, перемышльский кн. 123, 174, 176, 248, 284
Володимирко (Владимирко) Володаревич, гал. кн. 44, 122, 123, 283, 619, 620
Володислав Кормильчич, гал. боярин 146
Волощук М. М. 165, 166, 184, 293, 494, 494, 657
Волпт (Вълпт), венг. воевода 293
Волынский А. П., кабинет-министр 25, 271
Воробьева Е. В. 518, 529
Воронин Н. Н. 323–325, 333, 343, 433, 435, 513, 568
Воронова Е. М. 322, 340
Воскресенский Г. 433
Вратислав II, чешск. кн. 173
Всеволод Глебович, пронский кн. 63
Всеволод Константинович (в крещении Иоанн), ярославский кн. 467
Всеволод Мстиславич, сын киев. вел. кн. Мстислава Романовича 34
Всеволод Мстиславич, новг. кн. 133
Всеволод Ольгович, черн. и киев. вел. кн. 45, 468
Всеволод Святославич Чермный, киев. вел. кн. 62, 71
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (в крещении Дмитрий), влад.-сузд. вел. кн. 3, 6, 19, 26–30, 32, 33, 51–55, 59–74, 85, 87, 118, 233, 250, 251, 253–257, 259, 264, 265, 268, 272, 273, 275–281, 322, 323, 325, 332, 401, 466, 467, 529, 568, 709, 710, 716
Всеволод Юрьевич (в крещении Дмитрий), внук влад.-сузд. вел. кн. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 466
Всеволод Ярославич, киев. вел. кн. 41, 67, 242, 244–246, 283, 284
Всеслав Брячиславич, полоцкий кн. 326
Вуйцик В. 153, 363, 368

Вукан Неманич, серб. жупан 185, 186, 598
Высоцкий С. А. 325, 528, 529, 630
Вячеслав, гал. боярин 265, 266, 270

Г., монах 728
Габриэле Кондульмер, кард. см. Евгений IV
Гавриил архангел 467
Гагек Вацлав, авт. 173, 174
Гагова К. 235
Гайдуков П. Г. 337, 361, 371, 392–394, 396, 397, 404–406, 408, 444, 461, 462
Галасливий С. 366
Гарик Поруньский, посол герм. имп. Фридриха II 689
Гарланд Л. см. Garland L.
Гваньини Александр, авт. 173, 174
Гедеон (Гедко), краковский еп. 151, 156
Гедимин, лит. вел. кн. 431
Гейза II, венг. кор. 283, 619, 647, 652
Геласий I, римск. папа 313
Гелитович М. 383
Геннадий I, конст. патр., св. 472
Генрих I, фр. кор. 138
Генрих (Анри) I Фландрский, лат. имп. 493, 541, 612
Генрих II Плантагенет, англ. кор. 490, 500
Генрих IV, герм. кор. и имп. 114, 116, 118, 173, 420, 609, 690
Генрих V, рейнский пфальцграф 142
Генрих VI Штауфен, герм. имп. 221, 586, 712
Генрих (VII) Штауфен, герм. кор. 648, 661
Генрих XII Лев, баварский герцог 119, 124, 629, 631, 632
Генрих, сын баварского герц. Оттона II 650
Генрих, еп. Эзельский и Поморский, папский легат 730
Генрих Бабенберг, сын австр. герц. Леопольда VI 648
Генрих Бревно, купец 10, 654, 659–661
Генрих фон Брунне, посол герм. имп. Фридриха II 689
Генрих фон Лихтенштейн, австр. рыцарь 653, 670, 672
Генрих Пройссель, австр. рыцарь 653, 679
Генрих фон Хассбах, граф, ландрихтер Австрии 10, 653, 654, 668, 671–673, 723
Генрих Штайнер, нем. издатель 522
Генсиоровский А. И. 364
Георгий Акрополит, авт., вел. логофет 203, 204, 211–213, 218, 222, 228, 237–239, 585, 700, 704
Георгий Амартол, авт. 563, 565
Георгий Войтех, предводитель болг. восстания против виз. владычества 245
Георгий (Святослав) Всеславич, полоцкий кн. 322, 346
Георгий Исповедник, св. 467
Георгий Кизикский, митр. 700
Георгий Кодин, авт., куропалат конст. дворца виз. имп. 540
Георгий Малеин, св. 467
Георгий Метохит, виз. посол к римск. папе Иоанну XXI 237
Георгий Палеолог Комнин Дука, вел. этериарх 304, 500, 598
Георгий Пахимер, авт. 237, 238
Георгий Победоносец, св. 80, 346, 369, 388, 389, 427, 435, 466, 468, 505–507, 559, 610
Георгий Сфрандзи (Франдзи), авт., вел. логофет 534, 547
Геракл, миф. 563
Гербачевский Ф. 361, 362, 449, 622
Герборт, правитель замка Фулштейн 675, 676
Гербхардт Дахер, авт. 521
Гервазий Тильберийский, авт. 199
Гервасий, св. 140, 143, 161
Герман, аугсбургский еп. 149
Герман I, ландграф Тюрингии 4, 22, 126, 131–134, 141, 145, 160, 316, 713

Герман VI Церинген, маркграф Баденский, австр. герц., муж австр. герц. Гертруды Бабенберг 644, 649, 665, 691, 692
Герман фон Зальц, вел. магистр Тевтонского ордена 134
Гернесий, архиеп. Кесарии 500
Герострат, миф. 24
Гертруда, венг. кор., жена венг. кор. Андрея II 144, 149, 294, 316
Гертруда Бабенберг, австр. герц. 334, 644, 645, 647–651, 653, 664, 665, 673, 676–681, 683, 691, 704
Гецелон, клирик 728
Ги де Базош, авт. 126
Ги де Лузиньян, иерус. кор. 489, 490, 502
Гиацинт (Яцик), св. 134
Гида, кнг., жена киев. вел. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха 121, 154
Гилельм (Вильгельм) Монферратский, сын Бонифация I Монферратского 297
Гиппиус А. А. 265, 497, 498, 509, 529
Гиргензон Й. см. *Girgensohn J.*
Гладкая М. С. 567
Глеб Василькович, сын ростовского кн. Василька Константиновича 401, 402
Глеб Владимирович, кн., св., сын киев. вел. кн. Владимира Святославича 80, 323–325, 402, 467, 529
Глеб Владимирович, рязанск кн. 65
Глеб Володьевич, был. 245
Глеб Святославич, черн. кн., сын киев. вел. кн. Святослава Всеволодовича 67, 245, 291
Глогер Б. 661
Глубоковский Н. Н. 424
Гоголь Н. В. 177
Голенищев-Кутузов И. Н. 196
Голубинский Е. Е. 165, 167, 181, 277, 334, 345, 464
Голубовский П. В. 230
Гонорий II, римск. папа 493
Гонорий III, римск. папа 495
Горан В. П. 330
Гордиенко Э. А. 76, 80–82, 630, 636, 637, 639, 640
Гордлевский В. 228
Горский А. А. 31, 43, 55, 78, 468, 572, 573
Готфрид Бульонский, граф, правитель Иерусалимского королевства 498
Готье из Арраса, авт. 483
Грабар А. 244, 277, 324, 540, 544, 560, 567, 623
Грабарь И. Э. 278, 325, 433
Грабовецький В. В. 194, 293, 495
Граля И. 15, 121, 195, 198, 199, 202, 204, 205, 207, 208, 210, 215, 217–219, 224, 227, 242, 288, 289, 291–294, 297, 318, 321, 331, 399, 401, 460, 488, 508, 695
Грамотин И. Т., авт., дьяк 83
Грацианский М. В. 140
Гребенников М. В. 394
Греков Б. Д. 40
Греков И. Б. 626, 627
Гречило А. 514, 522, 526–528
Гречин Петрович, новг. худ. 509
Григорий VII, римск. папа 690, 726
Григорий IX, римск. папа 181, 656, 705
Григорий, аббат 728, 729
Григорий, иг. монастыря св. Даниила 686
Григорий, кард. Сан Витали, папский легат 182, 183
Григорий Акраганский, еп., св. 594
Григорий Васильевич, гал. боярин 601
Григорий Назианзин, еп., св. 356
Григорий Палама, архиеп., св. 353, 354
Григорий Полонинский, иг. 729

Грушевский М. С. 12, 20, 29, 30, 54, 121, 122, 139, 145, 160, 164, 168, 170, 171, 181, 184, 188, 189, 194, 231, 233, 252, 261, 269, 291, 293, 309, 316, 317, 331, 380, 400, 495, 514, 558, 595, 646, 654, 656, 657, 662, 665, 671, 675, 679, 683, 684, 692, 695
Губаз, царь лазов 472
Гуго де Пюизе, кузен иерус. кор. Балдуина II 502
Гудзий Н. К. 550, 551, 562, 563
Гудима П. 365
Гунтер Пэрисский, авт. 203, 637
Гуржій І. 158
Гурулева В. В. 533
Густав из Кёнигсегг, граф 521
Гюго де Сен-Поль, граф 205
Гюзелев В. 215

Давид, библ. 490
Давид, св. 480
Давыд Ростиславич, смол. кн. 29, 33, 48, 62, 64, 68, 581
Давыд Святославич, черн. кн. 28
Давыдова М. Б. 178
Давыдова С. А. 564
Дагрон Ж. см. *Dagron D.*
Дайсон Перринс Ч. У. 386
Далассины, виз. знатный род 377, 378
Даль В. И. 173, 177
Дамиан, св. 627
Дандоло Андреа, авт. 182
Даниил, пророк 442
Даниил, др.-русск. паломник, иг. 498, 508
Даниил Александрович, моск. кн, св. 445–447, 460, 461, 461, 465
Даниил Васильевич, сын моск. вел. кн. Василия I Дмитриевича 444, 446
Даниил Василькович, холмский кн. 454
Даниил Дмитриевич, сын моск. вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского 444
Даниил Иванович, сын моск. вел. кн. Ивана Даниловича Калиты 444, 446
Даниил Мстиславич, гал. кн. 454, 456
Даниил Романович Галицкий, гал.-вол. кн., кор. 7–12, 14, 16, 22, 33, 34, 55, 123, 129–131, 139, 145, 146, 158, 159, 165, 166, 171, 182–184, 187, 189, 194, 201, 202, 217, 227, 234, 238, 288, 289, 292–295, 297, 298, 309, 310, 316–318, 321, 331, 367, 371, 379–381, 397, 400, 401, 422, 442–444, 447–449, 451–454, 456, 460, 462–465, 468, 469, 473, 478, 494, 495, 513, 514, 518, 527, 549–554, 557–563, 565, 575, 576, 579, 580, 587, 595, 596, 600, 601, 603, 604, 607, 622, 623, 644–647, 651, 653, 654, 656–658, 661–664, 666–668, 670–677, 681–689, 691–697, 701–708, 718, 720–730
Даниил Симеонович, сын моск. вел. кн. Симеона Ивановича Гордого 444, 446
Даниил Столпник, св. 7, 8, 442–449, 454, 459, 461–463, 465, 468, 469, 471–476, 720
Даниил Ярославич, сын влад. вел. кн. Ярослава Всеволодовича 447, 461
Данилевский И. Н. 30, 514
Данило Бяковиць, половецкий кн. 266
Даниловичи, потомки гал.-вол. кн. Даниила Романовича 469
Данилова Л. В. 43
Данте Алигьери, итал. поэт 196
Данчева-Василиева А. 215
Даньслав Лазутинич, новг. боярин 80
Дарбинян-Меликян М. О. 481
Дарий, перс. царь 557, 558, 563, 564, 576
Даркевич В. П. 431, 567, 568
Дацюк И. 35
Дашкевич Н. П. 183, 194, 462
Дашкевич Я. 514
Дворник Ф. 246, 582
Дворниченко А. Ю. 39, 45, 193, 531, 657
Дедрик (Дитрих) Бернский, герой герм. эпоса 219, 638
Делакруа Э. (1798–1863) 190
Демьян, гал. боярин 604
Денисов Л. И. 341
Державин Н. С. 223
Дероко А. 518, 532

Деян, севастократор 544
Дёрффи Д. см. *Györffy Gy.*
Джаксон Т. Н. 133, 209
Джалаледдин Руми, дервиш 229
Джованни Виллани, авт. 536
Джованни да Кариквано, авт. 209
Джованни Леончини, архивариус римск. курии 725
Джурич В. 543, 544
Джурова А. 347
Джучиды, потомки монг. хана Джучи 573
Дибольд Лаубер, худ. 118
Диль Ш. 324, 374
Димитрий Ростовский, св. 83, 345
Димитрий Скепсийский, св. 467
Димитрий Солунский, св. 6, 80, 121, 122, 264, 276–279, 466, 467, 611
Димитрий Хоматиан, архиеп. 214
Димитрий (Ярема), патр. 368, 369, 383
Димитров В. 200
Диоклетиан, рим. имп. 554
Дионисий Балабан, киев. митр. 361
Дионисий Павлович, гал. воевода 463
Дионисий Суздальский, архиеп. 426, 427
Длугош Ян, авт. 5, 6, 15, 128, 134, 140, 141, 143, 157–159, 161, 167, 185, 188, 193, 195–198, 202, 205, 207, 215, 218, 264, 267–269, 274, 415, 416, 452, 453, 518, 519, 535, 536, 692, 693, 714–716
Дмитр, посол гал.-вол. кн. Романа Мстиславича 235, 639
Дмитриев Л. А. 78, 79, 82, 83, 426, 578, 583, 591
Дмитриев М. В. 364
Дмитриев Ю. Н. 325, 529
Дмитрий Борисович, ростовский кн. 467
Дмитрий Иванович Донской, моск. вел. кн. 444, 578
Дмитрий Константинович, сузд.-нижегородский кн. 427
Дмитрий Палеолог, деспот Мореи 534
Добромир Хриз, болг. боярин, правитель Македонии 223, 229, 230, 290, 302, 597, 598
Добрушкин Е. М. 174, 175
Добрыня Ядрейкович см. Антоний, новг. архиеп.
Добрянский А. 363
Довгань П. 600
Долоцкий В. И. 424, 440, 590
Домажир, посол гал.-вол. кн. Романа Мстиславича 235, 639
Домбровская Е. см. *Dąbrowska E.*
Домбровский Г. 161
Домбровский Д. см *Dąbrowski D.*
Донской Д. В. 268, 291, 320, 400
Дорохова Е. 341
Досаев А. С. 280
Досифей, иерус. и конст. патр. 593
Достоевский Ф. М. 177
Драган М. Д. 383
Дубровский М. 341
Дуйчев Ив. 278
Дурново Н. Н. 433
Дыба (Диба) Ю. 308, 309, 334, 360, 539
Дьяконов И. В. 584
Дьяконов М. А. 39, 45, 46, 243
Дюран Й. см. *Durand J.*

Е. М. 449
Евгений IV, римск. папа 534, 628
Евгеньева А. П. 177
Евдокия, виз. имп., св., жена виз. ими. Феодосия II Младшего 472
Евдокия Ангелина Комнина, дочь виз. имп. Алексея III Ангела 212, 290, 541, 542, 598
Евдокия Макремболитисса, виз. имп., жена виз. имп. Константина X Дуки 277
Евсеева А. М. 611
Евсеева Л. М. 81, 358,
Евфимий II, новг. архиеп. 80
Евфимий, патр. 593
Евфимий, еп. Новых Патр 594
Евфимий, самборский еп. 363
Евфимия Глебовна, дочь черн. кн. Глеба Святославича 275, 290, 291
Евфимия Казимировна, дочь польск. кн. Казимира II Бытомского 334
Евфросиния см. Саломея-Евфросиния

Евфросиния, виз. имп., жена виз. имп. Михаила II Травла 327, 330
Евфросиния Александрийская, св. 6, 318, 326–330, 337, 338, 339, 359, 370, 371, 373, 399, 440, 718
Ефросиния Борисовна, дочь белгородского и туровского кн. Бориса Юрьевича 323–325
Евфросиния (Анна, Мария) Галицкая, «великая княгиня Романовая», кнг., жена гал.-вол. кн. Романа Мстиславича, мать гал.-вол. кн. Даниила Романовича 6, 7, 9–11, 15, 130, 131, 190, 202, 217, 218, 287, 295, 298, 299, 306, 311–314, 318, 319, 329, 330-332, 335, 336, 352, 360, 370–373, 379–382, 388, 390–392, 398, 401–406, 408, 422, 424, 432, 437–442, 449, 456, 460, 469, 476, 492, 545, 559, 643, 644, 653, 663, 694, 697, 703, 717–720, 722–724
Евфросиния Дукиня Каматира Ангелина, виз. имп., жена виз. имп. Алексея III Ангела 230, 292, 293, 295, 318, 372
Евфросиния Кастамонитисса, мать виз. имп. Исаака II и Алексея III Ангелов 319, 404
Евфросиния Полоцкая, св. 6, 322, 326, 327, 336, 338–351, 360, 370, 400, 425, 486, 617, 718
Евфросиния Романовна, дочь гал.-вол. кн. Романа Мстиславича 320
Евфросиния Ростиславна (Изморагд), дочь киев. вел. кн. Ростислава Рюриковича 322, 326
Евфросиния Суздальская (Феодулия), св. 321, 326, 398–401, 404, 460
Евфросиния Ярославна, дочь гал. кн. Ярослава Владимировича Осмомысла 322
Екатерина, св. 351, 353, 358, 359, 360, 368, 386, 388, 389, 510, 624
Екатерина II, российская имп. 245, 565
Елена, св., мать рим. имп. Константина Великого 234, 377, 405, 424, 428, 479, 484, 608, 615
Елена, дочь венг. кор. Гейзы II, жена австр. герц. Леопольда V Бабенберга 647
Елена Романовна, дочь гал.-вол. кн. Романа Мстиславича, жена черн. кн. Михаила Всеволодовича 321, 334, 400, 401
Елена Всеволодовна, дочь влад.-сузд. вел. кн. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 257
Елена Львовна, дочь гал. кн. Льва Даниловича 334
Елизавета (Ельжбет) Тюрингская, св. см. Кунигунда (Кинека)
Елкина А. К. 557
Еманов А. Г. 209
Еремин И. П. 577, 581
Еропкин П. М., архитектор 4, 85–91, 93, 711
Ефрем Сирин, св. 457–459, 576
Ефрем Энийский, авт. 5, 236, 238–241, 282, 716

Жаворонков П. И. 203, 205, 209, 211, 213, 222, 228, 698, 700–702, 704, 705
Жалошь Поурьскыи, посол герм. имп. Фридриха II 689, 690
Жан де Бриенн (Иоанн де Бриенн, Иоанн Бринский), иерус. кор., лат. имп. 493, 698
Жариков Н. Л. 366, 382
Жданов И. Н. 12, 164
Житенев С. Ю. 497
Жишкович В. 397, 529
Жосберт, вел. магистр Ордена госпитальеров 505
Жоффруа де Виллардуэн, авт. 135, 203, 204, 207, 212
Жуковская Л. П. 433
Журавель А. В. 24

Заборов М. А. 135, 136, 203, 207, 212, 470, 482, 488, 637
Завитневич В. Е. 219
Завражин В. Н. 237

Загайский А., часовой мастер 366
Заграевский С. В. 323
Зализняк А. А. 509
Запаско Я. П. 433
Заславские, волын. кн. род 454
Захария, библ. 384, 385
Захария Копыстенский, авт. 219
Захария Серповидец, св. 467
Захаров С. Д. 401–403
Захарова А. В. 349
Зверев А. С. 277
Зверинский В. В. 341, 367
Здислав, чешск. воевода 676
Зенон, виз. имп. 472
Зимин А. А. 488
Златарский В. Н. 187, 214, 214, 230, 582, 584
Зоммерсберг Фридрих Вильгельм, де, авт. 320
Зоненберг Х. 456
Зоя, виз. имп., жена виз. имп. Романа III Аргира, Михаила IV Пафлагона и Константина IX Мономаха 303, 378, 602
Зоя Карбонопсина, виз. имп., жена виз. имп. Льва VI Мудрого и мать виз. имп. Константина VII Багрянородного 303, 584
Зоя (Софья) Палеолог, жена моск. вел. кн. Ивана III Васильевича 531, 534
Зубрицкий Д. И. 164, 194

Иаков, ап. 120, 336, 356, 359, 374, 384, 385
Иаков, библ. 369
Иван I Асень, болг. царь 222, 230, 246, 278, 615
Иван II Асень, болг. царь 218, 317, 494, 542, 586, 615, 631, 698
Иван III Васильевич, моск. вел. кн. 531, 532, 534
Иван IV Васильевич Грозный, русский царь 324, 333, 344, 346, 383, 445, 602, 603
Иван Александр Шишманович, болг. царь 544, 613
Иван Арбенев, дьяк 432
Иван Всеволодович, стародубский кн., сын влад.-сузд. вел. кн. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 62, 467
Иван Данилович Калита, моск. вел. кн. 444, 446, 551
Иван Калоян см. Калоян
Иван Смера, половец 364
Иван-Владимир Владимирович, сын гал. кн. Владимира Ярославича 121
Иванко (Алексей), убийца болг. царя Ивана I Асеня 230, 290
Иванко, новг. посадник 70
Иванов П. А. 158
Игнатий Стебельский, авт. монах 365
Игоревичи, потомки новгород-северского кн. Игоря Святославича 294
Игорь Святославич (в крещении Георгий), новгород-северский кн. 31, 33, 37, 47, 67, 73, 189, 194, 226, 227, 260, 281, 467, 468, 561, 562, 578
Игорь (Ингварь) Ярославич, луцкий кн. 3, 51, 52, 54, 56, 257, 269, 322
Иеремия II, конст. патр. 362
Иероним, св. 628
Изяслав Андреевич, сын влад.-сузд. кн. Андрея Юрьевича Боголюбского 280
Изяслав Мстиславич (в крещении Пантелеимон), киев. вел. кн. 44, 45, 77, 130, 174, 594, 599, 619
Изяслав Ярославич, киев. вел. кн. 41, 726
Измаил, св. мученик 442
Измаиловы сыны 569
Иисус Христос 336, 338, 348, 350, 352–355, 359, 360, 368, 369, 371, 372, 374, 378, 380, 383, 396, 399, 406, 411, 413, 462, 481, 495, 592, 602, 606–608, 611, 612, 614, 619, 623, 624, 721, 728
Икономидис Н. см. *Oikonomidès N.*
Иларион, киев. митр. 546, 615
Иларион Мигленский, св. 615
Илия Пророк 325, 336, 350, 374
Иловайский Д. И. 164, 514
Ильин И. П. 175
Имедашвили Г. И. 260

Имре I, венг. кор. 131, 132, 186, 294
Ингварь Игоревич, рязанский кн. 280
Иннокентий III, римск. папа 5, 14, 115–119, 135, 144, 148, 164, 166–168, 180–187, 196, 205, 214, 221, 493, 582, 636, 641, 709, 714
Иннокентий IV, римск. папа 10, 201, 202, 309, 381, 464, 647, 649, 650, 664, 665, 674, 680–683, 685–693, 697–703, 723–730
Иоаким, св. 7, 330, 332, 333, 350, 373, 381–389, 398, 439, 456, 718, 719
Иоаким, антиох. патр. 362
Иоаким Корсунянин, новг. еп. 333
Иоанн I Цимисхий, виз. имп. 376
Иоанн II Комнин, виз. имп. 202, 210, 231, 390, 394, 440, 488, 492, 508, 516, 554, 590, 598, 611, 643
Иоанн III Дука Ватац, ник. имп. 16, 544, 612, 697–703, 705, 706, 724
Иоанн IV, киев. митр. 421
Иоанн V Палеолог, виз. имп. 585
Иоанн VI Кантакузин, виз. имп. 427, 585, 617, 618
Иоанн VIII Палеолог, виз. имп. 534, 547
Иоанн X, римск. папа 585
Иоанн X Каматир, конст. патр. 214, 218, 234, 292, 305
Иоанн XIII, римск. папа 584
Иоанн XXI, римск. папа 237
Иоанн XXII, римск. папа 197, 201, 715
Иоанн см. Даниил Романович Галицкий
Иоанн, мастер 428
Иоанн, свящ. 74
Иоанн, фаворский архиеп. 374
Иоанн, эстергомский архиеп. 184
Иоанн (Ян), монах 150
Иоанн Ангел, сын виз. имп. Исаака II Ангела 297, 315
Иоанн Ангел, севастократор, брат виз. имп. Исаака II Ангела 652
Иоанн Безземельный, англ. кор. 132, 137, 142
Иоанн Богослов, ап. 336, 356, 359, 369, 374, 376, 430, 432, 434, 441
Иоанн де Бриенн см. Жан де Бриенн
Иоанн Дамаскин, св. 605
Иоанн Златоуст, св. 464, 465, 503, 515, 581, 592, 623
Иоанн Зонара, авт. 137, 239, 704
Иоанн Каматир, логофет 292
Иоанн Кастамонит, халкидонский митр. 404
Иоанн Киннам, авт. 216, 283, 284, 323, 501
Иоанн Комнин, дука (военный наместник) Диррахия, сын севастократора Исаака Комнина 374, 376
Иоанн Комнин, куропалат, вел. доместик, брат виз. имп. Исаака I 374
Иоанн Комнин Толстый, мятежник 231, 249
Иоанн Креститель 351, 388, 467, 468, 581, 611, 614Иоанн Малала, авт. 558, 563, 565
Иоанн (Мейендорф), свящ. 243, 354
Иоанн (Илья) Новгородский, архиеп., св. 4, 73, 78, 82, 83, 426, 711
Иоанн Пармский, генеральный министр Ордена миноритов 699, 700
Иоанн Поливотский, св. 615
Иоанн Рыльский, св. 615
Иоанн Скилица, авт. 238, 303, 560, 585, 605, 611
Иоанн Спиридонаки, виз. наместник Родопской области 223, 302
Иоаннисян О. М. 152–154, 353, 515, 538, 539
Иоанница (Иваница) см. Калоян
Иоланда де Куртенэ, жена венг. кор. Андрея II 493
Иосиф Обручник 383, 385
Иосиф I Исповедник, конст. патр. 237
Иосиф, киев. митр. 595
Иосиф, моск. патр. 594
Иосиф Баковецкий, вол. еп. 154, 430
Иосиф Флавий, авт. 563, 565
Ираклий I, виз. имп. 8, 478–486, 488–490, 492, 493, 587, 588, 609, 617, 721

Ираклий (Эрекле) I, груз. царь 481
Ираклий (Ираклеон) II, виз. имп. 588
Ираклий (Эрекле) II, груз. царь 481
Ираклий, лат. иерус. патр. 478, 489–491
Ираклий Данилович, кн., сын гал.-вол. кн. Даниила Романовича Галицкого 8, 289, 443, 478, 495, 721
Ирина, св. 440
Ирина, виз. имп., жена виз. имп. Льва IV Хазара, мать виз. имп. Константина VI Слепого 328, 329
Ирина, жена виз. имп. Исаака II Ангела 311, 315, 319, 440
Ирина Ангелина, дочь виз. имп. Алексея III Ангела 210, 230, 290, 598
Ирина Володаревна, дочь перемышльского кн. Володаря Ростиславича 284
Ирина (Пирошка) Венгерская (в монашестве Ксения), виз. имп., жена виз. имп. Иоанна II Комнина 390
Ирина Дукиня (в монашестве Ксения), виз. имп., жена виз. имп. Алексея I Комнина 390
Ирина Ласкарина, дочь ник. имп. Феодора I Ласкаря, жена ник. имп. Иоанна III Ватаца 702
Ирина-Мария Ангелина, дочь виз. имп. Исаака II Ангела, жена герм. кор. Филиппа Швабского 130, 139, 290, 299, 302, 306, 310–312, 314, 315, 319, 335, 438, 440, 642, 643, 655, 717
Исаак, св. 440
Исаак I Комнин, виз. имп. 374
Исаак II Ангел, виз. имп. 6, 8. 130, 136, 139, 190, 194, 206, 216, 217, 222, 224, 231, 246, 275, 279, 287, 289–292, 295–300, 302–305, 311, 312, 314, 315, 319, 329, 330, 360, 390, 391, 395, 404, 405, 422–424, 437, 440, 441, 469, 470, 475, 476, 492, 541, 554, 593, 597, 598, 602, 603, 606, 607, 632, 642, 643, 648, 651–653, 666, 697, 716, 717, 719, 720
Исаак Комнин, севастократор 224, 248, 284, 376, 421
Исаак Комнин, правитель Кипра 590
Исидор (Изидор), киев. митр. 334, 450, 685
Исаевич Я. 74, 189, 201, 287, 332, 361, 572, 575, 657
Исайя, библ. 239
Исидор Севильский, авт., св., архиеп. энциклопедист 199
Истмонд Э. см. *Eastmond A.*
Истрин В. М. 558, 563–565
Иштван I см. Стефан (Иштван) I

Йобст Вольфганг, авт. 320

Кабузан В. М. 445
Каждан А. П. 212, 215, 246, 263, 290, 292, 299, 312, 323, 354, 377, 474, 481, 541, 593, 605
Казимир II Справедливый, польск. кн. 151, 155–157, 189, 334
Казимир III Великий, польск. кор. 331, 406, 414–416, 429, 528, 619
Казимир IV Ягеллон, польск. кор. 526
Казимировичи, сыновья польск. кн. Казимира II Справедливого 155
Кай-Хосров I, Гийас ад-Дин, иконийский султан 212, 213, 227–230, 241
Калинина Т. М. 209
Калић Ј. 613
Каллист I, конст. патр., св. 279
Калиман I, болг. царь 317
Калоян, болг. царь 5, 186, 187, 210, 213–215, 222, 223, 234, 290, 300–302, 423, 582, 586, 615, 715
Каматиры (Каматерос), виз. знатный род 6, 218, 287, 292, 295, 695, 716
Каменцева Е. И. 513
Кандакия, царица, миф. 565
Кантзов Томас, авт. 320
Карамзин Н. М. 120, 160, 164, 167, 180, 182, 254, 446, 496, 508, 509, 550, 591
Каргер М. К. 153, 345, 346, 393, 431, 528, 556
Карл Великий, имп. 584, 617
Карл II Анжуйский, неаполитанский кор. 485

Карл IV, герм. имп. 113
Карпов С. П. 419, 585
Карпович В. Н. 330
Карский Е. Ф. 254, 433
Карташов А. В. 480
Каспер Несецкий, польск. геральдист 524
Кастамониты, виз. знатный род 404
Качалова И. Я. 427
Кашанин М. 543
Каштанов С. М. 209, 279
Квасюк А. 623
Кир, св. 427
Киралексий см. Алексий III
Кирилл, киев. митр. 460, 595, 702
Кирилл Александрийский, св. 424
Кирилл Уланов, иконописец 277
Кириллин В. М. 596
Киприан, киев. митр. 277, 428, 578
Киприан (Керн), архимандрит 354
Кирпичников А. Н. 393
Кишкин Л. С. 333
Клавдий, римск. имп. 399
Клара Ассизская, св. 624
Клеванов А. 158
Клейненберг И. Э. 219, 638
Клибанов А. И. 364
Клим Смолятич, киев. митр. 154, 421, 627
Климанов Л. Г. 497
Климент, св. 428
Климент Охридский, св. 369
Клосс Б. М. 66, 67, 166, 261, 327, 346, 399, 400, 466, 636
Клыш М. А. 271
Ключевский В. О. 20, 78, 83, 112
Князький И. О. 218, 224, 247
Кнут VI, датский кор. 132, 133
Ковалев В. 707
Ковач Э. см. *Kovács É.*
Козловський А. О. 247
Козьма (Андрей) Колодынский, дьякон 364
Козьма Пражский, авт. 149, 676, 681
Кожухаров Ст. 615
Колесницкий Н. Ф. 132
Колобанов В. А. 399
Коломан I Асень, болг. царь 697
Коломан (Кальман), гал. кор., сын венг. кор. Андрея II 150, 182, 184, 185, 202, 293, 422, 494, 624, 718, 724
Колчин Б. А. 44, 497, 509, 518, 568
Кольбер Ж. Б., фр. министр финансов 711
Комеч А. И. 152, 309, 349, 515, 529
Комнины, виз. знатный род 7, 206, 300, 325, 326, 358, 372, 373, 376, 390, 391, 395, 424, 487, 488, 502, 532, 590, 719
Комша М. 248
Конов А. 534
Кондаков Н. П. 244, 325, 326, 348, 403, 486, 517, 529, 530, 532, 605, 623, 639
Кондрат, св. мученик 442
Кондратьев С. П. 546
Коновалова И. Г. 209
Конрад IV, герм. и сицилийский кор. 655, 700, 701
Конрад фон Вассербург, австр. рыцарь 653
Конрад фон Гимберг, австр. рыцарь 653
Конрад Грюнеберг, авт. 543
Конрад Земовитович, польск. кн. 453
Конрад фон Крозиг, зальцбургский архиеп. 9, 635, 638, 641, 642, 723
Конрад Мазовецкий, польск. кн. 120, 128, 140, 145, 157, 159, 160, 453, 714
Конрад фон Фалькенберг, австр. рыцарь 653
Константин Великий, имп., св. 234, 405, 424, 428, 466, 486, 532, 536, 546, 560, 608, 609, 615
Константин II, конст. патр. 593
Константин IV, виз. имп. 601
Константин V, виз. имп. 474, 593
Константин VI Слепой, виз. имп. 327, 329
Константин VII Багрянородный, виз. имп. 283, 303, 555, 584, 610
Константин VIII, виз. имп. 300, 303
Константин IX Мономах, виз. имп. 378, 602

Константин X, виз. имп. 277, 300
Константин (XI) Ласкарь, провозглашенный виз. имп., брать ник. имп. Феодора I Ласкаря 203, 205, 207, 209
Константин XI Палеолог (Драгаш), виз. имп. 532, 534
Константин, св. 480
Константин, сын виз. имп. Ираклия I 588
Константин Ангел, зять виз. имп. Алексея I Комнина 390, 395
Константин Бодин см. Петр III, болг. царь
Константин Всеволодович, влад.-сузд. вел. кн. 21, 63, 64, 84, 253, 255, 256, 271, 278, 280, 281, 425, 466, 616, 621
Константин Дука Старший, брат виз. имп. Михаила VII Дуки 242
Константин Манассес, зять болг. царя Ивана Александра Шишмановича 544
Константин Мелитеонит, виз. посол к римск. папе Иоанну XXI 237
Константин Орвието, еп. 700
Константин Палеолог, севастократор 533
Константин Радин, севаст 598
Констанция см. Анна (Констанция), дочь герм. имп. Фридриха II, жена ник. имп. Иоанна III Ватаца
Констанция, дочь венг. кор. Белы IV, жена гал. кн. Льва Даниловича 365, 422, 450, 671, 702
Концякъ (Кончак), половецкий кн. 266
Конявская Е. Л. 78–80, 265, 266, 337, 343
Копера Ф. см. *Kopera F.*
Копитко А. 554
Кораћ В. 543
Корецкий В. И. 66, 67, 114
Корзухина Г. Ф. 556
Коробчук Г., свящ. 622
Королев В. Н. 209
Королев Г. И. 196
Королюк В. Д. 333
Корочюн, венг. воевода 293
Корсаков Д. А. 248
Кос А. И. 364, 449
Косев Д. 223, 597
Коснячко, киев. боярин 41
Костомаров Н. И. 550, 551
Коструба Т. 363, 552
Котляр Н. Ф. 12–15, 22, 30–33, 37, 40, 41, 49, 50, 55, 56, 73, 74, 76, 129, 165, 195, 205, 206, 217, 220, 226–228, 234, 238, 247, 252, 287, 316, 320, 331, 370, 443, 513, 550, 561, 591, 604, 646, 647, 657, 658, 675, 676, 679, 683, 692, 693, 695, 696, 726
Коць-Григорчук Л. 385
Кравченко В. М. 527
Кралюк П. М. 22, 26, 189
Красиньские, польск. знатный род 684, 727
Кратонелли А. см. *Κραντονέλλη А.*
Крафт фон Слеюц, австр. рыцарь 653
Крипякевич И. П. (*Крип'якевич І. П.*) 76, 146, 367, 514, 552, 627, 647, 647
Кривошеев Ю. В. 39
Кромер Мартин, авт. 157, 158, 185, 193, 218
Крупнов Е. И. 47
Крутова М. С. 341
Ксения, виз. имп. см. Мария Антиохийская
Кудрявцев О. Ф. 205, 490
Куза А. В. 44
Кузентин, авт. 196, 197, 198, 204, 205, 208, 216
Кузьмин А. Г. 636
Кулаков В. И. 518
Кулаковский Ю. А. 218, 245
Кулешов А. С. 399
Култышев И. С. 205, 490
Кунигунда-Елизавета (Кинека), св. 133, 144, 145, 316, 317
Кунигунда (Кунгута) Штауфен, дочь герм. кор. Филиппа Швабского, жена чешск. кор. Вацлава I 648, 655
Купріянович Г. 362
Купчинский О. А. 23, 37, 61, 74, 75, 102, 111, 181, 363, 578

Курбатов Г. Л. 588, 592
Куремса, монг. хан 463
Кутыловская И. см. *Kutyłowska I.*
Кучинко М. М. 22, 367, 382, 449
Кучиньский С. К. см. *Kuczyński S. K.*
Кучкин В. А. 43, 49, 50, 67, 84, 121, 154, 173, 219, 343, 399, 401, 428, 445, 461, 531, 570, 600
Кушелев-Безбородко Г. 326, 341
Куэнригеры, австр. знатный род 655

Лабунька М. 657
Лаврентий, св. 629
Лаврентий, монах 699, 701, 703
Лазарев В. И.
Лазарев В. Н. 77, 80, 81, 351, 353, 354, 358–360, 378, 387, 403, 433, 435, 528, 534, 543, 561, 568, 625, 630
Лазарь, библ. 357–359
Лазарь, влад. боярин 74
Лазарь Богша, полоцкий мастер 327, 348, 425, 487
Лазаридис П. см. *Lazarides P.*
Лакиер А. Б. 534
Ламбертини Микеле ди Маттео, худ. 484, 485
Лампсидис О. см. *Lampsidēs O.*
Ланчиа, итал. знатный род 700
Лапло И. И. 344
Ласкари, династия ник. имп. 205–207
Ласкарис М. 290, 541
Ласло I Святой, венг. кор. 441
Лаурина В. К. 80–82, 630
Лафонтен-Дозонь Ж. см. *Lafontaine-Dosogne J.*
Ле Брун Шарль, фр. ювелир 413
Ле Руе А. 452
Лебедева Г. Е. 588
Лев I (Флавий Валерий Лев), виз. имп. 8, 469, 471–473, 475, 476, 720
Лев II, виз. имп. 472
Лев III, виз. имп. 600, 601
Лев V Армянин, виз. имп. 301, 606
Лев VI Мудрый, виз. имп. 303, 587, 592, 593
Лев, кард. Санта Кроче, папский легат 187
Лев Великий Царь, св. см. Лев I
Лев Данилович, гал. кн. 158, 289, 318, 363–365, 369, 388, 407, 408, 422, 443, 450, 527, 577, 578, 625–627, 631, 645, 671, 676, 702, 720
Лев Сгур, правитель Коринфа 211, 212, 542
Лев Юрьевич, луцкий кн. 473
Леванид, старец 172
Левон II, арм. царь 187, 228, 494
Левченко М. В. 231, 276, 283, 291, 323
Левшун Л. В. 340
Ленхофф Г. Д. 341
Леон, сузд. еп. 592
Леонтий, св. 467
Леопольд V Бабенберг, австр. герцог 647
Леопольд VI Славный, австр. герцог 647–649, 651–653
Лепахин В. В. 497
Лессер А. 146
Лестко см. Лешко Белый
Лефевр де Сен-Реми Ж., гербовый кор. Ордена Золотого Руна 408
Лешко Белый, польск. кн. 120, 128, 140, 142, 143, 145, 146, 150, 157, 160, 168–170, 185, 188, 202, 288, 289, 494, 595, 624, 714
Лешко Ленчицкий, польск. кн. 707
Лжедмитрий I, русский царь-самозванец 172
Лидов А. М. 277, 338, 342, 420, 424, 425, 610–612, 615, 616, 618
Липинский Т. см. *Lipiński T.*
Липшиц Е. Э. 589
Лисейцев Д. В. 83
Литаврин Г. Г. 40, 215, 222, 226, 231, 243, 246–249, 278, 283, 296, 364, 545, 555, 585, 589, 592
Литвин М. 443
Литвина А. Ф. 318, 320–322, 326, 330, 333, 443, 444, 446, 468, 487, 508, 531, 572
Лиутпранд Кремонский, авт. 126, 584

Лифшиц Л. И. 77, 351
Лихачев Н. П. 337, 339, 375, 376, 395, 404, 406, 531
Лихачев Д. С. 79, 83, 189, 194, 550, 562, 563, 575, 578
Лихачева В. Д. 534
Лихачева О. П. 552
Логвин Г. 368, 383, 433
Лонгин Сотник, св. 278, 425, 616
Лонгинов А. В. 362, 453
Лопарев Х. М. 291, 326, 639
Лордкипанидзе М. Д. 481
Лорманн К. см. *Lohrmann K.*
Лосева О. В. 79, 80, 334, 343, 347, 439, 440, 442, 454, 468, 473
Лотарь III, герм. имп. 149
Лотман Ю. М. 189
Лотоцкий А. 218
Луи-Филипп I, франц. кор. 190
Лука, ап. 326, 384, 432, 434, 436, 625
Лука, столпник, св. 474
Лука Хризоверг, конст. патр. 326, 343
Лукашевич А. А. 471, 479, 486
Лукин П. В. 43
Лукомский Ю. В. 31, 515
Луконин В. Г. 373, 393
Луп, св. 277
Лурье Я. С. 163, 166, 252, 255, 257, 261
Лучицкая С. И. 635, 638, 642, 643
Лысенко П. Ф. 456
Львов А. С. 572
Любарский Я. Н. 303, 328, 378, 589
Любарський С. 449
Любарт Гедиминович, гал.-вол. кн. 431
Людвиг I Кельгеймский, баварский, герц. 698
Людовик I Анжуйский (Лайош I), венг. и польск. кор. 525
Людовик IV Тихий, ландграф Тюрингии 133, 144, 145, 316, 317
Людовик VII, франц. кор. 489, 500
Лябуда Г. см *Labuda G.*

М. В. 622
Маврикий, виз. имп. 479
Маврикий, монах 120
Мавродин В. В. 173, 194
Магдалино П. см *Magdalino P.*
Магнус, пресвитер, авт. 668, 671
Мазур О. 600
Мазурик Ю. 448, 449, 729
Маио А. см. *Maio A.*
Майнгард III, горицкий граф 665, 690
Майоров А. В. 24, 39, 48, 89, 92, 112, 137, 141, 163, 193, 236, 247, 287, 336, 371, 411, 432, 443, 460, 478, 493, 494, 496, 519, 549, 571, 604, 608, 657
Мак-Ивитт Х. см. *Mac Evitt Ch. H.*
Макарий, моск, митр. 340, 426
Макарий Египетский, св. 630
Макарий (Булгаков), митр. 165, 167, 190, 342
Макаров Н. А. 402, 403, 404
Макарова Т. И. 518
Максим Плануд, виз. ученый 546
Малахов С. Н. 237
Малевская М. В. 308, 331, 363, 364, 449, 529, 537
Малигуди Ф. 247
Малышевский И. 364
Мамонтова Л. И. 260
Манадян Я. А. 479
Манго К. 419
Мансикка В. 570
Мантейфель Т. см. *Manteuffel T.*
Мануил I Комнин, виз. имп. 7, 8, 216, 248, 283, 284, 292, 296, 300, 323, 326, 342, 343, 348, 350, 390, 391, 406, 408, 411, 412, 415, 417, 419, 420–424, 428, 440–442, 486–488, 491, 492, 496–501, 505, 507, 508, 538, 541, 590, 611, 618–620? 720
Мануил I Великий Комнин, трапез. имп. 418
Мануил II, ник. патр. 699, 700
Мануил II Палеолог, виз. имп. 415, 417,
Мануил II Великий Комнин, трапез. имп. 418
Мануил III Великий Комнин, трапез. имп. 418, 419

Мануил, св. мученик 441, 442
Мануил Ангел, сын виз. имп. Исаака II Ангела 297, 311–314, 440
Мануил Адрианопольский, св. 441
Мануил Камица, виз. военачальник, изменник 223, 230, 302
Мануил Комнин, севаст 500
Мануил Комнин Венценосец см. Мануил I Комнин
Мануил Филантропин, посол виз. имп. Мануила II Палеолога 415
Маргарита Бабенберг, австр. герц. 648–650
Мариан, св. 120
Марино Санудо, авт. 209
Мария Богородица 332, 382–388, 396, 398, 503–507, 509, 623
Мария, виз. имп, жена виз. имп. Константина VI Слепого 328
Мария, кнг., жена белгородского и туровского кн. Бориса Юрьевича 323, 324
Мария, кнг., «великая княгиня Всеволожая», жена влад.-суздальского вел. кн. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 272, 333
Мария см. Евфросиния (Анна, Мария) Галицкая
Мария (Анна), дочь венг. кор. Андрея II, жена болг. царя Ивана II Асеня 297, 317, 494
Мария Александровна, дочь кн. Александра Михайловича Тверского 334
Мария Антиохийская (в монашестве Ксения), виз. имп., жена виз. имп. Мануила I Комнина 296, 300, 390, 391, 422, 423, 440, 492, 541
Мария Ивановна, киев. кнг. 362
Мария Казимировна, дочь польск. кн. Казимира II Бытомского 334
Мария Каматира, родственница конст. патр. Иоанна X Каматира 292, 293
Мария-Ксения см. Мария Антиохийская
Мария Комнина, дочь виз. имп. Мануила I Комнина 423, 541
Мария Комнина, дочь севастократора Исаака Комнина, жена венг. кор. Стефана IV. 420,
Мария Комнина, жена иерус. кор. Амальрика I 419, 491, 492, 500, 505
Мария Ласкарина, дочь ник. имп. Феодора I Ласкаря, жена венг. кор. Белы IV 663, 702, 703
Мария Ласкарина, дочь ник. имп. Феодора II Ласкаря 704
Мария Луиза (Людовика) Гонзага де Невер, жена польск. кор. Владислава IV и Яна-Казимира 414
Мария Магдалина, св. 278, 425, 616
Мария-Маргарита Венгерская, виз. имп., жена виз. имп. Исаака II Ангела 6, 10, 287, 295–297, 312, 315, 440, 541, 652, 694, 716
Мария Михайловна, дочь черн. кн. Михаила Всеволодовича 334, 401
Мария Романовна, дочь вол. кн. Романа Даниловича 334, 645
Мария-Терезия, исп. принцесса 58
Марк, ап. 432, 434, 435, 438, 488, 612
Марк, иерус. патр. 593
Марк Кальти, авт. 494, 552? 706
Маркиан, виз. имп. 472, 474
Марков А. В. 245
Марр Н. Я. 481
Мартин, монах 629
Мартин Турский, св. 311, 315, 665
Мартынюк А. В. 340, 344
Марушић Б. 543
Марјановић-Душанић С. 613
Масан А. Н. 134
Масленицын С. И. 324
Матвей Властарь, авт. 540
Матвей Парижский, авт. 699
Матузова В. И. 134, 187, 199, 683
Матфей, ап. 432, 434, 436
Матфей, киев. митр. 62
Матфей (Мацей), краковский еп. 156, 180
Махновец Л. Е. 295, 309, 320, 331, 380, 400, 552

Мацулевич Л. А. 517
Машке Э. 134
Маштафаров А. В. 400
Маясова Н. А. 427
Медведев М. Ю. 536
Медведев И. П. 243, 497, 545, 588
Медведева Е. С. 403
Медынцева А. А. 403, 428
Мелетий, архиеп. Газы и Элевтерополя 505–507
Мелиоранский П. М. 69, 328
Мельников А. А. 340, 341
Мельникова Е. А. 30, 120, 138, 161, 514
Менгес К. Г. 69
Мефодий Патарский, авт. 569
Мефодий Терлецкий, холмский еп. 361
Мехмед II, турецкий султан 354
Мешко III Старый, польск. кн. 146, 151, 155, 156, 169
Мещерский Н. А. 219, 635–637
Микула, сотский 596
Микула Чюдин, киев. боярин 41
Микыфор Кыянин, киев. боярин 41
Милле Г. см. *Millet G.*
Миллер В. Ф. 561
Милов Л. В. 78, 121, 154, 271, 591
Милошевић П. 441
Милютенко Н. И. 253–255, 261, 262, 271
Міляева Л. 368, 383, 622, 623
Мина Иванович, суздал. кн. 399
Миндовг, лит. кн. 309, 725, 726
Мириан III, груз. царь 617
Миронова В. Г. 509
Мирослав Гюрятинич, новг. посадник 426
Мирошка, новг. посадник 70
Митрофан, конст. патр. 578
Миттайс Г. см. *Mitteis H.*
Михаил Архангел 311–314, 616
Михаил I Дука Ангел, правитель Эпира 212
Михаил II Дука Ангел, правитель Эпира 704
Михаил II Травл, виз. имп. 327–329, 606,
Михаил III, виз. имп. 589
Михаил V Калафат, виз. имп. 303
Михаил VII Дука, виз. имп. 242, 244, 245, 246, 283, 287, 610
Михаил VIII Палеолог, виз. имп. 237, 239, 304, 418, 533
Михаил из Амастриды, правитель Акруна, мятежник 606
Михаил Борисович, посол влад.-суздал. вел. кн. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 255, 259, 621
Михаил Вишневецкий, польск. кор. 414
Михаил Воин, св. 615
Михаил Всеволодович Черниговский, кн., св. 33, 34, 268, 321, 326, 334, 399, 400, 401, 460, 657, 668, 685
Михаил (Желтов), диакон 479, 486
Михаил Отрантский, посол виз. имп. Мануила I Комнина 500
Михаил Пселл, авт. 242, 303, 378
Михаил Рагоза, киев. митр. 362
Михаил Феодорович, русский царь 551
Михаил Ярославич, тверской кн. 616
Михаил Ярославич Хоробрит, влад. вел. кн. 461
Михайло I, серб. жупан 245
Михайлов А. Д. 483
Михалко Юрьевич, сын влад.-суздал. кн. Юрия Владимировича Долгорукого 323
Могытыч И. Р. (*Могитич І. Р.*) 31, 309, 363, 365, 457
Могитич Р. И. 309, 457
Модест (Стрельбицкий), архиеп. 354
Моисей, пророк 336, 350, 374, 389
Моисей, иг. 273
Мокий Слепоокий, венг. воевода 293
Молдован А. М. 615
Молибоговичи, гал. бояре 601, 603, 604
Мономахи, виз. знатный род 378
Мономаховичи, потомки киев. вел. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха 45, 46, 600
Монфокон Б. 411, 417
Моравчик Д. см. *Moravcsik Gy.*
Мордтманн А. 394

Морозова З. П. 81
Моррисон Ц. 419
Моця Б. О. 462
Моця О. П. 33
Мошин В. А. 326
Мстислав Андреевич, сын влад.-сузд. кн. Андрея Юрьевича Боголюбского 79, 509
Мстислав Владимирович Великий, новг. и киев. вел. кн.121, 153, 154, 256, 289, 322, 529, 568, 599
Мстислав Данилович, вол. кн. 330, 381, 382, 456
Мстислав Изяславич, вол. и киев. вел. кн. 8, 28, 421, 599
Мстислав Мстиславич Удалой (Удатный), новг. и гал. кн. 33, 34, 44, 175, 179, 268, 370–372, 460, 461, 478, 494, 495, 600, 623, 718
Мстислав Романович Старый, смол. и киев. вел. кн. 32, 34, 268–270
Мстислав Ростиславич, сын смол. кн. Ростислава Мстиславича 581
Мстислав Святославич, черн. кн. 32–34,
Мстислав Юрьевич (в крещении Федор), новг. кн. 322, 486, 496–498, 502, 507–509, 529
Муравьева Л. Л. 219
Мюральт Э. см. *Muralt E., de*
Муратори Л. А. см. *Muratori L. A.*
Мурковский К. 183
Мусин А. Е. 426
Мутафчиев П. 215, 497
Муханов, вице-губернатор 342
Мыцык Ю. А. (*Мицик Ю. А.*) 219, 527
Мыцько И. З. (*Мицько І. З.*) 157, 365, 366, 407, 429, 431, 448, 627, 630, 631
Мясоедов В. К. 325, 529

Назаренко А. В. 22, 55, 120–123, 125, 129–131, 133, 134, 138, 143, 154, 161, 173, 269, 274, 322, 426, 487, 575, 599, 600, 713
Назаров В. Д. 172
Назарова Е. Л. 187, 683
Нагірний В. М. 167
Насонов А. Н. 184, 254, 271, 509, 573
Наумов Е. П. 186, 626
Неврев Н. В., худ. 168
Недан, посол гал.-вол. кн. Романа Мстиславича 235, 639
Негвар, посол гал.-вол. кн. Романа Мстиславича 235, 639
Некрасов А. И. 325, 433, 514
Неманичи, династия серб. жупанов 543, 544, 613, 614
Нерей, св. 351
Нестор, св. 277
Нестор, авт. 164, 174
Нестор Искандер, авт. 560
Никита Хониат, авт., логофет секретов 5, 6, 202–204, 206, 210–212, 216, 217, 221–225, 227–234, 236, 238–241, 246–249, 262, 263, 274, 275, 281, 282, 284, 290, 292, 295–303, 311, 390, 391, 422–424, 440, 442, 469, 470, 475, 492, 501, 516, 530, 541, 542, 546, 554, 585, 590, 594, 597, 598, 602, 606, 607, 643, 652, 715–717, 720
Никитенко Н. 630
Никитин А. Л. 261
Никифор I, киев. митр. 244
Никифор II Фока, виз. имп. 376, 584, 610, 612
Никифор Григора, авт. 546
Никифор Дука, сын Михаила II Дуки Ангела, правителя Эпира 704
Никифор Хрисоверг, авт. 249, 302
Ников П. 214
Никодим, евангелист 313
Никола Кочанов, св. 80
Николаева Т. В. 427
Николай, св. 389
Николай, полоцкий архиеп. 278, 425
Николай Месарит, авт. 231, 249, 354–357
Николай Мистик, конст. патр. 593
Николо да Кальви (Николо де Курбио), авт. 10, 686, 725, 728–730
Николов Г. Н. 317
Никольский Н. К. 333

Никон, моск. патр. 65
Никорович Ю. 368
Нил Россанский, св. 624
Нифонт Кормилицын, иг. 581
Новосельцев А. П. 488, 508, 554, 555
Носов Н. Е. 173
Нур ад-Дин (Нуреддин), эмир Халеба и Дамаска 499, 500

Оболенский Д. 226, 231, 243, 246, 283, 324, 584, 585, 590, 595
Овсійчук В. А. 368
Овчаров Н. Д. 187, 223, 582, 597
Овчинников А. Н. 403
Овчинников Б. Б. 498
Овчинников О. Г. 537
Одерико Г. Л. 245
Однороженко О. А. 407, 514, 523, 525–527
Одо де Сен-Аманд, посол иерус. кор. Амальрика I 500
Одрад де Сан, авт. 126
Олег Вещий, киев. вел. кн. 577
Олег Святославич, черн. кн. 28, 74, 173
Олимпиада, мать Александра Македонского 564
Олисей Гречин, новг. худ. 497, 498, 509
Ольга, св. 615
Ольга Романовна, кнг., жена вол. кн. Владимира Васильковича 581
Ольга Юрьевна (в монашестве Евфросиния), дочь влад.-сузд. кн. Юрия Владимировича Долгорукого 322, 323
Ольговичи, род черн. кн. 29, 30, 32, 42, 45, 46, 64, 253, 255–257, 259–261, 264–266, 620, 621
Ольшевская Л. А. 272, 273
Онищенко О. С. 183
Онуфрий Великий, св. 9, 608, 626–632
Онуфрий Шумлянский, перемышльский еп. 363
Опизо из Мезано, аббат, папский легат 682, 684, 685, 724, 730
Опль Ф. см. *Opll F.*
Оранские, польск. знатный род 367
Орлов А. С. 348, 557, 558, 562–566, 574–575, 577
Оссолинский П., подкоморный 414, 415
Оссолинские, польск. знатный род 535
Остап'юк О. 448, 449, 729
Острогорский Г. А. 390, 545
Острожские, род вол. кн. 454
Отагаре Петовьскыи, посол герм. имп. Фридриха II 689
Оттон I, восточно-франкский кор., герм. имп. 313, 584
Оттон II, баварский герцог 645, 649, 650, 655, 665, 690, 691
Оттон IV, герм. имп. 115–119, 124–126, 128, 131, 141–144, 148, 312, 641
Оттон, бамбергский еп. 149
Оттон Виттельбахский, убийца герм. кор. Филиппа Швабского 144
Оттон фон Лейсс, австр. рыцарь 653
Оттон фон Майссау, австр. рыцарь 653
Оттон фон Петтау, посол герм. имп. Фридриха II 689
Оттон Фрейзингенский, авт. 126
Оттон фон Эберштейн, наместник герм. имп. Фридриха II 664, 690
Охотина-Линд Н. А. 402

Павел, ап. 123, 124, 198, 199, 313, 730
Павел II, римск. папа 557
Павел Отшельник, св. 625
Павлов Пл. 224, 247
Паевский Л. 456
Палеологи, династия виз. имп. 8, 206, 304, 528, 533, 534, 540, 617
Памфилий, св. 259
Панишко С. 448, 729
Панов А. 544
Панова Т. Д. 324, 325
Панкова Т. М. 568
Пантелеимон, св. 121, 152–154, 164, 427, 668
Пападимитриу С. 248, 284
Пападопуло-Керамевс А. И. см. *Papadopoulos-Kerameus A. I.*
Папроцкий Бартош (Бартоломей) см. Bartosz Paprocki

Параскева Пятница (Петка), св. 366, 615, 631
Паскалев В. 187, 215
Паславский И. (*Паславський І.*) 165, 166, 187, 682, 696
Пастернак Я. 537
Паулино Минорита, авт. 209
Пауткин А. А. 596
Пахомий Серб (Логофет), авт. 78, 79, 82, 83
Пашуто В. Т. 30–34, 37, 39, 40, 122, 123, 129–133, 142, 183, 187, 218, 241, 247, 268, 269, 276, 291, 320, 331, 421, 473, 495, 518, 553, 554, 591, 604, 646, 647, 654, 657, 671, 675, 677, 679, 680, 683, 684, 687, 689, 692, 696, 705, 713
Пекарская Л. В. 397
Пекосинский Ф. см. *Piekosiński Fr.*
Перенег, киев. боярин 41
Пескова А. А. 431
Петр, ап. 4, 22, 111, 119, 123–125, 128, 139, 150, 161, 169, 170, 189, 198, 264, 336, 356, 359, 374, 534, 582, 631, 641, 713, 714
Петр 630
Петр I, российский имп. 54, 163. 177
Петр III, болг. царь 245, 246
Петр IV, болг. царь 222, 246, 278, 301
Петр, вол. тиун 458
Петр, столпник 474
Петр Акерович, иг. 685
Петр Александрийский, св. 325
Петр Асень см. Петр IV
Петр Афонский, св. 630
Петр Бориславич, посол киев. вел. кн. Изяслава Мстиславича 620
Петр Варсима, комит священных щедрот 553
Петр Галат, св. 468
Петр Капитолийский, св. 468
Петр Михалкович, новг. боярин 497
Петр Могила, киев. митр. 362
Петр Моронский (Пьетро Анджелари дель Морроне), св. см. Целестин V
Петро Весконте, авт. 209
Петров В. А. 21
Петров Н. И. 623
Петров П. 215, 222, 224,
Петров П. Х. 279
Петрова Т. Д. 81
Петрухин В. Я. 40, 45
Петрушак П. И. 383, 385
Петрушевич А. С. 164, 514
Пештич С. Л. 66, 67, 90, 95
Пещак М. М. 577
Пивоваров С. 539
Пивоварова Н. В. 325
Пигулевская Н. В. 479
Пизигани Марко, итал. картограф 200
Пизигани Франческо, итал. картограф 200
Писарев Л. И. 424
Пичета В. 158
Пінчак М. В. 462
Плано Карпини Джованни (Иоанн), де (дель), авт., папский легат 33, 34, 201, 202, 685, 686, 699, 701, 702
Платонов С. Ф. 39
Плетнева С. А. 280, 281
Площанский В. М. 362
Плюханова М. В. 332
Погодин М. П. 164
Подобедова О. И. 152, 309, 349, 425, 515, 529, 610
Подосинов А. В. 209
Покровский А. А. 432
Покровский Н. В. 353
Покровский Н. Н. 341
Покрышкин П. П. 451, 452
Поликарп, монах 273
Полывянный Д. И. 586
Полякова О. А. 81
Поляковская М. А. 540
Помпей (Гней Помпей Великий), римск. полководец 536
Понтий Пилат, прокуратор Иудеи 282
Понырко Н. В. 244
Поплавский В. С. 569
Попов А. 544
Попов А. И. 209

Попов Н. А. 20
Попов Ч. 186
Попова Л. М. 189, 682
Попова О. С. 349, 358, 433–439
Поповић Д. см. *Popović D.*
Поппэ А. 546, 574, 585, 595
Порфиридов Н. Г. 79, 80
Порфирий, св. 506
Порфирий, черн. еп. 63
Потапий, св. 466
Потемкин Г. А., кн., генерал-фельдмаршал 245
Поттхаст А. см. *Potthast A.*
Предслава Георгиевна см. Евфросиния Полоцкая
Предслава Рюриковна, кнг., дочь киев. вел. кн. Рюрика Ростиславича, жена гал.-вол. кн. Романа Мстиславича 9, 274, 292, 587, 599, 600, 722
Преображенский А. Г. 553
Пресняков А. Е. 29, 39, 41, 45, 120, 291
Пржемысл II Оттокар, чешск. кор. 131, 141, 645–651, 653, 671–673, 676–681, 688, 690, 706, 707, 724
Принциг Г. см. *Prinzig G.*
Припачкин И. А. 348
Приселков М. Д. 241, 253, 255, 257, 259, 260, 275, 278, 280, 444, 446, 465, 473, 595
Продолжатель Феофана, авт. 328, 589, 593, 606
Прокопий Кесарийский, авт. 553
Прокопович С. С. 205
Протасий, св. 140, 143, 161
Прохоров В. 530
Прохоров Г. М. 508
Прудникова Е. А. 332
Псевдо-Кодин, авт. 540, 541, 545–547
Псевдо-Матфей, авт. 385
Псевдо-Шапух Багратуни, авт. 481
Пуцилло М. П. 83
Пуцко В. Г. 76, 338, 397, 398, 433, 437, 623
Пушкарев С. Г. 39
Пушкарева Н. Л. 598
Пчелов Е. В. 323, 532
Пшик В. 158
Пьеро делла Франческа, итал. худ. 480, 484
Пясты, род польск. кн. 525

Радић Р. 542
Радченко Р. І. 462
Райли-Смит Дж. 487
Ракіцкі У. 349
Ральф, лат. еп. Вифлеема 491
Ральф из Коггсхолла, авт. 204
Ральф Нигер, авт. 491
Рамм Б. Я. 129, 165, 167, 685, 687, 692, 705
Ранович А. 200
Раппопорт П. А. 152–154, 306, 323, 345, 361, 393, 447, 449, 450, 452, 453, 455, 456, 462, 513, 529, 537, 538
Рассовский Д. А. 224
Ратий Ш. Е. 325
Ращенко М. 362
Рене де Шатильон, правитель Антиохийского княжества 500
Репель Р. см. *Roepell R.*
Рикса, дочь польск. кн. Болеслава III Кривоустого, жена новг. кн. Владимира Всеволодовича 133
Ричард I Львиное Сердце, англ. кор. 132
Ришар Ж. 499, 501
Робер де Клари, авт. 203, 207, 470, 471, 475, 488, 489
Робинсон А. Н. 562
Рогов А. И. 625
Родыгина Т. В. 394
Рождественская Т. В. 153
Роже де Молинье, вел. магистр Ордена госпитальеров 490
Рожер III, сицилийский кор. 290, 299
Рожко В. 366,
Рожко М. Ф. 362, 364–366, 449, 450, 515
Розов В. 430
Ройснер Элиас, авт. 320
Роман III Аргир, виз. имп. 303
Роман, иеромонах 365
Роман Андреевич см. Мстислав Андреевич
Роман Антиохийский, св. 79

Роман Данилович, вол. кн. 9, 15, 334, 644–647, 649–651, 653, 672–674, 676–679, 681, 683, 704, 723, 724
Роман Мстиславич Галицкий, гал.-вол., кн. 3–6, 8, 11–15, 17, 19–29, 31–38, 41, 46–48, 50–62, 72–77, 79–102, 109, 111–114, 117–120, 123–126, 128–135, 137–143, 145, 146, 148, 150, 152, 153, 155–171, 179–183, 185, 187–190, 193–195, 210, 215–218, 221, 225–238, 240–242, 246, 250, 251, 253, 255–257, 259–265, 267–275, 281–284, 287–289, 292–298, 305, 316, 318–321, 329, 331, 333, 334, 360, 364, 370, 372, 380, 390, 399, 400, 401, 405, 406, 408, 422, 428, 429, 437, 438, 441, 443, 444, 460, 468, 469, 473, 492, 513, 526, 545, 547, 549, 559, 561–565, 569–571, 575, 576, 578–580, 582, 583, 585, 587, 589–591, 594–600, 603, 607, 608, 619–622, 624, 631, 632, 635, 636, 638–640, 643, 651, 678, 709–723
Романов В. Н. 47
Романовичи, потомки гал.-вол. кн. Романа Мстиславича 45, 194, 227, 335, 371, 382, 463, 561, 595, 600, 601, 621, 647, 651, 656–658, 660, 661, 663, 669, 674, 686–689, 692, 695, 724
Романюк О. 622, 623
Ромоальд, авт., архиеп. Салерно 197
Ростислав Михайлович, гал. кн., сын черн. кн. Михаила Всеволодовича 463, 657, 668–670
Ростислав Мстиславич, смол. и киев. вел. кн. 45, 268, 284, 421, 581, 594, 599, 716
Ростислав Рюрикович, киев. вел. кн. 62, 68, 250, 251, 256, 260, 262, 267, 272–274
Ростислав Ярославич (в крещении Иоанн), черн. кн. 256, 468
Ростислава Мстиславна, дочь новг. и гал. кн. Мстислава Мстиславича Удалого, жена влад.-сузд. вел. кн. Ярослава Всеволодовича 460
Ростиславичи, род гал. кн. 42, 45, 121, 194
Рубрук Гильом (Вильгельм), де, авт., папский легат 33, 201, 685, 699, 702
Рудольф II Габсбург, австр. герц. 670
Ружицький Е. Й. 181
Ружичић Н. 186
Рулле Гийом, авт. 248
Руперт, св. 668
Руперт из Дойца, авт. 121
Руссино Й. Ф., свящ. 414
Рыбаков А. 387
Рыбаков Б. А. 12, 13, 21, 31, 33, 37, 40, 47, 49, 55, 67, 75, 84, 189, 194, 245, 252, 309, 348, 393, 572, 575
Рыбина Е. А. 509
Рындина А. В. 277, 393
Рычка (Ричка) В. М. 331, 552, 564
Рюрик Ростиславич, киев. вел. кн. 20, 29, 30, 32, 33, 51, 52, 55, 62, 64, 67, 131, 225, 232, 233, 241, 250–252, 255–257, 259–274, 282, 284, 291, 292, 294, 322, 326, 583, 594, 597, 716
Рюриковичи, др.-русск. кн. род 3, 7, 27, 38, 46, 268, 288, 289, 291, 318–320, 322, 335, 400, 444, 447, 461, 465, 467–469, 472, 473, 476, 478, 492, 548, 572, 599, 620, 621, 720, 721
Рябцева С. С. 567

Сабурова М. А. 550
Савва Освященный, св. 507
Савва Сербский, св. 543, 612–614, 624, 639, 640
Савваитов П. 13, 77, 217, 235, 289, 405, 476, 551, 627, 635
Савел, св. мученик 442
Салах ад-Дин (Саладин), султан 490, 502, 506, 508
Салимбене де Адам (Пармский), авт. 205, 490, 699
Саллюстий (Гай Саллюстий Крисп), авт. 200
Саломея, дочь польск. кн. Лешка Белого, жена гал. кор. Коломана (Кальмана) 150, 624

Саломея-Евфросиния, жена польск. кн. Святополка II Поморского 289, 320, 321
Салтыков-Щедрин М. Е. 177
Самойлова Т. Е. 325, 444
Самуил, болг. царь 245
Сангушки, польск. кн. род 367, 525
Сангушко Адам-Александр, воевода 430
Сапунов А. П. 341, 344
Сарабьянов В. Д. 349, 350, 387, 433, 476
Сахаров А. Н. 129, 283
Свенцицкая В. И. (*Свенцицька В. І.*) 368, 369, 383, 385, 387
Свердлов М. Б. 31, 39
Свідерський Ю. Ю. 129, 165, 184
Святополк (*Świętopełk*) II Поморский, польск. кн. 320, 321
Святополк Изяславич, киев. вел. кн. 28
Святослав Всеволодович (в крещении Гавриил), влад. вел. кн. 45, 467, 599
Святослав Всеволодович, черн. и киев. вел. кн. 49, 67, 74, 275, 276, 290, 291, 400
Святослав Игоревич, киев. вел. кн. 564
Святослав Игоревич, черн. и гал. кн. 269
Святослав Мстиславич, новг. и смол. кн., сын Мстислава Романовича Старого. 269, 270, 583
Святослав Ольгович, черн. кн. 468
Святослав Ярославич, черн. и киев. вел. кн. 30, 41, 244, 245
Святославичи, потомки черн. и киев. вел. кн. Святослава Ярославича 28
Святославский А. В. 425, 487, 618
Святский Д. О. 258, 259
Себеос, авт. 481
Седов В. В. 323
Седова М. В. 393–395, 397, 398, 403
Секиринский С. 208
Селицкий А. А. 349
Семенов А. И. 325
Семенова Л. А. 499
Сементовский А. М. 341, 345, 346
Семкович А. 196
Семовит (Земовит) I Моравский, польск. кн. 694
Сергеев В. Н. 630
Сергеевич В. И. 39, 45
Сергий (Спасский), архиеп. 79, 314, 326, 343, 441, 442, 473
Сергий Гексамилит, логофет 375
Сергий Радонежский, св. 428, 466
Серегина Н. С. 322, 340
Серебрянский Н. Н. 573
Сечени И. 552
Сибилла, иерус. кор. 489, 490, 502
Сигизмунд II Август, польск. кор. 524
Сидор О. Ф. 369, 385, 387
Сидоренко О. Ф. 554
Силаев А. Г. 533
Сильвестр I, римск. папа, св. 257
Сильвестр Коссов, киев. митр. 361
Симеон, болг. царь 584, 585
Симеон Богоприимец 383, 384
Симеон Иванович Гордый, моск. вел. кн. 426, 427, 444, 446, 473, 617
Симеон Столпник, св. 456, 463, 471–474
Симеон Столпник Младший Дивногорец, св. 474
Симеон Юрьевич, сын холмского кн. Юрия Даниловича 473
Симон, влад. еп. 6, 264, 271–274, 716
Січинський В. 365
Скабаланович М. Н. 384, 385
Скабаланович Н. А. 378
Скиргайло, наместник лит. вел. кн. Ягайло 407
Скоп Л. 383, 385
Скржинская Е. Ч. 496, 497
Скурат К. Е. 140
Слободян В. 384
Слюнькова И. Н. 342
Смирнова И. А. 534
Смирнова Э. С. 80–82, 277, 278, 433, 630
Снегаров И. 214
Собеслав I, чешск. кн. 149
Соболева Н. А. 531, 532
Соболевский А. И. 433
Соколов Н. П. 208
Соколова И. В. 339, 372
Солнцев Ф. Г. 531

Соловьев А. В. см. *Soloviev A.*
Соловьев С. М. 20, 112, 158, 383, 550, 551
Соломина В. П. 428
Сорокатый В. М. 81, 333
Сотириу Г. см. *Sotiriu G.*
Сотириу М. см. *Sotiriu M.*
София 289
София Ласкарина, дочь ник. имп. Феодора I Ласкаря, жена австр. герц. Фридриха II Воинственного 663
София, жена ландграфа Тюрингии Германа I 316
София Владимировна, жена датского кор. Вальдемара I и ландграфа Тюрингии Людовика IV Тихого 133
Софроненко К. А. 514
Спасский И. Г. 533
Спицын А. А. 403
Срезневский И. И. 69, 171, 289, 433, 523, 572
Сречковић П. С. 186
Станислав, св. 730
Станислав Щепановский, краковский еп., св. 682
Станојевић Ст. 185
Станчев К. 347
Стасов В. В. 435
Степаненко В. П. 377, 498, 500, 501
Степанков В. 128, 148
Стерлигова И. А. 277, 355, 425–427, 429, 616, 618, 621
Стефан (Иштван) I, венг. кор. 407, 420, 609, 619
Стефан I Неманя (Симеон Мироточивый, св.), серб. вел. жупан 543
Стефан II Первовенчанный Неманич, серб. кор. 182, 185, 186, 221, 222, 290, 541–545, 549, 598, 613
Стефан, сын венг. кор. Белы IV 707
Стефан Баторий, польск. кор. 341, 345, 346
Стефан Владислав Неманич, сербск. кор. 543
Стефан Первомученик, св. 207, 351, 407, 431, 499, 619
Стефан Радослав Неманич, сербск. кор. 543
Стефан Урош II Милутин, серб. кор. 591
Стефан Урош IV Душан, сербск. кор. 543, 544, 585
Стефан Урош V, сербск. кор. 585
Стефаник В. 367
Стефанович П. С. 25, 43, 123, 174, 176
Столярова Л. В. 458, 576
Стратановский Г. А. 519
Строев П. М. 551
Стрыйковский Мацей, авт. 140, 157, 158, 160, 161, 174
Стукалова Т. Ю. 533
Сукиасян А. Г. 187
Сулейман I, турецкий султан 631
Сумбат Давитис-дзе, авт. 480, 481
Сумеон 630
Сумникова Т. А. 343
Сычев Н. П. 278, 323–325, 529
Сюзюмов М. Я. 555

Такайшвили Е. С. 480
Тамара, груз. царица 614
Тамерлан (Тимур), эмир 586
Танкред, сицилийский кор. 290, 299
Тауберт И. И. 163
Тарле Е. В. 243, 545
Таррагонский Аноним, авт. 611
Тасић Д. 543
Татищев В. Н. 3–5, 11, 13, 14, 19–27, 33, 35, 36, 38, 41, 42, 47, 50–74, 84–95, 98, 100–102, 111–114, 126, 141, 159–163, 165–180, 194, 244, 245, 253, 264, 265, 269–271, 709–712, 714
Твердята Остромирич, посол гал.-вол. кн. Романа Мстиславича 217, 234, 639
Творогов О. В. 220, 560, 563–565, 576, 636
Теодорович Н. И. 330, 367, 382
Терещенко Ю. І. 22
Терський С. 154, 367
Тиберий, римск. имп. 554
Тибо III Шампанский, граф 135, 137
Тибо V Добрый, граф Блуа и Шартра 483

Тиле А. см. *Thiele A.*
Тимофей, ап. 260
Тимофей Савелов, сузд. воевода 325
Тимощук Б. А. 393, 537, 537
Тимус К. Л. 537
Тихомиров М. Н. 40, 67, 306, 343, 446, 626
Ткачев М. А. 455–457
Ткачук Т. М. 537
Толкачов Ю. І. 462
Толочко А. П. 12–14, 22, 23, 25–27, 31, 35, 36, 38, 41, 42, 45–47, 56, 57, 63, 66, 67, 87–89, 92–95, 101, 111, 165–167, 171–177, 253, 287, 297, 575, 595, 714
Толочко П. П. 14, 21, 31, 40, 55, 61, 165, 166, 194, 226, 273, 287, 291, 364, 397, 450, 537, 554
Толстой А. К. 175
Толстой И. И. 348, 403
Томазо из Леонтино, архиеп. Козенцы 197, 200
Томашівський С. 129, 685
Томенчук Б. П. 153, 183, 538
Топорова А. В. 484
Травников С. Н. 273
Трошин А. А. 425, 487, 618
Трусов А. О. 457
Тургенев А. И. 464
Турилов А. А. 340, 402, 458
Тъпкова-Заимова В. 279

Уваров А. С. 403
Удальцова З. В. 698
Ульрих фон Гюттендорф, австр. рыцарь 653
Ульрих фон Лихтенштейн, авт. 669–672
Ульрих фон Рихенталь, авт. 8, 513, 519–523, 526, 536, 543
Ульрих фон Хассбах, австр. рыцарь 653, 671, 673
Урбан II, римск. папа 490
Урбан III, римск. папа 490
Успенский Б. А. 593
Успенский Ф. Б. 318, 320–322, 326, 330, 333, 443, 444, 446, 468, 487, 508, 531, 572
Успенский Ф. И. 223, 230, 247, 263, 292
Устюгов Н. В. 513

Фамехон Ж., фр. ювелир 414, 420
Фантух А. 537
Фасмер М. 69, 553, 572
Фатимиды, династия правителей Египта 504
Федор, черн. боярин 400
Федор Несвицкий, вол. кн. 430
Федор Рос 488, 508
Федор Смоленский, «герцог» 519
Федор Юрьевич, смол. кн. 520
Федор Ярославич, сын влад.-сузд. вел. кн. Ярослава Всеволодовича 321, 399, 401, 460
Федора Романовна, дочь гал.-вол. кн. Романа Мстиславича 623
Федоров-Давыдов Г. А. 281
Федота, жена виз. имп. Константина VI Слепого 328
Федынский В. В. 259
Фекла, св. 325
Феннел Дж. 55, 129, 253
Феогност, трапез. митр. 419
Феодор I Ласкарь, ник. имп. 195, 198, 202–205, 207, 209, 212, 390, 408, 494, 663, 697
Феодор II Ласкарь, ник. имп. 237, 701, 704, 724
Феодор Алексеевич, русский царь 551
Феодор Дука Ангел, фессалоникийский имп. 206
Феодор Костамонит, дядя виз. имп. Исаака II Ангела 554
Феодор Продром, авт. 488, 508
Феодор Скутариот, авт., кизикский митр. 5, 213, 236, 237, 238, 282, 700, 716
Феодор Стратилат, св. 467
Феодор Эдесский, св. 474
Феодора, виз. имп., жена виз. имп. Юстиниана 288
Феодора, виз. имп., дочь виз. имп. Константина VIII 303, 378

Феодора, серб. кор., дочь болг. царя Смилеца, мать серб. кор. Стефана Уроша IV Душана 543
Феодора Ангелина, жена австр. герц. Леопольда VI 9, 644, 648, 651–653, 655, 663, 666, 678, 688, 723
Феодора Комнина, севаста, дочь виз. имп. Алексея I Комнина 390, 394
Феодора Комнина, дочь севастократора Исаака Комнина 290,
Феодора Комнина, племянница виз. имп. Мануила I Комнина 296, 419, 499
Феодора Палеологиня, мать виз. имп. Михаила VIII Палеолога 304
Феодосий, св. мученик 442
Феодосий II Младший, виз. имп. 472, 485
Феодосий Косой, еретик 364
Феодосий Софонович, иг., авт. 527
Феодосия, виз. имп., жена виз. имп. Льва V 606
Феодул, трапез., митр. 419
Феодулия Михайловна см. Евфросиния Суздальская
Феофан Грек, худ. 354, 465
Феофан Исповедник, авт. 474, 480
Феофан Прокопович, новг. архиеп. 66
Феофил, виз. имп. 327, 328
Феофилакт, охридский архиеп. 381
Ферјанчић Б. 541
Феррухан Росмиозан (Шахрабараз), перс. полководец 479
Фехнер М. В. 556, 568
Фиккер Й. см. *Ficker J.*
Филевич И. П. 164
Филипп I Фландрский, граф 483
Филипп II Август, фр. кор. 132, 137, 138, 146, 490, 713
Филипп II Македонский, царь 564
Филипп, гал. боярин 601, 604
Филипп Мускэ, еп., авт. 705
Филипп Швабский (Штауфен), герм. кор. 6, 22, 115–119, 124, 125, 128, 130–132, 135–139, 141–148, 159, 160, 187, 264, 299, 302, 310–312, 314–317, 335, 438, 637, 638, 640–643, 655, 713, 714, 717, 723
Филипп фон Шпангайм, зальцбургский архиеп. 10, 674, 689–691, 724
Филипповский Г. Ю. 343
Филофей, конст. патр. 428
Филофей Поливотский, св. 615
Филюшкин А. И. 33, 519, 571, 573, 574, 602
Флорис Голландский, сын герм. антикороля Вильгельма II Голландского 649, 650
Флоровский А. В. 132, 675
Флоря Б. Н. 180, 322, 402, 444, 447, 586, 602, 687, 688, 696, 697
Фолда Я. 487, 491
Фома Аквинский 197
Фома Палеолог, морейский деспот 534
Фома Сплитский, авт. 182
Фоменко И. К. 209
Фонкич Б. Л. 398
Фотий, моск. митр. 547
Франциск, св. 484
Франчук В. Ю. 37
Фрейданк Д. см. *Freydank D.*
Фролов А. см. *Frolov A.*
Фроянов И. Я. 39, 45, 48
Фридрих I Барбаросса, герм. имп. 118, 123, 124, 130, 133, 149, 222, 489, 585, 629, 631, 648, 652, 662, 688
Фридрих II, герм. имп. 10, 16, 116, 146, 557, 612, 649, 654–656, 658–664, 688–692, 698–701, 705, 706, 723, 727, 729
Фридрих II Воинственный (Бабенберг), австр. герц. 10, 16, 149, 647–651, 653–658, 660–664, 666–668, 670, 671, 673, 678, 688, 723
Фридрих, сын австр. герц. Германа Баденского 649
Фульк, иерус. кор. 499, 505

Харбова М. 631
Хартнид фон Петтау, посол герм. имп. Фридриха II 689

Херрин Дж. см. *Herrin J.*
Хистанд Р. см. *Hiestand R.*
Хлодовский Р. И. 484
Хозеров И. М. 346
Хорошев А. С. 82, 497, 509
Хорошкевич А. Л. 514, 532, 560
Хосров II Парвиз, перс. шах 479, 482, 483, 485
Хромов С. П. 260
Хрусцевич Г. Н. 361, 451, 452
Хрущев А. Ф. 4, 25, 85–91, 93, 717
Хрущов И. П. 78
Хунрат Хинтперг, австр. рыцарь 678

Цанкова-Петкова Г. 222–224, 230
Царевская Т. Ю. 76, 351, 425, 618, 619
Цаферис В. 503
Цейтлин Р. М. 572
Целестин V, римск. папа 627
Цулая Г. В. 480

Чакір С. В. 462
Чафий, перс. царь 557, 558
Чекалова А. А. 377, 481, 553
Чекин Л. С. 200
Чельстрем А. 581
Чельцов Н. В. 202, 210, 223, 263, 282, 290, 311, 391, 422, 440, 470, 492, 516, 554, 598, 643
Червяков А. Ф. 428
Черепнин Л. В. 31, 40, 122, 479, 561–563, 668, 707
Чернецов А. В. 166, 568
Черных А. П. 514, 542
Чернявский М. 573
Чеснокова Н. П. 206
Чичинадзе Н. 617
Чичуров И. С. 479, 480, 588, 605, 606
Чолпанов Б. 215
Чориков Б. А., худ. 164
Чубатый М. (*Чубатий М.*) 120, 128, 130, 132, 165, 183–185, 682, 684, 685, 692
Чугреева Н. Н. 611
Чудинов А. Н. 602
Чукова Т. А. 373

Шагинян А. К. 479
Шайтан М. Э 121, 134
Шакота М. 543
Шалина И. А. 338, 342, 343, 406, 424
Шандровская В. С. 373, 393–396, 404, 567
Шапиро А. Л. 56
Шаскольский И. П. 178
Шахматов А. А. 163, 253, 254, 255, 257, 265, 275, 574
Шацька Г. 22
Швайггер С. 530
Швеннике Д. см. *Schwennicke D.*
Шевченко И. И. 419
Шевченко Т. Г. 696, 725
Шевчуки, жители с. Крылос Галицкого района 397
Шейкин Г. Н. 346, 347
Шестаков С. 248, 474, 488, 508
Шимон, варяг 399
Шмайдлер Б. см. *Schmeidler B.*
Шмидт С. О. 209, 432
Шнайдер А. 367
Шолохова Е. В. 331, 364, 449
Шпангаймы, австр. знатный род 677
Штауфены, герм. знатный род 4, 15, 23, 115–119, 123–126, 129–132, 134–136, 138, 139, 141, 142, 144–146, 148, 159, 162, 187, 264, 631, 637, 638, 640, 641, 712–714
Штыхов Г. В. 322, 327
Шукович Н. 543
Шукуров Р. М. 418
Шушарин В. П. 247

Щавелева Н. И. 13, 122, 123, 129, 133, 134, 140, 143, 155, 157, 161, 185, 188, 189, 193, 268, 269, 274, 583, 589, 591, 596, 682, 707
Щапов Я. Н. 166, 572, 581, 594, 595, 636
Щенникова Л. А. 427, 630
Щепкина М. В. 355
Щербатова-Шевякова Т. С. 351, 529

Эдвард Пфальцский, курфюрст 414
Экберт Андехский, герцог, еп. 144, 316

Экземплярский А. В. 401
Эксле О. Г. 588
Элиа де Копи, посол герм. имп. Фридриха II 612
Эляш-Радзиковский В. 158
Эмме Ф. И. 87
Энгельгардт, еп. Наумбург-Зейтца 642
Энрико Дондоло, венецианский дож 475
Эразм Камин, худ. 523
Эрнуль, авт. 490
Этингоф О. Е. 278, 279, 332, 342, 351, 357, 388, 426, 429, 497, 508–510, 529, 623, 624
Эфраим, мозаичист 491

Юдита, дочь чешск. кор. Пржемысла I Оттокара и жена герц. Каринтии Бернгарда II 690
Юлий Цезарь 536
Юрасов А. В. 514
Юрасовский А. В. 37
Юревич О. 216, 248, 284, 421
Юрий Владимирович Долгорукий, влад.-сузд. вел. кн. 49, 60, 284, 322–324, 496, 497, 529
Юрий Всеволодович (Георгий II), влад.-сузд. вел. кн. 45, 63, 184, 253, 255, 256, 271, 466, 568, 660
Юрий Данилович, холмский кн. 473
Юрий Львович, гал.-вол. кн. 334
Юрченко А., диакон 615
Юрьевичи, потомки влад.-сузд. вел. кн. Юрия Владимировича Долгорукого 42
Юсим М. А. 536
Юстин II, виз. имп. 474, 601
Юстиниан I, виз. имп. 243, 474, 488, 489, 554, 558, 589, 594, 601
Юхт А. И. 177

Яблонский В. 79, 83
Яворницкий Д. И. 517
Яворский П. 147
Ягеллоны, потомки польск. кор. и лит. вел. кн. Владислава-Ягайло 408
Ядвига, польск. кор. 415
Языков А. П. 177
Якобсон А. Л. 208, 245, 245
Яков из Пренеста, папский легат 127
Яков Ворагинский (Якопо да Варацце), авт. 483, 484
Яков Перский, св. 79–80
Яков Суша, холмский еп. 361, 452
Яковлев Л. П. 531
Якубский В. А. 193
Якун, новг. посадник 80
Ян Гус, еретик 519, 520
Ян Казимир, польск. кор. 406, 414
Ян Лаский, канцлер 523, 524
Янин В. Л. 70, 76, 77, 82, 189, 327, 333, 336–340, 344, 345, 347, 361, 371, 392–394, 396, 397, 403–406, 408, 444, 461, 462, 497, 509, 545
Янко, архидиакон 415
Япунджич М. 347
Яровая Е. А. 521
Ярополк Владимирович, киев. вел. кн. 45
Ярополк Изяславич, сын киев. вел. кн. Изяслава Ярославича 710, 762
Ярополк Ярославич, новг. кн., сын черн. кн. Ярослава Всеволодовича 70
Ярослав Владимирович, новг. кн., сын вол. и киев. вел. кн. Владимира Мстиславича 69, 70, 529, 530
Ярослав Владимирович Мудрый, киев. вел. кн. 23, 29, 30, 41, 55, 70, 138, 528, 572, 591, 594, 598
Ярослав Владимирович Осмомысл, гал. кн. 33, 130, 216, 248, 249, 284, 322, 420, 538
Ярослав Всеволодович, черн. кн. 29, 70
Ярослав Всеволодович (в крещении Федор), влад.-сузд. вел. кн. 33, 45, 62, 70–72 , 179, 233, 251, 255, 267, 268, 399, 400, 447, 460, 461, 466, 467, 529
Ярослав Ингваревич, луцкий кн. 400, 463
Ярослав Святополкович, вол. кн., сын киев. вел. кн. Святополка Изяславича 123

Ярослав Ярославич, влад. вел. кн. 461
Ярославичи, потомки киев. вел. кн. Ярослава Владимировича Мудрого 30
Яценко Б. И. 25, 26, 53, 60, 61, 67, 73, 74, 227
Яцимирский А. И. 640

Јиречек К. 186

Abel O. 123
Abraham W. 128, 134, 142, 160, 165, 182, 684–686
Acheimastou-Potamianou M. 357, 459
Adam Elsheimer 484
Adamczewski M. 522
Adolf von Altena, архиеп. см. Адольф фон Альтена
Adontz N. 377
Ahlers J. 132
Alexios Angelos см. Алексей III Ангел
Alexios V Doukas Mourtzouphlos см. Алексий V Дука Мурчуфл
Altaner B. 125, 686
Andrea A. J. 127, 136, 147, 205? 301
Andreas Dandolus см. Дандоло Андреа
Andreopoulos A. 353, 356, 357
Andronic I Comnenus см. Андроник I Комнин
Angelov D. 701
Angold M. 135, 196, 203, 304, 312, 390, 585, 698, 700
Appelt H. 124, 662
Arbel B. 147
Arnold, аббат см. Арнольд Любекский
Arnold U. 145
Armellini M. 628
Arrignon J.-P. 615
Assemani J. S. 459
Athanasius G. Welykyj см. *Великий А. Г.*
Augé E. 417
Auzas P. M. 411
Averkorn R. 642
Aviram J. 502

Babbitt S. M. 482
Bacci M. 425, 611
Baeckmann L. 520, 521
Bakirtzis Ch. 308, 477
Balduinus Constantinopolitanus см. Балдуин I
Baliński M. 524
Balzer O. 416
Banaszkiewicz J. 128
Bárány-Oberscall M., von 408
Barbe D. 328
Barciak A. 676
Bartholomeus (Ptolemeus) von Lucca, Tholomeus von Lucca, Ptolemy of Lucca см. Бартоломео дель Фиадони
Barker J. W. 415
Barow-Vissilevitch D. 145
Bartlett W. B. 195
Bartnicki M. 332, 647, 657, 677, 679, 680
Bartosz Paprocki 522, 523, 536
Basilic см. Василько
Baumgarten N., de 121, 248, 276, 291, 298
Bautz Fr. W. 729
Baynes N. H. 472, 479
Bechstein R. 670
Beck H.-G. 605
Becker W. 113
Bekker I. 216
Belke K. 201
Belting H. 533, 609, 611
Benvenisti M. 503
Berg D. 642
Berger E. 329, 464
Beulertz S. 144, 316
Beumann H. 124
Białostocka J. M. 523
Bihrer A. 144, 310, 316
Bielowski A. 120, 158, 645, 646, 684, 727
Bieniak J. см. *Беняк Я.*
Bieniarzówna J. 624
Billot S. 147
Birkfellner G. 566
Biskupski R. 625
Blagojević M. 221
Bladomero (Blaudomero) см. Владимирко Володаревич

Blazovics L. 184
Bobrowicz J. N. 524
Boczek A. 654
Boehmer (Böhmer) J. F. 310, 438, 643, 660, 706
Bogyay Th., von 313
Bojkovsky G. 458
Bolton B. 115
Bonner G. 558
Boor C., de 474
Borgenhammar S. 424
Borgolte M. 125
Borsari S. 705
Boshof E. 115, 119
Bouet P. 313
Bouillart J. 413
Bowlus Ch. R. 313
Bowman St. 585
Boyd S. A. 404
Bozóky E. 615
Brand Ch. M. 136, 195, 217, 221, 222, 225, 229, 231, 301, 424
Braunfels W. 353
Bredenkamp Fr. 585, 698
Brown E. A. R. 147
Bruckner M. T. 483
Brunhart A. 669
Brunner K. 655, 690
Buck M. R. 519
Buck T. M. 519
Buckton D. 612
Buko A. 307, 308, 310, 450, 477
Bukowski W. 128
Burgmann L. 589
Burns P. 630
Bury J. B. 480
Butler A. 630

Cahen Cl. 228
Capner G. 411
Cardanis H. 668
Carile A. 554
Carr A. W. 355
Cartlidge D. R. 385
Caterbi G. 628
Celichowski Z. 535
Channick Ch. 381
Chatzidakis M. 378, 389
Chazan M. 127
Cheynet J. C. 230, 304, 377, 542
Chomicki A. 524
Chrysos K. 586, 588
Christe Y. 376
Collins K. M. 359
Conrardo см. Конрад Мазовецкий
Constantin Porphyrogennete см. Константин VII Багрянородный
Constantinides E. C. 388, 393
Constantine the Great см. Константин Великий
Constantine XI Lascaris (Κωνσταντίνο ΙΑ Λάσκαρι) см. Константин (XI) Ласкарь
Cormack R. 357
Csendes P. 137, 142
Cusentinus см. Кузентин
Cuthbert, St. 558
Cutler A. 353, 612
Czermak W. 414

D'Acunto N. 728
Dagron D. 592
Dark K. 308
Davis Ch. T. 197
Dawes E. 472
Dawkins R. 516
Dąbrowska E. 292, 293, 411, 413, 415, 417–419, 421, 422
Dąbrowska-Zawadzka E. см. *Dąbrowska E.*
Dąbrowski D. 121, 122, 131, 143, 155, 217, 242, 269, 276, 287–289, 291, 293, 295, 309, 320, 321, 332, 334, 371, 399–401, 460, 468, 473, 478, 492, 657, 666, 669, 679, 695
De Paola Th. 485
Dekański D. A. 149
Delaville le Roulx J. 505
Delehaye H. 471, 474
Demko M. 184

Demus O. 378, 389
Derwich M. 411
Dēmētrakos D. 242, 282
Diehl Ch. 489, 700
Dienst H. 667, 669
Dieten (Diethen) I. A., van 203, 222, 224, 231, 241, 246, 274, 290, 292, 296, 301, 302, 390, 422, 492, 501, 515, 521, 597
Diez E. 378, 389
Dimier A. 147
Dimnik M. 400
Dinkler E. 351, 353
Dobosz J. 149
Dopsch H. 690
Dosithée см. Досифей
Dölger Fr. 582, 587
Drabek A. M. 677
Drijvers J. W. 608
Droba L. 146
Du Cange Ch. 553
Dubois L. 152
Duda H. W. 228, 229
Dudik B. 675, 676
Dunin-Wąsowicz T. 146, 149, 150, 157
Durand J. 412, 418, 617
Dušková S. 679, 681, 707
Dvornik F. F. 593, 609
Dworzaczek W. 298, 331

Eastmond A. 417, 418, 420, 421, 612–614
Eberl I. 148
Ebersolt J. 611
Eckhardt K. A. 114
Edbury P. W. 482, 490
Edwards M. J. 472
Eickels K., van 119
Eickhoff E. 222
Ehlers J. 124, 311? 312
Ekbert von Andechs см. Экберт Андехский
El-Cheikh N. M. 480
Elliot J. K. 385
Elm K. 156
Emler J. 645, 676, 707
Engel E. 119, 124
Engel P. 317, 494
Engels O. 312
Engemann J. 530
Erben C. J. 654
Erdal B. 561
Ertuğ A. 351, 376
Evans H. C. 357, 378, 389, 420, 609

Failler A. 541
Favreau-Lilie M.-L. 501
Fejer G. 199, 683, 691
Ferjančić B. 213
Ferluga J. 545
Festuglère A. J. 471
Ficker A. 668, 669
Ficker J. 660, 706
Fichtenau H. 673, 678, 679, 692
Fine J. V. A. 230, 231, 235, 584
Flachenecker H. 144, 316
Fleckenstein J. 134, 690, 692
Flier M. S. 81
Folda A. см. *Фолда А.*
Folz A. 690
Font M. 297
Forssman J. 129, 133, 194, 320
Fourlas A. 530
Fox R. L. 472
Frances E. 231
Franklin S. 354
Freydank D. 219, 638, 641
Frenz T. 115
Frick C. C. 557
Friedrich I. Barbarossa, Friderici I см. Фридрих I Барбаросса
Friedrich G. 149
Friedrich Kunstmann 200
Frolow A. 79, 406, 415, 417, 419, 420, 428, 487, 609, 610, 612, 613, 619

Gaborit-Copin D. 420, 487
Gamansius J. 120
Garland L. 300, 301, 303, 328–330, 374, 390, 423
*Gatz E.*144, 316
Gautier P. 381

Georges Pachymérès см. Георгий Пахимер
Geremek B. 128
Gerola G. 530
Gerwazy z Tilbury см. Гервазий Тильберийский
Gierowski J. A. 146
Giese W. 115
Gieysztorow A. 412
Gil A. 361
Gill I. 182, 237
Giorgio Sfranze см. Георгий Сфрандзи
Gipper H. 554
Girgensohn J. 196
Glaeske G. 132
Gładkiewicz R. 150
Gloger Z. 524
Glötzner J. 629
Godfrey J. 195
Goldmann A. 196
Gołąb K. 682, 730
Gołub S. 307
Gordon J. 219
Gosselin 414
Grabar A. см. Грабар А.
Grabler Fr. 231, 232
Grala H. см. *Граля И.*
Grandsen A. 136
Grodecki R. 143, 156
Gropper K. 119
Grosvenor E. A. 516
Grousset R. 501
Grumel V. 593
Grzegorz M. 666
Gudavičius E. 309, 381
Guilhermy F. 417
Guilland R. 301, 540, 611
Gumowski M. 407
Gurtner C. 561
Györffy Gy. 122

Haenchen M. 123
Hafner St. 222
Halecki O. 415
Halkin F. 474
Haller J. 115, 699, 701
Halmer F. 671
Hamilton B. 147, 489
Hanssens I. M. 243
Harley J. B. 200
Harvey A. 555
Hatlie P. 329
Hauschild S. 148
Hausmann Fr. 655, 665, 692
Hazard H. W. 493
Heim Fr. J. 629, 630
Heinemeyer K. 117
Heinrich I 119, 124
Heinrich VI 147
Heinrich von Champagne 501
Heinrich von Ulmen 610
Heisenberg A. 354, 356
Helena Augusta см. Елена, имп., св,
Hellmann M. 133, 134, 531
Helvétius A.-M. 615
Hendrickx B. 212, 542
Herbermann Ch. G. 313
Herbers K. 129, 584
Herde P. 705
Hermann I см. Герман I
Hermann von Salza см. Геман фон Зальца
Herrin J. 301, 328
Herzner V. 147
Heyer F. 420, 486
Hiestand R. 299, 302, 304, 311, 314, 315, 482
Hiller H. 124, 631
Hilliger B. 121
Hirsch T. 730
Hoensch J. K. 649, 670, 672
Hofer I. 214
Hofmaister A. 321
Hoffman J. 229
Hofmann G. 701
Hofmann T. 705
Homza M. 150
Holder-Egger O. 699
Holtz E. 119, 124, 131
Holzapfel T. 132
Honigmann E. 377

Höflinger K. 119
Hucker B. U. 144, 316
Huillard-Bréholles J.-L.-A. 659, 661, 698
Humphreys R. S. 493
Hunger H. 237, 239, 292, 554
Huschner W. 131
Hussey J. M. 312
Huxley G. 301

Ihm Ch. 351, 353
Ilieva A. 542
Innocenzo III, Innocent III, Innozenz III см. Иннокентий III
Ioann Cinnam см. Иоанн Киннам
Ioann Skylitza см. Иоанн Скилица
Irmscher J. 588
Isaak Angelos см. Исаак II Ангел
Isenburg W. K., von 121, 331

Jacoby D. 147, 554
Jan z Marignoly 645
Jan Długosz см. Длугош Ян
Jan Kazimierz Waza см. Ян Казимир
Janin R. 300, 611
Januszek A. 159
Jasienica P. 129
Jasiński K. 155, 295
Jaspert N. 129
Jencks Ch. 175
Jenkins R. J. H. 593
Joannes X. Kamateros см. Иоанн X Каматир
Joannes Komnenos см. Иоанн II Комнин
Jobst W. 561
Johann см. Иван-Владимир Владимирович
John Damascene, St. см. Иоанн Дамаскин
Jolivet-Lévy C. 351, 376
Jost G. 145
Juritsch G. 656

Kaegi W. E. 479, 486
Kállay U. 185
Kálmánt Halics см. Коломан (Кальман)
Kazhdan A. P. см. *Каждан А. П.*
Kedar B. Z. 490, 491
Kempf F. 119, 690
Kętrzyński S. 199, 320
Khatchatrian A. 308
Kitzinger E. 517
Kleinhenz K. 187
Klessmann R. 484
Klimke J. 213
Kluger H. 134
Kłoczowski J. 156
Knefelkamp U. 148
Koch A. 134
Koder J. 545
Koller H. 116
Konrad von Krosigk см. Конрад фон Крозиг
Konstantinos V 589
Kopera F. 415
Koscielak L. 123, 133
Kóstof Sp. 376
Kovács É. 407, 408
Koziejovski N. 453
Kozłowska-Budkowa Z. 156
Köpke R. 149
Kötting B. 530
Krammer M. F. 116, 117
Kramp M. 132
Krasa P. 159
Krenn G. 671, 673
Kreutz B. 610
Krieb S. 115, 119, 142
Krieger K.-F. 114
Kristó Gy. 317, 494
Krüger J. 147
Krzyżanowski St. 524
Kuczyński S. K. 407, 528
Kuhn H. W. 610
Kulikowski A. 523
Kup K. 520
Kupcik I. 200
Kuras S. 181
Kutyłowska I. 307
Kürbis B. 156
Kürbisowna B. 158, 646
Kyralexios см. Алексий III Ангел

La Monte J. L. 499
Laborde L., marquis de 483
Labuda G. 128, 129, 159, 591
Laffite M.-P. 617
Lafontaine-Dosogne J. 385, 386
Laiou A. E. 554, 555
Lammich M. 129
Lampsidis (*Lampsidēs*) *O.* 203, 239, 282, 418
Langdon M. K. 476, 477
Lappenberg J. M. 125
Lasteyrie R. 417
Laufs M. 116
Laurent V. 305, 374, 375, 390, 404, 542, 701, 704
Lawin M. A. 484
Lay S. 489
Lazarides P. 387
Lechner K. 647–650, 655, 656, 663
Lekai L. 147
Lent F. 472
Leon III 589
Leon VI 588
Leszczyc Z. 524
Levinzon-Gilbo'a A. 502
Lewin A. 502
Libera A., de 126
Liebing H. 145
Lilie R.-J. 328, 320, 419, 486
Lintzel M. 113
Lipiński T. 524
Listec см. Лешко Белый
Loenertz R.-J. 212
Lohrmann K. 660, 678
Lopez R. S. 555
Lorck A. 134
*Lorenz O.*196
Loud G. A. 584
Louth A. 605
Lovag Zs. 408
Lower M. 493
Łowmiański H. 682
Luard H. R. 698
Luchaire A. 115
Lübke C. 129
Mac Evitt Ch. H. 503, 504, 506
Macrides R. 418
Madden Fr. 699
Madden T. F. 195
Magdalino P. 499, 500
Maier B. 671
Maisano R. 547
Makk F. 221, 290, 317, 422, 442, 494
Malecki J. M. 624
Malingoudis Ph. 247, 296
Manafis K. A. 388
Mango C. 593, 609
Manselli R. 145
Mansi J. D. 184
Manteuffel T. 150
Manoussacas M. 560
Marian, St. см. Мариан, св.
Marcin Bielski см. Бельский Мартин
Marcin Kromer см. Кромер Мартин
Marsina R. 681
Margoulias H. J. 210
Martial le Fevre A. 413
Mathews Th. F. 359, 378
Matzukis C. 212
McGeer E. 374
Mayer H. E. 490, 500, 501, 505
Maximilian I 119, 124
Meier H. 651
Meiller A., von 651
Meineke A. 216, 501
Mézières Ph., de 386
Michel A. 593
Michlewski J. 625
Migne J.-P. 326
Mika N. 650, 653, 669, 674, 676–679
Miklosich Fr. 427, 618
Militzer K. 133
Miller D. 474
Miller J. 524
Millet G. 353, 355, 356, 387, 532
Mindaugas см. Миндовг
Mirdita Z. 213
Mironowicz A. 630
Mitkowski J. 624
Mitteis H. 113, 117

Mladjov I. 585
Molinier A. 127
Montfaucon B. см. *Монфокон Б.*
Moravcsik Gy. 228, 290, 317, 422, 488, 494, 508, 541
Morgan M. R. 482
Morrison C. 555
Mouriki D. 378, 389
Mulchahey M. M. 483
Muralt E., de 230, 245
Muratori L. A. 182, 196, 197, 727
Müller D. 381
Müller J. 427, 618
Müller M. 313
Mütherich F. 617
Myśliński K. 159

Nagirnyy V. 686
Nalewajek A. 159
Nasalli Rocca E. 730
Nazarian J. 377
Nelson R. S. 359
Nesbitt J. W. 374
Neuhaus H. 584
Neumeister P. 131
Newey W. K 489
Nicephorus Gregoras см. Никифор Григора
Nicetas Choniates см. Никита Хониат
Nicol D. M. 704
Niggl Th. 214
Nikephores, Patriarch of Constantinople 593
Nikephoros Chrysoberges см. Никифор Хрисоверг
Nikolaos Mesarites см. Николай Месарит
Nicholas I, Patriarch of Constantinople 593
Niemcewicz J. U. 414
Noble P. S. 205
Norden W. 696, 700, 701, 705
Norwich J. J. 136
Novotný V. 132, 668

Obolensky D. см. Оболенский Д.
Ogris A. 677
Ohryzko J. 525
Oikonomidēs N. 203, 374, 375, 420, 554, 555
Okunev N. 393
Oldham R. D. 200
Opll F. 124, 660, 678
Oreopulos Ph. 308, 477
Orghidan C. 375
Ostrogorsky G. 243, 582, 587, 588
Otranto G. 313
Otto IV, Otton см. Оттон IV

Pagnotti F. 727
Palacky F. 645, 676, 707
Papademetriou G. C. 354
Papadopoulos-Kerameus A. I. 304
Papp G. 122
Pasierb J. St. 625
Past J. 678
Paszkiewicz H. 416
Pauler Gy. 691
Philipp von Schwaben см. Филипп Швабский
Phillips J. 135, 196
Pelesz J. 165
Pentcheva B. V. 386
Peri V. 593
Perlbach M. 320
Pernoud R. 493
Peters U. 669
Petković S. 221
Piccirilli P. 628
Pickhan G. 129
Piekosiński Fr. 522, 524, 535
Piero della Francesca см. Пьеро делла Франческа
Piganiol de la Force J. A. 413
Pilz E. 540
Plezia M. 156
Podskalski G. 354
Polemis D. I. 293, 330, 418
Poląka W. 159
Popović D. 613, 615
Popović R. 441
Potthast A. 464, 664, 683, 700, 728

Pötschke D. 147
Premysl I 132
Premysl Otakar II. von Böhmen см. Пржемысл II Оттокар
Pringle D. 491, 503–505
Prinzing G. 195, 205, 212–214, 296, 417
Procházková N. 150, 184, 185
Przeździecki A. 415, 519, 535
Przybył M. 129, 159
Ptak J. 159
Pseudo-Kodinos см. Псевдо-Кодин
Puchała L. 367

Quandt L. 321
Queller D. E. 195

Rachner K. 214
Raffin L. 411, 414
Rauch J. 610
Raynaldo O. 184
Read P. P. 493
Reames Sh. L. 483
Regel W. 243, 546
Regina V. 628
Reichert F. 672
Reiffenberg F., de 706
Reinhold M. 554
Restle M. 530
Reuling U. 113
Reusner Elias см. Ройснер Элиас
Rhode G. 129
Richard J. 147
Richter G. 237
Riley-Smith J. S. Ch. 502
Roberg B. 237
Rochow I. 328, 329
Roepell R. 128
Rohland J. P. 313
Rollason D. 558
Roscher H. 181
Ross M. C. 404
Rosikoń J. 625
Rossmann H. 197
Rowe J. G. 482
Rowland D. 81
Röhrig H.-G. 144, 316
Rösch G. 586
Rudnik S. 361
Runciman S. 137, 195, 486, 507
Ruszkovska U. 452
Rymar E. 320
Ryszkiewicz A. 523

Salamon M. 417
Samek J. 625
Samsonowicz H. 535
Sanok T. I. 522
Sargiacomo F. 628
Satata Z. 128
Sathas K. N. 282
Savvidēs A. G. C. 205, 209, 221, 542
Sayers J. 115
Schaller H. M. 132
Scheibelreiter G. 652, 655
Scheffer-Boichorst P. 127, 128, 188, 203, 583
Schellens Fr. 313
Schieder T. 115
Schillmann F. 701
Schinzel-Penth G. 629
Schlumberger G. 374, 394
Schmeidler B. 197, 198
Schmidt P. G. 145
Schmidt-Chazan M. 127
Schneidmüller B. 119, 124
Schnith K. R. 119
Schopen L. 546
Schramm G. 519
Schramm P. E. 617
Schreiner P. 547
Schütte B. 142
Schwennicke D. 121, 298, 320, 652
Sear D. R. 206
Sebastian Brant 627
Selart A. 729
Seemann K. D. 217
Seemüller J. 649
Semkowicz A. 196
Setton K. M. 493
Sevin H. 520

Shahid I. 588
Shatzmiller M. 490
Shaube A. 208
Sinkewicz R. E. 354
Sinogowitz B. 205
Sinogowitz B. 203
Slivka M. 150
Skawran K. M. 476
Słupecki L. P. 146, 159
Słyszewska A. 149
Smail R. C. 490
Smidt U. 113
Soloviev A. 421, 514, 530, 533, 542–544
Sommer G. 669
Sommer M. 144, 310
Sommerfeldt J. R. 147
Sophocles E. A. 242, 282, 553, 666
Sotiriu G. 359
Sotiriu M. G. 359, 532
Soulis G. C. 585
Soustal P. 207
Spatharakis I. 530, 533, 544
Spechtler F. V. 670, 671
Speed J. D. 488
Staab F. 147
Stadler J. E. 629, 630
Stager L. E. 503
Stancliffe Cl. 558
Stehkämpfer H. 115, 116, 141
Stern E. 502
Stieglecker R. 627
Stoksik J. 624
Stone M. E. 377
Stökl G. 129
Straver J. 482
Strehlke E. 730
Stryjkowski M. см. Стрыйковский М.
Strzelczyk J. 128, 149
Sturdza M. D. 653
Stürner W. 656, 664
Sulkowska-Kuras I. 181
Suszko H. 219
Swain S. 472
Szaraniewicz I. 121, 689
Szelényi K. 407
Szentpétery E. 657, 688
Šebánek J. 679, 681, 707
Ševcenko I. 405, 474, 547
Świeżawski A. 298
Świtała B. 149

Tabaczyński S. 146
Taft R. F. 355
Tăpkova-Zaimova V. 582, 587
Tauvard C. 126
Taylor H. 493
Taylor J. 378
Theiner A. 199, 495
Theodores Laskaris см. Феодор I Ласкарь
Thiele A. 652
Thiérry L.-V. 413
Thomas, archidiaconus см. Фома Сплитский
Thomson F. 566
Thomson de Grummond N. 485
Thumser M. 135
Thunø E. 351
Tibble St. 499, 502
Tillmann H. 115
Tiuliumeanu M. 216
Todorova E. 209
Toeppen M. 730
Tomkowicz S. 625
Topolski J. 128
Tóth E. 407
Töpfer B. 119, 124
Treitinger O. 602, 605, 606
Treu K. 206, 418
Tsigaridas E. 357
Tumler M. 133
Turan O. 229
Turgenev A. J. 728
Turowski K. J. 522, 523
Tyl-Labory G. 126, 139
Tyerman Ch. 492, 500

Urbańczyk P. 152

Vaclav I 132
Van Cleve Th. C. 493

Van Lind Th. M. 377
Vannier J.-F. 230, 304, 305, 375, 377, 542
Vauchez A. 313
Vassilaki M. 357
Vásáry I. 217, 224, 225, 231
Veglery A. 337, 375, 420
Verpeaux J. 540,541
Vilain G. 147
Vogel P. 728
Vööbus A. 458
Vries W., de 593, 701, 704

Waas A. 137
Wadding L. 699
Wallemich K., von 313
Wasilewski T. 414
Wattenbach W. 196, 644–646, 652, 655, 665, 667, 668, 673, 676, 690, 691, 707
Wędzki 150, 151
Weiland L. 648, 654, 690, 699
Weinfurter S. 119, 124
Weinrich L. 113
Weitzmann K. 358, 359, 405
Weltin M. 671–673, 678, 690
Welykyj A. 201
Wertner M. 668, 669
Wessel K. 418, 530
Westering L. G. 593
Whitbi M. 205
Whitting P. D. 605
Wickham Ch. 201
Widera B. 129
Wies E. W. 124
Wießner H. 642
Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa A. 158
Wilmas R. 130
Winkelmann E. 119, 312, 660
Winkelmann F. 588
Winter E. 129, 148, 165, 183, 187
Wirth P. 213, 214
Wissgrill F. K. 671
Wisskirchen R. 351
Wixom W. D. 357, 389, 420, 609
Władysław Łaskonogi см. Владислав Лясконогий
Włodarski B. 121, 123, 129, 132, 139, 143, 146, 159, 165, 185, 202, 331, 657, 671, 680, 684
Wójcik L. M. 156, 414
Wolf A. 113
Wolf G. 124, 614, 631
Wolf S. 123
Wolff R. L. 493
Woodward D. 200
Wratislav-Mitrovic L. 393
Wünsch T. 129
Wyrozumski J. 128, 146, 624
Wyrwa A. M. 149, 157

Zacos G. 337, 374, 375, 420
Zachorowski S. 143
Zepos J. 374
Zepos P. 375
Zientara B. 128
Zimmerling D. 133
Zimmermann G. 144, 316
Zimmermann H. 134, 182
Zink M. 126
Zippert Ch. 145
Zöllner E. 673, 678, 679, 692
Zwirn St. R. 404
Zyglewski Z. 666
Žemlička J. 648

Αλέξιος Γ см. Алексей III Ангел
Βάρζος K. 206, 217, 290, 295–297, 299, 304, 315, 319, 390, 404, 424, 492, 541
Βοκοτόπουλος Π. Α. 357, 358
Ἐφραὶμ τοῦ Αἰνίου см. Ефрем Эний-ский
Κατσαρός B. 404
Κομνηνός Μανουήλ στεφηφόρος см. Мануил I Комнин
Κορδώσης M. Ε. 212
Κραντονέλλη A. 215
Λάππας N. Αθ. 704
Λαμψίδης Ὀδ. см. *Lampsidis (Lampsidēs) O.*
Σταυρίδου-Ζαφράκα A. 203

Summary

Political and cultural connections between Rus', Byzantium and Western Europe achieved much significance to the end of the 12th c. — beginning of the 13th c. First of all, they can be seen in home and foreign policy of Roman Mstislavich, the prince of Galich and Volyn.

The thing of great interest for the historians is Roman's project of "good order" delivered at the year of 1203 by V. N. Tatischev, who used the old Novgorod chronicle in his work. There are no mentions about the project in the Kiev and the Vladimir of Suzdal writings since the princes ruling there were hostile to Roman's idea to elect the Great Prince of Kiev.

All the text of the report on Roman's project is written on the new (late) folios of Academician ms of *Russian History*. Thanks to the writing manner (increasing of number of lines, decreasing of the size of letters and the space in between) the text of these leaves is almost one and the half larger than the normal page of the manuscript. But in spite of all the devices used by the copyist one couldn't put the complete text of the report on the project on the newly written leaves. It had to be the previous text of the same contents exempted in the process of copying. It means that Tatischev had the information about the project at the very beginning of his work with the 1st variant of the *Russian History* and therefore it cannot be thought to be the later fiction.

It couldn't happen by chance that Roman's reformation plans reflected the order of election of the superior ruler and some other political institutions of the Holy Roman Empire. The prince of Galich and Volyn suggested establishing the "good order" similar to "the other good ordered states" meaning without doubt the order of election of the German King and the Emperor established in the beginning of the 13th c. with the participation of the board of six Empire princes which was equal to the number of "the elder princes" who were to elect the Great Prince of Kiev according to Roman's project.

Roman Mstislavich had the immediate contacts with the German rulers who took part in the struggle for power in the Empire, especially with king Philip the Schwab and Hermann, landgrave of Thuringia. St. Peter's monastery in Erfurt, which played noticeable role in the competition between the Stauffens and the Velfs, was also connected with the prince of Galich and Volyn and he donated large sums to the monastery, probably during a personal visit.

The union of the Stauffens with the prince of Galich and Volyn is testified by Alberick de Trois Fontain saying in his Chronic that the last Roman's campaign he perished in was aimed to Saxony (1205). Dwellers of the distant Cistercian monastery could know about Roman's campaign thanks to the wide contacts, good knowledge of the European policy and close links with Saxony and Minor Poland Roman marched through.

One cannot accept the version of war Roman waged against Polish princes Leshko and Conrad suggested by Jan Dlugos who mixed the circumstances of the campaign of 1205

with that of the other times. Nevertheless one cannot deny completely the decision by the prince of Galich and Volyn to invade Poland and capture two Polish cities (reported about in the Russian chronicles) influenced by some special reasons rooted in the Polish-Russian relations of that time.

The information on the Papal embassy to Galich with the offer of the royal crown to Roman Mstislavich in exchange of the Union with Rome written in *Russian History* by Tatichev at the year of 1204 cannot be denied. The idea of Tatichev's practicing imitating of the chronicle entries proposed by some modern scientists is not confirmed. The main instrument of verification the information on the Papal embassy is still its correspondence to the approved data about eastern policy of the Roman Curia during the pontificate of Innocent III. One cannot doubt the persistent will of the Pope to submit the Orthodox Russian Church after the conquest of Constantinople to the jurisdiction of Rome.

The relations with Byzantium took the most important place in the foreign policy of Roman Mstislavich. According to *History* by Jan Dlugos and the Gustyn Chronicle the overthrown Bizantine emperor Alexios III after his flight from Constantinople in 1203 spent some time in Galich where he met Roman. The fact is confirmed by the Italian chronicler of the second part of the 13th — the beginning of the 14th c. Bartholomew del Fiadoni (Ptolemy of Lukke). Fiadoni who was born c. 1227, could have associated with the alive participants of the events. Being the librarian at the court of John XXII he was well informed of the foreign policy of the Pope and he was highly interested in the details of the 4th Crusade. Besides that Fiadoni has been the bishop of Torcello (the island and the town in the Venetian Lagoon), which citizens took part together with Venetians in the conquest of Constantinople for many years.

The known story of exile of Alexios III, of his visit to Bulgaria and the negotiations with king Kaloian testify the possibility of the contacts with the prince of Galich and Volyn as well. This is confirmed with the information about military and political union of Alexios and Roman and the traditionally active role of Galich in the approval of the pretenders to the royal thrones of Byzantium and Bulgaria also.

It was Roman Mstislavich who became the main military ally of the Byzantine Empire in the beginning of the 13th c. The Romayan State was going through the sever political crisis aroused by Serbian and Bulgarian uprising and the crushing attacks by Polovtsy. According to Niceta Choniate it was possible to stop the nomad aggression thanks to the Galich aid only. The circumstances and the time of Roman's campaign in the story by Choniate are just the same as in the Russian chronicles which report the steppe campaigns of the Galich and Volyn prince.

The outstanding role of Roman Mstislavich in the struggle with the enemies of the Empire is reported in the other Byzantine sources besides Choniate, which are practically unknown to the modern Russian historians. These are the tale of Theodor Skytariote and the poem by Ephrem Ennius. Both authors repeat Choniate mainly, but they add some new details.

All the Byzantine sources give the title of "hegemon Galiciae". The term "hegemon" unlike the other Byzantine titles of the Russian princes meant "the ally and the relative (or in-law) of the Emperor". The result of the union of Alexios and Roman was also the stabilization of the relations with the Russian population in the Lower Dnieper and

the Lower Dniestr ("the branch of the Tauro-scythes" of "Bordona", as it called in the Byzantine sources).

Diminishing of the role played by the prince of Galich and Volyn Roman Mstislavich in the political life of South Rus' and his uniting the Russian princes for the campaigns against the Polovtsy is typical for the North-Eastern Chronicle tradition first of all because of the political views of chronicler Simon, who arrived from Kiev to Vladimir Suzdalsky in the beginning of the 13th c. and afterwards became the bishop. Tightly connected to the family of the Kievan prince Rurik Rostislavich, the main enemy of Roman in his struggle for Kiev, Simon having arrived to Vladimir became serving the interests of king Vsevolod the Big Nestle who perceived Roman as a dangerous competitor in the influencing the South Russian lands.

Prince Vsevolod was also alien to the foreign policy of Roman who supported the Byzantine authorities in the fight with the rebellious Bulgarians and the Danube Polovtsy which backed them. The prince of Vladimir Suzdalsky had the immediate contacts with the head of the Bulgarian uprising and avoided military assistance of Byzantium of purpose.

Military aid by Roman was guaranteed with the matrimony of the prince of Galich and Volyn and Alexios' niece, the elder daughter of the overthrown emperor Isaac II. On coming the second wife of the prince of Galich and Volyn she continued playing the key role in the political life of South Rus' for years. The chronicle preserved not the name of the princess who is called by the husbands name only: "the great Roman's princess". But we can fill this white space. The junior sister of the princess of Galich and Volyn, Irene, who had come the consort of German king Philip, had her sister's name put down to the necrology of the Speier cathedral. Among the other Greek relatives of queen Irene the name of her elder sister Euphrosine is mentioned.

They were aware of the fate of German relatives of "the great Roman's princess" in Galich as well. The distinct information about the death of king Philip the Schwab at summer of 1208, which was soon followed with that of his queen, can be found in the Chronicle of Galich and Volyn. The detailed story of the circumstances of the murder of Philip was put down and the persons implicated in it were mentioned here. There is no such information in the other Russian chronicles. The details of such distinct events could be of some interest only for the relatives of the perished. And princess Euphrosine with her children were such persons.

Near by the Polish town of Chelm (Old Russian Holm) the ancient stone tower five levels (stories) high, the remnants of chapel on the top of it, is still preserved. This tower rises at the spot where the Old Russian town of Stolpie (Towers) existed sometimes. According to the last investigations the tower of Stolpie is the replica of the edifices widely spread in the North of Greece and appeared to be the cult buildings belonging to the monasteries and the secular lords. The literary sources say that most probably the tower of Stolpie was built in 1220–1240s for "the great Roman's princess" who had become the nun again.

The activity of Euphrosine, the princess of Galich, is seen in the old Russian seals. Several seals from old Novgorod have the image of St. Euphrosine of Alexandria on avers and the image of Transfigutation of Our Lord on the mount of Favor on reverse. There are no grounds to identify the owner of this seals with St. Euphrosine of Polotsk, since

she had nothing to do with the foundation of the Transfiguration church or monastery in Polotsk. The Savior's nunnery and the church founded by St. Euphrosine were dedicated to the ancient fest of the Savior Misericors. There is no evidence of any relationship of St. Euphrosine with Novgorod.

But there were tight links between Euphrosine of Galich and Novgorod. She, without doubt, corresponded with prince of Novgorod Mstislav the Brave whose daughter Ann married Daniel, the elder son of widowed princess of Galich. Mstislav himself influenced with the news coming from the South-Western Rus', abdicated from Novgorod throne and resolutely interfered in the struggle for Galich with Hungarian prince Koloman and became the new prince of Galich soon.

There is a great reason to connect the wide spreading of cult of Transfiguration in Galich and Volyn with Euphrosine of Galich. The numerous monasteries and churches of Transfiguration mentioned in the literary sources date back to the 13th c. The numerous former altar icons of Transfiguration of the West Ukrainian lands came from the 13–14th cc. up to our time.

One more name Euphrosine is famous under in the scientific literature is Ann, which she must have taken on returning to nunnery in the beginning of the 1220s. The connection of "the great Roman's princess" with the cult of St. Ann, Our Lady's mother, is witnessed with the chapel of St. Joachim and Ann built on her grave according to the chronicle of Galich and Volyn. There is the unique icon of the "Assembly for St. Joachim and Ann" painted at the edge of 13–14th cc. and copying the older altar icon.

The name of Ann and the scene of Transfigutation used by the princess of Galich at her personal seals (such scene is quite unique for the Russian seals and is very rare for the Byzantine ones) can indicate some personal attitude of the elder daughter of Isaac II to the memory of the nun-empress Anna Dalassina which was honored as the ancestor of all the Comnenos and the Angelos at the Byzantine court.

It is thanks to Euphrosine of Galich that several famous Christian relics of both liturgical and political (as the insignia of power) significance appeared in Galich and Volynian Rus'. First of all it was the reliquary cross with the particle of Holy Cross which is kept in Our Lady's of Paris. "Crowned Manuel Comnenos" is ought to be identified with Manuel I.

The creating of the Galich Aprakos Gospel of the beginning of the 13th c. (now in the State Tretyakov Gallery in Moscow) is also connected with Euphrosine of Galich. The miniatures and ornaments illuminating the manuscript are considered to be some of the best examples of the Russian artistic bookwork.

The influence of great princess Euphrosine explains the appearance of unusual and unique Christian names among the Galich and Volynian Rurikides. First of all it is the name "Daniel", which was adopted by the Moscow princes afterwards. This name became in use thanks to the spreading of the cult of Daniel Stylites and rising of the interest in the attributes of stylites which can be seen in sigillography and in the numerous architectural monuments of Galich and Volyn of the 13th — beginning of the 14th c. as well. Thanks to the family links of the Galich and Volyn princes and their Vladimir Suzdalsky this cult spread in the North- East of Rus' and then in Moscow.

Euphrosine being the daughter of Isaac II the interest in the stylites increased among the princes. According to Niceta Choniate emperor Isaac showed hot love and especially

protected the stylites and the hermits astonishing the contemporaries, because since the times of iconoclasm stylites lost their previous influence on the emperors and their movement declined.

Byzantine hagiographical tradition on St. Daniel Stylites and emperor Leo the Great explains the connection of the names Daniel and Lev (Leo) among the descendants of Roman Mstislavich and Euphrosine. Daniel Stylites was the spiritual father and the main councilor of emperor Leo I. It seems as if this circumstance reflected in the pair of names of the Galich princes: father and son — Daniel Romanovich and Lev Daniilovich.

The name of prince Iraclii (Hercules) Daniilovich is connected with cult of the Holy Cross. Though the Byzantine emperor Hercules I who returned the main Christian relic the Holy Cross from the Persian captivity hadn't been canonized by the Chuch his memory was worshiped both in the East and in the West. The special interest in Hercules marked the Crusade epoch in Europe, when his name became the symbol of liberating and the defense of Holy Land and thus impressed in numerous monuments of art and literature and in the names of Patriarchs of Jerusalem also.

Together with the untypical for the Rurikides "Byzantine" names of the Galich princes the political and cultural inheritance of Roman Mstislavich displayed in some attributes and symbols of the imperial power. First of all it is the double-headed eagle known from the descriptions of the monumental sculptures and the information about the territorial symbols of Galich and Volynian Rus'. Depicting the appearance of Daniel the chronicler witnesses the unusual case of bearing "Greek olovir". This special term meant "real" or "imperial" purple.

The external attributes of the imperial dignity corresponded to the imperial title of the Princes of Galich and Volyn. Using the title "tsar" and "autorcator" and the derivates towards the princes of Galich and Volyn is seen in the numerous literary sources all the 13th c. along. The features of the Byzantine emperor are evidently shown in the political activity of Roman Mstislavich and his descendants. First of all it is seen in their attempts to enlarge their powers according to the idea of the imperial (that of Basileus) power, in their claims of the investments of the bishops, in their choice of the instruments of the political struggle.

To begin with Roman Mstislavich the princes of Galich and Volyn took permanent care of giving their power sacral air through gathering highly worshiped Christian relics. Byzantine emperors conducting such a policy for many centuries collected almost all known relics of the Christian East in Constantinople. The Byzantine capital having been plundered many European monarchs thought about "translatio imperii" (the translation of the Empire) through acquisition and translating the Constantinople relics to their capitals. The Moscow Great Princes and the Tsars continued this practice for centuries afterwards.

The seizure of Constantinople by the crusaders was reflected in "the Tale of capture of Tsar-grad by the Franks". Dobrynya Yadreycovich, boyarin of Novgorod and the future archbishop of Novgorod, is thought to be the most probable author of the text. Closely connected with Roman Mstislavich, the prince of Galich and Volyn, Dobryanya was sent by him to Constantinople, where he spent several years and saw the devastation of the Byzantine capital in April, 1204. It was the tense connection with the prince of Galich and Volyn that appeared in Dobryanya's attention to the prince's in-law, the German king Philip the Schwab, who had played a role in the organization of the Fourth Crusade. Dobrynya

could have been informed by one of the king's partisans archbishop of Salzburg Conrad von Krosig who took part in the siege of Constantinople in 1203–1204.

The Byzantine heritage of Roman Mstislavich and "great princess" Euphrosine-Ann displayed in their sons' and grand-sons' foreign policy. It appeared first of all in the struggle for Austria led by Daniel Romanovich and his son Roman's attempt to seize the throne of the dukes of Austria in 1252–1253. The princes of Galich and Volyn were among the main claimants to the "Austrian heritage" thanks to their relationship with the Babenbergs by the distaff side: Euphrosine was a cousin of Duchess of Austria Theodora Angelina, and the childless Duke Frederick II the Quarrelsome was the cousin of Daniel.

The Austrian knot of Galician prince's foreign police could have got tied in the late 1230s already, when Frederick the Quarrelsome was actually deprived of power by the German Emperor Frederick II. At first Daniel Romanovich intended to support his Austrian relative, but after meeting the Emperor Frederick II in Vienna in spring of 1237 turned to his side. He was given a pecuniary award of 500 silver marks and the title of king of Rus' (rex Russiae) for that.

The union with Bela IV, King of Hungary, brought Daniel of Galich to the enemies of Frederick Babenberg. There are many reasons to suggest Daniel to take part at the king's side in the battle on the Leita river, where Frederick perished. Moreover, the prince of Galich could have had personal attitude to the death of the Duke who fell in the fight with a "king of Rus'". According to one version Frederick the Quarrelsome perished due to Count Henry von Hassbach who afterwards helped Daniel's son Roman to take hold of the throne of Austria. The Romanovichi could have broken with Frederick because of his hard conflict with his own mother Theodora Angelina who sought for the shelter at her foreign relatives.

The fight for the "Austrian heritage" is directly connected with the coronation of Daniel of Galich by the Pope Innocent IV. Some friendship of Daniel with the Apostolic Siege began in 1246–1248 already because of the Pope's promises to back the Romanovichi's claim for Austria which was announced in his messages and through the archbishop of Salzburg Philip von Schpangeim at the negotiations in Pressburg. It developed in 1252–1253 with the mediation of the king of Hungary Bela IV, who also aimed at the share of the "Austrian heritage".

At the same time the Byzantine factor continued to play a great role in the Romanovichi's foreign policy. Daniel's coronation and the negotiations about the Church Union with Rome went on at the background of the wider political process initiated by the Pope Innocent IV and the Emperor of Nikea Johm III Vataz. The authorities of Nikea agreed to admit the superiority of the Pope in the Church affairs and subordinate to him the Orthodox clergy in exchange for the return of Constantinople to the Greeks.

The interests of Nikea were pursued in Galich and Volyn still by Daniel's mother Euphrosine-Ann. The union of the mightiest prince of Rus' with Rome was profitable for that time Nicean rulers since it helped to achieve their own political aims. The denial of the new Emperor of Nikea Theodore II Laskaris to cede to the Pope together with his decision to take Constantinople by led to the immediate break of the princes of Galich and Volyn with Rome.

Zusammenfassung

Die außenpolitischen und kulturellen Beziehungen der Rus', Byzanz' und Westeuropas um die Wende des 12. und 13. Jh. gelangten zur hohen Wichtigkeit. Vor allen Dingen traten sie in der Außen- und Innenpolitik des Fürsten vonHalytsch-Wolhynien Roman Mstislawitsch zutage.

Regstes Interesse der Historiker löst der von Roman erarbeitete Entwurf der „guten Ordnung" aus, dessen Inhalt unter dem Jahr 1203 in der „Russischen Geschichte" von W.N. Tatischtschew, der die Auszüge aus der alten Nowgoroder Chronik benutzt hatte, wiedergegeben ist. Dass die Erwähnungen vom Entwurf in den Chroniken von Kiew und Wladimir-Susdal fehlen, wird durch das negative Verhältnis der dort regierenden Fürsten zur von Roman vorgeschlagenen Idee, den Großfürsten von Kiew zu wählen, erklärt.

Die neueren (späteren) Blätter der akademischen Handschrift der „Russischen Geschichte" enthalten den vollen Text der Mitteilung über Romans Entwurf. Dem Charakter der Schrift (der Vermehrung der Zeilenzahl, Verkleinerung der Buchstabengröße und den Entfernungen dazwischen) nach übertrifft der Text an diesen Blättern die gewöhnliche Seitenumfangsnorm dieser Handschrift gegen anderthalbmal. Aber bei allerlei Kniffe und Pfiffe des Abschreibers wäre es unmöglich den ganzen Mitteilungstext über den Entwurf an den neu umgeschriebenen Seiten unterzubringen. In der Handschrift muss ihm ein anderer Text desselben Inhalts vorangegangen sein, der bei dem Abschreiben entnommen war. Die Angaben über Romans Entwurf waren Tatischtschew also noch auf der Frühetappe der Arbeit an der ersten Redaktion der „Russischen Geschichte" bekannt und lassen sich nicht für eine spätere Erfindung halten.

Es kann kein Zufall sein, dass in Romans Reformplänen sich die Einrichtung der Wählbarkeit des Oberherrschers und einige anderen Bestandteile der politischen Ordnung des Heiligen Reiches widerspiegelte. Die Vorschläge des Fürsten von Halytsch-Wolhynien über die Einführung der „guten Ordnung" in der Rus' mit dem Hinsicht auf die „anderen ordentlichen Staaten" spielten gewiss auf die Wählbarkeitsordnung des deutschen Königs und Kaisers an, die sich Anfang des 13. Jh. angebahnt hatten, wenn sich das Kollegium in der Anzahl von sechs Kurfürsten, die der Zahl der den Großfürsten von Kiew wählenden „ältesten Fürsten" in Romans Entwurf entspricht, an der Wahl beteiligte.

Roman Mstislawitsch hatte unmittelbare Beziehungen mit den deutschen Herrschern, die am Kampf für die Obermacht im Kaiserreich teilnahmen, und zwar mit dem König Philipp von Schwaben und mit dem Landgrafen von Thüringen Hermann. Der Fürst von Halytsch-Wolhynien war auch mit dem im Kampf zwischenStaufern und Welfen eine große Rolle spielenden Peterskloster in Erfurt verbunden und spendete diesem Kloster eine bedeutende Summe wahrscheinlich während seines persönlichen Besuchs.

Von den Bundesverhältnissen des Fürsten von Halytsch-Wolhynien mit Staufern zeugt die Mitteilung Alberics „Chronica" aus dem Kloster Tre Fontane (der Drei Brunnen ~ des TroisSources) in der Champagne darüber, dass der letzte Romans Kriegszug, der ihm das Leben kostete, nach Sachsen (1205) richtete. Im fernen Zisterzienserkloster konnte man vom Romans Zug dank den breiten Kontakten und der Informiertheit der Zisterzienser in den Angelegenheiten der europäischen Politik, den engen Beziehungen ihres Ordens mit Sachsen und Kleinpolen wissen, über dessen Ländereien Roman mit seinem Heer zog.

Keinen Kritikstand hält die Version über Romans Krieg gegen Fürsten von Polen Leszek und Konrad, die von Jan Długosz, der die Umstände des Zuges 1205 mit den Ereignissen der anderen Zeit verwechselt hatte, vorgeschlagen wurde. Trotzdem ist es völlig nicht zu bestreiten, dass auf die Entscheidung des Fürsten von Halytsch-Wolhynien über den Zug nach Polen und über die Eroberung zwei polnischen Städte einen größeren Einfluss einige aus den russisch-polnischen Beziehungen dieser Zeit folgenden besonderen Motive (wonach die altrussischen Chroniken zeugen) ausübten.

Die unter 1204 in der „Russischen Geschichte" untergebrachte Mitteilung über die Gesandtschaft des Papstes nach Halitsch mit dem Vorschlag, Roman Mstislawitsch mit der Königskrone im Tausch gegen die Union mit Rom zu krönen, lässt sich nicht widerlegen. Insbesondere bestätigt sich nicht die Annahme einiger modernen Forscher, dass sich Tatischtschew angeblich der Nachahmung der Chronikangaben bediente. Hauptverifikationsmerkmal der Mitteilung über die päpstliche Gesandtschaft nach Halitsch bleibt nach wie vor ihre Übereinstimmung mit den vorhandenen Kunden über die Ostpolitik der Kurie in Rom unter Innozenz III. Das dringende Bestreben des Papstes, nach der Eroberung Konstantinopels von den Kreuzfahrern die orthodoxe Kirche auf dem Territorium der russischen Ländereien der römischen Gerichtsbarkeit unterzuordnen, steht außer Zweifel.

Den wichtigsten Platz in der Außenpolitik von Roman Mstislawitsch nahmen die Beziehungen mit Byzanz. Den Nachrichtungen von Jan Długosz und der Gustiner Chronik nach befand sich der gestürzte byzantinische Kaiser Alexios III. nach seinem Flucht aus Konstantinopel 1203 eine bestimmte Zeit in Halitsch, wo er mit dem Fürsten Roman traf. Diese Tatsache wird durch die Angabe des italienischen Chronisten der zweiten Hälfte des 13. – Anfang des 14. Jh. BartholomeodellFiadoni (Ptolomäus vonLucca) bestätigt. Fiadoni, gegen 1227 geboren, muss sich direkt mit den lebenden Augenzeugen der beschriebenen Ereignisse unterhalten haben. Als Bibliothekar des Papstes Innozenz III. war er in den Fragen der Außenpolitik der Kurie sehr beschlagen und auf die Einzelheiten des IV. Kreuzzuges aufmerksam. Außerdem lange Jahre war Fiadoni Bischof von Torcello (der Stadt auf der gleichnamigen Insel in der Lagune von Venedig), dessen Bewohner zusammen mit den Venezianern an der Eroberung Konstantinopels aktiv teilnahmen.

Die jetzt bekannte Geschichte Alexios' III. Aufenthalts in der Verbannung, sein Besuch Bulgariens und die Verhandlungen mit dem Zaren Kalojan legen auch Zeugnis von den möglichen Verbindungen des Ex-Kaisers mit dem Fürsten von Halytsch-Wolhynien ab. Dafür sprechen auch die Angaben über die kriegspolitische Union mit Alexios und die traditionell aktive Halytschs Rolle in der Unterstützung der byzantinischen und bulgarischen Thronprätendenten.

Nämlich Roman Mstislawitsch wurde zum Hauptkriegsalliierten des byzantinischen Kaiserreichs Anfang des 13. Jh.. In dieser Periode machte die Macht der Romäer eine schwere politische Krise durch, die durch die Bulgaren- und Serbenaufstände und zerstörende Überfälle der Polovzer hervorgerufen war. Der Angaben von NiketesChoniátes nach nur dank der Hilfe des Fürsten von Halytsch-Wolhynien Roman gelang es die Angriffe der Heiden zu beenden. Die Umstände und die Zeit Romans Feldzuges gegen die Polovzer in der Erzählung von Choniátes stimmen mit den Mitteilungen der russischen Chroniken über die Heidenzüge des Fürsten von Halytsch-Wolhynien überein.

Außer NiketesChoniátes melden auch andere byzantinische Quellen, die den modernen Geschichtsforschern – Russisten fast unbekannt sind, von Roman Mstislawitsch' hervorragenden Rolle im Kampf gegen die Feinden des Reiches. Das sind die Mitteilung aus der Theodor Skutariotos' Chronik und die Verserzählung Ephräms aus Aenia. Beide Verfasser folgen auf den Angaben von NiketesChoniátes, ergänzen diese aber durch einige neue Einzelheiten.

In allen byzantinischen Quellen bezeichnet man Roman Mstislawitsch „Hegemonvon-Halytsch". Zum Unterschied von den anderen russischen Fürsten verstand man unter dem Begriff „Hegemon" einen Kriegsalliierten und Verwandten (Verschwägerten) des Kaisers. Romans Bündnis mit Alexios III. trug auch zur Stabilisierung in der Beziehungen mit der am unteren Dnister und der unteren Donau lebenden russischen Bevölkerung (einem „Zweig von Tauroscythen" aus Wordone, wie man sie in den byzantinischen Chroniken nennt) bei.

Die Demütigung der Rolle des Fürsten von Halytsch-Wolhynien Romans im politischen Leben der südlichen Rus' und in der Organisation der gemeinsamen Züge der russischen Fürsten gegen Polovzer, die für die Chroniken der nord-östlichen Rus' charakteristisch sind, erklärt sich vor allem mit den politischen Anschauungen des Chronisten Simon, der Anfang des 13. Jh. aus Kiew nach Wladimir-Susdal gekommen war, wo er später Bischof wurde. Nach Wladimir angekommen, begann der mit der Familie des Fürsten von Kiew RürickRostislavitsch (Romans Hauptgegners im Kampf für Kiew) eng verbundene Simon den Interessen des Großfürsten Wsewolod, genannt „Großes Nest", zu dienen, den Roman auch für seinen Konkurrenten im Kampf für den Einfluss in den süd-russischen Ländereien hielt.

Der Fürst Wsewolod teilte nicht auch Romans außenpolitische Orientierung nach der Unterstützung der byzantinischen Obrigkeiten im Kampf gegen sich empörenden Bulgaren und ihnen alliierten an der Donau lebenden Polovzer. Der Fürst von Wladimir-Susdal war direkt mit den Führern des bulgarischen Aufstandes verbunden und schwenkte beabsichtigt von der Militärhilfe Byzanz ab.

Die Gewähr der Militärhilfe, die Roman Alexios III. zur Verfügung stellte, war Verheiratung des Fürsten von Halytsch-Wolhynien mit der Alexios' Nichte, der älteren Tochter des gestürzten Kaisers Isaak. Zur zweiten Frau des Fürsten von Halytsch-Wolhynien geworden, spielte sie Hauptrolle in der politischen Leben der süd-westlichen Rus'. Der Name der Fürstin, die in der Chronik ausschließlich nach ihrem Mann – „die Großfürstin Romanowaja" – genannt ist, ist nicht erhalten geblieben. Aber diese Lücke ist auszufüllen. Irene, die jüngere Schwester der Fürstin von Halytsch-Wolhynien, die den König Philipp von Schwaben geheiratet hatte, gedachte ihr im Gottesdienst (im Synodik) des Speyerer

Doms. Unter anderen griechischen Verwandten der Königin Irene ist hier auch ihre ältere Schwester eingetragen, die Euphrosyne genannt ist.

Über das Schicksal der deutschen Verwandten „der Großfürstin Romanowaja" war es in Halytsch sehr gut bekannt. Die genauen Angaben über den Untergang des Königs Philipp von Schwaben im Sommer 1208, worauf bald der Tod seiner Frau folgte, finden wir in der Chronik von Halytsch-Wolhynien. Hier wird es eingehend über die Umstände Philipps Ermordung erzählt und sind die an diesem Verbrechen beteiligten Personen genannt. Solche Kunden gibt es in keinen anderen russischen Quellen. Die Einzelheiten über von der Rus' entfernten Ereignisse konnten in Halytsch nur die Verwandten der Ungekommenen interessieren. Und dieselben waren die Fürstin Euphrosyne und ihre Kinder.

In der Nähe von Chełm (dem altrussischen Cholm) ist ein altes steinernes fünfstöckiges Turm mit den Resten einer Kapelle in der oberen Stufe bis zum heutigen Tag erhalten geblieben. Dieser Turm erhebt sich an der Stelle, wo sich früher die altrussische Stadt Stolpje befand. Den Angaben der modernen Forscher nach gibt der Turm in Stolpje die Bauwerke wieder, die in der spätbyzantinischen Zeit auf dem Territorium Nordgriechenlands verbreitet und Kultusgebäude (die den hiesigen Klöstern und Vertretern der adligen Stämme gehörten) waren. Den Mitteilungen der schriftlichen Quellen nach war der Turm in Stolpje aller Wahrscheinlichkeit nach etwa 1220–1240 errichtet und für den Aufenthalt „der Großfürstin Romanowaja", die wieder Nonne geworden war, bestimmt.

Die Tätigkeit Euphrosyne, der Fürstin von Halytsch-Wolhynien, drückte sich in den Denkmälern der russischen Sphragistik aus. Aus dem alten Nowgorod stammen einige Siegel mit der Darstellung der Hl. Euphrosyne zu Alexandria (oder Alexandrien), auf deren Kehrseite auch die Szene der Verklärung des Herrnauf dem Berg Tabor dargestellt ist. Es gibt keine hinreichenden Gründe, die Inhaberin dieser Siegel mit Euphrosyne von Polazk gleichzusetzen, da sie nicht mit der Begründung der Verklärungskirche oder -kloster in Polazkzu tun hat. Das zur Zeit ihres Lebens gegründete Erlöserkloster und sein Tempel waren dem alten Fest des gnädigen Erlösers gewidmet. Es gibt auch keine Angaben über irgendwelche Kontakte von Euphrosyne von Polazk mit Nowgorod.

Enge Beziehungen mit Nowgorod hatte aber Euphrosyne, die Fürstin von Halytsch-Wolhynien. Sie stand gewiss im Briefwechsel mitMstislav dem Kühnen, dem Fürsten von Nowgorod, dessen Tochter Daniel Romanowitsch, der ältere Sohn der verwitweten Fürstin von Halytsch-Wolhynien, heiratete. Unter dem Einfluss der aus der süd-westlichen Rus' gelangten Mitteilungen verzichtete Mstislav selbst auf den Nowgoroder Thron und mischte sich entschieden in den Kampf gegen den ungarischen Königssohn Koloman für Halytsch, indem er bald zum neuen Fürsten von Halytsch-Wolhynien wurde.

Man hat allen Grund Euphrosyne von Halytsch-Wolhynien mit den Tatsachen der Verbreitung des Kultus der Verklärung des Herrn in Halytsch-Wolhynien zu verbinden. Zum 13. Jh. gehen hier mehrere Verklärungsklöster und -kirchen zurück, die in verschiedenen Quellen erwähnt sind. Seit dem Ende des 13. – dem 15. Jh. bis zum unserer Zeit sind mehrere aus den west-ukrainischen Ländereien stammenden und einst sich als Schutzheiligenikonen der Kirchen erweisenden Verklärungsikonen erhalten geblieben.

Der nächste Name, darunter Euphrosyne Fürstin von Halytsch-Wolhynien in der Geschichtsliteratur besser bekannt ist, war der Name Anna, der zu ihrem Nonnennamen

nach der Mönchswesenabnahme Anfang der 1220-er Jahre worden war. Von der Verbindung „der Großfürstin Romanowaja" mit dem Kultus der Hl. Gerechten Anne, der Mutter von Gottesmutter zeugt das Errichten der Kapelle zum Ehren der Hl. Gottesväter (θεοπάτορες) Ioahim und Anna an ihrem Grab, wovon die Chronik von Halytsch-Wolhynien Kunde gibt. Auch ist eine alte von Halytsch-Wolhynien stammende, um die Wende des 14.–15. Jh. geschaffene Ikone „Treffen der Hl. Ioahim und Anna" erhalten geblieben. Diese Ikone wiederholt eine ältere Schutzheiligenikone.

Der Name Anna und die Verklärungsszene, die die Fürstin von Halytsch-Wolhynien auf ihren persönlichen Siegeln benutzte (solch eine Szene ist in der altrussischen Sphragistikganz einzigartig und kommt sehr selten in den byzantinischen Bullen vor), können auf irgendeine persönliche Ergebenheitälterer Tochter Isaaks II. dem Gedächtnis der Nonne – Kaiserin Anna Dalassene hinweisen, die man bei dem byzantinischen Hofe als Stammmutter aller Komnenen (Komnenoi) und Angeloi ehrte.

Mit Romans Mstislawitsch zweiter Frau ist das Erscheinen einiger bekannten christlichen Reliquien, die neben der liturgischen auch als Insignia der obersten Gewalt eine große politische Bedeutung hatten, in Halytsch-Wolhynien verbunden. Das sind vor allen Dingen ein kostbarer Kreuz – Reliquienschrein mit dem Teilchen des wahren Kreuzes Christi, der jetzt in der Kathedrale Notre-Dame de Paris (Unseren lieben Frau von Paris) aufbewahrt ist. Der in der griechischen Inschrift des Reliquienschreins benannte „KaiserManuel Komnenos" ist mit dem Kaiser Manuel I. zu identifiziern.

Mit Euphrosyne von Halytsch-Wolhynien ist auch das Schaffen des aus Halytsch-Wolhynien stammenden Evangeliums – ἄπρακτος (Evangelistar, Evangeliar) Anfang des 13. Jh., das sich jetzt in der Tretjakow Galerie in Moskau befindet, verknüpft. Kunstvolle Textillustrationen und Muster, die diese Schrift schmücken, gelten jetzt als einige der bedeutendsten Denkmäler der altrussischen Miniatur.

Für den Einfluss der Großfürstin Euphrosyne ist auch das Erscheinen in der Fürstenfamilie von Halytsch-Wolhynien solcher ungewöhnlichen und im Geschlecht der Rurikiden sogar eigenartigen Fürstentaufnamen zu erklären. Das ist vor allem der Name vom Fürsten Daniel, der sich später in der Namensliste der Moskauer Fürsten wiederholt. Das Entstehen dieses Namens unter den Fürsten ist durch die Verbreitung des Kultus des Hl. Daniel Stylites und den Interessenaufschwung für Außenmerkmale der Säulenheiligen verursacht, was sich in der Sphragistik und in mehreren Baudenkmälern Halytsch-Wolhyniens des 13. – Anfang des 14. Jh. zeigte. Dank den Familienverbindungen der Fürsten von Halytsch-Wolhynien mit den Fürsten Wladimir-Susdal verbreitete sich dieser Kultus auch in der nord-östlichen Rus' und später in Moskau.

Eben durch die Abstammung von Euphrosyne von Halytsch-Wolhynien, die eine Tochter desBasileus Isaaks II. war, wird ein in der Rus' etwas unerwarteter Interessenaufschwung für die Säulenheiligen im Fürstenmilieu erklärt. Der Mitteilung von NiketesChoniátes nach nahm der Kaiser Isaak II. die Säulenheiligen und Eremiten unter seinen besonderen Schutz und fühlte sich zu ihnen besonders hingezogen, indem er damit alle seine Zeitgenossen in Erstaunen setzte, da die Säulenheiligen seit den Zeiten des Ikonoklasmus ihren ehemaligen Einfluss auf die Kaiser verloren hatten und ihre Bewegung nach und nach ihrem Ende entgegenging.

Die byzantinische hagiographische Tradition über die Heiligen Daniel Stylites und Leo den Großen Zaren erklärt den Zusammenhang der Namen „Daniel" und „Leo" unter den Nachkommen von Roman Mstislawitsch und Euphrosyne. Der Hl. Daniel Stylites war Beichtvater und Hauptberater Kaisers Leo. Dieser Umstand muss im Namenpaar der Fürsten von Halytsch-Wolhynien – des Vaters Daniel Romanowitsch und des Sohnes Leo Danielowitsch – widergespiegelt haben.

Mit dem Kultus des wahren Kreuzes Christi ist das Entstehen des Fürstennamens HerakleiosDanielowitsch verbunden. Obwohl der byzantinische Kaiser Herakleios I., der das Hauptheiligtum aller Christen,Golgatha cross, aus persischen Gefangenschaft zurück gewonnen hatte, trotz alledem von der Kirche nicht heil gesprochen (kanonisiert) wurde, war sein Gedächtnis weit und breit sowohl im christlichen Osten, als auch im Westen angebetet. Ein besonderer Interessenaufschwung für Herakleios wurde in den europäischen Ländern in der Zeit der Kreuzzüge bezeichnet, als sein Name zum Symbol der Befreiung und Verteidigung des Heiligen Landes wurde, was sich in den mehreren Werken der altrussischen Literatur und Kunst und in der Namensliste der Lateinpatriarchen von Jerusalem widerspiegelte.

Neben den für die Rurikiden untypischen „byzantinischen" Namen der Fürsten von Halytsch-Wolhynien zeigte sich das kultur-politische Erbe von Roman Mstislawitsch auch in der Aneignung einiger Attribute und Symbole der Kaisergewalt. Das ist vor allen Dingen die Nutzung des Bildes des zweiköpfigen byzantinischen Adlers, der dank den Beschreibungen der Bildhauerkunstdenkmäler und Angaben über die territorialen Symbole von Halytsch-Wolhynien bekannt ist. In einer in der Chronik angeführten Aussehensbeschreibung des Fürsten von Halytsch-Wolhynien Danielvon Galizien ist ein ungewöhnlicher Fall des Tragens von dem „griechischen Olovir" bescheinigt. Mit diesem Fachbegriff wurde in Byzanz der „wahre" oder „Zarenpurpur" bezeichnet.

Die Außenmerkmale der Zarenwürde entsprechen dem Zarentitel der Fürsten von Halytsch-Wolhynien. Das Nutzen der Titel „Zar" und „Selbstherrscher" und der von diesen Wörtern abgeleiteten Epitheta in Bezug zu den Fürsten von Halytsch-Wolhynien ist durch viele schriftlichen Quellen des 13. Jh. nachgewiesen. Die Charakterzüge des byzantinischen Kaisers treten in der politischen Tätigkeit von Roman Mstislawitsch und seiner Nachkommen klar hervor. Das zeigte sich vor allem in den Versuchen, eigene Machtbefugnisse entsprechend den Vorstellungen von der Basileusmacht zu erweitern, in den Bischofsinvestituransprüchen, in der Wahl der Mittel des politischen Kampfes.

Seit Romans Mstislawitsch Zeit sorgten die Fürsten von Halytsch-Wolhynien ständig für die Sakralisierung eigener Macht durch die Ansammlung der hochverehrten christlichen Reliquien in ihren Händen. Solche Politik führten die byzantinischen Kaiser im Laufe vieler Jahrhunderte durch, die in Konstantinopel fast alle bekannten Reliquien des christlichen Ostens gesammelt hatten. Nach der Ausplünderung der byzantinischen Hauptstadt durch die Kreuzfahrer im Jahre 1204 fiel vielen europäischen Monarchen der Gedanke der Imperiumsverlegung (translationimperii) durch die Erwerbung und Umstellung der Konstantinopelreliquien in ihre Hauptstädte ein. Lange Jahrhunderte setzten später die Moskauer Fürsten und Zaren diese Praxis fort.

Научное издание
STUDIORUM SLAVICORUM ORBIS
Серия основана в 2011 году
Выпуск 1

Александр Вячеславович Майоров

**«Русь, Византия и Западная Европа.
Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв.»**

Редактор М. Е. Устинов
Корректор Е. А. Гольдич
Компьютерная верстка В. В. Матвеев

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 19.07.2011
Формат 70×100/16. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 48,2. Печ. л. 50
Тираж 1000 экз. Заказ 3877
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Заказы посылать по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
E-mail: info@dbulanin.ru (офис)
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
http://www.dbulanin.ru